

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертации на соискание ученой степени доктора и кандидата наук

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕОРЕТИКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ПРАВОВЫЕ НАУКИ

Арзамасов Ю.Г., Арзамасов В.Ю. Коллизии норм права как вид юридических конфликтов: понятие; классификация; способы предотвращения	6
Веприцкий А.Г. Роль и значение категории «субъект права» в российской правовой системе.....	12
Гаркуша В.Р. Процессы цифровой трансформации в праве как факторы детерминации нормотворчества и правоприменения.....	16
Григорьев А.А. Черчилль и символическая архитектура государства: риторика, образы и правовая идентичность в условиях войны и мира	24
Карева А.В. Особенности антикоррупционной политики в российской империи в XVIII – начале XX вв....	31
Коньков И.А. Источники права и формирование правосознания народов в этноконфессиональной структуре Российской империи (XIX – начало XX века)	37
Моисеев И.А. Рецепция византийского права в Московской Руси: теоретические концепции и практика правоприменения.....	43
Толоконников С.И. Автоматизация и цифровые платформы в международных морских перевозках: перспективы развития электронных коносаментов и портовой логистики.....	46
ПУБЛИЧНО-ПРАВОВЫЕ (ГОСУДАРСТВЕННО-ПРАВОВЫЕ) НАУКИ	
Адыгезалова Г.Э., Жинкин С.А. О критериях прогресса элементов правовой системы в современной России.....	52
Жинкин С.А., Жбырь О.Н. О видах эффективности государственной деятельности.....	55
Ильин И.М. Социальные права как конституционно-правовой императив для проведения государством социально-ориентированной, ответственной бюджетно-правовой политики и выполнения им своих социальных обязательств.....	58
Иордан Т.А. Правовые инструменты мониторинга реализации муниципальных стратегий социально-экономического развития	64
Каландаришвили З.Н., Лисицын Д.В. Воспитание личности социальными ценностями русского народа как потенциал формирования конституционной культуры68	

Учредитель: ООО «Издательство КНОРУС»

Свидетельство о регистрации СМИ
ПИ № ФС 77-74313 выдано 23.11.2018
ISSN 2220-5500

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
E-mail: jurscience@mail.ru Сайт: www.jurnauka.ru

Главный редактор: **Кашкин Сергей Юрьевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой интеграционного и европейского права, Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина

Заместитель главного редактора: **Коровяковский Денис Геннадьевич**, доктор педагогических наук, кандидат юридических наук, доцент, Российской таможенная академия; доцент кафедры Института макроэкономических исследований, старший научный сотрудник Совета Института макроэкономических исследований, Всероссийская академия внешней торговли

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ:

Ашмарина Елена Михайловна, доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой правового обеспечения экономической деятельности Российского государственного университета правосудия; **Багреева Елена Геннадиевна**, доктор юридических наук, профессор, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Барабанова Светлана Васильевна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры инновационного предпринимательства, права и финансового менеджмента, Казанский национальный исследовательский технологический университет; **Бирюков Павел Николаевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и евразийского права юридического факультета, Воронежский государственный университет; **Галушкин Александр Александрович**, кандидат юридических наук, доцент, первый проректор – проректор по научной работе АНО «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина», академик РАЕН; **Казачкова Земфира Мухарбиевна**, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и финансового права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Калининченко Пауль Алексеевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Кожанков Антон Юрьевич**, кандидат юридических наук, доцент кафедры «Торговое дело и торговое регулирование», Московский государственный институт международных отношений (университет); **Липатов Эдуард Георгиевич**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Липски Станислав Андреевич**, доктор экономических наук, доцент, заведующий кафедрой земельного права ФГБОУ ВО «Государственный университет по землеустройству»; **Малько Александр Васильевич**, доктор юридических наук, профессор, Поволжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции; **Мамитова Наталия Викторовна**, доктор юридических наук, профессор кафедры государственного управления, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, профессор кафедры публичного права, МГИМО; **Махтаев Махтай Шапиевич**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова; **Мещерякова Ольга Михайловна**, доктор юридических наук, профессор кафедры международных права, Российский университет дружбы народов; **Панченко Владислав Юрьевич**, доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории, истории государства и права, Всероссийский государственный университет юстиции; **Рузакова Ольга Александровна**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет); **Сангаджиев Багдад Владимирович**, доктор юридических наук, доцент, заместитель заведующего кафедрой судебной власти, правоохранительной и правозащитной деятельности Юридического института ФГАОУ ВО «Российский университет дружбы народов», профессор РАО; **Степанян Армен Жоресович**, кандидат юридических наук, доцент, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Цареградская Юлия Константиновна**, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры Финансового права, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чаннов Сергей Евгеньевич**, доктор юридических наук, профессор, Саратовская государственная юридическая академия; заведующий кафедрой служебного и трудового права, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Четвериков Артем Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный юридический университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА); **Чихладзе Леван Теймуразович**, доктор юридических наук, профессор, Российский университет дружбы народов, профессор кафедры юриспруденции, МГУУ Правительства Москвы, Университет Правительства Москвы; **Шохин Сергей Олегович**, доктор юридических наук, профессор, Московский государственный институт международных отношений (университет), академик РАЕН и РАЮН; **Шукина Татьяна Владимировна**, доктор юридических наук, доцент, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Павликов Сергей Герасимович**, доктор юридических наук, профессор кафедры правового регулирования экономической деятельности, Финансовый университет при Правительстве РФ; **Скитович Виктор Викторович**, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры государственно-правовых и уголовно-правовых дисциплин, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова»; **Шагеева Розалина Васильевна**, доктор юридических наук, профессор, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ; **Джиджодия Пауль Сергеевич**, доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права, Российский новый университет; **Стойко Николай Геннадьевич**, доктор юридических наук, профессор кафедры уголовного процесса и криминалистики, Санкт-Петербургский государственный университет

Отпечатано в типографии ООО «Издательство «КноРус»,
117218, Москва, ул. Кедрова, д. 14, корп. 2
Тираж 300 экз. Формат А4. Подписано в печать: 30.07.2025

Цена свободная

Все материалы, публикуемые в журнале, подлежат внутреннему и внешнему рецензированию

Издание не подлежит маркировке согласно п. 2 ст. 1 Федерального закона от 29.12.2010 № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию»

<i>Лимонов П.В.</i> Демпинг и антиконкурентные соглашения как формы недобросовестной конкуренции дезорганизационного характера	70
<i>Климович Е.В.</i> Административно-правовой статус субъектов производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, возбужденным по материалам автоматической фиксации	75
<i>Костин И.А., Елистратов В.Н.</i> Проблемные аспекты, возникающие при рассмотрении споров по земельным участкам, в гражданском и административном судопроизводстве	81
<i>Лимонов П.В.</i> Деятельность ФАС России по противодействию недобросовестной конкуренции на цифровых рынках	87
<i>Кузякин Ю.П., Мухин А.И.</i> Роль органов внутренних дел в обеспечении прав и законных интересов граждан Российской Федерации	92
<i>Негодуйко В.Ю., Курылев Д.С., Лобаев И.А., Плешаков В.В., Романчук Н.Н.</i> Административная ответственность лиц, осуществляющих проектирование средств обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений, которые введены в эксплуатацию	96
<i>Степанян А.Л.</i> Эволюция национального законодательства в области регулирования цифровых финансовых активов	102
<i>Ткаченко А.П.</i> Соотношение института субсидиарной ответственности и института убытков в делах о несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций	108
<i>Чернобровкина Е.Б.</i> Правовое регулирование цифровизации финансового рынка и развития платежной инфраструктуры как направления обеспечения финансового суверенитета	112
<i>Шитова Е.Л.</i> Использование искусственного интеллекта в деятельности прокурора по контролю за соответствием расходов доходам лиц, замещающих государственные должности	117

ЧАСТНО-ПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ

<i>Бакаев Д.А.</i> Цифровые активы: правовое регулирование рынка криптовалют	122
<i>Белоусов В.Н.</i> Иск об освобождении имущества от наложения ареста (исключения его из описи) как вещно-правовой способ защиты права собственности	128
<i>Дмитриева О.В., Солнцева М.Е.</i> Трансграничное усыновление: материально-правовой и процессуальный аспекты	133
<i>Царегородцев А.В., Елин В.М., Каримов А.К.</i> Цифровой рубль в России: на стыке права и технологий	140

<i>Жильцов К.А.</i> Отдельные аспекты возмещения убытков за утрату шанса по праву Франции	145
<i>Зуева К.А.</i> Проблемы правового регулирования платформенной занятости как нетипичной формы трудовой деятельности в РФ	149
<i>Клименко Е.А.</i> Особенности взаимодействия таможенного представителя с таможенными органами	155
<i>Красильников А.А.</i> Понятие и сущность частноправовых отношений в водном праве	158
<i>Крупина К.Д., Найденов К.Д., Пельменева У.В.</i> Маркетплейсы в контексте антимонопольного регулирования	164
<i>Левкин П.Н.</i> Судебная защита прав сторон договора энергоснабжения	168
<i>Ляужев А.А.</i> Проблемы совершенствования правового регулирования преддоговорной ответственности в гражданских правоотношениях в Российской Федерации	173
<i>Полубинская А.А.</i> Исключение участника как способ преодоления тупиковой ситуации в непубличном хозяйственном обществе	178
<i>Родина Л.В.</i> О правовой природе соглашения об оказании государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере	182
<i>Рыльцева Ю.М., Соколов А.Ю.</i> Теоретические и практические проблемы института увольнения по пп. «А» п. 6 ст. 81 ТК РФ	186
<i>Савельева Т.А.</i> Способы судебной защиты прав заемщика при неисполнении банком обязательства по выдаче кредита (транша)	189
<i>Семкина А.С.</i> Значение дополнительных прав участника хозяйственного общества в корпоративных правоотношениях и отношениях контроля: правовая природа, фиксация и реализация ...	197
<i>Суворов А.П.</i> Пределы законного использования криптовалют: опыт России и ведущих иностранных юрисдикций	201
<i>Ткаченко А.П.</i> Правовые основания для признания контролирующим лицом должника (кредитной организации)	209
<i>Шестерякова И.В., Морозов П.Е.</i> Трудовой комплаенс и предмет трудового права	213

УГОЛОВНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Агафонов А.В.</i> Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте: особенности фиксации обязательных признаков субъекта преступления	220
<i>Астахова К.А.</i> Прекращение уголовного преследования в отношении субъектов предпринимательской деятельности: коллизии законодательства и пути их разрешения	226

<i>Белоусов А.А., Сильченко Е.В.</i> Пути совершенствования привлечения виновных лиц к ответственности за налоговые преступления	230
<i>Дорошенко Д.В.</i> Социально-правовая обусловленность криминализации рейдерства в современных условиях: общественная опасность.....	237
<i>Зацепин М.Н., Зацепин А.М.</i> Безопасность предпринимательской деятельности в уголовном праве: криминологический аспект.....	243
<i>Крюков А.В.</i> К вопросу о пределах необходимой обороны для женщин	247
<i>Мизиренкова Е.В.</i> Правовые и практические аспекты применения генеральным секретариатом статьи 2 устава Интерпола	250
<i>Нестеренко С.Е., Хмельницкая Т.В.</i> Психологические особенности и тактические приемы допроса при расследовании террористических актов	254
<i>Плигина А.И.</i> Критерии достаточности доказательств для устранения судом сомнений и неясностей на стадии исполнения приговора	259
<i>Сонина М.С.</i> Значение реабилитации несовершеннолетних осужденных в России: пути и перспективы адаптации после отбывания наказания ..	264
<i>Софьин М.А.</i> Порядок привлечения осужденных к труду в местах лишения свободы	270
<i>Тихонов В.И.</i> К вопросу о реализации принципа справедливости наказания в учете смягчающих обстоятельств на современном этапе развития российского уголовного законодательства	278
<i>Нестеренко С.Е., Хмельницкая Т.В.</i> Особенности правового режима контртеррористической операции	285

МЕЖДУНАРОДНО-ПРАВОВЫЕ НАУКИ

<i>Абдуллаев Э.Э.</i> Проблемные аспекты трудовой миграции в странах БРИКС и организационного – правовые основы их решения.....	289
<i>Рыбаков Н.С.</i> Принципы построения новой международной архитектуры защиты прав человека	296
<i>Старков К.А., Тронина Е.Г.</i> Сравнительно-правовая характеристика института коллективного главы государства в Андорре и Сан-Марино	303

АКТУАЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ СОВРЕМЕННОГО ПРАВОВЕЩЕСТВА

<i>Барова В.О.</i> Путь формирования современной китайской научно-технической мысли и отражение ее особенностей в научно-технической политике КНР ...	306
<i>Болдашова А.А.</i> Коллизионное регулирование отношений, возникающих между участниками международной платежной системы электронных денежных средств.....	312

<i>Верхотуров М.Е., Долматов А.О.</i> Наследование прав на объекты промышленной собственности: особенности регулирования.....	319
<i>Гольман С.В.</i> Качество судебной деятельности и судебная нагрузка: прикладные и методологические аспекты	325
<i>Залиханова Л.И., Шогенова Ф.О.</i> Выявление и ликвидация источников и каналов финансирования экстремистской и террористической деятельности.....	330
<i>Кулешов Н.С.</i> Перспективы развития частноправовых и публично-правовых средств в регулировании трансграничных расчетных операций в России	333
<i>Мазуренко А.П., Хацко Д.С.</i> К вопросу о понятии недвижимости	339
<i>Махьянова Р.М.</i> Проблемы тактического обеспечения прокурорских проверок.....	345
<i>Медведев Д.П., Шестеряков И.А.</i> Проблемы правового регулирования агрегаторов в сфере защиты прав потребителей	349
<i>Минеев М.А.</i> Научно-консультативные заключения как форма использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве.....	353
<i>Семкина А.С.</i> Классификация форм корпоративного контроля	356
<i>Ставцев Д.И., Соколов Н.М.</i> Процессуальные последствия отсутствия письменного и аудио-протокола в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве	361
<i>Тараканов О.Н.</i> Лоббизм и зеленая экономика в Нидерландах: реальные цели	366
<i>Ткаченко А.В.</i> Проблемы преподавания базовых категорий теории государства и права в условиях изменения социально-политических реалий.....	376
<i>Федорин В.Е.</i> Понятие и содержание категорий «объективность» и «беспристрастность» в уголовном судопроизводстве.....	381
<i>Хабдулин А.Б.</i> Административно-правовые меры стимулирования трудовой миграции и социокультурной адаптации мигрантов в Республике Казахстан.....	386
<i>Хмара Д.И.</i> Гражданско-правовая квалификация профессиональной деятельности самозанятых граждан: предпринимательские и трудовые аспекты	393
<i>Щепотин А.В.</i> Особенности цифровизации правоприменительной деятельности в государствах англо-американской правовой семьи.....	398
<i>Хабдулин А.Б.</i> Трудовая миграция как объект государственного управления: административно-правовые аспекты	404

TABLE OF CONTENTS

THEORETICAL AND HISTORICAL LEGAL SCIENCES

<i>Arzamasov Y.G., Arzamasov V.Y.</i> Collisions of legal norms as a type of legal conflicts: concept; classification; methods of prevention.....	6
<i>Vepritsky A.G.</i> The role and significance of the category “subject of law” in the Russian legal system	12
<i>Garkusha V.R.</i> The processes of digital transformation in law as factors determining rulemaking and law enforcement.....	16
<i>Grigoryev A.A.</i> Churchill and the Symbolic Architecture of the State: Rhetoric, Imagery, and Legal Identity in Times of War and Peace	24
<i>Kareva A.V.</i> Features of anti-corruption policy in the Russian empire in the XVIII – early XX centuries	31
<i>Kon'kov I.A.</i> Legal Sources and the Formation of Legal Consciousness among the Peoples in the Ethno-Confessional Structure of the Russian Empire (19th – Early 20th Century)	37
<i>Moiseev I.A.</i> Reception of byzantine law in Moscow Russia: theoretical concepts and practice of law enforcement.....	43
<i>Tolokonnikov S.I.</i> Automation and Digital Platforms in International Maritime Transport: Prospects for the Development of Electronic Bills of Lading and Port Logistics	46

PUBLIC LAW (STATE LEGAL) SCIENCES

<i>Adygezalova G.E., Zhinkin S.A.</i> On the criteria for the progress of elements of the legal system in modern Russia.....	52
<i>Zhinkin S.A., Zhbyr O.N.</i> On the types of efficiency of state activity.....	55
<i>Ilyin I.M.</i> Social rights as a constitutional and legal imperative for the state to pursue socially-oriented, responsible budgetary and legal policies and fulfill its social obligations	58
<i>Jordan T.A.</i> Legal instruments for monitoring the implementation of municipal strategies for socio-economic development.....	64
<i>Kalandarishvili Z.N., Lisicyn D.V.</i> Personal development based on the social values of the Russian people as a potential for the formation of constitutional culture	68
<i>Limonov P.V.</i> Dumping and anti-competitive agreements as forms of unfair competition of a disruptive nature	70
<i>Klimovich E.V.</i> Administrative and legal status of subjects of proceedings on cases of administrative offenses in the field of road traffic initiated on the basis of materials of automatic fixation	75
<i>Kostin I.A., Elistratov V.N.</i> Problematic aspects that arise during consideration of disputes on land plots, in civil and administrative proceedings.....	81
<i>Limonov P.V.</i> Activities of the Federal antimonopoly service of Russia in countering unfair competition in digital markets	87

<i>Kuzyakin Yu., Mukhin A.</i> The role of internal affairs bodies in ensuring the rights and legitimate interests of citizens of the Russian Federation	92
<i>Negoduyko V.Yu., Kurylev D.S., Lobaev I.A., Pleshakov V. VI., Romanchuk N.N.</i> Administrative responsibility of persons designing fire safety means for buildings and structures put into operation.....	96
<i>Stepanian A.L.</i> Evolution of national legislation in the field of regulation of digital financial assets.....	102
<i>Tkachenko A.P.</i> The Interrelation between the Institute of Subsidiary Liability and the Institute of Damages in Insolvency (Bankruptcy) Cases of Credit Institutions.....	108
<i>Chernobrovkina E.B.</i> Legal regulation of digitalization of the financial market and development of payment infrastructure as a way to ensure financial sovereignty	112
<i>Shitova E.L.</i> The use of artificial intelligence technologies in the prosecutor's oversight of income and asset declarations of public officials	117

PRIVATE LEGAL (CIVILITY) SCIENCES

<i>Bakaev D.A.</i> , Digital Assets: Legal Regulation of the Cryptocurrency Market	122
<i>Belousov V.N.</i> A claim for the release of property from seizure (its exclusion from the inventory) as a property-law method of protecting property rights	128
<i>Dmitrieva O.V., Solntseva M.E.</i> Cross-border adoption: substantive and procedural aspects.....	133
<i>Tsaregorodtsev A.V., Elin V.M., Karimov A.K.</i> Digital ruble in Russia: at the intersection of law and technology.....	140
<i>Zhiltsov K.A.</i> Compensation for a loss of chance in french law: brief introduction	145
<i>Zueva K.A.</i> Problems of legal regulation of platform employment as an atypical form of labor activity in the Russian Federation	149
<i>Klimenko E.A.</i> Features of interaction tamzhennogo representativa with customs bodies	155
<i>Krasilnikov A.A.</i> The concept and essence of private law relations in water law	158
<i>Krupina K.D., Naydenov K.D., Pelmeneva U.V.</i> Marketplaces in the context of antimonopoly regulation	164
<i>Levkina P.N.</i> Judicial protection of the rights of the parties to the energy supply agreement.....	168
<i>Lyauzhev A.A.</i> Problems of improving the legal regulation of pre-contractual liability in civil relations in the Russian Federation.....	173
<i>Polubinskaya A.A.</i> Exclusion of a participant as a way to overcome a deadlock situation in a non-public business society	178
<i>Rodina L.V.</i> On the legal nature of the agreement on the provision of state (municipal) social services.....	182
<i>Ryltseva Yu.M., Sokolov A.Yu.</i> Theoretical and practical problems of the institution of dismissal under par. «A» p. 6 art. 81 Labor code of the Russian Federation	186

<i>Savelieva T.A.</i> Methods of judicial protection of the borrower's rights in case of non-fulfillment by the bank of the obligation to issue a loan (tranche).....	189
<i>Semkina A.S.</i> The importance of additional rights of a member in a business entity in corporate and control relations: legal nature, fixation and implementation	197
<i>Suvorov A.P.</i> Limits to the Legal Use of Cryptocurrencies: Experience of Russia and Leading Foreign Jurisdictions	201
<i>Tkachenko A.P.</i> Legal Grounds for Classifying a Person as Controlling the Debtor (Credit Institution)	209
<i>Shesteryakova I.V., Morozov P.E.</i> Labor Compliance and the Subject Matter of Labor Law.....	213

CRIMINAL LEGAL SCIENCES

<i>Agafonov A.V.</i> Inducing an athlete to use substances and (or) methods prohibited for use in sports: features of recording mandatory signs of the subject of a crime.....	220
<i>Astakhova K.A.</i> Termination of criminal prosecution against business entities: conflicts of legislation and ways to resolve them	226
<i>Belousov A.A., Silchenko E.V.</i> Ways to improve the process of bringing guilty persons to justice for tax crimes.....	230
<i>Doroshenko D.V.</i> Socio-legal grounds for the criminalization of corporate raiding in contemporary conditions: social dangerousness.....	237
<i>Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.</i> Business security in criminal law: criminological aspect.....	243
<i>Kryukov A.W.</i> On the limits of necessary defense for women.....	247
<i>Mizirenkova E.V.</i> Legal and practical aspects of the application of article 2 of the interpol constitution by the general secretariat	250
<i>Nesterenko S.E., Khmel'nitskaya T.V.</i> Psychological features and tactical methods of interrogation during the investigation of terrorist acts	254
<i>Pligina A.I.</i> Criteria for the sufficiency of evidence to eliminate doubts and ambiguities at the stage of sentence execution	259
<i>Sonina M.S.</i> The Importance of Rehabilitation of Juvenile Convicts in Russia: Paths and Prospects for Adaptation after Serving a Sentence.....	264
<i>Volkov V.P.</i> New approaches to heart organometry	270
<i>Tikhonov V.I.</i> , On the implementation of the principle of justice in punishment, taking into account the excusing circumstances at the present stage of development of Russian criminal law	278
<i>Nesterenko S.E., Khmel'nitskaya T.V.</i> Features of the legal regime of the counter-terrorism operation	285

INTERNATIONAL LEGAL SCIENCES

<i>Abdullaev E.</i> Segmentation of labor migration problems in BRICS countries and organizational – legal basis for their solution.....	289
<i>Rybakov N.S.</i> Principles of building a new international architecture of human rights protection.....	296

<i>Starkov K.A., Tronina E.G.</i> Comparative legal characteristics of the Institute of the Collective Head of State in Andorra and San Marino	303

CURRENT ISSUES OF MODERN LAW-MAKING

<i>Barova Valeria Olegovna</i>	306
The way of formation of modern Chinese scientific and technical thought and reflection of its features in the scientific and technical policy of the people's republic of China.....	306
<i>Boldashova A.A.</i> Conflict regulation of relations arising between participants of the international payment system of electronic money	312
<i>Verkhoturov M.E., Dolmatov A.O.</i> Inheritance of rights to industrial property objects: Features of regulation.....	319
<i>Golman S.V.</i> Quality of judicial activity and judicial workload: applied and methodological aspects	325
<i>Zalikhanova L.I., Shogenova F.O.</i> Identification and Elimination of Sources and Channels of Financing Extremist and Terrorist Activities	330
<i>Kuleshov N.S.</i> Prospects for the development of private and public legal means in regulating cross-border settlement operations in Russia.....	333
<i>Mazurenko A.P., Hatsko D.S.</i> On the issue of the concept of real estate	339
<i>Makhyanova R.M.</i> Problems of tactical support of prosecutorial inspections.....	345
<i>Medvedev D.P., Shesteryakov I.A.</i> Problems of legal regulation of aggregators in the field of protection of consumer rights.....	349
<i>Mineev M.A.</i> Scientific Advisory Opinions as a Form of Using Specialized Knowledge in Criminal Proceedings	353
<i>Semkina A.S.</i> Classification of forms of corporate control	356
<i>Stavtsev D.I., Sokolov N.M.</i> Procedural consequences of the absence of a written and audio record in civil, arbitration and administrative proceedings.....	361
<i>Tarakanov O.N.</i> Lobbyism and green economy in the Netherlands: real goals.	366
<i>Tkachenko A.V.</i> Problems of teaching basic categories of the theory of state and law in the context of changing socio-political realities.....	376
<i>Fedorin V.E.</i> The concept and content of the categories of "objectivity" and "impartiality" in criminal proceedings	381
<i>Khabdulin A.B.</i> Administrative and legal measures to stimulate labor migration and socio-cultural adaptation of migrants in the Republic of Kazakhstan.....	386
<i>Khmara D.I.</i> Civil law qualification of the professional activities of self-employed citizens: entrepreneurial and labor aspects	393
<i>Schepotin A.V.</i> Features of digitalization of law enforcement activities in the states of the Anglo-American legal family	398
<i>Khabdulin A.B.</i> Labor migration as an object of public administration: administrative and legal aspects	404

Коллизии норм права как вид юридических конфликтов: понятие; классификация; способы предотвращения

Арзамасов Юрий Геннадьевич,

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры публичного и международно-правового обеспечения национальной безопасности Российского государственного университета нефти и газа (национального исследовательского университета) имени И.М. Губкина
E-mail: mikheeva.i@gubkin.ru

Арзамасов Владислав Юрьевич,

кандидат юридических наук, доцент кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия имени В.М. Лебедева
E-mail: arzamasov.vladislav@gmail.com

Предметом исследования выступают коллизии норм права. Целью статьи было их рассмотрение не с «узких» позиций, а с применением комплексного метода, включающего исследование с точки зрения юридической конфликтологии. Были исследованы классификации видов коллизий норм права и соотношение понятий «правовой конфликт» и «правовая коллизия», в результате чего сделан вывод, что конфликт является крайней формой коллизии норм права. Предложена научная дефиниция, согласно которой коллизия норм права является либо ярко выраженным, либо еле просматривающимся правовым столкновением, определенным конфликтом между двумя и более нормами права, направленными на регулирование одних и тех же общественных отношений. Предложено способы борьбы с коллизиями подразделить на способы предотвращения коллизий и способы их разрешения. Выделены и проанализированы способы предотвращения коллизий норм права.

Ключевые слова: коллизии норм права, юридическая конфликтология, правовой конфликт, правовая коллизия, кодифицированные акты, законодательство.

В современных условиях развития правовой системы России, мы отчетливо наблюдаем тренд не на принятие новых базовых кодифицированных актов, направленных на регуляцию наиболее важных сфер жизни нашего социума, хотя и это имеет место быть (например, в Государственную Думу внесен проект нового КоАП РФ), а на принятие законов, вносящих определенные изменения дополнения в действующие кодексы. Обращение к законодательной статистике показывает, что только в 2023 г. изменения в КоАП РФ вносились 49 раз, а в 2024 г. в КоАП РФ было внесено 37 изменений. При этом в УК РФ изменения вносились в 2023 г. 20 раз, а в 2024 г. 19 раз.

Председатель Госдумы Вячеслав Володин на заключительном заседании осенней сессии сообщил, что за 2024 г. было принято 564 федеральных закона¹. Между тем, половина внесенных в Совет Государственной Думы законопроектов не была принята.

Проведенный анализ показал, что на сегодняшний день наблюдается хоть и небольшое, но увеличение принимаемых федеральным парламентом законов. Такая тенденция имеет не только определенные содержательные положительные моменты, но и негативные, связанные с законодательной техникой. Статистика показывает, что с 2017–2021 гг. в КоАП РФ не вносились изменения самое большое 10 дней, в НК РФ 13 дней, а в УПК РФ 25 дней. В итоге, период стабильности действия законов, то есть когда они действуют без внесения в них поправок и различных изменений, составляет считанные дни, что является просто недопустимым, как с точки зрения теории законности², так и теории правового государства³, согласно кото-

¹ Госдума за 2024 год приняла 564 закона // Интерфакс. <https://www.interfax.ru/russia/998328>

² См.: Вопленко Н.Н. Теоретические проблемы режима законности в применении норм социалистического права: Дис. ... докт. юрид. наук. – Волгоград, 1983; Витрук Н.В. Лекция 23. Законность: понятие, защита и обеспечение // Общая теория права. Курс лекций / Под ред. В.К. Бабаева. Нижний Новгород, 1993. С. 513–539; Афанасьев В.С. Тема 16. Законность и правопорядок // Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – М., 1994. С. 180–192; Краснов И.А. Понятие законности в современном обществе // Юридический аналитический журнал. – Издательство «Самарский университет», 2005. № 3–4. С. 149–163.

³ В последнее время стал доминировать подход рассмотрения теории правового государства совместно с теоретическими и эмпирическими проблемами гражданского общества, см.: Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество: (теоретико-правовое исследование): учебное пособие. – М.: Проспект, 2014; Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015.

рой основной формой права должен быть правовой закон¹. Такая юридикация приводит не только к необходимому упорядочению общественных отношений, но и к различным правовым дефектам, как технико-юридического характера, так и содержательного, что на практике просто усложняет правовое регулирование.

Посмотрим в этой связи официальные статистические данные. Так, например, в 2017–2018 гг. Минюст России на своем официальном сайте размещал Отчет о состоянии регистра нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации, из анализа которого стало ясно, что увеличение количества нормативных правовых актов не в лучшую сторону отражается на качестве, а потом и на эффективности нормативных правовых актов субъектов Федерации. Например, только в Центральном федеральном округе из 161945 нормативных правовых актов федеральному законодательству не соответствовало 80008 актов – практически половина².

Однако на практике не все было так печально. Осуществление ревизии нормативного материала посредством проведения «регуляторной экспертизы» несколько улучшило положение дел, но до сих пор наше законодательство изобилует такими дефектами, как коллизии норм права, иными словами, определенными нормативными противоречиями, которые не просто по-разному трактуют порядок осуществления правовых действия, а которые реально затрудняют действие механизма правового регулирования, как взятого в системном единстве средств результативного воздействия на значимые в современном социуме общественные отношения.

При этом коллизии норм права следует трактовать, не только в «узком» смысле слова, как определенный дефект нормативного правового акта, либо модели правового регулирования, когда речь идет о противоречиях в разных нормативных правовых актах, но и в «широком» смысле, как определенный вид юридического конфликта, а значит и как раздел зарождающейся в современных условиях науки – конфликтологии. Ярким примером здесь могут служить научные и учебные работы А.В. Дмитриева и В.Н. Кудрявцева³, В.П. Сальникова и Р.А. Ромашова⁴, А.К. Жаровой⁵ и др.

¹ См.: Колкарева И.Н. Проблемы теории правового закона и правовой законности: Дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2002; Нерсисян В.С. Право и правовой закон. Становление и развитие: монография. 2009.

² URL: <http://minjust.ru/ru/2017/svedeniya-osostoyanii-federalnogo-registra-normativnyh-pravovykh-aktov-subektov-rossiyskoy> (дата обращения: 29.06.2022).

³ См.: Введение в общую теорию конфликтов: Юридическая конфликтология. Монография. Ч. 1 / Дмитриев А.В., Кудрявцев С.В., Кудрявцев В.Н.; Отв. ред.: Кудрявцев В.Н. – М.: ИНИОН РАН, 1993.

⁴ См.: Право и общество: от конфликта к консенсусу: монография / под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. СПб., 2004.

⁵ См.: Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере: монография. – М., 2016.

На сегодняшний день мы уже четко видим просматривающуюся «дифференциацию научных знаний, т.е. процесс формирования из определенных научных направлений практически самостоятельных юридических наук прикладного характера» как для общей теории права и государства, так и для отраслевых юридических наук, но основанных на понятийном аппарате общей теории права⁶. И в этом нет ничего негативного, поскольку все юридические науки, даже науки криминалистического направления, должны всегда опираться на положения, понятия и выводы общей теории права и государства. В этом отношении справедливо будет заявить о том, что уже начался процесс формирования правовой герменевтики – специальной науки о толковании норм права (представители Ю.Ю. Ветютнев, Н.Н. Вопленко и др.).

Особое место среди прикладных юридических наук занимает также нормография – теория и технология нормотворчества, наука прикладного характера как для общей теории права и государства, так и для отраслевых наук⁷, предметом которой являются не только технологии нормотворчества, правила, приемы и средства нормотворческой юридической техники, но и несоблюдение этих правил в форме пробелов, коллизий и других дефектов.

Конфликты в праве и связанные с правом имеют, как видовое разнообразие, так и различные детерминанты. При чем перечень таких конфликтов довольно внушительный. В него следует включать различные конфликты, например, между непризнанными государствами и государствами, от которых они отделились (Абхазия и Грузия, Приднестровская Молдавская Республика (Приднестровье) и Молдова). Традиционно криминологи сюда включают также конфликты между преступниками и их жертвами. Административисты рассматривают уже конфликты иной природы, например, широкое распространение имеют конфликты между нарушителями Правил дорожного движения и сотрудниками ГАИ. На государственной и муниципальной службе не редкостью являются «конфликты интересов». Согласно ст. 10 ФЗ «О противодействии коррупции» от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ под конфликтами интересов «понимается ситуация, при которой личная заинтересованность (прямая или косвенная) лица, замещающего должность, замещение которой предусматривает обязанность принимать меры по предотвращению и урегулированию конфликта интересов, влияет или может повлиять на надлежащее, объективное и беспристрастное исполнение им должностных

⁶ Арзамасов Ю.Г. Тенденции развития юридических наук. Становление новой науки – нормографии // Государство и право. 2007. № 10. С. 101–104.

⁷ См.: Арзамасов Ю.Г. Тенденции развития юридических наук. Становление новой науки – нормографии // Государство и право. 2007. № 10. С. 101–104; Нормография: теория и технология нормотворчества / под общ. ред.: Ю.Г. Арзамасов. – М.: Юрайт, 2-е изд., 2020.

(служебных) обязанностей (осуществление полномочий)»¹.

Профессор Н.И. Матузов в свое время выделил следующие виды коллизий: коллизии между нормативным актом и отдельной правовой нормой; коллизии в правотворчестве (бессистемность, дублирование, издание взаимоисключающих актов); коллизии в правоприменении, коллизии полномочий и статусов государственных органов и должностных лиц, коллизии целей нормативных актов; коллизии между национальным и международным правом².

Однако практически все виды перечисленных коллизий можно исследовать и с позиции юридической конфликтологии. Например, коллизия в правоприменении между преступником и жертвой разве не является правовым конфликтом? Или коллизии между национальным и международным правом разве не могут привести в серьезным международным конфликтам? Очевидно, могут!

Таким образом, мы можем утверждать, что на сегодняшний день коллизии исследованы, главным образом, с позиции общей теории права и государства, поэтому для полноты представленной картины они нуждаются в исследованиях и с точки зрения юридической конфликтологии, поскольку здесь имеется широкое исследовательское поле, как в плане классификации коллизий, выработке их превентивных мер, так и в самом осмыслении соотношения понятий «правовой конфликт» и «правовая коллизия».

Говоря о соотношении понятий «правовой конфликт» и «правовая коллизия», считаем необходимым заметить, что конфликт как таковой – это абсолютно крайняя форма коллизии права. При этом нас успокаивает мысль о том, что не каждая юридическая коллизия способна привести к конкретному юридическому конфликту. Дойдет ли коллизия до своей кульминации в форме конфликта зависит от целого ряда детерминантов, а не только от выбранных и оптимальных, как с точки зрения законодателей, так и экспертов, моделей правового регулирования.

Д.С. Милинчук в своем диссертационном исследовании коллизионное право называет частью юридической конфликтологии. В связи с этим она рассматривала коллизионное право, не только как межотраслевой институт российского права, но и как раздел направления под названием юридическая (правовая) конфликтология³.

Говоря о коллизиях, как виде правового конфликта, необходимо заметить, что исследование коллизий целесообразно проводить, как на отраслевом, так и на межотраслевом уровне. Например, в ст. 8.28 КоАП РФ предусмотрена административная ответственность, помимо незаконной

рубки и повреждения лесных насаждений, также и за «самовольное выкапывание в лесах деревьев, кустарников и лиан». Аналог данной статьи, регламентирующий уголовную ответственность за незаконную рубку лесных насаждений, есть и в УК РФ, это статья 260 «Незаконная рубка лесных насаждений». При этом отличается данная статья от ст. 8.28 КоАП РФ, главным образом, только значительным ущербом.

Между тем, в ст. 260 УК РФ ничего не сказано о выкапывании лесных насаждений. На первый взгляд может показаться, что деяния, связанные с самовольным выкапыванием лесных насаждений подпадают под действие статьи 158 УК РФ, т.е. под кражу. Однако под кражей понимается исключительно тайное хищение чужого имущества. Это не позволяет правоприменителям (следователям, судьям) квалифицировать действия, связанные с выкапыванием лесных насаждений при строительстве коттеджей, дорог и других объектов, исключительно, как кражу. Таким образом, мы видим здесь коллизию, между нормой, закрепленной в ст. 8.28 КоАП РФ и нормой, закрепленной в ст. 260 УК РФ, т.е. коллизию норм права между различными нормативными правовыми актами.

С точки зрения классификации, данную коллизию, с одной стороны, следует называть межотраслевой, а с другой, определенным примером нормативного конфликта. При этом конфликт между данными нормами права является не крайней формой юридического конфликта, можно даже сказать «вялотекущим» конфликтом. Однако данный конфликт, вызванный пробелом в УК РФ приводит к трудностям правоприменителей, связанных с квалифицированием правонарушений.

Говоря о коллизиях норм различных актов, следует заметить, что здесь юридической наукой, главным образом общей теорией права и государства, выработаны определенные приемы преодоления и разрешения коллизий.

Однако если речь вести о коллизиях норм, закрепленных в одном нормативном правовом акте, то здесь ни отечественная, ни зарубежная наука не дает четких советов. Такое положение дел обусловлено тем, что продолжительное время под юридическими коллизиями понимали «расхождения или противоречия между отдельными нормативно-правовыми актами, регулирующими одни и те же либо смежные общественные отношения»⁴.

Между тем в последнее время стали чаще появляться коллизии норм, которые закреплены в одном нормативном правовом акте. Примерами здесь являются коллизии не только между нормами права, но и терминологические коллизии. Это, прежде всего, противоречия между терминами, содержащихся в структуре одного нормативного правового акта, то есть коллизии между нормами дефинициями, имеющими разную трактовку юридических терминов. При этом статьи-словники,

⁴ Матузов Н.И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. 2000. № 5. С. 225.

¹ Рос. газета. 30 декабря 2008.

² Матузов А.И. Актуальные проблемы теории государства и права. Саратов: Изд-во Саратов. гос. академии права, 2004. С. 210.

³ Милинчук Д.С. Коллизионное право как межотраслевой институт российского права: Дис. ... канд. юрид. наук. – М. 2018.

как показывает анализ законодательства (вторые по нумерации статьи законов, закрепляющие понятия и термины, используемые в законе), не являются исключительной превентивной мерой от таких терминологических коллизий.

Приведенные примеры только подчеркивают важность всестороннего исследования юридических коллизий, классификации их видов.

По нашему мнению, *коллизия норм права является либо ярко выраженным, либо еле просматриваемым правовым столкновением, определенным конфликтом между двумя и более нормами права, направленными на регулирование одних и тех же отношений.*

Продолжая отвечать на вопрос, является ли коллизия норм права видом юридического конфликта, следует обратиться также к анализу положений фундаментальной монографии Ю.А. Тихомирова «Юридическая коллизия». Именно в данной работе профессор называет юридический конфликт наиболее острой коллизией. Для аргументации профессор выделяет следующие признаки юридического конфликта: законная (легальная) процедура разрешения; использование доказательств в юридическом споре; наличие органа, уполномоченного разрешать конфликт; применение обязательной силы решения по данному спору как в силу достигнутого согласия, договоренности, примирения сторон, так и императивных предписаний соответствующего органа; компенсация, т.е. применение санкций и возмещение ущерба и упущенной выгоды, восстановление прежнего (нормального) юридического состояния субъектов¹.

Как видим, практически все эти признаки, правда с определенными корректировками, как например, «возмещение ущерба и упущенной выгоды» вполне можно отнести и к коллизиям норм права.

Также для полноты рассмотрения проблемы следует заметить, что в теории уголовного права, наряду с понятием «коллизии права» используют также понятие «конкуренция норм права». В этой связи представляют интерес научные работы Л.В. Иногамовой-Хегай² и Б.В. Яценко³.

Однако, на наш взгляд, указанные понятия имеют разную правовую природу. Во-первых, коллизия – это технико-юридический конфликт, а не виртуальный и не возникший в процессе правоприменения. Однако «вялотающий» конфликт между нормами права в форме правовой коллизии проявляется, главным образом, либо в процессе правоприменения, либо в процессе внутреннего, или внешнего правового мониторинга. По своей юридической природе коллизия – это недостаток нормотворческой деятельности, которая проявляется в том, что в двух и более нормах права содержится различное регулирование общественных отно-

шений. Таким образом, в данном случае коллизия норм права вполне можно назвать видом технико-юридического дефекта. Во-вторых, конкуренция – это противоречие, прежде всего, правоприменительное. При этом наша аргументация данной позиции основывается на трудах таких ученых, как А.Э. Арзуманян⁴, А.С. Еременко⁵, которые высказывали схожие мысли.

Аналогичную толчку зрения высказывал и академик В.Н. Кудрявцев, утверждая, что «о конкуренции юридических норм речь идет лишь в случаях применения закона, когда выясняется, что совершенное деяние подпадает под признаки двух или нескольких предписаний»⁶.

Проведенный анализ научных работ показал, что главной характеристикой правовых коллизий является то, что они представляют собой совершенно противоречивые варианты правовой регуляции отношений в социуме. В этой связи правы те ученые юристы, которые традиционно называют коллизии негативным явлением.

По нашему мнению, все известные и применяемые, как субъектами права в процессе нормотворческой деятельности, так правоприменителями способы борьбы с коллизиями следует подразделить на способы предотвращения возможных коллизий и способы разрешения коллизий. При этом способы разрешений коллизий также можно и нужно классифицировать на способы устранения коллизий, которые применяются в процессе нормотворчества и способы преодоления, применяемые правоприменителями.

Считаем, что предотвращение коллизий норм права возможно посредством применения следующих способов.

1. Важное значение имеет ревизия нормативного материала, которой, как правило, предшествует правовой мониторинг, или как ее еще называют «расчистка». Определенные подвижки в данном направлении уже видны. Многие субъекты Российской Федерации уже легализовали с нормам регионального законодательства данный термин⁷. Это и проведение «регуляторной гильотины», связанной с отменой большого количества актов, которые мешают развитию предпринимательства, накладывают на предпринимателей бремя непосильных налогов, проверок и т.д., а также отмена

⁴ См.: Арзуманян А.Э. Конкуренция норм российского права: Вопросы теории и практики: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009. С. 9.

⁵ См.: Еременко А.С. Применение гражданского закона. Пропедевтический очерк: монография. М.: Ваш полиграфический партнер, 2010. С. 112.

⁶ Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М., 1963. С. 252.

⁷ Распоряжение от 30 декабря 2011 г. № 160 «О ревизии ранее изданных нормативных правовых актов // Правительство Ростовской области. <https://www.donland.ru/documents/6513/> (дата обращения: 21.01.2025); Распоряжение Председателя Правительства Пермского края от 6 марта 2020 г. № 4-рпп «О проведении ревизии правовых актов Пермского края в 2020 году» // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов: <https://docs.cntd.ru/document/570768437> (дата обращения: 21.01.2025).

¹ Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия. М., 1994. С. 14.

² См.: Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права. – М.: Щит-М, 1999. С. 20.

³ См.: Яценко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1997. С. 14–15.

нормативных правовых актов СССР и РСФСР, количество которых за последние годы сократилось с 60 тыс. до 6557 актов.

Определенной проблемой здесь является то, что ревизия должна охватывать весь массив нормативных правовых актов, а не только предпринимательскую деятельность и значительно устаревшие по своему содержанию нормативные правовые акты СССР и РСФСР.

2. Унификация права – это способ предотвращения коллизий, который выражается в создании одинаковых, единообразных национальных правовых норм. При этом, унификация может быть, как внутренней (создание одинакового законодательства в субъектах одного государства), так и внешней (создание одинакового законодательства в разных государствах)¹.

3. Другим способом предотвращения коллизий является разграничение полномочий между федеральными и региональными органами государственной власти.

4. Правовую конвергенцию также можно отнести к превентивным способам предотвращения коллизий. При этом сама правовая (юридическая) конвергенция является определенным этапом, можно сказать ступенькой гармонизации права.

5. На наш взгляд, не лишним будет указать среди способов предотвращения коллизий также и имплементацию, основное значение которой заключается в закреплении в схожих правовых системах норм и принципов международного права, а также стабильных, проверенных временем норм и принципов конкретного государства для создания унифицированного демократического законодательства.

6. Другим способом устранения коллизий в праве является принятие модельных нормативных правовых актов. Модельные, а также рекомендательные акты закрепляют выбранные и предлагаемые законодателем, а также другими субъектами нормотворчества и научным сообществом определенные эталоны, модели упорядочивания общественных отношений. При этом сущность данных актов заключается в том, что, несмотря на то, что они, с одной стороны, являются правовыми, а с другой стороны, они не содержат запретов и позитивных обязываний, что говорит об их особой правовой природе.

Таким образом, можно сделать вывод, что в идеале, **предотвращение коллизий норм права – это постоянная, основанная на положениях общей теории права и государства, нормографии и юридической конфликтологии, а также на законодательной и правоприменительной практике превентивная деятельность, направленная на формирование иерархически выстроенной, взаимосвязанной и непротиворечивой системы законодательства.**

¹ Милинчук Д.С. Коллизии как одна из препятствий для создания единообразного применения норм права в России // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. 2018. № 3. С. 133–139.

Литература

1. Арзамасов Ю.Г. Тенденции развития юридических наук. Становление новой науки – нормографии // Государство и право. 2007. № 10. С. 101–104.
2. Арзуманян А.Э. Конкуренция норм российского права: Вопросы теории и практики: Автореф. дисс. ... канд. юрид. наук. – Саратов, 2009.
3. Введение в общую теорию конфликтов: Юридическая конфликтология. Монография. Ч. 1 / Дмитриев А.В., Кудрявцев С.В., Кудрявцев В.Н.; Отв. ред.: Кудрявцев В.Н. – М.: ИНИОН РАН, 1993.
4. Вопленко Н.Н. Теоретические проблемы режима законности в применении норм социалистического права: Дис. ... докт. юрид. наук. – Волгоград, 1983.
5. Еременко А.С. Применение гражданского закона. Пропедевтический очерк: монография. – М.: Ваш полиграфический партнер, 2010.
6. Жарова А.К. Право и информационные конфликты в информационно-телекоммуникационной сфере: монография. – М.: Янус-К, 2016.
7. Иногамова-Хегай Л.В. Конкуренция норм уголовного права. – М.: Щит-М, 1999.
8. Колкарева И.Н. Проблемы теории правового закона и правовой законности: Дис. ... канд. юрид. наук. – Ростов н/Д., 2002;
9. Кудрявцев В.Н. Теоретические основы квалификации преступлений. – М.: Госюриздат, 1963.
10. Марченко М.Н. Правовое государство и гражданское общество: (теоретико-правовое исследование): учебное пособие. – М.: Проспект, 2014;
11. Матузов А.И. Актуальные проблемы теории государства и права. – Саратов: Изд-во Саратов. гос. академии права, 2004.
12. Матузов Н.И. Коллизии в праве: причины, виды и способы разрешения // Правоведение. 2000. № 5. С. 225–244.
13. Милинчук Д.С. Коллизионное право как межотраслевой институт российского права: Дис. ... канд. юрид. наук. – М. 2018.
14. Нерсесян В.С. Право и правовой закон. Становление и развитие: монография. – М.: Норма, 2009.
15. Нормография: теория и технология нормотворчества / под общ. ред.: Ю.Г. Арзамасов. – М.: Юрайт, 2-е изд., 2020.
16. Общая теория права и государства: Учебник / Под ред. В.В. Лазарева. – М.: Юрист, 1994.
17. Общая теория права. Курс лекций / Под ред. В.К. Бабаева. – Н. Новгород: Нижегородская высшая школа МВД России, 1993.
18. Право и общество: от конфликта к консенсусу: монография / под ред. В.П. Сальникова, Р.А. Ромашова. СПб., 2004.

19. Раянов Ф.М. Гражданское общество и правовое государство: проблемы понимания и соотношения: монография. – М.: Юрлитинформ, 2015.
20. Тихомиров Ю.А. Юридическая коллизия. – М.: Манускрипт, 1994.
21. Яцеленко Б.В. Противоречия уголовно-правового регулирования: Автореф. дисс. ... докт. юрид. наук. – М., 1997.

COLLISIONS OF LEGAL NORMS AS A TYPE OF LEGAL CONFLICTS: CONCEPT; CLASSIFICATION; METHODS OF PREVENTION

Arzamasov Y.G., Arzamasov V.Y.

Russian State University of Oil and Gas (National Research University) named after I.M. Gubkin; Moscow State Law University named after O.E. Kutafin (MSAL); Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The subject of the study is conflicts of legal norms. The purpose of the article was to consider them not from a "narrow" position, but using a comprehensive method, including research from the point of view of legal conflictology. Classifications of types of conflicts of legal norms and the relationship between the concepts of "legal conflict" and "legal collision" were studied, as a result of which it was concluded that a conflict is an extreme form of a conflict of legal norms. A scientific definition is proposed, according to which a conflict of legal norms is either a clearly expressed or barely visible legal clash, a certain conflict between two or more legal norms aimed at regulating the same social relations. It is proposed to subdivide the methods of combating conflicts into methods of preventing conflicts and methods of resolving them. Methods of preventing conflicts of legal norms are identified and analyzed.

Keywords: conflicts of legal norms, legal conflictology, legal conflict, legal collision, codified acts, legislation.

References

1. Arzamasov Ju.G. Tendencii razvitija juridicheskikh nauk. Stanovlenie novoy nauki – normografii // Gosudarstvo i pravo. 2007. № 10. S. 101–104.
2. Arzumanjan A. Je. Konkurencija norm rossijskogo prava: Voprosy teorii i praktiki: Avtoref. diss. ... kand. jurid. nauk. – Saratov, 2009.
3. Vvedenie v obshhuju teoriju konfliktov: Juridicheskaja konfliktologija. Monografija. Ch. 1 / Dmitriev A.V., Kudrjavcev S.V., Kudrjavcev V.N.; Otv. red.: Kudrjavcev V.N. – M.: INION RAN, 1993.
4. Voplenko N.N. Teoreticheskie problemy rezhima zakonnosti v primenении norm socialisticheskogo prava: Dis. ... dokt. jurid. nauk. – Volgograd, 1983.
5. Eremenko A.S. Primenenie grazhdanskogo zakona. Propedevticheskij ocherk: monografija. – M.: Vash poligraficheskij partner, 2010.
6. Zharova A.K. Pravo i informacionnye konflikty v informacionno-telekommunikacionnoj sfere: monografija. – M.: Janus-K, 2016.
7. Inogamova-Hegaj L.V. Konkurencija norm ugovnogo prava. – M.: Shhit-M, 1999.
8. Kolkareva I.N. Problemy teorii pravovogo zakona i pravovoj zakonnosti: Dis. ... kand. jurid. nauk. – Rostov n/D., 2002;
9. Kudrjavcev V.N. Teoreticheskie osnovy kvalifikacii prestuplenij. – M.: Gosjurizdat, 1963.
10. Marchenko M.N. Pravovoe gosudarstvo i grazhdanskoe obshchestvo: (teoretiko-pravovoe issledovanie): uchebnoe posobie. – M.: Prospekt, 2014;
11. Matuzov A.I. Aktual'nye problemy teorii gosudarstva i prava. – Saratov: Izd-vo Sarat. gos. akademii prava, 2004.
12. Matuzov N.I. Kollizii v prave: prichiny, vidy i sposoby razresheniya // Pravovedenie. 2000. № 5. S. 225–244.
13. Milinchuk D.S. Kollizionnoe pravo kak mezhotraslevoj institut rossijskogo prava: Dis. ... kand. jurid. nauk. – M. 2018.
14. Nersesjan V.S. Pravo i pravovoj zakon. Stanovlenie i razvitie: monografija. – M.: Norma, 2009.
15. Normografija: teorija i tehnologija normotvorchestva / pod obshh. red.: Ju.G. Arzamasov. – M.: Jurajt, 2-e izd., 2020.
16. Obshhaja teorija prava i gosudarstva: Uchebnyk / Pod red. V.V. Lazareva. – M.: Jurist, 1994.
17. Obshhaja teorija prava. Kurs lekcij / Pod red. V.K. Babaeva. – N. Novgorod: Nizhegorodskaja vysshaja shkola MVD Rossii, 1993.
18. Pravo i obshhestvo: ot konflikta k konsensusu: monografija / pod red. V.P. Sal'nikova, R.A. Romashova. SPb., 2004.
19. Rajanov F.M. Grazhdanskoe obshhestvo i pravovoe gosudarstvo: problemy ponimaniya i sootnosheniya: monografija. – M.: Juritinform, 2015.
20. Tihomirov Ju.A. Juridicheskaja kollizija. – M.: Manuscript, 1994.
21. Jacelenko B.V. Protivorechija ugovno-pravovogo regulirovaniya: Avtoref. diss. ... dokt. jurid. nauk. – M., 1997.

Веприцкий Александр Геннадьевич,

аспирант Карачаево-Черкесского филиала МФПУ «Синергия»
E-mail: veprizkiag@mail.ru

В статье рассматривается проблема классификации субъектов права в российском праве. Анализируются традиционные и современные подходы к определению субъектов права, включая физические лица, организации, коллективные субъекты и специальные социальные образования, такие как государство и административно-территориальные единицы. Особое внимание уделяется двойственному статусу должностных лиц, выступающих как представители организаций и как индивидуальные субъекты с личными правами и обязанностями.

Ключевые слова: субъекты права, классификация субъектов, физические лица, организации, коллективные субъекты, должностные лица, правовой статус, правоотношения, теория права, российское право, правосубъектность, отраслевой подход.

В юридической науке традиционно выделяются два основных типа субъектов права: физические лица (индивиды) и юридические лица (организации). Однако данная классификация не в полной мере отражает сложную структуру участников современных правоотношений. Более содержательную и соответствующую реалиям современности типологию субъектов права предложили ряд исследователей [16].

Субъектом права принято считать участника общественных отношений, которому юридические нормы предоставляют определённые права и возлагают обязанности. Это определение основывается на двух ключевых критериях: во-первых, социальном – наличии обособленной, способной к формированию и реализации воли, персонифицированной единицы; во-вторых, юридическом – признании со стороны правовой системы способности быть носителем прав и обязанностей, а также участвовать в правоотношениях [1, с. 138, 139]. Таким образом, субъектами права выступают те участники общественных отношений, которые наделены правовым статусом, включающим возможность вступать в юридически значимые связи.

Поскольку правоотношения представляют собой основной механизм реализации правовых норм, то носители прав и обязанностей, как правило, одновременно являются и субъектами правоотношений. В большинстве случаев состав субъектов права и субъектов правоотношений совпадает.

Ещё в 1958 году была выдвинута идея деления субъектов правоотношений на индивидуальные и коллективные (комплексные) [6, с. 91]. Однако эта классификация вызвала критику в научной среде. Указывалось, что недостаточно учитывать лишь количественный критерий – индивидуальность или коллективность – без анализа правового статуса субъекта. Например, «индивидом» в такой системе может считаться как гражданин, так и должностное лицо, что не отражает юридической специфики их положения [11, с. 516–517].

На практике должностные и иные представители государственной или муниципальной службы, реализуя свои полномочия, действуют не от собственного имени, а как официальные представители соответствующих организаций. Их действия влекут юридические последствия для представляемой структуры и рассматриваются как действия самой организации. Следовательно, в таких случаях субъектом правоотношений выступает не физическое лицо, а юридическое лицо, от имени которого осуществляется деятельность.

Вместе с тем, должностное лицо, особенно если речь идёт о представителе правоохранительных органов или военнослужащем, может выступать

в роли индивидуального субъекта права при реализации своих личных прав, закреплённых в рамках его служебного статуса – например, права на получение очередного звания, на ежегодный отпуск и других. В подобных случаях он вступает в правовые отношения с администрацией соответствующего органа или подразделения.

Кроме того, в ситуации, когда должностное лицо нарушает возложенные на него обязанности или злоупотребляет предоставленными полномочиями, наступает юридическая ответственность – административная или уголовная – именно как за должностное правонарушение. В этом случае субъект вступает в уголовно-правовые или административно-правовые отношения как физическое лицо. Однако здесь важно подчеркнуть: человек выступает не в качестве должностного лица, а как индивидуальный субъект, привлекаемый к ответственности за действия, совершённые им ранее в рамках служебного положения. Таким образом, статус должностного лица (будь то государственный или муниципальный служащий) носит двойственный, смешанный характер: в одних правоотношениях он представляет публичную власть как её уполномоченный представитель, а в других – действует как частное лицо, реализующее собственные субъективные права и интересы [2, с. 121].

Важно также разграничивать понятия «организация» и «коллективный субъект». Термин «организация» традиционно обозначает стабильное, самостоятельно функционирующее объединение, обладающее правоспособностью и выступающее в правоотношениях от собственного имени как юридическое лицо. Однако в классическом понимании к организациям не относятся такие образования, как цеха, факультеты, субъекты Российской Федерации или административно-территориальные единицы. Следовательно, категория «коллективные субъекты» является более широкой по объёму и охватывает разнообразные формы объединений, выходящие за пределы понятия организации.

С.С. Алексеев, развивая типологию субъектов права, выделяет три основные группы: индивидуальные субъекты, коллективные субъекты и общественные организации. По его мнению, необходимо обособление в отдельную рубрику таких специфических социальных образований, как государство, административно-территориальные единицы, избирательные округа и др. [1, с. 147–149]. Не вызывает затруднений вывод о том, что автор приравнял более общее понятие «коллективные субъекты» к уже устоявшемуся и более узкому термину «организации», тогда как последнее действительно не охватывает весь спектр неиндивидуальных субъектов права.

А.В. Мицкевич, в свою очередь, предложил деление всех субъектов на граждан и организации [13, с. 35]. Однако такой подход вызывает сомнения, прежде всего из-за неудачного выбора терминологии. Понятие «организация» не в состоянии отразить всё многообразие коллективных форм

субъектности. Аналогично и термин «гражданин» традиционно ассоциируется с индивидуумом, не находящимся в устойчивых организационно-правовых отношениях. Между тем, когда индивид получает статус работника, служащего, студента, водителя и т.п., совокупность прав и обязанностей, связанных с его социальной ролью, выходит за рамки значения термина «гражданин».

Вопрос классификации субъектов права до сих пор остаётся дискуссионным в отечественной юридической литературе. Так, С.А. Комаров выделяет следующие категории субъектов права: 1) физические (частные) лица, включая граждан, должностных лиц, иностранных граждан и лиц без гражданства; 2) юридические лица; 3) государство, субъекты федерации и муниципальные образования [9, с. 295]. Сходной точки зрения придерживается В.И. Леушин, который подразделяет субъектов права на индивидуальных субъектов, организации и социальные общности [17, с. 356]. Под последними он подразумевает такие образования, как народ РФ, население конкретного региона, трудовой коллектив.

При этом названные авторы не предлагают чётких критериев для такого трёхчленного деления. Кроме того, они не включают в состав субъектов права структурные элементы организаций – такие как факультеты, филиалы, бухгалтерии и т.д. Между тем, представляется обоснованным рассматривать как организации, так и социальные общности, а также их структурные подразделения в рамках более широкого понятия – коллективные субъекты права.

Дискуссионной остаётся и позиция Н.И. Матузова, который утверждает, что «субъекты права подразделяются прежде всего на индивидуальные (физические лица) и коллективные (юридические лица)» [12, с. 389]. Подобная классификация в большей степени применима к гражданскому праву и не отражает специфики других отраслей, например, конституционного или административного права. Административное право, в частности, предполагает наличие более широкого круга субъектов, отражающего разнообразие организационно-управленческих отношений в обществе. Структура субъектов административного права отличается более высокой степенью сложности по сравнению с другими отраслями, и её состав не совпадает с субъектным составом, характерным для иных правовых отраслей. Эта сложность возрастает по мере развития общества. Таким образом, разграничение правовых отраслей можно проследить, в том числе, по кругу субъектов, признаваемых ими. Это является одним из проявлений метода правового регулирования. Как известно, ключевой характеристикой метода правового регулирования выступает правовой статус субъекта [14, с. 273].

А.А. Ивакин, анализируя проблему субъектов права, акцентирует внимание на необходимости различать понятия «субъект права» и «субъект правоотношения».

Указанное положение объясняется тем, что субъект права обладает потенциальной способно-

стью становиться участником правовых отношений, однако в конкретной ситуации он может не вступать в них фактически. Так, например, гражданин, не совершающий административных правонарушений, не является субъектом административно-делительных правоотношений [5].

На основании вышеизложенного можно сформулировать следующие выводы:

1. Понятие субъекта права охватывает как социальный, так и юридический критерии. Субъектом признаётся обособленный участник общественных отношений, которому нормы права придают статус носителя субъективных прав и юридических обязанностей.
 2. Классическое деление субъектов на физических лиц и организации является недостаточным для адекватного отражения всего многообразия субъектов современных правоотношений, что обуславливает необходимость разработки более широкой и дифференцированной классификации.
 3. Современные подходы к типологии субъектов права предусматривают выделение нескольких категорий: индивидуальных субъектов, коллективных субъектов, а также особых социальных образований (таких как государство, административно-территориальные единицы и др.). Это позволяет точнее учитывать специфику правового положения различных участников общественных отношений.
 4. Должностные лица обладают двойственным правовым статусом: в одних правоотношениях они действуют как представители органов публичной власти или организаций, в других – как индивидуальные субъекты, реализующие личные субъективные права и несущие персональную юридическую ответственность.
 5. Классификация субъектов права должна учитывать отраслевую специфику, поскольку в различных отраслях права (гражданском, административном, конституционном и др.) круг субъектов различается как по составу, так и по характеру их правосубъектности.
 6. Важно различать понятия субъекта права и субъекта правоотношения. Субъект права – это потенциальный носитель прав и обязанностей, тогда как субъект правоотношения – фактический участник конкретной правовой связи. Такое разграничение подчёркивает динамическую природу правосубъектности и её реализацию в конкретных юридических ситуациях.
- Отсутствие единства в классификационных подходах среди учёных свидетельствует о необходимости дальнейшего развития теории субъектов права с учётом современных реалий и практики российского права.

Литературы

1. Алексеев С.С. Общая теория права. Т. 2. М.: Юрид. лит., 1982.
2. Бахрах Д.Н. Субъекты российского права // Экономика региона. 2006. № 2. С. 121.
3. Гражданское право: Учебник. Т. 1. 6-е изд. М.: Изд-во «Проспект», 1998.
4. Жамбиева Е.М. Административно-правовой статус структурных подразделений организации: Дис. ... к.ю.н. Свердловск, 1984.
5. Ивакин А.А. Административно-правовое регулирование деятельности общественных объединений в Российской Федерации // Административное и муниципальное право. –2008. –№ 1.
6. Кечежян С.Ф. Правоотношения в социалистическом обществе. М., 1958.
7. Козлов Ю.М. Предмет советского административного права. М., 1967.
8. Козлов Ю.М. Управление народным хозяйством в СССР. Ч. 2. М., 1971.
9. Комаров С.А. Общая теория государства и права. М., 1998.
10. Манохин В.М. Порядок формирования органа государственного управления. М., 1963.
11. Марксистско-ленинская общая теория государства и права: Социалистическое право. М., 1973.
12. Матузов Н.Н., Малько А.В. Теория государства и права. М.: Юрист, 2001.
13. Мицкевич А.В. Субъекты советского права. М., 1962.
14. Основы теории государства и права. М., 1969.
15. Петров Г.И. Советские административно-правовые отношения. Л., 1972.
16. Саннаваров Г.Б., Волков А.М. Общественные объединения как субъекты административно-правовых отношений // <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennyye-obedineniya-kak-subekty-administrativno-pravovyh-otnosheniy-1>
17. Теория государства и права. М.: Норма, 2000.

THE ROLE AND SIGNIFICANCE OF THE CATEGORY “SUBJECT OF LAW” IN THE RUSSIAN LEGAL SYSTEM

Vepritsky A.G.

Karachay-Cherkess branch of University “Synergy”

The article examines the problem of classifying subjects of law in Russian law. It analyzes traditional and modern approaches to defining subjects of law, including individuals, organizations, collective subjects, and special social entities such as the state and administrative-territorial units. Special attention is given to the dual status of officials, who act as representatives of organizations and as individual subjects with personal rights and obligations.

Keywords: Subjects of law, classification of subjects, individuals, organizations, collective subjects, officials, legal status, legal relations, theory of law, Russian law, legal personality, sectoral approach.

References

1. Alekseev S.S. General Theory of Law. Vol. 2. Moscow: Yurid. lit., 1982.
2. Bakhrakh D.N. Subjects of Russian Law // Economy of the Region. 2006. No. 2. P. 121.
3. Civil Law: Textbook. Vol. 1. 6th ed. Moscow: Prospekt Publishing House, 1998.
4. Zhambiyeva, E.M. Administrative and Legal Status of Organizational Subdivisions: Dissertation. Sverdlovsk, 1984.

5. Ivakin, A.A. Administrative and Legal Regulation of Public Associations in the Russian Federation // Administrative and Municipal Law. –2008. -No. 1.
6. Kechekyan S.F. Legal relations in a socialist society. Moscow, 1958.
7. Kozlov Yu.M. The subject of Soviet administrative law. Moscow, 1967.
8. Kozlov Yu.M. Management of the national economy in the USSR. Part 2. Moscow, 1971.
9. Komarov S.A. General theory of state and law. Moscow, 1998
10. Manokhin V.M. The procedure for forming a public administration body. Moscow, 1963.
11. Marxist-Leninist general theory of state and law: Socialist Law. Moscow, 1973.
12. Matuzov H.H., Malko A.B. Theory of state and law. Moscow: Lawyer, 2001.
13. Mickiewicz A.B. Subjects of Soviet law. Moscow, 1962.
14. Fundamentals of the theory of state and law. Moscow, 1969.
15. Petrov G.I. Soviet administrative and legal relations. L., 1972.
16. Sannavarov G.B., Volkov A.M. Public associations as subjects of administrative and legal relations // <https://cyberleninka.ru/article/n/obschestvennye-obedineniya-kak-subekty-administrativno-pravovyh-otnosheniy-1>
17. Theory of State and Law. Moscow: Norma, 2000.

Процессы цифровой трансформации в праве как факторы детерминации нормотворчества и правоприменения

Гаркуша Вера Романовна,

аспирант кафедры теории и истории права и государства,
Российский новый университет
E-mail: vera_garkusha@list.ru

В статье рассматриваются нормотворчество и правоприменение; факторы, детерминирующие их современное существование и развитие в цифровой плоскости. В статье, на основании комплексного анализа, приводятся уточненные определения нормотворчества и правоприменения, и если первое затрагивает во взаимодействии формирование любых норм в обществе, то правоприменение подразумевает реализацию только правовых норм. Автором отмечены некоторые проблемы эффективного осуществления нормотворчества и правоприменения, при этом, указывается, что именно цифровизация способна решить ряд процедурных проблем. В настоящее время детерминация процессов в обществе сопровождается различными существенными трансформациями, поэтому в статье она рассматривается как предпосылка, причина, с различными формами и типами причинности, а детерминация правовых систем общества «раскладывается» на ряд элементов, среди которых факторы, сопровождающие обстоятельства детерминации, формы и виды, уровни и этапы. Однако, автором сделан вывод о том, что в литературе детерминация рассматривается преимущественно в отношении правовых систем, в рамках которых предусматриваются такие составляющие как правоприменение и правотворчество, тогда как влияние глобальных факторов, в числе которых можно назвать цифровизацию, охватывает все общественные процессы и явления, в том числе и неправового нормативного характера. В заключении автор подводит итоги исследования, утверждая, что цифровизация должна рассматриваться как фактор детерминации правовых и неправовых систем общества, в которых осуществляются процессы нормотворчества и правоприменения.

Ключевые слова: нормотворчество, правотворчество, правоприменение, трансформация, цифровизация, детерминация права.

Глобальный переход к цифровой эпохе сопровождается масштабными преобразованиями не только в области технологий, но и в функционировании социальных институтов, структурах управления, модели хозяйствования и даже в системе ценностей обществ. Под воздействием цифровых инноваций изменяется сама основа социума: формируется правовая, политическая и экономическая реальность принципиально нового характера, в которой цифровизация охватывает все ключевые сферы общественной жизни и деловой активности.

Одним из наиболее динамично развивающихся направлений становится внедрение цифровых решений в сферу нормотворчества и правоприменительной деятельности. Использование электронно-цифровых подписей, переход многих государственных услуг в электронную форму, расширение сферы интернет-торговли и предоставление разнообразных сервисов через цифровые платформы затрагивают базовые механизмы функционирования права. Кроме того, широкое распространение получили интернет-платформы, которые позволяют не только подготавливать типовые юридические документы (включая завещания, процессуальные заявления, стандартные разновидности договоров или запросов), но и проводить онлайн-аукционы по оказанию юридических услуг, а также разрешать споры посредством онлайн-медиации (е-медиации) и осуществлять автоматизированный анализ судебной практики. Использование современных технологий в исполнении профессиональных обязанностей значительно уменьшает необходимость в выполнении повторяющихся и трудоёмких операций специалистами сферы права.

Цифровые инструменты в сочетании с прогрессивной аналитикой данных формируют основу инновационных изменений, определяющих стратегическое направление развития мировой экономики и социума. В настоящее время цифровое пространство вышло за пределы исключительно информационной среды: оно стало эффективным механизмом для построения новых моделей общественного регулирования и управления экономическими, юридическими и административными процессами. Тенденция «цифровизации» права отражает не только переход к новым технологиям для совершенствования правовых процедур, но и обуславливает необходимость специализированного регулирования возникающей цифровой реальности с активным участием государственных институтов.

Следовательно, в современных условиях происходят процессы цифровой трансформации, ко-

торые являются предпосылками изменения процессов нормотворчества и правоприменения, или, иными словами – детерминантами.

Термин «determinare» в латинском языке означает устанавливать или предопределять что-либо [17, с. 217]. В философской мысли понятие детерминизма занимает ключевое положение как фундаментальный принцип, служащий теоретическим основанием для объяснения и методологической базы исследовательской и преобразовательной деятельности человека [3, с. 106].

В отечественной научной традиции анализ логической структуры этого механизма впервые был всесторонне осуществлен Н.В. Карташовой [9] и, применительно к юридической сфере и функционированию правовой системы в целом. Структура механизма детерминирования правовых явлений, согласно ее исследованию, включает несколько составляющих. Прежде всего выделяются разнообразные классы и разновидности факторов (природного, социального, внутреннего характера и др.), которые отражают специфику и широту круга влияющих условий. Вторым элементом выступают формы воздействия – способы, через которые факторы действительности влияют на юридические процессы (в число таких форм входят каузальная, кондициональная, инспирирующая, корреляционная, структурная, функциональная, регулятивная, гарантирующая). Далее следует уровень, определяющий масштаб оказываемого влияния. Кроме этого, весьма значимы силы детерминации, раскрывающие интенсивность, степень и энергетическую насыщенность воздействия конкретных обстоятельств, форм и факторов на изучаемое юридическое явление. Среди прочих компонентов структуры Н.В. Карташова выделяет этапы воздействия, субъектов или носителей влияния, а также результаты, как в правовой, так и в социальной плоскости, возникающие в результате осуществления детерминирующего воздействия.

На наш взгляд, выделенные Н.В. Карташовой элементы полностью описывают механизм детерминации. Справедлива указанная структура будет и в рамках цифровизации, механизм которой реализуется в настоящее время как в отношении всех общественных отношений, так и их регуляторов, то есть правовая система общества претерпевает цифровую трансформацию.

Однако, прежде чем рассматривать факторы детерминации нормотворчества и правоприменения, следует обратить внимание на понятие указанных терминов. Несмотря на кажущуюся однозначность термина «нормотворчество», его смысловое наполнение в юридической литературе варьируется в зависимости от исследовательских задач. В ряде работ это понятие приравнивают к «правотворчеству» и применяют для обозначения юридической деятельности, связанной с формулированием основополагающих правил, определяющих реализацию властных полномочий [2, с. 12], хотя в теории права традиционно считается, что именно

правотворчество входит в число правовых форм реализации функций государства [4].

Множественность значений этого понятия объясняется отсутствием устойчивой терминологической стабильности и тенденцией к расширению его содержания, часто – за счет вытеснения более точных дефиниций. Однако в существующей правовой доктрине авторы сходятся во мнении, что не стоит смешивать «нормотворчество» с «правотворчеством» и трактовать их как абсолютные синонимы. Их соотношение предполагает сходство по характеру – оба термина связаны с творческой деятельностью, направленной на выработку новых, уникальных социальных продуктов, как это интерпретируется в классических словарных источниках [14]. Тем не менее, сферы их применения различаются: продуктом нормотворческой деятельности выступают различные нормы – они могут быть социальными, моральными, техническими, корпоративными или религиозными, а итогом правотворчества всегда служит нормативный правовой акт, воплощающий определенный тип социальных правил.

Необходимо акцентировать, что нормы в обществе возникают не только стихийно, как обычай, но зачастую являются следствием целенаправленной конструктивной деятельности – так создаются корпоративные предписания, моральные кодексы, религиозные доктрины, зафиксированные в специальных документах (например, библейские и исламские тексты, официальные кодексы профессиональной этики). В России достаточно примеров формализации моральных норм, яркими образцами которых являются такие документы, такие как Моральный кодекс строителя коммунизма, Кодекс чести сотрудников органов внутренних дел или действующие кодексы этики нотариусов и судей.

Особую категорию составляют технические нормы, применяемые при эксплуатации сложных объектов, медицинской деятельности, строительстве и производственных процессах. Их формирование происходит через научную деятельность, связанную с познанием объективных закономерностей и разработкой оптимальных моделей поведения, что отражается не только в инструкциях и стандартах, но и в научной литературе.

Таким образом, нельзя считать, что творческий аспект создания новых норм относится исключительно к правовой системе. По тем же причинам некорректно относить нормотворчество только к правообразовательным процессам [25], так как первое охватывает все этапы и механизмы формирования не только юридических, но и других социальных регламентов.

Процесс правообразования следует рассматривать как многогранное явление, включающее различные способы, механизмы и источники возникновения и трансформации права, начиная с правового обычая и включая прецеденты, нормативные договоры и доктринальные положения. Подмена термина «правотворчество» словом «нормотворчество» оправдана лишь применительно к ситуа-

ции одностороннего властного установления норм, реализуемого путем принятия нормативных правовых актов, хотя это не исчерпывает всего объема источников права. Например, в ряде правовых систем, не допускающих разграничения между правовыми и религиозными нормами, правообразование может быть интегрировано в процессы формирования религиозных заповедей и их последующего санкционирования.

Если провести более четкую грань между изучаемыми категориями, становится очевидным, что нормотворчество целесообразнее рассматривать как заключительный этап в процессе нормообразования, понятие которого включает все разновидности и этапы появления общеобязательных правил. Е.Н. Ярмонова обоснованно утверждает, что речь должна идти о широком концепте, охватывающем весь спектр социальных норм, а не только целенаправленно созданных [25]. При этом нормотворчество охватывает исключительно те случаи, когда нормы формулируются осознанно и творчески, в то время как нормообразование также охватывает спонтанные процессы формирования общественных регуляторов.

Важное различие выявляется также при определении субъектов данных процессов. Круг участников нормотворческой деятельности гораздо шире, так как включает не только государственные структуры, но и разного рода общественные организации, профессиональные группы, отдельные личности, религиозные институты и корпоративные образования. Напротив, правотворчество – привилегия государства, реализуемая его органами, органами местного самоуправления или посредством референдума, когда народ выступает как совокупный субъект и источник властных полномочий. У исследователей есть основания для утверждения, что этапы создания любого рода норм обладают процессуальной спецификой: процедуры, операции и последовательность действий выделяются в самостоятельные структурные элементы [10, с. 10].

Следует выделить степень формализации: юридическое оформление и регламентация этапов деятельности свойственны только процессу правотворчества, который строится на четко прописанных правилах и включает как общие, так и специальные операции. В отраслях религиозного, корпоративного или технического нормотворчества аналогичная процессуальная детальность либо отсутствует, либо проявляется в значительно меньшей степени.

Таким образом, процесс формирования новых правовых норм и корректировки ранее установленных правовых регуляторов поведения, по существу, и определяет суть нормотворческой деятельности. Применение этих норм позволяет поддерживать необходимое равновесие между дозволениями и ограничениями, что способствует функционированию социального организма в условиях порядка и согласия [13]. Однако основной задачей законодательства остается не только раз-

работка формальных правил, но и обеспечение их релевантности и эффективности в конкретной социальной среде. В российской практике зачастую можно наблюдать ситуации, когда утвержденные нормативные предписания не учитывают специфику социокультурного контекста и не достигают заявленных целей. Подобные сложности во многом обусловлены отсутствием четко проработанных инструментов для реализации новых норм в условиях недостаточно подготовленной инфраструктуры. На практике приходится констатировать, что процесс адаптации закона к действительности начинается уже после его формального вступления в силу. В случаях, когда норма не до конца проработана, ее содержание подлежит дополнительному толкованию официальными субъектами, например, судебными инстанциями, что ведет к возникновению паузы между принятием нормы и эффективным ее исполнением.

Процесс реализации правовых норм, сформированных в ходе нормотворческой деятельности, имеет не менее важное значение и осуществляется посредством особой формы – правоприменения. В научной литературе распространено мнение, что правоприменение представляет собой один из ключевых элементов воплощения права в жизнь и может рассматриваться как специфическая форма его реализации.

Так, С.С. Алексеев рассматривал это явление как «особый случай действия права», отвергая его в качестве отдельной формы реализации права и выделяя вместо этого исполнение, использование и соблюдение. Автор обосновал свою позицию тем, что такие формы, как исполнение (активное поведение), использование или соблюдение (пассивное поведение), осуществляются непосредственно субъектами правоотношений, тогда как в ряде случаев в процесс включается властный орган. Этот орган не только вмешивается извне, но и доводит процесс воплощения юридических норм до завершения, что и рассматривается как исключительная ситуация, отличающаяся по своей сути от иных способов реализации права [1].

Следует отметить, что, несмотря на различные взгляды, в отечественной правовой науке и в постсоветский период доминирует представление о правоприменении как деятельности, осуществляемой уполномоченными государственными органами. Например, Ф.М. Раянов определяет правоприменение как форму реализации субъективных прав и обязанностей посредством государственных органов, обладающих необходимой компетенцией [16].

Комплексный анализ сущности рассматриваемого процесса позволяет выделить ряд признаков, свойственных правоприменительной деятельности. Во-первых, право реализуется лицами или структурами, которые наделены официальными, установленными законом полномочиями. Во-вторых, во взаимоотношениях, возникающих при реализации правовых норм, просматривается властно-организационное начало. Следующий

аспект – стадийность процесса, предполагающая, что правоприменение состоит из строго определенных последовательных этапов. Еще одной чертой выступает выполнение данной деятельности исключительно в предусмотренных законом процедурах. Значимым также становится индивидуализированный подход к регулированию возникающих отношений, когда правоприменение адресовано конкретным случаям или лицам. Итоговые решения, принимаемые в рамках этого процесса, оформляются в специализированных правоприменительных актах, которые закрепляют результаты разрешения конкретных юридических ситуаций [22].

Представляется, что использование искусственного интеллекта способно не только преодолеть обозначенные трудности законотворческого процесса, но и улучшить общее качество жизни общества.

Мировой опыт подтверждает, что автоматизация юридической работы в течение последних десятилетий значительно развилась, прежде всего, в западных юрисдикциях, и охватывает широкий круг рутинных процедур, выполняемых с минимальным уровнем интеллектуального вовлечения. А.А. Соколова отмечает, что такие технологические решения успешно интегрированы как в странах англосаксонской традиции (например, анализ и систематизация судебных прецедентов, обзор правовой документации), так и в государствах романо-германской правовой семьи (например, автоматизированный поиск информации или формирование типовых контрактов) [18, с. 351]. Таким образом, логично заключить, что искусственный интеллект, будучи элементом цифровой экосистемы, становится, а в ряде стран уже признан, необходимым участником процесса создания и совершенствования права.

Д.С. Гвоздецкий и М.В. Залоило в своих исследованиях подчеркивают, что цифровизация процесса нормотворчества открывает принципиально новые возможности для оптимизации этой деятельности и минимизации типичных просчетов, допускаемых органами исполнительной власти при подготовке ведомственных нормативных актов [7].

А.В. Минбалева особо выделяет значительный потенциал искусственного интеллекта для правовых процессов, прежде всего, в подготовке законодательных текстов и при актуализации редакций нормативных актов в соответствии с изменениями документов высшей юридической силы [24, с. 141]. В то же время инновационные подходы в области цифровизации нормы сопряжены и с существенными вызовами. Широкое внедрение технологий больших данных и ИИ в законодательную деятельность связано с рядом организационных и юридических ограничений. К ним, по мнению Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило, О.А. Иванюка и других, относятся: устранение избыточного дублирования бумажных и электронных форм документов при проектировании актов; создание механизмов автоматизированного межмашинного обмена дан-

ными между государственными инфосистемами в процессе нормотворчества; а также интеграцию указанных технологий в планирование и прогнозирование законотворческой деятельности [21, с. 70].

Очевидно, что перечисленные преграды носят в первую очередь управленческий характер и могут быть преодолены по мере поэтапного совершенствования действующей нормативной базы и технологической среды. Решения технологических вопросов, напротив, требуют длительного эволюционного развития, постоянного проведения специализированных исследований и работы по внедрению инноваций.

Надо сказать, что цифровизация нормотворчества – это логическое продолжение уже существующих в России тенденций к использованию цифровых ресурсов в нормотворческой работе ведомств (порталы regulation.gov.ru, pravo.gov.ru и др.). В свою очередь, адаптация нового для российского законодательства рассматриваемого правового явления, появившегося в результате стремительного развития цифровых платформ, происходит постепенно и со значительными трудностями, вызванными спецификой законодательства, регламентирующего нормотворческую работу федеральных органов исполнительной власти.

Цифровым технологиям, которые в ближайшие 5–10 лет планомерно будут внедряться в ежедневную рутинную работу ведомств, в будущем будет отведена ключевая роль в нормотворческой деятельности федеральных органов исполнительной власти. При этом перспективными направлениями в нормотворческой работе федеральных органов исполнительной власти, кроме новых юридических онлайн-сервисов, разнообразных площадок, являются Legal Tech программы, построенные в том числе на технологиях искусственного интеллекта.

Смысл Legal Tech заключается в том, что рутинные задачи можно автоматизировать. Вместе с тем, чтобы перевести на компьютерный язык нормы, содержащие многозначные термины, придется делать слишком много оговорок и исключений. Поэтому сначала потребуется изменить право таким образом, чтобы его термины имели одинаковое содержание во всех источниках права. Работа юристов станет более технологичной, алгоритмы искусственного интеллекта высвободят им время для глубокого анализа норм права. Наряду с этим на сегодняшний день искусственный интеллект всего лишь разработка, связанная с нейронными сетями, позволяющая программе за счет анализа огромного массива информации обучаться, принимать некие решения исходя из полученных данных. Как полагает Д.С. Гвоздецкий, данные технологии еще не вышли на тот рубеж развития, когда они приводят к возникновению новых систем взаимоотношений, требующих создания особых или новых способов правового регулирования [6]. Думается, что данный тезис справедлив для нормотворчества, тогда как в других областях общественных отношений уже многие цифровые аспекты взаи-

модействия нуждаются в надлежащем правовом регулировании.

Влияние цифровых трансформаций на правоприменение обусловлено спецификой самой правоприменительной деятельности и теми особенностями, которыми характеризуется цифровизация: она влечет глубокие изменения в функционировании правовой сферы благодаря внедрению современных технологий. На сегодняшний день деятельность по реализации правовых норм рассматривается как интегративный и междисциплинарный процесс [20]. Она предполагает взаимодействие различных отраслей законодательства, учет инструментов, присущих каждой из них, а также соотношение права с иными регулирующими социальными механизмами, существование процедур судебного контроля, международных правовых инструментов.

Осмысление роли субъекта, принимающего правовое решение, становится основополагающим в юридической науке: на действия такого лица влияет как его индивидуальное правовое сознание, так и широкий спектр факторов, лежащих как в юридической, так и в социо-культурной плоскости. В работах О. Эрлиха, в частности, подчеркивается, что решения юристов редко зависят исключительно от закона: гораздо чаще они сталкиваются с определением обстоятельств и оценкой фактических обстоятельств, а не только правовых вопросов [23, с. 94]. С этих позиций именно ощущение права, формируемое в индивидуальном и социальном сознании, становится ключевым при выработке итоговых решений в рамках правоприменения.

Необходимо учитывать, что коллективное и индивидуальное представление о праве связано и с исторической памятью, и с процессами общественной рефлексии, подверженными социальному моделированию [8, с. 125]. Любое изменение в коллективной правовой культуре влечет за собой корректировку самого характера применения права, что особенно актуально в ситуациях, когда на общественное сознание воздействуют цифровые технологии. В исследованиях В.В. Миронова указывается на значительные сдвиги в ментальных установках и психологии участников правоотношений под влиянием цифровой среды: электронная культура детерминирует специфические коммуникативные и психологические затруднения, трансформируя базовые алгоритмы мыслительной деятельности [12, с. 34, 36]. В цифровом обществе все чаще действия совершаются спонтанно, а их оценка происходит постфактум; это формирует фрагментарное, клиповое восприятие, при котором фундаментальные аналитические компетенции, необходимые для комплексной правовой работы, подвергаются эрозии.

Отсюда можно сделать вывод, что цифровые технологии, внедряясь в профессиональное сознание, непосредственно трансформируют психологию и мышление субъектов правоприменения, а следовательно, меняется подход к анализу и интерпретации нормативных предписаний. При этом

цифровизация меняет и сетевую структуру общественных коммуникаций, придавая социальным институтам гибкость и ускоряя процессы трансформации.

Несмотря на все технологические сдвиги, субъект, принимающий правовое решение, сохраняет человеческую специфику и человеческий фактор, что предполагает обязательное наличие иррационального компонента в процессе выбора и оценки вариантов поведения [11, с. 42]. Каждое прикладное действие в юридической сфере оказывается результатом синтеза традиционной правовой парадигмы и элементов инновационности, причем технологический прогресс смещает эту пропорцию в пользу новаторства. Д.А. Пашенцев справедливо отмечал, что цифровизация радикально видоизменяет юридическую технику и в будущем может повлиять на ее фундаментальное назначение через появление концепта цифрового закона – универсального правового акта, существующего в интерактивном формате и допускающего адаптацию под разнообразные условия посредством инструментов электронного краудсорсинга [15, с. 41].

Среди ключевых последствий для правоприменения можно назвать автоматизацию и алгоритмизацию процедур. С переходом к роботизации и развитию искусственного интеллекта вопросы, касающиеся правовых алгоритмов, приобрели острую актуальность. Между тем специфика права – в его динамичности и, зачастую, неопределенности применения [5]. Именно поэтому полный отказ от человеческого суждения в пользу программных алгоритмов, по-прежнему, представляется невозможным.

Тем не менее, цифровые технологии все активнее интегрируются в сферу юридической практики: автоматизированные системы уже способны не только готовить процессуальные документы, но и участвовать в принятии судебных решений, как это имеет место, например, в Китае и Латвии, закрепивших автоматизированное рассмотрение дел в законодательстве. Машиночитаемые тексты законов, преобразуемые в числовые форматы, обеспечивают возможность применения права роботами, однако это затрудняет корректную работу традиционного правоприменителя. Такой сдвиг в сторону новых субъектов – роботов – неизбежно приводит к серьезным теоретическим и практическим дилеммам. В целом речь идет о робоправе.

Во-первых, юридическая деятельность не сводится к механической процедуре: даже если алгоритмизация расширит свои пределы, человек, обладающий способностью интерпретировать нормы и восполнять пробелы, останется незаменимым элементом системы [19, с. 263]. Программная среда должна будет строиться на параллельном взаимодействии между искусственным интеллектом и творческим человеческим поиском решений. Во-вторых, правовой статус роботизированных агентов пока нормативно не зафиксирован: вопросы их ответственности, правоспособности и деликтоспособности остаются дискуссионными, так как

в отсутствие психики понятие вины неприменимо к техническим субъектам.

Цифровизация затрагивает и инфраструктуру юридической сферы, повышая ее эффективность посредством автоматизации документооборота, внедрения систем статистики, основанных на технологии блокчейн, что особенно важно для уголовного судопроизводства. Применение таких технологий облегчает отслеживание дел, увеличивает прозрачность процесса, способствует защите информации.

Таким образом, влияние цифровизации на нормотворчество и правоприменение приводит к тому, что указанные процессы осуществляются под другим углом. Кроме того, надо отметить, что если правоприменение строится на применении права, как следует из наименования, то нормотворчество – на формировании норм, не обязательно правовых. И в этом смысле влияние цифровизации на нормотворчество обуславливается трансформацией правосознания членов общества, включая и тех, кто обеспечивает правотворчество. Можно утверждать, что цифровизация детерминирует, то есть обуславливает нормотворчество и правоприменение в тех видах и формах, в которых они реализуются в настоящий момент, а также цифровизация способствует развитию данных процессов, в соответствии с собственными механизмами влияния.

Если рассматривать структуру детерминации, то здесь следует иметь в виду, что элементы детерминации, указанные Н.В. Карташовой, справедливы в отношении правовой системы общества, под которой Ю.А. Тихомиров понимает совокупность правопонимания, правотворчества, правового массива и правоприменения. Таким образом, формирование и развитие норм неправового характера в правовую систему общества не включается.

Представляется, что если в обществе присутствуют системы юридического права и неправовые системы общества, то справедливо будет говорить о детерминации правовых и неправовых систем общества.

Если отталкиваться от обратного, утверждая, что цифровизация не детерминирует трансформацию правовой и неправовой систем общества, и, следовательно, нормотворчество и правоприменение, то это значит, что указанные системы не подвержены влиянию цифровизации, однако в ходе исследования было доказано обратное.

Таким образом, в ходе исследования было установлено, что процессы цифровизации в обществе являются факторами детерминации нормотворчества и правоприменения.

На сегодняшний день цифровизация процессов в правовых и неправовых системах общества только начинает свое становление и развитие, еще не принят ряд нормативных правовых актов, регулирующих цифровизацию и цифровое функционирование, поэтому дальнейшие исследования в этой области являются весьма актуальными. Несмотря на то, что различные аспекты цифро-

визации в литературе уже изучались и изучаются по сей день, в силу того, что цифровые процессы, детерминирующие трансформацию правовых явлений, относительно недавно, по историческим меркам, стали масштабироваться, дальнейшее изменение правовых и неправовых систем под влиянием цифровизации, необходимо.

Литература

1. Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2 т.Т. 1. М.: Юрид. лит., 1981. 361 с.
2. Арзамасов Ю.Г., Певцова Е.А. Новое «указное» нормотворчество: общая характеристика результатов; тенденции развития // Государство и право. 2010.№ 1. С. 12–20.
3. Аскин Я.Ф. Философский детерминизм и научное познание. Саратов, 1974. С. 30. Демин М.В. Природа деятельности. М., 1984. 359 с.
4. Бабаев С.В. Теория функций современного российского государства: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01. Н. Новгород, 2001. С. 95–112.
5. Бегичев А.В. Нотариальный порядок обеспечения доказательств в сети интернет // Ученые труды Российской академии адвокатуры и нотариата, 2013. № 3. С. 12–17.
6. Гвоздецкий Д.С. Legal Tech и ведомственное нормотворчество: перспективы // Образование. Наука. Научные кадры. 2020. № 4. С. 33–35.
7. Гвоздецкий Д.С., Залоило М.В. Цифровизация ведомственного нормотворчества как фактор опережающего развития // Право и государство: теория и практика. 2019. № 9 (177). С. 28–30.
8. Дорская А.А., Дорский А.Ю. Официальная политика памяти в современной России: юридическое измерение // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право, 2018. № 2. С. 124–138.
9. Карташова (Семенова) Н.В. Конфликтная юридическая деятельность: (проблемы теории и методологии): дис. ... канд. юрид. наук. Ярославль, 2002. 213 с.
10. Лапина М.А. Подзаконное нормотворчество исполнительной власти // Вопр. экономики и права. 2012.№ 8. С. 10–26.
11. Мальцев Г.В. Социальные основания права. Москва: Норма, 2007. 799 с.
12. Миронов В.В. Трансформация культур – от классической к электронной // Философия искусственного интеллекта. Труды Всероссийской междисциплинарной конференции. М.: Изд-во МГУ, 2017. С. 28–36.
13. Молодцов Т.Р. Искусственный интеллект как способ оптимизации нормотворческого процесса // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. 2019. № 3. С. 12–15.
14. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка: 100000 слов, терминов и выражений / под

общ. ред. Л.И. Скворцова. 28-е изд., перераб. Москва: Мир И образование, 2019. 1375 с.

15. Пашенцев Д.А. Особенности правоприменения в условиях цифровизации общественных отношений // Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № 1. С. 35–49.
16. Раянов Ф.М. Философия права: дискурсивный анализ и новые выводы. М.: Юрлитинформ, 2017. 264 с.
17. Словарь иностранных слов / под ред. И.В. Лехина и Ф.Н. Петрова. М., 1954. 856 с.
18. Соколова А.А. Искусственный интеллект в юриспруденции: риски внедрения // Юридическая техника. 2019. № 13. С. 350–356.
19. Социокультурная антропология права: коллективная монография / под ред. Н.А. Исаева, И.Л. Честнова. СПб.: Алеф-Пресс, 2015. 840 с.
20. Тихомиров Ю.А. Эффективность закона: от цели к результату // Журнал российского права. 2009. № 4 (148). С. 3–9.
21. Цифровизация правотворчества: поиск новых решений: монография / Д.А. Пашенцев, М.В. Залоило, О.А. Иванюк [и др.]; под общ. ред. д-ра юрид. наук, проф. Д.А. Пашенцева. М.: ИНФРА-М, 2019. 234 с.
22. Штин Ю.Б. Подходы к определению понятия «правоприменение» // Научные исследования в современном мире. теория и практика: Сборник избранных статей Всероссийской (национальной) научно-практической конференции. СПб, 2021. С. 164–167.
23. Эрлих О. Основоположение социологии права / Пер. с нем. М.В. Антонова; Под ред. В.Г. Графского, Ю.И. Гревцова. СПб.: ООО «Университетский издательский консорциум», 2011. 704 с.
24. Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений: сборник научных трудов / под общ. ред. Д.А. Пашенцева, М.В. Залоило. М.: ИНФРА-М, 2019. 273 с.
25. Ярмонова Е.Н. Отличие нормотворчества от правотворчества как одна из основных проблем юриспруденции // Концепт. 2016. № S16. С. 59–65.

THE PROCESSES OF DIGITAL TRANSFORMATION IN LAW AS FACTORS DETERMINING RULEMAKING AND LAW ENFORCEMENT

Garkusha V.R.

Russian New University

The article examines rule-making and law enforcement; factors that determine their modern existence and development in the digital plane. Based on a comprehensive analysis, the article provides clarified definitions of rule-making and law enforcement, and if the former affects the interaction of the formation of any norms in society, then law enforcement implies the implementation of only legal norms. The author notes some problems of effective implementation of rule-making and law enforcement, while indicating that it is digitalization that can solve a number of procedural problems. Currently, the determination of processes in society is accompanied by various significant transformations, so in the article it is considered as a prerequisite, a cause, with various forms and types of causality, and the determination of legal systems of society is “decomposed”

into a number of elements, including factors accompanying the circumstances of determination, forms and types, levels and stages. However, the author concludes that in the literature determination is considered mainly in relation to legal systems, within the framework of which such components as law enforcement and lawmaking are provided, while the influence of global factors, including digitalization, covers all social processes and phenomena, including those of a non-legal normative nature. In conclusion, the author summarizes the results of the study, arguing that digitalization should be considered as a factor in determining the legal and non-legal systems of society, in which the processes of rulemaking and law enforcement are carried out.

Keywords: rulemaking, law-making, law enforcement, transformation, digitalization, determination of law.

References

1. Alekseev S.S. General theory of law. Course in 2 volumes. Vol. 1. Moscow: Jurid. lit., 1981. 361 p.
2. Arzamasov Yu.G., Pevtsova E.A. New «specified» rulemaking: general characteristics of the results; development trends. State and law. 2010. No. 1. pp. 12–20.
3. Askin Ya.F. Philosophical determinism and scientific cognition. Saratov, 1974. 359 p.
4. Babaev S.V. Theory of functions of the modern Russian state: dis. ... kand. jurid. sciences: 12.00.01. N. Novgorod, 2001. 201 p.
5. Begichev A.V. The notarial procedure for providing evidence on the Internet. Scientific proceedings of the Russian Academy of Advocacy and Notariate. 2013. No. 3. pp. 12–17.
6. Gvozdetsky D.S. Legal technologies and state regulation: conclusions. Education. Science. Scientific staff. 2020. No. 4. pp. 33–35.
7. Gvozdetsky D.S., Zaloilo M.V. Digitalization of departmental rulemaking as a factor of advanced development. Law and the State: theory and practice. 2019. No. 9 (177). pp. 28–30.
8. Dorskaya A.A., Dorsky A. Yu. The official policy of memory in modern Russia: a legal dimension. Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2018. No. 2. pp. 124–138.
9. Kartashova (Semenova) N.V. Conflict legal activity: (problems of theory and methodology): dis. ... kand. jurid. sciences'. Yaroslavl, 2002. 213 p.
10. Lapina M.A. Subordinate rulemaking of executive power. Issues of Economics and Law. 2012.No. 8. pp. 10–26.
11. Maltsev G.V. Social foundations of law. Moscow: Norma, 2007. 799 p.
12. Mironov V.V. Transformation of cultures – from classical to electronic. Philosophy of artificial intelligence. Proceedings of the All-Russian Interdisciplinary Conference. Moscow: Publishing House of Moscow State University, 2017. pp. 28–36.
13. Molodtsov T.R. Artificial intelligence as a way to optimize the rule-making process. Gaps in Russian legislation. Law journal. 2019. No. 3. pp. 12–15.
14. Ozhegov S.I. Explanatory dictionary of the Russian language: 100,000 words, terms and expressions / under the general editorship of L.I. Skvortsov. 28th ed., revised Moscow: Mir I obrazovanie, 2019. 1375 p.
15. Pashentsev D.A. Features of law enforcement in the context of digitalization of public relations. Bulletin of St. Petersburg University. Right. 2020. Vol. 11. No. 1. pp. 35–49.
16. Rayanov F.M. Philosophy of law: discursive analysis and new conclusions. Moscow: YurLitinform, 2017. 264 p.
17. Dictionary of foreign words / edited by I.V. Lekhin and F.N. Petrov, Moscow, 1954. 856 p.
18. Sokolova A.A. Artificial intelligence in jurisprudence: the risks of implementation. Legal technology. 2019. No. 13. pp. 350–356.
19. Sociocultural anthropology of law: a collective monograph / edited by N.A. Isaev, I.L. Chestnov. St. Petersburg: Alef-Press, 2015. 840 p.
20. Tikhomirov Yu.A. Efficiency of the law: from goal to result. Journal of Russian Law. 2009. No. 4 (148). pp. 3–9.
21. Digitalization of lawmaking: search for new solutions: a monograph / D.A. Pashentsev, M.V. Zaloilo, O.A. Ivanyuk [et al.]; under the general editorship of Dr. Yurid. naukograd, D.A. Panentsev Ave., Moscow: IN-t-M, 2019. 234 p.
22. Shitin Yu.B. Approaches to the definition of the concept of «law enforcement». Scientific research in the modern world. Theory

- and practice: A collection of selected articles of the All-Russian (national) Scientific and Practical Conference. St. Petersburg, 2021. pp. 164–167.
23. Ehrlich O. The foundations of the sociology of law / Translated from German by M.V. Antonov; Edited by V.G. Gafsky, Yu.I. Grevtsov. St. Petersburg: OOO «University Publishing Consortium», 2011. 704 p.
24. The language of lawmaking in the context of digitalization of public relations: a collection of scientific papers / under the general editorship of D.A. Panentsev, M.V. Zaloilo. Moscow: INT-M, 2019. 273 p.
25. Ermonova E.N. The main provisions of legislation as one of the main activities of the Rosselkhoznadzor. Collection. 2016. No. S16. pp. 59–65.

Черчилль и символическая архитектура государства: риторика, образы и правовая идентичность в условиях войны и мира

Григорьев Андрей Алексеевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный
технический университет»

E-mail: a.g2222@yandex.ru

Статья посвящена анализу риторических стратегий Уинстона Черчилля, направленных на конструирование образа британского государства как носителя правопорядка, преемственности и национальной идентичности. Автор рассматривает, как в период Второй мировой войны и в послевоенные годы Черчилль использовал символический язык – метафоры, исторические ссылки, правовые образы – для укрепления доверия к государственным институтам и легитимации чрезвычайных решений. Выявляется, что его публичная риторика не только отражала, но и формировала правовое воображаемое британского общества. Статья основана на междисциплинарном подходе, объединяющем правовую герменевтику, политическую риторiku и анализ исторической идентичности.

Ключевые слова: Уинстон Черчилль, государство, риторика, право, символическая политика, идентичность, война, правовой порядок, нация, легитимность.

История политического лидерства в XX веке убедительно показывает, что государство – это не только совокупность институтов, норм и механизмов, но и символическая конструкция, которая формируется в общественном воображении через образы, риторiku и культурные знаки. В условиях войны и кризиса эта конструкция обретает особую значимость: граждане ищут не только защиты и безопасности, но и подтверждения смыслов, с которыми ассоциируют свою принадлежность к нации и государству. В этом контексте фигура Уинстона Черчилля представляет собой уникальный пример политика, который формировал образ государства не только через управление, но и через речь – как средство мобилизации, легитимации и символической консолидации общества.

Публичная риторика Черчилля в годы Второй мировой войны – это не просто последовательность речей, это концептуальный каркас, в рамках которого он сконструировал представление о британском государстве как правовом, моральном и исторически преемственном институте. Черчилль не просто говорил от имени власти – он формировал представление о самой власти, о государстве как «доме закона», как «цивилизационном бастионе», как «живой памяти нации». Его выступления стали неотъемлемой частью политической идентичности Британии, а используемые им метафоры и формулы – инструментами формирования легитимности. Как верно отметил один из исследователей: «Черчилль был не только политиком, он был архитектором политического воображения» [1].

Актуальность настоящего исследования обусловлена несколькими факторами. Во-первых, в современных условиях кризисов – политических, социальных, информационных – роль риторики и символики в укреплении государственности вновь приобретает первостепенное значение. Опыт Черчилля позволяет проследить, как государственная легитимность может формироваться через язык, как образы и формулы заменяют правовые трактаты в условиях мобилизации. Во-вторых, фигура Черчилля нередко рассматривается лишь в контексте его политических решений и военного лидерства, в то время как его риторика о государстве остаётся в тени. Между тем, именно в ней проявляется его способность к формированию правовой идентичности – как индивидуальной, так и коллективной.

Проблематика статьи вытекает из парадокса: Черчилль, не будучи теоретиком-государствоведом, создал одну из самых устойчивых риторических

моделей государственности в британской и европейской истории. При этом он избегал идеологического абсолютизма, не создавал догматических схем, но апеллировал к культурным кодам, правовым образам, историческим аналогиям. Он превращал государство в образ – и именно этот образ обладал мобилизующей силой. Это требует научного анализа: как именно Черчилль конструировал представление о государстве, какие образы использовал, какие риторические и правовые концепты внедрял в общественное сознание?

Цель статьи – исследовать, каким образом Уинстон Черчилль формировал символический образ британского государства в публичной риторике и как эта символика взаимодействовала с представлениями о праве, суверенитете, порядке и идентичности. Важно понять, каким образом язык становится не просто способом убеждения, а инструментом институционализации легитимности, способом сохранения правовой преемственности в условиях исторических катастроф.

В рамках этого исследования ставятся следующие задачи:

1. Провести анализ ключевых речей Черчилля, в которых формируется символическое представление о государстве;
2. Выделить риторические и юридические образы, повторяющиеся формулы и метафоры, с помощью которых создается легитимность;
3. Показать, как риторика Черчилля сочетается с правовым мышлением и концепцией государственности;
4. Рассмотреть, как создаваемый образ государства работал в условиях войны, кризиса и послевоенной реконструкции;
5. Определить влияние этой риторики на формирование политической и правовой идентичности Британии в XX веке.

Объектом исследования является риторическая практика Уинстона Черчилля, а предметом – формирование символического образа государства в его публичной речи в годы Второй мировой войны и в послевоенный период. Методология опирается на междисциплинарный подход, в частности:

- правовую герменевтику,
- теорию политической риторики,
- концепцию воображаемых политических сообществ (по Б. Андерсону),
- анализ нарратива и дискурса в публичной политике.

Исследование исходит из гипотезы, что в публичной риторике Черчилля можно реконструировать устойчивую систему представлений о государстве, обладающую структурой, функциями и механизмами символического воспроизводства. Это позволяет говорить о «символической архитектуре государства», построенной с помощью языка, истории и правовых формул. Не государство как актер создает язык, а язык – создаёт государство в сознании миллионов людей.

Особое значение приобретает в этом контексте риторическая стратегия Черчилля по одновремен-

ному апеллированию к праву и истории. В его выступлениях правовые понятия – «закон», «право», «свобода», «конституция» – всегда сопровождаются исторической памятью, отсылками к традиции. Например, в выступлении 1940 года он говорил: «Мы стоим не только за наш остров, но и за правовой порядок, выстраивавшийся веками, с тех самых пор, как была подписана Великая хартия вольностей» [2]. Это высказывание иллюстрирует ключевой механизм: государство – это не только современность, но и ритуализированная история, действующая через образы и прецеденты.

Таким образом, предлагаемый подход позволяет выйти за рамки традиционного анализа черчиллевской политики и рассмотреть его как архитектора правового воображаемого, человека, сформировавшего не просто коалицию, но правовое представление о государственности, актуальное и после войны. Именно этот образ государства продолжает жить в британском политическом дискурсе, в конституционной практике, в образовательной системе и в массовой культуре.

Роль Уинстона Черчилля как «архитектора» символической легитимности британского государства становится особенно очевидной, если рассматривать его деятельность не только в плоскости политических решений, но и в качестве публичного создателя образов и смыслов. Он сформировал особый риторический ландшафт, в котором государство мыслится как неотъемлемая часть морального и правового порядка мира. В условиях войны это было необходимо не только для поддержания доверия к институтам, но и для конструирования национальной идентичности, устойчивой к пропаганде противника и внутреннему разочарованию.

Публичное пространство военной Британии представляло собой арену острого соперничества образов: с одной стороны – тоталитарные модели, апеллирующие к чистой силе и дисциплине, с другой – демократическая Британия, которую Черчилль изображал как бастион цивилизации. Именно он создал образ государства, который воплощал в себе не столько бюрократию, сколько дух нации, выраженный в законе, свободе и стойкости. Этот образ формировался через регулярные обращения к народу, парламентские речи, тексты в прессе, а также через контроль над визуальными и словесными символами власти.

Черчилль, как опытный ритор, мастерски использовал метафоры, превращая государственные институты в понятные и эмоционально окрашенные образы. Парламент он называл «совестью нации», правосудие – «щит свободы», государство в целом – «великим кораблём, идущим сквозь шторм истории» [3]. Эти метафоры не были риторическим украшением – они играли роль смысловых конструкторов, упрощая сложную систему политических институтов до уровня коллективного воображения, встраивая её в эмоциональную и культурную реальность граждан.

Один из важнейших элементов черчиллевской символической архитектуры — идея институциональной стойкости. В его речи перед Палатой общин от 28 апреля 1942 года он заявил: «Наши суды не закрыты, наши газеты не молчат, наш парламент не распущен — вот что отличает наше государство от их режима» [4]. Здесь государство мыслится как комплекс институтов, сохраняющих своё функционирование даже в экстремальных условиях. Это риторическое противопоставление усиливало чувства гордости и идентификации, формируя у граждан представление о государстве как защищённом, но открытом, стабильном, но изменчивом в разумных пределах.

Важным аспектом риторики Черчилля было внедрение в массовое сознание исторических аналогий. Он часто проводил параллели с Гуннами, Наполеоном, Карлом Великим, Римской империей, чтобы показать, что государство Британии — наследник древней традиции сопротивления злу. Это историческое укоренение превращало современное государство в потомка правового и морального наследия, тем самым утверждая его естественность и правомерность.

Наряду с историческими аллюзиями, в его риторике постоянно присутствовал элемент нравственной оценки. Черчилль противопоставлял государство не только диктатуре, но и хаосу, безверию, разрушению. Он говорил, что британское государство — «дом веры в закон, не сломленный пулями и бомбами» [5]. Таким образом, государство становится не просто субъектом власти, а хранителем этической вертикали, на которую опирается общество в момент разрушений.

Особую роль в формировании символической архитектуры государства играла ритуализация власти — участие Черчилля в парламентских церемониях, его появление в характерной военной форме, чтение посланий к нации в торжественной обстановке. Он превращал своё присутствие в медиатор между государством и народом, персонализируя власть, но не узурпируя её. Этот баланс между личной харизмой и уважением к институтам делает его фигуру уникальной: он был не воплощением государства, а его глашатаем.

Нельзя не отметить и его внимание к языковому коду власти. Он тщательно отбирал слова, избегал неопределённостей, использовал формулы, которые легко запоминались. Фразы вроде «We shall never surrender», «This was their finest hour» или «Blood, toil, tears and sweat» стали не просто лозунгами, а риторическими кирпичиками, из которых строился образ государства — стойкого, трагического, правового, связанного с нацией не принуждением, а смыслом [6].

Таким образом, Черчилль выстраивает государство как нарратив — целостный рассказ, объединяющий правовые основания, исторические мифы и эмоциональные формулы. Его риторика действует не только на политическом уровне, но и на уровне формирования идентичности. Государство — это не абстрактная машина, а «место коллективной

памяти и правового духа». Он превратил конституционные нормы в эпос, а правовой порядок — в историю сопротивления.

Именно в этом аспекте он оказался более современным, чем многие его теоретические современники: он понимал, что легитимность не исчерпывается процедурой, а требует символического воспроизводства. Его риторика была не вторичной по отношению к управлению, а составляла его основу. Он строил государство через слово — и именно это слово стало одним из столпов победы.

Ключевым элементом в риторической архитектуре государства у Уинстона Черчилля выступает право — не как технический регламент, а как символ преемственности и справедливости, удерживающий государство в границах легитимности. Его выступления, особенно в условиях Второй мировой войны, пронизаны правовой лексикой: «право», «закон», «конституция», «процедура», «наследие». Эти слова используются не как отвлечённые категории, а как риторические узлы, связывающие прошлое, настоящее и будущее.

Черчилль придавал исключительное значение тому, что даже в условиях чрезвычайного положения государство сохраняет юридическую форму, тем самым подтверждая свою моральную силу. В одной из речей он говорил: «Сила закона — это не привилегия мира. Она — его последняя граница. Мы должны удерживать эту границу» [7]. Такое понимание подводит к главному тезису: государство — это прежде всего сила формы, а не форма силы.

Особенно ярко это проявляется в его выступлениях перед парламентом, когда он, несмотря на давление военного времени, настаивал на регулярных заседаниях, сохранении независимости судебной власти и конституционной процедуры. В выступлении от 11 ноября 1940 года он отметил: «Нас бомбят, нас угрожают порабощением, но мы продолжаем заседания, потому что парламент — это закон в действии» [8]. Этот образ парламента как живого воплощения закона служил инструментом укрепления доверия к государству, даже когда другие страны отказывались от легитимных институтов.

Право в черчиллевской риторике выполняет двойную функцию: с одной стороны, оно служит инструментом легитимации власти, с другой — ограничителем её произвола. Он многократно подчеркивал, что государство должно оставаться в границах своих полномочий, даже когда действует решительно. В его представлении демократия — это не слабость, а способность действовать в условиях давления, не выходя за рамки правовой процедуры. Черчилль настаивал: «Даже в час опасности не мы отрекаемся от закона — закон остаётся с нами» [9].

Важно, что в черчиллевской системе образов право не отрывается от истории. Он постоянно отсылается к Великой хартии вольностей (Magna Carta), к Биллю о правах, к традициям британского общего права. Эти исторические символы становятся

элементами риторического кода, встраиваясь в образ современного государства. В одной из речей 1942 года он говорил: «Мы не начали защищать свободу вчера. Мы делаем это с тех пор, как наши предки вынудили короля поставить свою печать на пергаменте» [10]. Это высказывание не только патетично – оно устанавливает преемственность, превращая право в историческую ткань государственности.

Такая преемственность важна не только для легитимности, но и для устойчивости образа государства. В условиях, когда режимы на континенте разрушались и заменялись тоталитарными конструкциями, черчиллевская риторика утверждала, что британское государство – не временная политическая система, а результат многовекового правового развития. Тем самым право становится мостом между поколениями, средством сохранения идентичности и рамкой политической морали.

Значительную роль в этом играет и идея нормативного равенства. Черчилль подчёркивал, что закон един для всех – от короля до простого солдата. Это была сознательная оппозиция фашистскому праву, где власть стоит выше нормы. В одном из выступлений он заявил: «Мы не судим по расе, не милуем по классу, не караем по приказу. Мы следуем праву, потому что оно – наш фундамент» [11]. Здесь право превращается в риторический якорь: в нём сконцентрирована ценностная ориентация государства.

Важно и то, как Черчилль персонализировал институциональные формы, превращая их в живые образы. Суд – это не абстракция, а «гарант спокойствия», парламент – «воля нации в форме закона», полиция – «друг, а не надзиратель». Такие определения позволяли обычному человеку ассоциировать себя с государством, а не бояться его. Это была гуманизация власти через риторику, одновременно эмоциональная и правовая.

Таким образом, в черчиллевской символике государство предстает как правовой организм, а не просто аппарат управления. Его устойчивость обеспечивается не только арсеналами и администрацией, но и непрерывной связью с нормой, историей и процедурой. Это делает государство не просто действующим субъектом, а символом доверия – доверия, которое не может быть установлено силой, но может быть воспроизведено через язык, форму и смысл.

Эта риторическая стратегия продолжает оказывать влияние и в XXI веке. Политики, ссылающиеся на традицию, правовой порядок и преемственность, используют те же приёмы, что и Черчилль. Его язык – это язык государства, говорящего не приказом, а памятью и нормой.

В системе черчиллевской риторики государство не существует вне народа. Однако народ у Черчилля – это не только население, не сумма индивидуумов, но исторически укоренённая нация, обладающая политико-правовой идентичностью. Именно эта нация делает государство легитимным, а государство, в свою очередь, становится выразителем

исторической воли. В ходе войны, когда угроза национальному существованию была экзистенциальной, Черчилль делает ставку на язык исторической памяти, связывая образ нации с правовым и моральным понятием государственности.

Черчилль постоянно подчёркивает, что Британия – это не только остров или территория, а «великая история, продолжающаяся в нас». Эта риторическая формула делает каждого гражданином сопричастным к государству как коллективному субъекту истории. В выступлении от 18 июня 1940 года, одном из самых известных («This was their finest hour»), он заявил: «Мы – носители дела, начатого не нами, но продолжаемого нами» [12]. Эта идея преемственности – не только политическая, но и ритуально-правовая: государство живёт в сознании нации и в её памяти.

Один из главных символических приёмов Черчилля – персонализация истории через нацию. Он противопоставляет Британию не другим государствам, а режимам – Гитлеру, Сталину, Наполеону. Британия в этом дискурсе – вечный субъект, стоящий над временными формами власти. В одной из своих речей он говорит: «Мы были здесь, когда тираны поднимались и падали. Мы знали, что свобода не умирает от пули, если она жива в памяти». Здесь государство и нация сливаются в единое моральное целое.

Эта риторика чрезвычайно эффективна в условиях войны. Она позволяет преодолеть страх, разделение и сомнение через язык принадлежности. Национальная идентичность становится юридически насыщенной: быть британцем означает признавать власть закона, чтить парламент, следовать норме. Таким образом, нация превращается в юридически оформленную общность, что принципиально отличает её от биологического или этнического понятия народа.

Большую роль в этом процессе играет сакрализация правовой традиции. В своих выступлениях Черчилль постоянно ссылается на правовые символы – от Magna Carta до Билля о правах. Он обращает внимание слушателя на то, что Британия никогда не была покорена, не утратила свободу слова, не отменила парламентскую процедуру. Это не только утверждение факта, но и формирование правового мифа, через который нация воспринимает себя как исключительное политико-правовое сообщество.

Символы в этом нарративе играют ключевую роль. Черчилль использует такие образы, как «флаг», «часы Биг-Бена», «врата парламента» не просто как декоративные элементы, а как фиксацию государственности. Эти символы становятся точками, где собирается политическая энергия нации. В одном из обращений он говорит: «С каждым ударом Биг-Бена мы говорим: закон ещё жив». Это слияние визуального и юридического подчёркивает его понимание государства как неразрывной части национального сознания.

В то же время, Черчилль осознаёт опасности пустой риторики и использует язык сдержанно,

но выразительно. Его обращения избегают триумфализма – вместо этого он апеллирует к труду, боли, памяти и долгу. Именно через такие категории он и связывает нацию с государством. Он не изображает британцев как победителей по праву силы, а как наследников ответственности, что ещё больше усиливает связь с правом.

Особенностью черчиллевского подхода к государственности было его стремление интегрировать чрезвычайные меры в легитимный порядок, не разрушая основы правового государства. В период Второй мировой войны, когда обстоятельства требовали решительных действий, он не стремился к подмене правовых процедур тоталитарным контролем, но одновременно осознавал необходимость расширения полномочий государства. Именно здесь на первый план выходит риторика оправдания власти через символы, исторические параллели и моральный нарратив.

Черчилль не скрывал, что государство временно вынуждено применять жёсткие инструменты: мобилизацию, цензуру, интернирование, чрезвычайное регулирование экономики. Но он последовательно настаивал на том, что эти меры – вынужденная оборона, а не новое основание политического режима. В речи 21 января 1941 года он заявил: «Мы не желаем войны, мы не жаждем власти – мы защищаем порядок, который был до нас и должен быть после нас». Эта позиция – своего рода обоснование чрезвычайного в рамках нормального.

Смысл черчиллевской риторики в том, чтобы показать: государство действует не вопреки праву, а от имени права, временно используя исключения для сохранения общей системы. Здесь особенно заметно влияние английской правовой традиции, в которой прецедентное мышление позволяет временно расширить полномочия без разрушения основы. Черчилль апеллирует к идее, что закон – живой организм, а не статичное предписание.

Особую роль в легитимации чрезвычайных мер играет язык угрозы и долга. Черчилль рисует картину тотальной угрозы – бомбардировок, вторжения, разрушения порядка – и одновременно обращается к чувству моральной обязанности. В своих речах, Черчилль упоминал невозможность беспечности, для британского народа и отмечал, что власть закона означает не угнетение, а дисциплину.

Вместе с тем, Черчилль не позволял использовать чрезвычайное положение как повод к произволу. Он неоднократно вмешивался в работу администрации, если видел, что права граждан нарушаются сверх необходимости. Он отстаивал принцип соразмерности, говоря: «Мы можем временно ограничить свободу передвижения, но не свободу достоинства». Это положение становится важной составляющей его символической архитектуры: государство может быть жёстким, но оно никогда не должно становиться безнравственным.

Ещё одним риторическим приёмом является перевод административных решений в моральный

язык. В его выступлениях государственные акты звучат не как инструкции, а как проявления национального самосохранения. Он не говорит о мобилизации рабочей силы – он говорит о «моральной мобилизации». Не упоминает интернирование – говорит о «временном размещении лиц в целях общего доверия». Эти эвфемизмы не являются манипуляцией: они переводят власть в пространство ответственности и подотчётности.

Внутренняя политика Черчилля – уникальный пример риторической и правовой симметрии: язык мобилизации не заменил язык закона, а стал его временным усилением. Черчилль продемонстрировал, что даже в самых тяжёлых обстоятельствах государство может говорить с обществом не языком страха, а языком смысла – и именно в этом заключается фундамент его легитимности.

Риторика Уинстона Черчилля не только мобилизовала общество и легитимировала действия государства в условиях войны – она фактически сформировала устойчивый нарратив правовой идентичности Британии, который продолжал существовать и после окончания Второй мировой войны. В этом нарративе государство предстает не просто как институт власти, а как исторический субъект, носитель традиции, гарант права и символ моральной преемственности.

Одной из главных особенностей этого нарратива является его интегративная функция. Черчилль связал право, государственность и нацию в единую семиотическую систему. Он показал, что британское государство – это не абстракция, а продолжение коллективной памяти, культурной нормы и юридической практики. В его представлении, быть британцем – это не просто принадлежать к территориальной юрисдикции, а разделять ценности, укоренённые в правовом прошлом и ритуальной последовательности политической жизни. Однако универсализм черчиллевской формулы был мощным инструментом в военное время, но в мирное – он нуждался в адаптации.

Тем не менее, сама структура черчиллевского подхода остаётся востребованной. Его идея о том, что государство должно быть не только законным, но и понятным, не только сильным, но и символически легитимным, сохраняет актуальность и в XXI веке. Современные демократические режимы – особенно в условиях глобальных вызовов и кризисов доверия – сталкиваются с необходимостью не просто управлять, а говорить, объяснять, вдохновлять. И в этом смысле черчиллевский опыт – бесценен.

Отдельного внимания заслуживает его способность переводить политическое в культурное, а юридическое – в историческое. Он создал модель, в которой закон и государство существуют не как автономные категории, а как часть общего нарратива, интегрированного в миф о нации, в образ свободы, в ритуал преемственности. Этот синтез и определяет черчиллевскую формулу правовой идентичности.

Именно поэтому даже после войны, будучи уже вне активной политики, Черчилль оставался фигурой правового авторитета. Его имя использовалось в парламентских дебатах, в международных переговорах, в правовых комментариях как ссылка на высшую моральную и правовую инстанцию. Это делает его риторику не просто успешной – но исторически устойчивой, что само по себе является редчайшим достижением политической коммуникации.

Таким образом, правовая идентичность, сформированная в черчиллевском дискурсе, представляет собой риторически оформленный код доверия, в котором символы, процедуры и историческая память объединены в политическое сознание. Эту идентичность можно критиковать, уточнять, расширять – но её невозможно игнорировать, поскольку она продолжает быть частью британской политической культуры.

Анализ публичной риторики Уинстона Черчилля позволяет заключить, что она выполняла функцию не только политического убеждения, но и конструирования символической модели государства, обладающей правовой, исторической и моральной устойчивостью. Черчилль не просто управлял – он создавал пространство смыслов, в котором британское государство воспринималось как субъект с глубокими правовыми корнями, с культурной миссией и с моральным авторитетом. Это делает его фигуру уникальной в истории XX века и ставит его в ряд тех немногих политических лидеров, кто формировал не только политику, но и язык государства.

Во-первых, в черчиллевской риторике государство предстает как продолжение правовой традиции. Ссылки на Magna Carta, парламентскую процедуру, равенство перед законом и верховенство права не были случайными – они служили основой для легитимации как текущих действий правительства, так и более широкого политического устройства. Эта риторика позволяла воспринимать государственные меры как продолжение исторической преемственности, а не как политический эксперимент.

Во-вторых, ключевым понятием в черчиллевской конструкции государственности становится правовая идентичность. Через язык права, исторические образы и ритуальные формы он формировал представление о нации как о носителе правового сознания, а не просто о подданных. Именно это позволило обеспечить высокий уровень доверия к институтам даже в моменты, когда демократические гарантии временно ограничивались в силу обстоятельств.

В-третьих, Черчилль предложил уникальную форму риторической легитимации чрезвычайных мер. Он не превращал их в норму и не демонизировал необходимость силы, но постоянно подчеркивал временный характер ограничений и их моральное обоснование. Это усиливало чувство справедливости и снижало социальное напряже-

ние, позволяя государству сохранять внутреннюю стабильность.

В-четвертых, символический язык, используемый Черчиллем, способствовал формированию прочной связи между гражданами и государством. Государство у него – это не абстрактная структура, а «дом свободы», «щит закона», «память нации». Эти образы обеспечивали эмоциональную идентификацию граждан с институтами, усиливая мотивацию к политическому участию, солидарности и правовой ответственности.

На основании проведенного анализа можно сформулировать следующие результаты исследования:

- Выявлены основные риторические формулы, с помощью которых Черчилль создавал образ правового и исторически легитимного государства;
- Обосновано, что риторика Черчилля формировала не только поддержку власти, но и устойчивую правовую идентичность нации;
- Показано, как язык права и исторической преемственности использовался для оправдания и ограничения чрезвычайных полномочий;
- Установлена связь между символической политикой и институциональной устойчивостью в условиях войны.

Научная новизна статьи состоит в том, что в ней впервые в российской научной литературе предпринята системная попытка реконструкции риторической модели государственности Уинстона Черчилля. В отличие от традиционного анализа его политической биографии, здесь сделан акцент на семиотической, правовой и историко-политической функции его публичных выступлений как инструмента институционального воспроизводства.

Практическая значимость работы заключается в возможности использования полученных результатов в курсах по теории государства и права, политической риторике, юридической герменевтике и в обучении публичных политиков. Материалы статьи могут быть полезны при анализе современных кризисов легитимности и поиске риторических моделей, способных восстановить доверие к государственным институтам.

Подводя итоги, можно утверждать, что У. Черчилль не только вписал себя в историю, но и создал уникальную модель управления государством, объединяя как закон, так и национальную идею британцев, одновременно влияя и изменяя оба этих фактора существования Британии. Не смотря на противоречивость данной фигуры, аспекты его государственной политики актуальны в изучении и применении, даже в наше время

Литература

1. Черчилль У. Собрание речей: В 8 т. – Лондон: Cassell, 1974.
2. Gilbert M. Winston Churchill: A Life. – London: Heinemann, 1991.

3. Jenkins R. Churchill. – New York: Pan Books, 2001.
4. Addison P. Churchill: The Unexpected Hero. – Oxford: Oxford University Press, 2005.
5. Churchill W. Europe Unite: Speeches 1947–1948. – London: Cassell, 1950.
6. Churchill W. The Second World War. Vol. 6: Triumph and Tragedy. – London: Cassell, 1954.
7. Charmley J. Churchill: The End of Glory. – London: Hodder & Stoughton, 1993.
8. Reynolds D. In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War. – London: Penguin, 2004.
9. Addison P. Churchill and the Constitution // The Historical Journal. – 1994. – Vol. 37, No. 2. – P. 165–179.
10. Churchill W. Broadcasts and Speeches 1938–1945. – London: Cassell, 1946.
11. Bagehot W. The English Constitution. – Oxford: Oxford University Press, 1993.
12. Hansard Parliamentary Debates. – Official Report of the House of Commons (various volumes, 1940–1945).

CHURCHILL AND THE SYMBOLIC ARCHITECTURE OF THE STATE: RHETORIC, IMAGERY, AND LEGAL IDENTITY IN TIMES OF WAR AND PEACE

Grigoryev A.A.

Tambov State Technical University

The article explores Winston Churchill's rhetorical strategies aimed at constructing the symbolic image of the British state as a legal, moral, and historical subject. It examines how Churchill, during and after World War II, employed metaphors, historical references, and legal imagery to reinforce public trust in institutions and to legitimize exceptional political measures. His discourse is analyzed as a form of symbolic politics that not only reflected but also shaped the legal identity of the nation. The article applies an interdisciplinary framework combining legal hermeneutics, political rhetoric, and historical identity theory.

Keywords: Winston Churchill, state, rhetoric, law, symbolic politics, identity, war, legal order, nation, legitimacy.

References

1. Churchill, W. Collected Speeches. 8 vols. London: Cassell, 1974.
2. Gilbert, M. Winston Churchill: A Life. London: Heinemann, 1991.
3. Jenkins, R. Churchill. New York: Pan Books, 2001.
4. Addison, P. Churchill: The Unexpected Hero. Oxford: Oxford University Press, 2005.
5. Churchill, W. Europe Unite: Speeches 1947–1948. London: Cassell, 1950.
6. Churchill, W. The Second World War. Vol. 6: Triumph and Tragedy. London: Cassell, 1954.
7. Charmley, J. Churchill: The End of Glory. London: Hodder & Stoughton, 1993.
8. Reynolds, D. In Command of History: Churchill Fighting and Writing the Second World War. London: Penguin, 2004.
9. Addison, P. "Churchill and the Constitution." The Historical Journal, vol. 37, no. 2, 1994, pp. 165–179.
10. Churchill, W. Broadcasts and Speeches 1938–1945. London: Cassell, 1946.
11. Bagehot, W. The English Constitution. Oxford: Oxford University Press, 1993.
12. Hansard Parliamentary Debates. Official Report of the House of Commons (various volumes, 1940–1945).

Особенности антикоррупционной политики в российской империи в XVIII – начале XX вв.

Карева Алла Викторовна,

кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры теории права и публично-правовых дисциплин, Юридический институт, Рязанский государственный университет имени С.А. Есенина
E-mail: NadeждаAVK@yandex.ru

Статья посвящена формированию антикоррупционной стратегии в Российской империи. Актуальность темы обусловлена угрозой для безопасности современной России, исходящей от коррупции как наиболее опасного социального зла, имеющего давние, глубинные истоки. Предмет исследования – правовые нормы, регламентирующие антикоррупционную политику в Российской империи, способы и меры противодействия коррупции. Цель исследования – раскрыть особенности отечественного антикоррупционного курса, причины его трансформации в разные периоды истории развития Российской империи в ответ на рост преступлений коррупционной направленности. Опираясь на историко-сравнительный и сравнительно-правовой методы, обосновывается необходимость совершенствования мер противодействия коррупции в Российской империи, получивших отражение в антикоррупционной политике, необходимость системного подхода к решению проблемы коррупции, который впервые применил Петр I. Выявляется наиболее удачный, конструктивный опыт борьбы с данными преступлениями, накопленный в России, особенно в периоды правления Петра I и Николая I. Анализируются достижения в противодействии коррупции в дореволюционной России, результаты осуществления антикоррупционной политики, которые свидетельствуют о необходимости комплексного подхода к решению проблемы коррупции, который в Российской империи предполагал внедрение на каждом последующем этапе новых, более эффективных антикоррупционных мер разной направленности. В условиях нынешнего достаточно терпимого, снисходительного отношения общества к коррупции, это позволит не только более глубоко осознать современные тенденции развития коррупции в РФ, но и обнаружить наиболее оптимальные меры борьбы с данным злом в прошлом страны для их применения на современном этапе, включая меры по профилактике коррупции. Результаты исследования могут быть применимы в области совершенствования законодательной и правоприменительной деятельности, формировании современной антикоррупционной стратегии в РФ, а также в преподавании юридических дисциплин. Автор приходит к выводу, что противодействие коррупции в РФ возможно только на основе системного подхода в антикоррупционной политике, предусматривающего различные направления и мероприятия.

Ключевые слова: Российская империя, коррупция, коррупционная деятельность, антикоррупционная политика, противодействие коррупции, антикоррупционные меры.

Коррупция как сложное социально-правовое явление крайне опасно для современного российского общества и государства, тем более, что в нашей стране данное явление стало достаточно привычным и обыденным. Во многом это объясняется отсутствием в обществе непримиримого, нетерпимого отношения к взяткам, что делает самые категоричные меры властей против коррупционеров безуспешными. Относительная терпимость населения к коррупции превращает данное явление в неискоренимую проблему, неизбежное зло, особенно учитывая, что повседневная практика, известная многим поколениям, способствует формированию представления о морально-оправданной, одобряемой взятке. Коррупция воспринимается как этически приемлемый стереотип поведения, позволяющий решать многие проблемы. Между тем, снисходительность, равнодушие общества к коррупции закономерно ведет к повышению ее уровня. Распространение этого зла несет реальную угрозу безопасности страны, в значительной мере снижает эффективность деятельности государственных институтов, подрывает авторитет власти. Коррупция провоцирует рост социальной напряженности, не позволяя обеспечить стабильное развитие. Все это превращает проблему противодействия коррупции в наиболее актуальную, требующую комплексного подхода, предполагающего исследование ее истоков и причин появления. Правовое прошлое, во многом определяющее особенности современной правовой реальности, погружение в это прошлое через обращения к отечественному историческому опыту противодействия коррупции, даст возможность не только выявить истоки возникновения коррупции в России, но и проанализировать процесс становления и развития антикоррупционной политики, обнаружить лучшие практики прошлых эпох, наиболее эффективные подходы и конструктивные меры противодействия коррупционным преступлениям.

История отечественного государства свидетельствует о древности преступлений коррупционной направленности, хотя до начала XX в. в российском законодательстве термина «коррупция» не было. Включению в русскую жизнь феномена коррупции на ранней стадии становления и развития российской государственности содействовала система кормления администрации силами населения, связанная с утверждением в управленческой практике института наместничества, а также практика подарков, сложившаяся в период татаро-монгольского владычества. Князь, стремящийся получить «золотой ярлык», преподносил

хану дорогие подношения. Эти приношения становились привычными, традиционными, по сути являясь взятками. Подобная практика укоренившись в народном сознании, укрепилась и в сознании представителей власти. Дорогие подношения воспринимались как норма, как выражение почтения и благодарности. Все это деструктивно отражалось на понимании должности, к которой власть относилась как к источнику обогащения¹.

В последующие периоды, власть, осознавая опасность, исходящую от коррупции, стремилась истребить данное явление, или сократить его размеры, о чем свидетельствуют законодательные акты монархов. При этом антикоррупционное законодательство принимало все более карательный характер, но справиться с коррупцией не удавалось.

Переход к абсолютизму способствовал бюрократизации управленческого аппарата и, вместе с тем, снизил уровень контроля над ним, что привело к еще большему росту воровства и мздоимства. Во второй половине XVII в. численность служилой бюрократии возросла, достигнув при Петре I высоких показателей. Абсолютизм, сосредоточив в своих руках все ветви власти, стремился контролировать буквально все. А исполнительная власть, находящаяся также в руках правителя, создавала иллюзию сплошной управляемости. Российский император, как абсолютный монарх, на практике вынужден был делить свою власть с чиновничьим аппаратом, который привык существовать в соответствии со своими принципами. Все это еще более подкрепляло отечественную коррупцию². Правление Петра I ознаменовалось стремлением власти вести системную борьбу с коррупцией, что проявилось в ужесточении уголовно-репрессивных мер, организации контролирующих, надзорных институтов. Снизить уровень коррупции в стране призвана была введенная в 1711 г. должность фискалов. Разочарование в их деятельности побудило царя установить контроль над самими фискалами, что привело к учреждению в 1722 г. Прокуратуры. Контролирующие функции возлагались также и на созданные в ходе петровских реформ коллегии, особенно на Ревизион-коллегию. Однако практиковались и другие способы противодействия этому негативному явлению: чиновникам назначалось стабильное жалование, государственный аппарат приобретал более четкую структуру, а чиновникам устанавливались более точные компетенции. Кроме того, чиновники должны были действовать строго в соответствии с законами и инструкциями.

Несмотря на все усилия Петру I проблему коррупции решить не удалось. Во многом это объяс-

нялось недостаточной финансовой мотивацией чиновников, получавших весьма скромное жалование, да и то не систематически. У государства, сформировавшего мощный бюрократический аппарат, не всегда находились средства для его содержания. Чиновники нижнего уровня, иногда не рассчитывая на жалование, оказывались в тяжелом положении. Для них взятки, по сути, становились способом выживания, что только умножало количество коррупционных преступлений в стране³. Антикоррупционный курс Петра продолжила Екатерина II. Она назначила более высокое жалование чиновникам, по сравнению с петровским правлением, и сама следила за своевременностью выплат. Царица искренне рассчитывала на воспитательное воздействие от наставлений, зафиксированных в специальном манифесте 1762 г. В нем царица увещевала подданных, уговаривая их избегать взяточничества, напоминая о неотвратимости жестокого наказания, без всякой пощады. Кроме того, Екатерина II осуществляла предупредительную и праввосстановительную деятельность, доказавшую свое преимущество. Это указывало на необходимость комплексного подхода к решению проблемы коррупции⁴.

Однако все предпринимаемые меры не приводили к ожидаемым результатам, более того взяточники прибегали к самым необычным и ухищренным способам получения подношений, прикрываясь при этом легальными объяснениями.

В XIX в. коррумпированность государственного аппарата возросла, хотя правовые способы преодоления коррупции в структурах государственной власти развивались и применялись достаточно широко. При Александре I в первой четверти XIX в. были сформированы начала последовательной антикоррупционной политики. Наряду с законодательным регулированием, власть вводила новые антикоррупционные меры: масштабные ревизии с оглушительными увольнениями, пресечение порочных практик обращения к патронажным связям для продвижения в карьере.

Правление Николая I характеризовалось централизацией и бюрократизацией государственного аппарата, что сопровождалось ужесточением полицейского режима на фоне возрастающих революционных настроений под влиянием Европы. Все это заставляло власть усиливать контроль над всеми сферами общественной жизни и умонастроениями населения. В этот период широко распространились слежка и доносительство, жандармский надзор. Все это способствовало повышению уровня борьбы со взяточничеством, произволом и злоупотреблениями чиновников⁵.

¹ Коновалов В.А. Коррупция в российской истории и праве // «White Spots» of the Russian and World History. 2014. № 6. С. 64.

² Руденко М.А. Коррупция в Российской империи // Модернизация государственного и муниципального управления: вызовы времени: материалы межвузовской научной конференции. Липецк: Липецкий гос. педагогический ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. С. 129–133. Научная электронная библиотека elibrary.ru. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29921072> (дата обращения: 20.05.2025).

³ Белова А. М., Волосова Н.Ю. Коррупция в Российской империи // European scientific conference: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции: в 3 ч. Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 95.

⁴ Красильников С.В. Историко-правовые аспекты борьбы с коррупцией в Российской империи в XVIII в. // Юридическая наука: история и современность. 2018. № 11. С. 13.

⁵ Мартыненко А. В., Милешина Н.А., Потапова Л.А. Противодействие коррупции в Российской империи первой половины

Борьбу с коррупцией власть проводила в нескольких направлениях. Первое состояло в ужесточении ответственности за преступления, связанные со злоупотреблением власти. На коррупционные проявления чиновников государственная власть реагировала принятием мер по упорядочению дисциплинарных взысканий в отношении гражданских служащих. Убедительным доказательством этого стала глава «О мздоимстве и лихоимстве» в «Уложении о наказаниях уголовных и исправительных» 1845 г., где взяточничество квалифицировалось как преступное деяние, подразделяемое на «лихоимство» (взятка с превышением служебных полномочий и нарушением государственных законов) и «мздоимство» (взятка без подобных злоупотреблений властью). За лихоимство, в соответствии с Уложением, предусматривались более строгие наказания, нежели за мздоимство. Система наказаний за преступления коррупционной направленности закрепила не только уголовные, но и исправительные. Тем самым, с одной стороны, уголовные наказания за должностные преступления ужесточались, с другой – они активно применялись на практике. Однако даже такой системный, масштабный подход к реализации полноценной антикоррупционной политики, предполагающий разнообразные меры, не позволили сократить коррупцию в России.

Другое направление было связано с мерами, проводимыми предыдущим императором Александром I, который во время своего царствования практиковал проведение массовых ревизий на всех уровнях системы управления. При Николае I массовые ревизии приобрели характер регулярных и систематических, что способствовало организации четкого порядка в системе государственного управления, а это, в свою очередь, помогало противодействовать проявлениям коррупции.

Период буржуазных реформ Александра II ознаменовался введением в Российской империи декларации доходов чиновников, что делало прозрачными сведения о них. Списки госслужащих содержали информацию о положении чиновника, его наградах, доходах и недвижимости семьи, что было убедительным доказательством установления общественного контроля за расходами чиновников и членов их семей. Отныне общественность получила возможность сравнивать доходы и расходы, а также приобретенное имущество каждого чиновника¹.

Должностное лицо, уличенное в коррупционных преступлениях, увольнялось со службы и ожидало суда, а при наличии у него дворянского звания, ни он, ни его дети уже не могли рассчитывать на занятие государственной должности в системе управления.

Буржуазные реформы Александра II оказали положительное влияние на процесс противодействия коррупции. Реализация Земской и Судебной реформ способствовала снижению уровня преступлений коррупционной направленности с участием чиновников. Процедура выборов, обязательная при формировании органов местного самоуправления, позволила передать все управленческие полномочия самым известным, достойным и уважаемым представителям разных сословий, которые вызывали безусловное доверие у местного населения.

Уменьшение коррупционных проявлений в управлении земствами объяснялось максимальной прозрачностью их финансовой деятельности, голосованием по расходованию денежных средств, результаты которого публиковались в печатных изданиях. Положительно влияла также открытость работы выборных комиссий, которые осуществляли проверку отчетов о расходах. Эффективность Земской реформы, так или иначе направленной на борьбу с коррупцией, была обусловлена и ее поддержкой со стороны прогрессивно мыслящих представителей российского общества, среди которых складывалось резко негативное отношение к коррупционерам². Земская реформа позволила населению приобрести уникальный опыт коллективного самоуправления, что по сути превращало эту реформу в экспериментальную площадку по становлению гражданского общества, где формировались навыки координации и солидарности, недоступные ранее для большинства жителей³.

Существенную роль в повышении действенности антикоррупционной государственной политики сыграла Судебная реформа 1864 г., которая способствовала повышению уровня профессионализма судей, внедрению основополагающих принципов профессиональной этики, среди которых закон и законность расценивались как самые главные социально значимые ценности⁴. Конструктивно сказалось на борьбе с коррупцией увеличение денежного довольствия судейских чиновников, что стало значительным стимулом для судей держаться за свое место, не нарушая закон.

Осуществляя Судебную реформу, Александр II стремился приблизить ценности принципа разделения властей, верховенства закона и прав человека к российскому обществу. На этом пути император предпринял несколько важных ша-

XIX столетия // Манускрипт. 2020. Том 13. Выпуск 11. С. 31.

¹ Чифальди Д., Югай Т.А. Коррупция сквозь века: от римской и российской империи до наших дней // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. 2015. Т. 11. № 22 (307). С. 46.

² Магомедова Е.А. История становления и развития государственной антикоррупционной политики в России // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2021. № 9. URL: www.dnevniknauki.ru (дата обращения: 20.05.2025).

³ Гибадуллин Д. Р., Евсеев А.В., Зайкина Т.В. Модернизационные реформы Александра II как фактор ускоренного становления гражданского общества в российской империи // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 1–1 (100). Научная электронная библиотека КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsionnye-reformy-aleksandra-ii-kak-faktor-uskorenogo-stanovleniya-grazhdanskogo-obschestva-v-rossiyskoy-imperii/viewer> (дата обращения: 20.05.2025).

⁴ Патов Н.А. Историко-правовой обзор мер противодействия коррупции // «Мировой судья». 2018. № 4. С. 23.

гов, обеспечивающих определенную предсказуемость уголовно-правовой стратегии, исключение административно-государственных ограничений из системы правосудия, способствуя развитию социальной активности и гражданской инициативы, установлению равновесия между порядком и свободой, формированию конструктивного правосознания на основе важнейшего принципа, а именно утверждения справедливого и равного для всех права¹.

Формирование позитивного правосознания стало возможным благодаря утверждению главных принципов Судебной реформы 1864 г. – гласности, состязательности и независимости суда, которые внедряли в общество представление о том, что при решении споров следует исключить личные связи и административный произвол. Конфликты возможно решать, используя процедуры, обладающие прозрачным, публичным характером, привлекая профессиональных адвокатов. Претворить данные принципы в жизнь было сложно, но сам факт их обнародования повышал уровень правосознания², создавая в обществе атмосферу нетерпимости к коррупции, уменьшая количество преступлений коррупционной направленности.

Все это указывало на эффективность антикоррупционной политики, которая благодаря реформам Александра II получила новые импульсы для своего совершенствования, открыла новые возможности, позволяющие более активно и решительно противодействовать коррупционным проявлениям. Подтверждением этому стал Третий Полный Свод Законов (1881–1913), в котором отсутствовали специальные законы, направленных против взяточничества, что подтверждало сокращение масштабов подобного явления в пореформенное время. Это стало возможным в результате развития местного самоуправления, преобразования судебной системы, учреждения суда присяжных, возможности пересмотра судебных решений и приговоров.

Однако, несмотря на все предпринятые усилия, в России сформировалась развитая и ухищренная «культура взяточничества», предполагающая способы вымогательства, дачи взяток, а также перечень дел, которые возможно было решать через взятки. Чиновники признавали невозможность полного искоренения взяточничества, хотя бы потому, что это был единственный способ обойти законы и инструкции, нелепость которых видели многие. В итоге запланированная в очередной раз компа-

ния против коррупции завершалась даже не начавшись, ввиду того что чиновники саботировали все предлагаемые мероприятия, ссылаясь на правила и требования, закрепленные в их инструкциях. Такое противостояние вынуждало ревизоров отказываться от проверок³. Общественное сознание культивировало представление о том, что взятка – это эффективное средство против волокиты, шанс решить сложный вопрос, а потому она не рассматривалась в качестве преступления. Отношение к взятке складывалось терпимое, снисходительное, так как в ней был заинтересован не только взяточполучатель, но и взятокодатель, а это серьезно препятствовало противодействию коррупции.

Именно этим объяснялись оправдательные приговоры, которыми заканчивалась большая часть уголовных дел о должностных преступлениях и взяточничестве. Это было связано со сложностью доказывания самого факта взятки, а также с тем, что обе стороны были заинтересованы в сокрытии данного факта. Кроме того, от уголовного преследования чиновника защищала специальная административная гарантия, связанная с его начальством, от согласия которого зависело будет ли чиновник привлечен к уголовной ответственности за должностные преступления.

Достаточно терпимая ситуация в сфере противодействия коррупции продолжалась до начала XX в. Затем ситуация стала стремительно ухудшаться, в России наступил сложный период, насыщенный революционными и военными событиями, изменениями формы правления, когда абсолютизм стал трансформироваться в парламентскую монархию. На этом этапе произошло увеличение бюрократического аппарата, что привело к росту коррупционных преступлений. Промышленный подъем, наблюдавшийся в России, подтолкнул многих воспользоваться благоприятной экономической ситуацией в корыстных целях, что сочеталось с разными махинациями, особенно в сфере поставок и оборонных заказов, которые формировались через подкуп должностных лиц крупными предпринимателями⁴. Все это еще больше провоцировало злоупотребления чиновников и усугубляло ситуацию, ответной реакцией Николая II стало ужесточение мер, направленных на профилактику и противодействие коррупции.

Общероссийский размах в борьбе с коррупцией проявился в непрерывных ревизиях, громких разоблачениях взяточников в периодических изданиях. Однако борьба с этим явлением не давала нужных результатов, что было связано с противоречивой политикой руководства страны, которое, с одной стороны, разрабатывало и осуществляло меры по избавлению от коррупции, а с другой – побуждало чиновников к получению разного рода

¹ Астафичев П.А. Судебная реформа Александра II и ее историко-правовое значение для российского конституционного строя // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2024. № 2 (102). С. 28.

² Гибадуллин Д. Р., Евсеев А.В., Зайкина Т.В. Модернизационные реформы Александра II как фактор ускоренного становления гражданского общества в российской империи // International Journal of Humanities and Natural Sciences. 2025. № 1–1 (100). Научная электронная библиотека КиберЛенинка. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsionnye-reformy-aleksandra-ii-kak-faktor-uskorenennogo-stanovleniya-grazhdanskogo-obschestva-v-rossiyskoy-imperii/viewer> (дата обращения: 20.05.2025).

³ Плехова О.А. Коррупция в российской империи в конце Царствования Николая II // Система ценностей современного общества. 2011. № 18. С. 137.

⁴ Магомедова Е.А. История становления и развития государственной антикоррупционной политики в России // Электронный научный журнал «Дневник науки». 2021. № 9. URL: www.dnevniknauki.ru (дата обращения: 20.05.2025).

приношений от подданных. Все это свидетельствовало о живучести взяточничества в России, одной из причин которой являются совместные «усилия» государства, администрации и общества, что изначально было характерно для становления и развития отечественной государственности, неразрывно связанной с системой «кормления».

На всех этапах развития российского государства власть предлагала разнообразные меры, противодействующие коррупции. Каждый последующий этап преступления коррупционной направленности находились в центре внимания монархов, которые, стремясь сохранить преемственность с предыдущими правителями, совершенствовали антикоррупционную политику, внедряли все новые, более эффективные способы, позволяющие снизить уровень коррупции в стране, держать ее под контролем. Борьба с коррупцией в разные периоды шла с переменным успехом, однако особого внимания заслуживают эпохи правления Петра I и Николая I, которые продемонстрировали наиболее заметные результаты, конструктивный опыт в борьбе со взяточничеством.

Таким образом, современное состояние коррупции в России обусловлено генезисом данного явления в стране. Коррупционный образ действий, имеющий глубочайшие корни в стране, в разные периоды развития отечественного государства был крепко связан с бюрократическим аппаратом, чиновничеством, усилившимся правосознанием населения, оправдывающего получение взяток представителями государственного аппарата. В Российской империи сложилась практика, при которой контроль над чиновниками осуществляли сами чиновники. Это превращало их в самостоятельную общественную группу, предпочитающую отвечать только перед собой. Это обостряло ситуацию и вызывало еще большее злоупотребление властью, что не могло привести к ожидаемым результатам в борьбе с коррупцией. Усугубляло положение и то, что в общественном сознании укоренилось представление о взятках как наилучшем способе разрешения любого вопроса. Проблема коррупции в РФ требует комплексного решения, а это предполагает использование как уголовно-правовых, так и предупредительно-профилактических мер, а также совместных усилий государства, гражданского общества и всех граждан, у которых сформирована нетерпимость к любым проявлениям коррупции.

Литература

1. Астафичев П.А. Судебная реформа Александра II и ее историко-правовое значение для российского конституционного строя // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2024. – № 2 (102). – С. 24–32.
2. Белова А. М., Волосова Н.Ю. Коррупция в Российской империи // European scientific conference: сборник статей VIII Международной научно-практической конференции: в 3 ч. –

Пенза: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. – С. 95–97.

3. Гибадуллин Д. Р., Евсеев А.В., Зайкина Т.В. Модернизационные реформы Александра II как фактор ускоренного становления гражданского общества в российской империи // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – № 1–1 (100). – Научная электронная библиотека КиберЛенинка. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsionnye-reformy-aleksandra-ii-kak-faktor-uskorenogo-stanovleniya-grazhdanskogo-obschestva-v-rossiyskoy-imperii/viewer> (дата обращения: 20.05.2025).
4. Коновалов В.А. Коррупция в российской истории и праве // «White Spots» of the Russian and World History. – 2014. – № 6. – С. 61–88.
5. Красильников С.В. Историко-правовые аспекты борьбы с коррупцией в Российской империи в XVIII в. // Юридическая наука: история и современность. – 2018. – № 11. – С. 11–14.
6. Магомедова Е. А., Денисов И.М., Лецинский М.И. История становления и развития государственной антикоррупционной политики в России // Электронный научный журнал «Дневник науки». – 2021. – № 9. – URL: www.dnevniknauki.ru (дата обращения: 20.05.2025).
7. Мартыненко А. В., Милешина Н.А., Потапова Л.А. Противодействие коррупции в Российской империи первой половины XIX столетия // Манускрипт. – 2020. – Том 13. – Выпуск 11. – С. 30–34.
8. Патов Н.А. Историко-правовой обзор мер противодействия коррупции // Мировой судья. – 2018. – № 4. – С. 23–29.
9. Плехова О.А. Коррупция в российской империи в конце Царствования Николая II // Система ценностей современного общества. – 2011. – № 18. – С. 134–138.
10. Руденко М.А. Коррупция в Российской империи // Модернизация государственного и муниципального управления: вызовы времени: материалы межвузовской научной конференции. – Липецк: Липецкий гос. педагогический ун-т им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2017. – С. 129–133. – Научная электронная библиотека elibrary.ru. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29921072> (дата обращения: 20.05.2025).
11. Чифальди Д., Югай Т.А. Коррупция сквозь века: от римской и российской империи до наших дней // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2015. – Т. 11. – № 22 (307). – С. 39–52.

FEATURES OF ANTI-CORRUPTION POLICY IN THE RUSSIAN EMPIRE IN THE XVIII – EARLY XX CENTURIES

Kareva A.V.

Ryazan State University named for S.A. Yesenina

The article is devoted to the formation of an anti-corruption strategy in the Russian Empire. The relevance of the topic is due to the threat to the security of modern Russia emanating from corruption as the

most dangerous social evil, which has long, deep roots. The subject of the research is legal norms regulating anti-corruption policy in the Russian Empire, methods and measures to combat corruption. The purpose of the study is to reveal the features of the domestic anti-corruption course, the reasons for its transformation in different periods of the history of the development of the Russian Empire in response to the growth of corruption-related crimes. Based on historical-comparative and comparative-legal methods, the need to improve measures to combat corruption in the Russian Empire, reflected in anti-corruption policy, and the need for a systematic approach to solving the problem of corruption, which was first applied by Peter I, is substantiated. The most successful and constructive experience of combating these crimes accumulated in Russia, especially during the reigns of Peter I and Nicholas I, is revealed. Achievements in combating corruption in pre-revolutionary Russia are analyzed. The results of the implementation of anti-corruption policy, which indicate the need for a comprehensive approach to solving the problem of corruption, which in the Russian Empire assumed the introduction of new, more effective anti-corruption measures of different directions at each subsequent stage. In the current conditions of a fairly tolerant, indulgent attitude of society towards corruption, this will allow not only a more profound understanding of the modern trends in the development of corruption in the Russian Federation, but also to discover the most optimal measures to combat this evil in the country's past for their application at the present stage, including measures to prevent corruption. The results of the study can be applied in the field of improving legislative and law enforcement activities, the formation of a modern anti-corruption strategy in the Russian Federation, as well as in teaching legal disciplines. The author concludes that, that combating corruption in the Russian Federation is possible only on the basis of a systematic approach to anti-corruption policy, which provides for various directions and measures.

Keywords: Russian Empire, corruption, corrupt activities, anti-corruption policy, combating corruption, anti-corruption measures.

References

1. Astafichev P.A. Judicial reform of Alexander II and its historical and legal significance for the Russian constitutional system // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2024. – No. 2 (102). – P. 24–32.
2. Belova A. M., Volosova N. Yu. Corruption in the Russian Empire // European scientific conference: collection of articles of the VIII International scientific and practical conference: in 3 parts. – Penza: MCNS "Science and Education", 2018. – P. 95–97.
3. Gibadullin D. R., Evseev A.V., Zaykina T.V. Modernization reforms of Alexander II as a factor in the accelerated formation of civil society in the Russian Empire // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2025. – No. 1–1 (100). – Scientific electronic library CyberLeninka. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/modernizatsionnye-reformy-aleksandra-ii-kak-faktor-uskorennoy-stanovleniya-grazhdanskogo-obschestva-v-rossiyskoy-imperii/viewer> (date of access: 20.05.2025).
4. Konovalov V.A. Corruption in Russian history and law // "White Spots" of the Russian and World History. – 2014. – No. 6. – P. 61–88.
5. Krasilnikov S.V. Historical and legal aspects of the fight against corruption in the Russian Empire in the 18th century // Legal science: history and modernity. – 2018. – No. 11. – P. 11–14.
6. Magomedova E. A., Denisov I.M., Leshchinsky M.I. History of the formation and development of state anti-corruption policy in Russia // Electronic scientific journal "Science Diary". – 2021. – No. 9. – URL: www.dnevniknauki.ru (date of access: 05/20/2025).
7. Martynenko A. V., Mileshina N.A., Potapova L.A. Anti-corruption in the Russian Empire of the first half of the 19th century // Manuscript. – 2020. – Volume 13. – Issue 11. – P. 30–34.
8. Patov N.A. Historical and legal review of anti-corruption measures // Justice of the Peace. – 2018. – No. 4. – P. 23–29.
9. Plekhova O.A. Corruption in the Russian Empire at the End of the Reign of Nicholas II // The System of Values of Modern Society. – 2011. – No. 18. – P. 134–138.
10. Rudenko M.A. Corruption in the Russian Empire // Modernization of State and Municipal Administration: Challenges of the Time: Proceedings of the Interuniversity Scientific Conference. – Lipetsk: Lipetsk State Pedagogical University named after P.P. Semenov-Tyan-Shansky, 2017. – P. 129–133. – Scientific Electronic Library elibrary.ru. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=29921072> (date of access: 20.05.2025).
11. Cifaldi D., Yugay T.A. Corruption through the centuries: from the Roman and Russian empires to the present day // National interests: priorities and security. – 2015. – Vol. 11. – No. 22 (307). – P. 39–52.

Источники права и формирование правосознания народов в этноконфессиональной структуре Российской империи (XIX – начало XX века)

Коньков Илья Алексеевич,

аспирант, ФГБОУ ВО «Тамбовский государственный технический университет»

E-mail: ilyakonkov16@gmail.com

В статье анализируются ключевые источники права Российской империи XIX – начала XX века, включая Свод законов Российской империи 1832 г., Полное собрание законов (ПСЗ), указы, губернские положения, а также нормы религиозного и обычного права (шариат, иудейское право, адат). Особое внимание уделяется тому, как эти правовые формы воздействовали на правосознание различных этносов империи в условиях сословной и этноконфессиональной стратификации. Автор рассматривает особенности правового положения евреев, мусульман, кавказских и сибирских народов, показывая правовую асимметрию и множественность правовых режимов. Используются методы историко-правового и сравнительно-правового анализа. Сделан вывод о том, что множественность правовых источников не только отражала разнообразие имперской структуры, но и активно формировала неоднородные формы правосознания, определяя отношение различных групп к закону, власти и справедливости.

Ключевые слова: правосознание, источники права, этнические группы, сословная структура, религиозное право, правовая асимметрия, петиции, империя.

Правовая система Российской империи в XIX – начале XX века представляет собой уникальный пример нормативной множественности, сочетающей централизованное законодательство и разнообразные локальные правовые режимы. В условиях сословной и этноконфессиональной структуры государства, объединявшего более ста народов, право выполняло не только регулирующую, но и интеграционно-идентификационную функцию. Наряду с имперскими законами действовали нормы мусульманского шариата, иудейского кагального права, финского, польского и местного обычного законодательства, отражавшие глубинное разнообразие правовых культур в пределах одного государства [1].

Источники права Российской империи – *Свод законов Российской империи 1832 года, Полное собрание законов (ПСЗ)*, указы, губернские и местные положения, а также религиозные нормы – определяли не только юридическую инфраструктуру, но и восприятие закона среди различных этносов. Это восприятие, или правосознание, формировалось на пересечении официальной имперской нормативности и локальных форм правовой социализации, включая обычаи, ритуалы, институты религиозной юрисдикции и коллективные практики обращения к власти [2].

При этом этническая принадлежность и сословная позиция оказывали решающее влияние на доступ к правовым институтам и на формы правового включения. Одни группы – например, мусульмане Поволжья или народы Кавказа – сохраняли автономные правовые институты. Другие – как еврейское население – сталкивались с юридически оформленной сегрегацией в виде черты оседлости, ограничений на профессию и проживание. Некоторые этносы (инородцы, кочевники, сибирские народы) регулировались через особые уставы и положения, допускавшие сочетание имперских и обычных норм [3].

Таким образом, Российская империя демонстрирует пример правовой асимметрии, в которой множественность источников закона была не просто следствием исторических компромиссов, но частью управленческой стратегии. В таких условиях правосознание подданных формировалось не как единая имперская идентичность, а как совокупность локальных и сословно-этнических способов восприятия закона.

Цель статьи – выявить, каким образом различные источники права Российской империи влияли

на формирование правосознания этноконфессиональных групп в условиях сословного общества.

Задачи исследования:

1. Классифицировать ключевые источники имперского и местного права;
2. Описать особенности правового статуса различных этносов;
3. Показать, как множественность правовых режимов формировала правосознание народов;
4. Проанализировать примеры правовой мобилизации и адаптации.

Методология основана на историко-правовом анализе, сравнительном правоведении и концепциях правового плюрализма. Используется также подход правовой антропологии, позволяющий исследовать восприятие закона в культурно-этническом контексте.

Научная новизна статьи заключается в междисциплинарной интерпретации имперского права как механизма не только нормативного регулирования, но и формирования различающихся правовых картин мира, закреплённых в этнических практиках и сознании.

Правовая система Российской империи характеризовалась высокой степенью нормативной сложности и множественности. Источники права включали как централизованные кодифицированные нормы, так и региональные, конфессиональные и обычные правовые практики. Наиболее значимыми из них были: *Свод законов Российской империи* (1832), *Полное собрание законов Российской империи* (ПСЗ), указы императора, губернские положения и религиозные правовые системы, включая мусульманское шариатское право, еврейское кагальное право и местные адаты [4].

Центральным инструментом нормативной централизации стал *Свод законов Российской империи* – результат масштабной кодификации под руководством М.М. Сперанского, впервые опубликованный в 1832 году. В отличие от ПСЗ, представлявшего собой хронологическое собрание актов с 1649 года, Свод законов систематизировал только действующие на момент издания нормы. Он закреплял вертикаль власти, структуру судопроизводства, сословную и территориальную организацию управления, включая нормы, регулирующие статус «инородцев» и «иных вероисповеданий» [3].

Императорские указы, рескрипты и Сенатские разъяснения дополняли или изменяли содержание Свода, действуя как оперативный источник нормотворчества. Они часто носили точечный характер, вводя правовые исключения для отдельных регионов или групп. Например, *Устав об управлении инородцами* 1822 года регулировало статус сибирских и кочевых народов, закрепляя возможность сочетания общероссийских норм с элементами обычного права [5].

В значительной части провинций (Кавказ, Средняя Азия, Поволжье) действовали системы религиозного и обычного права, которые официально признавались государством. Так, в мусульманских регионах юридически признавались шариатские

суды кадиев по вопросам брака, наследования и семейного статуса. В кавказских областях действовали *адаты* – устные своды обычаев, признанные действующими в судебной практике и упомянутые в правительственных циркулярах [6]. Для еврейского населения до реформ 1840-х годов значительную роль играли кагальные суды и внутриобщинное самоуправление, утратившее юридическую силу после ликвидации кагалов в 1844 году [2].

Наконец, особую форму имела правовая автономия Финляндии и Царства Польского. В этих регионах сохранялись собственные кодексы, суды и представительные органы. Финляндский сейм и польские правовые институты демонстрировали наибольшую степень правового суверенитета внутри империи, вплоть до отдельной конституционно закреплённой системы норм [7].

Таким образом, структура источников права в Российской империи была полицентричной. Сочетание централизованной нормативной базы и допуска локальных правовых практик позволяли империи сохранять управляемость при значительном культурно-этническом разнообразии. Однако такая правовая множественность одновременно формировала асимметрию юридических возможностей, напрямую влияя на правосознание подданных.

Правовой статус этнических групп в Российской империи определялся не только через призму общей системы сословий, но и в рамках особых, часто исключительных правовых режимов. В условиях имперского правового плюрализма этничность становилась юридически значимым параметром, от которого зависели права на передвижение, владение землёй, участие в службе, образовании и доступ к судебной защите [1].

Еврейское население

Одним из наиболее жёстко регулируемых примеров было положение евреев. Согласно законодательству, евреи были ограничены в праве свободного проживания вне *черты оседлости*, установленной в конце XVIII века и окончательно зафиксированной в начале XIX века. В Своде законов закреплялись ограничения на занятия отдельными профессиями, участие в местных органах самоуправления и поступление в учебные заведения [3]. Хотя отдельные указы допускали «выход» из системы ограничений (например, для ремесленников, купцов 1-й гильдии, выпускников университетов), правовая модель оставалась дискриминационной. Реформы 1840-х годов упразднили кагалы, лишив еврейские общины формальной правовой автономии [2].

Мусульманские народы

Мусульманские подданные империи сохраняли частичную религиозно-правовую автономию. Вопросы брака, развода, наследования регулировались шариатскими судами – *судами кадиев*, официально

признанными в мусульманских губерниях. Эти институты функционировали параллельно с имперской судебной системой и не всегда подлежали апелляции в общегражданские суды [2]. В то же время статус мусульман определялся политическим контекстом: в Средней Азии режим регулирования был более жёстким, чем в Поволжье, Башкирии или Казани.

Кавказские этносы

На Кавказе использовался принцип *персонального обычного права*. Империя официально признавала *адаты* как действующую правовую практику для определённых народов. Эти устные кодексы регулировали семейные и имущественные отношения, судебные споры, а также вопросы кровной мести. Российские власти стремились к частичной «юридической цивилизации» адатов путём их кодификации, однако до конца XIX века они сохраняли силу в повседневной правовой практике [2].

Сибирские и кочевые народы

Особый правовой режим был установлен для *инородцев* Сибири. Согласно «Уставу об управлении инородцами» (1822), местным народам предоставлялась ограниченная автономия, включая право разрешать споры по обычаю. Закон различал *оседлых* и *кочевых* инородцев, устанавливая различные налоговые и административные режимы. Право не носило репрессивного характера, а скорее было направлено на «мягкую интеграцию» при сохранении культурной специфики [5].

Финны, поляки и немцы

Этнические группы с высокоразвитой правовой традицией (например, финны, поляки, немцы) сохраняли элементы национального законодательства. В Финляндии продолжала действовать собственная правовая система, включая сейм и гражданское право. В Царстве Польском сохранялся Гражданский кодекс Наполеона (до 1917 г.) и особые суды. Немецкие колонисты имели право на общинное самоуправление, особый налоговый режим и собственные школы [7].

Таким образом, правовая система империи вела не к унитарной унификации, а к сегментированной интеграции, при которой юридическое пространство делилось на условные сектора, соответствующие этническим, религиозным и территориальным границам. Это усиливало правовую асимметрию и закладывало основу для формирования различающихся правовых идентичностей.

Сословная система являлась фундаментальной структурой российского общества в XIX – начале XX века и одновременно – правовой категорией, определявшей объем прав, обязанностей и юридическую субъектность. В отличие от современных представлений о гражданстве как едином правовом статусе, в Российской империи юридическая

принадлежность к государству выражалась в терминах *сословия* и *вероисповедания*, что предопределяло как индивидуальные права, так и коллективный правовой режим этноса или конфессии [1].

Сословие как юридическая категория

Сословная принадлежность регулировалась *Сводом законов* и подразделялась на несколько главных категорий: дворянство, духовенство, купечество, мещанство, крестьянство, казаки и инородцы. Каждое сословие обладало определёнными правами и обязанностями: дворянство имело привилегии на владение землёй и доступ к высшей службе; купцы и мещане – на торговую деятельность; крестьяне – были ограничены в передвижении и юридической инициативе [3].

Важным является тот факт, что этнические группы не исключались из сословной системы, а, напротив, встраивались в неё с особым правовым режимом. Например, евреи причислялись преимущественно к мещанству и купечеству, но с рядом правовых ограничений; мусульмане могли быть как крестьянами, так и «служилыми татарами», казаки – включали значительное число народов Южной России и Кавказа [2].

Инородцы как отдельное правовое сословие

Особую категорию составляли так называемые *инородцы*, чьё правовое положение регулировалось отдельно (например, *Устав об управлении инородцами* 1822 г.). В правовом смысле «инородец» – это не только этническая, но и юридическая категория, обозначающая коллективный особый режим. Инородцы освобождались от воинской повинности, имели ограниченный доступ к землевладению и могли сохранять свои правовые традиции (шариат, адат), но в обмен на признание верховной власти императора [5].

Инородцы делились на *оседлых* и *кочевых*, что определяло разный правовой режим по налогам, судопроизводству и административному подчинению. Так, буряты, якуты и калмыки находились под юрисдикцией местных начальников, согласующих действия с генерал-губернаторами, но не с местными судами. В этом проявлялась модель *иерархической сегрегации*, типичная для империй [7].

Этническая модификация сословных статусов

Сословная система допускала перекрёстные идентичности, когда, например, евреи получали дворянство (за службу или учёные заслуги), мусульмане – статус купцов 1-й гильдии, а армяне – дворянский титул. Однако такие случаи носили исключительный характер и не отменяли структурных ограничений. Это означает, что этничность «корректировала» юридическое содержание сословного статуса [8].

Более того, сословная принадлежность определяла формы правовой социализации: крестьянские общины взаимодействовали с волостными

судами, купцы – с городскими магистратами, дворяне – с губернскими и сенатскими учреждениями. Это означало, что у разных сословий (а вместе с ними и этносов) формировались разные каналы правового поведения, закреплённые в институциональной практике.

Таким образом, правовая система Российской империи была не только многоуровневой, но и *стратифицированной по этноконфессиональному признаку*. Сословие было неотделимо от этничности, и в совокупности они формировали сложную правовую иерархию, в рамках которой подданные империи обладали не равным, а *дифференцированным* правовым статусом.

Правосознание в многонациональной империи формировалось не как абстрактное понимание закона, а как результат взаимодействия подданного с конкретными формами правового опыта: институтами, нормами, процедурами и символами. В условиях множественности источников права восприятие нормы не было универсальным – оно различалось в зависимости от этнической принадлежности, конфессиональной идентичности, языка и статуса, через который индивидуум или группа входили в правовое поле [9].

Институциональные механизмы правосознания

Формирование правосознания происходило прежде всего через институты образования, духовной власти, воинской повинности и местного самоуправления. Например, для русских крестьян опыт взаимодействия с правом чаще всего ограничивался волостным судом, земскими учреждениями и общинными механизмами, где юридический язык передавался в упрощённой форме. У татар, башкир, евреев и других групп важнейшую роль играли религиозные школы, суды и общинные органы, которые транслировали правовую норму в рамках собственной традиции [2].

Таким образом, закон как таковой «переводился» в локальные коды понимания. У мусульман право связывалось с шариатом, у евреев – с Галахой, у кавказских народов – с адатом. Даже если нормативно действие имперского закона распространялось на все территории, юридическая легитимность его различалась – в зависимости от того, через какие институты и в какой форме он доводился до подданных [7].

Право, как язык и ритуал

Правосознание формировалось также через правовой язык – выражения, используемые в прошениях, жалобах, петициях. Эти документы часто составлялись на основе образцов, транслировали кодекс уважения к власти, одновременно передавая запрос на справедливость. Как показывает В.Б. Безгин, даже неграмотные крестьяне активно использовали юридически выверенные формулы в коллективных обращениях – с указанием норм, ссылками на законы, выдержками из указов [10].

Особое значение имели обрядовые формы обращения к праву. Для ряда этносов (например, татар, армян, казаков) обращение в суд сопровождалось ритуалами: принесением клятвы, выражением подчинения, символическими актами. Эти практики закрепляли закон не только как текст, но и как обряд, вызывающий доверие – или, напротив, усиливающий дистанцию между подданным и государством.

Закон как «свой» и как «чужой»

Ключевым элементом правосознания являлось разделение между «своим» и «чужим» законом. Например, мусульманские и еврейские общины воспринимали шариат и религиозные нормы как легитимные, а имперское право – как внешнее, навязанное. В то же время, в ситуациях конфликта или несправедливости, подданные активно апеллировали именно к имперскому закону, используя его как ресурс защиты от произвола местной администрации, полиции или судей [8].

Этот двойной подход отражал реалистическое правосознание, в котором подданный не отождествлял себя с системой целиком, но мог рационально использовать её возможности. Такая стратегия была особенно характерна для петиционной практики – феномена массовых юридических обращений, где локальное правосознание вступало в диалог с имперским нормативным языком.

Таким образом, формирование правосознания в Российской империи происходило в условиях юридического плюрализма и социальной иерархии. Источники права, транслируемые через различные каналы – от духовенства до судебных учреждений – создавали разнонаправленные формы легитимности, каждая из которых отражала этноконфессиональную специфику восприятия закона. Это не только усложняло правовое пространство, но и делало его символически значимым, формируя у подданных разнообразные формы правового поведения: от лояльной апелляции к закону – до правовой дистанции и локального сопротивления.

Проведённое исследование показывает, что правовая система Российской империи XIX – начала XX века представляла собой сложную, полицентричную структуру, в которой сочетаются централизованные имперские источники права и локальные нормативные режимы. *Свод законов Российской империи, Полное собрание законов*, императорские указы, региональные положения, а также нормы шариата, иудейского права и адата формировали асимметричное юридическое пространство, непосредственно влияющее на правосознание подданных.

Правовое регулирование в империи основывалось на принципах правовой множественности и сегментированной интеграции: каждый этнос и каждая конфессия обладали своим режимом включения в правовую систему. При этом не только этническая, но и сословная принадлежность

определяла доступ к праву, формируя перекрёстные юридические идентичности.

Ключевым выводом является то, что правосознание народов империи не было однородным. Оно формировалось на пересечении имперских норм и локальных правовых практик, через систему образования, судопроизводства, петиционной активности, обрядов и правового языка. Закон воспринимался как одновременно инструмент власти и средство защиты, как «чужой», но и потенциально «свой» в контексте правовой мобилизации.

Таким образом, источники права Российской империи выступали не только как регуляторы поведения, но и как элементы правовой культуры, формирующие устойчивые модели легитимации, сопротивления и адаптации. Это позволяет рассматривать правовую систему империи не только с точки зрения институциональной истории, но и как динамичную структуру правосознания, этнической идентичности и социальной иерархии.

Перспективы дальнейших исследований связаны с углублённым анализом конкретных регионов и этносов в архивах, изучением языков петиций, нарративов обращения к закону, а также применением цифровых методов для картирования правовых асимметрий и юридических траекторий этнических групп.

Литература

1. Kirmse, S.B. Law and Society in Imperial Russia // *InterDisciplines*. 2012. Vol. 3, no. 2. – 2012. P. 123–129. // – [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.inter-disciplines.org/index.php/indi/article/view/969> (дата обращения: 10.01.2025).
2. Werth P.W. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 306 p. // – [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://journals.openedition.org/monderusse/8242> (дата обращения: 11.01.2025).
3. Свод законов Российской Империи [Текст]: [издание 1876–1917 гг.]. Учреждения министерств. 1892 [Текст]. – Санкт-Петербург: [б.и.], [1876–1917], 1892. – [1], – 211 с. // – [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003548263/ (дата обращения: 14.01.2025).
4. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе. 1825–1881 гг. – СПб.: Тип. II Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830–1885. – // [Электронный ресурс]. – URL: <https://runivers.ru/lib/book3136/> (дата обращения: 15.01.2025).
5. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 1-е. СПб., 1830. Т. 38. № 29126. Лит.: Гарипов Р.Ш. Устав «Об управлении ино-родцев» 1822 г. // *История государства и права*. 2010. – № 23. – // [Электронный ресурс]. – URL: https://old.bigenc.ru/domestic_history/tex-

[t/4702676?ysclid=mb8zdtac89338685295](https://old.bigenc.ru/domestic_history/text/4702676?ysclid=mb8zdtac89338685295) (дата обращения: 16.01.2025).

6. Бобровников В. О., Ярлыкапов А.А. Реституция шариата на российском Кавказе: проблемы и перспективы // *Мир ислама*. – 2013. – № 2 (11). – С. 61–92. // – [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.academia.edu/34655829/Бобровников_В_О_Ярлыкапов_А_А_Реституция_шариата_на_российском_Кавказе_проблемы_и_перспективы_Мир_ислама_Rah_Islamica_ООО_Издательский_дом_Марджани_Москва_2013_2_С_61_92 (дата обращения: 07.02.2025).
7. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*, Jane Burbank and Frederick Cooper (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010), – 528 pp. // – [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.academia.edu/104173104/Empires_in_World_History_Power_and_the_Politics_of_Difference_Jane_Burbank_and_Frederick_Cooper_Princeton_N_J_Princeton_University_Press_2010_528_pp_35_cloth_24_95_paper (дата обращения: 08.02.2025).
8. Ledeneva, A. *How Russia Really Works*. – Ithaca: Cornell University Press, 2007. – 5 p. // – [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://www.academia.edu/118859447/How_Russia_Really_Works (дата обращения: 10.02.2025).
9. Ewick P., Silbey S.S. *The Common Place of Law: Stories from Everyday Life*. – Chicago: University of Chicago Press, 1998. – 288 p. // – [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/C/bo3615912.html> (дата обращения: 26.02.2025).
10. Безгин В.Б. Правовая культура русского села (вторая половина XIX – начало XX веков). – Тамбов: Изд-во ТГТУ, 2012. – 80 с. // – [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: <https://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2012/bezgin.pdf> (дата обращения: 05.03.2025).

LEGAL SOURCES AND THE FORMATION OF LEGAL CONSCIOUSNESS AMONG THE PEOPLES IN THE ETHNO-CONFESSIONAL STRUCTURE OF THE RUSSIAN EMPIRE (19TH – EARLY 20TH CENTURY)

Kon'kov I.A.

Tambov State Technical University

This article examines the major legal sources of the Russian Empire in the 19th and early 20th centuries, including the Digest of Laws of 1832, the Complete Collection of Laws (Polozhenie Sobra- nие Zakonov), imperial decrees, provincial statutes, and religious and customary norms such as Sharia, Jewish law, and adat. The article focuses on how these legal frameworks influenced the legal consciousness of various ethnic communities within the estate-based and ethno-confessional structure of the empire. Special attention is given to the legal status of Jews, Muslims, Caucasian and Siberian peoples, illustrating the asymmetric legal hierarchy and multiplicity of legal regimes. Applying historical-legal and comparative methods, the author argues that the legal pluralism of the empire not only reflected its internal diversity but actively shaped distinct forms of legal subjectivity and perceptions of law, power, and justice.

Keywords: legal consciousness, sources of law, ethnic groups, estate system, religious law, legal asymmetry, petitions, empire.

References

1. Kirmse, S.B. Law and Society in Imperial Russia // *InterDisciplines*. 2012. Vol. 3, no. 2. – 2012. P. 123–129. // – [Electronic resource]. Available at: <https://www.inter-disciplines.org/index.php/indi/article/view/969> (accessed: 10.01.2025).
2. Werth P.W. The Tsar's Foreign Faiths: Toleration and the Fate of Religious Freedom in Imperial Russia. – Oxford: Oxford University Press, 2014. – 306 p. // – [Electronic resource]. Available at: <https://journals.openedition.org/monderusse/8242> (accessed: 11.01.2025).
3. Digest of Laws of the Russian Empire [Text]: [Edition of 1876–1917]. Institutions of the Ministries. – St. Petersburg: [s.n.], [1876–1917], 1892. – 211 p. // – [Electronic resource]. Available at: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_003548263/ (accessed: 14.01.2025).
4. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. Second Collection. 1825–1881. – St. Petersburg: Typography of the II Section of His Imperial Majesty's Chancellery, 1830–1885. // – [Electronic resource]. Available at: <https://runivers.ru/lib/book3136/> (accessed: 15.01.2025).
5. Complete Collection of Laws of the Russian Empire. First Collection. – St. Petersburg, 1830. Vol. 38. No. 29126. See also: Garipov, R. Sh. (2010). The “Charter on the Administration of Aborigines” of 1822. *History of State and Law*, No. 23. // – [Electronic resource]. Available at: <https://old.bigenc.ru/domes->
6. Bobrovnikov, V. O., Yarlykapov, A. A. (2013). Restitution of Sharia on the Russian Caucasus: Problems and Perspectives. *Pax Islamica / Mir islama*, No. 2 (11), pp. 61–92. // – [Electronic resource]. Available at: <https://www.academia.edu/34655829/> (accessed: 07.02.2025).
7. *Empires in World History: Power and the Politics of Difference*, Jane Burbank and Frederick Cooper (Princeton, N.J.: Princeton University Press, 2010), – 528 pp. // – [Electronic resource]. Available at: https://www.academia.edu/104173104/Empires_in_World_History_Power_and_the_Politics_of_Difference_Jane_Burbank_and_Frederick_Cooper_Princeton_N_J_Princeton_University_Press_2010_528_pp_35_cloth_24_95_paper (accessed: 08.02.2025).
8. Ledeneva, A. *How Russia Really Works*. – Ithaca: Cornell University Press, 2007. – 5 p. // – [Electronic resource]. Available at: https://www.academia.edu/118859447/How_Russia_Really_Works (accessed: 10.02.2025).
9. Ewick P., Silbey S.S. *The Common Place of Law: Stories from Everyday Life*. – Chicago: University of Chicago Press, 1998. – 288 p. // – [Electronic resource]. Available at: <https://press.uchicago.edu/ucp/books/book/chicago/C/bo3615912.html> (accessed: 26.02.2025).
10. Bezgin, V. B. (2012). *Legal Culture of the Russian Countryside (Second Half of the 19th – Early 20th Century)*. Tambov: TSTU Press. 80 p. // – [Electronic resource]. Available at: <https://www.tstu.ru/book/elib/pdf/2012/bezgin.pdf> (accessed: 05.03.2025).

Рецепция византийского права в Московской Руси: теоретические концепции и практика правоприменения

Моисеев Иван Алексеевич,

студент, Всероссийский государственный университет юстиции

E-mail: ivan.moiseev.13@inbox.ru

Статья посвящена анализу процесса заимствования и адаптации (рецепции) норм византийского права в правовой системе Московской Руси XIV–XVI веков. В центре исследования – сопоставление двух ведущих теоретических подходов к объяснению этого феномена с реальной практикой включения и использования византийских правовых положений в ключевых русских правовых памятниках: Кормчих книгах и общерусских Судебниках 1497 и 1550 годов. Особое внимание уделяется конкретным путям проникновения, трансформации и практического применения византийских юридических конструкций в условиях становления централизованного государства.

Ключевые слова: Рецепция права, византийское право, Московская Русь, нормативизм, историческая школа права, Кормчая книга, Судебник 1497 г., Судебник 1550 г., правовая аккультурация.

Процесс формирования единого правового пространства Московского государства в период его возвышения (XIV–XVI вв.) характеризовался активным взаимодействием с византийским правовым наследием. Это взаимодействие, далеко не сводимое к простому копированию, представляло собой сложную аккультурацию, где византийские нормы подвергались отбору, переосмыслению и интеграции в местную правовую ткань под влиянием потребностей централизующейся светской и церковной власти, а также эволюции социальных отношений [1]. Историко-правовая наука предлагает два основных теоретических подхода для осмысления этого феномена. Первый подход, условно именуемый нормативистским (представленный в трудах В.Н. Латкина, ранних работах М.Ф. Владимирского-Буданова), акцентирует формально-юридический аспект заимствования. Сторонники этой концепции видят в рецепции прежде всего целенаправленную политику московских великих князей (а затем царей) и митрополитов, направленную на восполнение пробелов в отечественном праве и легитимацию власти Москвы как наследницы Византии – «Третьего Рима». Основным каналом заимствования считалась прямая инкорпорация текстов византийских законов, особенно через церковные сборники – Кормчие книги, с последующим их применением судебными инстанциями. Успех рецепции объяснялся в рамках этой модели преимущественно высшей юридической техникой и авторитетностью византийских источников [3]. Однако критики данного подхода (Я.Н. Шапов, А.Г. Маньков) указывают на его недостаточное внимание к глубинной трансформации заимствуемых норм, их избирательности и преувеличение роли прямого применения византийского права в светских судах повседневно [4].

Второй подход, восходящий к принципам исторической школы права (развитый в поздних трудах М.Ф. Владимирского-Буданова, В.О. Ключевского, Я.Н. Шапова, А.С. Павлова), трактует рецепцию как длительный органический процесс адаптации. Византийские нормы воспринимались лишь в той мере, в какой они соответствовали актуальным потребностям и уровню развития русского общества и государства, либо могли быть существенно переработаны для такого соответствия [5]. Ключевыми аспектами этого процесса выступают избирательное заимствование релевантных норм (например, в сфере церковного суда, тяжких преступлений, семейных отношений) при игнорировании сложных институтов, не имевших почвы на Руси; существенная редакторская правка текстов при перево-

де и компиляции (сокращения, упрощения, замена терминов и реалий); интерпретация и применение заимствованных норм через призму местных правовых обычаев и представлений о справедливости. Центральная роль в этом процессе отводится Церкви как главному транслятору и интерпретатору византийского права, а также судебной практике как конечному фильтру его усвоения [4]. Рассмотренные теоретические модели находят свое конкретное воплощение и проверку при анализе основных каналов рецепции – Кормчих книг и светских Судебников.

Кормчие книги служили основным проводником византийского права на Русь, представляя собой масштабные компиляции церковно-правового характера. Они включали византийские Номоканоны (синтез церковных канонов и светских законов), сокращенные своды светского права (Эклога, Прохирон), славянскую адаптацию Эклоги – «Закон судный людем», а также русские церковные и светские уставы [6]. Механизм рецепции в Кормчих книгах демонстрирует яркие черты адаптивного подхода исторической школы. Прежде всего, наблюдалась строгая селекция: включались преимущественно тексты, актуальные для регулирования внутренней жизни Церкви, брачно-семейных отношений, вопросов вероучения и нравственности, а также некоторых категорий тяжких преступлений (убийство, разбой, ересь). Сложные нормы византийского гражданского права, детализированный договорной ряд из Прохирина зачастую опускались или существенно сокращались [7]. Не менее важным был механизм трансформации: тексты подвергались значительной редакции при переводе на славянский язык и включении в сборники. Это выражалось в упрощении языка и юридических конструкций, опускании неприменимых деталей и процедур, внесении пояснений, адаптации санкций, а главное – в замене византийских реалий (должностей, денежных единиц, географических названий) на русские эквиваленты (например, «стратиг» становился «воеводой») [6]. Применялись нормы Кормчих книг в первую очередь в церковных судах (митрополичьих, епископских, монастырских), юрисдикция которых распространялась на духовенство, а также на определенные категории дел мирян («греховные» дела: бракоразводные, семейные споры, преступления против веры и нравственности, иногда наследственные дела) [3]. Через церковный суд и авторитет сборников византийские нормы и принципы оказывали влияние на правосознание светских судей и законодателей, подготавливая почву для их опосредованного проникновения в светское законодательство.

Анализ общерусских Судебников 1497 и 1550 годов позволяет выявить иные, более опосредованные, но не менее значимые механизмы рецепции, преимущественно подтверждающие историко-эволюционную модель. Византийское право проникало в светские кодексы главным образом не напрямую, а через сложную систему правовых медиаторов. К ним относятся нормы Русской

Правды и Псковской Судной грамоты, которые сами испытали византийское влияние в более ранний период; практика церковных судов, применявших адаптированные византийские нормы к мирянам по подведомственным делам; княжеские уставы; наконец, формирующаяся практика великокняжеских (царских) судов [8, с. 77–80; 9, с. 150–154]. Ярким примером адаптивного заимствования является норма об «облиховании» (ст. 9 Судебника 1497 г., ст. 12 Судебника 1550 г.), регулировавшая процедуру подозрения в совершении «лихого дела» (тяжкого преступления). Она восходит к византийскому институту «какэосиас» (дурной славы) из Эклоги и Прохирина.

Однако в Судебниках эта процедура подверглась радикальному упрощению и ужесточению: вместо сложной системы формальных улик и применения пытки лишь по строгому решению суда, русская норма вводила упрощенный опрос «добрых людей» (окрестных жителей) и разрешала пытку по любому возникшему подозрению. Эта трансформация отражала усиление розыскного (инквизиционного) начала и авторитарных тенденций в московском уголовном процессе [10]. Византийское влияние в Судебниках проявлялось также в усвоении общих правовых понятий и классификаций: таких как «лихое дело» для обозначения тяжкого преступления, «ведомый лихой» для рецидивиста; в разделении умысла и неосторожности; в усилении карательной функции наказания как возмездия и устрашения [8]. Сферой преимущественного применения норм византийского происхождения или испытывавших его сильное влияние в Судебниках выступало уголовное право, особенно касавшееся «лихих дел», и нормы судопроизводства, регламентировавшие розыскной процесс [10]. В области гражданско-правовых отношений (земельная собственность, обязательства) доминировали нормы, выросшие из русской правовой традиции, что подчеркивает избирательный характер рецепции даже в рамках государственного законодательства.

Таким образом, рецепция византийского права в Московской Руси предстает как многослойный процесс, не укладывающийся целиком ни в нормативистскую, ни в историко-эволюционную парадигму, но демонстрирующий их диалектику. Практика, зафиксированная в Кормчих книгах и Судебниках, свидетельствует о работе нескольких взаимосвязанных механизмов. Формальное заимствование текстов и апелляция к их авторитету в церковной сфере сочетались с жесткой селекцией релевантных норм. Неизбежная адаптивная трансформация, включавшая редакторскую правку, упрощение и замену терминов при переводе и компиляции, обеспечивала встраивание заимствований в местный правовой контекст. Значительную роль играло опосредованное влияние через уже адаптированные источники и судебную практику, особенно церковную. Наконец, происходило усвоение общих правовых понятий, классификаций (особенно в уголовном праве) и принципов. Результатом

стало не механическое копирование, а творческое формирование синтетической правовой культуры Московского государства. Византийские элементы, прошедшие тщательную селекцию и адаптацию к местным условиям, органично переплелись с нормами русского обычного и княжеского права. Как подчеркивал М.Ф. Владимирский-Буданов, византийское право было не столько буквально «принято», сколько глубоко «переработано на русской почве» [2], став важным, но интегрированным компонентом национальной правовой традиции формирующегося централизованного государства.

Литература

1. Шапов Я.Н. Византийское и южнославянское правовое наследие на Руси в XI–XIII вв. – М.: Наука, 1978. – 292 с.
2. Владимирский-Буданов М.Ф. Обзор истории русского права. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995 (репринт изд. 1909 г.). – 524 с.
3. Павлов А.С. Курс церковного права. – СПб.: Лань, 2002 (репринт изд. 1902 г.). – 384 с.
4. Маньков А.Г. Уложение 1649 года – кодекс феодального права России. – Л.: Наука, 1980. – 273 с.
5. Судебник 1497 года / Под общ. ред. Л.В. Черепнина, отв. ред. М.Н. Тихомиров; Подг. текста Л.В. Милов, М.В. Щепкина; Комментар. Г.В. Штамм, А.А. Зимин, Б.А. Романов, Л.В. Черепнин, М.Н. Тихомиров. – М.: Госюриздат, 1955. – 112 с.
6. Белковец Л. П., Белковец В.В. История государства и права России. Курс лекций. – Новосибирск: Новосибирское книжное издательство, 2000. – 216 с.
7. Тихомиров М.Н. Исследование о Русской Правде: Происхождение текстов. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. – 254 с.
8. Рогов В.А. История уголовного права, террора и репрессий в Русском государстве XV–XVII вв. – М.: Юрист, 1995. – 288 с.
9. Момотов В.В. Формирование русского средневекового права в IX–XIV вв. – М.: ИКД «Зерцало-М», 2003. – 414 с.

10. Развитие русского права в XV – первой половине XVII в. / Отв. ред. В.С. Нерсисянц. – М.: Наука, 1986. – 288 с.

RECEPTION OF BYZANTINE LAW IN MOSCOW RUSSIA: THEORETICAL CONCEPTS AND PRACTICE OF LAW ENFORCEMENT

Moiseev I.A.

All-Russian State University of Justice

The article analyzes the process of borrowing and adaptation (reception) of Byzantine law norms within the legal system of Muscovite Rus' in the 14th–16th centuries. The core of the research is the comparison of two leading theoretical approaches to explaining this phenomenon with the actual practice of incorporating and utilizing Byzantine legal provisions in key Russian legal compilations: the *Kormchye Knigi* and the all-Russian *Sudebniki*. Specific pathways of penetration, transformation, and practical application of Byzantine legal constructs in the context of the emerging centralized state are given particular attention.

Keywords: Reception of law, Byzantine law, Muscovite Rus', normativism, historical school of law, *Kormchaya Kniga*, *Sudebnik* of 1497, *Sudebnik* of 1550, legal acculturation.

References

1. Shchapov Ya.N. Byzantine and South Slavic Legal Heritage in Russia in the 11th–13th Centuries. – Moscow: Nauka, 1978. – 292 p.
2. Vladimirovsky-Budanov M.F. Overview of the History of Russian Law. – Rostov-on-Don: Phoenix, 1995 (reprint of the 1909 edition). – 524 p.
3. Pavlov A.S. Course of Church Law. – St. Petersburg: Lan, 2002 (reprint of the 1902 edition). – 384 p.
4. Mankov, A.G. The Code of 1649: A Code of Feudal Law in Russia. – Leningrad: Nauka, 1980. – 273 p.
5. The Code of 1497 / Edited by L.V. Cherepnin, M.N. Tikhomirov; Text prepared by L.V. Milov and M.V. Shchepkina; Commentary by G.V. Shtamm, A.A. Zimin, B.A. Romanov, L.V. Cherepnin, and M.N. Tikhomirov. Moscow: Gosyurizdat, 1955. 112 p.
6. Belkovets L. P., Belkovets V.V. History of the State and Law of Russia. Course of Lectures. – Novosibirsk: Novosibirsk Book Publishing House, 2000. – 216 p.
7. Tikhomirov M.N. Research on the Russian Truth: The Origin of the Texts. – Moscow; Leningrad: Publishing House of the USSR Academy of Sciences, 1941. – 254 p.
8. Rogov, V.A. History of Criminal Law, Terror, and Repression in the Russian State of the 15th–17th Centuries. Moscow: Yurist, 1995. 288 p.
9. Momotov, V.V. Formation of Russian Medieval Law in the 9th–14th Centuries. Moscow: Zertsalo-M, 2003. 414 p.
10. The Development of Russian Law in the 15th and First Half of the 17th Centuries / Edited by V.S. Nersisyan. Moscow: Nauka, 1986. 288 p.

Автоматизация и цифровые платформы в международных морских перевозках: перспективы развития электронных коносаментов и портовой логистики

Толоконников Сергей Игоревич,

аспирант, Московский информационно-технологический университет – Московский архитектурно-строительный институт

В статье рассматриваются актуальные тенденции цифровизации международных морских перевозок, с акцентом на внедрение электронных коносаментов (eBL) и развитие цифровых решений в портовой логистике. Представлен обзор международных и российских инициатив, включая проекты DCSA, CargoX, а также платформу «Е-внештранс» и государственную систему ГИС ЭПД. Особое внимание уделено анализу правовых, технических и организационных барьеров внедрения eBL, а также эффективности и экологическим эффектам от перехода на цифровые инструменты. На основе практических кейсов из Сингапура, Роттердама, Янгшана и Владивостока сформулированы выводы о перспективах цифровой трансформации логистики. Статья содержит обобщённые данные, сравнительные таблицы и прогнозы, что делает её полезной для исследователей и практиков в сфере логистики и транспортной инфраструктуры.

Ключевые слова: электронный коносамент, цифровизация логистики, умные порты, международные перевозки, портовая автоматизация, eBL, ГИС ЭПД, блокчейн в транспорте.

Введение

Современные международные морские перевозки находятся на этапе глубокой трансформации, обусловленной необходимостью повышения прозрачности, скорости и устойчивости логистических процессов. Одним из центральных направлений изменений становится цифровизация документооборота и автоматизация портовой инфраструктуры. Электронный коносамент (eBL) рассматривается как альтернатива традиционному бумажному документу, позволяющая значительно ускорить и упростить международные перевозки, особенно в мультимодальных цепочках поставок. Параллельно с этим ведущие порты мира внедряют цифровые решения на основе интернета вещей, цифровых двойников и облачных платформ, формируя новые стандарты эффективности. В статье исследуются международные и российские практики внедрения eBL, развитие цифровых портов, а также барьеры и выгоды перехода к цифровой модели морской логистики [5].

Автоматизация и цифровизация становятся основой новой архитектуры морской логистики. Переход от бумажных документов к электронным формам не только повышает прозрачность перевозок, но и ускоряет оборот грузов, снижает операционные издержки и способствует экологической устойчивости цепочек поставок. Особое значение в этом контексте приобретает электронный коносамент, который сохраняет юридическую значимость классического бумажного аналога, но обеспечивает более гибкий и быстрый документооборот. В то же время цифровизация портовой логистики охватывает всё более широкий спектр операций, включая обработку контейнеров, планирование заходов судов, управление терминальной инфраструктурой и интеграцию со смежными видами транспорта.

Одной из ключевых причин растущего интереса к электронным коносаментам является их многофункциональность. Этот документ выполняет сразу несколько ролей: он удостоверяет факт принятия груза перевозчиком, подтверждает заключение договора перевозки и служит товарораспорядительной ценной бумагой. Поэтому его перевод в цифровую форму требует создания устойчивых правовых и технологических решений. В качестве основы в международной практике используется Типовой закон ЮНСИТРАЛ об электронных переводных записях (MLETR), который устанавливает

равнозначность электронных и бумажных документов при соблюдении определённых условий. Однако его имплементация всё ещё ограничена рядом стран – Великобритания, Франция, Сингапур и ОАЭ стали первыми юрисдикциями, признавшими юридическую силу eBL.

На фоне этих инициатив организации, координирующие цифровую трансформацию отрасли, начали разработку единых подходов и стандартов. В частности, ассоциация DCSA, включающая ведущие судоходные компании, разработала открытый стандарт данных для электронного коносамента и обозначила цель – полный переход на eBL к 2030 году. Несмотря на то что в 2022 году доля электронных коносаментов составляла лишь около 2% от общего числа (примерно 45 млн документов ежегодно), крупные перевозчики, такие как COSCO, уже сообщили о сотнях тысяч выданных eBL, демонстрируя устойчивый рост [1;5].

Технологической основой внедрения eBL стали платформы на базе блокчейна и электронной подписи, обеспечивающие неизменяемость данных, защиту от фальсификации и прозрачную цепочку владения. Наиболее заметные решения на рынке – CargoX, WAVE BL, Bolero и essDOCS. Так, платформа CargoX, основанная на блокчейн-технологии Ethereum, применяется в ряде стран, включая Египет, где она интегрирована в национальную систему NAFEZA. Эта интеграция позволила перейти к бесконтактному и моментальному обмену документами между грузоотправителями, перевозчиками и таможенными органами [7].

Одним из недавних кейсов стало сотрудничество южнокорейской компании HMM с платформой Cargo X. С июля 2024 года клиенты HMM могут формировать и передавать электронные коносаменты в рамках блокчейн-сети, обеспечивающей юридическую силу документа и доступность аудита. Это усиливает контроль за подлинностью документа, а также ускоряет логистические процессы.

Для понимания масштабов и направлений внедрения электронных коносаментов можно привести следующую таблицу (табл. 1).

Таблица 1. Распространённость и нормативная база eBL в различных странах [3–6]

Страна	Правовой статус eBL	Стандарты/инициативы	Год принятия
Великобритания	Признан юридически	MLETR + локальные акты	2023
Франция	Признан юридически	MLETR	2023
Сингапур	Признан	MLETR	2021
ОАЭ (АДГМ)	Признан	MLETR	2020
Россия	Частично внедрён	ГИС ЭПД	2024

Россия постепенно входит в цифровую повестку. В июне 2024 года Минтранс совместно с группой FESCO провёл первый пилотный проект по оформ-

лению электронного морского коносамента в рамках мультимодальной перевозки. Сначала груз был доставлен автотранспортом в порт Владивостока, затем морем перевезён в порт Корсакова на Сахалине, после чего вновь доставлен автотранспортом до склада. Все документы сопровождалась в цифровом виде в рамках государственной системы ГИС ЭПД.

Этот проект стал этапом подготовки к запуску национальной цифровой логистической платформы «ГосЛог», призванной объединить все виды транспорта в единую информационную среду. По данным Минтранса, после тестирования системы в каботажных перевозках планируется расширение её применения на международные направления, включая страны ЕАЭС, БРИКС и АСЕАН (табл. 2).

Таблица 2. Параметры пилотного проекта Минтранса и FESCO

Параметр	Значение
Дата запуска	Июнь 2024
Участники	Минтранс РФ, FESCO, «1С-ЭПД», ГК «Астрал»
Протяжённость маршрута	Владивосток – Корсаков (море)
Тип перевозки	Мультимодальная (авто-море-авто)
Сопровождающие документы	Электронные (накладные, коносаменты, путевые)

Наряду с государственной инициативой развиваются и частные решения. Примером может служить проект «Е-внештранс», реализованный СПбГУ совместно с компанией «МАС-Внештранс». Это первая отечественная блокчейн-платформа для обмена электронными морскими документами, построенная на основе сертифицированной в РФ технологии «Мастерчейн». Платформа обеспечивает юридическую защиту, прозрачность всех транзакций и мгновенный доступ всех сторон к данным [14].

По оценке разработчиков, использование платформы позволяет сократить срок документооборота с 4–5 дней до 1–3 часов. Более того, все данные фиксируются в неизменяемом реестре, что практически исключает возможность подделки или утраты документов. Эта платформа получила правовое заключение от Института государства и права РАН и признана совместимой с действующим российским законодательством, включая Гражданский кодекс и Кодекс торгового мореплавания [7].

Важным преимуществом отечественной платформы является соответствие требованиям по криптографической защите: в её основе лежит закрытый контур и отечественные алгоритмы, сертифицированные ФСБ. Это исключает юридические и технические риски, связанные с использованием зарубежных систем, в том числе в условиях санкционного давления.

Чтобы лучше представить сравнение платформ eBL, используемых в международной и российской

практике, целесообразно представить их в виде таблицы 3.

Таблица 3. Сравнение eBL-платформ

Плат-форма	Технология	Регис-трация	Применение	Срок обо-рота
CargoX	Блокчейн	Global	Азия, Ближ-ний Восток	2–4 ч
WAVE BL	P2P блокчейн	Global	США, Ев-ропа	3–6 ч
essDOCS	Централизо-ванная	Global	Финансо-вые группы	12–24 ч
Е-внеш-транс	Мастерчейн	Россия	Внешне-торговые грузы	1–3 ч

Эти данные наглядно демонстрируют, что российская система не уступает по скорости и надёжности ведущим международным аналогам, при этом обеспечивая полную юрисдикционную совместимость и защищённость от внешних рисков.

Необходимо уделить внимание развитию так называемых «умных» портов – высокоавтоматизированных и интегрированных систем, в которых управление логистическими потоками осуществляется на базе цифровых данных, IoT-устройств и предиктивной аналитики. Эти решения направлены на повышение эффективности перегрузочных операций, сокращение простоев судов и транспорта, а также минимизацию человеческих ошибок. Параллельно с внедрением электронного документооборота, именно цифровизация портовой инфраструктуры становится вторым стратегическим направлением модернизации морских перевозок.

Лидерами в этом процессе выступают азиатские и европейские страны. Так, порт Туас в Сингапуре стал в 2022 году крупнейшим в мире полностью автоматизированным терминалом, где большая часть операций выполняется без участия человека. Роботизированные краны, автоматические штабелёры и интеллектуальная система управления логистикой позволяют обрабатывать грузы круглосуточно с минимальными задержками. На стадии проектирования и эксплуатации активно используются цифровые двойники, представляющие собой виртуальные модели портовой инфраструктуры с актуальными данными о погоде, трафике и статусе оборудования.

Ещё один флагман цифровой логистики – порт Роттердама. Здесь была разработана облачная платформа PortXchange, интегрирующая информацию от судоходных компаний, терминалов, железнодорожных операторов и городских служб. Основой её эффективности стала система цифрового моделирования, позволяющая заранее планировать движения судов, рассчитывать нагрузку на причалы и автоматизировать пропускной режим. Также внедрены технологии предиктивного обслуживания кранов и терминалов, опирающиеся на сенсоры и алгоритмы машинного обучения, что минимизирует внеплановые простои [11].

Для более наглядного представления динамики развития цифровых портов в различных странах целесообразно оформить сравнительную таблицу (табл. 4).

Таблица 4. Примеры цифровизации портов [4–7]

Порт	Страна	Ключевые технологии	Эффект
Туас	Сингапур	Роботизированные краны, цифровой двойник	Сокращение простоев на 30%
Роттердам	Нидерланды	PortXchange, IoT, предиктивное обслуживание	Повышение пропускной способности
Янгшан	Китай	AGV, беспилотные краны, LTE 4.5G сеть	Сокращение затрат на рабочую силу
Гамбург	Германия	Автономные буксиры, система PCS	Оптимизация судозаходов

Цифровизация российских портов пока идёт менее высокими темпами, но отдельные инициативы заслуживают внимания. Так, на Восточном порту в Приморье внедрена система автоматизированного управления железнодорожным парком, а в порту Санкт-Петербурга тестируются элементы цифровой координации складской логистики и планирования контейнерных потоков. Хотя широкое распространение цифровых двойников и беспилотной техники в РФ пока затруднено экономическими и нормативными ограничениями, отдельные логистические операторы уже начали использовать терминальные операционные системы (TOS) российского производства, такие как Solvo. TOS и SmartTwin.Port [15].

Как показывает практика, эффективность таких решений проявляется в снижении затрат на обработку одного TEU (эквивалента двадцатифутового контейнера), уменьшении количества пустых пробегов и оптимизации работы кранов. Так, внедрение цифрового двойника на терминале в одной из европейских стран позволило снизить среднее количество внутренних перестановок контейнеров с 1,8 до 1,2 на единицу, что эквивалентно экономии времени и топлива (табл. 5).

Таблица 5. Эффект от цифровизации терминалов (пример Янгшан) [9]

Показатель	До вне-дрения	После внедре-ния
Среднее время выгрузки судна	48 часов	29 часов
Количество операторов в смену	120	12
Количество аварийных остано-вок	8 в месяц	1 в месяц
Стоимость обработки 1 контей-нера	\$80	\$52

Внедрение цифровых решений в морской логистике сталкивается с рядом ограничений. Первое – это нормативная база. Во многих странах до сих

пор отсутствует легитимное признание электронных коносаментов и других цифровых транспортных документов. Международные морские конвенции, в том числе Гаагские и Гамбургские правила, не учитывают формат eBL. Хотя в рамках UNCITRAL разрабатываются рекомендации, и страны постепенно адаптируют законодательство, глобальной унификации пока нет. Это снижает привлекательность технологии для судовладельцев и экспедиторов, опасаящихся отказа от признания документа в другой юрисдикции [10].

Второе ограничение связано с технологической несовместимостью платформ. Каждая система eBL ранее функционировала в своём закрытом контуре, что не позволяло участникам свободно передавать документы между системами. Решением этой проблемы стала инициатива Open eBL, направленная на создание унифицированного API и взаимодействия между платформами. В 2023 году состоялся первый успешный тест передачи eBL между двумя независимыми системами, что открыло путь к созданию экосистемы цифрового документа с глобальной применимостью [8].

Серьёзным препятствием остаётся кибербезопасность. Повышенный уровень автоматизации увеличивает уязвимость ИТ-инфраструктуры портов и транспортных систем. Инциденты, связанные с заражением систем вирусами-шифровальщиками, уже случались в крупнейших терминалах, таких как Maersk и APM Terminals. Поэтому современные платформы, включая российский Мастерчейн, акцентируют внимание на сертифицированной криптозащите, закрытых контурах и независимых каналах передачи данных.

Также наблюдаются операционные и кадровые барьеры. Введение автоматизированных систем требует переобучения персонала, налаживания взаимодействия между техническими и логистическими структурами, а также преодоления внутренних сопротивлений. Особенно это актуально для крупных портов, где десятилетиями складывались традиционные схемы работы. Нередки случаи, когда профсоюзы докеров блокируют внедрение беспилотной техники из-за опасений по поводу массового высвобождения рабочей силы.

Несмотря на все указанные сложности, экономический эффект от внедрения цифровых платформ подтверждён многими исследовательскими организациями. По данным McKinsey, повсеместное использование eBL может сократить издержки мировой торговли на 6,5 млрд долларов ежегодно и ускорить международный оборот товаров на сумму до 30–40 млрд долларов в год [9].

Аналогично, по оценке UNCTAD, переход к электронному документообороту в морских перевозках позволит сэкономить миллионы часов обработки и снизить потребление бумаги, которое составляет до 4 миллиардов листов в день. Этот экологический фактор приобретает особое значение на фоне международной повестки устойчивого развития и декарбонизации логистики.

Итоговая оценка преимуществ, барьеров и прогнозов развития представлена в таблице 6.

Таблица 6. Сводная оценка внедрения eBL и цифровых портов [9;12]

Параметр	Влияние	Комментарий
Экономия затрат	10–30% на этапе обработки	За счёт автоматизации
Сокращение времени доставки	до 70% в мультимодальных схемах	За счёт электронных документов
Риски	Высокие (киберугрозы, норматив)	Требуют технологической защиты
Прогноз на 2030 год	80–100% eBL у крупных перевозчиков	Согласно целям DCSA и участн

По совокупности факторов рентабельность внедрения eBL и портовой цифровизации проявляется в среднесрочной перспективе. Исследование Всемирного банка и Международной палаты судоходства отмечает, что цифровизация торговых документов увеличивает эффективность всей цепочки поставок, делая международную торговлю более предсказуемой и устойчивой к сбоям. Пандемия COVID-19 наглядно показала уязвимость старых практик: когда авиарейсы отменялись, бумажные документы не могли вовремя прибыть к грузам, что приводило к задержкам и убыткам. Электронный документооборот во многом решает эту проблему, повышая устойчивость логистических цепей. Глядя вперед, отраслевые аналитики сходятся во мнении, что к концу десятилетия электронные коносаменты станут новым стандартом перевозок, особенно если регуляторы стран Большой семерки выполнят взятые обязательства по юридическому признанию электронных торговых документов к 2025 году. Порты будущего видятся полностью цифровыми и автономными – концепция «Port 4.0», где все процессы оцифрованы, а решения принимаются на основе больших данных, уже реализуется в пилотных зонах. Ожидается дальнейшее распространение национальных платформ обмена логистическими данными (аналогичных российскому «ГосЛог» или европейской сети Port Community Systems) для бесшовного взаимодействия между всеми участниками перевозки. Экономический эффект от таких изменений проявится в росте производительности: по расчетам, автоматизация и цифровизация могут сократить совокупные операционные затраты на контейнерные перевозки на 10–30%, что отразится снижением фрахтовых ставок и удешевлением мировой торговли.

Выводы

Цифровая трансформация международных морских перевозок уже не теория, а реальность, формирующая новые правила игры в отрасли. Электронные коносаменты из экспериментальной новинки постепенно превращаются в повседневный инструмент торговли, поддерживаемый унифицированными

стандартами и законодательными изменениями. Россия, несмотря на поздний старт, активно включилась в эту повестку, создав собственные решения и нормативную базу для eBL, что позволит отечественным компаниям не отставать от мировых трендов. Параллельно в мировых портах набирают обороты проекты «умной логистики» – от роботизированных терминалов до интегрированных платформ обмена данными, повышающих эффективность цепочек поставок. Внедрение этих инноваций не лишено трудностей: требуется преодолеть правовые барьеры, убедить рынок в экономической целесообразности и обеспечить кибербезопасность новых систем. Однако примеры лидеров показывают, что выгоды многократно превышают затраты. Электронные документы и автоматизация сокращают время и стоимость перевозок, минимизируют ошибки и риски, способствуют экологической устойчивости. В перспективе ближайших 5–10 лет можно ожидать формирования глобально взаимосвязанной цифровой экосистемы морских перевозок, где груз следует по миру, сопровождаемый лишь цифровыми данными, а порты выступают высокотехнологичными хабами. Иными словами, морская отрасль вступает в эру, когда «цифра» и алгоритмы дополняют, а во многом и заменяют бумагу и ручной труд, делая международную логистику быстрее, прозрачнее и эффективнее.

Литература

1. Axians. How Rotterdam becomes the smartest port in the world [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.axians.com/use-case/how-rotterdam-becomes-the-smartest-port-in-the-world/>, свободный.
2. Digital Container Shipping Association. Electronic Bill of Lading standard – DCSA [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://dcsa.org/solutions/electronic-bill-of-lading/>, свободный.
3. ESCAP. What really explains the slow adoption of electronic bills of lading? [Электронный ресурс] / T. Wang. – Режим доступа: <https://www.unescap.org/blog/what-really-explains-slow-adoption-electronic-bills-lading>, свободный.
4. Hapag-Lloyd. The Smartest Ports in the World: From Smart Ideas to Global Leaders [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.hapag-lloyd.com/en/online-business/digital-insights-dock/insights/2025/06/the-smartest-ports-in-the-world-from-smart-ideas-to-global-leade.html>, свободный.
5. McKinsey & Company. The multi-billion-dollar paper jam: Unlocking trade by digitalizing documentation [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.mckinsey.com/industries/logistics/our-insights/the-multi-billion-dollar-paper-jam-unlocking-trade-by-digitalizing-documentation>, свободный.
6. Минтранс России. В России оформлен и передан в госсистему Минтранса России первый электронный морской перевозочный доку-

мент [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11279>, свободный.

7. Морские вести России. В СПбГУ разработали платформу электронного коносамента для морского экспорта [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://morvesti.ru/news/1679/105281/>, свободный.
8. Портал правовой информации. Электронный коносамент в Российской Федерации: правовая природа и особенности использования [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://lawinfo.ru/articles/9309/elektronnyi-konosament-v-rossiiskoi-federacii-pravovaya-priroda-i-osobennosti-ispolzovaniya/>, свободный.
9. Port Technology International. HMM, CargoX collaborate to launch eBL platform [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.porttechnology.org/news/hmm-cargox-collaborate-to-launch-ebl-platform/>, свободный.
10. РИА Новости. В России создали новую платформу документооборота для морских перевозок [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://ria.ru/20231004/platforma-1900326205.html>, свободный.
11. UNCTAD. UNCITRAL Model Law on Electronic Transferable Records (2017). Status [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/modellaw/electronic_transferable_records/status, свободный.
12. Future International Trade Alliance. Open eBL – Future of electronic bill of lading [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.withvector.com/blog/what-is-an-electronic-bill-of-lading-purpose-advantages/>, свободный.
13. WTO.ru. Электронные коносаменты и развитие международной торговли [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://wto.ru/our-blog/elektronnye-konosamenty-i-razvitie-mezhdunarodnoy-torgovli/>, свободный.
14. pt.2035.university. DLT-платформа электронных грузовых документов морской перевозки е-внештранс [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://pt.2035.university/project/dlt-platforma-elektronnyh-gruzovyh-dokumentov-morskoj-perevozki-e-vnestrans-elektronnyj-konosament-dla-rossijskogo-eksporta>, свободный.
15. ismarttwin.ru. SmartTwin.Port – Интеллектуальные цифровые двойники портов [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.ismarttwin.ru/assets/pres-smart-twin-for-seaport.pdf>, свободный.

AUTOMATION AND DIGITAL PLATFORMS IN INTERNATIONAL MARITIME TRANSPORT: PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF ELECTRONIC BILLS OF LADING AND PORT LOGISTICS

Tolokonnikov S.I.

Moscow Humanitarian and Technological University – Moscow Institute of Architecture and Civil Engineering

The article explores current trends in the digitalization of international maritime transport, focusing on the implementation of electronic bills of lading (eBL) and the advancement of digital technologies in port logistics. It provides an overview of international and Russian initiatives, including DCSA and CargoX projects, as well as the Russian platforms “e-Vneshtans” and the state-operated GIS EPD system. Particular attention is paid to the analysis of legal, technical, and operational barriers to eBL adoption, along with the economic and environmental benefits of digital tools. Based on case studies from Singapore, Rotterdam, Yangshan, and Vladivostok, the article offers conclusions about the prospects of digital transformation in logistics. It includes generalized data, comparative tables, and forecasts, making it relevant for researchers and logistics professionals.

Keywords: electronic bill of lading, logistics digitalization, smart ports, international shipping, port automation, eBL, GIS EPD, block-chain in transport.

References

1. Axians. How Rotterdam becomes the smartest port in the world [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.axians.com/use-case/how-rotterdam-becomes-the-smartest-port-in-the-world/>, free.
2. Digital Container Shipping Association. Electronic Bill of Lading standard – DCSA [Electronic resource]. – Access mode: <https://dcsa.org/solutions/electronic-bill-of-lading/>, free.
3. ESCAP. What really explains the slow adoption of electronic bills of lading? [Electronic resource] / T. Wang. – Access mode: <https://www.unescap.org/blog/what-really-explains-slow-adoption-electronic-bills-lading>, free.
4. Hapag-Lloyd. The Smartest Ports in the World: From Smart Ideas to Global Leaders [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.hapag-lloyd.com/en/online-business/digital-insights-dock/insights/2025/06/the-smartest-ports-in-the-world-from-smart-ideas-to-global-leade.html>, free.
5. McKinsey & Company. The multi-billion-dollar paper jam: Unlocking trade by digitalizing documentation [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.mckinsey.com/industries/logistics/our-insights/the-multi-billion-dollar-paper-jam-unlocking-trade-by-digitalizing-documentation>, free.
6. Ministry of Transport of Russia. The first electronic sea freight document has been issued in Russia and transferred to the state system of the Ministry of Transport of Russia [Electronic resource]. – Access mode: <https://mintrans.gov.ru/press-center/news/11279>, free.
7. Maritime news of Russia. St. Petersburg State University has developed an electronic bill of lading platform for sea exports [Electronic resource]. – Access mode: <https://morvesti.ru/news/1679/105281/>, free.
8. Legal information portal. Electronic bill of lading in the Russian Federation: legal nature and features of use [Electronic resource]. – Access mode: <https://lawinfo.ru/articles/9309/elektronnyi-konosament-v-rossijskoj-federacii-pravovaya-priroda-i-osobennosti-ispolzovaniya/>, free.
9. Port Technology International. HMM, CargoX collaborate to launch eBL platform [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.porttechnology.org/news/hmm-cargox-collaborate-to-launch-eb1-platform/>, free.
10. RIA Novosti. Russia creates a new document management platform for maritime transportation [Electronic resource]. – Access mode: <https://ria.ru/20231004/platforma-1900326205.html>, free.
11. UNCTAD. UNCITRAL Model Law on Electronic Transferable Records (2017). Status [Electronic resource]. – Access mode: https://uncitral.un.org/en/texts/ecommerce/modellaw/electronic_transferable_records/status, free.
12. Future International Trade Alliance. Open eBL – Future of electronic bill of lading [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.withvector.com/blog/what-is-an-electronic-bill-of-lading-purpose-advantages/>, free.
13. WTO.ru. Electronic bills of lading and the development of international trade [Electronic resource]. – Access mode: <https://wto.ru/our-blog/elektronnye-konosamenty-i-razvitie-mezhdunarodnoy-torgovli/>, free.
14. pt.2035.university. DLT platform of electronic cargo documents for sea transportation e-vneshtans [Electronic resource]. – Access mode: <https://pt.2035.university/project/dlt-platforma-elektronnyh-gruzovyh-dokumentov-morskoj-perevozki-e-vneshtans-elektronnyj-konosament-dla-rossijskogo-eksporta>, free.
15. ismarttwin.ru. SmartTwin.Port – Intelligent digital twins of ports [Electronic resource]. – Access mode: <https://www.ismarttwin.ru/assets/pres-smart-twin-for-seaport.pdf>, free.

О критериях прогресса элементов правовой системы в современной России

Адыгезалова Гюльназ Эльдаровна,

доктор юридических наук, заведующая кафедрой теории, и истории государства и права Кубанского государственного университета

Жинкин Сергей Алексеевич,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета

В статье затрагиваются проблемы сущности правового прогресса, прогресса элементов правовой системы, а также их критериев, в том числе в условиях современной России. При этом указывается на некоторую смысловую неопределенность самого понятия «прогресс правовой системы» и необходимость его смыслового уточнения. Авторами отмечается, что прогресс при переходе от одного исторического типа права к другому и микропрогресс, связанный с совершенствованием правовой системы и ее элементов внутри одного исторического этапа развития права, их сущность и критерии обладают качественными различиями. Применительно к современной России кратко охарактеризованы экономические, политические, социальные и технико-юридические критерии правового прогресса. При этом авторами подвергается критическому анализу целевая трактовка прогресса как достижения определенных поставленных целей, используемая по аналогии с целевой трактовкой эффективности норм права и иных элементов правовой системы. Отмечается, что цели должны сами подвергаться критическому анализу на предмет своей прогрессивности и социальной ориентированности, они сами должны не просто ставиться государством на определенном историческом этапе, но и достигаться полезными для общества путями и методами. Кроме того, прогресс различных элементов правовой системы имеет разное содержание и, соответственно, разные критерии.

Ключевые слова: социальный прогресс, правовой прогресс, критерии.

Проблема критериев правового прогресса имеет существенное значение не только для развития правовых систем и определения дальнейших путей их совершенствования, но и для развития общества в целом. Правовой прогресс, выступая как составная часть социального прогресса, является, с одной стороны, его предпосылкой, с другой – его последствием. Социальный прогресс просто немыслим вне прогресса социального регулирования, в том числе регулирования правового. Как отмечается в литературе, в современном обществе существует постоянный риск хаоса, потери социального контроля, если этот контроль не будет прогрессировать вместе с обществом[3;27]. Вот почему так важно определиться с тем, какие изменения в правовой системе можно считать прогрессивными, а также с тем, каковы критерии, позволяющие рассматривать те или иные изменения элементов правовой системы в качестве прогрессивных.

Прежде всего, необходимо определиться с тем, а что, собственно, представляет собой правовой прогресс. И здесь существенное значение имеет то, что вообще понимается под правом. И если для одних правовой прогресс связан с совершенствованием системы установленных государством норм, то для других – с увеличением меры свободы, реализацией справедливости в общественной жизни, совершенствованием юридической практики и т.д. Как известно, право рассматривается разными авторами совершенно по-разному, даже в рамках современной отечественной науки можно встретить определения права и как системы установленных государством и обеспеченных государственным принуждением общеобязательных норм[2;81–82], и как нормативно-деятельностной системы[6; 94–103], и в соотношении с категорией справедливости[5;69], и как триединства равенства, свободы и справедливости[7;39], и как средства социальной коммуникации[8;188], и как формы осуществления социальных интересов по принципу формального равенства[4;81–90], и как явления цивилизации и культуры[1;60–62] и т.д. В таких условиях и трактовки самого правового прогресса, и подходы к его критериям будут существенно различаться.

Во-первых, достаточно уязвимо для критики было бы определение правового прогресса как простого усложнения правовой регламентации, усиления ее многоаспектности на основе некоего общего понимания прогресса как движения от простого к сложному. Сложность регулирования отнюдь не означает его эффективность, его высокую социальную ценность, она не обязательно ведет к увеличению количества и качества достигаемых общественно полезных результатов.

Более правильным было бы взять за основу такие критерии, как эффективность осуществляемой правовой регламентации и достигаемые посредством такой регламентации социально полезные результаты. При этом логично разграничивать критерии прогресса различных элементов правовой системы, ведь для разных элементов такие критерии могут и не совпадать. Так, могут существенно различаться критерии прогресса собственно позитивного права (законодательства), критерии прогресса в деятельности правовых учреждений, критерии прогресса в содержании господствующей правовой идеологии, критерии прогресса юридических процедур и т.д.

Во-вторых, сами критерии могут быть различных видов. Думается, что критерии правового прогресса могут быть, как минимум следующих разновидностей: политическими, ценностными, социальными, культурными, юридико-техническими. Другими словами, критерии прогресса тех или иных элементов правовой системы могут носить политический характер (например, упрочение власти и повышение эффективности ее осуществления как критерий прогресса соответствующего законодательства), экономический, социальный, культурный, технико-юридический.

Так, политическим критерием прогресса правовой системы можно, на мой взгляд, считать оптимизацию государственного управления, повышение его эффективности и социальной направленности.

Ценностными критериями могут служить эффективное внедрение и защита правовыми средствами тех или иных общественных ценностей, например, созидательного труда, семьи, патриотизма и т.д. В этом плане в отечественном законодательстве, как известно, был закреплен термин «традиционные российские духовно-нравственные ценности».

Что касается социальных критериев правового прогресса, то ими можно считать усиление социальной направленности права и государственной политики, снижение роли принуждения в регламентации социальных процессов, уменьшение социального неравенства, повышение результативности социальных взаимодействий.

Для того, чтобы выяснить технико-юридические критерии правового прогресса, необходимо применить к правилам (требованиям) юридической техники исторический подход. Другими словами, необходимо рассмотреть эти требования в динамике, применить критерий прогресса к отдельным правилам. Думается, что главный ориентир здесь – повышение эффективности действия тех или иных правовых средств, инструментов в исторической ретроспективе, что вытекает из их полезности, доступности, применимости к соответствующим историческим условиям.

В-третьих, сам вышеупомянутый критерий эффективности, взятый в трактовке традиционной целевой концепции эффективности, не может быть безоговорочно воспринят в качестве критерия про-

гресса правовой системы. Если придерживаться традиционной интерпретации эффективности как соотношения поставленных целей и наступивших результатов, то критерием прогресса станет достижение наибольшего соответствия между целями и результатами. Но в таком случае вне анализа оказываются сами поставленные цели, которые могут носить отнюдь не прогрессивный характер. Так, в Советском Союзе долгое время весьма эффективно посредством права запрещались рыночные отношения, что вряд ли можно считать прогрессивным явлением. Тем самым, при выборе эффективности в качестве критерия правового прогресса анализу с позиций прогрессивности должны подвергаться сами поставленные государством цели. И здесь мы встречаемся с определенной аналитической трудностью, поскольку прогрессивность либо, напротив, регрессивность поставленных и достигнутых в правовой системе целей становится очевидной лишь в исторической перспективе, с точки зрения более или менее отдаленных исторических результатов.

Итак, в качестве критериев правового прогресса могут быть взяты за основу, хотя и с некоторыми оговорками: 1) эффективность системы правовой регламентации и ее составных частей как соотношение между провозглашаемыми целями регулирования и реально наступившими результатами; 2) социальная полезность как заявленных целей правовой регламентации, так и достигнутых результатов, усиление их социальной направленности.

Литература

1. Алексеев С.С. Теория права. М., 1995. С. 60–62.
2. Байтин М.И. Сущность права (Современное нормативное правопонимание на грани двух веков). Саратов, 2001. С. 81–82.
3. Кудрина С.А. Прогресс как ценность // Социологические исследования. 2018. № 7. С. 24–29.
4. Лапаева В.В. Социология права в системе обществоведения // Государство и право. 2000. № 4. С. 81–90.
5. Лившиц Р.З. Теория права. М., 1994. С. 69.
6. Мальцев В.А. Право как нормативно-деятельностная система // Журнал российского права. 2002. № 4. С. 94–103.
7. Нерсисянц В.С. Философия права: Учебник для вузов. М., 2001. С. 39.
8. Поляков А.В. Общая теория права. Курс лекций. СПб., 2001. С. 188.

ON THE CRITERIA FOR THE PROGRESS OF ELEMENTS OF THE LEGAL SYSTEM IN MODERN RUSSIA

Adygezalova G.E., Zhinkin S.A.
Kuban State University

The article addresses the issues of the essence of legal progress, the progress of elements of the legal system, as well as their criteria, including in the context of modern Russia. At the same time, some semantic ambiguity of the very concept of "progress of the legal sys-

tem” and the need for its semantic clarification are pointed out. The authors note that progress in the transition from one historical type of law to another and microprogress associated with the improvement of the legal system and its elements within one historical stage of the development of law, their essence and criteria have qualitative differences. With regard to modern Russia, the economic, political, social and technical-legal criteria of legal progress are briefly characterized. At the same time, the authors critically analyze the target interpretation of progress as the achievement of certain set goals, used by analogy with the target interpretation of the effectiveness of legal norms and other elements of the legal system. It is noted that the goals themselves should be subject to critical analysis for their progressiveness and social orientation, they themselves should not just be set by the state at a certain historical stage, but also be achieved in ways and methods that are useful for society. Moreover, the progress of various elements of the legal system has different content and, accordingly, different criteria.

Keywords: social progress, legal progress, criteria.

References

1. Alekseev S.S. Theory of law. Moscow, 1995. pp. 60–62.
2. Baytin M.I. The essence of law (Modern normative legal understanding on the verge of two centuries). Saratov, 2001. pp.81–82.
3. Kudrina S.A. Progress as a value // Sociological research. 2018. No. 7. pp.24–29.
4. Lapaeva V.V. Sociology of law in the system of social science // State and law. 2000. No. 4. pp.81–90.
5. Livshits R.Z. Theory of law. Moscow, 1994. P.69.
6. Maltsev V.A. Law as a normative and activity system // Journal of Russian Law. 2002. No. 4. pp.94–103.
7. Nersesyan V.S. Philosophy of law: Textbook for universities. Moscow, 2001. P.39.
8. Polyakov A.V. General theory of law. A course of lectures. St. Petersburg, 2001. P.188.

Жинкин Сергей Алексеевич,

доктор юридических наук, профессор кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета

Жбырь Оксана Николаевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Кубанского государственного университета

В статье исследуются различные аспекты и критерии классификации видов эффективности государственной деятельности. Исследование этих классификаций предваряется кратким анализом самих понятий «эффективное государство», «эффективная государственность». При этом авторы придерживаются распространенного в отечественной науке целевого подхода, широко используемого при анализе эффективности норм права, согласно которому эффективность представляет собой соотношение поставленных целей и полученных результатов. В изучении видов эффективности государственной деятельности авторы используют ряд оснований. Так, ими различается потенциальная (прогнозируемая) эффективность государственной деятельности и эффективность реальная; эффективность измеримая и неизмеримая; эффективность ступенчатая и неступенчатая. Также виды эффективности государственной деятельности разграничиваются в зависимости от сферы «приложения усилий» государства и сферы проявления эффекта на: экономическую, политическую, юридическую, социальную, ценностную, культурную. Отдельной проблемой, затрагиваемой в статье, выступает проблема так называемой отрицательной эффективности. По мнению авторов, исследование данной проблематики предполагает осмысление не только того, существует ли вообще отрицательная эффективность государственной деятельности, но и ряда других моментов: в чем выражается такая отрицательная эффективность, каковы пути и методы ее предотвращения, прогнозирования, устранения.

Ключевые слова: государство, деятельность, эффективность

Категория эффективности государственной деятельности, является, с одной стороны, сравнительно новой с доктринальной точки зрения, но, с другой стороны, чрезвычайно важной в плане оценки государственной деятельности, государственной политики. В.Е. Чиркин в свое время отметил, что «в российском обществе утверждается такой подход: государство не должно стать ни слабым, ни сильным, оно должно быть эффективным» [8;409]. Вот почему так важно определиться не только с трактовкой, с научным определением данного термина, но и выявить различные его аспекты, виды, формы проявления.

Данная статья будет посвящена возможным и целесообразным, с точки зрения автора, классификациям эффективности государственной деятельности. Однако прежде хотелось бы уточниться с самими понятиями эффективного государства, эффективности государственной деятельности.

Эффективному государству и эффективности государственной деятельности в литературе даются различные определения, по-разному оцениваются и проявления такой эффективности. Так, по мнению В.В. Глухова и В.Ф. Звагельского, «эффективное государство при экономической оценке характеризуется положительным балансом доходов и расходов, прибыльностью секторов экономики, лидирующими позициями в международной торговле, отсутствием зависимости от других стран» [2:8]. Как указывает Д.З. Сафаревич, «основной смысл характеристики «эффективный» заключается в результативности, действенности, способности достичь поставленной цели» [4;171]. Некоторые авторы, например, Г.А. Василевич, проводят параллель между эффективностью государственной деятельности и соблюдением конституции страны [1;66]. Определенный интерес представляет позиция Л.В. Сморгунова, согласно которой «эффективное государство – это государство, которое способно оптимизировать использование ресурсов в интересах индивида и общества в целом» [5;27], хотя сами понятия «оптимизации» и «ресурсов» нуждаются в своей конкретизации в данном контексте. Политический «окрас» придает проблеме эффективности государства и его деятельности А.В. Понеделков и А.М. Старостин, усматривая эффективность государства в «способности достичь политических целей и в легитимной политической власти, базирующейся на оптимальной организации каждой из ее ветвей и их взаимодействии между собой» [3;24]. О.А. Степанов соотносит эффективность с силой государства, подразумевая под эффективным государством «сильное государство, способное гарантировать

стабильность общественного развития и соблюдение прав личности» [6;34].

Целевой подход к эффективности государства, традиционно применявшийся в отечественной юридической науке в исследовании эффективности норм права, использует В.Е. Чиркин: «эффективность – это достижение цели с минимальной затратой ресурсов и управленческой энергии в возможно короткий срок и с возможной полнотой» [7;57]. И это лишь некоторые подходы к определению понятия эффективности государства и государственной деятельности. Как видим, проблема вызывает немалый интерес в отечественной науке. Мы придерживаемся целевого подхода к понятию эффективности государственной деятельности, определяя ее как соотношение целей, которые ставит перед собой государство в осуществлении своей политики, и реально наступившими результатами.

Итак, наметим теперь в первом приближении некоторые возможные классификации видов эффективности государственной деятельности.

Прежде всего, на наш взгляд, следует различать прогнозируемую эффективность государственной деятельности (а прогнозировать такую эффективность в соответствующих сферах необходимо и, по крайней мере, более рационально, чем легкомысленно рассчитывать на эффективность стопроцентную) и эффективность реально достигнутую. При этом определить прогнозируемую эффективность достаточно просто: многие государственные программы изначально сопровождаются целым комплексом показателей, измеряемых цифровыми величинами.

Далее, эффективность государственной деятельности может носить измеримый и неизмеримый характер. При этом все же желательно, чтобы эффективность могла, исходя из издаваемых государством нормативных актов, программ, подвергаться мониторингу, детальному измерению с определением путей ее повышения.

По нашему мнению, в соответствии с делением целей на ступенчатые (достижимые частично) и неступенчатые (которые либо достигаются полностью либо не достигаются совсем), можно разделить эффективность государственной деятельности на ступенчатую и неступенчатую. Так, возможное создание нового государственного органа характеризовалось бы неступенчатой эффективностью, поскольку никакого «частичного создания» здесь просто не может быть.

Наконец, в соответствии со сферой «приложения усилий» государства, эффективность его деятельности может быть разделена на следующие виды:

- экономическую;
- политическую;
- социальную;
- юридическую;
- ценностную;
- культурную.

При этом в перспективе применительно к каждому указанному виду важно доктринально и практически определиться со следующими моментами:

- в чем выражается соответствующий вид эффективности государственной деятельности;
- каковы могут быть пути и формы повышения эффективности данной деятельности, есть ли пределы такого повышения;
- каковы будут проявления неэффективности государственной деятельности в соответствующей сфере.

Думается, что анализу указанных моментов должна быть посвящена отдельная научная работа.

Предметом отдельного обсуждения, на мой взгляд, должен стать следующий вопрос, касающийся видов эффективности: может ли эффективность государственной деятельности в той или иной сфере быть отрицательной? При этом нужно ответить и на некоторые другие вопросы, например: в чем выражается этот отрицательный модус эффективности, как спрогнозировать и предотвратить возможную отрицательную эффективность государственной деятельности в той или иной сфере? Эти вопросы все еще требуют научного анализа и доктринального и практического ответа.

Итак, исследование вопросов эффективности государственной деятельности, в том числе ее различных классификаций на виды, представляется весьма актуальным и целесообразным для дальнейшего развития не только политической и юридической науки, но и самой государственной деятельности и ее различных направлений.

Литература

1. Василевич Г.А. Правовое государство и сильная власть – явления совместимые // Право Беларуси. 2002. № 9. С. 62–67.
2. Глухов В.В., Звагельский В.Ф. Принципы функционирования эффективного государства // Россия в глобальном мире. 2013. № 3. С. 7–15.
3. Понедельков А.В., Старостин А.М. Организационно-управленческий и аксиологический аспекты анализа эффективности государственной власти // Известия вузов. Северо-Кавказский регион. Общественные науки. 1998. № 4. С. 24–27.
4. Сафаревич Д.З. Эффективное государство; этимология слова и генезис понятия // Вестник Брестского государственного технического университета. 2003. № 6. С. 171–175.
5. Сморгун Л.В. Консолидация демократии и проблема формирования эффективного государства в России // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Философия. Политология. Социология. Психология. Право. Международные отношения. 1998. Вып. 2. С. 22–28.
6. Степанов О.А. Принципы, основы и предпосылки развития эффективного государства // Современное право. 2003. № 4. С. 30–34.

7. Чиркин В.Е. Государственное управление: Элементарный курс. М., 2002. 320с.
8. Чиркин В.Е. Современное государство. М., 2001. 416с.

ON THE TYPES OF EFFICIENCY OF STATE ACTIVITY

Zhinkin S.A., Zhbyr O.N.
Kuban state University

The article examines various aspects and criteria for classifying the types of effectiveness of government activities. The study of these classifications is preceded by a brief analysis of the very concepts of "effective state" and "effective statehood." At the same time, the authors adhere to the goal-oriented approach widespread in Russian science, which is widely used in analyzing the effectiveness of legal norms, according to which effectiveness is the ratio of goals set and results obtained. In studying the types of effectiveness of government activities, the authors use a number of grounds. Thus, they distinguish between the potential (predicted) effectiveness of government activities and real efficiency; measurable and immeasurable efficiency; stepwise and non-stepwise efficiency. Also, the types of effectiveness of government activities are distinguished depending on the sphere of "application of efforts" of the state and the sphere of manifestation of the effect on: economic, political, legal, social, value, cultural. A separate issue addressed in the article is the problem of so-called negative efficiency. According to the authors, the study of this issue involves understanding not only whether there is a negative effectiveness of government activities at all,

but also a number of other points: what is the expression of such negative effectiveness, what are the ways and methods of its prevention, forecasting, and elimination.

Keywords: state, activity, efficiency.

References

1. Vasilevich G.A. The rule of law and strong power are compatible phenomena // Law of Belarus. 2002. No. 9. P. 62–67.
2. Glukhov V.V., Zvagelsky V.F. Principles of functioning of an effective state // Russia in the global world. 2013. No. 3. P. 7–15.
3. Ponedelkov A.V., Starostin A.M. Organizational, managerial and axiological aspects of the analysis of the effectiveness of state power // News of universities. North Caucasian region. Social sciences. 1998. No. 4. P. 24–27.
4. Safarevich D.Z. Effective state; etymology of the word and genesis of the concept // Bulletin of the Brest State Technical University. 2003. No. 6. P. 171–175.
5. Smorgunov L.V. Consolidation of democracy and the problem of forming an effective state in Russia // Bulletin of St. Petersburg University. Series 6. Philosophy. Political Science. Sociology. Psychology. Law. International Relations. 1998. Issue 2. P. 22–28.
6. Stepanov O.A. Principles, foundations and prerequisites for the development of an effective state // Modern law. 2003. No.4. P. 30–34.
7. Chirkin V.E. Public administration: Elementary course. Moscow, 2002. 320 p.
8. Chirkin V.E. Modern state. Moscow, 2001. 416 p.

Социальные права как конституционно-правовой императив для проведения государством социально-ориентированной, ответственной бюджетно-правовой политики и выполнения им своих социальных обязательств

Ильин Игорь Михайлович,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
государственно-правовых дисциплин Новгородского
государственного университета им. Ярослава Мудрого
E-mail: igor0401198504@mail.ru

В статье исследуются социальные права как обязательный элемент конституционного правопорядка и основа для выполнения государством социальных обязательств. Опираясь на положения Конституции РФ, закрепляющие социальные права граждан, раскрываются направления бюджетно-правовой политики государства с целью выполнения им принятых публично-правовых обязательств в социальной сфере. Проведенный анализ доктринальных подходов к сущности социальных прав позволил раскрыть наличие связи социальных прав с бюджетными обязательствами государства и сформулировать авторскую дефиницию термина «социальные права граждан». Исследование доктринальных воззрений показало, что расходные обязательства в социальной сфере следует рассматривать как разновидность финансовых обязательств государства, а бюджетно-финансовое обеспечение гарантированных конституцией социальных прав как предпосылку для сохранения бюджетно-финансового суверенитета государства. Также в статье особое внимание уделено решениям Конституционного Суда РФ по вопросам финансового обеспечения социальных прав граждан государством, на основе которых определяются пределы дискреции законодателя при определении мер социальной защиты и объема финансовых обязательств для обеспечения социальных прав.

Ключевые слова: социальные права, социальные обязательства государства, Конституционный Суд РФ, социальное государство, публичные финансы, конституционные ценности, бюджетно-правовая политика, бюджетно-финансовый суверенитет государства.

Основу современной концепции социального государства составляет постулат, что публичная власть несет перед населением безусловные обязательства по обеспечению определенного объема социальных благ и услуг [1, с. 171–182], что выражается в юридически обеспеченных силой Конституции обязательствах государства перед гражданами, в том числе бюджетных.

В России основополагающей нормой является ст. 7 Конституции РФ, в которой закреплён принцип социального государства и определены целевые установки социальной политики для публичной власти – создание условий, обеспечивающих достойную жизнь граждан и свободное развитие человека [2]. Исследуя такие конституционные ценности, как достойная жизнь граждан и свободное развитие человека, Конституционный Суд РФ (далее-КС РФ) в решениях указал, что их обеспечение является безусловной обязанностью государства [3]. При детализации конституционного положения, которым закрепляется принцип социального государства, следует обратить внимание на точку зрения конституционалиста Гаджиева Г.А., который полагает, что конституционные нормы, в которых отражены различные, но равноценные социальные интересы, основаны на бинарности таких принципов, как: автономность личности и суверенитет государства, свобода предпринимательской деятельности и социального государства, народовластие и государственность и др. [4, с. 18–42], которых требуется обеспечить баланс. По обоснованному суждению Омелехиной Н.В. в нормотворчестве и правореализации баланс бинарных конституционных принципов призван обеспечить такой финансовый инструмент, как перераспределение денежных средств через механизмы их изъятия и предоставления [5, с. 76–85].

Со ст. 7 Конституции РФ коррелирует, закреплённый в статьях 37–43 Конституции РФ перечень социальных прав граждан, под которыми с учетом сложившихся доктринальных воззрений [6, с. 551–574]; [7 с. 29–35] в контексте заявленной темы автором понимается как гарантированные Конституцией РФ права граждан на получение мер социальной поддержки, предоставление которых неразрывно связано с бюджетно-правовой политикой государства, которая определяет доступные финансовые ресурсы и механизмы их распределения в рамках выполнения государством социальных функций.

В отличие от личных (гражданских) прав особенность социальных прав заключается в их по-

зитивном характере, поскольку те не могут быть реализованы без социальных притязаний социума и соответствующих действий государства по созданию необходимых материальных условий для их удовлетворения. В теории конституционного права обязанности государства по обеспечению социальных прав получили толкование и развитие как «позитивные обязательства государства». Так, Виктор Осятыньский [8, с. 82–96] Соболева А.К. [9, р.133–134], Крусс В.И. [10, с. 160–176] обращаясь к правам человека, проводят различие между правами, которые требуют пассивности государства (негативные) и активных действий с его стороны (позитивные). Социальные права, по их мнению, являются классическим примером прав, требующих позитивного вмешательства государства для их реализации.

Бондарь Н.С. в монографии [11, с. 388–437], а именно в параграфах, посвященных социальным правам в решениях КС РФ, детально анализирует, каким образом судебная практика выявляет и формулирует обязанности государства, следующие из закрепленных в Конституции РФ социальных прав. Мозолева О.С., исследуя содержание права на социальное обеспечение, отмечает, что ключевым принципом для реализации данного права является определение постоянных и надежных источников финансирования социального обеспечения, а также создание эффективного и действенного механизма перераспределения материальных благ [12].

Позиции ученых основываются на толковании содержания положений статей 37–43 Конституции РФ, в соответствии с которыми на государство возложена обязанность по созданию условий для реализации социальных прав путем проведения государственной социальной политики, имеющей своей целью – предоставление бюджетных ассигнований отдельно по каждому виду обязательств в виде гарантирования социальных выплат и осуществления комплекса мер социальной поддержки населению.

Установление на конституционном уровне социальных обязательств для реализации социальных прав является гарантией того, что государство не вправе по своему усмотрению отказаться от выполнения принятых на себя публично-правовых обязательств в социальной сфере. К тому же положения Конституции РФ, закрепляющие социальные права граждан, являются нормами прямого действия и имеют императивный характер для определения направлений бюджетно-правовой политики государства, что обусловлено в следующем:

принцип социального государства обязывает государство с целью создания условий для достойной жизни обеспечить целевое финансирование социальной сферы. Данное положение коррелирует со статьями 2, 18 Конституции РФ, по смыслу которых права и свободы человека и гражданина определяют содержание принимаемых публичной властью законов и подзаконных актов;

публичность и прозрачность бюджета (ч. 2 ст. 24, ч. 4 ст. 29 Конституции РФ), что обеспечивает открытость данных о распределении средств на социальные нужды и послужившие основанием на уровне федерального законодательства для возложения на Счетную палату России обязанности, по ежегодной оценке, эффективности расходования бюджетных средств, в том числе предусмотренных на социальную сферу [13];

запрет на издание законов, умаляющих социальные права и направленных на снижение достигнутого уровня социальной защиты и мер социальной поддержки (ч. 2 ст. 55 Конституции РФ). Разъясняя смысл и содержание данного конституционного положения КС РФ в своих решениях [14] [15] указал, что сокращение социальных расходов допустимо при сохранении минимального стандарта, обеспечивающего сущность права, и наличии компенсационных мер. Кроме того, КС РФ связал дискрецию законодателя с конституционно-правовым императивом в той части, что индексация социальных выплат должна учитывать реальную инфляцию, а не формально прогнозируемую. С учетом вышеуказанных правовых позиций КС РФ, Президентом РФ в 2025 году скорректировано на уровень реальной инфляции, принятое годом ранее Правительством РФ решение о ежегодной индексации пенсий;

выполнение Россией ратифицированных универсальных международных соглашений в той мере и объеме, которыми может быть обеспечено оказание различных мер социальной поддержки и должный уровень социальных гарантий (напр., Европейская социальная хартия призывает государств-участников на борьбу с бедностью и гарантирует право на доступное жилье, Международный пакт об экономических, социальных и культурных правах в ст. 2 закрепляет фундаментальный принцип, обязывающий государство, участвующее в настоящем пакте, предпринять меры в пределах имеющихся ресурсов всеми надлежащими способами с тем, чтобы обеспечить полное осуществление социальных прав, включая принятие законодательных мер, Конвенцией N 102 «О минимальных нормах социального обеспечения» заложена правовая и институциональная основа для государств-участников по созданию устойчивых механизмов финансирования социального обеспечения);

реализация Правительством РФ полномочия по обеспечению проведения финансовой, кредитной и денежной политики, что включает в себя организацию бюджетного процесса и обеспечение исполнения федерального бюджета, в том числе в части социальных расходов (п «а» ч. 1. ст. 114 Конституции РФ).

Производными от конституционных норм, гарантирующих социальные права, являются бюджетные обязательства государства, под которыми согласно ст. 6 БК РФ понимаются публичные расходные обязательства, предусмотренные законами, иными нормативными актами, договором или соглашением. При этом расходные обязательства

государства являются первичными, а финансирование существующих обязательств обеспечивает закон о бюджете, на что прямо указал КС РФ в постановлении [16]. Формируя бюджетную политику, федеральный законодатель обязан обеспечить такой объем бюджетных ассигнований, который надлежащим образом позволил бы реализовать социальные обязательства государства, закрепленные в Конституции РФ.

Исходя из данной правовой позиции КС РФ, отметим, что закон о бюджете представляет собой акт исполнения принятых государством конституционных и законодательных обязательств и инструмент обеспечения социальных прав. В свою очередь бюджет в конституционно-правовом смысле представляет собой облеченный в форму закона правовой акт, предназначением которого является гарантированность принципа конституционализма, воплощенного в такую черту государства, как социальное [17, с. 9–11]. Исследуя финансовые обязательства государства, Грачева Е.Ю. и Федорова М.Ю. [18, с. 73–88] вполне обоснованно рассуждают о расходных обязательствах в социальной сфере как разновидности финансовых обязательств государства и конституционно-правовой предпосылке возложения обществом на государство соответствующих социальных обязательств и возникновения права граждан потребовать от публичной власти выполнения ею общесоциальных функций.

После принятия конституционных поправок, которыми гарантируется ежегодно индексация социальных выплат и расширены принципы-требования социального государства для устойчивого экономического роста страны и повышения благосостояния граждан, бюджетная политика России приобретает социально-ориентированный характер, а предусмотренные на конституционном уровне социальные обязательства подчеркивают бюджетно-финансовые возможности государства в обеспечении социальных прав граждан. Закрепление на конституционном уровне дополнительных социальных обязательств для исполнения органами публичной власти способствует усилению социальной защищенности населения и побуждает отметить, что на современном этапе модель социального государства России основана на взаимном доверии и ответственности государства, общества и граждан, а принцип социального государства является императивом – требованием объективных закономерностей современного периода развития общества [19, с. 37–41]. К вопросу о том, способно ли государство выполнять свои социальные обязательства, и в каком объеме, следует рассматривать также и через призму системы критериев измерения (оценки) бюджетно-финансового суверенитета государства в контексте проводимой им социальной политики, включающих показатели долговой устойчивости, структуры бюджетных доходов, валютно-финансовой стабильности и институциональной независимости. Данная точка зрения при всей своей уникальности не является

единственно сформулированной в доктрине. Так, исследуя роль социальной политики в укреплении суверенитета, Мензарарь С.А. отмечает, что государство может сохранить свой суверенитет только при соблюдении такого условия, как бюджетно-финансовое обеспечение гарантированных конституцией социальных прав [20, с. 67–69].

Конституционные положения, связанные с обеспечением социальных прав, детализированы в статьях 33, 35 БК РФ, закрепляющие и раскрывающие содержание принципов сбалансированности бюджета и совокупного покрытия расходов бюджетов, что к социальным правам выражено в запрете принятия государством расходных обязательств без определения источников и обеспечения государством такого уровня бюджетных доходов (через налоги, сборы, пошлины, доходы от государственной собственности), который позволил бы выполнять в полном объеме социальные обязательства, а ст. 96.10 БК РФ установлены бюджетные правила, связанные с использованием средств Фонда национального благосостояния для покрытия социальных расходов в случае финансовой нестабильности (дефицита бюджетных средств). Кроме того, статьями 7–9 БК РФ предусмотрено разграничение бюджетных полномочий между федеральными, региональными и местными органами власти, что обеспечивает целевое финансирование социальных обязательств на всех уровнях бюджетной системы.

Другим не менее значимым актом является принимаемый ежегодно Федеральный закон о федеральном бюджете [21], которым предусматривается финансирование расходов на социальные нужды (образование, здравоохранение, индексацию пенсий и т.д.). На 2025 г. и плановый период 2026–2027 гг. доля расходов по направлению «социальная политика» в общей структуре расходов федерального бюджета составляет порядка 20%, что соответствует конституционному приоритету прав и свобод граждан.

С развитием бюджетного законодательства Указом Президента РФ до 2030 года определены финансово-правовые ориентиры перераспределения финансовых средств на реализацию национальных проектов в социальной сфере, исходя из стратегии, обусловленной национальными целями развития России [22]. Во исполнение этого Указа Минфином РФ в основных направлениях бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на текущий год и плановый период была сориентирована стратегическая приоритизация расходов бюджетов [23].

С целью минимизации рисков неисполнения социальных обязательств государством используется также такой правовой механизм, обеспечивающий реализацию социальных прав, как судебный, осуществляемый КС РФ, который ограничивает дискрецию законодателя в бюджетно-финансовой сфере и способствует совершенствованию законодательства в случае признания оспариваемой нормы неконституционной. Наглядным тому примером

являются правовые позиции КС РФ по вопросам социального обеспечения, в которых суд признал необходимость поиска баланса между публичными и частными интересами, и раскрываются принципы, которые служат ориентиром для бюджетно-правовой политики, а именно поддержание доверия граждан к закону и действиям публичной власти, разумная стабильность правового регулирования, критерии минимального гарантированного государством уровня финансового обеспечения социальных прав [24].

Вместе с тем, ключевой проблемой остается широта дискреции законодателя при определении мер социальной защиты, выборе форм и условий предоставления мер социальной поддержки. Кроме того, гарантируя индексацию социальных выплат, ч. 7 ст. 75 Конституции РФ не определяет механизм такой индексации, относя его установление к компетенции законодателя [25].

С учетом этого, особенно при институциональной перестройке всей системы социальной защиты и требований, сложившихся в условиях санкций, актуальным на нормативном уровне является укрепление правового механизма, гарантирующего обеспечение социальных прав граждан и выполнение государством своих социальных обязательств путем принятия отдельного нормативного правового акта или внесение изменений в действующие законодательные акты в части индексации социальных выплат, предусматривающих критерий минимально необходимых социальных расходов в кризисные периоды и закрепляющие бюджетное правило социальной защиты, предусматривающего ежегодную индексацию социальных выплат на величину не ниже уровня фактической инфляции (уровня потребительских цен).

С Российской конституционной моделью социальных обязательств государства коррелирует опыт зарубежных государств, которые в своих конституциях (основных законах) закрепляют положения, связанные с реализацией принципа социального государства и гарантией социальных прав (напр., ст. ст. 20, 28 Основного закона ФРГ, ст. ст. 1, 34 Конституции Франции, ст. ст. 26–29 Конституции ЮАР, ст. 23 Конституции Бельгии). Конституционный опыт зарубежных государств может послужить обоснованием необходимости укрепления Россией своих социальных обязательств.

Таким образом, социальные права, закрепленные в Конституции РФ, представляют собой не просто декларативные положения, а прямые юридически обязывающие, обеспеченные механизмом бюджетного финансирования социальные обязательства государства. О выполнении и способности России исполнить в должной мере социальные обязательства следует отметить, как конституционно обуславливающей предпосылке для проведения ответственной бюджетно-правовой политики и констатации факта бюджетно-финансовой независимости государства и его финансовой устойчивости на современном этапе.

Литература

1. Чиркин В.Е. Современная концепция социального государства // Современное государство: политико-правовые и экономические исследования. 2010. С. 171–182.
2. Конституция Российской Федерации» (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020).
3. Постановление Конституционного Суда РФ от 14.04.2022 N 15-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 3 статьи 213.25 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)», абзаца восьмого части первой статьи 446 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, а также пункта 1 статьи 61 и пункта 1 статьи 80 Семейного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданки О.Г. Клепиковой» // СЗ РФ. 2022. № 17. Ст. 3000.
4. Гаджиев Г.А. Конституционная экономика и рациональность в конституционном праве // Ежегодник конституционной экономики. 2018. С. 18–42.
5. Омелехина Н.В. Обеспечительная функция публичных финансов в контексте конституционных принципов социального государства // Журнал российского права. 2021. N 8. С. 76–85.
6. Варламова Н.В. Социальные права: юридико-доктринальная интерпретация в практике органов конституционного контроля // Правоведение. 2024. Т. 68. № 4. С. 551–574.
7. Семенова О.Н. Конституционное право на социальное обеспечение: новые требования в содержании юридических гарантий // Вестник Казанского Юридического института России. 2023. № 2 (52). Т. 14. С. 29–35.
8. Соболева А.К. Социальные права в контексте новых полномочий Президента // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 3 (136). С. 82–96.
9. Osiatyński W. Human Rights and Their Limits. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 133–134.
10. Крусс В.И. Права человека: дискриминация и конституционные усмотрения // Актуальные вопросы экономики и управления: сб. науч. тр. / Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ, Сев.-Зап. акад. гос. службы, Фил. Сев.-Зап. акад. гос. службы г. Твери; [под ред. В.М. Ходячека, А.А. Осипова, А.Н. Сухарева]. – Тверь, 2005. – С. 160–176.
11. Бондарь, Н.С. Судебный конституционализм: доктрина и практика: монография / Н.С. Бондарь. – 2-е изд., перераб. – Москва: Норма: ИН-ФРА-М, 2021. 528 с. С. 388–437.
12. Мозолева О.С. Конституционное право граждан Российской Федерации на социальное обеспечение: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.02 / Мозолева Ольга Сергеевна.

геевна; [Место защиты: Тюмен. гос. ун-т]. – Иркутск, 2011. – 208 с.

13. Федеральный закон «О Счетной палате Российской Федерации» от 05.04.2013 N 41-ФЗ // СЗ РФ. 2013 г. N 14 ст. 1649.
14. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2021 N 1139-О «По жалобе гражданина Тупицына Бориса Михайловича на нарушение его конституционных прав частью 1 статьи 26.1 Федерального закона «О страховых пенсиях».
15. Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 4 февраля 2025 г. N 5-П «по делу о проверке конституционности положений частей 13 и 16 статьи 3 и части 2 статьи 5 Федерального закона «О денежном довольствии военнослужащих и предоставлении им отдельных выплат» в связи с жалобой гражданина С.П. Бондаря» // СЗ РФ. 2025. № 7. Ст. 693.
16. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.04.2004 N 9-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений Федеральных законов «О федеральном бюджете на 2002 год», «О федеральном бюджете на 2003 год», «О федеральном бюджете на 2004 год» и приложений к ним в связи с запросом группы членов Совета Федерации и жалобой гражданина А.В. Жмаковского» // «Вестник Конституционного Суда РФ». № 4. 2004.
17. Ильин И.М. Конституционно-правовая регламентация института бюджета в контексте обеспечения суверенитета государства и с позиции конституционного правопользования // Право и государство: теория и практика. 2020. № 10 (190). С. 9–11.
18. Фёдорова М.Ю. Социальные обязательства в науке, законодательстве и практике Конституционного Суда Российской Федерации // Российское право: образование, практика, наука. 2020. № 4 (118). С. 73–88.
19. Киричёр Е.В. Конституционная парадигма достойной жизни в России – социальном государстве // Конституционное и муниципальное право. 2023. № 7. С. 37–41.
20. Мензарарь С.А. Социальная политика государства – фактор укрепления суверенитета // Евразийский союз ученых. 2016. № 30–5. С. 67–69.
21. Федеральный закон от 30.11.2024 № 419-ФЗ «О федеральном бюджете на 2025 год и на плановый период 2026–2027 годов» //СЗ РФ.2024. № 49. Ст. 7410.
22. Указ Президента РФ от 07.05.2024 N 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года»// СЗ РФ. 2024. № 20. Ст. 2584.
23. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов»

(утв. Минфином России) // <https://minfin.gov.ru/2023/> г.).

24. Информация Конституционного Суда РФ «Актуальные конституционно-правовые аспекты обеспечения экономической, политической и социальной солидарности: к 30-летию Конституции Российской Федерации (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2020–2023 годов)» (подготовлена Секретариатом Конституционного Суда РФ) (одобрено решением Конституционного Суда РФ от 14 ноября 2023 г.)
25. Определение Конституционного Суда РФ от 14.11.2023 N 3011-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Комарова Александра Валерьевича, Комаровой Светланы Александровны и других на нарушение их конституционных прав пунктом 1 Указа Президента Российской Федерации «О компенсационных выплатах лицам, осуществляющим уход за нетрудоспособными гражданами» и подпунктом «б» пункта 1 Указа Президента Российской Федерации «О ежемесячных выплатах лицам, осуществляющим уход за детьми-инвалидами и инвалидами с детства I группы».

SOCIAL RIGHTS AS A CONSTITUTIONAL AND LEGAL IMPERATIVE FOR THE STATE TO PURSUE SOCIALLY-ORIENTED, RESPONSIBLE BUDGETARY AND LEGAL POLICIES AND FULFILL ITS SOCIAL OBLIGATIONS

Ilyin I.M.

Novgorod State University named after Yaroslav the Wise

The article explores social rights as an obligatory element of the constitutional order and the basis for the state to fulfill social obligations. Based on the provisions of the Constitution of the Russian Federation, which enshrine the social rights of citizens, the directions of the budgetary and legal policy of the state are disclosed in order to fulfill their public legal obligations in the social sphere. The analysis of doctrinal approaches to the essence of social rights made it possible to reveal the existence of a connection between social rights and budgetary obligations of the state and formulate the author's definition of the term "social rights of citizens." A study of doctrinal views showed that expenditure obligations in the social sphere should be considered as a kind of financial obligations of the state, and the budgetary and financial provision of constitutionally guaranteed social rights as a prerequisite for maintaining the budgetary and financial sovereignty of the state. Also, the article pays special attention to the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation on the financial provision of social rights of citizens by the state, on the basis of which the limits of the legislator's discretion are determined when determining social protection measures and the amount of financial obligations to ensure social rights.

Keywords: social rights, social obligations of the state, the Constitutional Court of the Russian Federation, the social state, public finances, constitutional values, budgetary and legal policy, budgetary and financial sovereignty of the state.

References

1. Chirkin V.E. The modern concept of the social state//Modern state: political, legal and economic research. 2010. Page 171–182.
2. Constitution of the Russian Federation “(adopted by popular vote 12.12.1993 with amendments approved during the all-Russian vote 01.07.2020).
3. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.04.2022 N 15-P “In the case of checking the constitutionality of the provisions of paragraph 3 of Article 213.25 of the Federal Law” On Insolvency (Bankruptcy), “paragraph eight of the

- first part of Article 446 of the Civil Procedure Code of the Russian Federation, as well as paragraph 1 of Article 61 and paragraph 1 of Article 80 of the Family Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen O.G. Klepikova “//Сепикова Z RF. 2022. № 17. Art. 3000.
4. Hajiyev G.A. Constitutional Economics and Rationality in Constitutional Law//Yearbook of Constitutional Economics. 2018. S. 18–42.
 5. Omelekina N.V. Security function of public finance in the context of the constitutional principles of the social state//Journal of Russian Law. 2021. N 8. S. 76–85.
 6. Varlamova N.V. Social rights: legal and dogmatic interpretation in the practice of constitutional control bodies//Jurisprudence. 2024. VOL. 68. NO. 4.S.. 551–574.
 7. Semenova O.N. Constitutional right to social security: new requirements in the content of legal guarantees//Bulletin of the Kazan Law Institute of Russia. 2023. № 2 (52). T.14. Page 29–35.
 8. Soboleva A.K. Social rights in the context of the new powers of the President//Comparative constitutional review. 2020. № 3 (136). S.82–96.
 9. Osiatyński W. Human Rights and Their Limits. New York: Cambridge University Press, 2009. P. 133–134.
 10. Kruss V.I. Human Rights: Discrimination and Constitutional Discretion//Topical Issues of Economics and Management: Sat. scientific. tr ./Ros. Academy State Service under the President of the Russian Federation, North-West. acad. public service, Phil. North – West. acad. state service of the city of Tver; [ed. V.M. Khodachek, A.A. Osipova, A.N. Sukhareva]. – Tver, 2005. – S. 160–176.
 11. Bondar, N.S. Judicial constitutionalism: doctrine and practice: monograph/N.S. Bondar. – 2nd ed., Revised. – Moscow: Norm: INFRA-M, 2021. 528 p. S.388–437.
 12. Mozoleva O.S. Constitutional right of citizens of the Russian Federation to social security: dissertation. Candidate of Law: 12.00.02/Mozoleva Olga Sergeevna; [Place of protection: Tumen. state. un-t] . – Irkutsk, 2011. – 208 p.
 13. Federal Law “On the Accounts Chamber of the Russian Federation” dated 05.04.2013 N 41-FZ//SZ RF. 2013 No. 14 Art. 1649.
 14. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 24.06.2021 N 1139-O “On the complaint of citizen Tupitsyn Boris Mikhailovich about violation of his constitutional rights, part 1 of Article 26.1 of the Federal Law” On Insurance Pensions”.
 15. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of February 4, 2025 N 5-P “in the case of checking the constitutionality of the provisions of parts 13 and 16 of article 3 and part 2 of article 5 of the Federal Law” On monetary allowances for military personnel and the provision of separate payments “in connection with the complaint of citizen S.P. Bondar “//SZ RF. 2025. № 7. Art. 693.
 16. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of 23.04.2004 N 9-P “In the case of checking the constitutionality of certain provisions of the Federal Laws” On the Federal Budget for 2002, “” On the Federal Budget for 2003, “” On the Federal Budget for 2004 “and annexes thereto in connection with the request of a group of members of the Federation Council and the complaint of citizen A.V. Zhmakovsky “//” Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation.” № 4. 2004.
 17. Ilyin I.M. Constitutional and legal regulation of the institution of the budget in the context of ensuring state sovereignty and from the standpoint of constitutional legal use//Law and state: theory and practice. 2020. № 10 (190). Page 9–11.
 18. Fedorova M. Yu. Social obligations in science, legislation and practice of the Constitutional Court of the Russian Federation// Russian law: education, practice, science. 2020. № 4 (118). Page 73–88.
 19. Kirichyok E.V. Constitutional paradigm of a decent life in Russia – a social state//Constitutional and municipal law. 2023. № 7. Page 37–41.
 20. Menzarar S.A. Social policy of the state – a factor in strengthening sovereignty//Eurasian Union of Scientists. 2016. № 30–5. Page 67–69.
 21. Federal Law of 30.11.2024 No. 419-FZ “On the Federal Budget for 2025 and for the Planning Period 2026–2027 “//NW RF.2024. № 49. Article 7410.
 22. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309 “On the national development goals of the Russian Federation for the period up to 2030 and for the future until 2036 “//NW of the Russian Federation. 2024. № 20. Art. 2584.
 23. The main directions of the budget, tax and customs tariff policy for 2025 and for the planning period of 2026 and 2027 “(approved. Ministry of Finance of Russia)// <https://minfin.gov.ru/> (2023).
 24. Information of the Constitutional Court of the Russian Federation “Actual constitutional and legal aspects of ensuring economic, political and social solidarity: to the 30th anniversary of the Constitution of the Russian Federation (based on the decisions of the Constitutional Court of the Russian Federation 2020–2023)” (prepared by the Secretariat of the Constitutional Court of the Russian Federation) (approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of November 14, 2023).
 25. Determination of the Constitutional Court of the Russian Federation of 14.11.2023 N 3011-O “On refusal to accept for consideration the complaints of citizens Komarov Alexander Valerievich, Komarova Svetlana Alexandrovna and others for violation of their constitutional rights, paragraph 1 of the Decree of the President of the Russian Federation”On compensation payments to persons caring for disabled citizens “and subparagraph”b “Clause 1 of the Decree of the President of the Russian Federation” On monthly payments to persons caring for children with disabilities and persons with disabilities from childhood of group I”.

Правовые инструменты мониторинга реализации муниципальных стратегий социально-экономического развития

Иордан Татьяна Андреевна,

аспирант кафедры теории права, конституционного и административного права, Институт экономики, управления и права Иркутского национального исследовательского технического университета
E-mail: iordan-ta@yandex.ru

Статья посвящена исследованию теоретико-правовых аспектов мониторинга документов муниципального стратегического планирования в системе публичной власти Российской Федерации. Целью работы является анализ юридической базы и методических принципов проведения мониторинга выполнения стратегических программ социально-экономического продвижения муниципалитетов. Исследовательская методика охватывает изучение законодательных документов, академических источников и комплексный анализ механизмов введения стратегии. Результаты исследования показывают интеграцию муниципального планирования в трехуровневую систему стратегического планирования, закрепленную Федеральным законом № 172-ФЗ, и выявляют необходимость адаптации методологии мониторинга к специфике муниципального уровня. Область применения результатов охватывает совершенствование практики муниципального управления и повышение эффективности реализации стратегических документов. Новизна заключается в обосновании применения дефектоскопической методологии мониторинга к документам муниципального стратегического планирования. Выводы указывают на необходимость дальнейшего развития теоретической базы с учетом принципа единства публичной власти.

Ключевые слова: муниципальное стратегическое планирование; мониторинг; местное самоуправление; социально-экономическое развитие; правовое регулирование; документы стратегического планирования; эффективность управления; публичная власть.

Введение

Вопрос интеграции муниципального планирования социально-экономического развития в общегосударственную систему стратегического планирования решался постепенно, хотя полномочия в сфере планирования были закреплены за органами местного самоуправления, представляющими интересы территориальных сообществ, с момента их учреждения. Это объясняется тем, что самоуправление является разновидностью управленческой деятельности, а планирование, по определению В.В. Пылина, представляет ее фундаментальную функцию, состоящую в формировании направлений продвижения, стратегических задач, соотношений, динамики и численных и качественных характеристик разнообразных явлений [1, с. 864–865].

Результаты и обсуждение

Всестороннее развитие территорий муниципальных единиц указанным нормативным актом отнесено к вопросам местного значения; его осуществление невозможно без четко сформулированных целевых ориентиров и планирования инструментов, способов и механизмов их достижения.

В настоящем исследовании выделены ключевые задачи всестороннего социально-экономического роста муниципальных территорий:

1. выявление потребности в повышении уровня жизни населения и совершенствовании материальной и нематериальной инфраструктуры местного хозяйственного комплекса;
2. выявление хозяйственного, бюджетного, ресурсного, индустриального, капиталовложенческого и кадрового потенциала территории;
3. формулирование системы долгосрочных и текущих задач;
4. определение наиболее эффективных способов их реализации;
5. определение объема ресурсного и бюджетного обеспечения для выполнения установленных задач;
6. создание инструментов реализации долгосрочных и текущих целей [1, с. 865–866].

Эффективное социально-экономическое планирование требует использования институтов муниципальной демократии и активного вовлечения жителей, общественных объединений и бизнеса, что диктуется социальной природой местного самоуправления и закреплено в нормативных актах.

Сходное понимание планирования изложено в работах О.Е. Кутафина и В.И. Фадеева, подчер-

квивающих ориентацию на повышение эффективности местного хозяйственного комплекса и оптимальное использование территориальных ресурсов [2, с. 131].

Исследователи также обращают внимание на значение информационного обеспечения (термин «мониторинг» тогда еще не употреблялся, в том числе в научных публикациях): эффективная реализация всестороннего социально-экономического развития требует накопления, анализа и систематизации соответствующих данных, а также их постоянного и своевременного обновления. В этой связи обосновывается необходимость дальнейшего совершенствования муниципальной статистической системы и развития муниципальных информационных структур [2, с. 132].

Федеральные целевые установки, служащие ориентиром для оценки эффективности муниципального стратегического планирования, закреплены в ряде нормативных актов. К ним относятся президентские указы, определяющие национальные цели развития Российской Федерации [3, 4], а также их детализация в документах федеральных органов исполнительной власти [5, 6, 7]. Существенное значение имеет президентский указ от 28.04.2008 касательно критериев результативности работы муниципальных органов власти городских округов и районов [8], установивший систему оценочных критериев, и соответствующее правительственное постановление [9]. Федеральная структура стратегирования завершила формирование к 2014 г., получив правовое оформление в ФЗ от 28.06.2014 № 172-ФЗ касательно стратегического планирования в РФ [10]. Законодательство определяет структуру стратегирования в качестве системы скоординированной деятельности участников, функционирующей на общих основаниях создания, выполнения, отслеживания и проверки планировочной документации. Структура включает формирование целей, прогнозы, планирование и программную деятельность с применением юридического, информационного, научного, бюджетного и прочего обеспечения. Согласно ч. 2 ст. 1 ФЗ № 172-ФЗ касательно стратегического планирования в РФ планирование реализуется на федеральном, субъектном и муниципальном уровнях. Муниципалитеты посредством местных органов власти относятся к участникам социально-экономического стратегирования, законодательство определяет создание Стратегии социально-экономического продвижения муниципалитета. Данный документ фиксирует стратегические задачи муниципального администрирования и территориального социально-экономического продвижения на длительный период. Согласно ст. 39 того же закона органы местного самоуправления вправе принимать решения о разработке, утверждении и реализации указанной стратегии, а также плана мероприятий по ее выполнению.

Помимо самих стратегий, закон требует разрабатывать и утверждать документы, выступающие основными механизмами их формирования,

реализации и последующей оценки эффективности. К ним относятся:

1. Прогноз социально-экономического продвижения муниципалитета – планировочный документ с научно аргументированным комплексом положений о векторах продвижения и ожидаемых итогах социально-экономических изменений муниципалитета на среднесрочный или длительный период.

2. Муниципальная программа – планировочный документ, объединяющий систему связанных действий, согласованных по задачам, периодам, исполнителям и обеспечению, гарантирующих эффективное выполнение стратегических задач социально-экономического продвижения муниципалитета. ФЗ касательно стратегического планирования в РФ определяет обязательность механизмов отслеживания и проверки выполнения планировочной документации. Механизмы включают всестороннее изучение процесса и итогов выполнения с исследованием кооперации субъектов стратегирования касательно следования основополагающим нормам и корректного применения полномочий в области социально-экономического продвижения и защиты национальных интересов РФ.

Мониторинг в социально-правовой сфере – самостоятельное направление юридической деятельности, охватывающее широкий спектр организационно-правовых мероприятий, выходящих за рамки настоящего исследования. В.М. Баранов и М.А. Мушинский выделяют два его ключевых уровня: а) наблюдение за состоянием законодательства, включая законопроекты и иные нормативные акты; б) наблюдение за практикой их применения. Соответственно, в официальных документах и научной литературе мониторинг трактуется как регулярная, комплексная деятельность органов государственной власти, местного самоуправления и общественных организаций, направленная на накопление, анализ и систематизацию сведений о нормативной базе и ее применении. Его задача – оценка эффективности правового регулирования, то есть степени соответствия фактических результатов ожидаемому эффекту, определяемому субъектами законотворческого процесса, исполнительной и судебной властью, институтами гражданского общества и населением [11, с. 79–88].

Представляется, что предложенную в исследованиях «дефектоскопическую» методологию мониторинга, после необходимой адаптации, можно применять к стратегиям социально-экономического развития муниципального уровня. Этот подход ориентирован на выявление правотворческих дефектов, понимаемых как официально закреплённые непреднамеренные искажения, возникающие вследствие некорректных нормотворческих действий, противоречащих базовым принципам, установленным регламентам и актуальным тенденциям государственно значимого развития регулируемой сферы; в итоге они порождают негативные социально-правовые последствия.

При переносе указанных теоретических положений на документы муниципального стратегического планирования следует учитывать два обстоятельства и соответствующим образом модифицировать методику. Во-первых, объектом исследования выступает не нормативно-правовой акт, а сам стратегический документ. Во-вторых, анализируется уровень власти не государственный, а муниципальный.

Заключение

Таким образом, комплексная теоретическая база мониторинга документов муниципального стратегического планирования нуждается в дальнейшем развитии, включая учет трансформации исследовательских подходов, обусловленной интеграцией принципа единства публичной власти, реализующегося в ее двуединой форме – государственной и муниципальной.

Процедуры мониторинга и проверочные процедуры при выполнении планировочной документации составляют обязательный компонент указанной работы, охватывая создание программ социально-экономического продвижения муниципалитетов – основного компонента муниципального стратегирования. Задача отслеживания выполнения планировочной документации состоит в усилении продуктивности структуры стратегирования посредством всестороннего изучения зафиксированных основных социально-экономических и бюджетных критериев. Также отслеживание направлено на повышение продуктивности участников стратегирования в своевременном выполнении критериев социально-экономического продвижения РФ, субъектов и муниципалитетов и защите национальных интересов РФ. Нормы ст. 6 ФЗ касательно стратегического планирования в РФ используются с учетом специфики мониторинга на муниципальном уровне социально-экономического планирования.

Литература

1. Пылин В.В. Полномочия органов местного самоуправления. М.: Эксмо, 2005. С. 864–865.
2. Кутафин О.Е. Муниципальное право Российской Федерации. М.: ТК Велби, Проспект, 2008. С. 131.
3. Указ Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» // Собрание законодательства РФ. 2020. 27 июля. № 30. Ст. 4884;
4. Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года» // Собрание законодательства РФ. 2024. 13 мая. № 20. Ст. 2584.
5. Постановление Правительства РФ от 08.08.2015 № 822 «Об утверждении Положения о содержании, составе, порядке разра-

ботки и корректировки стратегий социально-экономического развития макрорегионов» // Собрание законодательства РФ. 2015. 24 августа. № 34. Ст. 4894;

6. Распоряжение Правительства РФ от 01.10.2021 № 2765-р «Об утверждении Единого плана по достижению национальных целей развития Российской Федерации на период до 2024 года и на плановый период до 2030 года» // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 15.10.2021).
7. Единый план по достижению национальных целей развития Российской Федерации до 2030 года и на перспективу до 2036 года // СПС КонсультантПлюс. URL: <https://www.consultant.ru> (дата обращения: 09.01.2025).
8. Указ Президента РФ от 28.04.2008 № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» // Собрание законодательства РФ. 2008. 5 мая. № 18. Ст. 2003.
9. Постановление Правительства РФ от 17.12.2012 № 1317 «О мерах по реализации Указа Президента Российской Федерации от 28 апреля 2008 г. № 607 «Об оценке эффективности деятельности органов местного самоуправления муниципальных, городских округов и муниципальных районов» и подпункта «и» пункта 2 Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 601 «Об основных направлениях совершенствования системы государственного управления»» // Собрание законодательства РФ. 2012. 24 декабря. № 52. Ст. 7490.
10. Федеральный закон от 28.06.2014 № 172-ФЗ «О стратегическом планировании в Российской Федерации» // Российская газета. 2014. 3 июля. № 146.
11. Баранов В.М. Мониторинг дефектности нормативных правовых актов // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2011. № 1(14). С. 79–88.

LEGAL INSTRUMENTS FOR MONITORING THE IMPLEMENTATION OF MUNICIPAL STRATEGIES FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT

Iordan T.A.

National Research Technical University

The research is devoted to the theoretical and legal aspects of monitoring municipal strategic planning documents within the public authority system of the Russian Federation. The study investigates theoretical and legal issues in monitoring municipal strategic-planning documents within the Russian Federation's system of public authority. It evaluates the legal framework and methodological approaches for tracking the implementation of municipal socio-economic development strategies. The methodology entails examining normative legal acts and scientific literature and applying a systemic perspective to strategic-planning processes. The results demonstrate the integration of municipal planning into the three-tier strategic planning system established by Federal Law No. 172-FZ and reveal the need to adapt monitoring methodology to municipal-level specifics. The application area encompasses improving municipal governance practices and enhancing the effectiveness of strategic document implementation. The novelty lies in justifying the application of de-

fectoscopic monitoring methodology to municipal strategic planning documents. Conclusions indicate the necessity for further development of the theoretical framework considering the principle of public authority unity.

Keywords: municipal strategic planning; monitoring; local self-government; socio-economic development; legal regulation; strategic planning documents; management effectiveness; public authority.

References

1. Pylin V.V. Powers of local self-government bodies. Moscow: Eksmo, 2005. P. 864–865.
2. Kutafin O.E. Municipal law of the Russian Federation. Moscow: TK Velbi, Prospekt Publishing House, 2008. P. 131.
3. Decree of the President of the Russian Federation of 21.07.2020 No. 474 “On national development goals of the Russian Federation for the period until 2030” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2020. July 27. No. 30. Art. 4884.
4. Decree of the President of the Russian Federation of 07.05.2024 No. 309 “On national development goals of the Russian Federation for the period until 2030 and for the perspective until 2036” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2024. May 13. No. 20. Art. 2584.
5. Resolution of the Government of the Russian Federation of 08.08.2015 No. 822 “On approval of the Regulation on the content, composition, procedure for development and adjustment of strategies for socio-economic development of macroregions” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2015. August 24. No. 34. Art. 4894.
6. Order of the Government of the Russian Federation of 01.10.2021 No. 2765-r “On approval of the Unified Plan for achieving national development goals of the Russian Federation for the period until 2024 and for the planning period until 2030” // Legal Reference System ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru> (accessed: 15.10.2021).
7. Unified Plan for achieving national development goals of the Russian Federation until 2030 and for the perspective until 2036 // Legal Reference System ConsultantPlus. URL: <https://www.consultant.ru> (accessed: 09.01.2025).
8. Decree of the President of the Russian Federation of 28.04.2008 No. 607 “On evaluation of the effectiveness of local self-government bodies of municipal, urban districts and municipal districts” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2008. May 5. No. 18. Art. 2003.
9. Resolution of the Government of the Russian Federation of 17.12.2012 No. 1317 “On measures to implement the Decree of the President of the Russian Federation of April 28, 2008 No. 607 ‘On evaluation of the effectiveness of local self-government bodies of municipal, urban districts and municipal districts’ and subparagraph ‘i’ of paragraph 2 of the Decree of the President of the Russian Federation of May 7, 2012 No. 601 ‘On main directions for improving the public administration system’” // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2012. December 24. No. 52. Art. 7490.
10. Federal Law of 28.06.2014 No. 172-FZ “On strategic planning in the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta. 2014. July 3. No. 146.
11. Baranov V.M. Monitoring of defects in normative legal acts // Legal Science and Practice: Herald of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2011. No. 1(14). P. 79–88.

Воспитание личности социальными ценностями русского народа как потенциал формирования конституционной культуры

Каландаришвили Зураб Нодарович,

кандидат педагогических наук, доцент, заведующий кафедрой теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов; кандидат юридических наук, доцент кафедры теории права и гражданско-правового образования, РГПУ им. А.И. Герцена
E-mail: zurab.kalandarishvili@yandex.ru

Лисицын Дмитрий Владимирович,

аспирант третьего года обучения кафедры теории права и правоохранительной деятельности Санкт-Петербургского гуманитарного университета профсоюзов
E-mail: song2@mail.ru

В статье авторами проводится научный анализ, связанный с особенностями воспитания личности социальными ценностями русского народа как потенциал формирования конституционной культуры. Авторы статьи полагают, что сами конституционные идеи и взгляды воспринимались в русском обществе не только как правило, но и как средство воспитания духовно-нравственного человека. В этом процессе принимало участие не только государство, но и русская православная церковь. В настоящее время в деле формирования конституционной культуры следует упираться на богатый потенциал в этом направлении всей русской истории и русской правовой культуры.

Ключевые слова: конституционная культура, правовая культура, социальные ценности, вече, восточные славяне, общество, юридические модели.

Социальные ценности русского народа стали вырабатываться еще очень давно в догосударственный период, в период возникновения и развития восточнославянских племен. Особую роль в ту эпоху играли выработка правил взаимопомощи и тесно связанная с ней способность к эмпатии, подразумевающая способность человека воспринимать страдания других людей как свои собственные. Все это активно способствовало созданию и развитию принципов совместного общежития, существование которых активно способствовало повышению выживаемости всей этнической группы в целом, выступая в роли позитивного социально-правового и протоконституционного факторов.

Для любого общества свойственным является существование природного, естественного по своей природе способа правового регулирования общественных отношений, который несет в себе зачатки как правовой так и конституционной культуры. Основной целью такого способа регулирования является сохранение и создание условий для прогрессивного развития человеческого общества. Возникновение правового режима и правосознания в русской среде происходило естественным образом в ходе постепенного развития социальной коммуникации между членами обществ. Их основу формировали в том числе и естественные природные ценности.

Под конституционной культурой следует понимать, по мнению авторов, основанную на формальной (как писанной, так и неписанной) конституции модель государственно-правового развития, объединяющую в своей содержательной структуре юридические формы национального конституционного права, организационные основы национального конституционного устройства, субъектный состав, конституционно-правовые отношения, являющиеся субстанциональной составляющей национальной конституционной традиции.

Формирование представлений о природе социальных связей у русского народа происходило в результате осмысления бытовой и правовой практики и мироздания социальных отношений, которые в результате социального опыта предыдущих поколений трансформировались в устойчивые убеждения, позволявшие формировать юридические модели общественных отношений. Именно такие естественные ценности стали основой для формирования в будущем ядра национальной конституциональности.

Известный исследователь Н.А. Бердяев справедливо утверждал, что «история русского народа развивается через «прерывность» и «изменение

типа цивилизации», а в государственно-правовом развитии, не существует его «органического единства»» [1, с. 76].

Истоки русского воспитания и конституционной культуры прослеживаются глубоко в национальной культуре. В качестве древнейших источников конституционной культуры выступали обычаи различных славянских племен. Древнерусская общинная культура может быть охарактеризована как протоконституционная, во многом благодаря тому, что зародившаяся у древнерусского народа аксиологическая система убеждений, представлений и правосознания стала основой для формирования идеологии регулирования общественных отношений, для которой свойственным было наличие элементов демократического и либерального характера. Так, фундаментальной составляющей, характеризовавшей древнерусскую конституционную культуру, являлся институт вечевых собраний, участие в которых принимали все свободные городские жители, представители боярства, духовенства, а также князь. Основной задачей вече было согласование воли князя, бояр и народа, которых можно условно обозначить как «ветви власти». Именно вече выступало в качестве важного источника общинной природы, которая была свойственна русскому праву. Круг полномочий, которыми наделялось вече, являлся крайне широким и в числе прочего включал в себя принятие решений по большому числу важных вопросов, которое по своей сущности может быть названо аналогичным римскому понятию *iuris dictio*, то есть подразумевало наличие у вече возможности определять, что есть норма права и насколько ей соответствует конкретная ситуация, регулировать вопросы внутригосударственного устройства, связанные с призванием и смещением князей и других должностных лиц, внешней политики, в частности, о войне и мире, финансовые вопросы, включая введение новых налогов, организацию сбора средств для подготовки к предстоящей войне.

Русские люди всегда активно торговали, научились с соседями договариваться – устанавливать частноправовые отношения. Процесс активного развития торговых отношений привел к привнесению либеральных элементов в систему общественных отношений. Так, возникла необходимость развития отношений, связанных с кредитованием в рамках торговли, а также общее упорядочение системы торговых отношений с целью формализации различного рода торговых обязательств, которая обусловила потребность в использовании норм римского частного права.

Вышеуказанные явления характеризуют уже тогда о высоком позитивном уровне русской правовой и конституционной культуры, что в итоге

привело к появлению важнейшей социокультурной характеристики конституционного режима – солидарности в рамках общественных отношений. Такого рода общинная субкультура уже может быть охарактеризована как конституционная, поскольку система ценностей и мировоззрения, которая зародилась у русского народа, стала основой для формирования идеологии регулирования общественных отношений, для которой были свойственными элементы демократического и либерального характера.

Именно в такой среде начал происходить процесс воспитания русского человека, именно в такой среде формировалась правовая культура, а позже и конституционная культура в российском обществе, когда идеи конституционной мысли отождествлялись, прежде всего, со справедливостью, истинностью и соборностью, патриотизмом и гражданственностью, взаимовыручкой, коллективизмом, веротерпимостью и толерантностью к другим людям.

Сами конституционные идеи и взгляды воспринимались и до сих пор воспринимаются не только как правило, но и как средство воспитания духовно-нравственного человека. В этом процессе принимало участие не только государство, но и русская православная церковь.

В настоящее время в Российской Федерации в деле воспитания и формирования конституционной культуры общества и личности следует упираться на богатый потенциал в этом направлении всей русской истории и культуры.

Литература

1. Бердяев Н.А. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Азбука, 2016. С. 76.

PERSONAL DEVELOPMENT BASED ON THE SOCIAL VALUES OF THE RUSSIAN PEOPLE AS A POTENTIAL FOR THE FORMATION OF CONSTITUTIONAL CULTURE

Kalendarishvili Z.N., Lisicin D.V.

St. Petersburg University of Trade Unions for the Humanities, A.I. Herzen Russian State Pedagogical University

In this article, the authors conduct a scientific analysis of the peculiarities of personality development based on the social values of the Russian people as a potential for the formation of constitutional culture. The authors believe that constitutional ideas and views were perceived in Russian society not only as a rule, but also as a means of fostering a spiritually and morally upright individual. This process involved not only the state, but also the Russian Orthodox Church.

Keywords: constitutional culture, legal culture, social values, veche, Eastern Slavs, society, legal models.

References

1. Berdyaev, N.A. The Origins and Meaning of Russian Communism. M: Azbuka, 2016, p. 76.

Демпинг и антиконкурентные соглашения как формы недобросовестной конкуренции дезорганизационного характера

Лимонов Павел Владимирович,

аспирант отдела административного законодательства
и процесса Института законодательства и сравнительного
правоведения при Правительстве РФ
E-mail: limonov.pv@yandex.ru

Характерные признаки недобросовестной конкуренции, закреплённые дефиницией, содержащейся в ч. 9 ст. 4 Федерального закона от 26.07.2006 г. N 135-ФЗ «О защите конкуренции» (далее – Закон о защите конкуренции) открывают возможности для расширительного толкования и применения этих аспектов вне пределов форм, установленных законодателем. С одной стороны, таким образом сохраняется гибкость норм к вновь возникающим формам, однако, с другой – не соответствует предъявляемым к юридическим дефинициям требований о «жёсткости и неподвижности»¹. Производя классификацию форм по объекту оказываемого воздействия, обосновано выделить недобросовестную конкуренцию дезорганизационного характера, которая, в свою очередь, может иметь несколько проявлений. Первым из них является дезорганизация деятельности конкретных хозяйствующих субъектов путем массового «переманивания» работников другого хозяйствующего субъекта, подстрекательства к забастовкам, агитации партнёров конкурента к нарушениям или разрыву договорных обязательств (к примеру, поставки товара), а также ряда иных проявлений². Более того, вопрос о включении первого из указанных типов дезорганизации в перечень форм недобросовестной конкуренции поднимался ещё при разработке «четвёртого антимонопольного пакета», с сопутствующим определением «нанесение ущерба обычному порядку работы организации изнутри»³. Но, в конечном итоге, законодателем термин так и не был включён в Закон о защите конкуренции.

Тем не менее, в рамках настоящего исследования основным объектом избран второй аспект, предполагающий дестабилизацию рынка в целом, что связано с оказанием манипулятивного воздействия путём демпинга и заключения антиконкурентных соглашений. Важным и отличительным аспектом является отсутствие определённых законом признаков доминирующего положения, что, тем не менее, не исключает возможности оказания влияния. Несмотря на то, что в соответствии с действующим антимонопольным законодательством указанные деяния образуют самостоятельные подинституты, рассмотрение их через призму недобросовестной конкуренции в рамках науки конкурентного права, представляется небезосновательным.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция; демпинг; антиконкурентные соглашения; ФАС России.

Полиаспектность содержания категории «недобросовестная конкуренция» предопределила значительное количество дифференцированных подходов не только к вопросу об определении понятия, но и многообразию концепций о классификации форм, в особенности, в научных парадигмах О.А. Городова⁴, С.А. Паращука, А.А. Кудрина⁵, О.Р. Чудинова и А.С. Киндеркнехта⁶.

Возможность отнесения демпинга к формам недобросовестной конкуренции дезорганизационного характера не представляется в качестве экстраординарного явления, а напротив, кажется весьма обоснованным, исходя из следующего.

На целесообразность данного подхода обращал внимание С.А. Паращук при формировании собственной системы видов недобросовестной конкуренции, но, тем не менее, отграничивая от дезорганизации⁷. Однако, в рамках изложенной авторской парадигмы признак дестабилизации (рынка или конкурента) является общим, позволяющим объединить обе формы в единый тип.

В правовых системах некоторых стран демпинг также относится к недобросовестным конкурентным действиям. Одним из примеров тому является испанский Закон «О недобросовестной конкуренции», который определил критерии отождествления рассматриваемых категорий (если демпинг приводит к введению в заблуждение, дискредитирует конкурента или является частью стратегии по его устранению)⁸.

Кроме того, опираясь на сравнительно-правовой метод исследования, надлежит обратиться также и к международному праву, без которого рассмотрение национальных правовых систем в эпоху глобальной интеграции представляется

¹ Власенко Н.А., Абрамова А.И., Чернобель Г.Т. [и др.] Юридическая техника: учебное пособие. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. – С. 208.

² Чудинов О.Р. Классификация недобросовестных конкурентных действий правом Франции (по материалам правоприменительной практики судов Франции) // Технологос. 2012. № 5. С. 62.

³ Малышева Е. «ФАС хочет запретить компаниям разрушать бизнес конкурентов» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rbcdaily.ru/economy/562949991266404>

⁴ Городов О.А., Петров А.В., Шмигельская Н.А. Недобросовестная конкуренция: учебно-практическое пособие / под ред. О.А. Городова. – М.: Юстицинформ, 2020. С. 48–49.

⁵ Курдин А.А., Комкова А.А. Нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности как вид недобросовестной конкуренции // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2014. – Т. 6, № 2. – С. 19–38.

⁶ Чудинов О.Р., Киндеркнехт А.С. «Юридико-лингвистические аспекты соответствия понятий «недобросовестная конкуренция» и «concurrance deloyale» // «Учёные записки Орловского государственного университета», Серия: гуманитарные и социальные науки, № 4, 2011 г., с. 225.

⁷ Паращук С.А. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии). М., 2002. С. 199–200.

⁸ Закон Испании № 3/1991 от 10.01.1991 г. «О недобросовестной конкуренции» (с изм., внесёнными Законом № 1/2019 от 20.02.2019 г.), Статья 17. Продажа в убыток. (Исп.: Artículo 17. Venta a pérdida). // [Электронный ресурс] / URL: <https://wipolex.wipo.int/> (дата обращения 23.05.2025).

неполноценным и нерациональным¹. В отношениях международной торговли (для которых понятие демпинга применимо в наибольшей степени), регулируемых правилами Всемирной торговой организации (далее – ВТО), также характерно рассмотрение демпинга в двух аспектах. Во-первых, в качестве политико-экономического инструмента ценового регулирования при экспорте и импорте товаров, который обеспечивает политику протекционизма². И, во-вторых, как вида недобросовестной конкурентной практики, направленной на получение преимуществ на рынках других стран³.

Абстрагируясь от политико-экономического толкования и отношений импорта и экспорта, содержание демпинга заключается в намеренном, искусственном (экономически необоснованном) снижении стоимости товара, направленном на получение определенных преимуществ на рынке. Сопоставляя приведённые признаки с определением недобросовестной конкуренции, отчётливо прослеживается наличие соответствия. Обоснованно стоимость является одним из первичных инструментов продвижения продукции на рынке, от регулирования которой напрямую зависит получение преимуществ. Снижение цены на собственный товар неминуемо оказывает воздействие на выбор потребителей в пользу данной продукции, что так же неизбежно затрагивает права и законные интересы других хозяйствующих субъектов (конкурентов) данного рынка, что, как следствие, становится причиной причинения им убытков. Кроме того, экономическая необоснованность цены вступает в противоречие с требованиями разумности, добропорядочности и справедливости.

В отличие от демпинга, позиция рассмотрения антиконкурентных соглашений в качестве формы недобросовестной конкуренции в значительной степени является менее популярной, но при этом, небезосновательной.

В соответствии с ч. 1 ст. 11 Закона о защите конкуренции антиконкурентные соглашения признаются картелями и представляют договор хозяйствующих субъектов, осуществляющих продажу товаров на одном, общем товарном рынке, либо между хозяйствующими субъектами, которые осуществляют приобретение товаров на общем товарном рынке, в случае, если такие соглашения привели или могут привести, как минимум, к одному из следующих последствий:

1. Установление либо поддержание цен, тарифов, скидок, надбавок или наценок.
2. Повышение, снижение или поддержание цен на торгах.

¹ Тихомиров Юрий Александрович Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. 2006. № 6 (114). С. 4.

² Мокров Г.Г. Недобросовестная конкуренция в международной торговле // Современная конкуренция. 2007. № 3. С. 118.

³ Полуэктов А.Б. Демпинг и антидемпинговое регулирование в международной торговле: Дисс. канд. экон. наук / А.Б. Полуэктов. – М., 1993. – 210 с.

3. Раздел товарного рынка по территориальному принципу, объёму продаж или покупки товаров, их ассортименту или составу продавцов либо покупателей.

4. Сокращение или прекращение производства товаров.

5. Отказ от заключения договоров с определёнными продавцами или покупателями (заказчиками)⁴.

Аналогичные положения применяются и к согласованным действиям хозяйствующих субъектов, ограничивающих конкуренцию (ст. 11.1 Закона о защите конкуренции).

Заключение антиконкурентных соглашений отнесено к актам дезорганизационного характера, на что есть ряд причин, разобраться в которых позволяет обращение к признакам недобросовестной конкуренции.

1. Является актом конкуренции. Поведение хозяйствующего субъекта затрагивает права и законные интересы других участников соответствующего рынка. Вне всяких сомнений указанный признак распространяет свое действие и на антиконкурентные соглашения, поскольку одной из важнейших целей при их заключении является возможность оказания влияния на рынок.

2. Направленность на получение преимуществ за счёт других участников рынка. В случае с недобросовестной конкуренцией рассматриваемый признак проявляется, к примеру, при использовании деловой репутации хозяйствующего субъекта в форме создания видимости причастности к более известному торговому наименованию, либо же в виде дискредитации деловой репутации конкурента. Ст. 11 ФЗ «О защите конкуренции» определены цели заключения соглашений, при которых они могут признаны антиконкурентными:

- Навязывание контрагенту заведомо невыгодных для него условий договора;
- Установление хозяйствующим субъектом различных цен на аналогичный товар без экономического, технологического и иного обоснования;
- Препятствование иным хозяйствующим субъектам в доступе на товарный рынок или выходу с него;
- Установление условий членства в профессиональных и других объединениях.

Картели препятствуют развитию конкуренции, так как направлены на манипулирование рынком и создание препятствий к выходу на рынок других организаций. Кроме того, данные действия могут повлечь за собой нарушение прав и законных интересов потребителей.

3. Противоречие законодательству, обычаям делового оборота, принципу справедливости. Неоспоримым является тот факт, что монополистическая деятельность в форме заключения антиконкурентных соглашений, а также совершения согла-

⁴ Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 14.10.2024) «О защите конкуренции» // «Российская газета», N 162, 27.07.2006.

сованных действий, противоречат действующему законодательству Российской Федерации. Федеральным законом «О защите конкуренции» установлен прямой запрет на совершение подобных деяний¹.

4. Потенциальная возможность или фактическое причинение убытков или вреда деловой репутации конкурентам. В совокупности, картели причиняют значительный ущерб, сумма которого в год исчисляется сотнями миллионов рублей. В 2024 году ФАС России возбудило дело в отношении пяти хозяйствующих субъектов – возможных участников картеля, созданного с целью поддержания цен на торгах по закупке медицинских изделий и расходных материалов для нужд учреждений, занимающихся реабилитацией участников специальной военной операции. Общая сумма начальной цены контракта составила более 1,1 млрд руб.²

Вне всяких сомнений юридическая конструкция картелей обладает специфическими характеристиками, такими как: направленность на монополизацию рынка, а также обязательный факт объединения хозяйствующих субъектов в целях её достижения. И, тем не менее, как отмечалось ранее, закреплённая п. 9 ст. 4 Закона о защите конкуренции дефиниция недобросовестной конкуренции, открывает возможности для весьма обширного толкования. На первый взгляд, проведённое законодателем разграничение рассматриваемых составов в различные главы Закона о защите конкуренции свидетельствует о непопулярности и сомнительном характере приводимого тезиса. Однако, присутствие признаков тождественности подтверждается практикой антимонопольных органов. В соответствии с п. 17 Обзора практики применения антимонопольного законодательства коллегияльными органами ФАС России (за период с 1 июля 2018 года по 1 июля 2019 года) определено, что действия хозяйствующих субъектов, на которые распространяются исключения, предусмотренные частями 7 и 8 статьи 11 Закона (соглашения хозяйствующих субъектов одной группы лиц, когда одним из таких субъектов установлен контроль в отношении других) о защите конкуренции, могут быть квалифицированы в соответствии со ст. 14.8 Закона о защите конкуренции как иная форма недобросовестной конкуренции³.

Таким образом, ряд соглашений, которые по смыслу ст. 11 Закона о защите конкуренции не могут быть квалифицированы как антиконкурентные, антимонопольный орган рекомендует

¹ «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2019)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019). «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 7, июль, 2020 (дата обращения 16.05.2025)

² ФАС выявила два медицинских картеля на 1,1 млрд рублей // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fas.gov.ru/> (дата обращения: 25.06.2025).

³ «Обзор практики применения антимонопольного законодательства коллегияльными органами ФАС России (за период с 1 июля 2018 года по 1 июля 2019 года)» (утв. протоколом Президиума ФАС России) // [Электронный ресурс] / Консультант-плюс 1999–2025. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 18.05.2025).

толковать как «иную форму» недобросовестной конкуренции (ст. 14.8), чем косвенно подтверждается рациональность применения признаков недобросовестной конкуренции к составу антиконкурентных соглашений.

Развивая приведённые положения, необходимо упомянуть о Письме ФАС России от 25.01.2024 N МШ/5371-ПР/24 «О направлении рекомендаций по заключению соглашений в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 26.04.2023 N 662». Настоящим документом предусматривается определение допустимых границ при заключении соглашений между органами государственной власти с хозяйствующими субъектами, осуществляющими производство, оптовую и (или) розничную торговлю яйцом куриным в целях стабилизации цен на указанный товар⁴. Согласно разделу 5 о контроле исполнения обязательств, их нарушение хозяйствующим субъектом в некоторых случаях может быть квалифицировано в соответствии с положениями ст. 14.2 или ст. 14.8 Закона о защите конкуренции, что в очередной раз иллюстрирует обоснованность проведения параллелей между ограничивающими конкуренцию соглашениями и недобросовестной конкуренцией.

Таким образом, указанные частные случаи правоприменительной практики свидетельствуют о присутствии в содержании антиконкурентных соглашений признаков недобросовестной конкуренции.

Руководствуясь изложенным, представляется, что категория недобросовестной конкуренции шире по содержанию, и способна соотноситься с категориями демпинга и антиконкурентных соглашений (равно как и согласованных действий) в рамках дихотомии общего и частного, что подтверждает обоснованность потенциала в доктринальном отнесении необоснованного занижения цен и создания картелей к типологии недобросовестных конкурентных практик дезорганизационного характера.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 14.10.2024) «О защите конкуренции» // «Российская газета», N 162, 27.07.2006.
2. Письмо ФАС России от 25.01.2024 N МШ/5371-ПР/24 «О направлении рекомендаций по заключению соглашений в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 26.04.2023 N 662» // [Электронный ресурс] / Консультант-плюс 1999–2025. – Элек-

⁴ Письмо ФАС России от 25.01.2024 N МШ/5371-ПР/24 «О направлении рекомендаций по заключению соглашений в соответствии с постановлением Правительства Российской Федерации от 26.04.2023 N 662» (вместе с «Рекомендациями ФАС России о возможности и параметрах заключения органами государственной власти субъектов Российской Федерации соглашений с хозяйствующими субъектами, осуществляющими производство, оптовую и (или) розничную торговлю яйцом куриным») // [Электронный ресурс] / Консультант-плюс 1999–2025. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 18.05.2025).

- трон. дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 18.05.2025).
3. «Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 4 (2019)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019). «Бюллетень Верховного Суда РФ», N 7, июль, 2020 (дата обращения 16.05.2025)
 4. «Обзор практики применения антимонопольного законодательства коллегиальными органами ФАС России (за период с 1 июля 2018 года по 1 июля 2019 года)» (утв. протоколом Президиума ФАС России) // [Электронный ресурс] / Консультант-плюс 1999–2025. – Электрон. дан. – Режим доступа: <http://www.consultant.ru/> (дата обращения 18.05.2025).
 5. Власенко Н.А., Абрамова А.И., Чернобель Г.Т. [и др.] Юридическая техника: учебное пособие. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации. – М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. – С. 208.
 6. Городов О.А., Петров А.В., Шмигельская Н.А. Недобросовестная конкуренция: учебно-практическое пособие / под ред. О.А. Городова. – М.: Юстицинформ, 2020. С. 48–49.
 7. Курдин А.А., Комкова А.А. Нарушение прав на результаты интеллектуальной деятельности как вид недобросовестной конкуренции // Научные исследования экономического факультета. Электронный журнал. – 2014. – Т. 6, № 2. – С. 19–38.
 8. Мокров Г.Г. Недобросовестная конкуренция в международной торговле // Современная конкуренция. 2007. № 3. С. 118.
 9. Паращук С.А. Конкурентное право (правовое регулирование конкуренции и монополии). М., 2002. С. 199–200.
 10. Полуэктов А.Б. Демпинг и антидемпинговое регулирование в международной торговле: Дисс. канд. экон. наук / А.Б. Полуэктов. – М., 1993. – 210 с.
 11. Тихомиров Ю.А. Сравнительное правоведение: развитие концепций и общественной практики // Журнал российского права. 2006. № 6 (114). С. 4.
 12. Чудинов О.Р. Классификация недобросовестных конкурентных действий правом Франции (по материалам правоприменительной практики судов Франции) // Технологос. 2012. № 5. С. 62.
 13. Чудинов О.Р., Киндеркнехт А.С. «Юридико-лингвистические аспекты соответствия понятий «недобросовестная конкуренция» и «concurrente deloyale» // «Учёные записки Орловского государственного университета», Серия: гуманитарные и социальные науки, № 4, 2011 г., с. 225.
 14. Закон Испании № 3/1991 от 10.01.1991 г. «О недобросовестной конкуренции» (с изм., внесёнными Законом № 1/2019 от 20.02.2019 г.) //

[Электронный ресурс] / URL: <https://wipo.int/wipo.int/> (дата обращения 23.05.2025).

15. Малышева Е. «ФАС хочет запретить компаниям разрушать бизнес конкурентов» // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://rbcdaily.ru/economy/562949991266404> (дата обращения 23.05.2025).
16. ФАС выявила два медицинских картеля на 1,1 млрд рублей // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fas.gov.ru/> (дата обращения: 25.06.2025).

DUMPING AND ANTI-COMPETITIVE AGREEMENTS AS FORMS OF UNFAIR COMPETITION OF A DISRUPTIVE NATURE

Limonov P.V.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The characteristic signs of unfair competition, fixed by the definition contained in Part 9 of Article 4 of Federal Law No. 135-FZ of July 26, 2006 “On Protection of Competition” (hereinafter referred to as the Law on Protection of Competition), open up opportunities for an expanded interpretation and application of these aspects beyond the limits of the forms established by the legislator. On the one hand, this preserves the flexibility of the rules for newly emerging forms, however, on the other hand, it does not meet the requirements for “rigidity and immobility” imposed on legal definitions. Classifying the forms according to the object of the impact, it is justified to identify unfair competition of a disorganized nature, which, in turn, may have several manifestations. The first of these is the disorganization of the activities of specific business entities by mass “luring” employees of another business entity, incitement to strikes, agitation of competitor’s partners to violate or break contractual obligations (for example, the supply of goods), as well as a number of other manifestations. Moreover, the issue of including the first of these types of disorganization in the list of forms of unfair competition was raised even during the development of the “fourth antimonopoly package”, with the accompanying definition of “harming the normal working order of an organization from the inside.” But, in the end, the term was never included by the legislator in the Law on Protection of Competition.

Nevertheless, the main object of this study is the second aspect, which presupposes the destabilization of the market as a whole, which is associated with the manipulation of dumping and the conclusion of anticompetitive agreements. An important and distinctive aspect is the absence of legally defined signs of a dominant position, which, nevertheless, does not exclude the possibility of influence. Despite the fact that, in accordance with the current antimonopoly legislation, these acts form independent sub-institutions, considering them through the prism of unfair competition within the framework of the science of competition law seems to be reasonable.

Keywords: unfair competition, dumping, anticompetitive agreements, Federal Antimonopoly Service of Russia.

References

1. Federal'nyy zakon ot 26.07.2006 N 135-FZ (ed. of 14.10.2024) “O zashchite konkurentsii” [Federal Law of 26.07.2006 N 135-FZ (ed. of red. of 14.10.2024) “On Protection of Competition”] // “Rossiyskaya Gazeta”, N 162, 27.07.2006.
2. Pis'mo FAS Rossii ot 25.01.2024 N MSh/5371-PR/24 «O napravlenii rekomendatsiy po zaklyucheniyu soglasheniy v sootvetstvi s postanovleniem Pravitel'stva Rossiyskoy Federatsii ot 26.04.2023 N 662» [Act from the Federal Antimonopoly Service of Russia dated 01/25/2024 N MSH/5371-PR/24 “On sending recommendations for concluding agreements in accordance with Decree of the Government of the Russian Federation” dated 04/26/2023 N 662] // Available at: <http://www.consultant.ru/>.
3. «Obzor sudebnoy praktiki Verhovnogo Suda Rossiyskoy Federatsii N 4 (2019)» (utv. Prezidiumom Verhovnogo Suda RF

- 25.12.2019). [“Review of judicial Practice of the Supreme Court of the Russian Federation No. 4 (2019)” (approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 25, 2019).] «Byulleten’ Verhovnogo Suda RF», N 7, iyul’, 2020.
4. «Obzor praktiki primeneniya antimonopol’nogo zakonodatel’sva kollegial’nymi organami FAS Rossii (za period s 1 iyulya 2018 goda po 1 iyulya 2019 goda)» (utv. protokolom Prezidiuma FAS Rossii) [“Review of the practice of applying antimonopoly legislation by the collegial bodies of the FAS of Russia (for the period from July 1, 2018 to July 1, 2019)” (approved by the Protocol of the Presidium of the FAS of Russia)] // Available at: <http://www.consultant.ru/>.
 5. Vlasenko N.A., Abramova A.I., Chernobel’ G.T. [i dr.] Yuridicheskaya tekhnika: uchebnoe posobie. – M.: Institut zakonodatel’sva i sravnitel’nogo pravovedeniya pri Pravitel’sve Rossiyskoy Federatsii. – M.: Yustitsiya, 2016. – p. 208.
 6. Gorodov O.A., Petrov A.V., Shmigel’skaya N.A. Nedobrosovestnaya konkurentsia: uchebno-prakticheskoe posobie / pod red. O.A. Gorodova. – M.: Yustitsinform, 2020. pp. 48–49.
 7. Kurdin A.A., Komkova A.A. Narushenie prav na rezul’taty intellektual’noy deyatel’nosti kak vid nedobrosovestnoy konkurentsii // Nauchnye issledovaniya ekonomicheskogo fakul’teta. Elektronnyy zhurnal. – 2014. – T. 6, № 2. – p. 19–38.
 8. Mokrov G.G. Nedobrosovestnaya konkurentsia v mezhdunarodnoy torgovle // Sovremennaya konkurentsia. 2007. № 3. p. 118.
 9. Parashchuk S.A. Konkurentnoe pravo (pravovoe regulirovanie konkurentsii i monopolii). M., 2002. pp. 199–200.
 10. Poluektov A.B. Damping i antidempingovoe regulirovanie v mezhdunarodnoy torgovle: Diss. kand. ekon. nauk / A.B. Poluektov. – M., 1993. – 210 s.
 11. Tihomirov Y.A. Sravnitel’noe pravovedenie: razvitie kontseptsii i obshchestvennoy praktiki // Zhurnal rossiyskogo prava. 2006. № 6 (114). p. 4.
 12. Chudinov O.R. Klassifikatsiya nedobrosovestnykh konkurentnykh deystviy pravom Frantsii (po materialam pravoprimenitel’noy praktiki sudov Frantsii) // Tekhnologos. 2012. № 5. p. 62.
 13. Chudinov O.R., Kindernekht A.S. «Yuridiko-lingvisticheskie aspekty sootvetstviya ponyatiy «nedobrosovestnaya konkurentsia» i «concurrence deloyale» // «Uchenye zapiski Orlovskogo gosudarstvennogo universiteta», Seriya: gumanitarnye i sotsial’nye nauki, № 4, 2011 g., p. 225.
 14. Spanish Law No. 3/1991 of 10.01.1991 “On Unfair Competition” (as amended by Law No. 1/2019 of 20.02.2019). Available at: <https://wipolex.wipo.int/>.
 15. Malysheva E. «FAS hochet zapretit’ kompaniyam razrushat’ biznes konkurentov» // Available at: <http://rbcdaily.ru/economy/562949991266404>.
 16. FAS vyavila dva meditsinskih kartelya na 1,1 mlrd rubley // Available at: <https://fas.gov.ru/>.

Административно-правовой статус субъектов производства по делам об административных правонарушениях в области дорожного движения, возбужденным по материалам автоматической фиксации

Климович Евгений Владимирович,

кандидат юридических наук, доцент, заместитель начальника кафедры административного права и административной деятельности органов внутренних дел Донецкого филиала Волгоградской академии МВД России
E-mail: klimovich55@mail.ru

Широкое использование автоматической фиксации административных правонарушений в области дорожного движения оказало значительное влияние на законодательство об административной ответственности. Создана и развивается новая сфера правового регулирования, обеспечивающая возможность привлечения различных субъектов к административной ответственности за правонарушения, выявленные в автоматическом режиме. На основе системно-структурного анализа норм КоАП РФ и федерального и регионального законодательства в области дорожной деятельности, обеспечения безопасности дорожного движения представлена классификация субъектов, участвующих в производстве по делам об административных правонарушениях. Анализ правового статуса субъектов, участвующих в производстве по делам об административных правонарушениях, позволил разделить их на три классификационные группы: компетентные органы и должностные лица, наделенные полномочиями издавать властные акты, определяющие движение и исход дела; субъекты, имеющие личный интерес в деле; субъекты способствующие производству по делу об административном правонарушении.

Ключевые слова: административная ответственность, собственник транспортного средства, свидетель, заявление собственника транспортного средства, водитель, субъект производства по делу, специальные технические средства, классификация, лица, содействующие производству по делу, дорожное движение.

Введение

Актуальность темы исследования. Автоматическая фиксация административных правонарушений в области дорожного движения является относительно новым юридическим феноменом, связанным с развитием информационных технологий. Её широкое использование оказало значительное влияние на законодательство об административной ответственности. Создана и постоянно совершенствуется сфера правового регулирования, обеспечивающая возможность привлечения различных субъектов к административной ответственности за правонарушения выявленные в автоматическом режиме. Круг субъектов, участвующих в правоотношениях по поводу привлечения конкретного лица к административной ответственности в рассматриваемой сфере постоянно уточняется. Вместе с тем без обобщения знаний о правовом статусе субъектов исследуемых правоотношений и классификации этих субъектов практически невозможны системные изменения законодательства.

Изученность проблемы

В научных исследованиях преобладает анализ обоснованности ограничения презумпции невиновности [1. с. 43], установленных КоАП РФ условий привлечения собственников (владельцев), водителей транспортных средств к административной ответственности [2. с. 40, 3. с. 282, 4. с. 591], признаков субъективной стороны правонарушений, выявленных специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме [5. с. 179]. Но систематизации и классификации расширяющийся круг субъектов производства по делам об административных правонарушениях исследуемой категории подвергается лишь фрагментарно.

Целесообразность разработки темы обусловлена расширением перечня административных правонарушений, выявляемых с помощью работающих в автоматическом режиме специальных технических средств и введением новых субъектов производства по делам об административных правонарушениях данной категории. Эти факторы требуют научной оценки, которая позволит выявить отдельные направления совершенствования законодательства.

Научная новизна исследования состоит в представлении авторской классификации субъектов производства по делам об административных правонарушениях исследуемой категории.

Цель исследования состоит в описании системы субъектов производства по делам об административных правонарушениях исследуемой категории.

Задачи исследования:

- представить перечень субъектов, участвующих в производстве по делам об административных правонарушениях исследуемой категории;
- описать основной классификационный признак исследуемых субъектов;
- представить функциональные группы, составляющие основу классификации исследуемых субъектов.

Теоретическая значимость исследования состоит в классификации субъектов производства по делам об административных правонарушениях исследуемой категории и описании системы нормативного регулирования их прав и обязанностей.

Практическая значимость исследования состоит в формировании отдельных рекомендаций, направленных на систематизацию законодательства, регламентирующего правовой статус исследуемых субъектов.

Основная часть

Методологическую основу исследования составляют общенаучные методы исследования, в частности анализа и синтеза, а также частные методы: системного анализа, позволяющий рассматривать содержание административно-правового статуса субъектов, участвующих в производстве по делам об административных правонарушениях, в системе нормативных предписаний, регламентирующих производство по делам об административных правонарушениях, формально-юридический, позволяющий описать признаки характеризующие права и обязанности исследуемых субъектов.

Результаты исследования

Административная ответственность по меткому утверждению ряда авторов выполняет двуединую репрессивную и предупредительную функцию. [6. с. 20–21, 7. с. 137]. Эта черта наиболее ярко проявилась после установления административной ответственности собственников (владельцев) транспортных средств.

С момента официального установления возможности привлечения собственника (владельца) транспортного средства к административной ответственности за административные правонарушения, зафиксированные работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами, прошло более 17 лет. За этот период неоднократно изменялись условия административной ответственности этого нового субъекта. В частности постоянно пополнялся перечень статей особенной части КоАП РФ, в которых субъектом ответственности выступал собственник (вла-

делец) транспортного средства, или лицо которое управляет транспортным средством, принадлежащим иностранному перевозчику.

В настоящий момент времени административная ответственность собственника (владельца) транспортного средства установлена не только за правонарушения в области обеспечения безопасности дорожного движения, но и за правонарушения в области благоустройства территорий (по законодательству субъектов РФ) и в области охраны окружающей среды и природопользования (в части сброса с транспортных средств и при их использовании отходов производства и потребления), пользования платными автодорогами.

Увеличение количества составов правонарушений, охраняющих разные объекты, за совершение которых собственник (владелец) транспортного средства и приравненные к нему лица, могут быть привлечены к административной ответственности, стало одной из причин усложнения системы субъектов производства по делу об административном правонарушении.

В юридической литературе для характеристики субъектного состава правоотношений, возникающих в ходе производства по делам об административных правонарушениях, используются термины «участники производства» и «субъекты производства».

Если рассматривать производство по делу об административном правонарушении как правоотношение [8, с. 66] [9, с. 51], то очевидно его составляющей частью будут субъекты, обладающие правовыми статусами, которые основываются на процессуальных нормах КоАП РФ. Соответственно понятие «субъекты производства» охватывая всех лиц, перечисленных в главах 2, 22, 23, 28 КоАП РФ является родовым по отношению к понятию «участники производства» [10, с. 262].

Важным с позиций уточнения правового статуса субъектов производства по делам об административных правонарушениях является их классификация.

Так Д.Н. Бахрах и Э.Н. Ренов используя в качестве критериев классификации роль в производстве, объем полномочий, методы участия выделяет три категории участников: 1) компетентные органы и должностные лица, наделенные полномочиями издавать властные акты, определяющие движение и исход дела; 2) субъекты, имеющие личный интерес в деле; 3) субъекты способствующие производству по делу об административном правонарушении [11. с. 14]. В условиях применения такого правового средства как презумпция вины собственника (владельца) транспортного средства [12. с. 55], [13. с. 20], [14. с. 47] в совершении отдельных видов правонарушений, если их признаки зафиксированы специальным техническим средством, работающим в автоматическом режиме, приведенная классификация получает новый импульс к развитию.

К первой группе можно отнести подразделения федерального органа исполнительной власти в сфере внутренних дел – Центры автоматической

фиксации правонарушений в области дорожного движения (ЦАФАП Госавтоинспекции МВД России), коллегиальные органы создаваемые в соответствии с законами субъектов Российской Федерации – административные комиссии. Последние активно вовлекаются в рассмотрение дел в порядке ч. 3 ст. 28.6 КоАП РФ в связи с развитием системы автоматической фиксации нарушений правил парковки, в том числе в зонах зеленых насаждений. Относительно новым субъектом рассматриваемой группы выступают уполномоченные органы исполнительной власти субъектов Российской Федерации, например Московская административная дорожная инспекция, действующая на основании постановления Правительства Москвы от 14 октября 2013 г. 679-ПП «О Московской административной дорожной инспекции». От имени указанных субъектов дела рассматривают уполномоченные должностные лица или соответствующая комиссия при наличии кворума, определенного положением о ней.

Можно выделить два основания для установления компетенции указанных субъектов по возбуждению и рассмотрению дел об административных правонарушениях. Первым является принадлежность органов или учреждений к федеральным органам исполнительной власти, органам исполнительной власти субъектов РФ или статус коллегиального органа, создаваемого в соответствии с законами субъектов РФ, нормативными правовыми актами органов публичной власти федеральной территории (п.п. 3, 4 ч. 2 ст. 22.1 КоАП РФ).

Вторым основанием является наделение полномочиями по осуществлению государственного или муниципального контроля в области дорожного движения, а равно и благоустройства на территории субъектов РФ.

Органы государственной власти субъектов РФ могут быть наделены универсальными полномочиями, как например Московская административная дорожная инспекция обладающая правом возбуждать и рассматривать дела об административных правонарушениях, предусмотренных КоАП РФ и Кодексом города Москвы об административных правонарушениях.

В Донецкой Народной Республике система автоматической фиксации находится в стадии разработки, но первым субъектом наделенным компетенцией по возбуждению и рассмотрению дел об административных правонарушениях в области дорожного движения будет соответствующее подразделение Госавтоинспекции – ЦАФАП ОБДД.

Субъектами, имеющими личный интерес в деле являются лица, реализующие правовой статус собственника (владельца) транспортного средства, подлежащего регистрации на территории Российской Федерации в соответствии с п. 7 ст. 4 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 283 «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации». А также водителя транспортного сред-

ства, принадлежащего иностранному перевозчику (ст. 12.21.5 КоАП РФ), лица, обладающего правами владения и пользования транспортным средством в момент автоматической фиксации. Согласно теории реализации правового статуса через правоотношения, субъект административного права может реализовать свой статус в организационно-управленческом праве (отношения по общей организации управления в различных отраслях и сферах управления, в том числе в области дорожного движения) и административно-деликтном праве. [15. с. 160]. Исходя из этого тезиса можно утверждать, административно-правовой статус рассматриваемой группы субъектов объединяет права и обязанности, связанные с владением и использованием транспортным средством, а также возникающие в связи с участием в производстве по делу об административном правонарушении. Отсутствие первой составляющей будет являться основанием для прекращения реализации второй.

Согласно п. 1 ст. 4 Федерального закона от 3 августа 2018 г. № 283 «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации и о внесении изменений в законодательные акты Российской Федерации статусом владельца транспортного средства обладает физическое или юридическое лицо, приобретшее право собственности, право хозяйственного ведения или оперативного управления, а равно арендатор по договору лизинга.

Если право собственности на транспортное средство принадлежит лицу не достигшему 16 летнего возраста, а равно недееспособному лицу, владельцем выступает один из родителей, усыновитель либо опекун (попечитель) несовершеннолетнего или опекун недееспособного лица.

При этом указанные лица выступают в качестве субъектов производства по делу об административном правонарушении только если исполнили установленную законом обязанность зарегистрировать транспортное средство в установленном порядке. Необходимо отметить, что правоприменительная практика идет по пути возбуждения дел по данным автоматической фиксации только в отношении владельцев, данные о которых присутствуют в государственном реестре транспортных средств, хотя КоАП РФ не содержит такого указания.

Указанное обстоятельство позволяет выявить подгруппу субъектов имеющих личный интерес в деле. Это лицо во владении или пользовании которого находилось транспортное средство в момент автоматической фиксации – титульный собственник (владелец), получившее право собственности или полномочия владения и пользования на основании гражданско-правовых договоров, но не исполнившее обязанности зарегистрировать транспортное средство или не имеющее такой обязанности в силу закона (например при наличии договора аренды или безвозмездного пользования). К этой категории субъектов относится и водитель, использующий переданное ему в установленном

законом порядке транспортное средство, за исключением водителя выполняющего трудовую функцию на основании трудового договора, в том числе указанный в полисе ОСАГО (за исключением случаев, когда полис ОСАГО содержит указание на неограниченный круг водителей).

В ходе производства по делу изменяется статус данной подгруппы субъектов. Изначально они входят в группу субъектов способствующих производству по делу об административном правонарушении, выступают в качестве свидетеля при рассмотрении жалобы, подаваемой на основании ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ, а далее в силу п. 5 ч. 1 ст. 28.1 КоАП РФ в их отношении может быть начато производство по делу, в котором они приобретают статус, установленный ст. 25.1 КоАП РФ.

Надо отметить, что лицо, во владении или пользовании которого находилось транспортное средство в момент автоматической фиксации, не может самостоятельно подавать жалобу в порядке ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ, даже если ему известно о вынесенном постановлении, ввиду того что не исполнена установленная законом обязанность регистрации транспортного средства и как следствие в государственном реестре транспортных средств отсутствуют соответствующие сведения, а правовой статус владельца не подтвержден официально. Иное приводило бы к возможности подачи как минимум двух жалоб по одному и тому же постановлению по делу об административном правонарушении. И именно поэтому в ч. 2 ст. 8 Федерального закона № 283-ФЗ от 3 августа 2018 г. «О государственной регистрации транспортных средств в Российской Федерации» установлено право предыдущего владельца транспортного средства прекратить регистрацию, подав в регистрирующий орган документ, подтверждающий смену владельца. И только после этого лицо, во владении или пользовании которого находилось транспортное средство в момент автоматической фиксации, сможет быть подателем жалобы в порядке ч. 2 ст. 2.6.1 КоАП РФ и иметь статус лица, указанного в ст. 25.1 КоАП РФ.

Третья группа субъектов объединяет свидетелей, а также органы исполнительной субъектов Российской Федерации, уполномоченные принимать решения о размещении средств фиксации правонарушений, владельцев автомобильных дорог, организации, обеспечивающие техническое и технологическое сопровождение использования средств фиксации правонарушений, в том числе на основании договоров с органами государственной власти субъектов Российской Федерации, уполномоченными на принятие решений о размещении и обеспечении использования технических средств автоматической фиксации правонарушений.

Свидетелями по делам рассматриваемой категории могут являться лица, выступающие на стороне лица, привлекаемого к административной ответственности, работники и сотрудники организаций, обеспечивающих техническое и технологиче-

ское сопровождение использования средств фиксации правонарушений.

Органы исполнительной субъектов Российской Федерации и организации предоставляют сведения на основании выносимых в порядке ст. 26.10 КоАП РФ определений судей или иных субъектов, ведущих производство по делам об административных правонарушениях.

Выводы

Применение опровержимой презумпции виновности собственника (владельца) транспортного средства, наряду с установлением автоматической фиксации правонарушений в качестве повода для возбуждения дела об административном правонарушении и установление упрощенного порядка производства по делам об административных правонарушениях, стало основой новой сферы административно-правового регулирования. Систематизация субъектов, участвующих в производстве по делам об административных правонарушениях исследуемой категории, направлена на уточнение их правового статуса и определение направлений развития законодательства федерального и регионального уровней.

Заключение

Введение и реализация такого правового средства как презумпция вины собственника (владельца) транспортного средства в совершении отдельных видов правонарушений, если они зафиксированы специальными техническими средствами, работающими в автоматическом режиме способствовало формированию обособленной группы субъектов производства по делам об административных правонарушениях, обладающих специальным правовым статусом, основу которого составляют обязанности и права, реализуемые в связи со специальным порядком производства по делам об административных правонарушениях, поводом для возбуждения которых послужила фиксация признаков административного правонарушения работающими в автоматическом режиме специальными техническими средствами.

Литература

1. Кисин В.Р., Попугаев М.Ю Проблемные аспекты реализации принципов вины и презумпции невиновности в нормах законодательства об административных правонарушениях // Административное право и процесс. 2024. № 2. С. 43–49.
2. Аникеенко Ю.Б., Новоселова Н.В Особенности административной ответственности собственников и арендаторов транспортных средств при заключении договора аренды транспортного средства. Бизнес, Менеджмент и право. 2024. № 1 (61). С. 38–43.

3. Мишина Ю.В. Привлечение к административной ответственности собственников транспортных средств: вопросы теории и практики. // Управление деятельностью по обеспечению безопасности дорожного движения: состояние, проблемы, пути совершенствования. Сборник материалов XVII Международной научно-практической конференции. Орёл, 2023. С. 280–284.
4. Шкеля О.В. Некоторые аспекты привлечения водителей транспортных средств к административной ответственности. // Административно-правовое регулирование правоохранительной деятельности: теория и практика. Материалы Международной научно-практической конференции. Краснодар, 2023. С. 590–593.
5. Гирийчук В.В. О субъективных признаках административных правонарушений в области дорожного движения, зафиксированных специальными техническими средствами // Закон и право. 2020. № 7. С. 178–180.
6. Иванов В.И. Административная ответственность: системно-правовой анализ // Юридическая наука и правоохранительная практика. 2023. № 3(65). С. 16–23
7. Горошко О.В. Институт административной ответственности в системе социальной ответственности // Философия права. 2022. № 3(102). С. 134–137.
8. Елесина И.Г. Понятие, сущность и особенности производства по делам об административных правонарушениях // Государственная служба и кадры. 2024. № 1. С. 64–67.
9. Серков П.П. Административные правоотношения // Вестник университета им. О.Е. Кутафина (МГЮА). 2019. № 6. С. 49–64.
10. Административно-процессуальное право: учебник / под ред проф. А.И. Каплунова, Спб., 2017. 376 с.
11. Бахрах Д.Н. Ренов Э.Н. Производство по делам об административных правонарушениях: учебное пособие, М., 1989. 128 с.
12. Колодеев Е.П. Действие принципа презумпции невиновности при применении ст. 2.6.1 КоАП РФ «Административная ответственность собственников (владельцев) транспортных средств» // Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 22. С. 54–58.
13. Молчанов П.В. Собственник (владелец) транспортного средства как субъект административной ответственности // Административное право и процесс. 2010. № 3. С. 17–25.
14. Россинский Б.В. О необходимости изменения редакции статей Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, регламентирующих назначение административных наказаний собственникам (владельцам) транспортных средств. // Законы России: опыт, анализ, практика. 2011. № 1. С. 45–53.
15. Общее административное право: учебник в 2-х частях / под ред. Ю.Н. Старилова, 2-е издание

пересмотр. и доп., часть 1 – Воронеж, 2016. 760 с.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL STATUS OF SUBJECTS OF PROCEEDINGS ON CASES OF ADMINISTRATIVE OFFENSES IN THE FIELD OF ROAD TRAFFIC INITIATED ON THE BASIS OF MATERIALS OF AUTOMATIC FIXATION

Klimovich E.V.

Donetsk affiliate of an Volgograd academy of the Ministry of the Interior of the Russian Federation

The use of automatic recording of administrative offenses in the field of road traffic has had a significant impact on the legislation on administrative responsibility. A new sphere of legal regulation has been created and is being developed, which provides an opportunity to bring various subjects to administrative responsibility for offenses identified automatically. Based on the system-structural analysis of the norms of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation and federal and regional legislation in the field of road activities, road safety, a classification of subjects participating in proceedings on cases of administrative offenses is presented. The analysis of the legal status of the subjects involved in the proceedings on administrative offenses made it possible to divide them into three classification groups: competent authorities and officials empowered to issue acts of power that determine the movement and outcome of the case; subjects with a personal interest in the case; entities contributing to the proceedings in the case of an administrative offense.

Keywords: administrative responsibility, vehicle owner, witness, statement of vehicle owner, driver, subject of proceedings in the case, special technical means, classification, persons assisting in the proceedings, road traffic.

References

1. Kisin V.R., Parugaev M.Yu Problematic aspects of the implementation of the principles of guilt and the presumption of innocence in the norms of legislation on administrative offenses. Administrative law and process = Administrativnoe pravo i process. 2024; 2: 43–49. (In Russ.).
2. Anikeenko Yu.B., Novoselova N.V. Features of administrative responsibility of owners and tenants of vehicles when concluding a vehicle lease agreement. Business, Management and Law = Biznes, Menedzhment i pravo. 2024; 1 (61):38–43. (In Russ.).
3. Mishina Yu.V. Bringing vehicle owners to administrative responsibility: questions of theory and practice. Management of road safety activities: state, problems, ways to improve. Collection of materials of the XVII International scientific and practical conference. Oryol, 2023: 280–284. (In Russ.).
4. Shkelya O.V. Some aspects of bringing vehicle drivers to administrative responsibility. Administrative and legal regulation of law enforcement: theory and practice. Materials of the International scientific and practical conference. Krasnodar, 2023: 590–593. (In Russ.).
5. Giriychuk V.V. On the subjective signs of administrative offenses in the area of road traffic recorded by special technical means. Lex and Law = Zakon i pravo. 2020; 7: 178–180. (In Russ.).
6. Ivanov V.I. Administrative responsibility: systematic and legal analysis. Yuridicheskaya nauka i pravookhranitel' naya praktika = Legal science and law enforcement practice. 2023;3(65):16–23. (In Russ.).
7. Goroshko O. V., Savochkina D.O. Institution of administrative responsibility in the frame of social responsibility. Filosofiya prava. 2022;3(102):134–137. (In Russ.).
8. Elesina I.G. Concept, essence and features of proceedings in cases of administrative offenses. Public Service and Personnel. = Gosudarstvennaya sluzhba i kadry. 2024; 1:64–67. (In Russ.).
9. Serkov P.P. Administrative legal relations. Bulletin of the University named after O.E. Kutafina (Moscow State Law Academy). 2019; 6: 49–64. (In Russ.).
10. Administrative and procedural law: textbook / ed. Prof. A.I. Kaplunova, St. Petersburg, 2017. 376 p. (In Russ.).

11. BahraKh D.N. Renov E.N. Proceedings in cases of administrative offenses: textbook, Moscow 1989. 128 p. (In Russ.).
12. Kolodeev E.P. The effect of the principle of the presumption of innocence when applying art. 2.6.1 Administrative Code of the Russian Federation "Administrative responsibility of owners (pozessor) of vehicles". Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. = Vestnik Nizhegorodskoj akademii MVD Rossii. 2013; 22: 54–58. (In Russ.).
13. Molchanov P.V. Owner (pozessor) of the vehicle as a subject of administrative responsibility. Administrative law and process. = Administrativnoe pravo i process 2010; 3:17–25. (In Russ.).
14. Rossinsky B.V. About the need to change the wording of the articles of the Code of Administrative Offenses of the Russian Federation governing the imposition of administrative punishments on owners (pozessor) of vehicles. Laws of Russia: experience, analysis, practice. = Zakony` Rossii: opy`t, analiz, praktika. 2011; 1: 45–53.
15. General administrative law: textbook in 2 parts / ed. Yu.N. Starilov, 2-nd edition revision. and add., part 1 – Voronezh, 2016. 760 p. (In Russ.).

Проблемные аспекты, возникающие при рассмотрении споров по земельным участкам, в гражданском и административном судопроизводстве

Костин Илья Александрович,

магистр юриспруденции, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Елистратов Владимир Николаевич,

магистр юриспруденции, кандидат технических наук, доцент, Санкт-Петербургский государственный архитектурно-строительный университет

Исследованы проблемные вопросы судебного рассмотрения споров по земельным участкам в Российской Федерации с акцентом на сложности, обусловленные несовершенством нормативной правовой базы, неоднозначностью правоприменительной практики и межотраслевым характером земельных правоотношений. Проведен анализ отсутствия официального определения термина «земельный спор», рассмотрены последствия этого пробела для квалификации дел и разграничения компетенции между гражданским и административным судопроизводством. На примерах конкретных судебных дел выявлены причины противоречий в практике применения Земельного кодекса Российской Федерации и Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации, рассмотрено влияние пробелов законодательства на возникновение и затягивание судебных конфликтов. Важное внимание уделено роли субъективных факторов – противоправным действиям участников земельных правоотношений, низкой правовой осведомленности граждан и недостаточной эффективности государственного земельного надзора. Автором сформулированы предложения по совершенствованию законодательного регулирования и механизмов правоприменения, направленные на устранение выявленных проблем, повышение эффективности судебной защиты и обеспечение единства судебной практики.

Ключевые слова: земельные споры, земельное законодательство, судебная практика, разграничение юрисдикции, гражданское судопроизводство, административное судопроизводство, пробелы законодательства, земельный надзор.

Введение

Земельные отношения занимают особое место в современной правовой системе, поскольку земля является одновременно объектом гражданского права и важнейшим ресурсом, затрагивающим публичные интересы. Споры, связанные с земельными участками, возникают нередко и характеризуются высокой сложностью из-за межотраслевого характера законодательства, регулирующего земельные отношения. В последние 5–10 лет в Российской Федерации и происходят существенные изменения нормативной базы (реформы земельного законодательства, введение Кодекса административного судопроизводства и др.), что актуализирует проблему единообразного разрешения земельных споров.

Необходимость исследования данной темы обусловлена тем, что судебная практика по земельным спорам обнаруживает ряд проблемных аспектов: отсутствует чёткое легальное определение самого понятия «земельный спор», наблюдается разнородность подходов судов к рассмотрению таких дел, а пробелы и коллизии в законодательстве затрудняют защиту прав участников земельных отношений. Это негативно сказывается на гарантии прав собственников и пользователей земли, затягивает разрешение споров и снижает эффективность правоприменения в данной сфере.

Цель настоящего исследования состоит в комплексном анализе проблемных аспектов, возникающих при рассмотрении споров по земельным участкам в Российской Федерации, на основе действующей нормативной правовой базы и судебной практики последних лет.

Для достижения поставленной цели решены следующие задачи:

- 1) выявить и охарактеризовать основные проблемные зоны в практике разрешения земельных споров (в гражданском, административном и арбитражном судопроизводстве);
- 2) проанализировать примеры судебных дел, отражающих данные проблемы;
- 3) обобщить выводы научных публикаций по теме и сравнить их с выявленными тенденциями;
- 4) установить возможные причины расхождений в судебной практике и пробелов в законодательстве;
- 5) сформулировать выводы и предложения, имеющие научное и практическое значение для совершенствования правоприменения в области земельных споров.

Основная часть

Понятие и типология земельных споров

Анализ показал, что в действующем российском законодательстве отсутствует единое официальное определение термина «земельный спор», что подтверждается и мнением исследователей¹. Фактически под земельным спором понимается любой юридический конфликт, возникающий в сфере земельных правоотношений. Однако судебная практика не всегда оперирует данным понятием напрямую. В ряде случаев высшие судебные инстанции используют более узкий термин «спор о правах на земельный участок»².

Проведенное исследование свидетельствует, что понятие «земельный спор» шире, чем просто спор о праве собственности или ином вещном праве на участок. Как отмечается в научной литературе, земельный спор может охватывать не только споры о праве на землю, но и иные конфликты, связанные с землей, которые напрямую не основаны на гражданско-правовых притязаниях³. Например, к земельным спорам по сути относятся споры об определении стоимости изъятия участка для государственных или муниципальных нужд, либо споры о законности процедур согласования границ земельных участков, — хотя формально такие разногласия выходят за рамки классического гражданско-правового спора. Отсутствие легального закрепления понятия «земельный спор» усложняет квалификацию подобных дел и выбор надлежащего порядка их рассмотрения.

Гражданско-правовые и административные компоненты споров

Выявлено, что значительная сложность в практике разрешения земельных споров связана с разграничением юрисдикции (подведомственности) между гражданским и административным судопроизводством. Земельные правоотношения носят смешанный характер: с одной стороны, возникают частно-правовые споры между собственниками (например, о разделе участка, правах на землю, границах и т.п.), с другой — споры, обусловленные властными решениями органов (отказ в предоставлении участка, снос самовольно возведенного строения, изъятие земли для государственных нужд и др.).

После введения в 2015 г. в действие Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации (далее — КАС) подавляющее большинство споров, связанных с оспариванием актов и действий органов власти, формально отнесено к административной юрисдикции. Тем

¹ Куемжиева Е. Г., Пастухов М.М. К вопросу о понятии «земельный спор» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — № 6. — С. 84–86.

² Зазий А. А., Киселева К.Э. Актуальные проблемы разрешения земельных споров // Эпомен. — 2021. — № 63. — С. 90–99. — EDN ЕКОВЫЗ.

³ Тоточенко Д. А. О соотношении понятий «земельный спор» и «имущественный спор, возникающий из земельных отношений» // Имущественные отношения в РФ. — 2017. — № 11 (194). — С. 88–92.

не менее, практика показывает, что выбор между административным и гражданско-правовым порядком до сих пор нередко вызывает затруднения у судов. Правила разграничения прописаны довольно абстрактно, а разъяснений Верховного суда недостаточно, поэтому по сходным вопросам разные судьи выносят разные процессуальные решения⁴. В результате одна и та же ситуация может быть различно квалифицирована: суды общей юрисдикции системно и ошибочно принимают к рассмотрению в порядке гражданского судопроизводства дела, которые по сути являются административными.

Конкретный пример подобной проблемы выявлен в одном деле: гражданин оспаривал отказ местной администрации передать ему в собственность земельный участок, пригодный для садоводства. Суды первой и апелляционной инстанций сперва отказали в рассмотрении требования в порядке КАС, указав на гражданско-правовой характер спора, однако впоследствии прекратили дело уже в гражданском порядке, посчитав его административным. В итоге заявителю фактически было отказано в правосудии и в том, и в другом порядке, пока Верховный Суд РФ не исправил эту ситуацию. Как справедливо отметил Верховный Суд, недопустимо, чтобы граждане страдали от неуверенности судов в выборе надлежащего вида судопроизводства⁵. Данный пример наглядно демонстрирует существующие противоречия в судебной практике и сложность однозначного отнесения земельных споров к той или иной категории дел, особенно когда спор затрагивает одновременно и частные права, и законность действий органов власти.

Несовершенство нормативной базы

Анализ нормативных актов и судебной практики последних лет показал, что действующее земельное законодательство содержит пробелы и неоднозначности, прямо влияющие на возникновение и затягивание споров. Общий вывод, к которому приходят исследователи, состоит в несовершенстве правового регулирования земельных отношений в современной России. В частности, Е.Г. Куемжиева и др. отмечают отсутствие цельного, комплексного подхода к реформированию земельного законодательства и государственной политики в данной сфере⁶.

Так, С.А. Фролов в числе основных причин возникновения земельных споров называет:

- 1) отсутствие надлежащей государственной политики в сфере земельных правоотношений;
- 2) отсутствие комплексного подхода к реформированию земельного законодательства;

⁴ 2018 ГПК или КАС: почему судьи ошибаются в подведомственности // Право.ру. — URL: <https://pravo.ru/story/200551/> (дата обращения: 24.03.2025).

⁵ Там же.

⁶ Куемжиева Е. Г., Пастухов М.М. К вопросу о понятии «земельный спор» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. — 2019. — № 6. — С. 84–86.

3) неполноту учета сложности земельных отношений в ходе масштабных экономических реформ¹.

Эти объективные факторы законодательно-го характера создают предпосылки для правовой неопределенности. Примером законодательного пробела, выявленного в ходе исследования, является отсутствие детализации в Земельном кодексе Российской Федерации (далее – ЗК) порядка приватизации земельных участков, занятых определенными объектами. В соответствии с принципом единства судьбы земли и объекта на ней, закрепленным в земельном законодательстве, собственник здания или сооружения, расположенного на участке, имеет право приобрести этот земельный участок в собственность без проведения торгов (ст. 39.30 ЗК). Однако закон не уточняет, какое именно состояние объекта (введенное в эксплуатацию капитальное строение или объект незавершенного строительства) дает такое основание для выкупа земли, что вынуждает заинтересованных лиц обращаться за разъяснениями в суд.

Данное пробельное регулирование привело к противоречивой судебной практике: как показал анализ, ранее судебные органы исходили из того, что передача участка без торгов под незавершенным строительством возможна лишь в случаях, прямо предусмотренных законом, тогда как впоследствии Верховный Суд РФ допустил более широкое толкование нормы, признав, что земельный участок под объектом незавершенного строительства может предоставляться собственнику на тех же условиях, что и под завершенным объектом².

Так, до внесения изменений в законодательство участники оборота и суды оказались перед проблемой неоднозначного применения нормы, что создает правовую неопределенность и почву для затяжных споров. Еще одним примером нормативных несоответствий, выявленным при рассмотрении судебной практики, является механизм реализации принципа целевого использования земли. Земельное законодательство Российской Федерации строго устанавливает, что каждый участок должен использоваться в соответствии с разрешенным использованием (целевым назначением). В ряде случаев соблюдение целевого назначения выступает предпосылкой для предоставления участка в собственность без торгов (например, арендаторы некоторых категорий государственных или муниципальных земель вправе выкупить участок, если докажут его надлежащее использование).

Однако на практике реализация этого правила сталкивается с трудностями: административные органы зачастую отказывают арендаторам в выкупе арендуемых участков, ссылаясь на невоз-

можность подтверждения факта надлежащего использования земли. По данным судебной практики, такие отказы арендаторы массово обжалуют как в судах общей юрисдикции, так и в арбитражных судах, что приводит к длительным судебным разбирательствам³. Проблема, таким образом, коренится в пробеле механизмов контроля: закон требует надлежащего использования, но не обеспечивает эффективного инструмента его проверки, вследствие чего бремя доказывания перекладывается на участников спора.

Поведенческие факторы и недостатки правоприменения

Помимо недостатков законодательства, исследование выявило существенное влияние субъективных, поведенческих факторов на возникновение земельных споров. Часто споры по земле провоцируются недобросовестными или незаконными действиями самих правообладателей и иных лиц. Так, по мнению ряда авторов, нередки случаи, когда собственники земельных участков нарушают права соседей или публичные интересы – например, самовольно занимают чужие земли, возводят постройки без разрешительных документов, используют участок не по целевому назначению и т.д., что неизбежно приводит к юридическому конфликту⁴. Наличие таких субъективных причин подтверждается и судебной практикой – значительное число дел связано с оспариванием самовольных построек, устранением нарушений границ, пресечением незаконного использования земель. Дополнительным фактором служит недостаточный уровень правовой культуры и осведомленности граждан в сфере земельного законодательства. Исследования отмечают, что многие правообладатели не знают в полной мере своих прав и обязанностей, установленных законом, либо умышленно игнорируют требования законодательства. Кроме того, по оценкам специалистов, в последние годы эффективность государственного земельного надзора оставалась недостаточной⁵.

Отсутствие действенной системы мониторинга использования земель (например, дистанционного контроля за тем, как используются участки) приводит к тому, что нарушения выявляются уже постфактум, когда конфликт дошел до суда. Совокупность этих факторов – пробелы в правовом регулировании, недостатки надзорных механизмов

¹ Фролов С. А. К вопросу о понятии и причинах возникновения земельных споров // Символ науки. – 2017. – № 10. – С. 60–63.

² Умеренко Ю.А. Споры о приобретении в собственность земельных участков под зданиями, сооружениями // Имущественные отношения в РФ. – 2016. – № 12 (183). – С. 82–95.

³ Кириченко Ю.Н. Проблемы правового регулирования споров, связанных с предоставлением права выкупа арендаторам земельных участков из числа земель сельскохозяйственного назначения // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2016. – № 31. – С. 125–129.

⁴ Коротин А. С., Романов В.М. Особенности возникновения споров о земле и механизмы разрешения земельных споров // Административное и муниципальное право. – 2021. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vozniknoveniya-sporov-o-zemle-i-mehanizmy-razresheniya-zemelnyh-sporov> (дата обращения: 24.03.2025).

⁵ Бирюкова Е.А. Проблемы и особенности защиты земельных прав граждан // Научные записки молодых исследователей. – 2023. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-osobennosti-zaschity-zemelnyh-prav-grazhdan> (дата обращения: 24.03.2025).

и противоправное поведение субъектов – обуславливает наличие проблемных зон в практике разрешения земельных споров, выявленных в ходе исследования.

Итак, результаты проведенного исследования подтверждают и дополняют выводы, сделанные ранее другими авторами. Многие проблемы, с которыми сталкиваются суды при рассмотрении земельных споров, были отмечены в научной литературе последних лет. В частности, выявленный факт отсутствия единого понимания термина «земельный спор» согласуется с позицией Е.Г. Куемжиевой и М.М. Пастухова, которые еще в 2019 г. указывали на необходимость нормативного закрепления данного понятия¹. Также выводы о более широком характере земельных споров по сравнению с узко гражданско-правовыми спорами совпадают с аргументами Д.А. Тоточенко, отмечавшего, что земельные споры охватывают и публично-правовые аспекты (например, споры об изъятии земель)². Можно констатировать определенный консенсус в доктрине: многие исследователи считают, что нынешнее законодательство не отражает всего многообразия конфликтов, возникающих в сфере земли, и нуждается в совершенствовании.

В то же время, сравнительный анализ показал, что различия в акцентах исследований существуют. Одни авторы уделяют больше внимания объективным факторам – несовершенству норм права, другие – пробелам правоприменения. Так, С.А. Фролов и др. фокусируются на необходимости государственной политики и комплексной реформы законодательства³, тогда как Симонова А.А. и соавторы обращали внимание на субъективный характер многих споров, обусловленный неправомерным поведением землепользователей⁴.

Исследование авторов подтверждает значимость обоих групп факторов: и нормативных, и поведенческих. Более того, выявлено, что эти факторы часто взаимосвязаны. Например, пробел в законе (отсутствие четкого регулирования порядка выкупа участка под незавершенным строительством) создает почву для неправомерных действий (попыток обойти аукционные процедуры), а впоследствии приводит к неоднозначности судебной практики. Дискуссионным остается вопрос, в какой мере Верховному Суду удастся преодолевать расхождения в практике. С одной стороны, Пленум ВС РФ издал ряд постановлений, разъясняющих применение КАС и иных норм в контексте земельных споров, например, указывая критерии разгра-

ничения гражданской и административной юрисдикции. С другой стороны, как видно на примере дела о предоставлении садового участка, разночтения продолжают иметь место даже после разъяснений, и нижестоящим судам требуется дополнительное руководство. Причины подобных расхождений кроются, вероятно, в новизне административного судопроизводства и недостатке практики его применения в земельной сфере, а также в объективной сложности многих земельных споров, где переплетаются частные и публичные интересы.

Отдельного внимания заслуживают предлагаемые различными авторами пути решения выявленных проблем. Некоторые исследования делают упор на совершенствовании законодательства. Так, по итогам анализа спорных ситуаций с выкупом арендуемых земель и с объектами незавершенного строительства, высказывается предложение внести точечные изменения в Земельный кодекс РФ. Речь идет о более четком определении оснований и условий предоставления земельных участков без торгов, что устранило бы пробелы и снизило бы количество судебных споров по этим поводам. Другие авторы указывают на необходимость улучшения правоприменительных механизмов. В частности, было предложено внедрить систему дистанционного мониторинга использования земельных участков с использованием современных технологий. По мнению исследователей, это позволило бы органам земельного надзора своевременно выявлять нарушения (например, нецелевое использование или самовольное строительство) и принимать меры еще до того, как конфликт перерастет в судебный спор. Наше исследование поддерживает данные предложения: профилактика правонарушений на земле посредством надзора и повышение правовой информированности граждан могут существенно сократить число споров, а восполнение пробелов в законодательстве обеспечит более единообразное толкование норм. Различия в подходах авторов к проблеме в значительной степени обусловлены сложностью земельных споров, и эффективное улучшение ситуации требует мер, учитывающих как совершенствование правовых норм, так и развитие институтов правоприменения.

Заключение

Проведенное исследование позволило выявить комплекс проблемных аспектов, присущих рассмотрению споров по земельным участкам в России, и выработать научно обоснованные выводы. Во-первых, установлено, что отсутствие в законодательстве четкого определения и концептуальных границ понятия «земельный спор» затрудняет квалификацию дел и выбор процесса их рассмотрения. Земельные споры по своей природе выходят за рамки сугубо гражданско-правовых конфликтов, охватывая и публично-правовые элементы, что требует особого внимания законодателя при формулировании норм.

¹ Куемжиева Е. Г., Пастухов М.М. К вопросу о понятии «земельный спор» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 6. – С. 84–86.

² Тоточенко Д. А. О соотношении понятий «земельный спор» и «имущественный спор, возникающий из земельных отношений» // Имущественные отношения в РФ. – 2017. – № 11 (194). – С. 88–92.

³ Фролов С. А. К вопросу о понятии и причинах возникновения земельных споров // Символ науки. – 2017. – № 10. – С. 60–63.

⁴ Симонова А. А., Власенко Т.В. Причины возникновения и порядок рассмотрения земельных споров // Экономика и экология территориальных образований. – 2016. – № 1. – С. 50–54.

Во-вторых, подтверждено, что действующая нормативная правовая база содержит пробелы и внутренние противоречия (например, в вопросах приватизации арендуемых земель, статуса объектов незавершенного строительства, порядка изъятия участков и др.), которые провоцируют возникновение споров и ведут к разнонаправленной судебной практике.

В-третьих, выявлено, что судебная практика по земельным делам в последние годы характеризуется неоднородностью: разные суды и судьи порой принимают противоположные решения по сходным вопросам, особенно при разграничении компетенции между гражданским и административным процессом. Данная проблема носит системный характер и отрицательно влияет на реализацию прав граждан, создавая ситуацию правовой неопределенности.

В-четвертых, установлено, что наряду с объективными законодательными проблемами существенную роль играют субъективные факторы – нарушения земельного законодательства со стороны правообладателей, недостатки государственного надзора, низкий уровень правовой культуры. Эти факторы не только приводят к многочисленным спорам, но и осложняют их разрешение по существу.

К основным выводам практического характера относится осознание необходимости совершенствовать как законодательство, так и правоприменительную деятельность в сфере земельных отношений. На законодательном уровне целесообразно устранить выявленные пробелы: обеспечить нормативное определение земельного спора, уточнить спорные положения Земельного кодекса РФ (в частности, относительно условий выкупа земель без торгов и других процедур, породивших неоднозначную практику), а также более четко разграничить подсудность гражданских и административных дел, вытекающих из земельных правоотношений.

Не менее важно активизировать разъяснительную работу высших судебных органов: дополнительные постановления Пленума Верховного Суда РФ по проблемным вопросам (например, о разграничении юрисдикции или о применении норм Земельного кодекса) помогли бы снизить разброс судебных позиций. В сфере правоприменения необходимо укреплять систему земельного надзора и превентивного контроля. Внедрение современных средств дистанционного мониторинга использования земель, как показывают предложения специалистов, способно существенно уменьшить число нарушений, а следовательно, и споров. Также важно повышение информированности и ответственности правообладателей: просветительские меры и консультационная поддержка собственников земли помогут предотвращать конфликты на ранней стадии.

Исследование подчеркнуло, что решение проблем, возникающих при рассмотрении земельных споров, требует комплексного подхода. Реа-

лизация предложенных мер будет способствовать формированию единообразной судебной практики, сокращению продолжительности и количества земельных тяжб, более эффективной защите прав на землю и законных интересов всех участников.

С научной точки зрения, полученные результаты углубляют понимание специфики земельных споров и могут послужить основой для дальнейших исследований в области земельного и процессуального права. С практической точки зрения, выводы и рекомендации работы имеют значение для правоприменения: они адресуют проблемные точки судебной практики и законодательства, и их учет законодателем и судами позволит обеспечить более справедливое, последовательное и результативное разрешение споров по земельным участкам в Российской Федерации.

Литература

1. 2018 ГПК или КАС: почему суды ошибаются в подсудности // Право.ру. – URL: <https://pravo.ru/story/200551/> (дата обращения: 24.03.2025).
2. Бирюкова Е.А. Проблемы и особенности защиты земельных прав граждан // Научные записки молодых исследователей. – 2023. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-osobennosti-zaschity-zemelnyh-prav-grazhdan> (дата обращения: 24.03.2025).
3. Симонова А. А., Власенко Т.В. Причины возникновения и порядок рассмотрения земельных споров // Экономика и экология территориальных образований. – 2016. – № 1. – С. 50–54.
4. Зазий А. А., Киселева К.Э. Актуальные проблемы разрешения земельных споров // Эпомен. – 2021. – № 63. – С. 90–99. – EDN EKOBYZ.
5. Кириченко Ю.Н. Проблемы правового регулирования споров, связанных с предоставлением права выкупа арендаторам земельных участков из числа земель сельскохозяйственного назначения // Интеллектуальный потенциал XXI века: ступени познания. – 2016. – № 31. – С. 125–129.
6. Коротин А. С., Романов В.М. Особенности возникновения споров о земле и механизмы разрешения земельных споров // Административное и муниципальное право. – 2021. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vozniknoveniya-sporov-o-zemle-i-mehanizmy-razresheniya-zemelnyh-sporov> (дата обращения: 24.03.2025).
7. Куемжиева Е. Г., Пастухов М.М. К вопросу о понятии «земельный спор» // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2019. – № 6. – С. 84–86.
8. Тоточенко Д. А. О соотношении понятий «земельный спор» и «имущественный спор, возникающий из земельных отношений» // Имущественные отношения в РФ. – 2017. – № 11 (194). – С. 88–92.

9. Умеренко Ю.А. Споры о приобретении в собственность земельных участков под зданиями, сооружениями // Имущественные отношения в РФ. – 2016. – № 12 (183). – С. 82–95.
10. Фролов С. А. К вопросу о понятии и причинах возникновения земельных споров // Символ науки. – 2017. – № 10. – С. 60–63.

PROBLEMATIC ASPECTS THAT ARISE DURING CONSIDERATION OF DISPUTES ON LAND PLOTS, IN CIVIL AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Kostin I.A., Elistratov V.N.

Saint Petersburg State University of Architecture and Civil Engineering

The article examines problematic issues of judicial consideration of land disputes in Russia with an emphasis on the difficulties caused by the imperfection of the regulatory framework, ambiguity of law enforcement practice and the intersectoral nature of land legal relations. A detailed analysis of the lack of an official definition of the term "land dispute" is carried out, the consequences of this gap for the classification of cases and the delimitation of competence between civil and administrative proceedings are considered. Examples of specific court cases are used to identify the causes of contradictions in the practice of applying the Land Code of the Russian Federation and the Code of Administrative Procedure of the Russian Federation, and the impact of gaps in legislation on the emergence and prolongation of judicial conflicts is considered. Much attention is paid to the role of subjective factors – illegal actions of participants in land legal relations, low legal awareness of citizens and insufficient effectiveness of state land supervision. The author has formulated proposals for improving legislative regulation and law enforcement mechanisms aimed at eliminating the identified problems, increasing the effectiveness of judicial protection and ensuring the unity of judicial practice.

Keywords: land disputes, land legislation, judicial practice, delimitation of jurisdiction, civil proceedings, administrative proceedings, gaps in legislation, land supervision.

References

1. 2018 Code of Civil Procedure or Code of Administrative Procedure: Why Courts Make Mistakes in Jurisdiction // *Pravo.ru*. – URL: <https://pravo.ru/story/200551/> (date of access: 24.03.2025).
2. Biryukova E.A. Problems and Features of Protecting Citizens' Land Rights // *Scientific Notes of Young Researchers*. – 2023. – No. 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problemy-i-osobennosti-zaschity-zemelnyh-prav-grazhdan> (date of access: 24.03.2025).
3. Simonova A. A., Vlasenko T.V. Causes of Occurrence and Procedure for Considering Land Disputes // *Economy and Ecology of Territorial Entities*. – 2016. – No. 1. – P. 50–54.
4. Zazy A. A., Kiseleva K.E. Actual problems of resolving land disputes // *Epomen*. – 2021. – No. 63. – P. 90–99. – EDN EKOBYZ.
5. Kirichenko Yu.N. Problems of legal regulation of disputes related to the granting of the right to redeem to tenants of agricultural land plots // *Intellectual potential of the 21st century: stages of cognition*. – 2016. – No. 31. – P. 125–129.
6. Korotin A. S., Romanov V.M. Features of the emergence of disputes over land and mechanisms for resolving land disputes // *Administrative and municipal law*. – 2021. – No. 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-vozniknoveniya-sporov-o-zemle-i-mehanizmy-razresheniya-zemelnyh-sporov> (date of access: 24.03.2025).
7. Kuemzhieva E. G., Pastukhov M.M. On the issue of the concept of "land dispute" // *Humanitarian, socio-economic and social sciences*. – 2019. – No. 6. – P. 84–86.
8. Totochenko D.A. On the relationship between the concepts of "land dispute" and "property dispute arising from land relations" // *Property relations in the Russian Federation*. – 2017. – No. 11 (194). – P. 88–92.
9. Umerenko Yu.A. Disputes on the acquisition of land plots under buildings and structures // *Property relations in the Russian Federation*. – 2016. – No. 12 (183). – P. 82–95.
10. Frolov S.A. On the issue of the concept and causes of land disputes // *Symbol of science*. – 2017. – No. 10. – P. 60–63.

Деятельность ФАС России по противодействию недобросовестной конкуренции на цифровых рынках

Лимонов Павел Владимирович,

аспирант отдела административного законодательства и процесса Института законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ
E-mail: limonov.pv@yandex.ru

Вопрос правового регулирования функционирования цифровых платформ, и, в частности, маркетплейсов, является одним из наиболее актуальных в сфере антимонопольного регулирования, что объясняется принятием целого ряда правовых актов и иных документов, направленных на создание правовой основы при взаимодействии с подобными агрегаторами. В результате анализа состояния конкуренции, проведенного ФАС России, в 2024 году был отмечен семикратный рост товарооборота на маркетплейсах по сравнению с 2021 годом (с 167 млрд рублей до 1,214 трлн рублей), равно как и количество предпринимателей, реализующих продукцию посредством агрегаторов – со 100 тысяч до 700 тысяч организаций. Последний из приведенных показателей свидетельствует, с одной стороны, о благоприятном воздействии на развитие малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации. Опираясь на данное обстоятельство, С.А. Пузыревский обосновывает необходимость «осторожного» обращения антимонопольных органов с агрегаторами¹.

Ретроспективный характер противодействия недобросовестной конкуренции на цифровых рынках не способен в полной мере отвечать предъявляемым требованиям эффективности². Как отмечено руководителем ФАС России – М.А. Шаскольским, особое значение следует придать развитию механизма саморегулирования агрегаторами коммерческой деятельности, осуществляемой на их цифровых платформах, что является примером политики «осторожного» взаимодействия с цифровыми платформами³.

Ключевые слова: недобросовестная конкуренция; цифровой рынок; маркетплейс; саморегулирование; контрафактная продукция; ФАС России.

Условия цифровой трансформации предопределили необходимость модернизации существующей системы административного законодательства и более обширного внедрения практики «разумного дерегулирования» рынка⁴. Работа ФАС России по совершенствованию антимонопольного регулирования в области обеспечения добросовестной конкуренции позволяет сделать вывод о наличии фактической тенденции к внедрению механизмов саморегулирования, содержащих правила и рекомендации вместо жестких запретов и предписаний. В то же время, ФАС России получает возможность для вмешательства в разработку положений, регулирующих отношения между агрегаторами, продавцами и покупателями, что в конечном итоге должно сбалансировать интересы сторон и не допустить возможность злоупотреблений со стороны владельцев цифровых платформ.

Воплощением так называемого «осторожного» подхода стало утверждение Принципов взаимодействия участников цифровых рынков, разработанных ФАС России при участии Ассоциации компаний интернет-торговли (АКИТ) и агрегаторов цифровых платформ⁵. Базовыми принципами были очерчены рамки разумного и добросовестного поведения цифровых платформ, определен ряд практик, следование которым рассматривается в качестве противоречащих как Закону о защите конкуренции, так и Закону о защите прав потребителей, Закону о рекламе и Закону об информации, информационных технологиях и защиты информации. В качестве вариантов недобросовестных практик были определены следующие.

1. Манипулирующий характер размещения той или иной информации, с целью побуждения пользователей на совершение действий, которых они не имели намерения совершать, что направлено на достижение собственной выгоды либо выгоды третьих лиц.

2. Навязывание продуктов, напрямую не относящихся к деятельности платформы, отказ от которых способен повлечь ущерб для пользователей.

¹ Замглавы ФАС: цели прийти и обязательно найти у маркетплейсов нарушения у нас нет // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fas.gov.ru/> (дата обращения: 16.06.2025).

² Арутюнян А.А., Бербенёва А.Д. Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ // Цифровое право. 2022. N 3(3).

³ ФАС подписала с IT-компаниями меморандум о принципах работы на цифровых рынках // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/02/17/fas-podpisala-s-it-kompaniiami-memorandum-o-principah-raboty-na-cifrovyyh-rynках.html> (дата обращения: 16.06.2025)

⁴ Абакирова А.М., Абдыраев М.А., Василевич Г.А. и др. Модернизация административного законодательства (цели, задачи, принципы и актуальные направления): монография / отв. ред. А.Ф. Ноздрачев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2018. – С. 96.

⁵ Принципы взаимодействия участников цифровых рынков (утв. Протоколом заседания Экспертного совета при ФАС России по развитию конкуренции в области информационных технологий 22.09.2021 г.) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fas.gov.ru/> (дата обращения: 16.05.2025).

3. Предоставление преимуществ собственным сервисам на смежных товарных рынках, в частности, в рамках экосистемы, которые способны привести к ограничению конкуренции на этих рынках. Ярким примером подобной деятельности стало так называемое дело о «колдунщиках», в рамках которого ФАС России было выдано предупреждение в отношении компании Яндекс, которая предоставляла в своей поисковой системе преимущества для собственных сервисов, что по мнению заявителей (в числе которых были онлайн-сервисы ivi, Avito, ЦИАН, «Профи.ру», «Туту.ру», Drom.ru и 2ГИС) является злоупотреблением доминирующим положением и ограничивающим конкуренцию на цифровом рынке¹. Несмотря на то, что итогом разбирательства стало заключение мирового соглашения, компании «Яндекс» пришлось выплатить 1,5 млрд рублей в некоммерческую организацию «Российский фонд развития информационных технологий», являющегося оператором господдержки разработки и внедрения цифровых решений в РФ².

4. Безосновательное введение ограничений поведения пользователей.

5. Отсутствие чётких формулировок прав цифровой платформы в договорах с пользователями, в том числе, относительно блокирования или введения ограничений применительно к пользователям.

Из приведенного перечня явно следует, что закрепление данных положений направлено на воспрепятствование практике «агрессивного маркетинга», который может проявляться как в форме злоупотребления доминирующим положением, так и в виде акта недобросовестной конкуренции, когда признаки доминирующего положения отсутствуют.

Кроме того, создание Базовых принципов стало фундаментом для дальнейшей разработки нормативно-правовой основы деятельности цифровых рынков, с опорой на сотрудничество с представителями цифровых платформ. Что позволило на практике учесть как публичные, так и частные интересы, а также обеспечить «деликатное» вмешательство антимонопольного органа в деятельность цифровых платформ в целях сдерживания монополизации рынка. Надлежит сделать ремарку о том, что понятие «сдерживание» в данном контексте предполагается более подходящим, нежели «противодействие» или «предотвращение». Как уже отмечалось ранее, по определению цифровые платформы, а в особенности цифровые экосистемы, предоставляющие возможность взаимодействия продавцов и покупателей, заведомо наделены большим объёмом прав, что ставит их выше других участников рынка. Тем самым, сложившееся положение доминирования цифровых

платформ представляется возможным лишь сдерживать, нежели исключить, поскольку последний вариант потребовал бы полного переосмысления и переориентации бизнес-модели, что в настоящий момент является маловероятным. В том числе, это обосновано признаваемым ФАС России фактом благоприятного влияния деятельности цифровых платформ на развитие малого и среднего бизнеса (с учётом текущего положения цифровых платформ на рынке).

Базовые принципы ориентированы на предотвращение недобросовестной конкуренции со стороны цифровых платформ. Что касается недобросовестных действий пользователей цифровых платформ, то в данном направлении ФАС России также ведёт активную работу, в частности, по созданию эффективного механизма предотвращения реализации контрафактной продукции. Поскольку данная практика приобрела массовый характер с ростом популярности маркетплейсов.

Реализация контрафактной продукции сама по себе не является новеллой для системы российского права, однако, с внедрением цифровых технологий и осуществления сделок посредством использования маркетплейсов, она приобрела качественно новые формы, изучению и выявлению которых ФАС России уделяет немало внимания, консолидируя в данной деятельности не только усилия своих подразделений, но и сами маркетплейсы, а также некоммерческие организации и ассоциации. Данный подход способствует созданию «мягкого» права, механизма, призванного стать эффективным регулятором поддержания добросовестной конкуренции в условиях непрерывно изменяющихся общественных отношений на цифровых рынках.

Обоснованно обратить внимание на то, что в указанном виде деяний ФАС России усматривает наличие признаков недобросовестной конкуренции. Данную позицию антимонопольного органа можно объяснить, обратившись к дефиниции контрафактной продукции, подразумевающей неправомерное использование средств индивидуализации третьих лиц или создание смешения в результате применения сходных обозначений, в чём явно прослеживается наличие признаков состава, предусмотренного ст. 14.6 Закона о защите конкуренции³.

Одним из результатов подобного взаимодействия стала разработка свода Добросовестных практик по взаимодействию маркетплейсов с правообладателями и продавцами в рамках предотвращения реализации контрафактной продукции, вступивший в силу 17 июля 2023 г. (далее – Практики, Добросовестные практики)⁴. Данный доку-

¹ ФАС обязала «Яндекс» прекратить давать своим сервисам преимущества в поисковой выдаче // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fas.gov.ru/> (дата обращения: 13.05.2025).

² ФАС прекратила дело о «колдунщиках» в отношении Яндекса // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fas.gov.ru/> (дата обращения: 13.05.2025).

³ Распоряжение Правительства РФ от 06.02.2021 N 256-р <Об утверждении Стратегии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в Российской Федерации на период до 2025 года> // «Собрание законодательства РФ», 22.02.2021, N 8 (часть II), ст. 1381

⁴ «Добросовестные практики по взаимодействию маркетплейсов с правообладателями и продавцами в рамках предотвращения реализации контрафактной продукции»

мент был разработан Ассоциацией «Некоммерческое партнерство «Организация корпоративных юристов России» (далее – ОКЮР) при участии ФАС России, а также Яндекс, OZON, Wildberries, Нестле, Алиэкспресс Россия и ряда других правообладателей. Примечательным для Практик аспектом является наличие сформулированного определения маркетплейса, которое по своей сути представляется расширенной версией понятия цифровой платформы, содержащегося в ч. 4.1 Закона о защите конкуренции. Иными словами, это платформа для онлайн-взаимодействия (программное обеспечение или сайт в сети «Интернет»), предназначенная для обеспечения возможности ознакомления потребителей с офертами продавца, заключения сделок и организации доставки товара.

Настоящий документ обладает прикладным характером и закрепляет перечень так называемых «Красных флажков» – определённых признаков товара или продавца, которые могут свидетельствовать о вероятном неоригинальном (поддельном) качестве той или иной продукции. При этом, в Практиках предложен перечень подобных признаков (носящий рекомендательный характер), который может быть применён частично или расширен по усмотрению маркетплейса. В качестве таковых определены: подозрительно низкая цена на товар, наличие негативных отзывов о качестве, подозрительное наименование продукции в карточке товара, низкий рейтинг и иные.

Практиками были закреплены формулировки новых категорий недобросовестных действий, что несомненно заслуживает особого внимания. Поскольку данные составы связаны с реализацией контрафактной продукции, то превалирующим для них является формирование ложного представления покупателя о причастности продукции или продавца к бренду правообладателя, что также, как правило, сопряжено с более низкой стоимостью, выгодно выделяющей на фоне конкурентов. Таким образом, продукция или продавец получают необоснованные преимущества перед другими участниками соответствующего рынка, поскольку осведомленность потенциальных потребителей о действительном качестве товара или о продавце можно считать достаточными для того, чтобы отказаться от покупки. В качестве таких действий Практиками определены: «пересортица», создание видимости причастности к бренду, некорректное сравнение состава или характеристик заведомо неоригинальной продукции с оригинальной.

Для выявления приведенных недобросовестных действий Практиками рекомендовано применение трёх методов: контрольная закупка товара подозрительного качества, проведение экспертизы и сравнительный анализ с заведомо оригинальной продукцией.

По данным на конец первого квартала 2024 года, после подписания Практик на маркетплейсах было заблокировано более 4 миллионов карточек

товаров, что свидетельствует, во-первых, о наполненности цифрового рынка значительным объёмом контрафактной продукции, и, во-вторых, о том, что Практики стали действительно эффективным инструментом противодействия.

Так или иначе, на Добросовестных практиках работа ФАС России и ОКЮР по созданию инструментария для противодействия реализации контрафактной продукции не остановилась. Данный документ лег в основу проекта «Белой книги» по взаимодействию маркетплейсов с правообладателями и продавцами в рамках предотвращения реализации контрафактного товара на платформах маркетплейсов, представленного в 2024 году¹. По своему содержанию «Белая книга» является логическим продолжением Добросовестных практик, использует сформированную в них терминологию и теоретические положения, и более подробно раскрывает алгоритм действий маркетплейсов, заявителей и продавцов.

Ключевым аспектом, общим и для Добросовестных практик, и для «Белой книги», представляется стремление к созданию эффективных инструментов оперативного реагирования на недобросовестные действия. Кроме того, получают должное оформление как теоретические положения, так и консолидируется база практик реализации контрафактной продукции.

Практика формирования белых и чёрных книг ФАС России была введена с 2014 года, однако, рассматриваемый проект «Белой книги» обладает отличительными особенностями по сравнению с уже принятыми документами. Первостепенно, он ориентирован на консолидацию практик относительно отдельной категории общественных отношений (связанных с противодействием реализации контрафактной продукции на маркетплейсах). Помимо этого, данный документ имеет весьма обширную теоретическую основу, раскрывающую содержание используемого категориального аппарата. Более того, развивая положения Добросовестных практик, в проекте «Белой книги», помимо существующих практик, приводятся возможные варианты ситуаций, появление которых предполагается в дальнейшем, что отвечает предъявляемому условиям цифровой трансформации требованию о наличии прогностической функции, что выгодно отличает их от обзоров практики ФАС России или Верховного суда Российской Федерации, являющихся документами ретроспективного толка². Поскольку формат документа позволяет объединять как теоретические, так и эмпирические данные, обосновано полагать, что данная форма правотворческой деятельности обладает весомым по-

¹ Проект «Белой книги» по взаимодействию маркетплейсов с правообладателями и продавцами в рамках предотвращения реализации контрафактного товара на платформах маркетплейсов. – Москва, 2024 год. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rcca.com.ru/> (дата обращения: 13.06.2025).

² Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. – С. 17.

тенциалом к систематизации знаний о конкретных подинститутах конкурентного права в рамках единого для каждого из них акта.

Литература

1. Федеральный закон от 26.07.2006 N 135-ФЗ (ред. от 14.10.2024) «О защите конкуренции» // «Российская газета», N 162, 27.07.2006.
2. Распоряжение Правительства РФ от 06.02.2021 N 256-р «Об утверждении Стратегии по противодействию незаконному обороту промышленной продукции в Российской Федерации на период до 2025 года» // «Собрание законодательства РФ», 22.02.2021, N 8 (часть II), ст. 1381
3. «Добросовестные практики по взаимодействию маркетплейсов с правообладателями и продавцами в рамках предотвращения реализации контрафактной продукции» от 17.07.2023 г. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rcca.com.ru/> (дата обращения: 13.06.2025).
4. Принципы взаимодействия участников цифровых рынков (утв. Протоколом заседания Экспертного совета при ФАС России по развитию конкуренции в области информационных технологий 22.09.2021 г.) // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fas.gov.ru/> (дата обращения: 16.05.2025).
5. Абакирова А.М., Абдыраев М.А., Василевич Г.А. и др. Модернизация административного законодательства (цели, задачи, принципы и актуальные направления): монография / отв.ред. А.Ф. Ноздрачев. – М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2018. – С. 96.
6. Арутюнян А.А., Бербенёва А.Д. Эволюция антимонопольного регулирования цифровых платформ // Цифровое право. 2022. N 3(3).
7. Пашенцев Д.А., Залоило М.В. Язык правотворчества в условиях цифровизации общественных отношений. М.: Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации: ИНФРА-М, 2019. – С. 17.
8. Замглавы ФАС: цели прийти и обязательно найти у маркетплейсов нарушения у нас нет // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fas.gov.ru/> (дата обращения: 16.06.2025).
9. Проект «Белой книги» по взаимодействию маркетплейсов с правообладателями и продавцами в рамках предотвращения реализации контрафактного товара на платформах маркетплейсов. – Москва, 2024 год. // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.rcca.com.ru/> (дата обращения: 13.06.2025).
10. ФАС обязала «Яндекс» прекратить давать своим сервисам преимущества в поисковой выдаче // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fas.gov.ru/> (дата обращения: 13.05.2025).

11. ФАС подписала с IT-компаниями меморандум о принципах работы на цифровых рынках // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://rg.ru/2022/02/17/fas-podpisala-s-it-kompaniiami-memorandum-o-principah-raboty-na-cifrovyyh-rynках.html> (дата обращения: 16.06.2025).
12. ФАС прекратила дело о «колдунщиках» в отношении Яндекса // [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://fas.gov.ru/> (дата обращения: 13.05.2025).

ACTIVITIES OF THE FEDERAL ANTIMONOPOLY SERVICE OF RUSSIA IN COUNTERING UNFAIR COMPETITION IN DIGITAL MARKETS

Limonov P.V.

Institute of Legislation and Comparative Law under the Government of the Russian Federation

The issue of legal regulation of the functioning of digital platforms, and, in particular, marketplaces, is one of the most relevant in the field of antimonopoly regulation, which is explained by the adoption of a number of legal acts and other documents aimed at creating a legal framework for interaction with such aggregators. As a result of the analysis of the state of competition conducted by the FAS of Russia, in 2024 there was a sevenfold increase in turnover on marketplaces compared to 2021 (from 167 billion rubles to 1.214 trillion rubles), as well as the number of entrepreneurs selling products through aggregators – from 100,000 to 700,000 organizations. The last of these indicators indicates, on the one hand, a positive impact on the development of small and medium-sized enterprises in the Russian Federation. Based on this circumstance, S.A. Puzyrevsky justifies the need for “careful” treatment of aggregators by antimonopoly authorities.

The retrospective nature of countering unfair competition in digital markets is not able to fully meet the required efficiency requirements. As noted by the head of the FAS of Russia, M.A. Shaskolsky, special importance should be given to the development of a mechanism for self-regulation by aggregators of commercial activities carried out on their digital platforms, which is an example of a policy of “cautious” interaction with digital platforms.

Keywords: unfair competition; digital market; marketplace; self-regulation; counterfeit products; FAS of Russia.

References

1. Federal'nyy zakon ot 26.07.2006 N 135-FZ (ed. of 14.10.2024) “O zashchite konkurentsii” [Federal Law of 26.07.2006 N 135-FZ (ed. of ред. от 14.10.2024) “On Protection of Competition”] // “Rossiyskaya Gazeta”, N 162, 27.07.2006.
2. Rasporyazhenie Pravitel'stva RF ot 06.02.2021 N 256-r «Ob utverzhdenii Strategii po protivodeystviyu nezakonnomu oborotu promyshlennoy produktsii v Rossiyskoy Federatsii na period do 2025 goda» [Decree of the Government of the Russian Federation dated 02/06/2021 N 256-r «On approval of the Strategy for Combating Illicit Trafficking in Industrial Products in the Russian Federation for the period up to 2025»] // “Sobranie zakonodatel'stva RF”, 22.02.2021, N 8 (chast' II), st. 1381.
3. “Dobrosovestnye praktiki po vzaimodeystviyu marketpleysov s pravoobladatelyami i prodavtsami v ramkah predotvrashcheniya realizatsii kontrafaktnoy produktsii” ot 17.07.2023 g. [“Faithful practices in the interaction of marketplaces with copyright holders and sellers in the framework of preventing the sale of counterfeit products” dated 07/17/2023] // Available at: <https://www.rcca.com.ru>.
4. Printsipy vzaimodeystviya uchastnikov tsifrovyyh rynkov (utv. Protokolom zasedaniya Ekspertnogo soveta pri FAS Rossii po razvitiyu konkurentsii v oblasti informatsionnykh tekhnologiy 22.09.2021 g.) [Principles of interaction of participants in digital markets (approved by Minutes of the meeting of the Expert Council under the FAS of Russia on the development of competition in the field of information technology on 22.09.2021)] // Available at: <https://fas.gov.ru>.
5. Abakirova A.M., Abdyaev M.A., Vasilevich G.A. i dr. Modernizatsiya administrativnogo zakonodatel'stva (tseli, zadachi,

- printsipy i aktual'nye napravleniya): monografiya / otv.red. A.F. Nozdrachev. – M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii: INFRA-M, 2018. – S. 96.
6. Arutyunyan A.A., Berbenyova A.D. Evolyutsiya antimonopol'nogo regulirovaniya tsifrovyyh platform // Tsifrovoe pravo. 2022. N 3(3).
 7. Pashentsev D.A., Zaloilo M.V. Yazyk pravotvorchestva v usloviyah tsifrovizatsii obshchestvennyh otnosheniy. M.: Institut zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya pri Pravitel'stve Rossiyskoy Federatsii: INFRA-M, 2019. – S. 17.
 8. Zamglavy FAS: tseli priyti i obyazatel'no nayti u marketpleysov narusheniya u nas net // Available at: <https://fas.gov.ru/>.
 9. Proekt «Beloy knigi» po vzaimodeystviyu marketpleysov s pravoobladatelyami i prodavtsami v ramkah predotvrashcheniya realizatsii kontrafaktnogo tovara na platformah marketpleysov. – Moskva, 2024 god. // Available at: <https://www.rcca.com.ru/>.
 10. FAS obyazala «Yandeks» prekratit' davat' svoim servisam preimushchestva v poiskovoy vydache // Available at: <https://fas.gov.ru/>.
 11. FAS podpisala s IT-kompaniyami memorandum o printsipah raboty na tsifrovyyh rynkah // [Elektronniy resurs]. // Available at: <https://rg.ru/2022/02/17/fas-podpisala-s-it-kompaniiami-memorandum-o-principah-raboty-na-cifrovyyh-rynках.html>.
 12. FAS prekratila delo o «koldunshchikah» v otnoshenii Yandeksa // Available at: <https://fas.gov.ru/>.

Роль органов внутренних дел в обеспечении прав и законных интересов граждан Российской Федерации

Кузякин Юрий Петрович,

доктор юридических наук, профессор Высшей школы
государственного аудита МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: kuziak49@mail.ru

Мухин Алексей Игоревич,

аспирант, МГУ имени М.В. Ломоносова
E-mail: 3893958@mail.ru

Основная цель данной статьи проанализировать теоретико-правовые аспекты роли органов внутренних дел в защите национальных интересов россиян. *Материалы и методы научного исследования.* Материалами исследования является действующее нормативно-правовое акты в исследуемой сфере. В данной работе использовались различные методы научного познания, в том числе: исторический, сравнительно-правовой, анализ, синтез, логический, индукции, дедукции и другие. *Обсуждение результатов.* На данный момент органы внутренних дел осуществляют свои полномочия в трех основных направлениях: «профилактическое», «охранительное» и «восстановительное». Данное направление образует единую систему административных мер, требующих специального правового регулирования. Целью такой системы является обеспечение правовой защищенности граждан. *Заключение (выводы).* Органы внутренних дел Российской Федерации выполняют ключевую роль в обеспечении национальных интересов граждан, а вследствие и страны. Эта роль реализуется не через приоритет силы, а через соблюдение и защиту прав и свобод человека – как главной ценности провозглашенной Основным законом страны.

Ключевые слова: национальные интересы, органы внутренних дел, охрана, граждане, права и свободы, правовая защищенность, ценности.

В условиях современных вызовов стабильность и защита национальных интересов России приобретает комплексный характер. Одной из основных составляющих этой защиты является деятельность органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ОВД РФ), направленная не только на поддержание общественного порядка, но и на борьбу с преступностью, обеспечением соблюдения и реализации конституционных прав и свобод граждан. Именно с этой точки зрения формируется основополагающий вектор государственной политики по обеспечению национальной безопасности, а в следствии и защите интересов граждан.

Статьей 2 Конституции Российской Федерации [1] человек признается высшей ценностью – признание, соблюдение и защита его прав и законных интересов граждан является обязанностью государства в лице всех его органов публичной власти как государственных, так и муниципальных включая органы внутренних дел и их должностных лиц. В этом контексте именно они являются органом, реализующим государственную политику по охране конституционного строя, поддержании правопорядка и защите граждан от внутренних угроз.

Реальное обеспечение правовых гарантий, закрепленных в Основном законе, в значительной степени зависит от того насколько эффективно ОВД РФ реализуют возложенные на них обязанности: от предотвращения правонарушений до защиты законных интересов граждан. При этом критически важным становится не только уровень профессионализма сотрудников, но и их неукоснительное следование принципам законности, справедливости и соразмерности. Именно эти составляющие определяют отношение граждан к органам внутренних дел.

В данном контексте особенно актуальным является вопрос о постоянном развитии правоохранительной системы. Речь идет о необходимости повышения правовой и профессиональной подготовки сотрудников, внедрения эффективных форм ведомственного и общественного контроля, а также обеспечение прозрачности и гласности во всех действиях органов правопорядка. Только при выполнении всего из вышеперечисленного возможно полноценное воплощение в жизнь конституционных прав и свобод человека и гражданина в современной России.

Федеральное собрание Российской Федерации, представляющее законодательную власть, реализует принцип верховенства прав личности через принятие нормативных актов, закладывающих прочный правовой фундамент деятельности

полиции. Основным документом в данном аспекте является Федеральный закон от 07.02.2011 г. № 3 – ФЗ «О полиции» [2] (далее – Закон). Уже в преамбуле и в первой статье этого закона в качестве приоритета закреплена защита личности. Это не просто формальность на данном принципе построена вся концепция закона, что ознаменовало значительный сдвиг в правовом мышлении.

Министерство внутренних дел как исполнительный орган публичной власти обеспечивает перевод правовой нормы из доктринальной в практическую плоскость. Реализация правовых принципов происходит на трех уровнях. Во-первых, на нормативном: МВД России принимает подзаконные нормативно правовые акты, содействующие исполнению законов, непосредственно их выполняет, разрабатывает приказы, инструкции и другие подзаконные акты, регулирующие работу полицейских. Так, статья 2 закона возлагает на полицию обязанность по обеспечению безопасности жизни и здоровья, а также защите прав и свобод граждан от любых противоправных посягательств. Эта функция конкретизируется через административные регламенты как регламентирующих внутреннюю работу, так и практическую деятельность сотрудников.

На прикладном, то есть втором уровне. Необходимо обратить внимание на статью 12, который декларирует в качестве основных задач предотвращение преступлений и административных правонарушений. Это включает в себя четко прописанные процедуры начиная от проверок до применения мер по пресечению и фиксации факторов правонарушения. Особое внимание уделено принципу соразмерности при использовании физической силы, спецсредств и оружия это закреплено в статьях с 18 по 23 закона, что служит балансом между задачами по охране порядка и соблюдением принципов гуманизма.

Не менее важной по своему смыслу является статья 5 устанавливающая недопустимость пыток жестокого обращения – данные положения также находят свое последовательное развитие и в подзаконных актах, регламентирующих порядок задержания, содержания в изоляторах и проведения иных процессуальных мероприятий. Для контроля за действиями сотрудников предусмотрены различные формы надзора включая как прокурорский, так и внутриведомственный.

Еще одним из приоритетных направлений деятельности ОВД РФ является особое внимание к уязвимым категориям населения. Исходя из статьи 7 несовершеннолетние, инвалиды и иные социально незащищенные группы получают дополнительные гарантии. Эти положения раскрываются в специальных инструкциях, например особенности опросов таких лиц оказание им необходимой помощи или защиту от вторичной «виктимизации».

Кроме прямой защиты закон возлагает на полицию и профилактические функции. Вторая статья указывает на обязанность выявлять причины и условия, способствующие совершению правонарушений. Это реализуется через разработку про-

филактических мер взаимодействия с общественностью, школами, вузами и другими социальными институтами, что также закрепляется в нормативных документах Министерства внутренних дел Российской Федерации (далее – Министерство).

В условиях современной российской правовой действительности деятельности органов внутренних дел претерпевает значительную трансформацию: фокус постепенно смещается от превентивного подхода к модели, ориентированной на предоставление услуг населению. Такой переход обусловлен положением Конституции Российской Федерации, провозглашающим права и свободы человека высшей ценностью. Это обстоятельство требует пересмотра устоявшихся представлений о функциях полиции и иных структурных подразделениях системы Министерства.

Современное понимание административной функции органов строится на признании ее как совокупности взаимосвязанных мер, направленных не только на охрану правопорядка, но и создание условий благоприятных для реализации общественных интересов. На сегодняшний день возможным является выделение трех основных направлений деятельности: «профилактическое», «охранительное» и «восстановительное». Данные направления образуют единую систему административных мер, требующих специального правового регулирования и высокого уровня компетенции кадров. Целью такой системы является обеспечение правовой защищенности граждан на всех этапах их взаимодействия с государством.

Не менее значимой является роль органов исполнительной власти, включая органы внутренних дел в реализации административно-правового статуса личности. Конституция России, а также акты законодательной и представительной власти формируют содержание этого статуса. Однако именно на уровнях исполнительных и муниципальных органов осуществляется практическое наполнение прав и обязанностей граждан. Это может проявляться в следующем, например принятие нормативно-правового акта, напрямую влияет на статус гражданина (например, при поступлении в образовательное учреждение) или же оказание помощи гражданам в реализации их прав особенно в сфере социальной защиты.

В рамках реализации политики по обеспечению национальных интересов России органы внутренних дел учувствуют и в нормотворческой деятельности что, в частности, оказывает влияние и на правовое положение граждан. Речь идет как о разработке новых правовых норм, так и о корректировке устаревших. Эти нормы в свою очередь охватывают огромный спектр вопросов начиная от вопросов национальной безопасности заканчивая защитой прав личности.

Правовые акты, принимаемые Министерством, представляя собой разветвленную структуру, включающую в себя как федеральные законы, так и ведомственные регламенты приказы и инструкции. Они регламентируют ключевые аспекты де-

тельности сотрудников и следственно влияют на права и свободы многонационального народа России.

Такие акты определяют взаимодействие граждан с правоохранительными органами включая в том числе и процедуры административного воздействия. Так в ведомственных документах устанавливаются условия и порядок применения мер административно принуждения от задержания до административных взысканий. Эти меры должны применяться строго в рамках закона и не нарушать установленные Основным законом права граждан.

Значительная часть правовых актов регулирует представление органами внутренних дел государственных услуг. В их числе и выдача удостоверений личности, регистрации по месту жительства, оформление справок о наличии или отсутствии судимости и другие. Каждый этап вышеуказанных процедур – от подачи документов до возможного обжалования – строго регламентирован, что обеспечивает сохранение баланса интересов между обществом и государством.

Нормотворческая деятельность Министерства несет в себе не только техническую, но и стратегическую функцию – оно является инструментом государственной политики в сфере безопасности и правопорядка, а вследствие и обеспечении национальных интересов России.

Повествуя о вопросах личной свободы, частной жизни и неприкосновенности личности в случае задержания, основанного на подозрении в совершении правонарушения, действия сотрудников должны соответствовать положениям процессуального законодательства, а также ведомственным инструкциям четко регламентирующие основания, сроки и условия данных действий. Эти нормативные документы обеспечивают практическую реализацию положений, закрепленных в Конституции России, а в частности статьи 22 гарантирующей свободу и неприкосновенность личности.

Современная деятельность органов внутренних дел в России все более четко ориентируется на защиту прав и интересов граждан. Это требует как совершенствования нормативной базы, так и высокого уровня правовой культуры сотрудников способных действовать строго в рамках закона одновременно эффективно обеспечивать безопасность и правопорядок.

В условиях быстрых социальных изменений главной задачей органов внутренних дел становится эффективное обеспечение национальной идентичности и одновременно защиты прав и свобод человека и гражданина. Конституционно закрепленное право на судебную защиту, а также обязанность государства признавать, соблюдать и охранять права граждан создают необходимость в постоянном совершенствовании системы защиты, реализуемой через правоохранительные органы. Это требует не только адаптации к быстро меняющимся социальным реалиям, но и повышения

действенности механизмов предотвращения нарушения прав и злоупотребления «буквой закона».

Еще одним из ключевых направлений модернизации является повышение квалификации и правового уровня сотрудников [3]. Недостаточная квалификация часто становится причиной нарушения прав. Поэтому особенно важно внедрять современные образовательные программы, уделяя особое внимание практическим навыкам – ведению переговоров, урегулированию конфликтных ситуаций, помощи пострадавших, а также глубокому пониманию конституционных гарантий. Эффективность таких знаний достигается не только через знание теории, но и посредством регулярных семинаров с участием профильных специалистов и представителей правозащитных организаций. Это позволит сформировать умение конструктивного взаимодействия с населением основываясь на уважении к правам личности.

Вместе с этим не мало важно совершенствование системы внутреннего контроля за соблюдением законности. Законом «О Полиции» заданы правовые ориентиры деятельности, однако их успешная реализация напрямую зависит от качества функционирования, а также ведомственного контроля. Для защиты граждан от неправомерных действий необходимо усилить работу подразделений собственной безопасности, внедрить действенные механизмы рассмотрения жалоб – объективные, всесторонние и оперативные. При этом важно не только проводить служебные проверки и привлекать виновных к дисциплинарной или иной ответственности, но при этом обеспечить гласность данных процессов.

Согласно 52 статье Закона «О полиции», каждый сотрудник несет персонифицированную ответственность за свои поступки и приказы. На практике же привлечение к ответственности осложняется недостаточной открытостью процедур и отсутствием независимых механизмов контроля. Решением этой проблемы может стать усиление ведомственного надзора, а также открытостью информации о рассмотрении жалоб граждан.

Одним из важных инструментов в этом направлении является развитие общественного контроля. Закон предусматривает создание общественных советов при территориальных органах МВД России, однако их полномочия ограничиваются лишь консультативной функцией. Для повышения эффективности контроля необходимо расширить их возможности – дать право проводить самостоятельные проверки, запрашивать информацию и участвовать в принятии решений по вопросам, касающимся деятельности полиции. Это позволит обеспечить независимую оценку работы правоохранительных органов и повысить уровень общественной безопасности.

Органы внутренних дел – это не только охранительный орган. Это в большей степени структурное звено системы государственной власти призванное обеспечить равновесие между правами и интересами общества. Именно через эту призму

реализуется сложный механизм защиты прав человека, общественного порядка и национальной безопасности.

В условиях, когда угрозы приобретают гибридный характер деятельность ОВД РФ, выходит за рамки традиционных представлений о правоохранительной функции. Она становится элементом стратегического планирования и реагирования на вызовы, затрагивающие целостность и устойчивость государства. Таким образом, для решения встающих перед данным органом задач существует часть 3 статьи 55 Конституции Российской Федерации прямо закрепляющий, что ограничение прав граждан допустимо только в той мере, в которой это необходимо для защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, безопасности страны. Именно органы внутренних дел на практике реализуют эти конституционные нормы принимая решения в конкретных правовых ситуациях. Поэтому особенно важным становится соблюдение принципа правовой определенности и недопустимости произвольных действий.

Подводя итог всему вышесказанному органы внутренних дел Российской Федерации выполняют ключевую роль в обеспечении национальных интересов граждан, а вследствие и страны. Эта роль реализуется не через приоритет силы, а через соблюдение и защиту прав и свобод человека – как главной ценности провозглашенной Основным законом страны. Их деятельность – это своеобразный баланс между необходимостью обеспечивать безопасность и неизбежность прав личности. В этом балансе – сила правового государства, общественная устойчивость и прочный фундамент национальной безопасности [4].

Литература

1. Конституция Российской Федерации [принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020]
2. Федеральный закон «О полиции» от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 7. Ст. 900.

3. Федеральный закон «О службе в органах внутренних дел Российской Федерации и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 30.11.2011 № 342-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2011. № 49. Ст. 7020.
4. Указ Президента РФ от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2021. № 27. Ст. 5351.

THE ROLE OF INTERNAL AFFAIRS BODIES IN ENSURING THE RIGHTS AND LEGITIMATE INTERESTS OF CITIZENS OF THE RUSSIAN FEDERATION

Kuzyakin Yu., Mukhin A.

Lomonosov Moscow State University

The main purpose of this article is to analyze the theoretical and legal aspects of the role of internal affairs bodies in protecting the national interests of Russians. *Materials and methods of scientific research.* The materials of the study are the current normative-legal acts in the investigated sphere. In this work used various methods of scientific knowledge, including: historical, comparative-legal, analysis, synthesis, logical, induction, deduction and others. *Discussion of the results.* At the moment, internal affairs bodies exercise their powers in three main directions: «preventive», «protective» and «restorative». These directions form a unified system of administrative measures that require special legal. The purpose of such a system is to ensure the legal protection of citizens. *Conclusion (conclusions).* The internal affairs bodies of the Russian Federation fulfill a key role in ensuring the national interests of citizens, and consequently of the country. This role is realized not through the priority of force, but through the observance and protection of human rights and freedoms – as the main value proclaimed by the Basic Law of the country.

Keywords: national interests, internal affairs bodies, protection, citizens, rights and freedoms, legal protection, values.

References

1. The Constitution of the Russian Federation [adopted by popular vote on 12.12.1993 with amendments approved in a nationwide vote on 01.07.2020].
2. Federal Law «On Police» from 07.02.2011 № 3-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 7. Art. 900.
3. Federal Law «On Service in the Bodies of Internal Affairs of the Russian Federation and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation» from 30.11.2011 № 342-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2011. № 49. Art. 7020.
4. Decree of the President of the Russian Federation of 02.07.2021 № 400 «On the National Security Strategy of the Russian Federation» // Collection of Legislation of the Russian Federation. 2021. № 27. Art. 5351.

Административная ответственность лиц, осуществляющих проектирование средств обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений, которые введены в эксплуатацию

Негодуйко Виталий Юрьевич,

заместитель директора департамента надзорной деятельности и профилактической работы
E-mail: v.negoduyko@mchs.gov.ru

Курылев Дмитрий Сергеевич,

заместитель начальника отдела дознания и административной практики департамента надзорной деятельности и профилактической работы МЧС России
E-mail: d.kurylev@mchs.gov.ru

Лобаев Игорь Александрович,

кандидат технических наук, доцент, профессор кафедры надзорной деятельности, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
E-mail: e-mail: I.Lobaev@academygps.ru

Плешаков Виталий Владимирович,

кандидат технических наук, доцент, начальник учебно-научного комплекса, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
E-mail: v.pleshakov@mail.ru

Романчук Наталья Николаевна,

старший преподаватель кафедры, Академия Государственной противопожарной службы МЧС России
E-mail: N.Romanchuk@academygps.ru

Проектирование, монтаж и эксплуатация средств обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений, находясь в одной технологической цепочке обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений, разделены по разным контролирующим органам контроля (надзора) за исполнением требований пожарной безопасности. При этом нормы проектирования, монтажа и эксплуатации, находятся в «Перечне документов в области стандартизации, в результате применения которых на добровольной основе обеспечивает соблюдение требований Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности»», (утв. Приказом Росстандарта от 13.02.2023 № 318) (далее – Перечень). В свою очередь, Федеральный закон от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» контролируется органами федерального государственного пожарного надзора, проектировщики, состоя в саморегулируемой организации, контролируются государственной экспертизой и строительным надзором, не осуществляющим контроль над этим Перечнем.

Ключевые слова: административная ответственность, лица, осуществляющие проектирование систем противопожарной защиты эксплуатируемых объектов, федеральный государственный пожарный надзор, система противопожарной защиты.

Ошибки при проектировании средств обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений (далее – СОПБЗ) объекта сказываются на эффективности работы автоматических систем противопожарной защиты (далее – АППЗ) при пожаре, избыточности или недостаточности применяемых систем АППЗ и во многом влияют при пожаре на причинение вреда жизни и здоровью людей и материального ущерба [6,7].

Анализ причин и условий способствующих совершению административных правонарушений при проектировании систем АППЗ, которые не справляются с предотвращением распространения опасных факторов пожара (например, пожар в одном из производственно-складских комплексов), показал, что в результате не учтенных при проектировании, характеристик динамики опасных факторов пожара и температурного режима пожара в помещении могут быть приняты несообразные характеру и размеру вреда ущерба охраняемым законом ценностям проектные решения. Поскольку проектные решения АППЗ во многом определяют временные параметры реагирования на воздействие опасных факторов пожара (далее – ОФП), то характеристики АППЗ могут быть избыточными или недостаточными относительно выбранной цели. Например, расчетная продолжительность критического температурного воздействия на несущие конструкции (ГОСТ Р 12.3.047–2012) не учитывается при установлении нормативных пределов огнестойкости (СП 1.13130–2020), что изначально может быть связано с не достижением критических температур для несущих строительных конструкций или значительным превышением продолжительности перед установленными пределами огнестойкости. Это, в свою очередь, влияет на дальнейший выбор, применение и обслуживание системы автоматической системы пожаротушения (далее – АУП) [8].

Таким образом, типовые требования пожарной безопасности могут быть не ориентированы на размер и характер вреда, который может быть причинен возможным пожаром, что значительно затрудняет установление признаков правонарушения и инициирует ложные расследования, в которых при неустановленном вреде собираются «доказательства» о наличии состава правонарушения в действиях «обвиняемого» по делу.

Например, при проектировании систем противодымной защиты (ПДЗ) учитываются различные способы дымоудаления: 1) объемно-

планировочные и 2) конструктивные решения и 3) использование устройств и средств механической и естественной вытяжной противодымной вентиляции для удаления продуктов горения и термического разложения. При этом достаточность объемно-планировочных решений для безопасной и своевременной эвакуации людей при пожаре не учитывается требованиями пожарной безопасности, направленных на устройство системы механической вытяжной системы ПДЗ для удаления продуктов горения. В таком случае, предлагаемый механический способ дымоудаления вместе с объемно-планировочными или конструктивными (уплотнения на дверях и доводчиками) рассматривается в приоритетном порядке вместо допускаемого одного, или нескольких 1) объемно-планировочного и конструктивного в соответствии со ст. 56 Федерального закона от 22 июля 2008 г. № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» (далее – ФЗ – 123). Такое положение, может быть использовано правонарушителями в качестве противоречия требований ФЗ-123, которые представляют собой нормативную коллизию и трактуются судом в их пользу в соответствии со ст. 1.5 КоАП РФ, что в данном случае исключает административное наказание.

При проектировании внутреннего противопожарного водопровода (далее – ВПВ) проектировщиками не учитываются возможности работы персонала – добровольной пожарной дружины (далее – ДПД) с первичными средствами пожаротушения на начальной стадии пожара до прибытия первых пожарных подразделений с учетом своевременной и беспрепятственной эвакуации людей при пожаре и резерва времени на использование первичных средств в соответствии с требованиями п. 2 постановления Правительства Российской Федерации от 16.09.2020 года № 1479 «Об утверждении правил противопожарного режима в Российской Федерации» [5] и «принятия посильных мер» в соответствии со ст. 34 Федерального закона «О пожарной безопасности» от 21.12.1994 № 69-ФЗ. Дело в том, что невозможность использования персоналом ВПВ при пожаре из-за отсутствия резерва времени по условию наступления динамики ОФП дает основания проектировать систему эшелонированной системы ППЗ на худший сценарий пожара, который будет затратный, но оправдан с точки зрения соразмерности характеру и размеру вреда (ущерба). При этом, возможность использования первичных средств и способность организации тушения пожара в начальный момент пожара может снижать вред настолько, что необходимость в обязательном применении систем противопожарной защиты, направленных на защиту имущества будет очевидно избыточен. Такие расчетные обоснования по применению систем АППЗ и исключению риска причинения вреда в начальной стадии пожара могут стать основанием для исключения административного наказания за правонарушение в отношении нарушений требований пожарной безопасности по неисполнению систем

АППЗ по условию несоответствия характера и размера наказания характеру и размеру причиняемого вреда.

При этом, неправильно спроектированная СПЗ, которая не учитывает специфику обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений, перекладывает всю нагрузку по спасению людей и тушению пожара на пожарные подразделения, в результате чего динамика наращивания сил и средств, рассчитываемая изначально на один вариант пожара (с эффективными СПЗ на начальной стадии пожара) запаздывает за динамикой пожара, определяющей второй вариант пожара из-за неэффективной СПЗ. Причем, такой вид нарушения, когда неэффективность запроектированной системы АППЗ приводит к неэффективности системы тушения пожара пожарными подразделениями может привести к ситуации, в которой применение систем пожарной безопасности причиняет вред в форме упущенной выгоды больший, чем вред от пожаров – т.е. деятельность по обеспечению пожарной безопасности становится для экономики опаснее, чем пожары и переводит нарушение при проектировании в разряд уголовных преступлений (ст. 169 УК РФ) [9–13].

Таким образом, необходимым решением возникшей ситуации представляется внесение изменений в КоАП РФ, предусматривающих предоставление права должностным лицам органов государственного пожарного надзора применять меры административного наказания при выявлении нарушений требований пожарной безопасности допущенных при проектировании систем противопожарной защиты зданий и сооружений.

Федеральным законом от 01.04.2025 № 56-ФЗ в КоАП РФ внесены следующие изменения:

1) примечание к статье 2.4 дополнено новым девятым предложением следующего содержания: «Лица, осуществляющие деятельность по проектированию средств обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений, которые введены в эксплуатацию, совершившие административные правонарушения, предусмотренные частью 10 статьи 20.4 настоящего Кодекса, несут административную ответственность как должностные лица.»;

3) в статье 3.11:

а) часть 1 после слов «(аудита пожарной безопасности),» дополнена словами «либо осуществлять деятельность по проектированию средств обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений, которые введены в эксплуатацию,»;

б) часть 3 после слов «пожарного риска,» дополнена словами «либо к лицам, осуществляющим деятельность по проектированию средств обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений, которые введены в эксплуатацию,»;

4) статья 20.4 дополнена частями 10 и 11 следующего содержания:

«10. Нарушение требований пожарной безопасности при проектировании средств обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений, которые введены в эксплуатацию, лицом, аттесто-

ванным в порядке, установленном Правительством Российской Федерации, на право проектирования указанных средств, —

влечет предупреждение или наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от двадцати тысяч до тридцати тысяч рублей.

11. Повторное совершение административного правонарушения, предусмотренного частью 10 настоящей статьи, —

влечет наложение административного штрафа на должностных лиц в размере от девяноста тысяч до ста тысяч рублей или дисквалификацию на срок от одного года до трех лет.»

Анализ содержания внесенных в КоАП РФ изменений говорит об их формальном составе. В данном случае объективная сторона правонарушения образуется исключительно на основании наличия противоправного деяния, вне зависимости от того, наступили ли общественно вредные последствия.

При этом в соответствии со ст. 6 Федерального закона от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации» необходимыми условиями установления обязательных требований являются наличие риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям, на устранение которого направлено установление обязательных требований, и возможность и достаточность установления обязательных требований в качестве мер защиты охраняемых законом ценностей.

Более того, федеральное законодательство в области пожарной безопасности при квалификации правонарушения с формальным составом предлагает учитывать риск причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям. Так в соответствии со ст. 9 Федерального закона от 31.07.2020 № 248-ФЗ «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» «выбираемые профилактические мероприятия, контрольные (надзорные) мероприятия, применяемые меры по пресечению и (или) устранению нарушений обязательных требований должны быть соразмерными характеру нарушений обязательных требований, вреду (ущербу), который причинен или может быть причинен охраняемым законом ценностям».

При этом все типовые системы АППЗ проектируются с учетом реагирования на динамику ОФП в ее начальной стадии, что закреплено требованиями пожарной безопасности, установленными в нормативных документах и Федеральным законом «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» от 22.07.2008 № 123-ФЗ. Вместе с тем, в типовых требованиях пожарной безопасности по проектированию систем АППЗ не учитывается риск причинения вреда (ущерба), поскольку априори считается, что действие системы АППЗ, если она правильно спроектирована, исключает такой вред (ущерб) охраняемым законом ценностям.

Однако, анализ причин и условий, способствующих совершению правонарушений, который про-

водился по результатам расследования пожаров в высокостеллажных складах показал, что, зачастую, правильно спроектированные (по нормативным решениям) системы противопожарной защиты не справляются с предотвращением причинения вреда в результате пожара, поскольку фактический размер и характер вреда превысил ожидаемый при проектировании.

В этой связи, при проектировании АППЗ проектировщиками должен учитываться характер и размер вреда при возможном пожаре в зависимости от реальной пожарной нагрузки от объемно-планировочных и конструктивных решений, что в свою очередь выражается в расчетных сценариях динамики ОФП для обеспечения своевременной и беспрепятственной эвакуации людей при пожаре, а также защиту имущества от критического воздействия температурного режима на несущие строительные конструкции. Такое утверждение согласуется со ст. 6 федерального закона «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» от 22.07.2008 № 123-ФЗ, когда при разработке СТУ проектировщики обязаны учитывать «специфику обеспечения пожарной безопасности зданий и сооружений и содержащих комплекс необходимых инженерно-технических и организационных мероприятий по обеспечению пожарной безопасности» [13].

Все вышеперечисленное по поводу области эффективного применения нормы для проектировщиков означает учет 2-х вариантов развития событий при проектировании:

1-й вариант – выбор систем АППЗ с учетом строгого соблюдения требований Сводов правил, ГОСТ и федерального закона «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» от 22.07.2008 № 123-ФЗ по проектированию систем коллективной противопожарной защиты: АПС, СОУЭ, ПДЗ, АУП, ВППВ с учетом огнестойкости, конструктивной пожарной опасности, площади, высоты и категории помещений (зданий) по взрывопожарной и пожарной опасности.

2-й вариант (обязательный) оценка установленных требований динамике ОФП для оценки характера и размера вреда для своевременной и беспрепятственной эвакуации людей и (или) температурного режима пожара в помещении для оценки характера и размера вреда (ущерба) для имущества (несущих строительных конструкций) при пожаре.

Данный 2-й вариант будет проверяться при проведении контрольных (надзорных) мероприятий для оценки эффективности СПЗ или в соответствии со статьей 144 УПК РФ при процессуальной проверке или расследовании уголовного дела при установлении характера причинно-следственной связи нарушений требований пожарной безопасности и наступивших последствий (осмотр места происшествия, объяснения очевидцев, заключения эксперта и оценка эффективности систем коллективной противопожарной защиты).

Концептуальное решение 2-го варианта осуществляется путем расчетов динамики опасных факторов пожара и температурных режимов пожара в помещении с применением положений нормативно установленных методик.

При этом определяются ОФП, которые представляют угрозу причинения вреда людям, имуществу, так и необходимое [1] время эффективного реагирования на негативные воздействия опасных факторов пожара по формуле 1:

$$t_{\text{эп}} > t_{\text{угр}} \quad (1)$$

где: $t_{\text{эп}}$ – необходимое время эффективного реагирования на негативные воздействия опасных факторов пожара, представляющих угрозу причинения вреда людям, имуществу и окружающей среде;

$t_{\text{угр}}$ – продолжительность негативного воздействия опасных факторов пожара, представляющих угрозу причинения вреда людям, имуществу и окружающей среде.

Обязательные меры реагирования на негативные воздействия опасных факторов пожара принимаются в случаях, если ОФП представляют угрозу

причинения вреда людям, чужому имуществу, превышающего пределы допустимых рисков, установленных действующим законодательством.

Таким образом, инспекторы федерального государственного пожарного надзора вынуждены проверять проектную документацию на АППЗ помимо соответствия требованиям СП, ГОСТ и федерального закона «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности» от 22.07.2008 № 123-ФЗ также проверять на соразмерность применяемых АППЗ характеру и размеру вреда в случае пожара с учетом количества и вида пожарной нагрузки и установленных расчетных соотношений $t_{\text{эп}} t_{\text{угр}}$, т.е. соразмерность необходимого времени реагирования на негативные воздействия опасных факторов пожара, представляющих угрозу причинения вреда людям, имуществу и окружающей среде. Примерный алгоритм определения наличия риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям с учетом нарушений требований пожарной безопасности приведен на рисунке 1.

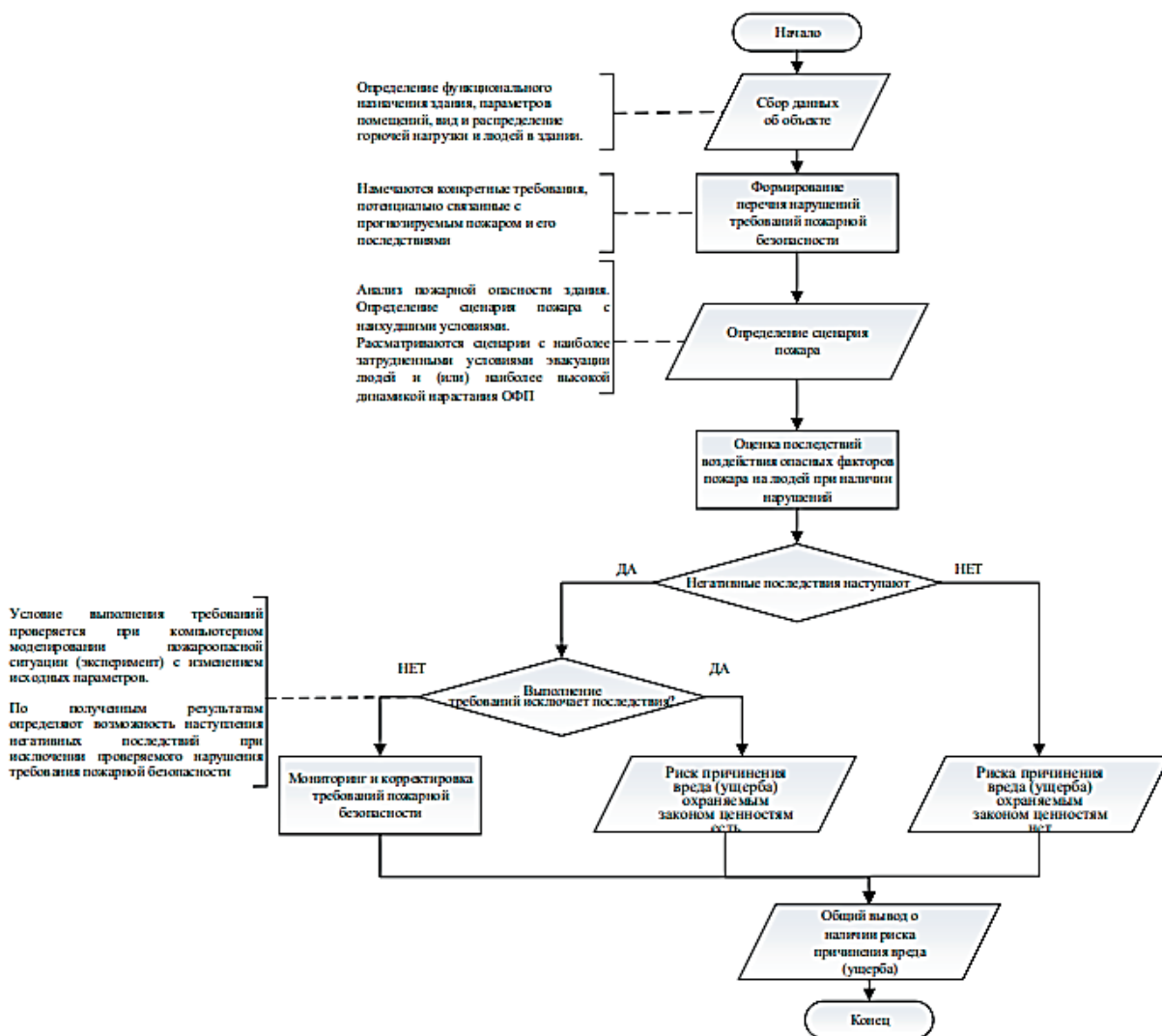

Рис. 1. Алгоритм определения наличия риска причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям с учетом нарушений требований пожарной безопасности

Это означает, что нарушения требований пожарной безопасности, допущенные при проекти-

ровании систем АППЗ, могут не находиться в причинной связи с угрозой причинения вреда (ущерба)

охраняемым законом ценностям: жизнь и здоровье людей, имущество физических и юридических лиц, если расчетная оценка характера и размера вреда (ущерба) не соразмерна возможностям систем АППЗ по ликвидации угроз предельных состояний охраняемых законом ценностей, даже с учетом формальных нарушений требований пожарной безопасности, что согласуется с проектируемыми положениями ст. 1 ФЗ-69 «О пожарной безопасности» по угрозе охраняемых законом ценностям.

Отсутствие риска причинения вреда и угрозы охраняемым законом ценностям является обстоятельством (основанием) исключающим производство по делу об административном правонарушении ст. 24.5 КоАП РФ, поскольку в таком случае отсутствует объект правонарушения. Доказательством отсутствия или наличия прямой причинно-следственной связи нарушений требований пожарной безопасности с риском причинения вреда (ущерба) охраняемым законом ценностям является расчетная оценка динамики ОФП и возможности безопасной эвакуации людей при пожаре, а также температурного режима пожара в помещении и оценки соразмерности критической продолжительности пожара с установленными пределами огнестойкости, выполненной на стадии проектирования систем АППЗ в рамках раздела № 9 Постановления Правительства РФ от 16.02.2008 № 87 «О составе разделов проектной документации и требованиях к их содержанию». Отсутствие таких расчетов приведет к привлечению к административной ответственности по критериям формального состава правонарушения, за невыполнение требований пожарной безопасности по нормам проектирования систем АППЗ

Вместе с тем, проведение такой расчетной оценки для сотрудников органов ФГПН возможно при выявлении нарушения лишь в пределах проведения административного расследования в ходе контрольного (надзорного) мероприятия (далее – КНМ). Дефицит времени при проведении КНМ в большинстве случаев не предполагает установления причинно-следственной связи по объективной стороне состава правонарушения с учетом расчетной оценки.

В свою очередь лица, осуществляющие проектирование систем противопожарной защиты эксплуатируемых объектов, обязаны учитывать динамику опасных факторов пожара и температурный режим пожара в помещении для оценки характера и размера вреда. В случае если разработанная система обеспечения пожарной безопасности объекта защиты не учитывает динамику опасных факторов пожара, то это является признаком правонарушения по п. 10 ст. 20.4 КоАП РФ.

Литература

1. Федеральный закон «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» от 31.07.2020 № 248-ФЗ.

2. Федеральный закон «О пожарной безопасности» от 21.12.1994 69-ФЗ
3. Федеральный закон от 22.07.2008 года № 123-ФЗ «Технический регламент о требованиях пожарной безопасности».
4. Федеральный закон от 31.07.2020 № 247-ФЗ «Об обязательных требованиях в Российской Федерации»
5. Постановление Правительства Российской Федерации от 16.09.2020 года № 1479 «Об утверждении Правил противопожарного режима в Российской Федерации».
6. Лобаев И. А., Фирсова Т.Ф., Мешалкин Е.А., Кравченко А.Б. «Соразмерность нормативных требований в области пожарной безопасности при прогнозировании возможного имущественного вреда в случае пожара»/ журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»/Серия «Естественные и технические науки» 2024 № 11// стр.90–102.
7. Кияткина Е. Н., Лобаев И.А., Кирик Е.С., Воронов С.П. Поддержка принятия управленческих решений при применении обязательных требований соразмерных риску причинения вреда // Сибирский пожарно-спасательный вестник/ Сибирская пожарно-спасательная академия ГПС МЧС России. – 2024. – № 2. – С. 34–47.
8. Лобаев И. А., Фирсова Т.Ф., Кравченко А.Б. «К вопросу о соразмерности нормативных требований по огнестойкости несущих конструкций риску причинения вреда охраняемым законом ценностям» //Материалы тридцать второй международной научно-технической конференции «Системы безопасности – 2023». – М.: Академия ГПС МЧС России, 2023. 553 с// 450–456 с.
9. Козлачков В. И., Лобаев И.А. Экспресс-оценка пожарных рисков при изменении функционального назначения зданий. – М.: ВИНТИ РАН, Деп. № 2325– В2001 от 08.11.2001 г.
10. Лобаев И. А., Плешаков В.В. Особенности применения требований пожарной безопасности в условиях риск-ориентированной модели деятельности// Пожары и чрезвычайные ситуации: предупреждение, ликвидация. 2023 № 2. С. 121–130. DOI:1025257/FE.2023.2.121-1305.
11. Ягодка Е.А. Оценка пожарных рисков в полевых условиях: учебное пособие. под общ. ред. Е.А. Ягодки / Ягодка Е.А., Ершов А.В., Коробко В.Б. и др. – М.: КУРС, 2021. – 136 с.
12. Козлачков В.И. Типовая и риск-ориентированная модели надзорной деятельности в области обеспечения пожарной безопасности. Сравнительный анализ [Текст] / В.И. Козлачков. – Москва: Академия ГПС МЧС России, 2016. 328 с.
13. Козлачков, В.И. Техническое регулирование в области пожарной безопасности [Текст] / В.И. Козлачков. – Москва: Академия ГПС МЧС России, 2012. – 205с.

ADMINISTRATIVE RESPONSIBILITY OF PERSONS DESIGNING FIRE SAFETY MEANS FOR BUILDINGS AND STRUCTURES PUT INTO OPERATION

Negoduyko V.Yu., Kurylev D.S., Lobaev I.A., Pleshakov V.VI., Romanchuk N.N.
Department of Supervisory Activities and Preventive Work of the Ministry of Emergency Situations of Russia, Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia

Design, installation and operation of fire safety equipment for buildings and structures, staying in the technological chain of ensuring fire safety for buildings and structures, are divided into different regulatory bodies for control (supervision) over compliance with fire safety requirements. At the same time, the standard for design, installation and operation is in the «List of documents in the field of standards, the application of which on a voluntary basis ensures compliance with the requirements of the Federal Law of July 22, 2008» № 123-FL «Technical Regulations on Fire Safety Requirements» (approved by Order of Rosstandart dated February 13, 2023 № 318) (hereinafter referred to as the List). In turn, the Federal Law of July 22, 2008 № 123-FL «Technical Regulations on Fire Safety Requirements» is controlled by the federal fire supervision authority, designers who are members of a self-regulatory organization are controlled by state expertise and construction supervision, which does not exercise control over this List.

Keywords: administrative responsibility, persons designing fire protection systems for operated facilities, federal state fire supervision, fire protection system.

References

1. Federal Law «On State Control (Supervision) and Municipal Control in the Russian Federation» dated July 31, 2020 № . 248-FL.
2. Federal Law «On Fire Safety» dated December 21, 1994 69-FL.
3. Federal Law dated July 22, 2008 № 123-FL «Technical Regulations on Fire Safety Requirements».
4. Federal Law dated July 31, 2020 № 247-FL «On Mandatory Requirements in the Russian Federation».
5. Resolution of the Government of the Russian Federation dated September 16, 2020 № 1479 «On Approval of the Fire Safety Rules in the Russian Federation».
6. Lobaev I. A., Firsova T.F., Meshalkin E.A., Kravchenko A.B. «Proportionality of regulatory requirements in the field of fire safety when predicting possible property damage in the event of a fire» / journal «Modern Science: Actual Problems of Theory and Practice» / Series «Natural and Technical Sciences» 2024 № 11 // pp. 90–102.
7. Kiyatkina E. N., Lobaev I.A., Kirik E.S., Voronov S.P. Support for making management decisions when applying mandatory requirements proportionate to the risk of harm // Siberian Fire and Rescue Bulletin / Siberian Fire and Rescue Academy of the GPS EMERCOM of Russia. – 2024. – № 2. – P. 34–47.
8. Lobaev I. A., Firsova T.F., Kravchenko A.B. «On the issue of proportionality of regulatory requirements for fire resistance of load-bearing structures to the risk of harm to legally protected values» // Proceedings of the thirty-second international scientific and technical conference «Security Systems – 2023». – M.: Academy of the State Fire Service of the Ministry of Emergency Situations of Russia, 2023. 553 p // 450–456 p.
9. Kozlachkov V. I., Lobaev I.A. Express assessment of fire risks when changing the functional purpose of buildings. – M.: VINITI RAS, Dep. № 2325-B2001 of 08.11.2001
10. Lobaev I. A., Pleshakov V.V. Features of the application of fire safety requirements in the context of a risk-oriented activity model// Fires and emergencies: prevention, liquidation. 2023 № 2. Pp. 121–130. DOI: 1025257/FE.2023.2.121-1305.
11. Yagodka E.A. Fire risk assessment in the field: a tutorial. edited by E.A. Yagodka / Yagodka E.A., Ershov A.V., Korobko V.B. et al. – M.: KURS, 2021. – 136 p.
12. Kozlachkov V.I. Standard and risk-oriented models of supervisory activities in the field of fire safety. Comparative analysis [Text] / V.I. Kozlachkov. – Moscow: Academy of the GPS EMERCOM of Russia, 2016. 328 p.
13. Kozlachkov, V.I. Technical regulation in the field of fire safety [Text] / V.I. Kozlachkov. – Moscow: Academy of the GPS EMERCOM of Russia, 2012. – 205 p.

Эволюция национального законодательства в области регулирования цифровых финансовых активов

Степанян Артур Леонович,

ведущий специалист, Химкинская городская прокуратура

E-mail: 9994099@mail.ru

Статья посвящена теме эволюции национального законодательства в области регулирования цифровых финансовых активов (ЦФА), которые в современных условиях становятся значимым элементом мировой финансовой системы. Рассматриваются ключевые этапы становления и развития правового регулирования ЦФА в Российской Федерации, а также анализируются особенности подходов к законодательному обеспечению их оборота. Особое внимание уделяется вопросам обеспечения правопорядка и экономической безопасности в условиях активного внедрения цифровых технологий в сферу финансовых услуг. Автор акцентирует внимание на двойственной природе цифровых финансовых активов: с одной стороны, они выступают как инновационный финансовый инструмент, способствующий расширению возможностей участников рынка, а с другой – как потенциальный источник угроз, связанных с их использованием в преступных целях, включая отмывание доходов, финансирование терроризма и иные экономические правонарушения. В статье проводится сравнительный анализ зарубежных моделей правового регулирования криптоактивов с целью выявления наиболее эффективных практик, которые могут быть адаптированы в национальной правовой системе. Отдельно подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования нормативной базы для обеспечения баланса между стимулированием инновационной финансовой деятельности и защитой интересов государства и граждан.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, криптоактивы, законодательное регулирование.

Введение

Вопрос, касающийся регулирования оборота криптоактивов, пока остается открытым для большинства государств мира. С одной стороны, использование криптоактивов как инновационных инструментов мирового финансового рынка поощряется, в частности, например, государствами Европейского союза или ОАЭ. С другой стороны, ряд стран, например, Российская Федерация или Китай, рассматривает оборот криптоактивов с точки зрения вероятности стремительного роста рисков их использования, стараясь, соответственно, ограничить данный вид деятельности. Далее рассмотрим, каким образом на законодательном уровне регулируется оборот криптоактивов в данных государствах.

Материалы и методы

В качестве основных материалов исследования использованы нормативно-правовые акты Российской Федерации, регулирующие порядок выпуска, обращения и учета цифровых финансовых активов, включая Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации».

Также проанализированы правовые документы Европейского союза, включая проект Регламента MiCA (Markets in Crypto-Assets), законодательные инициативы Китайской Народной Республики, направленные на ограничение оборота криптовалют, и регуляторные меры Объединенных Арабских Эмиратов, отражающие либеральный подход к регулированию криптоактивов.

Методологической основой исследования послужили метод сравнительного правового анализа, позволяющий выявить особенности регулирования оборота цифровых финансовых активов в различных правовых системах, а также метод системного анализа, применяемый для изучения взаимодействия норм национального законодательства с международными стандартами в сфере криптоактивов.

Дополнительно использованы методы анализа и обобщения судебной и административной практики, а также контент-анализ научной и экспертной литературы, посвященной вопросам регулирования цифровых финансовых активов и противодействия правонарушениям в данной сфере.

Литературный обзор

Проблематика правового регулирования цифровых финансовых активов (ЦФА) в последние годы получила широкое освещение в научной литературе как в России, так и за рубежом. Исследователи отмечают, что ЦФА, включая криптовалюту, представляют собой не только инновационный финансовый инструмент, но и источник новых вызовов для правовых систем.

В работах отечественных авторов (В.В. Ершова, А.В. Братко, С.И. Мясоедова) основное внимание уделяется анализу правового статуса цифровых финансовых активов, а также особенностям их налогообложения, учета и оборота в рамках действующего законодательства Российской Федерации. Особо подчеркивается необходимость дальнейшего совершенствования нормативной базы с целью минимизации рисков использования ЦФА в преступных целях.

Зарубежные исследования (например, работы J. Arner, R. Buckley, D. Zetsche) сосредоточены на анализе международных правовых моделей регулирования криптоактивов, включая предложения Европейского союза по принятию Регламента MiCA, жесткие ограничения со стороны Китая, а также либеральный подход Объединенных Арабских Эмиратов к созданию благоприятной правовой среды для криптобизнеса.

Особое внимание в научной литературе уделяется вопросам противодействия отмыванию доходов и финансированию терроризма с использованием цифровых активов (работы G. Fuster, M. Nouben), а также правовым рискам, связанным с децентрализованными финансовыми системами.

Таким образом, анализ существующей научной литературы свидетельствует о высокой степени актуальности темы и необходимости комплексного исследования национальных и международных правовых подходов к регулированию оборота цифровых финансовых активов.

Результаты

Российская Федерация

Попытки законодательного регулирования обращения и использования криптовалюты на территории Российской Федерации были начаты в 2014 году. На тот момент Банк России опубликовал информационное письмо, в котором определил виртуальную валюту как денежный суррогат и предостерег граждан и юридических лиц от ее использования [5].

При этом следует отметить, что, несмотря на наличие в законодательстве Российской Федерации запрета на использование денежных суррогатов, положения, закрепляющего возможность наступления какой-либо ответственности, в частности, административной или уголовной за нарушение данного запрета не закреплено не было, что также было впоследствии подтверждено Минфином России [3].

Также, согласно данному письму, предоставление юридическими лицами услуг по обмену «виртуальных валют» следовало рассматривать как потенциальную вовлеченность в осуществление сомнительных операций, а именно деятельность по легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма. Таким образом, факт обмена потенциально приравнивался к деянию, предусмотренному ст. 174–174.1 УК РФ, а равно ст. 205.1 УК РФ.

Повторно позиция относительно обращения и использования криптовалюты была подтверждена Банком России в сентябре 2017 г. Однако в данном случае Банк России не приравнивал действия, совершенные с криптовалютой, к уголовно наказуемым деяниям. В опубликованном письме Банк России обращал внимание на тот факт, что допуск криптовалют к обращению и использованию как на организационных торгах, так и в расчетно-клиринговой инфраструктуре на данный момент является «преждевременным» [6].

Попытки закрепить статус виртуальной валюты в законодательстве также начались в 2017 г. В октябре 2017 г. согласно Перечню поручений, утвержденному Президентом Российской Федерации, Правительству Российской Федерации совместно с Банком России в рамках реализации программы «Цифровая экономика Российской Федерации» было, в частности, поручено определить статус цифровых технологий, в том числе таких, как «криптовалюта» (до 1 июля 2018 г.), учитывая «обязательность рубля в качестве единственного законного платежного средства» [4].

Одновременно данным поручением была поставлена задача регистрации хозяйствующих субъектов, осуществляющих «майнинг», а также определение налогообложения подобных субъектов [4].

Результатом стало внесение в Государственную Думу в марте 2018 года законопроекта «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте...» (впоследствии – ФЗ № 259-ФЗ) [1].

Данный Федеральный закон, во-первых, закрепил такие понятия, как «цифровые финансовые активы» (далее – ЦФА) и «цифровая валюта». При этом следует отметить, что, согласно ФЗ № 259-ФЗ, данные понятия не являются тождественными: если ЦФА представляет собой цифровое право, содержание которого определено, в частности, в ст. 141.1 ГК РФ, то цифровая валюта – средство платежа (ст. 1 ФЗ № 259-ФЗ).

Во-вторых, ст. 14 были закреплены положения, регламентирующие порядок оборота цифровой валюты. Организация выпуска, а также непосредственно выпуск и последующее обращение цифровой валюты не запрещается, однако ФЗ № 259-ФЗ содержит указание на необходимость использования для данных целей исключительно российской информационной инфраструктуры. С другой стороны, правила выпуска и обращения цифровой валюты до сих пор не определены. Указано лишь, что «организация выпуска и (или) выпуск, организация обращения цифровой валюты в Российской

Федерации регулируются в соответствии с федеральными законами».

В-третьих, ФЗ № 259-ФЗ установил, что юридические лица не вправе принимать цифровую валюту в качестве оплаты (ч. 6 ст. 14). С другой стороны, опять же, согласно ч. 6 ст. 14 ФЗ № 259-ФЗ, требования юридических лиц, связанные с обладанием криптовалюты, могут подлежать судебной защите при выполнении следующих условий: юридическое лицо должно проинформировать (содержание термина «информирование» не раскрывается) о факте обладания цифровой валютой, а гражданско-правовые сделки и (или) операции должны быть осуществлены в порядке, установленном законодательством Российской Федерации о налогах и сборах.

При этом распространение информации о предложении и (или) приеме цифровой валюты в качестве оплаты запрещается. (ч. 7 ФЗ № 259-ФЗ).

Таким образом, можно сделать вывод, что распространение информации о возможности оплаты товара (работы, услуги) цифровой валютой, также как прием цифровой валюты в качестве оплаты запрещены. Однако, если выполнены вышеуказанные условия, то запрет на прием цифровой валюты не действует. В свою очередь, на физических лиц данный запрет, исходя из текста ст. 14, не распространяется вовсе.

Помимо этого, в ноябре 2022 года в Государственную думу был внесен законопроект, направленный на регулирование процедуры майнинга цифровых валют и их последующей продажи. В частности, законопроект предусматривает два возможных способа продажи добытой цифровой валюты: либо через иностранные системы без соблюдения законодательства ВЭД, либо через специальную площадку, которую планируется создать в Российской Федерации в рамках экспериментального правового режима.

В апреле 2024 г., в открытых источниках была опубликована информация о том, что в рамках внесения правок в данный законопроект с 1 сентября 2024 г., планируется запретить обращение цифровой валюты на территории Российской Федерации. Исключением должен стать Центральный банк Российской Федерации, который предположительно будет иметь право на обращение цифровой валюты для тестовых проектов в рамках экспериментального правового режима [2].

Европейский союз

В 2018 году Комиссией по финансовым технологиям был принят план действий FinTech. В данном плане было отмечено, что криптоактивы, появившиеся благодаря технологическим инновациям, а также лежащая в их основе технология блокчейна, не только открыли перспективы для финансовых рынков и инфраструктур, но также увеличили риски, в том числе, отмывания денег и финансирования терроризма. В связи с этим было отмечено, что в декабре 2017 года действие Директивы Европейского союза по борьбе с отмыванием денег было

распространено в том числе на вопросы, связанные с криптоактивами. Помимо этого, внимание было обращено на высокие риски использования криптоактивов, связанные с волатильностью криптоактивов, а также с нестабильностью рынков [15].

Одновременно было отмечено, что необходима оценка пригодности действующей нормативной базы Европейского союза, регулирующей оборот криптоактивов. Таким образом, цель Европейского союза и, соответственно, плана FinTech заключалась в том, чтобы как физические, так и юридические лица Европейского союза смогли воспользоваться преимуществами криптоактивов как технической инновации, которая сможет способствовать становлению Европейского союза как ведущего игрока финансового рынка.

Таким образом, на 2018 год была определена задача оценки рисков оборота криптоактивов для понимания необходимости принятия регулирующих действий на уровне Европейского союза.

В 2020 году Европейским союзом была реализована информационно-пропагандистская программа, которая представляла собой серию мероприятий, направленных на разработку проектов по формированию стратегии Европейского союза в области регулирования оборота криптоактивов.

В результате было определено, что, с одной стороны, ряд криптоактивов попадал под действие законодательства Европейского союза, однако большая их часть выходила за рамки законодательного регулирования. Помимо этого, было обращено внимание на то, что некоторые государства-члены Европейского союза на тот момент уже приняли нормативные правовые акты, касающиеся оборота криптоактивов, что привело к фрагментации рынка. В частности, под вопросом оставалось регулирование такого «подмножества» криптоактивов, как стейблкоины.

В 2020 году Европейская комиссия определила содержание термина «криптоактив» как «цифровое представление стоимости или прав, которые могут передаваться и храниться в электронном виде с использованием технологии распределенного реестра или аналогичной технологии».

Также было закреплено три вида токенов:

1. «служебный токен» (utility token) – тип криптоактива, который предназначен для обеспечения цифрового доступа к товару или услуге, доступным на DLT и принимается только эмитентом этого токена;
2. «токен, привязанный к активу» (asset-referenced token) – тип криптоактива, который предназначен для поддержания стабильной стоимости путем привязки к стоимости нескольких фиатных валют, которые являются законным платежным средством, одного или нескольких криптоактивов;
3. «е-money токен» – тип криптоактива, который предназначен для использования в качестве средства обмена и направлен на поддержание стабильной стоимости путем привязки к стои-

мости законного платежного средства в фиатной валюте.

В качестве «эмитента криптоактивов» было определено юридическое лицо, которое предлагает обществу какой-либо тип криптоактивов или добывается допуск криптоактивов на соответствующую торговую платформу.

Одновременно необходимо отметить, что изменилось содержание термина «финансовый инструмент» путем уточнения, что «финансовый инструмент» включает в себя в том числе инструменты, выпущенные при помощи технологии DLT.

Европейская комиссия также определила критерии разграничения криптоактивов, уже регулируемых законодательством Европейского союза, и иными криптоактивами. В первом случае речь шла, в частности, о введении пробного или, иными словами, пилотного режима для рыночных инфраструктур, которые занимаются оборотом криптоактивов. Данный подход должен был позволить как участникам рынка, так и регулирующим органам, получить опыт использования DLT-бирж.

Для криптоактивов, которые не попадают под регулирование Европейского союза, в частности, стейблкоинов, был предложен специальный режим. Регламент закрепил строгие требования по отношению к эмитентам криптоактивов в Европе и поставщикам соответствующих услуг, желающими получить разрешение на предоставление услуг на едином финансовом рынке Европейского союза. Разрабатываемые меры включали в себя требования к уровню капитала, обеспечению безопасности активов, обязательному рассмотрению жалоб и т.д. Более строгие требования были разработаны для эмитентов криптоактивов, обеспеченных значительными активами [11].

В 2022 году Европейская комиссия объявила о политическом соглашении, достигнутом между Европейским парламентом и Европейским советом по «MiCA» (Markets in Crypto Assets) – законопроекту, направленному на регулирование оборота криптоактивов в Европейском союзе.

Европейский союз обозначил себя как одну из первых крупных мировых юрисдикций, в рамках которой была разработана комплексная нормативная база для регулирования оборота криптоактивов [10].

MiCA установил требования к эмитентам криптоактивов и поставщикам услуг криптоактивов. В частности, было отмечено, что эмитенты криптоактивов должны предоставлять полную и прозрачную информацию о выпускаемых ими криптоактивах, а также соблюдать правила раскрытия информации и прозрачности. Помимо этого, поставщики услуг криптоактивов должны были быть зарегистрированы на территории Европейского союза, а также принимать соответствующие меры безопасности и соблюдать требования по борьбе с отмыванием денег.

При этом следует отметить, что ряд криптоактивов, таких как, например, DeFi и NFT, не попали под действие MiCA [14].

Китай

В 2013 году китайская биткойн-биржа BTC China расценивалась по данным Bitcoinity.org как крупнейшая в мире по объему торгов. На тот момент объем торгов BTC China превзошел японский Mt. Gox и европейский BitStamp, достигнув 90 000 биткойнов в ежедневном объеме торгов и более 200 миллионов юаней в ежедневных транзакциях. Биткойн рассматривался как жизнеспособный, несмотря на относительную новизну, цифровой актив, в который, соответственно, необходимо инвестировать [7].

Тем не менее в декабре 2013 года Народный банк Китая совместно с рядом иных регулирующих органов выпустил уведомление о запрете финансовым учреждениям Китая обрабатывать транзакции, связанные с оборотом биткойна. Согласно опубликованному заявлению, биткойн расценивался как «особый виртуальный товар», не имеющий юридического обоснования для функционирования в качестве валюты. В частности, данный запрет был введен в связи с тем, что биткойн не был поддержан какой-либо страной или центральным органом власти. Более того, Народный банк Китая отметил высокий риск использования биткойна в качестве инструмента отмывания денежных средств. После данного объявления стоимость биткойнов упала более чем на 30%.

В 2017 году Китаем было принято решение о запрете первичных предложений монет (ICO). На тот момент ICO являлись одним из самых популярных компонентов криптоиндустрии, позволяющих предпринимателям и разработчикам собирать средства для своих проектов путем выпуска и продажи токенов.

Народный банк Китая считал ICO незаконным механизмом сбора средства, после чего запретил платформам ICO выпускать токены ICO и приказал вернуть инвесторам деньги, собранные посредством ICO. Помимо этого, Народный банк Китая отметил, что ICO угрожают стабильности экономики страны и создают риски «банкротства бизнеса». Приказ также предусматривал, что финансовым учреждениям и небанковским платежным компаниям будет запрещено предоставлять услуги, связанные с деятельностью по сбору средств на основе токенов.

В апреле 2019 года Национальная комиссия по развитию и реформам Китая (NDRC) назвала майнинг биткойнов «нежелательной» отраслью в предварительном списке секторов, деятельность в рамках которых должна поощряться или ограничиваться.

В данном случае необходимо учитывать тот факт, что значительный процент оборудования для майнинга биткойнов производился именно в Китае. Кроме того, более половины мировых мощностей по добыче биткойнов также было сосредоточено в Китае, поскольку операторы имели доступ к дешевой электроэнергии. В связи с этим Национальная комиссия по развитию и реформам Китая

в конечном итоге исключила майнинг биткойнов из данного перечня.

В 2020 году контроль над деятельностью криптовалютных бирж внутри границ государства, обусловленный необходимостью противодействия отмыванию денежных средств, был ужесточен. В августе 2020 года Народный банк Китая объявил о своем намерении заблокировать более 100 иностранных веб-сайтов, предлагающих услуги обмена криптовалютой.

В 2021 году оборот криптовалюты в Китае был признан незаконным независимо от того, выполнялись ли транзакции через местные или через зарубежные платформы. Также отмечалось, что граждане Китая, работающие в сфере маркетинга или технической поддержки на иностранных биржах, теперь будут подвергаться судебному преследованию. Наконец, Национальной комиссией по развитию и реформам Китая был разработан план по запрету майнинга криптовалют путем прекращения инвестиций в этот сектор, увеличения затрат на электроэнергию и блокировки входа новых компаний в отрасль [8].

Однако, несмотря на перечисленные запреты, в феврале 2024 г., сообщалось, что Китай остается одним из крупнейших рынков для крупнейшей в мире биржи Binance. Это связывают с тем, что оборот криптовалюты для частных лиц не является противозаконным, однако необходимо учитывать, что данный вид деятельности для частных лиц не защищен законом [9].

ОАЭ

В 2022 году в ОАЭ было основано Управление по регулированию виртуальных активов (Virtual Asset Regulatory Authority – VARA), задачей которого является регулирование и надзор за предоставлением, использованием и обменом виртуальными активами как в эмирате Дубай, так и за пределами Дубая. Роль VARA заключается в обеспечении ведущей в мире нормативно-правовой базы для защиты инвесторов, поддержания высокого уровня обеспечения рисков и содействия инновациям в области виртуальных активов во всех зонах эмирата Дубай, включая зоны специального развития и свободные зоны, но исключая Международный финансовый центр Дубая.

Управлением по регулированию виртуальных активов Дубая (VARA) опубликовано Положение о виртуальных активах и связанной с ними деятельности. Положение устанавливает комплексную структуру виртуальных активов, основанную на принципах экономической устойчивости и трансграничной финансовой безопасности.

Закон № 4 определяет токены как «цифровое представление набора прав, которые могут быть предложены в цифровом виде и проданы через платформу виртуальных активов».

В свою очередь платформой признается «централизованная или децентрализованная цифровая платформа, которая управляется поставщиком услуг по обслуживанию виртуальных активов;

на которой продаются, покупаются, обмениваются, предлагаются, выпускаются и хранятся виртуальные активы; и с помощью которой осуществляется клиринг и расчеты по торгуемым виртуальным активам с использованием технологии распределенного реестра».

Следует также отметить такой термин, как «разрешение» – документ, выданный VARA, разрешающий поставщику услуг виртуальных активов осуществлять любую деятельность, требующую разрешения VARA и подлежащую ее надзору.

Подача заявки на лицензию VASP (лицензия поставщика услуг виртуальных активов) осуществляется в два этапа: сначала подается заявка на первоначальное разрешение на создание юридического лица и начало операционной настройки, затем подается заявка на лицензию VASP.

Обсуждение

Полученные результаты обсуждались и апробировались в рамках учебного процесса и научно-исследовательской деятельности, что нашло отражение в ряде публикаций в профильных научных изданиях. Отдельные положения и выводы исследования были представлены на научных конференциях и семинарах, посвященных вопросам противодействия легализации преступных доходов и финансовой безопасности.

Заключение

Таким образом, в данной статье было рассмотрено различные правовые системы, направленные на регулирование оборота криптоактивов.

Литература

1. Федеральный закон «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» от 31.07.2020 N 259-ФЗ // Российская газета. – № 173.
2. В Думе предложили запретить организацию обращения криптовалют с сентября [Электронный ресурс] // URL: <https://www.rbc.ru/finances/26/04/2024/662c07f99a7947cdf0c46d7f>.
3. За распространение денежных суррогатов может быть введена уголовная ответственность [Электронный ресурс] // URL: <https://www.garant.ru/news/701557/>.
4. Обзор финансовой стабильности // Информационно-аналитические материалы Банка России. – № 2. – II–III кварталы 2017. – С. 13.
5. Об использовании при совершении сделок «виртуальных валют», в частности, Биткойн [Электронный ресурс] // URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm.
6. Об использовании частных «виртуальных валют» (криптовалют) [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cbr.ru/>

press/pr/?file=04092017_183512if2017-09-04t18_31_05.htm#highlight=%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B%7C%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82.

7. As Chinese Investors Pile Into Bitcoin, China's Oldest Exchange, BTC China, Raises \$5M From Lightspeed [Электронный ресурс] // URL: <https://techcrunch.com/2013/11/18/btc-china-series-a/?guccounter=1>.
8. China Crypto Bans: A Complete History [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coindesk.com/learn/china-crypto-bans-a-complete-history/>.
9. China Never Completely Banned Crypto [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coindesk.com/consensus-magazine/2024/02/05/china-never-completely-banned-crypto/>.
10. Daily News 01 / 07 / 2022 [Электронный ресурс] // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/mex_22_4265#8.
11. Digital finance package [Электронный ресурс] // URL: https://finance.ec.europa.eu/publications/digital-finance-package_en.
12. Dubai: Launching a Crypto Regulatory Arm to Become a Global Financial Power [Электронный ресурс] // URL: <https://www.coindesk.com/consensus-magazine/2023/06/27/dubai-launching-a-crypto-regulatory-arm-to-become-a-global-financial-power/>.
13. Empowering innovation through responsible regulation of the virtual assets industry [Электронный ресурс] // URL: <https://www.vara.ae/en/>.
14. EU Markets in Cryptoassets (MiCA) Regulation: What is it and why does it matter? [Электронный ресурс] // URL: <https://www.bbva.com/en/innovation/eu-markets-in-cryptoassets-mica-regulation-what-is-it-and-why-does-it-matter/>.
15. FinTech Action plan: For a more competitive and innovative European financial sector [Электронный ресурс] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52018DC0109>.

EVOLUTION OF NATIONAL LEGISLATION IN THE FIELD OF REGULATION OF DIGITAL FINANCIAL ASSETS

Stepanian A.L.

Khimki City Prosecutor's Office

The article is devoted to the evolution of national legislation in the field of regulation of digital financial assets (CFAs), which in modern conditions are becoming an important element of the global financial system. The key stages of the formation and development of the legal regulation of CFAs in the Russian Federation are considered, as well as the specifics of approaches to legislative support for their turnover are analyzed. Special attention is paid to the issues of law enforcement and economic security in the context of the active introduction of digital technologies in the financial services sector.

The author focuses on the dual nature of digital financial assets: on the one hand, they act as an innovative financial instrument that enhances the opportunities of market participants, and on the other, as a potential source of threats related to their use for criminal purposes, including money laundering, terrorist financing and other economic offenses. The article provides a comparative analysis of foreign models of legal regulation of crypto assets in order to identify the most effective practices that can be adapted in the national legal system. Separately, the need for further improvement of the regulatory framework is emphasized to ensure a balance between stimulating innovative financial activities and protecting the interests of the state and citizens.

Keywords: digital financial assets, crypto assets, legislative regulation.

References

1. Federal Law "On Digital Financial Assets, Digital Currency and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation" dated 07/31/2020 N 259-FZ // Rossiyskaya gazeta. – No. 173.
2. It may be worth locking up the encryption organization from September [Electronic resource] // URL: <https://www.rbc.ru/finances/26/04/2024/662c07f99a7947cdf0c46d7f>.
3. The distribution of daily reports may be misleading [Electronic resource] // URL: <https://www.garant.ru/news/701557/>.
4. Financial Stability Review // Information and analytical materials of the Bank of Russia. – No. 2. – II–III quarters of 2017. – p. 13.
5. On the use of the "Virtual world" section for verification, in particular, Bitcoin [Electronic resource] // URL: https://www.cbr.ru/press/PR/?file=27012014_1825052.htm.
6. Using a private "virtual club" (crypto club) [Electronic resource] // URL: https://www.cbr.ru/press/pr/?file=04092017_183512if2017-09-04t18_31_05.htm#highlight=%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82%D1%8B%7C%D0%BA%D1%80%D0%B8%D0%BF%D1%82%D0%BE%D0%B2%D0%B0%D0%BB%D1%8E%D1%82.
7. While Chinese Investors are investing in Bitcoin, China's oldest Exchange, BTC China, attracts \$5 MILLION from Lightspeed [Electronic resource] // URL: <https://techcrunch.com/2013/11/18/btc-china-series-a/?guccounter=1>.
8. Cryptocurrency Bans in China: The full story [Electronic resource] // URL: <https://www.coindesk.com/learn/china-crypto-bans-a-complete-history/>.
9. China has never completely banned cryptocurrency [Electronic resource] // URL: <https://www.coindesk.com/consensus-magazine/2024/02/05/china-never-completely-banned-crypto/>.
10. Daily News 01 / 07 / 2022 [Electronic resource] // URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/mex_22_4265#8.
11. Digital Finance package [Electronic resource] // URL: https://finance.ec.europa.eu/publications/digital-finance-package_en.
12. Dubai: Launching a cryptocurrency regulation unit to become a global financial power [Electronic resource] // URL: <https://www.coindesk.com/consensus-magazine/2023/06/27/dubai-launching-a-crypto-regulatory-arm-to-become-a-global-financial-power/>.
13. Expanding the possibilities of innovation through responsible regulation of the virtual asset industry [Electronic resource] // URL: <https://www.vara.ae/en/>.
14. Regulation of EU Crypto Asset Markets (MiCA): what is it and why is it important? [Electronic resource] // URL: <https://www.bbva.com/en/innovation/eu-markets-in-cryptoassets-mica-regulation-what-is-it-and-why-does-it-matter/>.
15. Fintech Action Plan: to create a more competitive and innovative European financial sector [Electronic resource] // URL: <https://eur-lex.europa.eu/legal-content/EN/TXT/?uri=CELEX:52018DC0109>.

Соотношение института субсидиарной ответственности и института убытков в делах о несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций

Ткаченко Артем Павлович,
независимый исследователь
E-mail: arteum2001@yandex.ru

Статья посвящена комплексному анализу института субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц (КДЛ) в делах о банкротстве кредитных организаций в рамках современного российского гражданского законодательства. Автор обосновывает уникальную правовую природу данной ответственности, отличную от классической субсидиарной ответственности. Исследование фокусируется на специфических презумпциях привлечения к ответственности, выявляя проблемы применения данных презумпций. На основе анализа судебной практики и доктринальных подходов (Толмачева И.А., Горбашев И.В., Егоров А.В., Карелина С.А., Шиткина И.С., Ефимов А.В.) выявляются проблемы применения данных презумпций, в частности, размытость критерия «существенного вреда» и момента «объективного банкротства». Автор предлагает критерий оценки экономических показателей по бухгалтерскому балансу для определения неплатежеспособности. Особое внимание уделяется сравнительному анализу института субсидиарной ответственности и института возмещения убытков в банкротстве кредитных организаций, подчеркивая их принципиальные различия в целях, основаниях, бремени доказывания, субъектном составе и сроках исковой давности. Автор критикует существующий 10-летний пресекательный срок для субсидиарной ответственности, предлагая его увеличение до 25 лет для банковского сектора, а также обосновывает необходимость законодательного закрепления четких критериев привлечения КДЛ к субсидиарной ответственности на основе сложившейся судебной практики для устранения противоречий и смешения с институтом убытков.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство кредитных организаций, контролирующие должника лица, возмещение убытков, гражданско-правовая ответственность, деликт, сравнительно-правовой анализ.

Институт субсидиарной ответственности в рамках дел о банкротстве на современном этапе развития гражданского законодательства занимает особое место как специальный вид гражданско-правовой ответственности, применяемый исключительно как механизм восстановления нарушенных прав кредиторов в делах о несостоятельности. К данному институту применимы специальные нормы Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – ФЗ о несостоятельности (банкротстве)), в частности, раздел, посвященный ответственности руководителя или иных лиц должника. В нем закреплена сущность самого института, в частности субъектный состав, применимые презумпции, критерии привлечения к ответственности. В делах о несостоятельности (банкротстве) кредитных организаций применяются дополнительно положения параграфа 4.1 главы 9 ФЗ о несостоятельности (банкротстве), наряду с положениями [1].

Однако, стоит также отметить, что институт субсидиарной ответственности наравне зиждется на общих положениях гражданского законодательства, которые не вступают в противоречие со специальными нормами, в частности главы 25 и 59 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ). Особенно стоит обратить внимание на одноименный вид ответственности, закрепленный в статье 399 ГК РФ. Данная норма определяет, что субсидиарная ответственность является дополнительным видом ответственности, который применяется к ответственности другого лица, являющегося основным должником. Указанная норма до недавнего времени вызывала немало споров относительно правовой природы института субсидиарной ответственности в рамках несостоятельности (банкротства).

Так, например, И.А. Толмачева, указывала, что субсидиарная ответственность при банкротстве, это вид дополнительной гражданско-правовой ответственности, возникающей в случаях, установленных законодательством [2].

И.В. Горбашев, отмечает, что посредством изучения судебной практики, пришел к выводу о том, что суды высших инстанций определяют требование о привлечении контролирующих должника лиц к субсидиарной ответственности, как частный случай искового заявления о возмещении причиненных убытков [3].

Противники такой концепции утверждали, что законодателем допущена ошибка в определении правовой природы субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в банкротстве.

Ясность в данную дискуссию внес Верховный суд Российской Федерации (далее – Верховный Суд РФ, ВС РФ), который определил, что субсидиарная ответственность, применяемая в банкротных спорах, подлежит иному регулированию и толкованию в силу особенностей, применяемых банкротных механизмов, нежели в классических гражданских правоотношениях. В основу правовой природы субсидиарной ответственности в делах о несостоятельности (банкротстве) лежит принцип генерального деликта.

Предполагается, что термин «субсидиарная ответственность» носит условный характер в сфере несостоятельности (банкротстве), на что также указывает отсутствие такого традиционного элемента гражданского правонарушения, как противоправность [4].

С данной точкой зрения невозможно не согласиться, поэтому в законодательстве необходимо закрепить положения, которые бы разграничивали специальную терминологию в сфере банкротства от терминов, используемых в гражданском законодательстве, в той части, где возможны правовые противоречия при схожести в понятиях. Такой прием можно наблюдать в налоговом законодательстве, где в статье 11 Налогового кодекса Российской Федерации (далее – НК РФ), указывается, что институты, понятия и термины иных законодательств, применяются в налоговом законодательстве, если иное не предусмотрено НК РФ.

Правовая природа института субсидиарной ответственности основывается на двух сопряженных деликтах. Один из них исходит из невозможности полного погашения требований кредиторов (доведение должника до банкротства), а другой основывается на факте неподачи (несвоевременную подачу) заявления должником. В рамках субсидиарной ответственности по обязательствам кредитной организации статья 189.23 Закона о банкротстве определяет два характерных основания, которые также именуются презумпциями.

Первое – совершение или одобрение сделок, причинивших существенный ущерб кредиторам банка. Такими сделками признаются, как одна, так и цепочка взаимосвязанных сделок, приведшая к так называемому «объективному банкротству» кредитной организации.

Под «объективным банкротством» понимается неспособность в полном объеме удовлетворить требования кредиторов, в том числе об упла-

те обязательных платежей, из-за превышения совокупного размера обязательств над реальной стоимостью его активов.

С.А. Карелина справедливо отмечает, что отсутствие четко закрепленных квалифицирующих признаков указанной категории вызывает на практике определенные сложности, являющиеся следствием неоднозначности подходов к квалификации тех или иных фактических обстоятельств, необходимых для оценки момента наступления объективного банкротства [5].

Действительно, критерий существенного вреда, приведшего к объективному банкротству сильно размыт. В формирующейся судебной практике не выработаны однозначные экономические характеристики юридического лица, которые бы указывали на его имущественный кризис, что не позволяет судам выработать единообразный подход к определению момента наступления неплатежеспособности. Нами предлагается оптимальный критерий для применения такой презумпции – оценка экономических характеристик и показателей кредитной организации по бухгалтерскому балансу, на основе которого можно сделать вывод о периоде наступления неплатежеспособности.

Аналогичную позицию высказывает А.В. Ефимов, который считает, что экономические характеристики (показатели), которые способны индивидуализировать юридических лиц, могут непосредственно получать закрепление в гипотезах норм права, влияя тем самым на наступление определенных правовых последствий, в том числе связанных с уведомлением различных заинтересованных лиц о возникающих проблемах [6].

Для банковского сектора, сделками, причинившими существенный имущественный вред кредиторами, зачастую признаются сделки по выдаче так называемых технических кредитов. Такие сделки характеризуются, как сделки, совершенные на заведомо невозвратной основе, т.е. выданы лицам, без равноценного обеспечения, которые изначально не имеют возможности вернуть заемные средства. Зачастую этими лицами бывают фирмы – однодневки, не ведущие реальную хозяйственную деятельность, как правило, подконтрольные КДЛ кредитных организаций.

Так, например, Экономическая коллегия Верховного суда Российской Федерации в своем определении в рамках рассмотрения кассационной жалобы по спору о привлечении к субсидиарной ответственности в рамках банкротства акционерного общества Банка «ВПБ» установила ряд противоправных действий контролирующих должника лиц, которые и послужили основанием для объективного банкротства банка. По мнению коллегии, объективное банкротство произошло вследствие выдачи банком кредитов организациям, которые фактически не вели реальную хозяйственную деятельность (технические заемщики). Лица, занимающие руководящие должности, которые могли влиять на решения кредитной организации, заключали или способствовали заключению сделок по выдаче займов юридическим лицам, аффилированными с ними, а также расторгли обеспечительные договоры в отношении заведомо невозвратных (технических) кредитов для целей собственного обогащения, посредством вывода активов банка [7].

Вторым основанием для привлечения к субсидиарной ответственности контролирующего лица должника кредитной организации является указанная в подпункт 2 пункта 2 статьи 61.11 Закона о банкротстве презумпция, устанавливающая субсидиарную ответственность за искажение, утрату или непередачу документов экономической деятельности должника.

Круг лиц, привлекаемых по данному основанию также расширен законодателем. Он, помимо руководителя и главного бухгалтера, включает себя также иных лиц, которые напрямую ответственные за составление, ведение и хранение вышеуказанных документов и баз данных. Зачастую, такие лица назначаются локальными нормативными актами юридического лица.

В определении от 16 января 2020 г. Верховный Суд РФ, отметил, что лица, контролирующие кредитную организацию, в части оценки кредитных рисков, заведомо ложно определяли реально сложившееся положение, отражали искаженную отчетность о более благоприятном положении дел, что приводило к формированию минимальных резервов. Такие противоправные действия скрывали негативное финансовое состояние кредитной организации, что в совокупности с выдачей технических кредитов привело к банкротству банка [8].

Помимо всего прочего, следует обратить внимание на течение сроков исковой давности при привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности и на размер ответственности, к которой лицо может быть привлечено.

Нормы, содержащие специальный срок исковой давности о привлечении лиц к субсидиарной ответственности, содержатся в главе 3.2 Закона о банкротстве. Они указывают на два критерия начала течения срока исковой давности по данному требованию, который в обоих случаях составляет три года, в рамках десяти лет с момента основания для привлечения к ответственности.

Первый критерий содержит указание на предельный момент со дня признания должника банкротом, когда правомочное лицо должно было узнать о наличии оснований для привлечения к ответственности.

Второй критерий содержит указание на предельный момент со дня после завершения конкурсного производства, когда правомочное лицо должно было узнать о наличии оснований для привлечения к ответственности.

Очевидно, что такие сроки являются специальными сроками исковой давности, с указанием на объективный характер осведомленности заинтересованных лиц [9].

По нашему мнению, ввиду определения как контролирующего должника лица кредитной организации за любой период, когда такое лицо могло осуществлять фактический контроль над должником, что установлено пунктом 2 статьи 189.23 Закона о банкротстве, десятилетний пресекательный срок является коротким. Банковский сектор крайне стабилен и аккумулирует большим потоком денежных средств, поэтому в краткосрочном периоде виновные действия КДЛ не всегда могут сразу отразиться на платежеспособности юридического лица, именно для этого законодатель убрал трехлетний срок для определения контролирующего лица должника. Также следует поступить и с пресекательным сроком, который, по нашему мнению, следует расширить до 25 лет со момента наступления основания для привлечения к субсидиарной ответственности по долгам кредитной организации. Такой срок обусловлен, прежде всего, развитием технического прогресса, который в настоящее время позволяет фиксировать и хранить все данные о кредитной организации в цифровом виде, что непременно упростит оценку эффективности каждого принятого решения.

Касательно объема ответственности, предусмотренной институтом субсидиарной ответственности, то по общему правилу, размер ответственности равен размеру требований кредиторов, как реестровых, так и зарегистрированных. Однако, такой размер может быть уменьшен ввиду незначительной степени нанесения вреда имущественным правам кредиторов действиями контролирующего лица должника.

Нельзя не отметить, что в ситуации, когда КДЛ кредитной организации нанес вред до того момента, когда в соответствии с нормами специального законодательства Банк России или Агентство составили и утвердили план по предупреждению банкротства кредитной организации, то размер ответственности КДЛ не может превысить стоимость чистых активов юридического лица, по состоянию на последний квартал, когда был утвержден такой план. Данный пункт установлен специальным законодательством ввиду отличия от классического механизма банкротства юридических лиц последовательности процедур банкротства. В банкротстве кредитных организаций применяется только одна процедура – конкурсное производство, а перед ним следуют меры по предупреждению банкротства.

На наш взгляд, такой усеченный размер субсидиарной ответственности, верно, введен законодателем, ввиду возможности санирующими процедурами только усугубить положение кредитной организации, за которое контролирующее должника лицо уже не может отвечать, так как он будет ограничен в своих действиях и правах в отношении управления и влияния на кредитную организацию при применении восстанавливающих платежеспособность процедур.

Далее следует обратиться к правовой природе института убытков в деле о (несостоятельности) банкротстве кредитной организации. Убытки по смыслу гражданского законодательства – это вид гражданско-правовой ответственности, который возникает, по общему правилу, в случае наличия ущерба, который образовался ввиду противоправных действий причинителя вреда. Исходя из пункта 2 статьи 15 ГК РФ реальный ущерб представляет собой расходы, которые лицо, чье право нарушено, произвело или должно будет произвести для восстановления нарушенного права. Развивая это положение Верховный Суд РФ указал, что к реальному ущербу также относится не только фактическое уменьшение стоимости имущества, но и гипотетическое, которое ввиду нарушения ответчиком обязательств может произойти [10]. Механизм возмещения убытков является прямо поименованным в гражданском законодательстве способом защиты гражданских прав, который в том числе широко применяется в банкротных правоотношениях, как по общим основаниям, так и исходя из специальных норм об убытках, закрепленных в Законе о банкротстве.

В рамках взыскания убытков в банкротстве, выделяют определенные, прямо поименованные виды, которые могут быть вменены контролирующему должника лицу кредитной организации.

Убытки, вследствие нарушения корпоративного законодательства, определяются статьей 53.1 ГК РФ и статьей 71 Закона об АО [11]. Под основаниями для привлечения к ответственности подразумеваются недобросовестные и неразумные действия лица, которое осуществляет как формально-юридический, так и опосредованный контроль юридического лица. В банкротном законодательстве используется данная, классическая модель, с особенностями, установленными специальными нормами Закона о банкротстве, прежде всего статьей 61.20. Такая норма никак не видоизменяет положения гражданского законодательства, а только добавляет возможность заявлять в рамках дела о банкротстве такие убытки.

По мнению И.С. Шиткиной, при анализе соотношения норм ст. 61.13 и 61.20 Закона о банкротстве становится очевидным, что законодатель не устанавливает новый вид ответственности, а с помощью специальной нормы, детализирует порядок взыскания убытков при банкротстве. В частности, когда привлекают к ответственности по основанию ст. 61.13 Закона о банкротстве [12].

Убытки, за нарушение законодательства о банкротстве, применяются в случаях наличия ущерба у кредиторов, в рамках рассмотрения дела о несостоятельности (банкротстве). Предполагается, что такие убытки

возникают, когда КДЛ кредитной организации в нарушение специальных норм и положений, регулирующих порядок действий при наступлении такого финансового положения кредитной организации, которое требует принятия мер по предупреждению банкротства, не принимают их. Перечень таких мер закреплен в статье 183.10 Закона о банкротстве, а их принятие возложено Банком России на руководителей кредитных организаций [13].

Убытки, причиненные в период санации банка. Банк России, управляющая компания или агентство от имени кредитной организации или сама кредитная организация вправе обратиться за взысканием с КДЛ убытков от недополученных доходов с денежных средств, которые направлены на восстановление платежеспособности должника.

А.В. Егоров отмечает, что сумма убытков составляет сумму процентов по ключевой ставке на общую сумму вложенных денежных средств и создают презумпцию убытков Банка России, которую довольно сложно опровергнуть [14].

Касательно течения срока исковой давности, по предъявляемым требованиям о взыскании убытков в рамках несостоятельности (банкротстве), то к нему применяется общий трехлетний срок исковой давности. Кроме того, Верховный Суд РФ в своем постановлении разъясняет, что течение такого срока может начаться только с момента, когда иное лицо, получившее руководство над должником по тем или иным обстоятельствам, получило реальную возможность узнать о допущенных нарушениях [9]. Таким образом, данный институт, в отличие от института субсидиарной ответственности не наделен специальными сроками исковой давности, что не отличает его от положений гражданского законодательства в отношении положений о взыскании убытков. Кроме того, он сопоставим с институтом субсидиарной ответственности в рамках банкротства кредитной организации в части отсутствия временных ограничений по действиям, которые могли совершить КДЛ кредитной организации, что будет являться основанием для привлечения их к ответственности.

Размер возмещения убытков, по общему правилу, определяется нормами гражданского законодательства и представляет из себя возмещение в полном объеме убытков за их причинение по конкретному правонарушению, при доказанности их наличия. Касательно обязательств в денежной форме, по общему правилу, предполагается, что в случае противоправных действий должника по неисполнению или ненадлежащему исполнению договора, последний обязан возместить кредиторы убытки. Должник обязан возместить не только реальный ущерб, но и упущенную выгоду, если она имеет место быть. Следует также отметить, что виды убытков разнообразны и их возмещение зависит от характера таких убытков.

Анализируя вышесказанное, можно прийти к выводу о том, что на практике при применении норм об убытках и норм о субсидиарной ответственности, может возникнуть ситуация, при которой основания привлечения к таким видам ответственности будут совпадать. Это очевидно будет приводить к ситуациям, в которых нормы материального права будут применяться неправильно, ввиду их первоначальной схожести.

Соотнося вышеназванные институты, прежде всего следует говорить об общих характеристиках, таких как, например, субъектный состав лиц, имеющих право на подачу заявления о привлечении к субсидиарной ответственности и ответственности в виде возмещения убытков.

В рамках института субсидиарной ответственности, полномочиями на подачу заявления о привлечении контролирующего должника лиц к субсидиарной ответственности в деле о банкротстве кредитной организации обладает конкурсный управляющий. Он подает такое заявление в суд либо по своей инициативе, либо по решению собрания (комитета) кредиторов. Альтернативно, законодатель также предусмотрел подачу такого заявления иными лицами, в ситуации, когда конкурсный управляющий уклоняется от такой подачи, игнорируя решение собрания (комитета) кредиторов. К лицам, имеющими полномочия по подачи заявления, в случае бездействия конкурсного управляющего, относятся: Банк России и конкурсный кредитор в ходе конкурсного производства.

Касательно право на подачу требования о возмещении убытков, следует отметить, что в данном случае действует общее правило, продиктованное корпоративным законодательством. Убытки возмещаются в пользу должника, что наделяет правом на подачу такого заявления, в сути лицами, управляющими должником, а также конкурсным кредитором и работниками должника, в случае наличия у должника задолженности перед ними. Однако и тут существует исключение, при применении механизмов, связанных с предупреждением банкротства кредитной организации, в частности процедуры санации. За проведение такой процедуры, с требованием о взыскании убытков от имени кредитной организации вправе обратиться, как сама организация, в лице уполномоченных субъектов по общему правилу, так и Банк России, Агентство или Управляющая компания также от ее имени.

Как отмечает С.А. Карелина, появление Банка России, когда у него нет денежных требований, а только статус органа банковского регулирования и надзора, Центральный банк РФ будет наделен правами конкурсного кредитора. Таким образом появится новый субъект правоотношений, не являющийся конкурсным кредитором, но обладающий правами конкурсного кредитора в части привлечения виновных лиц к субсидиарной ответственности [15].

Что касается соотношения предмета доказывания в двух сравниваемых институтах, то тут следует обратить внимания на упрощенный

механизм доказывания для лиц, подающих заявление о привлечении КДЛ к субсидиарной ответственности. Законодатель целенаправленно разработал так называемый презумпции, которые направлены на сохранение баланса интересов сторон ввиду того, что лица, подающие такое заявление, фактически не могут быть осведомлены о всех противоправных действиях, которые совершали контролирующие должника лица, при управлении кредитной организацией. Поэтому, для упрощения предмета доказывания, действует правило, что пока не доказано иное предполагается, что банкротство кредитной организации наступило вследствие действий и (или) бездействия лиц, контролирующих кредитную организацию, по основаниям, закрепленным в статье 61.11 Закона о банкротстве. Однако, по общим правилам состязательности арбитражного судопроизводства, лица, являющиеся ответчиками по заявлению о привлечении к субсидиарной ответственности, вправе как доказать отсутствие вины, так и опровергнуть применяемые презумпции. Кроме того, названные лица, вправе отдельно оспаривать статус контролирующего должника лица, что исключит их привлечение к ответственности, как в рамках заявления о привлечении к субсидиарной ответственности, так и за его пределами, например, оспаривать включение Банком России такого лица в перечень лиц, контролирующего кредитную организацию.

В деле о возмещении убытков бремя доказывания, по общему правилу лежит на заявителе, ему требуется доказать, как причинно-следственную связь между противоправным деянием и наступившими неблагоприятными последствиями, так и вину контролирующего лица в причинении убытков. При этом в зависимости от вменяемых лицу действий по причинению убытков, стандарт доказывания может изменяться. Так стандарт доказывания убытков по корпоративным основаниям отличается от соответствующего стандарта по спорам о признании недействительными сделок по специальным основаниям законодательства о банкротстве.

Кроме того, важно указать, что Верховный Суд Российской Федерации не раз указывал на то, что суды не ограничены в квалификации сторонами правоотношений и сами могут с учетом фактических обстоятельств переквалифицировать заявленные требования о привлечении к субсидиарной ответственности на требования о возмещении убытков [9].

Так, например, Арбитражный суд Московского округа, в своем постановлении, оценивая действия нижестоящих судов в рамках обособленного спора о привлечении к субсидиарной ответственности, которые взыскали с ответчиков убытки вместо привлечения их к субсидиарной ответственности, указал на неправильное применение норм материального права [16]. Кассационная инстанция отметила, что суды не связаны квалификацией сторон и должны сами квалифицировать предъявленные требования. Так, для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности, должны быть установлены их действия, которые непосредственно привели должника в состояние неплатежеспособности. Также коллегия сослалась на критерии привлечения к субсидиарной ответственности, которые ранее вывел в трех определениях Верховный Суд РФ. А нормы о взыскании убытков, по мнению кассационной инстанции, применяются при недоказанности оснований о привлечении к субсидиарной ответственности, но доказанности противоправных действий контролирующего лица, наличия причинно-следственной связи и убытков. К таким лицам применяются как общие нормы о взыскании убытков, так и корпоративные нормы об убытках.

Таким образом, подводя итог параграфу, стоит отметить следующее. При первом рассмотрении зачастую делается ложный вывод о схожести института субсидиарной ответственности и института возмещения убытков ввиду их деликтного характера. Однако, в действительности, это два абсолютно разных института, решающие абсолютно разные задачи, посредством собственных уникальных механизмов. Институт субсидиарной ответственности в процедуре несостоятельности (банкротстве), имея специальные презумпции, является абсолютно уникальным, находящимся в отрыве от положений о субсидиарной ответственности в рамках гражданского законодательства, механизм восстановления имущественного положения кредиторов. Это достигается с помощью возложения имущественной ответственности должника перед кредиторами, субсидиарно на контролирующих должника лиц, которые своим противоправным поведением создали ситуацию, при которой должник не смог ответить по своим обязательствам перед кредиторами.

Институт возмещения убытков, наоборот, направлен на восстановление имущественного положения самого должника за счет контролирующих лиц, которые совершили противоправные действия или бездействия, но которые не являлись основанием для ухудшения имущественного положения должника до состояния неплатежеспособности (банкротства).

Кроме того, в отличие от института возмещения убытков, институт субсидиарной ответственности не получает должного подробного описания на законодательном уровне. Его уточнению и созданию правил его применения занимается на данном этапе исключительно судебная практика, которая подвержена переменчивости.

Необходимо в законодательстве установить более четкие критерии определения субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц на основе уже сложившейся судебной практики.

1. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
2. Толмачева И.А. Понятие и правовая природа субсидиарной ответственности в рамках процедур банкротства по законодательству Российской Федерации // Юридическая наука. – 2021. – № 8. – С. 26–30.
3. Горбашев И.В. О некоторых материально-правовых аспектах привлечения к субсидиарной ответственности в разъяснениях Верховного Суда Российской Федерации // Вестник гражданского права. – 2018. – № 4. – С. 154–202.
4. Кротова Е.В. Субсидиарная ответственность в российском гражданском праве: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.03/ Кротова Екатерина Владиславовна. – М., 2020. – 22 с.
5. Карелина С.А. Признаки объективного банкротства, используемые при определении оснований привлечения к субсидиарной ответственности за невозможность полного погашения требований кредиторов вследствие действий и (или) бездействия контролирующего должника лица // Хозяйство и право. – 2020. – № 3. – С. 28–44.
6. Ефимов А.В. Влияние экономических характеристик (показателей) на правовое положение юридических лиц: монография. – Москва: Проспект, 2024. – 376 с.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 ноября 2023 г. № 305-ЭС18-6680(28–30) по делу № А40–200773/2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 16 января 2020 г. № 305-ЭС19–16954 по делу № А40–168999/2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
9. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующего должника лиц к ответственности при банкротстве» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
10. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 23.06.2015 г. № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
11. Федерального закона от 26 декабря 1995 г. № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
12. Середина И.М., Середина А.Г. Механизм правового регулирования отношений, возникающих в связи с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве: монография. – Москва: Статут, 2020. – 112 с.
13. Инструкция Банка России от 11 ноября 2005 г. № 126-И «О порядке регулирования отношений, связанных с осуществлением мер по предупреждению несостоятельности» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
14. Егоров А.В. Нетипичные убытки по абз. 2 п. 5 ст. 189.23 Закона о банкротстве: парадокс или потаенный смысл? // Вестник гражданского права. – 2021. – № 4. – С. 58–103.
15. Карелина С.А. Механизм привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процессе несостоятельности: современные тренды // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 2. – С. 3–17.
16. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 12.02.2025 г. № Ф05–4497/2014 по делу № А41–51561/2013 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).

THE INTERRELATION BETWEEN THE INSTITUTE OF SUBSIDIARY LIABILITY AND THE INSTITUTE OF DAMAGES IN INSOLVENCY (BANKRUPTCY) CASES OF CREDIT INSTITUTIONS

Tkachenko A.P.

This article presents a comprehensive analysis of the institute of subsidiary liability of persons controlling the debtor (controlling persons of the debtor, CPD) in bankruptcy cases of credit institutions under current Russian civil law. The author substantiates the unique legal nature of this liability, distinguishing it from classical subsidiary liability. The research focuses on the specific

presumptions for imposing liability and identifies problems in their application. Through an analysis of judicial practice and doctrinal approaches (by I.A. Tolmacheva, I.V. Gorbachev, A.V. Egorov, S.A. Karelina, I.S. Shitkina, A.V. Efimov), the article reveals issues in applying these presumptions, particularly the ambiguity of the “substantial harm” criterion and the “objective insolvency” point. The author proposes a criterion for evaluating economic indicators based on the balance sheet to determine insolvency. Special attention is paid to a comparative analysis of the institute of subsidiary liability and the institute of damages in the bankruptcy of credit institutions, highlighting their fundamental differences in terms of purpose, grounds, burden of proof, scope of liable parties, and statutes of limitations. The author criticizes the existing 10-year limitation period for subsidiary liability claims, proposing its extension to 25 years for the banking sector. The article also substantiates the need for legislative enshrinement of clear criteria for holding CPDs subsidiarily liable, based on established judicial practice, to eliminate contradictions and confusion with the institute of damages.

Keywords: subsidiary liability; bankruptcy of credit institutions; persons controlling the debtor; recovery of losses; civil liability, tort, comparative legal analysis.

References

1. Federal Law No. 127-FZ of 26.10.2002 “On Insolvency (Bankruptcy)” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 43. – Art. 4190.
2. Tolmacheva I.A. The Concept and Legal Nature of Subsidiary Liability in Bankruptcy Proceedings under the Legislation of the Russian Federation // Legal Science. – 2021. – No. 8. – P. 26–30.
3. Gorbachev I.V. On Some Substantive Legal Aspects of Bringing to Subsidiary Liability in the Clarifications of the Supreme Court of the Russian Federation // Civil Law Review. – 2018. – No. 4. – P. 154–202.
4. Krotova E.V. Subsidiary Liability in Russian Civil Law: Abstract of the Dissertation ... Candidate of Legal Sciences: 12.00.03 / Krotova Ekaterina Vladislavovna. – Moscow, 2020. – 22 p.
5. Karelina S.A. Signs of Objective Bankruptcy Used in Determining the Grounds for Bringing to Subsidiary Liability Due to the Inability to Fully Satisfy Creditors’ Claims as a Result of Actions and/or Inaction of a Person Controlling the Debtor // Economy and Law. – 2020. – No. 3. – P. 28–44.
6. Efimov A.V. The Influence of Economic Characteristics (Indicators) on the Legal Status of Legal Entities: Monograph. – Moscow: Prospect, 2024. – 376 p.
7. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES18–6680(28–30) of 27.11.2023 in Case No. A40–200773/2016 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).
8. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES19–16954 of 16.01.2020 in Case No. A40–168999/2016 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).
9. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 53 of 21.12.2017 “On Certain Issues Related to Bringing Persons Controlling the Debtor to Liability in Bankruptcy” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).
10. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation No. 25 of 23.06.2015 “On the Application by Courts of Certain Provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).
11. Federal Law No. 208-FZ of 26.12.1995 “On Joint-Stock Companies” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).
12. Sereda I.M., Sereda A.G. The Mechanism of Legal Regulation of Relations Arising in Connection with Bringing Persons Controlling the Debtor to Liability in Bankruptcy: Monograph. – Moscow: Statut, 2020. – 112 p.
13. Instruction of the Bank of Russia No. 126-I of 11.11.2005 “On the Procedure for Regulating Relations Related to the Implementation of Measures to Prevent Insolvency” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).
14. Egorov A.V. Atypical Losses under Para. 2 Clause 5 Art. 189.23 of the Bankruptcy Law: Paradox or Hidden Meaning? // Civil Law Review. – 2021. – No. 4. – P. 58–103.
15. Karelina S.A. The Mechanism for Bringing Persons Controlling the Debtor to Subsidiary Liability in Insolvency Proceedings: Current Trends // Arbitration Practice Bulletin. – 2022. – No. 2. – P. 3–17.
16. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District No. F05–4497/2014 of 12.02.2025 in Case No. A41–51561/2013 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).

Правовое регулирование цифровизации финансового рынка и развития платежной инфраструктуры как направления обеспечения финансового суверенитета

Чернобровкина Екатерина Борисовна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры
финансового права Московского государственного
юридического университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: kchernobrovkina@yandex.ru

Актуальность исследования. В современных условиях вопросы обеспечения финансовой независимости государства приобретают особую значимость как в теоретических разработках, так и в практической деятельности регулятивных органов. Многоуровневая архитектура финансовой системы, оказывающая непосредственное воздействие на формирование норм финансового права, диктует потребность в комплексном изучении не только общих принципов финансовой автономии, но и специфических форм ее реализации в ключевых областях финансовой активности, включая функционирование рынка финансовых услуг и систему денежного оборота.

Методологическая основа работы включает совокупность универсальных и специализированных исследовательских подходов: метод научного абстрагирования, системный и логический анализ, методы анализа и синтеза, сравнительно-правовой и формально-юридический методы. Основные результаты исследования свидетельствуют о следующем: а) достижение финансовой независимости требует проведения взвешенной денежно-кредитной политики в сочетании с созданием современной внутренней финансовой инфраструктуры и активным внедрением цифровых технологий; б) технологическая модернизация финансового рынка и совершенствование платежной инфраструктуры представляют собой ключевые стратегические векторы укрепления финансовой автономии; в) практическое применение цифровых активов и национальной цифровой валюты способствует повышению результативности экономического управления и укреплению финансовой независимости Российской Федерации.

Ключевые слова: финансовый суверенитет, финансовый рынок, цифровизация, цифровая валюта, цифровой рубль.

Современная экономическая система демонстрирует критическую зависимость от эффективно функционирующего финансового рынка, что проявляется как на национальном, так и на международном уровне, поскольку экономическое развитие в условиях современности невозможно представить без высокоразвитой финансовой инфраструктуры. Исполнительная власть Российской Федерации, реализуя директивы главы государства в тесном взаимодействии с центральным банком страны, сформулировала и приняла Стратегию развития финансового рынка Российской Федерации на период до 2030 года, официально утвержденную 29 декабря 2022 года. [1]

В качестве одного из фундаментальных принципов эволюции отечественного финансового рынка данная Стратегия выделяет концепцию финансовой независимости. Поступательное развитие финансового рынка предполагает реализацию трех ключевых стратегических направлений: во-первых, формирование устойчивого доверительного отношения со стороны инвестиционного сообщества к российскому финансовому рынку; во-вторых, диверсификация спектра доступных инвестиционных инструментов с целью минимизации инвестиционных рисков и обеспечения большей вариативности при принятии инвестиционных решений; в-третьих, создание интегрированного финансового пространства между российским финансовым рынком и финансовыми системами партнерских государств посредством активного привлечения капитала инвесторов из дружественных юрисдикций.

Учитывая фундаментальную роль, которую играют государственные финансы и связанная с ними финансовая деятельность государства в укреплении независимости Российской Федерации, исследователи в области финансового права обоснованно выделяют концепцию финансового суверенитета как отдельную юридическую категорию. Данный подход находит отражение в работах Горбуновой О.Н. и Петровой Г.В., где авторы анализируют взаимосвязь бюджетной политики, финансовой безопасности и правового регулирования в странах Евразийского экономического союза [2].

Концептуальное понимание финансового суверенитета получило развитие в исследованиях Е.Ю. Грачевой, которая предлагает рассматривать данное явление как комплексную систему законодательно закрепленных инструментов и механиз-

мов, призванных гарантировать устойчивое развитие государства и повышение качества жизни населения[3]. Такой подход подчеркивает практическую направленность финансового суверенитета как инструмента государственного управления.

В современной научной литературе отсутствует единое толкование термина «финансовый суверенитет», однако большинство исследователей сходятся во мнении, что это понятие представляет собой неотъемлемый компонент государственной независимости [4]. Наряду с информационной, технологической и экономической автономией, финансовый суверенитет формирует основу современного понимания государственной самостоятельности.

Сущность финансового суверенитета раскрывается через несколько ключевых характеристик: создание надежной финансовой архитектуры, способной противостоять различным дестабилизирующим воздействиям; проведение самостоятельной монетарной политики; функционирование национальной расчетно-платежной инфраструктуры; обеспечение возможности реализации экономических задач государства вне зависимости от внешнего давления.

В научном дискурсе финансовый суверенитет традиционно интерпретируется как многогранная составляющая государственной независимости, которая одновременно входит в политическую и экономическую сферы государственного суверенитета. По определению Петровой Г.В. и Ступакова В.И., это понятие охватывает «автономность социально-экономических процессов, валютного регулирования, бюджетной и налоговой системы, инвестиционных механизмов и распределения бюджетных ресурсов в контексте социализации, финансиализации и экологизации современной экономики, государства и правовой системы» [5]. Таким образом, финансовый суверенитет базируется на принципах независимости и верховенства государственной власти в сфере финансовых отношений.

Российская Федерация интегрирована в глобальную финансовую архитектуру, что проявляется через многообразные формы международного финансового сотрудничества. Данная интеграция реализуется посредством участия в деятельности международных финансовых институтов, где страна выполняет обязательства по внесению установленных взносов. Особый характер носит совместное бюджетное планирование с Республикой Беларусь в рамках союзного государства. Кроме того, трансграничное движение капитала обеспечивается функционированием глобальных финансовых рынков, создающих условия для международного перетока инвестиционных ресурсов.

Сфера финансового рынка представляет собой ключевой элемент в архитектуре финансового права, поскольку правовые нормы, определяющие принципы его работы, составляют неотъемлемый компонент предметной области данной правовой дисциплины. В качестве структурного компонента

финансовой системы, финансовый рынок регулируется специальными правовыми нормами, которые играют критически важную роль в обеспечении циркуляции денежных средств между различными элементами финансовой инфраструктуры.

Концептуальное оформление понятий «финансовый рынок» и «система финансового рынка» в научной литературе произошло во второй половине двадцатого столетия, дополнив уже устоявшуюся терминологию «финансовая система».

Методологической основой теоретических исследований в области регулирования финансового рынка традиционно выступает анализ его фундаментальной природы как предмета правового воздействия. При этом приоритетной исследовательской задачей остается разработка четкого определения категории «финансовый рынок» в рамках современной финансовой теории, а также установление его внутренней организации и взаимосвязей с общей финансовой системой государства.

Первое научное применение термина «финансовый рынок» связано с именем выдающегося американского экономиста Джеймса Тобина (1918–2002), который в 1963 году использовал данное понятие как эквивалент рынка капитала[6].

В последующих экономических исследованиях [7] финансовый рынок получил интерпретацию как комплекс тесно взаимосвязанных рыночных взаимоотношений, формирующих сферу денежного обращения. Этот комплекс функционирует через механизмы концентрации финансовых ресурсов и их последующего распределения между участниками рынка, где объектами сделок выступают различные формы капитала, функционирующие в соответствии с фундаментальными принципами соотношения спроса и предложения.

В современной юридической литературе исследователи финансово-правовых отношений, включая работы А.Г. Гузнова и Т.Э. Рождественской формулируют понимание финансового рынка как комплексной системы экономико-правовых взаимодействий[8]. Эта система характеризуется использованием денежных средств в различных качествах: как универсального платежного инструмента и как средства для создания накоплений через депозитные и вкладные механизмы. Одновременно данная система охватывает широкий спектр финансовых инструментов и продуктов, включающий производные финансовые механизмы, фондовые инструменты, продукты страхового сектора и множество других финансовых решений.

Функциональная структура финансового рынка включает в себя ряд ключевых направлений деятельности. Среди них особо выделяется перераспределительная функция, обеспечивающая эффективное движение капитала между различными секторами экономики. Информационная составляющая играет роль в формировании прозрачности рыночных процессов, в то время как регулирующие механизмы поддерживают стабильность системы. Функция оценки бизнес-активов способствует формированию справедливой стоимости, а под-

держание ликвидности и управление ресурсами обеспечивают непрерывность рыночных операций.

Структурная организация финансового рынка проявляется через множество специализированных направлений. Банковская система формирует основу для большинства финансовых операций, национальная платежная система обеспечивает техническую инфраструктуру для денежных переводов, фондовый рынок создает возможности для торговли ценными бумагами. Микрофинансовый сектор и сфера коллективных инвестиций расширяют доступность финансовых услуг, страховая отрасль обеспечивает защиту от рисков, а инфраструктурные организации создают техническую базу для функционирования всей системы.

Каждое из перечисленных направлений развилось в самостоятельную подсистему с собственными характеристиками. Особого внимания заслуживает национальная платежная система, которая получила законодательное закрепление как отдельный правовой институт со специфической терминологией и понятийным аппаратом, установленным соответствующим федеральным законом.

Центральное место в архитектуре финансового рынка занимает денежная система, представляющая собой организационную структуру для денежного обращения. Этот процесс характеризуется постоянным движением денежных средств как в наличной, так и в безналичной формах, обеспечивая функционирование всех элементов финансовой системы.

Современный этап развития финансового рынка неразрывно связан с процессами цифровой трансформации, которые приобретают критическое значение для всей отрасли. Внедрение цифровых решений охватывает практически все виды финансовых услуг: от традиционных банковских и платежных операций до специализированных страховых продуктов, брокерского и дилерского обслуживания. Цифровые технологии также активно применяются в сфере коллективных инвестиций, микрофинансирования, депозитарного обслуживания и регистраторской деятельности. Процесс цифровизации демонстрирует свое влияние на различные экономические сегменты, включая банковскую сферу, реальный сектор экономики и финансовые рынки в целом.

Центральный банк Российской Федерации в тесном взаимодействии с федеральными органами исполнительной власти определяет в качестве приоритетного направления оперативное формирование и модернизацию законодательной базы, способствующей интеграции передовых технологических решений в финансовую сферу и выводу на рынок новаторских финансовых продуктов. Динамичное развертывание цифровых финансовых технологий диктует необходимость ускоренной трансформации нормативно-правовой среды по сравнению с традиционными темпами законодательской деятельности. Создаваемая регулятивная система должна найти оптимальный баланс между стимулированием цифровых нововведений

и обеспечением надежной защиты интересов потребителей финансовых услуг, поддержанием стабильности всей финансовой системы.

Под координацией регулятора продолжается выполнение комплекса задач по углублению функциональности инфраструктуры Цифрового профиля, который выступает в роли универсальной платформы для цифрового обмена информацией, востребованной при оказании финансовых услуг между физическими лицами, государственными структурами и коммерческими организациями, при строгом соблюдении норм российского законодательства о защите персональной информации. Предполагается формирование регулятивных механизмов, ориентированных на увеличение объема доступных сведений, их своевременное обновление и вовлечение более широкого круга финансовых институтов в использование возможностей Цифрового профиля граждан. Параллельно планируется заложить законодательный фундамент для становления Цифрового профиля организации и обеспечения доступа к расширенному массиву корпоративных данных с целью предоставления дистанционных финансовых услуг юридическим лицам.

Регулирующий орган также рассматривает как стратегически важную задачу продолжение совершенствования правового поля в сфере цифровых активов и формирование для участников финансовых отношений благоприятной среды, которая даст бизнес-структурам возможность разрабатывать прорывные цифровые продукты для мобилизации инвестиционных ресурсов, а частным лицам обеспечит комфортный доступ к инвестиционным возможностям при гарантированной защите их законных прав и экономических интересов. В этом контексте для стимулирования инновационной активности на финансовом рынке был принят комплекс федеральных нормативных актов, нацеленных на оптимизацию правового регулирования цифровых прав и дальнейшее развитие данного сегмента финансового рынка.

Законодательные инициативы предусматривают формирование целостной системы фискального регулирования сделок с утилитарными цифровыми правами, направленной на создание единых образных принципов налогового учета как для инновационных цифровых инструментов, так и для классических финансовых продуктов. Параллельно разрабатываются механизмы юридической ответственности за неправомерное использование цифровых прав в коммерческом обороте.

Стратегические планы регуляторного развития включают изучение перспектив формирования нормативной базы для внедрения цифровых эквивалентов различных категорий финансовых активов. Особое внимание уделяется интеграции существующей торгово-клиринговой инфраструктуры в процессы обращения цифровых прав, а также внедрению упрощенных процедур верификации клиентов и другим инновационным решениям.

Ключевым вектором цифровой трансформации финансовой сферы выступает развертывание экосистемы цифровых финансовых активов и революционных платежных решений, включая цифровой рубль, которые определяют контуры будущего финансового ландшафта. Инициативы включают экспериментальное применение цифрового рубля в государственных финансовых операциях.

Центральный банк Российской Федерации определил создание технологической платформы цифрового рубля как стратегический приоритет своей деятельности. С августа 2023 года в стране функционирует правовая основа цифрового рубля, закрепленная в паре основополагающих федеральных актов. Закон № 339-ФЗ от 24 июля 2023 года [9] модифицирует положения Гражданского кодекса РФ, устанавливая правовой статус цифрового рубля как формы безналичных денежных средств согласно статье 128 ГК РФ, одновременно признавая расчеты в цифровых рублях легитимным платежным механизмом в рамках статьи 140 ГК РФ.

Федеральный закон № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [10] от того же периода детализирует операционные аспекты деятельности Центрального банка по администрированию счетов в рамках платформы цифрового рубля и определяет принципы взаимодействия между мегарегулятором и коммерческими кредитными организациями. Нормативные положения предоставляют возможность использования цифрового рубля для урегулирования налоговых обязательств в ситуациях, когда у плательщика отсутствуют альтернативные финансовые ресурсы.

Федеральная налоговая служба наделена полномочиями по временному блокированию операций по счетам цифрового рубля и получению информации о состоянии таких счетов и остатках средств от оператора платформы. Налоговое ведомство получило право применения административных санкций к операторам за нарушения процедур открытия счетов цифрового рубля, игнорирование требований о приостановлении операций и отказ от предоставления запрашиваемых сведений о счетах. Начиная с января 2025 года действуют обновленные нормы, регламентирующие учет цифрового рубля в процедурах банкротства.

Банк России планирует внедрить принципиально новый денежный инструмент – цифровой рубль, который займет особое место в национальной финансовой системе наряду с традиционными наличными и безналичными формами денежных средств. Данная инновация представляет собой революционный подход к организации денежного обращения, поскольку цифровая валюта кардинально отличается от привычных банкнот и электронных записей на банковских счетах.

Техническая архитектура цифрового рубля основывается на токенизированной структуре, где каждая денежная единица получает уникальный цифровой идентификатор, подобно серийному номеру физической купюры. Ключевое отличие но-

вой валютной формы заключается в централизованном подходе к хранению и управлению – в отличие от традиционной банковской системы, где средства распределены между различными кредитными организациями, цифровые рубли концентрируются исключительно в инфраструктуре центрального банка.

Такая централизованная модель организации создает значительные преимущества для участников финансового рынка. Прежде всего, монополизация функций хранения цифровой валюты Банком России открывает возможности для существенного снижения операционных издержек при осуществлении переводов как для частных лиц, так и для коммерческих организаций. Одновременно данная архитектура обеспечивает беспрецедентный уровень государственного контроля денежных потоков в национальной экономике.

Практическое применение цифрового рубля предполагает его активное использование в сфере социальных выплат и бюджетного финансирования. Государственные программы поддержки семей, различные виды социальной помощи, пенсионные выплаты и заработная плата работников бюджетной сферы могут осуществляться посредством новой цифровой валюты. Подобный подход обусловлен возможностями отслеживания целевого использования выделяемых средств.

Технологические особенности цифрового рубля позволяют реализовать принципиально новые механизмы контроля за расходованием средств. Поскольку все операции с цифровой валютой происходят в рамках централизованной платформы центрального банка, исключается необходимость в посреднических структурах, что обеспечивает полную прозрачность финансовых операций.

Программируемая природа цифрового рубля, реализованная через токенизированную архитектуру, создает возможности для встраивания специальных ограничений на использование средств. Социальные выплаты, поступающие в форме цифровых рублей, могут быть технически ограничены определенными категориями товаров и услуг, что исключает нецелевое расходование бюджетных средств. Данная функциональность демонстрирует высокий потенциал государственного регулирования финансовых потоков.

Нормативное определение цифрового рубля характеризует его как официальную денежную единицу России в цифровом формате, выпускаемую центральным банком и обладающую статусом законного платежного средства на всей территории страны. По своей сути цифровой рубль представляет собой специализированное программное решение, реализующее функции денег в цифровой среде.

Несмотря на то что массовое внедрение цифровой валюты запланировано на период после 2025 года, уже в настоящее время ведется активная подготовка необходимой технологической инфраструктуры. В частности, разрабатывается универсальная система QR-кодирования для без-

наличных расчетов, которая будет поддерживать операции с цифровыми рублями наряду с традиционными платежными инструментами, актуальную роль цифровой рубль будет играть в трансграничных расчетах и в бюджетном процессе.

Литература

1. «Стратегия развития финансового рынка до 2030 года». СЗ РФ. 2023. № 1 (ч. Ш). ст. 476.
2. Горбунова О.Н., Петрова Г.В. Бюджетная политика, бюджетная безопасность, бюджетное право в государствах – членах ЕАЭС // Международное сотрудничество евразийских государств: политика, экономика, право. 2017. № 4. С. 21–31.
3. Грачева Е.Ю. Финансовый суверенитет – миф или реальность? Вестник Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА). 2023. № 7. С. 26.
4. Финансовый суверенитет государства: теория и правовая реальность. Монография. под ред. Е.Ю. Грачевой. М., Норма. 2024.
5. Петрова Г.В., Ступаков В.И. Финансово-правовые аспекты обеспечения защиты политического, экономического, финансового суверенитета государства в поправках к Конституции Российской Федерации, вступившим в силу 4 июля 2020 года / Пробелы в российском законодательстве. 2020. Т. 13.: 6. С. 78.
6. Современные финансовые рынки / под ред. В.В. Иванова. М., 2014. С. 14.
7. Петриченко М.П. Закономерности государственного регулирования финансового рынка в России: дис. ...д-ра экон. наук. Саратов. 1999. С. 13.)
8. Гузнов А.Г. Финансово-правовое регулирование финансового рынка в Российской Федерации: дис. ...д-ра юрид. Наук: М., 2016. С. 29; Гузнов А.Г., Рождественская Т.Э. Организация финансового рынка и финансово-правовые механизмы урегулирования их несостоятельности: монография. М.: Норма; Инфра-М, 2016.
9. Федеральный закон от 24.07.2023 г. № 339 «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса РФ». СЗ РФ. № 31 (ч. III). 31.07.2023. ст. 5765.
10. Федеральный закон от 24.07.2023 № 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». СЗ РФ. № 31 (ч. III). 31.07.2023. ст. 5766.

LEGAL REGULATION OF DIGITALIZATION OF THE FINANCIAL MARKET AND DEVELOPMENT OF PAYMENT INFRASTRUCTURE AS A WAY TO ENSURE FINANCIAL SOVEREIGNTY

Chernobrovkina E.B.

Moscow state juridical University named after O.E. Kutafin

The relevance of the study. In today's conditions, the issues of ensuring the financial independence of the state acquire particular significance both in theoretical research and in the practical activities of regulatory bodies. The multi-level architecture of the financial system, which has a direct impact on the formation of financial law norms, dictates the need for a comprehensive study of not only the general principles of financial autonomy, but also the specific forms of its implementation in key areas of financial activity, including the functioning of the financial services market and the monetary circulation system.

The methodological basis of the work includes a set of universal and specialized research approaches: the method of scientific abstraction, systematic and logical analysis, methods of analysis and synthesis, comparative legal and formal legal methods.

The main findings of the study are as follows: a) Achieving financial independence requires a balanced monetary policy, combined with the creation of a modern domestic financial infrastructure and the active implementation of digital technologies; b) The technological modernization of the financial market and the improvement of the payment infrastructure are key strategic vectors for strengthening financial autonomy; c) The practical application of digital assets and the national digital currency contributes to improving the effectiveness of economic management and strengthening the financial independence of the Russian Federation.

Keywords: financial sovereignty, financial market, digitalization, digital currency, digital ruble.

References

1. "Strategy for the Development of the Financial Market until 2030". SZ RF. 2023. No. 1 (part. Sh). Art. 476.
2. Gorbunova O.N., Petrova G.V. Budget Policy, Budget Security, and Budget Law in the EAEU Member States // International Cooperation of the Eurasian States: Politics, Economics, Law. 2017. No. 4. Pp. 21–31.
3. Gracheva E. Yu. Financial Sovereignty: Myth or Reality? Vestnik Universiteta imeni O.E. Kutafina (MGYuA). 2023. No. 7. P. 26.
4. Financial Sovereignty of the State: Theory and Legal Reality. Monograph. Edited by E. Yu. Gracheva. Moscow, Norma. 2024.
5. Petrova G.V., Stupakov V.I. Financial and Legal Aspects of Ensuring the Protection of the State's Political, Economic, and Financial Sovereignty in the Amendments to the Constitution of the Russian Federation that Came into Force on July 4, 2020 / Gaps in Russian Legislation. 2020. Vol. 13. No. 6. P. 78.
6. Modern Financial Markets / Edited by V.V. Ivanov. Moscow, 2014. P. 14.
7. Petrichenko M.P. Patterns of State Regulation of the Financial Market in Russia: Dis. ... Dr. Econ. Sci. Saratov. 1999. P. 13.)
8. Guznov A.G. Financial and Legal Regulation of the Financial Market in the Russian Federation: Dis. ... Dr. Law. Sciences: Moscow, 2016, p. 29; Guznov, A.G., and Rozhdestvennaya, T.E. Organization of the Financial Market and Financial and Legal Mechanisms for Regulating Their Insolvency: A Monograph. Moscow: Norma; Infra-M, 2016.
9. Federal Law No. 339 of 07/24/2023 "On Amendments to Articles 128 and 140 of Part One, Part Two and Articles 1128 and 1174 of Part Three of the Civil Code of the Russian Federation". Federal Law OF the Russian Federation. No. 31 (part III). 07/31/2023. Article 5765.
10. Federal Law No. 340-FZ dated 07/24/2023 "On Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation". Federal Law OF the Russian Federation. No. 31 (part III). 07/31/2023. article 5766.

Использование искусственного интеллекта в деятельности прокурора по контролю за соответствием расходов доходам лиц, замещающих государственные должности

Шитова Екатерина Леонхардовна,

аспирант кафедры организации судебной и прокурорско-следственной деятельности, ФГАОУ ВО «Московский государственный юридический университет имени О.Е. Кутафина» (Университет имени О.Е. Кутафина (МГЮА))
E-mail: lacrimasea@mail.ru

Автор анализирует потенциал и сложности интеграции технологий искусственного интеллекта в сфере противодействия коррупции, в том числе, при проведении проверок органами прокуратуры по контролю за соответствием расходов доходам лиц, замещающих государственные должности. Освещается опыт цифровой трансформации органов прокуратуры, а также анализируется действующая нормативная база, регулирующая применение искусственного интеллекта. Особое внимание уделено возможностям автоматизированного сопоставления расходов и доходов с использованием данных от контролирующих и надзорных структур, а также подготовке исковых заявлений об обращении в доход государства имущества, происхождение которого не подтверждено законными доходами. Подчеркивается необходимость внедрения технологий искусственного интеллекта для мониторинга и контроля расходов и доходов должностных лиц при соблюдении требований по защите персональных данных и конфиденциальности финансовой информации.

Ключевые слова: прокурорский надзор за исполнением законодательства о противодействии коррупции, искусственный интеллект, декларация о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера, обращение имущества в доход государства, цифровизация.

Сложно не согласиться с высказыванием Председателя Конституционного суда Российской Федерации В.Д. Зорькина 20 мая 2025 г. на Петербургском юридическом форуме о том, что «коррупцию не искоренить, перед нами повсеместное и, судя по всему, неистребимое явление». [1]

Учитывая необходимость постоянной работы по повышению эффективности борьбы с коррупцией, государство формирует соответствующие среднесрочные и долгосрочные планы.

После завершения действия Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы, утвержденного Указом Президента Российской Федерации от 16 августа 2021 г. № 478 (далее – Указ), новый план, рассчитанный на 2025 год и последующие годы, еще не введен в действие. [2]

При этом во исполнение Указа в настоящее время в прокуратуре действует и успешно реализуется «Комплексный план мероприятий по противодействию коррупции на 2021–2025 годы», обеспечивающий непрерывность антикоррупционных мероприятий, утвержденный приказом Генерального прокурора Российской Федерации от 15 сентября 2021 г. № 532 «Об организации исполнения Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы». [3]

Благодаря этим стратегическим планам произошли существенные изменения, позволяющие наиболее эффективно бороться с таким явлением как коррупция.

Конституционный суд принял исторически важное решение о снятии временных ограничений, а именно, о неприменении срока исковой давности к искам прокуроров об обращении в доход государства имущества, в отношении которого не представлены доказательства его приобретения на законные доходы. [4] Это подчёркивает решимость государства и прокуратуры в отношении искоренения коррупции.

Данное решение стало широко применяться органами прокуратуры. Одним из примеров стало Определение Седьмого кассационного суда от 19 февраля 2025 года по делу № 88–2485/2025, подтвердившего законность обращения в доход Российской Федерации акций ОАО «Уральский завод электрических соединений «Исеть», приобретённых депутатом Госдумы II созыва (1996–2000 гг.) с нарушением законодательства о противодействии коррупции. Суд признал, что акции были получены с использованием служебного положения, а их перераспределение между аффили-

рованными лицами не исключает коррупционной природы сделки. Отклонив доводы о неприменимости ст. 235 ГК РФ, суд указал, что антикоррупционные нормы действовали в соответствующий период. Кассационная жалоба оставлена без удовлетворения со ссылкой на Постановление Конституционного Суда РФ № 49-П от 31.10.2024, исключая применение сроков давности по искам о взыскании коррупционного имущества в целях защиты публичных интересов. [5]

Подобную практику можно успешно масштабировать в условиях цифровизации в органах прокуратуры с использованием технологий искусственного интеллекта (далее – ИИ) и анализа больших данных оцифрованных деклараций государственных служащих за период их деятельности.

Согласно данным Национального центра развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации, в 2024 году средний уровень использования ИИ в различных отраслях экономики России достиг 43%, что на 11 процентных пунктов выше, чем в 2023 году. [6]

Влияние искусственного интеллекта на государственное управление становится всё более заметным. В частности, в первом квартале 2025 года ИИ был внедрён в работу Администрации Уполномоченного по защите прав предпринимателей Амурской области для автоматизации документооборота и создания служебных документов. [7]

В российском праве декларирование доходов, расходов, имущества и обязательств имущественного характера – один из ключевых инструментов борьбы с коррупцией.

Одним из органов власти, который крайне заинтересован во внедрении информационных технологий в своей деятельности, – прокуратура. Это в первую очередь обусловлено необходимостью снижения напряжения в сфере прокурорского надзора значительным числом проверочных мероприятий, выявленных по их результатам нарушений федерального законодательства и, как следствие, подготавливаемых актов прокурорского реагирования, а также необходимостью обеспечить присутствие прокурора в судебном процессе. [8, с.3–7]

Обработка значительных объёмов информации и сопоставление расходов с доходами, отражёнными в декларациях, требуют существенных временных и трудовых затрат. Традиционно прокуроры вручную анализируют декларации, направляют запросы, выявляют очевидные несоответствия (например, отсутствие декларации, ошибки в сроках подачи, арифметические ошибки, неполные данные). Однако обнаружение сложных схем сокрытия доходов и имущества требует глубокого анализа информации из различных источников, включая государственные базы и реестры контролирующих и надзорных органов. Такой подход подвержен влиянию человеческого фактора и не всегда позволяет выявить все нарушения.

Внедрение искусственного интеллекта в эту сферу способно существенно повысить результативность выявления нарушений антикоррупцион-

ного законодательства, ускорить проверку сведений, автоматизировать сопоставление расходов и доходов, а также подготовку исковых заявлений об обращении имущества в доход государства в соответствии с пунктом 8 части 2 статьи 235 Гражданского кодекса Российской Федерации.

В КНР ИИ уже активно применяется в работе прокуратуры, где создан цифровой прокурор на базе искусственного интеллекта. [9]

В России активно развивается направление внедрения искусственного интеллекта: 22 марта 2024 года Генеральный прокурор РФ утвердил План по интеграции ИИ и автоматизации работы органов прокуратуры на период 2024–2026 годов. В структуре прокуратуры функционирует специализированное подразделение, занимающееся долгосрочным планированием развития ведомства с применением технологий искусственного интеллекта на горизонте 20–30 лет. [10, 11]

Современное развитие органов прокуратуры происходит в условиях активной цифровизации государственного управления, что нашло отражение в Национальной стратегии развития искусственного интеллекта на период до 2030 года утвержденной Указом Президента Российской Федерации от 10 октября 2019 г. № 490 (далее – Стратегия). Данный стратегический документ определяет ИИ-технологии как ключевой фактор повышения эффективности государственного управления, включая правоохранительную деятельность.

Стратегия определяет искусственный интеллект как комплекс технологических решений, способных имитировать когнитивные функции человека и достигать результатов, сопоставимых или превосходящих человеческие при выполнении конкретных задач. В то же время, в набор данных для ИИ должны включаться только сведения, соответствующие российскому законодательству. [12]

Постановлением Правительства РФ от 9 июня 2025 г. № 861 учреждён Центр развития ИИ при Правительстве РФ, задачей которого станет системная интеграция ИИ-технологий для достижения национальных целей развития. [13]

В системе документооборота прокуратуры, входящей в состав Автоматизированного информационного комплекса «WEB-Надзор», уже реализована функция автоматического создания проектов ответов заявителям. Это включает в себя уведомления о перенаправлении обращений в соответствии с подведомственностью или поднадзорностью. Предлагается усовершенствовать данный функционал путем внедрения возможности автоматического мониторинга исполнения актов прокурорского реагирования при регистрации входящей корреспонденции. Также разработать формирование проектов типовых ответов, которые будут информировать заявителей о результатах рассмотрения мер прокурорского реагирования, в том числе направленных на противодействие коррупции в соответствии с требованиями пункта 6.2 Приказа Генерального прокурора РФ от 30 января 2013 года № 45 «Об утверждении и введении

в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации». [14]

Развитие машиночитаемого права с применением ИИ открывает дополнительные перспективы для повышения эффективности работы прокуратуры. Машиночитаемое право – это изложение правовых норм на формальном языке, пригодном для автоматизации правоприменения, что способствует улучшению просмотра информации из деклараций, обеспечению более качественных возможностей поиска и анализа, стандартизации данных, а также укреплению межведомственного взаимодействия. [15]

В России справки о доходах, расходах, об имуществе и обязательствах имущественного характера государственных служащих обычно подаются с помощью специализированного программного комплекса «Справки БК». Данный программный комплекс не относится к машиночитаемым правовым системам, так как документы в ней хранятся в формате pdf, который не позволяет компьютерам автоматически их анализировать.

В связи с этим, предлагается внедрить модуль в «Справки БК» или разработать новое решение в виде единой межведомственной электронной платформы для подачи и хранения деклараций в машиночитаемом виде, что поспособствует значительному расширению возможностей уполномоченных органов, включая прокуратуру, в части более эффективного контроля соответствия расходов заявленным доходам.

К преимуществам такой единой межведомственной электронной платформы по подаче указанных справок следует отнести:

1. Сбор деклараций со всех регионов и учреждений страны, упорядочивание их по территориальному и ведомственному признаку, а также безопасное хранение в машиночитаемом виде, в защищенной цифровой среде. Это исключит необходимость физического хранения бумажных документов, что снижает риски кражи, подделки или повреждения.
2. Использование искусственного интеллекта и алгоритмов машинного обучения позволит автоматически выявлять подозрительные декларации, готовить проекты исковых заявлений о взыскании незаконно приобретённого имущества и фокусироваться на преднамеренных искажениях данных, а не на случайных ошибках.
3. Интеграция с государственными реестрами и базами данные в режиме реального времени позволит сверять введенные данные со сведениями налоговых органов, государственной регистрации, кадастра и картографии, автоинспекции и Банка России.
4. Эффективность поиска, фильтрации и сортировки данных, что позволит быстро находить документы, требующие углубленной проверки. Возможность сравнивать текущие декларации

с предыдущими версиями помогает выявлять существенные изменения.

5. Отправление запросов и получение аутентифицированных ответов с использованием портала «Госуслуги» или отечественного мессенджера «Мах», а также возможность обмениваться пояснениями и дополнительными документами в электронном виде. [16]
6. Упрощение создания реестра лиц, подающих декларации, который может использоваться для обеспечения соблюдения обязанности по раскрытию информации.
7. Автоматическое информирование декларантов о приближающихся сроках подачи деклараций и фиксирование время их подачи, что позволит снизить количество нарушений и упростит контроль за исполнением обязанностей.
8. Обеспечение разграничения прав доступа: полномочия сотрудников прокуратуры позволят видеть полные данные, тогда как для широкой общественности будут доступны только агрегированные или обезличенные сведения, что предоставит возможность защитить персональные данные.

К недостаткам внедрения указанной платформы можно отнести:

1. Требование тщательного правового регулирования, особенно в части защиты персональных данных.
2. Потребность в значительных ресурсах, а также надежных мерах кибербезопасности для защиты от взломов, утечек и других угроз.
3. Необходимость организации обучения по работе с цифровыми инструментами сотрудников прокуратуры и других уполномоченных органов по контролю за соответствием расходов доходам лиц, замещающих государственные должности.
4. Возможность допущения ошибок со стороны ИИ или неверная интерпретация данных, что требует наличия высокого уровня квалификации для оценки и принятия окончательных решений сотрудниками прокуратуры.

Разработка единой электронной платформы для подачи машиночитаемых деклараций на базе ИИ государственных служащих в России является значительным этапом в процессе цифровой трансформации и повышении прозрачности работы государственных учреждений. Для органов прокуратуры России такая система станет эффективным инструментом, позволяющим более тщательно контролировать соответствие расходов заявленным доходам, концентрируя внимание на выявлении существенных нарушений и сокращая время, затрачиваемое на проверку технических и формальных неточностей.

Наряду с комплексным подходом, учитывающего обучение прокурорских кадров работе с ИИ, интеграцией с базами данных налоговых органов, Центрального Банка Российской Федерации, кадастрового реестра и баз государственной авто-

мобильной инспекции, использование платформенных решений на базе машиночитаемых цифровых технологий и ИИ для сопоставления расходов и доходов, автоматической подготовки проектов исковых заявлений об обращении имущества в доход государства, происхождение которого не подтверждено законными доходами, повысит эффективность прокурорских проверок и станет ключевым инструментом по борьбе с коррупцией в нашем государстве.

Литература

1. В.Д. Зорькин. Глава Конституционного суда считает, что коррупцию не искоренить // [Электронный ресурс]: URL: <https://ria.ru/20250520/zorkin-2018023780.html> (дата обращения: 15.06.2025).
2. Указ Президента РФ от 16.08.2021 № 478 «О Национальном плане противодействия коррупции на 2021–2024 годы» // «Собрание законодательства РФ», 23.08.2021, № 34, ст. 6170.
3. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 15 сентября 2021 г. № 532 «Об организации исполнения Национального плана противодействия коррупции на 2021–2024 годы» (вместе с «Комплексным планом мероприятий по противодействию коррупции на 2021–2025 годы») // «Законность», № 11, 2021.
4. Постановление Конституционного Суда РФ от 31 октября 2024 г. № 49-П «По делу о проверке конституционности статей 195 и 196, пункта 1 статьи 197, пункта 1 и абзаца второго пункта 2 статьи 200, абзаца второго статьи 208 Гражданского кодекса Российской Федерации в связи с запросом Краснодарского краевого суда» // «Российская газета», № 266, 22 ноября 2024 г.
5. Определение Седьмого кассационного суда от 19 февраля 2025 года по делу № 88–2485/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
6. Индекс готовности приоритетных отраслей экономики Российской Федерации к внедрению искусственного интеллекта за 2024 год Национального центра развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации [Электронный ресурс]: URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/infrastruktura-ii/2024_indeks_gotovnosti_prioritetnyh_otrasley_ekonomiki_rossiyskoy_federacii_k_vnedreniyu_iskusstvennogo_intellekta_ncrrii_pri_pravitelystve_rf/ (дата обращения: 15.06.2025).
7. Искусственный интеллект получил работу // [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7796275> (дата обращения: 15.06.2025).
8. А.П. Спиридонов, Искусственный интеллект в деятельности органов прокуратуры: перспективы внедрения и использования // Законность. 2024. № 8.
9. В Китае искусственный интеллект взял на себя функции прокурора [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/ekonomika/13306521> (дата обращения: 15.06.2025).
10. Игорь Краснов подписал план по использованию ИИ и нейронных сетей [Электронный ресурс]: URL: <https://tass.ru/politika/20634537> (дата обращения: 15.06.2025).
11. Генеральная прокуратура РФ начала применять искусственный интеллект и нейросети [Электронный ресурс]: URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6664812> (дата обращения: 15.06.2025).
12. Указ Президента РФ от 10 октября 2019 г. № 490 (ред. от 15.02.2024) «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // «Собрание законодательства РФ», 14.10.2019, № 41, ст. 5700.
13. Постановление Правительства Российской Федерации от 9 июня 2025 г. № 861 «О Центре развития искусственного интеллекта при Правительстве Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации [pravo.gov.ru](http://publication.pravo.gov.ru) [Электронный ресурс]: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506090057> (дата обращения: 15.06.2025).
14. Приказ Генерального прокурора Российской Федерации от 30 января 2013 г. № 45 «Об утверждении и введении в действие Инструкции о порядке рассмотрения обращений и приема граждан в органах прокуратуры Российской Федерации» // «Законность», № 4, 2013.
15. Концепция развития технологий машиночитаемого права, утвержденная Правительственной комиссией по цифровому развитию, использованию информационных технологий для улучшения качества жизни и условий ведения предпринимательской деятельности, протокол от 15 сентября 2021 г. № 31 // СПС «КонсультантПлюс».
16. Российский мессенджер Макс внесли в реестр отечественного программного обеспечения [Электронный ресурс]: URL: <https://rg.ru/2025/06/13/rossijskij-messendzher-max-vkliuchili-v-reestr-otechestvennogo-po.html> (дата обращения: 15.06.2025).

THE USE OF ARTIFICIAL INTELLIGENCE TECHNOLOGIES IN THE PROSECUTOR'S OVERSIGHT OF INCOME AND ASSET DECLARATIONS OF PUBLIC OFFICIALS

Shitova E.L.

Kutafin Moscow State Law University

The author analyzes the potential and challenges of integrating artificial intelligence (AI) technologies into the fight against corruption, including in the context of audits conducted by prosecutorial bodies to control the consistency of expenditures with the income of individuals holding public office. The article highlights the digital transformation efforts within prosecutorial bodies and analyzes the existing

legal framework governing the application of AI. Particular attention is paid to the possibilities of automated comparison of expenditures and income using data from controlling and supervisory authorities, as well as the preparation of lawsuits for the forfeiture to the state of property whose origin is not confirmed by legitimate income. The necessity of implementing AI technologies for monitoring and controlling the expenditures and income of officials is emphasized, while adhering to requirements for the protection of personal data and the confidentiality of financial information.

Keywords: Prosecutorial supervision over the enforcement of anti-corruption legislation, artificial intelligence, declaration of income, expenses, assets, and property-related liabilities, conversion of assets into state revenue, digitalization.

References

1. V.D. Zorkin, Chairman of the Constitutional Court, believes corruption cannot be eradicated [Electronic resource]. URL: <https://ria.ru/20250520/zorkin-2018023780.html> (Accessed: 15.06.2025).
2. Decree of the President of the Russian Federation № 478 of 16.08.2021 «On the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024». Sobraniye Zakonodatelstva Rossiyskoy Federatsii [Legislation Bulletin of the RF], 23.08.2021, № 34, Art. 6170.
3. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation № 532 of 15.09.2021 «On the Implementation of the National Anti-Corruption Plan for 2021–2024» (including the «Comprehensive Anti-Corruption Measures Plan for 2021–2025»). Zakonnost' [Legality Journal], № 11, 2021.
4. Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation № 49-P of 31.10.2024 «On the constitutionality review of Articles 195, 196, para. 1 of Article 197, para. 1 and para. 2(2) of Article 200, para. 2 of Article 208 of the Civil Code of the Russian Federation (upon the request of the Krasnodar Regional Court)». Rossiyskaya Gazeta [Russian Newspaper], № 266, 22.11.2024.
5. Ruling of the Seventh Cassation Court dated February 19, 2025, in case № 88–2485/2025 // Reference legal system ConsultantPlus.
6. Artificial Intelligence readiness Index of Priority Economic Sectors in the Russian Federation (2024). National AI Development Center under the Government of the RF [Electronic resource]. URL: https://ai.gov.ru/knowledgebase/infrastruktura-ii/2024_indeks_gotovnosti_prioritetnyh_otrasley_ekonomiki_rossiyskoy_federacii_k_vnedreniyu_iskusstvennogo_intellekta_ncrrii_pripavitelystve_rf/ (Accessed: 15.06.2025).
7. «Artificial Intelligence gets a job» [Electronic resource]. Kommersant, URL: <https://www.kommersant.ru/doc/7796275> (Accessed: 15.06.2025).
8. A.P. Spiridonov «Artificial Intelligence in Prosecutorial Activities: Implementation Prospects». Zakonnost' [Legality Journal], 2024, № 8.
9. «In China, AI Assumes Prosecutor's Functions» [Electronic resource]. TASS, URL: <https://tass.ru/ekonomika/13306521> (Accessed: 15.06.2025).
10. «Igor Krasnov signed a plan for the use of AI and neural networks» [Electronic resource]. URL: <https://tass.ru/politika/20634537> (Accessed: 15.06.2025).
11. The Prosecutor General's Office of the Russian Federation began using artificial intelligence and neural networks [Electronic resource]. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/6664812> (Accessed: 15.06.2025).
12. Decree of the President of the Russian Federation № 490 of 10.10.2019 (as amended on 15.02.2024) «On AI Development in the Russian Federation» (with the «National AI Development Strategy until 2030»). Sobranie zakonodatel'stva Russian Federation [Legislation Bulletin], 14.10.2019, № 41, Art. 5700.
13. Decree of the Government of the Russian Federation № 861 of 09.06.2025 «On the AI Development Center under the Government of the Russian Federation». Official legal information portal pravo.gov.ru, URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202506090057> (Accessed: 15.06.2025).
14. Order of the Prosecutor General of the Russian Federation № 45 of 30.01.2013 «On Approval of the Instruction for Processing Appeals and Receiving Citizens in Prosecutorial Bodies». Zakonnost' [Legality], № 4, 2013.
15. Machine-Readable Law Development Concept, approved by the Governmental Commission for Digital Development (Protocol № 31 of 15.09.2021). Reference legal system ConsultantPlus.
16. Russian messenger Max has been included in the register of domestic software [Electronic resource]. URL: <https://rg.ru/2025/06/13/rossijskij-messendzher-max-vkliuchili-v-reestr-otechestvennogo-po.html> (Accessed: 15.06.2025).

Цифровые активы: правовое регулирование рынка криптовалют

Бакаев Дмитрий Андреевич,

преподаватель кафедры менеджмента и маркетинга
Волгоградского филиала ФГБОУ ВО «Российский
экономический университет им. Г.В. Плеханова»
E-mail: dim.backaew2014@yandex.ru

Экономические преобразования и цифровизация различных сфер жизни не могут обойти стороной денежные средства, поэтому цифровые деньги, которые становятся все более популярными, будут играть ключевую роль в осуществлении большинства транзакций в мире, что вызывает необходимость их правового регулирования. Целью статьи является рассмотрение существующих особенностей правового регулирования рынка криптовалют в мире. В статье представлены институциональные условия правового и экономического характера, которые важны для развития рынка криптовалют. Посредством сравнения правового статуса криптоактивов в отдельных экономиках мира, а также правил, введенных органами власти этих стран в области криптовалют, показаны различия в политике отдельных стран и необходимость активизации работы над глобальными, универсально применимыми правилами, которые унифицируют регулируемую и надзорную среду, связанную с цифровыми активами.

Ключевые слова: криптовалюты, биткоин, виртуальные валюты, стейблкоин, правовое регулирование.

Введение

Последнее десятилетие стало прорывным для рынка криптовалют из-за динамичного роста курса биткоина. Кроме того, усиление значимости альткоинов, стейблкоинов, крупные инвестиции институциональных клиентов, появление новых криптовалют и токенов способствовали повышению осведомленности о ценности криптовалют и технологий на основе блокчейна. Вместе с тем, с течением времени наблюдается изменение роли и формы денег, которые теперь все меньше и меньше являются физическими, а все чаще деньгами в электронной форме.

До настоящего времени правительства многих стран скептически относились к криптовалютам, однако их популярность и потенциал побудили власти ряда стран усилить интерес к этой цифровой валюте и даже создать собственную национальную цифровую валюту (CBDC), выпускаемую и контролируемую государственными учреждениями. Еще одним стимулом, оказавшим сильное влияние на необходимость регулирования криптовалют, стала заметная активизация их использования злоумышленниками для отмывания денег и финансирования терроризма. Усилия отдельных стран по устранению таких транзакций с рынка оказались недостаточными, поскольку доступ к виртуальным валютам относительно прост, как и возможности сокрытия идентификационных данных клиентов. Единственным эффективным выходом из этой ситуации являются глобальные процедуры и ограничения, которые будет обязан применять каждый субъект, работающий на рынке.

На настоящий момент законодательная работа, особенно в глобальном масштабе, все еще не завершена, и мировая экономика еще не выработала окончательный подход к регулированию криптовалют. Тем не менее, несмотря на многочисленные колебания на рынке криптовалют, их непринятие со стороны правительств отдельных стран, цифровая валюта уже много лет как перестала быть просто инновационной формой денег с виртуальным характером, а стала значимым участником социально-экономической жизни.

Целью статьи является рассмотрение существующих особенностей правового регулирования рынка криптовалют в мире.

Основное содержание исследования

Криптовалюты являются крупнейшей подгруппой альтернативных валют, которые призваны дополнять или заменять существующие денежные системы. Несмотря на растущий интерес к новым, инновационным инвестиционным возможностям и по-

явление криптовалютных бирж, в 2011 году рынок цифровых валют пережил кризис, вызванный, в том числе, хакерскими атаками. Кроме того, во многих странах как продажа, так и покупка криптовалют у частных лиц и компаний с добавленной маржой считалась обычной электронной услугой и была связана с необходимостью обложения такой сделки НДС, что являлось фактором, препятствующим инвестированию в криптовалюты. До настоящего времени политика правительств многих стран в отношении криптовалют сосредоточена, прежде всего, на вопросах определения цифровых валют, а также вопросах, связанных с обеспечением национальной безопасности в связи с осуществлением таких транзакций и их возможным налогообложением. [9]

Европейский центральный банк определил виртуальные валюты как «тип денег, выпущенных в электронной среде, которая не подпадает под правовое регулирование [...]» [7], а в 2015 году признал их «цифровым представлением стоимости, не выпущенным центральным банком [...], которое при определенных обстоятельствах может использоваться в качестве альтернативы деньгам» [7]. Эти определения указывают на то, что цифровая валюта, криптовалюта или виртуальная валюта – это взаимозаменяемые термины. В литературе можно встретить и другие синонимы этого понятия: киберденьги, цифровые деньги.

Наиболее популярной криптовалютой является биткоин (bitcoin), который можно определить как децентрализованную цифровую валюту, которая передается от пользователя к пользователю в сети bitcoin, но ее стоимость не поддерживается никаким центральным банком [11]; как тип цифровой валюты, которая использует методы шифрования для регулирования генерации денежных единиц и проверки потоков средств, функционируя независимо от центрального банка; bitcoin стал спекулятивным товаром [4].

За последнее десятилетие было создано множество систем онлайн-платежей, из которых биткоин по-прежнему остается самой популярной виртуальной валютой. Это, в свою очередь, вынуждает правительства разных стран принимать конкретные меры правового регулирования, которые обусловлены двумя причинами:

1) биткоин – это своего рода заменитель национальной валюты. Сальвадор стал первой страной в мире, которая ввела биткоин в качестве законной валюты с 7 сентября 2021 года;

2) биткоин не является универсально регулируемым средством платежа, контролируемым правительствами, поэтому его можно использовать в незаконных целях [6].

Первая причина предполагает, что люди всегда готовы хранить надежные деньги, а в рассматриваемом случае обменивать национальные деньги на биткойны. Существование конкурирующих валют не является чем-то новым, поскольку местные, нерегулируемые валютные сообщества существовали задолго до цифровой эпохи. Однако очевидно, что, с одной стороны, использование современ-

ных систем, таких как биткойн, без надлежащего регулирования может представлять риск для пользователей, а с другой стороны, создает проблемы для банковской системы, которая строго регулируется и контролируется государством.

Вторая причина кажется более важной. Проблема использования виртуальных валют в торговле повышает риск финансовых злоупотреблений в результате совершения незаконных транзакций. Например, в январе 2014 года правительство США арестовало Чарли Шрема, обвинив его в отмывании денег на ныне несуществующей онлайн-платформе Silk Road [10]. Правоохранительные органы также пытаются предотвратить использование биткойна на сайтах, где можно купить наркотики, оружие, получить доступ к порнографии или другим незаконным товарам и услугам.

Вместе с тем, юридическое признание криптовалют и их легализация имеет и позитивные аспекты. Так, современные альтернативные денежные системы могут способствовать развитию финансовых инноваций и предоставлять пользователям дополнительные платежные альтернативы. Некоторые исследователи полагают, что правительствам следует регулировать виртуальные валюты ради их же блага, поскольку противодействие современным тенденциям развития денежной системы приводит к нежелательным процессам (торможению развития технологий, перенаправлению пользователей в неконтролируемые платежные системы, заключению незаконных сделок, введению в оборот «отмытых» денежных средств) [5].

Позитивным примером внедрения регулирования цифровой валюты являются действия английского правительства, которое в августе 2014 года начало работу по изучению преимуществ и рисков технологии цифровой валюты и рассмотрению вопросов, связанных с ее регулированием. Были проведены публичные консультации, включающие пользователей цифровой валюты, ее создателей, поставщиков услуг цифровой валюты, банки, компании платежных систем, ученых, консалтинговые компании и другие государственные департаменты и агентства. После публичных консультаций правительство Великобритании закрепило в бюджете пакет мер по устранению ключевых угроз, связанных с преступностью и защитой прав потребителей цифровых валют. Это создало надлежащую среду для деятельности юридических лиц и нелегальных пользователей цифровых валют. С 2015 года Банк Англии начал работу по внедрению цифровой фиатной валюты, выпускаемой английским центральным банком, результатом которой стало создание цифрового фунта стерлингов. [3]

Положения Казначейства США и действия штатов показывают, что криптовалюты могут использоваться для законных покупок, но должны подчиняться государственным правилам по борьбе с отмыванием денег. Наиболее далеко идущие усилия по выявлению лучших решений для законных транзакций криптовалют были предприняты Юридической библиотекой Конгресса США, которая про-

вела исследование законов 40 различных стран с целью выявления того, какие страны и в какой степени ввели регулирование виртуальных валют. В результате проведенного исследования были замечены существенные различия в подходе к этому вопросу, что позволило разделить отдельные страны на четыре группы [10]:

1) страны, в которых не было никаких действий, направленных на внедрение регулирования виртуальных валют, например, Австралия, Бельгия, Канада, Чили, Кипр, Дания, Франция, Греция, Гонконг, Индия, Индонезия, Ирландия, Япония, Южная Корея, Малайзия, Мальта, Нидерланды, Новая Зеландия, Польша, Португалия, Россия, Сингапур, Тайвань, Турция, Италия;

2) страны, которые занимались вопросом налогообложения виртуальных валют, но не принимали мер по дальнейшему регулированию этого рынка, например, Финляндия, Испания, Израиль, Норвегия, Словения, Великобритания;

3) страны, запрещающие или ограничивающие торговлю виртуальной валютой, например, Китай, Исландия, Таиланд;

4) страны, изначально признающие виртуальные валюты формой денег, например, Бразилия, Германия, Швеция.

Стоит отметить, что большинство стран изначально попали в первую группу. Это страны, которые не занимались формальным регулированием правил обращения и функционирования цифровых валют. Вероятно, осознавая колоссальные возможности Интернета, эти страны не решились на запрет использования виртуальной валюты. Отсутствие надлежащего правового регулирования также было вызвано тем, что регуляторы не успевали за технологическими инновациями, появляющимися на финансовом рынке.

Так, подход к криптовалютам в российской экономике был очень изменчивым и экстремальным: от периодов запрета, прямого отрицания виртуальных валют до попыток одобрения. В 2014 году Центральный банк РФ заявил, что обмен товарами и услугами на основе биткоина носит сомнительный характер и связан с отмыванием денег и поддержкой терроризма. В результате ЦБ рекомендовал физическим и юридическим лицам воздержаться от подобных операций. Позиция России в то время была схожа с подходом Китая и Таиланда к биткоину. Кроме того, все чаще возникали ситуации, когда сайты, занимающиеся торговлей криптовалютой, блокировались, но общественность и предприниматели, принимающие биткоин, продолжали его использовать, ожидая официальных постановлений от законодателя.

Решающий прорыв произошел в октябре 2016 года, когда российские налоговые органы выпустили письмо об осуществлении контроля за оборотом криптовалют, тем самым частично легализовав описанные права собственности. Казалось бы, это был шаг на пути к принятию и легализации криптовалют в России, однако в 2017 году Правительство РФ и Центробанк вновь начали

действия, направленные на их устранение с российского рынка. Биткоин был назван финансовой пирамидой, и было признано, что криптовалюты используются преступниками для отмывания денег и оплаты незаконных транзакций. Российские веб-сайты, предлагающие потребителям цифровые активы в качестве услуг peer-to-peer, снова были заблокированы, сообщив, что только банковские учреждения или зарегистрированные биржи могут законно обрабатывать такие транзакции. Вышеупомянутые учреждения не были заинтересованы в предоставлении таких услуг из-за недостаточности четкого регулирования в этой сфере [1]. В конце 2017 года отношение России к виртуальным валютам снова изменилось, и сам В.В. Путин заявил о начале работы над цифровой экономикой, которая будет поддерживать криптовалюты, а также о введении регулирования, которое создаст основу для функционирования криптовалютных компаний в России, а в перспективе приведет к созданию КriptoРубля.

В 2018 году Минфин России опубликовал проект закона о цифровых финансовых активах, определяющий «майнинг» как деятельность, направленную на создание криптовалюты за вознаграждение. Биткоин не был признан законным платежным средством, хотя обмен криптовалют на рубли и иностранную валюту был разрешен, но только через уполномоченные биржи. 1 января 2021 года в России вступил в силу Закон о цифровых финансовых активах и цифровой валюте, который позволяет трактовать криптовалюту как вариант цифровой валюты, запрещает ее использование в России для оплаты товаров и услуг, но допускает в качестве объекта инвестирования. В том же году Центробанк вновь вынес негативное заключение о том, что рост объемов криптовалютных операций несет прямую угрозу финансовой стабильности страны и планируется полный запрет на инвестирование в криптовалюты. По официальным данным, объем ежегодных криптовалютных транзакций в России составляет более \$5 млрд, что делает россиян одними из самых активных участников криптовалютного рынка в мире. После запрета криптовалют в Китае Россия стала вторым по популярности направлением для майнеров, особенно из-за низких цен на энергоносители.

Следующая группа стран получила право на налогообложение цифровых валют. Великобритания заявила, что «биткоин в настоящее время не регулируется», однако налоговая служба Великобритании классифицировала его как «ваучер специального назначения», т.е. товар, облагаемый налогом по ставке НДС 10–20%. Норвегия, Испания и Финляндия одобрили биткоин как капитальный актив, облагаемый НДС по ставке до 25%. Словения и Израиль приняли другой подход, интерпретируя прибыль от торговли виртуальной валютой как налогооблагаемый доход. [3]

Как можно видеть, подход к налоговым вопросам в границах отдельных стран несколько отличается. Сосредоточение внимания только на нало-

говых ограничениях и отсутствие регулирования в других правовых областях (связанное с неопределенностью способов использования виртуальных валют) можно считать недостаточным.

Третья группа включает в себя страны, которые решили ввести запрет или существенные ограничения для пользователей криптовалют. Банк Таиланда заявил, что криптовалюта является незаконной. Исландия оказалась в той же группе, которая запретила торговлю криптовалютами в соответствии с валютным законодательством страны.

Народный банк Китая также предпринял решительные действия, запретив в декабре 2013 года финансовым и платежным учреждениям осуществлять расчеты с использованием криптовалют. Это решение было принято во избежание финансового мошенничества и в свете правового статуса юаня, который может пострадать в результате чрезмерных спекуляций криптовалютами. [9] Несмотря на это, Китай не принял решения полностью исключить цифровые деньги из обращения и не объявил их незаконными. За эти годы Китай изменил свой подход к криптовалютам, и 18 июля 2019 года биткоин получил юридическое признание от китайского суда, что укрепило его статус в одной из самых сложных юрисдикций мира.

Проблема регулирования криптовалют оказалась наиболее решаемой для четвертой группы стран, которые признают важность виртуальных валют и пытаются внедрить регулирование для обеспечения их повсеместного использования. Для этого страны четвертой группы используют концепции традиционного финансового регулирования, адаптируя их к альтернативной форме денег. Доминирующими странами этой группы являются: Бразилия, Германия и Швеция. 9 октября 2013 года в Бразилии был принят закон, разрешающий стандартизацию систем мобильных платежей и создание электронных платежных средств в виде криптовалют.

В Германии Федеральное управление финансового надзора (BaFin) определило цифровые средства платежа как дополнительные валюты, выпущенные в соответствии с частным правом, и классифицировало их как расчетные единицы в 2011 году [2]. В частности, обмен биткоинов был принят как часть предоставления финансовых услуг после того, как компании (заинтересованные в торговле криптовалютами) выполнили определенные стандарты в отношении требований к капиталу: имели соответствующую профессиональную квалификацию и сообщали BaFin о завершенных транзакциях. Вместе с тем, изначально статус криптовалют по многим вопросам был не урегулирован, и правительство Германии фокусировалось в основном на налоговых вопросах, рассматривая криптовалюты как финансовый инструмент, а не как средство платежа или электронные деньги. [2]

В ноябре 2019 года Германия сделала следующий шаг и в настоящее время регулирует виртуальные валюты как цифровые активы. Вместе

с Законом об отмытии доходов (нем. Geldwäschegesetz, GWG) были введены правила блокчейна, которые гласят, что любой, кто основывает свою бизнес-модель на криптовалютах, должен иметь разрешение от BaFin. Кроме того, правительство Германии, реагируя на интерес финансового сектора к блокчейну, 18 сентября 2019 года приняло стратегию, направленную на регулирование торговли и хранения цифровых активов, тем самым существенно повлияв на немецкий рынок FinTech [2].

Приведенные примеры показывают, что проблема криптовалют настолько важна, что многие страны пытаются разработать правовую базу для их законного использования. Страны, попавшие в четвертую группу, предполагая негативные последствия для регулируемой финансовой системы, вытекающие из запрета на использование виртуальных валют, допускают их использование, следят за их развитием и принимают меры по минимизации связанных с виртуальными валютами рисков теневой экономикой, которая использует криптовалюты как средство покрытия финансовых обязательств вне банковской системы. Несмотря на то, что есть страны, которые занимают враждебную позицию по отношению к разработке и использованию криптовалют, возможности, создаваемые Интернетом, становятся намного больше, чем способность правительств эффективно их ограничивать. Поэтому, если запреты станут неэффективными, рано или поздно правительствам придется разрешить альтернативные платежные системы и обеспечить легальное обращение виртуальных денег.

Подводя итоги исследования, следует отметить, что цифровые деньги, которые становятся все более популярными, будут играть ключевую роль в осуществлении большинства транзакций в мире. В связи с чем, уже можно говорить о цифровых деньгах в виде стейблкоинов, т.е. привязанных к определенной фидуциарной валюте, и цифровых деньгах центральных банков – выпускаемых ими самими (CBDC).

Исследователи полагают, что развитие стейблкоинов может происходить в трех измерениях:

1. Они позволят извлекать прибыль из активов на основе блокчейна (в первую очередь криптовалют) как более стабильной и безопасной формы.
2. Они могут стать новым платежным средством.
3. Они могут стать альтернативным средством накопления, тогда фиатные деньги потеряют покупательную способность, что является самой большой угрозой для центральных банков. [9]

Развитие рынка стейблкоинов может серьезно нарушить существующую платежную систему, поскольку они создают сильную конкуренцию национальным валютам. Если этот инструмент получит общественное признание, люди будут более охотно хранить свои сбережения в альтернативных формах денег, которые не подвержены инфляции, а это, в свою очередь, может поставить под угрозу эффективность всей экономической политики государства. Рост сбережений в стейблкоинах и уве-

личение количества транзакций, в которых они будут использоваться для расчетов, сократит количество традиционных депозитов в банковском секторе, что ограничит возможности коммерческих банков по созданию безналичных денег.

Центральные банки уже заметили эти риски, принимая во внимание возросшее признание стейблкоинов в результате проекта консорциума Libra (название было изменено на Diem в 2020 году), создавшего популярную «валюту Facebook», которая должна была стать стейблкоином. Уже была предпринята попытка привязать этот стейблкоин к фиатной валюте, которой является доллар США, хотя в первоначальных предположениях «валюта Facebook» должна была покрываться различными активами. Таким образом, ФРС США косвенно сохранила контроль над стейблкоином. [7]

Следующим шагом для центральных банков станет работа над собственными валютами на основе технологии блокчейна или смоделированными на ее основе. Интересно, что создание собственной валюты никак не стандартизировано, поэтому цифровая валюта каждого учреждения может иметь свою собственную уникальную форму и функции. Развитие CBDC также несет потенциальные угрозы, такие как более легкое наблюдение за гражданами и, следовательно, потеря конфиденциальности, а также потенциальное ограничение использования денег путем программирования денег с датой истечения срока действия. Это означало бы, что деньги будут доступны только в течение определенного периода времени, что вызывает негативное отношение даже у криптоэнтузиастов.

Заключение

Появление виртуальной валюты в мире и динамичное развитие рынка криптовалют поставили новые задачи перед правительствами многих стран и необходимость введения соответствующих правовых норм, поскольку виртуальные валюты могут быть как новым этапом развития экономик, так и инструментом незаконных финансовых операций. Позиции стран в отношении криптовалют были и остаются разными до сих пор: от введения полного запрета до полного принятия этого типа транзакций. Однако заметно, что в большинстве случаев развивающиеся экономики – за отдельными исключениями – имеют более строгие правила, чем развитые экономики.

Вместе с тем, интерес к рынку криптовалют со стороны все более широкого круга лиц требует международной координации и введения единых правовых норм регулирования криптовалют, обеспечивающих их легальное использование, что поможет развитию информационного общества, а также заблокирует возможности использования криптовалют мошенниками и преступниками.

Литература

1. Конев С.И., Мартынова О.А. Правовое регулирование криптовалют в России // Образование и право. 2020. № 9. С. 157–163.
2. Ali R., Barrdear J., Clews R. The economics of digital currencies // Bank of England Quarterly Bulletin. 2014. Vol. 54(3). pp. 276–286.
3. Blemus S., Guegan D. Initial Crypto-Asset Offerings (ICOs), Tokenization and Corporate Governance// Capital Markets Law Journal. 2020. Vol. 15(2). pp. 191–223.
4. Dwyer G.P. The economics of Bitcoin and similar private digital currencies // Journal of Financial Stability, 2015. Vol. 17. pp. 81–91.
5. Feinstein B.D., Werbach K. The impact of crypto-asset regulation on trading markets // Journal of Financial Regulation. 2021. Vol. 7(1). pp. 48–99.
6. Griffin J., Shams A. "Is Bitcoin Really Untethered?"// Journal of Finance. 2020. Vol. 75(4). pp. 1913–1964
7. Harwood-Jones M. Digital and Crypto-Assets: Tracking Global Adoption Rates and Impacts on Securities Services // Journal of Securities Operations & Custody. 2019. Vol. 12(1). pp. 49–57.
8. Kochergin D. Crypto-Assets: Economic Nature, Classification and Regulation of Turnover// International Organisations Research Journal. 2022. Vol. 17(3). pp. 75–130
9. Lam P.N., Lee D.K.C. A Light Touch of Regulation for Virtual Currencies // D. Lee (red.), Handbook of Digital Currency. Bitcoin, Innovation, Financial Instruments, and Big Data. – Amsterdam: Elsevier, 2015. pp. 309–326
10. Middlebrook S.T., Hughes S.J. Regulating Cryptocurrencies in the United States: Current Issues and Future Directions // William Mitchell Law Review. 2014. Vol. 40(2). pp. 813–848.
11. Tu K.V., Meredith M.W. Rethinking virtual currency regulation in the bitcoin age // Washington Law Review. 2015. Vol. 90(1). pp. 271–347.

DIGITAL ASSETS: LEGAL REGULATION OF THE CRYPTOCURRENCY MARKET

Bakaev D.A.,

The Plekhanov Russian University of Economics (Volgograd Branch)

Economic transformations and digitalization of various spheres of life cannot bypass money, so digital money, which is becoming increasingly popular, will play a key role in the implementation of most transactions in the world, which necessitates their legal regulation. The purpose of the article is to consider the existing features of legal regulation of the cryptocurrency market in the world. The article presents institutional conditions of a legal and economic nature that are important for the development of the cryptocurrency market. By comparing the legal status of crypto assets in individual economies of the world, as well as the rules introduced by the authorities of these countries in the field of cryptocurrencies, the differences in the policies of individual countries and the need to intensify work on global, universally applicable rules that unify the regulatory and supervisory environment associated with digital assets are shown.

Keywords: cryptocurrencies, bitcoin, virtual currencies, stablecoin, legal regulation.

References

1. Konev S.I., Martynova O.A. Legal regulation of cryptocurrencies in Russia // Education and Law. 2020. No. 9. pp. 157–163.

2. Ali R., Barrdear J., Clews R. The economics of digital currencies // Bank of England Quarterly Bulletin. 2014. Vol. 54(3). pp. 276–286.
3. Blemus S., Guegan D. Initial Crypto-Asset Offerings (ICOs), Tokenization and Corporate Governance // Capital Markets Law Journal. 2020. Vol. 15(2). pp. 191–223.
4. Dwyer G.P. The economics of Bitcoin and similar private digital currencies // Journal of Financial Stability, 2015. Vol. 17. pp. 81–91.
5. Feinstein B.D., Werbach K. The impact of crypto-asset regulation on trading markets // Journal of Financial Regulation. 2021. Vol. 7(1). pp. 48–99.
6. Griffin J., Shams A. “Is Bitcoin Really Untethered?” // Journal of Finance. 2020. Vol. 75(4). pp. 1913–1964
7. Harwood-Jones M. Digital and Crypto-Assets: Tracking Global Adoption Rates and Impacts on Securities Services // Journal of Securities Operations & Custody. 2019. Vol. 12(1). pp. 49–57.
8. Kochergin D. Crypto-Assets: Economic Nature, Classification and Regulation of Turnover // International Organizations Research Journal. 2022. Vol. 17(3). pp. 75–130
9. Lam P.N., Lee D.K.C. A Light Touch of Regulation for Virtual Currencies // D. Lee (ed.), Handbook of Digital Currency. Bitcoin, Innovation, Financial Instruments, and Big Data. – Amsterdam: Elsevier, 2015. pp. 309–326
10. Middlebrook S.T., Hughes S.J. Regulating Cryptocurrencies in the United States: Current Issues and Future Directions // William Mitchell Law Review. 2014. Vol. 40(2). pp. 813–848.
11. Tu K.V., Meredith M.W. Rethinking virtual currency regulation in the bitcoin age // Washington Law Review. 2015. Vol. 90(1). pp. 271–347.

Иск об освобождении имущества от наложения ареста (исключения его из описи) как вещно-правовой способ защиты права собственности

Белоусов Владимир Николаевич,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры гражданского права и процесса, Байкальский государственный университет
E-mail: BelousovVN@bgu.ru

В статье всесторонне исследуется понятие, правовая природа, структура иска об освобождении имущества от наложения ареста (исключения его из описи). Доказывается, что применительно к данному иску освобождение имущества от наложения ареста и исключение имущества из описи следует рассматривать как синонимы. Обосновывается вещно-правовая природа анализируемого иска. Проводится отграничение исследуемого иска от иных вещных исков (виндикационного иска, негаторного иска, а также иска о признании права собственности). В результате формулируется вывод об отнесении иска об освобождении имущества от наложения ареста (исключения его из описи) к самостоятельным вещно-правовым способам защиты права собственности. При анализе субъектного состава данного иска дополнительно аргументируется возможность предъявления иска наряду с собственником и законным владельцем также и давностным владельцем. Предлагается авторская дефиниция иска об освобождении имущества от наложения ареста (исключения его из описи).

Ключевые слова: вещные иски; право собственности; владелец, собственник; исполнительное производство; истец; ответчик.

Одним из исков, используемых для защиты права собственности, является иск об освобождении имущества от наложения ареста (об исключении его из описи).

Прежде всего, необходимо определиться с терминологией названного иска. В ч. 1 ст. 119 Федерального закона от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве» (далее – Закон № 229-ФЗ) закреплено право заинтересованного лица обратиться с иском об освобождении имущества от наложения ареста или исключения его из описи¹. В отличие от утратившего силу Федерального закона об исполнительном производстве 1997 г. законодатель уточнил название иска в части указания на освобождение имущества не «от ареста», а «от наложения ареста». Вместе с тем сохранено альтернативное наименование иска – исключение имущества из описи.

Учитывая, что между освобождением имущества от наложения ареста и исключением его из описи законодатель поставил разделительный союз «или», закономерен вопрос: имеются ли в виду различные по своему предмету иски либо речь идет об одном и том же?

Высказано мнение, что под освобождением имущества от ареста подразумевается отмена ареста в целом, а под исключением имущества из описи – отмена ареста на часть имущества, указанного в описи арестованного имущества².

Представляется, что в законе отсутствуют основания для подобного утверждения. В частности, в п. 5 ст. 80 Закона № 229-ФЗ после «акт о наложении ареста на имущество должника» поставлены скобки, в которых указано «опись имущества». Это позволяет толковать упомянутые названия как синонимы. Как справедливо отмечает А.И. Орлова: арест на имущество должника налагается путем составления акта о наложении ареста (описи имущества). Поэтому правовые последствия удовлетворения требований об освобождении имущества от наложения ареста и об исключении имущества из описи равнозначны³.

Разные мнения высказываются относительно вещно-правовой природы иска об освобождении имущества от наложения ареста (об исключении его из описи).

¹ Об исполнительном производстве: федеральный закон от 02.10.2007 г. № 229-ФЗ (в ред. от 23.11.2024 г.) // СЗ РФ. 2007. № 41. Ст. 4849.

² Борисов А.Н. Защита прав налогоплательщика при принудительном взыскании налогов, пеней и санкций. М.: Юстицинформ, 2007. С. 169.

³ Орлова А.И. Освобождение имущества от наложения ареста // Арбитражная практика. 2008. № 10. С. 84.

Некоторые авторы вещно-правовую природу иска не признают, поскольку в отношениях, складывающихся при аресте имущества, отсутствует равенство участников, т.к. сам арест производится должностным лицом федерального органа исполнительной власти, а основанием для его проведения является индивидуально-правовой акт компетентного органа. Следовательно, исследуемый иск невозможно рассматривать как частноправовой способ защиты, к которому относятся вещные иски¹.

Нельзя не согласиться с теми авторами, которые указывают на то, что иск об исключении имущества из описи (освобождении от ареста) адресуется не административному органу, а иным лицам, позиция которых имеет качества, полученные в сфере частного права (например, должник и взыскатель). Спора о владении с публичным органом, изъявшим вещь при осуществлении своей компетенции, быть не может². Таким образом, равенство участников сохраняется. Кроме того, спор возникает между должником, собственником и взыскателем и поэтому носит частный характер.

Наконец, при отрицании вещно-правовой природы рассматриваемого иска не учитывается множество его отличительных качеств: он является абсолютным, т.к. может быть предъявлен к любому лицу и не связан с какими-либо обязательственными отношениями; направлен на защиту права собственности в отношении индивидуально-определенной вещи, которая предположительно принадлежит должнику. Таким образом, исследуемый иск имеет вещно-правовую природу.

В цивилистической науке вопрос о месте рассматриваемого иска в системе вещно-правовых исков остается дискуссионным. Т.П. Подшивалов отмечает, что нет другого иска, сущность которого определялась бы столь многообразными способами³.

Одни авторы отмечают, что как в теории, так и на практике иск по своей материальной сущности обладает чертами негаторного иска⁴. Другие авторы полагают, что требование об освобождении имущества от наложения ареста, по сути, сводится к требованию о признании права собственности на незаконно включенное в опись и арестованное имущество. Поэтому он является разновидностью иска о признании права – особого способа защиты гражданских, в том числе вещных прав⁵.

По мнению К.И. Скловского, если вести речь об утраченном вследствие изъятия вещи владении,

¹ Подшивалов Т.П. Защита вещных прав: итоги // Вестник гражданского права. 2024. № 6. С. 92.

² Право собственности: актуальные проблемы: монография / Отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М.: Статут, 2008. С. 555.

³ Подшивалов Т.П. Соотношение иска об освобождении имущества от ареста и негаторного иска // Современное право. 2010. № 4. С. 92.

⁴ Тархов В.А. Собственность и право собственности: монография / В.А. Тархов, В.А. Рыбаков. 2-е изд. М.: Юрист, 2002. 248 с.

⁵ Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.

то по своей правовой природе иск об исключении имущества из описи можно соотносить с виндикацией⁶. Больше всего сторонников у подхода, представители которого уверены в двойственности природы иска об исключении имущества из описи: в одних случаях он является виндикационным (если истец лишен владения вещью), в других – негаторным (если истец владеет вещью)⁷.

Думается, что иск об освобождении имущества от ареста не является ни одним из указанных способов защиты права собственности (титульного владения). Схожий вывод встречается на страницах юридической литературы⁸.

От виндикационного названного иск можем отличить по следующим основаниям.

Во-первых, собственник (титульный владелец) не во всех случаях может быть заинтересован в возврате владения вещью. В частности, А.И. Орлова указывает, что в случае если арестованное имущество было передано собственником во владение должнику по договору аренды, а затем арестовано и изъято, то собственник, намеренный продолжать арендные отношения, не заинтересован в возвращении такого имущества в собственное владение⁹.

Во-вторых, с момента наложения ареста на имущество собственник не может им распорядиться как в случае изъятия, так и в случае сохранения владения у должника.

В-третьих, действительно, вещь находится не во владении собственника, а передана другому лицу каким-либо способом¹⁰. Более того, арестованная вещь, как правило, остается во владении лица, у которого она была арестована и которому попала по воле собственника (в результате правомерного активного поведения¹¹). В данной ситуации отсутствует нарушение владения, являющееся фактическим основанием предъявления виндикационного иска. Если же вещь попала к лицу, у которого она арестована против воли собственника, тогда последний вправе предъявить два материально-правовых требования в рамках одного искового заявления: иск об исключении имущества из описи и об истребовании из чужого незаконного владения¹².

⁶ Скловский К.И. Защита владения от изъятия в административном порядке // Закон. 1998. № 6. С. 115.

⁷ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный). Изд. 2-е, испр. и доп. / отв. ред. О.Н. Садилов. М.: Контракт: Инфра-М, 2002. С. 659.

⁸ Потапенко С. В., Зарубин А.В. Настольная книга судьи по спорам о праве собственности / под ред. С.В. Потапенко. М.: Проспект, 2016. С. 163.

⁹ Орлова А.И. Указ. соч. С. 89.

¹⁰ Титов Е.В. Передача вещи и ее виды: к вопросу о существовании суррогатов передачи // Академический юридический журнал. 2023. Т. 24, № 3. С. 409.

¹¹ Асланян Н.П., Виниченко Ю.В. О понятии бездействия и его месте в классификации гражданско-правовых юридических фактов // Академический юридический журнал. 2020. Т. 21, № 43. С. 46.

¹² Подшивалов Т.П. Соотношение иска об освобождении имущества от ареста и негаторного иска // Современное право. 2010. № 4. С. 93.

В-четвертых, если при предъявлении виндикационного иска ответчиком является только незаконный владелец, то в рассматриваемом иске ответчиком выступает и лицо, чье имущество было описано, и лицо, в чьих интересах производится арест¹.

Сторонникам позиции об отнесении иска об освобождении имущества от наложения ареста к негаторным искам можно возразить следующее. Поскольку арест, как правило, производится не у собственника (титального владельца), а у должника, негаторный иск как иск об устранении препятствий, не связанных с лишением владения, невозможен ввиду отсутствия у истца фактического владения имуществом. Более того, как указывает Е.А. Суханов, рассматриваемый иск нельзя считать негаторным, т.к. нарушитель не просто создает препятствия, помехи в реализации правомочий собственника, не сопряженных с лишением владения, а по существу, лишает собственника его права, юридически (а иногда и фактически) изымая у него данное имущество².

Негаторный иск предъявляется к лицу, которое своими фактическими действиями препятствует осуществлению правомочия пользования и распоряжения, а иск об освобождении имущества от наложения ареста – к взыскателю и должнику, а не к службе судебных приставов.

Позволим себе не согласиться и с точкой зрения, согласно которой иск об исключении имущества из описи является иском о признании права собственности, ввиду того, что данная группа авторов на наш взгляд смешивает процессуальные особенности рассмотрения того или иного иска с материально-правовой сущностью заявленного требования. Здесь под процессуальными особенностями мы подразумеваем перечень обстоятельств, входящих в предмет доказывания по делу. Очевидно, что иск об освобождении имущества от ареста будет отличаться по этому критерию от иска о признании права собственности. В указанный перечень войдет выяснение судом принадлежности спорной вещи истцу на праве собственности. При этом признания права (собственности) не будет, т.к. такого материально-правового требования при подаче иска об освобождении имущества от ареста истец не заявлял.

Суд не может сделать вывода об освобождении имущества от ареста, не установив факта принадлежности спорной вещи истцу на праве собственности. Однако это обстоятельство будет отражено в мотивировочной части судебного решения в качестве довода суда по обстоятельствам, входящим в предмет доказывания по делу. Из таких доводов формируется вывод по существу заявленного искового требования. Тогда как в резолютивной части судебного решения содержится вывод об удов-

летворении или отказе в удовлетворении требования об освобождении имущества от наложения ареста³.

Учитывая изложенное логично относить иск об освобождении имущества от наложения ареста (исключения его из описи) к самостоятельным вещно-правовым способам защиты права собственности, обладающим рядом существенных особенностей. Попытаемся обосновать наш вывод в процессе характеристики этого иска посредством раскрытия его структуры – предмета, условий удовлетворения, субъектного состава.

Предметом исследуемого иска является вещь, сохранившаяся в натуре, а в случае невозможности ее возврата – денежная компенсация. Кроме того, в предмет иска включается и иное имущество. Такое императивное ограничение⁴ в целом свойственно для вещных исков.

Удовлетворение рассматриваемого иска будет свидетельствовать о том, что на момент наложения ареста имущество не принадлежало должнику, а являлось собственностью истца. В таком случае имущество исключается из описи, наложенной в рамках исполнительного производства.

Необходимо обратить внимание на субъектах права (истцов) и субъектах обязанности (ответчиков) по рассматриваемому иску.

В постановлении Пленума ВС, Пленума ВАС № 10/22 от 29.04.2010 г. «О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав» (далее – Постановление № 10/22) указано, что в случае наложения арбитражным судом ареста в порядке обеспечения иска на имущество, не являющееся собственностью должника и не принадлежащее ему на праве хозяйственного ведения или оперативного управления, собственник имущества (законный владелец, иное заинтересованное лицо, в частности невладеющий залогодержатель) вправе обратиться с ходатайством об отмене обеспечительных мер в арбитражный суд, их принявший⁵.

Закон № 299-ФЗ исходит из принципа полной имущественной ответственности должника допускающая обращение взыскания на имущество должника, находящееся у других лиц. Значит, право титульных владельцев на иск об освобождении имущества от наложения ареста не может быть реализовано ими в случае, когда должником в исполнительном производстве выступает собственник имущества. Исключение составляют лица, которым имущество передано на праве хозяйственного ведения или оперативного управления. В силу п. 1

³ Моргунов С.В. Применения иска об освобождении имущества от ареста // Закон. 2009. № 2 С. 152.

⁴ Минникес И. А., Ягофарова И.Д. Императивные ограничения в праве // Baikal Research Journal. 2017. Т. 8. № 1. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(1).20.

⁵ О некоторых вопросах, возникающих в судебной практике при разрешении споров, связанных с защитой права собственности и других вещных прав: постановление Пленума ВС, Пленума ВАС № 10/22 от 29.04.2010 г. // Вестник ВАС РФ. 2010. № 6.

¹ Люшня А.В. Признание права собственности как способ защиты гражданских прав: автореф. дисс. ... канд. наук. М., 2005. С. 24–25.

² Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М.: Юридическая литература, 1991. С. 216–217.

ст. 48, п. 3 ст. 56 ГК РФ данным имуществом юридические лица отвечают по своим обязательствам и не отвечают по долгам собственника этого имущества. В остальных случаях на основании ст. 119 Закона № 229-ФЗ титульные владельцы могут реализовать свое право в рамках данного иска.

Особого внимания требует вопрос о возможности предъявления иска об освобождении имущества от наложения ареста лицом, не обладающим титулом на имущество, но владеющим им по приобретательной давности, — давностным владельцем. Давностный владелец до истечения срока приобретательной давности не может считаться титульным владельцем имущества, ибо его владение не опирается на правовое основание. Однако такое владение не является и юридически безразличным фактом, ибо при определенных условиях — добросовестность, открытость, непрерывность владения — и по истечении установленных законом сроков фактический владелец имущества может стать его собственником¹.

Согласно п. 2 ст. 234 ГК РФ, до приобретения на имущество права собственности по приобретательной давности лицо, владеющее имуществом, как своим собственным, имеет право на защиту своего владения против третьих лиц, не являющихся собственниками имущества, а также не имеющих прав на владение им в силу иного предусмотренного законом или договором основания. Исходя из того, что давностное владение нарушается при аресте имущества, следует признать, что давностный владелец при аресте имущества в ходе исполнительного производства вправе защищать свое владение способом, предусмотренным п. 2 ст. 234 ГК РФ.

К.И. Скловский, признавая возможность защиты права давностного владельца на основании п. 2 ст. 234 ГК РФ в случае изъятия административным органом принадлежащего владельцу в силу приобретательной давности имущества, отмечает, что условием удовлетворения данного иска будет подтверждение добросовестности приобретения².

Таким образом, допускается принципиальная возможность защиты прав давностного владельца при аресте имущества, которым он владеет по приобретательной давности. Однако защита давностного владения не тождественна защите собственности и титульного владения посредством виндикационного, негаторного исков либо иска о признании права, поскольку у давностного владельца право (титул) владения отсутствует. Владение индивидуально-определенной вещью в период течения срока приобретательной давности хотя и защищается гражданским законодательством, но правом не является. «В период течения давности владелец собственником еще не стал и никакого права на вещь не имеет, т.е. является незакон-

ным владельцем, поэтому он лишен права на виндикацию». Если, руководствуясь правовой природой, относить иск об освобождении имущества от наложения ареста к любому из перечисленных выше видов исков, то можно констатировать отсутствие у давностного владельца права на обращение с иском на основании ст. 119 Закона об исполнительном производстве, однако давностный владелец вправе предъявить иск об освобождении имущества от наложения ареста.

Следовательно, субъектом права по рассматриваемому иску может быть собственник, титульный и давностный владелец. В п. 2 ст. 50 Постановления Пленума № 10/22 помимо указанных субъектов права говорится и о других заинтересованных лицах, (в частности, невладеющий залогодержатель).

Субъектом обязанности (ответчиком) по таким искам согласно Постановлению Пленума № 10/22 являются: должник, у которого произведен арест имущества, и те лица, в интересах которых наложен арест на имущество. Судебный пристав-исполнитель привлекается к участию в таких делах в качестве третьего лица, не заявляющего самостоятельных требований относительно предмета спора. Поскольку рассматривается спор о праве на имущество, ответчиком по данному иску не может выступать судебный пристав-исполнитель или государственный орган — соответствующее подразделение Федеральной службы судебных приставов³.

Предложенный перечень обязанных субъектов представляется целесообразным ввиду того, что интересы лица, предъявившего такой иск, нарушаются как кредитором (взыскателем), для удовлетворения требований которого произведен арест имущества, так и должником, для исполнения обязательств которого служит имущество третьего лица.

Учитывая изложенное, можно заключить, что иск об освобождении имущества от наложения ареста (исключения его из описи) является самостоятельным вещно-правовым иском. Его можно определить, как внедоговорное требование собственника, законного, а также давностного владельца к лицу, имущество которого описано и к лицу, в чьих интересах произведена опись об исключении имущества из описи.

Литература

1. Борисов А.Н. Защита прав налогоплательщика при принудительном взыскании налогов, пеней и санкций. М.: Юстицинформ, 2007. 272 с.
2. Гражданское право: учеб. Т. 1. Изд. 7-е, перераб. и доп. / под. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: Проспект, 2011. 784 с.
3. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации части первой (постатейный).

¹ Гражданское право: учеб. Т. 1. Изд. 7-е, перераб. и доп. / под. ред. А.П. Сергеев, Ю.К. Толстой. М.: Проспект, 2011. С. 555.

² Скловский К.И. Защита владения от изъятия в административном порядке // Закон. 1998. № 6. С. 116.

³ Моргунов С.В. Применения иска об освобождении имущества от ареста // Закон. 2009. № 2. С. 143.

Изд. 2-е, испр. и доп. / отв. ред. О.Н. Садиков. М.: Контракт: Инфра-М, 2002. 940 с.

4. Люшня А.В. Признание права собственности как способ защиты гражданских прав: автореф. дисс. ... канд. наук. М., 2005. 30 с.
5. Минникес И. А., Ягофарова И.Д. Императивные ограничения в праве // *Baikal Research Journal*. 2017. Т. 8. № 1. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(1).20.
6. Моргунов С.В. Применения иска об освобождении имущества от ареста // *Закон*. 2009. № 2. С. 141–153.
7. Асланян Н.П., Виниченко Ю.В. О понятии бездействия и его месте в классификации гражданско-правовых юридических фактов // *Академический юридический журнал*. 2020. Т. 21, № 43. С. 40–47.
8. Орлова А.И. Освобождение имущества от наложения ареста // *Арбитражная практика*. 2008. № 10. С. 84–96.
9. Подшивалов Т.П. Соотношение иска об освобождении имущества от ареста и негаторного иска // *Современное право*. 2010. № 4. С. 92–95.
10. Подшивалов Т.П. Защита вещных прав: итоги // *Вестник гражданского права*. 2024. № 6. С. 92–104.
11. Потапенко С.В., Зарубин А.В. Настольная книга судьи по спорам о праве собственности / под ред. С.В. Потапенко. М.: Проспект, 2016. 248 с.
12. Право собственности: актуальные проблемы: монография / Отв. ред. В.Н. Литовкин, Е.А. Суханов, В.В. Чубаров. М.: Статут, 2008. 731 с.
13. Скловский К.И. Защита владения от изъятия в административном порядке // *Закон*. 1998. № 6. С. 115–121.
14. Суханов Е.А. Лекции о праве собственности. М.: Юридическая литература, 1991. 240 с.
15. Суханов Е.А. Вещное право: научно-познавательный очерк. М.: Статут, 2017. 560 с.
16. Тархов В.А. Собственность и право собственности: монография / В.А. Тархов, В.А. Рыбаков. 2-е изд. М.: Юрист, 2002. 248 с.
17. Титов Е.В. Передача вещи и ее виды: к вопросу о существовании суррогатов передачи // *Академический юридический журнал*. 2023. Т. 24, № 3. С. 409–413.

A CLAIM FOR THE RELEASE OF PROPERTY FROM SEIZURE (ITS EXCLUSION FROM THE INVENTORY) AS A PROPERTY-LAW METHOD OF PROTECTING PROPERTY RIGHTS

Belousov V.N.

Baikal State University

The article comprehensively examines the concept, legal nature, and structure of a claim for release of property from seizure (exclusion from inventory). It is proved that, in relation to this claim, release of property from seizure and exclusion of property from inventory should be considered as synonyms. The property-legal nature of the analyzed claim is substantiated. A distinction is made between the studied claim and other property claims (a claim for vindication, a negatory claim, and a claim for recognition of ownership). As a result, a conclusion is formulated on classifying a claim for release of property from seizure (exclusion from inventory) as an independent property-legal method of protecting ownership. When analyzing the subjective composition of this claim, the possibility of filing a claim along with the owner and legal possessors also by the long-term possessor is additionally argued. The author's definition of a claim for release of property from seizure (exclusion from inventory) is proposed.

Keywords: property claims; ownership; owner; enforcement proceedings; plaintiff; defendant.

References

1. Borisov A.N. Protection of taxpayer rights in case of forced collection of taxes, penalties and sanctions. Moscow: Yustitsinform, 2007. 272 p.
2. Civil law: textbook. Vol. 1. 7th edition, revised and enlarged / edited by A.P. Sergeev, Yu.K. Tolstoy. Moscow: Prospect, 2011. 784 p.
3. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation, Part One (article by article). 2nd edition, revised and enlarged / edited by O.N. Sadikov. Moscow: Contract: Infra-M, 2002. 940 p.
4. Lyushnya A.V. Recognition of property rights as a way of protecting civil rights: author's abstract. diss. ... candidate of sciences. M., 2005. 30 p.
5. Minnikes I. A., Yagofarova I.D. Mandatory restrictions in law // *Baikal Research Journal*. 2017. Vol. 8. No. 1. DOI: 10.17150/2411-6262.2017.8(1).20.
6. Morgunov S.V. Application of a claim for the release of property from arrest // *Law*. 2009. No. 2. P. 141–153.
7. Aslanyan N. P., Vinichenko Yu.V. On the concept of inaction and its place in the classification of civil legal facts // *Academic Law Journal*. 2020. Vol. 21, No. 43. P. 40–47.
8. Orlova A.I. Release of property from seizure // *Arbitration practice*. 2008. No. 10. Pp. 84–96.
9. Podshivalov T.P. The relationship between a claim for the release of property from seizure and a negative claim // *Modern law*. 2010. No. 4. Pp. 92–95.
10. Podshivalov T.P. Protection of property rights: results // *Bulletin of civil law*. 2024. No. 6. Pp. 92–104.
11. Potapenko S. V., Zarubin A.V. Handbook of a judge on disputes over property rights / edited by S.V. Potapenko. Moscow: Prospect, 2016. 248 p.
12. Property Rights: Current Issues: Monograph / Ed. V.N. Litovkin, E.A. Sukhanov, V.V. Chubarov. Moscow: Statut, 2008. 731 p.
13. Sklovsky K.I. Protection of Ownership from Administrative Seizure // *Law*. 1998. No. 6. Pp. 115–121.
14. Sukhanov E.A. Lectures on Property Rights. Moscow: Legal Literature, 1991. 240 p.
15. Sukhanov E.A. Property Law: Scientific and Educational Essay. Moscow: Statut, 2017. 560 p.
16. Tarkhov V.A. Property and Property Rights: Monograph / V.A. Tarkhov, V.A. Rybakov. 2nd ed. M.: Jurist, 2002. 248 p.
17. Titov E.V. Transfer of a thing and its types: on the issue of the existence of transfer surrogates // *Academic Law Journal*. 2023. Vol. 24, No. 3. P. 409–413.

Трансграничное усыновление: материально-правовой и процессуальный аспекты

Дмитриева Ольга Викторовна,

кандидат юридических наук, доцент, Департамент частного права, НИУ ВШЭ
E-mail: ovdmitrieva@hse.ru

Солнцева Мария Евгеньевна,

преподаватель, кафедра общественных наук, Лицей НИУ ВШЭ
E-mail: msolntseva@hse.ru

Статья посвящена анализу коллизионных норм, применяемых при трансграничном усыновлении, а также рассмотрению проблем, возникающих при признании и исполнении решений об усыновлении в зарубежных государствах. Особое внимание уделяется риску возникновения «хромающего» усыновления, то есть усыновления, действительного только в одном из государств. Кроме того, определяется значение сверхимперативных норм и публичного порядка Российской Федерации как оснований для отказа в признании и приведении в исполнение решений об усыновлении. Кроме того, описываются особенности рассмотрения дел об усыновлении в суде: в частности, выделяются спорные вопросы, анализируется судебная практика и комментируются правовые позиции Верховного Суда РФ. На основе проведенного анализа предлагаются пути усовершенствования института трансграничного усыновления.

Таким образом, целью работы является исследование законодательства, судебной практики и доктринальных источников по теме трансграничного усыновления на предмет наличия правовых проблем, а также предложение способов по их разрешению. Для достижения поставленной цели используются формально-юридический и сравнительно-правовой методы. Последний применяется для рассмотрения альтернативных моделей регулирования тех или иных вопросов трансграничного усыновления.

Ключевые слова: трансграничное усыновление; международное семейное право; коллизионные привязки; личный закон физического лица; международный гражданский процесс; рассмотрение дел с участием иностранных граждан.

Введение

Проблема трансграничного усыновления приобретает особую актуальность в связи с наблюдающимся в мире ростом численности семей, в которых усыновители и усыновляемые имеют различное гражданство или, являясь гражданами одного государства, постоянно проживают на территории различных государств. В российском законодательстве не закреплено понятие трансграничного усыновления, а значит, не разрешен вопрос о том, в каком объеме к усыновлению применяются коллизионные нормы, предусмотренные в статье 165 Семейного кодекса РФ.

Более того, статья 165 Семейного кодекса предписывает суду применять коллизионную привязку к личному закону усыновителя. Однако анализ судебной практики свидетельствует о том, что решения судов зачастую вступают в противоречие с данным положением. Нередко подобная ситуация приводит к возникновению «хромающих» отношений по усыновлению – ситуаций, в которых усыновление признается действительным только в рамках одного государства.

Также важно упомянуть, что различия в требованиях к усыновителям, процессуальных формах разрешения дел об усыновлении, а также подходах к признанию и приведению в исполнение иностранных судебных решений об усыновлении создают препятствия к обеспечению права ребенка жить и воспитываться в семье.

В этой связи существует необходимость внедрения в законодательство понятия трансграничного усыновления, определения пределов применения коллизионных норм СК РФ об усыновлении, а также исследования проблем, связанных с признанием и приведением в исполнение решений об усыновлении в различных правовых порядках.

При этом порядок усыновления, закрепленный в семейном законодательстве, уточняется в гражданском процессуальном законодательстве. Соответственно, термин «усыновление» может использоваться также в процессуальном смысле [18]. По этой причине в данной работе мы рассмотрим как материально-правовые аспекты усыновления, так и процессуальные.

Материалы

В качестве материалов исследования авторами были использованы следующие источники:

- 1) нормативно-правовые акты РФ (Семейный кодекс, Гражданский кодекс, Гражданский процессуальный кодекс);

- 2) международные договоры (например, Конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Итальянской Республикой о правовой помощи по гражданским делам);
- 3) российская судебная практика (Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 05.04.2005 № 83-Г05–311);
- 4) зарубежная судебная практика (Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Вагнер и J.M.W.L. против Люксембурга»);
- 5) правовая доктрина (в частности, научные работы Г.Ю. Федосеевой, К.О. Тринченко, А.А. Шулакова и др.)

Введение в проблематику

Прежде всего следует определиться с понятием международного усыновления. Обратимся к термину «усыновление». В литературе встречается несколько подходов к истолкованию данного термина.

Во-первых, под усыновлением может пониматься семейное отношение материально-правового характера, складывающиеся между усыновителем и усыновленным, по содержанию аналогичное родительскому правоотношению [18, с. 401]. Также усыновление может рассматриваться как процедура установления юридического факта, именуемого «усыновлением» (процессуальное, публично-правовое отношение) [18, с. 402]. Кроме того, существует понимание усыновления в узком смысле, в качестве деятельности суда, придающего законную силу родственным отношениям между усыновителем и усыновленным (публично-правовое отношение) [18, с. 403]. При этом определение понятия «усыновление» имеет прямое практическое значение, поскольку оно позволяет вычлениить те отношения, которые охватываются положениями статьи 165 Семейного кодекса РФ (далее также – СК РФ) [15].

Материально-правовые аспекты трансграничного усыновления

Обратимся к понятию трансграничного/международного усыновления. Е.С. Королева понимает трансграничное усыновление как «вид усыновления, при котором физическое лицо или супружеская пара становится законным и постоянным родителем (родителями) ребенка, являющегося гражданином другой страны» [7, с. 118]. К.М. Степкина указывает, что трансграничное усыновление – это «форма усыновления, при котором дети передаются гражданам другого государства». Однако данные определения не охватывают случаи, при которых усыновитель и усыновленный имеют гражданство одного государства, но усыновление осуществляется на территории иностранного государства [16, с. 192].

При этом в рамках рассматриваемой темы определение понятия «усыновление» имеет непосредственное практическое значение, поскольку оно позволяет установить, какие конкретно пра-

воотношения охватываются статьей 165 Семейного кодекса РФ. Исходя из буквального толкования, данная статья должна применяться ко всем правоотношениям, вытекающим из усыновления. В то же время в литературе встречается предложение ограничить круг правоотношений, на которых распространяется статья 165. Так, Г.Ю. Федосеева предлагает изложить статью 165 в следующей редакции:

«1) определение круга лиц, имеющих право быть усыновителями; 2) учет разницы в возрасте между усыновителем и усыновляемым; 3) получение согласия родителей или лиц, их заменяющих, на усыновление ребенка; 4) выражение согласия на усыновление самого усыновляемого; 5) присвоение ребенку имени и определение порядка изменения даты и места рождения усыновленного производится в соответствии с правом государства, гражданином которого является усыновитель» [18, с. 407].

В соответствии с ч. 1 ст. 165 СК РФ при усыновлении иностранными гражданами или лицами без гражданства ребенка, являющегося гражданином Российской Федерации, на территории Российской Федерации, применяется личный закон усыновителя. Однако, как отмечает Г.Ю. Федосеева, в действительности зачастую происходит «фальсификация» международного частного права: иностранное право не применяется, потенциальные усыновители лишь представляют в суд документы о том, что у них отсутствуют препятствия к усыновлению. Автор критикует сложившуюся практику и пишет, что данная практика основана на ошибочном толковании абз. 1 п. 1 ст. 165 СК РФ [18, с. 407].

Г.Ю. Федосеева обращает особое внимание на тот факт, что если российский суд будет руководствоваться исключительно российским правом, то возможно появление т.н. «хромающих» отношений. «Хромающие» отношения – это правоотношения, которые действительны в одной юрисдикции, но недействительны в другой (других). Для предотвращения проблем с «хромающим» усыновлением автор предлагает использовать «гибкую» коллизионную привязку к наиболее благоприятному (для ребенка) закону, *lex benignitatis*. Автор пишет, что применение закона суда или закона усыновителя «является несомненно более прогнозируемым, но в меньшей степени отвечающим интересам ребенка». Так, например, «хромающее» усыновление приводит к необходимости повторного рассмотрению дела, что может вызвать у ребенка дополнительный стресс [18, с. 410].

Обратимся к делу «Вагнер (Wagner) и J.M.W.L. против Люксембурга» [13], ярко иллюстрирующему проблему «хромающего» усыновления. Дело касается усыновления гражданки Перу J.M.W.L. не состоящей в браке гражданкой Люксембурга Ж. Вагнер. Процедура усыновления происходила в Перу. В отличие от законодательства Люксембурга, законодательство Перу не требовало, чтобы усыновление производилось лицами, состоящими

в браке, поэтому перуанский суд вынес решение об усыновлении.

Так как усыновитель и усыновленная собирались проживать в Люксембурге, они обратились в суд с требованием о признании решения перуанского суда исполнимым на территории Люксембурга. Однако суд Люксембурга постановил, что перуанский суд, вынося решение об усыновлении лицом, не состоявшим в браке, нарушил законодательство Люксембурга. Ввиду этого решение об усыновлении было признано неисполнимым, что привело к лишению ребенка какого-либо представительства (правовая связь с родителями была утрачена, а связь с усыновителем считалась по законодательству Люксембурга не возникшей), а также невозможности получить гражданство Люксембурга. Суды вышестоящих инстанций также отказали заявителям в признании усыновления на территории Люксембурга. Заявители подали жалобу в Европейский суд по правам человека (далее также – ЕСПЧ).

В суде первой инстанции представитель Ж. Вагнер утверждал, что семья Вагнер «существует в фактическом и правовом смысле и что речь не идет о неполной семье». Данный аргумент основывался на том, что сегодня обществом повсеместно принимается фактическое сожительство без регистрации брака, ввиду чего необходимость брака родителей является всё менее очевидной. Таким образом, по логике представителя заявительницы, она «живет в полной семье, не состоя в браке». Однако в Решении суда округа от 11 февраля 1998 года суд не принял данный довод, указав, что «утверждение о наличии полной семьи является новостью и не подтверждено какими-либо документами».

Также во время рассмотрения дела поднимался вопрос о некой «недобросовестности» заявительницы. Так, в Решении суда округа от 2 июня 1999 г. указано, что заявительница могла подать заявление об усыновлении в суд Люксембурга, однако она, судя по всему, специально выбрала суд Перу, чтобы добиться усыновления, которое не могло быть признано люксембургским судом. Следовательно, имеет место обход закона, и решение не может быть исполнено.

ЕСПЧ постановил, что в отношении заявителя были нарушены статьи 6, 8 и 14 Европейской конвенции, то есть право на справедливое судебное разбирательство, право на уважение частной и семейной жизни и запрещение дискриминации. Суд усмотрел нарушение статьи 6 в том, что были учтены не все доводы заявителя. Относительно нарушения статьи 8 Конвенции ЕСПЧ указал (абзац 102), что ранее несколько женщин, не состоящих в браке, смогли беспрепятственно усыновить детей в Перу. Соответственно, заявительница могла добросовестно полагаться на то, что у неё также не возникнет проблем, и её поведение нельзя признать обходом закона. Обращаясь к статье 14 Конвенции, ЕСПЧ не усмотрел мотива, который мог бы оправдать подобную дискриминацию. Более того, ранее решения о полном усыновлении

перуанских детей, усыновленных лицами, не состоящими в браке, признавались действительными в Люксембурге.

В РФ и большинстве других государств мира в отношении трансграничного усыновления используется привязка к личному закону усыновителя. В доктрине это объясняется тем, что при международном усыновлении усыновитель(и) чаще всего увозят ребенка в свое государство. В отечественной юридической литературе данная позиция оценивается в основном положительно. Так, Г.Ю. Федосеева отмечает: «нельзя отменить такой разумный шаг РФ и сделать труднореализуемым право ребенка на воспитание в семье» [18, с. 401].

В то же время в статье 24 Гаагской конвенции о защите детей и сотрудничестве в области межгосударственного усыновления закреплено, что даже если были нарушены требования к усыновителю, отказ в признании решения об усыновлении возможен только в случае противоречия усыновления публичному порядку государства усыновителя. Так, например, в деле, упомянутом в п. 65 Постановления ЕСПЧ по делу Ж. Вагнер, поднимался вопрос о том, должны ли власти Люксембурга признавать решение об усыновлении, ошибочно вынесенное некомпетентным органом Перу. Европейский суд по правам человека отметил, что суд Люксембурга поступил правильно, указав, что данное нарушение не противоречит основополагающим ценностям и принципам Перу, поэтому усыновление должно быть признано.

К.О. Тринченко согласна с данной позицией. Она отмечает, что «существенное ограничение прав ребенка в принимающем государстве в случае отказа в признании решения об усыновлении предопределяет острую необходимость смягчения жестких процессуальных требований ... и, по всей видимости, сужения сферы применения оговорки о публичном порядке» [17, с. 3].

Однако возникает вопрос: что именно понимается под публичным порядком в рамках признания и исполнения решений об усыновлении? Согласно статье 1192 Гражданского кодекса РФ (далее также – ГК РФ) [2], сверхимперативность тех или иных норм устанавливается двумя способами:

- а) «вследствие указания в самих императивных нормах» (сверхимперативность определяется законодателем);
- б) «ввиду их особого значения, в том числе для обеспечения прав и охраняемых законом интересов» (сверхимперативность определяется правоприменителем).

К сверхимперативным нормам первого вида относятся те положения, которые закреплены в абзаце 2 пункта 1 статьи 165 Семейного кодекса РФ (далее также СК РФ). В частности, это нормы о порядке усыновления ребенка, лицах, имеющих право быть усыновителями, разнице в возрасте между усыновителем и усыновляемым ребенком и т.п. [20, с. 66].

Для признания нормы сверхимперативной по решению правоприменителя необходимо, как

указывает А.А. Шулаков, определить «наличие в этих нормах интересов/ценностей, имеющих особое значение». По мнению специалиста, для этого необходимо обратиться к возможным целям ограничения прав, указанным в части 3 статьи 55 Конституции РФ. Так, А.А. Шулаков пишет, что такая конституционно значимая цель, как «защита нравственности, здоровья, прав и законных интересов других членов семьи и иных граждан» содержится в статьях 1 («Основные начала семейного законодательства»), 63 («Права и обязанности родителей по воспитанию и образованию детей»), 65 («Осуществление родительских прав»), 66 («Осуществление родительских прав родителем, проживающим отдельно от ребенка») и других нормах СК РФ [20, с. 67–69].

С нашей точки зрения, во избежание проблем с признанием решения в государствах гражданства усыновленного и усыновителя следует руководствоваться правилом о том, что при усыновлении необходимо соблюдение требований к усыновителю, содержащихся в обоих правопорядках. Несмотря на то, что в большинстве случаев после усыновления ребенок отправляется жить в государство гражданства усыновителя, не исключены и случаи, в которых усыновитель приезжает в государство гражданства ребенка. Ввиду этого, на наш взгляд, привязка только к гражданству усыновителя недостаточна.

При этом нам представляется правильным подход, закрепленный в упомянутой выше Гаагской конвенции об усыновлении [5], согласно которому при несоблюдении внутригосударственных требований к усыновителю государство может отказать в признании и исполнении решения об усыновлении только в случае, если признание такого усыновления противоречит публичному порядку. В качестве обоснования правильности этого подхода можно привести следующий факт: общепризнанно, что приоритетным вариантом устройства детей, оставшихся без попечения родителей, является устройство в семью. Исходя из этого, мы считаем, что необходимо использовать все возможные меры по содействию усыновлению детей, в том числе по возможности не пренебрегать международным усыновлением.

Более того, требования к усыновителям (возраст, разница в возрасте между ними и усыновляемым, состояние в браке) в различных государствах довольно сильно отличаются и не всегда научно обоснованны. Если бы существовали международные соглашения, содержащие конкретные и обоснованные требования, которые государства могут использовать в качестве требований к усыновителю, то можно было бы признать за государствами суверенное право на использование этих ограничений. Однако такой документ и аргументированные научные исследования отсутствуют, что делает установление требований к усыновителям слишком субъективным.

Также отметим некоторые другие проблемы трансграничного усыновления. Во-первых, в со-

ответствии с Правилами постановки на учет консульскими учреждениями РФ детей, являющихся гражданами РФ и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства, постановка на учет усыновленного ребенка, являющегося гражданином России и проживающего в иностранном государстве, производится консульскими учреждениями РФ в рамках консульского округа, на территории которого проживают усыновители. Согласно данным Правилам, при перемене места жительства усыновленного ребенка усыновители обязаны информировать об этом консульское учреждение, где ребенок состоит на учете, и поставить несовершеннолетнего на учет в консульство по новому месту жительства [14]. Однако полномочия консульских учреждений ограничены территорией консульского округа, в рамках которой они действуют. Данное обстоятельство снижает эффективность контроля за условиями жизни и воспитания ребенка со стороны консульства [8, с. 18–19].

Процессуальные аспекты трансграничного усыновления

В соответствии с общепризнанной теорией международного гражданского процесса решения о признании выносятся государством, в котором данное решение должно быть признано. Данный подход соответствует основополагающим отечественным соглашениям о межгосударственном сотрудничестве по гражданским делам. Так, например, согласно п. 2 ст. 24 Конвенции между Союзом Советских Социалистических Республик и Итальянской Республикой о правовой помощи по гражданским делам, дела, касающиеся личного статуса лица, рассматриваются судом того государства, гражданство которого имеет данное лицо [4]. Согласно статье 409 Гражданского процессуального кодекса РФ (далее также – ГПК РФ, ГПК) [3] решения иностранных судов признаются и исполняются в Российской Федерации, если это предусмотрено международным договором РФ. С некоторыми иностранными государствами (например, с Италией, Францией и Израилем) заключены подобные соглашения о сотрудничестве, однако их количество невелико.

Нужно отметить, что согласно пп. 2 п. 2 ст. 403 ГПК РФ дела об усыновлении граждан РФ относятся к исключительной компетенции российских судов. Если решение об усыновлении выносится иностранным судом, то российский суд отказывает в его принудительном исполнении на основании пп. 3 п. 1 ст. 412 ГПК РФ. Так, например, Верховный Суд РФ (далее также – ВС РФ, ВС) отказал в признании усыновления в отношении гражданина РФ, произведенного итальянским судом (см. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 5 апреля 2005 г. № 83-Г05–311).

В случае если кандидат в усыновители является гражданином РФ, заявление подается в районный суд по месту жительства или нахождения усыновляемого (п. 1 ст. 269 ГПК РФ). Если же кандидат

в усыновителя является иностранным гражданином, то необходимо обращаться в областную и приравненный к нему суд (п. 2 ст. 269 ГПК). При этом в случае, если в ходе рассмотрения дела кандидат в усыновители приобретает российское гражданство либо выходит из гражданства РФ, то суд в соответствии с п. 3 ч. 2 ст. 33 ГПК РФ передает дело на рассмотрение другого суда. Так, например, в практике имеется дело, в котором областная суд передал дело на рассмотрение районного суда по причине предоставления гражданином письма УМВД России по Мурманской области о приеме в гражданство Российской Федерации [11].

Исходя из вышеизложенного, по общему правилу при рассмотрении дел об усыновлении суд применяет одностороннюю коллизионную привязку. Однако в законодательстве некоторых государств предусмотрено право суда субсидиарно применить закон места постоянного проживания усыновителя или усыновленного, исходя из наилучших интересов ребенка [21].

Обратимся к нескольким важным позициям ВС РФ по процедуре рассмотрения судами дел о трансграничном усыновлении. В Обзоре практики рассмотрения в 2019 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации [10], ВС РФ рекомендовал судам заслушивать в рамках судебного заседания лиц, которые изучали сведения о ребенке, однако отказались от его усыновления. В то же время законодательство не содержит информации о последствиях неявки родственников. Специалисты отмечают, что, по их мнению, неоднократная неявка данных лиц на судебные заседания свидетельствует об их незаинтересованности в судьбе ребенка и, соответственно, толкуется в пользу возможности усыновления [1], [19].

Также Верховный Суд положительно относится к тому, что суды подробно исследуют состояния здоровья кандидата в усыновителя и потенциального усыновленного. Однако стоит отметить, что ВС РФ не одобряет практику, когда суды признают заключения о состоянии здоровья кандидата в усыновителя, выданные иностранными медицинскими организациями, недопустимыми доказательствами. По мнению ВС, в таком случае суд обязан принять во внимание данные медицинские документы, но вправе обязать кандидата пройти те медицинские обследования, которые отсутствуют в предоставленных суду заключениях [9].

Как известно, по общему правилу для принятия решения об усыновлении ребенка необходимо согласие его родителей или иных законных представителей (ст. 129 СК РФ). Исключение составляют случаи, предусмотренные в статье 130 СК РФ: родители неизвестны/признаны судом безвестно отсутствующими или признаны судом недееспособными или лишены судом родительских прав по причинам, признанным судом неуважительны-

ми, или более шести месяцев не проживают совместно с ребенком и уклоняются от его воспитания и содержания. В соответствии с судебной практикой данное согласие испрашивается путем в целях проверки обстоятельств о возможности передачи опроса родственников ребенка в суде по месту их жительства [15].

В соответствии со статьей 132 СК РФ согласие ребенка на усыновление является обязательным в случае, если он достиг 10 лет. Однако ВС РФ неоднократно указывал на то, что, исходя из статьи 12 Конвенции о правах ребенка и статьи 57 СК РФ, мнение ребенка относительно его усыновления необходимо узнавать вне зависимости от возраста несовершеннолетнего. Единственным ограничением является отсутствие у ребенка достаточной степени зрелости и неспособность в силу этого сформулировать свои взгляды. Анализ судебной практики демонстрирует, что в большинстве дел по трансграничному усыновлению мнение ребенка по вопросу усыновления выяснялось с 10 лет [10]. В этой части суды ориентировались на статью 57 СК РФ об учете мнения ребенка.

К фактам, свидетельствующим о готовности иностранного гражданина усыновить ребенка, являющегося гражданином РФ, относятся следующие обстоятельства: наличие русскоговорящих друзей, родных, близких или коллег по работе, любовь к российской культуре, «успешное» предшествующее усыновление ребенка-гражданина РФ [9], [10].

В литературе поднимается вопрос о том, обязательно ли указывать в судебном решении количество российских граждан, которым была предоставлена информация о нахождении ребенка на учете в федеральном банке данных о детях, оставшихся без попечения родителей, а также причины, по которым данные граждане отказались от усыновления ребенка. В практике Верховного Суда отсутствует ответ на данный вопрос. В «Обзоре практики рассмотрения в 2019 году ... судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства...» ВС РФ лишь отмечает, что суды практически всегда включают данные сведения в свое решение по делу. К обстоятельствам, по которым российские граждане отказываются от усыновления, относятся следующие факты: «тяжелое материальное положение, вызванное отсутствием постоянной работы, неудовлетворительные жилищные условия, преклонный возраст, состояние здоровья (родственника ребенка и/или усыновляемого ребенка), отсутствие родственных чувств к ребенку» и т.п. [10]

Наконец, стоит отметить, что законодательство не устанавливает конкретного срока, в течение которого кандидаты в усыновители-иностранцы должны общаться с ребенком до рассмотрения вопроса о возможности усыновления. Однако судебная практика свидетельствует о том, что суды считают достаточным взаимодействие на протяжении двух-трех часов в течение нескольких дней [9].

Заключение

Проведенный анализ позволяет прийти к следующим выводам.

1. Для более эффективного функционирования института трансграничного усыновления необходимо внедрить в российское законодательство определение данного понятия.

2. При конструировании коллизионных привязок необходимо учитывать интересы ребенка, в том числе использовать привязку *lex benignitatis*. Несмотря на то, что применение закона суда или закона усыновителя делает решение об усыновлении более прогнозируемым, в большинстве случаев он в меньшей степени отвечает интересам ребенка. Так, например, это может привести к необходимости повторного рассмотрения дела об усыновлении и, соответственно, возникновению у ребенка дополнительного стресса. Кроме того, не исключены и случаи, в которых усыновитель приезжает в государство гражданства ребенка, следовательно, на наш взгляд, привязка только к гражданству усыновителя недостаточна.

3. Более того, необходимо расширить сферу компетенции российских консульских учреждений, предоставив им право осуществлять контроль за всеми гражданами РФ, усыновленными иностранными лицами. Это позволит повысить эффективность контроля государства за содержанием и воспитанием несовершеннолетних.

Относительно процессуальных аспектов трансграничного усыновления проведенный анализ позволил установить следующее:

1. Суды обязаны исследовать состояние здоровья кандидата в усыновители и потенциального усыновленного. При этом медицинские документы, выданные иностранным государством, являются допустимыми доказательствами, однако в случае недостаточности сведений должны дополняться обследованиями, проведенными российскими медицинскими организациями;

2. При решении вопроса о возможности усыновления ребенка-гражданина РФ усыновителем-иностранцем гражданином суды должны принимать во внимание следующие факты: наличие русскоязычных друзей, коллег по работе, родственников; интерес к культуре РФ, имевшийся опыт усыновления детей из России.

3. Необходимо усовершенствовать законодательство о трансграничном усыновлении в части устранения ряда правовых лакун. Например, стоит закрепить минимальные сроки предварительного общения кандидата в усыновители с ребенком.

Литература

1. ВС опубликовал обзор практики за 2019 г. по делам о международном усыновлении // «Адвокатская газета». URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-opublikoval-obzor-praktiki-za-2019-g-po-delam-o-mezhPohdunarodnom-usynovlenii/> (дата обращения: 01.12.2024).

2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «Консультант Плюс».
3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14.11.2002 № 138-ФЗ (ред. от 01.04.2025) // СПС «Консультант Плюс».
4. Конвенция между Союзом Советских Социалистических Республик и Итальянской Республикой о правовой помощи по гражданским делам (заключена в г. Риме 25.01.1979) // СПС «Консультант Плюс».
5. Конвенция о защите детей и сотрудничестве в области межгосударственного усыновления (Гаага, 29 мая 1993 г.) // СПС «Гарант».
6. Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989) // СПС «Консультант Плюс».
7. Королева Е.С., Темрезова К.В. Признание и правовые последствия международного усыновления // Лучшие научные исследования студентов и учащихся: сборник статей Международной научно-практической конференции. Пенза, 2022.
8. Крапивенская Е.А. Роль органа опеки и попечительства при усыновлении детей иностранцами // Российская юстиция. 2006. № 12.
9. Обзор практики рассмотрения в 2018 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации // СПС «Консультант Плюс».
10. Обзор практики рассмотрения в 2019 году областными и равными им судами дел об усыновлении детей иностранными гражданами или лицами без гражданства, а также гражданами Российской Федерации, постоянно проживающими за пределами территории Российской Федерации // Официальный сайт Верховного Суда РФ. URL: <https://www.vsr.ru/documents/all/29098/> (дата обращения: 03.12.2024).
11. Определение Мурманского областного суда от 01.04.2021 по делу № 33–826/2021.
12. Определение Судебной коллегии по гражданским делам ВС РФ от 05.04.2005 № 83-Г05–311 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2004. № 9.
13. Постановление Европейского Суда по правам человека от 28 июня 2007 г. Дело «Вагнер и J.M.W.L. против Люксембурга» [Wagner and J.M.W.L. v. Luxembourg] (жалоба № 76240/01) // СПС «Гарант».
14. Постановление Правительства РФ от 29.03.2000 № 275 «Об утверждении Правил передачи детей на усыновление (удочерение) и осуществления контроля за условиями их жизни и воспитания в семьях усыновителей на территории Российской Федерации и Правил постановки на учет консульскими учреждениями Российской Федерации детей, явля-

- ющихся гражданами Российской Федерации и усыновленных иностранными гражданами или лицами без гражданства» // СПС «Гарант».
15. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.11.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 05.02.2025) // СПС «Консультант Плюс».
 16. Степкина К.М., Орлова А.С. Актуальные проблемы международного усыновления // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2022. № 4–3 (67).
 17. Тринченко К.О. Трансграничное усыновление: проблемы признания // Актуальные проблемы российского права. 2016. № 1 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transgranichnoe-usynovlenie-problemy-priznaniya> (дата обращения: 17.12.2024).
 18. Федосеева Г.Ю. Взгляд на проблему международного усыновления с точки зрения международного частного права // Lex Russica (Русский закон). 2006. Т. 65, № 2.
 19. Шувалова М.В. Споры о воспитании детей: актуальные проблемы // Информационно-правовой портал «Закон.ру». URL: <https://www.garant.ru/article/1558980/?ysclid=mc4x6vuqcd488533789> (дата обращения: 03.12.2024).
 20. Шулаков А.А. Интересы публичного порядка Российской Федерации и международное усыновление (удочерение) // Lex Russica. 2019. № 11.
 21. España: Ley 54/2007, de 28 de diciembre, de Adopción internacional // Boletín Oficial del Estado. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Privado/I54-2007.html (дата обращения: 23.08.2024).

CROSS-BORDER ADOPTION: SUBSTANTIVE AND PROCEDURAL ASPECTS

Dmitrieva O.V., Solntseva M.E.

National Research University Higher School of Economics

This article is devoted to the analysis of conflict rules applied in cross-border adoption, as well as to the consideration of problems arising in the recognition and enforcement of adoption decisions in foreign countries. Particular attention is paid to the risk of “limping” adoption, that is, adoption valid only in one of the countries. In addition, the significance of super-mandatory norms and public order of the Russian Federation as grounds for refusing to recognize and enforce adoption decisions is determined. In addition, the features of consideration of adoption cases in court are described: in particular, controversial issues are highlighted, judicial practice is analyzed and the legal positions of the Supreme Court of the Russian Federation are commented on. Based on the analysis, ways to improve the institution of cross-border adoption are proposed. Thus, the purpose of the work is to study the legislation, judicial practice and doctrinal sources on the topic of cross-border adoption for the presence of legal problems, as well as to propose ways to resolve them. To achieve this goal, formal-legal and comparative-legal methods are used. The latter is used to consider alternative models for regulating certain issues of cross-border adoption.

Keywords: cross-border adoption; international family law; conflict of laws; personal law of an individual; international civil procedure; consideration of cases involving foreign citizens.

References

1. The Supreme Court published a review of practice for 2019 in cases of international adoption // Advokatskaya Gaze-

- ta. URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/vs-opublikoval-obzor-praktiki-za-2019-g-po-delam-o-mez-Pohdunarodnom-usynovlenii/> (date of access: 01.12.2024).
2. The Civil Code of the Russian Federation (part one) of 30.11.1994 No. 51-FZ (as amended on 08.08.2024, as amended on 31.10.2024) // SPS Consultant Plus.
3. Civil Procedure Code of the Russian Federation of 14.11.2002 N 138-FZ (as amended on 01.04.2025) // SPS “Consultant Plus”.
4. Convention between the Union of Soviet Socialist Republics and the Italian Republic on legal assistance in civil matters (concluded in Rome on 25.01.1979) // SPS “Consultant Plus”.
5. Convention on the Protection of Children and Cooperation in Respect of Intercountry Adoption (The Hague, 29 May 1993) // SPS “Garant”.
6. Convention on the Rights of the Child (approved by the UN General Assembly on 20.11.1989) // SPS “Consultant Plus”.
7. Koroleva E.S., Temrezova K.V. Recognition and legal consequences of international adoption // The best scientific research of students and pupils: a collection of articles from the International scientific and practical conference. Penza, 2022.
8. Krapivenskaya E.A. The role of the guardianship and trusteeship authority in the adoption of children by foreigners // Russian justice. 2006. No. 12.
9. Review of the practice of considering in 2018 by regional and equivalent courts cases on the adoption of children by foreign citizens or stateless persons, as well as citizens of the Russian Federation permanently residing outside the territory of the Russian Federation // SPS “Consultant Plus”.
10. Review of the practice of considering in 2019 by regional and equivalent courts cases on the adoption of children by foreign citizens or stateless persons, as well as citizens of the Russian Federation permanently residing outside the territory of the Russian Federation // Official website of the Supreme Court of the Russian Federation. URL: <https://www.vsrfr.ru/documents/all/29098/> (date accessed: 03.12.2024).
11. Determination of the Murmansk Regional Court of 01.04.2021 in case No. 33–826/2021.
12. Determination of the Judicial Collegium for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation of 05.04.2005 No. 83-G05–311 // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 2004. No. 9.
13. Judgment of the European Court of Human Rights of 28 June 2007. Case of Wagner and J.M.W.L. v. Luxembourg [Wagner and J.M.W.L. v. Luxembourg] (complaint No. 76240/01) // SPS “Garant”.
14. Resolution of the Government of the Russian Federation of 29.03.2000 No. 275 “On approval of the Rules for the transfer of children for adoption (adoption) and monitoring the conditions of their life and upbringing in families of adoptive parents on the territory of the Russian Federation and the Rules for registering with consular institutions of the Russian Federation children who are citizens of the Russian Federation and adopted by foreign citizens or stateless persons” // SPS “Garant”.
15. Family Code of the Russian Federation of 29.12.1995 No. 223-FZ (as amended on 23.11.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 05.02.2025) // SPS “Consultant Plus”.
16. Stepinkina K.M., Orlova A.S. Actual problems of international adoption // International journal of humanitarian and natural sciences. 2022. No. 4–3 (67).
17. Trinchchenko K.O. Cross-border adoption: problems of recognition // Actual problems of Russian law. 2016. No. 1 (62). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/transgranichnoe-usynovlenie-problemy-priznaniya> (date of access: 12/17/2024).
18. Fedoseeva G.Yu. A look at the problem of international adoption from the point of view of international private law // Lex Russica (Russian law). 2006. Vol. 65, No. 2.
19. Shuvalova M.V. Disputes about raising children: current issues // Information and legal portal “Zakon.ru”. URL: <https://www.garant.ru/article/1558980/?ysclid=mc4x6vuqcd488533789> (date of access: 03.12.2024).
20. Shulakov A.A. Interests of public order of the Russian Federation and international adoption // Lex Russica. 2019. No. 11.
21. Spain: Ley 54/2007, de 28 de Diciembre, de Adopción internacional // Boletín Oficial del Estado. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Privado/I54-2007.html (accessed: 23.08.2024).

Царегородцев Анатолий Валерьевич,

д.т.н., профессор, Финансовый университет
при Правительстве РФ

Елин Владимир Михайлович,

к.п.н, доцент, МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя

Каримов Андрей Куттузович,

МосУ МВД России имени В.Я. Кикотя

В статье раскрывается ряд технологических и правовых аспектов деятельности в сфере цифровых финансовых активов, как базовой технологии реализующей нормативно определенные возможности технологий распределенного реестра и ее компонентов, а также технологии консенсуса для обеспечения целостности и непротиворечивости данных. Указанные технологии реализуются как в сфере цифровых финансовых активов, так и традиционных денег в цифровой форме. Авторы кратко излагают исторический аспект цифровых валют центральных банков и их отличие от криптовалют. Значительное внимание уделено Российской концепции цифрового рубля, разработанной Центральным банком РФ, представлена схема двухуровневой розничной модели цифрового рубля.

Ключевые слова: цифровые финансовые активы, цифровой рубль, технологии распределенного реестра.

В настоящее время на стыке финансовой деятельности и информационных технологий прослеживаются по меньшей мере два новых направления финансовой деятельности: в области централизованных и децентрализованных активов. При этом можно выделить ряд проблемных зон¹, связанных с необходимостью осуществлять правовое регулирование не общественных отношений в чистом виде, а нового типа общественных отношений, порожденные применением технически сложных информационных технологий.

Особенностью цифровых финансовых активов (далее: ЦФА) является их создание на основе технологии распределенных реестров, что позволяет автоматизировать исполнение сделок за счет применения смарт-контрактов и открывает новые технологические горизонты на финансовом рынке.

ФЗ «О цифровых финансовых активах» напрямую не связывает производство цифровой валюты с технологией распределенного реестра. Однако, анализируя признаки информационной системы, которая применяется для создания цифровой валюты, зафиксированные в ст. 14 ФЗ «О цифровых финансовых активах» и Дорожной карте развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенного реестра»², можно прийти к выводу, что ФЗ «О цифровых финансовых активах» все же связывает создание цифровой валюты с технологией распределенного реестра. Рассмотрим это более подробно.

Так, Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенного реестра» определяет, что система распределенного реестра может состоять из следующих «субтехнологий» на базе которых создаются продукты и решения, отнесенные Правительством Российской Федерации к компонентам системы распределенного реестра³:

- технологии организации и синхронизации данных (совокупность методов и инструментов, направленных на определение, организацию и усовершенствование взаимосвязей между частями и элементами распределенных баз

¹ Жарова, А.К. Классификаторы деструктивных воздействий в цифровом пространстве / А.К. Жарова // Проблемы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 28–32. – DOI 10.33693/2072–3164–2024–17–6–028–032. – EDN JAWDLZ.

² Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенного реестра» (Документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс»

³ Постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций»//СПС Консультант плюс

данных, а также на обеспечение их согласованности и приведение к соответствию);

- технологии обеспечения целостности и непротиворечивости (консенсус) данных Цифровой рубль – логичный этап развития системы быстрых платежей, на котором банки могут стать проблемой. <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/derevyannaya-kriptovalyuta/> (совокупность методов и инструментов, направленных на приведение в соответствие имеющихся данных в децентрализованной сети к единой внутренней логике и структуре по заранее определенным правилам, а также обеспечение синхронизации и согласования данных между узлами децентрализованной сети);
- технологии создания и исполнения децентрализованных приложений и смарт-контрактов (совокупность методов и инструментов, направленных на создание приложений, обеспечивающих взаимодействие неограниченного количества участников распределенной системы, и на разработку, поддержание и выполнение компьютерных алгоритмов, предназначенных для автоматизации процессов исполнения контрактов).

Анализ отчетов о создании и использовании цифровой валюты позволяет сделать вывод о том, что для ее создания применяется технология обеспечения целостности и непротиворечивости данных (консенсус)¹, а состояние реестра является результатом консенсуса, достигнутого между ответственными участниками². Алгоритмы консенсуса (они могут быть различными и были описаны в предыдущем параграфе) создают условия формирования записи в реестре, проверяют баланс узлов информационной системы, подтверждают транзакции, а система распределенного реестра определяет взаимоотношения узлов информационной системы и требования успешной проверки (валидации) изменений в системе. Каждый участник системы распределенного реестра хранит полную историю изменений и проверяет любые добавления в систему с помощью алгоритма консенсуса, который обеспечивает математическую невозможность подделки данных при определенной доле достоверных узлов. Ни один участник не может изменить данные таким образом, чтобы остальные участники этого не заметили. Благодаря этому данные в системе распределенного реестра становятся надежными, а все изменения происходят прозрачно. При этом обязанности оператора и узлов информационной системы распространяются только на обеспечение соответствия порядка выпуска электронных данных и осуществления в их отношении действий по внесению записей в инфор-

мационную систему по правилам информационной системы.

Иными словами, алгоритмом консенсуса – алгоритмом создания цифровой валюты в системе распределенного реестра ответственность возлагается на группу ответственных участников за управление реестром, принятие решения о том, какие записи и в каком порядке будут включаться в реестр и гарантию неизменности записей после добавления. Этот порядок работы алгоритма определен и в Дорожной карте развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенного реестра»³, так «консенсус характеризуется содержанием алгоритмов, которые обеспечивают в созданной инфраструктуре неизменность и идентичность данных у участников сети в установленный момент времени». Таким образом, ответственность за достоверность операций, распределение управления реестром определяется математикой и реализованными на ее логике алгоритмами.

Признак цифровой валюты, связанный с тем, что операторы или пользователи информационной системы на основе распределенного реестра ответственны только за обеспечение соответствия порядка выпуска электронных данных и осуществление в их отношении действий по внесению (изменению) записей в такую информационную систему ее правилам «вписывается» в правила работы алгоритма консенсуса и функционирования распределенного реестра.

Пользователи информационной системы (узлы информационной системы) обеспечивают тождественность информации, содержащейся в указанной информационной системе, с использованием процедур подтверждения действительности вносимых в нее записей.

Таким образом, в распределенном реестре алгоритм консенсуса определяет правила распределения ответственности участников – пользователей (узлов) и оператора информационной системы за содержание и порядок записи, а также за невозможность их изменения и согласование записываемых данных⁴.

Согласно положениям российского законодательства ЦФА представляют собой цифровые права, включающие денежные требования, возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам, права участия в капитале непубличного акционерного общества, право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг, которые предусмотрены решением о выпуске ЦФА⁵.

При этом следует иметь в виду, что концепция выпуска традиционных денег в цифровой форме (Central Bank Digital Currency (CBDC) предложена

¹ Цифровой рубль – логичный этап развития системы быстрых платежей, на котором банки могут стать проблемой. <https://www.skolkovo.ru/expert-opinions/derevyannaya-kriptovalyuta/>

² Биткоин, Блокчейн и распределенные реестры // <https://www2.deloitte.com/content/dam/Deloitte/ua/Documents/technology/Bitcoin,%20blockchain%20and%20DLT%20by%20Deloitte.pdf>

³ Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенного реестра»

⁴ Жарова, А. К. О подходе к классификации информационно-технологических услуг / А.К. Жарова // Государство и право. – 2014. – № 3. – С. 32–38. – EDN SDFIQT.

⁵ Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»// СПС «Консультант плюс»

еще задолго до появления биткоина¹, причем исследования по оценке возможности проводились рядом центральных банков², однако принятие принципиального решения откладывалось в связи с наличием системных рисков³. По мнению зарубежных исследователей «Цифровые валюты центрального банка (CBDC) – это цифровые версии наличных денег, которые выпускаются и регулируются центральными банками»⁴.

В представленном анализе виртуальных валютных схем Европейского центрального банка криптовалюты определены как «электронное представление ценности, не используемое центральным банком, кредитным учреждением или эмитентом электронных денег, которое при определенных обстоятельствах может быть использовано как альтернатива деньгам»⁵.

Исходя из этого отметим, что не стоит путать цифровые валюты центральных банков (ЦВЦБ) с существующими на сегодняшний день криптовалютами. Поскольку, хотя они и имеют общую концепцию и свойства, но криптовалюты по своей сути являются частными денежными суррогатами, с полностью децентрализованными и независимыми от каких-либо регуляторов платежными инфраструктурами. В свою очередь цифровые валюты центральных банков имеют конечного и единственного регулятора, который полностью их контролирует и регулирует. Эти диаметрально различные различия определяют две противоположные системы расчетов, а именно: официальные цифровые валюты центральных банков (которые будут полностью прозрачны и подконтрольны государственным органам) и децентрализованные криптовалюты, которые уже сегодня позволяют своим держателям оставаться анонимными и неподконтрольными для государств.

Начиная с 2017 года в рамках трансграничных платежных сервисов реализуется проект Stella как совместный проект Европейского центрального банка и Банка Японии⁶, в ходе которого изучены возможности по проведению операций кроссчейн.

Центральным банком Швеции совместно с компанией Accenture с 2020 года реализуется проект⁷ e-krona; в четырех провинциях Китая Народный

банк Китая реализует свою версию CBDC (Digital Currency Electronic Payment (DC/EP)), по сути, – прямое обязательство Центрального банка Китая, причем электронные деньги в данном проекте сохраняют основные свойства наличных, доступны применением электронных кошельков, которые реализуют интерфейс, сравнимый с обычными счетами в банках.

Комитетом по платежам и рыночной инфраструктуре при банке международных расчетов (CPMI BIS) определено⁸, что для стран с развитой экономикой основными мотивами развития CBDC выступает как повышение надежности и эффективности национальной платежной системы, так и повышение финансовой стабильности финансовой системы в целом; для стран с развивающейся экономикой основной задачей при использовании CBDC выступает повышение доступности платежных сервисов для граждан страны.

Согласно российской концепции цифрового рубля, разработанной Центральным банком РФ, цифровой рубль представляет собой третью форму российской национальной валюты и будет использоваться наравне с наличными и безналичными рублями⁹. Цифровой рубль будет иметь форму уникального цифрового кода, который будет храниться на индивидуальных электронных кошельках, открытых непосредственно в платежной системе Банка России и являющихся его обязательствами, передача цифрового рубля от одного пользователя к другому будет происходить в виде перемещения цифрового кода с одного электронного кошелька на другой¹⁰.

При этом на стадии проработки российской концепции цифрового рубля возникали вопросы¹¹ как о пользе повсеместного внедрения цифровых валют и соответственно отмены наличных денег (сторонники отмены заявляют, что данный шаг поможет усилить эффективность денежно-кредитной политики), так и концепции цифрового рубля и неоднозначных возможностей регулятора, которые вытекают из его характеристик («программируемость» регулятором цифрового рубля как имеет возможность ограничить платежеспособность цифровой валюты только отдельными категориями услуг или товаров).

Схема двухуровневой розничной модели цифрового рубля в России определяет Банк России на первом уровне (выступает оператором платформы цифрового рубля, его эмитентом, определяет правила операций и политику информацион-

¹ Корищенко К.Н. Вопросы эмиссии и обращения цифрового рубля // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 2. С. 280–293. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.280-293>

² Tobin J. The case for preserving regulatory distinctions // Proceedings of the Economic Policy Symposium, Jackson Hole, Federal Reserve Bank of Kansas City. 1987. Pp. 167–183

³ Barontini C., Holden H. Proceeding with caution – a survey on central bank digital currency // BIS Papers. 2019. No. 101.

⁴ Stanley A. The Ascent of CBDCs // Finance and Development. – 2022. Vol. 59. no. 3. p. 48–49. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/09/Picture-this-The-ascent-of-CBDCs> (дата обращения: 02.03.2023).

⁵ Жигас М. Г., Кузьмина С.Н. Природа и сущность криптовалюты // Известия БГУ. 2018. № 2, с. 201–207.

⁶ Payment systems: liquidity saving mechanisms in a distributed ledger environment / European Central Bank and Bank of Japan. 2017.

⁷ The Riksbank's e-krona project / Sveriges Riksbank. 2017.

⁸ Impending arrival: a sequel to the survey on central bank digital currency / C. Boar, H. Holden, A. Wadsworth // BIS Papers. 2020. No. 107

⁹ Концепция цифрового рубля. – М.: Департамент финансовых технологий Банка России, 2021. 30 с. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 02.03.2023).

¹⁰ Концепция цифрового рубля. – М.: Департамент финансовых технологий Банка России, 2021. 30 с. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 02.03.2023).

¹¹ И.Ю. Поташова, С.Н. Гонта – Критический анализ внедрения цифрового рубля Банка России

ной безопасности; второй уровень включает финансовые организации (на первоначальном этапе только банки) и Федеральное казначейство¹.

Ключевой особенностью российской концепции: цифровые рубли хранятся не на счетах клиентов в банках, а в кошельках на платформе Банка России, что призвано обеспечить безопасность средств, так как гарантом сохранности денег является государство.

В Российской Федерации принятием законов о цифровом рубле определено, что один наличный рубль равен одному безналичному, а также одному цифровому рублю. При этом считается, что у граждан и представителей бизнес сообщества появится возможность доступа к цифровому кошельку через любой банк (в перспективе появится возможность использования без доступа к сети интернет), в котором обслуживается клиент; последует снижение издержек на проведение операций с цифровым рублем поскольку указанные операции будут проходить по единым тарифам. Положительными факторами применения цифрового рубля для участников финансового рынка выступает повышение конкуренции на финансовом рынке, создание инновационных финансовых продуктов и сервисов (смарт-контракты), а также развитие новой платежной инфраструктуры. Для государства последует снижение издержек на администрирование бюджетных платежей и увеличится потенциал для упрощения процедуры проведения трансграничных платежей.

При создании платформы цифрового рубля особое внимание уделяется определению функций оператора и участников платформы, требований к ним и пользователям, виды счетов цифрового рубля, порядок предоставления доступа к счетам и другие аспекты функционирования платформы цифрового рубля². При этом Центральному Банку РФ следует решить ряд задач, включая определение функций оператора платформы цифрового рубля, участников платформы цифрового рубля; требования к участникам платформы цифрового рубля, пользователям платформы цифрового рубля; виды счетов цифрового рубля пользователей платформы цифрового рубля в зависимости от правового статуса указанных лиц или осуществляемого ими вида деятельности, а также порядок открытия, ведения и закрытия таких счетов цифрового рубля; порядок предоставления доступа к платформе цифрового рубля участникам платформы цифрового рубля, пользователям платформы цифрового рубля, приостановления, возобновления и прекращения их доступа к платформе цифрового рубля; виды операций с цифровыми рублями и порядок их совершения, а также применяемые формы расчетов; порядок урегулирования споров и разногласий; порядок рассмотрения

запросов и претензий пользователей платформы цифрового рубля, направляемых в связи с обслуживанием по договору счета цифрового рубля; порядок осуществления контроля за соблюдением правил платформы цифрового рубля; порядок взаимодействия платформы цифрового рубля с платежной системой Банка России.

Задачей Центрального банка Российской Федерации определена необходимость установления состава пользователей платформы, виды операций и их пороговые суммы. По договору счета цифрового рубля определены обязанности Центробанка РФ, которые заключаются в обязанности зачислять на счет, открытый на цифровой платформе, цифровые рубли, которые поступают на счет пользователя и списывать цифровые рубли со счета, а также выполнять распоряжения пользователей совершать операции с цифровыми рублями.

Поскольку законом установлено, что ЦФА не могут выступать средством платежа, было принят ряд законов³, определяющих цифровые рубли как вид безналичных денег, расчет которыми осуществляется Центробанком путём перевода на специальной платформе. Цифровой рубль выступает безналичным средством расчетов без открытия банковского счета; цифровой рубль нельзя размещать во вкладах и депозитах, законодатель запрещает начислять проценты на остаток цифровых рублей.

В качестве участников платформы могут выступать кредитные организации, которые вправе переводить деньги, госкорпорация развития «ВЭБ. РФ» и иностранные банки. Участники предоставляют пользователям доступ к платформе для операций с цифровыми рублями. В качестве пользователей (плательщики и получатели) установлены физлица, индивидуальные предприниматели и организации. В качестве операций (транзакций) определены: пополнение цифровых рублей путем перевода средств с банковского счета или электронных денег; уменьшение остатка таких рублей путем денежного перевода на банковский счет либо пополнения кошелька с электронными деньгами; переводы цифровых рублей.

Литература

1. Жарова, А.К. Классификаторы деструктивных воздействий в цифровом пространстве / А.К. Жарова // Пробелы в российском законодательстве. – 2024. – Т. 17, № 6. – С. 28–32. – DOI 10.33693/2072–3164–2024–17–6–028–032. – EDN JAWDLZ.
2. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенно-

¹ Федеральное казначейство как специальный участник платформы осуществляет операции со своего кошелька и обеспечивает деятельность бюджетных организаций.

² Положение Банка России от 03.08.2023 № 820-П «О платформе цифрового рубля»

³ Федеральный закон от 24 июля 2023 г. N 339-ФЗ «О внесении изменений в статьи 128 и 140 части первой, часть вторую и статьи 1128 и 1174 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации»; Федеральный закон от 24 июля 2023 г. N 340-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (с изменениями и дополнениями) //СПС «Гарант»

го реестра» (Документ опубликован не был) // СПС «КонсультантПлюс»

3. Постановление Правительства РФ от 28.10.2020 № 1750 «Об утверждении перечня технологий, применяемых в рамках экспериментальных правовых режимов в сфере цифровых инноваций» // СПС Консультант плюс
4. Дорожная карта развития «сквозной» цифровой технологии «Системы распределенного реестра»
5. Жарова, А. К. О подходе к классификации информационно-технологических услуг / А.К. Жарова // Государство и право. – 2014. – № 3. – С. 32–38. – EDN SDFIQT.
6. Федеральный закон от 31 июля 2020 года № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // СПС «Консультант плюс»
7. Корищенко К.Н. Вопросы эмиссии и обращения цифрового рубля // Актуальные проблемы экономики и права. 2021. Т. 15, № 2. С. 280–293. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.280-293>
8. Tobin J. The case for preserving regulatory distinctions // Proceedings of the Economic Policy Symposium, Jackson Hole, Federal Reserve Bank of Kansas City. 1987. Pp. 167–183
9. Barontini C., Holden H. Proceeding with caution – a survey on central bank digital currency // BIS Papers. 2019. No. 101.
10. Stanley A. The Ascent of CBDCs // Finance and Development. – 2022. Vol. 59. no. 3. p. 48–49. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/09/Picture-this-The-ascent-of-CBDCs> (дата обращения: 02.03.2023).
11. Жигас М. Г., Кузьмина С.Н. Природа и сущность криптовалюты // Известия БГУ. 2018. № 2, с. 201–207.
12. Payment systems: liquidity saving mechanisms in a distributed ledger environment / European Central Bank and Bank of Japan. 2017.
13. Impending arrival: a sequel to the survey on central bank digital currency / C. Boar, H. Holden, A. Wadsworth // BIS Papers. 2020. No. 107
14. Концепция цифрового рубля. – М.: Департамент финансовых технологий Банка России, 2021. 30 с. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (дата обращения: 02.03.2023).

DIGITAL RUBLE IN RUSSIA: AT THE INTERSECTION OF LAW AND TECHNOLOGY

Tsaregorodtsev A.V., Elin V.M., Karimov A.K.

Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot

The article reveals a number of technological and legal aspects of activities in the field of digital financial assets, as a basic technology that implements the normatively defined capabilities of distributed registry technologies and its components, as well as consensus technologies to ensure the integrity and consistency of data. These technologies are implemented both in the field of digital financial assets and in traditional money in digital form. The authors briefly describe the historical aspect of central bank digital currencies and their differences from cryptocurrencies. Significant attention is paid to the Russian concept of the digital ruble developed by the Central Bank of the Russian Federation, and a two-tier retail model of the digital ruble is presented.

Keywords: digital financial assets, digital ruble, distributed ledger technologies.

References

1. Zharova, A.K. Classifiers of destructive impacts in the digital space / A.K. Zharova // Gaps in Russian legislation. – 2024. – Vol. 17, No. 6. – Pp. 28–32. – DOI 10.33693/2072–3164–2024–17–6–028–032. – EDN JAWDLZ. Roadmap for the development of the “end-to-end” digital technology “Distributed Ledger Systems” (The document was not published) // SPS “ConsultantPlus”
2. Resolution of the Government of the Russian Federation of October 28, 2020 No. 1750 “On approval of the list of technologies used within the framework of experimental legal regimes in the field of digital innovation” // SPS Consultant Plus
3. Roadmap for the development of the “end-to-end” digital technology “Distributed Ledger Systems”
4. Zharova, A.K. On the approach to the classification of information technology services / A.K. Zharova // State and Law. – 2014. – No. 3. – P. 32–38. – EDN SDFIQT.
5. Federal Law of July 31, 2020 No. 259-FZ “On Digital Financial Assets, Digital Currency and Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // SPS “Consultant Plus”
6. Korishchenko K.N. Issues of the Issue and Circulation of the Digital Ruble // Actual Problems of Economics and Law. 2021. Vol. 15, No. 2. Pp. 280–293. DOI: <http://dx.doi.org/10.21202/1993-047X.15.2021.2.280-293>
7. Tobin J. The case for preserving regulatory distinctions // Proceedings of the Economic Policy Symposium, Jackson Hole, Federal Reserve Bank of Kansas City. 1987. Pp. 167–183
8. Barontini C., Holden H. Proceeding with caution – a survey on central bank digital currency // BIS Papers. 2019. No. 101.
9. Stanley A. The Ascent of CBDCs // Finance and Development. – 2022. Vol. 59. no. 3. p. 48–49. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2022/09/Picture-this-The-ascent-of-CBDCs> (accessed: 02.03.2023).
10. Zhigas M. G., Kuzmina S.N. The nature and essence of cryptocurrency // Bulletin of BSU. 2018. No. 2, pp. 201–207.
11. Payment systems: liquidity saving mechanisms in a distributed ledger environment / European Central Bank and Bank of Japan. 2017.
12. Impending arrival: a sequel to the survey on central bank digital currency / C. Boar, H. Holden, A. Wadsworth // BIS Papers. 2020. No. 107
13. The concept of the digital ruble. – М.: Department of Financial Technologies of the Bank of Russia, 2021. 30 p. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (date of access: 02.03.2023).
14. The concept of the digital ruble. – М.: Department of Financial Technologies of the Bank of Russia, 2021. 30 p. URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/120075/concept_08042021.pdf (date of access: 02.03.2023).

Отдельные аспекты возмещения убытков за утрату шанса по праву Франции

Жильцов Константин Алексеевич,

преподаватель кафедры международного частного права
Всероссийской академии внешней торговли
Минэкономразвития
E-mail: k.zhilcov@vavt.ru

В статье рассматривается проблема возмещения убытков за утрату шанса (благоприятной возможности) в рамках французского правового порядка. Проведенное исследование позволяет прийти к выводу о том, что французский правовой порядок является одним из наиболее либерально относящихся к возможности возмещения убытков за утрату шанса, что вызвано господством модели генерального деликта и широкого использования принципа судейского усмотрения при расчете размеров убытков, при этом шанс воспринимается как отдельное подлежащее защите имущественное благо лица, а не осложненная альтернативная причинно-следственная связь.

Ключевые слова: деликтное право; возмещение убытков; утрата шанса; причинно-следственная связь; пропорциональная ответственность.

Проблема возмещения убытков в гражданском праве всегда являлась крайне актуальной проблемой как с точки зрения практики применения, и с точки зрения теории. Одним из главных её элементов является вопрос расчета и доказывания размера причиненного вреда.

Однако, в определенных случаях расчет подлежащих возмещению убытков оказывается осложнен вероятностным элементом: например, установление причинно-следственной связи между понесенными убытками и деянием причинителя вреда возможно лишь приблизительно, с той или иной долей вероятности. Подобная осложненность характерна для деликтов со множественными причинителями вреда, а также деликтов, в которых негативное последствие (вред) мог наступить и при полном отсутствии деяния причинителя вреда, совершение которого привело к увеличению вероятности реализации первоначальных негативных последствий). Кроме того, возможна и обратная ситуация – причинно-следственная связь между деянием ответчика и причиненным вредом не подвергается сомнению и является точно определенной, однако, само благо, которого была лишена пострадавшая сторона, а точнее, его размеры, не могут быть определены точно (например, участвуя в лотерее, тендере, конкурсе лицо имеет определенные шансы на победу, которые могут как реализоваться, так и не реализоваться при нормальном течении событий).

Вышеприведенные виды вероятностной осложненности возмещения причиненных убытков неизбежно ставят вопрос о возможности взыскания (и расчета) убытков пропорционально самой вероятности на благоприятное развитие события (победить в конкурсе, получить денежную сумму) или же вероятности избежать неблагоприятной возможности (например, на полное выздоровление в случае правильно оказанной медицинской помощи).

Концепция пропорциональной ответственности в случае вероятностной осложненности причинения вреда получила в российском праве название «ответственности за утрату шанса» по устоявшимся за рубежом названиям *loss of chance doctrine* (в Англии) и *perte d'une chance* (Франция) и до сих пор остается недостаточно исследованной в отечественном правовом порядке темой, которая, до недавнего времени, изучалась главным образом путем анализа схожих казусов в судебной практике [1], [2].

В отечественной цивилистике эта концепция уже рассматривалась с точки зрения анализа иностранного права, в частности, в правовых порядках Ан-

глии [3] и Германии [4]. Проводились также и генерализированные сравнительно-правовые исследования, призванные выделить общие элементы в подходах разных правовых порядков [5].

Представляется актуальным в рамках сравнительно-правового исследования подходов к доктрине возмещения убытков за утрату шанса дать общую характеристику французского подхода к возмещению убытков за утрату шанса, особо отметив специфику этого правового порядка применимо к поставленной проблеме. Думается, сравнительно-правовое исследование позволит лучше взглянуть на глубокие теоретико-правовые основы данной концепции и решить вопрос о применимости данной концепции для российского правового порядка.

Общие основания ответственности за причинение вреда закреплены во французском правовом порядке в ст. 1240 Французского Гражданского Кодекса (ФГК, в редакции после 2016 г.). «Всякое действие человека, которое причиняет другому ущерб, обязывает того, по вине (*faute*) кого ущерб произошел, к его возмещению». В закрепленной норме не содержится прямого перечня подлежащих правовой защите прав и законных интересов лица, обязанность по возмещению вреда возникает в случае возникновения *любого* вида ущерба. Такой подход в цивилистике принято называть «системой генерального деликта», отличая его от присущей немецкому правовому порядку системы, в которой защите подлежит лишь прямо приведенный в тексте нормы перечень абсолютных прав и от англо-саксонской модели множества деликтов с принципиально разными составами и основаниями возникновения ответственности [6]. Для системы генерального деликта характерна большая гибкость при возмещении вреда – фактически, требуется доказать лишь сам факт наличия подобного вреда и существование «вины» (*faute*) лица-причинителя для возникновения деликтной ответственности. Вопросы причинно-следственной связи, выделяемые в классической модели деликтной ответственности, во французском же правовом порядке фактически уходят в понятие «вины» (*faute*).

Необходимо сказать, что нельзя считать тождественным понятие *faute* французского правового порядка и понятие вины в российском учении о гражданско-правовой ответственности. В настоящий момент во французском праве выделяют как минимум три теории, дающие определение понятию *faute*: так, исторически первая, классическая теория, подразумевает *faute* как сложное условие гражданско-правовой ответственности, в которое входит два классических условия гражданско-правовой ответственности: «вина» в субъективном смысле и «противоправность деяния». Вторая теория, теория риска, понимает *faute* как существования связи между извлекаемой причинителем вреда прибылью и повышением рисков на возникновение вреда у остальных лиц. Третья же теория, теория гарантий, близка к современному понятию вины в гражданско-правовой ответственности как

соблюдению объективного стандарта поведения, по ней виновным будет признаваться такое поведение, которое не соответствует устоявшемуся стандарту осмотрительности по защите пострадавшей стороны от негативных последствий своих действий [7].

Столь подробный разбор французского подхода к основаниям деликтной ответственности в рамках настоящего статьи необходим для того, чтобы понимать, в силу каких основополагающих доктринальных конструкций французский правовой порядок оказался едва ли не наиболее либеральным по отношению к возможности взыскания убытков за утрату шанса. И действительно, если обратиться к судебной практике, то мы заметим, что при наличии доказанной *faute*, возмещение убытков за утрату шанса является весьма распространенным во французских судах.

Французская правовая система демонстрирует устойчивую тенденцию к признанию возможности компенсации вреда, соразмерного утраченному шансу на благоприятный исход. Классическим примером служит решение Гренобльского суда по делу, связанному с врачебной ошибкой: травматолог не идентифицировал на рентгенограмме незначительный перелом, что привело к отсутствию необходимого лечения и, как следствие, к развитию у пациента хронического заболевания с полной утратой трудоспособности спустя семь лет. Суд квалифицировал причинение вреда как обстоятельство, лишившее потерпевшего шанса на выздоровление (при этом утрата шанса была единственным убытком, понесенным потерпевшим), отметив, что при своевременно оказанной помощи развития негативных последствий почти наверняка удалось бы избежать. [8, р. 135–136].

Та же логика в взыскании убытков за утрату шансов может быть найдена в практике Кассационного суда в деле Cass Civ 1e, 27 January 1970, JCP 1970.G.II.16422, где рассматривался летальный исход, наступивший вследствие острой реакции на местную анестезию при проведении косметической операции. Истец утверждал, что смерть пациента стала результатом халатности хирурга, отказавшегося от привлечения анестезиолога, чьи профессиональные навыки могли бы предотвратить осложнения. Ответчик, напротив, оспаривал наличие причинно-следственной связи, указывая на невозможность гарантировать благоприятный исход даже при участии специалиста. Суд, однако, удовлетворил иск, постановив, что «для установления факта причинения вреда достаточно доказать утрату существовавшего шанса», что соответствует принципу генерального деликта (ст. 1382 ФГК, ныне ст. 1240). В решении особо отмечалась необходимость полного возмещения вреда, размер которого определялся пропорционально утраченному шансу на выздоровление.

Данная практика, однако, не осталась без критики в академической среде. Так, Жерар Мемто, анализируя указанные прецеденты, проводил разграничение между двумя типами деликтов:

1. случаи, где неопределённость касается исключительно размера вреда при установленной причинно-следственной связи;
2. случаи, где размер убытков может быть определён точно, но причинная связь между действием и вредом остаётся спорной.

По его мнению, врачебные ошибки относятся ко второй категории, что исключает применение доктрины утраты шанса. Вместо этого Мемто предлагал использовать жёсткий стандарт доказывания «всё или ничего»: возмещение в полном объёме допустимо лишь при вероятности причинения вреда свыше 50%; в противном случае в иске должно быть отказано [8, р. 147–148].

Более взвешенную позицию занял Франсуа Шабас, допустивший применение доктрины утраты шанса, но лишь при условии, что у потерпевшего изначально имелась реальная благоприятная возможность, которая была уменьшена вследствие действий причинителя вреда [9, р. 131].

Таким образом, несмотря на единообразие судебной практики, доктринальные дискуссии отражают сохраняющиеся разногласия относительно оснований и пределов компенсации за утрату шанса в контексте медицинских деликтов.

Если же вред оказался причинен независимо от изначально существующего шанса на благоприятное развитие событий, и при этом неопределённым элементом фактически оказывается лишь причинно-следственная связь, то нельзя говорить о возможности применения доктрины утраты шанса. Как отмечал автор, доктрина утраты шанса должна действовать лишь в случаях «неопределённости, свойственной самому <размеру> убытка», но не применяться в случаях «неопределённости причинно-следственной связи» [9, с. 131].

Таким образом, автор занял позицию, которая постепенно становится главенствующей во французском праве, согласно которой «утрата шанса» – это независимое благо, требующее юридической защиты, случаи же осложнения причинно-следственной связи вероятностным элементом не следует считать разновидностью утраты шанса.

Данный подход к применению доктрины утраты шанса получил развитие в последующей судебной практике. В частности, в деле (1re Civ., 17 novembre 1982, Bull. 1982, I, n° 333; JCP 1983 II 20056) рассматривался случай, когда у пациента возникла эмболия сосудов с последующей комой после пункции гайморовой пазухи. Суд указал, что установить точную причину ухудшения состояния с достаточной степенью достоверности не представляется возможным: могла ли она быть следствием медицинской ошибки или же обусловлено индивидуальными особенностями потерпевшего. Апелляционная инстанция взыскала с ответчика 50% от суммы причиненного вреда, признав утрату шанса на благоприятный исход без осложнений. Однако Кассационный суд отменил это решение, подчеркнув, что доктрина «утраты шанса» применима исключительно для оценки изначально суще-

ствовавшего уменьшаемого блага и определения подлежащих возмещению убытков («évaluation du préjudice»), но не может служить основанием для сокращения размера компенсации («réalisation du dommage») в условиях неочевидности причинно-следственной связи.

В более современной судебной практике французские суды уточнили определение утраты шанса: так, как прямо было отмечено в одном из судебных решений, «компенсация за утрату шанса должна быть рассчитана исходя из размеров утраченного шанса и не может быть равна размеру выгоды, которая могла быть извлечена из благоприятной возможности, если бы этот шанс успешно реализовался» (дело Cass. civ. 1re, 16.7.1998, Bull. Civ. 1260), иными словами, в случае утраты у истца возможности на победу в конкурсе вследствие неправомерного действия причинителя вреда было бы неправильно сразу присуждать ему компенсацию в случае полной победы, необходимо рассчитать размер убытков, пропорциональный самой возможности (шансу) на победу.

Во французской правовой системе присуждение компенсации за совокупные убытки характеризуется отсутствием детализации распределения суммы возмещения между отдельными видами вреда. Данная тенденция наиболее отчетливо прослеживается в делах, связанных с утратой трудоспособности, где взыскиваемая сумма включает не только прямые материальные потери (расходы на лечение, фактический ущерб, упущенную выгоду), но и компенсацию за лишение перспектив профессионального развития.

Подобная практика отличается двойственностью правовых последствий. С одной стороны, она предоставляет судам значительную гибкость при присуждении возмещения за утраченный шанс, расширяя возможности пострадавшей стороны. С другой – отсутствие четкого разграничения компенсационных составляющих осложняет объективную оценку стоимости умаленного блага, поскольку соответствующая сумма интегрируется в общий недифференцированный платеж.

Ключевым элементом, обуславливающим применение доктрины утраты шанса, выступает принцип судейского усмотрения. В рамках данного подхода суд не только обладает прерогативой самостоятельной оценки фактических обстоятельств, определяющих размер ущерба, но и вправе не раскрывать методику расчета компенсации. Данное правило применяется как при взыскании комплексных убытков, так и в случаях, когда возмещение присуждается исключительно за утрату шанса.

Как подчеркнул Кассационный суд Франции, судья обосновывает наличие ущерба самой его оценкой, не будучи обязанным раскрывать критерии определения конкретной суммы (см, например, дело Cass.comm., 24.6.1986, Bull.Civ. IV 143).

Таким образом, можно сказать, что французский правопорядок, благодаря закреплённому принципу генерального деликта и активному использованию судейского усмотрения при разреше-

нии вопроса о расчете размеров подлежащих возмещению убытков крайне либерально относится к возможности взыскания убытков за утрату шанса. При этом на вопрос о доктринальной сущности утраченного шанса французский правовой порядок отвечает уверенно: это в первую очередь отдельное имущественное благо, подлежащее гражданско-правовой защите. Точка зрения о том, что утраченный шанс может и не являться отдельным благом, а быть всего лишь разновидностью осложненной причинно-следственной связи, несмотря на неоднократное упоминание в цивилистической литературе и отдельные судебные решения, на первый взгляд, разделяющие эту позицию, не может быть признана господствующей во французском правовом порядке и в настоящий момент является в основном маргинальной.

Литература

1. Байбак В.В. Утрата благоприятной возможности (loss of a chance) как разновидность договорных убытков // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015 С. 63–73.
2. Козлов И.А. Доктрина утраты шанса: общее описание концепции на основе обзора модельных казусов // International Law Journal. 2021. Т. 4. № 5. С. 151–156.
3. Дондоков А.И. Доктрина Loss of Chance в английском праве // Закон. 2013. № 7. – С. 150–155
4. Жильцов К.А. Возмещение утраты шанса на победу в конкурсах, торгах и судебных процессах в праве Германии.» // Актуальные проблемы российского права 2024 № 4 (161) С. 178–192
5. Жильцов К.А. Сравнительно-правовой анализ моделей возмещения убытков за утрату шанса на благоприятную возможность в мировых правовых порядках» // Юридическая наука, № 9 2023. С. 103–108.
6. Егорова М.А. Деликтные обязательства и деликтная ответственность в английском, немец-

ком и французском праве: учебное пособие. М.: Юстицинформ, 2017.

7. Фурнье, С. Дю Шамбон, М. Деликтная ответственность в гражданском праве – 4е издание, Университет Гренобля. 2015.
8. Мемто, Г. Утрата шанса в медицинском праве Франции. // 32 R.D. McGill 126. 1986.
9. Шабас, Ф. Утрата шанса в французском праве. // Сборник последних изменений гражданско-правовой ответственности, Центра Европейских Исследований, Женева, 1991.

COMPENSATION FOR A LOSS OF CHANCE IN FRENCH LAW: BRIEF INTRODUCTION

Zhiltsov K.A.

Russian Foreign Trade Academy of the Ministry for Economic Development

This article addresses the issue of liability for loss of a chance in French law. The research points out that French jurisdiction is one of the most accepting towards allowing the recovery of the lost chance. This is caused by the general tort doctrine and widespread use of judicial discretion in calculating damages. Also, in French tort law, “chance” comprises independent pecuniary interest and not an element of an alternative causation.

Keywords: tort law, recovery of a loss, loss of chance, proportional liability, causality in tort law.

References

1. Baybak V.V. Loss of a chance as a variation of contractual damages // Vestnik of economic justice of Russian Federation. 2015. № 5. – p. 63–73
2. Kozlov I.A.. Loss of chance doctrine: general description based on model case law analysis // International Law Journal. 2021. vol. 4. № 5. – p. 151–156
3. Dondokov A.I. Doctrine of Loss of Chance in English law // Закон. 2013. № 7. p. 150–155
4. Zhiltsov K.A. Recovery for the loss of chance in competitions, tenders and legal proceedings in German law // Actual Problems of Russian Law 2024 № 4 (161) p. 178–192
5. Zhiltsov K.A. Comparative legal analysis of models of compensation for losses for the loss of a chance for a favorable opportunity in the world's legal orders. // Yuridicheskaya Nauka, № 9 2023. p 103–108
6. Yegorova M.A. Tortious obligation and liability in English, German and French law: textbook. M. Yustizinform. 2017.
7. S. Fournier, M. Du Chambon La Responsabilité civile délictuelle – 4e edition. Presses Universitaires de Grenoble. 2015.
8. Mémeteau, G. Perte de chance en droit médical français (1986), 32 R.D. McGill 126.
9. Chabas, F. La perte d'une chance en droit français // Colloque sur les Développements récents du droit de la responsabilité civile, Centre d'études européennes, Genève, 1991

Проблемы правового регулирования платформенной занятости как нетипичной формы трудовой деятельности в РФ

Зуева Ксения Андреевна,

старший преподаватель кафедры «Таможенное право и служебная деятельность», Дальневосточный государственный университет путей сообщения
E-mail: kseniaandn@mail.ru

В статье рассматриваются особенности и тенденции развития платформенной занятости как новой нетипичной формы трудовой деятельности в условиях развития цифровой экономики. Анализируются основные характеристики платформенной занятости, ее влияние на рынок труда, социально-экономические последствия для сторон отношений, а также ключевые проблемы в данной сфере. На основе сравнительного анализа зарубежного опыта предлагаются рекомендации по совершенствованию нормативно-правовой базы, направленные на создание сбалансированной системы регулирования платформенной занятости в РФ.

Ключевые слова: платформенная занятость, цифровая платформа, самозанятость, трудовые отношения, нетипичная занятость, цифровизация.

Развитие цифровых технологий, широкое внедрение интернет-сервисов и мобильных приложений оказали значительное влияние на трансформацию занятости в современной экономике. Одним из наиболее ярких проявлений данной трансформации стала платформенная занятость, представляющая собой форму трудовой деятельности, при которой взаимодействие между заказчиком и исполнителем осуществляется в рамках цифровой платформы. Однако несмотря на повсеместное распространение платформенной занятости в мире, законодательство Российской Федерации (далее – РФ) в настоящее время не сформировано. Это обстоятельство создает ситуацию правовой неопределенности для лиц, вовлеченных в платформенную занятость.

Отметим, что платформенная занятость в РФ развивается вне рамок традиционного трудового права. Трудовой кодекс Российской Федерации (далее – ТК РФ) ориентирован на классическую модель занятости, основанную на заключении трудового договора между работником и работодателем, предусматривающего подчинение внутреннему трудовому распорядку, выплату заработной платы, социальное страхование и другие гарантии. Однако характер отношений, складывающихся в рамках цифровых платформ, существенно отличается от традиционной модели.

Как правило, между исполнителями и платформами не заключается трудовой договор. Вместо этого применяются договоры гражданско-правового характера (договоры возмездного оказания услуг, договоры подряда или соглашения с самозанятыми гражданами). Платформа в таких отношениях не выступает работодателем, а лишь предоставляет цифровую инфраструктуру для взаимодействия между заказчиками и исполнителями. Подобный подход приводит к тому, что с цифровой платформы снимаются обязательства по обеспечению выполнения требований и условий охраны труда, социального страхования, пенсионного обеспечения, гарантий трудового законодательства, минимального размера оплаты труда и т.д. [1].

В качестве примеров активно развивающихся цифровых платформ в РФ можно привести следующие: «Яндекс Go», «Delivery Club», «СберМаркет», «YouDo», «Wildberries Logistics» и др. Все они функционируют по схожему алгоритму: исполнитель регистрируется в мобильном приложении, принимает оферту, проходит верификацию, и после этого начинает получать заказы. Между ним и платформой формируется пользовательское соглашение, которое регулирует ключевые условия

взаимодействия: порядок получения и выполнения заданий, расчеты, санкции, блокировки аккаунта. Однако данное соглашение, как правило, составлено в одностороннем порядке и не обсуждается с исполнителем. При этом платформа сохраняет за собой право в любой момент в одностороннем порядке изменять условия взаимодействия, отключать исполнителя от системы, блокировать аккаунт и пересматривать тарифы. Все это свидетельствует о фактическом подчинении исполнителя воле цифрового работодателя при отсутствии юридической квалификации отношений в качестве трудовых.

При этом наблюдается парадокс: фактически отношения между платформой и исполнителем могут содержать все признаки трудовых отношений, установленные ст. 15 ТК РФ [7] включая систематичность выполнения работы, получение вознаграждения, выполнение работы в интересах и под контролем другой стороны. Однако, в силу отсутствия официального трудового договора, исполнители оказываются вне рамок правовой защиты. Более того, в случае возникновения споров, бремя доказывания фактического трудового характера отношений возлагается на исполнителя, что в большинстве случаев оказывается непреодолимым барьером из-за отсутствия у него необходимых доказательств или низкого уровня правовой грамотности.

На сегодняшний день в нормативных правовых актах РФ отсутствует официальное определение «платформенная занятость». Законодатель не дает четкого ответа на вопрос, следует ли рассматривать такие формы взаимодействия как разновидность трудовых отношений, либо как принципиально новую форму экономической активности, требующую выработки особого подхода. Как следствие, возникает разрыв между правовой реальностью и фактической практикой. В результате деятельность миллионов граждан, занятых на платформах, оказывается неурегулированной.

Следует также отметить, что на сегодняшний день отсутствует и правовое определение самого понятия «цифровая платформа». Платформы могут быть рассмотрены как операторы информационных систем, субъекты обработки персональных данных, налоговые агенты, но не как участники трудовых отношений. Такой подход не только затрудняет правоприменение, но и лишает государство инструмента эффективного контроля за деятельностью платформ в части соблюдения трудовых прав исполнителей.

По данным Института статистических исследований и экономики знаний НИУ ВШЭ во II квартале 2024 года численность платформенных работников составила 3,2 млн человек или 4,3% от общей численности занятых [4].

По прогнозам Минтруда России, к 2030 году 15 млн человек будет работать на цифровых платформах, что составляет почти четверть трудоспособного населения РФ [5].

Важно обозначить, что такие положительные стороны платформенной занятости, как гибкий график, быстрый заработок, удобство и простота, наращивание собственной клиентской базы, привлекают внимание социально уязвимых категорий граждан (студентов, женщин, находящихся в декретном отпуске и отпуске по уходу за ребенком, пенсионеров, инвалидов). Отметим, что трудовые мигранты все чаще обращаются к платформенной занятости в связи с тем, что испытывают сложности с трудоустройством в рамках стандартной занятости, и предлагают свои услуги онлайн [6].

Кроме того, в текущей экономической ситуации многие работающие граждане используют онлайн-платформы в качестве дополнительного заработка. В этой сфере можно найти работников по ремонту, репетиторов, тренеров, инструкторов, фотографов, водителей такси, курьеров, дизайнеров и психологов.

Таким образом, возникает вопрос о дифференцированном подходе к регулированию в зависимости от правового статуса исполнителя, характера и продолжительности его участия в платформенной деятельности.

Отметим, что за рубежом предпринимаются разнообразные попытки формирования нормативно-правовой базы в сфере регулирования платформенной занятости. Так, в Европейском союзе, например, обсуждается директива о цифровых платформах, в которой закрепляется презумпция трудовых отношений при наличии определенных признаков зависимости исполнителя от платформы. В отдельных странах, таких как Испания и Италия, приняты законы, обязывающие платформы регистрировать исполнителей как работников при наличии элементов подчинения [8].

В США, напротив, преобладает модель гибкой занятости (gig work), при которой исполнитель рассматривается как независимый подрядчик, но в отдельных штатах также реализуются инициативы по предоставлению минимальных социальных гарантий [3].

В Индии вопрос обеспечения социальными гарантиями платформенных занятых остается актуальным. Несмотря на то, что Кодекс социального обеспечения создает правовую основу, его практическая реализация требует дальнейших преобразований. Важным моментом, урегулированным данным Кодексом, является установление совместной ответственности различных участников – центрального правительства, правительств штатов и самих цифровых платформ [2]. Несмотря на то, что четкие механизмы по распределению этих обязанностей не установлены, подразумевается, что все стороны отношений должны участвовать в социальном обеспечении. В целом, Кодекс социального обеспечения представляет собой попытку адаптировать законодательство Индии к современным реалиям, происходящим на рынке труда, способствуя формированию более высокого уровня защиты работников в условиях цифровой среды. Отметим, что в Индии создан Националь-

ный совета по социальной защите неорганизованных рабочих. Это предполагает, что цифровые платформы, государственные органы и работники смогут сотрудничать по вопросам регулирования и защиты прав работников.

В Италии в настоящее время действует Хартия основных прав цифровых работников в городском пространстве, принятие которой стало важнейшим шагом в сфере обеспечения и защиты прав курьеров и иных работников, осуществляющих свою деятельность в рамках цифровых платформ. Такие работники, как правило, сталкиваются с нестабильностью и неопределенностью в рамках своей профессиональной деятельности, поэтому для таких категорий занятых необходимо было установить минимальную почасовую оплату труда, компенсации за сверхурочную работу, а также социальные гарантии. Данный акт не только зафиксировал основные права и гарантии платформенных занятых, но и предоставил им возможность создавать объединения (профсоюзы) с целью защиты своих прав в сфере труда [2].

Для РФ ключевой задачей является необходимость выработки собственной, сбалансированной модели правового регулирования, учитывающей специфику национального законодательства, уровень развития цифровых сервисов, уровень правосознания сторон, а также интересы бизнеса и государства. Ключевым элементом такой модели должна стать легализация платформенной занятости посредством введения специальных правовых категорий, определение правового статуса платформенного занятого и установление минимального стандарта гарантий.

Также необходимым шагом является создание специальной нормативной базы, которая бы регламентировала особенности функционирования цифровых платформ в сфере труда, в том числе определяла правила распределения заказов, порядок работы алгоритмов, критерии отключения исполнителя, алгоритм разрешения споров и возможность привлечения платформы к ответственности за нарушение прав исполнителя.

Таким образом, анализ текущего состояния правового регулирования платформенной занятости в РФ позволяет сделать вывод о наличии существенных правовых пробелов в данной сфере. Несмотря на повсеместное распространение данной формы трудовой деятельности, нормативно-правовая база не сформирована, что приводит к возникновению множества негативных последствий как для самих платформенных занятых, так и для государства в целом. В условиях стремительной цифровизации экономики решение вопроса правового оформления платформенной занятости становится одной из приоритетных задач для отечественного законодателя, требующей системного, четкого и продуманного подхода.

Несмотря на быстрый рост и масштабное распространение платформенной занятости в России, данная форма трудовой деятельности продолжает существовать в правовом поле в статусе «неза-

меченной». Отсутствие специальных нормативных актов и комплексного законодательного подхода приводит к формированию множества правовых, социальных и экономических проблем, затрагивающих не только интересы самих платформенных работников, но и интересы государства, гражданского общества и работодателей в традиционной экономике. Проблемы правового регулирования платформенной занятости имеют многослойный характер, затрагивая вопросы квалификации отношений, социальной защиты, справедливости и эффективности механизма разрешения споров. Ниже приведен детальный анализ ключевых проблем, сопровождающих данное явление.

Отсутствие таких правовых категорий, как «цифровая платформа», «платформенный занятый», «оператор цифровой платформы», в действующем законодательстве РФ приводит к тому, что деятельность платформ и исполнителей трактуется исключительно через призму гражданского законодательства, что, в свою очередь, исключает возможность применения норм трудового права и лишает исполнителей установленных государством социальных гарантий. Такая неопределенность выгодна прежде всего платформам, которые освобождены от обязательств работодателя, которые присущи ему в рамках традиционных трудовых отношений. Практически все ведущие цифровые платформы в России оформляют отношения с исполнителями через оферту на оказание услуг, в которой закреплены обязанности сторон, но отсутствуют признаки подчиненности, характерные для трудового договора. Однако на практике исполнители вынуждены подчиняться алгоритмам платформ, выполнять заказы в определенное время, соблюдать стандарты качества и сталкиваться с санкциями за отклонения. Такая ситуация свидетельствует о существовании де-факто трудовых отношений, маскируемых под гражданско-правовые. Это подрывает основу трудового законодательства, ведь, по сути, государство теряет контроль над огромным сегментом рынка труда.

В рамках гражданско-правовых отношений исполнители не имеют права на оплачиваемый отпуск, больничный лист, пособие по беременности и родам, страхование от несчастных случаев и профзаболеваний. В случае потери трудоспособности они остаются без источника дохода и вынуждены самостоятельно нести все риски, связанные с выполнением трудовой функции. Особенно уязвимыми в этом плане оказываются курьеры, водители такси и сборщики заказов, подверженные высокой степени травматизма и профессионального выгорания. В условиях экономической нестабильности и роста числа самозанятых социальная незащищенность платформенных работников становится системной угрозой для социальной стабильности и общественного доверия.

Отдельное внимание следует уделить проблеме одностороннего регулирования отношений со стороны цифровых платформ. Практика показывает, что условия работы на платформах определяются

в одностороннем порядке. Пользовательское соглашение составляется самой платформой, и исполнитель может лишь принять его условия или отказаться от участия. При этом платформы оставляют за собой право в любое время менять алгоритмы распределения заказов, тарифы, уровни привилегий, условия рейтинга, а также применять штрафные санкции вплоть до полной блокировки аккаунта.

Таким образом, исполнитель находится в зависимом положении и не имеет возможности влиять на процесс. Несмотря на отсутствие формального признака подчиненности, фактически отношения характеризуются высокой степенью контроля со стороны платформы, что вновь указывает на трудовую характер этих взаимодействий.

Чрезвычайно актуальной является также проблема отсутствия механизмов коллективной защиты интересов платформенных работников. В силу отсутствия официального статуса работника, исполнители не могут создавать профсоюзы в классическом понимании, не могут участвовать в коллективных переговорах и отстаивать свои права через институты социального партнерства. Отдельные попытки самоорганизации, как, например, сообщества курьеров в социальных сетях или инициативы по созданию ассоциаций самозанятых, носят неформальный характер и не имеют юридической силы. Это существенно снижает возможности исполнителей влиять на условия труда, добиваться справедливого распределения заказов, повышения оплаты и обеспечения минимальных стандартов.

Особое внимание заслуживает проблема отсутствия эффективных механизмов разрешения споров между платформой и платформенным занятым. Как правило, споры разрешаются в рамках службы поддержки самой платформы, а при обострении конфликта – через суд. Однако в отсутствие четкой правовой квалификации взаимоотношений суды занимают неоднородную позицию. В одних случаях суды квалифицируют отношения как трудовые, опираясь на фактические признаки подчинения и контроля, в других – исходят из гражданско-правового характера договора. Такая непоследовательность судебной практики затрудняет защиту прав платформенных занятых и приводит к отсутствию единообразия в правоприменительном процессе.

Проблема отсутствия прозрачности алгоритмов цифровых платформ также приобретает все большую актуальность. Алгоритмы, отвечающие за распределение заказов, начисление бонусов, формирование рейтингов, остаются закрытыми для платформенных занятых и не подлежат внешнему контролю. Это создает предпосылки для дискриминации, неправомерных решений, а также исключает возможность обжалования, что лишает исполнителя права на справедливость, объективность и защиту от произвола.

Еще одной значимой проблемой является неопределенность в вопросах налогообложения и по-

лучения доходов от платформенной занятости. Несмотря на внедрение режима самозанятости, значительная часть платформенной деятельности осуществляется в «серой» зоне. Исполнители не всегда оформляют статус в качестве самозанятых, не декларируют доходы и не уплачивают налоги. Сама платформа зачастую не выступает налоговым агентом и не контролирует надлежащее исполнение налоговых обязательств. Это снижает налоговую дисциплину, нарушает принципы справедливости в налоговой системе и приводит к потерям бюджета. Кроме того, возникает угроза недофинансирования пенсионной системы, т.к. многие платформенные исполнители не делают пенсионных отчислений.

Важной структурной проблемой является отсутствие единого реестра или учета цифровых платформ и платформенных занятых на уровне государства. В связи с этим, органы государственной власти не владеют точной информацией о масштабах занятости, доходах, уровне социального обеспечения и условиях труда данной категории лиц. Это существенно осложняет выработку единой государственной политики в сфере занятости, делает невозможной разработку целевых программ поддержки занятых.

Таким образом, существующая модель регулирования, базирующаяся на гражданско-правовых отношениях и самозанятости, не способна обеспечить необходимый уровень правовой и социальной защиты платформенных занятых. В условиях стремительного роста цифровой экономики требуется переход к активному формированию нормативно-правовой базы, ориентированной на справедливость, предсказуемость и устойчивое развитие трудовых отношений.

Решение выявленных проблем требует не фрагментарных, а системных преобразований, охватывающих как формирование правового статуса платформенных занятых, так и создание механизмов социальной защиты, разрешения споров и обеспечения прозрачности алгоритмов. Далее приводится комплекс предложений, направленных на совершенствование правового регулирования платформенной занятости в России.

Одним из базовых направлений должно стать введение легального определения платформенной занятости и связанных с ней понятий. Эти определения должны учитывать специфику работы на платформе: дистанционный формат, отсутствие фиксированного графика, взаимодействие через мобильные приложения, влияние алгоритмических систем на условия выполнения задач. Законодательное определение создаст основу для разграничения типов занятости, выделения платформенной занятости в особую категорию и адаптации соответствующего регулирования.

Следующим шагом должно стать создание специального правового режима для платформенной занятости. Традиционные формы трудовых отношений, зафиксированные в ТК РФ, недостаточны являются гибкими для отражения реалий циф-

ровой экономики. Вместе с тем, полное переключение ответственности на исполнителя в рамках гражданско-правового договора также неприемлемо. Поэтому необходимо разработать смешанную (гибридную) модель занятости, включающую элементы как трудового, так и гражданского права. Подобные подходы реализуются, например, в странах Европейского союза, где рассматривается возможность презумпции трудовых отношений при наличии определенных признаков зависимости от платформы. В этой модели исполнитель сохраняет определенную самостоятельность, но при этом получает доступ к ключевым социальным гарантиям и инструментам правовой защиты.

Важным направлением должно стать установление минимальных социальных гарантий для всех платформенных занятых, независимо от формы их оформления. Даже в случае, если исполнитель работает как самозанятый или индивидуальный предприниматель, государство должно гарантировать ему доступ к базовым правам, включая: обязательное медицинское страхование; механизм добровольного или софинансируемого пенсионного страхования; гарантии защиты от произвольного отключения от платформы; доступ к информации о правилах и алгоритмах платформы; право на объединение, а также на рассмотрение жалоб и разрешение споров.

Эти гарантии должны быть закреплены не только в федеральном законодательстве, но и в пользовательских соглашениях, которые платформы обязаны публиковать в доступной и понятной форме, включая перевод на русский язык при наличии иностранного элемента.

Следует также внедрить механизм регистрации платформенных занятых, обеспечивающий учет объемов их работы, доходов и уплаты налогов. Этот механизм может быть реализован через интеграцию цифровых платформ с системой ФНС и ФСС. В таком случае платформа будет нести ответственность за предоставление данных о доходах исполнителей и зачисление отчислений в страховые и пенсионные фонды. Возможен также вариант, при котором исполнители получают возможность добровольно регистрироваться в специальной информационной системе, обеспечивающей им доступ к гарантированному медицинскому обслуживанию, пенсионным правам и иным социальным гарантиям.

Особое внимание следует уделить механизмам защиты от произвольного отключения от платформы и отказа в доступе к заказам. В настоящее время исполнители находятся в полной зависимости от решения платформы, которое часто не подлежит объяснению и обжалованию. Для устранения этой проблемы необходимо: ввести обязательную процедуру уведомления исполнителя с указанием причины блокировки или отключения; предусмотреть срок для обжалования и восстановления доступа; ввести обязательное досудебное разрешение споров через медиативные комиссии при участии независимых представителей.

В дополнение к этому необходимо создать институциональные механизмы коллективной защиты платформенных занятых. Даже в условиях гибкой занятости исполнители должны иметь право на объединение в профессиональные сообщества, ассоциации и профсоюзы, вести переговоры с платформами, участвовать в разработке стандартов взаимодействия. Для этого требуется внести соответствующие изменения в федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» [9], дополнив его нормами о цифровой занятости.

Актуальным является развитие судебной и административной практики, связанной с платформенной занятостью. Важно, чтобы Верховный Суд РФ, Минтруд России выработали методические рекомендации по квалификации отношений между платформой и платформенным занятым. Это повысит предсказуемость и прозрачность правоприменения, сократит количество судебных ошибок и обеспечит унификацию подходов на всей территории РФ. Необходима также подготовка судей, специалистов по трудовому праву и инспекторов по труду к разрешению споров в условиях цифровой трансформации.

Кроме того, необходимо обеспечить вовлечение платформенной занятости в систему стратегического государственного планирования. Для этого требуется ввести обязательную отчетность цифровых платформ о численности исполнителей, объемах заказов, суммарных доходах. На основе этих данных органы власти смогут разрабатывать меры социальной поддержки, прогнозировать занятость и корректировать налоговую политику.

В целях стимулирования добросовестного поведения платформ и поддержки исполнителей следует внедрить систему сертификации цифровых платформ, подтверждающую соответствие стандартам прозрачности, справедливости и социальной ответственности. Платформы, получившие такую сертификацию, могли бы претендовать на налоговые льготы, доступ к государственным программам поддержки и повышение доверия со стороны потребителей и исполнителей.

Наконец, важным направлением является информационное просвещение платформенных занятых. Множество платформенных работников не осведомлены о своих правах, обязанностях, возможностях оформления занятости, доступных льготах и гарантиях. Государство, в партнерстве с цифровыми платформами, может разработать специальные обучающие программы, информационные ресурсы и консультационные центры для исполнителей, что повысит уровень правовой культуры и снизит число нарушений.

Таким образом, путь к решению проблем правового регулирования платформенной занятости в РФ требует комплексного подхода. Целью этих преобразований должно стать создание сбалансированной, гибкой и справедливой модели, способной сочетать инновационный характер цифровой экономики с традиционными принципа-

ми социальной защиты и правового государства. Только в этом случае цифровая платформа будет не источником контроля и подчинения, а инструментом устойчивого, справедливого и легального развития рынка труда.

Литература

1. Бобков, В.Н., Головина, С.Ю., Войтковская, И.В. Трудовые отношения в условиях развития нестандартных форм занятости: монография / В.Н. Бобков, С.Ю. Головина, И.В. Войтковская. – М.: Проспект, 2022. – 255 с.
2. Зуева, К.А. Повышение социальной и пенсионной обеспеченности платформенных занятых в России и за рубежом / К.А. Зуева // Юридическая наука. – 2025. – № 2. – С. 148–149.
3. Independent Contractor Status Under the Fair Labor Standards Act (FLSA): Delay of Effective Date [Электронный ресурс] URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/03/04/202104608/independentcontractor-status-under-the-fair-labor-standards-act-flsa-delay-of-effective-date>. – Дата обращения: 28.06.2025.
4. Платформенная занятость в России [Электронный ресурс] URL: <https://issek.hse.ru>. – Дата обращения: 28.06.2025.
5. Почти четверть населения к 2030 году будет работать на цифровых платформах [Электронный ресурс] URL: <https://www.vedomosti.ru>. – Дата обращения: 28.06.2025.
6. Романюк, Е.В., Трусевич, Е.В., Огнев, Д.В., Лисутин, О.А. Платформенная занятость: сущность, особенности, регулирование / Е.В. Романюк, Е.В. Трусевич, Д.В. Огнев, О.А. Лисутин // Экономика труда. – 2025. – № 2. – С. 127–144.
7. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ, в ред. от 07.04.2025 № 64-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 28.06.2025.
8. Spain, Tribunal Superior de Justicia de Catalunya 21 de febrer de 2020, Case No. 1034/2020 [Электронный ресурс] URL: <https://ignasibeltran.com/wp-content/uploads/2020/03/RS-5613-19.pdf>. – Дата обращения: 28.06.2025.
9. Федеральный закон «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности»

от 12.01.1996 № 10-ФЗ, в ред. от 21.12.2001 № 422-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс». – Дата обращения: 28.06.2025.

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF PLATFORM EMPLOYMENT AS AN ATYPICAL FORM OF LABOR ACTIVITY IN THE RUSSIAN FEDERATION

Zueva K.A.

Far Eastern State Transport University

The article examines the features and trends of development of platform employment as a new atypical form of labor activity in the context of the development of the digital economy. The main characteristics of platform employment, its impact on the labor market, socio-economic consequences for the parties to the relationship, as well as key issues in this area are analyzed. Based on a comparative analysis of foreign experience, recommendations are proposed for improving the regulatory framework aimed at creating a balanced system for regulating platform employment in the Russian Federation.

Keywords: platform employment, digital platform, self-employment, labor relations, atypical employment, digitalization.

References

1. Bobkov, V.N., Golovina, S.Yu., Voitkovskaya, I.V. Labor relations in the context of the development of non-standard forms of employment: monograph / V.N. Bobkov, S. Yu. Golovina, I.V. Voitkovskaya. – M.: Prospect, 2022. – 255 p.
2. Zueva, K.A. Increasing social and pension security of platform employees in Russia and abroad / K.A. Zueva // Legal science. – 2025. – № 2. – P. 148–149.
3. Independent Contractor Status Under the Fair Labor Standards Act (FLSA): Delay of Effective Date [Electronic resource] URL: <https://www.federalregister.gov/documents/2021/03/04/202104608/independentcontractor-status-under-the-fair-labor-standards-act-flsa-delay-of-effective-date>. – Date of access: 06/28/2025.
4. Platform employment in Russia [Electronic resource] URL: <https://issek.hse.ru>. – Date of access: 06/28/2025.
5. Almost a quarter of the population will work on digital platforms by 2030 [Electronic resource] URL: <https://www.vedomosti.ru>. – Date of access: 06/28/2025.
6. Romanyuk, E.V., Trusevich, E.V., Ognev, D.V., Lisutin, O.A. Platform employment: essence, features, regulation / E.V. Romanyuk, E.V. Trusevich, D.V. Ognev, O.A. Lisutin // Labor Economics. – 2025. – № 2. – P. 127–144.
7. Labor Code of the Russian Federation: Federal Law of 30.12.2001 No. 197-FZ, as amended on 07.04.2025 No. 64-FZ // SPS "ConsultantPlus". – Date of access: 28.06.2025.
8. Spain, Tribunal Superior de Justicia de Catalunya 21 February 2020, Case No. 1034/2020 [Electronic resource] URL: <https://ignasibeltran.com/wp-content/uploads/2020/03/RS-5613-19.pdf>. – Access date: 06/28/2025.
9. Federal Law "On Trade Unions, Their Rights and Guarantees of Activity" dated 12.01.1996 No. 10-FZ, as amended on 21.12.2001 No. 422-FZ // SPS "ConsultantPlus". – Date of access: 28.06.2025.

Особенности взаимодействия таможенного представителя с таможенными органами

Клименко Евгения Алексеевна,

преподаватель кафедры конституционного и международного права Оренбургского института (филиал) Университета имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: zhekaklimenko@mail.ru

В данной статье рассматриваются ключевые аспекты взаимодействия таможенных представителей с таможенными органами, в частности, роль Федеральной таможенной службы Российской Федерации в таможенной деятельности. Анализируются формы и методы взаимодействия таможенных представителей с таможенными органами. Делается вывод о значении эффективного взаимодействия таможенных представителей с таможенными органами для бизнеса. Обоснована необходимость закрепления в таможенном законодательстве форм и методов взаимодействия таможенных представителей с таможенными органами.

Ключевые слова: таможенная услуга; таможенный представитель; таможенный орган, формы и методы взаимодействия.

Правовое положение (статус) считается одной из центральных и важнейших юридической категории как общей теории права, так и отраслевых наук. Специфика правового статуса таможенного представителя действительно заключается в его посреднической роли между участниками внешнеэкономической деятельности (ВЭД) и таможенными органами. Этот статус закреплён в Таможенном кодексе Евразийского экономического союза (ТК ЕАЭС) [1] и национальном законодательстве стран-участниц (например, в России – Федеральный закон № 289-ФЗ «О таможенном регулировании») [2]. С одной стороны, таможенные представители оказывают содействие декларантам в таможенном оформлении. Таможенные представители действуют от имени декларантов (например, импортеров или экспортеров), помогая им в подготовке и подаче таможенных деклараций, а также в соблюдении всех необходимых процедур и требований законодательства. А, с другой стороны, таможенные представители взаимодействуют с таможенными органами. Таможенная деятельность не существует изолированно – она интегрирована в систему государственного управления и регулирования внешнеэкономической деятельности (ВЭД). В реальных условиях таможенные органы взаимодействуют с различными государственными системами, ведомствами и инфраструктурами, что обеспечивает контроль, безопасность и эффективность внешней торговли.

При этом, если первый аспект посреднической роли таможенного представителя является частым предметом научного исследования, то механизм взаимодействия таможенного представителя с таможенными органами остаются недостаточно исследованными. Это может быть связано с тем, что акцент в научных исследованиях часто делается на правовом регулировании и процессах, связанных с декларированием. Однако понимание динамики взаимодействия между таможенными представителями и государственными органами может помочь улучшить эффективность таможенных процедур и выявить возможные области для реформирования.

Таким образом, дальнейшее изучение этой темы может привести к более глубокому пониманию роли таможенных представителей в системе внешнеэкономической деятельности и способствовать улучшению взаимодействия между всеми участниками процесса.

Прежде всего, необходимо отметить, что понятие «взаимодействие» охватывает широкий спектр отношений и процессов, и его понимание может

варьироваться в зависимости от области исследования. Взаимодействие как универсальная категория исследуется в философии, социологии, кибернетике и системном анализе. Его ключевые атрибуты:

- Двусторонность (влияние субъектов взаимно, а не односторонне).
- Динамичность (процесс, а не статичное состояние).
- Обусловленность (связь причинно-следственных цепочек).

В таможенной сфере это проявляется в нескольких аспектах: с одной стороны, таможенный представитель не просто исполняет требования таможни, но и формирует их, например, через практику обжалования решений, с другой – таможенные органы, вводя новые цифровые системы (например, «Таможня 4.0»), меняет стратегии поведения таможенных представителей.

Таким образом, взаимодействие таможенных представителей и таможенных органов – не просто «обмен документами», а сложная система взаимных адаптаций, конфликтов и кооперации. Его изучение требует:

- отказа от узконормативного подхода в пользу междисциплинарных моделей;
- анализа неформальных практик (как реально решаются спорные вопросы);
- учета цифровой трансформации как фактора, меняющего саму природу взаимодействия.

Таможенные представители не просто передают информацию от декларанта к таможенным органам; они также играют активную роль в таможенном процессе, включая:

- Обсуждение и разъяснение вопросов: таможенные представители могут взаимодействовать с таможенными органами для разъяснения нюансов, связанных с конкретными грузами или процедурами.
- Участие в проверках: они могут представлять интересы декларантов во время проверок и инспекций, что может быть критически важным для успешного завершения процедур.
- Содействие в разрешении споров: в случае возникновения разногласий между декларантом и таможенными органами, таможенные представители могут выступать в роли посредников для разрешения конфликтов.

Взаимодействие таможенных представителей с таможенными органами осуществляется в рамках строго регламентированных процедур, но также включает неформальные практики и адаптационные механизмы. Это взаимодействие можно структурировать по формам (как оно организовано) и методам (как реализуется на практике).

В частности, можно выделить следующие формы взаимодействия:

Во-первых, формально-правовые формы – регламентированные законодательством (ТК ЕАЭС, национальные законы, приказы ФТС), в том числе, декларирование товаров, участие в таможенном контроле (присутствие при досмотре товаров

при вскрытии груза, предоставление дополнительных документов по запросу таможни, обжалование решений таможни, взаимодействие через реестры (включение в Реестр таможенных представителей (ст. 399 ТК ЕАЭС), проверки финансовой устойчивости и квалификации, приостановление/исключение из реестра за нарушения) [1].

Во-вторых, организационные формы взаимодействия – прямо не предусмотренные законодательством, но содействующие и сопровождающие нормативным формам, в частности, электронное взаимодействие через автоматизированные системы (ЕАИС, ГИС МТ, «Таможенный контроль 2.0»), личные кабинеты участников ВЭД (подача документов онлайн), системы удаленного выпуска товаров (например, «Зеленый коридор»); очное взаимодействие (участие в таможенных осмотрах/досмотрах, переговоры с инспекторами (например, при спорных вопросах по классификации товаров), консультации в таможенных органах (по сложным таможенным процедурам) [3].

В-третьих, совещательные формы, в частности, участие в рабочих группах (например, по вопросам цифровизации), участие в общественных советах при ФТС (обсуждение изменений в регулировании).

В свою очередь, методы взаимодействия можно разделить по следующим направлениям:

1. Правовые методы, в частности, административно-правовой – применение мер принуждения (штрафы, приостановление деятельности); договорной – заключение соглашений о сотрудничестве между таможенным представителем и таможней; судебный – оспаривание решений таможни в суде.

2. Экономические методы: стимулирование добросовестных участников (Авторизованный экономический оператор), финансовые гарантии (обеспечение уплаты таможенных платежей), штрафные санкции за нарушения (например, по ст. 16.1 КоАП РФ).

3. Технические (цифровые) методы: автоматизированный выпуск товаров, анализ больших данных (выявление рисков), блокчейн-технологии (для отслеживания цепочек поставок).

Таким образом, можно сделать вывод, что взаимодействие таможенных представителей и таможенных органов – это сложная система, сочетающая жесткие регламенты и гибкие адаптационные механизмы. Оптимизация этого взаимодействия требует полной цифровизации, упрощения бюрократических процедур, внедрения AI для минимизации человеческого фактора, расширения диалога между бизнесом и таможней (например, через ОПОРУ России). Изучение этих аспектов поможет сделать таможенное администрирование более прозрачным и эффективным.

Литература

1. Евразийский экономический союз. Таможенный кодекс (2017). Таможенный кодекс ЕАЭС:

подписан 12 апреля 2017 г., вступил в силу для РФ 29 мая 2019 г. // Официальный сайт Евразийского экономического союза [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://www.eaeunion.org/>

2. Российская Федерация. Федеральный закон. Федеральный закон от 03 августа 2018 г. № 289-ФЗ «О таможенном регулировании в Российской Федерации и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: принят Гос.Думой РФ 26 июля 2018 г., одобрен Советом Фед. РФ 28 июля 2018 г.: по состоянию на: 01 мая 2025 г. № 83-ФЗ // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 2018. – № 32 (Часть I). – Ст. 5082.
3. Российский таможенный портал TKS.RU: Базы данных. URL: <http://www.tks.ru/db/tnved/goods> (дата обращения: 25.06.2025).

FEATURES OF INTERACTION TAMZHENNOGO REPRESENTATIVA WITH CUSTOMS BODIES

Klimenko E.A.

Orenburg Institute (Branch) of The Kutafin Moscow State Law University

This article discusses the key aspects of interaction between customs representatives and customs authorities, particularly the role of the Federal Customs Service of the Russian Federation in customs activities. It analyzes the forms and methods of interaction between customs representatives and customs authorities. The article concludes that effective interaction between customs representatives and customs authorities is crucial for businesses. It also highlights the need for customs legislation to establish the forms and methods of interaction between customs representatives and customs authorities.

Keywords: customs service; customs representative; customs authority, forms and methods of interaction.

References

1. Eurasian Economic Union. Customs Code (2017). EAEU Customs Code: signed on April 12, 2017, entered into force for the Russian Federation on May 29, 2019 // Official website of the Eurasian Economic Union [Electronic resource] – Access mode: <http://www.eaeunion.org/>
2. Russian Federation. Federal Law. Federal Law № . 289-FZ of August 3, 2018 “On Customs Regulation in the Russian Federation and on Amendments to Certain Legislative Acts of the Russian Federation”: adopted by the State Duma of the Russian Federation on July 26, 2018, and approved by the Federation Council of the Russian Federation on July 28, 2018. As of May 1, 2025, No. 83-FZ // Collection of Laws of the Russian Federation. – 2018. – № . 32 (Part I). – Art. 5082.
3. Russian customs portal TKS.RU: Databases. URL: <http://www.tks.ru/db/> (date of request: 25.06.2025).

Красильников Александр Андреевич,

аспирант, Московский финансово-юридический университет (МФЮА)

E-mail: kras57.ak@gmail.com

В системе современного водного права особое место занимают частноправовые отношения, которые формируют фундамент взаимодействия субъектов при использовании водных объектов. Эти отношения, складываясь между равноправными участниками, отражают специфику правового регулирования в сфере водопользования и демонстрируют уникальное сочетание частных и публичных интересов.

Теоретическое осмысление частноправовых отношений в водном праве представляет собой комплексную задачу, требующую анализа их сущностных характеристик, особенностей возникновения и функционирования. При этом важно учитывать, что данные отношения формируются на стыке различных правовых регуляторов, где общие принципы частного права преломляются через призму водного законодательства.

Определение частноправовых отношений в контексте водного права требует выделения их существенных признаков: равенства участников, свободы волеизъявления, самостоятельности в выборе поведения и имущественной обособленности. При этом специфика водного хозяйства накладывает особый отпечаток на реализацию этих принципов, создавая уникальную модель правового регулирования.

Исследование понятия и сущности частноправовых отношений в водном праве позволяет глубже понять механизмы взаимодействия субъектов водопользования, особенности их правового статуса и характер возникающих между ними связей. Это, в свою очередь, способствует более эффективному применению правовых норм и развитию теоретических основ водного права.

В статье проводится комплексный анализ частноправовых отношений в водном праве, раскрываются их сущностные характеристики, определяются основные элементы и особенности правового регулирования. Особое внимание будет уделяться специфике реализации принципов частного права в сфере водопользования и особенностям формирования правовой базы для регулирования данных отношений.

Ключевые слова: водный объект, право собственности, федеральная собственность, режим собственности, движимое имущество, недвижимое имущество, частноправовые отношения, субъекты права, юридические лица, физические лица, публичные образования, автономия воли, равенство сторон, имущественная самостоятельность, водопользование, договорные отношения.

Частноправовые отношения – это сфера права, регулирующая взаимодействия между равноправными субъектами (физическими и юридическими лицами) на основе их автономной воли. Они характеризуются добровольным характером возникновения, признанием юридического равенства участников и свободой их волеизъявления при заключении сделок и соглашений.

В рамках частноправовых отношений формируются особые механизмы защиты прав участников, основанные на принципах диспозитивности и автономии воли. Эти отношения охватывают широкий спектр взаимодействий: от бытовых сделок между гражданами до сложных корпоративных отношений между юридическими лицами.

Для всестороннего и детального изучения вопроса частноправовых отношений, представляющего собой фундаментальную основу современного гражданского права, целесообразно провести комплексный анализ определений и концепций, сформулированных ведущими правоведомы различных исторических периодов и правовых школ. Такой междисциплинарный подход позволит не только выявить эволюцию теоретических представлений о природе частноправовых отношений, но и сформировать целостное понимание данной правовой категории через призму различных научных парадигм.

В рамках данного исследования особое внимание будет уделено анализу определений, предложенных классиками правовой мысли, представителями советской юридической науки и современными исследователями гражданского права. Такой системный подход к изучению теоретического материала обеспечит возможность выявления общих тенденций в понимании сущности частноправовых отношений и формирования собственного обоснованного взгляда на данную правовую категорию.

В отечественной правовой науке сформировалось глубокое понимание сущности частноправовых отношений. А.П. Сергеев определяет их как отношения, основанные на юридическом равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников, направленные на удовлетворение их частных интересов[1].

Е.А. Суханов подчеркивает особую роль государства в частноправовых отношениях, где оно выступает не как властный субъект, а как равный участник правоотношений, защищая интересы граждан и организаций. В.С. Нерсисянц рассматривает частноправовые отношения как форму саморегуляции гражданского общества, где субъекты свободно реализуют свои права в рамках закона.[2]

Ю.К. Толстой отмечает преобладание диспозитивных норм в частном праве, позволяющих сторонам самостоятельно определять условия взаимодействия. [3] О.Н. Садиков [4] подчеркивает, что в частноправовых отношениях участники действуют в своих интересах и могут свободно распоряжаться своими правами.

В зарубежной правовой науке также сформировалось глубокое понимание сущности частноправовых отношений. Рене Давид [5] (Франция) определяет частное право, как совокупность норм, регулирующих отношения между индивидами и их объединениями, где государство выступает арбитром, а не стороной правоотношений. Джон Генри Мерриман (США) [6] акцентирует внимание на фундаментальных принципах построения частноправовых отношений, отмечая, что они строятся на основе свободы договора и защиты собственности, что позволяет обеспечить баланс интересов участников без излишнего вмешательства государственной власти. Рональд Дворкин (США) [7] рассматривает частное право, как особую сферу, где права индивидов являются первичными, а закон выступает в роли инструмента защиты их автономии от произвола. Такой подход подчеркивает приоритет индивидуальных прав и свобод в системе частноправовых отношений, где государство выполняет функцию гаранта, а не активного участника правоотношений.

В процессе тщательного анализа и сопоставления различных научных подходов и определений, сформулированных ведущими представителями юридической науки в области гражданского права, можно выделить ряд существенных признаков, которые позволяют квалифицировать правоотношения, возникающие между физическими и юридическими лицами, а также с участием публичных образований, как частноправовые.

Данный вывод базируется на фундаментальных принципах гражданского законодательства, многовековом опыте правовой практики и современных тенденциях развития гражданского права. При этом особое значение приобретает исследование как классических, так и новаторских подходов к определению правовой природы указанных отношений, что позволяет сформировать комплексное представление об их характерных особенностях и отличительных чертах.

Такой анализ приобретает особую актуальность в условиях современного правового регулирования, где четкое разграничение частноправовых и публично-правовых отношений становится ключевым фактором для правильного применения норм законодательства и защиты законных интересов всех участников гражданского оборота.

Частноправовые отношения характеризуются рядом фундаментальных признаков, определяющих их сущность и особенности. Прежде всего, все субъекты таких отношений находятся в равноправном положении, независимо от их статуса или положения в обществе, что обеспечивает юридическое равенство участников. Важнейшим

принципом является автономия воли субъектов, которые самостоятельно определяют свою позицию и принимают решения без внешнего принуждения. Это напрямую связано с имущественной самостоятельностью участников, каждый из которых обладает обособленным имуществом и вправе им свободно распоряжаться, что формирует экономическую основу частноправовых отношений.

Особенность регулирования таких отношений заключается в преобладании диспозитивных норм, предоставляющих участникам возможность самостоятельно выбирать модель поведения и условия взаимодействия. При этом приоритет отдается частным интересам, а субъекты действуют в своих интересах, свободно реализуя свои права.

Государство в системе частноправовых отношений выступает не как властный субъект, а как гарант прав и защитник законных интересов участников, обеспечивая правовые рамки, но не вмешиваясь в содержание отношений. Это позволяет частноправовым отношениям функционировать как форме самоорганизации общества, где участники свободно реализуют свои права в рамках закона.

Ключевым аспектом является защита индивидуальной автономии, где права индивидов первичны, а закон служит инструментом защиты их автономии от произвола. Все эти принципы строятся на фундаменте свободы договора и защиты собственности, что обеспечивает баланс интересов участников без излишнего вмешательства государственной власти.

Все эти признаки взаимосвязаны и образуют целостную систему, определяющую специфику частно-правовых отношений. Их реализация обеспечивает эффективное функционирование гражданского общества и защиту прав частных лиц при сохранении баланса интересов всех участников правоотношений.

Частноправовые отношения в сфере водного права связаны с регулированием прав собственности, пользования и распоряжения водными ресурсами на основе принципов автономии воли, равенства сторон и имущественной самостоятельности. Однако водные объекты, как правило, имеют **двойственный правовой статус**: они одновременно являются публичным достоянием (в силу экологической и социальной значимости) и объектом частных интересов (хозяйственное использование). Рассмотрим, как частноправовые аспекты проявляются в вопросах собственности и пользования.

В большинстве стран водные объекты (реки, озёра, подземные воды) относятся к **публичной собственности государства**, что исключает их приватизацию. Однако в частноправовом аспекте могут регулироваться:

Права пользования (usus fructus) – передача водных ресурсов в пользование частным лицам и организациям.

Сервитуты – ограниченные права на использование чужих водных объектов

Частноправовые отношения в пользовании водой проявляются проявляют себя в различных формах взаимодействия субъектов гражданского права, при котором происходит использование водных объектов как в промышленных, так и в бытовых целях. Эти отношения регулируются как общими положениями гражданского законодательства, так и специальными нормами водного права, что определяет их особую правовую природу и специфику. В рамках данных отношений формируются разнообразные обязательственные правоотношения, связанные с водопользованием, водоснабжением, охраной водных ресурсов и возмещением вреда, причиненного водным объектам.

Частноправовые отношения в сфере водопользования проявляются в различных формах взаимодействия субъектов гражданского права, при котором происходит использование водных объектов как в промышленных, так и в бытовых целях. Эти отношения регулируются как общими положениями гражданского законодательства, так и специальными нормами водного права, что определяет их особую правовую природу и специфику.

В рамках данных отношений формируются разнообразные обязательственные правоотношения, связанные с водопользованием, водоснабжением, охраной водных ресурсов и возмещением вреда, причиненного водным объектам.

Одним из основных инструментов регулирования является договор водопользования [8]. В рамках арендных отношений частные лица или компании получают право временного пользования водоемом для различных целей: рыбоводства, рекреации или промышленных нужд. Например, озеро может быть передано в аренду для организации рыбного хозяйства.

Другой важной формой является договор забора воды, при котором предприятие заключает соглашение с государством на право извлечения определенного объема воды из водного объекта. В договоре детально прописываются все условия использования: установленные лимиты, сроки водозабора и другие существенные параметры.

Важную роль в системе водопользования играют сервитуты – ограниченные права пользования водными объектами. Публичные сервитуты обеспечивают доступ к воде для общественных нужд, например, право прохода к берегу реки через территорию, находящуюся в частной собственности. Частные сервитуты предоставляют право на конкретные виды использования водных объектов. К ним относится право забора воды из колодца, расположенного на соседнем участке, или право прокладки водопроводных коммуникаций через территорию, принадлежащую другому собственнику.

В российском законодательстве предусмотрена возможность частной собственности на искусственные водные объекты. К таким объектам относятся созданные человеком водоемы, включая пруды и бассейны, которые располагаются на частных земельных участках.

Особую категорию составляют обособленные водные объекты, не имеющие гидравлической связи с другими водоемами. Согласно статье 8 Водного кодекса РФ [9], такие водные объекты могут находиться в частной собственности. Примером практического применения этого положения может служить фермерский пруд, созданный для целей полива сельскохозяйственных угодий.

Важно отметить, что право собственности на искусственный водоем неразрывно связано с правом собственности на земельный участок, на котором он расположен. При этом действует принцип единства судьбы земельного участка [10], и находящегося на нем водного объекта – невозможно отчуждение водного объекта без одновременного отчуждения земельного участка.

Данная норма позволяет эффективно использовать водные ресурсы в частных целях, при этом обеспечивая соблюдение экологических требований и предотвращая злоупотребления. Такой подход способствует рациональному использованию водных объектов в хозяйственной деятельности, сохраняя при этом необходимый баланс между частными и публичными интересами в сфере водопользования.

Ограничения частноправовых отношений представляют собой сложную и многогранную систему правовых средств, которые играют ключевую роль в регулировании взаимодействия между субъектами гражданского права. Эти ограничения, являясь неотъемлемым атрибутом частноправового регулирования, определяют границы допустимого поведения участников правоотношений и обеспечивают баланс интересов всех вовлеченных сторон.

В рамках частного права ограничения проявляются в различных формах и устанавливаются разными способами: через законодательство, судебные решения, локальные акты, договоры и индивидуально-распорядительные действия. Они выполняют разнообразные функции, включая обеспечительную, гарантирующую, компенсирующую, организующую и балансирующую, что позволяет эффективно регулировать общественные отношения в сфере частного права.

Особую значимость имеет то, что система ограничений в частном праве сочетает в себе как универсальные механизмы правового регулирования, так и специфические средства, обусловленные особенностями частноправового регулирования. При этом важно понимать, что в частном праве действует принцип “разрешено все, кроме того, что прямо запрещено законом” [11], что определяет особый характер и механизм действия правовых ограничений, так можно выделить ограничения по причинам:

Использование водных ресурсов в частных целях строго регулируется экологическими нормативами. Запрещается любое загрязнение водоемов, превышение установленных лимитов водозабора и деятельность, ведущая к уничтожению биоразнообразия. Особое внимание уделяется сохранению гидрологического режима водоемов. Например,

в Германии согласно § 6 Водного закона (WHG) пользователи обязаны поддерживать естественный водный режим, включая уровень воды, скорость течения и температурный режим. Это необходимо для сохранения водных экосистем и предотвращения их деградации. Любые мероприятия, влияющие на водный объект, должны проводиться с учетом экологических последствий и возможности восстановления природного баланса.

При использовании водных ресурсов частные интересы всегда подчиняются общественным потребностям. В условиях дефицита воды устанавливается строгая иерархия водопользования, где первостепенное значение имеет обеспечение населения питьевой водой. Например, если в регионе возникает недостаток воды, полив сельскохозяйственных угодий может быть ограничен или приостановлен для обеспечения нужд питьевого водоснабжения. Также могут быть введены ограничения на промышленное использование воды. При этом государство может регулировать объемы водозабора, устанавливать временные запреты на определенные виды водопользования и перераспределять водные ресурсы между различными пользователями в интересах всего общества.

Государственное регулирование использования водных ресурсов включает комплексную систему контроля. Во-первых, осуществляется обязательное лицензирование водопользования, при котором проводится тщательная проверка соответствия деятельности установленным требованиям. Во-вторых, регулярно проводятся аудиты использования водных ресурсов для мониторинга соблюдения нормативов. При выявлении нарушений государство имеет право приостановить деятельность пользователя до устранения нарушений. Например, при обнаружении незаконного сброса сточных вод предприятие может быть временно закрыто, пока не будет обеспечено надлежащее очистное оборудование. Также могут быть применены административные штрафы и другие меры ответственности за нарушение водного законодательства.

Ответственность в частноправовых отношениях водного права представляет собой комплексный правовой институт, регулирующий негативные последствия нарушения водных прав и обязанностей субъектов гражданского права, связанных с использованием водных объектов.

Данный институт включает в себя как имущественную ответственность за причинение вреда водным объектам, так и ответственность за нарушение договорных обязательств в сфере водопользования. Особую значимость приобретает вопрос баланса интересов государства, как собственника водных объектов, и частных лиц, осуществляющих различные виды водопользования.

В условиях возрастающего антропогенного воздействия на водные ресурсы и усиления конкуренции за водные объекты, правовое регулирование ответственности в сфере водного права становится ключевым инструментом обеспечения рацио-

нального использования и охраны водных объектов, а также защиты прав и законных интересов участников водных правоотношений.

Данный правовой институт характеризуется комплексным характером, сочетая в себе нормы гражданского, водного и экологического права, что обуславливает необходимость системного подхода к его изучению и применению на практике, так нарушения условий может повлечь разное по тяжести наказание

Возмещение ущерба (ст. 69 Водного кодекса РФ) – предусматривает полную компенсацию вреда, причиненного водным объектам, включая расходы на восстановление их естественного состояния, упущенную выгоду и затраты на проведение мероприятий по охране вод. Расчет ущерба производится по специальным методикам, утвержденным Правительством РФ. При этом учитываются как прямой ущерб, так и косвенные последствия воздействия на водную экосистему.

Расторжение договора аренды – право арендодателя прекратить договор в одностороннем порядке при нарушении арендатором существенных условий: использование водного объекта не по целевому назначению, загрязнение или порча водных ресурсов, неуплата арендной платы более двух раз подряд по истечении установленного срока платежа, а также при создании угрозы причинения вреда водному объекту.

Штрафы за превышение лимитов водопользования или загрязнение – налагаются в соответствии с КоАП РФ [12], и зависят от категории нарушителя (физическое, должностное или юридическое лицо). Размер штрафа определяется с учетом степени превышения установленных нормативов, длительности нарушения и наличия отягчающих обстоятельств. При повторном нарушении штрафные санкции удваиваются.

За умышленное причинение вреда водным объектам (например, разлив нефти) – наступает при наличии прямого умысла на причинение существенного вреда водной экосистеме. Предусматривает наказание в виде штрафа до 80 тысяч рублей или в размере заработной платы или иного дохода осужденного за период до шести месяцев, либо лишением права занимать определенные должности на срок до пяти лет, либо обязательными работами на срок до 360 часов, либо исправительными работами на срок до одного года, либо арестом на срок до трех месяцев. При крупном размере ущерба или причинении существенного вреда окружающей природной среде наказание ужесточается. [13]

Таким образом, определение частно-правовых отношений в водном праве представляет собой комплексный правовой феномен, формирующийся на пересечении частного и публичного права, и требующий особого подхода к регулированию использования водных объектов и может быть сформировано, как: Частно-правовые отношения в водном праве – это отношения между субъектами права (физическими и юридическими лицами, публичными образованиями), возникающие в связи

с использованием, владением, распоряжением водными ресурсами на основе принципов автономии воли, равенства сторон и имущественной самостоятельности. Эти отношения регулируются нормами гражданского права и направлены на удовлетворение частных интересов

Выводы.

1. Частноправовые отношения в водном праве представляют собой комплексный правовой феномен, формирующийся на пересечении частного и публичного права, где реализуются принципы автономии воли, равенства сторон и имущественной самостоятельности участников.

2. Специфика водных объектов заключается в их двойственном правовом статусе: с одной стороны, они являются публичным достоянием, с другой – объектом частных интересов, что требует особого подхода к регулированию их использования.

3. Правовой режим водных объектов характеризуется единством судьбы земельного участка и расположенного на нем водного объекта, что исключает возможность их раздельного отчуждения.

4. Механизм защиты интересов участников правоотношений в сфере водного права представляет собой комплексную систему правовых инструментов, включающую возможность возмещения причиненного ущерба, предусматривающую полную компенсацию вреда водным объектам и восстановление их естественного состояния, расторжение договоров при выявлении существенных нарушений условий их исполнения, а также применение мер административной и уголовной ответственности к нарушителям водного законодательства, при этом важнейшим элементом защиты выступает судебная форма охраны прав, позволяющая участникам правоотношений эффективно отстаивать свои законные интересы в судебном порядке.

5. Перспективы развития института частноправовых отношений в водном праве связаны с комплексным совершенствованием правовой системы, включающим модернизацию механизмов правового регулирования через внедрение современных правовых инструментов и адаптацию законодательства к текущим экологическим и социально-экономическим условиям, усилением природоохранных мер посредством совершенствования системы экологического нормирования и развития механизмов возмещения экологического ущерба, расширением договорного инструментария за счет создания новых форм соглашений и упрощения процедур оформления прав на водные объекты.

Литература

1. Гражданское право: учебник: в 3 т. / под ред. А.П. Сергеева. – Изд. 2-е, перераб. и доп. – Москва: Проспект, 2021. – Т. 1. – 1040 с.
2. Гражданское право: учебник: в 4 т. / под ред. Е.А. Суханова. – 3-е изд., перераб. и доп. – Москва: Статут, 2023. – Т. 1: Общая часть. – 624 с.

3. Толстой Ю.К. Гражданское право: учебник. – Москва: Проспект, 2023. – 816 с.
4. Гражданское право: Учебник. Том I / Под ред. доктора юридических наук, профессора О.Н. Садикова. – М.: Юридическая фирма «КОНТРАКТ»: «ИНФРА-М», 2006. – 493 с
5. Давид Р. Основные правовые системы современности: сравнительное правоведение / Р. Давид, К. Жоффре-Спинози. – М.: Международные отношения, 2019. – 456 с.
6. Merryman J.H. The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Western Europe and Latin America. – 3rd ed. – Stanford: Stanford University Press, 2007. – 448 p
7. Дворкин Р. О правах всерьез / Пер. с англ. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2004. – 368 с.
8. Постановление Правительства РФ от 18.02.2023 № 274 “Об утверждении Правил заключения и типовых форм договоров водопользования”
9. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 73-ФЗ (ред. от 13.06.2023) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2023)
10. Овчелупова, А.А. Принцип единства земли земельных участков и прочно связанных с ними объектов: теория и практика / А.А. Овчелупова, Т.А. Коробов. – Текст: непосредственный // Молодой ученый. – 2023. – № 50 (497). – С. 271–272.
11. Методы правового регулирования [Текст]: монография / [Хачатуров Рудольф Левонович, Архипов Игорь Валентинович, Боголюбов Сергей Александрович и др.]; под общей редакцией доктора юридических наук, профессора, заслуженного работника высшей школы РФ Р.Л. Хачатурова. – Москва: Юрлитинформ, 2018. – 445 с
12. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях [Текст]: от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 07.01.2002. – № 1 (ч. 1). – Ст. 1.
13. Уголовный кодекс Российской Федерации [Текст]: от 13.06.1996 № 63-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства РФ. – 17.06.1996. – № 25. – Ст. 2954.

THE CONCEPT AND ESSENCE OF PRIVATE LAW RELATIONS IN WATER LAW

Krasilnikov A.A.

Moscow University of Finance and Law

In the system of modern water law, private law relations occupy a special place, which form the foundation for the interaction of subjects in the use of water bodies. These relations, developing between equal participants, reflect the specifics of legal regulation in the field of water use and demonstrate a unique combination of private and public interests.

The theoretical understanding of private law relations in water law is a complex task that requires an analysis of their essential characteristics, features of their origin and functioning. It is important to take into account that these relations are formed at the junction of various legal regulators, where the general principles of private law are refracted through the prism of water legislation.

The definition of private law relations in the context of water law requires the identification of their essential features: equality of participants, freedom of expression, independence in choosing behavior and property isolation. At the same time, the specifics of water management leave a special imprint on the implementation of these principles, creating a unique model of legal regulation.

The study of the concept and essence of private law relations in water law allows for a deeper understanding of the mechanisms of interaction between water users, the specifics of their legal status and the nature of the relationships that arise between them. This, in turn, contributes to a more effective application of legal norms and the development of the theoretical foundations of water law.

The article provides a comprehensive analysis of private law relations in water law, reveals their essential characteristics, defines the main elements and features of legal regulation. Special attention will be paid to the specifics of the implementation of the principles of private law in the field of water use and the specifics of the formation of a legal framework for regulating these relations.

Keywords: water body, ownership right, federal property, ownership regime, movable property, immovable property, private law relations, subjects of law, legal entities, individuals, public entities, autonomy of the will, equality of the parties, property independence, water use, contractual relations.

References

1. Civil Law: textbook: in 3 volumes / edited by A.P. Sergeev. – 2nd edition, revised and enlarged. – Moscow: Prospect, 2021. – Vol. 1. – 1040 p.
2. Civil Law: textbook: in 4 volumes / edited by E.A. Sukhanov. – 3rd edition, revised and enlarged. – Moscow: Statut, 2023. – Vol. 1: General part. – 624 p.
3. Tolstoy Yu.K. Civil Law: textbook. – Moscow: Prospect, 2023. – 816 p.
4. Civil Law: Textbook. Volume I / edited by Doctor of Law, Professor O.N. Sadikov. – M.: Law Firm “CONTRACT”: “INFRA-M”, 2006. – 493 p.
5. David R. The Main Legal Systems of Our Time: Comparative Law / R. David, K. Geoffrey-Spinozi. – M.: International Relations, 2019. – 456 p.
6. Merryman J.H. The Civil Law Tradition: An Introduction to the Legal Systems of Western Europe and Latin America. – 3rd ed. – Stanford: Stanford University Press, 2007. – 448 p.
7. Dvorkin R. About Rights Seriously / Translated from English. – M.: Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN), 2004. – 368 p.
8. Resolution of the Government of the Russian Federation of 18.02.2023 No. 274 “On approval of the Rules for concluding and standard forms of water use agreements”
9. Water Code of the Russian Federation of 03.06.2006 No. 73-FZ (as amended on 13.06.2023) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2023)
10. Ovchelupova, A.A. The principle of unity of land, land plots and objects firmly connected with them: theory and practice / A.A. Ovchelupova, T.A. Korobov. – Text: direct // Young scientist. – 2023. – No. 50 (497). – P. 271–272.
11. Methods of legal regulation [Text]: monograph / [Khachaturov Rudolf Levonovich, Arkhipov Igor Valentinovich, Bogolyubov Sergey Aleksandrovich et al.]; under the general editorship of Doctor of Law, Professor, Honored Worker of Higher Education of the Russian Federation R.L. Khachaturov. – Moscow: YurLit-inform, 2018. – 445 p.
12. Code of the Russian Federation on Administrative Offenses [Text]: dated 30.12.2001 No. 195-FZ (as amended on 25.12.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 07.01.2002. – No. 1 (Part 1). – Art. 1.
13. Criminal Code of the Russian Federation [Text]: from 13.06.1996 No. 63-FZ (as amended on 25.12.2023) // Collected Legislation of the Russian Federation. – 17.06.1996. – No. 25. – Art. 2954.

Крупина Кристина Денисовна,
независимый исследователь

Найденов Кирилл Дмитриевич,
независимый исследователь

Пельменева Ульяна Витальевна,
независимый исследователь

В работе авторы дают краткий правовой анализ маркетплейсов как с точки зрения экономических отношений, указываются источники правового регулирования деятельности маркетплейсов. Сделан вывод, согласно которому по правовой природе маркетплейс – не субъект отношений, а онлайн-платформа (посредник), которая способствует продаже продавцами, предлагая их товары или услуги. Анализ юридической практики показывает, что основной формой опосредования работы маркетплейсов является агентский договор, и таким образом, компании – владельцы маркетплейсов оказывают продавцу товаров содействие в реализации его продукции на цифровом рынке. Также в статье авторами перечислены типичные нарушения, допускаемые в рамках товарооборота на электронных платформах – «самовыкуп», неправомерное начисление штрафов, блокировка товаров продавца. Указанные действия как продавцов, так и владельцев маркетплейсов предлагается квалифицировать как акт недобросовестной конкуренции.

Ключевые слова: маркетплейсы, владелец агрегата, самовыкуп, цифровая торговля, онлайн магазины, информационный посредник, товар, услуга.

Маркетплейсы появились совсем недавно. Однако термин «маркетплейс» в российском законодательстве отсутствует. При этом преамбула Закона РФ от 07.02.1992 № 2300–1 «О защите прав потребителей» позволяет говорить о том, что понятие «маркетплейс» взаимодействует с понятием «владелец агрегатора», который представляет собой «юридическое лицо либо индивидуальный предприниматель, которые являются правообладателями (владельцами) программного обеспечения для электронных вычислительных машин (или телефонов) либо владельцами сайта (страницы) в Интернете и которые предоставляют потребителям в отношении определенного товара (услуги) возможность ознакомиться с ofertами иных лиц (продавцов) о заключении договора купли-продажи товара или оказания услуг»¹.

Следовательно, можно сделать вывод о том, что маркетплейс является онлайн-платформой, которая способствует продаже продавцами, предлагая их товары или услуги². Продавец размещает информацию о товарах, а покупатели в свою очередь могут ее изучать, заключить договор купли-продажи в электронной форме и произвести оплату.

При этом между владельцем агрегатора и продавцами на практике заключаются агентские договоры, где маркетплейс осуществляет продажу товаров от своего имени. Также они заключают договор о реализации товаров.

Однако следует отличать такую онлайн-платформу от онлайн-магазинов. Их главное различие заключается в том, что в маркетплейсе владелец агрегатора дает продавцам площадку для продажи товаров, устанавливая свои цены. А онлайн-магазин – это платформа, где продавец сам выставляет свои товары на продажу³.

Таким образом, маркетплейс является информационным посредником, который размещает информацию о товарах.

М.С. Орешкин, заместитель главы Администрации Президента РФ, считает, что ключевым фактором успешного развития маркетплейсов является конструктивный диалог между государством и бизнесом. В своем высказывании на конференции инновационных технологий электронной коммерции,

¹ Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 № 2300–1 // Собр. законодательства Росс. Федерации. 1996. № 3. Ст. 140.

² Аксенов В.А., Одинцов С.В. Правовая природа маркетплейсов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 1. С. 7.

³ Бренинг Д.В., Багаева А.П. Основные различия маркетплейса и интернет-магазина // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. 2020. № . С. 318.

он предостерег от излишнего регулирования, которое может помешать росту этих платформ, и подчеркнул важность совместного решения возникающих вопросов, особенно в сферах налогового законодательства и миграции. Орешкин отметил, что существующий формат взаимодействия позволяет эффективно решать проблемы без чрезмерного вмешательства государства.

«Маркетплейсам нужно давать расти, их не нужно регулировать. Понятно, что есть зоны, связанные с налоговым законодательством, с миграцией, с рядом других вещей. Здесь надо работать в контакте. И, слава богу, такой контакт есть, есть ассоциация, которая хорошо работает. И компании индивидуально очень ответственно к этому относятся», – отметил Орешкин¹.

Следовательно, стоит заметить, что государство придерживаются стратегии «мягкого регулирования» цифровой торговли, делая ставку на саморегулирование бизнеса и партнерство с государством, а не на жесткие административные меры, что соответствует общемировому тренду на поддержку инновационных цифровых платформ при сохранении необходимого контроля в ключевых сферах.

С учетом обширного применения маркетплейсов на товарном рынке, правоприменительная практика выявляет типичные модели неправомерного (недобросовестного) поведения как со стороны маркетплейсов, так и со стороны продавцов как первичных хозяйствующих субъектов.

Одной из негативных хозяйственных практик товарооборота с помощью торговых площадок является «самовыкуп». Самовыкуп – прием, при котором продавец с чужих аккаунтов заказывает собственный товар. В результате самовыкупа продавец искусственно повышает свой рейтинг продаж, формируя тем самым искаженное представление у потребителя о «популярности» компании на рынке. За счет недобросовестных действий повышается спрос одних субъектов в ущерб другим (уход с рынка, парализация деятельности, банкротство и др.).

На сегодняшний день пресечение «самовыкупа» осуществляется в договорном порядке, а именно путем установления неустойки за самовыкуп. Суды обычно признают правильность такого подхода². Однако нередко под предлогом борьбы с практикой самовыкупа маркетплейсы неправомерно начисляют продавцу неустойку за самовыкуп. Согласно фабуле одного из дел, рассмотренных Арбитражным судом Московской области маркетплейс удержал 614 тыс. рублей со ссылкой на то, что продавец пытался «обмануть алгоритмы» платформы и поднять рейтинг: об этом якобы свидетельствовал факт покупки товаров четырьмя

пользователями с одной карты в один пункт выдачи. Продавец обратился с иском о взыскании с ООО «ВАЙЛДБЕРИЗ» удержанных сумм.

Суды всех инстанций, установив факт принадлежности одной карты нескольким лицам, не квалифицировали действия продавца как самовыкуп. Из обстоятельств дела следовало, что покупки совершались из разных регионов РФ и других стран, и, разумеется, в разных пунктах выдачи. Кроме того, представители маркетплейсов в своих объяснениях сами утверждали, что на их платформе практикуются семейные покупки, которые в том числе совершаются через использование одной карты несколькими лицами. Бремя доказывания «обмана алгоритмов» лежит на маркетплейсе (в том числе это могут быть скриншоты программного обеспечения). Иск к ООО «ВАЙЛДБЕРИЗ» удовлетворен³.

В другом деле арбитражный суд кассационной инстанции, оставляя в силе судебные акты, которыми отказано в удовлетворении иска продавца к маркетплейсу, согласился с судами о доказанности факта самовыкупа. Доказательством того, что продавец для повышения продаж использовал механизм самовыкупа товаров, является аккаунт пользователей, к которому привязаны один и те же банковские карты, через которые производилась оплата. В ряде случаев к одной и той же банковской карте было привязано до 94 аккаунтов, что исключается в случае, если потребитель намерен покупать товары на сайте для собственного использования. К аккаунтам таких «искусственных» аккаунтов покупателей привязаны по несколько карт, которые фигурируют у множества других пользователей⁴.

Говоря о других типичных нарушениях со стороны маркетплейсов, маркетплейсы могут лишать продавца возможности добровольно убрать запрещенный товар. Одним из примеров является дело АС Московского округа № А41–27931/2023. Так, ООО «Вайлдбериз» в договоре с продавцом установили условие, согласно которому за реализацию на маркетплейсе запрещенной к продаже продукции был введен штраф. Договором установлено, что уведомление продавца о внесении изменений и/или дополнений в договор и/или в Правила и иные документы к нему осуществляется путем размещения текста изменений/дополнений или текста оферты (Правил, иного документа) в новой редакции на портале. Моментом вступления в силу изменений/дополнений является истечение 7 дней с момента размещения на портале уведомления об изменениях либо иного срока, указанного в уведомлении.

С 01/06/2023 вступил в силу законодательный запрет на розничную торговлю устройствами для

¹ Орешкин призвал давать расти маркетплейсам. [Электронный ресурс]. ТАСС. URL: <https://tass.ru/ekonomika/23706507> (дата обращения 17.05.2025).

² См., например, постановление АС Московского округа от 24.06.2024 по делу № А41–85738/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/14e5f94e-9dad-482b-b9f8-102f08f47a26>.

³ См. решение АС Московского округа от 27.04.2024 по делу № А41–102114/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3ca9fda8-87c0-477c-ad1e-b89b57bb23a0>.

⁴ Постановление АС Московского округа от 11.07.2024 по делу № А41–68392/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/27dc06dd-62a3-40a3-8e19-dee89402ef23>.

потребления никотиносодержащей продукцией (вейпами). С 03/02/2023 ООО «Вайлдбериз» разместило информацию о запрещенных к реализации товарах, однако карточки товаров продавца на портале были заблокированы 27/01/2023 (т.е. до вступления в силу закона и до размещения информации о новых запретах), что не позволило продавцу добровольно прекратить продажи вейпов через маркетплейс и повлекло начисление договорного штрафа. Суды встали на сторону продавца и взыскали необоснованно начисленный штраф¹.

В данной ситуации действия маркетплейса повлекли причинение убытков у продавца. Несвоевременная блокировка карточек товаров на портале фактически понижает рейтинг компаний в глазах потребителей, чем могут пользоваться хозяйствующие субъекты-конкуренты и использовать факт взыскания неустойки за реализацию запрещенных товаров без риска привлечения к ответственности за недобросовестную конкуренцию путем дискредитации. Кроме того, такие механизмы могут использоваться в рамках антиконкурентных соглашений, чтобы целенаправленно наносить убытки тем или иным предпринимателям и парализовать их деятельность на цифровом рынке.

Данные примеры из практики арбитражного суда города Москвы и АС Московского округа показывают, что продавцы – ЮЛ и ИП – используют маркетплейсы для самовыкупа, фиктивно формируя рейтинг в глазах потребителей и «приманивая» их. Подобная недобросовестная экономическая практика наносит вред иным хозяйствующим субъектам, способствует возникновению у них убытков вследствие падения спроса и предложения. На наш взгляд, самовыкуп и несвоевременную (преждевременную) блокировку товаров с использованием онлайн-площадок нужно квалифицировать по ст. 14.8 Закона о защите конкуренции как иные акты недобросовестной конкуренции.

Таким образом, накопившуюся практику судов необходимо анализировать и использовать в правотворческой работе. Однако важно не «душить» маркетплейсы, а создавать условия для самостоятельного устранения их владельцами нарушений, стимулировать их к соблюдению антимонопольного законодательства, ибо только созидательные начала государственной политики в данной сфере укрепят электронную коммерцию.

Литература

1. Закон РФ «О защите прав потребителей» от 07.02.1992 N 2300–1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. – 1996. – № 3. – Ст. 140.
2. Аксенов, В. А., Одинцов, С. В. Правовая природа маркетплейсов / В. А. Аксенов, С. В. Одинцов // Вестник Балтийского федерального уни-

¹ Постановление АС Московского округа от 20.06.2024 по делу № А41–27931/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a36790d3–677d-4312–9c6c-3b02a68054e4>.

верситета им. И. Канта. Серия: Гуманитарные и общественные науки. – 2024. – № 1. – С. 5–21.

3. Бренинг, Д. В., Багаева, А. П. Основные различия маркетплейса и интернет-магазина / Д. В. Бренинг, А. П. Багаева // Актуальные проблемы авиации и космонавтики. – 2020. – № . – С. 318–320.
4. Орешкин призвал давать расти маркетплейсам. [Электронный ресурс]. – ТАСС. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/23706507> (дата обращения 17.05.2025).
5. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 24 июня 2024 по делу № А41–85738/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/14e5f94e-9dad-482b-b9f8–102f08f47a26>.
6. Решение Арбитражного суда Московской области от 27 апреля 2024 года по делу № А41–102114/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3ca9fda8–87c0–477c-ad1e-b89b57bb23a0>.
7. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 11 июля 2024 года по делу № А41–68392/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/27dc06dd-62a3–40a3–8e19-dee89402ef23>.
8. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 20 июня 2024 по делу № А41–27931/2023. [Электронный ресурс]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a36790d3–677d-4312–9c6c-3b02a68054e4>.

MARKETPLACES IN THE CONTEXT OF ANTIMONOPOLY REGULATION

Krupina K.D., Naydenov K.D., Pelmeneva U.V.

In this paper, the authors provide a brief legal analysis of marketplaces both from the point of view of economic relations, and indicate the sources of legal regulation of marketplaces. It is concluded that, by its legal nature, a marketplace is not a subject of a relationship, but an online platform (intermediary) that facilitates sales by sellers by offering their goods or services. An analysis of legal practice shows that the main form of mediation of marketplaces is an agency agreement, and thus, marketplace owners assist the seller of goods in selling their products on the digital market. Also in the article, the authors list typical violations committed within the framework of trade on electronic platforms – «self-purchase», unlawful imposition of fines, blocking of goods by sellers. These actions by both sellers and marketplace owners are proposed to be qualified as an act of unfair competition.

Keywords: marketplaces, the owner of the unit, self-purchase, digital commerce, online stores, information intermediary, product, service.

References

1. The Law of the Russian Federation “On Consumer Rights Protection” dated 02/07/1992 N 2300–1 // Collection of legislation of the Russian Federation. Federation. 1996. No. 3. Article 140.
2. Aksenov, V. A., Odintsovo, S. V. The legal nature of marketplaces / V. A. Aksenov, S. V. Odintsovo // Bulletin of the Baltic Federal University named after I. Kant. Series: Humanities and Social Sciences. – 2024. – No. 1. – pp. 5–21.
3. Brening, D. V., Bagaeva, A. P. The main differences between a marketplace and an online store / D. V. Brening, A. P. Bagaeva // Actual problems of aviation and cosmonautics. – 2020. – No. – pp. 318–320.

4. Oreshkin called for marketplaces to grow. [electronic resource]. – TASS. – URL: <https://tass.ru/ekonomika/23706507> (date of appeal 05/17/2025).
5. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated June 24, 2024 in case no. A41–85738/2023. [Electronic resource]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/14e5f94e-9dad-482b-b9f8-102f08f47a26>
6. The decision of the Arbitration Court of the Moscow Region dated April 27, 2024 in case no. A41–102114/2023. [Electronic resource]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/3ca9fda8-87c0-477c-ad1e-b89b57bb23a0>.
7. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated July 11, 2024 in case no. A41–68392/2023. [Electronic resource]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/27dc06dd-62a3-40a3-8e19-dee89402ef23>
8. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated June 20, 2024 in case no. A41–27931/2023. [Electronic resource]. URL: <https://kad.arbitr.ru/Card/a36790d3-677d-4312-9c6c-3b02a68054e4>.

Левкин Павел Николаевич,
независимый исследователь
E-mail: shakeupme@gmail.com

В статье рассматриваются актуальные вопросы судебной защиты сторон договора энергоснабжения в условиях современной правоприменительной практики. Особое внимание уделяется незаконным отключениям потребителей от электро-снабжения как способу давления со стороны энергоснабжающих организаций, что порой приводит к нарушению прав граждан и организаций. Проанализированы правовые механизмы судебной защиты, включая признание действий незаконными, взыскание убытков и компенсации морального вреда, применение обеспечительных мер, а также привлечение к ответственности за самоуправство. Сделан вывод о необходимости формирования единообразной судебной практики, обеспечивающей баланс интересов сторон, правовую определенность и эффективную защиту прав потребителей энергетических ресурсов.

Ключевые слова: энергоснабжение, договор энергоснабжения, отключение энергоснабжения, судебная защита, энерго-снабжающая организация.

Актуальность изучения вопросов, связанных с судебной защитой сторон договора энергоснабжения, обусловлена рядом правовых, социально-экономических и технологических факторов.

Договор энергоснабжения представляет собой один из ключевых инструментов реализации правоотношений в условиях рыночной экономики, затрагивающих процессы передачи важнейшего ресурса – энергии – от энергоснабжающей организации потребителю. Практика применения норм, регулирующих договор энергоснабжения, показывает наличие значительного количества споров, возникающих как по поводу исполнения обязательств, так и в части правомерности одностороннего отказа от договора, качества предоставляемой энергии, порядка начисления платы, законности отключений и др.

Договор энергоснабжения и разрешение споров, связанных с его заключением, исполнением, а также с изменением и прекращением правоотношений, существующих в его рамках, приобретает сегодня все большую значимость как для сторон договора, так и для органов, разрешающих споры в области энергоснабжения [1, с. 57].

Судебные разбирательства по вопросам, связанным с энергоснабжением, отличаются от иных имущественных споров во многом из-за того, что снабжение энергией существенно отличается от поставки любых иных товаров. Так, в частности, передача энергии как товара потребителю возможна исключительно посредством специальных технических средств – электросетей, присоединенных сетей, технических устройств и приборов учета. Энергия не является вещью – она, скорее, «представляет собой свойство материи в определенном состоянии» [1, с. 58]. Полезные свойства энергии реализуются в процессе потребления, но сама энергия при этом исчезает.

Энергоснабжение как стратегически значимая подотрасль отечественной экономики порождает различные виды хозяйственных отношений, возникающих в процессе производства, передачи электрической энергии, диспетчерского управления в энергетике, сбыта и потребления электрической энергии.

Как отмечено выше, снабжение потребителей энергией осуществляется в рамках договорных отношений. В общем виде подобные правоотношения выглядят следующим образом: энергоснабжающая организация обязуется снабжать абонента энергией через присоединенную сеть, а абонент обязуется оплачивать принятую энергию, соблюдать предусмотренный режим ее потребления, обеспечивать безопасность эксплуатации энер-

гетических сетей и исправность используемых им приборов и оборудования.

В сфере энергоснабжения сформировался особый состав субъектов и, соответственно этому, особая структура договорных связей между ними [5, с. 154]. То, каким образом реализуется судебная защита прав сторон договора энергоснабжения, определяется характерными особенностями подобного договора и спецификой правоотношений, возникающих в связи с его заключением. Рассмотрим данные характеристики более подробно:

- 1) Согласно общепринятому мнению, сформированному в отечественной юриспруденции, в законодательстве и в правоприменительной практике, договор энергоснабжения является разновидностью договора купли-продажи. Как и в ситуации купли-продажи, одна из сторон передает товар другой стороне, которая оплачивает данный товар; в данном контексте подобным товаром выступает электроэнергия.
- 2) Кроме того, договор энергоснабжения считается по своей природе консенсуальным, так как снабжающая организация берет на себя обязательство по подаче энергоресурса, и, кроме того, договор считается заключенным с момента достижения сторонами соглашения в отношении существенных условий.
- 3) Также отметим, что договор энергоснабжения представляет собой каузальную сделку, будучи заключаемым в связи с четкими потребностями сторон и в строго определенных целях.
- 4) Договор энергоснабжения, кроме того, является возмездным: обязанности снабжающей организации по передаче энергии корреспондирует обязанность абонента произвести расчет за потребленную энергию.
- 5) Из вышесказанного следует вывод о двустороннем характере сделки и, соответственно, двусторонне-обязывающем характере договора [3, с. 58].
- 6) Тот факт, что правоотношения между энерго-снабжающей структурой и потребителем реализуются посредством технической инфраструктуры и сетей, приводит к выводу о том, что договор энергоснабжения может быть заключен с абонентом при наличии у него энергопринимающего устройства, присоединенного к сетям энергоснабжающей организации, а также прочего необходимого оборудования, в т.ч. для измерения объема потребленной энергии (ст. 539 Гражданского Кодекса Российской Федерации – далее – ГК РФ) [2].
- 7) Договор, согласно положениям ст. 426 ГК РФ признается публичным, т.е. потенциально он должен быть заключен с каждым желающим [7].

Учитывая жизненную важность электроэнергии в жизни современного человека и в работе предприятий и учреждений, российский законодатель отдельно указывает, что отказ снабжающей организации от заключения публичного договора при наличии возможности предоставить потребителю соответствующие ресурсы не допускается. Отказ

от снабжения электроэнергией влечет за собой потребность в возмещении убытков, связанных с данным отказом (п. 4 ст. 445 ГК РФ) [2].

Ключевым правовым принципом, определяющим характер системы оборота энергии, порядок заключения соответствующих договоров и механизмы судебной защиты их сторон, является «не достижение коммерческих целей организаций – производителей и поставщиков энергии (извлечение прибыли), а обеспечение гарантий интересов потребителей, постоянное повышение надежности энергоснабжения, снижение издержек на основе развития конкуренции и, в конечном счете, снижение цены на энергию для потребителей» [6, с. 44].

В целом и в большинстве случаев взаимодействия между сторонами договора энергоснабжения регулируется гражданским законодательством, законодательными и иными касающимися энергоснабжения актами. Энергоснабжающая структура является субъектом коммерческой деятельности, направленной на поставку энергии посредством заключения публичного договора с потребляющими энергию лицами.

Процедуры заключения и продления действия договора энергоснабжения с потребителем детально описаны в положениях ГК РФ. Так, к примеру, моментом заключения договора является момент присоединения оборудования потребителя к сети. Договор заключается на неопределенное время, а его предметом выступает энергия [5, с. 153].

Как отмечено выше, в области энергоснабжения возникает немало судебных споров, затрагивающих взаимодействие сторон договорных отношений. Судебные споры затрагивают различные аспекты взаимодействия сторон – неисполнение или ненадлежащее исполнение обязательств по оплате энергоресурсов, проблемы, связанные с качеством поставляемой энергии, необоснованными отключениями, оспаривание начислений, вопросы перерасчетов, правомерность одностороннего отказа от договора или изменения его условий. Подобная конфликтность обусловлена как юридической спецификой договора энергоснабжения, его комплексным, многоплановым характером, так и значимостью энергетических ресурсов.

Анализ текущей практики позволяет получить представление о причинах увеличения числа судебных разбирательств между сторонами договоров энергоснабжения (Таблица 1):

Виды ответственности применительно к отношениям по энергоснабжению могут быть следующими): 1) гражданская-правовая ответственность – причинение имущественного и морального вреда, вреда здоровью, чести и достоинству; 2) административная ответственность наступает за правонарушения, предусмотренные КоАП РФ; 3) уголовная ответственность, предусмотренная УК РФ. Гражданская ответственность сторон определяется условиями договора энергоснабжения, основанными на нормах специального законодательства, базирующихся на общих принципах гражданского права [8, с. 153].

Таблица 1. Причины увеличения числа судебных разбирательств между сторонами договоров энергоснабжения в России

Причина	Характер влияния на правоприменение
Недостаточный уровень технической оснащённости жилищно-коммунального сектора	Несмотря на модернизационные мероприятия, реализуемые в России на текущем этапе, жилищно-коммунальная сфера продолжает характеризоваться высоким уровнем износа инфраструктуры, частыми перебоями в поставках коммунальных ресурсов, и недостаточной прозрачностью в расчётах между потребителями и поставщиками. Все это способствует нарастанию числа судебных конфликтов.
Наличие правовой асимметрии между статусом поставщика и потребителя энергии	Энергоснабжающие организации обладают явным институциональным, финансовым и юридическим преимуществом перед потребителями (особенно это касается физических лиц). Не в полной мере развиты механизмы обеспечения досудебного и процессуального равенства сторон [4].
Распространённость ситуаций неправомерного поведения потребителей	Практика последних лет демонстрирует устойчивую тенденцию к использованию недобросовестных действий: самовольные подключения, несанкционированное использование ресурсов, сокрытие майнинга, уклонение от платежей [9, с. 73]. Судебная защита в данном контексте выступает единственным способом восстановления нарушенных прав поставщика энергии.
Правовая неопределённость в вопросах квалификации отдельных аспектов договора энергоснабжения	Нередко энергоснабжение осуществляется в отсутствие подписанного договора в письменной форме, особенно в отношении физических лиц. При этом поставщики ссылаются на факт акцепта типового договора путём потребления ресурса. Договоры энергоснабжения нередко содержат нечеткие формулировки. Так, к примеру, не разрешен вопрос о том, какая ответственность наступает при нарушении параметров качества электроэнергии и когда речь идёт о ненадлежащем исполнении обязательства или о неоказании услуги.
Рост требований к качеству энергоснабжения	Современные потребители (особенно компании, деятельность которых напрямую зависит от поставок энергии) предъявляют всё более высокие требования к стабильности поставки, надёжности и качеству поставляемых ресурсов.
Реализация программ энергоэффективности и стратегий цифровизации	Введение интеллектуальных систем учета, цифровых платформ, переход на новые формы тарификации создают дополнительные правовые риски.

Примечание: источник – собственная разработка

Рассмотрим некоторые проблемные аспекты судебной защиты более подробно. Турбулентная социально-экономическая обстановка в стране, нестабильный уровень заработка многих граждан, снижение прибыли, получаемой российским бизнесом – все это сказывается на увеличении доли неплатежей. Регулярные неплатежи приводят к распространенной практике отключения потребителей электроэнергии. Энергоснабжающие организации применяют подобные незаконные отключения в качестве средства оказания давления на злостных неплательщиков с целью вынудить их погасить задолженность. Должниками являются физические лица (чаще всего – пенсионеры, малоимущие, лица с ограниченными возможностями, представители деклассированной прослойки граждан), юридические лица, а также «перепродавцы» – муниципальные унитарные предприятия жилищно-коммунальной сферы.

Отключение электричества в качестве меры оказания давления является, как отмечено выше, противоправным, в связи с чем регламентируется положениями ст. 215.1 Уголовного кодекса Российской Федерации (прекращение или ограничение подачи электрической энергии либо отключение от других источников жизнеобеспечения). При условии отсутствия обобщения судебной практики, достаточного числа постановлений Пленума Верховного Суда РФ и иных судебных прецедентов, судебные решения по подобным делам достаточно противоречивы [10, с. 81].

Анализ практики рассмотрения судами органами суда о незаконных ограничениях электроэнергии демонстрирует существенную вариативность подходов к пониманию вопроса незаконности совершения указанных действий [10, с. 84].

Факты незаконного прекращения электроснабжения приобретают особую остроту, когда они осуществляются в обход предусмотренного законом порядка, без надлежащего уведомления потребителей, без учёта социальной значимости объекта снабжения (больницы, школы, жилые дома), а также в отношении лиц, которые в действительности исполняли свои платежные обязательства либо находились в процессе погашения задолженности.

Среди правовых механизмов судебной защиты в подобных случаях можно отметить следующие. Во-первых, потребитель вправе обратиться в суд с требованием о признании действий энергоснабжающей организации незаконными. В случае установления факта неправомерного отключения суд обязывает восстановить подачу энергии и, как правило, взыскивает с ответчика компенсацию убытков, причинённых в результате прекращения энергоснабжения. Во-вторых, может иметь место взыскание морального вреда и компенсации ущерба. Особенно это касается физических лиц, жилищные условия, здоровье и безопасность которых были поставлены под угрозу вследствие отключения. Суды, признавая факт нарушения конституционного права на благоприятную среду обитания и пользование жилищем, могут руководствоваться положениями стст. 151 и 1100 ГК РФ и назначать компенсацию морального вреда. В-третьих, в рам-

ках судебного разбирательства истец имеет право подать ходатайство о временном восстановлении электроснабжения как обеспечительной меры (ст. 139 ГПК РФ, ст. 90 АПК РФ), особенно если речь идёт о жилом фонде, медицинских или образовательных учреждениях. В-четвертых, если отключение энергии было произведено в отсутствие предусмотренного законом уведомления, действия ответственных лиц могут быть квалифицированы как самоуправство (ст. 330 УК РФ). Наконец, в-пятых, может быть оспорено начисление пени, штрафов или иных санкций, если они были произведены в условиях ненадлежащего исполнения обязательств со стороны энергоснабжающей организации (например, при поставке ресурса ненадлежащего качества или с перебоями).

В заключение отметим: судебные органы в Российской Федерации играют ключевую роль в восстановлении нарушенных прав потребителей энергоресурсов. Однако анализ правоприменительной практики показывает, что даже при наличии очевидных нарушений со стороны поставщиков, суды нередко занимают формальную позицию, не всегда учитывая социальную значимость права на энергообеспечение как элемента обеспечения конституционных прав граждан. С учётом этого возникает острая необходимость в развитии судебной доктрины в направлениях (1) признания защиты права на энергоснабжение в случаях, когда оно выступает в качестве социально значимого ресурса, от которого зависит здоровье, безопасность и жизнь граждан; (2) ужесточения санкций за незаконное отключение электроэнергии.

Литература

1. Анохин, В.С. Договор энергоснабжения: правовое регулирование и практика разрешения споров / В.С. Анохин // Вестник ВГУ. Серия: Право. – 2008. – № 1. – С. 57–71.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации // КонсультантПлюс [Электронный ресурс] Режим доступа: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – Дата доступа: 06.07.2025.
3. Емельянов, Д.И. Договор энергоснабжения: общая характеристика и некоторые вопросы правоприменения / Д.И. Емельянов // Право и управление. – 2023. – № 11. – С. 58–62.
4. Жанэ, А. Защита слабой стороны в отношениях энергоснабжения / А. Жанэ // Правовые аспекты энергоснабжения. – 2022. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://zhane.ru/analitika/publikatsii/3436-zashchita-slaboj-storony-v-otnosheniyakh-energосnabzheniya> – Дата доступа: 08.07.2025.
5. Лисютин, А.С. Правовой статус потребителя при заключении договора энергоснабжения / А.С. Лисютин, И.А. Кондракова // НОМОТЕТИКА: Философия. Социология. Право. – 2011. – № 8 (103). – С. 153–156.
6. Нестолый, В.Г. Продажа электроэнергии и разногласия по заключаемому договору / В.Г. Нестолый // Сибирский юридический вестник. – 2019. – № 3. – С. 44–50.
7. Незаконный отказ в заключении договора энергоснабжения // Юридическая компания «Центральный округ». – 2025. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://centraldep.ru/news/nezakonnyy-otkaz-ot-zaklyucheniya-dogovora-energосnabzheniya/>. – Дата доступа: 08.07.2025.
8. Павлов, К.А. Ответственность сторон договора энергоснабжения / К.А. Павлов // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2023. – № 10–3 (85). – С. 152–154.
9. Самаров, Е. Л. О защите прав потребителей при безучётном потреблении электроэнергии / Е.Л. Самаров // Мировая наука. – 2021. – № 10 (55). – С. 71–89.
10. Фалилеев, В.А. Правоприменительная практика по уголовным делам о незаконном прекращении или ограничении подачи электроэнергии (ст. 215.1 УК РФ) / В.А. Фалилеев // Вестник ЗабГ У. – 2008. – № 2. – С. 80–84.

JUDICIAL PROTECTION OF THE RIGHTS OF THE PARTIES TO THE ENERGY SUPPLY AGREEMENT

Levkin P.N.

The article analyses current issues of judicial protection of the parties to the energy supply agreement in the context of modern law enforcement practice. Particular attention is paid to illegal disconnections of consumers from electricity supply as a method of pressure from energy supply organizations, which sometimes leads to the violation of the rights of citizens and organizations. The legal mechanisms of judicial protection are analyzed, including recognition of actions as illegal, recovery of damages and compensation for moral damage, application of interim measures, as well as prosecution for arbitrariness. A conclusion was made on the need to develop a uniform judicial practice that ensures a balance of interests of the parties, legal certainty and effective protection of the rights of consumers of energy resources.

Keywords: energy supply, energy supply agreement, energy supply disconnection, judicial protection, energy supply organization.

References

1. Anokhin, V.S. Energy supply agreement: legal regulation and dispute resolution practice / V.S. Anokhin // VSU Bulletin. Series: Law. – 2008. – No. 1. – P. 57–71.
2. Civil Code of the Russian Federation // ConsultantPlus [Electronic resource] Access mode: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/ – Access date: 06.07.2025.
3. Emelianov, D.I. Energy supply agreement: general characteristics and some issues of law enforcement / D.I. Emelianov // Law and Management. – 2023. – No. 11. – P. 58–62.
4. Janet, A. Protection of the weaker party in energy supply relations / A. Janet // Legal aspects of energy supply. – 2022. [Electronic resource]. – Access mode: <https://zhane.ru/analitika/publikatsii/3436-zashchita-slaboj-storony-v-otnosheniyakh-energосnabzheniya> – Access date: 07/08/2025.
5. Lisyutin, A.S. Legal status of the consumer when concluding an energy supply agreement / A.S. Lisyutin, I.A. Kondrakova // НОМОТЕТИКА: Philosophy. Sociology. Law. – 2011. – No. 8 (103). – P. 153–156.
6. Nestoly, V.G. Sale of electricity and disagreements under the concluded agreement / V.G. Nestoly // Siberian Legal Bulletin. – 2019. – No. 3. – P. 44–50.
7. Illegal refusal to conclude an energy supply agreement // Law Firm “Central District”. – 2025. [Electronic resource]. – Ac-

cess mode: <https://centraldep.ru/news/nezakonnyy-otkaz-ot-zaklyucheniya-dogovora-energoposnabzheniya/>. – Access date: 07/08/2025.

8. Pavlov, K.A. Liability of the parties to the energy supply agreement / K.A. Pavlov // International Journal of Humanities and Natural Sciences. – 2023. – No. 10–3 (85). – P. 152–154.
9. Samarov, E.L. On the protection of consumer rights in case of unmetered consumption of electricity / E.L. Samarov // World Science. – 2021. – No. 10 (55). – P. 71–89.
10. Falileev, V.A. Law enforcement practice in criminal cases on illegal termination or restriction of electricity supply (Article 215.1 of the Criminal Code of the Russian Federation) / V.A. Falileev // Bulletin of ZabS U. – 2008. – No. 2. – P. 80–84.

Проблемы совершенствования правового регулирования преддоговорной ответственности в гражданских правоотношениях в Российской Федерации

Ляужев Азамат Асланбиевич,

аспирант, преподаватель, Московский промышленно-экономический колледж, ФГБОУ ВО «Российский экономический университет имени Г.В. Плеханова»,
E-mail: azamatlaw@gmail.com

В статье рассматриваются актуальные проблемы правового регулирования преддоговорной ответственности в российском гражданском праве, возникшие после введения в действие статьи 434.1 Гражданского кодекса РФ в 2015 году. Автор анализирует системные противоречия и пробелы в законодательном регулировании переговорных отношений, выявленные в ходе правоприменительной практики. Особое внимание уделяется исследованию правовой природы института преддоговорной ответственности в контексте принципов добросовестности и свободы договора. Проводится сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта регулирования преддоговорных отношений, включая германскую концепцию *culpa in contrahendo*, французскую деликтную модель и подходы стран общего права. Автор обосновывает тезис о формировании в российском правовом порядке самобытного института преддоговорных отношений, более соответствующего концепции *culpa in tractando*, чем классической европейской доктрине. Проанализированы проблемы судебной практики, связанные с отсутствием четких критериев квалификации недобросовестного поведения участников переговоров и разграничения правомерного прекращения переговоров от злоупотребления правом. Обоснована необходимость обеспечения баланса между защитой интересов участников переговорного процесса и сохранением принципа свободы договора как основополагающего начала гражданского права. Сформулированы предложения по совершенствованию законодательного регулирования преддоговорной ответственности, направленные на устранение выявленных системных недостатков и создание эффективного правового механизма регулирования переговорных отношений в современном гражданском обороте.

Ключевые слова: преддоговорная ответственность, переговоры о заключении договора, принцип добросовестности, свобода договора, *culpa in contrahendo*, *culpa in tractando*, недобросовестное поведение, гражданско-правовая ответственность, переговорные отношения.

Современные реформационные процессы в гражданском законодательстве Российской Федерации, инициированные принятием Федерального закона от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ «О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации», кардинально актуализировали вопросы, связанные с регулированием преддоговорных отношений и механизмов ответственности на данной стадии взаимодействия субъектов гражданского оборота [3]. Введение в действие с 1 июня 2015 года статьи 434.1 Гражданского кодекса РФ [1] (Далее – ГК РФ), впервые на законодательном уровне регламентирующей переговоры о заключении договора, ознаменовало качественно новый этап в развитии отечественного договорного права, знаменуя отход от традиционной бинарной классификации гражданско-правовой ответственности на договорную и внедоговорную.

Появление данной законодательной новеллы было обусловлено положениями Концепции развития гражданского законодательства Российской Федерации, одобренной решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 октября 2015 года. В документе особо подчеркивалась необходимость установления правил о преддоговорной ответственности, которые должны были действовать в согласии с принципом добросовестности и принципом свободы договора, обеспечивая сохранность конфиденциальной информации и предотвращая получение необоснованных благ от раскрытия информации в ходе переговоров [2].

Однако трехлетняя практика применения данной нормы выявила существенные пробелы и системные противоречия, требующие углубленного теоретического осмысления и последовательного законодательного урегулирования. Законодательное регулирование института преддоговорной ответственности характеризуется непоследовательностью и фрагментарностью подходов, что обусловило неэффективность достижения целей, заложенных при создании статьи 434.1 ГК РФ [14]. В доктрине гражданского права отсутствует консенсус относительно сущностных характеристик преддоговорной ответственности, ее юридической природы и позиционирования в структуре гражданско-правовой ответственности.

Инициирование переговорного процесса субъектами гражданских правоотношений неминуемо создает особое состояние юридической взаимосвязи, генерируя уникальные права и обязательства участников, которые принципиально отличаются

от традиционных обязательственных конструкций и общих деликтных институтов. Первая часть статьи 434.1 ГК РФ закрепляет базовое положение о порядке осуществления переговорной деятельности, основанное на фундаментальном принципе договорной свободы как краеугольном камне гражданского права. В соответствии с указанной нормой, физические и юридические лица обладают автономией в осуществлении переговорной деятельности по поводу договорного оформления отношений, самостоятельно покрывают издержки переговорного процесса и освобождаются от ответственности в случае недостижения консенсуса [12].

Данное обстоятельство обуславливает объективную необходимость создания сбалансированного правового механизма, обеспечивающего эффективную защиту интересов добросовестных участников переговорного процесса при строгом соблюдении принципа свободы договора. Особую сложность представляет установление четких пределов осуществления таких неотделимых компонентов принципа свободы договора, как право самостоятельно принимать решение о вступлении в договорные отношения, право свободно участвовать в переговорах и делать выбор об их продолжении или прекращении [5].

Противоречивость развития юрисдикционной практики в сфере реализации института преддоговорной ответственности детерминирована конфликтным взаимодействием разрозненных положений гражданского права, устанавливающих неидентичные параметры ответственности субъектов гражданских правоотношений. Преддоговорные правовые связи формируются на базе разнообразных юридических фактов и характеризуются специфическим массивом правоприменительных решений, тем не менее данная констатация не устраняет существования многочисленных коллизий как в доктринальной плоскости, так и при непосредственной имплементации правовых предписаний, затрагивающих преддоговорную ответственность в реалиях современных гражданско-правовых отношений [3].

Правовой институт ответственности в предконтрактной сфере в рамках российской юридической системы номинально опирается на доктрину «вины при заключении договора», которая получила теоретическое обоснование в немецкой цивилистической науке, берущей начало от научных трудов Р. фон Иеринга 1860 года под названием «Вина при заключении договора или компенсация ущерба в случае недействительности или несостоявшегося заключения соглашений». В соответствии с положениями раздела 7.7 Концепции модернизации гражданского законодательства, нормативные установления касательно предконтрактной ответственности планировалось имплементировать в соответствии с принципами «*culpa in contrahendo*», что было направлено на достижение гармонизации отечественного нормативно-правового

регулирования с устоявшимися континентально-европейскими правовыми традициями [6].

Однако восприятие данной концепции национальной правовой системой произошло с существенными отступлениями от классического понимания «вины в переговорах», что создает дополнительные сложности в правоприменительной практике и теоретическом осмыслении института. Кардинальное расхождение состоит в следующем: немецкая концепция «вины при заключении договора» допускает наступление ответственности независимо от необходимости подтверждения виновности лица, причинившего ущерб, тогда как отечественная нормативная система, основываясь на *explicit* отсылке пункта 8 статьи 434.1 ГК РФ к положениям главы 59 «Деликтные обязательства», устанавливает императивную необходимость установления вины согласно пункту 2 статьи 1064 ГК РФ.

Более того, фактическое содержание статьи 434.1 ГК РФ в большей степени соответствует концепции *culpa in tractando*, разработанной итальянским цивилистом Г. Фаджеллой, которая предполагает ответственность за недобросовестное поведение в ходе переговорного процесса независимо от результата переговоров [16]. М.Н. Долгополов справедливо отмечает, что ответственность по статье 434.1 ГК РФ возникает из факта совершения контрагентом недобросовестных действий, в результате которых договор не состоялся либо состоялся, но потерпевшей стороне был причинен вред, что принципиально отличается от классической модели *culpa in contrahendo* [8].

Данное обстоятельство позволяет говорить о формировании в российском правопорядке самобытного института преддоговорных отношений, отличающегося своими национальными особенностями от традиционных европейских концепций. Преддоговорная ответственность с каждой последующей стадией переговоров все больше усложняется, наполняясь новыми основаниями для привлечения к ответственности, что требует детального законодательного регулирования механизмов ее применения.

Анализ действующего законодательства позволяет выделить несколько специфических оснований возникновения преддоговорной ответственности, закрепленных в различных разделах ГК РФ. Помимо общей нормы статьи 434.1 ГК РФ, устанавливающей базовые принципы ответственности за недобросовестное поведение в переговорах, специальные случаи такой ответственности закреплены в пункте 3 статьи 165 ГК РФ (касающейся сделок, требующих государственной регистрации или нотариального удостоверения), пункте 4 статьи 445 ГК РФ (регулирующей заключение договора в обязательном порядке), пункте 6 статьи 448 ГК РФ (устанавливающей особенности заключения договора на торгах), пункте 7 статьи 449.1 ГК РФ (определяющей правила проведения конкурса), пункте 2 статьи 507 ГК РФ (касающейся договора поставки) и других нормах ГК РФ.

Подобная фрагментарность правового регулирования создает системные противоречия и существенно затрудняет формирование единообразной судебной практики, поскольку различные нормы предусматривают неодинаковые основания и условия применения преддоговорной ответственности. Отсутствие единого концептуального подхода к определению правовой природы преддоговорной ответственности приводит к тому, что судебные органы вынуждены самостоятельно решать вопросы квалификации спорных отношений, что неизбежно порождает противоречивость правоприменительной практики.

Особую сложность представляет вопрос о природе преддоговорной ответственности и ее соотношении с традиционной классификацией гражданско-правовой ответственности на договорную и внедоговорную. Актуальные научные разработки обоснованно подчеркивают неприемлемость категорического отнесения предконтрактной ответственности к контрактному либо внедоговорному типу, что обусловлено отсутствием возможности применения договорной ответственности по причине несостоявшегося заключения юридически значимого соглашения между участниками, а также невозможностью непосредственного использования деликтных норм в качестве основы для создания правовых установлений касательно предконтрактной ответственности [17].

Особую проблему представляет соотношение преддоговорной ответственности с принципами добросовестности и свободы договора, которые являются аксиологически равными началами гражданского права. Чрезмерное расширение сферы действия преддоговорной ответственности может привести к ограничению свободы договора, в то время как недостаточное регулирование создает предпосылки для недобросовестного поведения участников переговоров.

Судебная практика демонстрирует неоднозначность подходов к квалификации нарушений на преддоговорной стадии. Определение Верховного Суда РФ от 17 мая 2018 года по делу № А32–41814/2016 иллюстрирует сложности в применении статьи 434.1 ГК РФ при разрешении споров о преддоговорной ответственности [4]. Отсутствие четких критериев разграничения добросовестного прекращения переговоров от недобросовестного поведения создает правовую неопределенность.

Существенной проблемой является отсутствие в российском законодательстве легального определения преддоговорной ответственности как самостоятельного вида гражданско-правовой ответственности. Это обстоятельство порождает дискуссии о правовой природе данного института и его месте в системе гражданско-правовой ответственности [9].

Зарубежный опыт правового регулирования преддоговорных отношений свидетельствует о возможности более детального законодательного подхода к данной проблематике. Большинство развитых правовых порядков континентальной систе-

мы права восприняли доктрину *culpa in contrahendo*, адаптировав ее в соответствии с национальными правовыми традициями [10].

Германское гражданское уложение (Далее – ГГУ) представляет наиболее развитую модель регулирования преддоговорных отношений. Статья 242 ГГУ устанавливает принцип добросовестного исполнения обязательств. Обязанность сторон учитывать интересы контрагента была кодифицирована в ГГУ в 2002 году (абзац 2 статьи 241). Согласно статьям 241, 311 ГГУ переговоры регулируются общими положениями об обязательствах, что указывает на квазиконтрактную природу преддоговорной ответственности [13].

Французская правовая модель базируется на внедоговорной парадигме привлечения к ответственности. Исследование положений статьи 1382 Наполеоновского кодекса демонстрирует, что предконтрактная ответственность заключена в границы деликтных правовых связей. Французский подход рассматривает преддоговорную ответственность как частный случай общей деликтной ответственности [10].

Страны общего права категорически отказываются от ограничения принципа свободы договора. В Великобритании действует система специальных норм ответственности, однако отсутствует единая концепция добросовестности при ведении переговоров, поскольку английское право не знает общего принципа *good faith* [15].

М.В. Хесселинк предлагает переход от регулирования нормами к регулированию принципами. Такой подход создает гибкую систему, основанную на принципах добросовестности и разумности [18].

Проведенное исследование проблем совершенствования правового регулирования преддоговорной ответственности в гражданских правоотношениях в Российской Федерации позволяет сформулировать следующие основные выводы.

Введение в действие статьи 434.1 ГК РФ в 2015 году ознаменовало качественно новый этап развития отечественного договорного права, создав правовую основу для регулирования преддоговорных отношений. Однако практика применения данной нормы выявила существенные системные недостатки и пробелы в правовом регулировании, требующие комплексного законодательного решения.

Основной проблемой действующего правового регулирования является отсутствие единого концептуального подхода к определению правовой природы преддоговорной ответственности. Фрагментарность нормативного регулирования, при котором специальные случаи преддоговорной ответственности закреплены в различных разделах ГК РФ без единой системы оснований и условий их применения, создает правовую неопределенность и затрудняет формирование единообразной судебной практики.

Сравнительно-правовой анализ зарубежного опыта показывает, что российская модель преддоговорной ответственности существенно отлича-

ется от классической европейской доктрины *culpa in contrahendo*. Фактически в российском правопорядке сформировался самобытный институт, более соответствующий концепции *culpa in tractando*, что требует соответствующего теоретического осмысления и законодательного оформления.

Особую сложность представляет необходимость обеспечения баланса между принципами добросовестности и свободы договора. Чрезмерное расширение сферы действия преддоговорной ответственности может ограничить свободу договора, в то время как недостаточное регулирование создает предпосылки для недобросовестного поведения участников переговоров.

Судебная практика демонстрирует неоднозначность подходов к квалификации нарушений на преддоговорной стадии из-за отсутствия четких критериев разграничения добросовестного и недобросовестного поведения участников переговоров.

Для решения выявленных проблем необходимо:

- разработать единую концептуальную основу института преддоговорной ответственности с учетом его специфики в российском правопорядке;
- систематизировать нормативное регулирование преддоговорных отношений, устранив фрагментарность действующих положений;
- установить четкие критерии квалификации недобросовестного поведения на преддоговорной стадии;
- обеспечить баланс между защитой прав участников переговоров и сохранением принципа свободы договора.

Совершенствование правового регулирования преддоговорной ответственности должно способствовать повышению стабильности гражданского оборота, защите законных интересов участников переговоров и формированию цивилизованной культуры ведения деловых переговоров в российской правовой системе.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // СПС «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.06.2025).
2. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // СПС «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.06.2025).
3. О внесении изменений в часть первую Гражданского кодекса Российской Федерации: федеральный закон от 8 марта 2015 г. № 42-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 2015. – № 10. – Ст. 1412.
4. Об отказе в передаче кассационной жалобы для рассмотрения в судебном заседании Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации: определение Верховного Суда РФ от 17 мая 2018 г. по делу № А32–41814/2016 // СПС «Консультант Плюс». – URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.06.2025).
5. Аюшеева, И.З. Пределы осуществления принципа свободы договора в преддоговорных отношениях / И.З. Аюшеева // Законодательство. – 2016. – № 8. – С. 45–52.
6. Аюшеева, И.З. Преддоговорная ответственность: новеллы гражданского законодательства и судебной практики / И.З. Аюшеева // Lex russica. – 2017. – № 5. – С. 136–147.
7. Волкова С.Н. Регламентарные акты Франции как особый вид нормативных правовых актов // Проблемы современного российского законодательства. Иркутск: Рос. прав. акад. Мин-ва юстиции Российской Федерации, 2013. С. 27–30.
8. Долгополов, М.Н. Внезапное и неоправданное прекращение переговоров о заключении договора в российском частном праве / М.Н. Долгополов // Юридическая наука. – 2022. – № 8. С. 97–102.
9. Идрисов, Х.В. Проблемные вопросы преддоговорной ответственности: доктринальные подходы и позиции судебной практики / Х.В. Идрисов // Lex russica. – 2018. – № 10. – С. 98–105.
10. Комиссарова Е. Г., Волков А.В. Деликтное право Франции в призме национальной истории, правовой доктрины и прецедентных правил // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. № 4 (66). С. 645–663.
11. Муратова, О.В. Преддоговорные отношения в международном коммерческом обороте: специфика и тенденции правового регулирования / О.В. Муратова // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2017. – № 3 (64). С. 71–78.
12. Преддоговорные отношения в российском гражданском праве: новеллы Гражданского кодекса Российской Федерации / авт.-сост. А.В. Дёмкина; Гос. Дума Федер. Собр. Рос. Фед. – Москва: Издание Государственной Думы, 2015. – 38 с.
13. Сенькина, Р.А. Законодательное закрепление института преддоговорных отношений и ответственности в России: анализ и сравнение с немецкой моделью / Р.А. Сенькина // Международный научно-исследовательский журнал. – 2017. – № 2–3 (56). С. 58–60.
14. Стахийюк, Ю.А. Проблемы преддоговорной ответственности по гражданскому законодательству Российской Федерации / Ю.А. Стахийюк // Актуальные проблемы гражданского права и процесса: материалы всерос. науч.-практ. конф., Омск, 27 апр. 2018 г. / отв. ред.: Н.А. Резина, Е.Ф. Рашидов. – Омск: Омская юридическая академия, 2019. – С. 204–207.
15. Тимофеева, Д.Е. Актуальные вопросы и перспективы развития института преддоговор-

ной ответственности в гражданском праве / Д.Е. Тимофеева, М.В. Вронская // Юридическая наука. – 2020. – № 4. С. 32–37.

16. Чистяков, П.Д. Выход из переговоров как основание преддоговорной ответственности в российском и зарубежном праве / П.Д. Чистяков // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 11 (132). С. 83–98.
17. Шварц, Л. В. К вопросу о квалификации преддоговорной ответственности / Л.В. Шварц // Теоретическая и прикладная юриспруденция. – 2020. – № 4. С. 50–54.
18. Hesselink, M.W. The New European Legal Culture / M.W. Hesselink // The New European Private Law: Essays on the Future of Private Law in Europe / ed. M.W. Hesselink. – Kluwer Law International, 2002. – P. 11–75.

PROBLEMS OF IMPROVING THE LEGAL REGULATION OF PRE-CONTRACTUAL LIABILITY IN CIVIL RELATIONS IN THE RUSSIAN FEDERATION

Lyauzhev A.A.

Moscow Industrial and Economic College of Plekhanov Russian University of Economics

The article examines the current problems of legal regulation of pre-contractual liability in Russian civil law that arose after the entry into force of Article 434.1 of the Civil Code of the Russian Federation in 2015. The author analyzes systemic contradictions and gaps in the legislative regulation of negotiation relations identified in the course of law enforcement practice. Particular attention is paid to the study of the legal nature of the institution of pre-contractual liability in the context of the principles of good faith and freedom of contract. A comparative legal analysis of foreign experience in regulating pre-contractual relations is carried out, including the German concept of culpa in contrahendo, the French tort model and the approaches of common law countries. The author substantiates the thesis about the formation in the Russian legal order of an original institution of pre-contractual relations, more consistent with the concept of culpa in tractando than the classical European doctrine. The problems of judicial practice associated with the lack of clear criteria for qualifying bad faith behavior of negotiators and distinguishing between a lawful termination of negotiations and abuse of law are analyzed. The necessity of ensuring a balance between protecting the interests of the participants in the negotiation process and preserving the principle of freedom of contract as a fundamental principle of civil law is substantiated. Proposals for improving the legislative regulation of pre-contractual liability aimed at eliminating the identified systemic shortcomings and creating an effective legal mechanism for regulating negotiation relations in modern civil circulation are formulated.

Keywords: pre-contractual liability, contract negotiations, principle of good faith, freedom of contract, culpa in contrahendo, culpa in tractando, bad faith conduct, civil liability, negotiation relations.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994 No. 51-FZ (as amended on August 8, 2024, as amended on October 31, 2024) // SPS "Consultant Plus". – URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: June 26, 2025).
2. The concept of development of civil legislation of the Russian Federation (approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation for codification and improvement of civil legislation dated October 7, 2009) // SPS "Consultant Plus". – URL: <http://www.consultant.ru> (date of access: June 26, 2025).
3. On Amendments to Part One of the Civil Code of the Russian Federation: Federal Law of March 8, 2015 No. 42-FZ // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2015. – No. 10. – Art. 1412.
4. On Refusal to Transfer a Cassation Appeal for Consideration at a Court Session of the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation: Definition of the Supreme Court of the Russian Federation of May 17, 2018 in Case No. A32–41814/2016 // SPS "Consultant Plus". – URL: <http://www.consultant.ru> (date accessed: 06/26/2025).
5. Ayusheeva, I.Z. Limits of the Implementation of the Principle of Freedom of Contract in Pre-Contractual Relations / I.Z. Ayusheeva // Legislation. – 2016. – No. 8. – P. 45–52.
6. Ayusheeva, I.Z. Pre-contractual liability: innovations in civil legislation and judicial practice / I.Z. Ayusheeva // Lex russica. – 2017. – No. 5. – P. 136–147.
7. Volkova S.N. Regulatory acts of France as a special type of normative legal acts // Problems of modern Russian legislation. Irkutsk: Russian Legal Academy of the Ministry of Justice of the Russian Federation, 2013. P. 27–30.
8. Dolgoplov, M.N. Sudden and unjustified termination of negotiations on the conclusion of a contract in Russian private law / M.N. Dolgoplov // Legal science. – 2022. – No. 8. P. 97–102.
9. Idrisov, HV Problematic issues of pre-contractual liability: doctrinal approaches and positions of judicial practice / HV Idrisov // Lex russica. – 2018. – No. 10. – P. 98–105.
10. Komissarova EG, Volkov AV Tort law of France in the prism of national history, legal doctrine and case law // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2024. No. 4 (66). P. 645–663.
11. Muratova, OV Pre-contractual relations in international commercial turnover: specifics and trends of legal regulation / OV Muratova // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. – 2017. – No. 3 (64). P. 71–78.
12. Pre-contractual relations in Russian civil law: innovations of the Civil Code of the Russian Federation / author-compiler A.V. Demkina; State Duma of the Feder. Coll. Ros. Fed. – Moscow: Publication of the State Duma, 2015. – 38 p.
13. Senkina, R.A. Legislative consolidation of the institute of pre-contractual relations and liability in Russia: analysis and comparison with the German model / R.A. Senkina // International research journal. – 2017. – No. 2–3 (56). P. 58–60.
14. Stakhiyuk, Yu.A. Problems of pre-contractual liability under the civil legislation of the Russian Federation / Yu.A. Stakhiyuk // Current problems of civil law and procedure: materials of the All-Russian scientific-practical conf., Omsk, April 27, 2018 / ed.: N.A. Rezina, E.F. Rashidov. – Omsk: Omsk Law Academy, 2019. – Pp. 204–207.
15. Timofeeva, D.E. Current issues and prospects for the development of the institution of pre-contractual liability in civil law / D.E. Timofeeva, M.V. Vronskaya // Legal science. – 2020. – No. 4. Pp. 32–37.
16. Chistyakov, P.D. Withdrawal from negotiations as a basis for pre-contractual liability in Russian and foreign law / P.D. Chistyakov // Actual problems of Russian law. – 2021. – No. 11 (132). P. 83–98.
17. Schwartz, L.V. On the issue of qualification of pre-contractual liability / L.V. Schwartz // Theoretical and applied jurisprudence. – 2020. – No. 4. P. 50–54.
18. Hesselink, M.W. The New European Legal Culture / M.W. Hesselink // The New European Private Law: Essays on the Future of Private Law in Europe / ed. M.W. Hesselink. – Kluwer Law International, 2002. – P. 11–75.

Исключение участника как способ преодоления тупиковой ситуации в непубличном хозяйственном обществе

Полубинская Анастасия Александровна,
независимый исследователь
E-mail: anpolal@mail.ru

Тупиковая ситуация в управлении обществом возникает в случае, когда высший орган управления не может принять решение вследствие отсутствия необходимого количества голосов в поддержку одного из решения, что приводит к затруднению или прекращению деятельности общества. Одним из возможных способов преодоления тупиковой ситуации является исключение участника из общества. В настоящей работе автор исследует правовое регулирование института исключения участника в российском законодательстве и его эффективность в разрешении тупиковых ситуаций. Особое внимание в статье уделяется развитию судебной практики, в связи с тем, что позиция в отношении применения данного института претерпела значительные изменения от отрицания до признания его в качестве эффективного способа разрешения тупиковых ситуаций. Несмотря на существующие недостатки данного механизма, автор приходит к выводу, что исключение участника из хозяйственного общества может стать эффективным способом преодоления дедлока, обеспечивающего защиту прав участников корпорации и самой корпорации.

Ключевые слова: корпоративное право, тупиковая ситуация, дедлок, способы преодоления тупика, исключение участника, механизм защиты прав участника.

В основном предпринимательская деятельность в России осуществляется путем учреждения юридических лиц в организационно-правовых формах общества с ограниченной ответственностью и акционерное общество. Развитие экономики напрямую зависит от стабильности гражданского оборота. В условиях рыночной экономики деятельность хозяйственного общества должна стремиться к максимальной эффективности, в связи с чем приостановка или прекращение деятельности общества может привести к негативным экономическим последствиям.

В соответствии с п. 2 ст. 66.3 Гражданского кодекса Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (далее – ГК РФ) общества с ограниченной ответственностью и акционерные общества, акции которых не обращаются на открытом рынке, являются непубличными хозяйственными обществами. Высшим органом управления таких обществ является собрание участников в силу п. 1 ст. 65.3 ГК РФ. Большинство непубличных хозяйственных обществ, в силу особенностей правовой природы их происхождения, учреждает небольшой круг лиц, отношения между которыми носят лично-доверительный характер [1]. Именно непубличный статус хозяйственных обществ обуславливает возможность исключения участника как способа разрешения дедлока, в случае наличия непримиримых противоречий между участниками и отсутствия возможности договориться.

К компетенции общего собраний участников непубличного хозяйственного общества отнесено большинство важных решений по управлению его деятельностью (например, образование или досрочное прекращение исполнительных органов управления, внесение изменений в устав общества). В случае, когда участники общества не могут принять решение по вопросам, относящимся к их компетенции, возникает, так называемый, дедлок (тупиковая ситуация). Д.И. Степанов предложил рассматривать тупиковую ситуацию как «невозможность участников корпорации достичь согласия по принципиальным вопросам, связанным с участием в управлении ее делами» [2].

Хотя в российской юридической науке вопрос дедлока изучается уже длительное время, до настоящего момента не сформировано единое и общепринятое определение этого термина. Большинство исследователей придерживаются позиции, что дедлок возникает не только на уровне общего собрания участников общества, но и при принятии решения нижестоящими органами – коллегиальном исполнительном органе и совете директоров

[3]. С одной стороны, с этим нельзя не согласиться, ведь эти органы также обладают полномочиями по решению основных, не менее важных, вопросов управления деятельностью общества, однако методы преодоления тупиковых ситуаций в этих случаях будут существенно отличаться от тех, что применимы для разрешения дедлока в высшем органе управления.

Вопросы, которые в силу закона отнесены к исключительной компетенции участников общества, не могут быть изменены путем закрепления в уставе иных правил их регулирования, что может стать предпосылкой к возникновению тупиковой ситуации. Данную предпосылку усиливает требование закона о единогласном принятии решений в отношении некоторых вопросов (например, внесение в устав общества изменений в связи с увеличением уставного капитала общества на основании заявления о внесении вклада). Д.И. Степанов также отмечал, что увеличение диспозитивного регулирования корпоративных отношений порождает увеличение риска возникновения тупиковых ситуаций [2]. Таким образом, предпосылкой возникновения дедлока является несовершенство законодательного регулирования.

Основной же причиной дедлока, на наш взгляд, являются непримиримые противоречия участников общества по вопросам, относящимся к их компетенции. Другой причиной возникновения тупиковой ситуации является паритетное распределение долей в уставном капитале (50/50) или равное количество акций, в таком случае участники в принципе будут вынуждены голосовать единообразно для принятия решения по вопросу повестки дня, так как ни один из них не обладает большинством голосов.

Одним из способов разрешения дедлока в непубличном хозяйственном обществе является институт исключения участника общества, закрепленный в абз. 4 п. 1 ст. 67 ГК РФ и ст. 10 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО). Участники общества, обладающие в совокупности не менее чем 10% уставного капитала общества, вправе обратиться в суд с иском о заявлении об исключении участника из общества. Данный механизм по аналогии применяется к акционерам.

В законе определены условия, на основании которых участник хозяйственного общества может быть исключен. Это возможно в двух случаях: (1) если его действия нанесли значительный ущерб организации либо (2) если его поведение (включая бездействие) серьезно препятствует нормальной работе общества или делает невозможным выполнение его уставных целей (в частности, при грубом неисполнении своих обязанностей).

При решении вопроса о том, является ли допущенное участником нарушение грубым, учитываются как степень вины участника, так и реальные (или потенциальные) негативные последствия для организации. Обязанности участников установле-

ны законодательством, а также могут быть расширены уставом общества или корпоративным соглашением.

Ранее в правовой доктрине и судебной практике сложилась позиция о том, что данный инструмент не является эффективным способом разрешения тупиковой ситуации и подлежит применению в исключительных случаях. Судебная практика последовательно признавала исключение участника крайней мерой, связанной с лишением лица права собственности на долю в уставном капитале общества. Возможность исключения участника из общества зависела от последствий его действий. Исключение допускалось только в случае, если последствия действий участника не могут быть устранены без его исключения из общества [4]. Данная позиция, по сути, нивелирует значение института исключения участника из общества как способа разрешения корпоративного конфликта.

Однако в п. 9 Обзора судебной практики по некоторым вопросам применения законодательства о хозяйственных обществах (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 25.12.2019) (далее – Обзор судебной практики от 25.12.2019) был принят иной подход, согласно которому возможность исключения участника не зависит от того, можно ли устранить последствия действий (бездействия) участника без лишения нарушителя возможности участвовать в управлении обществом.

Исключение участника хозяйственного общества представляет собой специальный корпоративный способ защиты прав, целью которого является устранение вызванных поведением одного из участников препятствий к осуществлению нормальной деятельности юридического лица и, в конечном счете, защита интересов других участников, заинтересованных в продолжении деятельности общества [5].

Анализ судебной практики по вопросу исключения участника из общества показывает, что ключевым фактором является соблюдение принципов добросовестности и разумности в действиях участника. При рассмотрении дел, связанных с исключением участника, критерий добросовестности применяется не только к ответчику, но и к истцам, что влияет на исход спора. Так, согласно п. 35 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – Постановление Пленума № 25 от 23.06.2015) иск об исключении участника не может быть удовлетворен в том случае, когда с таким требованием обращается лицо, в отношении которого имеются основания для исключения. Следовательно, данный механизм предназначен для защиты добросовестных участников непубличного общества.

В то же время остается дискуссионным вопрос о том, имеет ли право общество предъявить требование об исключении участника из общества. В ст. 10 Закона об ООО прямо указано, что с таким требованием вправе выступать участник или

участники, обладающие не менее 10% уставного капитала. Судебная практика буквально интерпретирует указанную статью закона, признавая в качестве надлежащих истцов именно участников общества, а не само общество. Однако с такой точкой зрения трудно согласиться, поскольку в рамках доказывания необходимо установить факт причинения вреда и наличие негативных последствий или обстоятельств, существенно затрудняющих деятельность общества или делающих её невозможной, что соответствует Постановлению Пленума № 25 от 23.06.2015. Следовательно, исключение участника из хозяйственного общества служит скорее инструментом защиты интересов общества в целом, а не только отдельных участников, особенно когда недобросовестные действия одного из членов наносят ущерб всему обществу. Защита прав участников осуществляется лишь косвенным образом, как производное от обеспечения интересов общества [6]. Соответственно, данная возможность станет дополнительным способом разрешения тупиковой ситуации.

Что касается судебной практики в отношении исключения мажоритарных участников, владеющих долей 50% и выше, долгое время она базировалась на подходе, сформулированном в п. 11 Информационного письма Президиума ВАС РФ № 151 от 24.05.2012. Принудительное исключение мажоритарного участника допускается только в случаях, когда уставом общества запрещен выход из общества. Данная позиция основана на предположении, что выплата действительной стоимости доли мажоритарному участнику может привести к прекращению деятельности общества. Однако данная позиция представляется противоречивой: вместо устранения недобросовестного мажоритарного участника, действия которого наносят ущерб обществу, судебная практика фактически предлагает добросовестным участникам покинуть организацию. Таким образом, основная цель данного института как средства защиты корпоративных прав нивелируется, поскольку миноритарии теряют право исключения мажоритарного участника, причиняющего вред обществу.

Смена позиции произошла после публикации Обзора судебной практики от 25.12.2019. В п. 8 Обзора судебной практики от 25.12.2019 было прямо указано на отсутствие законодательных запретов для исключения участников с долей свыше 50%. При этом подчеркивалось, что ключевым условием является подтверждение сохранения деятельности общества после выплаты действительной стоимости доли исключенного участника.

Таким образом, судебная практика признала исключение участника из общества допустимым инструментом разрешения корпоративных конфликтов, отказавшись от прежних ограничений. Поскольку участники связаны договором об учреждении и общей целью, они обязаны действовать в общих интересах, не ставя личные выгоды выше интересов общества. При рассмотрении исков об исключении суды учитывают не только ком-

мерческую составляющую (например, получение прибыли), но и изначальные намерения учредителей, использованные методы достижения целей (реализация проектов, оказание услуг и т.д.). Такой подход свидетельствует о стремлении к балансу между интересами общества и правами участников с учетом конкретных обстоятельств и степени вины нарушителя. Это позволяет эффективнее разрешать корпоративные тупики и использовать исключение как механизм защиты бизнеса.

Однако у данного института есть свои недостатки. Во-первых, закон содержит оценочные критерии обстоятельств. Так, при предъявлении искового заявления участник должен доказать ответственность причиненного обществу вреда, наличие негативных последствий или невозможность достижения целей общества вследствие действий (бездействий) другого участника. Это создает широкий простор для неоднозначного судебного толкования. Однако судебная практика стремится определить критерии данных понятий, сформировать единообразную практику применения. Во-вторых, возможно нарушение права на выплату действительной стоимости доли исключенного участника, если действительна стоимость доли занижена из-за искажения финансовой отчетности. Тем не менее, процедура исключения остается эффективным инструментом в случае, когда недобросовестный участник блокирует принятие значимых решений, угрожая деятельности компании. Основное преимущество разрешения дедлока путем исключения участника – продолжение деятельности непубличного хозяйственного общества.

Литература

1. Бойко Т.С. Защита прав и интересов миноритарных участников непубличного общества в праве России, США и Великобритании: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2017. С. 13;
2. Степанов Д.И. Дедлоки в непубличных корпорациях: возможные варианты развития законодательства и судебной практики // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 9. С. 64.
3. Шаматов А.И. Принудительная ликвидация ООО и непубличного АО по заявлению участника (подп. 5 п. 3 ст. 61 ГК РФ): российский и зарубежный опыт // Корпоративное право в ожидании перемен: сборник статей к 20-летию Закона об ООО. М.: М-Логос, 2020. С. 434.
4. Определение Верховного Суда РФ от 06.03.2020 N 302-ЭС19-26057 по делу N A33-28626/2018 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.07.2025).
5. Определение Верховного Суда РФ № 305-ЭС22-28611 от 28.08.2023 по делу № A40-260466/2021 // СПС «КонсультантПлюс» (дата обращения: 11.07.2025).
6. Кузнецова Л.В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью // Вестник ВАС РФ. 2006. № 9. С. 6, Гутни-

ков О.В. Корпоративная ответственность в гражданском праве: монография. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2019. 488 с., Цепов Г.В. Исключение участника из общества с ограниченной ответственностью как принудительное расторжение «корпоративного контракта» // Вестник экономического правосудия РФ. 2017. № 10. С. 96–114

EXCLUSION OF A PARTICIPANT AS A WAY TO OVERCOME A DEADLOCK SITUATION IN A NON-PUBLIC BUSINESS SOCIETY

Polubinskaya A.A.

A deadlock in the management of the company occurs when the supreme governing body cannot make a decision due to the lack of the necessary number of votes, which leads to difficulties or termination of the company's activities. One possible way to overcome the deadlock situation is to exclude the participant from a legal entity. In this paper, the author examines the legal regulation of the institution of participant exclusion from a legal entity in Russian legislation and its effectiveness in resolving deadlocks. The article focuses extensively on the evolution of judicial practice, as the prevailing stance on the application of this legal mechanism has shifted significantly from initial rejection to its eventual recognition as an effective tool for resolving deadlock situations. Despite the shortcomings of this approach, the author concludes that the expulsion of a participant from a business entity can serve as a viable solution to corporate deadlock, safeguarding both the rights of the company's members and the corporation itself.

Keywords: corporate law, deadlock, ways to overcome the deadlock, exclusion of a participant, mechanism for protecting the rights of a participant.

References

1. Boyko T.S. Protection of the rights and interests of minority participants in a non-public society in the law of Russia, the USA and the UK: dis. ... kand. jurid. nauk. M., 2017. p. 13;
2. Stepanov D.I. Deadlocks in non-public corporations: possible options for the development of legislation and judicial practice // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2015. No. 9. P. 64.
3. Shamatonov A.I. Forced liquidation of an LLC and a non-public JSC at the request of a participant (sub-clause 5, clause 3, Article 61 of the Civil Code of the Russian Federation): Russian and foreign experience // Corporate law awaiting change: a collection of articles on the 20th anniversary of the Law on LLC. Moscow: M-Logos, 2020. p. 434.
4. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation dated 03/06/2020 N 302-ES19-26057 in case N A33-28626/2018 // SPS «ConsultantPlus» (date of application: 07/11/2025).
5. Definition of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES22-28611 dated 08/28/2023 in case no. A40-260466/2021 // SPS «ConsultantPlus» (date accessed: 07/11/2025).
6. Kuznetsova L.V. Exclusion of a participant from a limited liability company // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation. 2006. No. 9. p. 6, Gutnikov O.V. Corporate responsibility in civil law: a monograph. Moscow: IZiSP, KONTRAKT, 2019. 488 p., Tsepov G.V. Exclusion of a participant from a limited liability company as a forced termination of a «corporate contract» // Bulletin of Economic Justice of the Russian Federation. 2017. No. 10. pp. 96–114

О правовой природе соглашения об оказании государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере

Родина Лидия Викторовна,

заместитель министра образования Рязанской области

E-mail: lida-rodina@yandex.ru

Стремление государства к повышению уровня социальной защищенности отдельных категорий населения, с одной стороны, а также необходимость расширения возможности участия потребителя услуг в выборе исполнителя при оказании государственных услуг в социальной сфере и обеспечение конкурентного отбора, с другой, обусловили введение в 2020 году в российскую правовую систему новых норм о государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере. Цель настоящей статьи: выявить и проанализировать специфические особенности соглашения об оказании государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере и дать оценку его правовой природе. Автором проведен сравнительный анализ указанного соглашения с государственным контрактом, который позволил сделать вывод о том, что по своей природе является государственным контрактом, имея сходства в правовом статусе заказчика, как уполномоченного органа государственной власти, регулировании специальными законодательными нормами, направленности на реализацию публичных интересов. При этом соглашения об оказании государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере обладает рядом специфических особенностей, среди которых принципиально новый особый порядок отбора исполнителей услуг, а также широкий круг субъектов – исполнителей государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере.

Ключевые слова: гражданское право, государственные услуги, государственный контракт, социальные услуги.

Существующие в настоящий момент в России инструменты привлечения частных организаций к оказанию государственных услуг не обеспечивают единства правоприменительной практики на всей территории страны. Для решения указанной задачи Федеральным законом от 13.07.2020 № 189-ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» (далее – Закон № 189-ФЗ) предусмотрены два механизма, способствующие открытию для них доступа к оказанию государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере: конкурс, в котором на равных условиях принимают участие государственные и частные организации; оказание услуг на основании сертификата, дающего право гражданам самостоятельно выбрать поставщика той или иной услуги за счет бюджетных средств [2]. Это позволяет не только обеспечить доступность данных услуг, но и создать условия для мотивации (путем конкуренции) государственных (муниципальных) учреждений к повышению качества оказания и эффективности деятельности в целом.

На этапе пилотного исполнения на субъектовом и муниципальном уровнях были разработаны нормативно-правовые документы, регламентирующие порядок работы в данной сфере. Каждый регион выбрал для себя наиболее удобный механизм отбора, а также сам набор услуг, пользующийся наибольшим спросом, реализуемый таким способом. Нам видится, что в данной ситуации есть риск разнящихся подходов на местах, что может привести к формированию неравномерной конкурентной среды для поставщиков и вследствие этого, создать разные условия для реализации прав граждан. К примеру, применительно к оказанию социальных услуг, возможны сложности у частных поставщиков. Как правило, это небольшой бизнес социальной направленности, не подготовленный к работе с системой государственных закупок ни технически, ни юридически. Это несет риски снижения и без того незначительной доли участия предпринимателей в оказании данного вида услуг в пользу государственных учреждений.

Важно обратить внимание, что выбор поставщика услуги на конкурсной основе – процедура для социальной сферы новая и на данном этапе реализации положений указанного нормативного правового акта фактически является пилотной. В полном объеме нормы данного Федерального закона вступили в силу на территории всей страны с 1 января 2025 года [2, ст. 28]. Именно поэтому, на наш взгляд, еще пока преждевременно оценивать ее эффективность.

При этом не вызывает сомнений тот факт, что законодатель сделал значительный шаг к упорядочению организации и предоставления государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере, проведя очевидную аналогию соглашения об оказании государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере (далее – Соглашение) с государственным заказом и закупками для государственных и муниципальных нужд, чем обеспечил прозрачность данной процедуры.

По результатам конкурса с лицом, прошедшим отбор, заключается Соглашение. Его правовая природа до настоящего времени не подвергалась глубокому научным исследованиям. При этом сам законодатель, как следует из смысла Закона № 189-ФЗ, исходит из гражданско-правового характера данного соглашения, напрямую отсылая к нормам гражданского права в случаях, им не урегулированных, что дает основания при его анализе опираться, в первую очередь, на цивилистику [2, ст. 1].

Статья 526 ГК РФ определяет, что по государственному или муниципальному контракту на поставку товаров для государственных или муниципальных нужд поставщик (исполнитель) обязан передать товары государственному или муниципальному заказчику либо по его указанию иному лицу, а государственный или муниципальный заказчик, в свою очередь, обязуется обеспечить оплату поставленных товаров [1; 8, с. 55].

Спорным вопросом среди ученых остается вопрос о юридической сущности государственного контракта. К.В. Ходаковский утверждает, что он является видом административного договора, поскольку его основная цель заключается в обеспечении преимущественно публичных интересов [15, с. 52].

По мнению В.С. Гладкова, контракты о поставке продукции, предоставлении услуг и выполнении работ для нужд государства и местного самоуправления относятся к разновидности гражданских договоров, регулируемых положениями ГК РФ [10, с. 112–118]. Гандилов Т.М. трактует его как смешанный контракт, сочетающий черты гражданского права с элементами публичных правоотношений [9, с. 23].

Такое видение Соглашения представляется нам наиболее полным, поскольку оно связывает интересы общества и граждан, хотя его оформление подчинено нормам гражданского законодательства и специальных законов. Это обуславливает обязательную гарантию равноправия всех вовлеченных лиц и включает ключевые положения строго нормативного порядка. По мнению О.В. Гутникова, государство должно минимизировать чрезмерную обязательность в рамках этих правовых отношений, избегая ненужных ограничений свободы договорной инициативы [11, с. 9]. С нашей точки зрения, проанализированные параметры Соглашения обусловлены спецификой правовых связей и статуса получающих их лиц, что делает их вполне логичными. С учетом этого аспекта полезно учесть точку зрения В.В. Блинова, считающего, что осо-

бые условия, устанавливаемые государством для усиления требований для контрагентов государственных контрактов, являются ключевым фактором поддержания равновесия между частными и общественными интересами в таких правовых связях. [6, с. 46].

Соглашение об оказании государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере заключается уполномоченным органом государственной (муниципальной) власти с исполнителем услуг по типовой форме, утвержденной приказом Минфина России от 01.09.2023 № 141н, и включает 19 существенных условий. [2, ст. 21]. Данное соглашение определяет право исполнителя на предоставление из бюджета субсидии в целях оплаты исполнения социального заказа на оказание определенных услуг. Важно обратить внимание, что указанный механизм, в сущности, во многом аналогичен финансированию государственных (муниципальных) закупок. Расхождение нам видится лишь в терминологии.

По нашему убеждению, целесообразно проанализировать этот договор через призму теории организационных отношений. В российской юридической теории обычно рассматривают организационно-правовые связи как часть публичных правовых отношений. С.Н. Братусь указывал, что данные связи включают взаимодействия между руководящими и подчиненными структурами государственной администрации, а также их отношения с производственными и коммерческими единицами, осуществляющими практическую экономическую активность в области производства, обращения и распределения товаров [7, с. 123]. Это означает наличие иерархических связей, когда уполномоченный индивид координирует действия подчиненных участников. В данном контексте изучение взаимодействия между государственным органом и поставщиком социальных услуг указывает скорее на сотрудничество ради оптимизации предоставления услуг другим субъектам, нежели на властные отношения подчинения. В контексте этого вопроса важно рассмотреть теорию организационных отношений, предложенную О.А. Красавчиковым во второй половине прошлого столетия. Он стал пионером в выявлении вопросов согласования взаимодействия между участниками правоотношений публичного характера через призму гражданского законодательства, настаивая на рассмотрении организационных связей как уникального типа взаимодействия, направленного на согласование усилий участников для формирования, структурирования и дальнейшего роста других видов имущественных или личных неимущественных правоотношений.

О.А. Красавчиков описывает организационную деятельность вне зависимости от сферы применения, акцентируя внимание на признаках таких взаимодействий, где основные задачи заключаются в структурировании и систематизации материальных и нематериальных связей между участниками; объектом этих процессов служат именно вза-

имодействия сторон, а конечной целью выступает обеспечение четкости и координации конкретных операций, связанных с передачей активов, выполнением обязательств или предоставлением услуг [12, 162]. Таким образом, правовые связи между организациями направлены на стимулирование возникновения и поддержания оптимального развития гражданско-правовых отношений, оставаясь неотъемлемой частью последних. В рамках организационных правовых отношений обязанности имеют взаимообусловленный характер. По нашему мнению, рассматриваемый тип правовых связей наилучшим образом отражает взаимодействие поставщика с государственным (или муниципальным) учреждением во время оказания населению государственных (или муниципальных) услуг.

Договоры, имеющие организационные функции, выполняют роль инструментов для осуществления связей между структурами. Мы согласны с точкой зрения А.В. Андрущенко о том, что рассматриваемый тип договоров, несмотря на сходство с обычными гражданскими сделками, выполняет уникальную роль, заключающуюся в регламентации конкретных правовых условий экономического взаимодействия и координации совместных шагов, направленных на достижение поставленных задач [5, с. 34]. Б.И. Пугинский верно указывает, что контракты организационного характера способствуют укреплению долгосрочных связей между участниками, создают основу для конкретных видов правоотношений и стимулируют дальнейшее развитие межотраслевого взаимодействия [13, с. 98]. Таким образом, они служат основой для цепочки правовых событий: подписания и выполнения контрактов, образования гражданско-правовых связей, дальнейшего развития, трансформации и прекращения этих отношений. По нашему мнению, наиболее подходящим считается описание договорного соглашения организации, предложенное

С.А. Тюрина трактует данное понятие как договор между двумя или большим количеством субъектов, регламентирующий будущие совместные обязательства и/или координирующую деятельность сторон [14, с. 10]. В общем, данное определение аналогично другим в этой группе; его создатель разделяет договоры на два типа: простые, где участники координируют исключительно организационные аспекты, и комплексные, включающие взаимосвязанные имущественные и организационные обязательства. На наш взгляд, данная систематизация предоставляет возможность оценить упомянутый договор под углом дихотомии его содержания, включающего организационные и материальные аспекты. Таким образом, Соглашение выступает как структурообразующий документ, закрепляющий правовые связи между исполнителем и пользователем таких услуг, обеспечивая при этом обязательную финансовую компенсацию за их оказание. Соглашение устанавливает правила взаимодействия между участниками по вопросам как материальных, так и организационных аспектов.

Если сравнить государственный контракт с соглашением, которое заключается в рамках указанного Федерального закона, то можно сделать вывод о значительном сходстве в части утвержденной типовой формы, порядка заключения, но и внесения в реестр недобросовестных поставщиков в качестве санкции и особых правил взыскания неустойки.

По наиболее распространенному мнению цивилистов (В.В. Ванин, Т.М. Гандилов, В.С. Гладков) сущность государственного контракта заключается в его направленности на удовлетворение, прежде всего, общественных интересов, которые представляют собой «государственные и муниципальные нужды». В этой связи справедливым видится мнение Д.А. Чваненко, который, отмечая гражданско-правовую природу государственного контракта, характеризует его с точки зрения социальной направленности и обращает внимание на необходимость специального правового регулирования [16, с. 173]. Эта научная позиция в полной мере отвечает сущности Соглашения, ввиду того что оно направлено на удовлетворение общественных интересов и регулируется специальным законодательством.

Соответствие рассматриваемого соглашения определению, данному в ст. 526 ГК РФ, правовой статус заказчика, как уполномоченного органа государственной (муниципальной) власти, регулирование специальными законодательными нормами, направленность соглашения на реализацию публичных интересов позволяет применять в отношении него понятие государственного контракта.

Таким образом, рассматриваемое нами соглашение по своей природе является государственным контрактом и обладает следующими особенностями:

- 1) обеспечивает соблюдение баланса публичных и частных интересов, заключающееся в сочетании свободы договора, с одной стороны, и наличии специальных административных требований к участникам, осуществляющим предпринимательскую деятельность, с другой;
- 2) характеризуется широким кругом субъектов-исполнителей услуг, включающих в себя не только коммерческие юридические лица и индивидуальных предпринимателей, но и некоммерческие организации, в том числе и социально ориентированные.
- 3) предусматривает новый особый порядок отбора исполнителей услуг;
- 4) наличие особой роли уполномоченного органа власти, осуществляющего одновременно функцию и государственного заказчика, и гаранта соблюдения социальных прав граждан и мер поддержки для предпринимателей.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 № 14-ФЗ // Официальный интернет-портал правовой инфор-

мации: сайт. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 10.08.2023).

2. Федеральный закон от 13.07.2020 № 189-ФЗ «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» // Официальный интернет-портал правовой информации: сайт. – URL: www.pravo.gov.ru (дата обращения 21.06.2025).
3. Приказ Минфина России от 01.09.2023 № 141н. // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.06.2025).
4. Пояснительная записка «К проекту федерального закона «О государственном (муниципальном) социальном заказе на оказание государственных (муниципальных) услуг в социальной сфере» // Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 21.06.2025).
5. Андриященко А.В. Функции и система организационных договоров // Юридические исследования. 2018. № 10. – С. 30–43.
6. Блинов В.В. Соотношение публичных и частных начал в институтах предпринимательского права / В.В. Блинов, В.Г. Блинова // *Oeconomia et Jus*. 2018. № 1. С. 42–53.
7. Братусь С.Н. Предмет и система советского гражданского права. М.: Юрид. лит., 1963. – 196 с.
8. Ванин В.В. Правовые признаки государственного и муниципального контракта в законодательстве Российской Федерации // ЮП. 2007. № 5. – С. 54–58;
9. Гандилов Т.М. К вопросу о публичных закупках для обеспечения государственных нужд // Вестник Московского университета МВД России. 2018. № 2. – С. 20–24.
10. Гладков В.С. Государственный заказ в сфере государственного управления экономикой: Дис. ... канд. юрид. наук. Ростов-на-Дону, 2008. – 193 с.
11. Гутников О.В. Потенциал частного права как противовес публично-правовому давлению на бизнес // Государство и бизнес в системе правовых координат: монография. М., 2014. – 320 с.
12. Красавчиков О.А. Гражданско-правовые организационные отношения // Сов. государство и право. 1966. № 10. – С. 162–163.
13. Пугинский Б.И. Теория и практика договорного регулирования. М.: ИКД «ЗерцалоМ», 2008. – 213 с.
14. Тюрина С.А. Договор как регулятор организационных отношений в российском гражданском праве: дис. ... канд. юр. наук. М., 2012. – 27 с.
15. Ходаковский К.В. Цель административного договора // Административное право и процесс. 2010. № 4. С. 51–53.
16. Чваненко Д.А. Государственный контракт как особая модель гражданско-правового догово-

вор: дис. ... канд. юрид. наук. Москва. 2021. – 253 с.

ON THE LEGAL NATURE OF THE AGREEMENT ON THE PROVISION OF STATE (MUNICIPAL) SOCIAL SERVICES

Rodina L.V.

Ministry of Education of the Ryazan Region

The state's desire to improve the social security of certain categories of the population, on the one hand, and the need to expand the consumer's ability to choose a service provider for public services in the social sphere and ensure competitive selection, on the other, led to the introduction of new regulations on public (municipal) social contracts for the provision of public (municipal) services in the social sphere in the Russian legal system in 2020. The purpose of this article is to identify and analyze the specific features of the agreement on the provision of public (municipal) services in the social sphere and assess its legal nature. The author conducted a comparative analysis of this agreement with a state contract, which allowed him to conclude that it is a state contract by its nature, having similarities in the legal status of the customer as an authorized state authority and being regulated by special.

Keywords: civil law, public services, government contract, social services.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part two) of 26.01.1996 No. 14-FZ // Official Internet portal of legal information: website. – URL: www.pravo.gov.ru (date of access 10.08.2023).
2. Federal Law of 13.07.2020 No. 189-FZ “On state (municipal) social order for the provision of state (municipal) services in the social sphere” // Official Internet portal of legal information: website. – URL: www.pravo.gov.ru (date of access 21.06.2025).
3. Order of the Ministry of Finance of Russia dated 01.09.2023 No. 141n. // Access from the reference legal system “Consultant-Plus” (date of access: 21.06.2025).
4. Explanatory note “To the draft federal law “On state (municipal) social order for the provision of state (municipal) services in the social sphere” // Access from the reference legal system “ConsultantPlus” (date of access: 06/21/2025).
5. Andryushchenko AV Functions and system of organizational contracts // Legal research. 2018. No. 10. – P. 30–43.
6. Blinov VV The ratio of public and private principles in the institutions of entrepreneurial law / VV Blinov, VG Blinova // *Oeconomia et Jus*. 2018. No. 1. P. 42–53.
7. Bratus SN Subject and system of Soviet civil law. Moscow: Legal lit., 1963. – 196 p.
8. Vanin V.V. Legal features of state and municipal contracts in the legislation of the Russian Federation // UP. 2007. No. 5. – P. 54–58;
9. Gandilov T.M. On the issue of public procurement to meet state needs // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2018. No. 2. – P. 20–24.
10. Gladkov V.S. State order in the sphere of public administration of the economy: Diss. ... Cand. of Law. Rostov-on-Don, 2008. – 193 p.
11. Gutnikov O.V. Potential of private law as a counterbalance to public-law pressure on business // State and business in the system of legal coordinates: monograph. M., 2014. – 320 p.
12. Krasavchikov O.A. Civil-legal organizational relations // Sov. state and law. 1966. No. 10. – P. 162–163.
13. Puginsky B.I. Theory and practice of contractual regulation. Moscow: ICD “ZertsaloM”, 2008. – 213 p.
14. Tyurina S.A. Contract as a regulator of organizational relations in Russian civil law: dis. ... candidate of legal sciences. Moscow, 2012. – 27 p.
15. Khodakovskiy K.V. Purpose of an administrative contract // Administrative law and process. 2010. No. 4. P. 51–53.
16. Chvanenko D.A. State contract as a special model of a civil-legal contract: dis. ... candidate of legal sciences. Moscow. 2021. – 253 p.

Теоретические и практические проблемы института увольнения по пп. «А» п. 6 ст. 81 ТК РФ

Рыльцева Юлия Михайловна,
бакалавр, ФГБОУВО «РГУП им. В.М. Лебедева»
E-mail: rylcevaulia013@gmail.com

Соколов Александр Юрьевич,
кандидат технических наук, доцент кафедры Информатики
и математики, ФГКОУ ВО «Волгоградская академия
Министерства внутренних дел Российской Федерации»

В статье анализируется проблема противоречивого применения норм об увольнении из-за прогула в соответствии с 81 статьей Трудового кодекса Российской Федерации. Обсуждаются основные причины и последствия данной проблемы, включая отсутствие четкого перечня уважительных причин для прогула, рекомендации для работодателей и судов, а также анализ практики рассмотрения подобных дел судами. Подчеркивается важность индивидуального подхода к каждому случаю увольнения за прогул, учитывая все обстоятельства и доказательства, чтобы обеспечить справедливость для всех сторон. Также обсуждаются вопросы соблюдения порядка увольнения и определения рабочего места работника при рассмотрении дел данной категории. В заключении указывается на необходимость соблюдения принципов справедливости, соразмерности, законности, вины и гуманизма при оценке уважительности прогула.

Ключевые слова: увольнение, прогул, Трудовой кодекс, уважительная причина, Российская Федерация, работодатель, порядок увольнения, рабочее место.

Статья 81 Трудового Кодекса предусматривает увольнение работника за однократное грубое нарушение работником трудовых обязанностей, в том числе за прогул, то есть «отсутствие на рабочем месте без уважительных причин в течение всего рабочего дня (смены), независимо от его (ее) продолжительности, а также в случае отсутствия на рабочем месте без уважительных причин более четырех часов подряд в течение рабочего дня (смены)» [1].

В настоящее время существует проблема противоречивого характера применения норм об увольнении из-за прогула работодателями и судами, которая заключается в том, что в законодательстве не закреплено перечня уважительных причин для прогула. Такая проблема действительно может порождать споры и неопределенность. Некоторые специалисты считают, что важно, чтобы законодательство было четким и однозначным, чтобы избежать произвольности и несправедливости. Работодатели должны иметь четкие критерии и процедуры для увольнения сотрудников из-за прогула, чтобы избежать претензий со стороны работников. Однако данный способ решения проблемы имеет очень существенный минус – он лишит дело индивидуального подхода. Невозможно перечислить все причины в кодексе, ведь этот список может постоянно расширяться. Следовательно, подобная унификация может стать угрозой справедливому и всеобъемлющему рассмотрению вопроса, что подорвет возможность защиты прав работника. Об этой проблеме также рассуждает и Филаткина Анна Павловна [2, с. 311].

Суды, в свою очередь, должны анализировать каждый случай индивидуально, учитывая все обстоятельства и доказательства, чтобы принять справедливое решение. Только таким образом можно минимизировать конфликты и обеспечить справедливость для всех сторон.

Работодатель должен объективно относиться к оценке обстоятельств при принятии решения об увольнении за прогул, иначе такое решение может быть признано незаконным и отменено судом. Верховный Суд Российской Федерации в обзоре практики от 9 декабря 2020 года отмечает, какие доказательства обязан предоставить работодатель, помимо доказательств, подтверждающих основание увольнения, в том числе факт прогула. Основываясь на данном разъяснении, можно сделать вывод о том, на что конкретно нужно обратить внимание при принятии решения об увольнении за прогул. Таким образом нужно оценить «тяжесть проступка, обстоятельства, при которых он был со-

вершен, предшествующее поведение работника, его отношение к труду» [3].

При оценке работодателем и судом уважительности прогула необходимо опираться на принципы «справедливости, соразмерности, законности, вины и гуманизма» [3].

Необходимо отметить важность соблюдения порядка увольнения и соблюдения сроков, таким образом, уволить за прогул можно не позднее 1 месяца со дня его обнаружения и не позднее 6 месяцев со дня его совершения. При этом днём обнаружения проступка с учётом разъяснения постановления Пленума Верховного Суда «считается день, когда лицу, которому по работе (службе) подчинен работник, стало известно о совершении проступка, независимо от того, наделено ли оно правом наложения дисциплинарных взысканий» [4]. Таким образом, при рассмотрении дел данной категории суд должен установить, когда непосредственный руководитель работника узнал о прогуле. В определённых случаях это может существенно повлиять на исход дела. Например, данное обстоятельство было учтено судебной коллегией по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации в «Определении от 24 августа 2020 г.» [5].

При увольнении работника за прогул, также очень важно определить, что именно является рабочим местом работника, иначе говоря, где конкретно работник должен присутствовать или куда ему необходимо прибыть в связи с его трудовой деятельностью.

На практике бывают случаи противоречия в трудовом договоре, например, в трудовом договоре с работником определяется конкретное рабочее место, при этом устанавливается дистанционный формат работы. Увольнение за прогул такого работника и работника, с которым по согласованию с работодателем был установлен дистанционный формат, хотя соответствующее условие в трудовом договоре не содержится, может быть признано судом незаконным и отменено.

Неопределённым остаётся вопрос об увольнении за прогул работника, в трудовом договоре с которым установлен разъездной характер работы.

В судебной практике встречаются случаи, когда работодатель злоупотребляет своим правом на применение дисциплинарного взыскания. Так, например, «третий кассационный суд общей юрисдикции рассмотрел дело, в котором в трудовые обязанности работника входило продвижение продукции на рынке, установление деловых контактов, при этом в трудовой договор не было включено условие о разъездном характере работы. Фактически работник должен был регулярно покидать рабочее место для проведения переговоров, а заместитель директора устно сообщил данному сотруднику, что его работа носит разъездной характер работы. Однако после того, как работник не находился на рабочем месте в связи с проведением переговоров с партнерами, он был уволен за прогул» [6].

Суд признал приказ об увольнении незаконным, поскольку работник в указанное время исполнял свои трудовые обязанности.

Можно предположить, что в трудовой договор не включается условие о разъездном характере работы, вследствие неправильного понимания работодателем его правовой природы. Для предотвращения правовых споров следует законодательно закрепить понятие разъездного характера работы.

Роструд также считает, что «для увольнения за прогул такого работника работодателю необходимо доказать необходимость присутствия этого работника в определённом месте в конкретное время» [7].

Таким образом при оценке законности увольнения за прогул работника, имеющего разъездной характер работы, необходимо опираться на такие факты как: необходимость присутствия в определённом месте и исполнение работником своих трудовых обязанностей.

Как показывает судебная практика, у работодателей и судов достаточно часто возникают вопросы и проблемы при применении норм об увольнении за однократное грубое нарушение работником трудовых обязанностей. Если анализировать конкретно увольнение за прогул, можно сделать вывод, что данные проблемы зачастую связаны с субъективной оценкой уважительности причин прогула, однако, указанные проблемы вполне закономерны и вытекают из обеспечения индивидуального подхода при рассмотрении каждого случая, поэтому нет необходимости приводить в законе исчерпывающий перечень уважительных причин прогула, более того с течением времени могут появиться новые уважительные причины, которые не будут упомянуты в законе, основываясь на таком законе судам будет сложно принять справедливое решение.

Литература

1. Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 N 197-ФЗ//Собрание законодательства РФ, 07.01.2002, N 1 (ч. 1), ст. 3.
2. Филаткина А.П. Актуальные проблемы расторжения трудового договора за прогул//Ежегодник Трудового Права/Санкт-Петербург, 2014. С. 311–318.
3. Обзор практики рассмотрения судами дел по спорам, связанным с прекращением трудового договора по инициативе работодателя // Бюллетень Верховного Суда РФ, N 4, апрель, 2021.
4. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 17.03.2004 N 2 «О применении судами Российской Федерации Трудового кодекса Российской Федерации»// Бюллетень Верховного Суда РФ, N 6, 2004.
5. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Фе-

дерации от 24 августа 2020 г. N 18-КГ20–37// <https://sudrf.cntd.ru/document/566004696>.

6. Определение Третьего кассационного суда общей юрисдикции от 09.12.2020 N 88–17667/2020 по делу N 2–5484/2019// СПС «Консультант Плюс».
7. Письмо Федеральной службы по труду и занятости от 24.06.2021 N ПГ/16935–6–1//ГАРАНТ. 2021// <https://base.garant.ru/401393993/>.

THEORETICAL AND PRACTICAL PROBLEMS OF THE INSTITUTION OF DISMISSAL UNDER PAR. «А» P. 6 ART. 81 LABOR CODE OF THE RUSSIAN FEDERATION

Ryltseva Yu.M., Sokolov A.Yu.

Russian State University of Economics named after V.M. Lebedev, Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation

The article analyzes the problem of contradictory application of the norms on dismissal due to absenteeism in accordance with Article 81 of the Labor Code of the Russian Federation. The main causes and consequences of this problem are discussed, including the absence of a clear list of valid reasons for absenteeism, recommendations for employers and courts, as well as the analysis of the practice of consideration of such cases by the courts. The importance of an individual approach to each case of dismissal for absenteeism is emphasized, taking into account all the circumstances and evidence to ensure fairness for all parties. Also discussed are the issues of compliance with the order of dismissal and determination of the employee's workplace when considering cases of this cate-

gory. The conclusion emphasizes the need to respect the principles of fairness, proportionality, legality, guilt and humanity in assessing the validity of absenteeism.

Keywords: dismissal, absenteeism, Labor Code, good cause, Russian Federation, employer, dismissal procedure, workplace.

References

1. Labor Code of the Russian Federation dated 30.12.2001 No. 197-FZ // Collected Legislation of the Russian Federation, 07.01.2002, No. 1 (Part 1), Art. 3.
2. Filatkina A.P. Actual Problems of Termination of a Labor Contract for Absenteeism//Yearbook of Labor Law/St. Petersburg, 2014. Pp. 311–318.
3. Review of the practice of consideration by courts of cases on disputes related to the termination of an employment contract at the initiative of the employer // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, N 4, April, 2021.
4. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 17.03.2004 No. 2 “On the Application of the Labor Code of the Russian Federation by the Courts of the Russian Federation” // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation, No. 6, 2004.
5. Ruling of the Judicial Chamber for Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated August 24, 2020 No. 18-KG20–37 // <https://sudrf.cntd.ru/document/566004696>.
6. Ruling of the Third Court of Cassation of General Jurisdiction dated 09.12.2020 No. 88–17667/2020 in the case No. 2–5484/2019// ATP “Consultant Plus”.
7. Letter of the Federal Service for Labor and Employment dated 24.06.2021 N PG/16935–6–1//ГАРАНТ. 2021// <https://base.garant.ru/401393993/>.

Способы судебной защиты прав заемщика при неисполнении банком обязательства по выдаче кредита (транша)

Савельева Татьяна Александровна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского права, Новосибирский юридический институт (филиал) Томского государственного университета
E-mail: sta.sd@bk.ru

Работа посвящена анализу судебных способов защиты прав заемщика при отказе банка в предоставлении кредита (транша). Сделан вывод, что право на защиту возникает только в ситуации, когда заключен юридически обязывающий кредитный договор, обязательство банка предоставить кредит (транш) не обусловлено какими-либо обстоятельствами, либо эти обстоятельства наступили, а банку в силу закона или условий договора предоставлено право на отказ от выдачи кредита (транша).

Рассмотрены такие способы защиты как взыскание убытков и неустойки, признание недействительной сделки по отказу в выдаче кредита (транша) и/или применение последствий недействительности, изменение кредитного договора. Сделан вывод, что требования заемщиков о восстановлении лимита кредитования по кредитным картам, по договорам кредитной линии и овердрафта подлежат квалификации в качестве применения последствий ничтожной сделки. Уделено внимание последствиям введения в кредитной организации временной администрации. В этом аспекте проанализирован такой способ защиты прав заемщика при отказе в выдаче кредита (транша) как изменение кредитного договора в связи с существенным изменением обстоятельств.

В работе обозначены проблемы, с которыми сталкиваются заемщики при избрании того или иного способа защиты.

Ключевые слова: кредит, кредитный договор, обязательство по предоставлению кредита, отказ в предоставлении кредита, способ защиты, односторонняя сделка, временная администрация, существенное изменение обстоятельств

Введение

Без привлечения кредитных средств невозможно нормальное функционирование экономики страны. Кредитные организации (далее «банки») играют ключевую роль в организации процесса кредитования различных субъектов, обеспечивая финансирование практически всех сфер деятельности.

Отказ в предоставлении денежных средств после заключения кредитного договора оказывает негативное влияние на деятельность заемщика, как минимум, нарушая его планы. Если речь идет о прекращении кредитования в рамках договора об открытии кредитной линии, то негативные последствия приобретают более масштабный характер. Заемщик, вложивший в проект собственные и кредитные средства, обременив по требованию банка все свои активы, переведя по требованию банка все счета и обороты в кредитующий банк, находится в уязвимом положении. В случае прекращения банковского кредитования заемщик лишен возможности привлечения кредитных средств из других банков. Как следствие, вместо успешного завершения проекта и получения дохода, заемщик терпит убытки, а зачастую и угрозу дефолта и банкротства.

Действующее законодательство наделяет заемщика для защиты своих прав от произвольных действий банка по отказу в выдаче кредита (транша) определенным арсеналом способов судебной защиты, позволяющим нивелировать негативные последствия отказа в выдаче кредита (транша).

Изучение судебной практики демонстрирует незначительный удельный вес споров, судебные акты по которым вынесены в пользу заемщика. Важно понять причины и проанализировать способы защиты через призму проблем, с которыми сталкиваются заемщики.

Основная часть

Обязательство банка предоставить кредит и отказ от его исполнения: общая характеристика

Обязательство банка предоставить кредит имеет свои особенности, которые предопределяют специфику способов защиты при отказе в выдаче кредита (транша).

В силу статьи 819 ГК РФ кредитный договор является консенсуальной сделкой и в силу этого порождает обязательство банка выдать кредит. Важно отметить, что кредит предоставляется заемщику во исполнение принятой банком обязанности.

Кредитная организация по такому обязательству является должником, а заемщик кредитором.

Сразу оговоримся, что понятие «обязательство» в данном случае мы используем в узком смысле слова, понимая, что правовые последствия заключения кредитного договора не сводятся исключительно к возникновению обязанности кредитора предоставить кредит, а порождают целый комплекс взаимных прав и обязанностей. Особенно это актуально для договоров в форме кредитной линии, когда денежные средства предоставляются по частям в течение длительного промежутка времени.

Между тем, вычленив обязательство по предоставлению кредита, отметим, что это обязательство особого рода. Заемщик, являясь кредитором и обладая субъективным правом на получение кредита, не вправе требовать принудительной реализации своего субъективного права.

Особую природу обязательства кредитора по предоставлению кредитных средств можно считать исторической традицией. В.В. Витрянский отмечает, что современному кредитному договору присущи основные черты дореволюционной модели предварительного соглашения о займе. Неисполнение банком обязательства «не может повлечь те последствия, что банк может быть понужден к выдаче кредита, а заемщик – к его принятию» [1, с. 168].

В доктрине существует альтернативная точка зрения о том, что о возможности «понудить банк к исполнению своей обязанности предоставить кредит» [5, с. 144–149].

Что касается судебной практики, то с 2001 года устоявшимся является подход о том, что «исходя из существа кредитного договора, понуждение к исполнению обязанности выдать кредит в натуре не допускается» [6].

Однако это не означает, что заемщик лишается защиты нарушенного субъективного права.

До рассмотрения способов защиты необходимо обозначить несколько важных аспектов относительно уместности вопроса о такой защите.

Во-первых, право на защиту возникает у заемщика при отказе в выдаче кредита только при условии, что кредитный договор заключен. Предварительное одобрение банком кредита не порождает каких-либо обязательств банка перед заемщиком. Соответственно постановка вопроса о защите прав заемщика является неуместной.

Примером могут служить обстоятельства по делу N 33–15718/2023, рассмотренным Московским городским судом. Банком был предварительно одобрен ипотечный кредит. Истцом заключен договор купли-продажи квартиры, внесен задаток. Однако после представления полного пакета документов банк отказался заключить договор ипотечного кредитования. Истец обратился в суд с иском о взыскании морального вреда, мотивируя тем, что он остался без квартиры и денежных средств, оплаченных в качестве задатка. Суд обоснованно

в иске отказал, не усмотрев в действиях банка противоправности [7].

Во-вторых, сторонами может быть заключен так называемый «необязывающий» кредитный договор, например, по модели рамочного договора (статья 429 ГК РФ). Ни о какой защите интересов заемщика не может идти речи (обязательство банка не возникло – нет нарушения и необходимости защиты). Аналогичная ситуация возникает в случаях, когда предоставление кредита (транша) обусловлено выполнением заемщиком какой-либо обязанности, например, предоставлением обеспечения, либо наступлением какого-либо условия (ст. 157, 327.1 ГК РФ). До исполнения указанной обязанности либо наступления условия постановка вопроса о защите интересов заемщика также является неуместной.

Говоря о способах защиты нельзя обойти вопрос о правовой природе отказа в предоставлении кредита (транша). Речь идет, безусловно, о ситуации, когда заключен юридически обязывающий кредитный договор, обязательство банка предоставить кредит (транш) не обусловлено какими-либо обстоятельствами, либо эти обстоятельства наступили, а банку в силу закона или условий договора предоставлено право на отказ от выдачи кредита (транша). Отказ от кредитования заемщика в данной ситуации является односторонней сделкой, частным случаем отказа от исполнения договора (статья 450.1 ГК РФ) [3].

С учетом этого критерием оценки правомерности действий банка является соблюдение требований, предъявляемых к совершению односторонней сделки. Банк должен доказать как наличие оснований для отказа в выдаче кредита (транша), так и направление уведомления заемщику с раскрытием в нем этих оснований (ст. 450.1 ГК РФ). Помимо этого, поведение банка подлежит оценке через призму соблюдения требований добросовестности, разумности и недопущения нарушения прав другой стороны [8].

Дополнительно нельзя не отметить, что заемщики при защите своих прав сталкиваются со значительными сложностями, причинами которых являются непрозрачность банковских процедур принятия решения об отказе в выдаче кредита, а также абстрактность формулировок пункта 1 статьи 821 ГК РФ как наиболее распространенного основания отказа в выдаче кредита (транша) [4, с. 275–286].

Понуждение к исполнению обязательства по выдаче кредита в натуре

В судебной практике встречаются иски заемщиков о понуждении банков к выдаче кредита. Это свидетельствует об ошибочных представлениях заемщиков о специфике кредитного обязательства и, как следствие, об избрании ненадлежащего способа защиты. Более того, в судебной практике удалось обнаружить судебные акты об удовлетворении таких исков. Так, Определением Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2021 N 88–2858/2021 [9] отказано в удовлетворении касса-

ционной жалобы ПАО Банк ВТБ на решение Сургутского районного суда Ханты-Мансийского автономного округа – Югры, оставленное в силе судом апелляционной инстанции. Обжалуемыми судебными актами удовлетворен иск заемщика, который требовал обязать банк исполнить кредитный договор, перечислить денежные средства. Подобные судебные акты, как минимум, вызывают удивление.

Возмещение убытков при неправомерном отказе банка от исполнения обязательства по предоставлению кредита

Данный способ защиты признается судебной практикой надлежащим средством защиты, в отличие от понуждения к исполнению обязательства по выдаче кредита в натуре.

Если банк необоснованно отказал в выдаче кредита (транша), то заемщик вправе требовать возмещение убытков со ссылкой на ст. 15, 393.1 ГК РФ.

Взыскание убытков является самым распространенным способом защиты заемщика при необоснованном отказе банка от выдачи кредита (транша).

Убытки могут выражаться в разнице между процентами, предусмотренными условиями неисполненного банка договора и процентами по заключенному заемщиком договором взамен неисполненного.

Так, между АО «Почта Банк» и Д. был заключен договор кредита с целью оплаты обучения в университете по программе «Образовательный кредит». Общими условиями договора было предусмотрено право на увеличение лимита кредитования при продлении обучения и отсутствия просроченной задолженности. На обращение Д. об увеличении кредитного лимита банк ответил отказом со ссылкой на наличие судебных разбирательств за предшествующий период.

Д. для оплаты обучения был заключен договор займа с физическим лицом, выдана расписка, что она получила в долг денежные средства. Разница в процентах по договору займа и кредитному договору составила 1 016 254 руб.

Как следует из Апелляционного определения Санкт-Петербургского городского суда от 18.08.2022 [10] суд признал обоснованными требования Д. в полном объеме, то есть в виде разницы между процентами по договору займа, заключенному с третьим лицом, и процентами по кредитному договору.

Интересно, что действия банка квалифицированы в качестве отказа в выдаче кредита, хотя формально, в рамках установленного лимита, вся сумма кредита была выдана, и речь шла об увеличении лимита кредитования.

Как было указано ранее, удельный вес удовлетворенных исков заемщиков является незначительным. Аргументацию заемщиков и ее убедительность сложно в полной мере оценить только на основании содержания судебных актов. Вместе с тем, хотелось бы выделить несколько аспектов, которые позволяют сделать предположение,

или даже вывод, о том, что суды либо не учитывают специфику кредитных правоотношений, либо, наоборот, при разрешении конкретных вопросов, не имеющих сугубо специфических аспектов, не применяют классические подходы рассмотрения споров о взыскании убытков.

В качестве примера иска о взыскании убытков в виде разницы процентов между кредитным договором и другой замещающей сделкой приведем судебные акты по делу № А40–240345/2020. Между заемщиком (ООО «Мобитек») и банком был заключен договор об открытии кредитной линии. Банк отказал в выдаче средств. После этого между этими же сторонами был заключен другой кредитный договор с более высокой процентной ставкой.

Заемщиком был предъявлен иск о взыскании упущенной выгоды в размере 13 137 273 руб. Решением суда первой инстанции иск был удовлетворен в полном объеме. Постановлением суда апелляционной инстанции, которое оставлено в силе, решение суда отменено, в иске отказано [11]. Суд, отказывая во взыскании убытков, указал, что заемщик лишается права возмещения убытков, если он, несмотря на полученный отказ в выдаче транша, заключил с банком иной договор с другими условиями кредитования.

Такая аргументация представляется странной. В данном случае налицо классическая замещающая сделка. Тот факт, что она совершена с тем же банком, не меняет общего подхода о праве на взыскание убытков в виде разницы в процентах по первоначальной и замещающей сделке.

Далее, судебные акты об отказе во взыскании убытков с банком в ряде случаев содержат «излишнюю аргументацию». Суды обосновывают отказ во взыскании убытков с банка отсутствием всех сразу необходимых условий: отсутствие убытков, причинной связи между отказом банка в выдаче кредита и убытками, противоправности в действиях банка. Более того, в ряде случаев суды указывают на отсутствие вины банка [12], хотя в силу ст. 401 ГК РФ банк как предприниматель несет ответственность независимо от наличия вины.

Так, судебные акты по делу N А40–159633/2022 носят развернутый характер [13]. ООО «Развитие» (заемщик, общество) обратилось с иском к АО «Альфа-Банк» о взыскании 85 340 893 руб. 24 коп. убытков. Заемщик в обоснование иска указывал, что банк прекратил кредитование счета в рамках соглашения об овердрафте, наложил аресты на денежные средства в нарушение закона (статья 821 ГК РФ), допустив злоупотребление правом, предоставленным договором (статья 10 ГК РФ).

Суд в иске о взыскании убытков отказал и, на первый взгляд, позиция кажется более чем обоснованной. Вместе с тем, из судебных актов мы видим, что ряд важных обстоятельств, имеющих значение для дела, оказались без внимания и/или надлежащей оценки суда.

Основанием прекращения кредитования явилось снижения оборотов по счетам заемщика. Банком реализовано право на прекращение кредито-

вания 05.06.2019 года путем направления уведомления заемщику, с этой даты банк начал списывать все поступающих доходы общества в счет погашения задолженности.

При этом, из обстоятельств дела следует, что после направления уведомления о прекращении кредитования банк произвел выдачу еще нескольких сумм. Суды не дали правовую оценку тому, как эти действия банка соотносятся со сделочной природой направленного им уведомления о прекращении кредитования (ст. 450.1 ГК РФ).

Что касается основания отказа в кредитовании (каузы односторонней сделки, совершенной банком), то позиция банка являлась противоречивой и суды не внесли ясность. Так, из судебных актов непонятно, какие обстоятельства-основания прекращения кредитования были указаны банком в уведомлении, направленном заемщику. Хотя из каузного характера сделки по отказу от кредитования (статья 450.1 ГК РФ) именно обстоятельства, указанные в уведомлении, подлежали установлению и оценке судом.

Прекращение кредитования обосновывается, с одной стороны, снижением оборотов по счетам заемщиков, а с другой стороны, наличием просроченной задолженности со ссылкой на судебный акт по другому делу. При этом из данного судебного акта следует, с заемщика взыскана задолженность по той же кредитной сделке (соглашение об овердрафте). Очевидно, что прекращение кредитования в форме овердрафта, списание средств со всех счетов в погашение овердрафта являлись причиной просроченной задолженности. При таких обстоятельствах рассматривать наличие просроченной задолженности (следствие оспариваемых действий банка) в качестве фактора кредитного риска и основания (причины) прекращения кредитования означает подмену понятий.

В обоснование отсутствия убытков и причинной связи между действиями банка по прекращению кредитования и убытками, суд привел несколько аргументов.

Так, по мнению суда, заемщик имел возможность получить кредит (овердрафт) в другом банке. При этом из судебных актов следует, что по требованию банка прекращены все кредитные отношения с другими банками, переведены все денежные потоки в данный банк. Между тем, невозможность получения кредита в другом банке при таких обстоятельствах носит очевидный характер для всякого участника гражданского оборота. Суд не указал мотивы, в силу которых он отверг доводы заемщика о невозможности получения кредита в другом банке.

Далее, об отсутствии причинной связи между прекращением кредитования и банкротством заемщика, по мнению суда, свидетельствует тот факт, что банкротство заемщика было инициировано не банком. Станный аргумент, как минимум.

Довод заемщика о злоупотреблении правом банком отклонен со ссылкой на то, что банк не мог знать, что прекращение кредитования заемщика

повлечет убытки, а также банкротство общества. При этом суд не принял во внимание статус банка, его специальную правоспособность и его профессиональную компетенцию по оценке влияния различных факторов на финансовое состояние заемщика.

Заемщик ссылаясь на объективные причины и временный характер снижения оборотов. В конце июня 2019 года должна была восстановиться деятельность по продаже нерудных материалов.

Указанные обстоятельства подлежали оценке судом через призму недопущения нарушения интересов другой стороны [8]. В литературе справедливо отмечается, что «банк не должен автоматически перекладывать на клиента полностью все мыслимые и немыслимые риски, связанные с возможно ухудшившимся финансовым положением последнего» [2, с. 35–43].

Таким образом, при развернутой, на первый взгляд, аргументации обоснования отказа в удовлетворении иска о взыскании убытков создается впечатление, что в ряде случаев происходит подмена понятий.

Далее, убытки могут выражаться не только в виде разницы процентов по кредитной и замещающей сделке, но и в сумме штрафных санкций, примененных к заемщику в связи с неисполнением им обязательств перед контрагентом по причине необоснованного отказа банка в выдаче кредита (транша).

Интерес представляет дело по иску гражданки Ф. к Банку ВТБ (ПАО) о взыскании убытков при следующих обстоятельствах. Кредитный договор был заключен 29.02.2020, цель кредитования – приобретение квартиры. Согласно договору купли-продажи, стоимость приобретаемой квартиры составляет 4 400 000 рублей, из которых половина кредитные средства. Гражданка Ф. приобрела квартиру, внесла в оплату ее стоимости собственные средства в размере половины цены квартиры. Квартира была застрахована по требованию банка.

04.03.2020, то есть через 5 дней после заключения кредитного договора на почту заемщика поступило письмо от банка о том, что кредит ей не одобрен. Кредит выдан не был.

Договор купли-продажи расторгнут в судебном порядке. С гражданки Ф. взысканы штрафные санкции убытки в размере 1 406 215 руб.

Ф. предъявила иск к банку о взыскании убытков 1 406 215 руб., компенсации морального вреда в размере 300 000 рублей, а также штрафа.

Решением Ленинского районного суда г. Самары от 06.12.2023 исковые требования Ф. оставлены без удовлетворения. Апелляционным определением, оставленным в силу судом кассационной инстанции, решение суда первой инстанции отменено. Сделан вывод о неправомерности действий банка, поскольку отсутствовали обстоятельства, предусмотренные по п. 1 ст. 821 ГК. С банка в пользу Ф. взыскана компенсация морального вреда в размере 20 000 рублей, штраф в размере

10000 рублей. Между тем во взыскании убытков было отказано и в качестве обоснования приведено два довода:

- заемщик об отказе в выдаче кредита заемщик узнал 05.03.2020 г. (когда получено сообщение банка), поэтому с этого момента не мог рассчитывать на получение кредита;
- факт расторжения договора, по мнению суда, нашел подтверждение, поскольку правилами кредитования предусмотрено, что договор считается с момента уведомления заемщика [14].

С таким обоснованием сложно согласиться с учетом правовой природы отказа от выдачи кредита как односторонней сделки. Несмотря на направление уведомления, кредитный договор не может считаться расторгнутым при отсутствии оснований. Заемщик, получивший от банка уведомление, не влекущее правовых последствий, вполне обоснованно может рассчитывать, что ошибка будет исправлена банком, и вполне обоснованно в течение разумного срока ожидает исполнение обязательств со стороны банка.

Взыскание неустойки при необоснованном отказе в выдаче кредита (транша)

Как способ защиты нечасто, но все-таки можно встретить в практике, когда в кредитный договор включаются условия о неустойке за нарушение обязательства по выдаче кредита. В качестве примера можно привести судебные акты по делу N А45–34150/2022 [15]. Судом был рассмотрен иск муниципального казенного предприятия «Новосиб-гортранс» к АО «Банк Акцепт» о взыскании 3456 000 руб. неустойки за неисполнение заявок предприятия о выдаче кредитов (траншей).

Предприятие неоднократно подавало заявки о предоставлении траншей на суммы 25 000 000 руб., 10 000 000 руб., 250 000 000 руб., 18 600 000 руб.

Банк оставил заявки без исполнения, уведомил предприятие, что предоставлять кредиты на предусмотренных условиях для него экономически нецелесообразно.

Суды признали обоснованным требование о взыскании неустойки, снизив ее размер в соответствии со статьей 333 ГК РФ, до 1 000 000 руб [15].

Не касаясь вопроса о причинах столь существенного снижения размера неустойки (более чем в 30 раз), отметим принципиальный аспект о возможности взыскания неустойки с банка за нарушение обязанности по выдаче кредита в тех редких случаях, когда соответствующее условие включено в кредитный договор.

Признание недействительной односторонней сделки банка по отказу в выдаче кредита (транша) и/или применение последствий недействительности сделки

1. Требование о признании недействительной односторонней сделки, совершенной банком, является надлежащим способом защиты во всех случаях, когда отказ банка в выдаче кредита может быть

квалифицирован в качестве односторонней сделки (ст. 450.1 ГК РФ). Для правильной квалификации необходим анализ программы договорного обязательства, о чем было указано ранее (п. 3 настоящей статьи).

Иногда заемщик формулирует свое требование как признание недействительным уведомления банка об отказе в выдаче кредита. Такое требование должно быть квалифицировано судом в качестве требования о признании недействительной односторонней сделки банка.

Суды, к сожалению, не всегда учитывают данное обстоятельство. Иллюстрацией может являться одно из дел, по которому суд указал, что оспаривание уведомления об отказе в выдаче кредита является ненадлежащим способом защиты, а заявленное требование было расценено судом как обжалование действий коммерческой организации, которое законом не предусмотрено [16].

Данный вывод суда является неверным, поскольку не учитывает сделочный характер действий банка по отказу от исполнения кредитного договора. Несоответствие отказа банка в выдаче кредита (транша) как односторонней сделки требованиям к ее совершению и условиям договора влечет ничтожность этой сделки [17], что не исключает предъявление требования о признании такой сделки недействительной в суд (пункт 4 статьи 166 ГК РФ).

2. Анализ судебной практики показывает, что заемщики заявляют иски о восстановлении лимита кредитования в случаях необоснованного снижения банком кредитного лимита по кредитным картам, договорам кредитной линии, овердрафта.

Представляется, что требование о восстановлении лимита кредитования, по своей природе, является частным случаем такого способа защиты как применение последствий ничтожной односторонней сделки банка по отказу в выдаче кредита (транша).

В качестве наглядного примера можно привести Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.07.2023 N 88–12437/2023 [18]. Обстоятельства дела были следующими. Банк в одностороннем порядке уменьшил кредитный лимит по кредитным картам клиента со 150 тыс. руб. до 1 рубля, на основании сведений из бюро кредитных историй о просроченной задолженности перед иными кредиторами. Между тем, данные сведения были ошибочными и исключены из бюро кредитных историй.

Требования клиента о восстановлении лимита кредитования были удовлетворены. Судом при разрешении спора действия банка оценивались через призму соблюдения требований пункта 1 статьи 821 ГК РФ.

Изменение кредитного договора в связи с существенным изменением обстоятельств (статья 451 ГК РФ)

Данный способ защиты может использоваться заемщиками в случае, если обстоятельства, в силу

которых банк прекратил кредитование соответствующим условиям, предусмотренным статьей 451 ГК РФ.

В качестве примера можно привести одно из дел, по которому банк не выдал последний транш в размере 503 млн руб. по причине введения в банке временной администрации и приостановления полномочий органов управления. Денежные средства предназначались для финансирования строительства завода. В результате строительство завода не было завершено.

Заемщик обратился в суд с требованием о внесении изменений в договор кредитной линии по ст. ст. 451 ГК (существенное изменение обстоятельств) в части изменения сроков возврата кредита, установления нового графика.

Банк ссылаясь на наличие предпринимательского риска, в том числе неплатежеспособности и банкротства контрагента, как обыкновенного фактора коммерческой деятельности хозяйствующих субъектов.

Данная ссылка судом была отклонена, требования заемщика были удовлетворены. Суд указал, что из существа кредитного договора не вытекает, что риск приостановления полномочий органов управления банка, назначение временной администрации по управлению банком несет заемщик [19].

Не ставя под сомнение обоснованность принятого судебного акта, возникает вопрос о том, не мог ли заемщик поставить вопрос о внесении изменений в договор в связи с существенным нарушением договора со стороны банка (статья 450 ГК РФ), а также о возмещении убытков в связи с неисполнением банком обязательства по предоставлению кредита. В контексте действующего законодательства на данный вопрос следует ответить отрицательно. Банк отказал в выдаче кредита (последнего транша) по кредитному договору на основании ст. 189.39 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [20]. Данной нормой предусмотрено право руководителя временной администрации отказаться от исполнения договоров и иных сделок по основаниям и в порядке, которые предусмотрены статьей 102 указанного Закона.

Вопрос о том, насколько такое законодательное решение обеспечивает баланс интересов сторон, заслуживает отдельного рассмотрения и выходит за рамки настоящей работы. Здесь же мы констатируем о невозможности квалификации действий банка по отказу в выдаче транша в качестве неправомерных, что не позволяет ставить вопрос о существенном нарушении договора в контексте статьи 450 ГК РФ.

Заключение

1. Способы защиты интересов заемщика спецификой обязательства банка предоставить кредит (транш). Правовая природа данного обязательства исключает такой способ защиты как понуждение к исполнению в натуре.

2. При отказе банка предоставить кредит заемщику право на защиту возникает у последнего при условии заключения юридически обязывающего кредитного договора, обязательство банка по которому не обусловлено какими-либо обстоятельствами, либо эти обстоятельства наступили, а банку в силу закона или условий договора предоставлено право на отказ от выдачи кредита (транша).

3. Взыскание убытков являются наиболее используемым заемщиками способом защиты при необоснованном отказе банка в выдаче кредита (транша).

Анализ судебной практики свидетельствует о том, что удельный вес удовлетворенных исков заемщиков является незначительным. Из содержания судебных актов следует, что суды либо не учитывают специфику кредитных правоотношений, либо, наоборот, при разрешении конкретных вопросов, не имеющих сугубо специфических аспектов, не применяют классические подходы рассмотрения споров о взыскании убытков.

4. Несоответствие отказа банка в выдаче кредита (транша) требованиям, предъявляемым к односторонней сделке, влечет ничтожность этой сделки, что не исключает предъявление требования о признании такой сделки недействительной в суд (пункт 4 статьи 166 ГК РФ).

Требования заемщиков о восстановлении лимита кредитования по кредитным картам, по договорам кредитной линии и овердрафта подлежат квалификации в качестве применения последствий ничтожной сделки.

5. Отказ в выдаче кредита (транша) в связи с введением временной администрации в банке на основании ст. 189.39 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» является основанием для внесения изменений в кредитный договор в соответствии со статьей 451 ГК РФ (существенное изменение обстоятельств).

Литература

1. Брагинский М.И., Витрянский В.В. Договорное право. Договоры о займе, банковском кредите и факторинге. Договоры, направленные на создание коллективных образований: в 5 т. М.: Статут, 2006. Т. 1. 736 с.
2. Молодыко К.Ю. О необходимости внедрения регуляторной концепции open-end credits в России для защиты прав заемщиков по возобновляемым кредитным линиям, включая кредитные карты // Банковское право. 2022. N 4. С. 35–43. DOI: 10.18572/1812-3945-2022-4-35-43 (www.doi.org)
3. Рождественская Т.Э., Гузнов А.Г., Ефимова Л.Г. Частное банковское право: учебник. Москва: Проспект, 2020. 776 с.
4. Савельева Т.А. Вероятность будущей просрочки возврата кредита как основание для отказа от исполнения кредитного договора: актуальные проблемы применения пункта 1 статьи 821

- ГК РФ //Вопросы российского и международного права. Том 15. № 3-А. 2025.С.275–286
5. Соломин С.К. О сущности обстоятельств, позволяющих банку отказать в предоставлении кредита. Известия высших судебных заведений. Правоведение. 2008. № 3 (278). С. 144–149.
 6. п. 11 информационного письма Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 29.12.2001 № 65 «Обзор практики разрешения споров, связанных с прекращением обязательств зачетом встречных однородных требований»// СПС «Консультант Плюс»
 7. Апелляционное определение Московского городского суда от 12.04.2023 по делу N 33–15718/2023. Определением Второго кассационного суда общей юрисдикции от 06.07.2023 по делу N 88–16420/2023 данное определение оставлено без изменения // СПС «Консультант Плюс»
 8. П. 14 Постановления Пленума ВС РФ от 22.11.2016 N 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении»// СПС «Консультант Плюс»
 9. Определение Седьмого кассационного суда общей юрисдикции от 17.02.2021 N 88–2858/2021 (УИД 86RS0005–01–2020–000864–06//СПС «Консультант Плюс»
 10. Апелляционное определение Санкт-Петербургского государственного суда от 18.08.2022 № 33–16596/2022 по делу № 2–1319/2022// СПС «Консультант Плюс»
 11. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 30.11.2021 N Ф05–28930/2021 по делу N А40–240345/2020//СПС «Консультант Плюс»
 12. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 08.09.2016 N Ф05–12722/2016 по делу N А40–250109/2015// СПС «Консультант Плюс»
 13. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 24.01.2023 N 09АП-84055/2022 по делу N А40–159633/2022, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 23.05.2023 N Ф05–8980/2023, Определением Верховного Суда РФ от 28.09.2023 N 305-ЭС23–17169 отказано в передаче дела N А40–159633/2022 в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства
 14. Определение Шестого кассационного суда общей юрисдикции от 24.09.2024 по делу N 88–22406/2024 (УИД 63RS0039–01–2023–005174–59// СПС «Консультант Плюс»
 15. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 11.09.2023 N Ф04–3967/2023 по делу N А45–34150/2022// СПС «Консультант плюс»
 16. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 15.12.2022 N 09АП-80077/2022 по делу N А40–114464/2022
 17. Пункт 51 Постановления Пленума ВС РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС «Консультант Плюс»
 18. Определение Восьмого кассационного суда общей юрисдикции от 25.07.2023 N 88–12437/2023 (УИД 42RS0040–01–2022–001855–93// СПС «Консультант Плюс»
 19. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.12.2017 N Ф06–27942/2017 по делу N А65–3392/2017. Определением Верховного Суда РФ от 22.03.2018 N 306-ЭС18–3709 отказано в передаче дела в Судебную коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ для пересмотра в порядке кассационного производства данного постановления// СПС «Консультант Плюс»
 20. Федеральный закон от 26.10.2002 N 127-ФЗ (с изменениями и дополнениями) «О несостоятельности (банкротстве)» // СПС «Консультант Плюс»

METHODS OF JUDICIAL PROTECTION OF THE BORROWER'S RIGHTS IN CASE OF NON-FULFILLMENT BY THE BANK OF THE OBLIGATION TO ISSUE A LOAN (TRANCHE)

Savelieva T.A.

Novosibirsk Law Institute (branch) of Tomsk State University

The work is devoted to the analysis of judicial methods of protecting the rights of the borrower in case the bank refuses to provide a loan (tranche). It is concluded that the right to protection arises only in a situation where a legally binding loan agreement has been concluded, the bank's obligation to provide a loan (tranche) is not conditioned by any circumstances, or these circumstances have occurred, and the bank, by virtue of the law or the terms of the agreement, has been granted the right to refuse to issue a loan (tranche). Such methods of protection as recovery of losses and penalties, recognition of an invalid transaction for refusal to issue a loan (tranche) and/or application of the consequences of invalidity, modification of the loan agreement are considered. It is concluded that borrowers' demands to restore the credit limit on credit cards, under credit line and overdraft agreements are subject to qualification as applying the consequences of a void transaction. Attention is paid to the consequences of the introduction of a temporary administration in a credit institution. In this aspect, this method of protecting the rights of the borrower in case of refusal to issue a loan (tranche) is analyzed how to change the loan agreement due to a significant change in circumstances

The paper outlines the problems faced by borrowers when choosing one or another method of protection.

Keywords: loan, loan agreement, obligation to provide a loan, refusal to provide a loan, method of protection, unilateral transaction, temporary administration, significant change in circumstances.

References

1. Braginsky M.I., Vitryansky V.V. Contract law. Loan, bank credit and factoring agreements. Agreements aimed at creating collective entities: in 5 volumes. Moscow: Statut, 2006. Vol. 1. 736 p.
2. Molodyko K. Yu. On the need to introduce the regulatory concept of open-end credits in Russia to protect the rights of borrowers under revolving credit lines, including credit cards // Banking law. 2022. N 4. Pp. 35–43. DOI: 10.18572/1812-3945-2022-4-35-43 (www.doi.org)

3. Rozhdestvenskaya T.E., Guznov A.G., Efimova L.G. Private banking law: textbook. Moscow: Prospect, 2020. 776 p.
4. Savelyeva T.A. The likelihood of future delay in loan repayment as a basis for refusing to fulfill a loan agreement: current problems of applying paragraph 1 of Article 821 of the Civil Code of the Russian Federation // Issues of Russian and International Law. Vol. 15. No. 3-A. 2025. Pp. 275–286
5. Solomin S.K. On the nature of circumstances allowing a bank to refuse to provide a loan. News of higher judicial institutions. Jurisprudence. 2008. No. 3 (278). Pp. 144–149.
6. Item 11 of the information letter of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation dated 29.12.2001 No. 65 "Review of the practice of resolving disputes related to the termination of obligations by offsetting counter similar claims" // SPS "Consultant Plus"
7. Appellate ruling of the Moscow City Court dated 12.04.2023 in case No. 33–15718/2023. By the ruling of the Second Cassation Court of General Jurisdiction dated 06.07.2023 in case No. 88–16420/2023, this ruling was left unchanged // SPS "Consultant Plus"
8. Clause 14 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 22.11.2016 No. 54 "On Certain Issues of the Application of General Provisions of the Civil Code of the Russian Federation on Obligations and Their Fulfilment" // SPS "Consultant Plus"
9. Ruling of the Seventh Cassation Court of General Jurisdiction dated 17.02.2021 No. 88–2858/2021 (UID 86RS0005–01–2020–000864–06 // SPS "Consultant Plus"
10. Appellate ruling of the St. Petersburg State Court dated 18.08.2022 No. 33–16596/2022 in case No. 2–1319/2022// SPS "Consultant Plus"
11. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 30.11.2021 No. F05–28930/2021 in case No. A40–240345/2020// SPS "Consultant Plus"
12. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 08.09.2016 No. F05–12722/2016 in case No. A40–250109/2015// SPS "Consultant Plus"
13. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 24.01.2023 No. 09AP-84055/2022 in case No. A40–159633/2022, Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 23.05.2023 No. F05–8980/2023, by the Determination of the Supreme Court of the Russian Federation dated 28.09.2023 No. 305-ES23–17169, the transfer of case No. A40–159633/2022 to the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation for review in cassation proceedings was refused
14. Determination of the Sixth Cassation Court of General Jurisdiction dated 24.09.2024 in case No. 88–22406/2024 (UID 63RS0039–01–2023–005174–59// SPS "Consultant Plus"
15. Resolution of the Arbitration Court of the West Siberian District dated 11.09.2023 No. F04–3967/2023 in case N A45–34150/2022// SPS "Consultant Plus"
16. Resolution of the Ninth Arbitration Court of Appeal dated 12/15/2022 N 09AP-80077/2022 in case N A40–114464/2022
17. Clause 51 of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 06/23/2015 N 25 "On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation" // SPS "Consultant Plus"
18. Determination of the Eighth Cassation Court of General Jurisdiction dated 07/25/2023 N 88–12437/2023 (UID 42RS0040–01–2022–001855–93// SPS "Consultant Plus"
19. Resolution of the Arbitration Court Volga District from 27.12.2017 N F06–27942/2017 in case N A65–3392/2017. By the definition of the Supreme Court of the Russian Federation from 22.03.2018 N 306-ES18–3709, the transfer of the case to the Judicial Collegium for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation for review in cassation proceedings of this resolution was denied // SPS "Consultant Plus"
20. Federal Law of 26.10.2002 N 127-FZ (with amendments and additions) "On Insolvency (Bankruptcy)" // SPS "Consultant Plus"

Значение дополнительных прав участника хозяйственного общества в корпоративных правоотношениях и отношениях контроля: правовая природа, фиксация и реализация

Семкина Анна Сергеевна,

магистр Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); главный юрисконсульт отдела международной работы дирекции по правовому сопровождению бизнеса, АО «Почта России»
E-mail: semkinaas@bk.ru

При проведении исследования автор ставит перед собой цель проведения комплексного анализа правовой природы, правового регулирования и роли дополнительных корпоративных прав в корпоративных правоотношениях, преимущественно как инструмента, которым могут быть дополнены формы корпоративного контроля, особенно в сделках слияний и поглощений (M&A). Автор использованы такие методы научного исследования как догматический, сравнительно-правовой и аналитический. Метод синтеза полученных данных позволяет сформулировать обобщенные выводы о правовой природе, правовом регулировании и практическом значении института дополнительных корпоративных прав. Автор приходит к выводу о том, что такие признаки дополнительных прав как персонализированный характер и фиксация в уставе или решении общего собрания участников (в отношении обществ с ограниченной ответственностью) делают рассматриваемый институт значимым инструментом при структурировании контроля в хозяйственном обществе. А именно включение дополнительных корпоративных прав в устав общества и корпоративный договор. При применении указанного инструмента необходимо учитывать императивные критерии допустимости наделения такими правами, а также наличие высокого риска нарушения баланса интересов участников (акционеров) хозяйственного общества и корпоративных конфликтов.

Ключевые слова: корпоративные права, дополнительные права, корпоративный контроль, формы корпоративного контроля, хозяйственные общества.

Введение

Контроль в современных корпоративных правоотношениях имеет высокую ценность. Как правило в сделках M&A «покупатель нередко готов платить премию к рыночной стоимости акций за приобретение корпоративного контроля» [6]. Для достижения данной цели – контроль над обществом используются различные его формы и сопутствующие им механизмы: корпоративный договор, опционы на заключение договора, корректировка устава и т.д. При конструировании сделок M&A имеют значение и дополнительные права, которые также могут служить инструментом, дополняющим форму корпоративного контроля «в руках» участника.

Материалы и методы

Методология исследования включает такие методы как догматический (анализ норм), сравнительно-правовой и аналитический, с активным привлечением анализа доктрины, а также синтез. Автором использованы различные учебные пособия, учебники, научные статьи в области корпоративного права таких ученых как: О.И. Гентовт, Е.В. Глухов, С.Д. Могилевский, И.С. Шиткина, и др., а также материалы судебной практики.

Результаты и обсуждения

Категория дополнительных корпоративных прав выделяется на ряду с имущественными, организационно-управленческими (неимущественными) и преимущественными. При этом на ряду с перечисленными И.С. Шиткина также выделяет право корпоративного контроля, при этом обращая внимание на то, что оно не является самостоятельным видом корпоративных прав.

Правовое регулирование дополнительных прав в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее по тексту – «ГК РФ») ограничивается лишь тем, что в соответствии со статьей 65.2 ГК РФ участники могут иметь и другие права, предусмотренные учредительным документом (уставом общества), помимо тех, что отражены в обозначенной норме.

Однако, ситуация нивелируется в статье 8 Федерального закона от 08.02.1998 № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее по тексту – «Закон об ООО»). Указанная норма прямо предусматривает такую категорию кор-

поративных прав участника общества с ограниченной ответственностью (далее по тексту – «ООО») как дополнительные. Дополнительные права могут быть предусмотрены уставом при учреждении ООО или предоставлены участнику (участникам) по решению общего собрания участников общества, принятому всеми участниками общества единогласно.

Дополнительные корпоративные права могут иметь как имущественный, так и неимущественный характер. В частности, к дополнительным правам относится, например, право участника ООО на выход из общества [6].

Исходя из положений статьи 8 Закона об ООО в доктрине корпоративного права выделены особенности и характеристика дополнительных прав. Ключевыми особенностями являются:

1. персонифицированный характер, поскольку в случае отчуждения доли участником его дополнительные права не переходят к приобретателю (абз. 2 п. 2 ст. 8 Закона об ООО);
2. фиксация в уставе общества.
3. В качестве характеристики дополнительных прав И.С. Шиткина выделяет, что дополнительные права не могут:
4. вступать в противоречие с нормами действующего законодательства;
5. нарушать или ограничивать права других участников общества; выходить за пределы осуществления гражданских прав (т.е. не должны являться злоупотреблением правом);
6. освобождать участника общества от выполнения обязанностей, определенных законом [3].

С.Д. Могилевским обобщены и систематизированы требования, которым должны соответствовать дополнительные права, они:

1. не должны вступать в противоречие с нормами действующего законодательства и должны согласовываться прежде всего со всеми нормами Закона об ООО;
2. не должны нарушать или ограничивать права других участников общества;
3. не должны выходить за пределы осуществления гражданских прав;
4. не могут освобождать участника общества от выполнения основных обязанностей, определенных законом;
5. должны иметь простой и недвусмысленный механизм их реализации [5].

Как справедливо отмечено А.А. Глушецким дополнительные права участника общества с ограниченной ответственностью есть «привилегия, предоставляемая конкретному участнику общества» [3]. Действительно, дополнительные права в корпоративных правоотношениях могут существенно «возвысить» положение одного или нескольких участников над другими, или обеспечить грамотное построение совместного бизнеса и его ведение, с прицелом на превенцию корпоративных конфликтов.

Хрестоматийными примерами дополнительных прав являются: право приобретать продукт, производимый обществом, по льготной цене; право на получение информации о деятельности общества в большем объеме.

В практике слияний и поглощений используются следующие права, которые подпадают под характеристики, приведенные выше, и в своей сущности могут быть определены как дополнительные:

1. продажа или передача доли в уставном капитале общества одному или нескольким участникам этого общества;
2. право первого предложения (right of first offer);
3. право первого отказа (right of first refusal);
4. право совместной продажи долей/акций третьим лицам принадлежащих миноритарным участникам (акционерам) долей/акций с мажоритарными участниками (tag along);
5. понуждение миноритарных участников (акционеров) к продаже принадлежащих им долей/акций в пользу третьего лица совместно с мажоритарным участником (drag along) [2];
6. право реализации опциона пут и (или) колл (в зависимости от направленности и условий).

Указанные права как правило фиксируются сторонами в уставе и (или) корпоративном договоре при создании совместных предприятий. Однако исходя из признаков, предусмотренных Законом об ООО, права будут квалифицироваться как дополнительные только в случае, если они зафиксированы в уставе или решении общего собрания участников ООО (далее по тексту – «ОСУ») и имеют персонализированный характер [1].

Дополнительные права также имеют особый правовой режим их предоставления и прекращения. В силу абз. 3 и 4 п. 2 статьи 8 Закона об ООО:

1. Прекращение или ограничение дополнительных прав, предоставленных всем участникам общества, осуществляется по решению общего собрания участников, принятому единогласно всеми участниками общества.
2. Прекращение или ограничение дополнительных прав, предоставленных конкретному участнику общества, осуществляется по решению ОСУ, принятому квалифицированным большинством не менее двух третей голосов от общего числа голосов участников общества, при обязательном условии: участник, обладающий такими правами, должен проголосовать за данное решение либо дать на него письменное согласие.
3. Отдельным основанием прекращения является отказ участника от осуществления принадлежащих ему дополнительных прав. Такой отказ оформляется путем направления обществу письменного уведомления.

Институт дополнительных прав в большей степени характерен для обществ с ограниченной ответственностью в силу прямого правового закрепления в специализированном законе. В законодательстве об акционерных обществах (далее по тексту – «АО») положение дел несколько иное.

Федеральный закон от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» (далее по тексту – «Закон об АО») закрепляет несколько категорий акционеров, которые обладают различным объемом правомочий:

1. Акционеры – владельцы обыкновенных акций;
2. Акционеры – владельцы привилегированных акций.

При этом Закон об АО не предусматривает дополнительных прав ни одной из вышеуказанных категорий, как правило разница заключается в объеме/наличии/отсутствии/порядке реализации имущественных корпоративных прав.

Тем не менее Закон об АО предоставляет некоторым акционерам иные – особые права, которые не являются ни преимущественными, ни дополнительными. В частности, право требовать выкупа акций, в соответствии со статьей 84.8 Закона об АО, а именно, лицо, приобретшее свыше 95% акций публичного АО в результате добровольного или обязательного предложения, вправе требовать выкупа принадлежащих: акционерам, указанным в п. 1 статьи 84.1 Закона об АО; владельцам эмиссионных ценных бумаг, конвертируемых в такие акции [4].

Е.В. Глухов также отмечает, что Закон об АО позволяет включать в устав непубличного АО или корпоративный договор правила о специальных типах привилегированных акций, права по которым активируются при конкретных обстоятельствах (событиях, действиях/бездействии общества, сроке и пр.). В целом наделение акционеров дополнительными правами возможно только лишь посредством их фиксации в акционерном соглашении. Исключением является закрепление в уставе/корпоративном договоре отклонения от принципа пропорциональности в распределении прав акционеров (например, голосования, дивидендов) количеству принадлежащих акций [2]. В этой связи О.И. Гентовт также указывает, что «отношении непубличных обществ все больше проявляются диспозитивные начала правового регулирования, в том числе посредством предоставления широких возможностей саморегулирования на уровне устава и корпоративного договора» [1].

Умысел законодателя в части отсутствия унификации правового регулирования неизвестен. При этом можно согласиться с мнением О.А. Мадыгиной и А.В. Есакова о том, что законодателем в отношении АО и ООО закреплён уникальный набор корпоративных прав, созданный для обеспечения защиты интересов участников (акционеров) общества в соответствии с их юридическим статусом и особенностями организации [4]. По мнению О.И. Гентовт разница в правовом регулировании ООО и АО ничем не обусловлена и представляет собой ничто иное как случайность [1].

Также дополнительные права следует отличать от преимущественных прав: преимущественные права не являются дополнительными, а дополнительные – преимущественными. Преимущественные права участников (акционеров) и их содержа-

ние, в отличие от дополнительных, устанавливаются законом, устав может предусматривать порядок их осуществления. Вторым существенным отличием является отсутствие у преимущественных прав признака персонализации, поскольку ими наделяются все участники (акционеры) в силу закона.

Как уже неоднократно указывалось выше, дополнительные права могут быть предусмотрены в уставе или решении ОСУ (в отношении ООО), а также в корпоративном договоре. При этом в случае, когда участниками (акционерами) преследуется цель установления, изменения, сохранения корпоративного контроля, устав и (или) корпоративный договор как формы корпоративного контроля могут содержать дополнительные права в качестве «усиления» положения какого-то из участников. Например, корпоративный договор позволяет устанавливать специальный порядок формирования органов общества, в том числе порядок голосования по вопросам повестки дня. Так участник (акционер) может быть наделен правом выдвигать кандидатуры в состав органа, а остальные обязуются проголосовать «за» представленные кандидатуры. В данной ситуации участник, наделенный дополнительным правом, получает возможность определять волю общества по вопросам, которые входят в компетенцию органа.

Однако, иногда на практике наделение дополнительными правами одних участников может вызывать ограничение или даже лишение прав других, что провоцирует корпоративные конфликты и судебные споры. В частности, в одном из дел ФАС Северо-Кавказского округа в своем Постановлении от 05.04.2007 № Ф08–1716/2007 по делу № А32–66585/2006–45/54 указал, что возможность наделения участников общества дополнительными правами не предполагает наделение одних участников за счет лишения прав других участников общества, такое действие являлось бы злоупотреблением правом, не подлежащим судебной защите. В указанном деле участнику было предоставлено дополнительное право на избрание директора, которым он воспользовался и единоличным волеизъявлением назначил директора, тем самым пренебрегая правами и законными интересами остальных участников. Здесь действия участника были признаны неправомерными, поскольку другие участники общества фактически лишены предоставленных им прав.

Наличие дополнительных прав позволяет участникам, ими обладающими, контролировать определенные сферы жизнедеятельности общества. Например, ФАС Западно-Сибирского округа было рассмотрено дело № А46–9415/2011, в котором решением ОСУ была утверждена новая редакция положения о премировании в связи с чем нарушено дополнительное право участника в части согласования сроков и сумм премий и других выплат сверх заработной платы, который не присутствовал при принятии решения (Постановление от 04.06.2012). Суд указал, что принятие решения об утверждении новой редакции положения о премировании

в отсутствие участника, наделенного соответствующим дополнительным правом, является существенным нарушением прав такого участника и положений Закона об ООО.

Заключение

Таким образом, дополнительные корпоративные права, представляющие собой персонифицированные привилегии для участников хозяйственного общества, являются важным и ценным инструментом при структурировании корпоративного контроля, дополняя его формы. А именно признаки дополнительных прав как персонифицированный характер и фиксация в уставе или решении ОСУ (в отношении ООО). В частности, включение дополнительных корпоративных прав в устав общества и корпоративный договор. При этом необходимо учитывать строгое правовое регулирование их установления и прекращения, а также неукоснительное соответствие императивным критериям допустимости, направленным на защиту прав всех участников корпоративных отношений. Правоприменительная практика последовательно указывает на недопустимость использования дополнительных прав для необоснованного ограничения или лишения прав других участников общества.

Литература

1. Гентовт О.И. Ограничение корпоративных прав как средство обеспечения интересов участников хозяйственных обществ: монография. Москва: Статут, 2022. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Глухов Е.В. Корпоративный договор: подготовка и согласование при создании совместного предприятия [Электронное издание]/Глухов Е.В. М-Логос, 2017. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
3. Глушецкий А.А. Открытые и закрытые корпорации. Особенности оборота долей в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью: правовой и экономический аспекты. М.: Статут, 2017. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Мадыгина О.А., Есаков А.В. О целесообразности классификации корпоративных прав // Юрист. 2024. № 2. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
5. Могилевский С.Д. Общество с ограниченной ответственностью: законодательство и практика его применения. М.: Статут, 2010. – До-

ступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

6. Шиткина И.С. Корпоративное право: Учебный курс. В 2 т. Т. 1 / Отв. ред. И.С. Шиткина. М.: Статут, 2018. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

THE IMPORTANCE OF ADDITIONAL RIGHTS OF A MEMBER IN A BUSINESS ENTITY IN CORPORATE AND CONTROL RELATIONS: LEGAL NATURE, FIXATION AND IMPLEMENTATION

Semkina A.S.

All-Russian State University of Justice, JSC «Russian Post»

Study aims to conduct a comprehensive analysis of the legal nature, regulatory framework, and role of additional corporate rights within corporate legal relations. These rights are examined primarily as instruments complementing forms of corporate control, especially in mergers and acquisitions (M&A) transactions. The author employs the following research methodologies: dogmatic, comparative legal, and analytical. Synthesis of the obtained data enables the formulation of generalized conclusions regarding the legal nature, regulatory framework, and practical significance of the institution of additional corporate rights. The author concludes that defining characteristics of additional rights – namely their personalized nature and requirement for formalization in the charter or resolution of the general meeting of members (for limited liability companies) – establish this institution as a significant instrument for structuring control within a business entity. This specifically entails the incorporation of additional corporate rights into the entity charter and shareholder/member agreement. When utilizing this instrument, it is imperative to consider the imperative criteria for the permissibility of granting such rights, alongside the significant risk of disrupting the balance of interests among members (shareholders) of the business entity and instigating corporate conflicts.

Keywords: corporate rights, supplementary rights, corporate control, forms of corporate control, business entities.

References

1. Gentovt O.I. Ogranichenie korporativnyh prav kak sredstvo obespecheniya interesov uchastnikov hozyajstvennyh obshchestv: monografiya. Moskva: Statut, 2022. – Dostup iz spravocnoy pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
2. Gluhov E.V. Korporativnyj dogovor: podgotovka i soglasovanie pri sozdanii sovmestnogo predpriyatiya [Elektronnoe izdanie]/ Gluhov E.V. M-Logos, 2017. – Dostup iz spravocnoy pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
3. Glusheckij A.A. Otkrytye i zakrytye korporacii. Osobennosti oborota dolej v ustavnom kapitale obshchestva s ogranichennoj otvetstvennost'yu: pravovoj i ekonomicheskij aspekty. M.: Statut, 2017. – Dostup iz spravocnoy pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
4. Madygina O.A., Esakov A.V. O celesoobraznosti klassifikacii korporativnyh prav // Yurist. 2024. № 2. – Dostup iz spravocnoy pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
5. Mogilevskij S.D. Obshchestvo s ogranichennoj otvetstvennost'yu: zakonodatel'stvo i praktika ego primeneniya. M.: Statut, 2010. – Dostup iz spravocnoy pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».
6. Shitkina I.S. Korporativnoe pravo: Uchebnyj kurs. V 2 t. T. 1 / Otв. red. I.S. Shitkina. M.: Statut, 2018. – Dostup iz spravocnoy pravovoy sistemy «Konsul'tantPlyus».

Пределы законного использования криптовалют: опыт России и ведущих иностранных юрисдикций

Суворов Андрей Павлович,

аспирант, Негосударственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: ap.suv.003@gmail.com

В статье рассматриваются пределы законного использования криптовалют с позиций гражданского права. Анализируются правовые подходы, применяемые в России и ведущих иностранных юрисдикциях (Китай, Гонконг, Сингапур, Новая Зеландия, ОАЭ, Панама, Сальвадор и др.), к определению правового статуса криптовалют как объектов гражданских прав, а также их оборотоспособности. Подчеркивается, что, несмотря на разный уровень нормативного закрепления, подавляющее большинство стран признают криптовалюту имуществом. Вместе с тем крайне ограничено и редко допускается использование криптовалюты в качестве законного платёжного средства – единственным исключением остаётся кратковременный эксперимент Сальвадора. Особое внимание уделяется анализу судебной практики, а также концепциям допуска оборота криптовалют при сохранении контроля со стороны государства; в том числе, как это реализовано в модели «одна страна – две системы» в Китае и Гонконге. В заключение высказывается мнение о возможности применения аналогичной модели на территории России.

Ключевые слова: криптовалюта, цифровая валюта, биткоин, гражданское право, имущество, средство платежа, зарубежный опыт, судебная практика.

Проблематика частных денег для государства

Правители и правительства всегда старались контролировать финансовую сферу управляемых ими государств. Со времён лидийского царя Крёза, правившего в VI в. до н.э., и до сегодняшних дней, ключевым элементом такого контроля является эмиссия национальной валюты. Ещё во времена Римской Империи, чеканившей лик действующего императора на монетах (которые, подобно флагу, служили символами могущества и утверждения императорской власти), государство установило монополию на выпуск денег [30, с. 33]. А уже в Новое время Жан Боден определил контроль за эмиссией как один из самых важных и существенных элементов государственного суверенитета [6, с. 176]. При этом, появление бумажных денег не на долго внесло в это правило исключение: до конца XIX века такие деньги представляли собой ассигнации, зачастую выпущенные частными коммерческими банками. Однако и в эмиссии бумажных денег государства со временем добились монополии. Часто, при этом, формальные полномочия по эмиссии бумажных банкнот оставались за несколькими банками-«фаворитами» [24, с. 287]. Но это исключение, которое только подтверждает правило: даже в тех финансовых системах, где функция физической эмиссии банкнот и сейчас возложена на коммерческие банки (например, Гонконг, где все купюры номиналом свыше 10 HKD выпускают три банка: HSBC, Bank of China и Standard Chartered) – функции по нормированию эмиссии, контролю за ней и в целом за оборотом наличных и безналичных денег выполняет центральный банк (в случае того же Гонконга – Hong Kong Monetary Authority).

Поэтому и создание в 2008 г. до сих пор анонимным криптографом под псевдонимом Сатоши Накамото первой системы децентрализованного выпуска и оборота электронных денег – Биткоин [13] – с её последующим широким распространением вызвало существенную озабоченность со стороны государств: стало очевидно появление новых частных денег XXI века. Финансовые регуляторы поспешили оценить, какие риски для стабильности финансовой системы несёт распространение таких цифровых частных денег (например, на уровне FATF [35] и ЦБ РФ [12]). В конце концов, ст. 27 ФЗ «О Центральном банке РФ» прямо запрещает выпуск на территории РФ денежных суррогатов, каковым ЦБ РФ считает криптовалюту и по сей день [14].

Вместе с этим, первые 17 лет существования данной технологии показали, что, несмотря на обо-

значенные регуляторами риски, такая форма цифровых частных денег может быть очень интересна и полезна не только рынку, но и государству. Так, рыночная стоимость 1 BTC уже несколько раз превышала 100 000 USD, а за один 2023 г. российские майнеры «добыли» 54 000 BTC [10]. В условиях же беспрецедентных санкционных ограничений проведение платежей с иностранными контрагентами в криптовалюте стало для российского бизнеса порой единственным способом продолжать внешнеэкономическую деятельность.

Помимо уголовного преследования, наиболее оптимальным способом остановить использование рынком денежного суррогата, является признание государством совершённых с его использованием сделок незаконными и не имеющими юридической защиты в судах. Однако с учётом сказанного выше далеко не все юрисдикции сегодня так жёстко ограничивают использование криптовалют с точки зрения своего частноправового регулирования. В данной работе будут проанализированы подходы, принятые в России, а также в таких юрисдикциях как Китай, Гонконг, Сингапур, Новая Зеландия, Сальвадор, ОАЭ, Панама и ряда других к вопросам пределов законного использования цифровых валют:

- статус цифровых валют как объектов гражданских прав;
- статус цифровых валют как законного платёжного средства. В том числе в контексте повсеместного создания цифровых валют центральных банков;
- законность совершения сделок с цифровыми валютами и их оборота.

Поскольку в данной статье будут анализироваться нормативные акты самых разных стран, в которых используется различный понятийный аппарат, для удобства во всех случаях криптовалюты и их токены будут именоваться «криптовалютой» или «цифровой валютой».

Статус цифровых валют как объектов гражданских прав

Учитывая новизну самой технологии и резко негативное отношение центральных банков к денежным суррогатам, не удивительно, что при создании регулирования по вопросу статуса криптовалюты как объекта гражданских прав существует некоторая непоследовательность. Ярким примером тут может быть российское регулирование.

Так, с 2019 г. в ст. 128 ГК РФ закреплено, что иным имуществом в виде имущественных прав являются цифровые права. В соответствии со ст. 141.1 ГК РФ, для признания обязательственных и иных прав цифровыми правами, они должны быть названы в таком качестве в законе. Такое указание содержится, в частности, в ст. 1 ФЗ от 31.07.2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – ФЗ о ЦФА). Однако

упомянутая статья определяет в качестве цифровых прав (т.е. имущества) только цифровые финансовые активы (фактически – цифровые ценные бумаги); цифровая валюта же намеренно не названа в качестве вида цифровых прав. Таким образом, строго говоря, цифровая валюта (коей и являются все виды криптовалют), не названа напрямую имуществом с т.з. действующего гражданского законодательства.

Однако важно заметить, что указанный в ст. 128 ГК РФ перечень объектов, представляющих собой иное имущество, не является исчерпывающим (такая позиция, например, отражена в решениях КС РФ [16]). И в существующем сегодня в России гражданском обороте цифровая валюта выступает именно как имущество. Так, она может быть продана по договору или передана в доверительное управление. За годы подобного оборота накопилась и судебная практика, однозначно рассматривающая цифровую валюту в качестве имущества (например, [3], [4], [17]). Наконец, подавляющее большинство отраслей российского публичного права уже признаёт цифровую валюту имуществом для своих целей: законодательство о противодействии отмыванию доходов и финансированию терроризма, о банкротстве (в рамках дел о банкротстве арбитражные суды признавали криптовалюту имуществом должника и обязывали предоставить конкурсному управляющему доступ к кошельку ещё до принятия действующей редакции ст. 128 ГК РФ – например, [19]), об исполнительном производстве, о противодействии коррупции, налоговое законодательство; активно идёт законотворческая деятельность по закреплению за цифровой валютой статуса имущества и в уголовном праве.

Интересной точкой пересечения публичного и частного регулирования статуса цифровых валют является ч. 6 ст. 14 ФЗ о ЦФА: судебной защите подлежат только требования тех лиц, которые задекларировали свою криптовалюту в ФНС. Очевидно, при этом, речи не идёт о том, что такая незадекларированная валюта не является объектом гражданских прав и что связанные с ней обязательства не должны исполняться. Законодатель лишь установил, что в отношении таких объектов пусть и основной, но не единственный способ защиты нарушенных прав – судебная защита – недоступен; на аналогичном положении, например, находятся требования из азартных игр и пари (ст. 1062 ГК) или требования, по которым истёк срок исковой давности.

Обращаясь к опыту зарубежных юрисдикций, можно отметить, что ситуация, при которой статус цифровой валюты как объекта гражданских прав определялся бы судебным решением, а не законодателем, является скорее правилом, чем исключением. Так, например, в Китае, несмотря на отсутствие чёткого закрепления статуса криптовалюты как имущества в гражданском законодательстве, судебная практика аккуратно указывает, что у криптовалют «имеются атрибуты имущества» [34]. Суды же Гонконга определяют цифровую ва-

люту в качестве имущества уже без всяких мер догматической предосторожности [20]. Аналогичной позиции придерживаются суды Сингапура [5] и Новой Зеландии [23], указывая, в частности, что цифровая валюта – как и любое другое имущество – может быть передано в траст. Учитывая возможность судей стран общего права обращаться к прецедентам родственных юрисдикций, данный подход можно более-менее уверенно считать устоявшимся в англо-саксонских юрисдикциях. Аналогичным способом статус криптовалюты как имущества закреплён и в такой континентальной юрисдикции как ОАЭ. Например, в решении 2024 г. Апелляционный суд Дубая прямо указывает, что биткойны – это имущество и его можно виндизировать [2].

Впрочем, специалисты по криптографии создают цифровые валюты в том числе – а может и в первую очередь – для того, чтобы они были использованы как средства платежа, а не как актив. Само название статьи Сатоси Накамото, в которой он впервые объясняет принцип работы биткойна («Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System»), отсылает в платёжной функции цифровой валюты. И несмотря на все описанные ранее причины, по которым государства выступают резко против легализации частных денег, на сегодняшний день существует одна юрисдикция, которая признавала биткойн не имуществом, а полноценным средством платежа – Сальвадор. Decreto Legislativo № 57 Ley Bitcoin от 09.06.2021 г. (далее – Закон о биткойне) устанавливал, что данная цифровая валюта является законным средством платежа, и что в биткойне могут быть исполнены любые денежные обязательства (в т.ч. и номинированные в другой валюте), а также уплачены налоги. Можно выделить несколько основных причин, по которым Сальвадор решился на такой эксперимент:

- Уменьшение стоимости совершения платежей. По данным Всемирного банка, более 20% ВВП Сальвадора составляют платежи из-за рубежа [9] (в основном, из США). Исключение банковских комиссий позволит привлекать в экономику больше средств;
- Уменьшение количества людей, не имеющих доступа к безналичным платежам;
- Уменьшение зависимости от доллара США.

Последний пункт особенно важен в свете того, что с 01.01.2001 г. Сальвадор фактически отказался от своей национальной валюты – в эту дату вступил в силу закон о денежной интеграции (Decreto Legislativo № 201 Lei de Integração Monetária), в соответствии с которым в стране допускался свободный оборот долларов США. Таким образом, Закон о биткойне просто добавлял возможность исполнения всех обязательств в ещё одной валюте, которую государство не контролирует; с той лишь разницей, что её эмитентом и гарантом выступало не иностранное государство, а алгоритм децентрализованной сети.

Однако сейчас можно констатировать, что даже в таких идеальных для цифровой валюты ус-

ловиях, эксперимент не увенчался успехом. Ещё при принятии Закона о биткойне эксперты (в т.ч., например, и МВФ [1]) указывали на возможные макроэкономические, финансовые и юридические риски, которые несёт с собой данная технология в роли законного средства платежа. Однако основным препятствием к переходу на цифровую валюту в качестве основной выступили сами сальвадорцы: по опросу института оценки общественного мнения, 91,8% жителей страны не использовали биткойн в 2024 г., а 76,2% не использовали его вовсе [15]. Как итог, выполняя условие МВФ по выдаче Сальвадору очередного займа, Законодательная Ассамблея республики приняла поправки к закону о Биткойне (Decreto Legislativo № 199 Reformas a la ley bitcoin от 29.01.2025 г.). Этим актом установлено, что теперь кредитор по обязательству может – а не обязан – принимать исполнение в биткойне (который, впрочем, продолжает формально называться законным средством платежа). Причём принимать такой вид оплаты могут только физические лица и полностью частные юридические лица; возможность оплаты налогов в биткойнах исключена. Установлено, что обязательства должны быть исполнены в той валюте, в которой они номинированы.

Пожалуй, самым показательным результатом сальвадорского эксперимента можно считать то, что ни одно другое государство – в т.ч. и из числа тех, что испытывают аналогичные Сальвадору финансовые и монетарные сложности – не последовало его примеру; хотя при принятии Закона о биткойне аналогичную возможность рассматривали многие из таких юрисдикций. Вместо этого, государства всё чаще обращаются к идее выпуска собственной цифровой валюты, контроль над эмиссией и оборотом которой осуществлял бы национальный центральный банк – т.н. central bank digital currency (далее – CBDC). На данный момент 134 юрисдикции разрабатывают или проводят тестирование своих CBDC, а 3 уже полностью запустили их: Багамы (Sand Dollar), Нигерия (eNaira) и Ямайка (Jam-Dex) [32]. Активно проводят тесты своих суверенных цифровых валют также почти все члены БРИКС, в первую очередь Россия, Китай, Индия и ОАЭ. Законодатель в таких юрисдикциях, как правило исходит из понимания, что CBDC его юрисдикции – это то же законное средство платежа, что и «физическая» валюта. Например:

- ст. 128 ГК РФ определяет цифровые рубли как вид безналичных денежных средств, а ст. 140 ГК РФ прямо указывает, что цифровые рубли (наравне с другими формами существования рублей) являются законным платёжным средством;
- законодательство Китая, несмотря на то, объём сделок с цифровым юанем в июне 2024 г. превысил отметку в 7 триллионов CNY [33], а через систему mBridge уже были совершены первые трансграничные переводы в e-CNY, сейчас не содержит чёткой фиксации правового статуса цифрового юаня [31, с. 183]. Действу-

ющий Закон КНР о Народном банке Китая регулирует лишь традиционные формы народной валюты. В то же время техническая документация цифрового юаня исходит из закрепления за ним статуса законного платёжного средства [18]. Более того, китайским ЦБ был даже подготовлен проект нового закона о Народном банке, ст. 19 которого чётко указывает, что народная валюта существует как в физической, так и в цифровой формах [28];

- Федеральный Декрет-Закон ОАЭ № 54 от 01.11.2023 г. внёс поправки в Декрет-Закон о центральном банке в части указания на то, что дирхам существует, в том числе, и в виде цифровой валюты и что его цифровая форма также является законным средством платежа.

При этом, не стоит считать, что все юрисдикции каким-либо образом решили анализируемые в данной статье вопросы. Ярким примером государства, игнорирующего их актуальность, является Панама. Данная юрисдикция не только не ведёт каких-либо известных разработок в сфере CBDC, но и в принципе не приняла какого-либо регулирования по вопросам криптовалют и блокчейна. В своих мнениях № 07–2018 от 15.11.2018 г. [22] и № 01–2023 от 23.03.2023 г. [21] Управление Республики Панама по надзору за рынком ценных бумаг подчёркивает, что в стране отсутствует какое бы то ни было определение юридического статуса биткоина, а деятельность с ним не лицензируется и не контролируется. И несмотря на то, что различные законопроекты по данным вопросам рассматриваются с 2018 г., ситуация остаётся неизменной. Впрочем, учитывая, что Панама — это популярная офшорная юрисдикция, такое положение дел, кажется, устраивает всех, кроме лиц и организаций, ответственных за борьбу с отмыванием средств.

Законность оборота криптовалюты

С момента появления товарно-денежных отношений в человеческих обществах деньги играли роль средства обмена и — позднее — универсального эквивалента стоимости. Соответственно, для того чтобы деньги могли полноценно исполнять свои функции, они должны быть ликвидны: у участников экономических отношений должна быть возможность передавать деньги в обмен на товары/работы/услуги. И если с эмитируемыми государством деньгами эта ликвидность достигается по средствам нормы закона о том, что любое обязательство может (а часто — должно) быть исполнено в национальной валюте, то в отношении частных денег, наоборот, государство зачастую вводит ограничения на их оборот. Применительно к криптовалютам государства указывают на риски их распространения в качестве ликвидной валюты: начиная от банального мошенничества (только в США за 2024 г. граждане и компании потеряли 9.3 миллиарда долларов в результате мошенничества с криптовалютами [8, с. 35]) и отмывания полученных преступным путём

средств и заканчивая общей угрозой стабильности финансовой системы.

Например, на все указанные риски использования криптовалют в качестве средства платежа не раз указывал ЦБ РФ [12 с. 23–28]. Именно с этим связана принципиальная позиция российского регулятора, нашедшая отражение в п. 10 ст. 4 ФЗ о ЦФА: цифровые финансовые активы запрещено принимать в качестве встречного предоставления. Единственное исключение сделано в п. 11 той же статьи: оплачивать товары/работы/услуги криптовалютой можно по внешнеторговым контрактам. Однако и оно вызвано не столько системным подходом, сколько практической необходимостью проведения таких платежей российскими импортёрами и экспортёрами в условиях санкционных ограничений; не зря правовой режим такого оборота криптовалюты именуется «экспериментальным».

Во многом схожей позиции придерживаются и финансовые регуляторы КНР. Так, регулирование КНР в сфере оборота криптовалюты указывает, что Bitcoin, Ether, Tether и другие криптовалюты не являются законным средством платежа и не могут использоваться в качестве валюты; их выпуск является незаконным актом публичного финансирования. Обмен виртуальной валюты на фиатную запрещён, а финансовым институтам запрещено каким-либо образом участвовать в ICO и в целом в обороте криптовалют. Предоставление связанных с криптовалютами услуг резиденту КНР нерезидентом — в том числе через интернет — также запрещено. При этом, какого бы то ни было отдельного законодательного акта, посвящённого регулированию данных вопросов, в Китае нет, и данное регулирование установлено совместными актами Народного банка Китая с профильными министерствами и ведомствами:

- Уведомление от 05.12.2013 г. о предотвращении рисков, связанных с биткоином [27];
- Уведомление от 04.09.2017 г. о предотвращении рисков, связанных с ICO [26];
- Уведомление № 237 от 15.09.2021 г. о дальнейших мерах по предотвращению и устранению рисков, связанных со спекулятивными операциями с виртуальными валютами [29].

При этом, как подчеркнул в уже приводившемся выше решении народный суд района Сунцзын города Шанхай, указанное регулирование не запрещает владение криптовалютой физическими лицами [34]. Учитывая, что тем же решением судом было подтверждено наличие у криптовалюты «атрибутов имущества», вполне возможна передача таких активов между физическими лицами при правопреемстве: например, в рамках наследования или при разделе совместно нажитого супругами имущества.

Кроме того, дополнительную гибкость Китаю обеспечивает принцип «одна страна — две системы», в соответствии с которым Гонконг является самостоятельной юрисдикцией; нормативные акты Китая в сфере частного права не действуют в Гонконге и наоборот. Благодаря этому китайское

руководство выстроило в Гонконге принципиально иной, крайне благоприятный для использования криптовалют режим, без ущерба для финансовой системы «основного» континентального Китая. Так, гонконгские компании и резиденты не ограничены в своей возможности передавать криптоактивы (как и любое другое имущество) в качестве встречного предоставления по сделке. Более того, гонконгские власти активно встраивают операции с криптовалютами в существующую финансовую систему. Так, например, компании, предоставляющие услуги по обмену криптовалютой на фиатную валюту, по организации платежей с использованием криптовалюты, по организации ICO, и так далее, должны получить лицензию Virtual Asset Trading Platform. Деятельность таких платформ регулируется теми же актами, что и деятельность более классических финансовых институтов (банков, платёжных систем, брокеров и так далее): Anti-Money Laundering and Counter-Terrorist Financing Ordinance (Cap. 615) и Securities and Futures Ordinance (Cap. 571).

Соответственно, все китайские предприятия, у которых есть необходимость в проведении платежей в криптовалюте, могут воспользоваться инфраструктурой Гонконга, создав там для этих целей компанию. При этом, изолированность финансовой системы континентального Китая от криптоактивов и сопутствующих им рисков не нарушается, поскольку при отправке фиатной валюты из Гонконга китайский банк не зачислит её на счёт, если компания не сможет доказать, что эта валюта не была получена ей с участием криптовалюты.

Следует отметить, что аналогичного гонконгскому подхода придерживаются многие другие юрисдикции-корпоративные центры; правда, с поправкой на собственную риск-политику. Так, например, компании, зарегистрированные в ОАЭ (как на основной территории страны, так и в свободных экономических зонах), обязаны согласовывать с Virtual Assets Regulatory Authority, фактически, все виды операций с криптоактивами. При этом, использование этих самых криптоактивов допускается достаточно широкое – вплоть до выплаты зарплаты работнику [25]. В то же время такие классические офшорные юрисдикции как, например, Британские Виргинские Острова, обязывают компании получать лицензию Virtual Assets Services Provider только в случае, если компания предлагает третьим лицам указанные в законе финансовые услуги, связанные с криптоактивами.

Наконец, упоминавшиеся ранее юрисдикции, не имеющие как такового регулирования о статусе криптовалюты, в большинстве случаев также не имеют правил относительно законности её оборота. К примеру, законодательство Панама не содержит никаких запретов (как, впрочем, и разрешений) на совершение частными лицами операций с использованием криптовалюты. При этом, законодательная попытка ввести чёткие нормы, разрешающие оборот криптоактивов и использования их как средства платежа, а также требования к по-

лучению лицензий на предоставление финансовых услуг, связанных с криптовалютами, в Панаме уже была [11]. Законопроект даже был единогласно принят Национальной Ассамблеей в 2022 г., однако Президент Лаурентино Кортисо наложил на него вето, а в 2023 г. Верховный суд Панама признал его неконституционным [7].

Выводы

Большинство стран в той или иной степени придерживаются концепции, что криптовалюта является имуществом с точки зрения объектов гражданских прав. При этом, в отсутствие воли законодателя на законодательное разрешение данного вопроса отвечать на запрос рынка и устанавливать регулирование приходится судам. В вопросе же допустимых пределов использования криптовалюты единства нет: какие-то страны устанавливают полный запрет на оборот цифровых валют (Китай), какие-то допускают оплату криптовалютой в исключительных случаях (РФ), какие-то требуют получать разрешение на её использование, но в целом разрешают оборот (ОАЭ), а какие-то разрешают полностью оборот (Гонконг). Есть и примеры сознательного умолчания законодателя по этому вопросу (Панама). Однако ни одна из юрисдикций – особенно после опыта Сальвадора – не признаёт криптовалюту полноценным платёжным средством. Очевиден, при этом, тренд на разработку и внедрение CBDC – цифровых версий национальных валют. Вполне возможно, что следующее десятилетие пройдёт под знаменем перехода от традиционных уже безналичных денег к цифровым – в т.ч. и в международной торговле (если будут решены проблемы с интеграцией протоколов и цифровым суверенитетом).

Однако на сегодняшний день наиболее эффективной автору представляется концепция, избранная Китаем и Гонконгом: полная защищённость «основной» национальной экономики от рисков, которые несёт с собой распространение оборота криптовалюты в купе с возможностью её использования во внешней торговле через обособленную, но доступную внутреннему рынку юрисдикцию. Представляется, что похожую структуру возможно выстроить на инфраструктуре существующих сейчас в России специальных административных районов о. Русский и о. Октябрьский – с превращением их в полноценные обособленные юрисдикции, «внутренние офшоры».

Литература

1. Адриан Т., Уикс-Браун Р. Криптоактивы в качестве национальной валюты? Слишком смелый шаг [Электронный ресурс] // URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2021/07/26/blog-cryptoassets-as-national-currency-a-step-too-far> (дата обращения: 13.07.2025).
2. Апелляционный суд эмирата Дубай. Дело № 27/2024 по апелляции по коммерческому

- спору, Хамди Бадрауи против Йен Чена. Решение от 21 февраля 2024 г.
3. Апелляционное определение Московского городского суда от 6 июня 2024 года по делу № 33–19434/2024.
 4. Апелляционное определение Московского городского суда от 6 сентября 2023 года по делу № 33–36612/2023.
 5. Байбит Финтек Лтд против Хо Кай Цин и др. [2023] SGHC 199.
 6. Боден Ж. Шесть книг о республике. – Лондон, 1606. – 794 с.
 7. Верховный суд Панама. Решение от 6 июня 2023 г. по делу о проверке конституционности законопроекта № 697 // *Gaceta Oficial de la República de Panamá*. – 2023. – № 29843, Edicto № 835.
 8. Вопросы интернет-преступности. Федеральное бюро расследований США. Отчёт за 2024 год [Электронный ресурс] // URL: https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2024_IC3Report.pdf (дата обращения: 13.07.2025).
 9. Входящие персональные переводы (% от ВВП) – Сальвадор [Электронный ресурс] // URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS?locations=SV> (дата обращения: 13.07.2025).
 10. Госдума одобрила проект о запрете майнинга в отдельных регионах [Электронный ресурс] // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/24/07/2024/669f44e39a7947f6e65d5dfb (дата обращения: 13.07.2025).
 11. Закон о криптовалюте: делая Республику Панама совместимой с цифровой экономикой, блокчейном, криптоактивами и интернетом [Электронный ресурс] // URL: <https://www.cerlatam.com/wp-content/uploads/2022/05/Proyecto-de-Ley-No.697.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).
 12. Криптовалюты: тренды, риски, меры. Доклад для общественных консультаций [Электронный ресурс] // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (дата обращения: 13.07.2025).
 13. Накомто С. Биткойн: одноранговая электронная платёжная система [Электронный ресурс] // URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).
 14. Основные направления развития финансового рынка Российской Федерации на 2024 год и период 2025 и 2026 годов [Электронный ресурс] // URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/155957/onrfr_2024–26.pdf (дата обращения: 13.07.2025).
 15. Оценка за 2024 год. Население Сальвадора оценивает ситуацию в стране на конец 2024 года [Электронный ресурс] // URL: <https://uca.edu.sv/iudop/publicacion/evaluacion-de-anio-2024/> (дата обращения: 13.07.2025).
 16. Определение Конституционного Суда РФ от 24.06.2014 № 1350-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Гиневского Владимира Александровича на нарушение его конституционных прав статьей 128 Гражданского кодекса Российской Федерации» и Мнение судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Гаджиева.
 17. Определение СКГД Верховного Суда РФ от 16.04.2024 № 69-КГ24–3-К7.
 18. Прогресс в исследованиях и разработке цифрового юаня в Китае. Рабочая группа по исследованиям и разработке E-CNY Народного банка Китая. Июль 2021 г. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).
 19. Постановление 9-го Арбитражного апелляционного суда от 15.05.2018 г. по делу № А40–124668/2017.
 20. Ре Гейткойн Лимитед [2023] HKCFI 914.
 21. Республика Панама. Управление по надзору за рынком ценных бумаг. Мнение № 01–2023 от 23 марта 2023 г.
 22. Республика Панама. Управление по надзору за рынком ценных бумаг. Мнение № 07–2018 от 15 ноября 2018 г.
 23. Роскоу против Криптопия Лтд (в ликвидации) [2020] NZHC 728.
 24. Селджин Г. Милтон Фридман и аргументы против денежной монополии // *Cato Journal*. – 2008. – Т. 28, № 2. – С. 287–301.
 25. Суд первой инстанции эмирата Дубай. Дело № 1739/2024 по трудовому спору, С. М. Л. А. Х. против А. В. А. М. Решение от 17 июля 2024 г.
 26. Уведомление Народного банка Китая и других семи ведомств о предотвращении финансовых рисков, связанных с выпуском токенов [Электронный ресурс] // URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017–09/04/content_5222657.htm (дата обращения: 13.07.2025).
 27. Уведомление Народного банка Китая и пяти других министерств и комиссий о предотвращении рисков, связанных с биткоином [Электронный ресурс] // URL: https://www.gov.cn/gzdt/2013–12/05/content_2542751.htm (дата обращения: 13.07.2025).
 28. Уведомление Народного банка Китая о сборе общественного мнения по Закону Китайской Народной Республики о Народном банке Китая (проект по сбору общественного мнения по поправкам) [Электронный ресурс] // URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2020–10/24/content_5553847.htm (дата обращения: 13.07.2025).
 29. Уведомление о дальнейшем предотвращении и устранении рисков спекуляций при транзакциях с виртуальной валютой [Электронный ресурс] // URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021–10/08/content_5641404.htm?utm_ (дата обращения: 13.07.2025).
 30. Хайек Ф.А. Частные деньги / пер. с англ. А. Куряева. – М.: Социум, 2015. – 112 с.
 31. Сюй С., Цзинь Б. Цифровая валюта в Китае: пилотное внедрение, правовые пробле-

мы и перспективы // Juridical Tribune. – 2022. – Т. 12, № 2. – С. 177–194.

32. Цифровые валюты центральных банков: тре-кер [Электронный ресурс] // URL: <https://www.atlanticcouncil.org/cbdctracker/> (дата обращения: 13.07.2025).
33. Число транзакций с цифровым юанем достигло 7 трлн юаней [Электронный ресурс] // URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202409/05/content_WS66d9ab-78c6d0868f4e8eaa27.html (дата обращения: 13.07.2025).
34. Эмиссия виртуальных валют для сбора огромных средств. К чему это приведет? [Электронный ресурс] // URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA3M-jcXNDM5OQ==&mid=2650784656&idx=1&sn=12cb5b68872ef0e5a8135b9709b-5c356&scene=21&pos_token=HNZDMmij4Vp-4s3AwWAWGk3CAPEMUb92a2rRz8et5 (дата обращения: 13.07.2025).
35. ФАТФ. Руководство к риск-ориентированному подходу. Виртуальные активы и поставщики виртуальных услуг [Электронный ресурс] // URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/guidance/RBA-VA-VASPs.pdf> (дата обращения: 13.07.2025).

LIMITS TO THE LEGAL USE OF CRYPTOCURRENCIES: EXPERIENCE OF RUSSIA AND LEADING FOREIGN JURISDICTIONS

Suvorov A.P.

Moscow Financial and Industrial University "Synergy"

The article examines the limits of the legal use of cryptocurrencies from the perspective of civil law. It analyses the legal approaches applied in Russia and leading foreign jurisdictions (China, Hong Kong, Singapore, New Zealand, the UAE, Panama, El Salvador, etc.) to determining the legal status of cryptocurrencies as objects of civil rights, as well as their transferability. It is emphasised that, despite different levels of regulatory recognition, the vast majority of countries consider cryptocurrencies to be property. At the same time, the use of cryptocurrencies as a legal tender is extremely limited and rarely permitted – the only exception being El Salvador's short-termed experiment. Particular attention is paid to the analysis of judicial practice, as well as concepts of allowing the circulation of cryptocurrencies while maintaining state control, including how this is implemented in the 'one country, two systems' model in China and Hong Kong. In conclusion, the possibility of applying a similar model in Russia is discussed.

Keywords: cryptocurrency, digital currency, Bitcoin, civil law, property, legal tender, foreign experience, judicial practice.

References

1. Adrian T., Weeks-Brow R. Cryptoassets as National Currency? A Step Too Far [Electronic source] // URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2021/07/26/blog-cryptoassets-as-national-currency-a-step-too-far> (date of reference: 13.07.2025).
2. The Court of Appeal of the Emirate of Dubai. Case No. 27/2024 on Appeal of a commercial dispute, Hamdi Badawi v. Yin Chen. The decision of 21st of February, 2024.
3. Appeal decision of the Moscow City Court dated 6th of June, 2024 in case No. 33–19434/2024.
4. Appeal decision of the Moscow City Court dated 6th of September, 2023 in case No. 33–36612/2023.
5. ByBit Fintech Ltd v Ho Kai Xin and others [2023] SGHC 199.
6. Bodin J. The Six Books of a Commonweale. – London, 1606. – 794 p.
7. Supreme Court of Panama. Decision of 6 June 2023 on the constitutionality of Bill No. 697 // Gaceta Oficial de la República de Panamá. – 2023. – No. 29843, Edicto No. 835.
8. Federal Bureau of Investigation. Internet Crime Report 2024 [Electronic source] // URL: https://www.ic3.gov/AnnualReport/Reports/2024_IC3Report.pdf (date of reference – 13.07.2025).
9. Personal remittances, received (% of GDP) – El Salvador [Electronic source] // URL: <https://data.worldbank.org/indicator/BX.TRF.PWKR.DT.GD.ZS?locations=SV> (date of reference – 13.07.2025).
10. The State Duma approved a bill to ban mining in certain regions. [Electronic source] // URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/24/07/2024/669f44e39a7947f6e65d5dfb (date of reference – 13.07.2025).
11. Crypto law: making the Republic of Panama compatible with the digital economy, blockchain, crypto assets and the Internet. [Electronic source] // URL: <https://www.cerlatam.com/wp-content/uploads/2022/05/Proyecto-de-Ley-No.697.pdf> (date of reference – 13.07.2025).
12. Cryptocurrencies: trends, risks, measures. Report for public consultation [Electronic source] // URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/132241/Consultation_Paper_20012022.pdf (date of reference – 13.07.2025).
13. Nakamoto S. Bitcoin: A Peer-to-Peer Electronic Cash System [Electronic source] // URL: <https://bitcoin.org/bitcoin.pdf> (date of reference – 13.07.2025).
14. Key areas of development for the Russian Federation's financial market in 2024 and the period 2025–2026 [Electronic source] // URL: https://www.cbr.ru/Content/Document/File/155957/onr-fr_2024-26.pdf (date of reference – 13.07.2025).
15. 2024 Year Assessment. The Salvadoran population assesses the country's situation at the end of 2024. [Electronic source] // URL: <https://uca.edu.sv/iudop/publicacion/evaluacion-de-anio-2024/> (date of reference – 13.07.2025).
16. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation No. 1350-O dated 24 June 2014 'On the refusal to accept for consideration the complaint of citizen Vladimir Alexandrovich Gineevsky regarding the violation of his constitutional rights by Article 128 of the Civil Code of the Russian Federation' and the opinion of Judge G.A. Gadzhiev of the Constitutional Court of the Russian Federation.
17. Decision of the Judicial Panel on Civil Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated 16th of April, 2024 No. 69-KG24–3-K7.
18. Progress in the research and development of the digital yuan in China. Research and Development Working Group on E-CNY of the People's Bank of China. July 2021. [Electronic source] // URL: <http://www.pbc.gov.cn/en/3688110/3688172/4157443/4293696/2021071614584691871.pdf> (date of reference – 13.07.2025).
19. Decision of the 9th Arbitration Court of Appeal dated 15th of May, 2018 in case No. A40–124668/2017.
20. Re Gatecoin Limited [2023] HKCFI 914.
21. Republic of Panama Superintendency of the Securities Market, Opinion No. 01–2023, dated 23rd of March, 2023.
22. Republic of Panama Superintendency of the Securities Market, Opinion No. 07–2018, dated 15th of November, 2018.
23. Ruscoe v Cryptopia Ltd (in liquidation) [2020] NZHC 728.
24. Selgin G. Milton Friedman and the Case Against Currency Monopoly // Cato Journal. – 2008. – Vol. 28. № 2 – P. 287–301.
25. Court of First Instance of the Emirate of Dubai. Case No. 1739/2024 concerning a labour dispute, S. M. L. A. H. v. A. W. A.M. Decision of 17th of July, 2024.
26. Notice from the People's Bank of China and seven other agencies on preventing financial risks associated with token issuance [Electronic source] // URL: https://www.gov.cn/xinwen/2017-09/04/content_5222657.htm (date of reference – 13.07.2025).
27. Notice from the People's Bank of China and five other ministries and commissions on preventing risks associated with Bitcoin [Electronic source] // URL: https://www.gov.cn/gzdt/2013-12/05/content_2542751.htm (date of reference – 13.07.2025).
28. Notice of the People's Bank of China on Soliciting Public Opinions on the Law of the People's Republic of China on the People's Bank of China (Draft for Soliciting Public Opinions on Amendments) [Electronic source] // URL: <https://www.gov.cn/>

- zhengce/zhengceku/2020-10/24/content_5553847.htm (date of reference – 13.07.2025).
29. Notice on further prevention and elimination of risks of speculation in virtual currency transactions [Electronic source] // URL: https://www.gov.cn/zhengce/zhengceku/2021-10/08/content_5641404.htm?utm_ (date of reference – 13.07.2025).
30. Hayek, F.A. Private Money / Translated from English by A. Kuryayev. – Moscow: Социум, 2015. – 112 p.
31. Xu C., Jin B. Digital currency in China: pilot implementations, legal challenges and prospects // Juridical Tribune. – 2022. – vol. 12, iss. 2. – P. 177–194.
32. Central Bank Digital Currency Tracker [Electronic source] // URL: <https://www.atlanticcouncil.org/cbdctracker/> (date of reference – 13.07.2025).
33. China's digital yuan transactions hit 7 trln yuan [Electronic source] // URL: https://english.www.gov.cn/archive/statistics/202409/05/content_WS66d9ab78c6d0868f4e8eaa27.html (date of reference – 13.07.2025).
34. Issuing virtual currencies to raise huge amounts of funds, what is the end? [Electronic source] // URL: https://mp.weixin.qq.com/s?__biz=MzA3MjcNNDM5O-Q==&mid=2650784656&idx=1&sn=12cb5b68872ef0e-5a8135b9709b5c356&scene=21&poc_token=HNZDMmij4Vp-4s3AwWAWGk3CAPEMUb92a2rRz8et5 (date of reference – 13.07.2025).
35. FATF. Guidance for a risk-based approach. Virtual assets and Virtual assets service providers. [Electronic source] // URL: <https://www.fatf-gafi.org/content/dam/fatf-gafi/guidance/RBA-VA-VASPs.pdf> (date of reference – 13.07.2025).

Правовые основания для признания контролирующим лицом должника (кредитной организации)

Ткаченко Артем Павлович,
независимый исследователь
E-mail: arteum2001@yandex.ru

В статье рассматриваются правовые основания для признания лица контролирующим должника (кредитную организацию) в рамках дел о банкротстве. Автор анализирует законодательные и фактические критерии отнесения лиц к категории контролирующих, включая формальные признаки, закрепленные в Федеральном законе «О несостоятельности (банкротстве)», а также судебную практику, формирующую дополнительные критерии. Особое внимание уделяется специфике банковской деятельности, которая обуславливает расширенный перечень контролирующих лиц, включая топ-менеджеров, членов советов директоров и иных лиц, способных влиять на решения кредитной организации. Отмечается, что отсутствие четких законодательных критериев для выявления скрытых бенефициаров и злоупотребления при подаче заявлений о субсидиарной ответственности создают проблемы в правоприменении. На основе анализа судебной практики автор предлагает законодательно закрепить уточненные критерии для признания лица контролирующим, такие как существенность влияния, инициатива в противоправных действиях и масштаб последствий.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, банкротство кредитных организаций, контролирующее должника лица, признаки контроля, критерии привлечения к ответственности, злоупотребление правом, формальные и фактические признаки контроля.

Для целей применения института субсидиарной ответственности в рамках дел о несостоятельности (банкротстве) кредитной организации немаловажно определить субъектный состав правоотношений, а именно категорию лиц, признающих контролирующими должника кредитную организацию. Тенденция развития самого института привела к закономерному расширению перечня лиц, которые могут быть привлечены к субсидиарной ответственности. Это прежде всего связано со спецификой банковской деятельности, которая подразумевает многоуровневую систему управления кредитной организацией, ввиду масштабности по своим объемам деятельности. Строгий контроль данного вида деятельности со стороны законодателя, предопределил императивно закрепленный перечень органов управления, их персональный состав, а также предъявляемые к кандидатам требования. Согласно закрепленным в законодательстве положениям, к органам управления в кредитной организации относятся общее собрание участников, совет директоров, наблюдательный совет, единоличный и коллегиальный исполнительные органы [1]. Также выделяются органы, создаваемые в рамках регулирования хозяйственной деятельности банка, для целей дополнительного контроля за деятельностью кредитной организации. К таким органам можно отнести кредитный комитет, комитет по развитию, комитет по рискам и другие. Каждый из органов управления кредитной организации вне зависимости от его обязательного наличия наделяется своими правами и обязанностями по управлению кредитной организации, которые фиксируются во внутренних локальных актах банка.

Общие правила признания КДЛ закреплены в законодательстве о банкротстве, а именно в статье 61.10 ФЗ о несостоятельности (банкротстве), которая выделяет следующий перечень правовых оснований, а именно:

наличие права давать обязательные для исполнения должником указания, вне зависимости от формального-юридического контроля должника;

возможность иным образом определять действия должника, в том числе по совершению сделок и определению их условий [2].

В рамках специальных норм, регулирующих банкротство кредитных организаций этот перечень тождественен с некоторыми особенностями. Так, для организаций, осуществляющих банковскую деятельность, КДЛ признается лицо, указанное в статье 61.10 названного закона, а также лицо, которое осуществляет или осуществляло в отношении кре-

дитной организации контроль, определяемый в соответствии с Международными стандартами финансовой отчетности, признанными на территории Российской Федерации, и лицо, включенное Банком России в перечень контролирующих кредитную организацию лиц. Такой перечень контролирующих лиц ведется Банком России на основании статьи 57.6 Закона о ЦБ РФ [3], в которой указано, что Банк России составляет такой перечень из лиц, информацию о которых сообщают кредитные организации на основании статьи 11.1–3 Закона о банках [1], а также из лиц, которых признает контролирующими кредитную организацию Банк России.

Для целей определения таких лиц, Банк России издал указание [4], где в приложении № 3, определил перечень признаков для отнесения лиц к контролирующим финансовые организации лицам. Данный перечень основывается на нормах ФЗ о несостоятельности (банкротстве) и выделяет, помимо указанных выше, ряд иных признаков.

Например, лицо, связанное отношениями родства или свойства с лицами, занимающими управляющие должности в кредитной организации, могут признаваться контролирующими. Также выделяют лиц, которые обладают полномочиями на совершение сделок от имени кредитной организации, которые, в свою очередь, могут быть не только лица, управляющие кредитной организацией. Либо лица, которые могли извлекать выгоду из недобросовестного или незаконного поведения лиц, обладающими такими полномочиями

В отдельную группу признаков для признания лиц контролирующими, выделяют их трудовую связь с кредитной организацией. А именно, либо непосредственное занятие должности руководителя, члена исполнительного органа, ликвидационной комиссией, либо замещение таких должностей, либо иных, которые в силу своего должностного положения могли определять действия кредитной организации.

Отдельно также выделяют лиц, которые могли оказывать влияние на руководителей кредитной организации, как посредством принуждения, так и в силу сложившихся межличностных отношений между такими лицами.

Следующим признаком, который выделяет Банк России является право такого лица самостоятельно, либо совместно с заинтересованными лицами распоряжаться подавляющим большинством голосующих акций, либо долей в обществе, а также напрямую влиять на выбор членов исполнительных органов кредитной организации.

Отдельно указываются лица, которые были признаны арбитражным судом контролирующими по иным основаниям.

С.А. Карелина отмечает, что законодатель максимальным образом расширил перечень лиц, контролирующих кредитную организацию, и включил в данный перечень фактически всех «топ-менеджеров» кредитной организации, в том числе членов совета директоров и членов правления банка [5].

Р.К. Лотфуллин считает, что отсутствие законодательных критериев по выявлению скрытых бенефициаров порождает проблему, связанную с привлечением их к субсидиарной ответственности [6].

Кроме того, к лицам, контролирующим кредитную организацию, не применяется трехлетний срок контроля над должником, установленный п. 1 ст. 61.10 ФЗ о несостоятельности (банкротстве). Данное условие, прежде всего, связано с повышенной ответственностью, предъявляемой к лицам, занимающимися банковской деятельностью, ввиду, масштаба деятельности кредитной организации, из-за которого, в краткосрочной перспективе, за счет большого количества активов могут не проявиться первичные признаки неплатежеспособности.

По нашему мнению, такой широкий перечень лиц, определяемый законодателем, может приводить к злоупотреблению со стороны заявителей при подаче заявления о привлечении к субсидиарной ответственности. В порядке изучения судебной практики [7, 8, 9], становится очевидным, что в заявлении о привлечении к субсидиарной ответственности конкурсный управляющий зачастую указывает всевозможных лиц, которые подпадают под критерии, закрепленные законодателем, вне зависимости от их конкретных противоправных действий. Таким способом заявитель пытается максимально восполнить имущественные потери кредиторов всеми возможными способами, игнорируя цель гражданского законодательства в восстановлении нарушенного права исключительно за счет лиц, действиями которых это право было нарушено.

Кроме прямо названных в законодательстве признаков, для признания лиц, контролирующими должника кредитную организацию, можно выделить также и фактические признаки, которые представляют из себя не что иное, как перечень юридических фактов, совершаемых указанным лицом в отношении должника.

В основе определения таких признаков лежит ключевая практика Верховного Суда РФ по трем делам о привлечении контролирующих лиц должника к субсидиарной ответственности.

Так, экономическая коллегия Верховного Суда РФ по делу публичного акционерного общества акционерного коммерческого банка «Балтика» определила перечень критериев для установления поведения ответчиков, которое повлекло банкротство должника:

возможность лица существенно влиять на деятельность кредитной организации вне зависимости от его фактического положения в организации;

лицо пользуется своими полномочиями недобросовестно и противоправно, что вызывает существенные негативные последствия у должника и у его кредиторов;

лицо иницирует или принимает участия в таком противоправном поведении, а также потенциально извлекает выгоду из негативных последствий для должника или кредиторов [10].

В последствие данные критерии получили свое развитие в Определении Верховного Суда РФ по делу акционерного общества коммерческого банка «Гринфилд» [11] и в Определении Верховного Суда РФ по делу общества с ограниченной ответственностью КБ «Богородский муниципальный Банк» [12].

Для целей определения фактических признаков требуется соотнесение действий лица, с критериями № 2 и № 3. Критерий № 2 позволяет установить такое поведение КДЛ, при котором направленность реализации своих полномочий, например, в совершении или одобрении ряда сделок, заведомо не имело под собой разумного экономически обоснованного поведения. Такие сделки на момент их совершения являлись противоправными, которые объективно не отвечали целям предпринимательской деятельности, а именно извлечения финансовой выгоды для должника. Критерий № 3 устанавливает по своей сути имущественный интерес контролирующего должника лица, а именно если он вовлечен в совершение сделки, посредством ее инициирования, либо соучастия, для целей предполагаемой выгоды такого лица или напрямую является выгодоприобретателем от совершения должником такой сделки. Например, вывод денежных средств через заключение (одобрение) технических кредитов с подконтрольными юридическими лицами (фирмами-однодневками).

Для опровержения таких признаков контролирующего должника лица ссылаются на правило защиты делового решения, которое представляет из себя модель поведения лица, в рамках обычаев делового оборота, с должной осмотрительностью, добросовестно действуя в интересах должника, в рамках предпринимательского риска. А последующие негативные последствия для должника, на момент совершения лицом, его контролирующим, были непредсказуемы и считались маловероятными.

Выведенные позиции получили в последующем широкое распространение. Суды всех инстанций, включая Верховный Суд РФ, активно их применяют при разрешении споров по конкретным делам.

Например, в своем постановлении Арбитражный суд Московского округа, прямо указывает, что для правильного разрешения спора, нижестоящие суды, устанавливали степень участия каждого из ответчиков следуя разъяснениям, данным в ПП ВС № 53 от 21.12.2017 г., а также правовой позиции, изложенной в определениях Верховного Суда РФ по делу банка «Гринфилд» и банка «Балтика» [13].

Таким образом, подводя итог параграфу, следует отметить, что перечень оснований для признания лица, контролирующим должника кредитную организацию довольно широк, включает в себя как формальные, так и фактические признаки для определения контролирующего статуса.

В ходе исследования было установлено, что законодательно закрепленный перечень оснований для признания лица контролирующим долж-

ника кредитную организацию носит обобщенный характер. Такое обобщение вызвано, прежде всего, желанием охватить всевозможный перечень действий или бездействий лица, для признания его контролирующим. А в дальнейшем, на основании судебного усмотрения, лица, действительно осуществлявшие фактический, а не формальный контроль будут привлечены к ответственности.

В этом отношении, как было установлено, судебная практика создала свои критерии для определения статуса и фактического влияния лиц, руководящих кредитной организацией, что противоречит нормам действующей в Российской Федерации правовой системы.

В связи с чем, предлагается закрепить на законодательном уровне критерии для определения статуса КДЛ, а именно:

1. наличие формального основания для признания лица контролирующим;
2. существенность влияния лица на хозяйственную деятельность общества;
3. инициатива со стороны контролирующего лица;
4. масштаб экономических последствий в отношении активов корпорации от таких действий.

При наличии совокупности всех критериев, предполагается считать доказанным статус контролирующего должника лица.

Литература

1. Федеральный закон от 02 декабря 1990 г. №№ 395-1 «О банках и банковской деятельности» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
2. Федеральный закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства Российской Федерации. – 2002. – № 43. – Ст. 4190.
3. Федеральный закон от 10 июля 2002 г. № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
4. Указание Банка России от 9 июня 2021 г. № 5814-У «О форме, порядке и сроках направления кредитными организациями, страховыми организациями и негосударственными пенсионными фондами в Банк России информации о контролирующих их лицах и о порядке ведения Банком России перечней лиц, контролирующих кредитные организации, страховые организации и негосударственные пенсионные фонды» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
5. Карелина С.А. Механизм привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в процессе несостоятельности: современные тренды // Вестник арбитражной практики. – 2022. – № 2. – С. 3–17.

6. Лотфуллин Р.К. Привлечение к субсидиарной ответственности скрытого бенефициара // Судья. – 2018. – № 4. – С. 33–35.
7. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 14 августа 2024 г. № 305-ЭС18–19945(20) по делу № А40–196703/2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
8. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 22 апреля 2022 г. № 305-ЭС18–20160(7–15) по делу № А40–251578/2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 27 ноября 2023 г. № 305-ЭС18–6680(28–30) по делу № А40–200773/2016 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
10. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 7 октября 2021 г. № 305-ЭС18–13210(2) по делу № А40–252160/2015 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
11. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 10 ноября 2021 г. № 305-ЭС19–14439(3–8) по делу № А40–208852/2015 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
12. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда Российской Федерации от 17 ноября 2021 г. № 305-ЭС17–7124(6) по делу № А41–90487/2015 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).
13. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 27.08.2024 г. № Ф05–3763/2020 по делу № А40–116531/2019 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс». URL: <http://base.consultant.ru> (дата обращения: 30.06.2025).

LEGAL GROUNDS FOR CLASSIFYING A PERSON AS CONTROLLING THE DEBTOR (CREDIT INSTITUTION)

Tkachenko A.P.

This article examines the legal grounds for classifying a person as controlling a debtor (credit institution) in bankruptcy proceedings. The author analyses statutory and factual criteria for identifying controlling persons, including formal indicators established in the Federal Law “On Insolvency (Bankruptcy),” as well as judicial practice that has introduced additional criteria. Special attention is given to the specifics of banking activities, which result in an expanded scope of

controlling persons, including top managers, board members, and other individuals capable of influencing a credit institution's decisions. The study highlights that the lack of clear legislative criteria for identifying hidden beneficiaries and abuses in filing subsidiary liability claims creates challenges in legal enforcement. Based on an analysis of judicial practice, the author proposes legislative amendments to refine the criteria for classifying a person as controlling, such as the degree of influence, initiation of unlawful actions, and the scale of consequences.

Keywords: subsidiary liability; bankruptcy of credit institutions; persons controlling the debtor; indicators of control, liability criteria, abuse of rights, formal and factual control indicators.

References

1. Federal Law No. 395-I of 02.12.1990 “On Banks and Banking Activity” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).
2. Federal Law No. 127-FZ of 26.10.2002 “On Insolvency (Bankruptcy)” // Collection of Legislation of the Russian Federation. – 2002. – No. 43. – Art. 4190.
3. Federal Law No. 86-FZ of 10.07.2002 “On the Central Bank of the Russian Federation (Bank of Russia)” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).
4. Directive of the Bank of Russia No. 5814-U of 09.06.2021 “On the Form, Procedure and Time Limits for Credit Institutions, Insurance Organizations and Non-State Pension Funds to Submit Information to the Bank of Russia About Their Controlling Persons and on the Procedure for Maintaining by the Bank of Russia the Lists of Persons Controlling Credit Institutions, Insurance Organizations and Non-State Pension Funds” // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).
5. Karelin S.A. The Mechanism for Bringing Controlling Persons to Subsidiary Liability in Insolvency Proceedings: Current Trends // Bulletin of Arbitration Practice. – 2022. – No. 2. – P. 3–17.
6. Lotfullin R.K. Bringing Hidden Beneficiaries to Subsidiary Liability // Judge. – 2018. – No. 4. – P. 33–35.
7. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES18–19945(20) of 14.08.2024 in Case No. А40–196703/2016 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).
8. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES18–20160(7–15) of 22.04.2022 in Case No. А40–251578/2016 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).
9. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES18–6680(28–30) of 27.11.2023 in Case No. А40–200773/2016 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).
10. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES18–13210(2) of 07.10.2021 in Case No. А40–252160/2015 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).
11. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES19–14439(3–8) of 10.11.2021 in Case No. А40–208852/2015 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).
12. Ruling of the Judicial Chamber for Economic Disputes of the Supreme Court of the Russian Federation No. 305-ES17–7124(6) of 17.11.2021 in Case No. А41–90487/2015 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).
13. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District No. F05–3763/2020 of 27.08.2024 in Case No. А40–116531/2019 // ConsultantPlus Legal Reference System. URL: <http://base.consultant.ru> (accessed: 30.06.2025).

Шестерякова Ирина Владимировна,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
трудового права и права социального обеспечения,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: irinashesteryakova@mail.ru

Морозов Павел Евгеньевич,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры
трудового права и права социального обеспечения,
Московский государственный юридический университет
имени О.Е. Кутафина (МГЮА)
E-mail: pmorozov72@gmail.com

Исследование посвящено анализу правового регулирования трудового комплаенса в Российской Федерации и его места в предмете трудового права. Авторы констатируют активное внедрение концепции трудового комплаенса работодателями, определяя его как профилактическую деятельность по предотвращению рисков нарушений трудового законодательства. Ключевая проблема заключается в отсутствии отношений, связанных с трудовым комплаенсом, в предмете трудового права, закрепленном статьей 1 Трудового кодекса РФ (ТК РФ), а также в отсутствии его легального определения. Это порождает противоречие между растущей практикой принятия локальных актов о комплаенсе и отсутствием их регламентации на уровне ТК РФ. Проблема усугубляется включением Федеральным законом № 248-ФЗ добровольного самообследования работодателей в рамки государственного контроля (надзора), несмотря на различие субъектов этих отношений. Материалом для анализа послужили положения ТК РФ, Федерального закона № 248-ФЗ, разъяснения Роструда, а также практика принятия локальных нормативных актов крупными российскими компаниями (ПАО «Юнипро», АО «Силловые машины», ООО «ЕвроХим – Научно-исследовательский центр», ПАО «НЕФАЗ»). Методологически исследование опирается на сравнительно-правовой анализ, формально-юридический метод и анализ правоприменительной практики. Результаты исследования выявили существенные противоречия. Во-первых, отношения по самообследованию (самоконтролю), закрепленные в статье 22 ТК РФ как право работодателя, отсутствуют в перечне отношений, составляющих предмет трудового права в статье 1 ТК РФ. Во-вторых, текущее регулирование относит эти отношения к государственному или профсоюзному контролю, что нелогично из-за различия субъектного состава. В-третьих, трудовой комплаенс, включающий самообследование, трудовую дисциплину и превентивное управление спорами, регулируется преимущественно фрагментарно на локальном уровне через разрозненные акты (политики комплаенса, положения об управлении персоналом, правила внутреннего распорядка), что снижает его эффективность.

Ключевые слова: трудовой комплаенс, самоконтроль, предмет трудового права, Трудовой кодекс РФ, локальные нормативные акты.

Исследование выполнено в рамках программы стратегического академического лидерства «Приоритет – 2030».

Введение

В настоящее время в деятельности большинства работодателей в России и не только, активно внедряется концепция комплаенса в целом и трудового комплаенса, в частности как вида последнего. Под трудовым комплаенсом мы понимаем профилактическую деятельность специальных органов или должностных лиц в сфере труда, направленную на предотвращение рисков нарушения трудового законодательства, иных актов, содержащих нормы трудового права, коллективных договоров, соглашений и локальных нормативных актов.

Сущность проблемы, по нашему мнению, состоит как в том, что в предмете трудового права отсутствуют как отношения, связанные с трудовым комплаенсом, как и легальная дефиниция трудового комплаенса. Так, ст. 1 Трудового кодекса РФ закрепляет среди иных непосредственно связанных с трудовыми отношениями, входящими в предмет трудового права, отношения по государственному контролю (надзору), профсоюзному контролю за соблюдением трудового законодательства (включая законодательство об охране труда) и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права.

Материалы и методы исследования

Проблема усугубляется еще и тем, что как правило в организациях принимаются локальные нормативные акты о комплаенсе в целом и лишь в редких случаях о трудовом комплаенсе.

В результате чего возникает противоречие между тенденцией принятия нормативных правовых и локальных нормативных актов о комплаенсе или трудовом комплаенсе и отсутствием регламентации этих отношений на уровне Трудового кодекса РФ.

Целесообразно выделить две формы этого противоречия:

- функционирование нормативных правовых актов об самообследовании [1];
- наличие локальных нормативных актов о деятельности комплаенс-офицеров (комплаенс-служб) у конкретных работодателей.

Полагаем, что подобная ситуация возникла и-за того, что Федеральный закон от 31.07.2020 № 248-ФЗ (ред. от 28.12.2024) «О государственном контроле (надзоре) и муниципальном контроле в Российской Федерации» включил добровольное самообследование в рамки государственного контроля (надзора), что представляется не совсем корректным, так как субъекты этих отношений будут разными: в случае государственного контроля(над-

зора) -это государственные органы и работодатель, а в случае самообследования— работодатель в лице его специализированного органа или должностного лица (комплаенс— офицера) и структурные подразделения организации и их работники.

Результаты и обсуждение

Трудовой комплаенс представляет собой комплекс мер, направленных на соблюдение работодателем и работниками законодательства о труде, а также внутренних политик и правил, регулирующих трудовые отношения. Такой подход к управлению трудовыми процессами призван обеспечить не только формальное следование правовым нормам, но и формирование этически и социально ответственного поведения внутри организации. В современном понимании трудовой комплаенс тесно связан с корпоративной культурой, поскольку он учитывает не только внешние предписания, но и ценности самой компании. Особенно важным становится обеспечение прозрачности принятия решений, ясности должностных инструкций и корректности в документообороте. Как отмечается в [4], вовлеченность сотрудников в процесс соблюдения норм трудового права повышает уровень корпоративной дисциплины и снижает риски конфликтов. Следование принципам трудового комплаенса способствует укреплению репутации работодателя на рынке труда и обеспечивает конкурентные преимущества при поиске квалифицированных кадров. При этом одним из основных инструментов трудового комплаенса считается постоянный мониторинг изменений в законодательстве, а также регулярная оценка эффективности действующих процедур. В совокупности данные меры позволяют свести к минимуму нарушение прав работников и обеспечить соблюдение интересов работодателя, что в конечном итоге повышает общую устойчивость организационной структуры.

Трудовой комплаенс возникает на стыке нескольких областей знаний, среди которых, помимо трудового права, присутствуют менеджмент, этика, социология труда и даже психология. Каждая из этих дисциплин вносит свою лепту в понимание сущности и механизма реализации комплаенса. С одной стороны, без четких правовых гарантий и прописанных обязанностей участников трудовых отношений невозможно создать эффективную систему соблюдения норм, так как правовые рамки определяют легитимные границы применения тех или иных мер воздействия. С другой стороны, без развития корпоративной культуры и социальной ответственности невозможно достичь реального эффекта от формально принятых политик. В некоторых случаях, особенно в крупных компаниях, формируется специальная служба комплаенса, отвечающая за контроль исполнения трудового законодательства, оформление соответствующих документов, а также за проведение обучающих мероприятий для сотрудников. В то же время, как показывает практика, немаловажную роль в повыше-

нии эффективности трудового комплаенса играет мотивация работников. Если сотрудники осознают важность несоблюдения правовых норм не только для работодателя, но и для них самих, возникает дополнительный стимул следовать принятым правилам. Именно поэтому современные компании все чаще задумываются над тем, как внедрять механизмы поощрения и развития культуры ответственного поведения. При этом важно, чтобы эти механизмы не оставались только «на бумаге», а реализовывались в конкретных управленческих решениях и практиках.

Предмет трудового права, в свою очередь, охватывает систему общественных отношений, возникающих в процессе организации труда. Эти отношения включают в себя как вопросы найма и увольнения, так и вопросы рабочего времени, системы заработной платы, охраны труда, профессионального развития и социального партнерства. Важное место занимают аспекты, связанные с коллективными соглашениями и регулированием отношений между работодателями и профсоюзами, ведь именно на основе подобного сотрудничества можно выстроить более эффективный диалог. Таким образом, предмет трудового права нельзя свести только к нормативному регулированию найма и увольнения: он затрагивает всю совокупность отношений, возникающих по поводу процесса труда, включая гарантии прав работников и защиту их интересов. Исследователи подчеркивают, что в условиях усиливающейся глобализации рынок труда становится более гибким, а формы занятости — разнообразными, следовательно, границы предмета трудового права постоянно расширяются. Это требует регулярной модернизации законодательной базы, создания новых методик контроля и внедрения инструментов комплаенса, способных реагировать на динамично меняющиеся потребности экономики. Одно из ключевых направлений развития трудового комплаенса называется проактивным подходом, когда работодатель стремится выявить и устранить потенциальные нарушения до того, как они обострятся и могут привести к судебным или иным конфликтным ситуациям.

Замечено, что в быстро меняющемся современном мире вопросы соблюдения трудового законодательства стали неотъемлемой частью корпоративной стратегии. Ведь при ведении бизнеса крупные и малые компании неизбежно сталкиваются с необходимостью трудоустройства сотрудников, организации безопасных условий труда и обеспечением равных возможностей для работников. Чтобы минимизировать правовые риски и избежать возможных штрафов и репутационных потерь, все больше организаций внедряют программы трудового комплаенса. При этом специалисты могут отслеживать, как внутренние нормы согласуются с внешними правовыми требованиями, а в случае обнаружения несоответствий разрабатывать корректирующие меры. Организации, которые не уделяют должного внимания соблюдению норм трудового права, рискуют столкнуться с ростом кон-

фликтов, текучестью кадров и усиливающимся недоверием со стороны персонала. Именно поэтому в современных условиях активное развитие культуры комплаенса становится важнейшим фактором стабильности предприятия.

В контексте предмета трудового права становится очевидно, что речь идет не только о регламентации взаимодействия между работодателем и наемным работником, но и о формировании системы гарантий и правовых механизмов, защищающих интересы всех участников этого взаимодействия. Подобные механизмы могут варьироваться от наличия четкой системы норм, регулирующих рабочее время и режимы отдыха, до специальных процедур разрешения трудовых споров. Каждое из этих направлений в конечном итоге влияет на качество трудовой жизни и мотивацию персонала, играя важную роль в социально-экономическом развитии общества. Согласно корпоративным стандартам, важным аспектом труда сегодня признается учет психологического и эмоционального состояния сотрудников, что также отражается в трудовом праве в виде требований к охране здоровья и профилактике профессиональных заболеваний. Как указывается в [11], соблюдение таких норм напрямую соотносится с эффективностью труда, поскольку здоровый и мотивированный персонал способен работать продуктивнее и с большей заинтересованностью в результатах.

Существуют разные модели трудового комплаенса, отличающиеся степенью вовлеченности сотрудников и формами контроля. В одних организациях все строится на строгом контроле со стороны руководства и служб безопасности, тогда как в других упор делается на доверие и самоорганизацию коллектива. Эффективность той или иной модели зависит от корпоративной культуры, размеров компании, отраслевых особенностей и множества других факторов. Важно, чтобы модель комплаенса не сводилась к навязыванию жестких правил, а учитывала человеческий фактор и социально-психологический климат внутри коллектива. Это означает, что успешный трудовой комплаенс предполагает постоянный диалог и обратную связь с работниками, а также возможность адаптации и корректировки норм при необходимости. Как отмечает ряд исследователей, среди которых [1], оптимальное сочетание жесткого контроля и доверия повышает лояльность работников и укрепляет корпоративную идентичность. С другой стороны, чрезмерная формализация и бюрократизация процессов компрометирует саму суть комплаенса, превращая его в чисто формальную практику без реальной приверженности ценностям.

Трудовой комплаенс опирается на принципы прозрачности и открытости, что подразумевает свободный доступ работников к информации об их правах и обязанностях, а также о механизмах разрешения возможных проблем. Для достижения этих целей, как указывается в [9], активно внедряются цифровые инструменты – корпоративные порталы, базы знаний, онлайн-курсы. Регулярное

обучение персонала актуальным нормам трудового законодательства способно существенно снизить вероятность случайных нарушений, которые могут возникнуть из-за банальной правовой неграмотности. Кроме того, обучающие программы помогают формировать у работников осознанное отношение к своим обязанностям, повышая их заинтересованность в совместном соблюдении правил. Между тем, следует учитывать, что цифровые технологии не могут полностью заменить живое общение и консультации. Именно поэтому в ряде организаций устанавливаются специальные каналы для обращений сотрудников, например, горячие линии или чаты с представителями отдела по вопросам комплаенса. Это позволяет оперативно реагировать на запросы и предотвращать конфликты на ранних стадиях, когда еще отсутствует острая конфронтация.

Одним из важнейших инструментов трудового комплаенса является проведение регулярных аудитов, которые помогают выявить уязвимые места и несоответствия действующему законодательству. Во время трудового аудита анализируются кадровые документы, условия и режимы работы, система оплаты труда и порядок заключения трудовых договоров. Результаты аудита позволяют сделать выводы о том, насколько внутренняя политика организации соответствует требованиям права. Однако форма и периодичность проведения таких аудитов могут различаться в зависимости от масштаба компании, специфики ее деятельности и национального законодательства. По мнению [13], своевременное выявление возможных нарушений в рамках регулярных проверок играет превентивную роль, предотвращая превращение мелких недочетов в крупные правовые конфликты. Но при этом значимость аудитов не ограничивается лишь формальной проверкой соответствия законодательству: они позволяют переоткрыть для себя внутренние бизнес-процессы, оценить их эффективность и определить области, в которых важны дополнительные меры для защиты прав работников.

Отметим и позицию Роструда [2], в соответствии с которой внутренний контроль (самоконтроль) – добровольная оценка работодателем соответствия своей деятельности обязательным требованиям трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, посредством организационных мер, процедур, инструментов.

Кроме того, при помощи создания внутри организации работодателя службы внутреннего контроля (или назначения контролера (руководителя службы внутреннего контроля) при условии численности работников организации свыше 250 человек; «самоинспектирование» с использованием интерактивного сервиса «Электронный инспектор» [2].

Вместе с тем, подобные отношения не выделяются в предмете трудового права, а, судя о всему, исходя из требований Федерального закона

от 31.07.2020 № 248-ФЗ включаются в отношения по государственному контролю (надзору), профсоюзному контролю за соблюдением трудового законодательства (включая законодательство об охране труда) и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, что, естественно, нелогично, так как в этих отношениях различные субъекты и поэтому они существуют отдельно.

Подобный подход объясняется логикой правового регулирования труда, когда субъекты рынка труда имеют различные интересы и противостоят друг другу (потенциально или прямо), например, работник и работодатель в трудовых отношениях, профсоюзы и работодатель, органы контроля (надзора) и работодатель.

Неслучайно поэтому основными задачами трудового законодательства являются создание необходимых правовых условий для достижения оптимального согласования интересов сторон трудовых отношений, интересов государства

В случае же с трудовым комплаенсом ситуация обстоит иначе: отсутствуют противоборствующие стороны, так как работодатель, по существу, проверяет добровольно свою деятельность.

Отметим и другой аспект проблемы: в статье 22 ТК РФ указывается, что работодатель имеет право проводить самостоятельно оценку соблюдения требований трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права (самообследование). Поэтому считаем, что в этом отношении можно утверждать о наличии противоречия между статьёй 1 ТК РФ и статьёй 22 ТК РФ, так как подобных отношений в сфере трудового комплаенса нет в предмете трудового права.

В этой связи важно определиться и с соотношением трудового комплаенса, самообследованием, трудовой дисциплиной и трудовыми спорами.

На наш взгляд, трудовой комплаенс включает в себя самообследование, трудовую дисциплину и трудовые споры, которые рассматриваются не как изолированные друг от друга элементы, а как части единой системы управления комплаенс-рисками в трудовом праве.

Управление комплаенс-рисками подразумевает то, что специализированный орган (должностное лицо) предпринимает действия, направленные на предотвращение возникновения фактов нарушения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права.

Полагаем, что эти действия осуществляются по определенному плану:

Анализ проблемных ситуаций в сфере труда (наличие индивидуальных трудовых споров, разногласий с работодателем, споров с представителями профкомов по вопросам труда).

Действительно, наличие большого количества подобных ситуаций позволяет утверждать, что эффективность управления персоналом в этой организации достаточно низкая, а, следовательно,

но, необходимо предпринять меры, направленные на устранение их причин.

Выявление причин проблемных ситуаций в сфере труда. Это процедура необходима для того, чтобы не допустить в дальнейшем реализацию комплаенс-рисков.

Подобное возможно посредством самообследования. Представляется, что основные задачи службы внутреннего контроля сводятся к следующему:

- определение фактического состояния организации (объекта контроля);
- сравнение фактических данных с требованиями действующего трудового законодательства;
- оценка выявляемых отклонений и степени их влияния на аспекты функционирования организации, оценка последствий выявленных отклонений;
- выявление причин зафиксированных отклонений, разработка плана мероприятий по устранению отклонений (нарушений);
- мониторинг реализации плана, фиксация привнесения деятельности хозяйствующего субъекта в соответствие с требованиями действующего трудового законодательства;
- организация профилактической работы по предупреждению нарушений трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права;
- информирование и консультирование руководства и рядовых сотрудников организации о порядке исполнения отдельных предписаний трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права;
- изучение и внедрение положительного опыта предупреждения нарушений трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права;
- повышение эффективности и улучшение качества управления предприятием посредством внедрения инструментов внутреннего контроля.

Основные направления деятельности службы внутреннего контроля видятся по следующим направлениям:

- учет и анализ состояния и причин нарушений работодателями трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права;
- участие в проведении специальной оценки условий труда;
- согласование разрабатываемой в организации проектной, конструкторской, технологической и другой документации в части обеспечения соблюдения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права;
- разработка совместно с другими подразделениями планов, программ по выявлению и предупреждению нарушений трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права; оказание

- организационно-методической помощи по выполнению запланированных мероприятий;
- обеспечение структурных подразделений локальными нормативными правовыми актами организации, учебными и методическими материалами по тематике надлежащего исполнения требований законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права;
- доведение до сведения работников содержания предписаний действующих законодательных актов [3];

Работодатель обязан создавать условия, необходимые для соблюдения работниками дисциплины труда, которая предполагает обязательное подчинение правилам внутреннего трудового распорядка. Однако возникает вопрос о формальном подходе работника к выполнению распоряжений работодателя. На этот вопрос есть ответ в ст. 21 Трудового кодекса РФ, где закреплено, что работник должен добросовестно исполнять свои трудовые обязанности, возложенные на него трудовым договором. Это его основная обязанность, что неоднократно было подтверждено и Конституционным Судом РФ [4]. Поэтому при заключении трудового договора, важно, чтобы его условия были понятны работнику. Это не является залогом отличного выполнения работником трудовой функции, но выполнение ее будет быть обеспечено. Такая постановка вопроса связана с производительностью труда, а также уровнем соблюдения трудовой дисциплины в организации.

Кроме того, работник обязан также соблюдать трудовую дисциплину. Указанные обязанности могут конкретизироваться в локальных нормативных актах, принимаемых работодателем. При этом трудовое законодательство устанавливает требования к содержанию локальных нормативных актов, в частности правило о недопустимости ухудшения ими положения работников по сравнению с установленным трудовым законодательством и иными нормативными правовыми актами, содержащими нормы трудового права, коллективным договором, соглашениями [5].

Проблема правового регулирования трудового комплаенса, на наш взгляд, состоит, в том числе, и в том, что он регулируется преимущественно на локальном уровне, что приводит к принятию работодателем множества разрозненных локальных нормативных актов, которые содержат лишь отдельные элементы системы трудового комплаенса. Неслучайно поэтому единые локальные нормативные акты по трудовому комплаенсу – это редкость в практической деятельности работодателей, что, естественно, снижает эффективность этого регулирования.

В настоящий момент трудовой комплаенс, как правило, регламентируется следующими локальными нормативными актами: политиками (положениями) о комплаенсе, положениями об управлении персоналом, правилами внутреннего трудового распорядка.

Проанализируем каждый источник более детально.

Так, Политика в области комплаенса ПАО «Юнипро» [6] устанавливает, что к ключевым направлениям комплаенса относится комплаенс в сфере трудовых правоотношений. Политика разработана в целях: обеспечения соответствия деятельности Общества требованиям применимого действующего законодательства Российской Федерации, Внутренних документов, включая Кодекс корпоративного поведения ПАО «Юнипро», и иных обязательных документов, что, в свою очередь, является основой успешного и устойчивого бизнеса Общества; – минимизации реализации рисков нарушений Работниками требований применимого действующего законодательства Российской Федерации, Внутренних документов, включая Кодекс корпоративного поведения ПАО «Юнипро», и иных обязательных документов, вследствие неправомерного поведения и нарушения соответствующих требований; своевременного принятия превентивных мер и мер по мониторингу соблюдения действующего законодательства Российской Федерации и Внутренних документов; – внедрения в Обществе общепринятых и лучших международных практик в области комплаенса (международного стандарта ISO 37301:2021 «Системы менеджмента соответствия. Требования и руководство по применению»), а также принципов и правил поведения, рекомендованных Кодексом добросовестного поведения Московской Биржи (п. 1.2.).

В свою очередь, Комплаенс политика АО «Силловые машины» [7] определяет, что общество выделяет следующие направления комплаенса: комплаенс в сфере охраны труда; комплаенс в сфере защиты персональных данных; комплаенс корпоративной этики. Установлено, что требования политики распространяются на все структурные подразделения Общества, включая представительства и филиалы Общества в Российской Федерации, а также филиалы и представительства Общества за пределами Российской Федерации с учетом предусмотренных в политике особенностей.

Положение о соблюдении нормативных требований в сфере управления персоналом ООО «ЕвроХим – Научно-исследовательский центр» [8] устанавливает, что все сотрудники обязаны незамедлительно (но не позднее следующего рабочего дня после обнаружения нарушений), используя любые доступные способы связи, уведомить соответствующего Локального Комплаенс-офицера о любых предполагаемых или выявленных несоблюдениях условий данного Положения.

Если работник намеренно совершит действия, заранее ведущие к нарушению указанных требований, Руководство Компании, согласовав вопрос с компетентным Комплаенс-офицером, незамедлительно прекратит трудовые отношения с таким сотрудником при строгом соблюдении норм трудового законодательства и прочих нормативных актов. Кроме того, если кто-либо из персонала созна-

тельно не исполнит установленные Положением обязательства по передаче информации о нарушениях, Руководство Компании, вновь после консультаций с Комплаенс-офицером и действуя по своему усмотрению, вправе (i) расторгнуть трудовые отношения с данным сотрудником-нарушителем либо (ii) наложить на него дисциплинарное взыскание в пределах, допускаемых действующим трудовым законодательством и другими нормативными актами.

Важную роль в осуществлении комплаенс-политики в области труда играют также правила внутреннего трудового распорядка. Так, Правила внутреннего трудового распорядка ПАО «НЕФАЗ» [9] четко устанавливают, что при приеме нового сотрудника (еще до подписания трудового договора) работодатель обязан ознакомить работника под подпись со всеми локальными нормативными актами, в том числе: 1) настоящими Правилами; 2) Кодексом корпоративной этики ПАО «НЕФАЗ»; 3) Коллективным договором ПАО «НЕФАЗ»; 4) инструкциями по технике безопасности, производственной санитарии, гигиене труда, противопожарной охране и иными правилами охраны труда; 5) Положением о пропускном и внутриобъектовом режимах; 6) Порядком обработки и защиты персональных данных; 7) Должностной инструкцией; 8) Положением об оплате труда; 9) Положением о натуральной форме выплаты заработной платы (включая питание) для работников ПАО «НЕФАЗ»; 10) Положением о простой электронной подписи; 11) Положением о работе пользователей корпоративной системы передачи данных ПАО «НЕФАЗ»; 12) Положением о соблюдении норм и правил по охране труда и промышленной безопасности в ПАО «НЕФАЗ».

Выводы

Таким образом, анализ правового регулирования трудового комплаенса позволяет заключить, что пробельность трудового законодательства, выражающаяся в отсутствии закрепления в предмете трудового права отношений трудового комплаенса, что приводит к тому, что в практике деятельности работодателей также отсутствует единый локальный нормативный акт о трудовом комплаенсе, что негативно сказывается на его правовой регламентации. Поэтому считаем целесообразным внести изменения в ст. 1 Трудового кодекса, где предусмотреть среди иных отношений непосредственно связанных с трудовыми отношениями указать отношения по осуществлению самоконтроля работодателем соблюдения трудового законодательства и иных нормативных актов о труде, коллективных договоров и соглашений. Это позволит дополнить предмет трудового права новыми, своевременными правоотношениями, следовательно, сократит количество нарушений трудового законодательства и трудовых прав работников.

Литература

1. Зацаринная Е.И., Проданова Н.А. Трудовой комплаенс: понятие, задачи, нормативное регулирование // Бухучет в здравоохранении. 2024. № 9 (273). С. 40–47.
2. Курицын Я.Д. Трудовой комплаенс как способ предупреждения нарушений трудового законодательства // Трудовое право в России и за рубежом. 2023. № 4. С. 12–14.
3. Манохин В.С. Трудовой комплаенс: проблемы и перспективы развития // Кадровик. 2024. № 6. С. 8–12.
4. Чуча С.Ю. Предмет трудового права в постиндустриальном информационном обществе и доктрина трудовых правоотношений // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2022. Т. 19. № 2. С. 117–120.
5. Melnyk-Lymonchenko O.R. Improving of the administrative and legal control over compliance with labor legislation and labor protection requirements // Current Problems of State and Law. 2023. № 98. С. 45–51.
6. Аббасова Е.В., Васильев В.А. Некоторые вопросы соотношения трудового права и смежных отраслей права // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2021. Т. 21. № 1. С. 47–50.
7. Миронов В.И., Бобров Е.А., Симонов В.И. Применение норм общей части трудового права: теория и практика (взгляд сквозь призму метода и принципов отрасли) // Юрист. 2022. № 11. С. 11–20.
8. Воронов И.Ю. Скрытые трудовые правоотношения: актуальные проблемы правотворчества и правоприменения // Российское правосудие. 2020. № 7. С. 57–68.
9. Приженникова А.Н. Работники в «облаках»: особенности трудовых правоотношений // Современный юрист. 2021. № 2 (35). С. 55–62.
10. Миронов В.И., Бобров Е.А., Симонов В.И. Применение норм общей части трудового права: теория и практика (взгляд сквозь призму метода и принципов отрасли) // Юрист. 2023. № 8. С. 56–61.
11. Филипова И.А. Трудовое право: вызовы информационного общества // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2020. № 2. С. 162–182.
12. Зарубин М.Ю., Анташов М.А. К вопросу о некоторых актуальных проблемах трудового права в различных юрисдикциях // Образование и право. 2021. № 8. С. 306–310.
13. Чуча С.Ю. Правоприменение в условиях трансформации сферы труда и модернизации теории трудовых правоотношений // Правоприменение. 2022. Т. 6. № 4. С. 301–313.
14. Андриановская И.И. Соотношение системы принципов трудового права и структуры Трудового кодекса РФ // Юридическая техника. 2020. № 14. С. 78–80.
15. Калинин И.Б. Аналитический обзор изменений в трудовом законодательстве // Вопросы трудового права. 2020. № 3. С. 4–8.

LABOR COMPLIANCE AND THE SUBJECT MATTER OF LABOR LAW

Shesteryakova I.V., Morozov P.E.

Kutafin Moscow State Law University

This study examines the legal regulation of labor compliance in the Russian Federation and its role within the subject matter of labor law. The authors note the active adoption of the labor compliance concept by employers, defining it as preventive measures aimed at mitigating risks of violations of labor legislation. The central issue lies in the absence of labor compliance–related relationships within the subject matter of labor law as defined by Article 1 of the Labor Code of the Russian Federation (LC RF), and in the lack of a legal definition for the term. This creates a contradiction between the growing practice of adopting local compliance acts and the lack of their regulation at the LC RF level. The problem is exacerbated by Federal Law No. 248-FZ, which brings employers' voluntary self-audits under the scope of state control (oversight), despite the difference in the parties to these relationships. The analysis draws on the provisions of the LC RF, Federal Law No. 248-FZ, clarifications by Rostrud, and the practice of large Russian companies (PJSC Unipro, JSC Power Machines, EuroChem Research Center LLC, PJSC NEFAZ) in adopting local normative acts. Methodologically, the study employs comparative legal analysis, a formal-legal method, and analysis of law-enforcement practice. The findings reveal significant contradictions. First, self-audit (self-monitoring) relationships enshrined in Article 22 of the LC RF as an employer's right are absent from the list of relationships comprising the subject matter of labor law in Article 1 of the LC RF. Second, current regulation classifies these relationships under state or trade-union control, which is illogical given the different parties involved. Third, labor compliance—which includes self-audits, labor discipline, and preventive dispute management—is mainly regulated fragmentarily at the local level through disparate acts (compliance policies, human-resources management regulations, internal rules of procedure), reducing its effectiveness.

Keywords: labor compliance, self-monitoring, subject matter of labor law, Labor Code of the Russian Federation, local normative acts.

References

1. Zatsarinnaya E.I., Prodanova N.A. Labor compliance: concept, objectives, normative regulation // *Accounting in Healthcare*. 2024. No. 9 (273). pp. 40–47.
2. Kuritsyn Y.D. Labor law compliance as a means of preventing violations of labor legislation // *Labor Law in Russia and Abroad*. 2023. No. 4. pp. 12–14.
3. Manokhin V.S. Labor compliance: problems and development prospects // *Personnel Officer*. 2024. No. 6. pp. 8–12.
4. Chucha S. Yu. The subject of labor law in a post-industrial information society and the doctrine of labor relations // *Bulletin of Omsk University. Series: Law*. 2022. Vol. 19, No. 2. pp. 117–120.
5. Melnyk-Lymonchenko O.R. Improving administrative and legal control over compliance with labor legislation and occupational safety requirements // *Current Problems of State and Law*. 2023. No. 98. pp. 45–51.
6. Abbasova E.V., Vasiliev V.A. Some issues in the correlation of labor law and adjacent branches of law // *Bulletin of South Ural State University. Series: Law*. 2021. Vol. 21, No. 1. pp. 47–50.
7. Mironov V.I., Bobrov E.A., Simonov V.I. Application of the norms of the general part of labor law: theory and practice (through the prism of the method and principles of the branch) // *Jurist*. 2022. No. 11. pp. 11–20.
8. Voronov I. Yu. Hidden labor relations: current issues of law-making and law enforcement // *Russian Justice*. 2020. No. 7. pp. 57–68.
9. Prizhen'nikova A.N. Employees in the “clouds”: peculiarities of labor relations // *Modern Lawyer*. 2021. No. 2 (35). pp. 55–62.
10. Mironov V.I., Bobrov E.A., Simonov V.I. Application of the norms of the general part of labor law: theory and practice (through the prism of the method and principles of the branch) // *Jurist*. 2023. No. 8. pp. 56–61.
11. Filipova I.A. Labor law: challenges of the information society // *Law. Journal of the Higher School of Economics*. 2020. No. 2. pp. 162–182.
12. Zarubin M.Yu., Antashov M.A. On some current problems of labor law in various jurisdictions // *Education and Law*. 2021. No. 8. pp. 306–310.
13. Chucha S. Yu. Law enforcement amid the transformation of the labor sphere and modernization of labor relations theory // *Law Enforcement*. 2022. Vol. 6, No. 4. pp. 301–313.
14. Andrianovskaya I.I. Correlation between the system of labor law principles and the structure of the Russian Labour Code // *Legal Technique*. 2020. No. 14. pp. 78–80.
15. Kalinin I.B. Analytical review of changes in labor legislation // *Issues of Labor Law*. 2020. No. 3. pp. 4–8.

Склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте: особенности фиксации обязательных признаков субъекта преступления

Агафонов Александр Владимирович,

кандидат юридических наук, Сибирский юридический институт МВД России

E-mail: aleksandravagafonjv20@yandex.ru [15]

В статье подготовленной автором, последним анализируются некоторые весьма, проблемные, по его мнению, вопросы, которые с определенной долей неизбежности возникают, в том числе и в ходе проведения научно прикладных изысканий некоторых отечественных исследователей, направленных на уяснение содержания такого общепринятого и общезначимого понятия российского уголовного права как субъект преступления. Как на это указывает сам российский законодатель, в качестве последнего в силах выступать исключительно физические лица, т.е. люди, обладающие при этом такими сущностными для уголовного права признаками как вменяемость и достижение определенного законом возраста (ст. 19 УК РФ).

В дальнейшем автор пытается выявить с целью их дальнейшего анализа специальные признаки субъекта преступления. Так как последние выступают в качестве обязательных признаков состава преступления, предусмотренного ст. 230.1 УК РФ, следовательно, и закреплены они уже именно на законодательном уровне.

Ключевые слова: общественно опасное деяние, преступление, состав преступления, элемент состава преступления, субъект преступления, обязательные признаки субъекта преступления, физическое лицо, юридическое лицо, возраст, невменяемость, вменяемость, факультативные признаки субъекта преступления, специальный субъект преступления.

Введение

В современной юридической литературе неоднократно отмечается, что в качестве довольно социально значимой проблемы для нашего общества выступает склонение российских атлетов к систематическому использованию допинга.

При этом со стороны правоохранительных органов по данному факту нет соответствующей реакции. Так, количество уголовных дел, возбужденных по признакам преступления предусмотренного ст. 230.1 УК РФ до сих пор равна нулю.

Таким образом, эти, безусловно, общественно опасные деяния явно обладают и таким криминологически обусловленным признаком как латентность.

Последнее обусловлено, в том числе и тем что, по мнению довольно значительного числа отечественных правоведов, определить как сам правовой статус, так и его специфику, виновного лица совершающего настоящий уголовно наказуемый деликт, т.е. субъекта преступления, в составе анализируемого нами уголовно наказуемого деяния, представляет довольно не простую и в целом явно, не одно значимую дилемму.

В качестве цели настоящего научно прикладного исследования явно лидирует вполне обоснованная необходимость проведения сравнительного анализа доступных нам доктринально обусловленных научных воззрений сфокусированных на определении самого содержания, таких уголовно правовых дефиниций как «субъект *corpus delicti*», так и «субъект состава такого преступления как склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте», а также и разработка собственных предложений направленных на разрешение как уже имеющих, так и возникающих проблем по настоящему поводу.

В качестве **задач**, по мнению автора настоящей статьи, выступают не только явная, т.е. вполне назревшая социально обусловленная необходимость провести прикладное исследование различных научных точек зрения, относительно как самого сущностного содержания, так и их нормативно правовых характеристик, причем как самого субъекта преступления в целом, так и субъекта криминального деликта, признаки состава которого нашли свое нынешнее отражение в ст. 230.1 УК РФ.

Гипотеза – для того чтобы обосновать как само понятие, так и содержательное наполнение обяза-

тельных признаков субъекта преступления, в том числе в случае совершения склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте, требуется применить как анализ самой концепции необходимости четкой и однозначной конкретизации субъектов уголовных правоотношений, так и обоснование необходимости разработки принципиально новой теории, объясняющей саму суть и содержание как обязательных, так и факультативных признаков субъекта преступления, исходя при этом как из имеющихся реалий, так и основных направлений развития современной российской уголовно правовой доктрины.

Материалы и методы исследования

В ходе проведения предложенного читателям научно прикладного исследования, автором последнего при его осуществлении довольно активно и в целом, по его мнению, весьма результативно использовались такие общеупотребимые при проведении научных верификаций теоретические методы, как: *analysis comparativa*, *synthesis*, *analogia*, *inductio*, *deductio et exempla*.

Результаты обсуждения

Начиная настоящее исследование с целью применить в дальнейшем полученные итоги для последующих систематизации и структуризации как обязательных, так и факультативных признаков субъекта преступления, к числу которых относится, в том числе и склонение спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте необходимо изначально признать, что «...признание в качестве единственного основания уголовной ответственности наличия в совершенном физическом лицом всех признаков состава преступления (ст. 8 УК РФ) неизбежно обуславливает и крайнюю необходимость вполне самостоятельного анализа каждого из его элементов» [11, С. 3].

В качестве одного из которых ныне вполне традиционно выступает и субъект преступления.

Юридическое значение последнего согласно основным постулатам современного уголовного права России заключается в следующем:

1. Субъект преступления изначально выступает в качестве самого основания уголовной ответственности в целом (ст. 8 УК РФ).

Так, например, признаки этого элемента выступают в качестве основы для уголовно правовой характеристики совершенного общественно опасного деяния с целью конструирования в дальнейшем вполне конкретной статьи действующего уголовного законодательства [14].

2. Уголовно правовая характеристика субъекта преступления оказывает безусловное влияние и на определение степени тяжести самого общественно опасного уголовно наказуемого деяния [14].

3. Подобная характеристика субъекта преступления обладает еще и процессуальным значением (ст. 307 УПК РФ).

Так при вынесении обвинительного приговора судьей во внимание принимаются не только уголовно правовые, но и социально обусловленные характеристики личности виновного лица (ч. 3 ст. 60 УК РФ). Последние, в свою очередь, могут выступать так же как в качестве отягчающих (ст. 63 УК РФ), так и смягчающих вину обстоятельств (ст. 61 УК РФ) [13].

4. Анализ обязательных признаков субъекта преступления обладает и прикладным квалификационным значением.

Так как «квалификация преступлений в уголовном праве – это есть установление и юридическое закрепление соответствия признаков совершённого деяния признакам состава преступления» [15].

В ныне действующем уголовном законе отсутствует вполне конкретная формулировка, касаемая не только самого понятия, но и содержания основных признаков субъекта преступления. Однако его обязательные признаки прямо и однозначно закреплены в ст.ст. 19–20 УК РФ.

В современной уголовно правовой литературе нами, в результате последнего, как впрочем, и иными исследователями, отмечается наличие весьма разнообразного и довольно существенно количества авторских толкований этого научно обусловленного уголовно правового термина.

Так, например, «под субъектом преступления необходимо понимать именно то физическое лицо, которое не только совершило общественно-опасное деяние, подпадающее под определенную уголовно правовую категорию, но его признаки образуют специфический процесс совершения этого деяния и отображаются в ходе разностороннего процесса квалификации и раскрытия преступления» [9, С. 326].

Таким образом «...в качестве субъекта преступления необходимо признавать уже не само физическое лицо в его материальном воплощении, а именно совокупность его законодательно закрепленных признаков» [2, с. 16].

Принимать во внимание только перечисленные признаки, полностью игнорируя при этом иные, в том числе и социально биологические характеристики их носителя, однако прямо противоречит требованиям самого российского законодателя (ч. 3 ст. 60 УК РФ)

Более того саму «...личность нельзя отделять от состава преступления, поскольку происходит ее слияние с деянием и виной, а результатом является их отображение во внешнем мире» [1, С. 219].

«...Все лица, совершившие преступление имеют множество свойств, которыми можно их описать, но в уголовном законе отображаются только те из них, которые изначально предполагают возможность конкретного лица нести за совершенное им общественно опасное деяние уголовную ответственность» [4, С. 21]. На что в свою очередь, вполне обоснованно указывала и М.А. Любапина.

Приступая к раскрытию содержания признаков субъекта преступления необходимо вначале указать, что последние вполне традиционно делятся на две основные группы:

- обязательные;
- факультативные

Подходя к необходимости раскрытия содержания первых из числа выше перечисленных атрибутов подвергаемому нами анализу элемента состава любого преступного деяния, необходимо сосредоточить внимание наших оппонентов на том, что все они перечислены в ст. 19 УК РФ.

В соответствии с законодательно закрепленным принципом вины (ст. 5 УК РФ) только физическое лицо или человек в силах выступать в качестве объекта понесения уголовной ответственности, т.е. быть субъектом преступления.

Развивая далее эту мысль, вполне логично и обоснованно вытекает и общепризнанный вывод о том, что предметы физического мира, как то биологические объекты различного вида, неодушевленные предметы материального мира, а также и юридические лица (ст. 48 ГК РФ) совершить преступление явно не в силах.

Из чего в свою очередь, вполне автоматически следует, что в качестве субъекта осуществления любого уголовно наказуемого деяния необходимо признавать вполне конкретное физическое лицо, которое обладает при этом не только разумностью, но и относительной свободой волеизъявления.

В качестве второго обязательного признака любого субъекта преступления выступает вменяемость. В действующем российском уголовном законодательстве, впрочем отсутствует фиксация смыслового содержания этого юридически обусловленного термина.

В ч. 1 ст. 21 УК РФ содержится определение такого его семантологического антипода как невменяемость.

По мнению большинства наших коллег, мы вправе постараться зафиксировать понятие вменяемости используя при этом именно метод антипода.

Таким образом, если в результате наличия вполне определенных нестандартных проявлений состояния своего психического здоровья физическое лицо было не в силах осознавать как социальную суть, так и противоправность осуществляемого им деяния, отдавать при этом не только себе отчет, но и осуществлять руководство своим поведением – оно не может признаваться правоприменителем в качестве субъекта состава соответствующего преступного деяния.

В качестве третьего законодательно четко зафиксированного признака субъекта преступления выступает возраст, наличие которого и обуславливает саму возможность правоприменителя определить и зафиксировать уровень социального развития личности самого преступника.

В возрастной характеристике виновного лица проявляется сама способность преступника вполне самостоятельно осуществлять объективную

оценку окружающей его социально правовой действительности.

За совершение противоправного деяния вменяемое физическое лицо необходимо привлекать к уголовной ответственности только при наличии у него того возраста, который прямо указан в тексте УК РФ (ст. 20 УК РФ).

Впрочем, в отдельных статьях действующего ныне уголовного законодательства России может предусматриваться и значительно повышенный возраст наступления уголовной ответственности.

Это обусловлено тем, что, по общепринятому мнению, за совершение некоторых уголовно наказуемых деяний, уголовная ответственность может наступать только в случае достижения виновным лицом возраста восемнадцати и более лет (напр.: ст. 263 УК РФ).

Перечисленные нами обязательные признаки субъекта состава преступления, как на это прямо указывает сам российский законодатель, необходимо признавать полностью исчерпывающими и более того вполне достаточными для того чтобы в уголовном процессе осуществить сам факт квалификации индивидуально совершенного общественно опасного деяния вполне конкретного человека как преступного. Именно в этом случае последний и выступает в качестве общего субъекта [9, С. 418].

Все граждане и иные физические лица, находящиеся на территории Российской Федерации в полном соответствии со ст. 19 Конституции России обладают безусловным равенством перед российским законодательством. Впрочем, последнее при этом не исключает и некоторой формы правового неравенства.

Более того, и сам уголовный закон прямо подчеркивает то положение, что за отдельные преступные деяния могут отвечать только те физические лица, которые, наряду с общими (обязательными) характеристиками субъекта преступления (перечисленными нами ранее) обязаны обладать и некоторыми из числа дополнительных (факультативных). Именно наличие последних весьма определенным образом характеризует не только личность виновного лица, но и некоторые особенности его уголовно правового статуса в случае совершения этим лицом преступления.

Следовательно, наряду с понятием общего субъекта Уголовный кодекс России (ст. 19 УК РФ) [12, С. 23] предусматривает и понятие так называемого специального субъекта.

В действующем ныне российском уголовном законодательстве фиксация признаков специального субъекта преступления приобретает вид описания последних в индивидуально определенных нормах Особенной части уголовного законодательства.

При наличии практически полного отсутствия законодательно обусловленной дефиниции термина «специальный субъект» именно в разнородности и не постоянстве их использования при описании этих признаков в конкретных составах преступных деяний, как мы и считаем, и состоит

причина разногласий во взглядах отечественных учёных на саму сущность анализируемого нами уголовно правового понятия.

Так, ряд отечественных исследователей в качестве специального субъекта преступления предлагают рассматривать некое «...физическое лицо (человека), которое, помимо общих признаков, обладает еще и специальными (дополнительными) признаками, прямо зафиксированные в диспозиции вполне конкретной уголовно-правовой нормы, с использованием которых или в силу их прямого наличия лицо и совершило данное преступление» [12, С. 23], следующая группа – лиц, последние кроме характеристик субъекта, прямо зафиксированных в ст. 19 УК РФ, обязаны обладать «...особыми дополнительными признаками, которые, в свою очередь, ограничивают возможность правоохранительных органов привлечения других лиц к уголовной ответственности за совершение преступления, которое совершили виновные лица» [5, С. 273]; третьи, эта группа, в свою очередь, состоит из «...лиц, обладающими, кроме общих, еще и специальными дополнительными признаками, которые характеризуют и предопределяют квалификацию совершенного им деяния» [10, С. 273].

Каждое из выше перечисленных позиций имеют свое право на существование, так как все они стремятся выявить и отразить при этом то, чем именно специальный субъект, по их мнению, отличается от общего.

Впрочем, в последнее время в качестве лидирующего все больше выступает именно тот подход, согласно которому «...сама сущность такого уголовно правового термина как «специального субъекта преступления» обоснованна наличием у него особых признаков, дополнительно закрепленных в конкретных статьях Особенной части УК РФ» [3, С. 175]. Последний был разработан правоведами еще советского периода развития российского уголовного права.

В свою очередь именно эти явно факультативные признаки субъекта преступления практически всегда увязывались исключительно с самим характером деятельности виновного лица.

Впрочем, в связи с довольно постоянной криминализацией и, как следствие последнего возникновением ряда дополнительных составов уголовно наказуемых деяний росло и количество последних с наличием в них специального субъекта, расширялось и доктринально правовое представление о характеристиках факультативных признаках анализируемого нами элемента состава уголовно наказуемого деяния.

Согласно которому «...правовая природа специального субъекта преступления заключается в том, что он является носителем уголовно значимого социального статуса (роли), позволяющего ему совершить посягательство на специфическую сферу общественных отношений и обуславливающего предъявление к нему более строгих требований ответственности» [3, С. 177].

В целом настоящее предложение, как мы в свою очередь, считаем, необходимо поддерживать.

В завершении нашего рассуждения, мы пришли к выводу, что в определении сути и содержания специального субъекта преступления следует отразить следующее.

Во-первых, в действиях специального субъекта преступления должны безусловно наличествовать общие (обязательные) признаки субъекта преступления.

Во-вторых, вполне конкретная фиксации в уголовно правовой норме тех дополнительных признаков, исключительно при наличии, которых виновное лицо, совершившее криминальный деликт, может быть привлечено к уголовной ответственности.

Следовательно, необходимо прийти к выводу о том, что в качестве специального субъекта преступления правонарушитель будет выступать только в том случае, если он осуществил уголовно наказуемого социально негативное деяние с использованием именно тех возможностей, которые ранее ему предоставлены на уровне законом, например, должностное положение, характер выполняемой деятельности и т.д.

Квалификационное значение факультативные признаки субъекта состава преступления приобретают только в том случае, если последние находят свое место в конкретной статье предусмотренной, в свою очередь в Особенной части УК РФ.

Ели же в содеянном уголовно наказуемом деянии налицо отсутствие специальных признаков субъекта состава индивидуально определенного преступления, то в одних случаях отсутствие последних либо полностью исключает уголовную ответственность виновного лица, либо в других, всего лишь меняет квалификацию противоправного уголовно наказуемого деяния.

Более того, в качестве квалифицирующего (особо квалифицирующего) признака состава вполне конкретного преступления вправе выступать и специальный субъект.

В соответствии с текстом диспозиции ч. 1 ст. 230.1 УК РФ в качестве субъекта преступления при склонении российского атлета к употреблению допинга может быть признаны:

- тренер;
- специалист по спортивной медицине;
- иной специалист в области физической культуры и спорта.

Таким образом, мы в силах сделать вполне однозначный вывод, что субъект преступления при совершении склонения спортсмена к использованию субстанций и (или) методов, запрещенных для использования в спорте должен признаваться специальным, так как его весьма специфические признаки прямо и довольно четко закреплены в законе.

При этом «тренер» или «тренер – преподаватель» есть – «физическое лицо, которое имеет соответствующее среднее профессиональное образование или высшее образование, организует

учебно-тренировочный процесс, включая проведение со спортсменами, обучающимися учебно-тренировочных мероприятий, а также руководит их состязательной деятельностью для достижения спортивных результатов» [8].

Специалист по спортивной медицине – есть «... медицинский работник, к трудовой функции которого относится оказание медицинской помощи спортсменам» [8].

«Медицинский работник – физическое лицо, которое имеет медицинское или иное образование, работает в медицинской организации по должности, включенной в номенклатуру должностей медицинских работников и фармацевтических работников, и в трудовые (должностные) обязанности которого входит осуществление медицинской деятельности, либо физическое лицо, которое является индивидуальным предпринимателем, непосредственно осуществляющим медицинскую деятельность» [6].

Раскрытие смыслового содержания такого нормативно правового понятия как «иной специалист в области физической культуры и спорта» в российском законодательстве ныне полностью отсутствует.

В приказе Министерства спорта РФ от 19 октября 2022 г. № 838 «Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации» [7] мы так же не нашли ничего подобного. В данном документе всего лишь имеет место быть перечень иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации. Он довольно существенный. Всего в нем зафиксировано 39 персон. Перечислять их построчно не позволяет нам в целом объем нашей работа.

Однако кроме указанного выше списка в приказе присутствует так же и перечень специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации.

Данное понятие в настоящем приказе также не раскрыто. Количество этих лиц также довольно значительно. Налицо – 16 должностей.

В данном случае у нас неизбежно возникает один, но весьма принципиальный вопрос. В силах ли эти специалисты выступать в качестве субъекта преступления предусмотренного ст. 230.1 УК РФ? С точки зрения формально-бытовой логики, почему бы и нет. Действительно личный контакт у них со спортсменами имеется. Заинтересованность в их победе также, так как многие спортивные общества находятся в последнее время на самокупаемости. Однако с точки зрения законодательной обусловленности – категорически нет. Так как в законе настоящая информация все-таки на настоящий момент полностью отсутствует. Видимо налицо пробел со стороны законодателя.

В заключение сказанного, подведем кратко итоги нашего исследования.

1. Смысловое содержание понятия субъекта преступления в уголовном законодательстве Российской Федерации не раскрывается.
2. В ст.ст. 19–20 УК РФ просто перечислены всего лишь его наиболее существенные признаки.
3. На базе, которых большинство современных российских исследователей и пытаются конструировать свои определения этого доктринально правового понятия.
4. В свою очередь мы придерживаемся именно законодательно обусловленного трактования этого доктринально предусмотренного понятия.
5. Специальный субъект состава преступления – есть физическое лицо обладающее на момент совершения преступления не только всеми характеристиками, прямо предусмотренными ст. 19 УК РФ, но и совершившее это преступное деяние посредством умышленного использования некоторых возможностей своего специального правового статуса.
6. Субъект преступления, обязательные признаки которого отражены в ст. 230.1 УК РФ следует признать специальным.
7. Уголовно правовую норму, предусмотренную этой статьей современного уголовного законодательства России необходимо отнести к бланкетным.
8. В связи, с чем для уяснения содержания обязательных признаков субъекта преступления анализируемой нами статьи УК РФ необходимо использовать как Федеральный закон от 04.12.2007 № 329 –ФЗ «О физической культуре и спорте в Российской Федерации», так и в приказ Министерства спорта РФ от 19 октября 2022 г. № 838 «Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации».

Литература

1. Брайнин Я.М. Уголовная ответственность и ее основание в советском уголовном праве // М.: Юридическая литература. 1963.
2. Гидиятуллина И.Н. Состав преступления и его значение // Вестник ТИСБИ. 2008. С. 15–26.
3. Караева Ю.С. Понятие специального субъекта преступления и классификация его признаков в рамках социально-ролевого подхода // Вестник Омского университета. Серия: Право. 2013. № 4 (37). С. 36–42.
4. Любавина М.А. Субъект преступления: Учебное пособие. СПб: Санкт-Петербургский юридический институт (филиал) Академии Генеральной прокуратуры Российской Федерации. 2014. 60 с.

5. Муллагалиева К.С. Специальный субъект преступления, его признаки // Аллея науки. 2021. Т. 2. № 12 (63). С. 52–58.
6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.11.2011 № 323-РФ (ред. от 01.04.2025) // <http://publication.pravo.gov.ru>.
7. Об утверждении перечня иных специалистов в области физической культуры и спорта в Российской Федерации и перечня специалистов в области физической культуры и спорта, входящих в составы спортивных сборных команд Российской Федерации: Приказ Министерства спорта РФ от 19.10.2022 № 838 // <http://publication.pravo.gov.ru>.
8. О физической культуре и спорте в Российской Федерации: Федеральный закон от 04.12.2007 № 329 –ФЗ (ред. от 21.04.2025) // <http://publication.pravo.gov.ru>.
9. Пичугина А.А. Понятие субъекта преступления и его признаки // Молодой ученый. 2022. № 23 (418). С. 325–327.
10. Подлипский Д.В. Понятие специального субъекта преступления // Наука и современность. 2013. № 21. С. 133–138.
11. Попов А.Н., Аистова Л.С. Объект преступления: Учебное пособие. СПб, 2014.
12. Устименко В.В. Специальный субъект преступления (понятие и виды). Х., 1986.
13. [Elib.pnzgu.ru](http://elibrary.ru).
14. [Moluch.ru](http://moluch.ru).
15. <https://zakonivalast.ru>
16. vestnik-muiv.ru.

INDUCING AN ATHLETE TO USE SUBSTANCES AND (OR) METHODS PROHIBITED FOR USE IN SPORTS: FEATURES OF RECORDING MANDATORY SIGNS OF THE SUBJECT OF A CRIME

Agafonov A.V.

Siberian Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia

In the article prepared by the author, the latter analyzes some very, problematic, in his opinion, issues that with a certain degree of inevitability arise, including in the course of conducting scientific applied research by some domestic researchers aimed at clarifying the content of such a generally accepted and generally significant concept

of Russian criminal law as the subject of a crime. As the Russian legislator himself points out, only individuals can act as the latter, i.e. people who have such essential signs for criminal law as sanity and reaching a certain age specified by law (Article 19 of the Criminal Code of the Russian Federation).

In the future, the author tries to identify special signs of the subject of a crime for the purpose of their further analysis. Since the latter act as mandatory features of the crime, provided for by Article 230.1 of the Criminal Code of the Russian Federation, therefore, they are already enshrined at the legislative level.

Keywords: socially dangerous act, crime, crime corpus delicti, element of crime corpus delicti, subject of crime, mandatory features of the subject of crime, individual, legal entity, age, insanity, sanity, optional features of the subject of crime, special subject of crime.

References

1. Braynin Ya.M. Criminal liability and its basis in Soviet criminal law // Moscow: Legal literature. 1963.
2. Gidiyatullina I.N. Composition of the crime and its meaning // TISBI Bulletin. 2008. Pp. 15–26.
3. Karavaeva Yu.S. The concept of a special subject of a crime and classification of its features within the framework of the social-role approach // Bulletin of Omsk University. Series: Law. 2013. No. 4 (37). Pp. 36–42.
4. Lyubavina M.A. Subject of a crime: Textbook. SPb: St. Petersburg Law Institute (branch) of the Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. 2014. 60 p.
5. Mullagalieva K.S. Special subject of a crime, its features // Alley of Science. 2021. Vol. 2. No. 12 (63). P. 52–58.
6. On the Fundamentals of Protecting the Health of Citizens in the Russian Federation: Federal Law of November 21, 2011 No. 323-RF (as amended on April 1, 2025) // <http://publication.pravo.gov.ru>.
7. On approval of the list of other specialists in the field of physical education and sports in the Russian Federation and the list of specialists in the field of physical education and sports included in the sports teams of the Russian Federation: Order of the Ministry of Sports of the Russian Federation dated October 19, 2022 No. 838 // <http://publication.pravo.gov.ru>.
8. On Physical Culture and Sports in the Russian Federation: Federal Law of 04.12.2007 No. 329-FZ (as amended on 21.04.2025) // <http://publication.pravo.gov.ru>.
9. Pichugina A.A. The Concept of a Subject of a Crime and Its Signs // Young Scientist. 2022. No. 23 (418). P. 325–327.
10. Podlipsky D.V. The Concept of a Special Subject of a Crime // Science and Modernity. 2013. No. 21. P. 133–138.
11. Popov A.N., Aistova L.S. Object of a Crime: A Tutorial. St. Petersburg, 2014.
12. Ustimenko V.V. Special Subject of a Crime (Concept and Types). H., 1986.
13. [Elib.pnzgu.ru](http://elibrary.ru).
14. [Moluch.ru](http://moluch.ru).
15. <https://zakonivalast.ru>
16. vestnik-muiv.ru

Прекращение уголовного преследования в отношении субъектов предпринимательской деятельности: коллизии законодательства и пути их разрешения

Астахова Ксения Андреевна,
аспирант ФГКОУВО «Университет прокуратуры Российской Федерации»
E-mail: k.stepanova0708@yandex.ru

Статья посвящена анализу особенностей прекращения уголовного преследования в отношении субъектов предпринимательской деятельности. Исследуется применение норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, предусматривающих возможность освобождения от уголовной ответственности в связи с примирением сторон, деятельным раскаянием, возмещением ущерба либо назначением судебного штрафа. Установлено, что существующая практика неоднородна и требует унификации подходов. Особое внимание уделяется правовой природе оснований прекращения преследования, их дифференциации в зависимости от тяжести совершенного деяния, а также роли личности обвиняемого. Сделан вывод о необходимости систематизации процессуальных процедур с целью минимизации необоснованного уголовного давления на предпринимателей. Предложены конкретные рекомендации по совершенствованию правоприменительной практики и разграничению уголовно-правовой и административной ответственности в экономической сфере.

Ключевые слова: уголовное преследование, освобождение от уголовной ответственности, предпринимательская деятельность, судебный штраф, примирение сторон, возмещение ущерба, УПК РФ, экономические преступления, правоприменительная практика, декриминализация.

Одним из ключевых условий формирования устойчивого правового режима предпринимательской деятельности в Российской Федерации является ограничение избыточного уголовного преследования при совершении деяний, не представляющих существенной общественной опасности. В этой связи особую значимость приобретают положения Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регламентирующие основания и порядок прекращения уголовного преследования в отношении лиц, совершивших преступления небольшой и средней тяжести, в том числе в сфере предпринимательства.

Наиболее активно в практике применяются статьи 25, 25.1 и 28.1 УПК РФ, позволяющие прекратить уголовное преследование при наличии определенных юридически значимых обстоятельств: примирение с потерпевшим, уплата судебного штрафа либо полное возмещение причиненного вреда государству, юридическому или физическому лицу [12]. Согласно правовым позициям Верховного Суда РФ, освобождение от ответственности по указанным основаниям допускается при условии, что обвиняемый ранее не судим, признал вину и принял меры к восстановлению нарушенных прав [3].

Вместе с тем судебная практика демонстрирует значительное расхождение в подходах: в одних регионах суды активно используют механизм судебного штрафа и прекращения дела при примирении, в других – отказывают в применении указанных норм по формальным основаниям. В результате предприниматели, даже в случае возмещения ущерба, нередко подвергаются дальнейшему уголовному преследованию, вплоть до назначения наказания в виде лишения свободы [1, с. 15–21].

Данный факт свидетельствует о недостаточной нормативной регламентации критериев добросовестности поведения обвиняемого и о потребности в единообразном толковании положений процессуального законодательства. Например, в некоторых случаях суды ошибочно считают невозможным прекращение преследования по экономическим делам, если ущерб причинен бюджету, несмотря на полное его возмещение [6, с. 18–24].

С теоретико-правовой точки зрения каждое из оснований, предусмотренных статьями 25, 25.1 и 28.1 УПК РФ, представляет собой самостоятельный механизм деэскалации уголовного конфликта, ориентированный на восстановление социальной справедливости без привлечения к уголовной ответственности.

Примирение с потерпевшим (ст. 25 УПК РФ) применяется в случаях, когда вред, причиненный преступлением, компенсирован, а потерпевший не возражает против прекращения дела [12]. Этот институт широко используется в делах о клевете, нарушении авторских прав, причинении имущественного ущерба и ряде налоговых правонарушений. В предпринимательской сфере особенность заключается в том, что потерпевшим зачастую выступает организация, возмещение вреда которой документируется бухгалтерскими и налоговыми актами, а позиция представителя юридического лица должна быть юридически оформлена и четко выражена.

Судебный штраф (ст. 25.1 УПК РФ) позволяет прекратить уголовное преследование без участия потерпевшего, если деяние не имело тяжелых последствий и лицо впервые привлекается к ответственности [3]. Особую актуальность этот механизм приобрел в 2020–2024 гг., когда его активно применяли в делах о неуплате налогов, незаконном предпринимательстве и фиктивном банкротстве [8, с. 35–40]. Согласно практике Верховного Суда, условием применения является формальное признание вины и реальное погашение налоговой задолженности или другого ущерба. В целом анализ практики показывает, что судебный штраф не всегда применяется даже при наличии всех необходимых предпосылок [9, с. 76–81]. Вместе с тем можно привести и пример судебной практики в Москве, когда уголовное дело в отношении индивидуального предпринимателя, самовольно занявшего нежилое помещение, было прекращено по ст. 25.1 УПК РФ с назначением судебного штрафа [2].

Еще одним механизмом является прекращение уголовного преследования в связи с возмещением ущерба (ст. 28.1 УПК РФ), специфика которого заключается в том, что оно возможно при отказе от дальнейшего преследования со стороны государства в случае добровольного устранения последствий правонарушения. При этом отсутствует необходимость в примирении с потерпевшим или наложении штрафа. Данный механизм особенно важен в случаях, когда правонарушение выявлено в ходе налоговой проверки, а предприниматель добровольно компенсировал ущерб бюджету.

Таким образом, каждый из обозначенных механизмов нацелен на гуманизацию уголовной политики и экономию процессуальных ресурсов, однако их реальное применение существенно ограничено непоследовательностью правоприменительной практики и отсутствием унифицированного подхода к добросовестному поведению обвиняемого.

Несмотря на наличие в законодательстве комплексного набора оснований для прекращения уголовного преследования, правоприменительная практика демонстрирует устойчивые затруднения, обусловленные как пробелами в процессуальных регламентах, так и субъективными оценками следователей и судей. Одной из основных проблем является формальный подход к оценке признаков

действенного раскаяния, возмещения ущерба и добросовестности поведения обвиняемого.

Суды нередко исходят из устаревшей доктрины «неотвратимости наказания», отказывая в прекращении дела, даже если все условия, предусмотренные законом, формально соблюдены [1, с. 15–21]. В частности, при анализе дел по ст. 159 УК РФ (мошенничество) и ст. 198 УК РФ [11] (уклонение от уплаты налогов) часто игнорируется добровольность устранения последствий, а судебный штраф заменяется реальным наказанием. Это противоречит разъяснениям Пленума Верховного Суда РФ, в которых подчеркивается, что судебный штраф – не компромисс с преступником, а законная альтернатива уголовному преследованию [3].

Значительное число практикующих юристов отмечают, что либерализация уголовного законодательства в отношении предпринимателей после февраля 2022 г. в рамках антикризисной государственной политики пока не приводит к ожидаемым результатам, поскольку правоохранительные органы сконцентрировались на составах преступлений по общеуголовным статьям [5].

В частности, по данным Верховного суда Российской Федерации с каждым годом сохраняется тенденция прироста числа обвинительных приговоров по мошенничеству (ст. 159 УК РФ). Начиная с 2020 года прирост составляет около 12% в год. Подобная тенденция сохранилась и в 2024 году. Однако необходимо отметить, что в 2023 году наблюдалось увеличение отказов в избрании меры пресечения в виде заключения под стражу: с 9,89% до 11,5% по России и с 8,5% до 13,52% по Москве. К сожалению, подобная положительная динамика сошла на нет в 2024 году: за девять месяцев показатель составил 11,36%» [13].

Таким образом, различие в региональной практике представляется необоснованным: в одних субъектах Российской Федерации прекращение дел по предпринимательским основаниям применяется стабильно и обоснованно, в других – имеет явно репрессивный характер. Анализ дел показывает, что в регионах с высоким уровнем административного давления на бизнес вероятность прекращения уголовного преследования даже при возмещении ущерба существенно ниже [10, с. 54–62].

К числу процессуальных сложностей можно отнести и неурегулированность процедуры фиксации вины при назначении судебного штрафа. Закон требует признания вины, однако не конкретизирует форму: допустимы ли показания в суде, достаточно ли письменного заявления, возможно ли молчание как знак согласия [7, с. 41–50]. Это создает почву для произвольных трактовок и отказов в прекращении дела.

Более того, важную роль в механизме прекращения уголовного преследования играет координационное взаимодействие следственных органов и прокуратуры, обеспечивающее законность принимаемых решений. В отдельных случаях, особенно при наличии ущерба государственному бюджету

или общественного резонанса, органы прокуратуры с высокой степенью профессиональной ответственности осуществляют всестороннюю проверку оснований для применения статей 25.1 и 28.1 УПК РФ. Такой подход, направленный на обеспечение баланса между интересами государства и принципами гуманизации уголовной политики, требует тщательного документального обоснования позиции стороны защиты и нередко продлевает процессуальные сроки рассмотрения.

Учитывая выявленные проблемы и разночтения, можно сформулировать ряд практических рекомендаций, направленных на оптимизацию правоприменения в сфере прекращения уголовного преследования в отношении предпринимателей:

1. Представляется необходимым на уровне Пленума Верховного Суда РФ разработать отдельные разъяснения, касающиеся применения ст. 25.1 и ст. 28.1 УПК РФ в экономических делах. Особенно важно зафиксировать, что возмещение ущерба бюджету должно признаваться полноценным основанием для прекращения уголовного преследования вне зависимости от наличия процессуального примирения с представителем государства или органа местного самоуправления [4].

2. Требуется конкретизировать признаки деятельного раскаяния, достаточные для применения альтернативных мер. Необходим единый подход к признанию вины: допустимы как устные заявления в суде, так и письменные ходатайства, оформленные защитником. Следственные органы должны учитывать не только процессуальные формальности, но и поведение обвиняемого на досудебной стадии, в частности, добровольность погашения задолженности или устранение иных последствий правонарушения.

3. С учетом разницы в региональной правоприменительной практике представляется целесообразным разработать и внедрить в систему органов прокуратуры и предварительного расследования унифицированные методические рекомендации, содержащие минимальный перечень оснований, при которых возможно инициирование процедуры прекращения уголовного преследования по нереабилитирующим основаниям. Это позволит обеспечить единообразие подходов, укрепить правовую определенность и повысить предсказуемость решений по экономическим делам.

4. Целесообразно рассмотреть возможность внесения изменений в УПК РФ в части обязательного процессуального срока рассмотрения вопроса о прекращении уголовного дела при наличии добровольного возмещения ущерба или заявления о примирении сторон. Такая мера позволит устранить избыточное затягивание процедуры, часто используемое в тактических целях давления на предпринимателя.

На основании изложенного, прекращение уголовного преследования в отношении субъектов предпринимательской деятельности представляет собой не только процессуальный механизм, направленный на гуманизацию уголовной политики,

но и важный элемент обеспечения правовых гарантий для участников экономического оборота.

Несовершенство текущей практики обусловлено рядом факторов: отсутствием единых подходов к признанию вины, региональными различиями в правоприменении, пробелами в законодательной регламентации. При этом потенциальные возможности, заложенные в действующих нормах УПК РФ, позволяют не только минимизировать издержки уголовного судопроизводства, но и обеспечить баланс между защитой публичных интересов и поддержкой законопослушного бизнеса.

Реализация предложенных в настоящей статье рекомендаций позволит выработать единообразный, разумный и экономически целесообразный подход к освобождению предпринимателей от уголовной ответственности в случае их добросовестного поведения, устранения последствий правонарушений и готовности к взаимодействию с правоохранительной системой.

Литература

1. Авдеева Е.Ю. Проблемы уголовного преследования предпринимателей: анализ современных тенденций / Е.Ю. Авдеева // Российская юстиция. – 2025. – № 4. – С. 15–21.
2. Адвокат добился прекращения дела в отношении бизнесмена, самовольно занявшего помещение г. Москвы // Адвокатская газета. – 2024. – 22 марта. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilsya-prekrashcheniya-dela-v-otnoshenii-biznesmena-samovolnozanyavshego-pomeshcheniya-g-moskvy/> (дата обращения: 07.06.2025).
3. Верховный Суд РФ. Постановление Пленума от 15 ноября 2016 г. № 48 «О практике применения судами законодательства об освобождении от уголовной ответственности» // Российская газета. – 2016. – № 271. – 18 ноября.
4. Верховный Суд РФ. Постановление Пленума от 3 октября 2017 г. № 33 «О практике рассмотрения судами уголовных дел о преступлениях в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности» // Бюллетень Верховного Суда РФ. – 2017. – № 12. – С. 3–12.
5. Гревцов С. Либерализация с разворотом: почему в России продолжают сажать предпринимателей // Forbes.ru. – 2024. – 21 окт. – URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/523406-liberalizacia-s-razvorotom-pocemu-v-rossii-prodolzaut-sazat-predprinimatelej> (дата обращения: 07.06.2025).
6. Гусев Н.А. Освобождение от уголовной ответственности в сфере экономических преступлений: современные тенденции и проблемы / Н.А. Гусев // Российская юстиция. – 2020. – № 3. – С. 18–24.
7. Журавлев В.В., Бессонов С.М. Уголовная политика в отношении бизнеса: между наказанием и декриминализацией / В.В. Журавлев, С.М. Бессонов // Государство и право. – 2022. – № 9. – С. 41–50.

8. Коновалова И.В. Судебный штраф как альтернатива уголовной ответственности: специфика применения в предпринимательской сфере / И.В. Коновалова // Закон и право. – 2021. – № 7. – С. 35–40.
9. Павлов В.С. Судебный штраф как средство завершения уголовного преследования: преимущества и риски / В.С. Павлов // Уголовное право. – 2023. – № 4. – С. 76–81.
10. Тягай С.Л. Прекращение уголовного преследования предпринимателей: доктрина, практика, перспективы / С.Л. Тягай // Журнал российского права. – 2022. – № 10. – С. 54–62.
11. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13.06.1996 N 63-ФЗ (ред. от 21.04.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 02.05.2025) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/(дата обращения: 04.06.2025).
12. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. от 21.04.2025) // КонсультантПлюс. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/(дата обращения: 04.06.2025).
13. <https://stat.api-npress.ru/stats/ug/t/14/s/17> (дата обращения: 07.06.2025)

TERMINATION OF CRIMINAL PROSECUTION AGAINST BUSINESS ENTITIES: CONFLICTS OF LEGISLATION AND WAYS TO RESOLVE THEM

Astakhova K.A.

University of the Prosecutor's Office of the Russian Federation

The article analyzes the specifics of terminating criminal prosecution against business entities. It examines the application of the provisions of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation that allow release from criminal liability due to reconciliation with the victim, active repentance, compensation for damages, or the imposition of a judicial fine. It has been established that current law enforcement practices are inconsistent and require standardization. Special attention is given to the legal nature of the grounds for termination, their differentiation depending on the severity of the offense, and the role of the accused's personality. The author concludes that there is a need to systematize procedural mechanisms in order to minimize unjustified criminal pressure on entrepreneurs. Specific recommendations are proposed to improve law enforcement practices and to distinguish between criminal and administrative liability in the economic sphere.

Keywords: criminal prosecution, release from criminal liability, entrepreneurial activity, judicial fine, reconciliation of the parties, com-

pensation for damage, Criminal Procedure Code, economic crimes, law enforcement practice, decriminalization.

References

1. Avdeeva E. Yu. Problems of Criminal Prosecution of Entrepreneurs: Analysis of Current Trends / E. Yu. Avdeeva // Russian Justice. – 2025. – No. 4. – Pp. 15–21.
2. The lawyer achieved the termination of the case against the businessman who occupied the premises of Moscow without permission // Advokatskaya Gazeta. – 2024. – March 22. – URL: <https://www.advgazeta.ru/novosti/advokat-dobilysya-prekrashcheniya-dela-v-otnoshenii-biznesmena-samovolnozanyavshego-pomeshcheniya-g-moskvy/> (date of access: 07.06.2025).
3. Supreme Court of the Russian Federation. Resolution of the Plenum dated November 15, 2016, No. 48 "On the Practice of Applying the Legislation on Release from Criminal Liability by Courts" // Rossiyskaya Gazeta. – 2016. – No. 271. – November 18.
4. Supreme Court of the Russian Federation. Resolution of the Plenum dated October 3, 2017, No. 33 "On the Practice of Consideration by Courts of Criminal Cases on Crimes in the Sphere of Business and Other Economic Activities" // Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. – 2017. – No. 12. – Pp. 3–12.
5. Grevtsov S. Liberalization with a U-Turn: Why Entrepreneurs Are Still Being Imprisoned in Russia // Forbes.ru. – 2024. – Oct. 21. – URL: <https://www.forbes.ru/mneniya/523406-liberalizacia-s-razvorotom-pocemu-v-rossii-prodolzaut-sazat-predprinimatelej> (accessed: 07.06.2025).
6. Gusev N.A. Exemption from Criminal Liability in the Field of Economic Crimes: Current Trends and Problems / N.A. Gusev // Russian Justice. – 2020. – No. 3. – pp. 18–24.
7. Zhuravlev V.V., Bessonov S.M. Criminal policy in relation to business: between punishment and decriminalization / V.V. Zhuravlev, S.M. Bessonov // State and Law. – 2022. – No. 9. – pp. 41–50.
8. Konovalova I.V. Judicial fine as an alternative to criminal liability: the specifics of its application in the business sphere / I.V. Konovalova // Law and Law. – 2021. – No. 7. – pp. 35–40.
9. Pavlov V.S. Judicial fine as a means of ending criminal prosecution: advantages and risks / V.S. Pavlov // Criminal law. – 2023–No. 4. – S.
10. Tyagai S.L. Termination of criminal prosecution of entrepreneurs: doctrine, practice, prospects / S.L. Tyagai // Journal of Russian Law. – 2022. – No. 10. – pp. 54–62.
11. The Criminal Code of the Russian Federation dated 06/13/1996 N 63-FZ (as amended on 04/21/2025) (with amendments and additions, intro. effective as of 02.05.2025) // Consultant-Plus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/(date of access: 04.06.2025).
12. Criminal Procedure Code of the Russian Federation dated 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 21.04.2025) // ConsultantPlus. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34481/(date of access: 04.06.2025).
13. <https://stat.api-press.ru/stats/ug/t/14/s/17> (date of access: 07.06.2025)

Пути совершенствования привлечения виновных лиц к ответственности за налоговые преступления

Белоусов Антон Александрович,

студент магистратуры Кубанского государственного университета

Сильченко Елена Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и криминологии, КубГУ

В статье рассматриваются пути совершенствования механизма привлечения виновных лиц к ответственности за налоговые преступления в условиях современных экономических и правовых реалий. Цель работы заключается в анализе существующих пробелов и недостатков в законодательстве и практике, а также предложении эффективных методов их устранения. Для достижения поставленной цели использована комплексная методология, включающая анализ нормативно-правовых актов и официальных статистических данных в области налоговых преступлений. Результаты исследования показали, что существующие инструменты контроля за налоговыми преступлениями часто не соответствуют вызовам времени, что приводит к низкому уровню ответственности и слабой эффективности санкций. Предложены конкретные изменения в законодательстве, направленные на ужесточение ответственности и улучшение координации между различными государственными органами, что позволит повысить уровень дисциплины среди налогоплательщиков и предотвратить уклонение от налогов. Статья будет полезна как для научных работников и юристов, так и для сотрудников государственных органов, занимающихся борьбой с налоговыми преступлениями. Выводы работы подтверждают необходимость комплексного подхода в совершенствовании законодательства и правоприменительной практики.

Ключевые слова: налоговые преступления, ответственность, законодательство, правоприменение, борьба с уклонением от налогов, совершенствование системы.

Введение

Налоговые преступления представляют собой одну из самых острых проблем современной юридической практики, поскольку они не только истощают государственный бюджет, но и подрывают базовые принципы экономической безопасности и справедливости. Усложнение налоговых конструкций, активизация транснациональных финансовых потоков, а также появление новых схем уклонения от уплаты налогов превращают противодействие подобным деяниям в чрезвычайно трудоёмкую задачу для правоохранительных органов. В условиях глобализации и внедрения цифровых технологий эти правонарушения приобретают всё более изощрённые формы, требуя постоянного совершенствования механизмов преследования виновных и нормативного регулирования в данной сфере.

Актуальность темы обусловлена необходимостью выработки действенных инструментов и процедур, повышающих степень ответственности за налоговые преступления. Существующая законодательная база, несмотря на предпринятые усилия по её модернизации, сталкивается с рядом недостатков: правовая неопределённость отдельных норм, низкий уровень координации между компетентными органами и недостаточная эффективность предусмотренных санкций [9]. В совокупности эти факторы способствуют росту числа правонарушений и недобросовестных схем уклонения от налоговых обязательств, что наносит ущерб не только финансовому состоянию государства, но и общественным институтам.

Целью исследования является разносторонний анализ современного состояния института ответственности за налоговые преступления, выявление системных пробелов и выработка рекомендаций по совершенствованию правоприменительной практики с учётом новых вызовов. Задача состоит в том, чтобы на основе глубокого критического рассмотрения действующих норм и их реализации установить ключевые проблемные области и определить пути их устранения.

Научная новизна работы выражается в смещении акцента исследования с традиционных предложений по изменению диспозиций и санкций Уголовного кодекса на комплексный анализ практики. Впервые, опираясь на статистические данные за период 2021–2024 гг. и криминологический портрет правонарушителей, демонстрируется, что основная сложность заключается не столько в несовершенстве нормативных положений, сколько в недостаточной готовности правоохранительных

органов противодействовать технически сложным схемам уклонения от уплаты налогов.

Авторская гипотеза заключается в том, что повышение эффективности ответственности за налоговые преступления в современных условиях достигается не через дальнейшее ужесточение уголовно-правовых норм, а посредством оптимизации правоприменительных процессов. Приоритетными направлениями должны стать повышение квалификации специалистов в области цифровой криминалистики и финансового анализа, оснащение их современными программными продуктами (в том числе на базе искусственного интеллекта и больших данных), а также укрепление межведомственного и международного сотрудничества. Такой подход позволит обеспечить принцип неотвратимости наказания и повысить эффективность борьбы с «беловоротничковой» налоговой преступностью.

Материалы и методы

Вопросы привлечения к ответственности за налоговые преступления, а также совершенствования законодательства в этой области представляют собой важные темы для исследования в области права, экономики и безопасности. Рассмотренные источники можно сгруппировать в несколько тематических блоков.

Проблемы уголовной ответственности за налоговые правонарушения. В данной группе работ авторы исследуют актуальные вопросы, связанные с уголовной ответственностью за уклонение от уплаты налогов. Джангулбаева Л.Г., Дадашов М.М. [2] анализируют проблемы уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и предлагают пути совершенствования законодательства в этой области. Аналогичные вопросы обсуждаются в работе Ходасевича О.Н. и Пермякова М.В. [1], которые затрагивают проблемы привлечения к ответственности за налоговые правонарушения, акцентируя внимание на путях совершенствования налогового законодательства. Адеева Е.А. [3] в статье, посвященной проблемам привлечения к ответственности за налоговые преступления, акцентирует внимание на необходимости улучшения практики судебного разбирательства в этих делах, а также на важности повышения правовой грамотности населения.

Вторая группа работ сосредоточена на методах расследования налоговых преступлений. Скибин С.Н. [4] предлагает методику расследования налоговых преступлений, подчеркивая необходимость её совершенствования с учетом новых угроз в сфере налоговых правонарушений. Он выделяет основные этапы расследования, а также проблемы, связанные с недостаточной подготовкой специалистов и несовершенством доказательной базы в таких делах. Штокалова А.А. [5] исследует организационно-тактические аспекты предупреждения и пресечения налоговых преступлений, обращая внимание на важность комплексного под-

хода к борьбе с налоговыми правонарушениями, включая как юридические, так и организационные меры.

Проблемам возбуждения уголовных дел о налоговых преступлениях посвящена работа Серовой Е.Б. и Пушторской Е.В. [6], в которой рассматриваются проблемы, связанные с правоприменительной практикой и предложены пути их решения. В частности, они акцентируют внимание на сложности возбуждения уголовных дел в связи с недостаточной квалификацией некоторых следственных органов и не всегда точным применением законодательства.

Если же рассматривать группу научных публикаций, посвященную вопросам совершенствования правового механизма формирования налоговых доходов, то Зайцева С.П. [7] рассматривает вопросы совершенствования правового механизма формирования налоговых доходов федерального бюджета Российской Федерации. Это исследование затрагивает вопросы правового обеспечения экономической безопасности и налогового администрирования в условиях глобализации и цифровизации экономики. Минаков А.В. и Эриашвили Н.Д. [8] также исследуют современные тенденции в области налогового контроля, анализируя влияние цифровизации на эффективность налогового администрирования и безопасность экономических процессов. Белоусов А.А. и Васильев А.М. [11] исследуют перспективы применения спайковых нейронных систем (нейроморфных сетей) для автоматизированного распознавания признаков преступлений в сфере налогообложения. Авторы демонстрируют, что модели, имитирующие принципы работы биологических нейронных сетей, способны эффективно обрабатывать большие массивы финансовых данных, выделяя аномалии, свидетельствующие о нарушениях налогового законодательства, и тем самым ускорять предварительное расследование и повышать точность квалификации деяний. Также следует отметить, что ранее Белоусов А.А. и Васильев А.М. [12] рассматривали вопросы криптовалютного рынка и недостатков действующего регулирования: подчеркивая отсутствие единой правовой классификации криптоактивов, сложности доказательства факта получения дохода в цифровых валютах и пробелы в механизмах контроля за их движением.

Говоря об обстоятельствах, смягчающих или исключающих ответственность, то в данной группе Тимохина В.С. [9] анализирует правовые нормы, касающиеся условий, при которых лицо может быть освобождено от ответственности, или ответственность может быть снижена.

В рамках борьбы с налоговыми правонарушениями отдельное внимание заслуживает проблема незаконного обналичивания денежных средств. Овчинников Д.К. [10] анализирует аспекты уголовно-правового противодействия этому явлению, предлагая пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики в борьбе с финансовыми преступлениями.

Для объективной оценки уровня налоговых правонарушений и эффективности противодействия им используются обширные статистические массивы. В государственных ресурсах публикуются данные судебной статистики, содержащие информацию о количестве возбужденных уголовных дел по налоговым статьям, сроках рассмотрения, видах наказаний и динамике этих показателей по годам [13]. Дополняют сведения Министерства внутренних дел, отражающие результаты оперативных мероприятий, число выявленных фактов уклонения от уплаты налогов и отработанных профилактических программ [14]. Эти количественные источники дают возможность исследователям проводить трендовый анализ, выявлять «узкие места» в процессуальных и организационных механизмах и разрабатывать рекомендации по повышению эффективности правоохранительных практик.

Таким образом, в литературе прослеживается противоречие между выступлениями законодательных аналитиков, предлагающих ужесточение норм и расширение кругов субъектов ответственности, и авторами, акцентирующими внимание на превентивных тактических и технологических мерах. Многие работы базируются либо на нормативных обоснованиях, либо на практических рекомендациях, но редко объединяют оба подхода. Слабо освещены межведомственные механизмы обмена данными при расследовании (вне рамок цифровизации как таковой), а также проблемы трансграничных налоговых преступлений и комплаенс-механизмов в отношении «среднего бизнеса». Кроме того, недостаточно исследовано влияние оперативно-технических средств на соблюдение процессуальных прав подозреваемых и подсудимых.

Результаты и обсуждения

Налоговые преступления представляют собой умышленные деяния либо бездействие физических и юридических лиц, направленные на незаконное снижение налоговых обязательств или сокрытие облагаемых доходов. Эти противоправные акты, нарушающие нормы налогового и уголовного законодательства, могут проявляться в фальсификации бухгалтерских и налоговых документов, занижении сумм платежей, предоставлении заведомо недостоверной отчетности, а также в использовании многоступенчатых схем, позволяющих минимизировать налоговую нагрузку либо полностью исключить обязанность уплаты [1, 2]. В российском Уголовном кодексе данные деяния регулируются положениями статей 198–199.2 УК РФ. Налоговые преступления наносят серьезный ущерб общественным интересам. Во-первых, они приводят к недополучению средств в государственный бюджет, что снижает возможности финансирования приоритетных социальных и инфраструктурных программ. Массовое уклонение лишает бюджет ресурсов, необходимых для развития здравоохранения, образования, социальных программ и поддержки малообеспечен-

ных слоев населения. По итогам 2024 года доходная часть федерального бюджета прогнозируется на уровне около 53 трлн руб., что на 6 трлн руб. (12%) превышает показатели аналогичного периода 2023 г.. В то же время, по оценкам Следственного комитета Российской Федерации, ежегодный недобор средств в бюджет вследствие налоговых преступлений достигает порядка 58 млрд руб. [11].

Налоговые правонарушения формируют системный перекос в конкурентной среде: субъекты, уклоняющиеся от налоговых обязательств, получают возможность снижать себестоимость продукции и услуг за счёт «сэкономленных» платежей, что обеспечивает им заведомо более выгодные позиции на рынке по сравнению с компаниями, строго исполняющими фискальные нормы. В результате добросовестные хозяйствующие субъекты оказываются в неравных условиях, что не только тормозит их развитие, но и дискредитирует деловой имидж государства на международной арене.

Масштабное уклонение от налогов оказывает отрицательное воздействие на всю экономическую систему: государство лишается данных о реальных доходах бизнеса и граждан, что ставит под сомнение точность бюджетного планирования и эффективность распределения средств на приоритетные социально-экономические программы. Недостаточность фискальных поступлений может стать причиной бюджетного дефицита, усиления инфляционного давления и возникновения кризисных явлений в социальной сфере [3].

Часто схемы уклонения от налогов сопряжены с коррупционным взаимодействием между налогоплательщиками и должностными лицами, что выражается в незаконном закрытии инспекционных практик, передаче взяток или иных встречных выгод. Подобная практика подрывает доверие граждан к институтам власти и правоохранительной системе, порождает атмосферу безнаказанности и ослабляет принципы законности в сфере фискального администрирования [10].

Кроме того, убытки бюджета в результате налоговых правонарушений переносятся «на плечи» добросовестных налогоплательщиков: государству вынужденно прибегать к дополнительным источникам пополнения доходной части бюджета, в том числе к повышению ставок и введению новых сборов. Такая перераспределительная нагрузка усугубляет социальное напряжение и формирует предпосылки для недовольства среди населения.

Наконец, устойчивость и прозрачность налоговой системы являются одним из ключевых факторов привлечения прямых иностранных инвестиций. Систематические факты уклонения от налогов и бездействие контролирующих органов создают у инвесторов впечатление нестабильности и правовой незащищённости, что снижает инвестиционную привлекательность страны и ограничивает её возможности для экономического роста [4, 7].

Уклонение от уплаты налогов выступает далеко не только в роли финансового правонарушения, но и несёт серьезные экологические и соци-

альные риски. Организации, избегающие уплаты обязательных сборов, нередко сокращают затраты на соблюдение природоохранных норм, социальные инициативы и обеспечение безопасности трудовых процессов. В результате подобная экономия приводит к деградации экосистем, нарушению прав работников и подрыву основ корпоративной социальной ответственности.

Долгосрочный эффект от налоговых преступлений охватывает всю экономическую систему государства. Искажая механизмы распределения ресурсов, они снижают эффективность государственных программ, подрывают надёжность государственных бюджетов и препятствуют расширению социальных гарантий. Суммарно это сказывается на уровне жизни населения, ухудшает предпринимательский климат и ослабляет институциональную устойчивость общества [5].

Для объективного подтверждения изложенных выводов следует обратиться к официальной статистике, формируемой Министерством внутренних дел Российской Федерации, охватывающей период с 2021 по 2024 годы. Именно данные МВД позволяют комплексно оценить динамику налоговой преступности и её влияние на различные сферы общественной жизни.

Так за период 2024 года всего было зарегистрировано около 105437, из которых 4639 налоговых. Если же смотреть на официальные данные за 2023 год, то в данном случае было зарегистрировано 105257 преступлений из которых налоговых было 4953, в 2022 году зарегистрировано было 111429, 5264 из которых являлись именно налоговыми, а вот в 2021 году всего было зарегистрировано 117707 из которых налоговых – 5543. Полученные сведения указывают на стабильно высокое количество зарегистрированных преступлений в налоговой сфере [14]. Для наглядности, полученные данные будут отражены на рисунке 1.

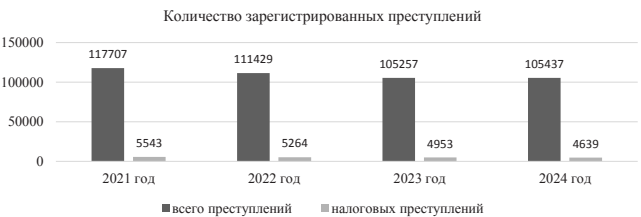

Рис. 1. Количество зарегистрированных преступлений с 2021 года по 2024 год(составлено автором на основе [14])

Нарушение налоговых обязанностей приводит к недофинансированию научных исследований, образовательных учреждений и системы здравоохранения, а также ограничивает возможности государственной поддержки материнства и детства и подрывает пенсионную защиту пожилых и нетрудоспособных граждан – фундаментальные ценности социально ориентированного правового государства [6, 8]. При этом в 2020 году указанные гарантии были усилены посредством внесения соответствующих поправок в Конституцию Российской Федерации и отражены в обновлённой редакции

«Стратегии национальной безопасности Российской Федерации». Эмпирическую основу исследования составили статистические данные Судебного департамента при Верховном Суде Российской Федерации за период 2021–2023 годов. Анализ динамики рассмотрения уголовных дел о налоговых правонарушениях судами первой инстанции позволяет выявить общие тенденции правоприменительной практики в данной сфере (таблица 1.).

Таблица 1. Показатели работы судов первой инстанции по уголовным делам о налоговых преступлениях (2021–2023 гг.) (составлено автором на основе [13])

Показатель	2021	2022	2023
Поступило уголовных дел	12 959	13 368	13 974
Осуждено лиц	8 987	10 795	11 911
Оправдано лиц	56	55	51

Имеющиеся сведения, отраженные в таблице 1 демонстрируют устойчивую тенденцию к увеличению числа уголовных производств в налоговой сфере, направляемых в судовые инстанции (прирост составил 7,8% за три года), а также объёма лиц, привлечённых к уголовной ответственности и осуждённых (рост на 32,5%). Параллельно фиксируется неизменно низкий уровень оправдательных приговоров, что может свидетельствовать как о высоком качестве организации досудебного расследования, так и о возможном обвинительном уклоне в процессе судебного рассмотрения данной категории дел. Стабильность выносимых судебных актов выступает одним из ключевых критериев оценки качества правосудия.

Таблица 2. Рассмотрение дел в апелляционной и кассационной инстанциях (2021–2023 гг.) (составлено автором на основе [13])

Показатель	2021	2022	2023
Апелляционная инстанция			
Поступило на обжалование	2 163	2 363	2 535
Отменено обвинительных приговоров	185	219	228
Оправдано лиц	33	18	33
Кассационная инстанция			
Отменено приговоров	63	71	55
Изменено приговоров	45	50	77

Системный анализ материалов апелляционной и кассационной инстанций, отраженных в таблице 2, выявляет устойчивый рост числа приговоров, обжалованных в вышестоящих судах, что закономерно обусловлено увеличением общего потока уголовных дел и численности осуждённых. Процент отмены обвинительных вердиктов в апелляционной инстанции остаётся стабильным – порядка 8,5–9,2%, что свидетельствует о достаточности правовой обоснованности первичных решений. В кассационной же стадии отмечается возрастание числа приговоров, подвергаемых изменению, что указывает на наличие процессуальных недо-

чётов, не приводящих к полной отмене судебного акта.

Ключевым элементом при формировании действенных мер противодействия налоговым правонарушениям является глубокое понимание типового профиля субъекта таких преступлений (таблица 3).

Таблица 3. Характеристика лиц, совершивших преступления, предусмотренные ст. 198, 199 УК РФ, по возрасту и уровню образования (2023–2024 гг.) (составлено автором на основе [13])

Группа / Уровень	2023		2024	
	Ст.198 УК РФ	Ст.199 УК РФ	Ст.198 УК РФ	Ст.199 УК РФ
Возраст				
30–39 лет	3	90	5	49
40–49 лет	3	61	1	44
50–59 лет	0	21	1	12
Старше 60 лет	1	4	1	12
Образование				
Высшее	2	13	5	106
Среднее проф.	0	0	2	6
Среднее общее, начальное или отсутствует образование	0	0	0	0

Криминологический портрет субъектов, нарушающих нормы налогового права, свидетельствует о том, что основная часть правонарушителей сосредоточена в возрастной группе от 30 до 49 лет, и при этом значительная доля из них имеет высшее образование. Такая статистическая закономерность обусловлена синергией профессионально-экономических и социально-психологических факторов, влияющих на специфику преступных практик в области налогообложения.

В первую очередь представители данной возрастной группы обладают уже сформированным профессиональным статусом: в возрасте 30–49 лет они нередко занимают управленческие позиции или выступают в роли предпринимателей, находясь на пике своей карьеры. Накопленный управленческий опыт и познания в финансово-бухгалтерской сфере предоставляют им возможность разрабатывать и применять многоступенчатые схемы минимизации налоговых обязательств, которые при выходе за рамки дозволенного переходят в разряд уголовно наказуемых деяний.

Во-вторых, наличие высшего образования, в частности экономического или юридического профиля, обеспечивает потенциальным налоговым правонарушителям комплекс теоретико-методологических приёмов для обнаружения «лазеек» в законодательстве и фальсификации бухгалтерской отчётности. Системное владение инструментами налогового анализа, корпоративного управления и правового регулирования снижает риск выявления незаконных операций контроли-

рующими органами и повышает эффективность их реализации.

Хотя число лиц, осуждённых за налоговые правонарушения, демонстрирует тенденцию к росту, доля скрытых преступлений остаётся чрезмерно высокой. Во многом это объясняется стремительным появлением и развитием цифровых инструментов, применимых в преступной среде, а также недостаточным уровнем технической и методологической готовности правоохранительных органов к адекватному противодействию новым формам нарушения налогового законодательства.

Современные злоумышленники всё активнее внедряют цифровые схемы ухода от уплаты налогов. В числе их основных приёмов – использование криптовалют, обеспечивающих высокий уровень анонимности участников и децентрализацию финансовых операций, что существенно осложняет трассировку потоков капитала [12]. Применение офшорных юрисдикций и построение многоступенчатых транснациональных корпоративных конструкций позволяет легализовать доходы и минимизировать налоговые обязательства при низком риске обнаружения. Одновременно фальсификация электронных отчётных данных, манипуляция цифровыми документами и базами данных, приобретает всё большую степень технической изощрённости, что предъявляет к следственным органам требования наличия узкоспециализированного программного обеспечения и профильных экспертных компетенций.

Низкий уровень профессиональной подготовки сотрудников правоохранительных органов усугубляет ситуацию. Большинство следователей не обладает необходимыми навыками в сфере цифровой криминалистики, аналитики блокчейн-транзакций и обработки больших массивов данных. В результате процесс формирования и верификации доказательственной базы по высокотехнологичным налоговым преступлениям затягивается, а эффективность их раскрытия остаётся на низком уровне [11].

Исходя из проведённого анализа, первоочередной задачей не должно становиться радикальное реформирование действующей редакции Уголовного кодекса РФ. Наиболее эффективным направлением является совершенствование практики применения норм, причём главным ресурсом здесь выступает усиление как технического оснащения, так и кадрового потенциала следственных подразделений.

Повышение уровня профессиональной подготовки следователей должно осуществляться посредством внедрения в постоянную практику специализированных образовательных программ и тренингов. Эти курсы должны объединять две взаимосвязанные составляющие. С одной стороны, технология расследования преступлений с использованием цифровых инструментов: от приёмов сбора и анализа данных блокчейна и облачных хранилищ до приёмов цифровой криминалистики. С другой, проработка финансово-экономических

методик, включающая изучение современных схем уклонения от налогов, методик выявления нетипичных показателей в бухгалтерской и налоговой отчетности, а также принципов международного налогового планирования.

Не менее приоритетной является интеграция современных программных решений в повседневную следственную деятельность. Следственные подразделения должны быть оснащены соответствующими ПО-комплексами и обучены их использованию для задач анализа масштабных массивов данных, выявления аномалий и скрытых корреляций в финансовых потоках, применения алгоритмов искусственного интеллекта для автоматизированного поиска подозрительных операций и распознавания закономерностей преступного поведения, а также для отслеживания криптовалютных транзакций с целью деанонимизации участников.

Для обеспечения методологической актуальности работы следственных органов необходимо регулярно обновлять рекомендательные материалы по расследованию налоговых правонарушений с учётом появления новых схем уклонения и эволюции судебной практики. Следует разработать и закрепить в виде чётких регламентов порядок обращения с цифровыми доказательствами, гарантирующий прозрачность процедур и возможность их воспроизведения при проверках и в суде.

Таким образом, анализ статистических и криминологических данных показывает, что борьба с налоговой преступностью смещается в технологическую плоскость. Преступления все чаще совершаются образованными, профессионально зрелыми лицами с использованием сложных цифровых инструментов. В этих условиях основным вектором совершенствования государственной политики должно стать не ужесточение законодательства, а повышение профессионального уровня следователей и их технической оснащённости, что позволит эффективно противостоять современным вызовам и обеспечить неотвратимость ответственности за налоговые преступления.

Закключение

Проведенное исследование позволило широко проанализировать современное состояние и проблемы привлечения к ответственности за совершение налоговых преступлений в Российской Федерации.

Анализ судебной и правоохранительной статистики за 2021–2024 годы выявил устойчивую тенденцию к росту числа зарегистрированных преступлений данной категории и, соответственно, количества осужденных лиц. Однако, сопоставление этих данных с экспертными оценками потенциального ущерба бюджету свидетельствует о высоком уровне латентности налоговой преступности. Проблема носит системный характер и подрывает основы экономической справедливости, ставя в неравные условия добросовестных налогоплательщиков и нарушителей закона.

Основным выводом работы является установленный криминологический портрет типичного налогового преступника. Это экономически активное лицо в возрасте 30–49 лет с высшим, зачастую профильным, образованием. Данный факт указывает на интеллектуальный и профессиональный характер преступной деятельности, которая все чаще опирается на сложные финансовые инструменты, цифровые технологии, криптовалюты и офшорные схемы.

В этих условиях традиционные подходы, ориентированные исключительно на корректировку норм Уголовного кодекса, исчерпали свою эффективность. Основным вектором государственной политики в сфере борьбы с налоговыми преступлениями должно стать качественное преобразование правоприменительной практики. Решение проблемы лежит в плоскости повышения профессионального и технического потенциала следственных органов. Необходимо системное внедрение программ повышения квалификации следователей, ориентированных на изучение методик расследования высокотехнологичных преступлений, а также их оснащение современными аналитическими инструментами для работы с большими данными и отслеживания криптовалютных транзакций.

Литература

1. Ходасевич О. Н., Пермяков М.В. Проблемы привлечения к ответственности за совершение налоговых правонарушений и пути совершенствования налогового законодательства // Экономико-правовые проблемы обеспечения экономической безопасности. – 2021. – С. 226–230.
2. Джангулбаева Л. Г., Дадашов М.М. актуальные вопросы уголовной ответственности за уклонение от уплаты налогов и пути совершенствования законодательства. – 2024. – С. 36.
3. Адеева Е.А. Проблема привлечения к ответственности за несоблюдение налогового законодательства //Скиф. Вопросы студенческой науки. – 2023. – № . 5 (81). – С. 444–448.
4. Скибин С. Н. К вопросу о необходимости совершенствования методик расследования налоговых преступлений //Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2024. – № . 3. – С. 157–160.
5. Штокалова А.А. Организационно-тактические основы предупреждения и пресечения налоговых преступлений //Актуальные вопросы науки и современного общества. – 2022. – С. 69–82.
6. Серова Е. Б., Пушторская Е.В. Возбуждение уголовных дел о налоговых преступлениях: проблемы и возможные пути их решения // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2023. – № . 1 (97). – С. 127–136.
7. Зайцева С.П. Совершенствование правового механизма формирования налоговых доходов федерального бюджета российской федерации //Проблемы и перспективы развития

предпринимательства в современном мире. – 2022. – С. 139–146.

8. Минаков А. В., Эриашвили Н.Д. Цифровизация налогового контроля России и ее влияние на экономическую безопасность //Аудиторские ведомости. – 2023. – № . 4. – С. 269–276.
9. Тимохина В.С. Обстоятельства, смягчающие, отягчающие и исключаяющие ответственность за совершение налогового правонарушения // Анализ проблем внедрения результатов инновационных исследований и пути их решения. – 2022. – С. 157–159.
10. Овчинников Д.К. Отдельные аспекты уголовно-правового противодействия незаконному обналичиванию денежных средств: проблематика и направления совершенствования //Вестник Волгоградской академии МВД России. – 2021. – № . 3 (58). – С. 86–93.
11. Белоусов, А. А., and А.М. Васильев. Применение нейроморфных систем (спайковых нейронных систем) при инкриминировании уголовно-правовых норм // Тенденции развития науки и образования. –2024. – 105–6. С. 43–48.
12. Белоусов А. А., Васильев А.М. Криптовалюта и проблемы в ее законодательном регулировании //современный ученый учредители: ИП Ключева ММ. – 2022. – № . 2. – С. 231–235.
13. Данные судебной статистики [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://cdep.ru/index.php?id=79&> (дата обращения: 15.05.2025).
14. Статистика и аналитика [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (дата обращения: 20.05.2025).

WAYS TO IMPROVE THE PROCESS OF BRINGING GUILTY PERSONS TO JUSTICE FOR TAX CRIMES

Belousov A.A., Silchenko E.V.
Kuban State University

The article discusses ways to improve the mechanism for bringing perpetrators to justice for tax crimes in the context of modern economic and legal realities. The purpose of the work is to analyze existing gaps and shortcomings in legislation and practice, as well as to propose effective methods for their elimination. To achieve this goal, a comprehensive methodology was used, including the analysis of regulatory legal acts and official statistics in the field of tax crimes. The results of the study showed that existing instruments for monitoring tax crimes often do not meet the challenges of the time, which leads to a low level of responsibility and weak effectiveness of sanctions. Specific changes in legislation are proposed aimed at tightening responsibility and improving coordination between vari-

ous government agencies, which will increase the level of discipline among taxpayers and prevent tax evasion. The article will be useful for both researchers and lawyers, as well as for employees of government agencies involved in the fight against tax crimes. The findings of the work confirm the need for an integrated approach to improving legislation and law enforcement practice.

Keywords: tax crimes, liability, legislation, law enforcement, combating tax evasion, improving the system.

References

1. Khodasevich O. N., Permyakov M.V. Problems of bringing to justice for committing tax offenses and ways to improve tax legislation // Economic and legal problems of ensuring economic security. – 2021. – pp. 226–230.
2. Dzhangulbaeva L. G., Dadashov M.M. Current issues of criminal liability for tax evasion and ways to improve legislation. – 2024. – pp. 36.
3. Adeeva E.A. The problem of bringing to justice for non-compliance with tax legislation // Skif. Issues of student science. – 2023. – Vol. 5 (81). – pp. 444–448.
4. Skibin S.N. On the issue of the need to improve the methods of investigating tax crimes // Humanitarian, socio-economic and social sciences. – 2024. – Vol. 3. – pp. 157–160.
5. Shtokalova A.A. Organizational and tactical foundations for preventing and suppressing tax crimes // Current issues of science and modern society. – 2022. – pp. 69–82.
6. Serova E. B., Pushtorskaya E.V. Initiation of criminal cases on tax crimes: problems and possible solutions // Bulletin of the St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2023. – Vol. 1 (97). – pp. 127–136.
7. Zaitseva S.P. Improvement of the legal mechanism for the formation of tax revenues of the federal budget of the Russian Federation // Problems and prospects for the development of entrepreneurship in the modern world. – 2022. – pp. 139–146.
8. Minakov A. V., Eriashvili N.D. Digitalization of tax control in Russia and its impact on economic security // Audit statements. – 2023. – Vol. 4. – pp. 269–276.
9. Timokhina V.S. Circumstances mitigating, aggravating and excluding liability for committing a tax offense // Analysis of the problems of implementing the results of innovative research and ways to solve them. – 2022. – pp. 157–159.
10. Ovchinnikov D.K. Certain aspects of criminal-legal counteraction to illegal cashing of funds: problems and areas of improvement // Bulletin of the Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. -Vol. 3 (58). – pp. 86–93.
11. Belousov, A. A., and A.M. Vasiliev. Application of neuromorphic systems (spike neural systems) in incriminating criminal law norms // Trends in the development of science and education. – 2024. – Vol. 105–6. – pp. 43–48.
12. Belousov A. A., Vasiliev A.M. Cryptocurrency and problems in its legislative regulation // modern scientist founders: IP Klyueva MM. – 2022. – Vol. 2. – pp. 231–235.
13. Judicial statistics data [Electronic resource]. – Access mode: <https://cdep.ru/index.php?id=79&> (date of access: 05/15/2025).
14. Statistics and analytics [Electronic resource]. – Access mode: <https://мвд.рф/dejatelnost/statistics> (date of access: 20.05.2025).

Социально-правовая обусловленность криминализации рейдерства в современных условиях: общественная опасность

Дорошенко Даниил Валерьевич,

соискатель кафедры уголовного права, УрГЮУ

имени В.Ф. Яковлева

E-mail: daniil.doroshenko.97@mail.ru

В статье рассматриваются социально-правовые основания криминализации рейдерства как формы высокоорганизованной экономической преступности, наносящей системный ущерб конституционному порядку, экономической безопасности и правовой устойчивости. Особое внимание уделяется критерию общественной опасности как определяющему при введении уголовно-правового запрета. Уточняются особенности правовой природы рейдерства, подчеркивается его сопряженность с коррупцией и организованной преступностью. Обосновывается необходимость совершенствования уголовного законодательства, направленного на эффективное пресечение противоправных захватов, в том числе в отношении стратегических и градообразующих предприятий. Подчеркивается риск использования уголовного преследования как инструмента перераспределения собственности в интересах аффилированных с публичными органами власти структур, что требует нормативного разграничения правомерного вмешательства и так называемого «государственного рейдерства». Предлагаются направления законодательного реагирования на современные вызовы в сфере борьбы с рейдерством.

Ключевые слова: рейдерство; криминализация; общественная опасность; экономическая безопасность; стратегические предприятия; уголовно-правовая охрана; корпоративные конфликты; государственное рейдерство; уголовная политика; злоупотребление полномочиями; коррупция.

Современный этап социально-экономического развития Российской Федерации характеризуется трансформацией моделей собственности, усилением конкуренции и обострением борьбы за контроль над экономически значимыми ресурсами. В этих условиях устойчивое распространение получает такое отрицательное явление, как рейдерство. Его суть выражается в нарушении легальных правил осуществления экономической деятельности в целях незаконного установления контроля над функционированием и активами юридического лица. Последствия рейдерских действий выходят далеко за пределы конкретных корпоративных конфликтов, нанося ущерб национальной экономике, подрывая доверие к институтам частной собственности и правосудия.

Криминализация рейдерства представляет собой правовую реакцию государства на усложнение форм недобросовестной конкуренции и нарастание угроз экономической безопасности страны. При этом, несмотря на наличие отдельных «анти-рейдерских» уголовно-правовых норм, действующее законодательство не охватывает всего спектра общественно опасных деяний, сопряженных с противоправным завладением активами. Фрагментарность регулирования порождает неопределенность правоприменительной практики и способствует уходу от ответственности лиц, вовлеченных в рейдерский криминальный «бизнес».

Исследование данной проблематики актуализируется в связи с наблюдаемой сегодня активизацией усилий государства по возвращению под свой контроль стратегически значимых активов. Возникает потребность в объективной оценке правовой природы таких процедур, а также в их четком отграничении от «государственного рейдерства», осуществляемого с использованием публичного ресурса, задействованного недобросовестными должностными лицами государственных органов в интересах рейдеров.

Научное изучение вопросов социально-правовой обусловленности криминализации рейдерства позволяет сформировать теоретически обоснованные подходы к совершенствованию уголовного законодательства, обеспечению баланса частных и публичных интересов, а также выработать эффективные инструменты правового реагирования на вызовы в сфере корпоративных конфликтов и противодействия экономической преступности.

Криминализация, как пишут И.Я. Козаченко и Д.Н. Сергеев, представляет собой «обусловленный социально-правовыми обстоятельствами по-

литический процесс, заключающийся в выявлении, описании, фиксации и пенализации отдельных форм индивидуального поведения»¹.

Уголовно-правовая доктрина выработала систему критериев или же оснований социально-правовой обусловленности криминализации, то есть объективных обстоятельств, подтверждающих необходимость защиты определённых социальных ценностей с использованием уголовно-правовых механизмов. В их числе: общественная опасность деяния; распространённость, массовость и системный характер проявления антиобщественного посягательства; невозможность эффективного противодействия в рамках иных отраслей права (недостаточность административных, гражданско-правовых или иных механизмов реагирования); соответствие уголовной репрессии принципу справедливости и соразмерность тяжести деяния; поддержка криминализации со стороны общественного мнения (социальный запрос на защиту того или иного блага и соответствие уголовно-правового запрета уровню развития правосознания общества); результативность уголовно-правового запрета (применимость соответствующих норм уголовного закона на практике, их недекларативный характер)². Эти критерии в совокупности формируют социально-правовую обусловленность криминализации, позволяя избежать избыточного уголовно-правового регулирования и обеспечить его применение только в тех сферах, где это действительно необходимо.

Ключевое место среди указанных критериев занимают высокий уровень общественной опасности деяния и его широкая распространённость на практике. В рамках настоящей научной статьи представляется необходимым сосредоточиться на анализе такого критерия социально-правовой обусловленности криминализации рейдерства, как общественная опасность.

Как было сказано, в отечественном уголовном законодательстве отсутствует универсальная правовая конструкция, позволяющая в полной мере квалифицировать и пресекать подобные криминальные явления. Анализ текста уголовного закона позволяет отнести к собственно рейдерским преступлениям посягательства, предусмотренные ст. 170, ст. 170.1, ч. 3 ст. 185.2, ст. 185.4, ст. 185.5 УК РФ. Как вспомогательные (сопутствующие) рейдерству преступления могут рассматриваться посягательства, предусмотренные ст. 119, ст. 163, ст. 167, ст. 173.1, ст. 173.2, ст. 179, ст. 183, ст. 186, ст. 185.3, ст. 196, ст. 197, ст. 285.3, ст. 286, ст. 299,

¹ Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и непроступного. – Екатеринбург: Лаборатория «Sapientia», 2020. С. 36.

² См.: Митюкова Ю.А. Декриминализация преступлений: теоретический и практический аспекты: дис. ... к.ю.н. – М., 2019. С. 25; Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / отв. ред. В.П. Кашепов. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. С. 118; Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ... к.ю.н. М., 2001. 17–20, 108, 133,

ст. 327, ст. 330 УК РФ. Причём, при отсутствии специальной статьи УК РФ, предусматривающей ответственность за рейдерство, по сути, происходит «подмена элементов состава преступления смежными составами преступлений»³.

В качестве проявлений общественной опасности рейдерских преступлений следует назвать:

- нарушение конституционного режима собственности. Рейдерство направлено на незаконное завладение чужим имуществом, в том числе с использованием поддельных документов, фиктивных решений собраний акционеров, давления на органы управления компаний. Это посягательство на гарантированный Конституцией РФ (ст. 35) правовой режим частной, муниципальной и государственной собственности;
- экономический ущерб. Рейдерские захваты причиняют прямой имущественный ущерб собственникам активов, а также косвенный ущерб сотрудникам предприятий, поставщикам, потребителям и экономике в целом (нарушение хозяйственных связей, сокращение производства, банкротство предприятий, рост безработицы, социальной напряжённости и проч.);
- подрыв экономической безопасности государства. Преступные захваты коммерческих предприятий дестабилизируют экономические связи, нарушают производственные циклы, вызывают утрату доверия инвесторов, замедление роста малого и среднего бизнеса, отток капитала, снижение налоговых поступлений. Ущерб от рейдерства нередко имеет системный характер, особенно если речь идёт о стратегически значимых активах и предприятиях;
- угрозу устойчивости правопорядка. Использование легальных механизмов (в частности, регистрационных процедур, институтов банкротства и арбитража) в криминальных целях ведёт к институциональному вырождению правопорядка. Рейдерские посягательства тесно сопряжены с коррупционной и организованной преступностью. Распространение рейдерских практик формирует у населения правовой нигилизм, усиливает недоверие к государственным институтам и влечёт снижение деловой активности в стране.

В частности, как пишет П.А. Григорьев, «лицо, нарушающее запрет, установленный в ст. 170 УК РФ, покушается не только на информацию (сведения) публичного реестра, но и на имущественные права, создавая таким образом основу для последующих противоправных действий»⁴. Соответственно, «фальсификация сведений ЕГРЮЛ ав-

³ Кочедыкова В.М. Уголовно-правовая норма за противоправное осуществление функции управления в отношении юридического лица (рейдерский захват): конструкция состава преступления, квалифицирующие признаки // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 71.

⁴ Григорьев П.А. Социально-правовая обусловленность уголовных запретов в сфере государственной регистрации гражданских прав // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 1 (15). С. 65.

томатически приведет к утрате законным правообладателем контроля над компанией и к переходу прав на управление к злоумышленникам»¹.

Масштабы рейдерской преступности, также как и причиняемый рейдерами ущерб национальной экономике довольно трудно поддаются точной оценке. Так, например, А.Л. Семенихин, приводя данные Национального антикоррупционного комитета, согласно которым в России ежегодно совершается около 70 000 рейдерских захватов, понимает это явление предельно широко и выделяет так называемое «бытовое рейдерство» в отношении недвижимого имущества граждан², что видится весьма сомнительным. Дополнительную путаницу в экспертные оценки вносит встречаемое в современной научной литературе понимание рейдерства не только как криминальной, но и как законной деятельности³.

Есть все основания утверждать, что речь идёт об ущербе в десятки миллиардов рублей в год, наносимом рейдерской преступностью. В криминологической литературе отмечается, что «наряду с уменьшением количества жертв – юридических лиц по сравнению с базовым периодом (2010 г.), за исключением 2015 и 2022 гг., фиксируется существенное увеличение материального ущерба, причиненного юридическим лицам»⁴.

Рейдерство нередко сопровождается силовыми акциями по захвату офисов компании, ставшей предметом посягательства. «Самым наглядным примером можно считать попытку захвата офисов Валдберис. В настоящее время Московские суды приговорили к заключению более 30 человек, замешанных в кровавом конфликте на территории офиса компании «Вайлдберриз» в Романовском переулке. В числе зачинщиков беспорядков, которые привели к гибели двух и ранениям у десятка лиц, оказался сотрудник спецподразделения Росгвардии «Ахмат-1», которого суд отправил в тюрьму»⁵.

В последние годы на процессы криминализации и декриминализации рейдерства воздействуют новые факторы, трансформирующие поставленные под охрану уголовного закона общественные отношения. Так, в условиях санкционного давления, роста бюджетных расходов на оборону и ограниченного доступа к западным рынкам капитала государство расширяет контроль над стратегическими активами, в том числе возвращает ранее при-

ватизированные предприятия. Перераспределение активов, как правило, сопровождается возбуждением уголовных дел в отношении топ-менеджмента, арестом активов и инициированием судебных процессов, итогом которых становится переход корпоративного контроля к государству или же близким к государственной власти лицам.

В 2025 году в российской правоприменительной практике участились случаи инициирования органами прокуратуры исков о передаче активов крупных частных компаний в собственность государства. Яркими примерами таких дел стали процессы в отношении компаний «Русагро», «Русская Аквакультура», «Илим», «Аэропорт Шереметьево» и ряда других структур.

Так, в апреле 2025 г. Генпрокуратура потребовала обратить в доход государства активы крупнейшего в России производителя поливинилхлорида (ПВХ) АО «Саянскимпласт» стоимостью почти 79 млрд руб., ежегодной выручкой 25 млрд. руб., валовой прибылью 7,2 млрд. руб. и штатом сотрудников 6,5 тыс. человек. Ежегодно АО «Саянскимпласт» вырабатывает 250 тыс. тонн сырья, это оставляет 30% от общего объема производства в России.

Исковое заявление подано в Хамовнический районный суд г. Москвы к бывшему председателю Законодательного собрания Иркутской области Виктору Круглову, его супруге и детям. В рамках обеспечительных мер суд наложил арест на имущество фигурантов, включая активы аффилированных юридических лиц, однако с оговоркой о недопущении нарушения прав работников предприятия и обязательств перед контрагентами.

Основанием для иска стали действия Круглова, который, сочетая статус депутата с ведением предпринимательской деятельности, осуществлял контроль над АО «Саянскимпласт». Согласно материалам прокуратуры, Круглов, будучи сначала руководителем, а затем фактическим собственником предприятия, вывел производственные активы из государственного ОАО «Саянскимпром» в созданные им структуры, тем самым инициировав процесс преднамеренного банкротства государственного актива. Новообразованное АО «Саянскимпласт» стало центром прибыли, тогда как долговая нагрузка оставалась за обанкротившимся государственным предприятием. Кроме того, в иске указывается, что Круглов использовал депутатские полномочия для получения инсайдерской информации, налоговых и административных преференций для подконтрольных структур. Он также не декларировал доходы от предпринимательской деятельности, нарушил запрет на совмещение полномочий с бизнесом и не сообщил о получении гражданства Кипра, что является нарушением законодательства о гражданстве и статусе депутатов.

С целью легализации активов Виктор Круглов перевёл контроль над «Саянскимпластом» и иными юридическими лицами на близких родственников, имеющих кипрское гражданство, а также внёс

¹ Там же.

² См.: Семенихин А.Л. Рейдерство в условиях санкционного давления // Учёные записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2023. № 2 (86). С. 89, 95.

³ См.: Елкин С.Е., Елкина О.С. Эффективное управление организацией при угрозе рейдерства // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Экономика». 2025. № 1 (43). С. 66.

⁴ Александрова Н.М. Криминальная виктимизация юридических лиц и её предупреждение: криминологическое исследование: дисс. ... к.ю.н. – Нижний Новгород, 2024. С. 11.

⁵ Сунайкина С.В. Уголовно-правовые меры противодействия рейдерству в России // Гуманитарный научный журнал. 2024. № 4. С. 130–131.

имущество в уставные капиталы подконтрольных ООО. Прокуратура требует конфискации соответствующих акций и долей, их последующего обращения в федеральную собственность. Изменение территориальной подсудности с Иркутской области на Москву обосновано наличием устойчивых региональных связей ответчиков, создающих риски для объективного рассмотрения дела¹.

Подобные кейсы вызывают существенный научный и практический интерес, в том числе в контексте проблематики противодействия рейдерству. Безусловно, дать их объективную юридическую оценку будет возможно только при условии детального знакомства с материалами соответствующих уголовных дел. На данный момент, с позиций уголовно-правовой доктрины важно обратить внимание на следующие обстоятельства:

- в последние два-три года происходит стремительное изменение общественных отношений, вызванное обострением угроз национальной безопасности и, как следствие, усилением роли государства в экономике;
- наблюдаемые процессы перераспределения собственности максимизируют криминогенные риски возрастания числа рейдерских преступлений;
- исчисляемая сотнями миллиардов рублей в год совокупная стоимость перераспределяемых активов косвенно свидетельствует если не о масштабах рейдерской преступности (что служит индикатором общественной опасности рассматриваемых посягательств), то, как минимум, об объёме имущества, подверженного рискам рейдерских посягательств.

Сказанное подтверждает высокую степень общественной опасности рейдерства и актуализирует вопросы ограничения недобросовестных корпоративных захватов от законных форм экономической мобилизации. Ключевым показателем государственного рейдерства служит конечный выгодоприобретатель изъятого имущества. Необходимость возврата активов в государственную собственность, как правило, обосновывается допущенными собственниками нарушениями налогового и антикоррупционного законодательства, сокрытием ими иностранного гражданства, стратегическим характером активов и угрозой национальной безопасности. Однако, при отсутствии прозрачности процедур возникает опасность использования государственно-властного ресурса в интересах иных лиц или структур, что образует признаки государственного рейдерства.

Современные формы экономического давления, реализуемые в рамках уголовно-правовых процедур, требуют дополнительного нормативного разграничения правомерных и неправомерных форм вмешательства в сферу корпоративных отношений. В правовом государстве уголовное преследование не должно использоваться как ин-

струмент перераспределения активов в интересах частных лиц. Необходима доктринальная и законодательная проработка норм, препятствующих инструментализации уголовного права в экономических конфликтах. Так, одним из возможных путей противодействия институциональному рейдерству может стать установление, например, пятилетнего моратория, то есть запрета на передачу изъятого имущества в частную собственность.

В ходе дальнейшей законотворческой работы по криминализации рейдерства в рамках отдельной статьи уголовного закона следует выделить в качестве квалифицирующего признака использования злоумышленниками должностных лиц публичных органов власти. В частности, С.С. Бурынин в этой связи верно подчёркивает, что «в абсолютном большинстве рейдерские захваты имущества происходят с участием представителей правоохранительных, контрольных, надзорных, судебных органов власти»². Привлечение рейдерами коррупционных механизмов, безусловно, повышает общественную опасность посягательства и должно учитываться при дифференциации уголовной ответственности.

Помимо экономического ущерба от рейдерской преступности, особую настороженность вызывают и иные, качественные характеристики современного рейдерства. Нередко предметом преступного посягательства становятся стратегически значимые оборонные и градообразующие предприятия. Такие преступления обладают повышенной общественной опасностью, представляя угрозу устойчивости национальной экономики, социальной стабильности и безопасности государства.

Во-первых, стратегические и градообразующие предприятия, в силу своей специфики выполняют ключевые функции в экономике. Такие предприятия обеспечивают работой значительную часть трудоспособного населения, участвуют в исполнении государственных и муниципальных контрактов, отвечают за реализацию важнейших инфраструктурных и производственных проектов (в том числе в сфере энергетики, химической промышленности, транспорта, связи и обороны).

Во-вторых, преступные действия, направленные на захват контроля над указанными объектами, носят системный и, зачастую, организованный характер, сопровождаясь злоупотреблением должностными полномочиями, коррупционными схемами, фальсификацией корпоративной документации, шантажом, угрозами и иными формами принуждения. Это требует усиления уголовно-правовых механизмов противодействия подобной криминальной деятельности, поскольку она создаёт реальную угрозу экономической безопасности.

В-третьих, социальные последствия рейдерских захватов стратегически значимых предприятий крайне негативны: они выражаются в массовом высвобождении работников, остановке произ-

¹ Саянскую химию обсудят в Москве Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7638891?ysclid=mckcawlsle937930898> Дата обращения: 20.06.2025.

² Бурынин С.С. Специфика проблем противодействия рейдерству в России на современном этапе // Журнал прикладных исследований. 2024. № 5. С. 126.

водственных процессов, разрушении цепочек поставок и обострении социальной напряжённости в конкретных муниципальных образованиях. Тем самым, деяние, формально выражающееся в захвате имущества или корпоративного контроля, по сути, затрагивает конституционно охраняемые блага – право на труд, обеспечение экономической безопасности, стабильность финансово-кредитной системы и правопорядка.

В-четвёртых, правовая природа стратегических и градообразующих предприятий обуславливает необходимость повышенного стандарта уголовно-правовой охраны. Такие объекты не могут рассматриваться исключительно как имущественные активы – они обладают публично-правовым статусом, предполагающим особый режим контроля со стороны государства и защиту от противоправных посягательств. Следовательно, незаконное вмешательство в их функционирование должно квалифицироваться с учетомотягчающего обстоятельства – посягательства на объект особой значимости.

Таким образом, рейдерство в современных условиях представляет собой общественно опасное, трансформирующееся криминальное явление, подрывающее основы экономической безопасности и правового порядка. Наличие фрагментарного уголовно-правового регулирования, высокая латентность и вовлечение публичных институтов в недобросовестные практики делают необходимым выработку целостной правовой модели противодействия корпоративным захватам. Особую актуальность приобретает криминализация рейдерства как самостоятельного состава преступления, включая усиление ответственности за захваты стратегических и градообразующих предприятий, с целью обеспечения устойчивости ключевых отраслей экономики, социальной стабильности и доверия к институтам собственности.

Литература

1. Александрина Н.М. Криминальная виктимизация юридических лиц и её предупреждение: криминологическое исследование: дисс. ... к.ю.н. – Нижний Новгород, 2024. – 275 с.
2. Антонов А.Д. Теоретические основы криминализации и декриминализации: дис. ... к.ю.н. – М., 2001. – 182 с.
3. Бурынин С.С. Специфика проблем противодействия рейдерству в России на современном этапе // Журнал прикладных исследований. 2024. № 5. С. 124–130.
4. Григорьев П.А. Социально-правовая обусловленность уголовных запретов в сфере государственной регистрации гражданских прав // Теоретическая и прикладная юриспруденция. 2023. № 1 (15). С. 60–68.
5. Елкин С.Е., Елкина О.С. Эффективное управление организацией при угрозе рейдерства // Вестник Московского городского педагогического университета. Серия «Экономика». 2025. № 1 (43). С. 62–76.
6. Козаченко И.Я., Сергеев Д.Н. Новая криминализация: философско-юридический путеводитель по миру преступного и неправомерного. – Екатеринбург: Лаборатория «Sapientia», 2020. – 256 с.
7. Кочедыкова В.М. Уголовно-правовая норма за противоправное осуществление функции управления в отношении юридического лица (рейдерский захват): конструкция состава преступления, квалифицирующие признаки // Правопорядок: история, теория, практика. 2025. № 1 (44). С. 68–73.
8. Криминализация и декриминализация как формы преобразования уголовного законодательства: монография / И.С. Власов, Н.А. Голованова, А.А. Гавина и др.; отв. ред. В.П. Кашепов. – М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2018. – 280 с.
9. Митюкова Ю.А. Декриминализация преступлений: теоретический и практический аспекты: дисс. ... к.ю.н. – М., 2019. – 200 с.
10. Саянскую химию обсудят в Москве Электронный ресурс. Режим доступа: <https://www.kommersant.ru/doc/7638891?ysclid=mck-cawlsle937930898> Дата обращения: 20.06.2025.
11. Семенихин А.Л. Рейдерство в условиях санкционного давления // Учёные записки Санкт-Петербургского имени В.Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2023. № 2 (86). С. 89–96.
12. Суняйкина С.В. Уголовно-правовые меры противодействия рейдерству в России // Гуманитарный научный журнал. 2024. № 4. С. 129–133.

SOCIO-LEGAL GROUNDS FOR THE CRIMINALIZATION OF CORPORATE RAIDING IN CONTEMPORARY CONDITIONS: SOCIAL DANGEROUSNESS

Doroshenko D.V.
Ural State Law University

The article examines the socio-legal grounds for the criminalization of corporate raiding as a form of highly organized economic crime that inflicts systemic harm on constitutional order, economic security, and legal stability. Particular attention is given to the criterion of social danger as fundamental to the formation of criminal law prohibitions. The paper clarifies the legal nature of raiding, highlighting its close connection with corruption, abuse of authority, and the misuse of public institutions. The need for legislative reform aimed at the effective suppression of unlawful corporate takeovers is substantiated, especially in relation to strategically important and city-forming enterprises. The risk of employing criminal prosecution as a tool for asset redistribution in favor of affiliated entities is emphasized, necessitating a clear normative distinction between legitimate state intervention and so-called «state-sponsored raiding». The article outlines doctrinal and legislative approaches to countering contemporary challenges in the fight against corporate raiding.

Keywords: corporate raiding; criminalization; social danger; economic security; strategic enterprises; criminal law protection; corporate conflicts; state-sponsored raiding; criminal policy; abuse of authority; corruption.

References

1. Alexandrina N.M. Criminal victimization of legal entities and its prevention: criminological research: diss. ... candidate of legal sciences – Nizhny Novgorod, 2024. – 275 p.

2. Antonov A.D. Theoretical foundations of criminalization and decriminalization: diss. ... candidate of legal sciences – M., 2001. – 182 p.
3. Burynin S.S. Specifics of the problems of counteracting raiding in Russia at the present stage // Journal of Applied Research. 2024. № 5. P. 124–130.
4. Grigoriev P.A. Social and legal determination of criminal prohibitions in the sphere of state registration of civil rights // Theoretical and applied jurisprudence. 2023. № 1 (15). P. 60–68.
5. Elkin S.E., Elkina O.S. Effective management of an organization under the threat of corporate raiding // Bulletin of the Moscow City Pedagogical University. Series «Economics». 2025. № 1 (43). P. 62–76.
6. Kozachenko I.Ya., Sergeev D.N. New criminalization: a philosophical and legal guide to the world of the criminal and non-criminal. – Ekaterinburg: Laboratory «Sapientia», 2020. – 256 p.
7. Kochedykova V.M. Criminal law norm for the unlawful exercise of management functions in relation to a legal entity (raider takeover): the structure of the crime, qualifying features // Law and order: history, theory, practice. 2025. № 1 (44). P. 68–73.
8. Criminalization and decriminalization as forms of transformation of criminal legislation: monograph / I.S. Vlasov, N.A. Golovanova, A.A. Gravina et al.; ed. V.P. Kashepov. – M.: IZISP, CONTRACT, 2018. – 280 p.
9. Mityukova Yu.A. Decriminalization of crimes: theoretical and practical aspects: diss. ... candidate of legal sciences. – M., 2019. – 200 p.
10. Sayan chemistry will be discussed in Moscow Electronic resource. Access mode: https://www.kommersant.ru/doc/7638891?ysclid=mckcawlsle_937930898 Date of access: 20.06.2025.
11. Semenikhin A.L. Raiding under the conditions of sanctions pressure // Scientific notes of the St. Petersburg branch of the Russian Customs Academy named after V.B. Bobkov. 2023. № 2 (86). P. 89–96.
12. Sunyaykina S.V. Criminal-legal measures to counter raiding in Russia // Humanitarian scientific journal. 2024. № 4. P. 129–133.

Безопасность предпринимательской деятельности в уголовном праве: криминологический аспект

Зацепин Михаил Николаевич,

доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, Аналитик управления научных исследований и международного сотрудничества УрГЮУ
E-mail: mnz-1958@mail.ru

Зацепин Александр Михайлович,

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права, УрГЮУ; профессор кафедры предпринимательского права, УрГЭУ; член Российской криминологической ассоциации, старший прокурор отдела по надзору за оперативно-розыскной деятельностью прокуратуры Свердловской области
E-mail: tp0507@ya.ru

Изучение и оценка правовой и экономической действительности, включая безопасность предпринимательства, в настоящее время воспринимаются «двояко». С одной стороны целесообразной сознательной деятельности предпринимателей, принимающих участие в общественном производстве и управленческих отношениях. С другой стороны тех объективно-субъективных решений и социально-правовых отношений, которые в каждый данный момент предпосланы поставленными вопросами и не зависят от чьей-либо воли, государственной политики и права, практических задач, решаемых предпринимателями, других экономических реалий.

Пункт «реформ» регулирующий хозяйственные взаимоотношения управления экономикой, правовой системой и законодательством, радикальные преобразования структуры органов и без решения скрытых объективных причин явлений, которые заключены внутри экономической сферы, невозможен переход к принципам регулирования предпринимательства, к новому образу мышления и действия предпринимателей, других лиц, участвующих в процессах производства и правоохранительной деятельности.

Ключевые слова: реформы, уголовное право, предпринимательство, правоохранительная деятельность.

Право собственности по своему объективному содержанию и форме выражения не зависит от государства и законодательства. Государственное регулирование посредством законов придает этому праву лишь общественно признанную, официально дозволяемую и защищаемую государственную форму. Право собственности приобретает тем самым вид, в котором она существует эмпирически и непосредственно доступно наблюдению.

Противоречия, присущие современному этапу развития предпринимательства все еще остаются в форме директив, объективны, независимы от чьей-то злой или доброй воли. Возникающие в связи с ними практические трудности и проблемы создают возможности для злоупотреблений лиц частных, так или иначе, к разработке плановых заданий и отчетности о выполнении планов, они ставятся даже в ситуацию, вынуждающую к противоправным деяниям.

Соответственно этому для излагаемого теоретического содержания и доказательства не имеет существенного значения, какие нормы права, юридические и другие формулировки отражены в законодательстве. Право собственности предпринимателями анализируется преимущественно как реальная юридическая форма адекватная идущим экономическим процессам, не зависящим от воли правоохранителей, предполагает исследование собственности в динамике, в качестве системы правовых, волевых отношений, которые постоянно возникают, существуют и прекращаются в результате действительных процессов воспроизводства¹.

Безусловные к выполнению, но нереальные «экономические» желания сами по себе отрицают законность. Правоохранительный девиз «УПК есть закон» несовместим с принципом «законы государства, безусловно, должны соблюдаться и исполняться». Но выполнение нереальных экономических действий любыми средствами без обхода правовых норм, как правило, немислимо. Такое объективное положение создает благоприятную почву для всякого рода экономических злоупотреблений и преступлений. В значительной степени активизировалось, связанное с формальным характером экономических действий, сращивание хозяйственного руководства с государственно-политическим, это не могло не «благоприятствовать» коррупции среди чиновников аппарата государства².

¹ Патентный троллинг: как ему противостоять. //20.11.2024 г. <https://parvo.ru/story/255877/>; Или Патентные мошенники работали три схемы обмана бизнеса. 14.08.2024 г. <https://pravo.news/254628/>.

² 30.07.2024 г. Полгода в Конституционном суде: важные позиции для бизнеса. <https://parvo.ru/story/254185/>.

Внешнее директивное управление напоминает регулирование хозяйственной деятельности посредством норм права. Их близость друг к другу усиливается в связи с тем, что как управление, так и законодательная регламентация действий участников экономического производства осуществляется государством. Если указы Президента о развитии «хозяйства» утверждаются как государственный закон, он приобретает вид, характерный для установления правовых норм. Так же, как и право, указ является формой выражения государственной воли. Подобно праву, экономическому планированию свойственен определенный нормативный характер.

Задача управления и планирования заключается в том, чтобы в первоочередном порядке создать весь комплекс материальных и социальных условий, при которых возможно эффективное простое восприятие на правовой основе. На практике же наблюдается тенденция к наращиванию темпов «экономического» роста, к осуществлению расширенного обогащения, несмотря на отсутствие в данное время надлежащих предпосылок для воспроизводства, включая дефицит материальных и трудовых ресурсов. В результате такой практики «хозяйствования» имеющиеся противоречия не только не разрешаются, а еще более обостряются. Здесь дает о себе знать то, что развитие экономики подчиняется объективным законам воспроизводства, которые не зависят от политики государства и законодательства¹.

С точки зрения сравнительно исторического периода, когда обнаруживают себя отдаленные последствия тех действий, которые совершались в прошлом, даже много лет назад на поверхности явлений более ясно выступает объективный характер политических и экономических процессов, которые влияют на принятие законов. Действительность в экономике, включая наличие объективных финансово-хозяйственных проблем, больше чем в каких-либо других сферах общественной жизни, сохраняет в себе следы отдаленного прошлого, тех действий, которые совершались предшественниками. В этом заключается одна из объективных закономерностей экономического развития, проистекающая прежде всего из того факта, что новые предприниматели наследуют производственные силы, а радикальные и охватывающие все основные сферы народного хозяйства изменения в производительных силах, во всей совокупности условий воспроизводства требуют переходного периода.

Управленческие решения и действия подвергаются быстрому изменению. Если они затрагивают широкие сферы экономики, происходят заметные изменения в распределении материальных и денежных фондов, а через их посредство – в отраслевом и территориальном размещении производи-

тельных сил. Но последствия этих действий проявятся в полной мере лишь несколько лет спустя – как результат многократного повторения процесса общественного производства. И тогда обнаруживается, насколько прошлые действия госслужащих (предпринимателей) соответствовали или не соответствовали объективной экономической необходимости².

Уничтожению подверглась государственная собственность также в тех отраслях и сферах экономики, где она могла в течение длительного времени способствовать экономическому росту. Вышедшая далеко за пределы экономической необходимости ломка старых форм собственности привела к тому, что процесс производства осуществлялся с использованием в широких масштабах «внутреннего» или «горизонтального» труда. Новые формы собственности не могли сохраняться, расширенно воспроизводиться без постоянного применения государственного планирования, которому долгие годы, по сути дела, не ставились законодательные ограничения. Вместе с тем ликвидация государственной собственности сопровождалась применением жестоких наказаний за хищения собственности. Несмотря на это хищения широко распространились, – одно из эмпирических свидетельств несоответствия вновь созданных форм собственности реальным условиям общественного воспроизводства, объективно значимой форме соединения рабочей силы со средствами производства.

При разработке законов, регулирующих хозяйственную деятельность и право собственности, не особо обратили внимание на ту часть богатства общества, которая представлена в форме предметов потребления и непосредственно затрагивает интересы всех граждан. И еще один момент, правонарушение потому и называется так (правовым нарушением), что поведение предпринимателя нарушает юридические нормы. Следовательно, есть четкий критерий того, что перед нами – правонарушение или нет (содержащиеся в юридических нормах запреты, иные обязательные установления, нарушены они – значит, предприниматель или хозяйствующий субъект совершили правонарушение)³.

Вместе с тем, для того чтобы не совершать правонарушений, вовсе не требуется доподлинно знать все действующие в нашей стране многочисленные юридические нормы. Каждый предприниматель довольно полно знает, что дозволено, а что запрещено и, следовательно, за какое поведение может наступить ответственность – административная или юридическая. Главный критерий, которым должен руководствоваться каждый занимающийся бизнесом, когда в подробностях не известна правовая норма, – это существующие в нашем обществе ценности, важность тех благ, с которыми мы имеем дело, сталкиваемся. Правонарушения

¹ 15.07.2024 г. Более 4000 юрлиц признали банкротами в первом полугодии. // <https://pravo.ru/news/254098/>. Или Генпрокуратура взыскала 2,7 млрд руб. с экс-топов «Мотовилихинских заводов». // 12.04.2024 г. <https://prav.ru/news/254099/>.

² 22.12.2024 г. Генпрокурор рассказал о проверках бизнеса в 2025 году. // <https://pravo.ru/news/256783/>.

³ 14.01.2025 г. «Взятка для предпринимателя»: кого наказывают за коммерческий подкуп. // pravo.ru/story/253119/.

подразделяются на преступления (они влекут уголовную ответственность) и проступки (они влекут административную, гражданскую, дисциплинарную ответственность). Состав правонарушения – совокупность указанных в юридических нормах элементов (сторон) правонарушения как основания юридической ответственности.

Правонарушение представляет собой сложное, многогранное явление. Оно включает и самое деяние – действие или бездействие, и связь его с противоправным результатом поведения, и субъективное отношение лица к своему поведению, его результатам, а также возраст лица, способность его понимать значение своего поведения, характер нарушенных благ и др. Обстоятельства, обосновывающие юридическую ответственность, их четыре элемента или стороны, состава правонарушения. Объект – благо ценность, которые нарушаются. Субъект – лицо, совершившее противоправное деяние, причем лицо, достигшее определенного возраста и находящееся в состоянии, когда оно по состоянию своего психического здоровья понимать и нести ответственность за свое поведение. Объективная сторона, самое деяние или бездействие и тот противоправный результат, который наступает вследствие действия или бездействия и причинная связь между ними. Субъективная сторона – вина – психическое отношение лица к своему поведению и его результатам в виде умысла или неосторожности. Юридическая ответственность для того или иного лица может наступить – когда в его поведении имеются все четыре стороны (элемента) состава правонарушения, притом именно такие элементы, которые предусмотрены в законе¹.

В современной действительности, когда под углом зрения мало изменившихся идеологических, идейно-теоретических позиций, а также в силу логики сути предпринимательства, выдвинутому вопросу правового обеспечения в центр хозяйственных преобразований, подъем авторитета и престижа предпринимательства, четкое определение для него достойного места в структуре государства – насущное требование времени (жизни).

Как представляется, забыты и «слабые места» юридической науки. Одно из них отчетливо выявилось именно сейчас, и связано оно с тем, что по характеру и результатам правовых норм, их целям и задачам, юридическая наука по многим параметрам оказалась не в состоянии предложить такие «заготовки», отработанные решения, которые сразу могли бы быть пущены в дело, с тем чтобы обеспечить с правовой «стороны» намеченные финансово-хозяйственные преобразования, что предопределяет не только тематические направления научных исследований, их оптимальное содержание, но и темпы, интенсивность таких исследований, фундаментальных и прикладных разработок. И как нельзя лучше здесь подходят термины социальной и юридической определенности. Идущие преобразования требуют не только разрабо-

ток в соответствии с требованиями и запросами сегодняшнего дня, но и заготовок впрок и опережающего развития нормативной базы, по крайней мере, изменения духа обвинительного уклона и переориентации².

Касаясь вопроса обвинительного уклона, в предшествующие годы «юридическая» наука, чрезмерно увлеклась обобщенной характеристикой преимуществ и достижений «советской» правовой системы. Освещение принципиальных особенностей и его коренного отличия – задача, которая всегда будет иметь в науке существенное значение. Но как представляется – эта задача стала единственной, «желание» во что бы то ни стало «обосновать» сложившиеся порядки и отношения в качестве «лучших», а то и единственно возможных. Искажается действительная картина правового регулирования, а главное – исчезает критический анализ этих порядков и отношений, приостанавливается поиск и выработка оптимальных организационно-правовых форм, тем более на перспективу.

Литература

1. ВС отменил национализацию уральского завода. 09.07.2024 г. // <https://pravo.ru/story/254215/>.
2. Генпрокуратура взыскала 2,7 млрд руб. с экс-топов «Мотовилихинских заводов». // 12.04.2024 г. <https://pravj.ru/news/254099/>.
3. Патентный троллинг: как ему противостоять. //20.11.2024 г. // <https://parvo.ru/story/255877/>; Или Патентные мошенники выработали три схемы обмана бизнеса. 14.08.2024 г. <https://pravo/news/254628/>.
4. 14.01.2025 г. «Взятка для предпринимателя»: кого наказывают за коммерческий подкуп. // pravo.ru/story/253119/.
5. 15.07.2024 г. Более 4000 юрист признали банкротами в первом полугодии. // <https://pravo.ru/news/254098/>.
6. 19.12.2024 г. Криминальное банкротство: почему не работают специальные статьи УК. // <https://pravo.ru/story/253593/>.
7. 22.12.2024 г. Генпрокурор рассказал о проверках бизнеса в 2025 году. // <https://pravo.ru/news/256783/>.
8. 30.07.2024 г. Полгода в Конституционном суде: важные позиции для бизнеса. // <https://parvo.ru/story/254185/>.

BUSINESS SECURITY IN CRIMINAL LAW: CRIMINOLOGICAL ASPECT

Zatsepin M.N., Zatsepin A.M.

Ural State Law University named after V.F. Yakovleva, Ural State University of Economics

The study and assessment of legal and economic reality, including the security of entrepreneurship, is currently perceived in two ways. On the one hand, there is a reasonable conscious activity of entrepreneurs involved in public production and managerial relations. On the other hand, those objective-subjective decisions and socio-legal

¹ 19.12.2024 г. Криминальное банкротство: почему не работают специальные статьи УК. // <https://pravo.ru/story/253593/>

² ВС отменил национализацию уральского завода. 09.07.2024 г. // <https://pravo.ru/story/254215/>.

relations that are pre-determined by the issues raised at any given moment and do not depend on anyone's will, state policy and law, practical tasks solved by entrepreneurs, and other economic realities.

The "reform" clause regulates the economic relations of economic management, the legal system and legislation, radical transformations of the structure of bodies, and without addressing the hidden objective causes of phenomena that are contained within the economic sphere, it is impossible to transition to the principles of regulating entrepreneurship, to a new way of thinking and acting of entrepreneurs, other persons involved in production processes and law enforcement activities.

Keywords: reforms, criminal law, entrepreneurship, law enforcement.

References

1. The Supreme Court canceled the nationalization of the Ural plant. July 9, 2024 // <https://pravo.ru/story/254215/>.
2. The Prosecutor General's Office collected 2.7 billion rubles from the former top managers of Motovilikha Plants. // April 12, 2024 <https://pravj.ru/news/254099/>.
3. Patent trolling: how to resist it. // November 20, 2024 // <https://parvo.ru/story/255877/>; Or Patent fraudsters have developed three schemes to deceive businesses. August 14, 2024 <https://pravo/news/254628/>.
4. 01/14/2025. "A bribe for an entrepreneur": who is punished for commercial bribery. // pravo.ru/story/253119/.
5. 07/15/2024. More than 4,000 legal entities were declared bankrupt in the first half of the year. // <https://pravo.ru/news/254098/>.
6. 12/19/2024. Criminal bankruptcy: why special articles of the Criminal Code do not work. // <https://pravo.ru/story/253593/>.
7. 12/22/2024. The Prosecutor General spoke about business inspections in 2025. // <https://pravo.ru/news/256783/>.
8. 30.07.2024. Six months in the Constitutional Court: important positions for business. // <https://parvo.ru/story/254185/>.

Крюков Антон Владимирович,

старший преподаватель кафедры уголовного права, судья
в отставке, Санкт-Петербургский университет МВД России
E-mail: krukovanton293@gmail.com

В статье рассматриваются вопросы правильности привлечения к уголовной ответственности, квалификации и обоснованности назначения наказания в случаях причинения лицами женского пола вреда нападающим на них лицам мужского пола. По мнению автора, по своему складу женщины, в основном, не склонны к физической агрессии и чаще всего нападение осуществляется не ими, а на них. При этом женщина слабее мужчины, более внушаема, психологически менее готова отразить нападение. Все это заведомо ухудшает положение женщины в конфликтной ситуации, делая ее более доступной для нападения целью и существенно снижая ее возможности защититься. Автор полагает, в подобных случаях, помимо учета положений ст. 37 УК РФ и соответствующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ, для принятия верного решения необходимо также учитывать принадлежность обороняющейся к женскому полу. Кроме того, Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», следует дополнить ссылкой на то, что в случае, если нападающий является мужчиной, а обороняющаяся – женщиной, то это обстоятельство уже само по себе, наравне с прочими указанными в законе обстоятельствами, может являться основанием для освобождения от уголовной ответственности или снижении уголовной ответственности путем применения привилегированного состава преступления или назначения более мягкого наказания. При наличии существенных и неустраняемых сомнений в возможности для женщины избежать посягательства иным путем, саму ее принадлежность к женскому полу следует рассматривать как одно из оснований для прекращения уголовного преследования или максимального его смягчения.

Ключевые слова: квалификация преступлений, уголовная ответственность, необходимая оборона, причинение вреда нападающему, причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее по неосторожности смерть потерпевшего, убийство при превышении пределов необходимой обороны, причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны.

Во все времена вопросы необходимой обороны имели огромное значение и вызывали серьезные дискуссии. Это вполне объяснимо: никакой, даже самый совершенный закон, никогда не сможет охватить все возможные ситуации, возникающие при защите от нападений. Внезапность нападения, причины нападения, его способ, интенсивность, длительность, наличие или отсутствие специальных навыков у нападающего и обороняющегося, состояние их здоровья и физическая подготовка – все это практически невозможно свести к единому алгоритму в рамках единого закона.

Особые проблемы аспекты необходимой обороны вызывают при нападениях на женщин. Следует уточнить, что случаев, когда женщины выступают в качестве нападающей стороны, очень мало. По своему складу женщины, в основном, не склонны к физической агрессии и чаще всего нападение осуществляется не ими, а на них. При этом женщина слабее мужчины, более внушаема, психологически менее готова отразить нападение. Все это заведомо ухудшает положение женщины в конфликтной ситуации: для нападающего делает ее более доступной для нападения целью, а для нее самой – существенно снижает для нее возможность защититься.

Поэтому разрешение вопросов о наличии в действиях женщины такого исключающего уголовную ответственность обстоятельства, как необходимая оборона, требует особо тщательного изучения и мотивировки.

Приговором Ленинского районного суда г. Кемерово от 23.01.2025 г., ФИО осуждена по ст. 114 ч. 1 УК РФ, то есть судом в ее действиях установлено превышение пределов необходимой обороны, повлекшее причинение тяжкого вреда здоровью потерпевшего. Наказание ФИО назначено в виде 10 месяцев исправительных работ с удержанием 5% из заработной платы. [1]

Материалами уголовного дела установлено, что в квартиру ФИО вечером неожиданно пришел ее бывший сожитель ФИО 1, находившийся в состоянии алкогольного опьянения. Сразу пройдя на кухню, он сел там на табурет и стал требовать у ФИО возобновить их отношения. На ее требования уйти из квартиры ФИО 1 внимания не обращал. При попытке ФИО позвонить знакомому, ФИО 1 выхватил у нее из рук мобильный телефон и разбил его. После этого ФИО левой рукой взял со стола чугунную сковороду и, замахнувшись ей, сказал, что ФИО не будет жить ни с кем, кроме него. От удара сковородой ФИО уклонилась, правой рукой ФИО 1 ударил ее в лицо. Находясь в шоковом состоянии, ФИО схватила кухонный нож и нанесла ФИО 1 од-

ни удар в корпус снизу вверх. После этого она стала выталкивать ФИО 1 из квартиры, при этом он схватил ее за волосы, наклонил и удерживал в таком положении. Испытывая сильную физическую боль, она нанесла ему еще один удар ножом, после чего вытолкала его из квартиры. Крови на нападающем после нанесения ударов она не видела. Действиями ФИО ФИО 1 был причинен тяжкий вред здоровью, повлекший после доставления в больницу его смерть.

Очевидно, что в данном приговоре суд постарался максимально смягчить квалификацию совершенного ФИО деяния. Изначально органами следствия ей вменялась ст. 111 ч. 4 УК РФ, то есть причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть потерпевшего – особо тяжкое преступление, предусматривающее наказание до 15 – ти лет лишения свободы. Суд исходил из того, что первый удар, нанесенный ей ФИО 1, не противоречил положениям ч. 1 ст. 37 УК РФ, поскольку нападавший применял насилие, опасное для жизни, замахиваясь на нее тяжелой чугунной сковородой весом около 2,5 кг. Таким образом, защищаться от подобного насилия ФИО имела право любыми методами вплоть до причинения смерти нападающему и поэтому нанесение ей первого удара, повлекшего по неосторожности смерть, состава преступления не образует.

Однако при нанесении в прихожей второго удара сковороды в руках у нападающего уже не было, напротив, получив первый удар, серьезной опасности он не представлял и непосредственно жизни ФИО не угрожал. Поэтому второй удар ножом, нанесенный ФИО ФИО 1 и повлекший причинение тяжкого вреда здоровью, выходил за пределы правил ч. 2 ст. 37 УК РФ и был квалифицирован судом по ст. 114 ч. 1 УК РФ как причинение тяжкого вреда здоровью при превышении пределов необходимой обороны.

Можно заключить, что полностью освободить ФИО от уголовной ответственности суд не решился, хотя определенные основания для этого, безусловно, были. При нанесении ей второго удара нападающий применял против нее насилие, тянул за волосы, причиняя физическую боль, непосредственно перед этим действия нападающего угрожали ее жизни, он был заведомо сильнее и агрессивнее нее, находился в состоянии алкогольного опьянения, отказался покинуть ее жилище. Кроме того, не вызывает сомнений необходимость учета того, что нападающий здесь – мужчина, а обороняющаяся – женщина, что заведомо ставит их при физическом конфликте в неравное положение. Все это давало основания применить ко всем действиям ФИО правила ст. 37 УК РФ, исключив тем самым ее уголовную ответственность.

Тем не менее, следует отметить, что изменив обвинение ФИО с особо тяжкого преступления на преступление небольшой тяжести, против чего государственное обвинение возражало, суд постарался максимально встать на ее сторону и учесть все нюансы происшедшего.

Примером более последовательного применения правил ст. 37 УК РФ может послужить Определение Верховного Суда Российской Федерации от 24.04.2025 г. № 60-УД25–3-К9 по кассационной жалобе адвоката Якубовской С.Н. на приговор Елизовского районного суда Камчатского края в отношении Сябаевой И.Б. [2]

Суд установил, что между С. и Сябаевой И.Б. в квартире по вине С. произошел конфликт. С. находился в состоянии алкогольного опьянения, был крайне агрессивен, угрожал задушить Сябаеву И.Б., не давал ей выйти из помещения, нанес ей удар лбом в голову и стал душить ее предплечьями. Сябаева И.Б., понимая возможность причинения ей смерти, схватила кухонный нож и нанесла ему несколько ударов в грудь, шею и голову, повлекшие смерть С. на месте происшествия. При этом удары Сябаева И.Б. наносила хаотично, не целясь, после происшедшего пыталась оказать С. медицинскую помощь, вызвала Скорую помощь.

Судом первой инстанции Сябаева И.Б. была осуждена по ст. 108 ч. 1 УК РФ, то есть за убийство при превышении пределов необходимой обороны, к 2 годам ограничения свободы. Судами апелляционной и кассационной инстанций квалификация ее действий была оставлена без изменения. Суды посчитали, что Сябаева И.Б. изначально не воспринимала действия С. как посягательство, опасное для жизни, но, тем не менее, избрала способ защиты, сопряженный с возможностью причинения смерти.

Однако Верховный Суд РФ счел, что данные выводы противоречат фактическим обстоятельствам происшедшего. При попытке задушить ее Сябаева И.Б. воспринимала действия С. как действия, угрожающие ее жизни и поэтому имела право причинить нападающему любой вред вплоть до причинения смерти. Во время всех судебных заседаний она давала последовательные и непротиворечивые показания, не доверяя которым оснований не имелось. Кроме того, данная версия происшедшего подтверждается и всеми материалами уголовного дела.

Поэтому Верховный Суд РФ, отменив приговор суда первой инстанции и определения апелляционного и кассационного судов, прекратил дело в отношении Сябаевой И.Б. за отсутствием состава преступления, признав за ней право на реабилитацию.

Как следует из п.п. 1, 2 Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», [3] правила статьи 37 УК РФ распространяются на всех лиц независимо от их подготовки, служебного положения, возможности скрыться или обратиться за помощью. О наличии посягательства, опасного для жизни, свидетельствует, в частности, способ посягательства.

Избранный С. способ посягательства явно свидетельствовал о наличии опасности для жизни Сябаевой И.Б.

В данном примере Верховный Суд РФ совершенно обоснованно учел все обстоятельства произошедшего, в том числе и то, что Сюбаева И.Б., являясь лицом женского пола, была заведомо слабее С., неагрессивна, при попытке ее задушить испытала огромный стресс и психологически не была готова отразить нападение каким – либо иным, не влекущим опасности для жизни С. путем.

Полагаем, что в подобных случаях, помимо учета положений ст. 37 УК РФ и соответствующего Постановления Пленума Верховного Суда РФ, для принятия верного решения необходимо также учитывать принадлежность обороняющейся к женскому полу. Более того, считаем, что Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», следует дополнить ссылкой на то, что в случае, если нападающий является мужчиной, а обороняющаяся – женщиной, то это обстоятельство уже само по себе, наравне с прочими указанными в законе обстоятельствами, может являться основанием для освобождения от уголовной ответственности или снижения уголовной ответственности путем применения привилегированного состава преступления или назначения более мягкого наказания.

В заключение следует отметить, что подобные случаи нередки в следственной и судебной практике. В частности, давно уже ведутся дискуссии о том, что женщина при покушении на ее изнасилование, даже при отсутствии угрозы жизни и здоровью, имеет право причинить нападающему любой вред вплоть до причинения смерти. Еще в 2005 году приговором Люблинского районного суда г. Москвы была оправдана А.М. Иванникова, убившая водителя такси, пытавшегося ее изнасиловать. [4]

Безусловно, при принятии окончательного решения по подобным делам не следует прекращать уголовные дела в отношении всех женщин, причинивших вред напавшим на них мужчинам. Также полагаем, что преимущество в силу половой принадлежности у женщин имеется только по делам данной категории. Например, по делам о кражах, мошенничестве или сбыте наркотиков женщины не должны иметь перед мужчинами никаких преимуществ только в силу принадлежности к женскому полу. Но, тем не менее, в случае наличия существенных и неустранимых сомнений в возможности для женщины избежать посягательства иным путем, нежели причинив вред нападающему, саму ее принадлежность к женскому полу следует рассматривать как одно из оснований для прекращения уголовного преследования или максимального его смягчения.

Литература

1. Приговор Ленинского районного суда г. Кемерово от 23.01.2025 г. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/b1VoyVcoDE6o/> (дата обращения 21.07.2025 г.)

2. Официальный портал «Законы, кодексы и нормативно – правовые акты Российской Федерации» URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-24042025-n-60-ud25-3-k9/> (дата обращения 21.07.2025 г.)
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 27.09.2012 № 19 «О применении судами законодательства о необходимой обороне и причинении вреда при задержании лица, совершившего преступление», – Доступ из справ. – правовой системы «КонсультантПлюс».
4. Официальный сайт газеты «Коммерсант» 28.11.2005 г. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/630269> (дата обращения 21.07.2025 г.)

ON THE LIMITS OF NECESSARY DEFENSE FOR WOMEN

Kryukov A.W.

Saint Petersburg University of the Ministry of internal Affairs of Russia

The article discusses the issues of correct criminal liability, qualification, and the validity of sentencing in cases where female individuals cause harm to male individuals who attack them. According to the author, women are generally not prone to physical aggression, and it is more common for them to be the victims of attacks rather than the perpetrators. This is because women are weaker than men, more susceptible to influence, and less prepared psychologically to defend themselves. These factors significantly disadvantage women in conflict situations, making them more vulnerable to attacks and reducing their ability to defend themselves. The author believes that in such cases, in addition to taking into account the provisions of Article 37 of the Criminal Code of the Russian Federation and the relevant Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation, it is also necessary to take into account the gender of the defender in order to make the correct decision. In addition, the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 27 September 2012 No. 19 “On the Application of the Legislation on Necessary Defense and Causing Harm During the Detention of a Person Who Committed a Crime” should be supplemented with a reference to the fact that if the attacker is a man and the defender is a woman, this circumstance alone, along with other circumstances specified in the law, may serve as a basis for exemption from crime.

Keywords: Crime classification, criminal liability, necessary defense, infliction of harm on the attacker, infliction of serious bodily harm that resulted in the victim's death due to negligence, murder in excess of the limits of necessary defense, and infliction of serious bodily harm in excess of the limits of necessary defense.

References

1. The verdict of the Leninsky District Court of Kemerovo dated 23.01.2025. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/b1VoyVcoDE6o/> (accessed 07/21/2025)
2. The official portal “Laws, Codes and regulatory legal Acts of the Russian Federation” URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ugolovnym-delam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-24042025-n-60-ud25-3-k9/> (date of appeal 07/21/2025)
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 09/27/2012 No. 19 “On the courts’ application of legislation on necessary defense and harm when detaining a person who has committed a crime”, – Access from the help. – the legal system “ConsultantPlus”.
4. Official website of the newspaper “Kommersant” on 11/28/2005. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/630269> (accessed 07/21/2025)

Правовые и практические аспекты применения генеральным секретариатом статьи 2 устава Интерпола

Мизиренкова Евгения Владимировна,
адъюнкт Нижегородской академии МВД России
E-mail: kuzovkova.evgeni@mail.ru

Статья посвящена исследованию правовых и практических аспектов применения статьи 2 Устава Интерпола Генеральным секретариатом при рассмотрении запросов об объявлении в международный розыск лиц. Целью исследования является выявление проблем правовой определенности и противоречий в практике отказов в объявлении в международный розыск по основаниям, связанных с возможным нарушением прав человека. В качестве методологии использован анализ статистических данных МВД России, решений комиссии по контролю за файлами Интерпола (далее также – ККФ) за 2018–2025 гг. и нормативных актов. В результате выявлена устойчивая тенденция к отказам в объявлении в международный розыск по основаниям, связанным с нарушением прав человека, нередко без достаточной мотивировки и единых критериев оценки. Анализ практики ККФ показывает склонность к расширительному толкованию положений Всеобщей декларации прав человека (далее также – ВДПЧ), что снижает предсказуемость и доверие к институтам Интерпола. Автор предлагает меры по совершенствованию правоприменительной практики, включая разработку стандартизированных критериев оценки и создание механизма апелляционного обжалования решений об отказе в публикации уведомлений о международном розыске. Результаты исследования демонстрируют необходимость повышения прозрачности и правовой определенности в международном полицейском сотрудничестве при обеспечении баланса между эффективной борьбой с преступностью и защитой прав человека.

Ключевые слова: Интерпол, международный розыск, международное полицейское сотрудничество, Устав Интерпола, права человека, комиссия по контролю за файлами Интерпола.

Введение

Международная организация уголовной полиции играет ключевую роль в координации транснационального сотрудничества правоохранительных органов в борьбе с преступностью. Ключевым инструментом этого взаимодействия выступает международный розыск, представляющий собой комплекс согласованных мер, осуществляемых в целях установления местонахождения, задержания с последующей выдачей лиц, скрывающихся от уголовного преследования или исполнения приговора за пределами территории государства-инициатора розыска.

Вместе с тем, практика применения положений статьи 2 Устава Интерпола Генеральным секретариатом при рассмотрении запросов на объявление в международный розыск вызывает вопросы относительно правовой определенности, транспарентности и соответствия принципу добросовестного полицейского сотрудничества.

Особое значение данная проблема приобретает в условиях усиления транснациональной преступности и миграционной подвижности правонарушителей. Современные вызовы безопасности требуют от государств членов Интерпола четкой и скоординированной работы по установлению и выдаче лиц, скрывающихся от правосудия. Однако любые усилия в этой сфере должны учитывать международные стандарты прав человека, что создает сложный баланс между эффективностью розыскной деятельности и обязанностью государств и международных организаций уважать фундаментальные права личности. Настоящее исследование призвано проанализировать этот баланс и предложить пути его оптимизации.

Материалы и методы

В работе использованы следующие методы: правовой анализ нормативных актов (Устав Интерпола, Всеобщая декларация прав человека), изучение официальных статистических данных Министерства внутренних дел России за 2024 год, контент-анализ решений ККФ Интерпола за 2018–2025 годы, сравнительно-правовой метод при оценке различий в правоприменении.

Исследование опирается на отечественные внутренние отчеты и открытые решения ККФ, доступные в электронных источниках.

Литературный обзор

Вопросы правового регулирования международного розыска в системе Интерпола освещены в рос-

сийской и зарубежной литературе. Исследователи отмечают сложный баланс между эффективностью розыскных процедур и необходимостью соблюдения прав человека [1]. Решения Комиссии по контролю за файлами Интерпола (ККФ), становятся источником права в этой сфере, формируя правоприменительную практику [3–5].

Однако проблема отсутствия четких критериев оценки запросов на объявление в международный розыск лиц на соответствие статье 2 Устава, а также ограниченные механизмы обжалования решений Генерального секретариата остаются недостаточно исследованными и требуют более системного анализа.

Вместе с тем необходимо отметить, что отечественная и зарубежная правовая доктрина подчеркивает недостаточную проработанность вопросов процедурных гарантий в рамках деятельности Интерпола [2, с. 590; 6, с. 558]. В частности, дискуссионным остается вопрос о правовой природе решений Генерального секретариата и Комиссии по контролю за файлами – как элементов международного административного производства, требующих более строгих процессуальных стандартов. Отмечается необходимость исследования не только материальных критериев отказов, но и процессуальных аспектов обеспечения права на справедливую процедуру при рассмотрении запросов о международном розыске.

Результаты

За 2024 год по запросам российских правоохранительных органов в Генеральный секретариат Интерпола (далее также – Генсекретариат) было направлено 863 запроса для объявления в международный розыск обвиняемых и осужденных (АППГ – 927), отказано в организации международного розыска в отношении 132 лиц. В качестве основания для отказа и прекращения международного розыска Генсекретариатом в основном указывается несоответствие предоставляемой информации ст.ст. 2 и 3 Устава Интерпола [1].

Так, уже в 2025 году Отделением НЦБ Интерпола ГУ МВД России по Нижегородской области были направлены запросы и пакеты документов для объявления в международный розыск двух лиц, совершивших ряд преступлений, предусмотренных ч. 3 ст. 159.2 УК РФ по фактам хищения средств материнского (семейного) капитала. Основанием для объявления в международный розыск была полученная по каналам Интерпола информация о въезде и наличии у фигурантов разрешения на временное проживание в Грузии. Однако, после проверки запроса Генеральным секретариатом на предмет соответствия Уставу и Правилам Интерпола, последним было принято решение отказать в удовлетворении запроса и удалить сведения о данных лицах из баз данных Интерпола. Отказ, согласно поступившего ответа, мотивирован поступившей в адрес Генсекретариата конфиденциальной информацией, поставившей под сомне-

ние соответствие запроса требованиям статьи 2 Устава Интерпола.

Комиссия по контролю за файлами Интерпола играет ключевую роль в обеспечении соблюдения стандартов Интерпола, рассматривая обращения и принимая решения о соответствии запросов Уставу Организации. Анализ решений ККФ в рамках исследуемой темы позволяет дать классификацию отказов объявления в международный розыск и пересмотра решений об объявлении в международный розыск по основанию возможного нарушения прав личности:

1. Право на жизнь. В рамках пересмотра решения об объявлении фигуранта в розыск по каналам Интерпола с публикацией уведомления с красным углом, ККФ приняла заявления фигуранта о том, что в случае его выдачи государству-инициатору розыска ему грозит смертная казнь и отсутствие доступа к защите своих прав. С учетом соответствующих докладов ООН, ЕС и правозащитных организаций, комиссия пришла к выводу о том, что нахождение в розыске данного лица представляется противоречащим статье 2 Устава Интерпола [4]. При этом, в решении ККФ отсутствует информация о диалоге с НЦБ государства-инициатора розыска, что вызывает вопросы относительно объективности принятого решения.

2. Право на жизненный уровень, необходимый для поддержания здоровья. Так, например, в одном из случаев фигурант международного розыска, в отношении которого действовало уведомление с красным углом, потребовал от Генерального секретариата удаления данных о себе, утверждая, в том числе, что его выдача стране-инициатору невозможна ввиду его состояния здоровья (хроническая обструктивная болезнь легких и гематологические нарушения). В этом случае ККФ, ссылаясь на ст.ст. 5, 25 ВДПЧ, заключила, что хранение информации о фигуранте в базах данных Организации, несовместимо с духом ВДПЧ и подлежат удалению [5].

3. Право на достойное обращение. Примером является решение ССФ, в котором было установлено, что передача объекта международного розыска стране-инициатору может привести к пыткам или жестокому обращению, что нарушает статью 5 ВДПЧ. Комиссия пришла к выводу, что публикация уведомления о розыске противоречит статье 2 Устава Интерпола и должна быть отклонена. Практика показывает, что основаниями для принятия такого решения ККФ достаточно сведений из СМИ о случаях пыток на территории государства-инициатора или соответствующих докладов правозащитных организаций [3].

Кроме того, анализ решений ККФ за 2018–2025 гг. показывает, что комиссия склонна поддерживать практику отказа объявления в международный розыск и пересмотра решений об объявлении в международный розыск в пользу фигуранта при наличии общих заявлений о возможном нарушении прав человека, без необходимости представления конкретных доказательств.

Кроме того, анализ решений ККФ за 2018–2025 гг. позволяет выявить тенденцию отказов без представления фигурирующих в решениях ККФ доказательств диалога с НЦБ государства-инициатора и без четких критериев оценки рисков.

Обсуждение. Рассмотренные случаи и статистика указывают на расширительное и порой произвольное толкование статьи 2 Устава Интерпола. Применение формулировки о «духе Всеобщей декларации прав человека» без стандартизированных процедур оценки создает правовую неопределенность и снижает качество взаимодействия между государствами.

Отдельную дискуссию вызывает то, что решения ККФ часто принимаются на основании общих заявлений о возможных нарушениях прав человека без предоставления конкретных доказательств. Необоснованные отказы в объявлении в международный розыск подрывают доверие к институтам Интерпола и создают правовую асимметрию между государствами-членами. Такой подход может привести к развитию систем обмена информацией в обход Интерпола, что угрожает принципу универсальности международного полицейского сотрудничества.

Заключение. Систематизация и анализ существующей практики Генерального секретариата Интерпола в части использования статьи 2 Устава Интерпола показывает необходимость пересмотра подходов к отказам в публикации уведомлений о международном розыске. Для повышения правовой определенности и обеспечения баланса между защитой прав человека и эффективным сотрудничеством предлагается:

внедрение стандартизированных критериев оценки соответствия запросов статье 2 Устава Интерпола;

разработка механизма апелляционного обжалования решений об отказе в объявлении в международный розыск.

Данные меры поспособствуют укреплению доверия к институтам Интерпола и повысят эффективность совместной борьбы с транснациональной преступностью.

В дальнейшем особое внимание должно быть уделено вопросам обучения сотрудников НЦБ Интерпола требованиям Устава Интерпола и практике применения его положений. Важным направлением реформ может стать усиление диалога между Генеральным секретариатом и государствами-членами при оценке запросов, а также более активное вовлечение международных и национальных правозащитных институтов в мониторинг практики отказов и удаления данных из баз Интерпола. Такой комплексный подход позволит повысить качество международного розыска и обеспечить его соответствие как требованиям безопасности, так и стандартам защиты прав человека.

Литература

1. МВД России. Обзор состояния информационного обеспечения сотрудничества по кана-

лам Интерпола в МВД по республикам, главных управлениях, управлениях МВД России по иным субъектам Российской Федерации по итогам 2024 года. – М., 2025. – 15 с. – Внутренний документ, исходящий МВД России от 28.03.2025 № 1/4094.

2. Bassiouni, M.C. Crimes Against Humanity: The Case for a Specialized Convention // Washington University Global Studies Law Review. – 2010. – Vol. 9, No. 4. – P. 575–593.
3. Interpol. Commission for the Control of Files. Decision Excerpt No. 08 (2018) – Article 2. Torture and mistreatments, Political character [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interpol.int/content/download/14110/file/2018%20-%20Decision%20Excerpt%20N%C2%B008%20-%20Article%202-Torture%20and%20mistreatments%2C%20Political%20character.pdf> (дата обращения: 29.04.2025).
4. Interpol. Commission for the Control of Files. Decision Excerpt No. 06 (2019) – Article 2. Right to life, Non bis in idem [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interpol.int/content/download/14122/file/2019%20-%20Decision%20Excerpt%20N%C2%B006%20-%20Article%202-Right%20to%20life%2C%20Non%20bis%20in%20idem.pdf> (дата обращения: 29.04.2025).
5. Interpol. Commission for the Control of Files. Decision Excerpt No. 05 (2019) – Article 2. Right to security in sickness [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://www.interpol.int/content/download/14129/file/2019%20-%20Decision%20Excerpt%20N%C2%B005%20-%20Article%202-Right%20to%20security%20in%20sickness.pdf> (дата обращения: 29.04.2025).
6. Sheptycki, J. A Transnational Police Network Cooperating up to the Limits of the Law // Policing: A Journal of Policy and Practice. – 2020. – Vol. 14, No. 3. – P. 566–579.

LEGAL AND PRACTICAL ASPECTS OF THE APPLICATION OF ARTICLE 2 OF THE INTERPOL CONSTITUTION BY THE GENERAL SECRETARIAT

Mizirenkova E.V.

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia

The article examines the legal and practical aspects of the application of Article 2 of the INTERPOL Constitution by the General Secretariat when reviewing requests for issuing international wanted notices. The aim of the study is to identify problems of legal certainty and contradictions in the practice of refusals to issue international wanted notices on grounds related to potential human rights violations. The methodology is based on the analysis of statistical data from the Ministry of Internal Affairs of Russia, decisions of the Commission for the Control of INTERPOL's Files (CCF) for the period 2018–2025, and relevant normative acts. The results reveal a persistent trend of refusals to issue international wanted notices on human rights grounds, often without sufficient justification or uniform evaluation criteria. The analysis of CCF practice demonstrates a tendency toward broad interpretation of the provisions of the Universal Declaration of Human Rights (UDHR), reducing predictability and undermining trust in INTERPOL's mechanisms. The author proposes measures to improve law enforcement practice, including the development of standardized assessment criteria and the establishment of an appeals mechanism for decisions refusing the publication of wanted notices. The study's findings highlight the need to

increase transparency and legal certainty in international police cooperation while ensuring a balance between effective crime control and the protection of human rights.

Keywords: INTERPOL, international wanted notice, international police cooperation, INTERPOL Constitution, human rights, Commission for the Control of INTERPOL's Files.

References

1. Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation. Review of the state of information support for cooperation through Interpol channels in the Ministry of Internal Affairs of the republics, main directorates, directorates of the Ministry of Internal Affairs of Russia for other constituent entities of the Russian Federation based on the results of 2024. – M., 2025. – 15 p. – Internal document issued by the Ministry of Internal Affairs of Russia dated March 28, 2025 No. 1/4094.
2. Bassiouni, M.C. Crimes Against Humanity: The Case for a Specialized Convention // Washington University Global Studies Law Review. – 2010. – Vol. 9, No. 4. – P. 575–593.
3. Interpol. Commission for the Control of Files. Decision Excerpt No. 08 (2018) – Article 2. Torture and mistreatments, Political character [Electronic resource]. Access mode: <https://www.interpol.int/content/download/14110/file/2018%20-%20Decision%20Excerpt%20N%C2%B008%20-%20Article%202-Torture%20and%20mistreatments%2C%20Political%20character.pdf> (accessed: 29.04.2025).
4. Interpol. Commission for the Control of Files. Decision Excerpt No. 06 (2019) – Article 2. Right to life, Non bis in idem [Electronic resource]. Access mode: <https://www.interpol.int/content/download/14122/file/2019%20-%20Decision%20Excerpt%20N%C2%B006%20-%20Article%202-Right%20to%20life%2C%20Non%20bis%20in%20idem.pdf> (accessed: 29.04.2025).
5. Interpol. Commission for the Control of Files. Decision Excerpt No. 05 (2019) – Article 2. Right to security in sickness [Electronic resource]. Available at: <https://www.interpol.int/content/download/14129/file/2019%20-%20Decision%20Excerpt%20N%C2%B005%20-%20Article%202-Right%20to%20security%20in%20sickness.pdf> (accessed: 29.04.2025).
6. Sheptycki, J. A Transnational Police Network Co-operating up to the Limits of the Law // Policing: A Journal of Policy and Practice. – 2020. – Vol. 14, No. 3. – P. 566–579.

Психологические особенности и тактические приемы допроса при расследовании террористических актов

Нестеренко Станислав Евгеньевич,

член Приморского регионального отделения Ассоциации юристов РФ

Хмельницкая Татьяна Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности, Нижегородского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

В статье анализируются способы использования тактических приемов следователем при проведении допросов потерпевших, свидетелей и подозреваемых в ходе расследования террористических актов, осуществленных с применением взрывных устройств.

В работе исследуется практика применения тактических подходов следователями при допросах различных участников уголовного процесса (потерпевших, свидетелей, подозреваемых) в рамках расследования терактов, произведенных посредством взрывов.

Особое внимание уделяется выявлению и нейтрализации попыток противодействия расследованию со стороны допрашиваемых, включая ложные показания, уклонение от ответов и сокрытие информации. Рассматриваются методы установления психологического контакта с потерпевшими для получения максимально полных и достоверных сведений об обстоятельствах произошедшего, а также тактические приемы, направленные на разоблачение лжи и выявление мотивов у подозреваемых.

Ключевые слова: производство допроса, тактический прием, потерпевший, подозреваемый, террористический акт, взрывчатые вещества, уголовно-процессуальный закон, психология.

Анализируются стратегии проведения допросов, адаптированные к различным типам личности и психоэмоциональному состоянию допрашиваемых. Подчеркивается необходимость учета специфики расследования террористических актов, в частности, фактора внезапности, массовости жертв и высокого общественного резонанса, что требует от следователя повышенной психологической устойчивости и умения оперативно принимать решения в условиях дефицита времени и информации.

В исследовании рассматриваются этические аспекты применения тактических приемов при допросах, подчеркивается недопустимость оказания давления на допрашиваемых, использования обмана и иных методов, нарушающих их права и свободы. Акцентируется внимание на необходимости строгого соблюдения законности и процессуальных норм при проведении следственных действий.

В заключение работы формулируются рекомендации по совершенствованию тактической подготовки следователей, специализирующихся на расследовании террористических актов, с учетом современных тенденций развития преступности и внедрения новых технологий в правоохранительную деятельность. Предлагаются методические рекомендации по оптимизации процесса допроса различных категорий участников уголовного процесса в целях повышения эффективности расследования и предотвращения новых террористических актов.

Расследование преступлений представляет собой процесс выполнения следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий в установленном законом порядке и последовательности, обусловленных ситуацией расследования. Среди следственных действий наиболее распространенным является допрос.

Тактические приемы допроса и средства их реализации получили научное обоснование данными логики, психологии и другими науками. Значительный вклад в развитие теории допроса сделали М.И. Порубов, В.Е. Коновалова, Л.М. Карнева. Но в сложной и многоаспектной проблематике допроса существуют важные в теоретическом и практическом отношении аспекты, исследование и изучение которых имеет важное значение.

В данной статье рассматриваются психологические особенности и тактические приемы допроса при расследовании террористических актов и приводятся некоторые рекомендации по установлению психологического контакта во время проведения этого следственного действия. Но сначала

остановимся на понятии террористических актов вообще.

Террористические акты, как свидетельствуют мировой опыт, являются наиболее опасными и тяжкими преступлениями не только против государства, но и лица, его жизни, здоровья, имущества.

Особая опасность террористического акта заключается в том, что он приводит к гибели людей, уничтожению материальных ценностей, дестабилизации общественно опасной ситуации, а нередко и к усложнению международных отношений. Терроризм – это не просто преступление, а сложная и многогранная проблема, представляющая собой целенаправленное применение насилия или угрозы насилия с политическими целями. Это инструмент, используемый государствами, организованными группами или отдельными лицами для достижения своих идеологических или политических задач, часто связанных с насильственным изменением существующего строя или достижением гегемонии. Его суть заключается не только в физическом насилии, но и в психологическом давлении на общество, сеянии страха и дестабилизации общественного порядка.

Террористические акты – это не случайные события, а часто тщательно спланированные операции, нацеленные на максимальный резонанс и влияние на политическую ситуацию.

В последние годы наблюдается значительный рост террористической активности как в глобальном масштабе, так и на постсоветском пространстве. Это тревожная тенденция, обусловленная множеством взаимосвязанных факторов. Среди них можно выделить несовершенство международного законодательства в сфере борьбы с терроризмом. Существующие международные договоры и конвенции, хотя и направлены на пресечение террористической деятельности, часто страдают от недостаточной унификации и эффективности механизмов их применения. Различия в национальных законодательствах, отсутствие единых стандартов и проблем с международным сотрудничеством значительно снижают эффективность борьбы с международным терроризмом.

Не менее важную роль играют и недостатки национальных правовых механизмов противодействия терроризму. Многие страны сталкиваются с недостатком ресурсов, отсутствием обученного персонала, коррупцией и неэффективной работой правоохранительных органов. Все это создает благоприятную среду для процветания террористических организаций. Более того, нередко террористические группировки используют слабые стороны национальных систем безопасности, проникая в соседние государства и действуя с территории стран с нестабильной политической ситуацией.

Поэтому необходим комплексный подход к проблеме, включающий в себя не только усиление международного сотрудничества и совершенствование законодательства, но и глубокий анализ причин распространения терроризма. Необходимо из-

учать идеологические основы терроризма, экономические факторы, социальные проблемы, которые способствуют его распространению, а также эффективность различных методов противодействия. Только понимание корней проблемы позволит разработать действенные стратегии по предотвращению террористических актов.

Россия, как страна, испытывающая на себе угрозу терроризма, занимает активную позицию в борьбе с этим злом. Она последовательно выступает за устранение любых препятствий для консолидации международных усилий, за укрепление международного правового поля и за более эффективное сотрудничество между государствами в области борьбы с терроризмом. Для эффективной борьбы с терроризмом необходимо использование всего арсенала доступных средств: от превентивных мер по предотвращению формирования террористических групп и идеологической работы с населением до активного пресечения террористической деятельности и борьбы с финансированием терроризма. Задача государства и правоохранительных органов – обеспечить безопасность граждан и предотвратить террористические акты при строгом соблюдении прав человека и законности. И поэтому, по нашему мнению, эффективная борьба с террористическими актами невозможна без качественного проведения следственных действий и, в первую очередь, без допроса – очень сложного и достаточно распространенного средства получения информации.

Допрос на предварительном следствии – это комплекс предусмотренных законом познавательных операций, выполняемых следователем, лицом, проводящим дознание, прокурором, начальником следственного подразделения по тем делам, которые находятся в их производстве с целью получения и закрепления показаний об обстоятельствах, имеющих значение для дела.

В данной статье не будет рассматриваться характеристика допроса вообще, а лишь психологические особенности и тактические приемы допроса во время расследования такого преступления, как террористический акт.

Закон не в состоянии регламентировать деятельность следователя, выполняемую с целью получения показаний от лиц, которые не желают по тем или иным причинам давать их или не могут их дать потому, что необходимые данные сохранились в их памяти в виде отдельных фрагментов.

Поскольку террористический акт – это особо тяжкое преступление, и не всегда известны его организаторы, и даже те лица, которые установлены следствием, не всегда желают давать показания, поэтому, по нашему мнению, для получения полных и достоверных показаний необходим индивидуальный подход к каждому допрашиваемому лицу. Это находит свое отражение в применении тактических приемов во время проведения допросов, то есть методов установления психологического контакта с допрашиваемым лицом, нейтрализации его негативной позиции и применения к нему

психологического воздействия с целью получения полных и достоверных показаний.

Одним из видов правомерного воздействия на допрашиваемого лица является рефлексивное управление следователем, которое последний использует с целью получения правдивых показаний.

Во время рефлексивного управления значительное внимание должно уделяться языку как основе языкового контакта. Следователь должен уметь говорить с допрашиваемым человеком на понятном и близком ему языке.

При этом необходимо учитывать пол, возраст, образование, социальную принадлежность и процессуальный статус этого лица.

В тех случаях, когда обвиняемый (подозреваемый) намерен давать ложные показания, следователь должен действовать в следующих двух направлениях:

1) «допущение легенды» к этому варианту следует обращаться в тех случаях, когда следователь не имеет достаточного количества доказательств;

2) предотвращение лжи в начале диалога.

Во время рефлексивного управления следователем может быть оказана психологическая помощь допрашиваемому лицу.

Цель преодолеть психологический барьер и выбрать правильную позицию во время допроса.

Психологический барьер возникает на основе ощущения страха, отсутствия возможности найти выход из того положения, в котором он оказался. Задача следователя состоит в том, чтобы подсказать такому лицу новое направление поведения, более правильное в этих условиях, и помочь понять те доказательства, которые смогут повлиять на уменьшение меры наказания.

Следует также обратить внимание во время расследования террористических актов и на ложные показания.

По нашему мнению, главными моментами ложных показаний являются: желание избежать ответственности за совершенное, желание выгородить соучастников преступления и оговорить их или себя с целью обеспечения личной безопасности или мести.

Тактическими приемами допроса, направленными на устранение несправды в показаниях этих лиц, предлагаем использовать разный темп общения. Темп, который не соответствует требованиям, может вызвать нервозность в общении, повлиять на качество информации, но не устранить ложь.

Фактором непосредственного психологического воздействия на недобросовестного допрашиваемого, который намерен давать ложные показания, может быть использована звуко-, видеозапись, которая позволит фиксировать вербальную информацию и использовать ее в дальнейшем как доказательство.

Но если в системе доказательной информации есть существенные пробелы, то, по нашему мнению, целесообразно оставлять допрашиваемое лицо вне объема доказательств, собранных следователем.

Приведенные тактические приемы не должны использоваться следователем механически. Их применение требует от него знания психологии и природы общения во время проведения такого допроса.

Второй момент, на который необходимо обратить внимание, — установление психологического контакта с допрашиваемым лицом, потому что это является одним из основных условий получения достоверных показаний по делу. Такой психологический контакт необходимо установить и поддерживать не только во время допроса, но и в дальнейшем при осуществлении досудебного следствия.

В ряде случаев уже установленный контакт может быть утраченным или, наоборот, отсутствие доверия изначально в дальнейшем может смениться устойчивым психологическим контактом, который будет характеризоваться соответствующим взаимопониманием. Из приведенного можно сделать вывод, что психологический контакт — это не отдельная стадия допроса и для его установления нужно принять ряд тактических мер, определяемых ходом допроса, обстоятельствами дела, наличием доказательств, а также особенностями характера допрашиваемого лица.

При установлении контакта с допрашиваемым лицом невозможно использование шаблонов, штампов. Здесь необходим индивидуальный подход с учетом особенностей лица.

Пути установления психологического контакта весьма разнообразны.

Во-первых, необходимо вызвать интерес к общению у допрашиваемого лица, попытаться заинтересовать его в даче достоверных показаний. Задача следователя-выявить и помочь допрашиваемому лицу побороть в себе негативные мотивы. Она должна понять и осознать необходимость дачи показаний.

Во-вторых, процесс установления контакта зависит от следователя, в частности его профессиональной подготовки.

Контакт между следователем и допрашиваемым лицом носит односторонний характер.

Следователь преследует цель-получить как можно больше информации, хотя он до определенного момента также скрывает свою осведомленность в деле.

Другими особенностями психологического контакта являются: принудительность такого общения для одного из участников; несовпадение в большинстве случаев их интересов; сложность дальнейшего установления контакта, если последний не был достигнут на начальном этапе общения; активная деятельность следователя по установлению и поддержанию контакта.

Уголовно-процессуальное законодательство содержит нормы, защищающие допрашиваемого от психологического воздействия (например, отдельные допросы, запрет задавать наводящие вопросы и т.д.).

Однако даже четкое выполнение всех правил допроса не может избавить допрашиваемого

от психологического воздействия со стороны следователя, поскольку любая форма общения уже предполагает воздействие. Кроме того, следователь должен использовать такие методы воздействия, которые защитили бы его самого от негативного влияния преступного окружения.

Меры психологического воздействия на допрашиваемого лица, применяемые с целью изменения его позиций и получения достоверных показаний, могут быть поделены на следующие группы:

- мероприятия, основанные на использовании отдельных психологических качеств личности;
- меры, основанные на доверии допрашиваемого лица к лицу следователя;
- мероприятия, основанные на сообщении допрашиваемому лицу, информации о имеющейся достоверной доказательной информации;
- мероприятия, создаваемые у допрашиваемого лица, преувеличенное представление об объеме имеющихся доказательств по делу;
- меры повышенного эмоционального воздействия, связанные с предъявлением неожиданной информации.

Значительная возможность осуществления психологического воздействия содержит система предъявления доказательств.

Приведем некоторые правила эффективного предъявления доказательств:

- перед предъявлением доказательств следует задать все необходимые вопросы для того, чтобы в дальнейшем устранить хитрости допрашиваемого лица, направленные на их нейтрализацию;
- предъявлять доказательства следует по мере их растущей значимости;
- по любому из доказательств необходимо получить пояснение;
- всесторонне раскрывать криминалистическое значение предъявляемых доказательств [1, С. 82].

Одним из краеугольных камней успешного следствия, особенно в таких сложных делах, как расследование террористических актов, является мастерское владение искусством задавать вопросы. Вопрос следователя – это не просто запрос информации, это мощный инструмент психологического воздействия, способный существенно повлиять на ход допроса и получение правдивых показаний. Грамотная формулировка вопросов позволяет сузить поле возможных ответов обвиняемого (подозреваемого), направляя его мысли в нужное русло и не позволяя уклоняться от сути дела. Обвиняемый, осознавая неизбежность разоблачения, остро чувствует приближение момента, когда следователь задаст вопрос, прямо указывающий на его причастность к преступлению. Это напряжение, это ощущение приближающейся опасности, следователь может использовать в своих целях, мастерски управляя ходом допроса.

Ключевым моментом является применение так называемых противодействующих вопросов. Эти вопросы служат не столько для получения новой

информации, сколько для проверки достоверности уже полученных ответов. Если обвиняемый пытается солгать или уйти от прямого ответа, противодействующие вопросы, явно противоречащие его словам, выявляют несоответствия и ложные установки, заставляя его нервничать и допускать ошибки. Они, подобно хирургическому скальпелю, вскрывают нестыковки и противоречия в его показаниях, подталкивая к признанию. В арсенале следователя также находятся обличающие вопросы – прямые, не оставляющие места для сомнений, вопросы, цель которых – разоблачение преступника.

Однако, вопросы – это лишь часть стратегии. Разоблачение обвиняемого, его причастности к преступлению, опирается на неопровержимые доказательства и тонко продуманные тактические комбинации. И здесь важно не только обладать необходимыми уликами, но и умело их предъявлять. При достаточном количестве доказательств, рекомендуется предъявлять их последовательно, начав с наиболее весомых, усиливая воздействие постепенно. Эта стратегия построена на принципе нарастания давления, когда каждое последующее доказательство укрепляет убежденность обвиняемого в бесполезности дальнейшего сопротивления. Наиболее сильные доказательства, часто являющиеся окончательным и неоспоримым доказательством вины, предъявляются в кульминационный момент допроса.

Даже если доказательная база не выглядит абсолютно полной, следователь должен действовать так, чтобы лишить обвиняемого возможности опровергнуть предъявленные доказательства. Это требует тщательной подготовки, проработки всех возможных линий защиты и разработки контраргументов. Необходимо предугадывать ходы обвиняемого, его попытки создать алиби или оспорить доказательства, и заранее подготовить ответы. В ситуации расследования террористического акта, где на кону стоят жизни людей и национальная безопасность, правильное применение этих методик, эта тонкая игра вопросами и доказательствами, становится вопросом крайней важности. Игнорирование изложенных рекомендаций может привести к неудачам в расследовании и позволить преступникам избежать заслуженного наказания, что является неприемлемым последствием. Поэтому мастерство следователя в данном случае становится не просто профессиональным навыком, а вопросом национальной безопасности. Знание психологии человека должно активно использоваться следователем при разработке тактики допроса подозреваемого или обвиняемого. В юридической литературе дискуссионным еще остается вопрос о допустимости психологического воздействия на допрашиваемого лица. Одни авторы отрицают допустимость психологического воздействия вообще [2, с. 99], другие подвергают критике отдельные психологические приемы допроса [3, с. 2].

Литература

1. Белкин Р.С. Профессия – следователь. – М., 1998.
2. Горский Г.Д., Кокорев Л.Д., Котов Л.П. Судебная этика. – Воронеж, 1973.
3. Трудности судебной этики / Под ред. М.С. Строговича. – М.: Юрид. лит., 1974.

PSYCHOLOGICAL FEATURES AND TACTICAL METHODS OF INTERROGATION DURING THE INVESTIGATION OF TERRORIST ACTS

Nesterenko S.E., Khmel'nitskaya T.V.

Primorsky regional branch of the Association of Lawyers of the Russian Federation, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

This article analyzes the methods of using tactical methods by an investigator when interrogating victims, witnesses and suspects during the investigation of terrorist acts committed with the use of explosive devices.

The work examines the practice of using tactical approaches by investigators during interrogations of various participants in criminal proceedings (victims, witnesses, suspects) as part of the investigation of terrorist acts carried out through explosions.

Particular attention is paid to identifying and neutralizing attempts to counteract the investigation by those being interrogated, including false testimony, evasion of answers and concealment of information. Methods of establishing psychological contact with victims to obtain the most complete and reliable information about the circumstances of the incident, as well as tactical techniques aimed at exposing lies and identifying the motives of suspects are considered.

Keywords: interrogation, tactical technique, victim, suspect, terrorist act, explosives, criminal procedure law, psychology.

References

1. Belkin R.S. Profession – investigator. – М., 1998.
2. Gorsky G.D., Kokorev L.D., Kotov L.P. Forensic ethics. – Voronezh, 1973.
3. Difficulties of forensic ethics / Ed. M.S. Strogovich. – М.: Legal literature, 1974.

Критерии достаточности доказательств для устранения судом сомнений и неясностей на стадии исполнения приговора

Плигина Алена Игоревна,

аспирант, ФГБОУ ВО «Российский государственный университет правосудия им. В.М. Лебедева»

Предметом настоящего исследования являются критерии достаточности доказательств, необходимых суду для устранения сомнений и неясностей, возникающих на стадии исполнения приговора, а также проблемы доказывания в данном процессе. Основной целью исследования является выявление и систематизация критериев, позволяющих суду определять достаточность доказательств для разрешения правовой неопределенности, а также проанализировать возникающие при этом проблемы доказывания. В качестве методов в исследовании применялись: формально-юридический анализ норм УПК РФ, изучение судебной практики (постановления Пленума ВС РФ) и некоторые другие. Результаты исследования показали, что действующее законодательство не содержит четких критериев оценки достаточности доказательств, что приводит к судебскому усмотрению и противоречивой практике. Выявлены проблемы в регулировании, связанные с доказыванием на стадии исполнения приговора. Научная новизна заключается в комплексном анализе критериев достаточности доказательств и разработке предложений по их законодательному закреплению. В качестве вывода сформулирована система критериев достаточности доказательств для устранения судом сомнений и неясностей на стадии исполнения приговора.

Ключевые слова: достаточность доказательств, исполнение приговора, судебные сомнения и неясности, проблемы доказывания, критерии оценки доказательств, правовая определенность, судебное усмотрение.

Исполнение приговора как завершающая стадия уголовного судопроизводства предполагает решение множества вопросов, имеющих значение для участников судопроизводства и достижения его назначения [12], в том числе разрешение судом вопросов, связанных с сомнениями и неясностями, возникающими при исполнении приговора.

Под сомнениями и неясностями понимаются, как правило, недостатки приговора, возникающие при приведении его в исполнение, обусловленные ошибками, упущениями, требующие обязательного устранения, однако не затрагивающие существа приговора и выводов суда, не влекут ухудшение положения осужденного [4].

Процессуальный порядок устранения таких сомнений и неясностей на сегодняшний день, остается недостаточно регламентированным, что порождает проблемы в правоприменительной практике.

Так, из материалов судебной практики следует, что осужденная обратилась в Иркутский областной суд с ходатайством о разъяснении сомнений и неясностей, возникших при исполнении приговора, в порядке ч. 15 ст. 397 УПК РФ, для осужденной неясным является срок окончания отбывания наказания, поскольку судом неверно зачтено в срок отбывания наказания время содержания под стражей. Однако суд посчитал, что вопросы, связанные с исчислением срока отбывания наказания по приговору Иркутского областного суда от 1 ноября 2022 года, не относятся к сомнениям и неясностям, которые подлежат разрешению в порядке п. 15 ст. 397 УПК РФ [5].

Закономерно возникают вопросы, что же относится к сомнениям и неясностям, а также каковы критерии достаточности доказательств для устранения судом таких сомнений и неясностей при их наличии.

На наш взгляд, в отсутствие четких законодательных ориентиров суды вынуждены руководствоваться собственным усмотрением, что нередко приводит к противоречивой практике и нарушению принципа правовой определенности. Следует отметить, что по смыслу последовательно высказываемых Конституционным Судом позиций неоднозначность, неясность и противоречивость регулирования недопустимы, поскольку, препятствуя надлежащему уяснению его содержания, открывают перед правоприменителем возможности неограниченного усмотрения, ослабляющего гарантии конституционных прав и свобод [2].

Правовое регулирование процедуры устранения судом сомнений и неясностей на стадии исполнения приговора напрямую взаимосвязано с на-

званным принципом (*res judicata*), который, по мнению отдельных авторов, является фундаментальным элементом уголовного судопроизводства, обеспечивающий устойчивость и неизбежность судебных решений, вступивших в законную силу. Этот принцип, закрепленный в судебной практике, предполагает, что окончательные судебные акты не подлежат произвольному пересмотру, за исключением случаев существенных нарушений, влияющих на исход дела, но данный принцип не является абсолютным (имеет пределы своего действия, то есть определенные ограничения) [8].

Особую сложность представляет доказывание на стадии исполнения приговора, поскольку оно осуществляется по вопросам, отличающимся от обстоятельств, подлежащих доказыванию, установленных в статье 73 УПК РФ. В уголовно-процессуальном законодательстве не содержится прямого указания на обстоятельства, подлежащие доказыванию, в порядке статьи 397 УПК РФ. В связи с чем представляется возможным согласиться с позицией о том, что какие доказательства и в каком объеме необходимы для устранения сомнений, остается дискуссионным в доктрине уголовно-процессуального права [11].

Недостаточная разработанность проблемы достаточности доказательств для устранения судом сомнений и неясностей на стадии исполнения приговора в науке усугубляется отсутствием единообразного подхода в судебной практике, что требует комплексного теоретического осмысления и выработки научно обоснованных рекомендаций.

В этой связи, обратим внимание, что анализ Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» (далее по тексту – Постановление Пленума ВС РФ) обнаруживает, что вопросы, связанные с устранением сомнений и неясностей при исполнении приговора, освещаются без конкретики и не проливают свет на неопределенность, сложившуюся в правоприменительной практике, связанной с пунктом 15 статьи 397 УПК РФ и некоторыми связанными с ним уголовно-процессуальными нормами [2].

В указанном Постановлении Пленума ВС РФ лишь определяется круг субъектов, которыми может быть инициировано разъяснение сомнений и неясностей при исполнении приговора. Следует отметить, что, суд вправе рассмотреть такие вопросы по собственной инициативе, что подчеркивает его активную роль в обеспечении законности и обоснованности процессуальных решений на стадии их исполнения. На наш взгляд, данное положение направлено на гарантирование прав участников процесса и предотвращение произвольного толкования судебных актов, но никак не способствует определенности в вопросе определения критериев достаточности доказательств для устранения судом сомнений и неясностей на стадии исполнения приговора.

Так как чрезмерно формализованный подход к оценке достаточности доказательств может при-

вести к необоснованному затягиванию исполнения приговора, а излишняя упрощенность – к нарушению законных интересов осужденных или иных заинтересованных лиц.

В этой связи представляется необходимым анализ существующих правовых позиций и доктринальных подходов к определению критериев достаточности доказательственной базы для устранения сомнений на стадии исполнения приговора. Решение данной проблемы имеет не только теоретическое, но и практическое значение, поскольку способствует совершенствованию уголовно-процессуальных средств и повышению качества правосудия в Российской Федерации.

Сомнения и неясности при исполнении приговора отражают неопределенность в толковании или применении судебного решения, возникающую на стадии его реализации. Их правовая природа обусловлена коллизиями между буквальным содержанием приговора и его фактическим исполнением, что может быть связано с недостаточной конкретизацией резолютивной части, противоречиями в мотивировочной части или изменением фактических обстоятельств уже после вынесения решения.

Как уже было отмечено, в уголовно-процессуальном праве такие сомнения трактуются через призму принципа правовой определенности, требующего однозначности судебных актов, однако их возникновение неизбежно в силу динамичности правоотношений и ограниченной познавательной возможности лица, отправляющего правосудие (на момент постановления приговора).

Представляется, что понятие сомнений и неясностей охватывает широкий спектр ситуаций: от «технических» ошибок в формулировках до содержательных проблем, связанных с квалификацией деяния или назначением наказания, то есть с применением материальных норм права.

Неясности могут касаться порядка исчисления сроков лишения свободы [6] и некоторых иных обстоятельств, например, о снятии ареста с денежных средств, изъятых из жилища [7].

В доктрине уголовного процесса, а достаточно часто и в правоприменении, такие ситуации принято дифференцировать на юридические (связанные с интерпретацией норм права) и фактические (обусловленные изменением обстоятельств дела).

Разрешение сомнений и неясностей регламентируется уголовно-процессуальным законодательством, предусматривающим специальные процедуры, такие как разъяснение приговора (статья 397 УПК РФ) или обращение в суд для устранения противоречий, но важно отметить, что сомнения толкуются в пользу исполнения приговора, но без выхода за рамки его юридической силы.

Несмотря на то, что вступивший в законную силу приговор обладает свойством неизменности [9], его практическая реализация может требовать корректировки в связи с изменением фактических обстоятельств (например, состояния здоровья осужденного) или необходимостью толкования от-

дельных положений. Ограничение принципа правовой определённости проявляется в допустимости процессуальных действий, направленных на устранение неясностей, таких как разъяснение приговора судом или внесение изменений в порядок исполнения наказания. Таким образом, правовая определённость приговора может быть скорректирована в целях достижения назначения уголовного судопроизводства. Более того, Конституционный Суд РФ неоднократно указывал, что требование определённости не должно препятствовать исправлению судебных ошибок или учёту новых значимых обстоятельств, возникших после вынесения приговора [1].

Справедливо некоторые авторы отмечают, что стадия исполнения приговора в уголовном судопроизводстве представляет собой сложный правовой феномен, сочетающий элементы уголовно-процессуального и уголовно-исполнительного правового регулирования [13]. Возникновение процессуальных вопросов при исполнении судебного решения обуславливает необходимость возобновления производства по делу, что проявляется в форме относительно кратковременной, но самостоятельной уголовно-процессуальной деятельности. Именно эта деятельность, направленная на устранение правовых неясностей, формирует содержание рассматриваемой стадии процесса, подчеркивая ее особое место в системе уголовного судопроизводства.

Проблема определения критериев достаточности доказательств для устранения судом сомнений и неясностей при исполнении приговора представляет собой сложный вопрос уголовно-процессуального доказывания, требующий особого методологического подхода.

Законодательный пробел, связанный с отсутствием критериев достаточности доказательств для устранения судом сомнений и неясностей на стадии исполнения приговора создает существенные сложности в правоприменительной практике, поскольку суд вынужден руководствоваться абстрактными категориями «достаточности представленных материалов» без четких ориентиров для оценки их убедительности.

Анализ процессуальной природы сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора, позволяет выделить их специфические характеристики, влияющие на критерии достаточности доказательств. УПК РФ не содержит дифференциации стандартов доказывания для различных видов процессуальных решений на стадии исполнения приговора, что приводит к необоснованному расширению судебного усмотрения.

По нашему мнению, можно сформулировать некоторые критерии достаточности доказательств для устранения судом сомнений и неясностей на стадии исполнения приговора в рамках уголовного судопроизводства.

Первым критерием следует назвать правовую определенность, он предполагает необходимость соответствия представленных суду доказательств

требованиям формальной определенности, что выражается в их способности быть однозначно идентифицированными и соотнесенными с конкретными положениями исполняемого приговора. Например, если возникает неясность в отношении срока лишения свободы в связи с зачетом времени заключения под стражу, суд должен располагать официальными документами, исключающими двусмысленность (неоднозначность) в расчетах.

В свою очередь, не менее важным критерием может выступить критерий соразмерности процессуальной формы, который устанавливает зависимость объема и характера требуемых доказательств от юридической природы разрешаемого в рамках исполнения приговора вопроса. Для технических уточнений (исправление опечаток, арифметических ошибок и подобных им неточностей) достаточным может быть представление единственного документа, подтверждающего наличие ошибки. В то же время при необходимости содержательной корректировки порядка исполнения приговора (отсрочка, замена наказания) требуется совокупность взаимодополняющих доказательств, достоверно обосновывающих изменение первоначальных условий исполнения наказания.

На наш взгляд, данный критерий отражает дифференцированный подход к оценке доказательств в зависимости от сложности и значимости разрешаемого вопроса, что соответствует принципам эффективности и экономии процессуальных средств в уголовном судопроизводстве.

Такой критерий фактически предполагает дифференцированный подход: чем существеннее предлагаемые изменения в порядке исполнения приговора, тем более полной и всесторонней должна быть представленная доказательственная база, включающая как письменные доказательства, так и заключения экспертов, показания свидетелей, иные допустимые средства доказывания.

Однако существуют исключительные случаи, например, исправление технических ошибок (опечаток в анкетных данных, арифметических неточностей), где для устранения неясности достаточно формального подтверждения (документ, удостоверяющий личность, справка из архива суда). В таких ситуациях требование всесторонности доказывания избыточно, поскольку ошибка носит очевидный характер и не затрагивает существо судебного акта.

В связи с этим, целесообразен критерий предметной достаточности, который дифференцирует требования к доказательствам в зависимости от характера разрешаемой неясности, для вопросов правового толкования достаточно представления официального нормативного акта или разъяснения вышестоящего суда, содержащего авторитетное (можно сказать приоритетное) толкование спорных положений.

При разрешении фактических неясностей требуется представление документов, объективно подтверждающих существующее положение дел (акты описи имущества, отчеты оценщиков, бан-

ковские выписки и т.д.). Наиболее строгие требования устанавливаются для случаев, предполагающих изменение порядка исполнения наказания – необходимы заключения экспертиз, официальные справки и иные доказательства, достоверно подтверждающие существенное изменение обстоятельств, существовавших на момент вынесения приговора.

В качестве еще одного критерия можно предложить – минимальную процессуальную достаточность, которая предполагает, что для устранения сомнений и неясностей, не затрагивающих существо приговора (например, технические ошибки в расчетах сроков, опiski в персональных данных), суду достаточно располагать одним допустимым и достоверным доказательством, подтверждающим наличие неточности.

В соответствии с п. 15 ст. 397 УПК РФ, такая процедура носит уведомительно-разъяснительный характер и не требует полноценного судебного разбирательства. Например, для исправления ошибки в указании срока наказания достаточно предъявления справки из учреждения уголовно-исполнительной системы с корректными расчетами, а для уточнения фамилии осужденного – копии его нотариально заверенного паспорта.

Ключевым условием выступает отсутствие противоречий между представленными данными и материалами дела, что исключает необходимость дополнительной проверки.

Следует отметить, что если возникающие сомнения касаются содержательных аспектов исполнения, например, порядка зачета времени содержания под стражей, то минимальная достаточность трансформируется в требование системной оценки доказательств. Так, для разрешения вопроса о неясности порядка зачета предварительного заключения под стражу суду потребуются не только постановление о мере уголовно-процессуального пресечения, но и протоколы задержания и иные документы, исключающие двусмысленность.

В завершение необходимо отметить, что анализ научной литературы показывает, что авторы выделяют такие виды корректировки приговора как его частичное изменение, отмена, замена, а также частичное исправление, поправка, разъяснение и восполнение [5]. Многие из данных видов корректировки могут быть детерминированы реализацией процедуры устранения сомнений и неясностей на стадии исполнения приговора.

Таким образом, устранение судом сомнений и неясностей, возникающих на стадии исполнения приговора, имеет принципиальное значение для обеспечения эффективности уголовного судопроизводства и защиты прав участников уголовного процесса. Данная процессуальная деятельность позволяет гармонизировать противоречия между требованием стабильности вступившего в законную силу судебного решения и необходимостью корректировки возможных ошибок или изменения обстоятельств, влияющих на исполнение наказания. С одной стороны, своевременное разрешение

неясностей способствует точной реализации судебного акта в соответствии с его буквой и духом, предотвращая при этом произвольное толкование уголовно-процессуальных норм, с другой стороны, оно гарантирует соблюдение прав осужденных, потерпевших и иных заинтересованных лиц.

Проведенное исследование позволяет сформулировать ряд выводов, которые связаны с проблемами доказывания при устранении судом сомнений и неясностей на стадии исполнения приговора.

Проведенное исследование подтвердило необходимость дифференцированного подхода к оценке доказательств при устранении сомнений в ходе исполнения приговора. Критерии достаточности варьируются в зависимости от характера и значимости разрешаемого вопроса: от единичного документа для исправления технических ошибок до комплексной системы взаимодополняющих доказательств при содержательных изменениях порядка исполнения.

Разработаны критерии достаточности доказательств, устраняющие проблемы доказывания в рамках устранения судом сомнений и неясностей на стадии исполнения приговора. К данным критериям предлагается относить: правовую определенность; соразмерность процессуальной формы; предметную достаточность и минимальную процессуальную достаточность. Разработанные критерии обладают универсальным характером и могут быть применены для оптимизации ст. 397 УПК РФ.

Литература

1. Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.2013 № 16-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 237 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина Республики Узбекистан Б.Т. Гадаева и запросом Курганского областного суда» // Собрание законодательства Российской Федерации от 15 июля 2013 года № 28. ст. 3881.
2. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.07.2017 № 22-П «По делу о проверке конституционности положений части 1 и пункта 2 части 2 статьи 20 Федерального закона «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации» в связи с жалобами граждан США Н.Д. Вордена и П.Д. Олдхэма» // «Собрание законодательства РФ», 31.07.2017, № 31 (Часть II), ст. 4984.
3. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 20.12.2011 № 21 «О практике применения судами законодательства об исполнении приговора» // Российская газета от 30 декабря 2011 года № 296.
4. Апелляционное постановление Пятого апелляционного суда общей юрисдикции

от 16.05.2024 по делу № 55–347/2024// СПС «КонсультантПлюс»

5. Апелляционное постановление Пятого апелляционного суда общей юрисдикции от 31.10.2024 по делу № 55–789/2024 (УИД 38OS0000–01–2021–000351–44) // СПС «КонсультантПлюс»
6. Апелляционное определение Второго апелляционного суда общей юрисдикции от 24.01.2024 № 66а-134/2024 (УИД 66OS0000–01–2023–001129–49) // СПС «КонсультантПлюс»
7. Апелляционное определение Четвертого апелляционного суда общей юрисдикции от 08.04.2024 по делу № 55–49/2024 (УИД 16OS0000–01–2021–000482–07) // СПС «КонсультантПлюс»
8. Алексеева Т.М. Реализация принципа правовой определенности в уголовном судопроизводстве // Вестник Московского университета. Серия 11. Право. 2014. № 6. С. 74–83.
9. Беляев М.В. Свойства судебных решений в российском уголовном процессе [Текст]: монография / М.В. Беляев. – Москва: Юрлитинформ, 2018. – 177 с.
10. Качалов В.И. Способы корректировки судом приговора при его исполнении // Legal Concept. 2017. № 3. С. 106–111.
11. Квицинция Д.А. Разрешение судом сомнений и неясностей, возникающих при исполнении приговора: автореферат дис. ... кандидата юридических наук: 12.00.09 / Квицинция Диана Аполлоновна; [Место защиты: Моск. акад. экономики и права]. – Москва, 2012. – 28 с.
12. Левченко О.В. Рассмотрение судом вопросов, связанных с исполнением приговора: теоретические и практические проблемы [Текст]: монография / О.В. Левченко, О.В. Гужва, А.А. Караева. – Москва: Юрлитинформ, 2018. – 164 с.
13. Якубина Ю.П. Теоретические, правовые и организационные основы исполнения судебных решений в уголовном судопроизводстве // Вестник ВУиТ. 2015. № 4 [83]. С. 126–131.

CRITERIA FOR THE SUFFICIENCY OF EVIDENCE TO ELIMINATE DOUBTS AND AMBIGUITIES AT THE STAGE OF SENTENCE EXECUTION

Pligina A.I.

Russian State University of Justice named after V.M. Lebedev

The subject of this study is the criteria for the sufficiency of evidence required by the court to eliminate doubts and ambiguities arising at the stage of execution of the sentence, as well as the problems of proof in this process. The main objective of the study is to identify and systematize the criteria that allow the court to determine the sufficiency of evidence to resolve legal uncertainty, as well as to analyze the problems of proof that arise in this case. The following methods were used in the study: formal and legal analysis of the norms of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation,

study of judicial practice (resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation) and some others. The results of the study showed that the current legislation does not contain clear criteria for assessing the sufficiency of evidence, which leads to judicial discretion and contradictory practice. Gaps in regulation related to proof at the stage of execution of the sentence are identified. Scientific novelty lies in a comprehensive analysis of the criteria for the sufficiency of evidence and the development of proposals for their legislative consolidation. The system's output provides sufficient evidence to limit doubts and ambiguities at the stage of execution of the sentence.

Keywords: sufficiency of evidence, execution of a sentence, judicial doubts and ambiguities, problems of proof, criteria for assessing evidence, legal certainty, judicial discretion.

References

1. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of 02.07.2013 No. 16-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Part One of Article 237 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the complaint of a citizen of the Republic of Uzbekistan B.T. Gadaev and the request of the Kurgan Regional Court" // Collected Legislation of the Russian Federation of July 15, 2013 No. 28. Art. 3881.
2. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation of July 19, 2017 No. 22-P "On the case of verifying the constitutionality of the provisions of Part 1 and paragraph 2 of Part 2 of Article 20 of the Federal Law "On Migration Registration of Foreign Citizens and Stateless Persons in the Russian Federation" in connection with the complaints of US citizens N.D. Worden and P.D. Oldham" // "Collection of Legislation of the Russian Federation", 31.07.2017, No. 31 (Part II), art. 4984.
3. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of 20.12.2011 No. 21 "On the practice of applying the legislation on the execution of a sentence by the courts" // Rossiyskaya Gazeta of December 30, 2011 No. 296.
4. Appellate ruling of the Fifth Appellate Court of General Jurisdiction of 16.05.2024 in case No. 55–347/2024 // SPS "Consultant-Plus"
5. Appellate ruling of the Fifth Appellate Court of General Jurisdiction of 31.10.2024 in case No. 55–789/2024 (UID 38OS0000–01–2021–000351–44) // SPS "ConsultantPlus"
6. Appellate ruling Second Court of Appeal of General Jurisdiction dated 24.01.2024 No. 66а-134/2024 (UID 66OS0000–01–2023–001129–49) // SPS "ConsultantPlus"
7. Appellate ruling of the Fourth Court of Appeal of General Jurisdiction dated 08.04.2024 in case No. 55–49/2024 (UID 16OS0000–01–2021–000482–07) // SPS "ConsultantPlus"
8. Alekseeva T.M. Implementation of the principle of legal certainty in criminal proceedings // Bulletin of Moscow University. Series 11. Law. 2014. No. 6. P. 74–83.
9. Belyaev M.V. Properties of Court Decisions in Russian Criminal Procedure [Text]: monograph / M.V. Belyaev. – Moscow: YurLitinform, 2018. – 177 p.
10. Kachalov V.I. Methods of Adjusting a Sentence by the Court during its Execution // Legal Concept. 2017. No. 3. Pp. 106–111.
11. Kvitsinia D.A. Resolving Doubts and Ambiguities Arising during the Execution of a Sentence by the Court: abstract of the dissertation ... candidate of legal sciences: 12.00.09 / Kvitsinia Diana Apollonovna; [Place of protection: Moscow Academy of Economics and Law]. – Moscow, 2012. – 28 p.
12. Levchenko O.V. Consideration by the court of issues related to the execution of a sentence: theoretical and practical problems [Text]: monograph / O.V. Levchenko, O.V. Guzhva, A.A. Karaeva. – Moscow: YurLitinform, 2018. – 164 p.
13. Yakubina Yu.P. Theoretical, legal and organizational foundations for the execution of court decisions in criminal proceedings // Bulletin of the VUIT. 2015. No. 4 [83]. P. 126–131.

Значение реабилитации несовершеннолетних осужденных в России: пути и перспективы адаптации после отбывания наказания

Сонина Мария Сергеевна,

аспирант, АННИО «Международный институт информатизации и государственного управления им. П.А. Столыпина»

E-mail: mail@miig.ru

В статье рассматривается важность реабилитации несовершеннолетних осужденных в России как ключевого элемента системы уголовного правосудия. Особое внимание уделяется социальным, психологическим и образовательным аспектам реабилитации, которые способствуют успешной адаптации подростков в обществе. Автор подчеркивает, что эффективные программы реабилитации не только снижают уровень рецидива, но и способствуют улучшению безопасности общества в целом. В статье также обсуждаются вызовы и проблемы, с которыми сталкиваются несовершеннолетние правонарушители, а также необходимость гуманного подхода к их исправлению. В заключение подчеркивается, что реабилитация является не только ответственностью государства, но и всего общества, стремящегося дать каждому подростку второй шанс на нормальную жизнь.

Целью данного исследования является анализ важности реабилитации несовершеннолетних осужденных в Российской Федерации как ключевого элемента системы уголовного правосудия, а также выявление социальных, психологических и образовательных аспектов, способствующих успешной адаптации подростков в обществе.

В исследовании использовался метод – анализ научной литературы, где автор изучил обзор существующих исследований и публикаций по вопросам реабилитации несовершеннолетних правонарушителей.

Результаты исследования заключаются в следующем:

1. Эффективные программы реабилитации способствуют снижению уровня рецидива среди несовершеннолетних осужденных.
2. Социальные, психологические и образовательные аспекты реабилитации играют ключевую роль в успешной адаптации подростков в обществе.
3. Выявлены основные проблемы и вызовы, с которыми сталкиваются несовершеннолетние правонарушители, включая недостаток ресурсов и поддержки.
4. Подчеркнута необходимость гуманного подхода к исправлению, который включает в себя участие не только государства, но и общества в целом.

В статье сделан вывод, что реабилитация несовершеннолетних осужденных является важным элементом системы уголовного правосудия, который требует комплексного подхода и сотрудничества между различными институтами. Эффективные программы реабилитации не только снижают уровень рецидива, но и способствуют улучшению безопасности общества. Необходимость гуманного подхода к исправлению несовершеннолетних правонарушителей подчеркивает важность участия всего общества в процессе реабилитации, предоставляя каждому подростку возможность на второй шанс в жизни.

Ключевые слова: реабилитация, несовершеннолетние, осужденные, социальная адаптация, психологическая поддержка, рецидив, социальные проблемы, безопасность общества, гуманность, ответственность общества.

Введение

Реабилитация несовершеннолетних осужденных представляет собой одну из наиболее актуальных и сложных задач системы уголовного правосудия в России. В последнее время наблюдается растущий интерес к вопросам, связанным с правами детей, их социальной адаптацией и реинтеграцией в общество после отбывания наказания. С учетом специфики подросткового возраста, когда происходит формирование личности и социальных навыков, важно разработать эффективные методы и программы, способствующие успешной реабилитации.

Несовершеннолетние правонарушители часто сталкиваются с множеством проблем, включая социальную изоляцию, отсутствие поддержки со стороны семьи и общества, а также психологические травмы, вызванные опытом лишения свободы. Эти факторы могут значительно усложнить процесс их возвращения в нормальную жизнь и способствовать рецидиву, не менее важный фактор – это некая романтика со стороны осужденных несовершеннолетних. Криминальная жизнь с ее привлекательной для молодежи романтикой. Основа криминальной жизни – следование воровским традициям. Роль этих традиций нельзя недооценивать. Бороться с ними трудно, так как они подвижны, способны трансформироваться, принимая современный вид под влиянием моды, изменившихся современных условий. Сила воровских традиций в их эмоциональной привлекательности и заразительности, в максимальном учете возрастных особенностей несовершеннолетних с их тягой к риску, романтике и необычности [1]. В связи с этим необходимость создания комплексного подхода к реабилитации становится неоспоримой.

В условиях современного общества, где акцент на гуманизацию уголовной политики и защиту прав детей становится все более значимым, изучение вопросов реабилитации несовершеннолетних осужденных приобретает особую актуальность. Это исследование направлено на привлечение внимания к проблемам, с которыми сталкиваются подростки в системе уголовного правосудия, и на поиск путей их решения с целью создания более безопасного и справедливого общества для всех его членов.

Согласно данным оперативного совещания Следственного комитета Российской Федерации (далее СК РФ) по вопросам расследования преступлений, совершенных несовершеннолетними, в России за первые четыре месяца 2025 года в полтора раза увеличилось число тяжких и особо

тяжких преступлений, совершенных несовершеннолетними.

«В целом по стране по итогам четырёх месяцев текущего года отмечается рост числа всех криминальных проявлений подростков на четверть (с 7 630 до 9 522). В полтора раза увеличилось число тяжких и особо тяжких преступлений несовершеннолетних, в том числе совершено уже 41 убийство и 22 факта умышленного тяжкого вреда здоровью со смертельным исходом, 178 преступлений на сексуальной почве» [2].

В СК РФ поясняют, что противоправное поведение подростков нередко обусловлено «отрицательным примером взрослых, имеющих преступный опыт». Кроме того, считают в ведомстве, последнее время распространены преступления, вызванные воздействием на детей негативной информации в интернете и вовлечением подростков в криминальную деятельность через мессенджеры.

В 2025 году СК РФ направил в суд 2 865 уголовных дел в отношении несовершеннолетних обвиняемых, что на 12% больше, чем за аналогичный период 2024 года. Проведенный анализ показал, что в подавляющем большинстве случаев уголовный закон нарушали подростки мужского пола.

Уровень рецидивной преступности среди людей, вышедших на свободу после отбывания наказания, остается высоким. Это часто связывается с ошибками судов, применяющих различные виды наказаний, а также с недостатками в организации карательно-воспитательного процесса. Однако даже правильно назначенное и качественно выполненное наказание не всегда приводит к исправлению и перевоспитанию осужденного или предотвращению новых преступлений. Поведение человека после освобождения зависит не только от результатов карательно-воспитательного воздействия, но и от влияния факторов, связанных с постпенитенциарной адаптацией. Таким образом, одни из этих факторов могут способствовать закреплению положительных результатов исправительно-трудового воздействия, в то время как другие, наоборот, могут провоцировать совершение новых преступлений [3].

Проблем адаптации, освобожденных из мест лишения свободы, которые сталкиваются с множеством внутренних и внешних препятствий. Эти проблемы делятся на две категории: первая связана с удовлетворением базовых потребностей, таких как жилье, еда, одежда и работа, что определяет объективные условия жизни. Вторая категория касается социальной интеграции освобожденного в новую среду, включая семью и ближайшее окружение, где важную роль играют личные качества и поведение человека. Решение этих проблем зависит от индивидуальных обстоятельств и социальных параметров, таких как возраст, пол, образование и профессия. Таким образом, адаптация освобожденных является сложным процессом, требующим учета как объективных, так и субъективных факторов.

Основная масса новых преступлений совершается в первые три года после освобождения, причем наиболее критичным является период до 3–6 месяцев. В этот промежуток времени особенно важна активная работа по социальной адаптации освобожденных, включая строгий контроль за их поведением в повседневной жизни и сфере общения. Без такого контроля эффективность профилактики рецидивов будет значительно снижена.

Реабилитация несовершеннолетних осужденных – это не просто социальная необходимость, но и моральный долг общества. В условиях, когда молодежь сталкивается с множеством социальных, экономических и психологических проблем, задача реабилитации становится особенно актуальной. Важность этой процедуры можно рассмотреть с нескольких сторон: социальной, экономической и этической.

Социальная значимость

Несовершеннолетние правонарушители часто становятся жертвами неблагоприятной социальной среды. Семейные проблемы, бедность, отсутствие поддержки со стороны родителей и общества в целом могут толкнуть молодого человека на путь преступности. Реабилитация предоставляет возможность изменить этот курс, помочь подросткам адаптироваться к жизни в обществе, восстановить утраченные социальные связи и наладить отношения с семьей. С 1 января 2024 г. вступил в силу Закон о пробации – совокупности мер в отношении осужденных и бывших заключенных, оказавшихся в трудной жизненной ситуации, включая их ресоциализацию, социальную адаптацию, защиту прав и законных интересов. В данном Законе указаны правила социальной и воспитательной работы с осужденными, а также оказания им психологической помощи, установлены правила содействия бывшим заключенным в получении соцпомощи, трудовом и бытовом устройстве. Индивидуальная программа для пенитенциарной пробации разработана с 1 января 2025 г. Установлена ее форма и порядок подготовки. Указаны критерии и методика оценки индивидуальной нуждаемости в пробации. Осужденный сможет попросить об оказании содействия не позднее 2 месяцев до освобождения.

Процесс реабилитации включает в себя не только психологическую поддержку, но и образовательные программы, профессиональную подготовку и трудоустройство. Это позволяет несовершеннолетним осужденным развить навыки, необходимые для успешной интеграции в общество, что в свою очередь снижает вероятность рецидивов и помогает предотвратить дальнейшую криминализацию молодежи [4].

Экономическая перспектива

Реабилитация несовершеннолетних осужденных также имеет важное экономическое значение. Инвестиции в программы реабилитации могут суще-

ственно сократить расходы на содержание заключенных и систему уголовного правосудия. Каждое новое поколение, которое не возвращается к преступной деятельности, становится потенциальным вкладом в экономику страны. Образованные и трудоустроенные молодые люди способствуют развитию общества и повышению его благосостояния. Кроме того, успешная реабилитация может снизить уровень преступности в целом. Это создает более безопасную среду для всех граждан и способствует улучшению качества жизни в обществе. В качестве подтверждения экономической перспективы, приведём законодательство субъектов РФ о ресоциализации осужденных.

В 23 субъектах Российской Федерации приняты законы, предусматривающие квотирование рабочих мест для лиц, освобожденных из мест лишения свободы: Псковская область, Санкт-Петербург, Липецкая область, Московская область, Рязанская область, Смоленская область, Тамбовская область, Тверская область, Республика Крым, Севастополь, Краснодарский край, Республика Татарстан, Пермский край, Оренбургская область, Пензенская область, Тюменская область, Республика Тыва, Кемеровская область – Кузбасс, Республика Саха (Якутия), Камчатский край, Приморский край, Забайкальский край (только для несовершеннолетних), Сахалинская область (только для несовершеннолетних).

В 12 субъектах Российской Федерации приняты Государственные (региональные) программы, предусматривающие содействие в трудоустройстве лицам, освободившимся из мест лишения свободы: Брянская область, Ивановская область, Республика Адыгея, Республика Ингушетия, Карачаево-Черкесская Республика, Челябинская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Тыва, Иркутская область, Омская область, Забайкальский край, Магаданская область, Чукотский автономный округ [5, с. 95].

В части содействия в трудоустройстве лицам, освобожденным из мест лишения свободы, регионы предусматривают также и другие меры стимулирования:

1. субсидии работодателям на возмещение заработной платы (затрат) (Республика Карелия [6], Республика Коми [7], Вологодская область [8], Ленинградская область [9], Саратовская область [10], Кемеровская область – Кузбасс [11], Приморский край [12], Смоленская область [13]);
2. иные меры содействия трудоустройству освобожденных из мест лишения свободы:
 - Калининградская область – соглашение Правительства области с профсоюзами и объединениями работодателей [195];
 - Ивановская область – о дополнительных гарантиях занятости [190];
 - Курская область – принятие мер по трудоустройству лиц, осужденных на исправительные работы [201];

- Орловская область – бесплатная юридическая помощь по вопросам трудоустройства [117];
- Ямало-Ненецкий автономный округ – профессиональное обучение [232];
- Томская область – пониженная ставка по налогу на прибыль организаций, в которых работают лица, осужденные к исправительным работам или освобожденные из мест лишения свободы [136].

Этический аспект

С точки зрения морали, реабилитация несовершеннолетних осужденных представляет собой признание их прав на второй шанс. Молодежь – это будущее страны, и общество несет ответственность за их судьбы. Каждый подросток заслуживает возможности исправиться и вернуться к нормальной жизни. Условия лишения свободы часто усугубляют психологические проблемы и приводят к деградации личности. Реабилитация помогает восстановить веру в себя и свои силы, что является важным шагом на пути к социальной адаптации. Регионы Российской Федерации предусматривают

1. помощь лицам, освободившимся из мест лишения свободы: материальная помощь (Мурманская область, Нижегородская область, Камчатский край);
2. адресная помощь (Амурская область);
3. натуральная помощь в виде комплекта продуктов питания, средств личной гигиены, предметов одежды и обуви по сезону (Магаданская область);
4. бесплатная юридическая помощь (Хабаровский край, Республика Карелия, Вологодская область, Белгородская область, Брянская область, Владимирская область, Воронежская область, Ивановская область, Курская область, Липецкая область, Орловская область, Смоленская область, Тверская область, Республика Адыгея, Ростовская область);
5. единовременная денежная выплата 5 тыс. руб. (Республика Адыгея).

Таким образом, в большинстве субъектов Российской Федерации действует региональное законодательство, регулирующее основные вопросы ресоциализации лиц, освободившихся из мест лишения свободы.

Кроме того, подход к несовершеннолетним правонарушителям должен основываться на принципах гуманности. Наказание не должно быть единственным методом воздействия. Необходимо создавать условия для исправления и развития личности.

В заключении приходим к выводу, что реабилитация несовершеннолетних осужденных в Российской Федерации играет ключевую роль в формировании здорового и безопасного общества. Она не только помогает молодым людям вернуться к нормальной жизни, но и способствует снижению уровня преступности и улучшению экономической ситуации в стране. Общество должно осознавать

важность этой задачи и активно поддерживать программы, направленные на реабилитацию молодежи, обеспечивая им возможность построить успешное будущее.

Литература

1. Страна из трех букв. АYE: Кто стоит за криминализацией подростков, вводит их в преступное пространство, или Хроники новой пионерии. проживания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/16/72816-strana-iztreh-bukv> (дата обращения: 21.07.2025).
2. А. И. Бастрыкин провел совещание о расследовании преступлений, совершенных несовершеннолетними. проживания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://youtube.ru/video/ab825dfa5d655540d500a5d4314f4c28/?r=wd> (дата обращения: 21.07.2025).
3. Меры по социальной адаптации лиц, отбывших наказание за совершение преступлений террористической направленности и прибывших к местам постоянного проживания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://inlnk.ru/70p6xK> (21.07.2025).
4. Приказ Минюста РФ от 29.11.2023 № 350 «О ресоциализации, социальной адаптации и социальной реабилитации лиц, в отношении которых применяется пробация в соответствии с федеральным законом от 06.02.2023 № 10-ФЗ «О пробации в российской федерации» (Зарегистрировано в Минюсте РФ 30.11.2023 N 76172). проживания [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/50161> (21.07.2025).
5. Тематический доклад уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. 2022. С. 95.
6. Постановление Правительства Республики Карелия от 27 апреля 2017 г. № 134-П «Об утверждении Порядка предоставления из бюджета Республики Карелия субсидий юридическим лицам (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям), индивидуальным предпринимателям, физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг на мероприятия по активной политике занятости населения и социальной поддержке безработных граждан» // СПС «Кодекс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/465412568> (21.07.2025).
7. Постановление Правительства Республики Коми от 20 ноября 2019 г. № 557 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии за счет средств республиканского бюджета Республики Коми на возмещение работодателям расходов на частичную оплату труда работников, трудоустроенных по направлению службы занятости и относящихся к категории граждан, освобожденных из учреждений исполнения наказаний в виде лишения свободы» // СПС «Кодекс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/574679218?marker> (21.07.2025).
8. Постановление Правительства Вологодской области от 20 апреля 2020 г. № 414 «Об утверждении Порядка предоставления субсидий на возмещение фактически понесенных работодателем затрат по оплате труда трудоустроенных лиц, освобожденных из мест лишения свободы» // СПС «Гарант». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/%20document/570772110> (21.07.2025).
9. Постановление Правительства Ленинградской области от 26 апреля 2016 г. № 126 «О внесении изменений в постановление Правительства Ленинградской области от 7 декабря 2015 г. № 466 «Об утверждении государственной программы Ленинградской области «Содействие занятости населения Ленинградской области» и утверждении Порядка предоставления из областного бюджета Ленинградской области субсидий юридическим лицам (за исключением субсидий государственным (муниципальным) учреждениям), индивидуальным предпринимателям, физическим лицам – производителям товаров, работ, услуг и некоммерческим организациям, не являющимся государственными (муниципальными) учреждениями, на возмещение затрат на оплату труда трудоустроенных граждан, освобожденных из мест лишения свободы, трудоустроенных граждан, отбывающих уголовное наказание без изоляции от общества, трудоустроенных несовершеннолетних граждан в возрасте от 14 до 18 лет, трудоустроенных выпускников образовательных организаций и трудоустроенных инвалидов, на доплаты за наставничество в рамках реализации государственной программы Ленинградской области «Содействие занятости населения Ленинградской области» // СПС «Кодекс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/537993162?marker=7E10KJ> (21.07.2025).
10. Постановление Правительства Саратовской области от 7 июля 2021 г. № 529-П «Об утверждении Положения о порядке предоставления субсидии из областного бюджета на возмещение затрат работодателей, связанных с реализацией мероприятий по содействию трудоустройству граждан, испытывающих трудности в поиске работы, и молодых специалистов» // СПС «Кодекс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/467730288?marker> (21.07.2025).
11. Постановление Правительства Кемеровской области – Кузбасса от 29 июня 2020 г. № 368 «Об утверждении Порядка предоставления субсидии на реализацию мероприятий по содействию занятости граждан, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы» // Официальный интернет-

портал правовой информации. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4200202007030003> (21.07.2025).

12. Постановление Правительства Приморского края от 30 декабря 2020 г. № 1095-пп «О предоставлении субсидий из краевого бюджета работодателям – организациям (за исключением государственных (муниципальных) учреждений) и индивидуальным предпринимателям на частичное возмещение затрат, связанных с оплатой труда работников из числа граждан, трудоустроенных по направлению органов службы занятости населения и относящихся к категории лиц, освобожденных из учреждений, исполняющих наказание в виде лишения свободы» // СПС «Кодекс». [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://docs.cntd.ru/document/571061394> (21.07.2025).
13. Постановление Администрации Смоленской области от 9 декабря 2019 г. № 750 «Об утверждении Порядка предоставления из областного бюджета субсидий в рамках реализации областной государственной программы «Содействие занятости населения Смоленской области» юридическим лицам (за исключением государственных (муниципальных) учреждений) в целях возмещения затрат организаций, осуществивших выполнение квоты по направлению органов службы занятости населения, на оплату труда граждан Российской Федерации, проживающих на территории Смоленской области: несовершеннолетних в возрасте от 16 до 18 лет; лиц, отбывших наказание в виде лишения свободы» // СПС «Кодекс». URL: <https://docs.cntd.ru/document/561637051> (21.07.2025).

THE IMPORTANCE OF REHABILITATION OF JUVENILE CONVICTS IN RUSSIA: PATHS AND PROSPECTS FOR ADAPTATION AFTER SERVING A SENTENCE

Sonina M.S.

International Institute of Informatization and Public Administration named after P.A. Stolypin

This article examines the importance of rehabilitation of juvenile offenders in Russia as a key element of the criminal justice system. Particular attention is paid to the social, psychological and educational aspects of rehabilitation that contribute to the successful adaptation of adolescents in society. The author emphasizes that effective rehabilitation programs not only reduce recidivism but also contribute to improving the safety of society as a whole. The article also discusses the challenges and problems faced by juvenile offenders, as well as the need for a humane approach to their correction. In conclusion, it is emphasized that rehabilitation is not only the responsibility of the state, but also of the entire society, striving to give every teenager a second chance at a normal life.

The purpose of this study is to analyze the importance of rehabilitation of juvenile offenders in the Russian Federation as a key element of the criminal justice system, as well as to identify social, psychological and educational aspects that contribute to the successful adaptation of adolescents in society.

The study used the method of analysis of scientific literature, where the author studied a review of existing research and publications on the issues of rehabilitation of juvenile offenders.

The results of the study are as follows:

1. Effective rehabilitation programs help reduce the recidivism rate among juvenile offenders.

2. Social, psychological and educational aspects of rehabilitation play a key role in the successful adaptation of adolescents in society.

3. The main problems and challenges faced by juvenile offenders are identified, including a lack of resources and support.

4. The need for a humane approach to correction, which includes the participation of not only the state but also society as a whole, is emphasized.

The article concludes that rehabilitation of juvenile offenders is an important element of the criminal justice system, which requires a comprehensive approach and cooperation between different institutions. Effective rehabilitation programs not only reduce recidivism, but also contribute to improving public safety. The need for a humane approach to the rehabilitation of juvenile offenders highlights the importance of community involvement in the rehabilitation process, giving every teenager a second chance in life.

Keywords: rehabilitation, minors, convicts, social adaptation, psychological support, relapse, social problems, public safety, humanity, public responsibility.

References

1. Three-letter country. AUE: Who is behind the criminalization of teenagers, introduces them into the criminal space, or Chronicles of the new pioneers. residence [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://www.novayagazeta.ru/articles/2017/06/16/72816-strana-iztreh-bukv> (date of access: 21.07.2025).
2. A. I. Bastrykin held a meeting on the investigation of crimes committed by minors. residence [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://rutube.ru/video/ab825dfa5d655540d500a5d4314f4c28/?r=wd> (date accessed: 21.07.2025).
3. Measures for the social adaptation of persons who have served sentences for committing terrorist crimes and arrived at their places of permanent residence [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://inlnk.ru/70p6xK> (21.07.2025).
4. Order of the Ministry of Justice of the Russian Federation of November 29, 2023 No. 350 “On the resocialization, social adaptation and social rehabilitation of persons subject to probation in accordance with the Federal Law of February 6, 2023 No. 10-FZ “On Probation in the Russian Federation” (Registered with the Ministry of Justice of the Russian Federation on November 30, 2023 N 76172). residence [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://minjust.consultant.ru/documents/50161> (date of access: 21.07.2025).
5. Thematic report of the Commissioner for Human Rights in the Russian Federation. 2022. P. 95.
6. Resolution of the Government of the Republic of Karelia of April 27, 2017 No. 134-P “On approval of the Procedure for providing subsidies from the budget of the Republic of Karelia to legal entities (with the exception of subsidies to state (municipal) institutions), individual entrepreneurs, individuals – producers of goods, works, services for events on active employment policy of the population and social support for unemployed citizens” // SPS “Code”. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://docs.cntd.ru/document/465412568> (date of access: 21.07.2025).
7. Resolution of the Government of the Komi Republic of November 20, 2019 No. 557 “On approval of the Procedure for providing a subsidy from the republican budget of the Komi Republic to reimburse employers for expenses on partial payment of wages to employees, employed by the employment service and belonging to the category of citizens released from institutions for the execution of punishments in the form of imprisonment” // SPS “Code”. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://docs.cntd.ru/document/574679218?marker> (date of access: 21.07.2025).
8. Resolution of the Government of the Vologda Oblast of April 20, 2020 No. 414 “On approval of the Procedure for providing subsidies to reimburse the actual costs incurred by the employer for the payment of wages to employed persons released from places of deprivation of liberty” // SPS “Garant”. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://docs.cntd.ru/%20document/570772110> (date of access: 21.07.2025).
9. Resolution of the Government of the Leningrad Region dated April 26, 2016 No. 126 “On Amendments to the Resolution of the Government of the Leningrad Region dated December 7,

- 2015 No. 466 "On Approval of the State Program of the Leningrad Region "Promoting Employment of the Population of the Leningrad Region" and approval of the Procedure for the provision of subsidies from the regional budget of the Leningrad Region to legal entities (with the exception of subsidies to state (municipal) institutions), individual entrepreneurs, individuals – producers of goods, works, services and non-profit organizations that are not state (municipal) institutions), individual entrepreneurs, individuals – producers of goods, works, services and non-profit organizations that are not state (municipal) institutions, for reimbursement of expenses for the payment of wages to employed citizens who have been released from places of deprivation of liberty, employed citizens serving a criminal sentence without isolation from society, employed minors aged 14 to 18, employed graduates of educational institutions and employed disabled people, for additional payments for mentoring within the framework of the implementation of the state program of the Leningrad Region "Promoting Employment of the Population of the Leningrad Region" // SPS "Code". [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://docs.cntd.ru/document/537993162?marker=7EI0KJ> (date of access: 21.07.2025).
10. Resolution of the Government of the Saratov Region dated July 7, 2021 No. 529-P "On approval of the Regulation on the procedure for providing a subsidy from the regional budget to reimburse the costs of employers, related to the implementation of measures to promote employment of citizens experiencing difficulties in finding work, and young specialists" // SPS "Code". [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://docs.cntd.ru/document/467730288?marker> (date of access: 21.07.2025).
 11. Resolution of the Government of the Kemerovo Region – Kuzbass dated June 29, 2020 No. 368 "On approval of the Procedure for providing a subsidy for the implementation of measures to promote employment of citizens released from institutions executing sentences in the form of imprisonment" // Official Internet portal of legal information. [Electronic resource]. – Access mode: URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/4200202007030003> (date of access: 21.07.2025).
 12. Resolution of the Government of Primorsky Krai dated December 30, 2020 No. 1095-pp "On the provision of subsidies from the regional budget to employers – organizations (except for state (municipal) institutions) and individual entrepreneurs for partial reimbursement of costs associated with the payment of wages to employees from among citizens employed by referral from employment service agencies and belonging to the category of persons released from institutions executing punishment in the form of imprisonment" // SPS "Code". [Electronic resource]. – Access mode: URL: <https://docs.cntd.ru/document/571061394> (date of access: 21.07.2025).
 13. Resolution of the Administration of the Smolensk Region dated December 9, 2019 No. 750 "On approval of the Procedure for providing subsidies from the regional budget within the framework of the implementation of the regional state program "Promoting Employment of the Population of the Smolensk Region" to legal entities (with the exception of state (municipal) institutions) in order to reimburse the costs of organizations, who have fulfilled the quota in accordance with the direction of the employment service bodies, for payment of wages to citizens of the Russian Federation residing in the territory of the Smolensk region: minors aged 16 to 18 years; persons who have served a sentence of imprisonment" // SPS "Code". URL: <https://docs.cntd.ru/document/561637051> (date of access: 21.07.2025).

Софьин Максим Анатольевич,
независимый исследователь
E-mail: mail@7universum.com

Статья посвящена теме привлечения осуждённых к труду в местах лишения свободы как одному из ключевых инструментов ресоциализации и профилактики рецидива. Вопрос порядка привлечения осужденных к труду в местах лишения свободы является одной из ключевых тем для исследования в области уголовного права и пенитенциарной системы. Особое внимание уделяется правовому регулированию, практическим аспектам организации трудовой деятельности, а также её социальным и экономическим последствиям. Целью исследования является комплексный анализ действующего порядка трудоустройства осуждённых с целью его оптимизации и повышения эффективности. В работе применены методы правового и сравнительного анализа, а также статистического обобщения данных. Проанализировано отечественное законодательство и опыт зарубежных стран (Германии, США и др.), выделены успешные практики, применимые в российских реалиях. Установлено, что, несмотря на формальное наличие правовых гарантий, трудовая деятельность осуждённых сталкивается с рядом проблем: низкой оплатой, ограниченным выбором видов деятельности, дефицитом программ профессиональной подготовки и нарушениями условий труда. В заключение сформулированы предложения по совершенствованию нормативной базы, повышению мотивации осуждённых к труду и расширению возможностей для их постпенитенциарной адаптации. Полученные выводы могут быть использованы в рамках реформирования уголовно-исполнительной политики.

Ключевые слова: труд осуждённых, уголовно-исполнительная система, ресоциализация, пенитенциарное право, исправительные учреждения, рецидив, профессиональная адаптация, трудовое право, уголовное право, реабилитация заключённых.

Введение

Вопрос порядка привлечения осужденных к труду в местах лишения свободы является одной из ключевых тем для исследования в области уголовного права и пенитенциарной системы. Процесс трудоустройства осужденных не только имеет значительное социальное значение, но и оказывает заметное влияние на их дальнейшую адаптацию в обществе после освобождения. Труд, предоставляющий осужденным возможность быть активными членами общества, способствует формированию их профессиональных навыков, что, в свою очередь, снижает риск рецидива преступлений и повышает уровень безопасности общества в целом.

Актуальность темы определяется несколькими факторами. Во-первых, с точки зрения необходимости интеграции осужденных в трудовую деятельность, работа в местах лишения свободы позволяет не только формировать у них трудовые навыки, но и улучшать моральный и психологический климат в исправительных учреждениях. Второй важный аспект – это социальный и экономический эффект от использования труда осужденных. Экономическая выгода от привлечения осужденных к работе в производственных секторах может значительно снизить затраты на содержание мест лишения свободы, а также помочь в производстве товаров и услуг, что полезно для бюджета страны.

Кроме того, тема имеет значимость в контексте гуманизации уголовного исполнения. Существующие правовые нормы и практические подходы к обеспечению трудовой деятельности осужденных требуют развития и адаптации к современным реалиям. Разработка более эффективных моделей трудоустройства, направленных на улучшение условий труда, может способствовать повышению качественных показателей исполнения наказания и повышению уровня правовой защиты трудовых прав осужденных.

Таким образом, исследование порядка привлечения осужденных к труду в местах лишения свободы является актуальным не только с точки зрения юридической практики, но и с позиции социального и экономического развития государства. Это исследование направлено на выявление существующих проблем, анализ правовой базы, а также на поиск путей оптимизации трудовой деятельности осужденных для достижения благоприятных результатов как для самих осужденных, так и для общества в целом.

Исследование данной темы станет основой для создания рекомендаций, направленных на улучшение порядка работы осужденных в местах лишения

свободы, что, в свою очередь, поможет укрепить правоприменительную практику и сосредоточиться на современном подходе к исправлению преступников. Решение обозначенных вопросов позволит не только достичь более высоких результатов в области уголовной юстиции, но и существенно повысить уровень социальной ответственности государства перед гражданами, находящимися в местах лишения свободы [11].

Развитие концепции исправительных учреждений должно учитывать и нукасную политическую и общественную обстановку в стране, что также делает актуальным исследование процесса привлечения осужденных к труду [15].

В итоге, взаимодействие между государственными органами, учреждениями, осуществляющими наказание, неправительственными организациями и самой трудовой сферой – это тот аспект, который требует подробного анализа и дальнейшего обсуждения в рамках данного исследования.

Цель данного исследования заключается в комплексном анализе порядка привлечения осужденных к труду в местах лишения свободы с целью выявления возможностей его оптимизации и улучшения правовых основ, обеспечивающих трудовые права осужденных. В современных условиях, когда вопросы прав человека и реабилитации осужденных становятся все более актуальными, необходимо рассмотреть не только теоретические аспекты, но и практические механизмы реализации трудовой деятельности осужденных. Исходя из этого, исследование направлено на формулирование рекомендаций, которые могут быть полезны для правоприменительной практики и уголовно-исполнительной системы.

Для достижения этой цели в рамках исследования обозначаются несколько ключевых задач. Первая задача – это обзор и анализ существующей нормативно-правовой базы, регулирующей труд осужденных, с целью выявления пробелов и недостатков. Такой анализ необходим для понимания, насколько действующие нормы отвечают современным требованиям и каким образом они реализуются на практике. В результате этого этапа будет определено, какие изменения в законодательстве могут способствовать улучшению ситуации с трудоустройством осужденных.

Вторая задача включает в себя исследование опыта других стран в области привлечения осужденных к труду. За пределами России существуют успешные модели, которые обеспечивают эффективное трудоустройство и реабилитацию осужденных, и изучение этих практик может послужить основой для возможных преобразований в отечественной системе. Таким образом, важно выявить, какие элементы иностранных моделей можно адаптировать к российским условиям, а также какие аспекты требуют критического пересмотра и доработки.

Третья задача заключается в исследовании влияния труда на социализацию осужденных. Необходимо изучить, каким образом работа в усло-

виях исправительных учреждений влияет на личности осужденных, их профессиональную подготовку и готовность к жизни после освобождения. Исследование должно учесть и психологические аспекты, что позволит более глубоко понять, как труд может способствовать реабилитации и снижению рецидивной преступности.

Четвертая задача – анализ социальных и экономических последствий привлечения осужденных к труду. Важно оценить, как трудовая деятельность осужденных может повлиять на экономическую ситуацию внутри исправительных учреждений и в обществе в целом, а также на самих осужденных. Это позволит сформировать аргументы в пользу внедрения более активной трудовой политики в сфере уголовного исполнения.

В завершение, пятой задачей является разработка практических рекомендаций по оптимизации порядка привлечения осужденных к труду, включая предложения по совершенствованию законодательства, созданию программ по профессиональной подготовке и адаптации осужденных к труду. Эти рекомендации могут стать основой для повышения эффективности наказания и его гуманизации, что в свою очередь будет способствовать улучшению общественной безопасности и социальной справедливости [15]. В совокупности выполнение этих задач создаст целостное представление о порядке привлечения осужденных к труду и его значении для реформирования уголовно-исполнительной системы [18].

Методы исследования

Для достижения целей и решения задач, поставленных перед исследованием порядка привлечения осужденных к труду в местах лишения свободы, нами применены различные методы анализа, которые позволяют глубже понять текущую ситуацию и выявить пути ее оптимизации. Основными методами, использованными в данном исследовании, являются правовой анализ, сравнительный анализ нормативных документов и статистический анализ.

Правовой анализ представляет собой один из ключевых инструментов, который позволяет исследовать действующее законодательство, регулирующее труд осужденных. С его помощью мы проанализировали Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс, а также различные подзаконные акты и инструкции, касающиеся организации труда в исправительных учреждениях. Этот метод позволил выявить пробелы и противоречия в законодательстве, а также определить степень соответствия правовых норм современным требованиям. При этом особое внимание уделялось тому, как эти нормы реализуются на практике, и насколько они способствуют реабилитации осужденных через труд.

Сравнительный анализ нормативных документов стал следующим важным методом, примененным в исследовании. Он охватывает изучение законодательства не только России, но и других

стран, имеющих опыт работы с трудом осужденных. Сравнения с международной практикой и законодательными подходами других государств позволяет выявить успешные модели вовлечения осужденных в трудовую деятельность и адаптировать их к российским условиям. Изучение зарубежного опыта служит источником для заимствования эффективных практик и рекомендаций, что важно для улучшения существующей системы. Так, в ходе сравнения были проанализированы практики стран, таких как Германия, США, и другие, где успешные программы по трудовой реабилитации осужденных значительно снижают уровень рецидива и способствуют их интеграции в общество.

Статистический анализ, в свою очередь, позволяет оценить количественные показатели трудовой деятельности осужденных. Он включает в себя изучение данных о количестве осужденных, привлеченных к труду, их успехи и неудачи, а также число заключенных, которые были трудоустроены после освобождения. Анализ статистических данных дает возможность оценить эффективность существующих программ и трудовых инициатив, а также выявить тенденции и динамику изменений в этой области. Использование статистических методов позволяет обосновать рекомендации, которые будут выдвинуты в заключении исследования.

Все указанные методы исследования дополняют друг друга, создавая целостную картину порядка привлечения осужденных к труду. Правовой и сравнительный анализ помогают оценить состояние нормативной базы, а статистические данные придают исследованию объективности и достоверности. Важно, что использование таких комплексных методов позволяет идентифицировать не только существующие проблемы, но и яркие примеры успешного трудоустройства осужденных, что может помочь в организации более эффективных программ реабилитации и трудовой адаптации.

Таким образом, применение правового и сравнительного анализа наряду со статистическим анализом предоставляет научно обоснованные основания для дальнейшего изучения и разработки рекомендаций по повышению эффективности системы труда в местах лишения свободы [18]. Этот взвешенный подход позволяет сформулировать конструктивные предложения для законодателей и практиков, что будет способствовать улучшению условий труда осужденных и повышению их шансов на успешную реинтеграцию в общество [16].

Литературный обзор

Анализ и обзор действующей нормативно-правовой базы, регулирующей режимы и порядок привлечения осужденных к труду в местах лишения свободы, является важнейшей составляющей исследования. Основными документами, определяющими правовые рамки труда в условиях лишения свободы, служат Уголовный кодекс Российской Федерации, Уголовно-исполнительный кодекс, а также различные правительственные и ведомственные постано-

вления, касающиеся функционирования исправительных учреждений.

Первоначальным актом, регулирующим условия содержания осужденных и их трудового участия, является Уголовно-исполнительный кодекс (УИК) Российской Федерации. Этот кодекс, принятый в 1997 году и вступивший в силу с начала 1998 года, устанавливает основные принципы, права и обязанности осужденных, а также определяет порядок и условия их трудовой деятельности. В частности, ст. 97 УИК закрепляет право осужденных на труд, учреждая его как основное средство исправления, а также как способ обеспечения материальных нужд заключенных. Однако, несмотря на это, законодательство нуждается в постоянном совершенствовании, что предполагает активный анализ его применения и выявление возможных проблем.

Следующим важным документом является Федеральный закон «О трудовой деятельности в Российской Федерации» и другие акты, касающиеся охраны труда и прав трудящихся. Эти документы устанавливают требования к условиям труда, обеспечивая тем самым безопасность и гигиеничность рабочих мест для осужденных. Важно, чтобы условия труда для данной категории граждан соответствовали нормам, установленным для работников на свободе, хотя, безусловно, из-за специфики статус осужденных здесь имеются определенные ограничения.

Актуальные подзаконные акты и организационные документы, такие как Приказ Министерства юстиции о порядке организации труда осужденных, уточняют детали реализации трудовой деятельности в исправительных учреждениях. Эти документы содержат инструкции касательно порядка привлечения к работе, а также случаи, когда труд может быть освобожден. Они предоставляют рекомендации по организации производственного процесса, мотивации осужденных к труду и устанавливают механизмы контроля за выполнением трудовых обязанностей осужденными.

При этом необходимо отметить, что с каждым годом наблюдается тенденция к улучшению правовых условий труда осужденных. Это связано с растущим пониманием важности труда как инструмента реабилитации и социальной адаптации. В последние годы активно обсуждаются и внедряются изменения в законодательство, направленные на расширение спектра возможностей трудоустройства осужденных в различных отраслях экономики, что позволяет не только осуществлять понуждение к труду, но и формировать устойчивые профессиональные навыки.

Кроме того, необходимо учитывать, что для эффективного функционирования режима труда в местах лишения свободы важна не только правовая основа, но и наличие необходимых материально-технических условий. Это включает в себя создание рабочих мест, обеспечение качественным оборудованием и соблюдение всех норм безопасности труда. Также важно, чтобы вовлечение осужден-

ных в трудовые процессы не ухудшало их условия содержания и способствовало улучшению социальной адаптации после освобождения. Анализ действующей нормативной базы в этом контексте позволяет выявить существующие пробелы и противоречия, что создает основу для дальнейшего совершенствования системы трудовой деятельности в исправительных учреждениях [8].

Таким образом, обзор нормативно-правовой базы показывает, что хотя законодательство в области труда осужденных подлежит постоянному обновлению, многие вопросы остаются нерешенными. Реализация концепции реформирования трудовой деятельности осужденных требует системного подхода и активного участия всех заинтересованных сторон, включая государственные органы, администрацию исправительных учреждений и общественность, что может существенно способствовать улучшению условий труда и жизни осужденных [20].

Результаты и обсуждение

Особенности организации труда осужденных

Организация труда осужденных в местах лишения свободы – это сложный и многогранный процесс, который включает в себя различные аспекты, такие как условия труда, виды деятельности, а также правовые и социальные роли. На текущий момент в России существует множество практик привлечения осужденных к труду, каждая из которых имеет свои преимущества и недостатки.

Одна из особенностей организации работы заключается в том, что труд осужденных часто направлен на удовлетворение внутренних потребностей исправительных учреждений. Это может включать в себя работу в производственных бригадах, на сельскохозяйственных участках, а также выполнение различных услуг, необходимых для самого учреждения. Осужденные выполняют задачи, которые могут варьироваться от изготовления швейных изделий до работы в каменоломнях или на строительстве. Однако, несмотря на широкую номенклатуру работ, реальные возможности осужденных по выбору рода занятий зачастую ограничены.

Кроме того, уровень оплаты труда осужденных значительно ниже, чем заработная плата на свободном рынке. Как правило, трудовая деятельность осужденных компенсируется в виде мизерных сумм, что не только не способствует экономической независимости, но и часто вызывает чувство недовольства и депрессии среди заключенных. Это, в свою очередь, может негативно сказаться на мотивации осужденных к трудовой деятельности, что важно учитывать при планировании будущих реформ.

Существующие правила привлечения к труду нередко подвергаются критике за свою негуманность и неэффективность. Так, а также отношение к работе осужденных остается сугубо принудительным, и отсутствуют достаточные стимулы для

постоянного роста профессиональных навыков. Поскольку осужденные часто работают в тяжелых условиях, это также вызывает вопросы о безопасности труда. Многочисленные случаи травматизма и несчастных случаев ставят под сомнение адекватность текущих стандартов безопасности на рабочих местах, предлагаемых учреждениями.

Важным аспектом данной проблемы является формирование системы профессиональной подготовки. На данный момент обучающие программы в местах лишения свободы ограничены и не всегда соответствуют требованиям рынка труда. Исследования показывают, что осужденные, прошедшие стажировку и дополнительные курсы, имеют значительно больше шансов на успешную реинтеграцию после освобождения. Однако, как правило, такие программы финансируются не на должном уровне, а сам процесс их организации сталкивается с множеством бюрократических преград.

Несмотря на существующие трудности, существуют и положительные примеры практики, когда осужденные успешно занимаются производством и даже получают возможность участвовать в реальных экономических проектах. Некоторые исправительные учреждения налаживают сотрудничество с частными компаниями, что позволяет заключенным получать реальный опыт работы и возможность трудоустройства после освобождения. Такие инициативы свидетельствуют о том, что проблемы осужденных могут быть решены, если налажено должное взаимодействие между различными участниками процесса.

В случае успешной организации труда осужденных мы можем говорить не только об экономическом эффекте, но и о социальных итогах: снижении уровня рецидивов, моральном и психологическом восстановлении бывших заключенных, а также их успешной интеграции в общество. Подводя итог, можно заключить, что организация труда осужденных в России требует комплексного пересмотра и адаптации к современным условиям, что сможет значительно повысить их мотивацию, а также качество труда [13]. Разработка более комплексного и эффективного подхода к привлечению осужденных к труду должна стать приоритетной задачей для всех участников уголовно-исполнительной системы, что позволит оптимизировать этот процесс и сделать его действительно эффективным и гуманным [17].

Правовые аспекты и трудовые права осужденных

Вопрос правовых аспектов и трудовых прав осужденных является важным компонентом обсуждения организации труда в исправительных учреждениях. На сегодняшний день законодательство России устанавливает определенные гарантии трудовых прав осужденных, однако их реализация на практике сталкивается с множеством ограничений.

Согласно Уголовно-исполнительному кодексу Российской Федерации, все осужденные имеют право на труд, который должен осуществляться

в условиях, соответствующих требованиям охраны труда. Статья 97 УИК гласит, что труд осужденных должен проводиться на добровольной основе, однако на практике это право часто нарушается, и осужденные могут быть вынуждены работать в условиях, при которых они не имеют возможности отказаться от выполнения определенных трудовых обязанностей. Принудительный характер труда затрагивает вопросы нарушения прав человека и может привести к ухудшению психологического состояния осужденных.

К одним из основных прав осужденных относится право на безопасный труд и гарантии возмещения ущерба в случае несчастного случая. Тем не менее, нередко условия труда в исправительных учреждениях не соответствуют установленным нормам безопасности, а осужденные не всегда получают необходимую медицинскую помощь после травм. Это ставит под сомнение эффективность существующих механизмов контроля за соблюдением трудового законодательства и охраны труда в местах лишения свободы.

Кроме того, трудовые права осужденных ограничиваются рядом факторов, включая отсутствие достойной оплаты труда и неразвитость системы трудоустройства после освобождения. Законодательство определяет минимальный размер оплаты труда для осужденных, однако фактические суммы, выплачиваемые за труд, зачастую значительно ниже. Это негативно сказывается на мотивации заключенных работать, ведь они не видят смысла в такой деятельности, которая не обеспечивает минимальных потребностей.

Не менее актуальным является вопрос правового статуса осужденных и их способности защищать свои права. На практике механизмы обжалования действий администрации учреждений часто оказываются недостаточно эффективными, что приводит к тому, что осужденные остаются без права на защиту своих законных интересов. Процессы контроля и надзора со стороны внешних организаций и правозащитников также затруднены, что создает дополнительные риски нарушения прав заключенных.

Статистика показывает, что значительное число осужденных работают в неформальном секторе, где их права практически не защищены. Это обстоятельство подчеркивает необходимость разработки более четких правовых норм, которые позволили бы осужденным получать реальную поддержку в вопросах трудоустройства и защиты трудовых прав. Правовое регулирование должно включать не только установление норм и правил, но и механизмы, позволяющие осужденным активно участвовать в процессе обеспечения своих прав.

Также следует отметить, что на международном уровне существует ряд рекомендаций и стандартов, касающихся прав осужденных на труд. Например, Основные принципы и рекомендации ООН по обращению с заключенными подчеркивают, что любой труд, выполняемый осужденными, должен быть добровольным, безопасным и спра-

ведливо оплачиваемым. Внедрение таких стандартов может послужить основой для реформирования системы трудовой деятельности осужденных в России, что, в свою очередь, поможет устранить существующие проблемы и повысит уровень правовой защиты.

Таким образом, правовые аспекты и трудовые права осужденных в России нуждаются в глубокой проработке и модернизации. Необходимы как более четкие правовые нормы, так и их эффективная реализация, что позволит создать условия для достойного труда осужденных и улучшить их шансы на успешную реинтеграцию в общество после освобождения [12]. Основное внимание должно быть уделено созданию системы, которая обеспечит защиту прав осужденных и приведет к более гуманным условиям содержания и труда в местах лишения свободы [14].

Заключение

В ходе проведенного исследования порядка привлечения осужденных к труду в местах лишения свободы были выявлены ключевые аспекты, которые заслуживают особого внимания и дальнейшего обсуждения. Основные результаты исследования показывают, что существующая система трудовой деятельности осужденных имеет как свои положительные, так и отрицательные стороны, требующие оптимизации и доработки.

Во-первых, правовая база, регулирующая труд осужденных, требует комплексного пересмотра. Несмотря на наличие законов и нормативных актов, которые заявляют о правах осужденных на труд и обеспечивают определенные гарантии, на практике эти права часто нарушаются. Осужденные зачастую работают в условиях, не соответствующих нормам безопасного труда, что подчеркивает необходимость повышения уровня соблюдения охраны труда в местах лишения свободы. Также выявлено, что многие осужденные работают на принудительной основе, что противоречит концепции о добровольности труда, установленной Уголовно-исполнительным кодексом Российской Федерации.

Во-вторых, уровень оплаты труда остается крайне низким и не способствует экономической независимости осужденных. Это приводит к тому, что многим заключенным невыгодно выходить на работу, что негативно сказывается на их мотивации и приводит к высокому уровню рецидива. Разработка более устойчивой системы мотивации и адекватной оплаты труда является неотложной задачей для государственных органов и управлений системы исполнения наказаний.

В-третьих, существуют серьезные проблемы с организацией профессиональной подготовки и переподготовки осужденных, которая могла бы помочь им адаптироваться к жизни после освобождения. Необходимо акцентировать внимание на разработке программ, в рамках которых осужденные могли бы учиться и получать знания, вос-

требуемые на рынке труда, что в будущем дало бы им возможность пережить успешную реинтеграцию в общество.

Кроме того, исследование выявило, что научный подход к изменению системы организации труда осужденных требует реализации лучших международных практик. Изучение опыта других стран, имеющих успешные программы трудоустройства для заключенных, может помочь адаптировать их к российским условиям и минимизировать ошибки, совершенные в процессе организации труда.

Подводя итоги, можно сказать, что для эффективного решения выявленных проблем требуется комплексный подход, включающий как изменения в нормативной базе, так и практические изменения в организации труда в исправительных учреждениях. Рекомендации по оптимизации порядка привлечения осужденных к труду должны основываться на принципах гуманизма, социальной справедливости и прав человека, что позволит не только улучшить условия труда осужденных, но и значительно повысить уровень их реабилитации и успешной интеграции в общество после выхода на свободу [4]. Таким образом, данное исследование подчеркивает важность пересмотра подходов к организации труда осужденных и необходимость дальнейшего исследования данной темы, что может стать основой для будущих реформ в области уголовного исполнительного права [7].

Рекомендации по улучшению порядка привлечения к труду в местах лишения свободы

В результате исследования порядка привлечения осужденных к труду в местах лишения свободы были выделены несколько ключевых направлений для усовершенствования правового регулирования и практической реализации трудовой деятельности осужденных. Эти рекомендации направлены не только на соблюдение прав осужденных, но и на улучшение общей ситуации в исправительных учреждениях, что, в свою очередь, поможет снизить уровень рецидивов и способствовать успешной реинтеграции осужденных в общество.

1. ****Разработка единой нормативно-правовой базы****. Необходим отдельный свод правил, который бы четко определял права и обязанности как осужденных, так и администрации исправительных учреждений. Это позволяет создать более прозрачную систему, где осужденные будут понимать свои права на труд, а также условия, на которых они могут работать. Упрощение и унификация существующих актов позволят избежать правовых пробелов и неясностей, которые мешают эффективному регулированию трудовой деятельности.

2. ****Улучшение условий труда и безопасности****. Необходимо создать более безопасные условия труда для осужденных и улучшить инфраструктуру рабочих мест. Введение современных требований охраны труда, регулярные проверки условий труда и соответствующих стандартов помогут со-

кратить количество несчастных случаев на производстве. Систематическое обучение осужденных технике безопасности на рабочем месте также должно стать обязательным.

3. ****Создание системы мотивации и адекватной оплаты труда****. Для повышения мотивации к трудовой деятельности необходимо разработать систему вознаграждений, которая включает в себя не только финансовые, но и социальные стимулы. Например, осужденные, активно работающие и достигшие определенных успехов, могут рассматриваться для назначения на более легкие условия содержания, что положительно скажется на их психологическом состоянии и восприятии системы.

4. ****Расширение возможностей профессиональной подготовки****. Разработка и реализация программ профессионального обучения должны стать приоритетом для исправительных учреждений. Партнёрство с частным сектором и образовательными учреждениями позволит создать более разнообразные и современные курсы, которые удовлетворяют требованиям рынка труда. По окончании программ осужденные должны получить сертификаты, признаваемые на свободном рынке труда.

5. ****Участие общественных организаций и правозащитников****. Необходимо наладить сотрудничество с НКО и правозащитными организациями, которые могли бы проводить мониторинг условий труда осужденных и защищать их интересы. Такие организации могут сыграть важную роль в повышении прозрачности и ответственности системы, а также в формировании положительного общественного мнения о трудовой деятельности осужденных.

6. ****Создание механизмов защиты трудовых прав****. Необходимо внедрить процедуры, позволяющие осужденным обжаловать нарушение их трудовых прав. Эффективная система жалоб и апелляций, а также доступ к юридическим услугам должны стать доступными для всех осужденных, чтобы они могли защищать свои права и интересы.

Внедрение вышеуказанных рекомендаций может значительно улучшить порядок привлечения осужденных к труду в местах лишения свободы, создать более гуманную и эффективную систему трудовой деятельности. Совершенствование правового регулирования и практической реализации трудовых прав осужденных должно стать целью всего общества, что приведет к укреплению правовых основ и улучшению социальной интеграции бывших заключенных в дальнейшем [12]. В результате, данные рекомендации могут стать основой для создания более справедливой и эффективной системы исполнения наказаний в Российской Федерации [23].

Литература

1. Тарабуев Л.Н. Некоторые вопросы деятельности уголовно-исполнительных инспекций по исполнению наказания в виде исправитель-

- ных работ //Пенитенциарная наука. 2021. Т. 15. № . 1. С. 74–84.
2. Егорова И.В. Человек–животное и не только // Философская мысль. 2015. № . 12. С. 99–134.
 3. Уткин В.А. Ресоциализация освобожденных от наказания: история и современность //Уголовная юстиция. 2014. № . 1 (3). С. 75–80.
 4. Михаил Б. Глазков. Участие в социально полезной работе как средство исправления в случае испытательного срока [Электронный ресурс]. // URL: <https://jurvestnik.dgu.ru/Stat/jvest2025-1-15.pdf> (дата обращения: 22.07.2025). DOI 10.21779/2224-0241-2025-53-1-102-107
 5. Чагин И. Б. К вопросу о правовом регулировании порядка организации экспериментальных правовых режимов в сфере инновационных технологий //Пролог: журнал о праве. 2022. № . 1 (33). С. 5–13.
 6. Бебякин М.В. Общие теоретические и прикладные аспекты социализации лиц, освобожденных из мест лишения свободы. //Теория государства и права. 2021. № 1 (21). 41–42.
 7. Языкеев С.Н. Правовой механизм ограничения конституционных прав и свобод человека и гражданина в целях обеспечения безопасности в России //Вестник Костромского государственного университета. 2022. Т. 28. № . 2. С. 233–238.
 8. Гаманенко Л. И., Кузнецов В.И. Профессиональное образование в местах лишения свободы как средство ресоциализации осужденных и их социальной адаптации после освобождения //Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № . 2 (28). С. 125–132.
 9. Ольховик Н.В. Индивидуализация контроля уголовно-исполнительных инспекций за осужденными без изоляции от общества //Вестник Томского государственного университета. Право. 2017. № . 24. С. 37–51.
 10. Тепляшин П.В. Концепция развития уголовно-исполнительной системы России в свете интерпретированных принципов европейской пенитенциарной практики //Вестник Санкт-Петербургского университета. Право. 2020. Т. 11. № . 1. С. 129–139.
 11. Гаманенко Л. И., Кузнецов В.И. Профессиональное образование в местах лишения свободы как средство ресоциализации осужденных и их социальной адаптации после освобождения //Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № . 2 (28). С. 125–132.
 12. Уткин В.А. Проблемы правового регулирования труда осужденных в исправительных учреждениях Российской Федерации //Уголовная юстиция. 2015. № . 2 (6). С. 81–88.
 13. Гаманенко Л. И., Кузнецов В.И. Профессиональное образование в местах лишения свободы как средство ресоциализации осужденных и их социальной адаптации после освобождения //Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № . 2 (28). С. 125–132.
 14. Уалиева А.Ж. Проблемы службы пробации в Республики Казахстан: пути решения //Проблемы и перспективы совершенствования законодательства и правоприменительной практики органов внутренних дел. 2020. С. 209–214.
 15. Гаманенко Л. И., Кузнецов В.И. Профессиональное образование в местах лишения свободы как средство ресоциализации осужденных и их социальной адаптации после освобождения //Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. № . 2 (28). С. 125–132.
 16. Уткин В.А. Прогрессивная система исполнения лишения свободы в России на рубеже XIX–XX вв //Вестник Томского государственного университета. Право. 2019. № . 33. С. 153–159.
 17. Костенко Н.И. Концепция становления международного уголовно-исполнительного (пенитенциарного) права //Право и политика. 2014. № . 4. С. 452–464.
 18. Харланов В.Л. Церковно-пенитенциарная система: понятие, компоненты //Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Право. 2018. Т. 18. № . 3. С. 108–114.
 19. Кубрак ТА Проблема информационно-психологической безопасности в кинодискурсе. 2016. 11 с.
 20. Сиряков А.Н. Правовое регулирование и содержание пенитенциарных программ в местах лишения свободы Испании //Уголовно-исполнительное право. 2021. Т. 16. № . 1. С. 81–90.
 21. Байчорова Ф. Х., Тоторкулов А.Е. Основные средства исправления осужденных //Тенденции развития науки и образования. С. 15–18.
 22. Зыков Д. А., Савин А.А. Цели уголовного наказания с позиции исполняющего органа //Аграрное и земельное право. 2025. № . 4. С. 461–463.
 23. Хармаев Ю.В. Роль ФМ Достоевского в гуманизации пенитенциарного законодательства Российской империи в XIX столетии //Вестник Бурятского государственного университета. Гуманитарные исследования Внутренней Азии. 2021. № . 4. С. 13–17.
 24. Сиряков А.Н. Основы уголовно-исполнительного законодательства Испании //Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № . 6 (73). С. 142–147.
 25. Shnarbayev B. K., Skiba A.P. Проблемные аспекты трудоустройства осужденных //Bulletin of the Karaganda University “Law Series”. 2021. Т. 103. № . 3. С. 82–89.
 26. Титанов М.Ю. Исторический и сравнительно-правовой обзор пенитенциарной преступности //Ведомости Уголовно-исполнительной системы. 2021. № . 1 (224). С. 73–79.
 27. Эрлихсон И.М. Преступление и наказание в исторической ретроспективе Рец. На кн.: Васильева СА «в темнице был, и Вы пришли ко мне...» История зарождения практики тю-

ремного служения в протестантской традиции и его влияние на ход пенитенциарных реформ в Америке, Европе и России // Вестник Рязанского государственного университета им. С.А. Есенина. 2020. № 1 (66). С. 130–134.

NEW APPROACHES TO HEART ORGANOMETRY

Volkov V.P.

Regional Clinical Psychiatric Hospital No. 1 named after. M.P. Litvinova

The article is devoted to the topic of involving convicts in labor in places of deprivation of liberty as one of the key instruments of resocialization and prevention of recidivism. The issue of the procedure for involving convicts in labor in places of deprivation of liberty is one of the key topics for research in the field of criminal law and the penitentiary system. Particular attention is paid to legal regulation, practical aspects of the organization of labor activity, as well as its social and economic consequences. The purpose of the study is a comprehensive analysis of the current procedure for the employment of convicts in order to optimize it and increase its efficiency. The work applies the methods of legal and comparative analysis, as well as statistical generalization of data. Domestic legislation and the experience of foreign countries (Germany, USA, etc.) are analyzed, successful practices applicable in Russian realities are highlighted. It has been established that, despite the formal existence of legal guarantees, the labor activity of convicts faces a number of problems: low pay, limited choice of activities, a shortage of vocational training programs and violations of working conditions. In conclusion, proposals are formulated to improve the regulatory framework, increase the motivation of convicts to work and expand opportunities for their post-penitentiary adaptation. The findings can be used in the context of reforming the penal policy.

Keywords: labor of convicts, penal system, resocialization, penitentiary law, correctional institutions, recidivism, professional adaptation, labor law, criminal law, rehabilitation of prisoners.

References

1. Tarabuev L.N. Some issues of the activities of criminal-executive inspections for the execution of punishment in the form of correctional labor // Penitentiary science. 2021. Vol. 15. No. 1. P. 74–84.
2. Egorova I.V. Man-animal and not only // Philosophical thought. 2015. No. 12. P. 99–134.
3. Utkin V.A. Resocialization of those released from punishment: history and modernity // Criminal justice. 2014. No. 1 (3). P. 75–80.
4. Mikhail B. Glazkov. Participation in socially useful work as a means of correction in the case of a probationary period [Electronic resource]. // URL: <https://jurvestnik.dgu.ru/Stat/jvest2025-1-15.pdf> (date accessed: 22.07.2025). DOI 10.21779/2224-0241-2025-53-1-102-107
5. Chagin I.B. On the issue of legal regulation of the procedure for organizing experimental legal regimes in the field of innovative technologies // Prologue: journal on law. 2022. No. 1 (33). P. 5–13.
6. Bebyakin M.V. General theoretical and applied aspects of the socialization of persons released from places of deprivation of liberty. // Theory of state and law. 2021. No. 1 (21). 41–42.
7. Yazykeev S.N. Legal mechanism for restricting constitutional rights and freedoms of man and citizen in order to ensure security in Russia // Bulletin of Kostroma State University. 2022. Vol. 28. No. 2. Pp. 233–238.
8. Gamanenko L. I., Kuznetsov V.I. Professional education in places of deprivation of liberty as a means of resocialization of convicts and their social adaptation after release // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2015. No. 2 (28). Pp. 125–132.
9. Olkhovik N.V. Individualization of control of criminal-executive inspections over convicts without isolation from society // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2017. No. 24. Pp. 37–51.
10. Teplyashin P.V. The concept of development of the penal system of Russia in light of the interpreted principles of European penitentiary practice // Bulletin of St. Petersburg University. Law. 2020. Vol. 11. No. 1. P. 129–139.
11. Gamanenko L. I., Kuznetsov V.I. Professional education in places of deprivation of liberty as a means of resocialization of convicts and their social adaptation after release // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2015. No. 2 (28). P. 125–132.
12. Utkin V.A. Problems of legal regulation of labor of convicts in correctional institutions of the Russian Federation // Criminal Justice. 2015. No. 2 (6). P. 81–88.
13. Gamanenko L. I., Kuznetsov V.I. Professional education in places of deprivation of liberty as a means of resocialization of convicts and their social adaptation after release // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2015. No. 2 (28). P. 125–132.
14. Ualieva A. Zh. Problems of the probation service in the Republic of Kazakhstan: solutions // Problems and prospects for improving legislation and law enforcement practice of internal affairs bodies. 2020. P. 209–214.
15. Gamanenko L. I., Kuznetsov V.I. Professional education in places of deprivation of liberty as a means of resocialization of convicts and their social adaptation after release // Bulletin of Perm University. Legal sciences. 2015. No. 2 (28). P. 125–132.
16. Utkin V.A. Progressive system of execution of deprivation of liberty in Russia at the turn of the XIX–XX centuries // Bulletin of Tomsk State University. Law. 2019. No. 33. P. 153–159.
17. Kostenko N.I. The concept of the formation of international criminal-executive (penitentiary) law // Law and Politics. 2014. No. 4. P. 452–464.
18. Kharlanov V.L. Church-penitentiary system: concept, components // Bulletin of the South Ural State University. Series: Law. 2018. Vol. 18. No. 3. Pp. 108–114.
19. Kubrak TA The problem of information and psychological security in film discourse. 2016. 11 p.
20. Siryakov A.N. Legal regulation and content of penitentiary programs in places of deprivation of liberty of Spain // Criminal-executive law. 2021. Vol. 16. No. 1. Pp. 81–90.
21. Baychorova F. Kh., Totorkulov A.E. The main means of correction of convicts // Trends in the development of science and education. Pp. 15–18.
22. Zykov D. A., Savin A.A. The goals of criminal punishment from the position of the executive body // Agrarian and land law. 2025. No. 4. P. 461–463.
23. Kharmayev Yu.V. The role of FM Dostoevsky in the humanization of the penitentiary legislation of the Russian Empire in the 19th century // Bulletin of the Buryat State University. Humanitarian studies of Inner Asia. 2021. No. 4. P. 13–17.
24. Siryakov A.N. Fundamentals of the penal legislation of Spain // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2018. No. 6 (73). P. 142–147.
25. Shnarbayev B. K., Skiba A.P. Problematic aspects of employment of convicts // Bulletin of the Karaganda University "Law Series". 2021. Vol. 103. No. 3. Pp. 82–89.
26. Titanov M. Yu. Historical and comparative legal review of penitentiary crime // Bulletin of the Criminal Executive System. 2021. No. 1 (224). Pp. 73–79.
27. Erlichson I.M. Crime and punishment in historical retrospect. Review of the book: Vasilyeva S.A. "I was in prison, and you came to me..." The history of the emergence of the practice of prison ministry in the Protestant tradition and its influence on the course of penitentiary reforms in America, Europe and Russia // Bulletin of the Ryazan State University named after SA Yeseni-na. 2020. No. 1 (66). P. 130–134.

К вопросу о реализации принципа справедливости наказания в учете смягчающих обстоятельств на современном этапе развития российского уголовного законодательства

Тихонов Владимир Ильич,

соискатель ученой степени кандидата юридических наук,
ФГБОУ ВО Чувашский государственный университет
им. И.Н. Ульянова
E-mail: tihonovvovan@mail.ru

Научная дискуссия сконцентрирована на трактовке справедливости как интегративной категории, выражающейся в совокупности взаимосвязанных правовых принципов и способствующей их развитию в рамках единой системы уголовного права. Проводится всестороннее раскрытие сущности принципа справедливости, выявляются его основные признаки и характеристики, после чего осуществляется сопоставительный анализ указанных элементов. Исследование углубляется в проблематику реализации смягчающих обстоятельств в современных условиях судебного правоприменения, учитывая принятое Президиумом Верховного суда Российской Федерации 18 декабря 2024 года решение – Обзор судебной практики. Обращается внимание на разноречивость в подходах судов общей юрисдикции к признанию тех или иных факторов смягчающими, что порождает неоднозначность судебных выводов и обуславливает необходимость поиска дополнительных критериев. Также анализируются механизмы внедрения и применения смягчающих обстоятельств с позиций уголовно-правового принципа справедливости, выявляются противоречия, связанные с индивидуализацией наказания в законодательных нормах и особенностями их интерпретации судебными инстанциями. Финальный блок исследования содержит научное обоснование введения дополнений в статьи Уголовного кодекса Российской Федерации, регулирующие учет смягчающих обстоятельств, что подчеркивает практикоориентированную значимость проведенного анализа.

Ключевые слова: справедливость, уголовное судопроизводство, принципы права, права человека, обвинение и защита, моральные нормы, законность.

Все явления в нашем мире неразрывно связаны с концепцией справедливости: начиная от выставления оценок в учебных заведениях и заканчивая вынесением судебного решения – как обвинительного, так и оправдательного.

Понятие «справедливость» охватывает как правовые нормы, так и моральные стандарты, требуя их равновесного исполнения. В правосудии и научных трудах, говоря о справедливости, в первую очередь акцентируют внимание на правах человека, их защите и признании основных свобод как ключевой составляющей этого понятия.

В повседневном понимании «справедливость» представляет собой психическое восприятие индивидом событий, происходящих в окружающей реальности. Справедливость представляет собой оценку соответствия действий нормам морали, основанную на понимании категорий добра и зла. В контексте права, справедливость проявляется в том, что преступления рассматриваются как следствие нарушения общепринятых моральных устоев, закрепленных в законодательстве.

Справедливость также является краеугольным камнем взаимодействия двух сторон в уголовном судопроизводстве: обвинения и защиты, в связи с чем на примере уголовного процесса можно наблюдать уникальное правовое явление: как позиция обвинения, так и позиция защиты всегда стремятся к установлению справедливости. Это означает, что действия обеих сторон направлены на достижение справедливого исхода.

Несмотря на законность применения некоторых норм уголовного права и процесса, они могут противоречить универсальным понятиям справедливости. Факты обращений в Европейский суд по правам человека, решений Конституционного Суда РФ и доклады Уполномоченного по правам человека РФ демонстрируют насущную необходимость уделять внимание правам человека как высшему нравственному идеалу. [1]

Уголовное судопроизводство в Российской Федерации стремится защитить права потерпевшей стороны и освободить от обвинений невиновных, что связано с задачей сохранения законности, объективности и нравственности. Эти принципы, в совокупности, составляют основу того, что можно определить как справедливость.

Принцип справедливости очевиден в уголовно-процессуальных принципах, хотя он прямо не прописан.

Согласно словарю В.И. Даля, принцип – это основополагающее научное или моральное правило,

незыблемая база [2, с. 1281.]¹. С.И. Ожегов подчеркивал беспристрастие и истинность в действиях, производимых на законных основаниях. [3, с. 632]

В научных исследованиях встречается мнение, что «справедливость» может выступать в роли ориентира для соблюдения прав человека в уголовном процессе.[4]

В юриспруденции принцип права понимается как ключевая идея, исходное положение, направляющее процесс формирования, эволюции и функционирования права.[5, С. 58]

Л.А. Ванеева отмечает, что многолетние научные дебаты вокруг содержания системы принципов уголовного судопроизводства до сих пор не выявили четких критериев, определяющих принадлежность конкретного правового положения к этой системе [6, с. 116–121]. Схожие выводы можно встретить и в работах Н.И. Газетдинова [7, с. 27–30].

Принцип справедливости, несмотря на его формальное закрепление только в Уголовном кодексе РФ, играет существенную роль в уголовном судопроизводстве. Его отсутствие в прямой форме в Уголовно-процессуальном кодексе РФ не означает, что этот принцип игнорируется на практике. Наоборот, справедливость остается ключевым ориентиром для правоприменителей, которые должны учитывать её этическо-правовую природу и защищать права и свободы человека как высшую ценность [8].

Исторический анализ показывает, что категории «справедливость», «законность» и «истина по уголовному делу» тесно взаимосвязаны, хотя и имеют свои особенности. Справедливость, как нравственная и моральная категория, адаптируется к социальным и историческим условиям, а её нормативное закрепление направлено на формирование правовых рамок для обеспечения баланса интересов. Однако важно понимать, что даже справедливая норма может быть применена несправедливо, что требует внимательной оценки со стороны правоприменителей.

Справедливость является одной из ключевых категорий, которая тесно связана с защитой прав и свобод человека. Вопрос о том, можно ли говорить о справедливости при рассмотрении и разрешении уголовных дел, требует глубокого анализа. Справедливость в данном контексте предполагает не только строгое соблюдение закона, но и учет моральных и этических аспектов.

Категория «истина по уголовному делу» тесно связана со справедливостью, так как установление истины является важным шагом на пути к справедливому решению. Однако истина сама по себе может быть недостаточной, если при её достижении нарушаются права участников процесса или игнорируются обстоятельства, имеющие моральное значение.

Таким образом, справедливость является сложной и многогранной категорией, которая требует баланса между правовыми нормами, этическими

принципами и уважением к человеческому достоинству. Порой справедливая по своей сущности норма может нарушить баланс интересов при несправедливом ее применении. В таких ситуациях важно оценить влияние подобных норм.

Справедливость представляет собой не только итоговую оценку судебного решения, но и определённые стандарты, которым должен соответствовать весь процесс рассмотрения дела. Конституционный Суд РФ подчёркивает важность соблюдения принципа справедливости, включая равенство сторон, свободу от предвзятости и обеспечение надлежащей защиты прав каждого участника процесса. Эти требования становятся основой для легитимности судебных решений и доверия общества к правовой системе. [9]

Понятие справедливости носит субъективный характер, так как разные субъекты могут оценивать его по-разному, что придаёт ему оценочную природу в правоприменении. Вопрос справедливости в государстве требует согласования её объективных и субъективных аспектов, отражённых в законодательстве и правоприменительной практике. Неконтролируемое увеличение сроков лишения свободы в санкциях уголовно-правовых норм противоречит принципам законности и справедливости, стирая границы между категориями преступлений и расширяя полномочия судей. Эффективность закона снижается при избыточном судебском усмотрении, а существующие нормы Уголовного кодекса РФ создают значительные проблемы. Жёсткий процессуальный контроль требует чётких законодательных предписаний, обоснованных доказанными фактами, так как нарушения в сборе доказательств могут поставить под сомнение результаты дела. Для обеспечения ясности и соблюдения конституционных прав необходимо нормативное определение «существенности нарушений» и разработка критериев их оценки с опорой на категорию справедливости, что позволит учитывать влияние таких нарушений на решения и их последствия.

Ключевая роль судьи в правосудии предполагает не только принятие решений, основанных на фактах, но и моральную обязанность оценивать допустимость доказательств. Важно упомянуть, что статья 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод 1950 г. подчеркивает стандарт «справедливого судебного разбирательства», включающий в себя принципы презумпции невиновности и право на подробное объяснение обвинений, обязательные для правосудия, основанного на законности и независимости суда. [10]

Однако на практике возникают сложности в применении принципа справедливости. В схожих обстоятельствах могут быть вынесены разные решения, что вызывает вопросы о единообразии подходов и объективности судопроизводства. Это подчёркивает необходимость постоянного совершенствования правоприменительной практики, а также развития механизмов контроля и анализа судебных решений. Только так можно укрепить

¹ Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 1. СПб., 1998. – С. 1281.

справедливость как фундаментальное основание уголовного судопроизводства и обеспечить её соответствие как национальным, так и международным стандартам. К таким факторам относятся индивидуальное правосознание, особенности рабочей среды, психологические аспекты права, профессионально значимые качества, личные ценности и уровень профессиональной компетентности (знания, навыки, умения) лица, принимающего решение. Все эти факторы в совокупности оказывают существенное влияние на законность, обоснованность и, как следствие, справедливость выносимого судебного решения.

Примером может служить дело, рассмотренное Верховным Судом Республики Крым 30 мая 2019 года. Белогорский районный суд Республики Крым признал Щербатюк М.А. виновной в злостном уклонении от уплаты алиментов (ст. 157 ч. 1 УК РФ) в размере 1/3 от ее дохода, но не менее 30% от прожиточного минимума ребенка. Суд назначил ей наказание в виде исправительных работ, что соответствует санкции статьи. Однако, апелляционная инстанция установила, что суд первой инстанции не учел наличие у Щербатюк М.А. малолетнего ребенка. Апелляционный суд пришел к выводу, что назначенное наказание не соответствует требованиям статей 6, 60 и ч. 5 ст. 50 УК РФ. Принимая во внимание указанные обстоятельства, а также другие смягчающие факторы, суд апелляционной инстанции посчитал возможным признать их исключительными и назначить более мягкое наказание – штраф. [11]

Также обращает на себя внимание апелляционное определение СК по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26 октября 2017 г. N 206-АПУ17–1, по которому суд изменил приговор, назначив осужденному за совершенное им убийство более строгое наказание в виде лишения свободы, поскольку суд первой инстанции не в полной мере учел характер и степень общественной опасности содеянного, в связи с чем назначенное наказание по своему размеру явно не соответствовало принципу справедливости. Судом отмечено, при назначении наказания осужденному за совершённое им убийство Б. и Д. суд в соответствии с ч. 3 ст. 60 УК РФ не в полной мере учёл характер и степень общественной опасности содеянного Бердышевым, который в течение нескольких минут по надуманным основаниям лишил жизни двух лиц, причём Б. – с особой жестокостью – путём сожжения заживо, осознанно причиняя ей особые мучения и страдания, хотя потерпевшие на такое поведение осуждённого не провоцировали. К тому же на Б. осуждённый напал в целях её убийства, когда потерпевшая спала, сбросив её с кровати на пол и нанеся ей несколько сильных ударов ногами по голове и телу, пока она не потеряла сознания, после чего поджег дом. Конкретные обстоятельства содеянного Бердышевым в отношении Б. и Д. и характер его действий при этом указывают на повышенную общественную опасность совершённого осуждённым убийства, в связи с чем назначенное ему

по пп. «а», «д» ч. 2 ст. 105 УК РФ наказание по своему размеру явно не соответствует принципу справедливости, закреплённому в ст. 6 УК РФ, и не может реализовать цели наказания, закреплённые в ст. 43 УК РФ. [12]

Однако оценочные характеристики требования обоснованности и мотивированности решений оставляют место для различных интерпретаций. Да, можно установить, что приговор законен, но отвечает ли он критерию справедливости? Формально правильный, но несправедливый приговор иллюстрирует сложность, с которой сталкивается судья при рассмотрении дел, когда участие всех заинтересованных сторон в проверке доказательств может предотвратить судебную ошибку.

Справедливость, как центральный элемент судебной системы, воплощает не только правовые нормы, но и нравственные начала, переходящие из моральной в правовую плоскость, проявляясь на всех этапах судебного процесса. Справедливость является сложным философским понятием, включающим в себя взаимосвязанные моральные ценности. Хотя понятия «справедливость» и «принцип справедливости» разнятся по своей сути, принцип справедливости применяется при назначении наказания в зависимости от тяжести преступления и возмещении ущерба. Именно справедливость служит базисом для устранения противоречий и формирования основ уголовного права. Она включает в себя справедливую криминализацию, справедливое привлечение к ответу, справедливое распределение ответственности и другого характера меры.

Укрепление принципа справедливости требует комплексного подхода, охватывая не только законность и моральный взгляд сотрудников правоохранительных органов, адвокатов и судей, но и развитие правосознания и правовой культуры, предотвращение правового нигилизма и соблюдение этических норм на профессиональном уровне.

Без учета системы основных принципов, выполнение требования справедливости обретает сложность. Конкретные принципы должны исчисляться с неременным включением справедливости как обязательного элемента.

Наказание исчерпывает собой не только средство возмездия, но и ресурс для использования стимулов позитивного характера. Сегодня отечественная уголовная юриспруденция все более интенсивно акцентирует внимание на обстоятельствах, способных повлиять на вид и строгость возлагаемого наказания. Оптимизация соотношения наказательной составляющей и потенциала исправительного воздействия на осужденного приобретает первостепенную важность.

Особое место в механизмах индивидуализации санкций занимает институт смягчающих обстоятельств, причем наибольший интерес вызывает анализ практики признания обстоятельств, прямо не обозначенных в Уголовном кодексе. Согласно Обзором практики Верховного суда Российской Федерации в первом полугодии 2024 г. Судебной колле-

гией по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации в кассационном производстве было рассмотрено 348 уголовных дел против 452 лиц, что демонстрирует уменьшение по сравнению с 2023 годом, когда рассматривались 740 дел и 943 лица соответственно. Приговоры были отменены или изменены в отношении 67 осужденных (126 – годом ранее), причем отдельное внимание уделяется исправлению случаев неверного применения уголовно-правовых норм при назначении санкций: в 2024 году подобное решение затронуло 38 человек (в предшествующем году – 75), когда мягкость наказания корректировалась без переоценки квалификационной составляющей совершенного деяния. [13]

Верховный суд в указанном обзоре особо анализирует учёт факторов, смягчающих наказание, которые не включены непосредственно в перечень, закреплённый в положениях Уголовного кодекса. Например, защиту Родины посредством участия в боевых действиях рассматривают как самостоятельное обстоятельство, способное нивелировать степень ответственности.

Примечательно, что в рамках решения Конституционного суда (Определение № 2044-О/2024, связанное с проверкой соответствия Конституции п. 2 ст. 307 УПК РФ), подчёркивается исключительная компетенция судебной власти в вынесении окончательной юридической характеристики содеянного и индивидуализации меры уголовно-правового воздействия, исходя из прерогатив осуществления правосудия.

Актуализируемый в судебной практике вопрос о необходимости тонкого и сбалансированного учёта смягчающих факторов в процессе назначения наказания подтверждает возрастающую тенденцию к справедливому и гибкому подходу со стороны правоприменителей.

Мотивация признания определённых обстоятельств смягчающими должна строиться так, чтобы это приводило к снижению общественной опасности, связанной либо с совершённым преступлением, либо с личностью виновного; данное требование было акцентировано в пункте 4 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 1999 года № 40. Однако отсутствие схожего формулирования в последующих постановлениях Пленума Верховного Суда РФ (от 11 января 2007 г. N 2 и от 22 декабря 2015 г. N 58) не освобождает судей от необходимости разъяснения оснований для квалификации того или иного, прямо в законе не закреплённого, обстоятельства в качестве основания для снижения наказания. Очевидно, что высшая судебная инстанция, возможно, исходила из презумпции, что обязанность мотивации этих аспектов прямо следует из содержания п. 4 ст. 307 УПК РФ, где предписывается обоснованность разъяснений по вопросам, затрагивающим меры уголовно-правового воздействия, в описательно-мотивировочной части судебных актов.

Между тем на практике суды нижестоящих инстанций стали по-иному трактовать исключение ранее закреплённой нормы в последующих по-

становлениях, полагая, что обоснование признания обстоятельства смягчающим при отсутствии его указания в законе теперь не требуется, что породило практику поверхностного подхода к рассмотрению подобных обстоятельств на стадии назначения наказания. Иллюстрацией вышеуказанных противоречий может послужить кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2024 г. N 33-УД24–17СП-А2 [14], где коллегия обосновала необходимость корректировки приговора, смягчив пределы уголовной ответственности лица, осуждённого за незаконное производство наркотических средств и посягательство на представителей правоохранительных органов, сославшись на игнорирование судом первой инстанции индивидуальных обстоятельств, снижавших степень опасности преступного поведения.

Примечателен также пример из практики Верховного Суда РФ (постановление СК от 13 сентября 2023 г. N 13-УДП23–9-K2)[15], где уголовное дело по факту хищения было направлено в кассационную инстанцию вновь, так как суд предыдущей инстанции, предпочтя не обсуждать обстоятельства, касающиеся наличия малолетнего ребёнка у обвиняемого, формально закономерного для смягчения наказания, не проанализировал комплекс данных, характеризующих правовой и социальный статус осуждённого: отбывание наказания ранее, проживание после освобождения вне региона прежнего места работы, фактическую безработицу и, согласно материалам дела, наркологическую зависимость, требовавшую специализированного лечения.

Наконец, нельзя не отметить определение кассационной коллегии по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 14 августа 2024 г. N 70-УД24–3-K7 [16], по которому суд сделал вывод о недопустимости указания в приговоре в качестве лично негативной характеристики данных о прежних, официально погашенных или снятых, судимостях, и смягчил наказание лицу, осуждённому за умышленное причинение тяжкого вреда здоровью, повлекшее смерть по неосторожности, последовательно исключив такие сведения из описательно-мотивировочной части.

С учетом максимального соблюдения основных принципов уголовной ответственности – законности, равенства граждан перед законом, справедливости, и избежания двойного применения норм действующего законодательства считаем, что недостатки в правовом обеспечении действующим УК индивидуализации ответственности требуют устранения законодательным путем.

Во избежание неоднозначной трактовки критериев снижения уголовной ответственности, целесообразно на законодательном уровне утвердить обязанность детализированного обоснования судебного решения. Для реализации этой инициативы представляется рациональным откорректировать редакцию части 2 статьи 61 УК РФ, выразив её следующим образом: «В процессе определения

меры наказания могут рассматриваться дополнительные смягчающие обстоятельства, не упомянутые в первой части данной статьи, при условии тщательного аргументирования того, каким образом эти обстоятельства способствуют уменьшению степени общественной опасности содеянного поступка либо характеристик личности виновного».

Актуальная судебная практика демонстрирует тенденцию к уравниванию статуса явно предусмотренных и неупомянутых законом смягчающих обстоятельств, зачастую сводя их к единому массиву, не выделяя источника их закреплённости в статье 61 УК РФ, что, на наш взгляд, не согласуется с принципами юридической прозрачности. Применительно к такому подходу существует потребность в обязательной идентификации судами, в каком из пунктов части 1 статьи 61 рассматриваются смягчающие обстоятельства, а также последовательному ссылочному обоснованию обращения к части 2 названной статьи с разъяснением, какие иные обстоятельства, выходящие за пределы законодательных рамок, судом квалифицируются как смягчающие и по каким причинам.

Наблюдается дефицит должного анализа квалификации ряда обстоятельств, сопутствующих совершению преступления, вследствие чего нередко обстоятельства, такие как финансовые трудности, задолженности по алиментам со стороны бывших супругов, проблемы медицинского характера либо бремя ответственности по уходу за детьми или престарелыми родственниками, не рассматриваются в призма пункта «д» части 1 статьи 61 УК РФ как проявления «сложных жизненных ситуаций или действия из чувства сострадания», несмотря на их фактическую релевантность, а причисляются к категории обстоятельств, отсутствующих в законе. Это свидетельствует о том, что судьи чаще оперируют более формальными основаниями при квалификации поведения обвиняемых, игнорируя уникальные нюансы жизненного контекста, что способствует правоприменительной неопределённости; однако требование аргументированной оценки позволит плюрализму интерпретаций уступить место взвешенному анализу.

Важно явно разграничить, какой смысл судебское сообщество вкладывает в понятие «тяжёлые жизненные обстоятельства». Исходя из исследовательского подхода, содержание указанной категории (пункт «д» часть 1 статья 61 УК РФ) целесообразно определять через совокупность специфических факторов, значительно повлиявших на принятие решения о совершении преступления. Ключевыми элементами могут являться невозможность получения законных доходов по причине отсутствия работы или уплаты алиментов, длительные или острые медицинские проблемы самого обвиняемого либо его родных, выраженная материальная нестабильность – в подобных ситуациях наблюдается объективное отсутствие иных вариантов поведения, помимо противоправных действий, что следует учитывать при определении меры наказания.

Исходя из приоритета строгого соблюдения базовых основ уголовной ответственности – а именно принципов законности, равноправия граждан и справедливости, – а также для предотвращения неоднозначного толкования законодательных норм, выявленные дефекты действующего УК, связанные с недостаточной индивидуализацией санкций, подлежат законодательной корректировке. Важным аспектом устранения указанных недостатков представляется усовершенствование порядка учета обстоятельств, имеющих смягчающее значение.

Оптимально было бы модифицировать содержание части 2 статьи 61 УК РФ, сформулировав её так: «В процессе определения меры наказания могут рассматриваться дополнительные смягчающие обстоятельства, не упомянутые в первой части данной статьи, при условии тщательного аргументирования того, каким образом эти обстоятельства способствуют уменьшению степени общественной опасности содеянного поступка либо характеристик личности виновного».

Практика вынесения судебных решений требует четкой фиксации применённых положений части 1 статьи 61 УК РФ, послуживших основанием для смягчения ответственности. Следует, используя положения части 2 указанной статьи, конкретизировать дополнительные, отсутствующие в законе, обстоятельства, подробно аргументируя их связь с особенностями рассматриваемого уголовного дела.

Если совокупность выявленных обстоятельств, признанных самостоятельными смягчающими основаниями в соответствии с частью 2 статьи 61 УК РФ, обусловлена объективно сложной жизненной ситуацией, при формулировке приговора целесообразно делать ссылку на подпункт «д» части 1 той же статьи, а не перечислять эти обстоятельства изолированно от законодательного закрепления.

Анализ изложенного убеждает в том, что обеспечение справедливости выступает краеугольным элементом уголовного судопроизводства. Несмотря на то что принцип справедливости прослеживается на всех уровнях правового регулирования, его максимальная значимость проявляется именно в стадиях практического применения норм. Достижение справедливости в этом контексте становится возможным при условии полного и беспристрастного выяснения обстоятельств дела, детального анализа их индивидуальных особенностей, а также тщательного выбора и интерпретации релевантных правовых институтов. Следует подчеркнуть, что в современных условиях трансформации российского уголовного законодательства вопрос осуществления принципа справедливого наказания приобретает особо приоритетное значение.

Литература

1. Подача жалоб в ЕСПЧ и исполнение его решений после исключения России из Совета Евро-

- пы [Электрон. ресурс]. Режим доступа https://ilpp.ru/echr_denunciation (дата обращения: 04.07.2025).
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4-х т. Т. 1. СПб., 1998. – 1743 с.
 3. Ожегов С.И. Словарь русского языка / Под ред. д-ра филол. наук, проф. Н.Ю. Шведовой. – 12-е изд., стереотип. – М.: Русский язык, 1978. – 846 с.
 4. Алексеев Н.С., Даев В.Г., Кокорев А.Д. Очерки развития науки советского уголовного процесса. Воронеж, 1980. – 219 с.
 5. Марченко М.Н. Общая теория государства и права / Отв. ред. М.Н. Марченко. В 2-х т. М., 1998. – 330 с.
 6. Ванеева, Л. А. К вопросу о теоретических и методологических основах исследования принципов уголовного судопроизводства / Л.А. Ванеева // Право и политика. – 2007. – № 6. – С. 116–121.
 7. Газетдинов Н.И. Понятие, сущность и социальная ценность принципов уголовного судопроизводства // Росс. судья. 2007. № 10. – С. 27–30
 8. Богаткина Р.Ш.. Проблемы реализации и перспективы развития категории «справедливость» в уголовном судопроизводстве. Журнал «Вестник Казанского юридического института МВД России», № 3, 2020 г.
 9. Постановление Конституционного Суда РФ от 25 марта 2014 г. № 8-П «По делу о проверке конституционности ряда положений статей 401.3, 401.5, 401.8 и 401.17 уголовно-процессуального кодекса российской федерации в связи с жалобами граждан С.С. Агаева, А.Ш. Бакаяна и других», Постановление Конституционного Суда от 16.05.2007 № 6 П «По делу о проверке конституционности положений статей 237, 413 и 418 уголовно-процессуального кодекса российской федерации в связи с запросом президиума курганского областного суда». Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.07.2025).
 10. Конвенция о защите прав человека и основных свобод (Заключена в г. Риме 04.11.1950) (с изм. от 24.06.2013) (вместе с «Протоколом [N 1]» (Подписан в г. Париже 20.03.1952), «Протоколом N 4 об обеспечении некоторых прав и свобод помимо тех, которые уже включены в Конвенцию и первый Протокол к ней» (Подписан в г. Страсбурге 16.09.1963), «Протоколом N 7» (Подписан в г. Страсбурге 22.11.1984)) // Собр. законодательства Российской Федерации. – 2001. – № 2.
 11. Апелляционное постановление № 22–1278/2019 от 30 мая 2019 г. по делу № 22–1278/2019. Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (дата обращения: 04.07.2025).
 12. Апелляционное определение СК по делам военнослужащих Верховного Суда РФ от 26 октября 2017 г. N 206-АПУ17–1 URL: <https://internet.garant.ru/>(дата обращения: 04.07.2025).
 13. Обзор практики Верховного Суда Российской Федерации по применению норм уголовного закона о назначении наказания и иных мер уголовно-правового характера (по материалам уголовных дел, рассмотренных в кассационном порядке), утвержденный Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 18 декабря 2024 г. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://internet.garant.ru/>(дата обращения: 20.02.2025).
 14. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации от 22 октября 2024 г. N 33-УД24–17СП-А2 [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://internet.garant.ru/>(дата обращения: 04.07.2025).
 15. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2023 г. N 13-УДП23–9-К2. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://internet.garant.ru/>(дата обращения: 04.07.2025).
 16. Кассационное определение СК по уголовным делам Верховного Суда РФ от 13 сентября 2023 г. N 13-УДП23–9-К2. [Электрон. ресурс]. Режим доступа: <https://internet.garant.ru/>(дата обращения: 04.07.2025).

ON THE IMPLEMENTATION OF THE PRINCIPLE OF JUSTICE IN PUNISHMENT, TAKING INTO ACCOUNT THE EXCUSING CIRCUMSTANCES AT THE PRESENT STAGE OF DEVELOPMENT OF RUSSIAN CRIMINAL LAW

Tikhonov V.I.,
I.N. Ulyanov Chuvash State University

The scientific discussion focuses on the interpretation of justice as an integrative category, which is expressed in a set of interrelated legal principles and contributes to their development within the framework of a unified system of criminal law. The article comprehensively explores the essence of the principle of justice, identifies its main features and characteristics, and then conducts a comparative analysis of these elements. The research delves into the issue of the implementation of mitigating circumstances in the current judicial practice, taking into account the decision made by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 18, 2024, which is the Review of Judicial Practice. Attention is drawn to the inconsistency in the approaches of general jurisdiction courts to the recognition of certain factors as mitigating, which gives rise to ambiguity in judicial conclusions and necessitates the search for additional criteria. The mechanisms of introducing and applying mitigating circumstances from the perspective of criminal law are also analyzed.

Keywords: justice, criminal procedure, principles of law, human rights, prosecution and defense, moral standards, legality.

References

1. Filing of complaints to the ECHR and enforcement of its decisions after Russia's exclusion from the Council of Europe [Electronic. resource]. Access mode https://ilpp.ru/echr_denunciation (date of reference: 07/04/2025).
2. Dahl V. Explanatory dictionary of the living Great Russian language. In 4 volumes, vol. 1. St. Petersburg, 1998. – 1743 p.
3. Ozhegov S.I. Dictionary of the Russian language / Edited by Dr. of Philology, Prof. N. Yu. Shvedova. – 12th edition, stereotyped. – Moscow: Russkiy Yazyk, 1978. – 846 p.

4. Alekseyev N.S., Daev V.G., Kokorev A.D. Essays on the Development of the Science of the Soviet Criminal Procedure. Voronezh, 1980. – 219 p.
5. Marchenko M.N. General Theory of State and Law / Ed. by M.N. Marchenko. In 2 vols. M., 1998. – 330 p.
6. Vaneeva, L.A. On the Theoretical and Methodological Foundations of the Study of the Principles of Criminal Procedure / L.A. Vaneeva // Law and Politics. – 2007. – No. 6. – P. 116–121.
7. Gazetdinov N.I. The concept, essence and social value of the principles of criminal proceedings // Ross. judge. 2007. No. 10. – P. 27–30
8. Bogatkina R.Sh.. Problems of Implementation and Prospects for the Development of the Category “Justice” in Criminal Proceedings. Bulletin of the Kazan Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, No. 3, 2020.
9. Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated March 25, 2014 No. 8-P “On the case of checking the Constitutionality of a number of Provisions of Articles 401.3, 401.5, 401.8 and 401.17 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with complaints by citizens S.S. Agaev, A.S. Bakayan and others”, Resolution of the Constitutional Court dated 05/16/2007 No. 6
10. P “In the case of the review of the constitutionality of the provisions of Articles 237, 413 and 418 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation in connection with the request of the Presidium of the Kurgan Regional Court.” Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (accessed on 04.07.2025).
11. Appeal ruling No. 22–1278/2019 dated May 30, 2019, case No. 22–1278/2019. Official Internet portal of legal information. – URL: <http://www.pravo.gov.ru/> (accessed on 04.07.2025).
12. Appeal Decision of the Military Court of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 26, 2017, No. 206-APU17–1 URL: [https://internet.garant.ru/\(date of access: 04.07.2025\)](https://internet.garant.ru/(date of access: 04.07.2025)).
13. Review of the practice of the Supreme Court of the Russian Federation on the application of the norms of the criminal law on the imposition of punishment and other measures of a criminal-legal nature (based on the materials of criminal cases reviewed in cassation), approved by the Presidium of the Supreme Court of the Russian Federation on December 18, 2024. [Electron. resource]. Mode of access: <https://internet.garant.ru/garant.ru/> (date of appeal: 07/04/2025).
14. Cassation ruling of the IC on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated October 22, 2024 N 33-UD24–17SP-A2 [Electronic. resource]. Access mode: [https://internet.garant.ru/\(date of access: 07/04/2025\)](https://internet.garant.ru/(date of access: 07/04/2025)).
15. Cassation ruling of the IC on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 13, 2023 N 13-UDP23–9-K2. [The electron. resource]. Access mode: [https://internet.garant.ru/\(date of appeal: 07/04/2025\)](https://internet.garant.ru/(date of appeal: 07/04/2025)).
16. Cassation ruling of the IC on Criminal Cases of the Supreme Court of the Russian Federation dated September 13, 2023 N 13-UDP23–9-K2. [Electron. resource]. Access mode: [https://internet.garant.ru/\(accessed on 04.07.2025\)](https://internet.garant.ru/(accessed on 04.07.2025)).

Нестеренко Станислав Евгеньевич,

член Приморского регионального отделения Ассоциации юристов РФ

E-mail: i@nesterenko-7.ru

Хмельницкая Татьяна Владимировна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры правового обеспечения национальной безопасности Нижегородского института управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации

E-mail: ket7219@rambler.ru

В настоящее время экстремизм и терроризм в любой форме своего проявления являются одними из самых опасных проблем человечества, особенно в современном, XXI веке.

Терроризм в настоящее время является системной проблемой и представляет серьезную угрозу для будущего целых стран и регионов. Он также представляет угрозу национальной безопасности нашей страны, включая угон самолетов, взятие людей в заложники, взрывы бомб, этно-конфессиональные конфликты, похищения и другие действия. Борьба с терроризмом стала задачей не только для правоохранительных органов, но и для государственных институтов как отдельных стран, так и международных союзов.

Ключевые слова: правовой режим, научные подходы к определению, сущность, признаки, понятие, правовые средства, способы правового регулирования.

Эффективное противодействие террористическим угрозам в России требует использования особого правового статуса контртеррористической операции. Он вводится в зоне проведения операции с целью предотвращения или расследования террористического акта, минимизации его последствий и обеспечения безопасности ключевых интересов граждан, общества и страны.

В международном праве ограничение прав и свобод представляет собой сложное явление, включающее различные структурные элементы, такие как юридическая основа, которая определяет характер и содержание этих ограничений, и имеющуюся цель данных ограничений [1].

В зависимости от своей функции, оно может принимать различные формы, включая предупреждение, пресечение и защиту, или же выступать в качестве юридической ответственности [2].

Возможность ограничения прав и свобод человека закреплена в ч. 2 ст. 29 Всеобщей декларации прав человека, но со следующей оговоркой «... человек должен подвергаться только таким ограничениям, какие установлены законом исключительно с целью обеспечения должного признания и уважения прав и свобод других и удовлетворения справедливых требований морали, общественного порядка и общего благосостояния в демократическом обществе» [3].

Конституция Российской Федерации, часть 3, статья 55 устанавливает возможность данного ограничения прав и свобод, в первую очередь, с целью защиты конституционного строя государства, а также для обеспечения безопасности как государства, так и граждан РФ [4].

Временное прекращение деятельности отдельных организаций, различного рода производств, если они могут способствовать проведению теракта [5].

Вместе с тем, следует обеспечивать защиту конституционализма в Российской Федерации от злоупотребления органами и должностными лицами служебными полномочиями и коррупционных проявлений [6].

В ч. 2 ст. 23 Конституции РФ провозглашается: «Каждый имеет право на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых... и иных сообщений. Ограничение этого права – только на основании решения суда».

Поэтому в связи с изложенным, важная роль как в предупреждении терроризма [7], так и в соблюдении конституционных прав и свобод человека и гражданина принадлежит органам прокуратуры [8].

Некоторые аспекты проведения контртеррористических операций включают в себя следующее:

- Поиск информации о деятельности боевиков, нахождение баз и мест их скртия;
- Предотвращение планируемых террористических актов;
- Обеспечение безопасности граждан и организация эвакуации в случае опасности;
- Освобождение заложников и эвакуация пострадавших;
- Ликвидация террористических группировок и угроз, направленных против государства и его конституционного строя.

Главной целью правоохранительных органов в случае угрозы террористического акта является его предотвращение.

Так, введение и отмена режима КТО на территории Российской Федерации руководствуется ст. 11 Федерального закона № 35 «О противодействии терроризму».

Целью введения данного правового режима является предотвращение и раскрытие террористических актов, а также уменьшение или ликвидация их последствий, обеспечение безопасности общества и государства на определенной территории в течение проведения операции. Приказ о начале контртеррористической операции и ее завершении выносится руководителем федерального органа исполнительной власти в области безопасности или другими лицами по решению соответствующих органов. Например, операция в Беслане показывает, что некоторые контртеррористические мероприятия могут проводиться под руководством министра обороны, главы ФСБ, МЧС, а также непосредственно Президента РФ.

Полномочия по введению особого правового режима имеет директор ФСБ (организация, отвечающая за борьбу с терроризмом). В случае низкого уровня опасности и локализации управлением обладают руководители территориальных структур данной службы. Региональные лидеры обычно «оперативней» получают информацию, чем главы подразделений на федеральном уровне. Часто региональный руководитель становится главой операции, однако в случае крупного теракта эта роль переходит к руководителю службы на федеральном уровне. Контртеррористическая операция считается завершённой, когда террористический акт нейтрализован или ликвидирован, а опасности для населения, имущества и интересов граждан нет.

Согласно статье 11 Федерального закона № 35 «О противодействии терроризму», решение о введении операции на определенной территории должно быть немедленно оглашено.

Непосредственное проведение контртеррористической операции опирается на ст. 12 Федерального закона № 35 «О противодействии терроризму».

Итак, скажем, что с целью проведения КТО решением руководителя данного правового режима необходимо создание особой группировки сил и средств.

Правоохранительные органы и ВС РФ которые имеют отношение к процессу обеспечения без-

опасности; некоторых подразделений обороны и внутренних дел; юстиция и гражданская оборона; пожарная и водная безопасность, и иные федеральные органы, охватывая и субъекты Российской Федерации.

Руководитель антитеррористической операции имеет полномочия определять команду, управлять всеми участвующими силами, а также перераспределять представителей федеральных органов исполнительной власти при необходимости. Все участники операции, включая сотрудников, специалистов, военнослужащих и других представителей федеральных органов исполнительной власти, должны подчиняться непосредственному руководителю операции от начала до конца.

С начала вступления в силу боевого распоряжения (приказа) о применении особой группировки сил и средств с целью проведения КТО никто не имеет права распоряжаться данной группировкой, вне зависимости от занимаемой должности лица [9].

При нарушении административно-правового режима проведения КТО необходимо руководствоваться нормативно-правовыми актами Российской Федерации, которые предусматривают ответственность за указанное правонарушение.

Допустим, формируется силовая группа, в которую входят сотрудники ФСБ, военнослужащие ВС РФ, а также ФСВНГ, полиции, МЧС, для проведения антитеррористической операции в ФСБ. Сотрудники других отделов, объем которых напрямую связан с этой проблемой. Врачи и саперы, кинологи и экологи и т.д. Организацией и работой самой КТО могут заниматься руководство оперативным штабом, создаваемым приказом уполномоченного лица. Штаб контролирует методы и технику проведения антитеррористических операций, указывает место их проведения.

В заключение хотелось бы отметить то что исламское террористическое движение находит сторонников в разных уголках мира, не только среди населения России, но и за её границами. Важными источниками этого явления стали страны бывшего Советского Союза в Центральной Азии, где преобладает мусульманское население, не способное успешно вписаться в социальные структуры своих государств. Именно это стимулирует их трудовую миграцию в другие страны, в том числе и в Россию, где они попадают под влияние исламских экстремистских группировок.

Возвратившись к анализу субъектов Российской Федерации, включая регионы Северного Кавказа, можно выявить важность проведения профилактической деятельности по решению данной проблемы.

Статистика показывает, что мигранты, не имеющие легального статуса, чаще всего становятся исполнителями террористических актов. Опасность терроризма увеличивается из-за присутствия живых очагов возле границ страны. Международные террористические группы стремятся внедриться в российские регионы и наладить связи с мест-

ными преступными элементами. Необходимо уделить внимание внешним факторам, подчеркивающим масштаб угрозы террористических действий. Граждане других стран не подпадают под действие законов правоохранительных органов РФ, что также затрудняет борьбу с терроризмом. Свободное передвижение через границы и открытость СМИ способствуют проникновению идей экстремизма среди населения не только России, но и других государств Содружества Независимых Государств.

- Использование интернета и мировых СМИ для распространения радикальных идей – главная угроза, которая поддерживает экстремистов в стремлении дестабилизировать общество.
- Борьба с экстремизмом и терроризмом требует национальной концентрации усилий и правильного применения правовых норм.
- Попытки некоторых стран ослабить позиции России на мировой арене, и финансовая поддержка террористов извне являются факторами, способствующими распространению экстремизма.
- Недостаток общего международного информационного пространства для борьбы с терроризмом создает препятствия для эффективной контртеррористической деятельности.
- Национальная безопасность требует реальных мер по борьбе с экстремистскими организациями, а не только формальных отчетов о ходе деятельности.

Борьба с экстремизмом требует согласованных усилий со всеми заинтересованными сторонами и разнообразными методами. Возможные действия включают в себя не только силовые и образовательные меры, но также использование СМИ для распространения конструктивных идей. Значительное внимание следует уделить поддержанию готовности специальных служб и организаций, занимающихся противодействием террористическим угрозам, обеспечивая их необходимыми ресурсами и оборудованием. Особое внимание уделяется обеспечению безопасности граждан и важных объектов, таких как транспортные средства, стадионы и другие места общественных скоплений.

Необходимо активно препятствовать распространению радикальной идеологии, а также формировать собственную идеологию для противодействия всемирному терроризму. Для эффективного ведения противодействия терроризму необходимо посмотреть на направления укрепления этих баз: оперативная реакция правовой базы на изменения в международном законодательстве и развитие новых правовых явлений; обеспечение аналитической базы оперативным сбором и анализом достоверной информации с применением новейших технологий; разработка научной базы теоретических и методических основ исследований в области противодействия терроризму с использованием социологии, конфликтологии и политологии; обеспечение финансовой базы государственными средствами и частными инвестициями; усовершенствование кадровой политики с применением

новых методов подготовки специалистов по противодействию различным видам терроризма, включая кибернетический, ядерный и бактериологический.

Долгосрочная работа в области противодействия глобальной угрозе мировой безопасности привела к ключевому результату – установлению международного сотрудничества.

Литература

1. Юрковский А.В. Теория государства и права: учебное пособие Юрковский А.В., Евдокимов К.Н., Деревскова В.М., Кузьмин И.А., Пьянов Н.А.; под ред. А.В. Юрковского. – Иркутск, 2016. – 620 с. – с. 439. – Текст: непосредственный.
2. Всеобщая декларация прав человека [Электронный ресурс]: принята на третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 А (III) от 10 декабря 1948 г. Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: непосредственный.
3. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм. и доп. от 06.10.2022). – Текст: непосредственный.
4. Федеральный закон от 06.03.2006 N 35-ФЗ (ред. от 10.07.2023) «О противодействии терроризму». – Текст: непосредственный.
5. Юрковский А.В., Евдокимов К.Н. Феномен конституционализма в контексте аксиологического и онтологического подходов // 20 лет Конституции Российской Федерации сборник статей. Москва, 2013. С. 18–28. – Текст: непосредственный.
6. Криминология. Особенная часть в 2 т. Том 1. Учебник / Агапов П.В., Амирбеков К.И., Боголюбова Т.А., Диканова Т.А., Меркурьев В.В., Ображиев К.В., Павлинов А.В., Расторопов С.В., Скляр С.В., Андреев Б.В., Бажанов С.В., Евдокимов К.Н., Жубрин Р.В., Ларьков А.Н., Раскина Т.В., Соколов Д.А., Степанов О.А. – Москва, 2017. Сер. 58 Бакалавр. Академический курс (1-е изд.). – 312 с. – Текст: непосредственный.
7. Евдокимов К.Н., Таскаев Н.Н. К вопросу о совершенствовании конституции РФ в контексте развития современного российского общества и деятельности органов прокуратуры // 20 лет Конституции России: актуальные проблемы развития правового государства Иркутск, 2014. С. 85–90. – Текст: непосредственный.
8. А. В. Юрковский К.Н. Евдокимов В.М. Деревскова. Административное право Учебное пособие. 2012 – Текст: непосредственный.
9. Юрковский А.В. Конституционное право: учебное пособие / Юрковский А.В., Деревскова В.М., Евдокимов К.Н., Кузьмин И.А., Куликов М.Ю., Онохова В.В., Праскова С.В., Суркова И.С., Тирских М.Г., Шаламова А.Н.;

под ред. А.В. Юрковского. – Иркутск, 2015. – 611 с. – с. 241. – Текст: непосредственный.

FEATURES OF THE LEGAL REGIME OF THE COUNTER-TERRORISM OPERATION

Nesterenko S.E., Khmel'nitskaya T.V.

Primorsky Regional Branch of the Association of Lawyers of the Russian Federation, Nizhny Novgorod Institute of Management – branch Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration

Currently, extremism and terrorism in any form of their manifestation are among the most dangerous problems of mankind, especially in the modern, XXI century.

Terrorism is currently a systemic problem and poses a serious threat to the future of entire countries and regions. He also poses a threat to the national security of our country, including hijacking planes, taking people hostage, bombing, ethnic and religious conflicts, kidnappings and other actions. The fight against terrorism has become a task not only for law enforcement agencies, but also for State institutions of both individual countries and international unions.

Keywords: legal regime, scientific approaches to definition, essence, signs, concept, legal means, methods of legal regulation.

References

1. A. Yurkovsky, V.N. Theory of State and Law: a textbook by Yurkovsky A.N.V. N., Evdokimov K.N.N., Derevskova V.N.M. N., Kuzmin I.N.A. N., Pyanov N.A. N.; ed. N. A. N.V. N. Yurkovsky. – Irkutsk, 2016. – 620 p. ill. – St. 439. – Text: direct.
2. Universal Declaration of Human Rights [Electronic resource: adopted at the third session of the UN General Assembly by resolution 217 A (III) of December 10, 1948. Access from the legal reference system ConsultantPlus. – Text: direct.
3. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993 (as amended and supplemented dated 06.10.2022). – Text: direct.
4. Federal Law No. 35-FZ of 06.03.2006 (as amended on 10.07.2023) "on countering terrorism". – Text: direct.
5. A. Yurkovsky, V. N., Evdokimov, K. N.N. The phenomenon of constitutionalism in the context of axiological and ontological approaches // 20 years of the Constitution of the Russian Federation collection of articles. Moscow, 2013, pp. 18–28. – Text: direct.
6. Criminology. Special part in vol. 2. Volume 1. Textbook / P. Agapov.V. N., Amirbekov K.N.I. N., D. Bogolyubova, N.A. N., D. Dikanova, N.A. N., Merkur'yev V.N. V. N., Obrazhiev K.N.V. N., Pavlinov A.N.V. N., S. Rastoropov.V. N., S. Sklyarov.V. N., Andreev B.N. V. N., S. Bazhanov.V. N., Evdokimov K.N.N., R. Zhubrin, N.V. N., Larkov A.N.N., D. Raskina, N.V. N., D. Sokolov, N.A. N., Stepanov O.N.A. N. – Moscow, 2017. Ser. 58 bachelors. Academic course (1st ed.). – 312 p. ill. – Text: direct.
7. K. Evdokimova.N., Taskaev N.N. On the issue of improving the Constitution of the Russian Federation in the context of the development of modern Russian society and the activities of the prosecutor's office // 20 years of the Constitution of Russia: actual problems of the development of the rule of law Irkutsk, 2014. pp. 85–90. – Text: direct.
8. A. N. V. N.K. Yurkovsky. N.V. Evdokimova. M.N. Derevskova. Textbook Administrative law. In 2012, the text: immediate.
9. A. Yurkovsky, V.N. Constitutional law: a textbook / Yurkovsky, A. N.V. N., Derevskova, V. N.M. N., Evdokimov, K. N.N., Kuzmin, I. N.A.N., Kulikov, M.N. Yu.N., Onokhova, V. N.V. N., S. Praskovya.V. N., Surkova I.N. St., M. Tirsikh.G. N., Shalamova A.N.N.; edited by N. A. N.V. N. Yurkovsky. – Irkutsk, 2015. – 611 p. ill. – St. 241. – Text: direct.

Проблемные аспекты трудовой миграции в странах БРИКС и организационного – правовые основы их решения

Абдуллаев Эльшан Эльшад оглы,

кандидат юридических наук, научный консультант

ООО «Образовательные системы»

E-mail: elshanabdullaevmsu@gmail.com

Целью статьи является сегментация проблем трудовой миграции в странах БРИКС (являющихся наиболее старыми членами данной организации: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) и организационно – правовые основы их решения. Методология. Методологической основой данного исследования является комплексный подход, включающий в себя использование совокупности различных методик, таких как анализ, обобщение, классификация, а также методика критического осмысления практики регулирования миграционных процессов в различных странах, входящих в БРИКС, методики стратегического планирования в области создания условий для эффективного функционирования правового механизма, обеспечения деятельности общего рынка труда стран, входящих в БРИКС. Результаты. В статье определена возможность решения миграционных проблем стран, входящих в БРИКС, на основе организационно-правового механизма функционирования общего рынка труда БРИКС. Полученные автором результаты могут быть использованы в процессе дальнейшей разработки проблем в области международного трудового права, а также для определения перспективных направлений развития правовых механизмов функционирования БРИКС. Выводы. Приведенные предложения открывают двери для всестороннего обсуждения вариантов миграционной политики в странах, входящих в БРИКС, и создают потенциал для будущего сотрудничества в сфере миграции, включая формирование системы регулирования различных типов легальной трудовой миграции (высококвалифицированной, образовательной и низкоквалифицированной) внутри БРИКС, а также разработку общих политических действий в отношении миграционного обмена, в том числе и с третьими странами, практика которого уже стала типичной для многих интеграционных объединений.

Ключевые слова: БРИКС, миграция, регулирование, правовой механизм, проблемы, общий рынок.

Введение

В последние годы международная организация БРИКС стала символом медленного, но устойчивого сдвига центра политико-экономического развития от регионов Северной Атлантики к новым центрам силы Евразии, Африки и Латинской Америки. Создание этой организации весьма показательна с точки зрения реакции мирового сообщества на стремление к политическому диктату и к формированию глобального мирового порядка, в котором доминирует Глобальный Север. В настоящее время членами БРИКС являются Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка. В 2024 году членами организации стали Египет, Эфиопия, Иран и Объединенные Арабские Эмираты, а в 2025 году к БРИКС присоединилась Индонезия.

Имеющиеся в настоящее время различия между уровнем экономического развития, политической культурой, принципами и системами государственного управления стран БРИКС определяют сложности в области формирования единой стратегии развития и согласования важнейших элементов внешней политики. В этой связи, поиск областей взаимопересекающихся интересов между странами БРИКС является актуальной задачей. Среди областей, которые одинаково интересны для всех стран – участниц БРИКС можно назвать науку, технологии, образование и миграцию. Данные области являются особой сферой государственных интересов, формируя гуманитарный и экономический потенциал организации и каждого ее участника. В настоящее время миграция приобрела поистине глобальное значение: в 2023 году 232 миллиона человек, или около 3 процентов населения мира относились к категории трудовых мигрантов. Из них 136 миллионов, или почти 59 процентов, приехали в развитые страны, а 96 миллионов, или 41 процент, – в развивающиеся [2].

При этом сотни миллионов работников и членов их семей, среди которых более 229 миллионов в России, Китае и Индии, пересекли границу с нарушением действующего законодательства, превысили срок действия визы, занимались деятельностью, не соответствующей их статусу, либо поселились, а затем и трудоустроились с нарушением иммиграционного законодательства, образуя новый социальный слой населения, становясь «нелегальными» мигрантами [14].

Если же говорить о Российской Федерации, то после распада СССР в 1991 году страна быстро стала центром второй по величине иммиграционной системы в мире. 12,3 миллиона нынеш-

них российских жителей родились за пределами страны (по сравнению с более чем 45 миллионами в США, включая 11 миллионов нелегалов, крупнейшее принимающее государство). Одновременно, с 1991 года более 1,3 миллиона российских граждан получили разрешение на постоянную эмиграцию на Запад [10].

Миграция также играет важную роль в экономике иных стран БРИКС, являясь фактором, определяющим общую структуру занятости, а также определяя качество рабочей силы, имея ввиду соотношение низкоквалифицированной и квалифицированной рабочей силы, воздействуя, при этом, на финансовую систему страны, за счет активности мигрантов в области денежных переводов. С 2013 по 2023 год Россия занимала четвертое место в мире по годовому чистому притоку мигрантов (389 000 человек), а Южная Африка – шестое (247 000 человек), в то время как Индия и Китай занимали соответственно третье и четвертое места среди стран эмиграции (с ежегодными чистыми потерями 490 000 и 418 000 человек). Таким образом, учитывая, что такие страны как Россия, Бразилия, Индия и Китай являются странами, которые в значительной степени формируют мировые миграционные потоки, трудовая миграция является одной из ключевых проблем для этих стран, формируя «миграционное проблемное поле», которое воздействует на общую ситуацию в мире и определяет необходимость активного взаимодействия стран БРИКС в области регулирования процессов трудовой миграции [14].

Как отмечают ученые Андрущенко К.Д. [1], Балдин С.А. [2], Левина М.М. [8], Петровская М.И. [11], Соколова А.А. [12] и др., в целом, как иммиграция, так и эмиграция представляют собой крайне спорные вопросы, вызывающие серьезные проблемы в странах, входящих в БРИКС. Среди наиболее конфликтных вопросов, связанных с иммиграцией, можно выделить:

- 1) опасения по поводу разрушения местных культурных и этнических традиций, а также религиозного единства в принимающих обществах;
- 2) приток мигрантов, находящихся в правовой серой зоне;
- 3) растущую нагрузку на рынок труда и систему социального обеспечения;
- 4) потерю финансовых средств через денежные переводы мигрантов в их родные страны;
- 5) распространение преступности и коррупции, а также угрозы национальной безопасности.

В отношении эмиграции основное внимание, как правило, уделяется демографическим потерям, связанным с отъездом молодых и амбициозных людей; утечке профессиональных и интеллектуальных элит и соответствующим финансовым потерям, связанным с их образованием и подготовкой; а также истощению образовательного, научного, промышленного и военного потенциала стран.

По мнению Левиной М.М., в современных условиях миграция, особенно нелегальная, может вы-

ступать важным дестабилизирующим фактором, провоцируя этнические конфликты и даже вспышки насилия, в связи с чем ее регулирование в странах БРИКС является общей задачей для стран – участниц данного объединения [8].

Таким образом, **целью** данной статьи является сегментация проблем трудовой миграции в странах БРИКС (являющихся наиболее старыми членами данной организации: Бразилия, Россия, Индия, Китай, Южная Африка) и организационно-правовые основы их решения.

Научная новизна данной статьи состоит в том, что автор определил возможности решения миграционных проблем стран, входящих в БРИКС, на основе организационно-правового механизма функционирования общего рынка труда БРИКС, который определен как разноуровневая и постоянно эволюционирующая система постепенной гармонизации трудового и миграционного законодательства, с целью защиты национальных интересов в области перемещения рабочей силы, упрощения процедур трудовой миграции и создании условий для повышения общей конкурентоспособности работников, способных решать задачи социально-экономического развития стран БРИКС в эпоху цифровизации и технологизации производственных систем, торговли и финансового обмена.

Практическая ценность данной статьи состоит в том, что полученные автором результаты могут быть использованы в процессе дальнейшей разработки проблем в области международного трудового права, а также для определения перспективных направлений развития правовых механизмов функционирования БРИКС.

Методология

Методологической основой данного исследования является комплексный подход, включающий в себя использование совокупности различных методик, таких как анализ, обобщение, классификация, а также методика критического осмысления практики регулирования миграционных процессов в различных странах, входящих в БРИКС, методики стратегического планирования в области создания условий для эффективного функционирования правового механизма, обеспечивающего деятельность общего рынка труда стран, входящих в БРИКС.

Результаты

В настоящее время в странах, входящих в БРИКС, имеется ряд общих проблем, формирующих цели миграционной политики, несмотря на значительные различия в их миграционных вызовах, которые формируются в геополитическом пространстве БРИКС. Кроме того, структура миграции в странах БРИКС такова, что они играют значимую роль в мировой миграционной цепи, являясь одновременной странами эмиграции, иммиграции, а также транзитными государствами, т.е. территориями концентрации мигрантов, которые пытаются переместиться в третью

страну. Кроме того, если население России имеет существенный дефицит рабочей силы, то Китай, Индия и Бразилия имеют избыточный трудовой потенциал, что открывает двери для потенциального сотрудничества в сфере трудовой миграции [2].

В тоже время значительные потоки трудовой миграции формируются внутри БРИКС (между территориально смежными странами). Речь идет об относительно крупном потоке мигрантов из Китая в РФ, а также о нерегулярной и плохо администрируемой трудовой миграцией между Индией и Китаем. В 2023 году на территорию Китая прибыло более 1,2 млн работников из Индии, при том, что основная их часть – это низко квалифицированные рабочие, не имеющие навыков работы в современном высокотехнологическом производстве.

Число мигрантов в Южной Африке оценивалось в диапазоне от 4,5 до 5,7% населения. В Индии в настоящее время зафиксировано 6,2 миллиона иммигрантов, при том, что страна занимает первое место в мире по числу уроженцев, проживающих за рубежом; их число удвоилось между 2013 и 2023 годами. В 2023 году 14 миллионов индийцев постоянно проживали за пределами страны, впервые опередив Мексику, ранее занимавшую первое место, а Россия и Китай заняли соответственно третье и четвертое места [16].

При этом характерно, что масштабы легальной трудовой миграции китайских работников в Россию быстро растут. В период с 2013 по 2023 год число официально трудоустроенных китайцев в России увеличилось в семь раз, причем Китай теперь является крупнейшим поставщиком рабочей силы в РФ за пределами постсоветского пространства и третьим по величине (после Таджикистана и Узбекистана) среди всех мигрантов [11].

В 2023 году доля китайцев в иммиграционном потоке в Россию из стран, не входящих в Содружество Независимых Государств (СНГ), составила 18,3%. Наибольшее количество зарегистрированных китайских трудовых мигрантов в России составило 281 700 человек в 2021 году, а общее число китайцев в РФ в настоящее время оценивается от 400 000 до 600 000 человек, при этом по прогнозам экспертов данное количество будет расти с темпами от 5.0% до 7.0% в год в зависимости от общей геополитической ситуации и потребностей российской экономики в притоке мигрантов [1].

В этой связи существенный масштаб миграционных потоков между тремя ведущими странами БРИКС (Россией, Китаем и Индией) определяет наличие параллелей между миграционной ситуацией и теми вызовами, которые стоят перед их миграционной политикой. Данные обстоятельства создают, также, необходимость анализировать особенности миграционных политик стран, входящих в БРИКС, пытаться сформировать условия для взаимной их совместимости.

Среди сходных черт в указанной выше области можно выделить ряд наиболее актуальных. Так, в частности, все ведущие страны-члены БРИКС

сталкиваются с крупномасштабными миграционными потоками различных типов – как легальными, так и нелегальными (нерегулярными), внешними и внутренними. Как уже упоминалось, Россия занимает второе место в мире по числу иммигрантов на своей территории. Также, все пять исследуемых государства (Бразилия, Россия, Индия, Китай и Южная Африка) сталкиваются с крупномасштабной и долгосрочной «утечкой мозгов» как через образовательную эмиграцию, так и посредством прямого оттока квалифицированных специалистов, что ведет к значительной потере высококвалифицированной рабочей силы и финансовым убыткам, связанным с бюджетными расходами на образование в родных странах. Так, например, размер российской интеллектуальной диаспоры за рубежом оценивается в пределах 150–200 тыс. человек, китайской – 480–520 тыс. человек, из ЮАР – в пределах 80 тыс. Человек [12].

Что касается Индии, то хотя эмиграция индийских специалистов в США фактически началась сразу после Второй мировой войны, к началу текущего века в США работало 300 000 специалистов в области высоких технологий и 135 000 врачей индийского происхождения [12].

Также следует обратить внимание на то, что в 2023 году 1 млн 339 тыс. чел. из числа китайских студентов обучались за границей, тогда как около 292 тыс. иностранных студентов обучались в Китае. К 2023 году более 2,6 миллиона китайских студентов завершили обучение за рубежом, но только 0.6 миллионов вернулись домой. В 2011 году 379 тыс. китайских и 102 тыс. индийских студентов обучались в США. В то же время всего 1376 американских студентов отправились учиться в Южную Африку, 1243 – в Индию и менее тысячи – в Китай. Аналогичная ситуация складывается в России, имея ввиду, что, в настоящее время, преимущественно в Европе, обучается 120 тыс. студентов из России, при том, что возвращаться в страну после прохождения обучения планирует менее 50% от общего количества обучаемых [12].

Эта ситуация вызывает серьезное беспокойство со стороны стран, отправляющих студентов за границу, определяя необходимость остановить или, по крайней мере, замедлить процесс утечки мозгов через такие возможные механизмы, как ограничения на выезд из страны, требования вернуть стоимость предыдущего обучения, оплаченного государством, а также, в случае временной миграции, оставить квартиры и другую собственность в качестве залога за образовательные гранты и кредиты. Также, внутри БРИКС, такие страны как Индия и Китай, уже сформировали соответствующую политику и активно работают над поддержанием связей со своей интеллектуальной диаспорой за рубежом, стимулируя процессы возвращения этих специалистов на родину [9].

В частности, Индия внедрила «Зарубежное гражданство Индии» (OCI) – удостоверение личности для индийцев и их потомков, постоянно проживающих за границей, которое позволяет им путе-

шествовать без виз и заниматься профессиональной деятельностью, дополнительно не подтверждая официальный статус полученного свидетельства (диплома), свидетельствующего о наличии определенной профессиональной квалификации [13].

Начиная с 2020 года, Китай предлагает гарантированное трудоустройство и значительные бонусы для возвращения высококвалифицированных специалистов и китайских студентов, обучающихся за границей. Российские власти также активно исследуют различные способы взаимодействия с российской интеллектуальной диаспорой, предлагая сотрудничество и прохождение учебной практики на базе российских инновационных предприятий, в частности в инновационном центре «Сколково» [9].

Кроме того, исследуемые члены БРИКС активно изучают способы стимулирования притока иностранных студентов и упрощения юридических процедур, как для высококвалифицированных мигрантов, так и для тех, кто подает заявление на получение постоянного иммиграционного статуса в качестве инвесторов в национальные экономики стран, входящих в БРИКС. В частности, в России, такой статус получил 1100 немецких, 900 британских, 850 американских, 800 французских, 530 турецких и 520 китайских высококвалифицированных специалистов. Также, более 43% мигрантов, прибывших в Россию в 2023 году из стран СНГ и Грузии, имели профессиональное образование, включая 18,3%, лиц, имеющих университетские дипломы, при том, что 36,3% мигрантов выразили желание остаться в России на постоянной основе [3].

В Китае с 2021 по 2023 год 45752 иностранца получили постоянное место жительства, из которых 11735 человек являются высококвалифицированными специалистами. Озабоченность Китая проблемой привлечения иностранных высококвалифицированных специалистов понятна, в этой стране наблюдается быстрый количественный спад населения в возрастной группе от 20 до 34 лет из-за жесткой демографической политики и стремительной урбанизации, что в долгосрочной перспективе может привести к радикальному изменению миграционной политики. Как указывают эксперты, уже в ближайшем будущем КНР станет страной нетто-получателем мигрантов, создавая существенное напряжение на мировом рынке рабочей силы [16].

В свою очередь, Бразилия выдала 156 тыс. рабочих виз для высококвалифицированных специалистов в 2023 году, при общем дефиците квалифицированной рабочей силы, оцениваемой в размере 1,2 млн работников. В то же время в Бразилии, начиная с 2011 года, число иммигрантов превышает число эмигрантов. Также наблюдается крупномасштабное возвращение многих бразильцев, численность которых за рубежом сократилась с четырех до двух миллионов, что является следствием экономического роста, повышения качества жизни и политики, которая дает возможность вернувшимся на родину получить кредиты, организовать

бизнес, пройти профессиональную переподготовку с последующим обязательным трудоустройством [15].

В то же время, в странах, входящих в БРИКС, имеются общие проблемы, которые касаются получения легального иммиграционного статуса, разрешения на работу и официального признания образовательных дипломов в странах пребывания. В результате потенциал иностранной рабочей силы используется не полностью.

Кроме того, как уже упоминалось, все страны, входящие в БРИКС одновременно являются государствами эмиграции и иммиграции, многие из них также служат транзитным хабом для мигрантов, стремящихся попасть в развитые страны Глобального Севера. Эта множественность ролей наиболее заметна в России и Южной Африки, когда миграционный транзитный статус создает значительные социальные, медицинские и угрозы безопасности для этих государств.

Следует отметить, что интеллектуальная миграция представляет собой одну из сфер, в которой по-прежнему доминируют страны Глобального Севера, предоставляя лучшие условия для обучения, трудоустройства, в связи с чем развитие общих миграционных практик странами, входящими в БРИКС, является и возможным, и весьма желаемым направлением сотрудничества.

Также, необходимо обратить внимание и на тот факт, что страны БРИКС являются важными участниками финансового рынка за счет значительного потока международных денежных переводов, хотя роли стран в этой области различаются [4].

Россия и Южная Африка относятся к группе государств, являющихся значительными отправителями денежных переводов мигрантов. Китай, Индия и Бразилия, напротив, входят в число наиболее значимых государств-реципиентов денежных переводов мигрантов. В частности, на долю Индии приходится около 10% денежных переводов, отправленных мигрантами в родные страны по всему миру.

Не менее важным является вопрос «интеллектуальных обменов», т.е. неформального потока идей и практик между странами проживания и странами происхождения мигрантов. Учитывая масштабы миграции, с которыми сталкиваются страны БРИКС, и размер их диаспор, влияние этого фактора на их развитие не следует недооценивать.

Также, государства, являющиеся участниками БРИКС, сталкиваются с серьезными проблемами, связанными с незаконной миграцией из соседних стран на их территорию. Оценки числа нелегальных мигрантов на территории России значительно варьируются – от 2,1 миллиона до 3–5 миллионов человек. По мнению экспертов, консенсусная оценка на данный момент составляет 2,4 миллиона, тогда как общее число трудовых мигрантов (как легальных, так и нелегальных) на территории России колеблется от 3,8 до 6,7 миллиона [9].

В Китае, по официальным данным, число иностранцев, посетивших страну в 2023 году, состави-

ло 27,2 миллиона, включая 2,9 миллиона человек, прибывших официально для работы. Однако некоторые оценки говорят о наличии в стране до 50 миллионов нелегалов (преимущественно на юге страны, в основном из соседних государств, а также Пакистана и Африки), хотя у специалистов методология этих расчетов остается неясной. Однако, при этом только в 2023 году китайские власти выслали из страны около 200 000 нелегальных мигрантов. В Бразилии число нелегальных мигрантов оценивается в пределах от 600 000 до двух миллионов человек. Южная Африка, в свою очередь, депортировала более 100 тыс. нелегальных мигрантов, начиная с 2020 года [9].

На этом фоне страны БРИКС сталкиваются с серьезными проблемами, связанными с торговлей людьми, явлением, которое ведет к увеличению числа людей, находящихся вне правового пространства, распространению организованной преступности, росту коррупции, насилию над детьми, а также сексуальной и иной эксплуатации людей. Кроме того, торговля людьми все чаще связывается с контрабандой наркотиков и оружия. Это создает серьезные угрозы безопасности, открывая новые потенциальные каналы для перемещения террористических и организованных преступных группировок, а также для незаконных финансовых операций, направленных, в частности, на финансирование различных нелегальных действий, включая терроризм.

Таким образом, существуют общие миграционные вызовы, которые требуют ответной реакции со стороны стран, входящих в БРИКС, в частности решение требует проблема совместимости рынков труда этих стран, что, в конечном итоге, должно привести к созданию общего рынка труда стран, входящих в БРИКС. Правовой механизм такого рынка предполагает разработку ряда нормативных актов и институциональных инструментов, которые позволят обеспечить свободное перемещение работников между странами-участниками БРИКС, а также обеспечивать единые подходы к решению наиболее острых миграционных проблем. Аналогии такого подхода имеются. Так, например, в рамках СНГ была принята обновленная Концепция поэтапного формирования общего рынка труда и регулирования миграции, которая определяет содержание согласованных подходов к решению миграционных проблем, к регулированию социально-трудовых отношений и к свободному перемещению рабочей силы [7].

Также в настоящее время на территории Евразийского экономического союза реализуется правовая парадигма общего рынка труда, которая основывается на принципе равных возможностей трудоустройства для граждан стран-участников и гармонизацию правового регулирования в сфере занятости [8].

Данные примеры могут стать основанием для создания на геополитическом пространстве стран, входящих в БРИКС, мощного единого рынка рабочей силы, что, в конечном итоге, создаст условия

для повышения привлекательности трудовой деятельности в этих странах.

По нашему мнению процесс создания такого рынка должен быть направлен на создание правового механизма, который позволит создать универсальные нормы для трудовой миграции (рис. 1).

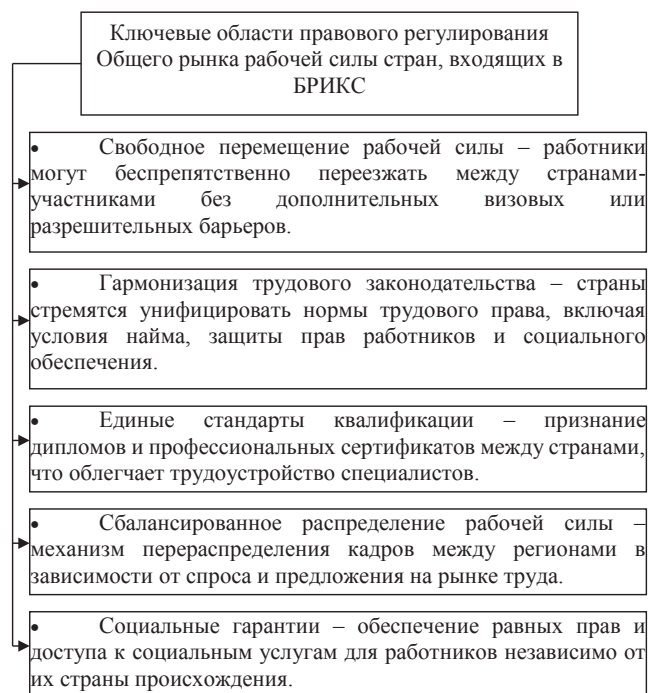

Рис. 1. Структурные элементы правового регулирования общего рынка рабочей силы стран, входящих в БРИКС

В целом, механизм правового регулирования общего рынка труда стран, входящих в БРИКС, мы можем определить как разноуровневую и постоянно эволюционирующую систему постепенной гармонизации трудового и миграционного законодательства с целью защиты национальных интересов в области перемещения рабочей силы, упрощения процедур трудовой миграции и создания условий для повышения общей конкурентоспособности работников, способных решать задачи социально-экономического развития стран БРИКС в эпоху цифровизации и технологизации производственных систем, торговли и финансового обмена.

Функционирование данного рынка может служить для большинства стран, входящих в БРИКС, важным механизмом стабилизации социально-экономической ситуации. Это может происходить через такие механизмы, как общее регулирование в области денежных переводов мигрантов, через распределение демографической нагрузки, через универсализацию системы социального обеспечения и через предоставление мигрантам доступа к равному образованию и получению профессиональных навыков при минимальной стандартизации образовательных программ.

Заключение

Приведенные предложения открывают двери для всестороннего обсуждения вариантов миграцион-

ной политики в странах, входящих в БРИКС, и создает потенциал для будущего сотрудничества в сфере миграции, включая формирование системы регулирования различных типов легальной трудовой миграции (высококвалифицированной, образовательной и низкоквалифицированной) внутри БРИКС, а также разработку общих политических действий в отношении миграционного обмена, в том числе и с третьими странами, практика которого уже стала типичной для многих интеграционных объединений.

В этой связи укажем на то, что создание высококонкурентного рынка квалифицированной рабочей силы на геополитическом пространстве БРИКС играет важную роль в утверждении данного объединения в качестве мирового политического и социально-экономического лидера, открывает значительные возможности для дальнейшего развития трудового законодательства в данных странах.

Таким образом, дальнейшее направление исследования будет сконцентрировано на разработке рекомендаций, направленных на создание правового механизма регулирования общего рынка труда на геополитическом пространстве БРИКС.

Литература

1. Андрущенко К.Д. Тенденции и перспективы трансформации эмиграционных процессов экономики России: дисс. канд. наук. 2025 – кандидат наук
2. Балабанова Ю.Н. Обеспечение национальной экономической безопасности с учетом миграционных потоков: дисс. канд. полит. наук. – Казань, 2025. 201 с.
3. Балдин С.А. Государственное управление в миграционной сфере в условиях цифровой трансформации экономики: риски и вызовы: дисс. канд. юрид. наук. – Москва, 2024. 204 с.
4. Бондаренко К.А. Влияние стадий международной миграции на направления и объемы денежных трансфертов: дисс. канд. эконом. наук. – Москва, 2024. 123 с.
5. Ван Синь. Внешняя политика Китая в решении глобальных проблем современности: дисс. канд. полит. наук. – Москва, 2024. 214 с.
6. Ван Сяотун. Развитие внешнеэкономических связей Китая в контексте китайской стратегии «двойной циркуляции»: дисс. канд. полит. наук. – Москва, 2025. 232 с.
7. Концепция поэтапного формирования общего рынка труда. URL: <https://eccis.org/page/14686/koncepcia-poetapnogo-formirovania-obsego-rynka-truda>
8. Левина М.М. Международно-правовое регулирование трудовой миграции в Евразийском экономическом союзе: дисс. канд. юрид. наук. – Москва, 2024. 297 с.
9. Махмадбекзода Моёншо Шодмон Международные и региональные миграционные процессы в условиях современной глобализации

(политологический анализ): дисс. докт. полит. наук. – Душанбе, 2024. 378 с.

10. Миграции населения в 2024 году: потоки ослабевают. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/migration_regions_2024/
11. Петровская М.И. Административно-правовое регулирование государственного управления в сфере вынужденной миграции в Российской Федерации: дисс. канд. юрид. наук. – Москва, 2024. 233 с.
12. Соколова А.А. Возвратная трудовая миграция: масштабы, последствия, подходы к регулированию: дисс. канд. эконом. наук. – Вологда, 2024. 177 с.
13. Шарма Гаурав. Развитие государственной политики кадрового обеспечения высокотехнологических компаний (на примере Индии): дисс. канд. эконом. наук. – Москва, 2025. 207 с.
14. ICMPD Migration Outlook 2025 Ten migration issues to look out for in 2025: Origins, key events and priorities for Europe. URL: <https://www.icmpd.org/file/download/63373/file/ICMPD%2520Migration%2520Outlook%25202025.pdf>
15. Lacroix T. The transnational state and migration: Reach, flows and Policies. Political Geography. Vol. 94, April 2022, 102571
16. Worldwide immigration trends report: challenges and opportunities for 2025. URL: <https://www.fragomen.com/trending/worldwide-immigration-trends-reports/i>

SEGMENTATION OF LABOR MIGRATION PROBLEMS IN BRICS COUNTRIES AND ORGANIZATIONAL – LEGAL BASIS FOR THEIR SOLUTION

Abdullaev E.

LLC "Educational Systems"

The purpose of this article is to segment the problems of labor migration in the BRICS countries (which are the oldest members of this organization: Brazil, Russia, India, China, South Africa) and organizational – legal basis for their solution.

Methodology. The methodological basis of this study is an integrated approach, which includes the use of a set of various methods, such as analysis, generalization, classification, as well as a method of critical understanding of the practice of regulating migration processes in various countries included in BRICS, methods of strategic planning in the field of creating conditions for the effective functioning of the legal mechanism that ensures the activity of the common labor market of the BRICS countries.

Results. The article determines the possibility of solving the migration problems of the BRICS countries on the basis of the organizational and legal mechanism for the functioning of the common labor market of BRICS. The results obtained by the author can be used in the process of further development of problems in the field of international labor law, as well as for identifying promising areas for the development of legal mechanisms for the functioning of BRICS. Conclusions. The proposals presented open the door to a comprehensive discussion of migration policy options in the BRICS countries and create the potential for future cooperation in the field of migration, including the formation of a system for regulating various types of legal labor migration (highly skilled, educational and low-skilled) within BRICS, as well as the development of common political actions regarding migration exchange, including with third countries, the practice of which has already become typical for many integration associations.

Keywords: BRICS, migration, regulation, legal mechanism, problems, common market.

References

1. Andryushchenko K.D. Trends and Prospects for Transforming the Emigration Processes of the Russian Economy: Diss. Cand. Sci. (Econ.) 2025 – Cand. Sci.
2. Balabanova Yu.N. Ensuring National Economic Security Taking into Account Migration Flows: Diss. Cand. Sci. (Polit.) – Kazan, 2025. 201 p.
3. Bal'din S.A. Public Administration in the Sphere of Migration in the Context of Digital Transformation of the Economy: Risks and Challenges: Diss. Cand. Sci. (Law.) – Moscow, 2024. 204 p.
4. Bondarenko K.A. The Impact of the Stages of International Migration on the Directions and Volumes of Cash Transfers: Diss. Cand. Sci. (Econ.) – Moscow, 2024. 123 p.
5. Wang Xin. China's Foreign Policy in Solving Global Problems of Our Time: Diss. Cand. Sci. (Polit.) – Moscow, 2024. 214 p.
6. Wang Xiaotong. Development of China's Foreign Economic Relations in the Context of China's «Dual Circulation» Strategy: Diss. Cand. of Political Sciences. – Moscow, 2025. 232 p.
7. The Concept of Stage-by-Step Formation of a Common Labor Market. URL: <https://eccis.org/page/14686/koncepcia-poetapnogo-formirovania-obsego-rynka-truda>
8. Levina M.M. International Legal Regulation of Labor Migration in the Eurasian Economic Union: Diss. Cand. of Legal Sciences. – Moscow, 2024. 297 p.
9. Mahmadbekzoda Moensho Shodmon International and Regional Migration Processes in the Context of Modern Globalization (Political Science Analysis): Diss. Doctor of Political Sciences. – Dushanbe, 2024. 378 p.
10. Population migration in 2024: flows are weakening. URL: https://raexpert.ru/researches/regions/migration_regions_2024/
11. Petrovskaya M.I. Administrative and legal regulation of public administration in the field of forced migration in the Russian Federation: diss. candidate of legal sciences. – Moscow, 2024. 233 p.
12. Sokolova A.A. Return labor migration: scale, consequences, approaches to regulation: diss. candidate of economic sciences. – Vologda, 2024. 177 p.
13. Sharma Gaurav. Development of state policy for personnel provision of high-tech companies (on the example of India): diss. candidate of economic sciences. – Moscow, 2025. 207 p.
14. ICMPD Migration Outlook 2025 Ten migration issues to look out for in 2025: Origins, key events and priorities for Europe. URL: <https://www.icmpd.org/file/download/63373/file/ICMPD%2520Migration%2520Outlook%25202025.pdf>
15. Lacroix T. The transnational state and migration: Reach, flows and Policies. Political Geography. Vol. 94, April 2022, 102571
16. Worldwide immigration trends report: challenges and opportunities for 2025. URL: <https://www.fragomen.com/trending/worldwide-immigration-trends-reports/i>

Принципы построения новой международной архитектуры защиты прав человека

Рыбаков Николай Сергеевич,

независимый исследователь
E-mail: nikola1.work@yandex.ru

В статье проводится анализ сопоставления принципов нового мироустройства, предложенных В.В. Путиным, с принципами построения новой международной архитектуры защиты прав человека, представленными Т.Н. Москальковой. Обосновывается взаимосвязь между формированием нового миропорядка и реформированием системы защиты прав человека, детерминированная цивилизационными конфликтами и деградацией существующей системы. Подчеркивается необходимость учета культурно-исторического контекста, обеспечения политической нейтральности, справедливого представительства и открытости в деятельности международных правозащитных институтов. Выявляется особая роль региональных механизмов защиты прав человека и необходимость выработки конкретного форм и механик функционирования наднациональных правозащитных структур в целях их соответствия названным принципам. Исследуется важность расширения двустороннего сотрудничества и соблюдения принципов равноправия и взаимного уважения. Обосновывается, что эффективная реализация рассмотренных принципов является ключевым фактором устойчивого развития человечества и сохранения гуманности.

Ключевые слова: права человека, новый миропорядок, международная архитектура защиты прав человека, принципы правозащитной системы.

Введение

Сформировавшаяся во второй половине XX века система международной защиты прав человека представляет собой уникальное явление в истории человечества. Впервые были провозглашены универсальные права и свободы [2]. Сложно переоценить значимость этого шага, совершенного после осознания невыразимого горя двух мировых войн [11]. В целях реализации и обеспечения установленных универсальных прав человека незамедлительно начала формироваться соответствующая система механизмов и институтов, как в рамках Организации Объединенных Наций, так и на региональном уровне, в частности, в рамках Совета Европы.

Безусловно, развитие этой системы не было лишено ошибок, цена которых, к сожалению, была высока: нарушения прав и свобод человека, человеческие жертвы. Однако на пути развития стран, становления общей теории прав человека, усиления интеграционных процессов, глобализации и других факторов, ошибки, конфликты и споры в рамках построения названной международной системы правозащиты различными способами удавалось нивелировать, хотя и не всегда разрешать окончательно.

Вместе с тем, со стремительным развитием стран, так называемого «второго и третьего мира», с появлением новых мировых центров силы и цивилизационных вызовов, обозначилась, как отметил В.В. Путин, борьба не за власть, а за принципы [10]. Эта борьба достаточно быстро приобрела многочисленные формы и проявления, вплоть до прямых вооруженных конфликтов. Все это, безусловно, оказало непосредственное влияние на сферу прав человека, которая, подобно обществу, постоянно эволюционирует и развивается, однако в каждом регионе и даже стране по-своему, с учетом собственных потребностей, вызовов, традиций, обстоятельств и других факторов.

Обозначенные тенденции, вместе с рассматриваемыми учеными многочисленными факторами и обстоятельствами, обусловили деградацию существующей международной правозащитной системы, спровоцировав каскад изменений, нивелирующих накопленный опыт правозащиты и, в конечном итоге, делающих невозможным дальнейшее развитие этой системы в рамках ранее сложившихся концепций. Несмотря на инерционность функционирования существующих международных механизмов и институтов защиты прав человека, которая, вероятно, хоть и будет сохраняться в течение определенного периода времени, между

тем, следует констатировать факт формирования новой международной архитектуры защиты прав, демонстрирующей свою подлинную универсальность в контексте разворачивающегося цивилизационного конфликта. Это обусловлено тем, что права и свободы человека по-прежнему остаются высшей ценностью, предопределяющей перспективы развития и сохранения человечества, в то время как отступление от этого постулата неизбежно приведет к цивилизационной деградации.

В связи с этим, наиболее актуальным представляется комплекс вопросов, связанных с определением сущности новой международной архитектуры защиты прав человека: какие принципы лежат в ее основе, какие формы правозащиты будут востребованы в ее рамках, каким образом произойдет трансформация существующих механизмов и институтов, и, наконец, насколько вероятно эта трансформация. Данная статья нацелена на детальное и углубленное рассмотрение указанной проблематики с целью выявления перспективных направлений развития и возможных ответов на поставленные вопросы.

Материалы и методы

В рамках данного исследования, посвященного сопоставлению принципов нового мироустройства, предложенных В.В. Путиным, и принципов построения новой международной архитектуры защиты прав человека, представленных Т.Н. Москальковой, был применен комплекс методов, включающий анализ документов (текстов выступлений, докладов, научных публикаций), сравнительный анализ (сопоставление принципов с целью выявления взаимосвязей), а также индуктивный и дедуктивный подходы для формулирования выводов и авторской интерпретации.

Литературный обзор

В научной среде отмечается недостаточная разработанность вопроса о трансформации международной системы защиты прав человека в контексте формирования нового миропорядка. Анализ принципов нового мироустройства, предложенных В.В. Путиным (2023, 2024) [9, 10], требует сопоставления с концепцией новой международной архитектуры защиты прав человека, представленной Т.Н. Москальковой (2024, 2025) [3, 6], для выявления взаимосвязей и перспектив. В связи с этим,

актуальным является исследование, направленное на интеграцию различных подходов к пониманию динамики в сфере прав человека.

Анализ научных работ, включая статью А.Х. Абашидзе [1], в которой был поставлен вопрос о сопоставимости новой архитектуры защиты прав человека с формирующимся миропорядком, но не был дан исчерпывающий ответ, подчеркивает значимость данного направления. Исследования, затрагивающие проблемы международного сотрудничества в области защиты прав человека [4], а также практику Европейского суда по правам человека [7], дополняют картину, указывая на необходимость учета культурного многообразия и обеспечения политической нейтральности. Кроме того, работы, обращающие внимание на критические аспекты «навязывания правил» в сфере прав человека [5] и новые подходы к глобальному управлению правами человека [12], указывают на актуальность дальнейших исследований. Все эти работы, включая упоминаемые в докладах [3, 6] подчеркивают сложность и многогранность темы.

Результаты

В статье демонстрируется и доказывается сопоставимость и логическая взаимосвязь между принципами нового миропорядка, предложенными В.В. Путиным, и принципами построения новой международной архитектуры защиты прав человека, сформулированными Т.Н. Москальковой. Исследование доказывает, что эти принципы неразрывно связаны и взаимозависимы, поскольку обусловлены общими факторами, определяющими деградацию как системы международных отношений, так и сферы защиты прав и свобод человека. Подчеркивается, что построение новой архитектуры защиты прав человека на основе этих принципов должно стоять в авангарде мировой трансформации, поскольку именно обеспечение и защита прав и свобод являются ключевым фактором выживания и развития человечества. При этом каждый принцип новой архитектуры требует особенной интерпретации в контексте современной геополитической ситуации и цивилизационных вызовов. Главный вызов для наднациональных правозащитных структур заключается не просто в учете этих принципов, но и в разработке конкретных форм и механик их реализации в своей деятельности, что будет способствовать повышению эффективности и легитимности системы международной защиты прав человека (табл. 1).

Таблица 1. Сопоставление принципов нового миропорядка и принципов построения новой международной архитектуры защиты прав человека

Принципы нового мироустройства	Принципы построения новой международной архитектуры защиты прав человека 2024	Принципы построения новой международной архитектуры защиты прав человека 2025
Сохранение многообразие мира	Разнообразие правозащитных механизмов	Уважение цивилизационного многообразия
Максимальная представительность	Максимальное представительство и коллективное решение наиболее значимых вопросов	

Принципы нового мироустройства	Принципы построения новой международной архитектуры защиты прав человека 2024	Принципы построения новой международной архитектуры защиты прав человека 2025
Всеобщая безопасность и прочный мир	Обеспечение политической нейтральности и перестройка работы существующих универсальных механизмов защиты прав человека	Обеспечение политической нейтральности правозащитной деятельности
Справедливость для всех и отмена эксплуатации одних стран другими	Развитие международной региональной правозащитной системы	
	Безбарьерная правозащитная среда	Доступность правозащитных механизмов, безбарьерная правозащитная среда
Равноправие	Равноправие и взаимное уважение интересов государств-участников международных правозащитных организаций	
Открытость к взаимодействию	Расширение практики двустороннего международного сотрудничества в защите прав человека	Расширение практики двустороннего международного сотрудничества в защите прав человека
		Открытость и воля к взаимодействию
		Готовность к компромиссу

Обсуждение

В октябре 2023 года на пленарной сессии Международного дискуссионного клуба «Валдай» В.В. Путин назвал 6 базовых принципов нового мироустройства [9], получивших свое развитие там же год спустя [10]. В мае 2024 года опираясь на названные подходы формирования системы многополярного мира, Т.Н. Москалькова, Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации, выделила семь ключевых принципов новой международной архитектуры защиты прав человека [6], трансформировавшихся и получивших свое развитие в 9 принципов в докладе Уполномоченного по правам человека за 2024 год [3], опубликованном в феврале 2025 года.

В своей статье [1], посвященной новой международной архитектуре защиты прав человека, представляющей собой расширенный вариант доклада, представленного на секции ПМЮФ 2023 года, А.Х. Абашидзе, в частности, ставит вопрос о том, «предполагается ли, что новая международная архитектура защиты прав человека выступит в качестве неотъемлемой части нового типа миропорядка и отсюда вытекающими международно-правовыми последствиями, или же она мыслится в отрыве от него». По мнению автора, ответ на этот вопрос в значительной степени обусловлен текущими реалиями: формирование нового миропорядка, прежде всего, детерминировано цивилизационными конфликтами, возникающими в сфере прав человека в широком смысле, включая взаимоотношения между правами граждан различных государств. Деградация существующей системы международной защиты прав человека выступает как следствием, так и фактором (обстоятельством) деградации миропорядка в целом. В этой связи становится очевидным, что принципы новой международной архитектуры защиты прав человека находятся в тесной взаимосвязи и взаимозависимости с принципами формирующегося нового мирового порядка, а равно и новую международную архитектуру защиты прав человека невозмож-

но построить в рамках разрушающегося в настоящий момент миропорядка.

С учетом вышеизложенного, представляется целесообразным провести сопоставление принципов нового миропорядка, сформулированных В.В. Путиным, с принципами построения новой международной архитектуры защиты прав человека, представленными Т.Н. Москальковой в 2024 и 2025 годах, в авторской интерпретации, изложенной в разделе «Результаты». Далее представляется целесообразным произвести детальный анализ каждого сопоставления, с последующим представлением авторских комментариев.

Первым к рассмотрению предлагается принцип **сохранения многообразия мира**, который, мнению автора, закономерно в итоге трансформировался в принцип **уважения цивилизационного многообразия**, а не ограничился формальным разнообразием правозащитных механизмов. Данная трансформация отражает один из двух наиболее актуальных вопросов в теории прав человек – вопрос об оптимальном учете культурно-исторического контекста при реализации и защите прав и свобод человека и гражданина в конкретных регионах и государствах. Данный вопрос встал особенно остро в процессе развития, так называемых «неолиберальных ценностей», формирующие определенную парадигму трактовки ряда прав и свобод человека, продвигаемую через универсальные механизмы, что нередко вызывает негативную реакцию. Проблематичным, однако, является не само наличие различных ценностей – культурное разнообразие является естественным и закономерным явлением, а навязывание определенной трактовки ценностей, формулирование неких неписанных «правил, вместо прав» [5], неприятие иных ценностных установок и «экспорта стандартов, не получивших универсального признания» [4].

В этой связи становится понятным, почему именно региональные и субрегиональные институты и механизмы защиты прав человека оказались менее подвержены эрозии в рамках между-

народной правозащитной архитектуры. Создание новых и реформирование существующих региональных и субрегиональных институтов и механизмов представляется авангардом правозащитного трансформационного процесса, поскольку общность духовно-нравственных, правовых и иных факторов предопределяет эффективность наднациональной правозащиты на начальном этапе. При этом необходимо уделять повышенное внимание соотношению принципа универсальности прав и свобод человека, проблеме их эволютивности и учета «традиционных ценностей, уровня развития обществ, экономических, социальных, культурных реалий» [4]. В процессе реформирования и создания новых институтов и механизмов необходимо продумать формы оптимального учета цивилизационного многообразия: от включения в экспертные советы и комиссии данных институтов и механизмов специалистов по культуре и регионоведов, до ограничения применения «гибких стандартов» или принципа «живой системы» при функционировании таких механизмов и органов, как это происходит в рамках Европейского суда по правам человека [7].

В свою очередь **принцип максимальной представительства**, соответственно находит свое отражение в **стремлении к максимальному представительству и коллективному решению наиболее значимых вопросов** в рамках международной правозащитной архитектуры. Комментируя данный принцип, Т.Н. Москалькова отметила, что «нельзя позволить одной группе государств диктовать условия всему миру. В системе должны быть слышны все голоса», назвав, в свою очередь, Совет по правам человека ООН одним из «ярких примеров подобного доминирования» [6]. По мнению автора, следует трактовать этот принцип как необходимость пересмотра существующих механизмов принятия решений в международных правозащитных институтах и механизмах, с целью обеспечения более справедливого представительства интересов всех государств, а также повышения эффективности работы, за счет учета мнения различных групп стран и предотвращения доминирования какой-либо одной группы. Это подразумевает пересмотр формальных процедур голосования и принятия решений, а также неформальных практик, оказывающих влияние на данный процесс, с целью создания условий, при которых все государства, независимо от политического или экономического влияния, смогут вносить свой вклад в формирование международной повестки дня в области прав человека. Конкретные формы воплощения этого принципа в функционирование международных правозащитных институтов и механизмов подлежат дальнейшей разработке, однако применение широких консультаций и обеспечение абсолютной прозрачности критериев вступления в такие институты представляются соответствующими заявленному принципу.

Принцип **всеобщей безопасности и прочного мира**, по мнению автора, находит отражение

в принципе обеспечения политической нейтральности и перестройки работы существующих универсальных механизмов защиты прав человека, который впоследствии был сфокусирован на **обеспечении политической нейтральности правозащитной деятельности**. Данная эволюция также представляется закономерной, поскольку перестройка работы существующих универсальных механизмов защиты прав человека связана не только с их политизацией, но и с целым комплексом иных проблем. Вместе с тем именно политизация правозащитных механизмов оказывает непосредственное влияние на их безопасность и стабильность, а равно и на эффективность, в итоге. Сфера прав человека, подобно спорту и здравоохранению, должна оставаться вне политической конъюнктуры. Следует подчеркнуть уникальность прав и свобод человека в данном контексте: их реализация и защита предопределяют функционирование и развитие любого государства, вследствие чего политизация правозащиты, равно как и ограничение возможности наднациональной защиты прав человека и участия в формировании соответствующей повестки дня, воспринимается каждым государством как прямая угроза безопасности и миру. В этой связи, скорость и интенсивность ответной реакции на политизацию сферы прав человека, а также применяемые контрмеры, оказываются значительно более выраженными, чем в случае политизации спорта или иных областей общественной жизни.

Принцип справедливости для всех и отмены эксплуатации одних стран другими находит отражение в принципах **развития международной региональной правозащитной системы и создания безбарьерной правозащитной среды**. Такое соотношение объясняется тем, что именно на региональном уровне, где государства сопоставимы по своим культурно-ценностным, экономическим и политическим характеристикам, формируются условия для добрососедских отношений и взаимовыгодного сотрудничества, в том числе в правозащитной сфере. В рамках регионального сотрудничества очевидна бесперспективность эксплуататорских отношений, а формирование безбарьерной среды и обеспечение доступа к механизмам защиты определяют понятие справедливости.

В рамках правозащитной реформы необходимо исключить практику исключения или приостановления членства государств в международных правозащитных структурах, что представляется не только несправедливым, но и взаимоневыгодным. В отношении государств, где наблюдается снижение уровня защиты прав человека, следует, напротив, активизировать вовлечение в международные механизмы, применять комплекс мер поддержки, учитывая суверенитет государств и разрабатывая индивидуальные программы. Важным аспектом доступности правозащитных механизмов является обеспечение «прозрачного механизма работы с информацией о нарушениях прав», как подчеркивает Т.Н. Москалькова [6]. Различная

реакция на обращения из разных стран в право-защитные институты вызывает беспокойность и непонимание целей такой самодискредитации. Как справедливо отмечает российский омбудсмен, нереализация данных принципов порождает «чувство несправедливости и незащищенности», которое, в свою очередь, может послужить «детонатором общественных потрясений» [8].

Принцип равноправия, провозглашенный в концепции нового миропорядка, находит свое отражение в принципе **равноправия и взаимного уважения интересов государств-участников международных правозащитных организаций**. Раскрывая эти принципы, автор хотел бы отметить, что в развивающихся и трансформирующихся международных институтах и механизмах защиты прав человека следует не только учитывать равноправие как основополагающий принцип любого международного диалога, но и формировать конкретные механизмы обеспечения этого равноправия. Наряду с логичным принципом ротации председательства в таких институтах и механизмах, необходимо также создавать условия для активного участия представителей всех соответствующих государств в их функционировании и т.д. В свою очередь, взаимоуважение интересов государств-участников международных правозащитных организаций в совокупности с принципом равноправия создает основу для выстраивания эффективной коммуникации, являющейся необходимой составляющей правозащитной деятельности.

Наконец, принцип **открытости к взаимодействию**, заявленный в концепции нового миропорядка, находит свое отражение в принципе **расширения практики двустороннего международного сотрудничества в защите прав человека**, дополненном в 2025 году принципами **открытости и воли к взаимодействию**, а также **готовности к компромиссу**. В рамках построения новой архитектуры международной правозащиты этот принцип приобретает особое значение, поскольку преодоление фрагментации и поляризации, характерных для существующей системы, возможно лишь при условии налаживания конструктивного диалога между государствами с различными политическими системами и ценностными ориентациями.

Расширение практики двустороннего сотрудничества в сфере защиты прав человека позволяет государствам обмениваться опытом, реализовывать совместные проекты, направленные на укрепление национальных правозащитных механизмов, и оказывать взаимную помощь. В отличие от многосторонних форматов, более подверженных политическому давлению, двустороннее сотрудничество может быть более гибким и ориентированным на потребности сторон. Существующая система характеризуется дефицитом открытости, и многие государства, опасаясь предвзятости, настороженно относятся к сотрудничеству. В таких случаях двустороннее сотрудничество способствует «безопасной» интеграции этих стран в новую архитектуру международной правозащиты. Прин-

ципы открытости, воли к взаимодействию и готовности к компромиссу должны стать основой правозащитной дипломатии. В практическом плане также необходимо развивать двусторонние контакты, в том числе в рамках международных институтов и механизмов.

Заключение

Таким образом, анализ принципов нового миропорядка и принципов построения новой международной архитектуры защиты прав человека выявляет их сопоставимость и логическую взаимосвязь, обусловленную идентичностью и взаимозависимостью факторов, лежащих в основе деградации существующих систем как международных отношений в целом, так и деятельности в сфере прав и свобод человека и гражданина, в частности. И хотя это означает, что окончательной перестройки всей системы международной правозащиты без разрешения текущего цивилизационного конфликта ожидать не следует, именно в сфере защиты прав человека должен быть сосредоточен авангард изменений, поскольку, как неоднократно подчеркивалось в данной статье, обеспечение и защита прав и свобод определяют выживание и развитие всего человечества.

В дальнейшем исследования должны быть направлены на более глубокое изучение не только приведенных выше принципов, их взаимосвязи и эволюционного развития, но и конкретных форм воплощения этих принципов в реальность. Это предполагает анализ деятельности как вновь создаваемых и развиваемых наднациональных правозащитных механизмов и институтов, таких как Африканский суд по правам человека и народов, Африканская комиссия по правам человека и народов, Комиссия по правам человека Содружества Независимых Государств, Евразийский альянс омбудсменов, так и исторических институтов, таких как Совет ООН по правам человека, договорные органы по правам человека ООН, Управление Верховного комиссара ООН по правам человека, Европейский суд по правам человека, Межамериканский суд по правам человека и Межамериканская комиссия по правам человека и т.д. Ключевым исследовательским вопросом в данной сфере остается повышение правозащитной (институциональной) эффективности наднациональных институтов и механизмов защиты прав человека. В настоящее время все более отчетливо прослеживается идея о возрастающей роли национальных правозащитных учреждений (НПЗУ) в данном процессе, а также о потенциале актов «мягкого права», поддерживаемых соответствующей системой инструментов и механизмов «мягкого принуждения», выступающих в том числе в качестве «имплементационных механизмов, уполномоченных обеспечивать реализацию глобальной программы управления правами человека» [12].

В заключение следует подчеркнуть, что имплементация рассмотренных принципов и достижение

эффективности в их практическом воплощении предопределяет траекторию развития человечества. В условиях возрастающей глобальной нестабильности и эрозии традиционных ценностей, гуманность и человечность, являясь ключевыми константами морально-этической системы координат, приобретают особую значимость. Построение международной архитектуры защиты прав человека, основанной на данных принципах, является не просто правовой или политической задачей, но и императивом, продиктованным необходимостью сохранения человеческого достоинства и обеспечения устойчивого прогресса всего мирового сообщества. Игнорирование этих фундаментальных ценностей чревато не только дальнейшим углублением существующих противоречий, но и потенциальной деградацией цивилизации в целом.

Литература

1. Абашидзе А.Х. Новая международная архитектура защиты прав человека // Пробелы в российском законодательстве. 2023. Т. 16. №3. С. 187–192. EDN: HDSOQL.
2. Всеобщая декларация прав человека (принята третьей сессии Генеральной Ассамблеи ООН резолюцией 217 A (III) от 10 декабря 1948 г.) // Российская газета. 1995. 5 апреля.
3. Доклад о деятельности Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации за 2024 год / Российская газета – 2025. – № 41(9580) – 26 февраля [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/documents/2025/02/26/doklad-2024-god-site-dok.html> (дата обращения: 01.07.2025).
4. Кузьменков, С.Ю. Актуальные проблемы международного сотрудничества в области защиты прав человека / С.Ю. Кузьменков // Вестник Марийского государственного университета. Серия: Исторические науки. Юридические науки. – 2016. – Т. 2, № 2(6). – С. 71–76. – EDN WLZRBX.
5. Москалькова Т.Н. Когда права человека заменяются навязанными «правилами», надо продолжать защищать его достоинство / Российская газета – 2022. – № 279(8927) – 9 декабря [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://rg.ru/2022/12/09/kommentarij-k-istine.html> (дата обращения: 01.07.2025)
6. Москалькова Т.Н. Семь принципов в помощь // Аргументы и факты. 2024. 25 мая. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://aif.ru/politics/russia/sem-principov-v-pomoshch-moskalkova-predlozhila-reformu-mirovoy-pravozashchity> (дата обращения: 01.07.2025)
7. Оганесян, Т.Д. Доктрина «живого инструмента» в практике Европейского суда по правам человека / Т.Д. Оганесян // Ученые записки Крымского федерального университета имени В.И. Вернадского. Юридические науки. – 2023. – Т. 9 (75), № 2. – С. 434–442. – EDN RN-BYEN.
8. Проблемы защиты прав человека на евразийском пространстве // Проблемы защиты прав человека на евразийском пространстве: обмен лучшими практиками омбудсменов: материалы II Международной конференции, посвященной 70-летию принятия Всеобщей декларации прав человека и 25-летию принятия Конституции Российской Федерации (Москва, 8 ноября 2018 года г.). М.: РУДН, 2019. С. 25–35.
9. Стенограмма выступления В.В. Путина в пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» от 05.10.2023 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444> (дата обращения: 01.07.2025).
10. Стенограмма выступления В.В. Путина в пленарной сессии XVIII заседания Международного дискуссионного клуба «Валдай» от 07.11.2024 г. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521> (дата обращения 01.07.2025)
11. Устав Организации Объединённых Наций // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключённых СССР с иностранными государствами. Вып. XII. – М., 1956. – С. 14–47.
12. Pegram, Tom, Governing Relationships: The New Architecture in Global Human Rights Governance (August 18, 2014). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2482615 (date of request: 01.07.2025).

PRINCIPLES OF BUILDING A NEW INTERNATIONAL ARCHITECTURE OF HUMAN RIGHTS PROTECTION

Rybakov N.S.

Presidential Academy=

The article analyzes the comparison of the principles of the new world order proposed by V.V. Putin with the principles of building a new international architecture for the protection of human rights, presented by T.N. Moskalkova. The article substantiates the relationship between the formation of a new world order and the reform of the human rights protection system, determined by civilizational conflicts and the degradation of the existing system. The need to take into account the cultural and historical context, ensure political neutrality, fair representation and openness in the activities of international human rights institutions is emphasized. The special role of regional mechanisms for the protection of human rights and the need to develop specific forms and mechanisms of functioning of supranational human rights structures in order to comply with these principles are identified. The importance of expanding bilateral cooperation and observing the principles of equality and mutual respect is explored. It is proved that the effective implementation of the principles considered is a key factor in the sustainable development of mankind and the preservation of humanity.

Keywords: human rights, new world order, international human rights protection architecture, human rights system principles.

References

1. Abadidze A.N. A new international analytical system for the protection of human rights // Gaps in Russian legislation. 2023. Vol. 16. No. 3. pp. 187–192. E-mail: HDSOQL.
2. Universal Declaration of Human Rights (adopted by the third session of the UN General Assembly 217 A (III) on December 10, 1948) // Rossiyskaya Gazeta. newspaper. 1995. April 5.
3. Report on the status of a full member of the government in the Russian Federation for 2024 / Rossiyskaya Gazeta – 2025. – № 41(9580) – 26 February [Electronic resource]. – Access

mode: <https://rg.ru/documents/2025/02/26/doklad-2024-god-site-dok.html> (date of reference: 07/01/2025).

4. Kuzmenkov, S.Y. Actual problems of international cooperation in the field of human rights protection / S.Y. Kuzmenkov // Bulletin of the Mari State University. Series: Historical Sciences. Historical sciences. – 2016. – VOL. 2, No. 2(6). – pp. 71–76. – PUBLISHING HOUSE WLZRBX.
5. Moskalkova T.N., when the head of state began to be called “rulers”, one can continue to be interested in his activities / Rossiyskaya Gazeta – 2022. – № 279(8927) – 9 December [Electronic resource]. – Operating mode: <https://rg.ru/2022/12/09/kommentarij-k-istine.html> (date of request: 07/01/2025)
6. Moskalkova T.N. Seven principles to help // Arguments and facts. 2024. May 25. [electronic resource]. – Access mode: <https://aif.ru/politics/russia/sem-principov-v-pomoshch-moskalkova-predlozila-reformu-mirovoy-pravozashchity> (date of request: 07/01/2025)
7. Oganessian, T.D. Oganessian, The doctrine of the “living instrument” in the practice of the European Court of Human Rights / T.D. Oganessian // Scientific Notes of the V.I. Vernadsky Crimean Federal University. Historical sciences. – 2023. – VOL. 9 (75), No. 2. – PP. 434–442. – ED.
8. Problems of human rights protection in the Eurasian space // Problems of human rights protection in the Eurasian space: experience of best practices of ombudsmen: proceedings of the Second International Conference dedicated to the 70th anniversary of the adoption of the Universal Declaration of Human Rights and the 25th anniversary of the adoption of the Constitution of the Russian Federation (Moscow, November 8, 2018). Moscow: RUDN University, 2019. pp. 25–35.
9. The program presented by V.V. Putin at the international conference of the XVIII international discussion club “Valdai” dated 05.10.2023 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.kremlin.ru/events/president/transcripts/72444> (date of access: 07/01/2025).
10. The program presented by V.V. Putin at the international conference of the XVIII international discussion club “Valdai” dated 11/07/2024 [Electronic resource]. – Access mode: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/75521> (accessed 07/01/2025)
11. The Charter of the United Nations // Collection of existing treaties, agreements and conventions concluded by the USSR with foreign states. Issue XII. – Moscow, 1956. – pp. 14–47.
12. Pegram, Tom, Governing Relationships: The New Architecture in Global Human Rights Governance (August 18, 2014). URL: https://papers.ssrn.com/sol3/papers.cfm?abstract_id=2482615 (date of request: 01.07.2025).

Сравнительно-правовая характеристика института коллективного главы государства в Андорре и Сан-Марино

Старков Кирилл Андреевич,

магистрант института инновационных образовательных практик Тульского государственного педагогического университета им. Л.Н. Толстого

Тренина Елизавета Геннадьевна,

доцент, кандидат политических наук, доцент кафедры правовых и общественно-политических дисциплин ТГПУ им. Л.Н. Толстого

В современной юридической науке повышается интерес к нестандартным формам организации государственной власти. При этом сравнительный анализ института коллективного главы государства в Княжестве Андорра и Светлейшей Республике Сан-Марино ранее не производился в научных исследованиях. Цель – провести сравнительно-правовой анализ коллективного главы государства. Задачи – рассмотреть порядок организации института дуумвирата в Андорре и Сан-Марино, а также полномочия и ответственность глав государств в этих странах. Методология: В статье были использованы общенаучные методы анализа и синтеза информации, а также сравнения. Основным же научно-научным методом выступил сравнительно-правовой метод. Кроме того, использовался формально-юридический анализ текстов нормативно-правовых актов. Результаты: Проведенное исследование выявило высокую степень схождения в институте дуумвирата в Андорре и Сан-Марино. Общие черты – узкий круг полномочий глав государства, фактическое отсутствие ответственности за свои действия во время правления. Различия проявляются в сроке полномочий, порядке назначения и гражданстве глав государства. Научная новизна заключается в том, что ранее сравнение данных форм правления в юридической науке не проводилось. Практическая значимость: Результаты данного исследования могут быть использованы при изучении других вопросов государственного устройства Андорры и Сан-Марино, а также в теоретических исследованиях, которые посвящены формам государства и формам правления.

Ключевые слова: главы государства, соправители, капитан-регенты, полномочия, ответственность.

Глава государства в системе управления занимает особое место. В современном мире чаще всего это избираемый на определенный срок человек, который в той или иной степени является выразителем интересов своей страны, а также символизирует ее. В монархических государствах такие характеристики проявляются в большей степени. Но, в подавляющем большинстве случаев главой государства является один человек [7, с. 37–38]. Однако, в Европе есть две страны, где веками существует система дуумвирата. Это Княжество Андорра и Светлейшая республика Сан-Марино [1;2].

Полные названия данных государств закреплены в их Конституциях и в полной мере отражают форму правления. В Сан-Марино – это республика с избираемыми капитан-регентами [1; 8, с. 75], в Андорре – это своеобразная монархия с Соправителями во главе («Co-princes», что дословно можно перевести как «Сокнязья») [2, Титул III; 8, с. 18–19].

Срок полномочий у глав государств в Андорре и Сан-Марино различный. В первом случае епископ Урхельский занимает свою должность пожизненно (духовный сан присваивается на всю жизнь) [6, кан. 377–382], а Президент Франции в рамках своего срока полномочий в соседней стране (5 лет, не более двух сроков подряд) [3, ст. 6; 8, с. 18–19]. В Сан-Марино, в свою очередь, капитан-регенты занимают пост главы государства всего полгода [1; 8, с. 75].

Государственное устройство Андорры основано на средневековом договоре 1278 г., согласно которому власть на данной территории была разделена между графом де Фуа, Рожером III, и епископом Урхельским. Впоследствии после ряда браков власть перешла к французскому королю. Ныне одним из правителей данного микространства является Президент Франции [8, с. 16; 9]. Соправители в Андорре «воплощают собой верховное представительство», «являются символами и гарантами незыблемости и преемственности Андорры», «являются арбитрами и гарантами деятельности публичных властей и институтов». Они обладают следующими полномочиями (в основном после контрасигнации их актов главой Правительства или председателем Генерального собрания):

1. Созывают избирателей на всеобщие выборы или референдум;
2. Назначают главу Правительства;
3. Подписывают декрет о роспуске Генерального собрания;

4. Аккредитуют дипломатических представителей Андорры и принимают аккредитацию иностранных представителей;
5. Назначают должностных лиц других государственных учреждений (точный перечень не указан);
6. Выражают согласие на принятие обязательств по международным договорам;
7. Санкционируют и обнародуют законы;
8. Осуществляют совместное помилование;
9. Создают структуры и службы, которые они «считают необходимыми для реализации их конституциональных функций, а также назначение должностных лиц»;
10. Назначают членов Высшего совета Правосудия (высший орган судебной системы, который наделен административными функциями по управлению данной ветвью власти; состоит из пяти членов; один соправитель назначает одного члена) и Конституционного Трибунала (орган конституционного контроля; состоит из четырех судей; один соправитель назначает одного судью);
11. Обращаются в Конституционный Трибунал о «неконституционности» законов или международных договоров;
12. Обращаются в Конституционный Трибунал «о конфликте в сфере их конституционных полномочий»;
13. Назначают представителей в государстве.

Исходя из вышесказанного можно увидеть, что власть Соправителей существенно ограничена – они не обладают законодательной инициативой (она есть у Генерального совета и правительства), не формируют Правительство (это делает парламент), назначают только двоих членов Высшего совета Правосудия и Конституционного трибунала, их решения должны быть контрассигнованы. Но, вместе с тем, они не несут ответственности за свои акты, кроме случаев, предусмотренных Конституцией (перечень таких случаев отсутствует) [2, Титул III; 8, с. 18–19].

Полномочия капитан-регентов в Светлейшей Республике Сан-Марино также в большей степени номинальные. Они не обладают правом голоса в парламенте и правительстве. Однако, могут распустить Генеральный Совет в случае, если он не может сформировать правительство или в случае окончания срока полномочий законодательного органа. Также они обладают взаимным правом вето и не обладают законодательной инициативой. Однако, в случае крайней необходимости они могут издавать регентские указы. Кроме того, они созывают на заседание Генеральный Совет (парламент) и Государственный конгресс (правительство) [1; 8, с. 75].

В Андорре на должность одного из соправителей может быть избран человек, который по французским законам стал Президентом, а на должность другого – тот, кто стал епископом Урхельским согласно церковному праву [6, кан. 377–382]. Поэтому можно сказать о том, что Конституция Ан-

дорры не устанавливает дополнительных критериев для избрания на должность главы государства. В Сан-Марино на должность капитан-регентов назначают людей Генеральный Совет из своего состава, а он, в свою очередь избирается народом [1; 7, с. 75]. При этом есть ряд ограничений: гражданство от рождения (натурализованные граждане не могут стать главой государства по Декрету 1912 г.) [5], возраст не моложе 25 лет, избран в Генеральный Совет, не избирался на должность главы государства последние 3 года (Декрет от 1906 г.) [4]. Перед вступлением в должность главы государства в Андорре и Сан-Марино приносят присягу в торжественной обстановке [7, с. 75].

В Княжестве Андорра, по сути, отсутствует юридическая возможность привлечения к ответственности глав государства:

1. Не несут ответственности за свои решения по Конституции [2, ст. 44];
2. За нарушение каких-либо норм они будут привлечены к ответственности по другим актам (епископ по церковному праву, а Президент Франции по законодательству своей страны).

В Сан-Марино несколько иные положения об ответственности. Во время срока полномочий капитан-регенты защищены своего рода «неприкосновенностью». После истечения шести месяцев любой избиратель может подать иски против глав государства. Данную специальную процедуру можно провести лишь в первые пятнадцать дней после того, как человек покинул свою должность [1; 8, с. 75].

Таким образом, традиционный институт коллективного главы государства в Андорре и Сан-Марино уходит корнями в глубокую древность и не претерпел существенных изменений в течение веков. При этом наиболее существенная разница проявляется в сроках полномочий глав государств (пожизненный у одного из соправителей, максимум десять лет у второго в Княжестве и шесть месяцев в Республике), в порядке назначения и в «гражданстве» («Сокнязья» являются гражданами соседних государств, тогда как капитан-регенты граждане по рождению). В целом можно сказать, что институт дуумвирата в данных государствах представляет собой уникальный пример нетипичного способа организации государственной власти, который в основном носит номинальный характер (но, при этом, у правителей есть юридическая возможность превысить свои полномочия в связи с отсутствием у них ответственности), а реальная власть сосредоточена в руках парламента и правительства Андорры и Сан-Марино.

Литература

1. Statuta, decreta, ac ordinamenta illustris Reipublicae ac perpetuae libertatis terrae Sancti Marini Arimini // Гугл.книги. [Электронный ресурс] URL: https://books.google.ru/books?id=GhFIAAAAcAAJ&pg=PA33&hl=ru&source=gbs_toc_

- r&cad=2#v=onepage&q&f=false / (дата обращения: (дата обращения: 01.07.2025);
- Конституция Княжества Андорра от 14 марта 1993 г. // Конституции государств (стран) мира. [Электронный ресурс] URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=144> / (дата обращения: 01.07.2025);
 - Конституция Французской Республики 1958 г. // Конституции государств (стран) мира. [Электронный ресурс] URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=144> / (дата обращения: 01.07.2025);
 - Указ от 30 июля 1906 г., который запрещает переизбрание капитан-регентом до трехлетнего срока // КонсиглиоГрандееГенерале.см [Электронный ресурс] URL: <https://www.consigliograndeegenerale.sm/on-line/home/archivio-leggi-decreti-e-regolamenti/scheda17009179.html> / (дата обращения: 02.07.2025);
 - Указ от 9 марта 1912 г., подтверждающий запрет избирать на должность капитан-регента натурализованных граждан // КонсиглиоГрандееГенерале.см [Электронный ресурс] URL: <https://www.consigliograndeegenerale.sm/on-line/home/archivio-leggi-decreti-e-regolamenti/scheda17009292.html> / (дата обращения: 02.07.2025);
 - Кодекс канонического права Папы Иоанна Павла II от 25 января 1983 г. // Ватикан.ва [Электронный ресурс] URL: https://www.vatican.va/archive/cod-iuris-canonici/russian/codex-iuris-canonici_russian.pdf / (дата обращения: 02.07.2025);
 - Горшенева И.А. и др. Правовой статус главы государства / И.А. Горшенева и др. – Текст: электронный/ Вестник экономической безопасности. 2024. № 5. С 37–42 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-glavy-gosudarstva> / (дата обращения: 01.07.2025);
 - Матвеев Г.П. Андорра, Лихтенштейн, Монако, Сан-Марино. – М.: Географгиз, 1959. – 88 с. – (У карты мира).
 - Фернсворт, Л. А. (1934). Андорра: закат последнего феодального государства Европы. *Foreign Affairs*, 12(2), 335–338. [Электронный ресурс] URL: <https://doi.org/10.2307/20030590> / (дата обращения: 01.07.2025).

COMPARATIVE LEGAL CHARACTERISTICS OF THE INSTITUTE OF THE COLLECTIVE HEAD OF STATE IN ANDORRA AND SAN MARINO

Starkov K.A., Tronina E.G.

Tula State Pedagogical University named after. L.N. Tolstoy

Relevance: In modern legal science, interest in non-standard forms of organizing state power is increasing. At the same time, a com-

parative analysis of the institution of the collective head of state in the principality of Andorra and the brighter Republic of San Marino was not previously carried out in scientific research. The goal is to conduct a comparative legal analysis of the collective head of state. Tasks-to consider the procedure for organizing the Duumvirate Institute in Andorra and San Marino, as well as the powers and responsibilities of the heads of state in these countries. Results: The analysis revealed a high degree of similarity at the Duumvirate Institute in Andorra and San Marino. General features are a narrow circle of powers of the heads of state, the actual lack of responsibility for their actions during the reign. The difference is manifested in the term of powers, the appointment and citizenship of the heads of state. The scientific novelty lies in the fact that earlier a comparison of these forms of government in legal science was not carried out. Practical significance: the results of this study can be used in the study of other issues of the state structure of Andorra and San Marino, as well as in theoretical studies that are devoted to state forms and forms of government.

Keywords: heads of state, co-rulers, captain-regions, powers, responsibility.

References

- Statuta, decreta, ac ordinamenta illustris Reipublicae ac perpetuae libertatis terrae Sancti Marini Arimini // Google books. [Electronic resource] URL: https://books.google.ru/books?id=GhF-lAAAcAAJ&pg=PA33&hl=ru&source=gbs_toc_r&cad=2#v=onepage&q&f=false / (date of access: (date of access: 01.07.2025);
- Constitution of the Principality of Andorra of March 14, 1993 // Constitutions of the states (countries) of the world. [Electronic resource] URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=144> / (date of access: 01.07.2025);
- Constitution of the French Republic of 1958 // Constitutions of the states (countries) of the world. [Electronic resource] URL: <https://worldconstitutions.ru/?p=144> / (date of access: 01.07.2025);
- Decree of July 30 1906, which prohibits the re-election of the captain regent before a three-year term // ConsiglioGrandeGenerale.sm [Electronic resource] URL: <https://www.consigliograndeegenerale.sm/on-line/home/archivio-leggi-decreti-e-regolamenti/scheda17009179.html> / (date of access: 02.07.2025);
- Decree of March 9, 1912, confirming the prohibition to elect naturalized citizens to the post of captain regent // ConsiglioGrandeGenerale.sm [Electronic resource] URL: <https://www.consigliograndeegenerale.sm/on-line/home/archivio-leggi-decreti-e-regolamenti/scheda17009292.html> / (date of access: 02.07.2025);
- Code Canon Law of Pope John Paul II of January 25, 1983 // Vatican.va [Electronic resource] URL: https://www.vatican.va/archive/cod-iuris-canonici/russian/codex-iuris-canonici_russian.pdf / (date of access: 07/02/2025);
- Gorsheneva I.A. et al. Legal status of the head of state / I.A. Gorsheneva et al. – Text: electronic / Bulletin of Economic Security. 2024. No. 5. P. 37–42 URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-status-glavy-gosudarstva> / (date of access: 07/01/2025);
- Matveyev G.P. Andorra, Liechtenstein, Monaco, San Marino. – M.: Geografiz, 1959. – 88 p. – (At the World Map).
- Fernsworth, L. A. (1934). Andorra: The Decline of Europe's Last Feudal State. *Foreign Affairs*, 12(2), 335–338. [Electronic resource] URL: <https://doi.org/10.2307/20030590> / (date of access: 01.07.2025).

Путь формирования современной китайской научно-технической мысли и отражение ее особенностей в научно-технической политике КНР

Барова Валерия Олеговна,

аспирант Санкт-Петербургского Политехнического университета
E-mail: barovav@list.ru

Статья посвящена общим тенденциям и закономерностям в китайском обществе, которые возникали и изменялись в ходе научно-технического развития КНР. Предметом данного мини-исследования является китайская научно-техническая мысль, её формирование и исторический путь правового закрепления её особенностей в научно-технической политике КНР, а его целью – историческая характеристика процессов в обществе, которые повлияли на современное состояние научно-технического потенциала КНР. Особое внимание в данном исследовании уделяется конфуцианству как ведущему феномену в формировании менталитета и научного мировоззрения китайской нации, описанию влияния СССР и США на научно-технический прогресс Китая, а также обзорной характеристике «большого скачка» и культурой революции как поворотных точек для переоценки вектора развития страны. Также приводится состояние научно-технической политики КНР в разные исторические эпохи: описывается степень участия государственного механизма в развитии науки и техники в дореспубликанском Китае, а также раскрываются основные положения научно-технических политик Дэн Сяопина и Мао Цзэдуна. В результате удалось создать комплексную теоретико-правовую и историческую картину формирования китайской научно-технической мысли.

Ключевые слова: научно-техническое развитие КНР, китайское право, инновации, научно-техническая политика КНР, конфуцианство, большой скачок, культурная революция, менталитет

Введение

Сближение России и КНР неизбежно приводит к появлению потребности более детального понимания мотивов и целей восточных партнеров.

Актуальность данной работы обусловлена тем, что научно-техническое взаимодействие Российской Федерации и Китайской Народной Республики требует от сторон осознания точек соприкосновения и напряжения в сфере научно-технической деятельности и экспериментальных разработок и подкрепляется некоторыми положениями, изложенными в Указе Президента РФ от 02.07.2021 N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» [1]. Понимание всех тонкостей общения в данной сфере возможно лишь через понимание процесса формирования и развития научно-технической деятельности в Китае и особенностей их менталитета в том числе и в историческом аспекте.

Материалы и методы

Методологической основой исследования являлись анализ, обобщение и систематизация информации, полученной из литературных источников (учебная литература, научные статьи) и Интернет-источников (электронные ресурсы).

Литературный обзор

При написании работы были использованы научная и учебно-методическая литература, статьи в периодических изданиях Российской Федерации, статьи на сайтах российских и зарубежных интернет-издательств. Работы Васильева Л.С., Трошинского П.В., Малышевой Н.И., Александрова М.В., Иванова С.А., Еремеева В.Е., Чечельницкого С., Регзенова Д.Б. а также зарубежных коллег, таких как Ли М. и Хоу Ц. позволяют раскрыть особенности научно-технической мысли и научно-технической политики КНР через призму китайского менталитета под сильным влиянием идей конфуцианства, составить представление об экономике Северо-Восточного Китая и советской помощи в 50-х годах, сотрудничестве КНР и США в сфере науки и образования в 1969–1993 гг, получить достаточные сведения об исторических и правовых аспектах развития малых и средних предприятий в КНР.

Результаты

Мышление китайца и европейца существенно различается, поскольку представления о важнейшей категории действительности – времени – существенно отличаются. В китайском представлении время шестимерно и имеет коридоры. Человек проходит мимо них даже если стоит, то есть во времени нет стационарных объектов. Это находит отражение в том числе и в грамматике китайского языка, где нет четких категорий времени и большую часть мыслей можно выразить и через настоящее время, вплетая определенный контекст.

Одна из старейших математических работ под названием «И Цзин» во многом перекликается с этой идеей. Главная мысль данного труда заключается в том, что мировой процесс – чередование ситуаций, каждая из которых обозначается одним из 64 знаков (*гексаграмм*), состоящих из двух типов признаков: «ян» (целые горизонтальные линии) и «инь» (горизонтальный штрих, прерванный посередине) в различных комбинациях.

В дальнейшем прямые ссылки на идеи, содержащиеся в И Цзин, использовал Лейбниц, философ и математик, разрабатывая двоичную систему счисления, которая в дальнейшем легла в основу ЭВМ.

На долю Конфуция (孔子, 551–479 до н.э.) выпала участь прочувствовать все масштабные последствия упадка Китая эпоха Чжоу (周朝), в результате которого возникло 148 больших и малых царств. В сложившихся обстоятельствах, создавая модель для подражания – цзюнь-цзы (君子), Конфуций выдвинул два первостепенных достоинства: гуманность и чувство долга [2, с. 287–288]. Всего насчитывалось «пять постоянств» (五常) благородного человека, аристократа не по происхождению, а по духу: гуманность, справедливость, ритуал, мудрость, искренность.

Гуманность «жэн» (仁), являясь ядром человеческого в человеке и его нравственным долгом, по Конфуцию включала большое количество высокоморальных качеств, поэтому ее наличие в человеке – недостижимый идеал, и была присуща предшественникам.

Долг по Конфуцию – это самонакладываемые обязательства морального характера, продиктованное силой добродетелей истинно гуманного человека; противоположная (низкая) цель негуманного человека – выгода. Недаром существует устойчивая идиома из Мэн-цзы (孟子): 为富不仁, 为仁不富 («великодушный человек не может быть богатым и наоборот»), которая по смыслу перекликается и с библейскими смыслами – «легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому войти в Царство Небесное» (Мф. 19:24). Иными словами, Конфуций выдвигает идею, что человек делает себя сам.

Из «жэн» (仁) проистекало понятие «и» (义) (справедливость), которое корнями уходит во внутренний самоконтроль (долг) при достижении интересов и, как следствие, основывалось на взаимности

во многих аспектах жизни (например, почитание родителей – это благодарность за твое рождение и воспитание), а также во стремлении к знаниям и постижении мудрости предков. В противовес строгости и твердости к себе, продиктованные «и» (义), существовало такое понятие как «чжи» (智) (мудрость), которое включало в себя самоанализ и мышление на перспективу (осмотрительность в речах, осторожность в поступках, избегание крайностей, забота о чести с молодости и т.п.).

Элементом, цементирующим отношения общества, был «ли» (礼), означающий важность соблюдения церемоний и ритуалов. Но так как церемония – красивая форма, легко впасть в лицемерие. Так, Л.С. Васильев отмечает, что впоследствии так называемый культ формы способствовал развитию среди конфуцианских шэньши странного этикета в общении, заключающегося в переплетении сильного внутреннего самоуважения с показным самоуничижением [2, с. 305–306]. Чтобы предотвратить такое положение дел, изначально в противовес 礼 существовала заложенная мыслью Конфуция «синь» (信) – искренность, но жизнь все равно диктовала свои условия и, как показывает история Китая, люди больше руководствовались формой, нежели смыслом.

Система нравственного поведения и облика человека, выстроенная Конфуцием, передававшаяся его последователями и почитателями, превратилась в закостенелую догму, поскольку стало трактоваться лишь как внешнее оформление благопристойности. Впоследствии из ритуализированных конфуцианских норм был оформлен трактат Ли Цзи (礼记), согласно которому люди жили более двух тысяч лет, и чем выше было социальное положение, тем с большим прилежанием его следовало изучать и соблюдать. И, таким образом, с течением времени идеальная конфуцианская модель социального механизма легла в основу китайского государства. Даже в период Сражающихся царств (战国, V–III вв. до н.э.), когда радикальные перемены происходили во всех сферах жизни, а также приходился расцвет «ученых школ», конфуцианство по-прежнему сохраняло свои лидирующие позиции, но легистское направление все же его потеснило. Методы управления конфуцианцев выглядели мягкими в сложившихся реалиях, а предлагаемые легистами административный регламент с жесткой и четко определенной системой наказаний и авторитарной деспотией казались эффективнее. Проведенные министром Шан Яном реформы в окраинном западном царстве Цинь, и, в последствие, усиление этого царства, привело к провозглашению Цинь Ши-хуанди (259–210 гг. до н.э.) новой династии – Цинь, где уже на всей территории была распространены методы управления легистов. Однако такая система просуществовала недолго, и, поработанный разнообразными повинностями народ, ощутив кризис, поднял восстание, после чего предводитель восставших крестьян Лю Бан основал новую династию Хань [2, с. 296–299].

В ходе такого исторического смешения конфуцианских и легистских идей, произошло осознание важнейших вещей. Предложенные легистами методы и институты в сочетании с предложенными ранее конфуцианцами уважением к мудрости прошлого и морали позволило впоследствии сильно укрепить китайскую государственность – министр-реформатор Дун Чжун-шу при ханьском императоре У-ди преобразовал идеи первоначального конфуцианства, превратив их в официальную государственную идеологию.

В ее основе лежала идея сохранения и упрочения сложившейся в соответствии с заветами Конфуция системы. Отныне неотступное следование каждому слову мудрецов, а не размышление над их речами – главная добродетель. Так, китайское общество пришло к обоснованию крайнего консерватизма. Культ неизменной формы нашел свое отражение в таком обыденном для любого китайца стремлении «не потерять лицо» путем строго следования застывшей внешней форме, впрочем, оказалось очень удобным для организации управления огромной империей.

Среди простолюдинов, не знавших китайской грамматики, пассажи из Шицзина, изречения из Лунь Юй и заповеди Ли Цзи распространялись из уст и пересказывались детям. Популярность Шицзин («Книга песен и гимнов») обусловлена тем, что туда вошло 305 поэтических произведений, которые Конфуций считал наиболее важными источниками мудрости. В итоге сборник стал частью классического конфуцианского канона «Пятикнижие».

Несмотря на то, что в 213 году до н.э. советник при Ци Шихуан-ди Ли Сы убедил императора сжечь все книги, поскольку они представляют угрозу для создания универсального китайского государства, а выступившие против этой идеи 460 конфуцианцев закопаны заживо, китайская наука в области поистине впечатляла не только в гуманитарной сфере.

Наиболее влиятельная математическая книга, написанная в эпоху ранняя Хань, под названием «Девять глав о математическом искусстве» содержала систематизированное математическое наследие предшествующих эпох Цинь и Чжоу. В ней уже нашли отражения такие важнейшие математические темы, как: алгоритм взаимного вычитания (в западной математике – правило нахождения НОД), десятичные дроби, и явление, которое мы называем исключением Гаусса. В комментариях Лю Хуэя к данной книге уже присутствуют понимание и вычисление иррациональных чисел, но без введения термина как такового. Также есть математическое доказательство, приведенное в трактате для теоремы Пифагора. Влияние *Девяти глав* в значительной способствовало развитию математики не только в Китае до династии Цинь, но имело свое влияние и в регионах Кореи и Японии.

Несмотря на такие успехи, еще при династиях Суй и Тан экзамен на должность основывался на знаниях конфуцианского канона и литературных навыках, а после того, как при императоре

У-ди (140–87 до н.э.) государственной идеологией стало восстановленное и реформированное конфуцианство, естествознание было вытеснено любовью прежде к гуманитарным наукам. Эпоха Тан знаменуется расцветом китайской поэзии.

Следовавшая за ней империя Сун с новым экономическим укладом испытывает интеллектуальный расцвет, сравнимый с появлением «Ста школ» в эпоху Воюющих Царств. И все это из-за появления печатного пресса и сопряженное с этим распространение не только художественной, но и литература, но даже в таких условиях важнейшими науками оставались живопись, сочинение стихов и каллиграфия. Императоры тоже, как правило, были в большей степени покровительствовали искусствам (в особенности императоры Гао-цзун, Хуэй-цзун). В период династии Сун под покровительством императора Ли-цзуна, четыре книги неоконфуцианца, текстолога и комментатора конфуцианских канонических произведений Чжу Си стали стандартными требованиями к обучению студентов, проходивших подготовку к экзаменам на государственную службу.

Тем не менее, естествознание не прекращает своего развития. В эпоху Юань под владычеством Хубэяньла начинает активную работу астроном, математик и инженер Го Шоуцзин. Под монгольским владычеством усиливаются связи с арабско-мусульманскими астрономами, что позволило Го Шоуцзину сконструировать совмещающие арабско-мусульманские и китайские традиции астрономические приборы и создать экваториальный торкветум цзян, который, по замечанию исследователя традиционной китайской цивилизации и её науки Дж. Нидэма, являлся предвестником всех экваториальных установок современных телескопов. Также, несмотря на то, что монголы приглашали к себе на службу иностранцев из Европы, китайская математическая школа переживает расцвет без западного влияния, который сопряжен с именем педагога-методолога и автора пяти классических трактатов по математике Ян Хуя и внесшим огромный вклад в развитие китайской алгебры математиком Чжу Шицзе [5, с. 15–22].

В эпоху Мин в области астрономии трудится Син Юньлу, вычисливший с небольшой погрешностью по сравнению с современными вычислениями продолжительность тропического года [5, с. 17].

В 16 веке традиционная наука начала приходить в упадок, и миссионеры иезуиты стали внедрять западные достижения, а именно – птолемеовско-аристотелевскую модель Вселенной, поскольку книга Коперника была пока под запретом в Европе. Китайская наука постепенно начинает свое движение как часть мировой науки [5, с. 17].

Миссионер-иезуит Маттео Риччи знакомит китайских ученых с достижениями западноевропейской астрономии, а затем совместно с принявшим христианство и первым китайцем, успешно освоившим основы европейскую науку Сюй Гуанци, переводит западные книги по математике («Элементы» Евклида), гидравлике и географии [5, с. 17–18].

В 1618 году Иоанн Шрек привез телескоп, началась работа по преобразовании календаря по западному образцу. Из математиков того периода выделяются военный инженер Тан Шуньчжи, а также его современники Гу Инсян и Чэн Давэй [5, с. 22–23].

В эпоху Цин император Канси испытывал неподдельный интерес к математике (алгебра, тригонометрия, логарифмы), в которой достойно разбирались только ранее упоминаемый по тексту Сюй Гуанци времен династии Мин. Близкий друг императора иезуит-миссионер Фердинанд Вербист (китайское имя Фердинанд Вербист) разработал множество астрономических инструментов для совместных занятий. После его смерти император Канси позвал немало европейцев для расширения познаний. Дополнительно стал изучать западную медицину, анатомию, химию, географию, картографирование. Несмотря на такой мощный энтузиазм, Канси не размышлял о науке как о стратегическом инструменте укрепления страны [10].

Таким образом, несмотря на превалирование в китайской истории интереса к конфуцианскому наследию и искусству, естествознание имело мощное развитие даже будучи в долгой изоляции от европейского опыта.

После образования Китайской народной республики значение советской помощи Северо-Восточному Китаю в годы первых пятилеток огромно. Было восстановлено более 300 промышленных объектов: с нуля построено порядка 146 предприятий, техническая помощь по строительству и расширению была промышленных предприятий оказана в строительстве 12 промышленных объектов и 78 промышленных предприятий. [4, 328–330].

28 декабря 1954 году Китай и Советский Союз провели первую сессию китайско-советской комиссии по научно-техническому сотрудничеству [13]. Но уже в 1956 г. Чжоу Эньлай выступил с «Докладом о проблеме интеллектуалов», где он отмечает ведущую роль советских специалистов в развитии технологий, но считает, что принимать эту помощь необходимо не до бесконечности.

Параллельно с такими настроениями, росла неприязнь Мао Цзэдуна как к личности Хрущева, так и непринятие его позиции по развенчанию культа личности Сталина, что, несомненно, могло ударить и по его позициям в Китае, поскольку социалистический лагерь, как правило, ориентировался на действия Кремля. Требования со стороны Мао Цзэдуна атомного подводного флота «под ключ», форсирование передачи атомных технологий в руки КНР, а также вооруженные столкновения Китая со стратегически важным в условиях усиления Китая для СССР Индией стали истинными причинами того, что 24 июня 1960 года было созвано совещание коммунистических партий в Бухаресте с целью обсуждения международной обстановки, где Мао Цзэдун со стороны СССР был обвинен в национализме из-за индо-китайского столкновения, а Хрущев был выставлен насаждающим немарксистские идеи самоуправцем, который не видит Китай равным партнером. Несмотря на то, что конфликт

носил идеологический оттенок, по сути это была борьба за власть.

Впоследствии в ноябре 1960 года, в котором участвовали члены Политбюро ЦК КПК Лю Шаоци и Дэн Сяопин, китайская делегация потребовала исключить из всех документов форума тезис об историческом значении XX съезда КПСС. Это событие поставило окончательную точку добрососедских отношений между двумя коммунистическими державами на данном этапе.

Такие перемены во внешних отношениях привели к улучшению китайско-американских отношений, особенно после прихода к власти в 1969 г. президента США Р. Никсона: во-первых, США объявило об ослаблении ограничений на передвижение и торговлю между Китаем; во-вторых, в 1971 г. между Китаем и СССР произошло окончание изоляции, длившейся еще с 1949 года, поскольку Китай совершил дружеский жест и пригласил команду по настольному теннису США к себе с визитом [6, с.24],

КНР нуждался в сильном «наставнике» в науке, поскольку китайско-советский раскол и последствия «культурной революции» поспособствовали тому, что Китай серьезно отстал от мирового уровня и оказался в состоянии застоя в научно-технической сфере и испытывал нехватку талантов. Это и привело к тому, что в 1979 г, впервые в истории лидер КНР лично посетил США 29 января 1979 г, в результате чего было подписано «Соглашение между Правительством КНР и Правительством США о сотрудничестве в области науки и техники», которое насчитывало 500 проектов сотрудничества [6, с .24].

В апреле 1989 г. США ввели ряд санкций в отношении Китая по причине того, что тот не соблюдал права человека, что привело к приостановлению научных обменов и сотрудничества [6, с.26]. Параллельно с этим событием окончательно были восстановлены отношения между СССР и КНР после визита в мае 1989 г. в Китай М.С. Горбачёва

Однако уже в ноябре 1991 г. госсекретарь США Дж. Бейкер посетил Китай, что в конечном итоге позволило преодолеть санкции и возобновить сотрудничество в области науки и образования.

Таким образом, взаимодействие с СССР в период становления КНР заложило мощную материально-техническую составляющую для более интенсивного взаимодействия с США. Обе страны обеспечили КНР мощную базу для будущих реформ Дэн Сяопина.

Начатая в 1978 году политика реформ и открытости (改革开放) под руководством Дэн Сяопина, предполагала переход к социалистической экономике и открытость миру. Социалистическая модернизация с китайской спецификой включала в себя «четыре модернизации» – сельского хозяйства, промышленности, обороны, науки и техники с целью решения как тактической задачи – улучшению материального положения населения, так и стратегической – производство на душу населения долж-

но было быть выведено на показатели среднеразвитых государств [7, с.189–190].

В отличие от Мао Цзэдуна, Дэн Сяопин уделял должное внимание науке и технологиям, поэтому ускоренный экономический рост по его замыслу должен быть обусловлен качественным обновлением экономики посредством повышения потенциала научно-технического развития, в том числе через заимствования передовых зарубежных научно – технических достижений и управленческих решений для повышения международной конкурентоспособности [7, с.190].

Также в отличие от предшественника, Дэн Сяопин также признавал высокую роль интеллектуального труда интеллигенции для осуществления модернизации, а развитие производительных сил, которыми признавались наука и технологии, он связывал с отсутствием напряжений внутри производственных отношений [7, с.190].

Поскольку наука и техника отныне важнейшие элементы производительной силы, трансфер передовых технологий был важнейшим требованием к иностранным инвесторам для вхождения на китайский рынок, о чем емко свидетельствует краткий лозунг того времени «рынок в обмен на технологии» [9, с.105].

Обсуждение

Интересен еще и тот факт, что конфуцианство – не религия в полном смысле этого слова, а прежде всего некий регулятор взаимоотношений страны и императора в частности с Небом (недаром Китай имеет второе название, звучащее как Поднебесная). Отсюда и возникла идея разделения всего мира на цивилизованный Китай (в китайском языке слово Китай – это 中国, дословно «срединное государство», то есть «центр мира») и некультурных варваров. Удивительно, что китайские завоеватели принимали конфуцианскую систему администрации, как правило, окитаивались, что еще раз доказывало жителям Срединного государства силу их культуры [2, с. 299–300].

Из всего вышесказанного можно подытожить, что конфуцианство – основа китайского общества, благодаря которой китайская цивилизация просуществовала свыше двух тысяч лет. Революционные события XX века хоть и развенчали эту доктрину, но корнями своими она уходит в сознание каждого китайца и проявляется даже в современном образе жизни.

Современная китайская специфика по Троцкину включает в себя, во-первых, признание своего превосходства и исключительности, во-вторых, наличие некоторых особенности правосознания, которые выражаются в соблюдении юридических норм прежде всего стремлением «сохранить лицо» (культ формы), а не по причине угрозы наказания; также невыгодность какого-либо действия или бездействия либо (не)соответствие действий или бездействий конфуцианской морали не имеет юридической силы для китайцев [3, с.20;30].

Коммунистической партии Китая также позитивно воспринимает конфуцианство как дополнение к марксизму [8 с. 202].

Однако касаясь развития китайского естествознания, исследователь Хоу Цзюэ подчеркивает, что традиция применения теоретических научных методов без эмпирического исследования, передача умений, навыков и техники от единокровного родственника к единокровному родственнику, а в случае смерти родственника-предшественника, невозможность передачи технологии, естественно приводило к невозможности внедрения научно-технических изобретений на государственном уровне [8, с.203–204].

Таким образом, конфуцианство сыграло не только просветительскую роль, со временем превратившись в существенный тормозящий фактор в принятии и адаптации европейского подхода к науке и образованию.

Заключение

Научное мировоззрение китайца, как и весь его образ жизни, переплетается с идеями конфуцианства, которые за длительный исторический период по большей части приобрели догматический характер, но все же сохранили свое морально-нравственное содержание, хоть и в гипертрофированном виде. Несмотря на то, что его просветительская функция среди народных масс, а также функция в качестве социального лифта позволяли Китаю сохранять и чтить культуру, сформировать стойкое ощущение исключительности китайской нации и его наследия, а также обеспечить идейную основу функционирования китайской бюрократической машины, все же в существенной степени оно притупляло интенсивное развитие естествознания при дворе.

Вместе с тем, благодаря конфуцианству, китайская наука длительное время развивалась изолированно, и, несмотря на это, уже в древние времена достигала существенных успехов, предвосхищая многие европейские открытия («Девять глав о математическом искусстве», «И Цзинь»). Собственная философия понимания многих процессов сформировало особый подход к выстраиванию научно-технического развития, а точнее – долгое осознание необходимости внедрения технологий и идей в экономику по большей части из-за отсутствия стремления императоров пользоваться техническими науками как инструментом для обеспечения государственного процветания.

Волюнтаристские действия Мао Цзэдуна, также полагавшегося на заложенные еще с древних времен послушание, терпение, трудолюбие, стойкость, высокую работоспособность китайского народа, стремился выиграть гонку с Советским союзом и потерпел крах с первого шага претворения политики «Большого скачка» – не учел все особенности выплавки стали.

В отличие от предшественника, Дэн Сяопин признал науку и технологии производительной си-

лой и вложил не только деньги, но и осознанность в каждый свой шаг. Си Цзинпин также видит в науке залог сильного государства и наращивает финансовые вложения в фундаментальные исследования, предвосхищает отрасли будущего и вберет ориентир на возвращение талантов.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации «Об утверждении Концепции внешней политики Российской Федерации» от 31.03.2023 № 229 // Собрание законодательства Российской Федерации. 03.04.2024 г. № 14. Ст. 2406
2. Васильев Л.С. История религий Востока. 4 изд. М.: Книжный дом «Университет», 1999. – 432 с.
3. Малышева Н. И., Трошинский П.В. Право Китайской Народной Республики: теоретико-правовой аспект Учебное пособие. СПб.: Изво С.-Петерб. ун-та, 2022. 200 с
4. Александрова М.В. Экономика Северо-восточного Китая и советская помощь КНР в 50-х годах XX века // Китай в мировой и региональной политике. История и современность. 2013. № 8. С. 326–347.
5. Еремеев В.Е. Наука в эпохи Юань и Мин // Общество и государство в Китае. 2012. № 1, том 2. С. 15–38.
6. Ли М. Сотрудничество КНР и США в сфере науки и образования в 1969–1993 гг. // Международные отношения. 2023. № 3. С. 23–33. 8
7. Регзенова Д.Б.- О. Основные принципы и сущность реформ Дэн Сяопина // Вестник Бурятского государственного университета. Философия. 2010. № 6. С. 190–193.
8. Хоу Ц. Влияние конфуцианской этики на современное научное мировоззрение в Китае // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2017. № 7 (81). С. 202–204.
9. Чечельницкий С. Исторические и правовые аспекты развития малых и средних предприятий Китая // Постсоветский материк. 2019. № 3(23). С. 101–116.
10. Картаслов.ру // Истории периода династии Цин Том. 10. Глубокие познания в китайских и западных науках URL: https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%93%D0%B0%D0%BD_%D0%A1%D1%8E%D1%8D_%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BE_%D0%B4%D0%B0_%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B8_%D0%A6%D0%B8%D0%BD_%D0%A2%D0%BE%D0%BC_10/3 (дата обращения: 01.05.2024).

THE WAY OF FORMATION OF MODERN CHINESE SCIENTIFIC AND TECHNICAL THOUGHT AND REFLECTION OF ITS FEATURES IN THE SCIENTIFIC AND TECHNICAL POLICY OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA

Barova Valeria Olegovna

Saint Petersburg Polytechnic University

The article is devoted to the general trends and patterns in Chinese society that arose and changed in the course of scientific and technological development of the PRC. The subject of this mini-study is Chinese scientific and technological thought, its formation and the historical path of legal consolidation of its features in the scientific and technological policy of the PRC, and its goal is the historical characteristics of the processes in society that influenced the current state of the scientific and technological potential of the PRC. Particular attention in this study is paid to Confucianism as a leading phenomenon in the formation of the mentality and scientific worldview of the Chinese nation, a description of the influence of the USSR and the USA on the scientific and technological progress of China, as well as an overview of the “great leap” and the culture of revolution as turning points for reassessing the vector of development of the country. The state of the scientific and technical policy of the PRC in different historical periods is also given: the degree of participation of the state mechanism in the development of science and technology in pre-republican China is described, and the main provisions of the scientific and technical policies of Deng Xiaoping and Mao Zedong are revealed. As a result, it was possible to create a comprehensive theoretical, legal and historical picture of the formation of Chinese scientific and technical thought.

Keywords: scientific and technological development of the PRC, Chinese law, innovation, scientific and technological policy of the PRC, Confucianism, great leap, cultural revolution, mentality

References

1. Decree of the President of the Russian Federation “On approval of the Concept of foreign policy of the Russian Federation” dated 31.03.2023 No. 229 // Collection of legislation of the Russian Federation. 03.04.2024 No. 14. Art. 2406
2. Vasiliev L.S. History of religions of the East. 4th ed. Moscow: Book house “University”, 1999. – 432 p.
3. Malysheva N.I., Troshchinsky P.V. Law of the People's Republic of China: theoretical and legal aspect Textbook. SPb.: Publishing house of St. Petersburg. University, 2022. 200 p.
4. Aleksandrova M.V. Economy of Northeast China and Soviet Aid to China in the 1950s // China in World and Regional Politics. History and Modernity. 2013. No. 8. Pp. 326–347.
5. Eremeev V.E. Science in the Yuan and Ming Dynasties // Society and State in China. 2012. No. 1, Volume 2. Pp. 15–38.
6. Li M. China-US Cooperation in Science and Education in 1969–1993 // International Relations. 2023. No. 3. Pp. 23–33. 8
7. Regzenova D.B.-O. Basic Principles and Essence of Deng Xiaoping's Reforms // Bulletin of the Buryat State University. Philosophy. 2010. No. 6. Pp. 190–193.
8. Hou C. The Influence of Confucian Ethics on the Modern Scientific Worldview in China // Historical, Philosophical, Political and Legal Sciences, Cultural Studies and Art Criticism. Theory and Practice Issues. 2017. No. 7 (81). P. 202–204.
9. Chechelnitzky S. Historical and Legal Aspects of the Development of Small and Medium-Sized Enterprises in China // Post-Soviet Continent. 2019. No. 3 (23). P. 101–116.
10. Kartaslov.ru // Histories of the Qing Dynasty Vol. 10. Deep Knowledge in Chinese and Western Sciences URL: https://kartaslov.ru/%D0%BA%D0%BD%D0%B8%D0%B3%D0%B8/%D0%93%D0%B0%D0%BD_%D0%A1%D1%8E%D1%8D_%D0%98%D1%81%D1%82%D0%BE%D1%80%D0%B8%D0%B8_%D0%BF%D0%B5%D1%80%D0%B8%D0%BE_%D0%B4%D0%B0_%D0%B4%D0%B8%D0%BD%D0%B0%D1%81%D1%82%D0%B8%D0%B8_%D0%A6%D0%B8%D0%BD_%D0%A2%D0%BE%D0%BC_10/3 (date accessed: 01.05.2024).

Коллизионное регулирование отношений, возникающих между участниками международной платежной системы электронных денежных средств

Болдашова Анна Алексеевна,

магистрант МГЮА им. О.Е. Кутафина

E-mail: boldashovaa@gmail.com

Статья посвящена вопросу коллизионного регулирования отношений, возникающих между участниками, которые обеспечивают осуществление трансграничных переводов электронных денежных средств. Автор анализирует различные подходы к разрешению коллизионного вопроса в части регулирования отношений участников платежной системы, имеющих местонахождение в различных государствах. Кроме того, в статье раскрывается проблема правовой природы правил международной платежной системы, а также проблема определения применимого к ним права.

На основе исследования законодательства и судебной практики различных стран автором выявлены проблемы применения традиционных коллизионных норм к трансграничным отношениям, возникающим между участниками международной платежной системы. Особое внимание в статье обращено на вопрос допустимости применения коллизионного принципа автономии воли сторон (*lex voluntatis*) в данной сфере правоотношений. В качестве результата проведенного исследования автором представлены рекомендации по усовершенствованию российского законодательства в части коллизионного регулирования отношений, возникающих внутри международных платежных систем.

Ключевые слова: коллизионное регулирование, электронные деньги, международная платежная система, правила платежной системы, оператор платежной системы, автономия воли, закон наиболее тесной связи, характерное исполнение.

Поскольку цифровизация экономики и активное развитие технологий непосредственно оказывают влияние на сферу платежных и расчетных отношений, за последние несколько десятков лет использование электронных денег в розничных расчетах стало неотъемлемой частью современной экономики. Например, к числу известных электронных платежных систем можно отнести ЮMoney (ранее Яндекс.Деньги), AliPay, WeChat Pay, QIWI, WebMoney, PayPal. Однако несмотря на высокую популярность электронных платежей правовая инфраструктура осуществления трансграничных переводов электронных денег, а также коллизионное регулирование возникающих в связи с этим отношений, остаются малоизученными.

Инфраструктура любой платежной системы электронных денег представляет собой совокупность организаций, обеспечивающих функционирование электронных платежных систем (далее – ЭПС) и связанных между собой системой договорных отношений, направленных на обеспечение эффективного осуществления переводов электронных денежных средств.

На этом основании вполне уместным является выделение таких отношений в самостоятельную группу. Так, к примеру, доктор юридических наук О.Б. Сизимова наряду с корпоративными и обеспечительными отношениями, также возникающими в процессе создания и функционирования платежной системы, выделяет «инфраструктурные» отношения [8, с. 15]. Указанная правовая категория представляет собой систему отношений, основанием возникновения которых являются заключаемые между участниками платежной системы договоры, обеспечивающие регулирование перевода денежных средств.

В случае, когда электронная платежная система является международной (зачастую в силу различного местонахождения оператора платежной системы и ее участников), инфраструктурные отношения также могут приобретать признак трансграничности. Трансграничный характер таких отношений связан в первую очередь с тем, что участники международной ЭПС имеют различную национальную принадлежность.

На современном этапе исследования международных электронных платежных систем все еще актуальным и неразрешенным является вопрос коллизионного регулирования договорных отношений, возникающих при функционировании международной ЭПС. Ни в литературе, ни на законодательном уровне не сложилось единого подхода к пониманию правовой природы платежной систе-

мы в целом, а также отношений, возникающих при ее функционировании, — это значительно затрудняет процесс отыскания коллизионных норм, которые бы позволили наиболее объективно установить применимое право.

В первую очередь необходимо поставить вопрос о том, возможно ли вообще определить право, применимое ко всей электронной платежной системе в целом. Для ответа на этот вопрос следует исходить из правовой квалификации отношений, возникающих при функционировании международной ЭДС.

По той причине, что в литературе встречается позиция, согласно которой электронная платежная система признается самостоятельным субъектом права [5], является целесообразным рассмотреть данный подход и в контексте коллизионного регулирования. Исходя из такого понимания правовой природы электронной платежной системы, следует предположить, что при определении ее правового положения применимы коллизионные нормы, направленные на установление личного закона иностранной организации, не обладающей статусом юридического лица. Согласно российскому законодательству (ст. 1203 ГК РФ) в основе личного закона иностранной организации, не обладающей статусом юридического лица, лежит критерий инкорпорации (*lex incorporationis*). Однако при применении указанной коллизионной привязки к международной ЭПС является не совсем очевидным тот факт, что именно следует принимать в качестве страны места инкорпорации (регистрации) платежной системы электронных денежных средств. Как было установлено выше, для организации деятельности международной ЭПС на территории нескольких государств зачастую необходимо выполнение определенных требований национального законодательства: например, учреждение самостоятельного юридического лица и (или) получение лицензии и т.д. Таким образом, определить место учреждения международной ЭПС на практике затруднительно, поскольку соблюдение требований национального права каждого из государств приводит буквально к созданию целого ряда внутринациональных «подсистем», функционирующих внутри каждой отдельной юрисдикции.

Ярким примером выступает международная электронная платежная система PayPal, которая имеет целую сеть разнонациональных поставщиков платежных услуг, обеспечивающих проведение трансграничных переводов. Согласно официальной информации, головной офис PayPal зарегистрирован на территории США (штат Калифорния) в качестве юридического лица PayPal Ink. При этом на территории ряда государств PayPal оказывает услуги по осуществлению переводов электронных денежных средств посредством самостоятельных юридических лиц (например, PayPal Pte. Ltd — в Сингапуре, PayPal Australia Pty Ltd — в Австралии, PayPal Canada Co. — в Канаде, PayPal Hong Kong Limited — на территории Гонконга и т.д.).

Очевидно, что в таком случае правовой статус каждого отдельного поставщика платежных услуг, а также осуществление им лицензируемой деятельности по совершению переводов ЭДС будут подчиняться национальному законодательству, а не праву места инкорпорации основного оператора международной ЭПС.

Применение иных критериев личного закона юридического лица также не решает проблему определения правопорядка, компетентного регулировать функционирование всей международной платежной системы. Критерий оседлости не применим в данном случае, так как платежная система не обладает как таковыми органами управления. Применение критерия места ведения основной хозяйственной деятельности приводит к аналогичной проблеме, что и критерий инкорпорации, по причине осуществления деятельности международной ЭПС на территории нескольких государств.

Таким образом, в силу особенностей национального регулирования деятельности по осуществлению переводов электронных денежных средств определение права, применимого ко всей международной ЭПС, по аналогии с определением личного закона юридического лица, не приводит к однозначному результату. Более того, помимо оператора ЭПС, в структуру платежной системы входят и иные участники, личный закон которых будет определяться отдельно от личного закона оператора ЭПС.

Второй путь определения права, применимого к международной ЭПС в целом, связан с признанием отношений, возникающих внутри электронной платежной системы, многосторонними договорными отношениями, возникающими между участниками ЭПС на основе правил платежной системы. Аргументом в пользу договорной природы указанных отношений является признание правил платежной системы многосторонним договором на законодательном уровне. К примеру, данное положение закреплено в части 3 статьи 20 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» [2] (далее — Закон «О национальной платежной системе»). Признание правил электронной платежной системы договором позволяет квалифицировать право, применимое к отношениям, возникающим в связи с присоединением участников к правилам ЭПС, в качестве договорного (обязательственного) статута.

Однако прежде чем перейти к коллизионному регулированию, необходимо установить соотношение договорного статута, применимого к правилам ЭПС, и права, применимого к расчетным отношениям, возникающим при осуществлении перевода электронных денежных средств.

Правила любой платежной системы (далее — ПС) являются основополагающим документом, который определяет общий порядок деятельности и взаимодействия оператора платежной системы, ее участников, а также операторов услуг платежной инфраструктуры [7]. Потенциальный участник платежной системы должен заключить с ее опе-

ратором двусторонний договор, неотъемлемой частью которого будут выступать правила платежной системы. Таким образом происходит процесс присоединения участника к правилам ПС.

Правила платежной системы регулируют основные аспекты функционирования платежной системы: порядок и условия присоединения к ПС, порядок взаимодействия оператора платежной системы, ее участников и операторов услуг платежной инфраструктуры, применяемые формы безналичных расчетов (одной из форм по российскому законодательству являются и расчеты с использованием ЭДС), порядок осуществления перевода денежных средств в рамках платежной системы, включая моменты наступления его безотзывности, безусловности и окончательности и т.д. В то же время расчетные отношения, возникающие между операторами по переводу денежных средств (в том числе операторами электронных денег), регулируются самостоятельными двусторонними договорами, заключаемыми между соответствующими участниками платежной системы.

Таким образом, право, применяемое к правилам платежной системы, регулирует исключительно те права и обязанности, которые возникают в рамках отношений между оператором платежной системы и поставщиками платежных услуг, ставшими участниками платежной системы (например, операторы ЭДС), по поводу соблюдения правил такой платежной системы. Осуществление трансграничных расчетов (в том числе с использованием электронных денежных средств) неизбежно происходит посредством совершения нескольких расчетных сделок [3, с. 76], которые в свою очередь регулируются самостоятельными договорами. Исходя из этого, профессор В.А. Канашевский весьма справедливо отмечает, что в случае определения применимого права суд или арбитраж будут исходить из квалификации конкретных отношений сторон в качестве договора комиссии, поручения, агентского договора и т.д. [6, с. 273]. Иными словами, определение права, применимого к правилам платежной системы как к многостороннему договору, еще не означает определение права, применимого ко всем сделкам, совершаемым между участниками соответствующей платежной системы.

Генеральным коллизионным принципом определения применимого права к трансграничным договорам является автономия воли сторон (*lex voluntatis*). Выбор права, применимого к платежной системе, допускает право Европейского Союза. Так, статья 2 Директивы ЕС № 98/26/ЕС от 19 мая 1998 г. «Об окончательности расчета в платежных системах и системах расчета по ценным бумагам» закрепляет договорную природу платежных систем, признавая платежную систему неким соглашением трех и более участников по выполнению поручений о переводе между участниками в соответствии с общими правилами и стандартизированными соглашениями [16]. Указанная Директива предоставляет участникам платежной системы

возможность выбрать применимое право. Однако в данном случае автономия воли не является безграничной. Выбор может быть сделан только в пользу того правопорядка, на территории которого по крайней мере один из участников платежной системы имеет свой головной офис.

Выбор права, применимого к платежной системе, допускается и в законодательстве США. Статья 4А Единообразного торгового кодекса США «Перевод денежных средств» устанавливает коллизионную привязку, которая отсылает к праву, установленному в правилах самой платежной системы [17]. При этом особым образом регулируется круг субъектов, на которых распространяется выбор применимого права. В том случае, если платежная операция была совершена лишь частично с привлечением участников платежной системы, право, указанное в правилах такой системы, обязательно для инициатора, другого отправителя или банка-получателя при условии их уведомления об использовании данной системы и подчинения отношений определенному праву [9].

Таким образом, некоторые государства прямо допускают применение автономии воли при определении права, регулирующего правила соответствующей платежной системы. Однако применение *lex voluntatis* в таком случае все же является ограниченным, поскольку необходимо учитывать «оседлость» возникающих отношений и взаимность волеизъявления участников.

В то же время в юридической литературе некоторые авторы высказывают сомнения относительно свободы волеизъявления участников платежной системы, в связи с чем делают вывод вовсе об отсутствии договорной природы правил платежной системы. Так, к примеру, по мнению О.Б. Сиземовой правила платежной системы следует относить к источникам «мягкого» правового регулирования, нежели к договорам. В качестве основных аргументов О.Б. Сиземова называет отсутствие сформированного субъектного состава на момент формирования и вступления в силу правил платежной системы, а также невозможность учета волеизъявления участников при разработке и утверждении правил [8, с. 15].

Однако тот факт, что участники платежной системы (в том числе и электронной) присоединяются к положениям правил платежной системы уже после их утверждения и вступления в силу, не оспаривает договорную природу правил, а лишь сближает их с договорами присоединения [4].

В сфере расчетных отношений заключение договоров присоединения, в рамках которых одна из сторон не имеет возможности непосредственно влиять на содержание условий договора, является частой практикой. Договоры присоединения, осложненные иностранным элементом, могут содержать оговорку о применимом праве. В литературе имеет место мнение, согласно которому приоритет коллизионной нормы *lex voluntatis* возможен только при наличии равного положения обеих сторон в переговорном процессе, а также возможности

каждой из сторон влиять на выбор применимого права [12].

Однако, стоит предположить, что когда идет речь о коммерческих, а не потребительских отношениях, присоединение к подобному договору является достаточным выражением воли стороны в отношении выбора применимого права. Тот факт, что одна из сторон не принимала участия в разработке положений договора, в том числе условий о компетентном правопорядке, не влияет на действительность оговорки о применимом праве, содержащейся в договоре присоединения. Данный вывод находит подтверждение и в судебной практике. К примеру, в рамках арбитражного дела № А40–195723/2023 спор возник из договора корреспондентского банковского счета, который был заключен между ПАО «Сбербанк России» и Канадиэн Империал Бэнк оф Коммерс (Canadian Imperial Bank of Commerce) и имел природу договора присоединения. Условия указанного договора содержали оговорку о применимом праве, согласно которой договор регулируются и толкуются в соответствии с законодательством провинции Онтарио, Канада. При рассмотрении спора, возникшего в связи с удержанием канадским банком денежных средств на корреспондентском счете ПАО «Сбербанк России», суды трех инстанций не подвергли сомнению действительность указанной оговорки и руководствовались положениями законодательства провинции Онтарио [14].

Аналогичные выводы можно сделать и из анализа постановления Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.07.2014 по делу № А56–31660/2013 [15].

Таким образом, тот факт, что правила международной электронной платежной системы по своей природе близки к договору присоединения, не исключает возможности включения в такие правила оговорки о применимом праве и дальнейшем применении привязки *lex voluntatis* при разрешении коллизионного вопроса.

В то же время правилами международной платежной системы электронных денег может быть и не определено применимое право. В таком случае необходимо исследовать возможность применения иных коллизионных норм, обычно используемых при установлении договорного статута.

Как уже было указано выше, российское законодательство признает правила платежной системы договором. Следовательно, при определении права, применимого к правилам международной ЭПС, в отсутствие выбора сторон допустимо обращение к коллизионным нормам, установленным в ст. 1211 Гражданского кодекса Российской Федерации [1] (далее – ГК РФ).

В основе коллизионного регулирования, установленного статьей 1211 ГК РФ, лежит сложное сочетание принципа наиболее тесной связи и критерия характерного исполнения. Это связано прежде всего с особенностями исторического развития коллизионной привязки наиболее тесной связи (*lex connectionis fermitatis*), в том числе в странах

континентальной правовой семьи. Принцип наиболее тесной связи изначально сложился в английской судебной практике, в рамках которой суды при определении права, свойственного договору (*Proper Law of the Contract*) [6, с. 135], исходили из гипотетической воли сторон договора, а также критериев тесной связи договора с тем или иным правопорядком. При этом в английском праве концепция наиболее тесной связи имела высокий уровень гибкости, в связи с чем суды определяли применимое право по каждому отдельному случаю, исходя из фактических обстоятельств и локализации элемента каждого конкретного договора. Позднее в доктрине, а затем законодательстве и судебной практике западноевропейских стран постепенно формируется концепция характерного исполнения, которая ложится в основу более жестких презумпций применения принципа наиболее тесной связи в зависимости от вида трансграничного договора.

В ст. 1211 ГК РФ, так же как и в ст. 4 Регламента ЕС Рим I, сформулирован ряд презумпций, облегчающих определение применимого права в зависимости от конкретного договора. В основе современной концепции характерного исполнения лежат идеи швейцарского ученого А. Шнитцера, согласно которым применимым к договору является право страны места пребывания или места нахождения коммерческого предприятия той стороны договора, чьи обязательства носят характерное значение для данного вида договора [6, с. 135]. Иными словами характерным признается обязательство, исполнение которого придает конкретному типу договора его индивидуальные черты [10]. Однако в случае, когда конкретный вид договора не подпадает под сформулированные в п. 2 ст. 1211 ГК РФ коллизионные привязки, определение характерного исполнения (характерного обязательства) может быть проблематичным.

В литературе также характерным исполнением обобщенно называют такое исполнение, против которого должен быть произведен платеж [6, с. 135]. Однако такое понимание характерного исполнения является достаточно упрощенным и не позволяет его выделить в более сложных, непоименованных договорах, в которых характерному обязательству может не противостоять денежное обязательство. Именно этот фактор усложняет применение теории характерного исполнения к правилам международной ЭПС.

Кроме того, зачастую теория характерного исполнения больше применима к двусторонним договорам. В случае признания правил ЭПС многосторонним соглашением выделение стороны, осуществляющей характерное исполнение, является достаточно проблематичным. Следует предположить, что невозможно выделить какого-то одного участника платежной системы, чье исполнение носило бы характерное значение для функционирования всей электронной платежной системы.

В практике Верховного Суда Швейцарии рассматривалась ситуация, когда контракт содержал несколько характерных обязательств. Так, в реше-

нии от 13 марта 2019 г. по делу № 4А_444/2018 Верховный Суд Швейцарии установил, что контракт, направленный на организацию строительства автозаправочной станции, содержал более одного характерного исполнения. Спорный договор возлагал на одну сторону обязательства по планированию и консультированию, а на другую – обязательства по мониторингу, контролю и управлению строительными работами. К обязательствам первой стороны Суд посчитал применимыми положения об обязательствах по выполнению работ и оказанию услуг, к обязательствам второй стороны – положения законодательства об агентских договорах. Несмотря на то, что центральный вопрос, рассматриваемый Верховным Судом Швейцарии, касался определения территориальной юрисдикции, Верховный Суд сделал несколько важных выводов и в части применения коллизионного принципа характерного исполнения. Во-первых, было установлено, что трансграничный договор может иметь более одного характерного неденежного исполнения. Во-вторых, Суд указал, что в целях предотвращения регулирования отдельных аспектов контракта в соответствии с различным законодательством, уместным будет являться обращение к коллизионному критерию наиболее тесной связи в том случае, если выделение одного характерного исполнения невозможно [15].

Таким образом, правила платежной системы не подпадают ни под одну презумпцию, установленную в п.п. 1–8 ст. 1211 ГК РФ, и содержат более одного характерного исполнения, в связи с чем, определение договорного статута на данном этапе возможно исключительно на основании общих положений принципа наиболее тесной связи (п. 9 ст. 1211 ГК РФ). Профессор Канашевский В.А. также, исходя из толкования п. 9 ст. 1211 ГК, приходит к выводу о применении данной нормы при определении применимого права к непоименованному договору, из содержания которого сложно установить сторону, чье исполнение является характерным [6, с. 135].

В данном случае принцип наиболее тесной связи выступает в качестве корректирующей коллизионной привязки, позволяющей определить применимое право в случаях, когда иные коллизионные нормы не приводят к однозначному результату. Однако принцип наиболее тесной связи отличается высокой степенью гибкости, в связи с чем результат разрешения коллизионного вопроса не всегда является предсказуемым.

Определение применимого права на основе *lex connectionis fermitatis* сводится к применению так называемого объективистского подхода, который состоит в выявлении территориальной локализации отдельных элементов договорных отношений [11]. При определении тесной связи договора с тем или иным правовым порядком суды могут учитывать различные критерии, в том числе место исполнения и заключения договора, место коммерческой деятельности сторон, место нахождения органа, на разрешение которому стороны передали спо-

ры, вытекающие из договора, место и валюта платежа и т.д.

Однако определение права, применимого к правилам электронной платежной системы, исключительно на основе принципа наиболее тесной связи значительно снижает уровень правовой определенности, а также может приводить к противоречиям между положениями правил и императивными нормами применимого правового порядка. В связи с этим видится необходимым разработка специальной коллизионной нормы, которая приводила бы к однозначному результату при отсутствии в самих правилах платежной системы указания на применимое право.

В российском законодательстве отсутствует коллизионное регулирование отношений, возникающих при функционировании платежной системы, в том числе и электронной. В связи с этим предлагается дополнить статью 20 Федерального закона от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (далее – Закон «О национальной платежной системе») положениями, которые бы позволяли определять право, применимое к правилам платежной системы как многостороннему договору. Во-первых, следует установить допустимость применения *lex voluntatis* в отношении правил иностранной платежной системы, а также определить пределы автономии воли в части выбора применимого права. Во-вторых видится необходимым установление специальной коллизионной нормы, которая бы позволяла определять право, применимое к правилам платежной системы в отсутствие соглашения о выборе права. По той причине, что разработка правил платежной системы и осуществление контроля за их соблюдением возлагается на оператора платежной системы, следует предположить, что такие правила и, следовательно, отношения, возникающие при присоединении к ним новых участников, должны регулироваться правом страны, на территории которой оператор платежной системы имеет свое коммерческое предприятие.

Однако подобная коллизионная норма не должна применяться расширительно к иным отношениям, возникающим между участниками ЭПС из самостоятельных двусторонних договоров. Подобные договорные отношения могут иметь различную правовую природу, в связи с чем право, применимое к таким отношениям, должно определяться, исходя из конкретных обстоятельств, на основе общих коллизионных норм, содержащихся в ст.ст. 1210–1211 ГК РФ.

Возвращаясь к понятию инфраструктурных отношений, необходимо отметить, что определение единого статута, который бы регулировал всю совокупность отношений, возникающих между участниками электронной платежной системы по поводу организации осуществления переводов электронных денежных средств, является невозможным. Указанная система отношений является достаточно сложной по своей структуре и вытекает из множества договоров. В основе функционирования

всей международной ЭПС лежат правила такой платежной системы. Правила платежной системы имеют правовую природу многостороннего договора, присоединение к которому порождает договорные отношения, регулируемые обязательственным статутом. Однако определение права, применимого к таким отношениям, проблематично в силу их специфики и отсутствия специального коллизионного регулирования. Кроме того, в целях обеспечения функционирования ЭПС ее участники также заключают между собой двусторонние договоры, коллизионное регулирование которых осуществляется на основе норм, содержащихся в ст.ст. 1210–1211 ГК РФ.

Литература

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // СПС Консультант Плюс.
2. Федеральный закон от 27.06.2011 № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» // СПС Консультант Плюс.
3. Ефимова Л.Г. Банковские сделки. Комментарий законодательства и арбитражной практики. М.: КОНТРАКТ: ИНФА-М, 2000. 320 с.
4. Ефимова Л.Г. Денежные обязательства и финансовые сделки: учебник для магистратуры. М.: Проспект, 2023. 671 с.
5. Иванов В.Ю. Понятие электронной платежной системы в ракурсе нового законодательства // Рос. юстиция. 2012. № 6. СПС Консультант Плюс.
6. Канашевский В.А. Международные сделки: правовое регулирование: монография. 2-е изд. М.: Международные отношения, 2019. 704 с.
7. Комментарий к Федеральному закону от 27.06.2011 г. № 161-ФЗ «О национальной платежной системе» (постатейный) / Арзуманова Л.Л., Рождественская Т.Э., Костюк И.В., Малунова З.А., Пушкин А.В., Ротко С.В., Рябова Е.В., Хоменко Е.Г., Байтенова А.А., Тимошенко Д.А. 2021. СПС Консультант Плюс.
8. Сизимова О.Б. Механизм правового регулирования межбанковских расчетов: автореф. дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2015. 368 с.
9. Шамраев А.В. Регулирование деятельности трансграничных платежных систем, систем расчета по ценным бумагам и клиринговых систем // Банковское право. 2013. № 2. СПС Консультант Плюс.
10. Kurt L. Characteristic Performance. A New Concept in the Conflict of Laws in Matters of Contract for the EEC // Northwestern Journal of International Law & Business. 1981. Vol. 3, № 2. [Электронный ресурс] URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/njilb/vol3/iss2/18> (дата обращения: 10.04.2025).
11. Marasinghe L. Contract of Sale in International Trade Law. Singapore: Butterworths Asia, 1992. 437 p.
12. Zhang M. Contractual Choice of Law in Contracts of Adhesion and Party Autonomy // Akron Law Review. 2008. Vol. 41, Iss. 1. P. 123–173.
13. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 08.07.2014 по делу № А56–31660/2013 // СПС Консультант Плюс.
14. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 02.12.2024 № Ф05–26612/2024 по делу № А40–195723/2023 // СПС Консультант Плюс.
15. Решение Верховного Суда Швейцарии от 13.03.2019 по делу № 4А_444/2018. [Электронный ресурс]. URL: https://www.bger.ch/ext/eurospider/live/de/php/aza/http/index.php?lang=de&type=show_document&highlight_docid=aza://aza://13-03-2019-4A_444-2018&print=no (дата обращения: 10.04.2025).
16. Директива Европейского Парламента от 19.05.1998 № 98/26/ЕС «Об окончательности расчета в платежных системах и системах расчета по ценным бумагам» [Электронный ресурс]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1998/26/oj/eng> (дата обращения: 24.04.2025).
17. US Uniform Commercial Code, 1945. [Электронный ресурс]. URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc/4A/4A-103> (дата обращения: 24.04.2025).

CONFLICT REGULATION OF RELATIONS ARISING BETWEEN PARTICIPANTS OF THE INTERNATIONAL PAYMENT SYSTEM OF ELECTRONIC MONEY

Boldashova A.A.

Kutafin Moscow State Law University

This article is devoted to the issue of conflict regulation of relations arising between participants that ensure the implementation of cross-border transfers of electronic funds. The author analyzes various approaches to resolving the conflict issue in terms of regulating relations between participants in the payment system located in different countries. In addition, the article reveals the problem of the legal nature of the rules of the international payment system, as well as the problem of determining the law applicable to them. Based on the study of legislation and judicial practice of various countries, the author identified problems of applying traditional conflict rules to cross-border relations arising between participants in the international payment system. Particular attention in the article is paid to the admissibility of applying the conflict principle of autonomy of the will of the parties (*lex voluntatis*) in this area of legal relations. As a result of the study, the author presents recommendations for improving the Russian legislation in terms of conflict regulation of relations arising within international payment systems.

Keywords: conflict of laws regulation, electronic money, international payment system, payment system rules, payment system operator, autonomy of will, law of closest connection, characteristic execution.

References

1. Civil Code of the Russian Federation (part one) of November 30, 1994, No. 51-FZ // SPS Consultant Plus.
2. Federal Law of June 27, 2011, No. 161-FZ «On the National Payment System» // SPS Consultant Plus.
3. Efimova L.G. Banking transactions. Commentary on legislation and arbitration practice. Moscow: CONTRACT: INFA-M, 2000. 320 p.
4. Efimova L.G. Monetary obligations and financial transactions: textbook for master's degree. Moscow: Prospect, 2023. 671 p.

5. Ivanov V. Yu. The concept of an electronic payment system in the context of new legislation // Russian Justice. 2012. No. 6. SPS Consultant Plus.
6. Kanashevsky V.A. International transactions: legal regulation: monograph. 2nd ed. M.: International Relations, 2019. 704 p.
7. Commentary on the Federal Law of June 27, 2011 No. 161-FZ «On the National Payment System» (article by article) / Arzumanova L.L., Rozhdestvenskaya T.E., Kostyuk I.V., Malunova Z.A., Pushkin A.V., Rotko S.V., Ryabova E.V., Khomenko E.G., Baitenova A.A., Timoshenko D.A. 2021. SPS Consultant Plus.
8. Sizemova O.B. Mechanism of legal regulation of interbank settlements: author's abstract. diss. ... Doctor of Law. Moscow, 2015. 368 p.
9. Shamraev A.V. Regulation of the activities of cross-border payment systems, securities settlement systems and clearing systems // Banking law. 2013. No. 2. SPS Consultant Plus.
10. Kurt L. Characteristic Performance. A New Concept in the Conflict of Laws in Matters of Contract for the EEC // Northwestern Journal of International Law & Business. 1981. Vol. 3, No. 2. [Electronic resource] URL: <https://scholarlycommons.law.northwestern.edu/njilb/vol3/iss2/18> (date of access: 10.04.2025).
11. Marasinghe L. Contract of Sale in International Trade Law. Singapore: Buterworths Asia, 1992. 437p.
12. Zhang M. Contractual Choice of Law in Contracts of Adhesion and Par-ty Autonomy // Akron Law Review. 2008. Vol. 41, Iss. 1. P. 123–173.
13. Resolution of the Thirteenth Arbitration Court of Appeal dated 08.07.2014 in case No. A56–31660/2013 // SPS Consultant Plus.
14. Resolution of the Arbitration Court of the Moscow District dated 02.12.2024 No. F05–26612/2024 in case No. A40–195723/2023 // SPS Consultant Plus.
15. Decision of the Supreme Court of Switzerland dated 13.03.2019 in case No. 4A_444/2018. [Electronic resource]. URL: https://www.bger.ch/ext/eurospider/live/de/php/aza/http/index.php?lang=de&type=show_document&highlight_docid=aza://aza://13-03-2019-4A_444-2018&print=no (date of access: 10.04.2025).
16. Directive of the European Parliament of 19.05.1998 No. 98/26/EC «On settlement finality in payment and securities settlement systems» [Electronic resource]. URL: <https://eur-lex.europa.eu/eli/dir/1998/26/oj/eng> (accessed: 24.04.2025).
17. US Uniform Commercial Code, 1945. [Electronic resource]. URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc/4A/4A-103> (accessed: 24.04.2025).

Наследование прав на объекты промышленной собственности: особенности регулирования

Верхотуров Максим Евгеньевич,

магистр Московского государственного университета
им. М.В. Ломоносова
E-mail: dinsekt@mail.ru

Долматов Александр Олегович,

кандидат юридических наук, доцент Юридического института
Томского государственного университета

Минимализм в регулировании вопросов наследования прав на объекты промышленной собственности¹, который присутствует на всех этапах (дореволюционном, советском, современном) развития доктрины и законодательства, нельзя называть достоинством нашей правовой системы. Представления об особенностях наследования прав на результаты технического творчества, исходя из исторической ретроспективы, были практически идентичными и не обуславливались ни изменением подхода к сущности и природе патентного права, ни изменением общественного строя, в отличие от противоположной тенденции в институте авторского права. Однако определённые вопросы не перестают нуждаться в освещении и дополнительном исследовании.

Ключевые слова: наследование, наследования интеллектуальных прав, интеллектуальная собственность, промышленная собственность, патентное право.

Начиная с определения совокупности прав, обладающих свойством преемственности, необходимо отметить следующее. Субъекту в отношениях, связанных с промышленной собственностью, который не обязательно является патентообладателем, могут принадлежать: 1) исключительное право на изобретение, полезную модель, промышленный образец (ст. ст. 1345, 1358 ГК РФ²), селекционное достижение (ст. ст. 1408, 1421 ГК РФ), топологию интегральных микросхем (ст. ст. 1449, 1454 ГК РФ), ноу-хау (ст. 1466 ГК РФ); 2) личные неимущественные права (ст. ст. 1345, 1356, 1408, 1418, 1419, 1449, 1453 ГК РФ): право авторства³, право на наименование селекционного достижения⁴; 3) иные права (ст. ст. 1357, 1361, 1370, 1400, 1420, 1430, 1461 ГК РФ): право на получение патента, на восстановление действия патента на изобретение, полезную модель или промышленный образец, право на получение патента на селекционное

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвёртая) от 18.12.2006 N 230-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию 22.07.2024) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

³ Право авторства принадлежит всем авторам объектов промышленной собственности, за исключением секрета производства, субъект которого обладает только исключительным правом. Это связано с тем, что к такому объекту не предъявляется требование творческого результата. Отметим, что в области промышленной собственности, право на имя обычно не выделяется в качестве самостоятельного, в отличие от авторского права. Это связано, во-первых, с тем, что право на имя специально не оговорено законом (абз. 1 п. 2 ст. 1228, ст. ст. 1345, 1408, 1449, 1466 ГК РФ), а во-вторых, его выделение с теоретической точки зрения не имеет особого смысла. Формы указания своего имени (в виде псевдонима или анонимно) в заявке на выдачу патента не предусмотрено ни ГК РФ, ни административными регламентами Роспатента. Единственная предоставленная возможность – право автора отказаться быть упомянутым в заявке на регистрацию или публикацию о выдаче патента/свидетельства (абз. 2 п. 1, абз. 2 п. 4 ст. 1385, п. 1 ст. 1394, пп. 1 п. 1 ст. 1443, пп. 1 п. 3 ст. 1452 ГК РФ). Таким образом, действия, связанные с указанием или не указанием имени, вполне охватываются правом авторства.

⁴ Взгляд на отнесение этого права к личным неимущественным является господствующим в доктрине (см. Право интеллектуальной собственности: Учебник. Под общ. ред. Л.А. Новосёловой. М., Статут, 2017. Т. 1: Общие положения. С. 174 (автор – Е.В. Бадулина); Комментарий к части четвёртой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный). Под ред. А.Л. Маковского. М., Статут, 2008. С. 232 (автор комментария к ст. 1419 – К.В. Всеволожский); Гришаев С.П. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвёртая. Постатейный комментарий // Справочная правовая система «Консультант Плюс». 2022; Городов О.А. Право промышленной собственности. М., 2011. С. 252). В литературе также встречается позиция, что присвоение наименования селекционному достижению является скорее обязанностью селекционера, чем его правом (см. Еременко В.И. Правовая охрана селекционных достижений в Российской Федерации // Законодательство и экономика. 2015. № 1. С. 34–67; № 2. С. 7–27).

¹ Термин «промышленная собственность», впервые введённый Парижской конвенцией, используется нами в целях удобства структурирования настоящей работы в качестве условного собирательного понятия для обозначения объектов патентного права, селекционных достижений, топологий интегральных микросхем и ноу-хау.

достижение, право на вознаграждение за служебное изобретение, полезную модель, промышленный образец, селекционное достижение, топологию интегральных микросхем, ноу-хау¹, право преждепользования, право послепользования.

Исключительные имущественные права на объекты промышленной собственности переходят в порядке наследования на общих основаниях (ст. 1241 ГК РФ, абз. 3 п. 14 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9²).

Личное неимущественное право авторства прекращается со смертью автора и не включается в наследственную массу, оно подлежит бессрочной охране любыми заинтересованными лицами (абз. 3 п. 2 ст. 1228 ГК РФ) в качестве нематериального блага. Личное неимущественное право на наименование селекционного достижения может быть реализовано с согласия автора иным лицом (заявителем), подающим заявку на выдачу патента (абз. 1 п. 3 ст. 1419 ГК РФ). Следовательно, если к наследнику перешло право на получение патента, существует основание полагать, что к нему перешло и право на наименование селекционного достижения. Обратное препятствует реализации наследником права на получение патента и ставит его в зависимость от наличия согласия автора, которое может быть высказано, например, в завещании. Однако проведение такой аналогии с правом автора на обнародование произведения необоснованно, поскольку речь идёт о совершенно разных объектах интеллектуальной собственности, с отличным правовым режимом. Представляется разумным, в том числе, с точки зрения политики права, толковать норму ст. 1419 ГК РФ, как устанавливающую презумпцию согласия автора на предложенное наследником наименование селекционного достижения.

Иные права входят в наследственную массу без каких-либо изъятий. На наследование иных прав на объекты промышленной собственности на общих основаниях указывает и Верховный Суд (пп. «б», «г», «д» п. 91 Постановления Пленума от 29.05.2012 г. N 9). Напомним, что в отличие от авторского права, права на вознаграждение за служебные изобретения, полезные модели, промышленные образцы, селекционные достижения, топологии интегральных микросхем и ноу-хау, переходят к наследникам вне зависимости от заключённого договора между автором – работником и работодателем. Особняком стоят права преждепользования и послепользования, которые могут наследоваться только в составе предприятия (с учётом ст. 1178 ГК РФ³).

¹ В ст. 1470 ГК РФ, однако, отсутствует упоминание о праве работника на вознаграждение, что очевидно не исключает возможности соответствующей выплаты и применения иных норм институтов права интеллектуальной собственности о служебных объектах по аналогии.

² Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 29.05.2012 N 9 (ред. от 24.12.2020) «О судебной практике по делам о наследовании» // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

³ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть третья) от 26.11.2001 N 146-ФЗ (с изм. и доп. по состоянию

При вступлении в наследство в период прохождения регистрации объекта патентного права, начатой при жизни наследодателем, наследники имеют некоторые процедурные права⁴: право внесения в документы заявки исправлений и уточнений (п. 1 ст. 1378 ГК РФ), право на преобразование заявки на изобретение в заявку на полезную модель или промышленный образец и наоборот (ст. 1379 ГК РФ), право на отзыв заявки на объекты патентного права (ст. 1380 ГК РФ), право знакомиться с патентными материалами (ст. 1388 ГК РФ), и так далее

Далее перейдём к выяснению срока, в течение которого наследники вправе осуществлять перешедшие к ним права. Исключительные права на объекты промышленной собственности переходят к наследникам в пределах оставшейся части срока их действия, продолжительность которого зависит от того или иного вида результата интеллектуальной деятельности, а по истечении соответствующего срока – объекты патентных прав, селекционные достижения и топологии интегральных микросхем, переходят в общественное достояние⁵ (ст. ст. 1364, 1425, п. 4 ст. 1457 ГК РФ), и могут свободно использоваться любым лицом без чьего-либо согласия или разрешения и без выплаты вознаграждения за использование (п. 86 Постановления Пленума ВС РФ от 29.05.2012 г. N 9). Изобретения, полезные модели и промышленные образцы перейдут в общественное достояние и в том случае, если наследники откажутся от соответствующего патента, путём направления заявления в Роспатент, либо не уплатят в установленный срок патентную пошлину (ст. 1399 ГК РФ). Исключительное право на объекты патентного права действует

08.08.2024) // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

⁴ Неправильно полагать, что невозможно наследование в отношении изобретения, заявка по которому находится на стадии рассмотрения, равно как и замещение потенциального патентообладателя, но уже неживого, наследником. Заявка должна «жить» и после смерти, в этом должно быть заинтересовано и государство, так как каждый выданный патент составляет маленькую шестерёнку в монструозном двигателе национальной экономики. В литературе отмечается, что в судебной практике есть масса примеров, когда суды, используя расширительное толкование ст. 1112 ГК РФ, включали в состав наследства не только права и обязанности как таковые, но и правовые возможности совершить определённые действия, приводящие к возникновению субъективного права (см. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья. Под ред. А.П. Сергеева. М., Проспект, 2016. С. 17 (автор комментария к ст. 1112 ГК РФ – Н.Н. Аверченко)). Если наследники могут продолжить начатую умершим при жизни, но не завершённую приватизацию жилого помещения (см. п. 8 Постановления Пленума ВС РФ от 24.08.1993 N 8 (ред. от 02.07.2009) «О некоторых вопросах применения судами Закона РФ «О приватизации жилищного фонда РФ»» // Справочная правовая система «Консультант Плюс»), то, спрашивается, почему наследники не могут продолжить процесс регистрации изобретения?

⁵ Условно бессрочное исключительное право на ноу-хау действует до тех пор, пока сохраняется конфиденциальность сведений, составляющих его содержание (ст. 1467 ГК РФ). В общем и целом, можно признать, что после утраты конфиденциальности эта информация становится «общественным достоянием».

с даты подачи заявки¹: 20 лет – для изобретений (для изобретений, относящихся к лекарственным средствам, пестицидам или агрохимикатам, есть возможность продления данного срока, но не более чем на 5 лет); 10 лет – для полезных моделей; 5 лет – для промышленных образцов (с возможностью его неоднократного продления на 5 лет, но в целом не более чем на 25 лет) (ст. 1363 ГК РФ). Исключительное право на селекционное достижение исчисляется со дня государственной регистрации в реестре и составляет 30 лет (исключение в виде 35-тилетнего срока предусмотрено для сортов винограда, древесных декоративных, плодовых культур и лесных пород) (ст. 1424 ГК РФ).

Не совсем определённым в законодательстве является вопрос, связанный с моментом возникновения исключительного права на топологию интегральных микросхем, и, следовательно, с порядком исчисления срока этого права, который является немаловажным и для наследников. Срок действия исключительного права на топологию составляет 10 лет и исчисляется либо со дня её введения в гражданский оборот, либо со дня её регистрации (п. 2 ст. 1457 ГК РФ). В соответствии с п. 1 ст. 1452 ГК РФ топология может быть зарегистрирована по желанию правообладателя в течение срока действия исключительного права на неё. Из сопоставления двух вышеприведённых норм вытекает противоречие, связанное с тем, что с одной стороны, срок может исчисляться с момента регистрации, а с другой, при ситуации, когда топология ещё не была введена в гражданский оборот, по тексту закона, она может быть зарегистрирована уже в течение действия исключительного права. Вытекающий из последней ситуации вопрос, а что с правом на топологию с момента её создания, но до её факультативной регистрации или введения в гражданский оборот, остаётся открытым².

Право на получение патента, по существу, бессрочно, и не прекратится, пока наследники его не реализуют, или пока тождественное решение не будет зарегистрировано за кем-то другим. Право на восстановление действия патента прекра-

тится по истечении 3-х лет со дня истечения срока уплаты патентной пошлины. Право на вознаграждение за служебный объект промышленной собственности действует по аналогии с авторским правом, пока соответствующая обязанность по выплате не будет исполнена со стороны работодателя. Право преждепользования и послепользования ограничено сроком действия исключительного права на изобретение, полезную модель и промышленный образец.

По-иному, нежели в авторском праве, решается судьба исключительных прав на объекты промышленной собственности, в случае отсутствия наследников, и перехода этих прав к государству в качестве выморочного имущества. Если права авторов и субъектов смежных прав не наследуются государством, и переходят в общественное достояние в силу указания закона (п. 2 ст. 1283, ст. 1308.1 ГК РФ)³, то по отношению к правам на объекты патентного права и селекционным достижениям, соответствующего указания нет. Поэтому следует признать, что исключительные права на изобретения, полезные модели, промышленные образцы и селекционные достижения, при условии соблюдения ст. 1151 ГК РФ, переходят к государству, и находясь в руках последнего, продолжают выполнять свою функцию по развитию технологического прогресса и экономики страны. Поэтому тем более выглядит странным правило о невозможности перехода к государству в порядке наследования исключительных прав на топологию интегральных микросхем. Следует внести определённые корректировки в ст. 1457.1 ГК РФ, например, распространив её действие только на п. 1 ст. 1283 ГК РФ, содержащей общее правило, или исключить ст. 1457.1 из ГК РФ вовсе, поскольку никакого смысла последняя не несёт. Переход ноу-хау в качестве выморочного имущества к государству теоретически возможен, но практически, представляется, трудноосуществимым.

Возможный субъектный состав наследственных отношений, связанных с правами на объекты промышленной собственности, является классическим: физическое лицо, юридическое лицо, публично-правовое образование.

Момент перехода патентных прав, прав на селекционное достижение, топологию интегральных микросхем и ноу-хау, также не отличается особенностями, по сравнению с авторскими и смежными правами. Общее правило таково: все подлежащие наследованию права переходят в момент открытия наследства. Те права на объекты, которые подлежат регистрации (объекты патентных прав, селекционное достижение), также переходят в момент открытия наследства, что не колеблет общего правила. Регистрация перехода исключительного права, основанием для которой может служить свиде-

¹ По общему правилу, датой подачи заявки считается дата поступления в Роспатент заявки вместе с необходимыми документами (п. 3 ст. 1375, п. 3 ст. 1376, п. 3 ст. 1377 ГК РФ).

² Для устранения указанной неопределённости представляется логичным, во-первых, исключить из п. 1 ст. 1452 ГК РФ привязку исчисления срока права с регистрацией, а во-вторых, учесть зарубежный опыт. Например, в Великобритании, срок действия права на топологию составляет 10 лет с момента её введения в гражданский оборот, либо 15 лет с момента её создания, при условии, что последняя не коммерциализировалась (см. The Design Right (Semiconductor Topographies) Regulations 1989. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukssi/1989/1100/body/made?view=plain> (дата обращения: 30.07.2025)). Кроме того, п. 3 ст. 38 Соглашения ТРИПС 1994 г. предоставляет государствам – участникам возможность предусмотреть срок действия права на топологию, который не зависит ни от её регистрации, ни от введения в оборот – 15 лет с момента её создания (см. «Соглашение по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности» (ТРИПС/TRIPS) [рус., англ.] (Заключено в г. Марракеше 15.04.1994) (с изм. от 06.12.2005) // Справочная правовая система «Консультант Плюс»). Введение подобного правила в ст. 1457 ГК РФ помогло бы исправить неопределённость в этой сфере.

³ Единственное исключение из объектов промышленной собственности, к которому не применяется режим выморочного имущества, является топология интегральных микросхем. К наследованию прав на неё подлежат применению нормы ст. 1283 ГК РФ о переходе исключительного права на произведение по наследству (ст. 1457.1 ГК РФ).

тельство о праве на наследство¹ (п. 5 ст. 1232 ГК РФ) имеет правоудостоверяющий, а не правообразующий характер. Таким образом, права не становятся бессубъектными, наоборот, преемники вправе использовать и защищать соответствующий результат интеллектуальной деятельности. Однако распоряжаться этим правом, до регистрации перехода, они не могут (п. 6 ст. 1232 ГК РФ).

Принятие наследства в части прав на объекты промышленной собственности осуществляется на общих основаниях – путём подачи заявления нотариусу о принятии наследства или заявления о выдаче свидетельства о праве на наследство, либо посредством совершения конклюдентных действий. В одном деле², Президиум Суда по интеллектуальным правам отметил, что при восстановлении действия патента на изобретение после смерти наследодателя без получения свидетельства о праве на наследование права на восстановление действия патента, основанием государственной регистрации перехода исключительного права без договора может являться решение суда общей юрисдикции об установлении факта принятия наследства.

Проблемы, связанные с механизмом соблюдения исключительным правом³, оценкой интеллектуальной собственности⁴, возможно, являются, по сравнению с авторским правом, даже более актуальными для сферы промышленной собствен-

ности, в силу повышенной способности последней к коммерциализации.

Основные черты наследования патентных прав, прав на селекционные достижения, топологии интегральных микросхем и ноу-хау сводятся к тому, что по наследству переходят только исключительные имущественные права и другие тесно связанные с ними права имущественного характера (например, право на вознаграждение за служебный объект промышленной собственности переходит к наследникам вне зависимости от наличия или отсутствия заключённого договора при жизни между наследодателем – работником и работодателем; в авторском праве наличие такого договора необходимо для наследования прав по нему и неполученных автором доходов при жизни). Также, в отличие от авторского права, допускается переход по наследству к государству в качестве выморочного имущества патентных прав, прав на селекционные достижения, ноу-хау (наследование прав на топологии интегральных микросхем приравнивается к наследованию прав на произведения, поэтому они в указанных случаях переходят в общественное достояние). Наконец, переходящие по наследству права на объекты промышленной собственности охраняются в течение более коротких сроков, чем в авторском праве.

Литература

1. Анненков К.Н. Система русского гражданского права. Т. 6: Право наследования / К.Н. Анненков. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. – 520 с.
2. Антимонов Б.С. Советское наследственное право / Б.С. Антимонов, К.А. Граве. – М.: Юрид. лит., 1955. – 264 с.
3. Антимонов Б.С. Изобретательское право / Б.С. Антимонов, Е.А. Флейшиц. – М.: Госюриздат, 1960. – 227 с.
4. Асмус П. Переход по наследству прав на патент на изобретение / П. Асмус // Вестник Комитета по делам изобретений. – 1927. – № 4. – С. 1–3.
5. Брауде И. Права соизобретателей / И. Брауде // Вестник Комитета по делам изобретений. – 1928. – № 10. – С. 1491–1495.
6. Гаврилов Э.П. Советское авторское право. Основные положения. Тенденции развития / Э.П. Гаврилов. – М.: Наука, 1984. – 222 с.
7. Гаврилов Э.П. Наследование интеллектуальных прав / Э.П. Гаврилов // Патенты и лицензии. – 2008. – № 4. – С. 21–27.
8. Гаврилов Э.П. Наследование интеллектуальных прав в свете Постановления Пленума Верховного Суда РФ от 29 мая 2012 г. / Э.П. Гаврилов // Патенты и лицензии. – 2012. – № 9. – С. 22–32.
9. Городов О.А. Право промышленной собственности: Учебник / О.А. Городов. – М.: Статут, 2011. – 942 с.

¹ Стоит полагать, что дополнительное свидетельство о праве на наследство, выдаваемое нотариусом в случае выявления наследственного имущества после выдачи основного свидетельства (п. 2 ст. 1162 ГК РФ), также может служить основанием для регистрации перехода исключительного права на изобретение, полезную модель, промышленный образец и селекционное достижение.

² Постановление Президиума СИП от 27.07.2015 по делу N СИП-218/2015 // Справочная правовая система «Консультант Плюс».

³ Например, возникает вопрос, как обращать взыскание на «долю» одного из патентообладателей (наследника) в исключительном праве на изобретение, если при жизни наследодатель крупно задолжал кредиторам, ведь наследники отвечают по долгам последнего только в пределах стоимости перешедшего к ним наследственного имущества (абз. 2 п. 1 ст. 1175 ГК РФ)?

⁴ Общее правило – за выдачу свидетельства о праве на наследство, наследники, если они являются по отношению к наследодателю детьми, в том числе усыновлёнными, супругом, родителями, полнородными братьями и сёстрами, уплачивают 0,3% стоимости наследуемого имущества, но не более 100 000 рублей; другие наследники – 0,6% стоимости, но не более 1 000 000 рублей (пп. 22 п. 1 ст. 333.24 НК РФ). Для патента порядок оценки его стоимости определён в пп. 11 п. 1 ст. 333.25 НК РФ: исходя из всех сумм, уплаченной на день смерти наследодателя государственной пошлины за патентование изобретения, промышленного образца или полезной модели. В таком же порядке определяется стоимость переходящих по наследству прав на получение патента. Скорее всего, имеются в виду патентные и иные пошлины, предусмотренные ст. 1249 ГК РФ. Селекционных достижений и топологий интегральных микросхем (если она регистрировалась) в этом перечне нет, однако как представляется, допустимо применение к ним указанного правила по аналогии, учитывая, что судебная практика в принципе допускает применение налогового законодательства по аналогии (см. Определение СКЭС ВС РФ от 23.01.2019 по делу N А12–7582/2018 // Справочная правовая система «Консультант Плюс»).

10. Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е.А. Суханов. – М.: Статут, 2019. Т. II: Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. – 464 с.
11. Гришаев С.П. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть четвертая. Постатейный комментарий / С.П. Гришаев // СПС КонсультантПлюс, 2022.
12. Гришаев С.П. Комментарий к законодательству о наследовании / С.П. Гришаев // СПС КонсультантПлюс, 2009.
13. Гуляев А.М. Русское гражданское право / А.М. Гуляев. – Спб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1913. – 638 с.
14. Гутников О.В. Множественность обладателей исключительного права: проблемы теории и практики / О.В. Гутников, С.А. Сеницын // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2019. – № 12. – С. 67–73.
15. Дозорцев В.А. Интеллектуальные права. Понятие. Система. Задачи кодификации: Сборник статей / В.А. Дозорцев. – М.: Статут, 2003. – 416 с.
16. Еременко В.И. О наследовании интеллектуальных прав в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ / В.И. Еременко // Адвокат. – 2012. – № 7. – С. 43–51.
17. Еременко В.И. Правовая охрана селекционных достижений в Российской Федерации / В.И. Еременко // Законодательство и экономика. – 2015. – № 1. – С. 34–67; – № 2. – С. 7–27.
18. Иванов Н.В. Доля в исключительном праве / Н.В. Иванов // ИС. Авторское право и смежные права. – 2017. – № 1. – С. 26–34.
19. Калятин В.О. Интеллектуальная собственность (Исключительные права) / В.О. Калятин. – М.: Изд-во НОРМА, 2000. – 480 с.
20. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (части четвертой) (постатейный): в 2 т. Т. 1 / С.А. Горленко, В.О. Калятин, Л.Л. Кирий и др.; Отв. ред. Л.А. Трахтенгерц. – М.: Проспект, 2020. – 485 с.
21. Комментарий к части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации (поглавный) / Г.Е. Авилов, К.В. Всеволожский, В.О. Калятин и др.; Под ред. А.Л. Маковского. – М.: Статут, 2008. – 715 с.
22. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть третья: учебно-практический комментарий / под ред. А.П. Сергеева. – М.: Проспект, 2016. – 384 с.
23. Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации. Часть четвертая: учебно-практический комментарий / под ред. Сергеева А.П. – М.: Проспект, 2016. – 912 с.
24. Крашенинников П.В. Наследственное право (Включая наследственные фонды, наследственные договоры и совместные завещания) / П.В. Крашенинников. – М.: Статут, 2019. – 302 с.
25. Маковский А.Л. Исключительные права и концепция части четвертой Гражданского кодекса / А.Л. Маковский // Гражданское право современной России / составители О.М. Козырь и А.Л. Маковский. – М.: Статут, 2008. С. 103–141.
26. Новосёлова Л. Наследование интеллектуальных прав / Л. Новосёлова, Е. Гринь, Е. Ульянова // Хозяйство и право. – 2016. – № 11 (Приложение). – С. 3–48.
27. Пиленко А.А. Право изобретателя (привилегии на изобретения и их защита в русском и международном праве). Историко-догматическое исследование. Т. 1 / А.А. Пиленко. – Спб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1902. – 495 с.
28. Право интеллектуальной собственности: учебник / Е.В. Бадулина, Д.А. Гаврилов, Е.С. Гринь и др.; Под общ. ред. Л.А. Новосёловой. – М.: Статут, 2017. Т. 1: Общие положения. – 512 с.
29. Раевич С.И. Исключительные права. Право на товарные знаки, промышленные образцы, изобретения, авторское право / С.И. Раевич. – Л.: Госиздат, 1926. – 139 с.
30. Сергеев А.П. Право интеллектуальной собственности в Российской Федерации / А.П. Сергеев. – М.: ООО «ТК Велби», 2003. – 752 с.
31. Хаскельберг Б.Л. Особенности правового режима отдельных видов имущества в составе выморочного наследства (на примере исключительного права) / Б.Л. Хаскельберг, В.В. Ровный // Наследственное право. – 2013. – № 2. – С. 39–44.

INHERITANCE OF RIGHTS TO INDUSTRIAL PROPERTY OBJECTS: FEATURES OF REGULATION

Verkhoturov M.E., Dolmatov A.O.

Moscow State University named after M.V. Lomonosov; Tomsk State University

Minimalism in the regulation of issues of inheritance of rights to industrial property objects, which is present at all stages (pre-revolutionary, Soviet, modern) of the development of doctrine and legislation, cannot be called an advantage of our legal system. Ideas about the features of inheritance of rights to the results of technical creativity, based on historical retrospective, were almost identical and were not conditioned by either a change in the approach to the essence and nature of patent law, or a change in the social system, in contrast to the opposite trend in the institution of copyright. However, certain issues do not cease to require coverage and additional research.

Keywords: inheritance, inheritance of intellectual rights, intellectual property, industrial property, patent law.

References

1. Annenkov K.N. The System of Russian Civil Law. Vol. 6: Law of Inheritance / K.N. Annenkov. – St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1902. – 520 p.
2. Antimonov B.S. Soviet Law of Inheritance / B.S. Antimonov, K.A. Grave. – Moscow: Legal Literature, 1955. – 264 p.
3. Antimonov B.S. Inventor's Law / B.S. Antimonov, E.A. Fleishits. – Moscow: Gosyurizdat, 1960. – 227 p.
4. Asmus P. Transfer by Inheritance of Rights to a Patent for an Invention / P. Asmus // Bulletin of the Committee for Inventions. – 1927. – No. 4. – P. 1–3.
5. Braude I. Rights of co-inventors / I. Braude // Bulletin of the Committee for Inventions. – 1928. – No. 10. – P. 1491–1495.

6. Gavrilov E.P. Soviet copyright. Basic provisions. Development trends / E.P. Gavrilov. – Moscow: Nauka, 1984. – 222 p.
7. Gavrilov E.P. Inheritance of intellectual rights / E.P. Gavrilov // Patents and licenses. – 2008. – No. 4. – P. 21–27.
8. Gavrilov E.P. Inheritance of intellectual property rights in light of the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation of May 29, 2012 / E.P. Gavrilov // Patents and licenses. – 2012. – No. 9. – P. 22–32.
9. Gorodov O.A. Industrial property law: Textbook / O.A. Gorodov. – M.: Statut, 2011. – 942 p.
10. Civil law: textbook: in 4 volumes / ed. E.A. Sukhanov. – M.: Statut, 2019. Vol. II: Property law. Inheritance law. Intellectual rights. Personal non-property rights. – 464 p.
11. Grishaev S.P. Civil Code of the Russian Federation. Part Four. Article-by-article commentary / S.P. Grishaev // SPS ConsultantPlus, 2022.
12. Grishaev S.P. Commentary on the Legislation on Inheritance / S.P. Grishaev // SPS ConsultantPlus, 2009.
13. Gulyaev A.M. Russian Civil Law / A.M. Gulyaev. – St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1913. – 638 p.
14. Gutnikov O.V. Plurality of Holders of Exclusive Rights: Problems of Theory and Practice / O.V. Gutnikov, S.A. Sinitsyn // Laws of Russia: Experience, Analysis, Practice. – 2019. – No. 12. – Pp. 67–73.
15. Dozortsev V.A. Intellectual Rights. Concept. System. Codification Tasks: Collection of Articles / V.A. Dozortsev. – M.: Statut, 2003. – 416 p.
16. Eremenko V.I. On the inheritance of intellectual property rights in the Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation / V.I. Eremenko // Advocate. – 2012. – No. 7. – P. 43–51.
17. Eremenko V.I. Legal protection of selection achievements in the Russian Federation / V.I. Eremenko // Legislation and Economics. – 2015. – No. 1. – P. 34–67; – No. 2. – P. 7–27.
18. Ivanov N.V. Share in the exclusive right / N.V. Ivanov // IP. Copyright and related rights. – 2017. – No. 1. – P. 26–34.
19. Kalyatin V.O. Intellectual Property (Exclusive Rights) / V.O. Kalyatin. – M.: NORMA Publishing House, 2000. – 480 p.
20. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation (part four) (article-by-article): in 2 volumes. Vol. 1 / S.A. Gorlenko, V.O. Kalyatin, L.L. Kiriy et al.; Ed. L.A. Trakhtengerts. – M.: Prospect, 2020. – 485 p.
21. Commentary on part four of the Civil Code of the Russian Federation (chapter-by-chapter) / G.E. Avilov, K.V. Vsevolozhsky, V.O. Kalyatin et al.; Ed. by A.L. Makovsky. – M.: Statut, 2008. – 715 p.
22. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part Three: educational and practical commentary / edited by A.P. Sergeev. – M.: Prospect, 2016. – 384 p.
23. Commentary on the Civil Code of the Russian Federation. Part Four: educational and practical commentary / edited by A.P. Sergeev. – M.: Prospect, 2016. – 912 p.
24. Krashenninikov P.V. Inheritance Law (Including Hereditary Funds, Hereditary Contracts and Joint Wills) / P.V. Krashenninikov. – M.: Statut, 2019. – 302 p.
25. Makovsky A.L. Exclusive rights and the concept of Part Four of the Civil Code / A.L. Makovsky // Civil law of modern Russia / compiled by O.M. Kozyr and A.L. Makovsky. – M.: Statut, 2008. Pp. 103–141.
26. Novoselova L. Inheritance of intellectual rights / L. Novoselova, E. Grin, E. Ulyanova // Business and law. – 2016. – No. 11 (Appendix). – Pp. 3–48.
27. Pilenko A.A. The right of the inventor (privileges for inventions and their protection in Russian and international law). Historical and dogmatic study. T. 1 / A.A. Pilenko. – St. Petersburg: Type. M.M. Stasyulevich, 1902. – 495 p.
28. Intellectual Property Law: textbook / E.V. Badulina, D.A. Gavrilov, E.S. Grin et al.; Under the general editorship of L.A. Novoselova. – M.: Statut, 2017. Vol. 1: General Provisions. – 512 p.
29. Raevich S.I. Exclusive Rights. Right to Trademarks, Industrial Designs, Inventions, Copyright / S.I. Raevich. – L.: Gosizdat, 1926. – 139 p.
30. Sergeev A.P. Intellectual Property Law in the Russian Federation / A.P. Sergeev. – M.: OOO “TK Velbi”, 2003. – 752 p.
31. Haskelberg B.L. Features of the Legal Regime of Certain Types of Property as Part of an Escheat (using the Exclusive Right as an Example) / B.L. Haskelberg, V.V. Rovny // Inheritance Law. – 2013. – No. 2. – P. 39–44.

Качество судебной деятельности и судебная нагрузка: прикладные и методологические аспекты

Гольман Светлана Владимировна,

судья Первого кассационного суда общей юрисдикции, аспирант кафедры организации судебной и правоохранительной деятельности ФГБОУВО РГУП им. В.М. Лебедева

Возрастающая на протяжении длительного времени нагрузка на суды и сопутствующая тому дискуссия профессиональных и научных сообществ о минимизации рисков качества правосудия, поисках баланса между нуждами судебной системы, социальными ожиданиями и экономическими возможностями, необходимости разработки и нормативного регулирования системы показателей судебной нагрузки в целях определения и повышения эффективности судебной деятельности актуализируют вопросы поиска инструментария, способного дать полную картину происходящего, определить потребности, перспективы развития и риски для принятия оперативных и стратегических управленческих решений и законодательных инициатив, разрешение которых явилось целью настоящего исследования. В рамках системного подхода определены содержание судейского труда и организации его нормирования, формы выражения чрезмерной служебной нагрузки в судебной деятельности. Проанализированы в динамике статистические показатели численности, нагрузки и качества деятельности судей судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции за пять лет работы. Сделан вывод об отсутствии постоянной прямой зависимости между загруженностью судей и качеством судебной деятельности, аргументируется необходимость применения интегративного подхода к оценке судебной нагрузки, эффективности судебной деятельности и управлению её качеством. В качестве перспективного в области организации судебной деятельности, измерения и управления судебной нагрузкой рассмотрен метод предельно критических (пороговых) показателей, даны классификация и определения предельно критических (показателей) судебной деятельности и норм труда её субъектов.

Ключевые слова: эффективность правосудия, содержание судейского труда, служебная нагрузка судей и сотрудников аппарата судов, судебная система, судебная деятельность, статистические показатели, интегративный метод, метод предельно предельно критических (пороговых) показателей.

Конституция РФ во взаимосвязи положений преамбулы и статьи 124 содержит общий критерий эффективности и саму цель организации судебной деятельности – полное и независимое осуществление правосудия, направленное на защиту прав и свобод человека и гражданина, суверенной государственности Российской Федерации и незыблемости её демократической основы [1].

Современные правоведы и судейское сообщество в качестве одного из показателей эффективности судебной деятельности нередко рассматривают судебную нагрузку. Е.В. Бурдина, анализируя правовой феномен служебной нагрузки на судей, отмечает, что рост нагрузки может превратить правосудие в неправосудную деятельность [2]. В.П. Кашепов связывает постановку вопроса о квалифицированном правосудии с решением судопроизводственных и организационных вопросов, относя к последним определение служебной нагрузки судей и работников аппарата судов, обеспечение самостоятельности судов и независимости судей, открытости судебной деятельности [3].

Содержание судейского труда наполнено неразрывным соединением познавательной и технической, эстетизированной деятельности, при которых исполнение субъектом труда отдельных технических операций и «ритуалов», систематизированных и регламентированных процессуальным законодательством, способствует реализации и формированию общественных представлений о легитимности процесса и результата познания, о ценности личности в государстве и значимости суда в нём, о способности государства к эффективному разрешению правового конфликта и предопределяет способ познания, обеспечивает его эффективность и объективность результата.

Положительный эффект судебной деятельности не обязательно выражен в вынесении судебного акта по существу спора или обвинения. Он достигается за счёт надлежащего обеспечения реализации процессуальных прав как элемента судебной защиты, достаточности, своевременно, законности и обоснованности принятия судом предусмотренного законом и делопроизводственными инструкциями комплекса действий и вынесения законного и обоснованного судебного акта, промежуточного или итогового, являющегося результатом квалификации судом материального и (или) процессуального правоотношения и оценки заявления или жалобы на предмет возможности рассмотрения по существу и (или) на предмет его обоснованности. В этой связи нивелирование значения процесса деятельности в рамках оценочных систем эф-

фективности правосудия и организации труда судей и аппаратов судов по сути есть отрицание самого правосудия.

Это обуславливает потребность в рассмотрении каждого элемента судебной деятельности как самостоятельного и совокупного объекта управления в корреляции с целеполаганием самой деятельности и многовекторность исследовательского подхода.

Организация нормирования труда судей и сотрудников аппарата судов направлена на научно обоснованное, комплексное, непрерывное упорядочение и соединение во времени и пространстве труда, предмета труда, средств и условий труда, в том числе посредством систематизации, введения, применения, учёта, оценки и корректировки показателей объектов воздействия, которые позволяют предусмотренному законодательством субъекту (коллективному субъекту) в разумный либо предписанный нормой права срок, в нормативно установленной процедуре, равнонапряжённо, исходя из экономии времени, ресурсов и затрат живого и овеществлённого труда, выполнять задачи судебной деятельности, а также осуществлять прогнозирование и управление рисками и ресурсами, обеспечивать устойчивость и независимость функционирования судебной системы в целом и её подсистем в отдельности для достижения совокупной цели отправления правосудия, при этом соблюдать баланс интересов и потребностей самих субъектов труда и публичного интереса как неотъемлемого критерия социально ориентированного государства, признающего ценность личности и её труда, и механизма обеспечения существования и развития судебной системы.

Таким образом, для измерения судебной нагрузки и управления качеством судебной деятельности необходим интегративный подход, основанный на выявлении и изучении совокупности множества явлений и связей между ними и направленный на соединение различных методов. Статистические показатели численности судей и сотрудников аппаратов судов и количества рассматриваемых ими дел не могут являться достаточным основанием для положительных или негативных выводов об эффективности правосудия.

Так, по данным ежегодных отчётов о работе судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции по итогам 2020–2024 гг. [4][5][6][7][8], по состоянию на 1 октября 2019 года в судебной коллегии Первого кассационного суда общей юрисдикции насчитывалось 30 судей (без учёта двух заместителей председателя суда). К концу 2020 г. фактическая численность судей коллегии достигла 38, к концу 2021 г. – 46, к концу 2022 г. – 50, к концу 2023 г. – 56, к концу 2024 г. – 56 судей. Количество поступивших на рассмотрение и рассмотренных судьями коллегии дел по кассационным жалобам и представлениям составило: в 2019 г. – 6763 и 2814, в 2020 г. – 33043 и 26034, в 2021 г. – 35646 и 27414, в 2022 г. – 36523

и 2875, в 2023 г. – 41131 и 343225, в 2024 г. – 39308 и 33900, – соответственно.

Следовательно, с учётом нераспределения судьям дел на период отпуска и дополнительно в течение двух недель перед ним и неназначения к рассмотрению дел за неделю до каждой из двух основных частей отпуска, среднемесячная служебная нагрузка на одного судью коллегии (без учёта нагрузки двух заместителей председателя суда) в месяц по поступлению и рассмотрению была равна: в 2019 г. – 75 и 31, в 2020 г. – 92 и 72, в 2021 г. – 82 и 63, в 2022 г. – 77 и 61, в 2023 г. – 77 и 65, в 2024 г. – 74 и 64 делам соответственно. При установленной продолжительности рабочего времени 8 часов пятидневной рабочей недели, игнорировании деятельности, непосредственно не связанной с осуществлением судопроизводства (участие в органах судейского сообщества и совещаниях по поводу работы суда, проведение обобщений, повышение квалификации и т.п.), средняя продолжительность времени труда судьи на одно дело по поступлению должна была составлять в минутах: в 2019 г. – 109, в 2020 г. – 89, в 2021 г. – 100, в 2022 г. – 106, в 2023 г. – 106, в 2024 г. – 110.

Значит, при увеличении фактической численности судей на 87% и количества поступивших дел на 24% средняя судебная нагрузка на судью по поступлению уменьшилась на 20%, что позволило высвободить только 21 минуту рабочего времени на одно дело с 2020 г. к 2024 г.

При этом за период 2020–2024 г. Верховным Судом Российской Федерации были отменены (изменены) судебные постановления судей коллегии: в 2020 г. – 34 (из которых 13 – по делам, рассмотренным в 2019 г.), в 2021 г. – 94, в 2022 г. – 57, в 2023 г. – 82, в 2024 г. – 71 судебный акт.

Разрыв темпов роста поступающих на рассмотрение суда обращений с численностью судей, исходя из экстенсивного развития, при сохранении остальных сопутствующих условий труда (правила судопроизводства, пропорции аппарата судов к численности судей и т.п.), даёт возможность полагать о необходимости увеличения численности судей темпами, превышающими тренд возрастания количества поступающих обращений, что повлечёт возрастание расходной части бюджета.

В то же время, если исходить из существования единственной прямой зависимости между загруженностью и численностью судей и качеством их работы, то можно прийти к парадоксальному выводу, что значительное увеличение фактической численности и уменьшение служебной нагрузки судей судебной коллегии послужило причиной увеличения брака их работы в отдельные годы и в тренде, в связи с чем для повышения качества работы количество судей необходимо уменьшить, что принесёт и финансовую экономию.

Связи между судебной нагрузкой и качеством работы судов не постоянны, не прямолинейны и не исчерпывающи. За значениями о количестве отменённых и изменённых судебных постановлений могут крыться и субъективные факторы судей-

ской ошибки, и объективные обстоятельства изменения норм права или их толкования, организации работы в суде и др. Общепринятые статистические данные о деятельности судов могут не отражать действительного положения, когда она имеет декларативный характер (например, в случаях массовой практики привлечения к участию в деле третьих лиц и соответчиков, явно не связанных материальным правоотношением со сторонами).

Чрезмерность судебной нагрузки, влияющая на качество правосудия, выражается как в создании субъектом судебной деятельности иллюзии соблюдения процессуальных требований – не наполненной соответствующим содержанием формы, так и в нарушениях судом норм материального и процессуального права, которые, может быть и не повлекли отмену или изменение вынесенного судебного акта, но не позволили судье изучить материалы дела и нормативно-правовые акты, регулирующие спорные правоотношения, правильно классифицировать спорное правоотношение и организовать процесс и написание судебного акта, протокола судебного заседания. В случае, когда недостатки работы суда, обусловленные дефицитом времени и ресурсов, повлекли отмену или изменение постановленного им решения, такая служебная нагрузка для конкретной ситуации должна рассматриваться как критическая.

Недооценённым в теории правосудия и судебного менеджмента остаётся метод предельно критических (пороговых) показателей изучения и конструирования объектов и их функциональных связей, актуальность которого обусловлена длительным существованием судебной системы в сложных условиях и необходимости выполнения социального запроса на эффективную защиту прав и законных интересов участников общественных отношений, суверенитета государства, общественно-политической и экономической стабильности и развития, улучшения качества жизни населения и обеспечения его личной безопасности вне зависимости от организационных условий. Данный метод для общественных наук не является новым, признан эффективным в экономической и социологической науке [9][10]. В 1996 г. Президентом РФ была одобрена Государственная стратегия экономической безопасности Российской Федерации, реализовавшая данный подход [11].

Предпосылки к внедрению и распространению метода предельно критических (пороговых) показателей в области организации судебной деятельности и судебной нагрузки были созданы посредством определения и закрепления в законодательстве о судостроительстве и судопроизводстве показателей количества состава судей, присяжных, народных заседателей, при котором они полномочны рассматривать дело или при котором суд считается образованным, предельных сроков рассмотрения заявлений и судебных дел, совершения отдельных процессуальных действий, предельных сроков принятия кадровых решений в процедурах отбора и назначения судей.

Предельно критическими применительно к судебной деятельности следует понимать точечные или интервальные значения качественных и (или) количественных показателей, выход за границы которых свидетельствует о таком нарушении функционирования судебной системы, суда или судебного участка, которое создаёт угрозу полному и независимому осуществлению правосудия, ведёт к потере устойчивости и независимости, дезорганизации, деградации и разрушению судебной системы и (или) её отдельных институтов. Соглашаясь с методологическими основами определения и группировки предельно критических показателей, предложенными С.А. Побываевым, А.И. Селивановым и Д.В. Трошиным для социально-экономического развития [12], полагаем возможным отнести к пороговым индикаторы, как указывающие на невозможности функционирования судебной системы, суда, судебного участка, так и отражающие отношение общества, подвергающее сомнению существование самого правосудия и его доступность, а также описывающие уровень стратегического развития и состояния воспроизводства объекта исследования.

Предельные значения показателей судебной нагрузки демонстрируют отсутствие необходимых субъектов труда для выполнения трудовой функции и воспроизводства судебной системы (отсутствие количества судей, обеспечивающих выполнение процессуальных требований о коллегиальном рассмотрении дела; отсутствие количества судей, необходимых для соблюдения требований о судопроизводстве в разумный срок; отсутствие численности аппарата суда, при которой осуществление делопроизводства или выполнение отдельных процессуальных функций становится невозможно, и др.), сигнализируют об отсутствии у субъекта труда достаточного для выполнения возложенной на него функции времени, способствуют определению степени переработки и интенсивности труда.

Пороговым для нормы времени является такое значение, при котором субъект труда (в том числе коллективный субъект) не способен выполнить предусмотренную законом совокупность процессуальных действий иначе, как без её усечения в нарушение установленной процедуры (минование стадии отводов, исследования доказательств, прений или последнего слова) либо доведения до декларативного характера (подмена судебного разбирательства, разъяснения прав и обязанностей, исследования документов и др. их номиналами и символами: вопросом к стороне или соглашением с ней об известности прав и обязанностей, ограничение доведения позиции участника процесса ссылкой на наименование письменного документа, в котором отражены доводы или процессуального оппонента, указание на наименование доказательства без исследования его содержания с участием сторон, явившихся в судебное заседание, в отсутствие данного доказательства у стороны и т.п.) и произвести техническую сторону работ по ознакомлению с содер-

жанием материалов дела, поступающих заявлений и ходатайств (для судов контрольных инстанций, к компетенции которых не отнесены оценка доказательств и установление новых обстоятельств, – судебных актов проверяемых инстанций, жалоб, представлений и поданных в данную инстанцию ходатайств) и по изготовлению процессуального документа: судебного акта (в том числе в случае его изготовления помощником судьи ввиду коллективности субъекта труда), протокола судебного заседания (в случаях, когда он ведётся), – как в течение рабочего времени, так и в разумный период за его пределами ввиду ненормированного рабочего дня (при условии, что выход за пределы рабочего дня не представляет собой замаскированное увеличение продолжительности рабочего графика – с ненормированного до постоянного).

Введение критериев определения и установление значений предельно критических показателей времени необходимо, среди прочего, для адекватности измерения норм служебной нагрузки на судей и работников аппаратов судов, поскольку они способны выступать гарантом объективности и фактором корректировки значений, получаемых методами самофотографирования, хронометража и экспертных оценок (с привлечением исключительно самих субъектов труда), не учитывающих секуляризацию и упрощение судопроизводственных процедур, тем самым создающих стандарт, достижение которого без усечения, упрощения труда и (или) переработки станет невозможным, и критический показатель деятельности суда, функционирующего в условиях сверхэксплуатации.

Применение метода предельно критических (пороговых) показателей в совокупности с интегративным подходом, таким образом, представляется перспективным для осуществления научного и прикладного обоснования судебной нагрузки, определения её нормативов на местах, оперативного и стратегического управления делами, изучения результатов работы отдельного судебного состава и суда, оценки состояния судебной системы, выявления перспектив и потребностей для развития, возможности и продолжительности эффективного отправления правосудия в существующих и изменяющихся условиях, в том числе в кризисные периоды, для установления объёма и характера необходимых точечных или комплексных воздействий в отношении условий и правил судопроцесса и судебной деятельности, и, в свою очередь, требует нормативного закрепления системы пороговых показателей, механизма их определения и применения.

Литература

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.: [в редакции от 30 декабря 2008 года]. – Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. – URL: <http://pravo.gov.ru/constitution> (дата обращения: 27.07.2025).
2. Бурдина Е.В. Служебная нагрузка на судей: проблемы определения, оценки, управления: монография / Бурдина Е.В. Петухов Н.А.; под редакцией В.В. Ершова. – М.: РГУП, 2017. – 236 с.
3. Кашепов В.П. Реализация конституционных положений об основах судебной власти // Журнал российского права. – 2010. – № 10. – С. 25–36.
4. Отчёт о работе судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции по итогам 2020 года // Архив Первого кассационного суда общей юрисдикции.
5. Отчёт о работе судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции по итогам 2021 года // Архив Первого кассационного суда общей юрисдикции.
6. Отчёт о работе судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции по итогам 2022 года // Архив Первого кассационного суда общей юрисдикции.
7. Отчёт о работе судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции по итогам 2023 года // Архив Первого кассационного суда общей юрисдикции.
8. Отчёт о работе судебной коллегии по гражданским делам Первого кассационного суда общей юрисдикции по итогам 2024 года // Архив Первого кассационного суда общей юрисдикции.
9. Глазьев С.Ю. Оценка предельно критических значений показателей состояния российского общества и их использование в управлении социально-экономическим развитием / Глазьев С.Ю., Локосов В.В. // Вестник Российской академии наук. – 2012 – Т. 82. – № 7. – С. 587–604.
10. Митяков С.Н. Развитие теории рисков и пороговых значений экономической безопасности / Митяков С.Н., Митяков Е.С. // Вестник Института экономики Российской академии наук. – 2023. – № 5. – С. 83–113.
11. О государственной стратегии экономической безопасности Российской Федерации (Основных положениях): указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 1996 года № 608. – Доступ из справочно-правовой системы «КонсультантПлюс». – Текст: электронный.
12. Побываев С.А., Селиванов А.И., Трошин Д.В. Проблемы применения методологии пороговых значений для определения состояния социально-экономических систем / Побываев С.А., Селиванов А.И., Трошин Д.В. // Мир новой экономики. – 2018. – № 12 (2). – С. 90–97.

QUALITY OF JUDICIAL ACTIVITY AND JUDICIAL WORKLOAD: APPLIED AND METHODOLOGICAL ASPECTS

Golman S.V.

FSBEI VO RSUPE named after V.M. Lebedev

The increasing workload on the courts over a long period of time and the accompanying discussion of professional and scientific communities about minimizing the risks of the quality of justice, finding a balance between the needs of the judicial system, social expectations and economic opportunities, the need to develop and regulate a system of judicial workload indicators in order to determine and improve the effectiveness of judicial activity actualize the issues of searching for tools that can give a complete picture of what is happening, determine the needs, development prospects and risks for making operational and strategic management decisions and legislative initiatives, the resolution of which was the purpose of this study. Within the framework of the system approach, the content of judicial work and the organization of its regulation, forms of expression of excessive official workload in judicial activity are determined. The statistical indicators of the number, workload and quality of work of judges of the judicial panel for civil cases of the First Cassation Court of General Jurisdiction for five years of work are analyzed in dynamics. A conclusion is made about the absence of a constant direct relationship between the workload of judges and the quality of judicial activity, the need to apply an integrative approach to assessing the judicial workload, the effectiveness of judicial activity and managing its quality is argued. The method of extremely critical (threshold) indicators is considered as a promising one in the field of organizing judicial activity, measuring and managing the judicial workload, a classification and definitions of extremely critical (indicators) of judicial activity and labor standards of its subjects are given.

Keywords: efficiency of justice, content of judicial work, official workload of judges and court staff, judicial system, judicial activity, statistical indicators, integrative method, method of extremely critical (threshold) indicators.

References

1. Constitution of the Russian Federation: adopted by popular vote on December 12, 1993, with amendments approved during the all-Russian vote on July 1, 2020: [as amended on December 30, 2008]. – Text: electronic // Official Internet portal of legal information. – URL: <http://pravo.gov.ru/constitution> (date of access: 07/27/2025).
2. Burdina E.V. Official workload of judges: problems of definition, assessment, management: monograph / Burdina E.V. Petukhov N.A.; edited by V.V. Ershov. – M.: RGUP, 2017. – 236 p.
3. Kashepov V.P. Implementation of constitutional provisions on the foundations of judicial power // Journal of Russian Law. – 2010. – No. 10. – P. 25–36.
4. Report on the work of the judicial panel for civil cases of the First Cassation Court of General Jurisdiction based on the results of 2020 // Archive of the First Cassation Court of General Jurisdiction.
5. Report on the work of the judicial panel for civil cases of the First Cassation Court of General Jurisdiction based on the results of 2021 // Archive of the First Cassation Court of General Jurisdiction.
6. Report on the work of the judicial panel for civil cases of the First Cassation Court of General Jurisdiction based on the results of 2022 // Archive of the First Cassation Court of General Jurisdiction.
7. Report on the work of the judicial panel for civil cases of the First Cassation Court of General Jurisdiction based on the results of 2023 // Archive of the First Cassation Court of General Jurisdiction.
8. Report on the work of the panel of judges for civil cases of the First Cassation Court of General Jurisdiction based on the results of 2024 // Archive of the First Cassation Court of General Jurisdiction.
9. Glazyev S. Yu. Assessment of the critical values of indicators of the state of Russian society and their use in managing socio-economic development / Glazyev S.Yu., Lokosov V.V. // Bulletin of the Russian Academy of Sciences. – 2012 – Vol. 82. – No. 7. – P. 587–604.
10. Mityakov S.N. Development of the theory of risks and threshold values of economic security / Mityakov S.N., Mityakov E.S. // Bulletin of the Institute of Economics of the Russian Academy of Sciences. – 2023. – No. 5. – P. 83–113.
11. On the state strategy of economic security of the Russian Federation (Basic Provisions): Decree of the President of the Russian Federation of April 29, 1996 No. 608. – Access from the reference and legal system “ConsultantPlus”. – Text: electronic.
12. Pobyvaev S.A., Selivanov A.I., Troshin D.V. Problems of applying the methodology of threshold values to determine the state of socio-economic systems / Pobyvaev S.A., Selivanov A.I., Troshin D.V. // The World of the New Economy. – 2018. – No. 12 (2). – P. 90–97.

Выявление и ликвидация источников и каналов финансирования экстремистской и террористической деятельности

Залиханова Лейла Ибрагимовна,

канд. юрид. наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики ИПЭиФ КБГУ
E-mail: zalihanowa@yandex.ru

Шогенова Фатима Олеговна,

канд. экон. наук, доцент кафедры уголовного права, процесса и криминалистики ИПЭиФ КБГУ
E-mail: shogenova75@mail.ru

В статье рассматриваются актуальные вопросы правового регулирования борьбы с финансированием экстремизма и терроризма в Российской Федерации. Анализируются современные механизмы выявления и пресечения финансовых потоков, направленных на поддержку противоправной деятельности. Особое внимание уделяется уголовно-правовым аспектам квалификации данных преступлений, сложностям доказывания и проблемам правоприменительной практики. Исследуются международные стандарты и опыт зарубежных стран в данной сфере. Автор предлагает пути совершенствования законодательства и правоприменительной практики для повышения эффективности противодействия финансированию экстремизма и терроризма в современных условиях.

Ключевые слова: экстремизм, терроризм, финансирование терроризма, противодействие экстремизму, уголовное право, национальная безопасность, финансовый мониторинг, международное сотрудничество.

Современные угрозы национальной безопасности России тесно связаны с деятельностью экстремистских и террористических организаций, эффективность которых напрямую зависит от их финансового обеспечения. Перекрытие каналов финансирования становится одним из ключевых элементов противодействия данным деструктивным явлениям. Российское уголовное законодательство содержит специальные нормы, направленные на борьбу с финансовой подпиткой террористических и экстремистских структур, однако практика их применения сталкивается с рядом проблем, требующих системного анализа и выработки рекомендаций по совершенствованию правоприменительной деятельности [2].

Финансирование экстремизма и терроризма представляет собой предоставление или сбор средств либо оказание финансовых услуг с осознанием того, что они предназначены для обеспечения деятельности экстремистской или террористической организации. Нормативная база противодействия данному явлению в России включает Федеральный закон от 07.08.2001 № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма», Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности», Федеральный закон от 06.03.2006 № 35-ФЗ «О противодействии терроризму», а также соответствующие статьи Уголовного кодекса РФ [4].

Ключевыми нормами уголовного законодательства в этой сфере выступают статья 205.1 УК РФ «Содействие террористической деятельности» и статья 282.3 УК РФ «Финансирование экстремистской деятельности». Данные нормы имеют схожую структуру, что отражает системный подход законодателя к противодействию финансированию деструктивной деятельности независимо от ее идеологической направленности [3].

Анализ правоприменительной практики последних лет позволяет выявить ряд проблемных аспектов в сфере борьбы с финансированием экстремизма и терроризма. Особого внимания заслуживает дело Б., рассмотренное Верховным Судом РФ и отраженное в «Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации N 1 (2023)» (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 26.04.2023, ред. от 25.04.2025). Б. был осужден за публичные призывы к осуществлению экстремистской деятельности, совершенные 10 ноября 2019 года и 13, 20 апреля 2020 года, а также за публичные призывы к осуществлению террори-

стической деятельности, публичное оправдание терроризма и его пропаганду, совершенные 27, 28 июня, 1 и 5 июля 2020 года с использованием информационно-телекоммуникационной сети «Интернет».

Данное дело иллюстрирует характерную особенность современного экстремизма и терроризма – активное использование информационных технологий не только для распространения радикальных идей, но и для организации финансовых потоков. Интернет становится не просто средством коммуникации, но и инструментом мобилизации ресурсов, в том числе финансовых. Хотя в описанном случае действия Б. были квалифицированы как два самостоятельных преступления по ч. 2 ст. 280 УК РФ и три самостоятельных преступления по ч. 2 ст. 205.2 УК РФ, данное дело косвенно связано с проблематикой финансирования экстремизма и терроризма, поскольку публичные призывы и пропаганда являются одним из механизмов привлечения финансовых средств [1].

Не менее показательным является дело Марины Комар, рассмотренное Конституционным Судом РФ в Определении № 2048-О. Заявительница была осуждена за содействие террористической деятельности в форме финансирования терроризма (ч. 1.1 ст. 205.1 УК РФ). Согласно материалам дела, подсудимая, будучи осведомленной о том, что ее дочь с семьей находится в Сирии для участия в деятельности международной террористической организации, а также зная о возбуждении в отношении дочери уголовного дела о преступлениях террористической направленности и объявлении ее в международный розыск, в период с 2015 по 2021 годы перевела ей свыше 700 тысяч рублей [5].

Данное дело демонстрирует сложность проблемы идентификации и пресечения семейных каналов финансирования терроризма. Для правоприменителя особую сложность представляет разграничение случаев законной материальной помощи близким родственникам от целенаправленного финансирования террористической деятельности. Ключевым элементом состава преступления здесь выступает субъективная сторона – осознание лицом того, что переводимые средства предназначены именно для поддержки террористической деятельности, а не для удовлетворения базовых потребностей родственника [2].

Сложившаяся правоприменительная практика по делам о финансировании экстремизма и терроризма позволяет выделить несколько проблемных аспектов действующего уголовного законодательства:

Во-первых, существуют трудности в разграничении финансирования террористической организации как таковой и финансирования конкретных членов такой организации для обеспечения их личных нужд. Уголовное законодательство не содержит четких критериев такого разграничения, что создает риски необоснованного привлечения к ответственности лиц, оказывающих материальную

помощь родственникам без намерения поддерживать террористическую деятельность.

Во-вторых, остается дискуссионным вопрос об определении минимального размера финансирования, достаточного для квалификации деяния по соответствующим статьям УК РФ. Отсутствие законодательно установленного порогового значения создает ситуацию правовой неопределенности, когда даже незначительная материальная поддержка может рассматриваться как финансирование терроризма или экстремизма.

В-третьих, активное использование современных финансовых технологий, включая криптовалюты и электронные платежные системы, существенно затрудняет выявление и пресечение каналов финансирования экстремистской и террористической деятельности. Действующее законодательство не в полной мере адаптировано к реалиям цифровой экономики, что снижает эффективность противодействия финансированию терроризма и экстремизма.

В-четвертых, остается актуальной проблема доказывания субъективной стороны преступлений, связанных с финансированием экстремизма и терроризма. Установление осведомленности лица о конечной цели перевода денежных средств представляет значительную сложность, особенно в случаях использования многоступенчатых схем перемещения финансовых потоков.

На основе анализа правоприменительной практики и выявленных проблем можно сформулировать ряд конкретных рекомендаций по совершенствованию механизмов противодействия финансированию экстремизма и терроризма:

1. Необходимо внести изменения в ст. 205.1 и ст. 282.3 УК РФ, уточнив признаки объективной стороны преступлений, связанных с финансированием экстремизма и терроризма. В частности, целесообразно установить минимальный размер финансирования, при котором наступает уголовная ответственность, что позволит избежать случаев необоснованного привлечения к ответственности за незначительную материальную помощь.
2. Следует дополнить постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.02.2012 № 1 «О некоторых вопросах судебной практики по уголовным делам о преступлениях террористической направленности» разъяснениями относительно критериев разграничения финансирования террористической деятельности и оказания материальной помощи родственникам, находящимся в зоне деятельности террористических организаций. Аналогичные разъяснения необходимы и в отношении преступлений экстремистской направленности.
3. В контексте цифровизации финансовых потоков целесообразно разработать и принять нормативный акт, регулирующий порядок мониторинга и блокировки транзакций в криптовалютах и иных цифровых активах, осуществляемых в целях финансирования экстремистской

и террористической деятельности. Данный акт должен устанавливать конкретные признаки подозрительных операций и алгоритм взаимодействия финансовых организаций с правоохранительными органами.

4. Необходимо разработать методические рекомендации для следственных органов по сбору и фиксации доказательств, подтверждающих субъективную сторону преступлений, связанных с финансированием экстремизма и терроризма. Особое внимание должно быть уделено методам доказывания осведомленности лица о конечной цели перевода денежных средств.
5. Следует рассмотреть возможность введения в УК РФ дифференцированной ответственности за финансирование экстремизма и терроризма в зависимости от размера предоставленных средств и степени осведомленности лица о конкретных целях их использования. Это позволит обеспечить соразмерность наказания характеру и степени общественной опасности деяния.
6. В целях повышения эффективности выявления и пресечения каналов финансирования экстремизма и терроризма необходимо усилить межведомственное взаимодействие Росфинмониторинга, ФСБ России, МВД России и Следственного комитета РФ. Целесообразно создать единую информационную систему, обеспечивающую оперативный обмен данными о подозрительных финансовых операциях.
7. Учитывая транснациональный характер финансирования экстремизма и терроризма, необходимо активизировать международное сотрудничество в данной сфере, включая обмен информацией о подозрительных финансовых операциях, совместные расследования и взаимную правовую помощь по уголовным делам.

Реализация предложенных рекомендаций позволит повысить эффективность противодействия финансированию экстремизма и терроризма, обеспечить баланс между необходимостью защиты общества от угроз экстремистского и террористического характера и соблюдением прав и свобод граждан. Комплексный подход к решению выявленных проблем должен основываться на принципах законности, справедливости и неотвратимости ответственности за преступления, связанные с финансовой поддержкой деструктивной деятельности.

Литература

1. Абазов, И.С. Проблемы выявления и пресечения каналов финансирования экстремистской и террористической деятельности / И.С. Абазов // Пробелы в российском законодательстве. – 2023. – Т. 16, № 4. – С. 177–181

2. Глущенко, П.А. Механизм финансирования экстремистской и террористической деятельности / П.А. Глущенко // Вестник Самарского юридического института. – 2024. – № 5(61). – С. 112–118.
3. Иванов, П.И. Финансирование экстремистской деятельности (оперативно-розыскное реагирование) / П.И. Иванов // Труды Академии управления МВД России. – 2021. – № 2(58). – С. 101–108.
4. Канкулов, А.Х. Каналы финансирования экстремистской и террористической деятельности, проблемы выявления и пресечения / А.Х. Канкулов, Р.И. Захряпин // Аграрное и земельное право. – 2023. – № 10(226). – С. 155–157.
5. Мищенко, Е.В. Особенности доказывания преступлений, связанных с финансированием терроризма / Е.В. Мищенко // Новосибирск: Новосибирский военный институт имени генерала армии И.К. Яковлева войск национальной гвардии Российской Федерации, 2024. – С. 195–202.

IDENTIFICATION AND ELIMINATION OF SOURCES AND CHANNELS OF FINANCING EXTREMIST AND TERRORIST ACTIVITIES

Zalikhanova L.I., Shogenova F.O.
IPPE KBSU

The article examines current issues of legal regulation of the fight against the financing of extremism and terrorism in the Russian Federation. Modern mechanisms for identifying and suppressing financial flows aimed at supporting illegal activities are analyzed. Particular attention is paid to the criminal law aspects of qualifying these crimes, the complexities of proof and the problems of law enforcement practice. International standards and the experience of foreign countries in this area are studied. The author suggests ways to improve legislation and law enforcement practices to increase the effectiveness of countering the financing of extremism and terrorism in modern conditions.

Keywords: extremism, terrorism, financing of terrorism, countering extremism, criminal law, national security, financial monitoring, international cooperation.

References

1. Abazov, I.S. Problems of identifying and suppressing channels for financing extremist and terrorist activities / I.S. Abazov // Gaps in Russian legislation. – 2023. – Vol. 16, No. 4. – P. 177–181
2. Glushchenko, P.A. Mechanism for financing extremist and terrorist activities / P.A. Glushchenko // Bulletin of the Samara Law Institute. – 2024. – No. 5 (61). – P. 112–118.
3. Ivanov, P.I. Financing of extremist activities (operational search response) / P.I. Ivanov // Works of the Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 2 (58). – P. 101–108.
4. Kankulov, A. Kh. Channels of financing extremist and terrorist activities, problems of detection and suppression / A. Kh. Kankulov, R.I. Zakhryapin // Agrarian and land law. – 2023. – No. 10 (226). – P. 155–157.
5. Mishchenko, E.V. Features of proving crimes related to the financing of terrorism / E.V. Mishchenko // Novosibirsk: Novosibirsk Military Institute named after General of the Army I.K. Yakovlev of the National Guard Troops of the Russian Federation, 2024. – P. 195–202.

Перспективы развития частноправовых и публично-правовых средств в регулировании трансграничных расчетных операций в России

Кулешов Николай Сергеевич,

Московский государственный юридический университет (МГЮА им. О.Е. Кутафина); практикующий юрист в сфере международного бизнес-права
E-mail: mail@nikolaikulshov.com

Статья посвящена комплексному анализу перспектив развития частноправовых и публично-правовых средств в регулировании трансграничных расчетных операций в Российской Федерации в условиях цифровизации финансовой сферы и усиливающегося геополитического давления. Исследование акцентирует внимание на необходимости выработки сбалансированной правовой модели, сочетающей гибкость и адаптивность частноправовых механизмов (договорных конструкций, цифровых расчетных платформ, смарт-контрактов) с эффективностью публично-правовых инструментов контроля (валютное регулирование, финансовый мониторинг, санкционные меры). Обосновывается целесообразность построения гибридной нормативной конструкции, способной обеспечить устойчивость трансграничных платежей в условиях международных санкций, усложнения комплаенс-практик и стремительного развития цифровых валют центральных банков (CBDC). Особое внимание уделяется необходимости гармонизации российского законодательства с международными стандартами, включая акты soft law, а также правовому сопровождению процессов валютной интеграции в рамках ЕАЭС и БРИКС. Делается вывод о нарастании значимости межсекторального взаимодействия публичных институтов, банковского сектора и финтех-компаний в целях обеспечения финансового суверенитета и нормативной предсказуемости трансграничных расчетов. Статья предлагает теоретическое обоснование и нормативные ориентиры для модернизации правового регулирования трансграничных расчетных операций в условиях цифровой трансформации глобального финансового порядка.

Ключевые слова: трансграничные расчеты, валютное регулирование, цифровые валюты центральных банков (CBDC), комплаенс, смарт-контракты, финтех, цифровизация, финансовый суверенитет, международные санкции, ЕАЭС, БРИКС, SWIFT, СПФС.

Современные трансграничные расчетные операции характеризуются высокой степенью динамики, обусловленной интенсификацией процессов цифровизации финансовой сферы, развитием финтех-инфраструктур, внедрением электронных форм денег, криптовалют, а также активной апробацией цифровых валют центральных банков (CBDC) [5, с. 43]. Эти трансформации существенно меняют архитектуру глобального платёжного пространства и требуют от национальных правовых порядков, включая российский, переосмысления концептуальных и нормативных подходов к правовому регулированию трансграничных платежей. Актуальность рассматриваемой проблематики обусловлена, в том числе, внешнеэкономическим и геополитическим контекстом, включающим в себя рост санкционного давления, ужесточение международного комплаенса, а также распространение практики экстерриториального применения норм финансового права, что в совокупности формирует дополнительные вызовы для валютного и платёжного суверенитета Российской Федерации.

На этом фоне трансграничное расчетное регулирование в России эволюционирует в направлении усиления публично-правовой компоненты, проявляющейся в законодательном закреплении мер валютного контроля, обязательной репатриации валютной выручки, ограничении операций с нерезидентами, а также в расширении полномочий органов валютного регулирования. Одновременно с этим наблюдается устойчивый интерес к развитию альтернативных форм транзакционного взаимодействия, базирующихся на частноправовых инструментах – таких как децентрализованные расчетные платформы, криптовалютные контракты и договорные механизмы в рамках многостороннего частного права [4, с. 88].

В данной связи перспективы регулирования трансграничных расчетов в Российской Федерации напрямую сопряжены с необходимостью нахождения сбалансированного соотношения между частноправовыми и публично-правовыми средствами воздействия. С одной стороны, в интересах бизнес-сообщества приоритетными остаются принципы свободы договора, автономии воли, защиты инвестиций, оперативности и технологической нейтральности транзакционных механизмов. С другой стороны, государство, реализуя публичный интерес, нацелено на обеспечение прозрачности валютного оборота, защиту финансовой стабильности и предотвращение правонарушений в трансграничной сфере, что обуславливает рас-

ширение зон публичного вмешательства в валютные и расчётные отношения.

Таким образом, специфика перспектив развития регулирования трансграничных расчётных операций в России заключается в поступательном формировании гибридной модели правового воздействия, в которой частноправовые средства обеспечивают гибкость, адаптивность и эффективность частных субъектов транзакционной деятельности, тогда как публично-правовые механизмы служат обеспечению контроля, комплаенса и правовой предсказуемости. Именно такая комплексная, сбалансированная правовая конструкция представляется оптимальной в условиях многофакторных экономических и политико-правовых вызовов, оказывающих влияние на трансграничные платёжные отношения.

Актуальное состояние регулирования трансграничных расчётов в Российской Федерации на 2024–2025 гг. характеризуется институциональной консолидацией нормативной базы, усилением публично-правового контроля в условиях санкционного давления, а также постепенной цифровой трансформацией расчётной инфраструктуры. Действующее правовое регулирование в данной сфере опирается на комплекс национальных и международных правовых источников, охватывающих как частноправовые, так и публично-правовые аспекты валютных и расчётных операций [6, с. 199].

Ключевым актом, определяющим правовой режим трансграничных валютных операций, выступает Федеральный закон от 10 декабря 2003 г. № 173-ФЗ «О валютном регулировании и валютном контроле», закрепляющий компетенцию органов валютного регулирования (в первую очередь Банка России), определяющий режим владения и распоряжения валютными ценностями для резидентов и нерезидентов, а также устанавливающий порядок проведения валютных операций, включая трансграничные расчёты. В сфере частного права регламентация осуществляется посредством положений Гражданского кодекса РФ, преимущественно раздела о банковском счёте и расчётных обязательствах. Помимо этого, важное значение имеют положения Федерального закона № 115-ФЗ «О противодействии легализации (отмыванию) доходов...», определяющего механизм идентификации участников трансграничных переводов, а также процедуры мониторинга подозрительных операций в контексте международных стандартов FATF.

В рамках подзаконного регулирования ключевую роль играют нормативные акты Центрального банка Российской Федерации, в том числе положения и инструкции, касающиеся порядка валютных расчётов, порядка открытия счетов в иностранных банках, представления отчётности и подтверждающих документов при осуществлении валютных операций (например, Инструкция Банка России № 181-И). Стратегические аспекты реализации политики в данной сфере зафиксированы в Стратегии развития национальной платёжной системы, утверждённой Банком России, которая определяет

векторы развития инновационных форм расчётов, включая цифровые валюты и альтернативные системы трансграничных переводов.

Современное распределение компетенций между публично- и частноправовыми субъектами в сфере трансграничных расчётов демонстрирует преимущественное доминирование публично-правовых механизмов. Органы государственной власти, включая Банк России, ФНС, ФТС, а также иные уполномоченные органы, осуществляют надзорно-разрешительную и контрольно-принудительную функции: устанавливают правила проведения валютных операций, применяют валютные ограничения, санкции и репрессивные меры в отношении нарушителей [1, с. 6]. Существенную роль играют и акты Президента РФ, издаваемые в рамках специальных экономических мер в условиях международных санкций (например, ФЗ № 281-ФЗ, № 127-ФЗ), что свидетельствует о стратегическом характере валютной политики в контексте защиты финансового суверенитета.

В то же время сохраняется значительная роль частноправовых инструментов. Банковские учреждения реализуют трансграничные расчёты на основе договорных конструкций – договоров корреспондентского счёта, аккредитивов, инкассо и иных форм международных расчётов, предусмотренных как национальным законодательством, так и унифицированными международными правилами (например, правилами Международной торговой палаты). Развитие корпоративных compliance-политик и процедур внутреннего контроля в банках, внедрение риск-ориентированного подхода, автоматизация идентификационных и расчётных механизмов, в том числе с использованием цифровых финансовых технологий, усиливают значение частного регулирования в обеспечении устойчивости трансграничной расчётной деятельности.

Наконец, под влиянием современных геэкономических условий активизируются процессы валютной интеграции в рамках Евразийского экономического союза, а также в формате БРИКС, что сопровождается разработкой и апробацией новых трансграничных платёжных решений, включая использование цифровых валют центральных банков (CBDC). Эти процессы направлены на снижение зависимости от традиционных глобальных платёжных систем (в частности, SWIFT) и создание альтернативных расчётных контуров, обеспечивающих национальный контроль над трансграничными потоками капитала и информацией [2, с. 70].

Таким образом, трансграничные расчёты в Российской Федерации в настоящее время регулируются посредством сочетания жесткого публично-правового контроля и гибких частноправовых механизмов, с акцентом на цифровизацию, суверенизацию платёжной инфраструктуры и адаптацию к новым глобальным финансовым и политико-экономическим вызовам.

Современное частноправовое регулирование трансграничных расчётных операций сталкивается с рядом комплексных вызовов, обусловленных

цифровой трансформацией платёжных систем, усилением регуляторного давления и необходимостью гармонизации с международной правовой практикой. В данных условиях требуется модернизация как договорных конструкций, так и механизмов правовой защиты сторон расчётных обязательств с учётом новых реалий глобального финансового оборота.

Во-первых, особую значимость приобретает развитие гибких договорных форм, способных учитывать специфику цифровой среды трансграничных расчётов, включая использование смарт-контрактов и иных автоматизированных инструментов исполнения обязательств. В условиях интеграции цифровых валют центральных банков (CBDC), токенизированных активов и иных цифровых форм расчётных единиц, представляется целесообразным переосмысление правовой природы договора как механизма, функционирующего в распределённых реестрах, что требует унификации подходов как на национальном, так и на международном уровнях. Актуальной задачей становится адаптация национального законодательства к стандартам Международной торговой палаты (ICC), UNIDROIT и другим актам *soft law*, регулирующим трансграничные обязательства в цифровой среде.

Во-вторых, нарастание глобальных требований в сфере комплаенс-практик, включая меры по противодействию отмыванию доходов и финансированию терроризма (AML/CFT), влечёт за собой существенное изменение в распределении рисков между сторонами расчётных отношений. Повышение уровня ответственности частных субъектов – банков, финтех-компаний и иных посредников – требует внедрения договорных механизмов, обеспечивающих баланс интересов сторон в случае произвольных или формально мотивированных отказов в обслуживании. В этих условиях целесообразно развитие правовой доктрины защиты клиента от необоснованного прекращения договорных отношений банком, что предполагает расширение применения концепций добросовестности и разумности в интерпретации условий банковских договоров. Наряду с этим, необходимо институционализировать механизмы частного страхования валютных и комплаенс-рисков, включая модели договорной ответственности за блокировку операций по основаниям, не связанным с прямыми нарушениями закона [8, с. 46].

В-третьих, трансформация инфраструктуры трансграничных расчётов за счёт внедрения распределённых технологий (DLT), цифровых платформ и формирующихся транснациональных сетей расчётов с использованием CBDC требует интеграции новых технологических решений в правовую ткань договорного регулирования. Необходимость обеспечения интероперабельности между различными платёжными экосистемами – традиционными и цифровыми – обуславливает формирование многоуровневой нормативной базы, в которой частноправовые инструменты должны быть тесно

связаны с публично-правовыми мерами контроля, отчётности и защиты монетарного суверенитета. При этом следует учитывать международную тенденцию к построению мультивалютных и взаимосвязанных расчётных платформ, требующих согласования подходов к признанию цифровой правоспособности субъектов, действующих в трансграничной цифровой юрисдикции.

Таким образом, модернизация частноправового регулирования трансграничных расчётных операций предполагает создание сбалансированной нормативной конструкции, обеспечивающей как правовую определённость и защиту участников, так и технологическую гибкость и совместимость с международной практикой. Это требует переосмысления роли гражданско-правового договора в условиях цифровой экономики, а также выработки комплексных решений на стыке частного и публичного права.

Вектор развития публично-правовых механизмов трансграничных расчётных операций Российской Федерации в современных условиях (2024–2025 гг.) определяется необходимостью реагирования на вызовы геополитического давления, а также стремлением к обеспечению устойчивого финансового суверенитета посредством модернизации валютного регулирования и платёжной инфраструктуры. На данном этапе трансформации особое значение приобретает институциональное укрепление роли публичной власти в регулировании трансграничного финансового взаимодействия, что выражается в активной нормативной и правоприменительной деятельности государства, прежде всего Центрального банка Российской Федерации, в области валютного контроля и цифровой трансформации расчётных операций.

Совершенствование валютного и финансового контроля осуществляется по направлениям нормативной детализации валютных ограничений, установленных в контексте противодействия санкционному давлению, и институционального усиления надзорных функций регулятора. Ведущую роль в обеспечении правовой стабильности в сфере трансграничных расчётов играет Банк России, который осуществляет не только разработку подзаконной нормативной базы, но и практическую реализацию концепции цифрового рубля как одного из ключевых элементов суверенной платёжной системы. Подчёркивается необходимость баланса публичных и частных интересов, а также усиления мер финансового мониторинга в целях пресечения нелегальных трансграничных операций и уклонения от валютного регулирования [7, с. 85].

Интеграция международных стандартов сопровождается их адаптацией к национальным интересам, в том числе в рамках участия Российской Федерации в деятельности Группы разработки финансовых мер борьбы с отмыванием денег (FATF), а также посредством гармонизации правовых режимов внутри евразийского экономического пространства. В этом контексте значимыми являются инициативы, направленные на развитие транс-

граничных механизмов расчётов в рамках ЕА-ЭС, включая унификацию подходов к банковской идентификации, взаимному признанию лицензий и созданию наднациональных клиринговых платформ. Отдельное внимание уделяется правовой поддержке проектов по применению цифровых валют центральных банков (CBDC) в трансграничных расчётах, что соответствует глобальной тенденции отхода от доминирования инфраструктур, основанных на долларовой ликвидности и SWIFT.

Государственная поддержка инноваций реализуется через создание и институциональное оформление экспериментальных правовых режимов (регуляторных песочниц), предоставляющих возможность тестирования новых платёжных инструментов и технологических решений. Предметом особого правового интереса становится необходимость законодательного закрепления механизмов публично-частного партнёрства в сфере финтеха, что обусловлено ростом значимости цифровых платформ и небанковских сервисов в трансграничной платёжной экосистеме. В этом аспекте предполагается расширение нормативной базы, регулирующей формы взаимодействия государственных органов с технологическими компаниями и банковским сектором, направленной на совместную апробацию и внедрение цифровых решений.

Таким образом, современная правовая политика Российской Федерации в сфере трансграничных расчётных операций ориентирована на формирование устойчивой, суверенной, цифрово-интегрированной модели публичного финансового контроля, сочетающей в себе элементы национальной правовой специфики и принципы международного сотрудничества.

Современная трансграничная платёжная деятельность представляет собой сферу интенсивного пересечения публичных и частных интересов, обострение противоречий между которыми обусловлено как внешнеэкономическими вызовами, так и необходимостью обеспечения финансового суверенитета государства. В условиях международных санкций и нестабильной геополитической обстановки ключевым вызовом становится поиск устойчивого баланса между рыночной свободой – выражающейся в доступности, скорости и технологичности трансграничных расчётов – и публично-правовой задачей обеспечения экономической безопасности Российской Федерации.

В указанных условиях трансформируется архитектура валютного регулирования: наблюдается переход от преимущественного использования норм федерального законодательства к доминированию подзаконных актов, в том числе нормативных указов Президента РФ, регулирующих валютные ограничения, режимы расчётов и правила допуска иностранных платёжных операторов к национальному рынку. Примером дисбаланса в интересах может служить блокировка транзакций и счетов российских физических и юридических лиц международными платёжными системами (Visa, Mastercard) в результате внешнеполитическо-

го давления, что актуализировало необходимость построения независимой национальной платёжной инфраструктуры, в частности систем «Мир» и СПФС.

В ответ на данные вызовы формируются модели институциональной кооперации, направленные на синхронизацию публичных и частных интересов. Одной из таких моделей выступает интеграция цифровых валют центральных банков (CBDC) в трансграничные расчёты. В научной и нормативно-правовой плоскости рассматриваются три типа платформенных решений: совместимые национальные платформы, взаимосвязанные системы и единая мультивалютная платформа, реализация которой предполагает тесную координацию между органами валютного регулирования, центральными банками и участниками рынка. При этом межведомственный обмен финансовой информацией и единые технические стандарты должны стать нормативной основой для устойчивого и прозрачного взаимодействия в трансграничной платёжной среде.

Наиболее перспективным вектором нормативного развития представляется закрепление гибких правовых механизмов, предусматривающих допустимость «согласованных блокировок» по четко определённым основаниям (например, ПОД/ФТ, санкционные режимы) при наличии процедуры оперативного обжалования для защиты прав добросовестных участников трансграничных расчётов [3, с. 47]. Это позволяет нивелировать риски произвольного вмешательства государства в расчётные процессы при сохранении превентивного контроля над критическими транзакциями.

В равной степени значимо развитие механизмов саморегулирования с участием делового общества. Как подчёркивается в исследованиях по проблематике сочетания частноправовых и публично-правовых начал регулирования, устойчивость платёжной системы может быть достигнута лишь при условии привлечения отраслевых объединений, ассоциаций и СРО к формированию кодексов добросовестного поведения и корпоративных стандартов, согласованных с публичными целями законодательства.

Таким образом, вектор развития трансграничных расчётных операций в Российской Федерации и в сопряжённых юрисдикциях должен опираться на синтез частноправовой гибкости, институциональной ответственности участников и публично-правовых гарантий валютного и финансового суверенитета. Формирование нормативной модели, в которой указанные интересы получают должную и сбалансированную реализацию, представляется необходимым условием модернизации платёжной инфраструктуры в условиях глобальных вызовов.

Современное состояние трансграничных расчётных операций характеризуется наличием одновременно усиливающихся процессов правовой регламентации и внедрения инновационных технологий в сферу международных платежей. Под влиянием геополитических факторов, в том чис-

ле санкционной политики, возрастают масштабы валютного контроля и усиливаются требования к финансовой прозрачности, что обуславливает актуальность поиска баланса между публичными интересами государства и частноправовыми механизмами обеспечения трансакционной свободы. В рамках данной парадигмы усиливается взаимозависимость между частноправовыми институтами – договорами, комплаенс-структурами, механизмами саморегулирования – и публично-правовыми элементами правового режима, такими как меры валютного регулирования, надзор за финансовыми институтами, а также антисепарационные и санкционные ограничения.

Перспективы трансграничных расчётов сопряжены с необходимостью выработки нормативных конструкций, ориентированных на формирование гибкой и адаптивной правовой среды, способной учитывать динамично развивающиеся технологии цифровых платежей. Особое значение приобретает разработка правового режима, обеспечивающего устойчивое функционирование цифровых валют центральных банков (CBDC), включая модели межгосударственного клиринга и распределённого реестра, при соблюдении требований по прозрачности и противодействию незаконным финансовым потокам. Кроме того, требует актуализации правовой механизм корректировки национального законодательства (включая нормы Гражданского кодекса РФ, федеральные законы № 173-ФЗ, 115-ФЗ и иные), позволяющего обеспечить синхронизацию с международными стандартами и гибкость регулирования в условиях технологической трансформации.

Научная разработка данной проблематики должна быть направлена на уточнение критериев разграничения и соотношения публичных и частных интересов в трансграничных расчётных отношениях, с учётом возникающих рисков, связанных как с усилением государственного контроля, так и с необходимостью соблюдения принципа автономии воли участников транснационального коммерческого оборота. Обоснованным представляется изучение компаративного правового материала, в частности правовых режимов трансграничных расчётов, функционирующих в Европейском союзе, США, странах Азиатско-Тихоокеанского региона, а также государств – членов ЕАЭС, с целью выработки возможных моделей имплементации лучших практик в российскую правовую систему. Отдельное внимание заслуживает исследование правового потенциала региональной валютной интеграции в рамках ЕАЭС и БРИКС как основы для формирования многосторонней платформы устойчивых расчётов, альтернативной традиционным системам, функционирующим в рамках доллароцентричной мировой экономики.

Таким образом, дальнейшие научные изыскания должны быть направлены на разработку комплексных юридических моделей, обеспечивающих правовую устойчивость трансграничных платёжных отношений в условиях цифровизации, фраг-

ментации международного финансового порядка и стремительного изменения нормативной среды.

Литература

1. Буданицкий А.В. Современные механизмы обеспечения противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма: риск-ориентированный подход // Вестник Евразийской науки. 2023. Т. 15. № s2. С. 1–12.
2. Голощапов И.И. Публично-правовое регулирование валютных операций в условиях контрсанкционного режима // Актуальные проблемы российского права. 2025. Т. 20. № 1. С. 66–75.
3. Горбунова В.А., Белоусов А.Л. Деятельность банков в системе противодействия финансированию терроризма и легализации доходов, полученных преступным путем // Вектор экономики. 2019. № 11. С. 45–50.
4. Казанкова Т.Н., Гражданкина О.Н., Никонорова А.А. Особенности правового регулирования трансграничной электронной торговли // Экономика и предпринимательство. 2024. № 3 (164). С. 85–90.
5. Кузнецова В.В., Ларина О.И., Глазкова Н.Г. Развитие трансграничных платежей с использованием цифровых валют центральных банков // Региональная экономика. Юг России. 2023. Т. 11, № 2. С. 35–47.
6. Омельченко А.Г. Валютное регулирование как инструмент обеспечения государственного суверенитета Российской Федерации в условиях глобальных вызовов // Актуальные проблемы российского права. 2023. № 12 (157). С. 194–203.
7. Попов Н.К. Оценка действий Банка России в области противодействия легализации доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2024. № 2. С. 85–90.
8. Шавалеев Б.Э. О блокировке подозрительных операций в контексте положений о банковском счете // Вестник Уральского юридического института МВД России. 2024. № 4. С. 45–50.

PROSPECTS FOR THE DEVELOPMENT OF PRIVATE AND PUBLIC LEGAL MEANS IN REGULATING CROSS-BORDER SETTLEMENT OPERATIONS IN RUSSIA

Kuleshov N.S.

Kutafin Moscow State Law University (MSAL)

The article is devoted to a comprehensive analysis of the prospects for the development of private and public law tools in regulating cross-border settlement transactions in the Russian Federation in the context of digitalization of the financial sector and increasing geopolitical pressure. The study focuses on the need to develop a balanced legal model that combines the flexibility and adaptability of private law mechanisms (contractual structures, digital settlement platforms, smart contracts) with the effectiveness of public law control instruments (currency regulation, financial monitoring, sanctions). The feasibility of building a hybrid regulatory structure capable of ensuring the sustainability of cross-border payments in the context of international sanctions, complication of compliance prac-

tices and the rapid development of central bank digital currencies (CBDC) is substantiated. Particular attention is paid to the need to harmonize Russian legislation with international standards, including soft law acts, as well as legal support for currency integration processes within the EAEU and BRICS. It is concluded that the importance of intersectoral interaction between public institutions, the banking sector and fintech companies is growing in order to ensure financial sovereignty and regulatory predictability of cross-border settlements. The article offers a theoretical justification and regulatory guidelines for modernizing the legal regulation of cross-border settlement transactions in the context of the digital transformation of the global financial order.

Keywords: cross-border settlements, currency regulation, central bank digital currencies (CBDC), compliance, smart contracts, fintech, digitalization, financial sovereignty, international sanctions, EAEU, BRICS, SWIFT, SPFS.

References

1. Budanskii A.V. Modern mechanisms for combating the legalization of proceeds from crime and the financing of terrorism: a risk-oriented approach // *Bulletin of Eurasian Science*. 2023. Vol. 15. No. s2. P. 1–12.
2. Goloshchapov I.I. Public-legal regulation of currency transactions in the context of the counter-sanctions regime // *Actual problems of Russian law*. – 2025. Vol. 20. No. 1. P. 66–75.
3. Gorbunova V.A., Belousov A.L. Activities of banks in the system of combating the financing of terrorism and the legalization of proceeds from crime // *Vector of Economy*. 2019. No. 11. P. 45–50.
4. Kazankova T.N., Grazhdankina O.N., Nikonorova A.A. Features of legal regulation of cross-border electronic commerce // *Economy and entrepreneurship*. 2024. No. 3 (164). P. 85–90.
5. Kuznetsova V.V., Larina O.I., Glazkova N.G. Development of cross-border payments using digital currencies of central banks // *Regional economy. South of Russia*. 2023. Vol. 11, No. 2. P. 35–47.
6. Omelchenko A.G. Currency regulation as a tool for ensuring the state sovereignty of the Russian Federation in the context of global challenges // *Actual problems of Russian law*. 2023. No. 12 (157). P. 194–203.
7. Popov N.K. Assessment of the Bank of Russia's actions in the field of combating the legalization of proceeds from crime and the financing of terrorism // *Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2024. No. 2. P. 85–90.
8. Shavaleev B.E. On blocking suspicious transactions in the context of bank account provisions // *Bulletin of the Ural Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2024. No. 4. P. 45–50.

Мазуренко Андрей Петрович,

д-р юрид. наук, доц., проф. кафедры государственно-правовых дисциплин, Юридический факультет, Пятигорский институт (филиал) СКФУ
E-mail: decanpetrovich@mail.ru

Хацко Даниил Сергеевич,

студент Южно-Российского института управления – филиала Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Южно-Российский институт управления – филиал РАНХиГС)
E-mail: hatskodaniil@gmail.com

Цель: Комплексный анализ понятия недвижимости в законодательстве Российской Федерации, а также в научных исследованиях по данной теме и выделение ее родовых признаков. Методы: Анализ, синтез, индукция, дедукция, обобщение, описание и др. Кроме того, использованы специальные методы исследования, включая системный подход, формально-юридический, сравнительно-правовой методы и т.д. Результаты: Углубление понимания гражданского права в части исследования гражданского законодательства об объектах недвижимости, анализ правоприменительной практики и систематизация знаний об объектах недвижимости. Выводы: Избранная тема исследования позволила детально проанализировать понятие недвижимости, которое дано в гражданском законодательстве Российской Федерации выделение его родовых признаков.

Ключевые слова: объект недвижимости, гражданский оборот, прочная связь с землей, Гражданский кодекс РФ, правовой режим, государственно-кадастровый учет, вещь.

Введение

Сегодня всё большую роль в жизни общества играет недвижимость, как наиболее стабильный экономический актив, имеющий большую добавленную стоимость. Вполне логично, что в такой масштабной сфере возникают различные правоотношения, нуждающиеся в соответствующем правовом регулировании.

Однако ввиду того, что само недвижимое имущество неоднородно и имеет множество видов и критериев, а также сам интегративный подход законодателя к его правовому регулированию не только с помощью гражданского права, но и смежных отраслей, возникает множество споров из-за разнородной судебной практики в данной области исследования.

Главным вопросом остается само понятие недвижимости. Его попытались дать законодатель, суды высших инстанций и также научная доктрина. В данной статье авторы попытались дать общую характеристику данного понятия, выделить и охарактеризовать все его признаки.

Понятие недвижимости

В соответствии со ст. 130 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) к недвижимым вещам (недвижимое имущество, недвижимость) относятся земельные участки, участки недр и все, что прочно связано с землей, то есть объекты, перемещение которых без несоразмерного ущерба их назначению невозможно, в том числе здания, сооружения, объекты незавершенного строительства [1].

К недвижимым вещам относятся также подлежащие государственной регистрации воздушные и морские суда, суда внутреннего плавания. Законом к недвижимым вещам может быть отнесено и иное имущество.

Также в Постановлении Пленума Верховного Суда от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» (далее – ПП ВС РФ № 25) указано, что «вещь является недвижимой либо в силу своих природных свойств (абзац первый пункта 1 статьи 130 ГК РФ), либо в силу прямого указания закона, что такой объект подчинен режиму недвижимых вещей (абзац второй пункта 1 статьи 130 ГК РФ)» [2].

Таким образом, Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) разъяснил, что недвижимые вещи делятся на две большие группы:

- Недвижимые вещи, в силу природных свойств;

- Недвижимые вещи, в силу прямого указания закона.

Говоря про первую группу недвижимых вещей, то следует сказать, что они включают в себя две составляющие:

Объекты, имеющие естественное происхождение. К ним относятся земельные участки и недра.

Объекты, имеющие искусственное происхождение (созданные самим человеком), которые прочно связаны с землей. Сюда законодатель отнес уже здания, сооружения, объекты незавершенного строительства, жилые, нежилые помещения, машино-места, единые недвижимые комплексы, а также предприятия.

Само недвижимое имущество, как объект гражданских прав, возникает несколькими способами. Путем создания такой вещи в результате строительства, в результате раздела исходной недвижимости, либо в результате объединения соответствующей недвижимости, как например объединение двух земельных участков в один.

Также законодатель указал на каких условиях недвижимые вещи могут быть созданы в результате объединения, а также какие могут быть установлены ограничения и запреты на основании ст. 141.5 ГК РФ. Особая роль отведена земельным участкам, согласно ст. 11.9 Земельного кодекса Российской Федерации (далее – ЗК РФ) земельные участки могут создавать путем разделения или объединения только в том случае, если соблюдаются градостроительные регламенты предельных (максимальных и минимальных) размеров земельных участков [3].

Теперь следует сказать о признаках недвижимых вещей, относящихся к первой группе. Ключевой признак – это прочная связь с землей, т.е. физическая неподвижность, означающая, что перемещение объекта недвижимости невозможно без несоразмерного ущерба этим объектам. Новеллы в этом признаке нет, поскольку на него указывали как советские цивилисты, так и дореволюционные. В частности, Г.Ф. Шершеневич писал, что «движимые и недвижимые вещи различаются по тому признаку, способны ли они или нет к перемещению без повреждения сущности и без уменьшения ценности» [4 с. 33].

Если объект не соответствует указанным критериям, то это влечет непризнание его в качестве недвижимой вещи. Так, при разрешении спора о праве собственности на земельный участок не был признан недвижимостью сборно-разборочный некапитальный объект, который не был прочно закреплен к основанию. Данный объект возможно было демонтировать, разобрать и переместить без нанесения ущерба самой конструкции [5].

При этом если у какого-либо объекта отсутствует присоединение к инфраструктуре, но при этом есть прочная связь с землей, то это не мешает его признать недвижимой вещью.

Также необходимо рассмотреть вопрос о том, как соотносятся понятия «объект недвижимости» и «объект капитального строительства». На осно-

вании чего можно определить к какому из этих понятий относится вновь созданный объект недвижимости.

Легальное определение «объекта капитального строительства» дано в ст. 1 Градостроительного кодекса Российской Федерации (далее – ГрК РФ). Согласно действующей редакции этой статьи, объект капитального строительства – здание, строение, сооружение, объекты, строительство которых не завершено (далее – объекты незавершенного строительства), за исключением некапитальных строений, сооружений и неотделимых улучшений земельного участка (замощение, покрытие и другие). Понятие «некапитальных строений» дано в п. 10.2 этой же статьи, некапитальные строения, сооружения – строения, сооружения, которые не имеют прочной связи с землей и конструктивные характеристики которых позволяют осуществить их перемещение и (или) демонтаж и последующую сборку без несоразмерного ущерба назначению и без изменения основных характеристик строений, сооружений (в том числе киосков, навесов и других подобных строений, сооружений) [6].

Проанализировав понятие «объекта капитального строительства» и «некапитальных строений», можно прийти к выводу, что критерии их разграничения во многом схожи с критериями разграничения движимых и недвижимых вещей. Поэтому ВС РФ пришел к выводу, что «объект капитального строительства» синонимичен понятию «объект недвижимости» [7].

Однако, часть судов не признают тождественность понятий «объект капитального строительства» и «объект недвижимости». Так в пример можно привести следующую судебную практику. При рассмотрении дела судом было указано, что понятие «объект капитального строительства» – это специализированный термин градостроительного законодательства, поэтому использовать его в качестве синонима с понятием «объект недвижимости» будет являться подменой одной правовой категории на другую, поскольку оба термина имеют разную отраслевую принадлежность. Суть дела было в следующем, Центральный банк Российской Федерации (далее – Центробанк РФ) обратил с иском к Федеральной службе государственной регистрации, кадастра и картографии (далее – Росреестр) о признании незаконным отказ в гос. регистрации права на сооружение – ограждение. Суды первой, апелляционной и кассационной инстанций согласились с доводами Центробанка РФ, указывая, что ограждение выступает объектом капитального строительства вспомогательного назначения, в связи чем это означает отнесение его к отдельному объекту недвижимости. Президиум Высшего Арбитражного Суда (далее – ВАС) с этой позицией не согласился указав, что «объект капитального строительства» – это специализированный термин градостроительного законодательства, поэтому использовать его в качестве синонима с понятием «объект недвижимости» бу-

дет являться подменой одной правовой категории на другую, поскольку оба термина имеют разную отраслевую принадлежность. Поскольку требование о государственной регистрации недвижимости может быть установлен лишь к недвижимости, которая выступает как отдельная категория гражданского права. Распространение соответствующего правового режима на объект капитального строительства возможен лишь с учетом критериев, которые установлены соответствующими нормами ГК РФ. В материалах дела указано, что данные ограждения выступают объектами благоустройства и его функциональное назначение позволяет квалифицировать его как объект воспитательного назначения. Данное же ограждение находится на земельном участке, который был предоставлен Центробанку РФ на праве постоянного (бессрочного) пользования и данное сооружение необходимо для определения границ данного земельного участка, в связи с чем Президиум ВАС пришел к выводу, что данные ограждения не имеют самостоятельного хозяйственного назначения, а лишь выполняют вспомогательную функцию по отношению к существующему земельному участку, т.е. ограждение не выступает отдельным объектом гражданского оборота. И на основании всего вышеизложенного Президиум ВАС указал, что поскольку данное ограждение не обладает не одним признаком объекта недвижимости, а лишь улучшает свойства уже существующего объекта недвижимости, то следовательно оно не может быть признано таковым и не подлежит государственной регистрации (далее – гос. регистрации) [8].

Данный подход был учтен законодателем и уже в 2018 году с принятием Федерального закона от 3 августа 2018 года № 342-ФЗ [9] в понятие «объект капитального строительства» были внесены изменения, оно было дополнено, что неотделимые улучшения от земельного участка не являются объектами капитального строительства.

Также следует сказать, что сам признак того, что объект недвижимости не может быть перемещен без несоразмерного ущерба не подрывает то обстоятельство, что человеку уже давно знакомы способы переноса зданий и сооружений с одного места на другое. Наиболее известными случаи такого перемещения были осуществлены в СССР в 30-е годы XX века при реконструкции города Москвы. Однако подобные действия являются скорее исключением, чем правилом, поскольку для подобных действий создается отдельный проект и затрачивается огромное количество ресурсов.

При этом с правовой точки зрения в момент перемещения здания и сооружения они становятся движимыми вещами, поскольку утрачивается их прочная связь с землей и в момент перемещения у них нет постоянных координат нахождения, а с момента прикрепления к новому фундаменту здание (сооружение) будет снова считаться объектом недвижимости, но уже новым, поскольку у него будут уже иные координаты нахождения.

Говоря про вторую группу недвижимых вещей, то ими признаются воздушные и морские суда, а также суда внутреннего плавания, подлежащие гос. регистрации, но поскольку они не отвечают критерию прочной связи с землей законодатель не приравнивал их к недвижимому имуществу, а распространил на них правовой режим оборота объектов недвижимости.

Понятие «судно» дано в различных транспортных кодексах. Воздушный кодекс Российской Федерации (далее – ВК РФ) определяет «воздушное судно» как летательный аппарат, поддерживаемый в атмосфере за счет взаимодействия с воздухом, отличным от поверхности земли или воды, согласно п. 1 ст. 32 [10]. При этом статус объекта недвижимости имеют только суда, подлежащие гос. регистрации.

Под судном в Кодексе торгового мореплавания Российской Федерации (далее – КТМ РФ) понимается самоходное или несамоходное плавучее сооружение, используемое в целях торгового мореплавания, согласно ст. 7. Не подлежат гос. регистрации, а следовательно не могут быть признаны объектами недвижимости шлюпки и иные плавучие средства, которые являются принадлежностями судна, суда массой до 200 килограмм включительно и мощностью двигателей (в случае установки) до 8 киловатт включительно, а также спортивные парусные суда, длина которых не должна превышать 9 метров, которые не имеют двигателей и на которых не оборудованы места для отдыха, беспалубные несамоходные суда, длина которых не должна превышать 12 метров, на основании п. 1.1 ст. 33 КТМ РФ [11].

Согласно Кодексу внутреннего водного транспорта Российской Федерации (далее – КВВТ РФ) судном признается самоходное или несамоходное плавучее сооружение, предназначенное для использования в целях судоходства, в том числе судно смешанного (река – море) плавания, паром, дноуглубительный и дноочистительный снаряды, плавучий кран и другие технические сооружения подобного рода, согласно ст. 3 [12]. Не подлежат гос. регистрации суда по ст. 16 КВВТ РФ аналогичны всем тем, которые причислены в КТМ РФ.

Также следует сказать, что в состав некоторых видов недвижимости может входить и движимое имущество, но все равно все эти объекты будут признаны недвижимостью, к примеру, это единый недвижимый комплекс, поскольку на него распространяется правило о неделимых вещах, согласно ст. 133.1 ГК РФ.

Таким образом, можно сказать, что понятие недвижимости, которое дано в ст. 130 ГК РФ несовершенно и нуждается в доработке ввиду того, что сам законодатель отступает в ряде случаев от установленных признаков недвижимости, как например это было сделано с морскими и воздушными судами. При этом видится не убедительным аргумент многих правоведов о том, что суда признаны недвижимостью в силу их высокой стоимости, тем самым это призвано стабилизировать гражданский

оборот и улучшить инвестиционный климат в сфере недвижимости [13]. Эта позиция неверна, она нарушает саму правовую концепцию недвижимого имущества, поскольку на сегодняшний день поезда и некоторые автомобили стоят дороже части морских судов, но при этом они являются движимым имуществом. Тем не менее следует сказать, что дореволюционный цивилист Д.И. Мейер указывал, что «нет необходимости, чтобы юридическое деление имущества на недвижимые и движимые совпадало с физической неподвижностью или подвижностью вещей [14 с. 38–39].

Также любопытны позиции судов высших инстанций. Например, ныне упраздненный ВАС РФ, указывал, что недвижимость может быть признана таковой исходя из характера работ по его установке. Так при рассмотрении дела суд усмотрел, что стационарный промышленный холодильник возможно переместить без соразмерного ущерба, однако сведения о характере и привязке его к фундаменту здания, которое было прочно связано с землей, свидетельствовали о возведении сооружения на земельном участке. И на основании этого суд признал этот холодильник недвижимым имуществом [15].

Вышеназванные свойства недвижимости относят недвижимые вещи к индивидуально-определённым вещам. Поскольку у всех объектов недвижимости есть уникальные географические координаты их привязки, что отличает их от движимых вещей.

Также среди цивилистов в науке долгое время велась дискуссия о том являются ли признаки недвижимости в силу природных свойств, которые перечислены в ст. 130 ГК РФ достаточными, в частности об обязательной связи недвижимости с землей или же необходим факт гос. регистрации. Эта проблема была решена в ПП ВС РФ № 25, где было указано в п. 38, что гос. регистрация прав собственности и других вещных прав на недвижимые вещи по общему правилу не является обязательным.

Результаты

В соответствии с законодательством Российской Федерации, понятие недвижимости делится на две основные группы: «природную» и «законную» недвижимость. Каждая из этих групп имеет свои подкатегории и особенности.

Первая группа, «природная недвижимость», включает в себя объекты, которые изначально существуют в естественном состоянии и не подлежат перемещению. К таким объектам, согласно статье 130 Гражданского кодекса РФ, относятся земельные участки и участки недр, которые обладают статичностью и являются неотъемлемой частью природной среды.

Вторая подгруппа включает в себя объекты, созданные человеком, которые, хотя и могут быть перемещены, в силу своей природы и назначения не подлежат такому перемещению без значитель-

ного ущерба. Эти объекты, как правило, являются результатом человеческой деятельности и обладают определенной функциональной спецификой, что делает их недвижимыми в практическом и правовом смыслах.

Второй основной категории недвижимости – «недвижимость по закону» – относятся объекты, которые по своей природе являются движимыми, но на которых в силу законодательства распространяется режим недвижимости. К таким объектам относятся, например, воздушные и морские суда, а также суда внутреннего плавания, которые подлежат государственной регистрации. Это означает, что, несмотря на свою изначальную природу, они получают статус недвижимости в силу правовых норм, что связано с особенностями их оборота и правового регулирования.

Законодатель, стремясь установить правовой режим для объектов, которые по своей сути являются движимыми, использует юридическую фикцию. Это позволяет признать такие объекты недвижимыми и обеспечить их защиту и оборот в рамках правового поля, отличного от механизма, применимого к традиционной недвижимости. Таким образом, правовое регулирование недвижимости в России демонстрирует гибкость и адаптивность в отношении различных категорий объектов, что способствует более эффективному управлению ими.

Заключение

В данной научной статье был проведен анализ российского гражданского законодательства в сфере недвижимости и доктринальные проблемы по теме исследования.

Проведённый нами анализ судебной практики и действующего законодательства вскрыл следующую проблему по теме исследования. Анализируя вопрос о понятии недвижимости необходимо отметить, что законодатель не ввел в нормативный оборот легальные определения для недвижимости, признанной «по закону».

Данная проблема заключается в том, что из-за отсутствия легального определения такой недвижимости, возникают сложности в квалификации признаков данной категории недвижимости. В частности, в доктрине возникает сложность в том, что данная категория недвижимости является юридической фикцией, поскольку ни воздушные, ни морские суда не обладают соответствующими признаками, поэтому авторами поддерживается идея, высказанная в Концепции развития гражданского законодательства от 2009 года об исключении из перечня недвижимости данных категории объектов гражданских прав [16].

Литература

1. «Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая)» от 30.11.1994 N 51-ФЗ

- (ред. от 07.07.2025) // Российская газета от 09.12.1994 г. N 238–239;
2. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 N 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета от 30.06.2015 г. N 140;
 3. «Земельный кодекс Российской Федерации» от 25.10.2001 N 136-ФЗ (ред. от 20.03.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 27.06.2025) // Российская газета от 30.10.2001 г. N 211–212;
 4. Соменков, С.А., Солдатова, В.И., Богачева, Т.В. Проблемы правового регулирования оборота недвижимости: учебное пособие / под ред. С.А. Соменкова. – М.: Проспект, 2023. – 264 с.;
 5. Апелляционное определение Свердловского областного суда от 23.01.2018 по делу N 33–1475/2018 // СПС «Консультант Плюс»;
 6. «Градостроительный кодекс Российской Федерации» от 29.12.2004 N 190-ФЗ (ред. от 24.06.2025) // Российская газета от 30.12.2004 г. N 290;
 7. Определение Верховного Суда от 3 декабря 2008 г. N 9-Г08–19 // СПС «КонсультантПлюс»;
 8. Постановление Президиума ВАС РФ № 1160/13 от 24.09.2013 // Вестник ВАС РФ, 2014, N 3;
 9. Федеральный закон от 03.08.2018 N 342-ФЗ (ред. от 26.12.2024) «О внесении изменений в Градостроительный кодекс Российской Федерации и отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета от 08.08.2018 г. N 172;
 10. «Водный кодекс Российской Федерации» от 03.06.2006 N 74-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.03.2025) // Российская газета от 26.03.1997 г. N 59–60;
 11. «Кодекс торгового мореплавания Российской Федерации» от 30.04.1999 N 81-ФЗ (ред. от 22.06.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации от 03.05.1999 г. N 18 ст. 2207;
 12. «Кодекс внутреннего водного транспорта Российской Федерации» от 07.03.2001 N 24-ФЗ (ред. от 08.08.2024) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.09.2024) // Российская газета от 13.03.2001 г. N 5;
 13. Собенина М.А. Морские суда и суда внутреннего плавания в системе объектов гражданских прав // TRANSPORT BUSINESS IN RUSSIA С. 244–246;
 14. Соменков, С.А., Солдатова, В.И., Богачева, Т.В. Проблемы правового регулирования оборота недвижимости: учебное пособие / под ред. С.А. Соменкова. – М.: Проспект, 2023. – 264 с.;
 15. Постановление Президиума ВАС РФ от 12 октября 1999 г. № 2061/99 по делу № А72–2212/98-Кд136/1 // Вестник ВАС РФ, 2000, N 1.

16. Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации (одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 07.10.2009) // «Вестник ВАС РФ», N 11, ноябрь, 2009

ON THE ISSUE OF THE CONCEPT OF REAL ESTATE

Mazurenko A.P., Hatsko D.S.

Pyatigorsk Institute (branch) NCFU, Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (South Russian Institute of Management – Branch of RANEPА),

Objective: Comprehensive analysis of the concept of real estate in the legislation of the Russian Federation, as well as in scientific research on this topic and the identification of its generic features. **Methods:** Analysis, synthesis, induction, deduction, generalization, description, etc. In addition, special research methods were used, including a systematic approach, formal-legal, comparative-legal methods, etc. **Results:** Deepening the understanding of civil law in terms of the study of civil legislation on real estate objects, analysis of law enforcement practice and systematization of knowledge about real estate objects. **Conclusions:** The chosen topic of the study allowed us to analyze in detail the concept of real estate, which is given in the civil legislation of the Russian Federation, identifying its generic features.

Keywords: real estate object, civil circulation, strong connection with land, Civil Code of the Russian Federation, legal regime, state cadastral registration, thing.

References

1. “Civil Code of the Russian Federation (Part One)” dated 30.11.1994 N 51-FZ (as amended on 07.07.2025) // Rossiyskaya Gazeta dated 09.12.1994 N 238–239;
2. Resolution of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation dated 23.06.2015 N 25 “On the application by courts of certain provisions of Section I of Part One of the Civil Code of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta dated 30.06.2015 N 140;
3. “Land Code of the Russian Federation” of 25.10.2001 N 136-FZ (as amended on 20.03.2025) (as amended and supplemented, entered into force on 27.06.2025) // Rossiyskaya Gazeta of 30.10.2001 N 211–212;
4. Somenkov, S.A., Soldatova, V.I., Bogacheva, T.V. Problems of legal regulation of real estate turnover: a textbook / edited by S.A. Somenkov. – М.: Проспект, 2023. – 264 p.;
5. Appellate ruling of the Sverdlovsk Regional Court of 23.01.2018 in case N 33–1475 / 2018 // SPS “Consultant Plus”;
6. “Urban Planning Code of the Russian Federation” of 29.12.2004 N 190-FZ (as amended on 24.06.2025) // Rossiyskaya Gazeta of 30.12.2004 N 290;
7. Definition of the Supreme Court of 3 December 2008 N 9-G08–19 // SPS “ConsultantPlus”;
8. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation No. 1160/13 of 24.09.2013 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 2014, N 3;
9. Federal Law of 03.08.2018 N 342-FZ (as amended on 26.12.2024) “On Amendments to the Urban Development Code of the Russian Federation and Certain Legislative Acts of the Russian Federation” // Rossiyskaya Gazeta of 08.08.2018 N 172;
10. “Water Code of the Russian Federation” of 03.06.2006 N 74-FZ (as amended on 08.08.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.03.2025) // Rossiyskaya Gazeta of 26.03.1997 N 59–60;
11. “The Merchant Shipping Code of the Russian Federation” dated 30.04.1999 N 81-FZ (as amended on 22.06.2024) (as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2024) // Collected Legislation of the Russian Federation dated 03.05.1999 N 18 Art. 2207;
12. “The Inland Water Transport Code of the Russian Federation” dated 07.03.2001 N 24-FZ (as amended on 08.08.2024)

(as amended and supplemented, entered into force on 01.09.2024) // Rossiyskaya Gazeta dated 13.03.2001 N 5;

13. Sobenina M.A. Seagoing vessels and inland navigation vessels in the system of civil rights objects // TRANSPORT BUSINESS IN RUSSIA pp. 244–246;
14. Somenkov, S.A., Soldatova, V.I., Bogacheva, T.V. Problems of legal regulation of real estate turnover: a textbook / edited by S.A. Somenkov. – M.: Prospect, 2023. – 264 p.;
15. Resolution of the Presidium of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation of October 12, 1999 No. 2061/99 in

case No. A72–2212/98-Kd136/1 // Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation, 2000, No. 1.

16. Concept of development of civil legislation of the Russian Federation (approved by the decision of the Council under the President of the Russian Federation for codification and improvement of civil legislation of October 7, 2009) // "Bulletin of the Supreme Arbitration Court of the Russian Federation", No. 11, November, 2009

Махьянова Римма Мубараквна,

кандидат юридических наук, доцент, доцент 25 кафедры (военной администрации, административного и финансового права) Военного университета имени князя Александра Невского Минобороны России
E-mail: R@9099177842.ru.

На основе результатов анализа научно-практической литературы и законодательных актов о прокурорском надзоре в статье обоснована необходимость преобразования надзорной деятельности прокуратуры и использования в этих целях современных достижений в науке и технике. Недостаточность правового регулирования надзорной деятельности прокуратуры в значительной степени влияет на качество процесса организации и проведения проверок и его тактическое обеспечение. Применение тактики в ходе проверочной деятельности позволит прокурорам активно применять знания из различных областей и добиваться выполнения конкретных целей и задач, обусловленных каждой отдельно взятой стадией надзора. Уточнено использование понятий «прокурорская проверка», «надзорная деятельность прокуратуры», «прокурорско-надзорный процесс», «стадия надзора». Предложены пути решения проблем, связанных с тактическим обеспечением надзорной деятельности прокуратуры.

Ключевые слова: проверка, прокурорско-надзорный процесс, стадии надзора, тактика надзорной деятельности прокуратуры.

Развитие современного общества и государства предполагает совершенствование общественно полезной деятельности путем использования результатов научных исследований, профессионального опыта работников, информационных технологий.

Научно-технологическое развитие Российской Федерации является одной из важных государственных задач¹.

Обеспечение верховенства закона является одной из основных целей органов прокуратуры². Одним из основных инструментов в обеспечении решения задач, связанных с восстановлением и укреплением законности в государстве, является прокурорская проверка.

Научная организация труда в органах прокуратуры непосредственно связана с разработкой и реализацией тактики надзорной деятельности, т.е. тактическое сопровождение надзорных мероприятий обеспечивает необходимость использования научных познаний в деятельности прокурора.

В основе успешной практической деятельности всегда должна стоять фундаментальная теория, позволяющая прокурору осуществлять свою деятельность на основе результатов, полученных в ходе научно-практических исследований именно практических проблем, недостаточность познания которых может привести к снижению результативности деятельности и негативно сказаться на процессе совершенствования профессионального опыта прокурорских работников.

Данную позицию также разделяют ученые и практики, которые считают, что «теоретическое обеспечение деятельности прокуратуры составляет важнейшее условие надлежащего выполнения возложенных на нее функций. Одним из основных элементов теоретического обеспечения прокурорской деятельности является: научно-исследовательская работа, направленная на подготовку высококвалифицированных юристов, разработку теоретических проблем, построения и деятельности прокурорских органов, на постоянное повышение квалификации работников органов прокуратуры»³.

Ретроспективный анализ научных трудов о проблемах совершенствования надзорной деятельности прокуратуры дает основание полагать, что вопросы понятия и сущности надзорной деятельно-

¹ Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. 3 145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» / Собрание законодательства Российской Федерации, 4 марта 2024 г. № 10, ст. 1373.

² О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Собр. законодательства Рос. Федерации. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472. П. 2. Ст. 1.

³ С.Г. Новиков. Прокурорская система в СССР. М. 1977. С. 145, 146.

сти прокуратуры не являлись предметом самостоятельных научных исследований. В современном периоде вопросы организации и проведения проверок, в том числе по направлениям надзора, рассмотрены в нескольких научных трудах¹. Мы разделяем позицию авторов, изложенную в монографическом издании о необходимости совершенствования прокурорской проверки с учетом новейших подходов, дальнейшем развитии теории прокурорского и процессуальной регламентации реализации проверок исполнения законов.

Следует отметить, что вопросы тактического обеспечения прокурорских проверок не являлись предметом рассмотрения.

Вместе с тем в разделе, посвященном вопросам повышения эффективности реализации результатов прокурорских проверок указано на то, что «выбор конкретных мер реагирования зависит от собранных в ходе проверки фактов... Конкретное решение принимается прокурором по своему внутреннему убеждению, основанному на всестороннем, полном и объективном рассмотрении всех собранных в процессе проверки материалов²». Вопросы тактического обеспечения прокурорских проверок в приведенных трудах не были предметом рассмотрения.

Изложенное подтверждает результаты авторского исследования по вопросам теоретических и прикладных основ тактики надзорной деятельности прокуратуры, под которой автор понимает поиск, разработку и (или) выбор средств тактического воздействия в конкретной надзорной ситуации в процессе организации и осуществления надзорной деятельности. Кроме того, обращено внимание ученых на субъективный фактор – оценку прокурором собранных материалов, которая напрямую зависит от свойств мышления конкретного прокурорского работника, в частности, обладает ли он тактическим мышлением, имеющим свои свойства³, способствующие принятию рационального решения в условиях складывающейся конкретной надзорной ситуации.

Здесь прослеживается четкая взаимосвязь между принятием прокурором решения и достижением эффективности проверки за счет избранного акта прокурорского реагирования.

Способность оценивать успешность собственной деятельности, степень достижения поставленной цели и соответствия объективным законам является специфической обратной информацией

ной функцией труда, которая внешне проявляется в формировании системы оценок целесообразности планируемых и полученных результатов⁴.

О взаимосвязи эффективности надзорной деятельности прокуратуры с профессиональной компетентностью прокурорского работника нами отмечалось ранее⁵.

Автор полагает, что использование тактики в надзорной деятельности прокуратуры в виде механизма и составляющих его основу элементов является базовой основой для внедрения в проверочную деятельность прокуроров искусственного интеллекта, что во многом будет способствовать оптимизации процесса обработки документов, снижению риска принятия необоснованных решений, повысит качество прокурорско-надзорного процесса и его результативность.

Анализ законодательства о прокурорском надзоре прошлого и современного периодов свидетельствует об отсутствии четкой правовой регламентации вопросов, связанных организацией и проведением прокурорской проверки, понятийного аппарата, наличие которого так важно для правильного понимания терминов, употребляемых в науке и практике прокурорского надзора, от которых, в том числе зависит соблюдение прав и свобод человека и гражданина.

Указание в законе на право прокурора провести проверку в случае невозможности опровергнуть иным способом факт о нарушении закона является не достаточным для реализации прокурорско-надзорного процесса, раскрывающего основные мероприятия, необходимые для достижения цели проверки. Введение законодателем нормы, обязывающей прокуроров уведомлять о проведении проверки поднадзорные объекты и субъекты в какой-то мере можно расценивать как шаг на пути к выделению прокурорско-надзорного процесса, его документальному оформлению.

Учеными в научных трудах отмечается, что качество проверок зависит от профессионализма прокурора, обращено внимание на соблюдение полноты проверок, определения тактики в каждом конкретном случае⁶. Об использовании тактики в процессе проведения проверки отмечено другими учеными⁷. В изучении прокурорского надзора за исполнением законов важно не только то, что «имеет право и обязан делать прокурор», но и то, «как он должен это делать»⁸.

Мы поддерживаем мнение ученых, развивающих научные положения о проверке, представляю-

¹ Проверка прокурором исполнения законов: пособие / [под общ. ред. Н.В. Субановой]; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2015. – 124 с.; Теоретические и организационные основы прокурорской проверки [Текст]: монография / [В.К. Артеменков и др.]; под общ. ред. Н.В. Субановой; Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва: Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 291 с.

² Теоретические и организационные основы прокурорской проверки [Текст]: монография / [В.К. Артеменков и др.]; под общ. ред. Н.В. Субановой; Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва: Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 121, 122.

³ Махьянова Р.М. «Тактическое мышление прокурора: понятие, содержание и влияние на состояние законности» // «Российский юридический журнал» № 5. 2024. С. 117–128.

⁴ Цитленок В.С. Основы теории эффективности системы социалистического труда. Томск. 1985 г. С. 32.

⁵ Махьянова Р.М. «Роль тактики в оценке эффективности надзорной деятельности прокуратуры и профессиональной деятельности прокурорских работников» // «Юридическая наука». № 11. 2024. С. 83–86.

⁶ Ю.Е. Винокуров. Предупреждение преступлений и других правонарушений средствами общего надзора прокуратуры // Вопросы борьбы с преступностью. Москва. «Юридическая литература». 1986. С. 71, 72.

⁷ В.Д. Ломовский. Прокурорская проверка исполнения законов. Учебное пособие. Тверь. 1993. С. 6.

⁸ А.Ф. Кони. Задачи и приемы прокуратуры. // собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 6.12.

щей собой не что иное, как прокурорско-надзорный процесс¹.

Вопросы эффективности проверок актуальны и в настоящее время. К сожалению, в органах прокуратуры устоялась позиция об оценке надзорной деятельности исходя из количества выявленных нарушений и принятых в целях их устранения мер прокурорского реагирования.

Об этом указано в некоторых научных трудах и предложено выработать подходы, позволяющие объективно оценить эффективность прокурорского работника, или отдельно взятой прокуратуры².

В поддержку приведенного заключения, автор полагает, что качество проверок, кроме прочего, может быть достигнуто, во-первых, при соблюдении процесса их осуществления (последовательность и детализация действий), во-вторых, при условии достижения предупредительного эффекта.

Надзорная деятельность имеет промежуточные цели (достигаемые на каждой конкретной стадии) и конечные, позволяющие оценить результаты проведенной проверки (проверок).

При выявлении нарушений закона прокурор обязан отреагировать в соответствии с положениями действующего законодательства, т.е. использовать правовое средство, которое способно не только устранить, но и предупредить в дальнейшем совершение аналогичных нарушений. Иными словами, при выборе средства реагирования прокурором должны быть проанализированы доказательства, полученные в ходе текущей проверки, но и сведения о надзорных характеристиках объекта (субъекта) надзора в случае ранее проведенной проверки в зависимости от результатов ее реализации.

Использование при этом тактики, а именно принятие тактически обоснованных решений на каждой стадии надзора, а также разработка ее элементов применительно к условиям надзорной ситуации их всестороннем изучении будет способствовать разработке результативного средства тактического воздействия. В данном случае целесообразных форм реагирования.

При не достижении предупредительного эффекта, например, когда поступают сигналы об аналогичных нарушениях закона, проверка не является результативной, а, следовательно, и качественной. Категория «качество» формируется с учетом ее процессуального течения, основу которого составляет профессионализм прокурорского работника, особенности его мыслительной деятельности, способность к тактическому мышлению.

Термины «проверка», «надзорная деятельность прокуратуры», «прокурорско-надзорный процесс»

обусловлены деятельностью прокурора, связанной с выявлением, устранением и предупреждением нарушений закона.

Однако, в теории и практике их употребление носит скорее субъективный, чем объективный характер по причине отсутствия соответствующих норм в базовом законе о прокурорской деятельности и других нормативных правовых актах, регламентирующих полномочия прокуроров.

Результаты авторского исследования показали, что проверка может употребляться в широком смысле слова как проверочная деятельность, включая ее проведение и реализацию результатов, и как одна из стадий надзорной деятельности прокуратуры.

По мнению автора, употребление термина «надзорная деятельность прокуратуры» понимается как система (конструкция), содержание которой составляют последовательные стадии надзора, каждая из которых имеет свои цели и задачи. Стадии, в свою очередь имеют обеспечительные этапы и подэтапы. Надзорную деятельность не следует отождествлять и смешивать с организацией надзора на конкретном направлении надзора, которая носит систематический характер, а ее сущность состоит в сборе и анализе сведений об объектах, субъектах и предметах надзора в целях планирования надзорных мероприятий, проведения анализа состояния законности в конкретном периоде времени. Вместе с тем понятия «надзорная деятельность» и «проверка» не могут быть отождествлены в полном объеме, несмотря на их такое употребление в науке и практике прокурорской деятельности, что еще раз подчеркивает необходимость ее фундаментального исследования.

На наш взгляд, надзорная деятельность может быть отождествлена с термином «прокурорско-надзорный процесс», основу которого составляет стадийность, последовательность.

Таким образом, в целях тактического обеспечения проверки и надзорной деятельности в целом, в первую очередь: необходима ее детальная правовая регламентация, позволяющая элементам тактики встраиваться в каждую стадию надзора для выполнения ее цели и задач; разграничить основные понятия, связанные с осуществлением надзорной деятельности прокуратуры; выработать методику оценки эффективности деятельности прокурорских работников, исходя из результатов и качества проводимых проверок; использовать в работе прокуроров результаты научных разработок в области прокурорского надзора и других наук.

Литература

1. Указ Президента Российской Федерации от 28 февраля 2024 г. 3145 «О Стратегии научно-технологического развития Российской Федерации» / Собрание законодательства Российской Федерации, 4 марта 2024 г. № 10, ст. 1373.
2. О прокуратуре Российской Федерации: Федер. закон от 17.01.1992 № 2202-1 // Собр. законо-

¹ Ломовский, Владимир Дмитриевич. Прокурорско-надзорный процесс: Учеб. пособие / В.Д. Ломовский; М-во общ. и проф. образования РФ. Твер. гос. ун-т. – Тверь: ТГУ, 1997. – 111 с.

² Теоретические и организационные основы прокурорской проверки: монография / [Н.Д. Бут и др.]; под общ. ред. Н.В. Субановой; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2016. – 292 с.

Прокурорский надзор. Том 1. Общая часть. Под общей редакцией профессора Ю.Е. Винокурова. Москва. Юрайт. 2017. С. 83, 84.

дательства Рос. Федерации. 20.11.1995. № 47. Ст. 4472. П. 2. Ст. 1.

3. С.Г. Новиков. Прокурорская система в СССР. М. 1977. С. 145, 146.
4. Проверка прокурором исполнения законов: пособие / [под общ. ред. Н.В. Субановой]; Ген. прокуратура Рос. Федерации; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2015. – 124 с.; Теоретические и организационные основы прокурорской проверки [Текст]: монография / [В.К. Артеменков и др.]; под общ. ред. Н.В. Субановой; Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва: Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. – 291 с.
5. Теоретические и организационные основы прокурорской проверки [Текст]: монография / [В.К. Артеменков и др.]; под общ. ред. Н.В. Субановой; Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации. – Москва: Акад. Генеральной прокуратуры Российской Федерации, 2016. С. 121, 122.
6. Махьянова Р.М. «Тактическое мышление прокурора: понятие, содержание и влияние на состояние законности» // «Российский юридический журнал» № 5. 2024. С. 117–128.
7. Цитленок В.С. Основы теории эффективности системы социалистического труда. Томск. 1985 г. С. 32.
8. Махьянова Р.М. «Роль тактики в оценке эффективности надзорной деятельности прокуратуры и профессиональной деятельности прокурорских работников» // «Юридическая наука». № 11. 2024. С. 83–86.
9. Ю.Е. Винокуров. Предупреждение преступлений и других правонарушений средствами общего надзора прокуратуры // Вопросы борьбы с преступностью. Москва. «Юридическая литература». 1986. С. 71, 72.
10. В.Д. Ломовский. Прокурорская проверка исполнения законов. Учебное пособие. Тверь. 1993. С. 6.
11. А.Ф. Кони. Задачи и приемы прокуратуры. // собр. соч. М., 1967. Т. 4. С. 6.12.
12. Ломовский, Владимир Дмитриевич. Прокурорско-надзорный процесс: Учеб. пособие / В.Д. Ломовский; М-во общ. и проф. образования РФ. Твер. гос. ун-т. – Тверь: ТГУ, 1997. – 111 с.
13. Теоретические и организационные основы прокурорской проверки: монография / [Н.Д. Бут и др.]; под общ. ред. Н.В. Субановой; Акад. Ген. прокуратуры Рос. Федерации. – М., 2016. – 292 с.
14. Прокурорский надзор. Том 1. Общая часть. Под общей редакцией профессора Ю.Е. Винокурова. Москва. Юрайт. 2017. С. 83, 84.

PROBLEMS OF TACTICAL SUPPORT OF PROSECUTORIAL INSPECTIONS

Makhyanova R.M.

Prince Alexander Nevsky Military University of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Based on the results of the analysis of scientific and practical literature and legislative acts on prosecutorial supervision, the article

substantiates the need to transform the supervisory activities of the prosecutor's office and use modern achievements in science and technology for these purposes. Inadequacy of legal regulation of the supervisory activities of the prosecutor's office significantly affects the quality of the process of organizing and conducting inspections and its tactical support. The use of tactics in the course of inspection activities will allow prosecutors to actively apply knowledge from various fields and achieve specific goals and objectives determined by each individual stage of supervision. The use of the concepts "prosecutor's inspection", "supervisory activity of the prosecutor's office", "prosecutor's supervisory process", "supervision stage" is specified. Ways to solve problems related to the tactical support of the prosecutor's supervisory activity are proposed.

Keywords: inspection, prosecutor's supervisory process, supervision stages, tactics of the prosecutor's supervisory activity.

References

1. Decree of the President of the Russian Federation of February 28, 2024 No. 3145 "On the Strategy for Scientific and Technological Development of the Russian Federation" / Collected Legislation of the Russian Federation, March 4, 2024 No. 10, Art. 1373.
2. On the Prosecutor's Office of the Russian Federation: Federal Law of January 17, 1992 No. 2202-1 // Coll. legislation of the Russian Federation. November 20, 1995. No. 47. Art. 4472. P. 2. Art. 1.
3. S.G. Novikov. The prosecutor's system in the USSR. Moscow, 1977. P. 145, 146.
4. Verification of the execution of laws by the prosecutor: manual / [under the general editorship of N.V. Subanova]; Prosecutor General's Office of the Russian Federation; Acad. Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – Moscow, 2015. – 124 p.; Theoretical and organizational foundations of the prosecutor's review [Text]: monograph / [V.K. Artemenkov et al.]; under the general editorship of N.V. Subanova; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – Moscow: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016. – 291 p.
5. Theoretical and organizational foundations of the prosecutor's review [Text]: monograph / [V.K. Artemenkov et al.]; under the general editorship of N.V. Subanova; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – Moscow: Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation, 2016. Pp. 121, 122.
6. Makhyanova R.M. "Tactical Thinking of the Prosecutor: Concept, Content and Impact on the State of Legality" // "Russian Law Journal" No. 5. 2024. Pp. 117–128.
7. Tsitlenok V.S. Fundamentals of the Theory of the Efficiency of the Socialist Labor System. Tomsk. 1985. Pp. 32.
8. Makhanova R.M. "The Role of Tactics in Assessing the Efficiency of the Supervisory Activities of the Prosecutor's Office and the Professional Activities of Prosecutor's Employees" // "Legal Science". No. 11. 2024. Pp. 83–86.
9. Yu.E. Vinokurov. Prevention of Crimes and Other Offenses by Means of General Supervision of the Prosecutor's Office // Issues of Combating Crime. Moscow. "Legal Literature". 1986. Pp. 71, 72.
10. V.D. Lomovsky. Prosecutor's Review of Law Enforcement. Study Guide. Tver. 1993. Page 6.
11. A.F. Koni. Tasks and Techniques of the Prosecutor's Office. // Collected Works. Moscow, 1967. Volume 4. Page 6.12.
12. Lomovsky, Vladimir Dmitrievich. Prosecutor's Supervision Process: Textbook / V.D. Lomovsky; Ministry of General and Professional Education of the Russian Federation. Tver State University – Tver: TSU, 1997. – 111 p.
13. Theoretical and Organizational Foundations of the Prosecutor's Inspection: Monograph / [N.D. But et al.]; under the general editorship of N.V. Subanova; Academy of the Prosecutor General's Office of the Russian Federation. – Moscow, 2016. – 292 p.
14. Prosecutor's Supervision. Volume 1. General part. Under the general editorship of Professor Yu.E. Vinokurov. Moscow. Yurait. 2017. P. 83, 84.

Проблемы правового регулирования агрегаторов в сфере защиты прав потребителей

Медведев Денис Павлович,

аспирант Международного юридического института
E-mail: fragmoviepainh@yandex.ru

Шестеряков Игорь Александрович,

к.ю.н., доцент.

В статье проведён анализ дефиниции «агрегатор» в контексте с действующим законодательством и авторскими позициями. В ходе анализа установлены функции агрегатора и их взаимосвязь с исполнением обязательства по оплате стороной потребителя при заключении договоров. Установлено, что из-за существующих противоречий в законодательстве во взаимосвязи с реальными условиями гражданского оборота, содержание которых обусловлено способами оплаты, агрегатор формально не всегда включен в поле правового регулирования Закона «О защите прав потребителей». Определено, что разрешенные законом способы оплаты стороной потребителя не влияют на содержание исполняемых функций агрегатора, даже если данные способы оплаты в легальной дефиниции агрегатора не указаны. Автором представлены предложения по изменению законодательства в целях защиты прав и законных интересов потребителей.

Ключевые слова: гражданское право, агрегатор, владелец агрегатора, права потребителя, договор купли-продажи.

С введением в 2018 году в законодательство такого субъекта как агрегатор, правоотношения с участием потребителя преобразились. Участие нового субъекта сократило временные затраты на осуществление сделок. Располагая информацией о сторонах, о предметах потенциальной сделки и иной информацией, предоставляя различные условия оплаты и доставки, агрегаторы создали удобную сервисную среду, ставшую популярной среди населения. Агрегатор стал субъектом, выражающим одну из черт бытия современного общества – удобство. Блага стали доступны без выхода из дома и без коммуникации с исполнителем¹.

Законом определена информация, обязательная для информирования потребителя, которая одинакова и для исполнителей, и для агрегаторов: наименование, адрес, режим работы².

На данный момент сформирован ряд позиций по поводу понятия данного субъекта. Так, Бодиловский А.В.³, Балякина Е.Б.⁴ указывают, что это предприниматель, через которого потребитель может заключить договор и произвести оплату в безналичной форме. Стоит отметить, что с точки зрения законодательства в правовой статус данного субъекта включено также следующее положение, дополняющее его содержание – это обязанность обеспечить возможность для потребителя исполнить обязательство через оплату наличным расчетом⁵.

Помимо этого, существует позиция, отражающая содержание понятия с той стороны, что агрегатор обеспечивает самую выгодную цену в договорах купли-продажи⁶. На наш взгляд, сфера участия агрегатора в гражданском обороте может включать в себя как договоры купли-продажи, так и другие договоры (например, договоры перевоз-

¹ Колесниченко О.В., Панкратова Д.В. Реализация товаров через маркетплейсы: проблемы осуществления и защиты прав потребителей / Национальная безопасность / nota bene. 2024. № 3. С. 18.

² См.: ст. 9 ЗоЗП П.

³ Бодиловский А.В. Гражданско-правовое регулирование отношений, вытекающих из договоров, заключенных дистанционно: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бодиловский Андрей Валерьевич; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. – Москва, 2021. – 51 с.

⁴ См.: Балякина Е.Б. Проблемы частноправового и публично-правового регулирования транспортной деятельности. [Текст] // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. Уфа, 2023. с. 51.

⁵ См.: ст. 16.1 ЗоЗП П.

⁶ См.: Тимофеева Т.Ф. Проблемы правового регулирования торгового агрегатора как разновидности цифровой технологической платформы. [Текст] // Oeconomia et Jus. 2022. № 3. с. 74.

ки). Помимо этого, стоит отметить содержание такого критерия как «выгода». При формировании критерия выгоды, важно определить к какому из участников её применять: агрегатор, продавец или покупатель. Также нужно учитывать характер выгоды – денежный (наличие скидок, различных бонусов), временное выражение (наличие доставки курьером, в постамат и т.д.), либо их взаимные сочетания или иные характеристики. Таким образом, содержание данного критерия, на наш взгляд, определяется контекстом и характером сделки.

Обращаясь к легальному понятию агрегатора (владельца агрегатора) также следует обратить внимание на необходимость учета содержания прав потребителей, касающихся разрешенных законом способов оплаты. На наш взгляд, совокупность таких способов, указанных в дефиниции, для универсальности применения нужно оставлять открытым, а не перечислять их последовательно в виде перечня. Реализовав изложение дефиниции таким образом в ходе развития правоотношений не потребуются пересмотра её содержания, что сохранит изначальную упорядоченность.

Так, Законом указывается, что владелец агрегатора предоставляет возможность для потребителей осуществить предварительную оплату путем наличных расчетов либо перевода денежных средств в форме безналичного расчета¹. Таким образом, оплата путем наличных или безналичных расчетов после получения товара или исполнения услуги (постоплата) выводит владельца агрегатора из поля правового регулирования, формируя правовую проблему.

Проблема правового регулирования агрегаторов при реализации товаров и услуг потребителям на дистанционной основе является актуальным предметом обсуждения. О том, что цифровизация из-за стихийности нуждается в установлении определенности путем регулирования правовыми нормами указывают Малышева Н.А., Мельник А.С., с чем нельзя не согласиться². Помимо этого, Колесниченко О.В., Панкратова Д.В. отмечают проблему разработанности законодательства, подчеркивая её связь с юридической защищенностью потребителя³. На наш взгляд, проблема того, как разработаны нормы закона, напрямую связана с вводимыми правовыми нормами для новой, еще формирующейся, области правоотношений. Законотворчество в данном случае – это следствие развивающегося гражданского оборота, порождающего новые сферы правоотношений, которые требуют определенности и стабильности, соответствующей многообразию их содержания.

¹ См.: абзац тринадцатый преамбулы ЗоЗП П.

² Малышева Н. А., Мельник А.С. Платформа – не агрегатор? Перспективы частнопроводного регулирования цифровой инфраструктуры // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 149–150.

³ См.: Колесниченко О.В., Панкратова Д.В. Реализация товаров через маркетплейсы: проблемы осуществления и защиты прав потребителей // Национальная безопасность / nota bene. 2024. № 3. С. 17–27.

В связи с вышеуказанным, следует то, что формирующейся сфере требуется надлежащая правовая регламентация, которая подходит содержанию правоотношений. И в силу того, что в легальном определении агрегатора (владельца агрегатора) не предусмотрены способы, которые являются производными от постоплаты, не предусмотрен открытый перечень для исполнения потребителем обязательств по оплате, формируется область для злоупотребления правом. Данные злоупотребления могут быть направлены на потребителя в целях повышения сложности реализации его законных прав, что не соответствует концепции «удобства». Само по себе данное «удобство» обусловливается посредническим характером деятельности агрегатора, направленной на организацию сделки между исполнителем и потребителем. Иными словами, агрегатор выступает «мостом» для сторон, где инициатором сделки выступает потребитель, а агрегатор может принять исполнение и передать его исполнителю. Таким образом, исходя из содержания легального определения агрегатора, можно установить его основные функции, за счет которых он выступает как значимый субъект, способствующий «удобству» сторон: 1) организация сделки; 2) принятие исполнения; 3) передача исполненного исполнителю. Обращая внимание на основные функции агрегатора, заметим, что при использовании способов оплаты путем наличных или безналичных расчетов после получения товара или исполнения услуги, все вышеперечисленные функции агрегатора также продолжают исполняться и не возникает противоречия в случае, если оплата производилась бы до получения товара или исполнения услуги. Но, несмотря на отсутствие противоречия между функциями агрегатора и способами оплаты для потребителя, «постоплатные» способы законодательством не включены в легальное определение агрегатора. Хотя практике уже известны примеры, при которых агрегатор исполняет все вышеперечисленные функции даже в тех ситуациях, когда потребитель выбрал способ оплаты после получения товара или исполнения услуги.

Приведем в качестве примера «Яндекс.Маркет». С помощью данного сервиса, устанавливающего правила его использования, потребитель может заключить договор купли-продажи. Содержание правил сервиса⁴ предусматривает порядок заключения таких договоров. В соответствии с правилами, данный договор будет заключен после совершения потребителем следующих действий:

- 1) Выбора оплаты банковской картой при получении, либо наличными при получении и нажатия кнопки «Оформить заказ» или её аналога;
- 2) Нажатия кнопки «Оплатить» (безналичный расчет в т.ч. при внесении предоплаты), после чего денежные средства поступают на счет

⁴ Правила использования сервиса «Яндекс Маркет» от 21 августа 2024 г. [Электронный ресурс] // Яндекс.Правовые документы – URL: https://yandex.ru/legal/market_termsfuse/21082024 (дата обращения 19.07.2025).

сервиса и обязательство оплатить товар стороной потребителя считается исполненным.

Исходя из перечисленных положений, можно уяснить следующее. Заключение договора посредством сервиса «Яндекс.Маркет» включает в себя возможности для потребителя по использованию следующих способов оплаты: 1) предварительная оплата путем перевода в форме безналичного расчета; 2) оплата наличным и безналичным расчетом по факту получения товара. Таким образом, агрегатор предоставляет возможности для потребителя исполнить обязательство по оплате способами: 1) которые содержатся в легальном определении агрегатора; 2) которые в легальном определении агрегатора отсутствуют. Независимо от выбора способов оплаты, агрегатор все еще исполняет свои функции, вытекающие из содержания легального определения.

На наш взгляд, перечисленные обстоятельства демонстрируют необходимость внесения дополнений в законодательство. Эта необходимость обусловлена как содержанием договора купли-продажи с участием агрегатора, так и неизменностью исполняемых им функций в соотношении с легальным определением агрегатора. Содержание дефиниции, которое указано в преамбуле ЗоЗПП, не соотносится с условиями, которые предлагаются агрегатором при заключении договора. Это подтверждается тем, что сервис «Яндекс.Маркет» предусматривает для потребителя возможность исполнения обязательств по оплате путем наличных и безналичных расчетов как «до» (предоплата), так и «после» (постоплата) получения товара. В силу расхождения легального определения агрегатора и условий гражданского оборота возникает ситуация, при которой потребитель, выбирая способы исполнения обязательств, производные от постоплаты, «смещает» агрегатора из поля правового регулирования. При этом оставшиеся способы оплаты (предоплата), которые потребитель также может выбрать при использовании сервиса, для агрегатора поле правового регулирования смещать не будут. Таким образом, при варианте с постоплатой «Яндекс.Маркет» формально может не считаться агрегатором, а при остальных способах оплаты – он им будет являться в силу правовой проблемы следующего характера. В данном случае, границы действия поля правового регулирования ЗоЗПП обуславливаются тем, какой способ оплаты выбирает потребитель. При этом, исполняемые агрегатором функции фактически остаются неизменными т.е. не ставятся в зависимость от выбранного потребителем способа оплаты.

В целях обозначения четко определенного поля правового регулирования для агрегаторов в правоотношениях с участием потребителей, автором предлагается редакция преамбулы ЗоЗПП в части определения «владелец агрегатора»: «владелец агрегатора информации о товарах (услугах) (далее – владелец агрегатора) – организация любой организационно-правовой формы или индивидуальный предприниматель, владеющие программой

для ЭВМ и (или) сайтом и (или) страницей сайта в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и предоставляющих для потребителя возможность одновременно:

- ознакомиться с предложением продавца (исполнителя) о заключении договора купли-продажи товара (договора возмездного оказания услуг);
- заключить с продавцом (исполнителем) договор купли-продажи (договор возмездного оказания услуг);
- произвести оплату указанного товара (услуги) любым законным способом.».

На взгляд автора, при установлении легального определения агрегатора такого содержания, права потребителя будут находиться под защитой вне зависимости от выбранного им способа оплаты. Иными словами, новая редакция решит проблему «смещения» поля правового регулирования, чем сократит возможности для злоупотребления. В особенности, это должно иметь значение при рассмотрении спорных ситуаций, где некачественный товар поступает не напрямую от продавца, а через агрегатора, который может осуществлять хранение и доставку товара до клиентов¹. Подобные случаи уже нашли отражение на практике в условиях зарубежного права. Так, в Нью-Йорке, судом была признана ответственность агрегатора, который осуществлял доставку до клиента дефектного товара, нанесшего вред его имуществу. Суд уделил должное внимание тому фактору, что агрегатор держит под контролем сделку от начала и до конца, а также получает выгоду от этих сделок².

Литература

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г.) (с поправками, внесенными законом РФ от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ) // Российская газета. – 1993. – 25 дек.; Собрание законодательства РФ. – 2020. – № 11, ст. 1416.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 13 декабря 2024 г.) // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 5, ст. 410; 2024. – № 51, ст. 7853.
3. Закон РФ от 7 февраля 1992 г. № 2300–1 (ред. от 8 августа 2024 г.) «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. – 1996. – № 3, ст. 140; 2024. – № 33 (ч. I), ст. 4928.
4. Бодилковский А.В. Гражданско-правовое регулирование отношений, вытекающих из дого-

¹ Аксенов В.А., Одинцов С.В. Правовая природа маркетплейсов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 1. С. 5–21.

² State Farm Fire & Cas. Co.v. Amazon.com Servs., Inc. № 008550/2019. 8 Dec. 2020. Supreme Court of the State of New York // New York State Law Reporting Bureau. URL: https://www.nycourts.gov/REPORTER/3dseries/2020/2020_20326.htm (дата обращения: 19.07.2025).

воров, заключенных дистанционно: специальность 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право»: диссертация на соискание ученой степени кандидата юридических наук / Бодилковский Андрей Валерьевич; Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации. — Москва, 2021. — 180 с.

5. Колесниченко О.В., Панкратова Д.В. Реализация товаров через маркетплейсы: проблемы осуществления и защиты прав потребителей / Национальная безопасность / *nota bene*. 2024. № 3. С. 17–27.
6. Балякина, Е.Б. Проблемы правового регулирования деятельности агрегатора такси. [Текст] / Е.Б. Балякина // Материалы VI Всероссийской научно-практической конференции. — 2023. С. 49–53.
7. Тимофеева Т.Ф. Проблемы правового регулирования торгового агрегатора как разновидности цифровой технологической платформы. [Текст] // *Oeconomia et Jus*. 2022. № 3. с. 74.
8. Малышева Н. А., Мельник А.С. Платформа — не агрегатор? Перспективы частноправового регулирования цифровой инфраструктуры // Вестник Московского университета МВД России. 2023. № 4. С. 149–150.
9. Аксенов В. А., Одинцов С.В. Правовая природа маркетплейсов // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. Сер.: Гуманитарные и общественные науки. 2024. № 1. С. 5–21.
10. Правила использования сервиса «Яндекс Маркет» от 21 августа 2024 г. [Электронный ресурс] // Яндекс.Правовые документы — URL: https://yandex.ru/legal/market_termsofuse/21082024 (дата обращения 19.07.2025).
11. *State Farm Fire & Cas. Co.v. Amazon.com Servs., Inc.* № 008550/2019. 8 Dec. 2020. Supreme Court of the State of New York // New York State Law Reporting Bureau. URL: https://www.nycourts.gov/REPORTER/3dseries/2020/2020_20326.htm (дата обращения: 19.07.2025).

PROBLEMS OF LEGAL REGULATION OF AGGREGATORS IN THE FIELD OF PROTECTION OF CONSUMER RIGHTS

Medvedev D.P., Shesteryakov I.A.
International Law Institute

The article analyzes the definition of “aggregator” in the context of current legislation and the author’s positions. During the analysis,

the functions of the aggregator and their relationship with the fulfillment of the obligation to pay by the consumer when concluding contracts were established. It was established that due to existing contradictions in the legislation in connection with the real conditions of civil turnover, the content of which is determined by the methods of payment, the aggregator is not always formally included in the field of legal regulation of the Law “On Protection of Consumer Rights”. It was determined that the methods of payment by the consumer permitted by law do not affect the content of the functions performed by the aggregator, even if these payment methods are not specified in the legal definition of the aggregator. The author presents proposals for changing the legislation in order to protect the rights and legitimate interests of consumers.

Keywords: civil law, aggregator, aggregator owner, consumer rights, purchase and sale agreement.

References

1. The Constitution of the Russian Federation (adopted by a nationwide vote on December 12, 1993) (as amended by the Law of the Russian Federation of March 14, 2020, No. 1-FKZ) // *Rossiyskaya Gazeta*. — 1993. — December 25; Collected Legislation of the Russian Federation. — 2020. — No. 11, Art. 1416.
2. The Civil Code of the Russian Federation (Part Two) of January 26, 1996 No. 14-FZ (as amended on December 13, 2024) // Collected Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 5, Art. 410; 2024. — No. 51, Art. 7853.
3. Law of the Russian Federation of February 7, 1992 No. 2300–1 (as amended on August 8, 2024) “On the Protection of Consumer Rights” // Collection of Legislation of the Russian Federation. — 1996. — No. 3, Art. 140; 2024. — No. 33 (Part I), Art. 4928.
1. Dissertations and dissertation abstracts
4. Bodilovsky A.V. Civil-law regulation of relations arising from contracts concluded remotely: specialty 12.00.03 “Civil law; business law; family law; international private law”: dissertation for the degree of candidate of legal sciences / Bodilovsky Andrey Valerievich; Financial University under the Government of the Russian Federation. — Moscow, 2021. — 180 p.
5. Kolesnichenko O.V., Pankratova D.V. Sale of goods through marketplaces: problems of implementation and protection of consumer rights / *National Security / nota bene*. 2024. No. 3. P. 17–27.
6. Balyakina, E.B. Problems of legal regulation of the activities of a taxi aggregator. [Text] / E.B. Balyakina // Proceedings of the VI All-Russian Scientific and Practical Conference. — 2023. P. 49–53.
7. Timofeeva T.F. Problems of legal regulation of a trading aggregator as a type of digital technological platform. [Text] // *Oeconomia et Jus*. 2022. No. 3. P. 74.
8. Malysheva N.A., Melnik A.S. Platform — not an aggregator? Prospects for private-law regulation of digital infrastructure // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2023. No. 4. P. 149–150.
9. Aksyonov V. A., Odintsov S.V. Legal nature of marketplaces // Bulletin of the Immanuel Kant Baltic Federal University. Series: Humanities and social sciences. 2024. No. 1. P. 5–21.
10. Rules for using the Yandex Market service dated August 21, 2024 [Electronic resource] // Yandex.Legal documents — URL: https://yandex.ru/legal/market_termsofuse/21082024 (date of access 07/19/2025).
11. *State Farm Fire & Cas. Co.v. Amazon.com Servs., Inc.* No. 008550/2019. 8 Dec. 2020. Supreme Court of the State of New York // New York State Law Reporting Bureau. URL: https://www.nycourts.gov/REPORTER/3dseries/2020/2020_20326.htm (date of access: 07/19/2025).

Научно-консультативные заключения как форма использования специальных знаний в уголовном судопроизводстве

Минеев Максим Александрович,

ЮИИ СФУ; адвокат, преподаватель-исследователь

E-mail: Jurist_consult24@mail.ru

Автором в статье обозначены ряд проблем, возникающих при использовании научно-консультативных заключений, автором делается вывод, что такие заключения не являются доказательством, а служат основанием для формирования внутреннего убеждения по делу. Автором предлагается вернуть институт «amicus curiae» и расширить понятие «сведущие лица» в уголовном судопроизводстве таким, как «научный консультант».

Ключевые слова: научно-консультативное заключение, инициативные научные заключения, научный консультант, научное заключение, процессуально значимый документ для формирования внутреннего убеждения.

Адвокат в своей деятельности должен пользоваться всем спектром возможностей, предоставленных ему уголовно-процессуальным и иным законодательством для защиты прав и законных интересов подзащитного в рамках уголовного процесса.

Наиболее активно специальные знания адвокат использует вне рамок уголовного процесса¹, например, путем привлечения сведущего лица для консультаций, составления различных документов, таких как заключение специалиста, рецензия на заключение эксперта, и составления так называемых «независимых экспертиз»².

Так, несмотря на то что в соответствии со ст. 53, 58 УПК РФ³, адвокат может привлекать специалиста для дачи им заключения, данный процесс крайне сложен. Согласно п. 2.1. ст. 58 УПК следователь не может отказать в удовлетворении ходатайства о привлечении специалиста, однако, на практике же, зачастую следователи под различными предлогами отказывают в удовлетворении ходатайства или же затягивают процесс его рассмотрения. Поэтому для решения данных проблем адвокату приходится самостоятельно привлекать **сведущих лиц** на договорной основе вне процесса, пытаться легализовать их статус в качестве полноценных участников процесса, а затем и составленных ими документов в качестве доказательств по делу⁴.

При этом стоит отметить, что, по сути, данные сведущие лица, привлеченные адвокатом на договорной основе в уголовно-процессуальном смысле специалистами, не являются и документы ими составленные скорее можно характеризовать в качестве **иных документов** по смыслу статьи 84 УПК РФ, чем заключением специалиста.

Тем не менее практика применения доктринальных научно-консультативных заключений присутствует в уголовном судопроизводстве. Многие

¹ Авдеев В.Н. Некоторые аспекты использования стороной защиты знаний специалиста // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 ноября 2019 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 17–21.

² Сайконен Елизавета Владимировна Актуальные проблемы использования адвокатом специальных знаний в уголовном процессе // SAF. 2022. № 2.

³ Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. 25.03.2022, изм. от 19.04.2022).

⁴ Сайконен Елизавета Владимировна Актуальные проблемы использования адвокатом специальных знаний в уголовном процессе // SAF. 2022. № 2.

ученые-юристы дают такие заключения по различным вопросам уголовного права и процесса.

Ярким примером такого доктринального научно-консультативного заключения можно проследить в громком уголовном деле «В отношении Александра Развозжаева», в данном уголовном деле доктор юридических наук Сибирского Федерального университета, адвокат А.Д. Назаров дал научно – правовую оценку этому делу.

Александр Назаров сделал в своем научно – консультативном заключении весьма серьезные выводы, которые и подтвердил в суде¹.

Такие научно-консультативные заключения являются **процессуально значимыми документами**, и они представляют ценность для выполнения назначения уголовного судопроизводства. Такие заключения позволяют выявить, исправить и предупредить следственную и (или) судебную ошибку².

Попытки применения в судебной практике научно-консультативных заключений были предприняты Конституционным судом в 2017 году, когда было введено такое понятие как «**amicus curiae**» (лат. – «друг суда»)³.

В регламенте Конституционного суда такие документы были поименованы как «инициативные научные заключения».

В доктрине под таким термином как «amicus curiae» понимается мнение, взгляд, отчет, переданный суду, выносящему решение по конкретному делу, субъектом, не принимающим в нём участия в качестве процессуальной стороны, например неправительственной организацией, лицом или группой лиц, которые имеют исключительные юридические или профессиональные знания по важной теме, выступающим в этом деле с целью вызвать вынесение желаемого судебного решения⁴.

В регламент суда внесли изменения, которые закрепляли возможность привлечения представителей юридической научной общественности к процессу конституционного судопроизводства. Ученые высказывались по собственной инициативе, но могли опираться только на те материалы, что у них есть – документы из дела они требовать не могли.

В связи с этим, на практике возникало много вопросов, в частности о возможности приобщения такого заключения к материалам уголовного дела. Большинство судей в уголовном процессе не только приобщают к материалам дела такие юридические заключения (научно-консультативные заключения), но и ссылаются на них в судебных актах.

¹ <https://goldenmost.ru/doktor-yuridicheskikh-nauk-aleksandr-nazarov-v-otnoshenii-aleksandra-razvozhayeva-byila-sovershena-provokatsiya/>

² Назаров А. Д., Минеев М.А. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве КРИМИНАЛИСТЪ. 2024. № 3 (48). С. 45–49

³ Решение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2017 года о внесении изменений в Регламент Конституционного Суда РФ // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2017. № 6.

⁴ Султанов А.Р. Amicus curiae – друг суда и российское судопроизводство // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 6. С. 16–19.

Почти всегда это выглядит как иная точка зрения, подтверждающая позицию, занятую судом. Иногда судья просто берет юридическое заключение за основу судебного акта.

Судьи приобщают правовые заключения и рассматривают их как часть правовой позиции сторон, а не как доказательство. Изначально, судьи настроены критически к таким заключениям и ссылаются на то, что они обладают высшим юридическим образованием и способны сами давать оценку обстоятельствам дела. Они не несут самостоятельного доказательственного значения, однако являются своего рода ориентирующими документами, призванные для формирования внутренней позиции по уголовному делу.

Как показывает практика, суды больше всего ценят правовые заключения, подготовленные известными учеными или специалистами какой-то узкой области.

Еще одна проблема при применении такого института, как «**amicus curiae**» является статус лица, составлявшего такое заключение. Такие лица не могут считаться экспертами или специалистами, поскольку их заключения не являются заключениями эксперта или специалиста. С учетом того, что процессуальный статус этих лиц не определен, суды не вызывают их для дачи пояснений: к ним даже не могут применяться нормы об обязанности предупредить об уголовной ответственности за дачу заведомо ложного заключения.

Несмотря на то, что в 2021 г. Конституционным судом данный институт был упразднен, полагаю, что его возврат было бы рациональным для практической деятельности. Учитывая тот факт, что в настоящее время такие заключения всё чаще и чаще принимаются судами.

Полагаю, что возникающие теоретические вопросы, в связи с введением такого института могут быть решены практической деятельностью.

В частности, вопрос о правовой природе такого научно-консультативного заключения можно определить, как «процессуально значимый документ, позволяющий сформировать внутреннее убеждение по тому или иному факту уголовного дела»

При решении вопроса о статусе таких лиц, полагаю, можно указать как «сведующие лица», поскольку к статусу специалиста или экспертов ученых относить не совсем корректно.

Однако, Сведующие лица при составлении заключения в уголовном процессе – это лица, обладающие специальными знаниями в определённой области, осведомлённые в определённой сфере и имеющие практические навыки по данным вопросам.

К сведущим лицам в уголовном процессе принято относить эксперта, специалиста, психолога, педагога, ревизора и переводчика. Полагаю, что целесообразным будет расширить список таких сведущих лиц как «научный консультант».

Институт «amicus curiae» в Российском конституционном и уголовном судопроизводстве оправданно оценить, как работоспособный и значимый.

Вместе с тем эффект инициативного научного заключения не всегда легко предсказать. Юридическая конструкция с определённым смысловым наполнением вполне может быть заимствована и переделана Судом под другие цели, совсем не те, которые изначально предполагали авторы.

Что касается заключений, не востребованных Конституционным Судом, то, как правило, этому можно найти рациональное объяснение. Не в последнюю очередь здесь играют роль истинные намерения «друзей суда». Для того чтобы взаимодействие общества и Суда было конструктивным, имеет смысл прислушаться к словам судьи Н.С. Бондаря, сказанным в связи с принятием поправок об инициативных научных заключениях к Регламенту Суда: «уровень и качество представляемых Суду заключений должны отвечать высоким требованиям объективности, научной беспристрастности и ни в коем случае не могут рассматриваться как некое средство для доступа к публичной трибуне в целях отстаивания общественно-политических интересов и позиций»¹.

Литература

1. Авдеев В.Н. Некоторые аспекты использования стороной защиты знаний специалиста // Уголовное судопроизводство России: проблемы и перспективы развития: материалы всероссийской научно-практической конференции, Санкт-Петербург, 22 ноября 2019 года. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский университет Министерства внутренних дел Российской Федерации, 2019. С. 17–21.
2. Сайконен Елизавета Владимировна Актуальные проблемы использования адвокатом специальных знаний в уголовном процессе // SAF. 2022. № 2.
3. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 N 174-ФЗ (ред. 25.03.2022, изм. от 19.04.2022).
4. Назаров А. Д., Минеев М.А. Использование специальных знаний в уголовном судопроизводстве КРИМИНАЛИСТЪ. 2024. № 3 (48). С. 45–49

5. Решение Конституционного Суда Российской Федерации от 10 октября 2017 года о внесении изменений в Регламент Конституционного Суда РФ // Вестник Конституционного Суда Российской Федерации. 2017. № 6.
6. Султанов А.Р. Amicus curiae – друг суда и российское судопроизводство // Арбитражный и гражданский процесс. 2011. № 6. С. 16–19.
7. Голубкова М. Кто друг суда // Российская газета. 2017. 19 октября. Федеральный выпуск № 238 (7404).

SCIENTIFIC ADVISORY OPINIONS AS A FORM OF USING SPECIALIZED KNOWLEDGE IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Mineev M.A.

SibFU Law Institute

The author of this article identifies a number of problems that arise when using scientific advisory opinions, the author concludes that such opinions are not evidence, but serve as a basis for forming an internal conviction in the case. The author proposes to return the institute of “amicus curiae” and expand the concept of “knowledgeable persons” in criminal proceedings to include such as “scientific consultant”.

Keywords: scientific advisory opinion, initiative scientific opinions, scientific consultant, scientific opinion, procedurally significant document for forming an internal conviction.

References

1. Avdeev V.N. Some aspects of the use of specialist knowledge by the defense // Criminal proceedings in Russia: problems and development prospects: materials of the all-Russian scientific and practical conference, St. Petersburg, November 22, 2019. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2019. Pp. 17–21.
2. Saykonen Elizaveta Vladimirovna Actual problems of using specialized knowledge by a lawyer in criminal proceedings // SAF. 2022. No. 2.
3. Criminal Procedure Code of the Russian Federation of 18.12.2001 N 174-FZ (as amended on 25.03.2022, amended on 19.04.2022).
4. Nazarov A. D., Mineev M.A. Use of specialized knowledge in criminal proceedings КРИМИНАЛИСТЪ. 2024. No. 3 (48). P. 45–49
5. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation of October 10, 2017 on Amendments to the Rules of the Constitutional Court of the Russian Federation // Bulletin of the Constitutional Court of the Russian Federation. 2017. No. 6.
6. Sultanov A.R. Amicus curiae – a friend of the court and Russian legal proceedings // Arbitration and civil procedure. 2011. No. 6. P. 16–19.
7. Golubkova M. Who is a friend of the court // Rossiyskaya Gazeta. 2017. October 19. Federal issue No. 238 (7404).

¹ Цит. по: Голубкова М. Кто друг суда // Российская газета. 2017. 19 октября. Федеральный выпуск № 238 (7404).

Семкина Анна Сергеевна,

магистр Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России); главный юрисконсульт отдела международной работы дирекции по правовому сопровождению бизнеса АО «Почта России»
E-mail: semkinaas@bk.ru

Исследование автора направлено на систематизацию форм корпоративного контроля в коммерческих корпорациях и выделение критериев классификации. Выводы имеют следующую методологическую основу: анализ доктрины, законодательства и судебной практики, сравнительно-правовой анализ концепций ученых, синтез полученной информации. При выработке критериев классификации форм корпоративного контроля автор исходит из двойственности понимания корпоративного контроля: экономического и юридического, что позволяет преодолеть ограниченность юридического подхода, основанного исключительно на членстве (участии) в уставном капитале. В результате автор подтверждает существование контроля со стороны лиц без формального участия (кредиторы, бенефициары), что подтверждено судебной практикой. Разработана расширенная классификация форм корпоративного контроля по ключевым критериям: субъект (участник, кредитор, бенефициар, инвестор), основание возникновения (договорные и внедоговорные механизмы), время возникновения (первоначальные, производные), объект влияния (общее собрание, иные органы управления). Выявлены специфические инструменты контроля в холдингах (утверждение типовых внутренних актов, поручения на голосование, избрание представителей в органы дочерних обществ). Наиболее прикладной признана классификация по основанию возникновения (договорные/внедоговорные формы).

Ключевые слова: корпоративный контроль, формы корпоративного контроля, договорные формы, внедоговорные формы, контроль участника, контроль кредитора

Введение

В основу понимания форм корпоративного контроля положена дефиниция корпоративного контроля, которая юридической наукой на данный момент полноценно не выработана. Корпоративный контроль есть власть участника (акционера) над волей корпорации и ее органами управления, возможность задавать вектор ведения бизнеса посредством принятия решений на общем собрании участников (акционеров). Данное понимание – корпоративный контроль с юридической точки зрения. Соответственно, должным образом определены и формы корпоративного контроля (правовые средства/инструменты/механизмы, которыми обладает участник (акционер) корпорации).

С этой позиции, мы сможем построить классификацию форм корпоративного контроля закладывая в основу лишь признак участия (членства) лица в уставном капитале организации. В таком случае не будут охвачены те формы, которые напрямую не базируются на признаке участия (членства) и возможности осуществления управления. Более того, возможность осуществления корпоративного контроля над организацией со стороны лиц, не обладающих правом участия (членства), подтверждается и релевантной судебной практикой (п. 3.1. Обзора судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц, утв. Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 29.01.2020). Например, самый часто встречающийся субъект корпоративного контроля, не связанный корпоративными правами с организацией – кредитор, который имеет возможность осуществлять фактический контроль над действиями корпорации и ее органов управления, включая общее собрание участников (акционеров). Это есть фактический корпоративный контроль, или корпоративный контроль с экономической точки зрения.

Некоторые правовые инструменты (формы) контроля присущи только «сторонним» юридически для корпорации лицам. Но при этом указанные лица все же обладают механизмами для осуществления контроля и влияния на волю и волеизъявление организации наряду с ее участниками (акционерами).

Материалы и методы

Автором использованы следующие научные методы анализа, синтеза, сравнительно-правовой, формально юридический. В основу статьи положен анализ научных трудов в области корпоративного

права таких ученых как: О.В. Гутников, Д.В. Ломакин, А.С. Оборов, С.А. Синицын, Д.И. Степанов, А.О. Шиткин, И.С. Шиткина.

Результаты и обсуждения

Для построения расширенной классификации форм корпоративного контроля нам необходимо основываться на дихотомии понимания собственно корпоративного контроля: юридического и экономического.

Следует также остановиться на формах корпоративного контроля, которые были выделены И.С. Шиткиной и А.С. Гутиным еще в начале 2000-х годов. Оба автора имеют идентичное мнение насчет того, что в качестве формы корпоративного контроля можно выделить акционерный контроль. А.С. Гутиным выделены следующие его формы:

1) Абсолютный акционерный контроль – контроль со стороны акционеров с наибольшим количеством акций (мажоритарии);

2) Относительный акционерный контроль – контроль со стороны акционеров, которые владеют незначительным пакетом акций (миноритарии) [2, с. 23].

И.С. Шиткина помимо акционерного контроля выделяет еще две формы:

1) Производственно-хозяйственный контроль – контроль за текущей хозяйственной деятельностью корпорации;

2) Финансовый контроль как обеспечение влияния на распределение финансовых потоков [12].

На наш взгляд, подход И.С. Шиткиной основывается на том, в какой сфере осуществляется контроль акционера: принятие решений, управление деятельностью, финансовое положение организации. Но, так или иначе, субъектом контроля подразумевается владелец акций (акционер). Хотя можно предположить и иной вариант, например, контролировать деятельность и движение финансов может и исполнительный орган управления.

Отдельно она также указывает, что в формате холдинговой структуры в качестве формы корпоративного контроля материнского общества за деятельностью дочерних применимо избрание представителей основного общества в состав ревизионных комиссий дочерних обществ. Свою позицию автор обосновывает через необходимость расширения традиционного (некорректного) понимания контрольно-ревизионных проверок как проверок сугубо бухгалтерской и финансовой составляющей деятельности организации. По ее мнению, к ревизии также следует относить проверку: организации договорно-правовой и претензионно-исковой работы, выполнение требований Центрального банка Российской Федерации по раскрытию информации (годовые отчеты акционерных обществ, ежеквартальные отчеты, публикация информации) и т.д. [12].

А.С. Гутин же выделяет еще две формы корпоративного контроля такие как:

1) Управленческий контроль, который имеет подвиды:

- должностной управленческий контроль;
- специальный управленческий контроль.

2) Государственный контроль [2, с. 23].

Государственный контроль, по мнению А.С. Гутина, представляет собой возможность государства влиять на деятельность всех акционерных обществ путем принятия соответствующей нормативно-правовой базы или непосредственного участия в конкретных компаниях [2, с. 23]. В пример можно привести, Открытое акционерное общество «РЖД», где акционер также Российская Федерация, в лице Правительства РФ.

В частности, ОАО «РЖД» представляет собой холдинговую структуру, где осуществляется корпоративный контроль за деятельностью дочерних обществ. Основное общество использует следующие формы контроля, такие как:

1) Разработка и утверждение типовых локальных актов, обязательных для утверждения в дочерних обществах;

2) Издание поручения на голосование по вопросам повестки дня собрания (общее собрание участников и (или) совета директоров) [10]. Посредством применения описанного инструментария, материнская компания определяет волю дочерней через ее органы управления, в том числе общего собрания акционеров, тем самым формируя волю дочерней компании.

И при этом, обращаем внимание, что возможность выделения указанных форм корпоративного контроля возможна только при понимании форм корпоративного контроля с экономической точки зрения.

Таким образом, классификацию форм корпоративного контроля, предложенную А.С. Гутиным, можно рассматривать как основанную на принципе субъекта, который осуществляет контроль: акционер, менеджер, государство через свои органы.

Как было указано ранее, И.С. Шиткина и А.С. Оборов участие в корпорации называют формой контроля со стороны участника (акционера) [12; 5, с. 78]. Более того, А.С. Оборов, отмечает, что у корпоративного контроля могут быть разные формы [5, с. 79].

Д.И. Степанов, Д.Р. Арнаутов выделяют контроль со стороны кредитора юридического лица [9; 1]. В теории корпоративного права кредиторов, работников организации и иных заинтересованных лиц именуют стейкхолдерами (stakeholder theory), то есть лиц, которые на прямую не участвуют в уставном капитале корпорации, но их интересы во взаимодействии с ней также подлежат обеспечению [8].

В действующем законодательстве о юридических лицах, о несостоятельности (банкротстве) и юридической доктрине используется понятие контролирующее лицо. Так, в соответствии со ст. 81 Федерального закона от 26.12.1995 № 208-ФЗ «Об акционерных обществах» контролирующее лицо – это «лицо, имеющее право прямо или косвенно (через подконтрольных ему лиц) распоряжаться в силу участия в подконтрольной организа-

ции и (или) на основании договоров доверительно-го управления имуществом, и (или) простого товарищества, и (или) поручения, и (или) акционерного соглашения, и (или) иного соглашения, предметом которого является осуществление прав, удостоверяемых акциями (долями) подконтрольной организации, более 50 процентами голосов в высшем органе управления подконтрольной организации либо право назначать (избирать) единоличный исполнительный орган и (или) более чем 50 процентов состава коллегиального органа управления подконтрольной организации». Подконтрольным лицом (подконтрольной организацией) признается юридическое лицо, находящееся под прямым или косвенным контролем контролирующего лица. Следовательно, такой субъект также может осуществлять корпоративный контроль с использованием различных его форм.

В связи с этим, основываясь на вышеприведенных мнениях, можно выделить формы корпоративного контроля в зависимости от субъекта корпоративного контроля:

- 1) Формы, используемые участником (акционером) корпорации;
- 2) Формы, используемые кредитором корпорации;
- 3) Формы, используемые конечным бенефициаром (фактическим владельцем бизнеса).
- 4) Формы, используемые инвестором, и т.д.

В данной классификации отражается мнение Д.В. Ломакина о возможности подразделения контроля на юридический и фактический, где юридический – это контроль участника (акционера) или контролирующего лица, а фактический – иных лиц [3, с. 10–11].

На первый взгляд, можно сказать, что контроль участника/кредитора/фактического владельца бизнеса и т.д., это скорее виды контроля, чем формы. Факт осуществления контроля каким-либо лицом в зависимости от его статуса, в том числе, рассматривается как вид корпоративного контроля, а не его форма. Однако мы понимаем формы корпоративного контроля как правовые инструменты влияния, при этом каждый из вышеперечисленных субъектов, способен, используя то или иное правовое средство, осуществлять влияние на волю корпорации. Например, согласно п. 2 ст. 358.15 Гражданского кодекса Российской Федерации залогодержатель – кредитор по основному обязательству, при наличии у него прав участника общества с ограниченной ответственностью (далее по тексту – «ООО») и преобладающего участия в уставном капитале, может принимать решения на общем собрании участника, тем самым формируя волю организации.

В частности, О.В. Осипенко, Д.Р. Арнауты выделили договорные формы корпоративного контроля, в числе которых «корпоративный договор (акционерное соглашение и соглашение об осуществлении прав участников ООО), квазикорпоративные соглашения, залог корпоративных прав и ковенанты» [6;1].

Также идентичного мнения придерживаются К.А. Миннуллина и Е.П. Татаринова. Авторами выделяются в том числе договорные способы корпоративного контроля, среди которых особое внимание уделяется залого имущества должника и залого акций (долей). Они рассматривают указанный способ применительно к обеспечению интересов кредитора в спорах о несостоятельности (банкротстве), обосновывая это тем, что таким образом обеспечивается защита прав и имущественных интересов кредиторов от различных форм злоупотребления корпоративными правами со стороны должника. И что посредством залога возможно установить контроль над имущественным состоянием корпорации и воспрепятствовать доведению должника до банкротства [4, с. 74–79].

А.О. Шиткин одним из оснований возникновения корпоративного контроля называет договор, который дает субъективное право, при осуществлении которого появляется возможность определять волеизъявление подконтрольной организации [11, с. 34]. Также автор наряду с указанным основанием возникновения корпоративного контроля ставит и другие ситуации, при которых лицо фактически определяет волю корпорации. Так можно выделить и внедоговорные формы корпоративного контроля, то есть не основанные на каком-либо договоре.

Таким образом, можно предложить следующую классификацию форм корпоративного контроля в зависимости от основания возникновения:

- 1) Договорные; и
- 2) Внедоговорные.

К первым можно отнести, как было указано выше: корпоративный договор, в том числе, квазикорпоративный, договор залога прав участника хозяйственного общества (в части принятия решений на общем собрании участников (акционеров), ковенанты. Данные правовые механизмы позволяют, будь то участник (акционер) или кредитор, получить возможность осуществлять права участника (акционера) или осуществлять права определенным образом, или влиять на иных участников (акционеров) при принятии ими решений, а также давать обязательные поручения исполнительным органам и иным органам управления.

К внедоговорным формам контроля относятся локальные акты организации, устав, в котором можно установить дополнительные права или ограничить их. Использование локальных актов, как было указано выше, характерно для холдингов. Основное общество разрабатывает и утверждает внутренние типовые формы положений, регламентов и т.п. по различным вопросам деятельности корпорации, например положение о премировании работников руководящего состава. Далее дочернему обществу направляется письмо с рекомендациями к утверждению соответствующего документа. De facto оно является обязательным для исполнения: акты должны быть утверждены соответствующим компетентным органом управления [10].

А.С. Оборов выделяет первоначальные (корпоративный контроль формируется в период с момента учреждения до принятия новых участников) и производные (установление корпоративного контроля новыми участниками) способы приобретения и перераспределения корпоративного контроля [5, с. 126, 195]. Формы корпоративного контроля также могут использоваться на различных этапах жизнедеятельности корпорации. То есть в зависимости от времени возникновения, формы корпоративного контроля можно подразделить на:

1. Первоначальные. Например, когда учредители заключают между собой корпоративный договор сразу после государственной регистрации организации в Едином государственном реестре юридических лиц или утверждают устав; и

2. Производные. Например, если новый участник (акционер) присоединится к корпоративному договору и (или) потребует его изменения.

По мнению С.А. Сеницына в качестве объекта корпоративного контроля могут выступать органы корпорации, компетенционно управомоченные на принятие решения как на этапе их формирования, так и координации деятельности: общее собрание, наблюдательный совет, единоличный исполнительный орган [7, с. 10]. Дополнительно, формы корпоративного контроля можно подразделить в зависимости от объекта влияния:

- 1) Формирование воли организации через принятие решений общим собранием участников (акционеров), т.е. деятельность корпорации в целом; и
- 2) Деятельность исполнительных и иных органов управления (генеральный директор, совет директоров, ревизионная комиссия, правление).

В качестве формы корпоративного контроля также справедливо рассматривать предложенное И.С. Шиткиной избрание в ревизионную комиссию дочернего общества представителей материнского общества. По нашему мнению, избрание «контролируемых» основным обществом представителей, допустимо и в отношении иных органов управления. Например, в совет директоров общества могут быть избраны представители, предложенные конкретными акционерами, тоже самое и в отношении правления, наблюдательного совета и т.д. Однако полагаем, что право на выдвижение кандидатов должно быть зафиксировано в уставе и (или) корпоративном договоре. В связи с этим, такую форму корпоративного контроля можно отнести как к договорной, так и внедоговорной, поскольку ее возникновение может быть опосредовано различными основаниями.

Заключение

Таким образом, резюмируя вышеизложенное, в качестве вывода необходимо отметить, что при классифицировании форм корпоративного контроля требуется учет дуализма юридического и экономического подходов к пониманию форм корпоративного контроля. Юридический контроль основан

на формальном участии, тогда как экономический охватывает фактические рычаги влияния, включая договорные и внедоговорные.

Автором осуществлено разграничение форм корпоративного контроля по широкому кругу критериев, в том числе таких как: по субъекту, основаниям и объектам, что позволяет структурировать механизмы контроля, обеспечивая баланс интересов участников (акционеров), кредиторов и иных лиц. На наш взгляд, наиболее прикладной характер имеет классификация форм корпоративного контроля в зависимости от основания возникновения: договорные и внедоговорные. Это обусловлено тем, что подразделение форм корпоративного контроля на договорные и внедоговорные позволяет к ним отнести весьма действенные правовые механизмы, которые позволяют зафиксировать влияние конкретного субъекта корпоративного контроля (участник/акционер, кредитор, инвестор и т.д.) на волю и волеизъявление корпорации.

Литература

1. Арнаутов Д.Р. Формы участия кредитора в корпоративном управлении корпорацией-должником // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2023. № 7. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
2. Гутин А.С. Корпоративный контроль в акционерных обществах и его правовые формы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук./А.С. Гутин. – К., 2005. – 32 с.
3. Ломакин Д.В. Контроль как форма зависимости юридических лиц // Хозяйство и право. 2018. № 2. С. 3–20.
4. Миннуллина К.А., Татаринова Е.П. Квазикорпоративный договор как экстраординарный способ защиты прав кредиторов // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2021. № 6. С. 74–79.
5. Оборов А.С. Понятие, содержание и правовое обеспечение корпоративного контроля в коммерческих корпорациях: дис. ...канд. юрид. наук/ А.С. Оборов. – М., 2024. – 262 с.
6. Осипенко О.В. Корпоративный контроль: экспертные проблемы эффективного управления дочерними компаниями. Установление корпоративного контроля (книга 1) // Статут. 2013. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
7. Сеницын С.А. Корпоративный контроль в российском и зарубежном праве: взаимосвязь права и экономики// Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2021. – № 1. – С. 4–36.
8. Современное корпоративное право: актуальные проблемы теории и практики: монография /отв. ред. О.В. Гутников. – М: Статут. 2021 – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
9. Степанов Д.И. Феномен корпоративного контроля // Вестник гражданского права. 2009.

№ 3. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

10. Чугунова К.Ю. Особенности формирования воли дочерних обществ акционерных обществ с преобладающим государственным участием (на примере ОАО «РЖД») // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 10. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».
11. Шиткин А.О. Корпоративный контроль по праву России и США: понятие, основания и правовые последствия возникновения: дис. ... канд. юрид. наук/А.О. Шиткин. – М., 2020. – 245 с.
12. Шиткина И.С. Холдинги. Правовой и управленческий аспекты // Городец-издат. 2003. – Доступ из справочной правовой системы «КонсультантПлюс».

CLASSIFICATION OF FORMS OF CORPORATE CONTROL

Semkina A.S.

All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia)

The authors research aims to systematize forms of corporate control in commercial entities and establish classification criteria. The conclusions are methodologically grounded in: analysis of legal doctrine, legislation, and judicial practice; comparative legal analysis of scholarly concepts; and synthesis of the findings. When developing classification criteria for corporate control forms, the author proceeds from the duality of its conception – economic versus legal – thereby overcoming the limitations of a purely legal approach based solely on membership (shareholding) in the charter capital. Consequently, the author substantiates the existence of control exercised by parties lacking formal participation status (creditors, beneficiaries), a finding supported by judicial practice. An expanded classification of corporate control forms is developed based on key criteria: by subject (participant, creditor, beneficiary, investor); by basis of emergence (contractual and non-contractual mechanisms); by timing of emergence (initial, derivative); and by object of influence (general meeting, other governing bodies). Specific control instruments within holding structures are identified (approval of standard internal documents, voting instructions, appointment of representatives to subsidiaries' governing bodies). Classification by basis of

emergence (contractual/non-contractual forms) is deemed most applicable.

Keywords: corporate control, forms of corporate control, contractual forms, contractual forms, member control, creditor control

Referents

1. Arnautov D.R. Formy` uchastiya kreditora v korporativnom upravlenii korporaciej-dolzhnikom // Vestnik e`konomicheskogo pravosudiya Rossijskoj Federacii. 2023. № 7. – Доступ из справочной правовой системы` «Konsul`tantPlyus».
2. Gutin A.S. Korporativny`j kontrol` v akcionerny`x obshhestvax i ego pravovy`e formy`: avtoref. dis. ... kand. jurid. nauk./A.S. Gutin. – K., 2005. –32 s.
3. Lomakin D.V. Kontrol` kak forma zavisimosti yuridicheskix licz // Xozyajstvo i pravo. 2018. № 2. S. 3–20.
4. Minnullina K.A., Tatarinova E.P. Kvazikorporativny`j dogovor kak e`kstraordinarny`j sposob zashhity` prav kreditovor // Imushhestvenny`e otnosheniya v Rossijskoj Federacii. 2021. № 6. S. 74–79.
5. Oborov A.S. Ponyatie, soderzhanie i pravovoe obespechenie korporativnogo kontrolya v kommercheskix korporaciyax: dis. ...kand. jurid. nauk/ A.S. Oborov. – M., 2024. – 262 s.
6. Osipenko O.V. Korporativny`j kontrol`: e`kspertny`e problemy` e`ffektivnogo upravleniya dochernimi kompaniyami. Ustanovlenie korporativnogo kontrolya (kniga 1) // Statut. 2013. – Доступ из справочной правовой системы` «Konsul`tantPlyus».
7. Sinicyn S.A. Korporativny`j kontrol` v rossijskom i zarubezhnom prave: vzaimosvyaz` prava i e`konomiki// Pravo. Zhurnal Vy`sshej shkoly` e`konomiki. – 2021. – № 1. – S. 4–36.
8. Sovremennoe korporativnoe pravo: aktual`ny`e problemy` teorii i praktiki: monografiya /otv. red. O.V. Gutnikov. – M: Statut. 2021 – Доступ из справочной правовой системы` «Konsul`tantPlyus».
9. Stepanov D.I. Fenomen korporativnogo kontrolya // Vestnik grazhdanskogo prava. 2009. № 3. – Доступ из справочной правовой системы` «Konsul`tantPlyus».
10. Chugunova K. Yu. Osobennosti formirovaniya voli dochernix obshhestv akcionerny`x obshhestva s preobladayushhim gosudarstvenny`m uchastiem (na primere ОАО «RZhD») // Aktual`ny`e problemy` rossijskogo prava. 2020. № 10. – Доступ из справочной правовой системы` «Konsul`tantPlyus».
11. Shitkin A.O. Korporativny`j kontrol` po pravu Rossii i SShA: ponyatie, osnovaniya i pravovy`e posledstviya vozniknoveniya: dis. ... kand. jurid. nauk/A.O. Shitkin. – M., 2020. – 245 s.
12. Shitkina I.S. Xoldingi. Pravovoy i upravlencheskij aspekty` // Gorodecz-izdat. 2003. – Доступ из справочной правовой системы` «Konsul`tantPlyus».

Процессуальные последствия отсутствия письменного и аудио-протокола в гражданском, арбитражном и административном судопроизводстве

Ставцев Дмитрий Игоревич,

независимый исследователь, помощник юриста
в ООО «Контрактные системы»
E-mail: kukamber228@gmail.com

Соколов Никита Михайлович,

независимый исследователь, помощник юриста
в ООО «Консалтинговая Группа «Интраюс»
E-mail: nkitasuisiseki@gmail.com

Статья посвящена исследованию правовой природы, доказательственного значения, а также последствиям отсутствия письменного и аудиопотокола судебного заседания в рамках гражданского, арбитражного и административного судопроизводства. Целью работы является установление места и роли письменного и аудиопотокола как средства фиксации процессуальных действий сторон, а также последствия отсутствия протоколирования при производстве в первой и апелляционной инстанциях. Методологическую основу исследования составили анализ процессуальных кодексов, материалов судебной практики, а также постановлений Пленума Верховного суда Российской Федерации и Конституционного суда Российской Федерации. Авторы рассматривают требования к протоколированию и различия правовых последствий отсутствия протоколов, а также нарушения процессуальной формы при их составлении. Сделан вывод о том, что несмотря на цифровизацию процесса и активного внедрения аудиопотоколирования, письменный протокол не утрачивает своего значения и сохраняет свою значимость для осуществления судопроизводства. Выявлены проблемные аспекты, связанные с повсеместным внедрением аудиопотоколированием, обоснована необходимость совершенствования материально-технической базы судов для более эффективного применения аудиопотоколирования.

Ключевые слова: письменный протокол, аудиопотоколирование, доказательства, гражданский процесс, арбитражный процесс, административное судопроизводство, процессуальная форма

Протокол судебного заседания, как представляется из норм Гражданского процессуального кодекса, Арбитражного процессуального кодекса, Кодекса административного судопроизводства, АПК и УПК необходим для фиксации хода судебного заседания. В соответствии с ст. 228 ГПК РФ, в ходе каждого судебного заседания первой и второй инстанции, а также при совершении отдельного процессуального действия ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи и ведется письменный протокол. При этом согласно п. 6 ст. 330 ГПК РФ отсутствие протокола является безусловным основанием для отмены судебного постановления.

Это необходимое следствие специфической роли протокола судебного заседания, как особого доказательства, свидетельствующего о соблюдении всех правил ведения процесса и соблюдении прав сторон при рассмотрении дела. Так Боннер А.Т. подчеркивал, что в протоколе судебного заседания закрепляются важные сведения доказательственного характера, такие как: предъявления сторонами тех или иных доказательств, так же и иной специфической информации, на основании которой можно сделать тот или иной вывод о происходящем в судебном заседании. Вышеуказанный автор приводит исчерпывающий пример дела Штукатурова П.В., в ходе рассмотрения в Европейском суде по правам человека которого было выявлено, что заявитель отсутствовал в судебном заседании, а само заседание длилось всего 10 минут. На основании данной информации суд пришел к выводу о том, что при ведении данного процесса не был соблюден принцип состязательности, а так же ограничилось право на обжалование заявителем решения (*в силу того, что дело было связано с признанием лица недееспособным – прим Д.С., Н.С.*)¹.

Однако, этот факт отмечает лишь особенность сторонней информации, которая может быть специфическим образом учтена только в самом протоколе судебного заседания. Так, Юдин А.В. отмечает, что протокол является средством фиксации восприятия судом поведения, участвующих в деле лиц. Что, вероятно, следует за выводом Боннера А.Т. о самостоятельном доказательственном значении поведения лиц, участвующих в деле².

¹ Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т.V. Проблемы теории судебных доказательств. – Москва: Проспект, 2017. – С. 524–527

² Юдин А.В. К вопросу о доказательственном значении протокола судебного заседания в цивилистическом процессе // Администратор суда, 2025 – С. 17–18

Протокол имеет также важное процессуальное значение для соблюдения судом принципа установления истины по делу, а также обеспечения связи инстанционного обжалования с непосредственностью изначального разбирательства в суде первой инстанции. Например, Васьковский Е.В. отмечал, что «апелляционные суды по большей части принуждены знакомиться с фактическими обстоятельствами дел по протоколам судов первой инстанции...» и «остается только принять меры к тому, чтобы в судах первой инстанции протоколы велись как можно подробнее и тщательнее»¹. При этом Сахнова Т.В. выделяла важность протоколирования для соблюдения функционального принципа устности судебного разбирательства².

Также при попытке определить протокол как самостоятельный документ и его место в системе средств доказывания в цивилистическом процессе возникают дискуссии. Так, например М.З. Шварц не считает данный документ, относимым к письменным доказательствам, полагая, что он сохраняет собственное неоспоримое значение для суда (*по мнению ученого суд не может оспорить содержание протокола – прим. Д.С., Н.С.*)³. При этом несколько иной позиции придерживается Треушников М.К., полагая, что сама форма письменного изложения предполагает принадлежность к письменным доказательствам⁴. Кажется справедливой позиция Афанасьева С.Ф., который полагает, что проблема дискуссионности места протокола в системе доказательств является следствием неудачной законодательной техники⁵.

Стоит отметить, что важность именно письменной формы протокола уходит на задний план в связи с тенденциями развития и цифровизации цивилистической процессуальной формы, в связи с которой был введен аудио-протокол.

Мы полагаем, на основании вышесказанного, что явление аудио-протокола можно изменить формы за сохранением содержания, при сохранении особого доказательственного и преюдициального значения (выделенного Боннером А.Т. и Шварцем М.З. соответственно), которые будут продолжать влиять на соблюдение принципа устности и обеспечивать соблюдение защиты прав и свобод сторон при реализации доказательственной функции протокола в рамках инстанционной защиты.

¹ Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – С. 195

² Сахнова Т.В. Принципы гражданского судопроизводства. Гражданское процессуальное право: учебник: в 2 т. / Т.К. Андреева, С.Ф. Афанасьев, В.В. Блажеев и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс

³ Шварц М.З. Некоторые вопросы правового регулирования письменных доказательств в ГПК и АПК // Новеллы гражданского процессуального права. М.: Проспект, 2004. – С. 108–113.

⁴ Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 2017. – С. 223.

⁵ Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова и др.; под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019 // СПС КонсультантПлюс

Таким образом, наличие протокола в судебном заседании является неоспоримым способом фиксации действий лиц, участвующих в процессе, являясь так же уникальным в своем роде источником данной доказательственной информации, благодаря чему он занимает важное место как в самой цивилистической процессуальной форме, так и в процессе доказывания, являясь одним из его фундаментов уяснения обстоятельств судом апелляционной инстанции происходящего в суде первой инстанции. Последнее объясняется необходимостью непосредственного восприятия судом доказательственной информации и поведения сторон в процессе, что обеспечивает протокол судебного заседания. Аудиопротокол же является лишь особым изменением формы, но не является существенным превращением самого функционального назначения протокола в процессе.

Следует уяснить, что понимается под «отсутствием протокола». Под отсутствием протокола можно понимать: а) отсутствие протокола физическом или цифровом формате (он не велся вообще или в нём отсутствует существенная для дела информация) б) некорректная процессуальная форма протокола (выражается чаще всего в отсутствии подписи судьи/секретаря на протоколе).

В соответствии с ч. 2 ст. 379.5 ГПК РФ, при рассмотрении дела кассационным судом общей юрисдикции не применяются правила о ведении протокола. Как отмечал Конституционный Суд Российской Федерации в Постановлении от 12.10.2023 № 47-П: «Отсутствие у кассационного суда общей юрисдикции обязанности вести протокол судебного заседания обусловлено спецификой кассационного производства, присущей ему как дополнительному средству обеспечения правосудности судебных решений и выражающейся в первую очередь в том, что суд кассационной инстанции не вправе устанавливать или считать доказанными обстоятельства, которые не были установлены либо были отвергнуты судом первой или апелляционной инстанции, предрешать вопросы о достоверности или недостоверности того или иного доказательства, преимуществе одних доказательств перед другими, определять, какое судебное постановление должно быть принято при новом рассмотрении дела...»

Осуществление аудиопотоколирования было закреплено в ГПК РФ только в 2018 г. (29.07.2018 № 265-ФЗ).

Последствием отсутствия протокола в гражданском процессе до поправок в ГПК РФ, введенных 28.11.2018 № 451-ФЗ являлось безусловной причиной отмены судебных решений на основании п. 6 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ. До изменений в законодательство данная норма имела частое применение. Наиболее показательны следующие примеры из судебной практики:

Постановление Московского областного суда № 44Г-242/2018 4Г-5222/2018 от 10 октября 2018 г. по делу № 2–5033/2017

В деле, рассмотрено Балашихинским районным судом, было допущено серьезное нарушение норм процессуального права, выразившееся в отсутствии подписи председательствующего судьи в протоколе, чего требует ч. 4 ст. 230 ГПК РФ. Апелляция оставила данный факт без внимания.

Суд установил, что в нарушение требований ГПК РФ протокол судебного заседания, в котором дело рассматривалось по существу и вынесено решение от 27 ноября 2017 года, не содержит подписи председательствующего судьи, что по смыслу приведенных выше положений свидетельствует об отсутствии протокола. Суд применил норму п. 6 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ, отменил судебные постановления и направил дело на новое рассмотрение.

Постановление Ростовского областного суда № 44Г-105/2017 4Г-3981/2017 от 26 октября 2017 г. по делу № 2–7064/16

Суд установил, что дело было рассмотрено в судебном заседании 01 декабря 2016 года, однако в материалах дела отсутствует протокол судебного заседания от 01 декабря 2016 года, подписанный председательствующим судьей.

Допущенное судом первой инстанции нарушение норм процессуального права является существенными, повлиявшим на исход дела, привело к нарушению гарантированного законом права каждого на справедливое судебное разбирательство в условиях состязательности и равноправия сторон, без его устранения невозможна защита нарушенных прав, свобод и законных интересов. Данное процессуальное нарушение не было устранено судом апелляционной инстанции, что является основанием для безусловной отмены судебного решения в соответствии с п. 6 ч. 4 ст. 330 ГПК РФ.

С введением аудиопотоколирования в ГПК РФ были введены изменения. Отсутствие письменного протокола судебного заседания не является причиной безусловной отмены судебного решения. Безусловно отменить судебное решение можно только в случае отсутствия аудио- или видеозаписи судебного заседания. Решение подлежит отмене если не будет ни письменного, ни аудио-протокола. Так, в Постановлении Верховного Суда Республики Дагестан № 44Г-103/2019 4Г-1526/2019 от 4 декабря 2019 г. по делу № 44Г-103/2019 суд установил, что в материалах дела о взыскании страхового возмещения в порядке регресса не было ни письменного, ни аудио-протокола, которые должны были быть составлены судом апелляционной инстанции. Следовательно, дело было направлено на новое рассмотрение в апелляционной инстанции.

При этом отсутствие только аудиопотокола не является основанием для отмены судебного решения. Так, в определениях Третьего Кассационного суда общей юрисдикции от 5.02.2024 № 88–3117/2024 и от 27.11.2023 № 88–23434/2023 было определено, что отсутствие аудиопотоколирования не является безусловным основанием для отмены решения суда. В делах имелись письменные протоколы, что соответствовало требованиям ГПК РФ и не является существенным

нарушением норм процессуального права, влекущими безусловную отмену судебного решения.

АПК РФ в отношении вопроса протоколирования судебного заседания предусмотрен иной подход. В соответствии с ч. 1 ст. 155 АПК РФ, в ходе каждого судебного заседания арбитражного суда первой инстанции, а также при совершении отдельных процессуальных действий вне судебного заседания ведется протоколирование с использованием средств аудиозаписи и составляется протокол в письменной форме

В отличие от ГПК РФ, в АПК РФ аудиопотоколирование было установлено существенно раньше (ФЗ от 27.07.2010 № 228 ФЗ). Из-за этого еще в 2011 году Постановлением Пленума Высшего арбитражного суда РФ от 17.02.2011 № 12 были даны важные разъяснения по последствиям отсутствия аудиопотокола судебного заседания: «Если на судебный акт подана апелляционная (кассационная) жалоба, содержащая доводы относительно отсутствия аудиозаписи судебного заседания на материальном носителе, в то время как посредством аудиозаписи были зафиксированы сведения, послужившие основанием для принятия этого судебного акта, а арбитражный суд установит, что файл аудиозаписи судебного заседания, сохраненный в информационной системе арбитражного суда, утрачен и не может быть восстановлен, данное обстоятельство является основанием для отмены судебного акта» Изменения, касающиеся отсутствия протокола судебного заседания были введены позднее, одновременно с ГПК РФ (28.11.2018 № 451-ФЗ).

Правила АПК РФ, касающиеся последствий отсутствия протоколов схожи с правилами ГПК. Так, п. 6 ч. 4 ст. 270 АПК РФ установлено, что отсутствие в деле протокола судебного заседания или подписание его не теми лицами, которые указаны в статье 155 АПК РФ, в случае отсутствия аудиозаписи судебного заседания

Однако на практике есть примеры, когда решения судов отменялись из-за отсутствия аудиопотоколов судебного заседания, хоть их отсутствие и не является абсолютным основанием для отмены судебного акта. Так, в Постановлении Арбитражного суда Уральского округа от 03.04.2019 по делу № А60–45689/2018.

В кассационной жалобе ответчик ссылался на то, что его доводы о фальсификации договоров не получили надлежащей оценки в судах. При этом подтвердить или опровергнуть данные доводы невозможно, поскольку аудиопотоколирование судебных заседаний не велось. По мнению кассатора, это является самостоятельным основанием для отмены судебного акта.

Суд округа согласился с доводами кассационной жалобы и посчитал, что указанные ответчиком обстоятельства, касающиеся фальсификации доказательств, подлежат проверке судами. Поскольку в материалах дела отсутствует аудиопотокол, суд отменил обжалуемые акты.

В Постановлении Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 26.06.2017 по делу № А32–12180/2016 суд установил, что в деле отсутствовал материальный носитель аудиозаписи судебного заседания. Аудиопротокол также отсутствовал на открытом информационном ресурсе «Электронное правосудие». Кроме того, в письменном протоколе судебного заседания отсутствовали сведения о заявленных обществом ходатайствах

Суд округа указал, что при таких обстоятельствах судебные акты являются недостаточно обоснованными и подлежат отмене.

В Постановлении Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 17.12.2016 по делу № А19–11390/2010 Кассатор указывал на отсутствие в материалах дела протокола части судебного заседания после перерыва на электронном носителе. При этом оспариваемое определение суда и письменный протокол заседания содержали недостоверные сведения, противоречащие аудиозаписи.

Суд округа указал, что отсутствие аудиозаписи части заседания после перерыва, в ходе которой стороны давали пояснения и суд огласил резолютивную часть обжалуемого определения, – безусловное основание для отмены судебного акта

Вместе с тем своими особенностями обладает протоколирование в административном судопроизводстве. В соответствии с ст. 204 КАС РФ, в ходе каждого судебного заседания судов первой и апелляционной инстанций (включая предварительное судебное заседание), а также при совершении вне судебного заседания отдельного процессуального действия ведется аудиопотоколирование и составляется протокол в письменной форме.

Аудиопотоколирование в КАС было закреплено в момент принятия кодекса.

При этом положения о безусловной отмене судебных актов в случае отсутствия протокола судебного заседания существенно отличаются от правил ГПК РФ и АПК РФ. В п. 6 ч. 1 ст. 310 указано, что решение суда подлежит отмене в случае отсутствия в деле протокола судебного заседания, нарушения правил о ведении аудиопотоколирования судебного заседания. В отличие от ГПК РФ и АПК РФ, в соответствии КАС РФ отсутствие в деле бумажного или аудиопотокола является безусловным основанием отмены судебных решений.

При этом, если отсутствие аудиопотокола не связано с нарушением правил его ведения, то это не является безусловным основанием для отмены судебного решения. На это указывает Верховный Суд Российской Федерации в Постановлении Пленума от 11 июня 2020 г. № 5: «Решение суда не подлежит отмене на основании пункта 6 части 1 статьи 310 КАС РФ, если установленные судом апелляционной инстанции причины неполноты или отсутствия записи судебного заседания не связаны с нарушением правил о непрерывном ведении аудиопотоколирования, то есть имели место вследствие технических причин (сбоев), о возникновении которых не было известно до на-

чала проведения судебного заседания и в ходе его проведения»

На основании вышесказанного нам представляются обоснованными следующие выводы.

Во-первых, прослеживается постепенное вытеснение письменного протокола как средства фиксации данных о ходе судебного заседания. Многие юристы считают письменный протокол атавизмом, что имеет некоторую обоснованность. Но пока что Законодатель не предпринимает каких-то радикальных мер, что следует из положений ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ

Во-вторых, несмотря на то, что процессуальная реформа, коснувшаяся вопросов аудиопотоколирования в КАС РФ, ГПК РФ, АПК РФ была проведена одновременно существуют существенные различия в последствиях отсутствия бумажного/аудиопотокола: В ГПК РФ и АПК РФ судебное решение подлежит отмене при отсутствии протокола в том случае, если не велось аудиопотоколирование. При этом правила КАС РФ существенно жестче: решения отменяются при отсутствии протокола или нарушений правила аудиопотоколирования. Полагается, что такие правила обусловлены тем, что в рамках административного судопроизводства проводится состязательный процесс между органами государства, а также должностными лицами и гражданами с организациями, что обуславливает особую жесткость процессуальной формы фиксации хода судебного заседания в целях защиты прав и законных интересов слабой стороны ввиду особого публичного характера административного судопроизводства.

В-третьих, на практике часто случаются технические проблемы с аудиопотоколированием, что не может пока что служить единственной, безусловной причиной отмены судебного акта. В отличие от имеющихся разъяснений ВАС РФ и ВС РФ по вопросам аудиопотоколирования в рамках арбитражного и административного судопроизводства, в гражданском процессе нет подобного разъяснения, что может создавать существенные проблемы для осуществления правосудия, а также для работы аппарата суда. Вследствие чего, как отмечается Милициной Е.С., в гражданском процессе сотрудники аппарата суда переносят всю информацию из аудиопотокола в письменный, несмотря на отсутствие такого указания ни в ГПК РФ, ни в инструкциях по делопроизводству, что существенно увеличивает нагрузку на аппарат¹. Для преодоления проблемы загруженности аппарата суда перенесением информации из аудио формата в письменный, отдельные исследователи предлагают использовать технологии распознавания речи², что, однако, в настоящий момент не пред-

¹ Милицина Е.С. Соотношение протокола и аудиопотокола в гражданском процессе // Мировой судья, 2022 – № 9 – С. 26–27

² Эрзин А.Д. Протокол в цивилистическом процессе: некоторые аспекты судебной коммуникации и принципа непосредственности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 10 (110). – С. 211–213

ставляется реализуемым в силу причин, связанных с материально-техническим обеспечением судов.

Литература

1. Боннер А.Т. Избранные труды: в 7 т. Т. V. Проблемы теории судебных доказательств. – Москва: Проспект, 2017. – 560с.
2. Васьковский Е.В. Курс гражданского процесса. Субъекты и объекты процесса, процессуальные отношения и действия. – М.: Статут, 2016. – 624с.
3. Курс доказательственного права: Гражданский процесс. Арбитражный процесс. Административное судопроизводство / С.Ф. Афанасьев, О.В. Баулин, И.Н. Лукьянова и др.; под ред. М.А. Фокиной. 2-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2019 // СПС КонсультантПлюс
4. Милицина Е.С. Соотношение протокола и аудиопротокола в гражданском процессе // Мировой судья, 2022 – N 9 – С. 25–28
5. Сахнова Т.В. Принципы гражданского судопроизводства. Гражданское процессуальное право: учебник: в 2 т. / Т.К. Андреева, С.Ф. Афанасьев, В.В. Блажеев и др.; под ред. П.В. Крашенинникова. 2-е изд., перераб. и доп. // СПС КонсультантПлюс
6. Треушников М.К. Судебные доказательства. М.: Городец, 2017. – 302с.
7. Шварц М.З. Некоторые вопросы правового регулирования письменных доказательств в ГПК и АПК // Новеллы гражданского процессуального права. М., 2004. С. 108–113.
8. Эрзин А.Д. Протокол в цивилистическом процессе: некоторые аспекты судебной коммуникации и принципа непосредственности // Вестник Университета имени О.Е. Кутафина. 2023. № 10 (110). – С. 210–217
9. Юдин А.В. К вопросу о доказательственном значении протокола судебного заседания в цивилистическом процессе // Администратор суда, 2025 – С. 16–21

PROCEDURAL CONSEQUENCES OF THE ABSENCE OF A WRITTEN AND AUDIO RECORD IN CIVIL, ARBITRATION AND ADMINISTRATIVE PROCEEDINGS

Stavtsev D.I., Sokolov N.M.

Contract Systems LLC; IntraJus Consulting Group LLC

The article is devoted to the study of the legal nature, evidentiary value, and consequences of the absence of written and audio record of a court hearing in civil, arbitration and administrative proceedings. The purpose of the work is to establish the place and role of written and audio records as a means of recording the procedural actions of the parties, as well as the consequences of the absence of records during proceedings in the first and appellate instances. The methodological basis of the study was the analysis of procedural codes, materials of judicial practice, as well as resolutions of the Plenum of the Supreme Court of the Russian Federation and the Constitutional Court of the Russian Federation. The authors consider the requirements for records and the differences in the legal consequences of the absence of records, as well as violations of the procedural form when drawing them up. It is concluded that despite the digitalization of the process and the active introduction of audio records, the written records do not lose their meaning and retain their significance for the implementation of legal proceedings. Problematic aspects associated with the widespread introduction of audio records are identified, the need to improve the material and technical base of the courts for more effective use of audio records is substantiated.

Keywords: written record, audio record, evidence, civil procedure, arbitration procedure, administrative procedure, procedural form

References

1. Bonner A.T. Selected Works: in 7 volumes. Vol. V. Problems of the Theory of Judicial Evidence. – Moscow: Prospect, 2017. – 560 p.
2. Vas'kovsky E.V. Course in Civil Procedure. Subjects and Objects of the Process, Procedural Relations and Actions. – Moscow: Statut, 2016. – 624 p.
3. Course in Evidence Law: Civil Procedure. Arbitration Procedure. Administrative Proceedings / S.F. Afanasyev, O.V. Baulin, I.N. Lukyanova et al.; edited by M.A. Fokina. 2nd ed., revised and additional. Moscow: Statut, 2019 // SPS ConsultantPlus
4. Militsyna E.S. The relationship between the protocol and the audio protocol in civil proceedings // Magistrate, 2022 – N 9 – P. 25–28
5. Sakhnova TV Principles of civil proceedings. Civil procedural law: textbook: in 2 volumes / TK Andreeva, SF Afanasyev, VV Blazheev et al.; edited by P.V. Krashennnikov. 2nd ed., revised and enlarged // SPS ConsultantPlus
6. Treushnikov MK Judicial evidence. Moscow: Gorodets, 2017. – 302 p.
7. Schwartz MZ Some issues of legal regulation of written evidence in the Civil Procedure Code and the Arbitration Procedure Code // Novels of civil procedural law. M., 2004. P. 108–113.
8. Erzin A.D. Protocol in civilistic process: some aspects of judicial communication and the principle of immediacy // Bulletin of the O.E. Kutafin University. 2023. No. 10 (110). – P. 210–217
9. Yudin A.V. On the issue of the evidentiary value of the protocol of the court session in the civilistic process // Court Administrator, 2025 – P. 16–21

Тараканов Олег Николаевич,

Аспирант юридических наук, Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования Национальный исследовательский Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
E-mail: 89202534176@yandex.ru

Современное развитие государства и общества позволяют высказывать и реализовывать идеи, на первый взгляд несущие благо человеку, но входящие в противоречие с установленным тысячелетиями укладом жизни человека. Какие реальные цели преследует эти «прогрессивные» идеи, как используются современные политические и общественные инструменты реализации этих идей – эти вопросы автор пытается рассмотреть в данной статье.

Ключевые слова: лоббизм, институт лоббизма, лоббистская деятельность, Нидерланды, партия зеленых, вегетарианство, защита животных.

Современное состояние мирового сообщества заставило по-иному взглянуть на такой институт развития как глобализация. Пандемия коронавируса, СВО, проводимая РФ, введение без согласия ООН международных санкций, война на Ближнем Востоке, развитие искусственного интеллекта и многие другие явления международной жизни показали, что мир в настоящее время взаимосвязан много более чем казалось или кажется. Термин глобализация не нашел своего полного понятия, осмысления и формулирования в научном сообществе в силу его новизны, что не мешает данному явлению проявлять себя в международной жизни.

Однако у этого явления есть особенность, позволяющая анализировать реальные действительные цели событий, вызванных политической волей мировой элиты. Подобно кругам на воде от брошенного камня, в настоящем мире невозможно скрыть значимые поступки, анализируя которые, можно попытаться установить истинные цели, преследуемые при совершении определенных действий.

В настоящее время мир очень сильно поляризован и разобщен. В силу исторически сложившемуся порядку – деньги или их эквивалент являются ценностью для всего мира и их большая часть сосредоточена у небольшого числа населения. Согласно отчету американского англоязычного новостного сайта, принадлежащего G/O Media и основанного в 2012 году компанией Atlantic Media в Нью-Йорке как «цифровое новостное издание для бизнесменов в условиях новой глобальной экономики» – 1% самых богатых людей мира в 2024 году владеет 45,6% мирового богатства, что на 2% больше, чем в 2019 году, когда этот показатель составлял 43,9% [1].

Как лоббисты могут менять мир, автор пытается рассмотреть на примере маленькой, но могущественной Европейской страны – королевство Нидерландов. В данной статье рассматривается сущность проблемы глобальных изменений, которые со временем затрагивают либо становятся драйвером перемен любого государства. Каковы истоки и причины этих изменений, они носят объективный или субъективный характер, какие инструменты при этом используются и какова роль лоббизма – автор пытается рассмотреть на примере изменений в сельскохозяйственном секторе экономики Нидерландов.

При данном исследовании автор счел целесообразным использовать такие научные методы, как хронологический – с целью изучения событий в их последовательности по времени, индукции – при использовании которого имея несколько частных

случаев выстраивается общая теория и дедукции – используя который автор пытается сделать выводы о частном проявлении общей теории. Эти методы автор применяет при системном подходе, при котором Европейский Союз рассматривается как целостный объект состоящий из отдельных элементов, самостоятельных государств – членов ЕС, взаимодействующих между собой, подчиненных системе, но и оказывающие на систему свое влияние.

Специального законодательства о лоббизме в королевстве Нидерландов не существует. Парламент Нидерландов, именуемый по Конституции Генеральные Штаты – состоит из двух палат: палаты Представителей (нижняя палата – Tweede Kamer (нидерланд.) и Сената (верхняя палата – Eerste Kamer (нидерланд.)). В 1999 году получила свое основание профессиональное объединение лоббистов в Нидерландах – BVPA (Beroepsvereniging van Public Affairs), которая разработала свой кодекс поведения для лоббистов, ставший обязательным при осуществлении деятельности. Лоббисты в данном документе называются специалистами по связям с общественностью. Данный кодекс основывается на трех базисных принципах: честность, компетентность и конфиденциальность. Под лоббирование в данном кодексе понимается совокупность совершаемых законных действий, призванных повлиять на принятие политических, административных решений и на общую политику правительства. Лоббирование также может использоваться для получения государственных субсидий, разрешений, лицензий, регистраций и улучшения положения на общественной арене.

В июле 2012 года был введен реестр регистрации лоббистов, но он применим только к Палате представителей Нидерландов, однако лоббисты, зарегистрированные в Палате представителей, также могут иметь доступ в здания Сената. Согласно реестра существует три группы лоббистов: сотрудники по связям с общественностью, офисные представители общественных организаций (торговых ассоциаций, зонтичных организаций), представители муниципалитетов и провинций.

Фактически, регистрация обязательна только для физического доступа в ‘зоны безопасности’ здания парламента. На 2024 год в королевстве насчитывалось 600 членов BVPA (лоббистов). С данным списком можно ознакомиться на веб-сайте организации: www.tweedekamer.nl/over_de_tweedekamer/lobbyistenregister.

Лоббисты имеют доступ в полупубличное пространство в Tweede Kamer, в Центральный зал и кофейный уголок. Если лоббисты хотят получить доступ в охраняемую зону здания, они должны заранее договориться о встрече с членами парламента или сотрудниками, которых они хотят посетить. Лоббисты, желающие посетить пленарные заседания и / или заседания общественного комитета в публичной галерее, должны заранее зарегистрироваться по веб-сайте или на месте через регистрационные колонки у входа на площад-

ку принцессы Ирены. Это решение было принято в 2021 году в интересах безопасности в здании Палаты и создания равных условий для более крупных и мелких заинтересованных групп [2].

Нидерланды – одно из государств, основателей Европейского Союза и в силу принципа верховенства права ЕС, национальное законодательство Нидерландов не должно противоречить законодательству Европейского Союза. Однако законодательства Европейского Союза вбирает в себя все «лучшее» из национальных законодательств, а те в свою очередь оказывают влияние, а в некоторых случаях инициирует прогресс нормотворчества в Европейском Союзе в определенном направлении.

Королевство Нидерландов имеет площадь 41 543 км² и население: 17 942 942 человек, это почти в 104 раз меньше площади территории Европейского Союза (площадь ЕС составляет 4 млн 317 тысяч км²) и в 27,4 раза население Нидерландов меньше чем проживающих в Европейском Союзе (население ЕС составляет 492,8 млн. человек). Однако Королевство Нидерландов имея высокую производительность животноводства, передовые технологии переработки мяса, высокое качество продукции, является лидером в производстве мяса в Европе и центром распределения мяса на Европейском континенте.

Согласно данным журнала International Supermarket News (ISN), который специализируется на исследованиях в глобальной розничной торговле и пищевой промышленности и предоставляет информацию, тенденции и анализ – крупнейшими экспортерами мяса в ЕС, в 2024 г. (млрд евро) (табл 1).

Таблица 1

Страна	Говядина и телятина	Свинина	Домашняя птица	Другой	Всего
Нидерланды	2.5	2.6	2.3	1.5	8.8
Испания	0.8	5.7	0.3	1.9	8.7
Германия	1.0	4.2	0.8	1.3	7.3
Польша	1.4	0.8	2.3	0.4	4.9
Дания	0.3	2.7	0.1	0.5	3.6

В 2024 году Нидерланды экспортировали мяса на сумму 8.8 млрд евро, и заняли передовые позиции крупнейшего экспортера мяса в Европейском союзе [3].

Согласно марксистской теории, сторонником которой является автор, базис определяет надстройку. В данном случае базис – это экономическая основа общества Нидерландов, в том числе животноводство. Правительство Нидерландов в лице Совета министров, как надстроечный институт, определяемый характером базиса, поддерживают эту отрасль экономики. Однако надстройка

Королевства, кроме правительства, включает в себя и иные институты, фонды, организации, одной из которых является некоммерческая организация Urgenda Foundation в переводе с нидерландского как фонд Urgenda. Название Urgenda образовано от слов urgente (срочный) и agenda (повестка дня). Фонд был основан в 2007 году Яном Ротмансом (профессором Университета Эразма (Роттердам) и Марьяном Миннесмой (юристом, экономистом и философом). Urgenda Foundation уделяет особое внимание обеспечению соблюдения национальных, европейских и международных экологических договоров, стремится перевести Нидерланды к устойчивому обществу, в основе которой экономика замкнутого цикла, использующая только возобновляемую энергию.

В ноябре 2013 года Urgenda подала иск против правительства Королевства Нидерландов, с требованием о сокращении выбросов парниковых газов на 40% к 2020 году или, как минимум, на 25% по сравнению с уровнем 1990 года.

В 2015 году Голландский суд обязал государство сократить выбросы на 25% в течение пяти лет, чтобы защитить своих граждан от изменения климата. Это был первый в мире иск о климатической ответственности [4].

Решение окружного суда было обжаловано государством. 9 октября 2018 года Апелляционный суд Гааги подтвердил решение Окружного суда, заключив, что, не сократив выбросы парниковых газов как минимум на 25% к концу 2020 года, правительство Нидерландов действует незаконно, нарушая свою обязанность проявлять осторожность в соответствии со статьями 2 и 8 ЕКПЧ. Суд признал иск Ургенды в соответствии со статьей 2 ЕКПЧ, которая защищает право на жизнь, и статьей 8 ЕКПЧ, которая защищает право на частную жизнь, семейную жизнь, жилище и переписку. Суд постановил, что правительство Нидерландов обязано в соответствии с ЕКПЧ защищать эти права от реальной угрозы изменения климата. Суд отклонил аргумент правительства о том, что решение суда низшей инстанции представляет собой «приказ о создании законодательства» или нарушение trias politica и роли судов в соответствии с конституцией Нидерландов. В ответ на эти апелляции суд подтвердил свою обязанность применять положения с прямым действием договоров, участником которых являются Нидерланды, включая статьи 2 и 8 ЕКПЧ. Кроме того, суд не нашел ничего в статье 193 Договора о функционировании Европейского союза, что запрещало бы государству-члену предпринимать более амбициозные действия по борьбе с изменением климата, чем ЕС в целом, или что меры по адаптации могут компенсировать обязанность правительства проявлять осторожность в целях сокращения выбросов парниковых газов, или что глобальный характер проблемы освобождает правительство Нидерландов от действий [5].

После этого решения государство подало апелляцию в Верховный суд, который 20 декабря

2019 года вынес решение в пользу Urgenda. Верховный суд пришел к выводу, что кассационная жалоба государства должна быть отклонена. Это означает, что вынесенное судом и подтвержденное апелляционным судом предписание государству сократить выбросы парниковых газов не менее чем на 25% к концу 2020 года по сравнению с 1990 годом останется в силе. В соответствии со ст. Пункты 2 и 8 ЕКПЧ могут вынести решение о том, что государство обязано добиться этого сокращения из-за риска опасного изменения климата, которое также может серьезно повлиять на жителей Нидерландов в их праве на жизнь и благополучие [6].

Фактически судебный орган обязал государство принять политическое решение, имеющее резонанс во всем мире. Это первый в мире иск о климатической ответственности [7].

Юридическое дело было сформулировано с помощью общественности через так называемое «коллективное ходатайство» – гибрид гражданской науки и краудфандинга (метод коллективного финансирования проектов, идей или бизнесов, при котором средства собираются от большого числа людей через специальные онлайн-платформы). 886 человек, включая пятилетнего мальчика, присоединились в качестве соистцов. «Мы обратились в суд ради общего блага – это новый тип агитации», – заявила Миннесма. Истцы заполнили суды, а слушания также транслировались в прямом эфире. «Речь шла о том, что судьи должны были смотреть людям в глаза, когда принимали решение, зная, что весь мир наблюдает». Кроме того, Urgenda работала с сотнями НПО и предприятий, чтобы разработать 54 детальных меры по сокращению выбросов, включая снижение скоростного режима с 80 до 60 миль в час, введение субсидий для сокращения поголовья скота и увеличение количества солнечных батарей на крышах и изоляции домов. «Большинство правительств не очень креативны, они знают, как использовать закон, и кое-что о схемах субсидий... Поэтому мы дали им решения». Решение суда Нидерландов вызвало волну аналогичных судебных исков по всему миру. По подсчетам Лондонской школы экономики, против правительств подано не менее 68 исков по климатическим действиям [8].

Правительство Нидерландов вынуждено было принимать меры по сокращению выбросов на 25%, процесс находится в стадии реализации, выделены миллиарды евро на финансирование мер по смягчению последствий, представленных истцами.

Одной из таких мер, как ни странно, является сокращение численности поголовья скота. Но странность данной меры возможна только при поверхностном анализе проблемы.

Выбросы парниковых газов означают выбросы диоксида углерода (CO₂), метана (CH₄), закиси азота (N₂O), гидрофторуглеродов (HFC), перфторуглеродов (PFC) и гексафторида серы (SF₆), выраженные в тоннах эквивалента диоксида углерода, как определено в соответствии с Решением № 280/2004/ЕС, за исключением выбросов парни-

ковых газов, охватываемых Директивой 2003/87/ЕС [9].

Согласно исследованиям Карин Гроенштайн, старшего научного сотрудника Вагенингенского университета и научно-исследовательского центра, в 2018 году сельское хозяйство Нидерландов было ответственно за выбросы 26,5 мегатонн CO₂, что составляет 14% от общего объема выбросов. 75% выбросов метана в Нидерландах приходится на животноводство [10]. На январь 2025 года около десяти процентов выбросов парниковых газов в Нидерландах приходится на животноводство. Домашний скот является крупнейшим источником метана в Нидерландах [11].

Вагенинген – это город и община в Нидерландах, в провинции Гелдерланд. Вагенингенский университет исчисляет свою историю с 1876 года, когда государство взяло на себя управление муниципальной сельскохозяйственной школой Вагенингена, положив начало национальному сельскохозяйственному образованию в Нидерландах. Не прислушаться к мнению такого авторитетного университета и научного центра как Вагенингенского, правительство также не может, по версии Keuzegids, университет и исследовательский центр Вагенингена признан лучшим университетом Нидерландов [12]. Не исполнить решение Верховного суда правительство Нидерландов не может. В исполнительном законодательстве Нидерландов содержится нормативное регулирование мер принуждения и порядка их применения.

Сокращение выбросов на 25% находится в процессе реализации, и Миннесма пригрозила вновь обратиться в суд, если сокращения не будут масштабированы для противодействия повышению уровня выбросов парниковых газов после пандемии, однако миллиарды евро уже были выделены на финансирование многих мер по смягчению последствий, представленных истцами.

Таким образом, прослеживается противоречивость реальных целей и достигнутых результатов либо при отсутствии противоречий – реальные цели были иными. Продолжая исследование можно прийти к парадоксальному выводу, что и первое, и второе – верно.

Нидерланды являются одним из государств-основателей Европейского Союза. Начав Европейскую интеграцию в рамках Бенилюкса в 1944 году и Европейского объединения угля и стали в 1952 году. Отмена внутреннего пограничного контроля в Бенилюксе стала образцом для более широкого Шенгенского соглашения, которое сегодня подписали 29 европейских стран, включая Нидерланды. Голландцы стояли у истоков Маастрихтского договора 1992 года и были архитекторами Амстердамского договора, заключённого в 1998 году. Эта страна является местом расположения Международного суда ООН. До 2003 года Европейский центральный банк возглавлял голландец Вим Дуйзенберг. Голландцы являются ярыми сторонниками европейской интеграции, и большинство аспектов

их внешней, экономической и торговой политики координируются через Европейский Союз.

В 2020 году Европейская комиссия Европейского Союза приняла и опубликовала свою стратегию «Европейского зеленого курса» [13]: Farm to Fork Strategy For a fair, healthy and environmentally-friendly food system (Стратегия «от фермы до стола» для справедливой, здоровой и экологически чистой продовольственной системы). Целью данной стратегии является перепроектирование продовольственных систем государств, входящих в Европейский Союз таким образом, чтобы их сделать справедливыми, здоровыми и экологически чистыми.

В отношении животноводства в данной стратегии сказано: «животноводство является неотъемлемой частью европейского сельского хозяйства и продовольственных систем ЕС. Для снижения воздействия животноводства на окружающую среду и климат, развитие устойчивого животноводства в ЕС будет иметь решающее значение. Единая сельскохозяйственная политика (ЕСП) будет сопровождать эту трансформацию, поддерживая инновационные решения и устойчивые методы производства. Устойчивый спрос также будет поощряться путем разработки устойчивой маркировки продуктов питания ЕС и рассмотрения маркировки благополучия животных для связи усилий по обеспечению устойчивости на фермах с потребительским спросом. Комиссия также будет способствовать размещению на рынке устойчивых и инновационных кормовых добавок, которые помогают сократить сопутствующий выброс парниковых газов (ПГ) и загрязнение воды и воздуха. Чтобы побудить потребителей выбирать более устойчиво произведенные продукты питания, Комиссия проводит обзор программы ЕС по продвижению сельскохозяйственной продукции с целью повышения ее вклада в устойчивое производство и потребление, а также в соответствии с меняющимися диетами. В отношении мяса этот обзор должен быть сосредоточен на том, как ЕС может использовать свою программу по продвижению для поддержки наиболее устойчивых, углеродоеффективных методов животноводства. Кроме того, программа будет способствовать проведению исследований с целью повышения доступности и источника альтернативных белков, таких как растительные, микробные, морские и на основе насекомых белков, а также заменители мяса» [14].

Таким образом стратегия «Европейского зеленого курса» связывает снижение воздействия животноводства на окружающую среду с исследованиями по доступности и определению источника альтернативных белков и заменителя мяса.

Альтернативные белки – это белки из растений, молочных продуктов, рыбы, насекомых, яиц или грибов. Часто заменителями являются орехи, бобовые (особенно соевые бобы и нут), арахис, грибы, яйца и сыр. Альтернативные белки как заме-

нители мяса употребляют вегетарианцы и веганы, потребители, которые хотят есть меньше мяса.

Заменитель мяса – это культивированное мясо, мясо без убоя или мясо *in vitro*, представляет собой мясной продукт, выращенный в лаборатории из стволовых клеток животных с использованием методов манипулирования тканями, разработанных в регенеративной медицине. Выращенное мясо обладает потенциалом для устранения воздействия производства мяса на окружающую среду и благополучие животных,

В 1999 году голландский врач и исследователь Виллем ван Элен приобрел патент на производство мяса из стволовых клеток. С середины 2000 года Нидерланды были в авангарде международных исследований в области культивированного мяса, которые проводились в университетах Утрехта, Амстердама и Эйндховена. В настоящее время в Маастрихтском университете работает Маркус Йоханнес «Марк» Пост – голландский фармаколог, профессор физиологии сосудов.

Команда Марка Поста провела опрос среди голландцев, хотели бы они есть выращенное мясо, и 52% ответили положительно [15]. Вот его слова, взятые из выступления на Всемирном экономическом форуме в 2015 году (ВЭФ – Швейцарская неправительственная организация, известная организацией ежегодных встреч в Давосе): «есть веские причины задуматься об альтернативном способе производства мяса, и не только потому, что население Земли вырастет с семи до десяти или десяти миллиардов человек, но и потому, что потребление мяса связано с валовым внутренним продуктом страны. А поскольку ВВП некоторых стран (в частности, Индии и Китая) растёт, потребление мяса увеличится. Конечно, мы все можем стать вегетарианцами. Это выглядит очень аппетитно, и два миллиарда человек на этой планете – вегетарианцы, и они живут счастливой, творческой, продуктивной жизнью. Так что в этом нет ничего плохого. Нам не нужны животные белки – это просто миф. Как бы то ни было, нам нравится этот продукт. Мы – вид, созданный для того, чтобы любить мясо, и это особенно близко мне. Я знаю обо всех проблемах, связанных с употреблением мяса, но я мясоед и буду продолжать есть мясо. Вот почему в моих интересах создать продукт такого же качества, но полученный другим способом. Вся концепция того, что такое мясо, неизбежно изменится. Это больше не будет продуктом, полученным от животного, на которое мы охотились, убили и показали свое господство. Это станет совсем другим продуктом со своими преимуществами и недостатками. Так что вы можете проявить креативность. Вы можете сделать его более вкусным и красочным для детей. И вы также можете изменить жирные кислоты, которые находятся в этих жировых клетках, чтобы они были более богаты омега-3. Вы можете создать полезный продукт, так что в какой-то момент ваш врач пропишет вам еженедельные визиты в Макдоналдс. Я надеюсь, вы привыкнете к мысли, что в какой-то момент вре-

мени – может быть, через пять-десять лет – мы будем выбирать из культивированного мяса в нашей пище.»

Из этого выступления можно сделать несколько выводов:

- Население земли увеличивается и прирост в основном идет за счет роста населения в Индии и Китае;
- Есть люди, которые не откажутся от настоящего мяса, к ним Марк Пост относит в том числе себя;
- Культивированное мясо (заменитель мяса) – это совсем другой продукт, его можно сделать и вкусным, а если он изготовлен для детей – то красочным.

17 апреля 2024 года впервые в ЕС в Нидерландах избранная группа смогла попробовать культивированное мясо. В состав жюри «Культивированное мясо» входили известный шеф-повар Рон Блау и принц Константинов. Они – при соблюдении строгих условий – ели колбасу из культивированного мяса в Лейдене (город и община в Нидерландской провинции Южная Голландия на реке Старый Рейн). Не изготовлено из свиньи, а выращено в лаборатории из стволовых клеток свиньи [16].

Согласно отчету о данных и тенденциях пищевой промышленности ЕС за 2021 год – вкус (45%), безопасность пищевых продуктов (42%) и стоимость (40%) являются основными факторами, влияющими на покупку продуктов питания европейцами. Европейцы считают, что здоровая пища (74%) является наиболее важным аспектом устойчивой диеты, намного выше всех остальных пунктов [17].

Глобальная платформа данных и бизнес-аналитики с обширной коллекцией статистических данных, отчетов и аналитических материалов по более чем 80 000 тем из 22 500 источников в 170 отраслях (компания Statista) основанная в Германии в 2007 году, имеющая 8 офисов по всему миру и около 1100 сотрудников – провела исследование в области заменителей и альтернатив мясу и пришла к выводу, что заменители мяса или альтернативы мясу уже много лет являются востребованной категорией продуктов. Новейшие поколения продуктов, специально разработанные для имитации мяса, сократили разницу во вкусе, текстуре и цене. Европа является крупнейшим континентальным рынком заменителей мяса, опережая Северную Америку и Азию. Рынок заменителей мяса в Европейском союзе (ЕС-27) составляет более двух миллиардов долларов США. С 2019 года рынок вырос более чем в два раза. Европейские компании продолжают активно инвестировать в источники растительного белка. В 2023 году инвестиции составили чуть более 550 миллионов долларов США. Среднестатистический потребитель на рынке ЕС, скорее всего, молод. К такому потребителю относятся: поколение Z (люди, родившиеся с середины 1990-х до начала 2010-х годов) и миллениумы, поколение Y (люди, родившиеся на рубеже XX и XXI столетия, примерно с начала 80-х годов до 2000 года включительно и выросшие в интер-

нете). С медленным уходом бэби-бумеров (поколение, родившееся в период с 1944 по 1967) с рынка важность поколений Z и Y как потребителей будет продолжать расти. Таким образом, потребление заменителей мяса, вероятно, будет продолжать расти. В Европе примерно 14% потребителей регулярно едят альтернативы мясу [18].

Согласно анализу рынка Европейского Союза, проведенному компаниями Statista – в Центральной и Западной Европе рынок заменителей мяса в рамках мясного рынка развивается благодаря растущему спросу на растительные белки среди потребителей, заботящихся о своём здоровье. На эту тенденцию влияет то, что в регионе уделяется большое внимание экологичности и благополучию животных, а также строгим нормативным требованиям к маркировке и безопасности пищевых продуктов. Кроме того, состоятельное и образованное население этих стран хорошо осведомлено о воздействии производства мяса на окружающую среду, что приводит к росту интереса к альтернативным источникам белка. Эти факторы способствуют росту рынка заменителей мяса в Центральной и Западной Европе [19].

Согласно прогнозам, цена за единицу в сегменте «Заменители мяса» на продовольственном рынке Европейского Союза будет постоянно расти в период с 2024 по 2029 год в общей сложности на 1,7 доллара США (+ 10,34 процента) и к 2029 году цена за единицу продукции, по оценкам, достигнет 18,1 доллара США [20].

Диапазон розничных цен на мясо в Европейском Союзе сильно отличается в зависимости от региона. На говядину в Германии цена составляет от 8,17 до 13,28 долларов США за килограмм. Средняя цена на свежее мясо в 2023 году во Франции за килограмм говядины составляла 17,5 евро. Цена за килограмм свежей свинины – около 8,80 евро [21].

Более дорогие цены на заменители мяса и альтернативное мясо ученые и предприниматели Европейского Союза объясняют тем, что мясные продукты являются устоявшимся продуктом на рынке, а заменители – ещё только разрабатываются. У них относительно высокие инвестиционные затраты, а также они часто проходят высокую обработку, что также требует дорогих промежуточных этапов. Однако в Нидерландах заменители мяса и продукты, содержащие искусственные белки уже дешевле натуральных [22].

Таким образом можно прийти к промежуточным выводам:

- Рынок заменителей мяса и альтернативного мяса в Европейском Союзе растёт и в него вкладываются большие инвестиции.
- Среда для роста данного сегмента рынка уже существует: доля населения Европейского Союза, которая выросла с середины 80-х годов прошлого столетия в условиях доминирования интернета в настоящее время значительна и воспринимает переход от настоящего мяса к заменителям или альтернативам – как пере-

ход к здоровому питанию и благо для экологии. Заводы уже построены, технологии имеются, продукция уже существует.

В 2018 году в Нидерландах была зарегистрирована некоммерческая организация TAPP (True Animal Protein Price – правильные цены на настоящий животный белок), по мере привлечения в свои ряды новых членов и партнеров организация превратилась в TAPPC (True Animal Protein Price Coalition – Коалиция по ценообразованию на настоящий животный белок) [23]. Данная организация своими ценами определила:

- расширение представления о производстве и потреблении животного белка;
- продвижение «истинной» цены на мясо и молочные продукты;
- защита здоровья, глобальной окружающей среды и способности поддерживать жизнь будущих поколений.

Для достижения этих целей TAPPC выработала три стратегии:

- акцизный сбор на продукты животного происхождения;
- система торговли выбросами (ETS) для данного сектора;
- отмена низкой ставки НДС на продукцию животного происхождения.

5 февраля 2020 года коалиция TAPP представила в Европейском парламенте доклад: «Согласование политики ценообразования на продукты питания с Европейским зелёным курсом» [24]. В этом отчёте рассчитано влияние экологических налогов на говядину, свинину и куриное мясо в странах – членах ЕС. Введение данных налогов приведёт к сокращению потребления мяса на 50% и сокращению выбросов CO₂ на 120 млн тонн в год, что составляет 3% от всех выбросов парниковых газов в Европе.

В 2024 году коалиция True Animal Protein Price (TAPP) выступила с комментариями на конференции ООН по изменению климата (COP29), призвав страны начать облагать налогом мясо. Специалист по связям с общественностью и политике в TAPP Виллем Брантен сказал на этой конференции следующее: «мы считаем, что COP29 и последующие конференции РКИК ООН (Рамочная конвенция ООН об изменении климата) могут быть успешными только в том случае, если заключительное заявление будет включать переход от чрезмерного потребления животного белка в соответствии с национальными или глобальными рекомендациями по питанию путём внедрения механизмов ценообразования на выбросы парниковых газов в агропродовольственных системах. Мы призываем Комиссию ЕС, ОЭСР и Китай возглавить работу по созданию этих согласованных механизмов ценообразования»

Свою организацию True Animal Protein Price (TAPP) Виллем Брантен охарактеризовал как коалицию, которая лоббирует в Европейском союзе не только использование средств, полученных от продажи квот на выбросы парниковых газов,

не только использование их для фонда возмещения убытков и ущерба, но и использование их для того, чтобы дать фермерам дорожную карту, которая поможет им в нашем «зелёном» переходе, и, следовательно, субсидировать экологическое сельское хозяйство и потребление овощей и зелени. «Я думаю», говорит Виллем Брантен: — « что в настоящее время проблема заключается в отсутствии чёткой дорожной карты, особенно в Европе, где политический климат меняется, и поэтому фермеры в Европе испытывают большую неопределённость, что приводит к призывам и протестам. Я не уверен, происходит ли это в других странах Глобального Севера, потому что я сам из Нидерландов, но я хотел бы поделиться этим. Мы собираемся обложить налогом фермеров и использовать эти деньги, чтобы помочь им выращивать овощи вместо мяса».

Из данного анализа можно сделать промежуточные выводы:

- В Нидерландах активно развивается деятельность по лоббированию сокращения потребления мяса, увеличение налогов на мясное животноводство под эгидой защиты окружающей среды;
- Эта деятельность вышла за рамки национального государства и в настоящее время имеет планетарный характер.

В Европейском Союзе не торопятся разрешать или запрещать производство альтернативных белков и заменителей мяса. Эти категории относятся к новым продуктам, т.е. продуктам питания, которые не были широко распространены в ЕС до 15 мая 1997 года; они могут быть инновационными, недавно разработанными или произведёнными с использованием новых технологий и процессов. В некоторых случаях новые продукты питания могут быть представлены в регионе или на рынке для «замены» других продуктов питания, поскольку они считаются более полезными или экологичными. В качестве примеров можно привести новые источники витаминов, экстракты из растений или существующие продукты питания, а также сельскохозяйственную продукцию из других стран. В мае 1997 года в Европейском Союзе был принят закон о новых продуктах питания, в котором говорилось, что новые продукты питания должны: быть безопасными для потребителей и не представлять риска для здоровья населения, должны быть надлежащим образом маркированы, чтобы не вводить потребителей в заблуждение, не отличается таким образом, чтобы употребление нового продукта было невыгодным с точки зрения питания, если он предназначен для замены другого продукта.

Однако тенденция развития событий показывает, что «новые продукты питания» уже на прилавке и вкусовые предпочтения граждан меняются.

Выводы

Лоббизм в настоящее время претерпел существенные изменения. Времена, когда за деньги «поку-

пались нужные решения» канули в прошлое. Лоббизм стал цивилизованным. Он строго соблюдает законодательство. Но суть лоббизма не изменилась — продвижение интересов определенных групп за деньги. Существующая в планетарном масштабе «зеленая повестка» используется лоббизмом для своих интересов с помощью людей, активистов, организаций, искренне верующих в то, что они несут «добро». Естественный ход событий нельзя отменить, но поняв его, можно использовать в своих интересах. В глобальном мире аккумулированы «большие деньги», позволяющие ставить задачи планетарного характера и их решать законными методами. На примере государства — Королевства Нидерландов автор пытался показать, как на базе научно развитой экономики и ее ведущей отрасли: животноводства, сформировалось культурное, высоко образованное общество и независимая судебная система. Эти надстроечные институты подвергли ревизии экономику и ее главную отрасль: животноводство. Под обязательством исполнения судебного решения — правительство Нидерландов обязано сокращать выбросы парниковых газов и одним из способов достижения этого явилось сокращение поголовья скота.

Деятельность лоббистов невозможно проследить, ее можно только предполагать и подтвердить научным анализом либо с политической точки зрения «утечкой информации».

Общественные движения не возможны без материальной поддержки заинтересованных лиц или групп. Марьян Миннесма инициировавшая судебный иск против правительства Нидерландов не является лоббистом, она просто человек, искренне любящий свою родину и заботившийся об окружающей среде. Но судебное решение по иску, инициированному ей и ее фондом Urgenda Foundation, повлекло за собой общественную инициативу в Нидерландах по сокращению употребления натурального мяса и политическую инициативу по сокращению поголовья скота, что в свою очередь поддержало производство альтернативных белков и заменителей мяса. Общество Нидерландов в той части которое сформировалось в условиях интернета, движимое заботой об экологии и животных, активно поддерживает переход на «новые продукты питания». Заводы по производству таких продуктов построены, технологии имеются, продукция существует. Даже не смотря на цены превышающие натуральные продукты, заменители мяса и продукты, содержащие альтернативные белки — пользуются значительным спросом. Прибыль от производства таких продуктов растет, а значит будет увеличиваться производство и инвестиции. Себестоимость будет снижаться и конкурентоспособность «новых продуктов» будет расти. Связующим элементом между обществом, правительством и предпринимателями являются лоббисты. Они работают в тех областях, где заинтересованном лицам можно получить большие прибыли. Четвёртая промышленная революция по концепции Клауса Шваба, согласно которой будущее бу-

дет определяться широким внедрением киберфизических систем в производство и обслуживание человеческих потребностей – уже реально присутствует в мире.

Существующий пробел в пищевой пирамиде – нормативное регулирование по исследованию, производству и потреблению альтернативных белков и заменителей мяса, будет устранен принятием новых законов в международных организациях: планетарного и регионального масштаба. Эти законы распространяют в большей или меньшей степени свою юридическую силу на все государства земного шара, в большей или меньшей степени будут имплементированные в национальные законодательные системы.

Цены на натуральные продукты, включая натуральное мясо, вырастут если будет сокращаться поголовья скота, сокращаться субсидии и увеличиваться налоги на их производство.

Заставить лоббизм работать на благо человека и человечество в целом возможно если это будет выгодно и в первую очередь в материальном плане. На настоящий момент на примере государства – королевство Нидерландов, можно констатировать, что лоббизм несет благо при допущении, что альтернативные белки и заменители мяса – не несут вреда и полезны, а сокращение поголовья скота – улучшает экологическую обстановку на земле.

Литература

1. In an equitable world, every adult would have \$100,000 by 2024 [Электронный ресурс] / URL: <https://qz.com/in-an-equitable-world-every-adult-would-have-100-000-1849558636> (дата обращения 1.07.2025).
2. Lobbyisten, Tweede Kamer der Staten-Generaal [Электронный ресурс] / URL: https://www.tweedekamer.nl/contact_en_bezoek/lobbyisten (дата обращения 1.07.2025).
3. Нидерланды: крупнейший экспортер мяса в ЕС в 2024 году [Электронный ресурс] / URL: International Supermarket News <https://international-supermarketnews.com/ru/archives/15388> (дата обращения 1.07.2025).
4. Dutch government ordered to cut carbon emissions in landmark ruling. Greenhouse gas emissions. The Guardian [Электронный ресурс] / URL: <https://www.theguardian.com/environment/2015/jun/24/dutch-government-ordered-cut-carbon-emissions-landmark-ruling> (дата обращения 1.07.2025).
5. Urgenda Foundation v. State of the Netherlands – Climate Change Litigation [Электронный ресурс] / URL: <https://climatecasechart.com/non-us-case/urgenda-foundation-v-kingdom-of-the-netherlands/> (дата обращения 1.07.2025).
6. ECLI: NL: HR:2019:2006, Hoge Raad, 19/00135 [Электронный ресурс] / URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=ECLI:NL:HR:2019:2006> (дата обращения 1.07.2025).
7. Dutch government ordered to cut carbon emissions in landmark ruling | Greenhouse gas emissions. The Guardian [Электронный ресурс] / URL: <https://www.theguardian.com/environment/2015/jun/24/dutch-government-ordered-cut-carbon-emissions-landmark-ruling> (дата обращения 1.07.2025).
8. How two Goldman prize winners won landmark rulings in Dutch courts. Environmental activism. The Guardian [Электронный ресурс] / URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/may/25/how-two-goldman-prize-winners-won-landmark-rulings-in-dutch-courts> (дата обращения 1.07.2025).
9. Решение Европейского парламента и Совета Европейского Союза 406/2009/ЕС от 23 апреля 2009 г. о действиях государств-членов ЕС по снижению их эмиссии парниковых газов, отвечающих обязательствам ЕС по снижению эмиссии парниковых газов до 2020 г. [Электронный ресурс] / URL: <https://base.garant.ru/70558532/741609f9002bd54a24e5c49cb5af-953b/?ysclid=m6wan6ned2587672106> (дата обращения 1.07.2025).
10. Wat is de bijdrage van (Nederlandse) veeteelt op de Nederlandse uitstoot van broeikasgassen? KlimaatHelpdesk [Электронный ресурс] / URL: <https://www.klimaathelpdesk.org/answers/wat-is-de-bijdrage-van-nederlandse-veeteelt-op-de-totale-uitstoot-van-broeikasgassen/> (дата обращения 1.07.2025).
11. Klimaat en veehouderij: praktische innovaties voor minder uitstoot van broeikasgassen – WUR [Электронный ресурс] / URL: <https://www.wur.nl/nl/show-longread/klimaat-en-veehouderij-innovaties-die-uitstoot-beperken.htm> (дата обращения 1.07.2025).
12. Studenten kiezen WUR opnieuw tot beste universiteit van Nederland – WUR [Электронный ресурс] / URL: <https://www.wur.nl/nl/nieuws/studenten-kiezen-wur-opnieuw-tot-beste-universiteit-van-nederland.htm> (дата обращения 1.07.2025).
13. Farm to Fork Strategy – European Commission [Электронный ресурс] / URL: https://food.ec.europa.eu/horizontal-topics/farm-fork-strategy_en#About-the-Strategy (дата обращения 1.07.2025).
14. Questions and Answers: Farm to Fork Strategy [Электронный ресурс] / URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_885 (дата обращения 1.07.2025).
15. The Meat Revolution. Mark Post. YouTube [Электронный ресурс] / URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1lI9AwxKfTY> (дата обращения 1.07.2025).
16. Primeur voor Nederland: vandaag eerste kweekvleesproeverij [Электронный ресурс] / URL: <https://www.rtl.nl/tv/artikel/5445614/primeur-voor-nederland-kweekvlees> (дата обращения 1.07.2025).
17. EFSA 2013. Food safety in the EU report.pdf [Электронный ресурс] / URL: <https://www.efsa.eu>

ropa.eu/sites/default/files/2022-09/EB97.2-food-safety-in-the-EU_report.pdf (дата обращения 1.07.2025).

18. Meat substitutes market in Europe – statistics & facts. Statista [Электронный ресурс] / URL: <https://www.statista.com/topics/11323/meat-substitutes-market-in-europe/#topicOverview> (дата обращения 1.07.2025).
19. Meat Substitutes – Central & Western Europe. Forecast [Электронный ресурс] / URL: <https://www.statista.com/outlook/cmo/food/meat/meat-substitutes/central-western-europe> (дата обращения 1.07.2025).
20. EU-27: average meat substitutes price 2019–2029. Statista [Электронный ресурс] / URL: <https://www.statista.com/forecasts/1403583/european-union-meat-substitute-price-per-unit> (дата обращения 1.07.2025).
21. Fresh butcher's meat: average selling price by type France 2023. Statista [Электронный ресурс] // URL: <https://www.statista.com/statistics/1112050/average-price-butcher-meat-by-type-france/> (дата обращения 1.07.2025).
22. Plant-based meat now cheaper on average than conventional meat in Netherlands. ProVeg International [Электронный ресурс] / URL: <https://proveg.org/press-release/plant-based-meat-now-cheaper-than-conventional-meat-in-netherlands/> (дата обращения 1.07.2025).
23. Activist Willem Branten: We Are Going to Tax Farmers and Use that Money to Help Them Produce Vegetables Instead of Meat [Электронный ресурс] / URL: <https://grabien.com/story?id=500470> (дата обращения 1.07.2025).
24. 'Animal Protein Overconsumption': UN Climate Confab Attendees Urge Countries To Implement Tax On Meat – Climate- Science.press [Электронный ресурс] / URL: <https://climate-science.press/2024/11/14/animal-protein-overconsumption-un-climate-confab-attendees-urge-countries-to-implement-tax-on-meat/> (дата обращения 1.07.2025).

LOBBYISM AND GREEN ECONOMY IN THE NETHERLANDS: REAL GOALS.

Tarakanov O.N.

National Research Nizhny Novgorod State University named after N.I. Lobachevsky

The modern development of the state and society allows us to express and implement ideas that at first glance bring benefits to people, but are in conflict with the established way of life of people for thousands of years. What real goals do these “progressive” ideas pursue, how are modern political and social tools for implementing these ideas used – these are the questions the author tries to consider in this article.

Keywords: lobbying, lobbying institute, lobbying activities, the Netherlands, the Green Party, vegetarianism, animal protection.

References

1. In an equitable world, every adult would have \$100,000 by 2024 [Electronic resource] / URL: <https://qz.com/in-an-equitable-world-every-adult-would-have-100-000-1849558636> (accessed 1.07.2025).

2. Lobbyisten, Tweede Kamer der Staten-Generaal [Electronic resource] / URL: https://www.tweedekamer.nl/contact_en_bezoek/lobbyisten (accessed 1.07.2025).
3. Netherlands: Largest meat exporter to EU in 2024 [Electronic resource] / URL: International Supermarket News <https://internationalsupermarketnews.com/ru/archives/15388> (date of access 01.07.2025).
4. Dutch government ordered to cut carbon emissions in landmark ruling. Greenhouse gas emissions. The Guardian [Electronic resource] / URL: <https://www.theguardian.com/environment/2015/jun/24/dutch-government-ordered-cut-carbon-emissions-landmark-ruling> (date of access 01.07.2025).
5. Urgenda Foundation v. State of the Netherlands – Climate Change Litigation [Electronic resource] / URL: <https://climate-casechart.com/non-us-case/urgenda-foundation-v-kingdom-of-the-netherlands/> (date of access 01.07.2025).
6. ECLI: NL: HR:2019:2006, Hoge Raad, 19/00135 [Electronic resource] / URL: <https://uitspraken.rechtspraak.nl/details?id=EC-LI: NL: HR:2019:2006> (date of access 01.07.2025).
7. Dutch government ordered to cut carbon emissions in landmark ruling | Greenhouse gas emissions. The Guardian [Electronic resource] / URL: <https://www.theguardian.com/environment/2015/jun/24/dutch-government-ordered-cut-carbon-emissions-landmark-ruling> (date of access 1.07.2025).
8. How two Goldman prize winners won landmark rulings in Dutch courts. Environmental activism. The Guardian [Electronic resource] / URL: <https://www.theguardian.com/environment/2022/may/25/how-two-goldman-prize-winners-won-landmark-rulings-in-dutch-courts> (date of access 1.07.2025).
9. Decision 406/2009/EC of the European Parliament and of the Council of 23 April 2009 on action by Member States to reduce their greenhouse gas emissions in line with the EU's 2020 greenhouse gas emission reduction commitments. [Electronic resource] / URL: <https://base.garant.ru/70558532/741609f9002bd54a24e5c49cb5af953b/?ysclid=m6wan6ned2587672106> (accessed 1 July 2025).
10. What does the Netherlands do to reduce greenhouse gas emissions? ClimateHelpdesk [Electronic resource] / URL: <https://www.klimaathelpdesk.org/answers/wat-is-de-bijdrage-van-nederlandse-veeteelt-op-de-totale-uitstoot-van-broeikasgassen/> (date of access 01.07.2025).
11. Climate in water: practical innovations voor minder uitstoot van broeikasgassen – WUR [Electronic resource] / URL: <https://www.wur.nl/nl/show-longread/klimaat-en-veehouderij-innovaties-die-uitstoot-beperken.htm> (date of access 01.07.2025).
12. WUR students study at the best university in the Netherlands – WUR [Electronic resource] / URL: <https://www.wur.nl/nl/nieuws/studenten-kiezen-wur-opnieuw-tot-beste-universiteit-van-nederland.htm> (accessed 1.07.2025).
13. Farm to Fork Strategy – European Commission [Electronic resource] / URL: https://food.ec.europa.eu/horizontal-topics/farm-fork-strategy_en#About-the-Strategy (accessed 1.07.2025).
14. Questions and Answers: Farm to Fork Strategy [Electronic resource] / URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/qanda_20_885 (date of access 01.07.2025).
15. The Meat Revolution. Mark Post. YouTube [Electronic resource] / URL: <https://www.youtube.com/watch?v=1lI9AwXKfTY> (date of access 01.07.2025).
16. Primeur voor Nederland: vandaag eerste kweekvleesproeverij [Electronic resource] / URL: <https://www.rtl.nl/tv/artikel/5445614/primeur-voor-nederland-kweekvlees> (date of access 01.07.2025).
17. EB97.2-food-safety-in-the-EU_report.pdf [Electronic resource] / URL: https://www.efsa.europa.eu/sites/default/files/2022-09/EB97.2-food-safety-in-the-EU_report.pdf (date of access 01.07.2025).
18. Meat substitutes market in Europe – statistics & facts. Statista [Electronic resource] / URL: <https://www.statista.com/topics/11323/meat-substitutes-market-in-europe/#topicOverview> (date of access 01.07.2025).
19. Meat Substitutes – Central & Western Europe. Forecast [Electronic resource] / URL: <https://www.statista.com/outlook/cmo/food/meat/meat-substitutes/central-western-europe> (date of access 1.07.2025).
20. EU-27: average meat substitutes price 2019–2029. Statista [Electronic resource] / URL: <https://www.statista.com/forecasts/1403583/european-union-meat-substitute-price-per-unit> (date of access 1.07.2025).

- casts/1403583/european-union-meat-substitute-price-per-unit (date of access 1.07.2025).
21. Fresh butcher's meat: average selling price by type France 2023. Statista [Electronic resource] // URL: <https://www.statista.com/statistics/1112050/average-price-butcher-meat-by-type-france/> (date of access 01.07.2025).
22. Plant-based meat now cheaper on average than conventional meat in the Netherlands. ProVeg International [Electronic resource] / URL: <https://proveg.org/press-release/plant-based-meat-now-cheaper-than-conventional-meat-in-netherlands/> (date of access 01.07.2025).
23. Activist Willem Branten: We Are Going to Tax Farmers and Use that Money to Help Them Produce Vegetables Instead of Meat [Electronic resource] / URL: <https://grabien.com/story?id=500470> (date of access 01.07.2025).
24. 'Animal Protein Overconsumption': UN Climate Confab Attendees Urge Countries To Implement Tax On Meat – Climate Science.press [Electronic resource] / URL: <https://climate-science.press/2024/11/14/animal-protein-overconsumption-un-climate-confab-attendees-urge-countries-to-implement-tax-on-meat/> (date of access 01.07.2025).

Проблемы преподавания базовых категорий теории государства и права в условиях изменения социально-политических реалий

Ткаченко Анна Валерьевна,

кандидат юридических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права, Красноярский государственный аграрный университет
E-mail: annavl.tkachenko@gmail.com

В статье анализируются проблемы преподавания базовых категорий теории государства и права в условиях изменения социально-политических реалий. Рассматриваются современные методологические подходы к формированию понятийного аппарата и выявляются основные трудности интеграции абстрактных юридических категорий в образовательный процесс. Особое внимание уделяется влиянию цифровизации, глобализации и междисциплинарности на содержание и методы преподавания. На примере маргинализированных понятий, таких как «юридическая судьба», показаны ограничения традиционных методик и необходимость обновления категориального тезауруса. Обоснованы практические направления совершенствования преподавания, включающие внедрение инновационных педагогических инструментов и развитие аналитических компетенций обучающихся. Сделан вывод о важности постоянного обновления содержания курса для адекватной подготовки будущих юристов.

Ключевые слова: теория государства и права, юридическое образование, базовые категории, методика преподавания, цифровизация, понятийный аппарат.

Современное юридическое образование претерпевает значительные изменения под воздействием социально-политических трансформаций, характерных для начала XXI века. Динамика законодательного процесса, усложнение правовой реальности, цифровизация и возрастание междисциплинарных связей объективно требуют переосмысления содержания и методов преподавания фундаментальных дисциплин, в первую очередь теории государства и права. Именно на этапе освоения базовых категорий формируется основа профессионального правосознания, понятийного аппарата и юридического мышления будущих специалистов.

Тем не менее, современные реалии выявляют целый ряд проблем, связанных с интеграцией ключевых категорий теории государства и права в учебный процесс. Среди них – затруднения в усвоении абстрактных понятий, недостаточная связь между теорией и практикой, фрагментарность категориального аппарата, а также дефицит методологических инноваций, способных отразить динамику правовых и социальных изменений. Кроме того, наблюдается определенный дисбаланс между традиционными формами подачи материала и необходимостью формирования у обучающихся аналитических, критических и коммуникативных компетенций, востребованных в условиях современной профессиональной деятельности.

Настоящая статья посвящена анализу актуальных проблем преподавания базовых категорий теории государства и права с учетом новых вызовов образовательной среды. Цель исследования – выявить препятствия, стоящие на пути эффективного освоения фундаментальных понятий, а также определить направления совершенствования методики преподавания с опорой на современные научные публикации и опыт ведущих юридических вузов. В ходе анализа особое внимание уделяется вопросу интеграции маргинализированных или новых категорий юридического знания, что представляется значимым для дальнейшего развития отечественной юридической науки и образования.

Преподавание теории государства и права занимает фундаментальное место в системе юридического образования и выступает своеобразной матрицей формирования профессионального мировоззрения будущего юриста. Значимость данной дисциплины определяется не только ее вводным, пропедевтическим характером, но и тем, что именно в ходе освоения базовых категорий

закладывается понятийная основа, позволяющая впоследствии адекватно воспринимать отраслевые юридические науки, осуществлять научную и практическую деятельность в правовой сфере. В современном дискурсе, на фоне усложнения правовой реальности и обновления образовательных стандартов, вопросы методологии преподавания теории государства и права приобретают особую актуальность.

Базовые категории теории государства и права, такие как «государство», «право», «правовая норма», «источник права», «законность», «правосознание», выполняют системообразующую роль. Именно их освоение позволяет будущим специалистам овладеть профессиональным языком, научиться оперировать абстрактными конструкциями и различать уровни правовой рефлексии. Как справедливо отмечает О.Б. Купцова, понятийная база, формируемая в рамках курса теории государства и права, лежит в основе дальнейшего освоения всех юридических дисциплин, а пробелы в ее усвоении неизбежно влекут терминологическую неопределенность и ошибки в правоприменении [6, с. 178–179].

В связи с этим одним из ключевых методологических ориентиров становится не столько механическое заучивание определений, сколько глубокое осмысление их содержания, выявление логических связей между категориями и их историко-культурных контекстов.

Исторически методология преподавания данной дисциплины опиралась преимущественно на формально-догматическую традицию, в рамках которой основное внимание уделялось трансляции устоявшихся юридических понятий и конструкций. Однако современное состояние науки и образования требует пересмотра данной парадигмы. Под влиянием социально-политических изменений, цифровизации и роста междисциплинарных взаимодействий, акцент смещается в сторону интегративных и критических подходов.

В современной педагогической литературе обозначились несколько ключевых методологических направлений:

1. Компетентностный подход, ориентированный на формирование у обучающихся не только системы знаний, но и комплекса умений, обеспечивающих способность к самостоятельной аналитической деятельности, рефлексии и принятию решений в условиях неопределенности [1]. Данный подход предполагает акцент на деятельностном компоненте обучения, развитие коммуникативных, исследовательских и профессиональных компетенций, что особенно актуально в условиях модернизации образовательных стандартов и перехода к модульной структуре обучения.

2. Деятельностный подход, в рамках которого приоритет отдается организации практико-ориентированной образовательной среды [10]. Особое значение приобретают семинарские занятия, деловые игры, решение кейсов, моделирование правовых ситуаций, что позволяет связать те-

оретические положения с реальной правоприменительной практикой и способствует формированию у обучающихся навыков правовой аргументации, анализа и оценки юридически значимой информации.

3. Проблемно-диалоговая методология, предполагающая постановку перед обучающимися проблемных вопросов, вовлечение их в дискуссии, стимулирование самостоятельного поиска решений, критического осмысления и сопоставления различных точек зрения [2]. Такой подход способствует формированию у будущих юристов гибкости мышления, способности к полемике, толерантности к альтернативным концепциям и открытости новым идеям.

Необходимо также отметить возрастающее значение междисциплинарных и метатеоретических подходов к преподаванию [8]. В условиях ускоряющейся интеграции права с иными областями гуманитарного знания (философией, социологией, политологией, лингвистикой), эффективное усвоение теории государства и права возможно лишь при условии учета этих взаимосвязей. Современная научная и педагогическая литература подчеркивает продуктивность интеграции латинской терминологии, анализ языковых особенностей, рассмотрение философских и культурологических аспектов базовых правовых категорий.

В результате теоретико-методологические основы преподавания теории государства и права в современных условиях предполагают отход от формализма и догматизма в пользу интегративных подходов, направленных на формирование аналитического мышления и способности к адаптации в меняющемся правовом пространстве.

Социально-политическая действительность характеризуется динамичностью, что обусловлено различными внутренними и внешними факторами, включая развитие технологий, изменение структуры общества, а также воздействие глобальных процессов. Постепенное усложнение общественных отношений, появление новых форм коммуникации, а также трансформация системы ценностей приводят к необходимости переосмысления традиционных подходов к анализу социально-политических явлений.

Особое внимание исследователей привлекает вопрос о влиянии изменений политических и социальных условий на развитие законодательства, системы образования и правоприменительной практики. В условиях постоянных преобразований государственные институты вынуждены адаптироваться к новым вызовам и требованиям времени. Это, в свою очередь, порождает новые тенденции в организации управления, формировании нормативных актов и осуществлении контроля над соблюдением правовых норм.

Необходимо подчеркнуть, что изменения социально-политических реалий оказывают значимое воздействие на формирование общественного мнения, политической культуры и уровня правосознания граждан. Современные средства массовой

информации, а также информационные технологии играют все более важную роль в распространении идей, формировании позиций и стимулировании общественных дискуссий. Следует отметить, что в последние годы наблюдается рост интереса к вопросам политической активности, гражданской идентичности и участия населения в принятии государственных решений.

Эффективное освоение базовых категорий возможно лишь при условии глубокого осмысления их сущности, развития рефлексивных и коммуникативных умений, а также внедрения инновационных педагогических практик. Несмотря на внешнюю устоявшуюся структуру преподавания, в действительности эта интеграция сопряжена с целым рядом проблем, затрагивающих как содержательные, так и методические аспекты юридического образования.

Одной из ключевых проблем выступает затрудненность освоения абстрактных понятий у студентов, поступающих в юридические вузы. Базовые категории теории государства и права, такие как «государство», «право», «правовая норма», «законность», «правосознание», обладают высокой степенью теоретической абстракции и не всегда имеют однозначные аналогии в повседневном опыте обучающихся [4, с. 383]. Ситуация усугубляется тем, что традиционные методы изложения – лекции с акцентом на репродукцию текстов и устоявшихся формулировок – зачастую не способствуют развитию аналитических и критических навыков. Обучающиеся воспроизводят формулы, не связывая их с реальными правовыми процессами и динамикой общественных отношений. Недостаточная корреляция между теорией и практикой усиливает разрыв между абстрактным уровнем понятий и конкретной правоприменительной деятельностью.

Второй значимый аспект связан с дисбалансом между нормативным, формально закрепленным знанием и метатеоретическими категориями, необходимыми для глубокой рефлексии о праве как о социальном феномене. Современный учебный процесс преимущественно ориентирован на освоение действующих норм, положений и процедур, тогда как философские, лингвистические, культурологические компоненты остаются на периферии внимания. Это ведет к сужению мировоззренческого горизонта обучающихся, к снижению их способности к концептуальному анализу и пониманию эволюции юридических категорий в изменяющемся социуме.

Особенно отчетливо эта проблема проявляется в отношении новых или маргинализированных понятий, которые либо вообще не входят в учебный тезаурус, либо преподаются фрагментарно, без глубокого анализа их методологической значимости. В результате создается иллюзия «завершенности» понятийного аппарата права, хотя в действительности система юридического знания остается открытой для интеграции новых концептов, отражающих социальные, политические и технологические изменения [7, с. 245].

Яркой иллюстрацией указанных проблем служит судьба так называемых «пограничных» категорий. Так, категория «юридическая судьба», несмотря на устойчивое присутствие в юридическом дискурсе и практическую востребованность при описании динамики правовых отношений, долгое время сохраняла маргинальный статус. Как отмечает О.И. Тарасов, «при устойчивом и разнообразном применении в правоведении и доктрине, данное понятие продолжает функционировать исключительно в прикладном режиме... До настоящего времени в юридической теории не предпринято систематического анализа юридической судьбы как самостоятельной категории языка права и языка юридической науки» [9, с. 44]. В результате учебный процесс нередко воспроизводит лишь тот понятийный состав, который уже закреплён в классических учебниках и стандартах, тогда как динамика правовой материи требует постоянного обновления категориального аппарата. В условиях социально-политических изменений, усложнения юридической практики, появления новых предметных областей (цифровое право, биоэтика, трансграничные правовые режимы) вопрос о расширении и гибкости понятийной базы становится принципиальным для поддержания актуальности юридического образования.

Современные образовательные стандарты, в том числе федеральные государственные образовательные стандарты высшего образования, ориентируют юридическое образование на формирование системы профессиональных компетенций, а не только на накопление знаний. С одной стороны, это требует постоянного обновления учебных материалов, переосмысления значения традиционных категорий, таких как «государство», «право», «суверенитет», с учетом современных вызовов [3, с. 10]. С другой – повышает требования к методической подготовке преподавателей, их компетентности в междисциплинарных и инновационных подходах. Использование электронных образовательных платформ, цифровых ресурсов и онлайн-курсов позволяет расширять доступ к актуальным источникам, интегрировать в учебный процесс элементы самостоятельного поиска и анализа информации, стимулировать рефлексивное и критическое мышление. Одновременно цифровая трансформация приводит к возникновению новых правовых проблем, таких как цифровая идентичность, электронные формы договоров, вопросы приватности, которые должны находить отражение при преподавании базовых категорий теории государства и права [5].

Международные процессы – глобализация, интернационализация правовых стандартов, рост мобильности студентов и преподавателей – способствуют развитию сравнительно-правового подхода, внедрению в курс тем, связанных с гармонизацией национальных и международных правовых систем, а также с анализом зарубежных моделей государства и права. На этом фоне возрастает значимость междисциплинарных связей. Эффектив-

ность освоения теории государства и права существенно возрастает при внедрении кейс-методов, деловых и ролевых игр, анализа судебной практики, моделирования правовых ситуаций. Такие формы работы способствуют развитию аналитических и коммуникативных компетенций, формируют умение работать с правовой информацией, вести аргументированную дискуссию, принимать решения в условиях неопределенности.

Новые методики активно опираются на использование латинской терминологии, применение схем, таблиц, визуализации сложных теоретических конструкций, что способствует лучшему усвоению абстрактных понятий и формированию профессионального юридического языка. Например, как отмечает О.Б. Купцова, интеграция латинской терминологии не только расширяет понятийный аппарат, но и стимулирует когнитивную активность, способствуя повышению эффективности образовательного процесса.

Совершенствование преподавания теории государства и права связано с необходимостью сочетания традиционных и инновационных педагогических подходов. В современных условиях особое значение приобретает адаптация методики к уровню подготовки и мотивации студентов, а также учет специфики образовательной организации. На практике эффективными оказываются такие формы работы, которые ориентированы на развитие аналитических и критических компетенций: обсуждение проблемных ситуаций, проведение дискуссий, анализ судебной практики, моделирование правовых кейсов. Одновременно возрастает роль интеграции междисциплинарных знаний: привлечение идей и методов из смежных областей – философии, политологии, лингвистики и истории – способствует формированию у студентов системного мышления и умения к рефлексии над сущностью права и государства.

Значительный вклад в повышение эффективности преподавания вносит использование цифровых и интерактивных инструментов, таких как электронные образовательные платформы, визуализация сложных категорий, онлайн-курсы, что расширяет доступ к учебной информации и стимулирует самостоятельность обучающихся. Немаловажно и регулярное обновление категориального аппарата курса, позволяющее своевременно интегрировать новые и маргинализированные понятия, отражающие динамику правовой реальности.

Таким образом, преподавание теории государства и права в современных условиях должно отвечать вызовам быстро меняющейся социальной и правовой действительности. Интеграция базовых категорий в учебный процесс требует не только совершенствования методических и дидактических подходов, но и готовности к постоянному обновлению содержания курса, учета междисциплинарных связей и внедрения инновационных образовательных технологий. Только комплексное сочетание традиционных и новых методов, критическая рефлексия и ориентация на развитие про-

фессиональных компетенций обеспечивают подготовку востребованных, гибких и ответственных специалистов, способных эффективно работать в условиях современной правовой системы.

Литература

1. Афоничкина Н.В. К вопросу совершенствования преподавания теории государства и права в условиях необходимости усиления международного аспекта в образовании // Актуальные проблемы индивидуально-типологических особенностей личности в обществе. Сборник научных статей: в 3 частях. Оренбург, 2010. С. 246–256.
2. Безруков А.В., Тепляшин И.В. Реформирование высшего юридического образования в контексте конституционных преобразований в современной России // Российская юстиция. 2011. № 5. С. 55–60.
3. Гарашко А.Ю. Особенности системности преподавания дисциплины «теория государства и права» в образовательных организациях МВД России // Проблемы преподавания цикла общеправовых дисциплин в образовательных организациях МВД России. сборник научных статей. Москва, 2019. С. 7–15.
4. Горбунов М.Д. Проблемы преподавания теории государства и права в современных реалиях // Образование и право. 2024. № 2. С. 382–386.
5. Кулакова Ю.Ю. Специфика преподавания теории государства и права курсантам международно-правового факультета московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя // Проблемы преподавания цикла общеправовых дисциплин в образовательных организациях МВД России. сборник научных статей. Москва, 2019. С. 44–51.
6. Купцова О.Б. Использование латинской терминологии и фразеологии в процессе преподавания теории государства и права в юридическом вузе как фактор повышения эффективности процесса обучения // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2013. № 21. С. 177–180.
7. Панченко В.Ю., Пчелкина Г.И. Идеализация и формализация государственно-правовых явлений в преподавании теории государства и права // Сибирский антропологический журнал. 2020. Т. 4. № 1. С. 243–248.
8. Сунцова Е.А. Методика преподавания теории государства и права будущим следователям // Юридическое образование и наука. 2017. № 9. С. 9–11.
9. Тарасов О.И. Судьба как категория юридического знания: философско-правовые интерпретации // Юридическая наука. 2025. № 4. С. 42–47.
10. Ткаченко А.В. Методика преподавания социологии. М.: ЮРАЙТ, 2015. 369 с.

PROBLEMS OF TEACHING BASIC CATEGORIES OF THE THEORY OF STATE AND LAW IN THE CONTEXT OF CHANGING SOCIO-POLITICAL REALITIES

Tkachenko A.V.

Krasnoyarsk State Agrarian University

This article analyzes the problems of teaching basic categories of the theory of state and law in the context of changing socio-political realities. The study examines contemporary methodological approaches to the formation of the conceptual framework and identifies the main difficulties of integrating abstract legal categories into the educational process. Special attention is paid to the influence of digitalization, globalization, and interdisciplinarity on the content and methods of teaching. Using the example of marginalized concepts such as “legal destiny,” the limitations of traditional methodologies and the need to update the categorical thesaurus are demonstrated. The paper substantiates practical directions for improving the teaching process, including the introduction of innovative pedagogical tools and the development of students’ analytical competencies. It is concluded that the constant renewal of the course content is essential for the adequate training of future lawyers.

Keywords: theory of state and law, legal education, basic categories, teaching methods, digitalization, conceptual framework

References

1. Afonichkina N.V. On Improving the Teaching of the Theory of State and Law in the Context of the Need to Strengthen the International Aspect in Education // Actual Problems of Individual-Typological Features of Personality in Society. Collection of Scientific Articles: in 3 parts. Orenburg, 2010. Pp. 246–256.
2. Bezrukov A.V., Teplyashin I.V. Reforming Higher Legal Education in the Context of Constitutional Transformations in Modern Russia // Russian Justice. 2011. No. 5. Pp. 55–60.
3. Garashko A. Yu. Features of Systematic Teaching of the Discipline “Theory of State and Law” in Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia // Problems of Teaching the Cycle of General Legal Disciplines in Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Collection of Scientific Articles. Moscow, 2019. Pp. 7–15.
4. Gorbunov M.D. Problems of Teaching the Theory of State and Law in Modern Realities // Education and Law. 2024. No. 2. Pp. 382–386.
5. Kulakova Yu.Yu. Specificity of Teaching the Theory of State and Law to Cadets of the International Law Faculty of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. Ya. Kikot // Problems of Teaching the Cycle of General Legal Disciplines in Educational Institutions of the Ministry of Internal Affairs of Russia. Collection of Scientific Articles. Moscow, 2019. Pp. 44–51.
6. Kuptsova O.B. Use of Latin Terminology and Phraseology in the Process of Teaching the Theory of State and Law in a Law School as a Factor Increasing the Effectiveness of the Learning Process // Legal Science and Practice: Bulletin of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia. 2013. No. 21. Pp. 177–180.
7. Panchenko V.Yu., Pchelkina G.I. Idealization and Formalization of State and Legal Phenomena in Teaching the Theory of State and Law // Siberian Anthropological Journal. 2020. Vol. 4. No. 1. Pp. 243–248.
8. Suntsova E.A. Methodology of Teaching the Theory of State and Law to Future Investigators // Legal Education and Science. 2017. No. 9. Pp. 9–11.
9. Tarasov O.I. Fate as a Category of Legal Knowledge: Philosophical and Legal Interpretations // Legal Science. 2025. No. 4. Pp. 42–47.
10. Tkachenko A.V. Methodology of Teaching Sociology. Moscow: Yurait, 2015. 369 p.

Понятие и содержание категорий «объективность» и «беспристрастность» в уголовном судопроизводстве

Федорин Владимир Евгеньевич,

кандидат юридических наук, доцент, кафедры криминалистики, Воронежский государственный университет
E-mail: fedorin-ve@mail.ru

В статье анализируется смысл понятий объективности и беспристрастности в контексте деятельности профессиональных субъектов уголовного процесса.

Объективность трактуется через понятие непредвзятости, которое, в свою очередь, подразумевает отсутствие у профессионального участника (судья, прокурор, следователь, дознаватель, адвокат) уголовного судопроизводства заранее сформированного мнения или предвзятой позиции относительно обстоятельств дела. Это означает отсутствие склонности к одностороннему рассмотрению, будь то в сторону обвинения или оправдания.

Важным компонентом объективности профессионального участника уголовного судопроизводства является его компетентность.

Беспристрастность, в свою очередь, означает отсутствие у профессионального участника какого-либо личного интереса или пристрастия, способного повлиять на его деятельность. Этот интерес может охватывать широкий спектр отношений и, может быть, как положительным (основанным на симпатии), так и отрицательным (основанным на антипатии или неприязни).

В уголовно-процессуальной доктрине и практике беспристрастность иногда отождествляют с процессуальной независимостью или самостоятельностью профессиональных участников. Однако, несмотря на их взаимосвязь, независимость и самостоятельность не являются полными синонимами беспристрастности. Процессуальная независимость служит общей гарантией, направленной на обеспечение беспристрастности и непредвзятости участников процесса.

Ключевые слова: объективность, беспристрастность, непредвзятость, заинтересованность, отводы, правовые гарантии, следователь, дознаватель, прокурор, суд, судья, следственный орган, адвокат, причины, принципы, профессиональные участники, предвзятость.

До недавнего времени (до принятия УПК РФ 2001 г.) понятие «объективность» широко использовалось в УПК РСФСР 1960 г. В ст. 20 УПК РСФСР 1960 г. законодатель возвел требование полного, всестороннего и объективного исследования обстоятельств дела в ранг принципа уголовного судопроизводства. Кроме того, в УПК РСФСР использовались такие термины как быстрое, полное и объективное рассмотрение дела (ст. 44 УПК РСФСР), тщательная, всесторонняя и объективная проверка доказательств (ч. 3 ст. 70 УПК РСФСР); объективное рассмотрение обстоятельств дела (ст. 71 УПК РСФСР).

В действующем Уголовно-процессуальном кодексе РФ понятие «полнота и беспристрастность предварительного следствия» фигурирует только в части 2 статьи 154. В соответствии с ней, выделение уголовного дела в отдельное производство с целью завершения предварительного расследования разрешается при условии, что это не повлияет на полноту, всесторонность и беспристрастность предварительного следствия и рассмотрения уголовного дела.

В контексте профессиональной деятельности участников уголовного процесса, понятия «объективность» и «беспристрастность» находят широкое отражение в международном законодательстве. В частности, они упоминаются в Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (1950 г.), а также в Международном пакте о гражданских и политических правах (1966 г.). Кроме того, данные категории затрагиваются в Рекомендации R (2000) Комитета министров Совета Европы, касающейся роли прокурора в системе уголовного правосудия (2000 г.).

В уголовно-процессуальных кодексах ряда стран СНГ широко применяются концепции «объективности» и «беспристрастности». Например, статья 24 УПК Республики Казахстан (1997) содержит положение о всестороннем, полном и объективном изучении обстоятельств дела. Аналогичная формулировка присутствует в статье 18 УПК Республики Беларусь (1999). В статье 28 УПК Азербайджанской Республики (2000) закреплено требование об объективном, беспристрастном и справедливом характере уголовного судопроизводства.

В рамках данной статьи, ключевыми рабочими категориями выступают «объективность» и «беспристрастность», в связи с чем целесообразно более детально проанализировать их значение. Актуальность подобного анализа продиктована также тем фактом, что в уголовно-процессуальном праве

и научной доктрине уголовного процесса нет общепринятого толкования этих терминов.

По мнению ряда исследователей, например, С.К. Питерцева, понятия объективности и необъективности не являются абсолютными, а зависят от восприятия и эмоционального состояния субъекта, осуществляющего познание. Необъективный подход (проявляющийся в предвзятости или заинтересованности) к итогам и, соответственно, к ходу расследования обусловлен доминирующим влиянием эмоций. Их целенаправленное воздействие ограничивает рациональное мышление в процессе изучения преступления рамками, определяемыми интересами исследователя, что, разумеется, препятствует всестороннему изучению [1].

Считается, что ограничение понятия объективности при расследовании обстоятельств дела исключительно эмоциональным состоянием следователя и прочих участников процесса не имеет достаточных оснований. Полагаем, что понятие объективности распространяется не только на лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальную деятельность, но и на сам процесс, а также на его итоги.

В контексте уголовного процесса понятие объективности применимо как к уголовному судопроизводству в целом, так и к отдельным его аспектам: 1) беспристрастности участников уголовного процесса; 2) объективности процесса уголовно-процессуального доказывания; 3) непредвзятости доказательств, полученных в результате доказывания.

Важно отметить, что данный термин обладает множественной интерпретацией. В философских трудах объективность понимается как: 1) реальное бытие мира, вещей, их качеств и связей, существующее вне зависимости от человеческого разума и воли, относящееся к объективной реальности; 2) содержание познания, адекватно отражающее объект; 3) соответствие реальному положению вещей, отсутствие субъективности и предвзятости [2].

По нашему мнению, в контексте уголовного судопроизводства, все вышеуказанные интерпретации этого понятия находят свое применение, варьируясь в зависимости от типа объекта.

К примеру, Ю.В. Корневский справедливо подчеркивает, что изучение положений УПК, регулирующих такие следственные действия, как осмотр, освидетельствование, обыск и выемка, показывает их первостепенную задачу – получение объективных сведений об обстоятельствах преступления [3].

В этой ситуации понятие «объективная информация об обстоятельствах преступления» понимается в первом смысле – как реальное, не зависящее от человеческого восприятия существование объектов, их характеристик и взаимосвязей, их принадлежность к объективной действительности.

В исследованиях, посвященных процессу доказывания, встречается понятие «объективность доказательств». Например, Г.Г. Гаврилин справедливо полагает, что влияние субъективных факто-

ров на судебный процесс с участием присяжных можно минимизировать, повысив объективность представляемых доказательств. Представляется, что здесь термин «объективность» употребляется в значении соответствия знания реальному объекту, отражения объективной действительности. В этом контексте вполне уместно говорить об объективности как самого процесса доказывания, так и уголовного судопроизводства в целом.

В рамках настоящего исследования ключевое значение имеет уточнение значения понятия «объективность субъекта уголовного процесса». Важно подчеркнуть, что в контексте данной работы рассматриваются профессиональные участники уголовного судопроизводства. Объективность и непредвзятость этой группы участников являются фундаментом для обеспечения справедливого судебного разбирательства. Особое значение в этом контексте приобретает объективность и беспристрастность судей и представителей обвинения. Не зря в вышеупомянутых международно-правовых документах, касающихся прав человека, четко устанавливаются требования к обеспечению объективности и непредвзятости суда и государственных обвинителей.

В правовых источниках понятие объективности обычно объясняется посредством «независимости», а необъективность, соответственно, соотносится с понятием «заинтересованность» [4].

Вместе с тем ряд ученых придерживаются мнения, что понятия объективности и беспристрастности не являются синонимами и имеют разное смысловое наполнение. Так, авторы комментария к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации под редакцией Д.Н. Козака и Е.Б. Мизулиной утверждают, что основная задача главы 9 УПК РФ «Обстоятельства, исключающие участие в уголовном судопроизводстве» заключается в предотвращении проявлений предвзятости и необъективности на стадиях предварительного следствия и судебного разбирательства по каждому уголовному делу [5].

Мы полагаем, что отождествление «объективности» с «непредвзятостью» вполне оправданно. Считаем уместным согласиться с точкой зрения Т.В. Моисеевой, которая утверждает, что суть объективности заключается в необходимости такого подхода к рассмотрению дела, при котором выявляются как обстоятельства, доказывающие вину, так и оправдывающие подсудимого, а также факторы, смягчающие или усугубляющие наказание, что в конечном итоге обеспечивает вынесение законного, обоснованного и справедливого судебного решения [6].

Непредвзятость, как отсутствие предубеждения, означает, что участник уголовного процесса не имеет предвзятого мнения, которое бы влияло на объективное рассмотрение дела. Распространенным примером является «обвинительный уклон», характерный для некоторых следователей, прокуроров и судей. В таких ситуациях предвзятость проявляется в том, что подозреваемых, об-

виняемых и подсудимых считают виновными заранее, процессуальные действия направлены исключительно на сбор доказательств вины, а смягчающие обстоятельства игнорируются.

Однако, предвзятость может выражаться и в оправдательном уклоне. В этом случае сторона защиты (например, адвокат) убеждена в невиновности большинства осужденных, считает доказательства обвинения незаконными, а прокуроров и судей – коррумпированными.

Многочисленные исследования подтверждают, что подобные уклоны довольно часто встречаются в правоприменительной практике [7].

Мы полагаем, что точка зрения Г.Н. Изюрова и Л.А. Зашляпина, утверждающих, что «предубежденность, или, точнее, ориентация на определенный исход, является важной чертой следователя (стороны обвинения)», представляется спорной и не может быть принята [8].

Понятия «склонность к предвзятости» и «ориентация на итог» существенно разнятся по смыслу. Стремление к результату, выражающееся в активности и целеустремленности при раскрытии преступлений и наказании виновных, не подразумевает одностороннего расследования, игнорирующего версии, оправдывающие обвиняемого. Полученные в процессе расследования доказательства, свидетельствующие в пользу невиновности, не должны отвергаться стороной обвинения как ненужные.

Полагаем, что неотъемлемой частью понятия «объективность субъекта уголовного процесса» является его компетентность. Следует отметить, что данное условие в структуру дефиниции «объективность участника уголовного судопроизводства» включили 73% судей, опрошенных автором, 62% следователей, 65% прокуроров и 69% адвокатов.

Понятие «компетентность» находит отражение в международно-правовых актах, регулирующих защиту прав и законных интересов личности в уголовном процессе. В частности, пункт 1 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах гарантирует каждому человеку, обвиняемому в совершении уголовного преступления, право на справедливое и открытое судебное разбирательство, проводимое компетентным, независимым и беспристрастным судом, учрежденным в соответствии с законом.

В литературном контексте компетенция определяется как искусное и профессиональное исполнение человеком государственных обязанностей, которые были на него возложены [9]. В настоящем исследовании термин «компетентность» употребляется именно в указанном смысле. Важно акцентировать этот момент, поскольку понятие «компетентность» имеет и иную интерпретацию. Слово «компетентный» означает не только «сведущий, разбирающийся и авторитетный в конкретной сфере», но и «наделенный компетенцией, то есть определенным объемом полномочий» [10].

Можно считать, что включение компетентности в число критериев объективности субъекта уголовного процесса вполне оправданно, исходя из следующих соображений: 1) недостаток профессиональных знаний и умений у участника, относящегося к рассматриваемой категории, неминуемо приводит к необъективности при изучении материалов дела. Ограниченная компетентность участников уголовного судопроизводства предопределяет неизбежные пробелы в проводимом ими процессе доказывания: пропуск (не выявление) значимых для дела фактов, их игнорирование или ошибочную интерпретацию. Другими словами, отсутствие необходимых знаний порождает предвзятое отношение и высокую вероятность смещения в сторону обвинительного или оправдательного уклона; 2) некомпетентность, подобно беспристрастности и непредвзятости, является индивидуальной характеристикой конкретного участника уголовного процесса, отражая его личные качества.

Стоит подчеркнуть, что уровень компетентности, предъявляемый к некоторым непрофессиональным участникам уголовного процесса (например, к присяжным и понятым), существенно ниже, чем требования к компетентности профессионалов. В отношении данных участников уголовного судопроизводства, понятие компетентности можно заменить термином «социальная благонадежность».

В рамках данной дискуссии понятие беспристрастности относится к ситуации, когда участник уголовного судопроизводства не имеет личной (не связанной с исполнением служебных обязанностей) заинтересованности в исходе рассматриваемого дела, в котором он задействован. Эта личная заинтересованность может проявляться в различных формах отношений. Важно отметить, что эта заинтересованность может быть как позитивной (например, основанной на симпатии или привязанности к одной из сторон), так и негативной (исходящей из чувства антипатии или неприязни).

В деле, касающемся Л., приговор был аннулирован из-за того, что предварительное расследование велось дознавателем Г., что было недопустимо, так как Л. ранее был признан виновным в хулиганских действиях, направленных против ее отца. В свете этих обстоятельств, как заключила Судебная коллегия по уголовным делам Верховного Суда Российской Федерации, нельзя утверждать, что расследование по этому делу проводилось беспристрастным лицом, не имеющим личной заинтересованности в результате [11].

Нередко в литературных трудах беспристрастность рассматривается как синоним независимости. Так, Э. Гротрайн, анализируя деятельность Европейского суда по правам человека, подчеркивает, что «требование беспристрастности частично перекликается с требованием независимости, особенно в контексте взаимоотношений со сторонами». Ссылаясь на дело Piersack (1 октября 1984 г., Series A No.80, p.40), Суд придерживается двойного подхода к данному аспекту. С одной сторо-

ны, он считает важным оценивать субъективную беспристрастность судей, то есть наличие или отсутствие у них личных предубеждений. С другой стороны, необходимо анализировать объективную беспристрастность, подразумевающую видимость беспристрастности и наличие гарантий, способных устранить любые разумные сомнения в конкретном деле [12].

В ряде иных ситуаций судебная инстанция не проводила разграничения между принципами беспристрастности и независимости [13].

Необходимо подчеркнуть, что точка зрения о важности интеграции процессуальной автономии в определение «беспристрастности сторон в уголовном процессе» широко распространена и среди специалистов в данной области. В частности, процессуальную самостоятельность (независимость) считают неотъемлемой частью понятия «беспристрастность» участников уголовного судопроизводства 62% судей, опрошенных автором, 52% следователей, 43% прокуроров и 39% адвокатов.

Несомненно, процессуальная обособленность и автономность играют ключевую роль в поддержании объективности лиц, участвующих в уголовном судопроизводстве. Вместе с тем, при всей их взаимосвязи и взаимной зависимости, независимость и беспристрастность – не одно и то же. Процессуальная независимость субъектов, осуществляющих доказывание, представляет собой необходимое условие, общую гарантию в рамках процесса, призванную обеспечить беспристрастность и отсутствие предвзятости. К примеру, судья, процессуально независимый, вполне может испытывать пристрастие или предвзятое отношение к рассматриваемому делу.

Важно подчеркнуть, что в отличие от ранее рассматриваемых аспектов, понятие процессуальной «независимости» не относится к индивидуальным качествам конкретного судьи. Аналогичное утверждение справедливо и для процессуальной самостоятельности прокуроров, следователей, дознавателей, экспертов и других участников процесса. Процессуальная независимость и самостоятельность, выступая в качестве процессуальных гарантий, применимы ко всем судьям, следователям и прокурорам, однако это не гарантирует, что отдельно взятый судья А. или следователь Б. в конкретном судебном процессе или расследовании обязательно проявят независимость или самостоятельность. Это обусловлено множеством факторов: личными качествами участников уголовного судопроизводства, спецификой сложившейся ситуации, а также наличием неправомерного давления на лиц, проводящих расследование или осуществляющих судебное разбирательство.

Понятия «объективность» и «беспристрастность» имеют тесную связь и во многом пересекаются, что делает их четкое разделение проблематичным. Как справедливо указывает Т.В. Моисеева, теоретически возможно рассматривать каждый термин в отдельности, но в контексте уголовного процесса они неразрывно связаны и имеют оди-

наковое значение, подобно равноценности объектов, которые они защищают: интересов правосудия и законных прав личности [14].

Зачастую, предубеждения возникают из-за личных симпатий или антипатий лица, осуществляющего доказывание (будь то судья, прокурор или следователь). Интересно, что как пристрастность, так и непредвзятость могут произрастать из одних и тех же корней, таких как, например, личная выгода. Участник уголовного процесса не в состоянии одновременно демонстрировать пристрастность и объективность в своих действиях. Р.С. Белкин, выдающийся деятель российской криминалистики, подчеркивал, что объективность подразумевает нейтралитет эксперта, его абсолютную незаинтересованность в результатах расследования. По сути, объективность достижима только при условии беспристрастности, когда эксперт опирается исключительно на стремление к установлению истины в своей работе [15]. Это справедливо не только в отношении специалистов, но и для других субъектов уголовного процесса, на которых уголовно-процессуальным законодательством возложена обязанность соблюдения объективности.

В уголовном судопроизводстве ряда государств понятия «объективность» и «беспристрастность» зачастую употребляются вместе, что не является случайным.

Например, в ч. 3 ст. УПК Республики Казахстан подчеркивается, что суд, рассматривающий уголовное дело, должен быть объективным и беспристрастным, обеспечивая сторонам обвинения и защиты равные возможности для всестороннего и полного изучения обстоятельств дела. Статья 28 УПК Азербайджанской Республики носит название «Объективность, беспристрастность и справедливость в уголовном процессе».

Тем не менее, мы полагаем, что существуют признаки, дающие возможность провести грань (пусть и условную, как заметила Т.В. Моисеева – «теоретически») между смыслом анализируемых понятий. Независимость, как уже упоминалось, в основном указывает на частную, а не профессиональную заинтересованность участника уголовного процесса. Тенденциозность, как правило, показывает ошибочное восприятие участником процесса цели уголовного судопроизводства и его роли в нем. Иногда участник уголовного судопроизводства может не иметь личных симпатий или выгоды в деле, но изучать обстоятельства дела с предвзятым мнением и, следовательно, быть необъективным.

Существуют и другие отличия, заслуживающие внимания. Предвзятое отношение чаще всего формируется у лица, осуществляющего доказывание, еще до начала работы над делом (например, у судьи может быть предубеждение, что все обвиняемые виновны; у адвоката – что все представители следствия, прокуратуры и суда подвержены коррупции). Пристрастие же, как правило, проявляется уже в процессе расследования или судебного рассмотрения конкретного случая.

Литература

1. Питерцев С.К. Новый взгляд на роль категории всесторонности, полноты и объективности в управлении расследованием преступлений / С.К. Питерцев // Правоведение. 2002. № 3. С. 172–178.
2. Словарь иностранных слов / под ред. А.Г. Спиркина, И.А. Ачкурина, Р. Карпинской. М., 1987. С. 342.
3. Доказывание в уголовном процессе: традиции и современность. М., 2000. С. 15.
4. Николайчик Н.И. Всесторонность, полнота и объективность предварительного расследования / Н.И. Николайчик, Е.А. Матвиенко. Минск, 1969. С. 162.
5. Комментарий к Уголовно-процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. Д.Н. Козака, Е.Б. Мизулиной. М., 2002. С. 125.
6. Моисеева Т.В. Объективность и беспристрастность суда первой инстанции / Т.В. Моисеева. М., 2006. С. 15.
7. Лукьянченко В.В. Обвинительный уклон при применении уголовного законодательства: автореф. дис... канд. юрид. наук / В.В. Лукьянченко. Ставрополь, 2000. С. 14.
8. Изюров Г.Н. Функции обвинения и защиты как основание дифференциации научных направлений / Г.Н. Изюров, Л.А. Зашляпин // Эволюция права и закона как фактор изменения криминалистики: генезис профессиональной защиты и представительства. Екатеринбург. 2003. С. 84.
9. Тихомиров Ю.А. Теория компетенции / Ю.А. Тихомиров. М., 2001. С. 216.
10. Ожегов С.И. Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. М. 1999. С. 288.
11. Бюллетень Верховного Суда РФ. 1998. № 8. С. 6–7.
12. Готтрайн Эндрю. Статья 6 Европейской конвенции по правам человека. Право на справедливое судебное разбирательство / Эндрю Готтрайн. Страсбург, 1994. С. 17.
13. Готтрайн Эндрю. Статья 6 Европейской конвенции по правам человека. Право на справедливое судебное разбирательство / Эндрю Готтрайн. Страсбург, 1994. С. 18.
14. Моисеева Т.В. Обеспечение беспристрастности и объективности судей при рассмотрении уголовных дел / Т.В. Моисеева // Журн. рос. права. 2003. № 6. С. 46.
15. Белкин Р.С. Курс криминалистики Р.С. Белкин. М., 2001. С. 625.

THE CONCEPT AND CONTENT OF THE CATEGORIES OF “OBJECTIVITY” AND “IMPARTIALITY” IN CRIMINAL PROCEEDINGS

Fedorin V.E.

Voronezh State University

This article analyzes the meaning of the concepts of objectivity and impartiality in the context of the activities of professional subjects of the criminal process.

Objectivity is interpreted through the concept of impartiality, which, in turn, implies the absence of a preconceived opinion or biased position on the part of a professional participant (judge, prosecutor, investigator, investigator, lawyer) in criminal proceedings regarding the circumstances of the case. This means the absence of a tendency to one-sided consideration, whether in the direction of accusation or acquittal.

An important component of the objectivity of a professional participant in criminal proceedings is his competence.

Impartiality, in turn, means the absence of any personal interest or bias on the part of a professional participant that could influence his activities. This interest can cover a wide range of relationships and can be both positive (based on sympathy) and negative (based on antipathy or dislike).

In criminal procedure doctrine and practice, impartiality is sometimes identified with procedural independence or independence of professional participants. However, despite their interrelationship, independence and impartiality are not complete synonyms for impartiality. Procedural independence serves as a general guarantee aimed at ensuring the impartiality and impartiality of the process participants.

Keywords: objectivity, impartiality, impartiality, interest, challenges, legal guarantees, investigator, inquirer, prosecutor, court, judge, investigative body, lawyer, reasons, principles, professional participants, bias.

References

1. Petercev S.K. A new look at the role of the category of comprehensiveness, completeness and objectivity in the management of criminal investigations / S.K. Petercev // Pravovedenie. 2002. No. 3. Pp. 172–178.
2. Dictionary of Foreign Words / ed. by A.G. Spirkin, I.A. Achkurin, R. Karpinskaya. Moscow, 1987. P. 342.
3. Proof in Criminal Procedure: Traditions and Modernity. Moscow, 2000. P. 15.
4. Nikolaichik N.I. Comprehensiveness, completeness and objectivity of preliminary investigation / N.I. Nikolaichik, E.A. Matvienko. Minsk, 1969. P. 162.
5. Commentary on the Code of Criminal Procedure of the Russian Federation / ed. by D.N. Kozak, E.B. Mizulina. Moscow, 2002. P. 125.
6. Moiseeva T.V. Objectivity and impartiality of the court of first instance / T.V. Moiseeva. Moscow, 2006. P. 15.
7. Lukyanenko V.V. Accusatory bias in the application of criminal legislation: author's abstract of the thesis for the candidate of legal sciences / V.V. Lukyanenko. Stavropol, 2000. P. 14.
8. Izuyurov G.N. Functions of accusation and defense as the basis for the differentiation of scientific directions / G.N. Izuyurov, L.A. Zashlyapin // Evolution of law and legislation as a factor of change in criminology: genesis of professional defense and representation. Ekaterinburg, 2003. P. 84.
9. Tikhomirov Yu.A. Theory of Competence / Yu.A. Tikhomirov. Moscow, 2001. P. 216.
10. Ozhegov S.I. Explanatory Dictionary of the Russian Language / S.I. Ozhegov, N. Yu. Shvedova. Moscow, 1999. P. 288.
11. Bulletin of the Supreme Court of the Russian Federation. 1998. No. 8. Pp. 6–7.
12. Gortrain Andrew. Article 6 of the European Convention on Human Rights. The Right to a Fair Trial / Andrew Gortrain. Strasbourg, 1994. P. 17.
13. Gortrain Andrew. Article 6 of the European Convention on Human Rights. The Right to a Fair Trial / Andrew Gortrain. Strasbourg, 1994. P. 18.
14. Moiseeva T.V. Ensuring the impartiality and objectivity of judges in the consideration of criminal cases / T.V. Moiseeva // Journal of Russian Law. 2003. No. 6. P. 46.
15. Belkin R.S. Course of Criminology / R.S. Belkin. Moscow, 2001. P. 625.

Административно-правовые меры стимулирования трудовой миграции и социокультурной адаптации мигрантов в Республике Казахстан

Хабдулин Арман Баймурзаевич,

аспирант Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского
E-mail: habdulin@mail.ru

В статье исследуются административно-правовые меры стимулирования трудовой миграции и социокультурной адаптации мигрантов в Республике Казахстан. Анализируются особенности возвратной миграции, рассматриваются понятия «кандас» и «бывший соотечественник», выявляются их различия и выявляется недостаточность мер поддержки для бывших соотечественников. Отдельное внимание уделено проблемам внутренней трудовой миграции и предлагаемым мерам по ее стимулированию и адаптации. В работе также рассматриваются концептуальные подходы к социальной адаптации мигрантов, выделяются ключевые административно-правовые меры и направления государственной поддержки, а также предлагаются пути совершенствования миграционной политики для обеспечения эффективной интеграции и предотвращения негативных последствий.

Ключевые слова: трудовая миграция, возвратная миграция, кандас, бывший соотечественник, внутренняя миграция, социокультурная адаптация, административно-правовые меры, Республика Казахстан, миграционная политика.

Введение

Трудовая миграция является одним из важнейших факторов, влияющих на социально-экономическое и демографическое развитие Республики Казахстан. В условиях глобализации и динамичных изменений на рынке труда, вопросы стимулирования трудовой миграции, как внешней, так и внутренней, а также обеспечения эффективной социокультурной адаптации мигрантов приобретают особую актуальность. Отсутствие четко разработанных и последовательно реализуемых административно-правовых мер в этой сфере может привести к возникновению дисбалансов на рынке труда, социальной напряженности и неполному раскрытию потенциала миграции.

Целью данной статьи является анализ действующего законодательства и практики Республики Казахстан в области административно-правового регулирования стимулирования трудовой миграции и социокультурной адаптации мигрантов, выявление проблемных аспектов и предложение рекомендаций по их решению.

Административно-правовые меры стимулирования возвратной трудовой миграции

Одним из видов трудовой миграции, имеющим стратегическое значение для демографического и кадрового потенциала страны, является **возвратная трудовая миграция**. А.А. Гребенюк определяет ее как «вид международной добровольной миграции на постоянное место жительства, как стимулируемой, так и не стимулируемой принимающим государством, при котором переселение происходит в государство происхождения лиц, ранее эмигрировавших из него, а также потомки этих лиц, в основе которого может лежать упрощенный порядок предоставления гражданства или вида на жительство» [2].

Закон Республики Казахстан «О миграции населения» не использует понятие «возвратная миграция», но предусматривает два вида возвращающихся трудовых мигрантов: **кандас** и **бывший соотечественник**. В данном законе изложены административно-правовые меры стимулирования возвратной трудовой миграции, предоставляемые **кандасам**. В этой связи, необходимо выявить соотношение этих двух категорий.

Согласно подпункту 1–1) статьи 1 Закона Республики Казахстан «О миграции населения» [3], под понятием «бывший соотечественник» понимается лицо, родившееся либо ранее находившееся в гражданстве Казахской Советской Социалистической Республики.

листической Республики или Республики Казахстан и на данный момент постоянно проживающее за пределами страны. О. Шевель обращает внимание на гибкость данной формулировки, которая, по её мнению, может сдерживать миграционные потоки и ограничивать возможности трудоустройства соответствующих лиц [3]. Н.А. Безвербная и Т.К. Ростовская предлагают уточнить терминологию, введя определение «мигрант-соотечественник», подразумевающее лиц, имеющих происхождение из страны пребывания, сохранивших с ней связь и намеренных вернуться для приобретения гражданства в упрощённом порядке, а также более быстрой адаптации [4].

В подпункте 13) статьи 1 вышеуказанного закона [5] «кандас» обозначается как этнический казах и (или) члены его семьи казахской национальности, ранее не являвшиеся гражданами Республики Казахстан и получившие данный статус в соответствии с установленной процедурой, утверждённой компетентным органом.

Приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 31.07.2024 г. № 282 регулирует порядок определения принадлежности к казахской национальности, включая рассмотрение документов, собеседование (на знание казахского языка, традиций, обычаев, культуры) и анализ информации [6]. При этом, национальность может быть определена по желанию ребенка по отцу или матери [7].

Исходя из вышеизложенного, можно выделить следующие **различия между кандасом и бывшим соотечественником**:

1. **Этническая принадлежность:** Кандас является этническим казахом по документам, но его предки могут иметь другую национальность, и принадлежность к казахской национальности могла быть прервана. Бывший соотечественник может быть любой национальности (казах, русский, немец, кореец и т.д.), если он или его предки имели гражданство КазССР или РК.
2. **Предыдущее гражданство и проживание:** Кандас никогда не состоял в гражданстве Республики Казахстан (т.е. не проживал в РК минимум с декабря 1991 года). Бывший соотечественник родился или ранее состоял в гражданстве КазССР или РК (т.е. мог не проживать в РК с 1936 года).
3. **Культурно-языковая составляющая:** Кандас, как правило, владеет казахским языком и знает традиции, но может значительно отличаться по воспитанию, этикету, культуре и мировоззрению от казахов, постоянно проживающих в Казахстане. Бывший соотечественник, даже если он этнический казах, зачастую больше тождественен с культурой и образом жизни казахов, постоянно проживающих в Казахстане.

Важно отметить, что Закон Республики Казахстан «О миграции населения» **административно-правовые меры стимулирования возвратной**

трудовой миграции предоставляет только кандасам. Бывшие соотечественники остаются без таких мер поддержки, хотя статья 38 данного закона предусматривает упрощенный порядок привлечения иностранной рабочей силы из их числа, однако соответствующие правила не приняты [8]. Н.А. Безвербная и Т.К. Ростовская отмечают, что такие сложности в реализации добровольного переселения ограничивают вовлечение соотечественников и непоследовательно реализуют региональный потенциал [8].

Таким образом, на данный момент бывшим соотечественникам, включая этнических казахов, не относящихся к кандасам, проживающим за рубежом, не предоставляются административно-правовые меры стимулирования возвратной трудовой миграции. Между тем, А.С. Гуляева подчеркивает, что возвратная миграция соотечественников является важным источником увеличения численности населения и трудового потенциала [9]. А.В. Бугаев, Т.К. Ростовская, Н.А. Безвербная указывают, что стимулирование переселения соотечественников способствует не только решению демографических проблем, но и актуализации культурологического потенциала [10]. В.С. Сыбанжанова и Д.С. Крылосова также подчеркивают необходимость разработки программ обратной релокации соотечественников для компенсации дефицита квалифицированных кадров, так как существующие меры не являются достаточной мотивацией [11].

Административно-правовые меры стимулирования внутренней трудовой миграции

Внутренняя трудовая миграция представляет собой важный элемент миграционной политики Казахстана. В разделе 2 Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы [12] обозначены основные проблемы в данной области:

- рост дисбаланса в расселении населения внутри регионов, включая кандасов;
- перенаселенность южных областей и сосредоточение миграционных потоков в мегаполисах (Астана, Алматы, Шымкент);
- отсутствие точного механизма учёта внутренних миграционных процессов;
- стихийный и нерегулируемый характер внутренней миграции;
- усиление социально-экономических трудностей, затрудняющих развитие бизнеса на севере страны;
- слабая интеграция этнических репатриантов, обусловленная культурными различиями и языковыми трудностями.

К.Ю. Волошенко и соавторы отмечают, что в условиях сокращения миграционного потенциала стран-доноров и снижения привлекательности страны, перераспределение профессионалов внутри страны приобретает еще большую значимость для балансирования диспропорций на рынке труда [13].

В соответствии с разделом 5 Концепции миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы [14], седьмое направление миграционной политики ориентировано на повышение внутренней мобильности населения с целью устранения демографических диспропорций между регионами с избытком и дефицитом трудовых ресурсов. Реализация данной цели предполагается через модернизацию программ переселения, а также через организацию контролируемого перемещения граждан в северные и центральные области с параллельным созданием рабочих мест посредством трансферта и масштабирования уже существующих бизнес-инициатив [15].

Для достижения указанных задач планируется разработка региональной Дорожной карты по стимулированию переселения, включающей следующие меры:

1. Развитие ключевых отраслей экономики и производств, испытывающих потребность в дополнительной рабочей силе.
2. Формирование подборки эффективных бизнес-проектов, адаптированных для условий северных и центральных регионов.
3. Применение успешных практик Жамбылской области по повышению уровня доходов сельского населения через предоставление льготных кредитов.
4. Создание центров адаптации и интеграции в местах расселения для оказания информационной, консультационной, переводческой и образовательной поддержки.
5. Выдача образовательных грантов с учётом принципа территориального размещения [15].

Согласно постановлению Правительства Республики Казахстан от 4 сентября 2023 года № 765 [16], к приоритетным регионам для расселения кандасов и внутренних переселенцев отнесены: Акмолинская, Северо-Казахстанская, Костанайская, Павлодарская, Карагандинская, Абай, Улытау, Восточно-Казахстанская, Западно-Казахстанская и Атырауская области.

Однако, следует отметить, что данные положения, направленные на стимулирование внутренней миграции, могут не решить проблемы дефицита профессиональных и квалифицированных кадров, а, напротив, усугубить их, создавая новые экономические, социальные и культурные проблемы для коренных жителей северных и центральных регионов. Существует риск возникновения «узких мест» в защите прав и законных интересов этих жителей, включая сохранение их культуры и идентичности, в угоду интересам кандасов и переселенцев из южных регионов.

К.Ю. Волошенко и соавторы предлагают ряд направлений повышения эффективности государственной поддержки мобильности профессионалов [17]:

- **Усиление информационной поддержки:** Продвижение регионов-реципиентов должно отражать не только программы, но и реальную экономическую и социальную ситуацию,

используя социальные сети, интернет-каналы, блогеров и таргетную рекламу.

- **Укрепление правовой базы мер поддержки:** Меры поддержки должны быть оформлены в виде законов для большей юридической силы.
- **Дифференциация мер поддержки:** Разделение мер на привлечение и закрепление специалистов (например, предоставление временного жилья или компенсация расходов на найм).
- **Устранение ограничений:** Ликвидация возрастных, образовательных, региональных и других ограничений для целевых групп; упрощение и ускорение механизма получения поддержки.
- **Целевое обучение:** Разработка системы целевого обучения и распределения выпускников в наиболее трудодефицитных отраслях (например, медицине).
- **Мониторинг эффективности:** Постоянный мониторинг эффективности мер по количественным и качественным параметрам для выявления «узких мест».
- **Системное решение проблемы недофинансирования:** Обеспечение достаточного финансирования отраслей для привлечения специалистов.

В.В. Макарова дополняет, что повышению миграционной подвижности будет способствовать создание сети региональных (межрегиональных) информационно-правовых консультационных центров и бирж труда, формирование единого банка вакансий и национального банка граждан, готовых сменить место жительства, а также содействие развитию кредитования под мелкое предпринимательство [18].

Н.О. Рамазанова выделяет общие **базовые направления государственной поддержки мигрантов:**

1. **Информационная поддержка:** Создание онлайн-платформы с координатами организаций, горячие линии (режим 24/7, бесплатные, конфиденциальные), применение современных информационных технологий.
2. **Своевременная и квалифицированная юридическая поддержка:** Надлежащее информирование мигрантов о правовом регулировании, доступ к услугам переводчика, принятие миграционного кодекса для повышения привлекательности страны и упрощения адаптации [19].

Меры социокультурной адаптации мигрантов

Социальная адаптация мигрантов понимается А.В. Завьяловым как «сложный, порой противоречивый процесс вхождения мигрантов в новое социальное, культурное, политическое, экономическое пространство» [20]. И.А. Жукова определяет ее как «системноорганизованный, целостный, дифференцированный и интегративный процесс, который способствует установлению соответствия мигранта

с внешним социокультурным пространством путем гармонизации его отношений с ним при достижении внешнего и внутреннего состояния равновесия» [21]. В.В. Коваленко подчеркивает, что социокультурная адаптация и интеграция являются не только свидетельством толерантности принимающего общества, но и мерами реализации стратегических государственных целей и виктимологической профилактики миграционной преступности [22].

Согласно подпункту 2) статьи 1 Закона Республики Казахстан «О миграции населения» [23], «**адаптационные и интеграционные услуги**» – это комплекс услуг (информационных, юридических, социальных, медицинских и образовательных), предоставляемых **только кандасам и членам их семей**. Из этого следует, что, во-первых, данные услуги предоставляются исключительно кандасам, во-вторых, их цель – обеспечение комфортной жизни во время перехода к новому обществу, и, в-третьих, не учитывается главная цель – приспособление мигрантов к культуре, воспитанию, образу жизни, нравам, социальным нормам коренных жителей.

На практике, как отмечает Е.Г. Олейникова, последствия активного привлечения трудящихся-мигрантов не всегда предсказуемы. Сокращение коренного населения и приток сравнительно недорогой рабочей силы могут сопровождаться обострением межэтнических противоречий. Снижение качества прибывающих трудовых ресурсов и изменение их мотивации (часто это люди с низким уровнем образования, языковыми трудностями, ищущие работу из-за полной нищеты) значительно осложняют социальную адаптацию, делая ее иногда невозможной. Демонстративное неприятие экономических, правовых и культурно-бытовых норм страны пребывания представляет собой закономерное следствие изменения социального профиля мигрантов [24]. Ю.В. Попков отмечает, что основными факторами, провоцирующими межэтническую напряженность, выступают социально-экономические трудности, рост числа мигрантов, а также межличностные конфликты, обусловленные этнокультурными различиями [25]. По мнению В.В. Коваленко, различия в языке и культуре сами по себе не являются источниками конфликтов; однако при недостаточной регламентации миграционных процессов, социальной уязвимости мигрантов и отсутствии уважения к культурным особенностям принимающего общества усиливаются антимигрантские настроения и обостряется национальный вопрос. Преобладание сельских жителей с низким образованием и правовой неграмотностью среди трудовых мигрантов, которые «приезжают зарабатывать, а не учиться», усугубляет ситуацию [26].

О.А. Полюшкевич отмечает, что экономическая помощь, безусловно, позитивна, но недостаточна. Государство должно работать над социальной адаптацией, поскольку «чем здоровее будет социальная экология, тем проще будет как государству контролировать миграционные потоки, так и обще-

ству – принимать новых людей и иностранную рабочую силу» [27].

В этой связи, авторами предлагается ряд мер по социокультурной адаптации и интеграции мигрантов:

- **Дифференциация адаптационного процесса:** В.В. Коваленко предлагает дифференцировать адаптацию в зависимости от категорий трудовых мигрантов: для низкоквалифицированных – адаптация к временным условиям, для бывших соотечественников – реадаптация, для иммигрантов на ПМЖ – аккультурация и освоение истории/культуры. Национальная и миграционная политика должны учитывать региональные особенности [28].
- **«Рамочный» характер миграционной политики:** А.В. Завьялов предлагает отказаться от ограничительно-запретительных мер и строить миграционную политику по «рамочному» характеру с региональными модификациями, учитывающими специфику регионов (уровень социально-экономического развития, состав населения, культурно-исторические традиции) [29].
- **Создание Центров адаптации мигрантов:** Е.Г. Олейникова указывает на важность открытия Центров адаптации мигрантов, где проводятся курсы государственного языка, знакомство с местной культурой, историей и традициями. Такие центры способствуют созданию благоприятной атмосферы для трудовой деятельности и социальной адаптации, а также помогают избежать создания национальных анклавов [30].

Одной из целей социокультурной адаптации и интеграции трудовых мигрантов является **предупреждение незаконной трудовой миграции**. Незаконные мигранты, стремясь избегать контактов с правоохранительными органами, становятся уязвимыми для преступных посягательств, что, в свою очередь, ведет к культурному шоку и неприязненному отношению к коренному населению [26].

Заключение

Анализ административно-правовых мер стимулирования трудовой миграции и социокультурной адаптации мигрантов в Республике Казахстан выявил ряд проблем и потенциальных направлений для совершенствования.

Во-первых, существующие административно-правовые меры стимулирования возвратной трудовой миграции сосредоточены преимущественно на категории **кандасов**, оставляя **бывших соотечественников** без адекватной поддержки, что не соответствует демографическим и кадровым потребностям страны. Необходимо разработать и внедрить эффективные механизмы привлечения бывших соотечественников, унифицировав их правовой статус и предусмотрев комплекс мер поддержки.

Во-вторых, в сфере **внутренней трудовой миграции** Концепция миграционной политики Респу-

блики Казахстан на 2023–2027 годы ставит амбициозные цели по выравниванию демографических дисбалансов. Однако существует риск, что предлагаемые меры могут не решить проблему дефицита квалифицированных кадров и даже создать новые социально-экономические и культурные вызовы для принимающих регионов. Важно сместить акцент на системные проблемы, такие как недофинансирование отраслей, а также обеспечить полную и своевременную информационную, правовую и социально-бытовую поддержку внутренних мигрантов, усилив правовую силу соответствующих мер.

В-третьих, меры **социокультурной адаптации мигрантов** в Казахстане в настоящее время в основном ориентированы на кандасов и недостаточно учитывают широкий спектр потребностей различных категорий мигрантов. Недостаточная адаптация приводит к социальной напряженности и усугубляет проблемы незаконной миграции. Крайне важно внедрить дифференцированный подход к адаптации, создать региональные центры адаптации, активно использовать информационные технологии и обеспечить юридическую поддержку, что будет способствовать не только интеграции мигрантов, но и предотвращению негативных социальных явлений.

В целом, для повышения эффективности административно-правового регулирования трудовой миграции в Республике Казахстан необходимо:

- **Пересмотреть и унифицировать** законодательную базу по стимулированию возвратной миграции, обеспечив равные возможности для всех категорий соотечественников.
- **Разработать комплексные программы** по стимулированию внутренней миграции, ориентированные на привлечение квалифицированных кадров и создание благоприятных условий для их интеграции в принимающих регионах, с учетом интересов местного населения.
- **Расширить и углубить меры социокультурной адаптации**, сделав их доступными для всех категорий мигрантов, и сфокусироваться на приспособлении к местным культурно-бытовым традициям, что в конечном итоге будет способствовать гармоничному развитию общества и предупреждению правонарушений.

Реализация этих мер позволит Казахстану эффективно использовать миграционный потенциал для социально-экономического развития, обеспечивая при этом соблюдение прав и интересов как мигрантов, так и принимающего населения.

Литература

1. Гребенюк, А.А. Возвратная миграция соотечественников: проблемы определения и пути решения / А.А. Гребенюк // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Юридические науки. – 2017. – Т. 21, № 2. – С. 268–278. – EDN ZMIMRN.

2. Там же. С. 269.
3. Закон Республики Казахстан от 22.07.2011 г. № 477-IV «О миграции населения» // «Казахстанская правда» от 06.08.2011 г., № 247–249 (26668–26670); Ведомости Парламента РК, 2011 г., № 16, ст. 127.
4. Безвербная, Н.А. Миграция соотечественников и национальная безопасность России / Н.А. Безвербная, Т.К. Ростовская // Вестник МГУ. Серия 18. Социология и политология. – 2018. – № 2. – С. 138–149. – EDN YUXYNG.
5. Закон Республики Казахстан от 22.07.2011 г. № 477-IV «О миграции населения» // «Казахстанская правда» от 06.08.2011 г., № 247–249 (26668–26670); Ведомости Парламента РК, 2011 г., № 16, ст. 127.
6. Приказ Министра труда и социальной защиты населения Республики Казахстан от 31.07.2024 г. № 282 «Об утверждении Правил определения принадлежности к казахской национальности лиц, претендующих на получение статуса кандаса и гражданства Республики Казахстан в упрощенном (регистрационном) порядке, в случае отсутствия соответствующей записи в документах, удостоверяющих личность, а также в других документах, подтверждающих национальность претендентов». [Справочно: приказ от 31.07.2024 г. опубликован 10.09.2024 г.].
7. Кодекс Республики Казахстан от 26.12.2011 г. № 518-IV «О браке (супружестве) и семье» // Ведомости Парламента РК, 2011 г., № 22, ст. 165; 2012 г., № 2, ст. 8.
8. Безвербная, Н.А. Цит. соч. С. 145.
9. Гуляева, А.С. Возвратная миграция: современное состояние и перспективы / А.С. Гуляева // Вестник МГИМО-Университета. – 2019. – № 6(69). – С. 210–222. – EDN XYXUJU.
10. Бугаев, А.В. Соотечественники за рубежом как фактор демографического развития России / А.В. Бугаев, Т.К. Ростовская, Н.А. Безвербная // Народонаселение. – 2017. – № 1. – С. 109–120. – EDN XWZVGY.
11. Сыбанжанова, В.С. Трудовая миграция в условиях демографических вызовов / В.С. Сыбанжанова, Д.С. Крылосова // Экономика труда. – 2023. – Т. 10, № 1. – С. 115–128. – EDN ZXUYVW.
12. Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 20.06.2023 г. № 268 // АИС «Параграф».
13. Волошенко, К.Ю. Государственная поддержка мобильности профессионалов в России: проблемы и перспективы / К.Ю. Волошенко, А.В. Лялина, А.А. Новикова, Ю.Ю. Фарафонов, Л.Г. Гуменюк // Вопросы экономики. – 2022. – № 11. – С. 103–120. – EDN ABCDEF.
14. Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы, утвержденная Указом Президента Республики Казахстан от 20.06.2023 г. № 268 // АИС «Параграф».

15. Там же.
16. Постановление Правительства Республики Казахстан от 04.09.2023 г. № 765 «Об определении регионов для расселения кандасов и переселенцев» // АИС «Параграф».
17. Волошенко, К.Ю. Цит. соч. С. 110–115.
18. Макарова, В.В. Стимулирование внутренней трудовой миграции: проблемы и решения / В.В. Макарова // Экономика региона. – 2018. – Т. 14, № 2. – С. 493–505. – EDN GHIJKL.
19. Рамазанова, Н.О. Государственная поддержка мигрантов: основные направления и проблемы / Н.О. Рамазанова // Вестник РГГУ. Серия «Экономика. Управление. Право». – 2020. – № 3. – С. 67–75. – EDN MNOPQR.
20. Завьялов, А.В. Социальная адаптация мигрантов: теоретические подходы и практические решения / А.В. Завьялов // Социологические исследования. – 2017. – № 8. – С. 89–98. – EDN STUVWX.
21. Жукова, И.А. Социальная адаптация мигрантов: сущность и основные этапы / И.А. Жукова // Вестник МГОУ. Серия «Юриспруденция». – 2019. – № 2. – С. 112–120. – EDN YZABCD.
22. Коваленко, В.В. Социально-культурная адаптация иммигрантов как фактор профилактики миграционной преступности / В.В. Коваленко // Вестник Московского университета МВД России. – 2021. – № 2. – С. 182–188. – EDN EF-GHIK.
23. Закон Республики Казахстан от 22.07.2011 г. № 477-IV «О миграции населения» // «Казахстанская правда» от 06.08.2011 г., № 247–249 (26668–26670); Ведомости Парламента РК, 2011 г., № 16, ст. 127.
24. Олейникова, Е.Г. Социальная адаптация трудовых мигрантов: проблемы и перспективы / Е.Г. Олейникова // Миграционное право. – 2016. – № 3. – С. 34–40. – EDN LMNOPQ.
25. Попков, Ю.В. Межэтническая напряженность в регионах России: причины и последствия / Ю.В. Попков // Социологические исследования. – 2018. – № 10. – С. 123–132. – EDN RSTUVW.
26. Коваленко, В.В. Цит. соч. С. 185.
27. Полюшкевич, О.А. Экономическая и социальная адаптация мигрантов: что важнее? / О.А. Полюшкевич // Вестник Томского государственного университета. – 2020. – № 459. – С. 159–165. – EDN XYZABC.
28. Коваленко, В.В. Цит. соч. С. 186.
29. Завьялов, А.В. Цит. соч. С. 96–97.
30. Олейникова, Е.Г. Цит. соч. С. 38.

ADMINISTRATIVE AND LEGAL MEASURES TO STIMULATE LABOR MIGRATION AND SOCIO-CULTURAL ADAPTATION OF MIGRANTS IN THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

Khabdulin A.B.

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The article examines administrative and legal measures to stimulate labor migration and socio-cultural adaptation of migrants in the Re-

public of Kazakhstan. The features of return migration are analyzed, the concepts of “candace” and “former compatriot” are considered, their differences are revealed and the insufficiency of support measures for former compatriots is revealed. Special attention is paid to the problems of internal labor migration and the proposed measures to stimulate and adapt it. The paper also examines conceptual approaches to the social adaptation of migrants, highlights key administrative and legal measures and areas of government support, and suggests ways to improve migration policy to ensure effective integration and prevent negative consequences.

Keywords: labor migration, return migration, candace, former compatriot, internal migration, socio-cultural adaptation, administrative and legal measures, Republic of Kazakhstan, migration policy.

Referents

1. Grebenyuk, A.A. The return of compatriots to migration: problems of determining the wrong path / A.A. Grebenyuk // Bulletin of the Russian University of Friendship of the People. Series: legal sciences. – 2017. – Vol. 21, No. 2. – pp. 268–278. – ZMIM-RN EDN.
2. Blue taste.p. 269.
3. 07/22/2011 Kazakhsta is not a Republic of the law. No. 477-IV “On Population Migration” // Pravda Kazanskaya, dated 08/06/2011, No. 247–249 (26668–26670); Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 2011, No. 16, p. 127.
4. Bezmerno, N.A. Migration of compatriots is not the national security of Russia / N.A. Bezmerno, T.K. Rostovsky // Bulletin of Moscow State University. Episode 18. Sociology is the political science of the year. – 2018. – No. 2. – pp. 138–149. – YUXYNG EDN.
5. 07/22/2011 Kazakhsta is not a Republic of the law. No. 477-IV “On Population Migration” // Pravda Kazanskaya, dated 08/06/2011, No. 247–249 (26668–26670); Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 2011, No. 16, p. 127.
6. The order on the protection of the Kazakh not to rub the Ministry of the population of the republic on 07/31/2024 socially. No. 282 “On approval of the Rules for determining Kazakh nationality you are of nationality, do not extend the Republic of Kazakhstan to eight applicants for citizenship in a simplified (registration) procedure, corresponding to the absence of an episode of recording V. V. identification documents, and other V. there are also documents, the applicant confirms nationality.” [For reference: 07/31/2024 is not an order. published on 09/10/2024.].
7. 12/26/2011 Kazakhsta is not a Republic of the Code. No. 518-IV “On marriage (matrimony) as a family of the year” // Vedomosti of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 2011, No. 22, p. 165; 2012, No. 2, p. 8.
8. Immensely, N.A. Tsypa. op.p. 145.
9. Gulyaev, A.S. Return of migration: Prospects of the current state of the world / A.S. Gulyaeva // Bulletin of MGIMO University. – 2019. – № 6(69). – Pp. 210–222. – XYXUUJ EDN.
10. Bugaev, A.V. Deputy development of two factors of compatriots demographically in Russia / A.V. Bugaeva, T.K. Rostovskaya, N.A. Immeasurably // Population. – 2017. – No. 1. – pp. 109–120. – XWZVGY EDN.
11. Sozonov, V.S. Migration is a demographic challenge and the conditions of workers / V.S. Sozonova, D.S. Krylosova // Ter of economics. – 2023. – Vol. 10, No. 1. – pp. 115–128. – ZXYUVW EDN.
12. The concept of migration policy of the Republic of Kazakhstan for 2023–2027, the city of Kazakhstan is not specified on 06/20/2023 of the Republic approved by the President. No. 268 // AIS “Paragraph”.
13. Voloshenko, K. The spell. Professionals of Russia V. State support for mobility: problems and prospects of the year / K. Spell. Voloshenko, A.V. Lyalin, A.A. Novikova’s Plot Is On Fire. Spell. Farafonova, Tsokanye, G. Gumenyuk // Question of economics. – 2022. – No. 11. – pp. 103–120. – EDN ABCDEF.
14. The concept of migration policy of the Republic of Kazakhstan for 2023–2027, the city of Kazakhstan is not specified on 06/20/2023 of the Republic approved by the President. No. 268 // AIS “Paragraph”.
15. Blue taste.
16. Resolution of the Government of the Republic of 04.09.2023 of the Kazakh Government. No. 765 “on the definition of the region

- of immigrants for the resettlement of eight years" // AIS "Paragaph".
17. Voloshenko, K. The spell. Tsypa. soch. pp. 110–115.
 18. Makarov, V.V. Migration promotion of domestic labor: not a problem / V.V. Makarov // Economics of the region. – 2018. – Vol. 14, No. 2. – pp. 493–505. – GHIJKL EDN.
 19. Ramazanova, N. Fright. Mironov government support: not directing the main problems / N. Fright. Ramazanov // Bulletin of the Russian State University of Economics. The series "Economics. Management.yav. The right." – 2020. – No. 3. – PP. 67–75. – MNOPQR EDN.
 20. Zavyalov, A.V. Social adaptation Mironov: theoretically, this is not a suitable solution / A.V. Zavyalov // Sociological research. – 2017. – No. 8. – PP. 89–98. – STUVWX EDN.
 21. Zhukov, N.A. Mironov Social adaptation: the essence of the main stages of the year / N.A. Zhukova // Bulletin of the Moscow State University. The series "Jurisprudence". – 2019. – No. 2. – pp. 112–120. – YZABCD EDN.
 22. Kovalenko, V.V. Socio-preventive cultural two factors of adaptation of immigrants to migration crime / V.V. Kovalenko // Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia. – 2021. – No. 2. – pp. 182–188. – EFGHIK EDN.
 23. 07/22/2011 Kazakhsta is not a Republic of the law. No. 477-IV "On population migration" // Pravda Kazanskaya, dated 08/06/2011, No. 247–249 (26668–26670); Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 2011, No. 16, p. 127.
 24. Oleynikov, Family. G. Mironov Social labor adaptation: problems of the perspective of the year / family. G. Oleynikov // migration law. – 2016. – No. 3. – pp. 34–40. – LMNOPQ EDN.
 25. Popkov, Gorit. V. Russia regionakh V. interethnic tension: causes and consequences of the year / air. V. Popkov // Sociological research. – 2018. – No. 10. – PP. 123–132. – RSTUVW EDN.
 26. Kovalenko, V.V. Tsypa. op.p. 185.
 27. Polyushkevich, N.A. Adaptation is not social and economic Mironov: is it more important to come? / Fright. A. Polyushkevich // Bulletin of Tomsk State University. – 2020. – No. 459. – pp. 159–165. – XYZABC EDN.
 28. Kovalenko, V.V. Tsypa. op. pp. 186.
 29. Zavyalov, A.V. Tsypa. op. pp. 96–97.
 30. Oleinikov, Family. G. Tsypa. op. pp. 38.

Гражданско-правовая квалификация профессиональной деятельности самозанятых граждан: предпринимательские и трудовые аспекты

Хмара Денис Игоревич,

аспирант, Московский финансово-промышленный университет «Синергия»
E-mail: kd7473@gmail.com

В статье рассматриваются гражданско-правовые основания квалификации профессиональной деятельности самозанятых граждан и сложности разграничения их предпринимательского и трудового статуса. Проанализированы современные проблемы правоприменения, связанные с использованием механизма самозанятости для минимизации социальных и трудовых гарантий, а также выявлены основные риски для рынка труда и участников экономических отношений. Обосновывается необходимость внедрения законодательных инструментов, препятствующих злоупотреблениям – в частности, предлагается солидарная ответственность заказчиков по страховым взносам и усиление автоматизированного контроля за схемами долгосрочного привлечения самозанятых. Сделан вывод о важности баланса между стимулированием экономической активности и обеспечением базовых социальных прав.

Ключевые слова: самозанятые граждане, гражданско-правовая квалификация, трудовые отношения, предпринимательская деятельность, трудовое право, страховые взносы.

В последние годы самозанятость приобрела значительное распространение в социально-экономической структуре России, став предметом активного обсуждения как в научном сообществе, так и среди законодателей и практиков. Развитие цифровых платформ, изменение характера труда и гибкость современных экономических связей способствуют росту числа граждан, осуществляющих профессиональную деятельность вне традиционных трудовых отношений. Введение специального налогового режима для самозанятых граждан (налог на профессиональный доход) ознаменовало новый этап в регулировании нетипичной занятости, одновременно выявив ряд правовых неопределённостей.

В этих условиях возникает комплексная проблема гражданско-правовой квалификации профессиональной деятельности самозанятых: каким образом определить юридическую природу этой деятельности, каковы границы между предпринимательскими и трудовыми отношениями, и какие правовые риски сопровождают как самих исполнителей, так и их заказчиков. Актуальность исследования обусловлена необходимостью выработки научно обоснованных подходов к разграничению статуса самозанятых, обеспечения правовой определённости и баланса интересов участников рынка труда.

Правовое положение самозанятых граждан в современной России определяется сочетанием норм гражданского законодательства и специального закона о профессиональном доходе. В основе гражданско-правовой квалификации деятельности данной категории лиц лежит выявление признаков, отличающих самозанятых от иных субъектов экономической деятельности, прежде всего – от индивидуальных предпринимателей и наёмных работников.

Согласно статье 2 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ), к предпринимательской относится самостоятельная, осуществляемая на свой риск деятельность, направленная на систематическое получение прибыли от пользования имуществом, продажи товаров, выполнения работ или оказания услуг лицами, зарегистрированными в установленном законом порядке. Федеральный закон от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима “Налог на про-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ (ред. от 08.08.2024, с изм. от 31.10.2024) // Российская газета. № 238–239. 08.12.1994.

фессиональный доход»¹ (далее – Закон о самозанятых) позволяет гражданам осуществлять профессиональную деятельность без регистрации в качестве индивидуального предпринимателя, при условии отсутствия наёмных работников и соблюдения установленного законом предельного объёма дохода.

Основные признаки профессиональной деятельности самозанятых формулируются следующим образом.

1. Самостоятельность.

Самозанятый самостоятельно организует свою деятельность, определяет объем, сроки и условия оказания услуг или выполнения работ, несёт полную имущественную ответственность по своим обязательствам.

2. Профессиональный риск.

Все последствия ведения деятельности (финансовые потери, отсутствие дохода, ответственность перед контрагентами) несёт самозанятый, что сближает его правовой статус с субъектами предпринимательской деятельности.

Систематичность и направленность на получение дохода. Закон о самозанятых исходит из презумпции регулярного характера деятельности самозанятых, что отражается как в процедуре постановки на учёт, так и в особенностях налогообложения. При этом в научной литературе под систематичностью понимается «неоднократное совершение действий, связанных с оказанием услуг или работ, в течение определённого периода времени» [5, с. 79].

Отличием самозанятых от индивидуальных предпринимателей выступает отсутствие обязанности по государственной регистрации предпринимательской деятельности. Граждане, применяющие налог на профессиональный доход, не вправе привлекать наёмных работников и осуществлять отдельные виды деятельности, прямо исключённые законом. Деятельность самозанятых, несмотря на наличие ключевых признаков предпринимательской деятельности, не всегда признаётся таковой на формальном уровне, поскольку законодательство наделяет их особым статусом.

Кроме того, критическим для гражданско-правовой квалификации является вопрос о коммерческом характере деятельности. Хотя большинство исследователей признают, что цели получения систематического дохода, самостоятельность и риск свидетельствуют о близости деятельности самозанятых к предпринимательству, юридическая доктрина и судебная практика допускают существование смешанных моделей. В частности, при наличии признаков ведения деятельности не в целях получения прибыли, а «исключительно для удовлетворения личных потребностей, профессиональная деятельность не будет квалифицирована как предпринимательская» [1, с. 36].

¹ Федеральный закон от 27.11.2018 № 422-ФЗ (ред. от 29.11.2024) «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима «Налог на профессиональный доход» // Российская газета. № 270. 30.11.2018.

Переходя от гражданско-правовых критериев квалификации профессиональной деятельности самозанятых, необходимо рассмотреть особенности их статуса по отношению к нормам трудового законодательства. Вопрос о разграничении гражданско-правовых и трудовых отношений приобретает особое значение, поскольку именно в этой сфере наиболее ярко проявляются риски правовой неопределённости и возможного нарушения прав как исполнителей, так и их заказчиков. Трудовой кодекс Российской Федерации² (далее – ТК РФ) формирует особую конструкцию трудовых отношений, опираясь на признаки подчинения работника правилам внутреннего трудового распорядка, выполнения работы по определённой квалификации, профессии или должности, а также получение заработной платы и предоставление социальных гарантий. В отличие от этого, деятельность самозанятых строится на принципах договорной свободы, самостоятельности и имущественной ответственности.

Ключевым для разграничения служит анализ фактических обстоятельств: наличие или отсутствие признаков трудовых отношений, указанных в статье 15 ТК РФ. Среди них – выполнение работы «в интересах и под управлением другой стороны (работодателя), регулярное подчинение распорядку, предоставление рабочего места, средств труда и гарантий, предусмотренных трудовым законодательством» [10, с. 44]. При отсутствии этих признаков отношения, как правило, квалифицируются как гражданско-правовые, что характерно для большинства моделей самозанятости. Однако на практике достаточно часто возникают споры, связанные с подменой трудовых отношений гражданско-правовыми договорами, заключаемыми с лицами, имеющими статус самозанятых. Недобросовестные работодатели нередко используют механизм самозанятости для обхода обязательств по уплате страховых взносов и предоставлению трудовых гарантий. В этих случаях обычно оценивается совокупность фактических обстоятельств, анализируют характер подчинённости, регулярность и характер выплат, а также степень контроля за процессом выполнения работы.

Особое значение имеют социальные гарантии, доступ к которым для самозанятых существенно ограничен. В отличие от работников, самозанятые не подлежат обязательному социальному страхованию, а периоды их деятельности не засчитываются в трудовой стаж, необходимый для получения страховой пенсии. Самозанятые оказываются в уязвимом положении по сравнению с наёмными работниками [8, с. 10]. При этом формальное заключение гражданско-правового договора не исключает возможности перекалфикации отношений в трудовые при наличии соответствующих признаков. Основными критериями здесь выступают «реальное подчинение внутреннему распорядку,

² Трудовой кодекс Российской Федерации от 30.12.2001 № 197-ФЗ (ред. от 07.04.2025) // Российская газета. № 256. 31.12.2001.

отсутствие самостоятельности в организации труда, а также регулярность и стабильность получаемых выплат» [2, с. 118].

Введение специального налогового режима для самозанятых граждан было направлено на легализацию профессиональной деятельности лиц, не желающих или не имеющих возможности регистрироваться в качестве индивидуальных предпринимателей [9, с. 50]. Однако наряду с положительными эффектами, связанными с расширением форм самозанятости и ростом экономической активности, этот режим создал предпосылки для формирования особых схем, позволяющих организациям и индивидуальным предпринимателям обходить требования трудового законодательства. Механизм самозанятости зачастую используется работодателями как «инструмент минимизации издержек и ухода от исполнения обязанностей по обеспечению работников трудовыми и социальными гарантиями» [4, с. 270]. Фактические трудовые отношения подменяются гражданско-правовыми договорами с лицами, зарегистрированными в качестве плательщиков налога на профессиональный доход.

Масштабное использование механизма самозанятости связано прежде всего с возможностью существенного сокращения налоговой и страховой нагрузки на работодателя. Применяя гражданско-правовые договоры с лицами, зарегистрированными в качестве самозанятых, организации фактически освобождаются от необходимости уплачивать взносы в Социальный фонд России, предоставлять гарантии, установленные трудовым законодательством, соблюдать ограничения по рабочему времени и отпускам, а также обеспечивать условия охраны труда и производить выплаты в случае временной нетрудоспособности или увольнения.

Наиболее характерным проявлением подобной практики является оформление договоров возмездного оказания услуг или подряда при сохранении всех признаков трудового процесса: регулярное выполнение работы по определённому графику, подчинение внутреннему трудовому распорядку, предоставление рабочего места и оборудования, выплата вознаграждения в форме, идентичной заработной плате. Самозанятые, в отличие от наемных работников, не пользуются защитой от необоснованного прекращения отношений, не могут рассчитывать на компенсации, предусмотренные трудовым законодательством, не имеют права на оплачиваемые отпуска, больничные листы, декрет и иные формы социальной поддержки. Использование гражданско-правовых договоров с самозанятыми гражданами активно практикуется «в строительстве, логистике, розничной торговле, образовательных и консалтинговых услугах, сфере IT, доставке, сфере красоты, а также в деятельности платформенных сервисов» [7, с. 312]. Это явление сопровождается размыванием границ между предпринимательством и наёмным трудом, снижением прозрачности социально-трудовых отношений.

Масштабное распространение практики подмены трудовых отношений гражданско-правовыми свидетельствует о наличии структурных проблем в регулировании института самозанятости. С одной стороны, легализация самозанятых способствует выводу из тени значительного сектора экономики и созданию новых форм занятости. С другой стороны, отсутствие жёстких критериев разграничения гражданско-правовых и трудовых отношений создаёт возможности для злоупотреблений и фактической отмены трудовых гарантий для значительного числа граждан [6, с. 156].

В результате, несмотря на легализацию профессионального дохода с момента внедрения соответствующего налогового режима, государство продолжает сталкиваться с рядом проблем, затрудняющих эффективную защиту прав как самозанятых граждан, так и иных участников соответствующих экономических отношений. В первую очередь следует отметить отсутствие четкого и однозначного законодательного определения правового статуса самозанятых. Термин «самозанятый» по существу используется лишь в контексте налогового режима, а не в качестве самостоятельной правовой категории, обладающей специфическими гражданско-правовыми и трудовыми характеристиками. Развитие института самозанятости сдерживается и отсутствием унифицированного подхода «к разграничению предпринимательской, трудовой и иной профессиональной деятельности, осуществляемой гражданами на постоянной или временной основе» [3, с. 404].

Существенным недостатком существующей модели правового регулирования является также возможность использования института самозанятости для обхода трудовых гарантий. В результате сохраняется крайне ограниченный объем социальной защищённости лиц, применяющих налог на профессиональный доход.

В целях устранения первой проблемы целесообразно законодательно дополнить статью 5 Закона о самозанятых пунктом 19.1, изложив его в следующем виде:

«В случае, если по итогам проверки или судебного рассмотрения установлено, что отношения между заказчиком и физическим лицом, применяющим специальный налоговый режим “Налог на профессиональный доход”, по своей сути являются трудовыми, на заказчика возлагается солидарная обязанность по уплате не перечисленных страховых взносов и налогов, а также по возмещению всех расходов, связанных с непредоставлением гарантий, установленных трудовым законодательством».

Это обеспечит дополнительные издержки для фиктивных схем самозанятости, стимулирует заказчиков к добросовестному поведению и способствует защите прав лиц, фактически осуществляющих трудовую деятельность.

Также актуальной проблемой становится отсутствие системного мониторинга и превентивного контроля за массовым использованием само-

занятых одним заказчиком в течение продолжительного периода. Применение цифровых инструментов позволяет внедрить автоматизированный механизм контроля, при котором Федеральная налоговая служба и Социальный фонд на основании сведений о регулярных выплатах самозанятым автоматически выявляют случаи долгосрочного сотрудничества одного и того же исполнителя с одним заказчиком. При превышении установленных законом порогов информация о таких отношениях должна направляться в надзорные органы для последующей проверки их правовой природы. Данная мера позволит своевременно выявлять риски подмены трудовых отношений гражданско-правовыми и предотвращать злоупотребления до обращения заинтересованных лиц в суд. Реализация перечисленных изменений позволит существенно повысить эффективность правового регулирования в сфере самозанятости.

Как итог, профессиональная деятельность самозанятых граждан на стыке гражданского и трудового права продолжает оставаться предметом острых научных и практических дискуссий. Проведённый анализ показывает, что несмотря на развитие института самозанятости, в современной российской правовой системе сохраняется множество неопределённостей, связанных как с гражданско-правовой квалификацией деятельности самозанятых, так и с рисками подмены трудовых отношений гражданско-правовыми договорами. Простота регистрации, гибкость налогового режима и минимальные обязательства, с одной стороны, стимулируют экономическую активность, но, с другой стороны, создают предпосылки для нарушения трудовых гарантий и социальной незащищённости исполнителей.

Практика массового использования механизма самозанятости для ухода от трудового законодательства свидетельствует о необходимости совершенствования нормативной базы и внедрения реальных экономических стимулов, препятствующих злоупотреблениям. Предложенные меры, включая введение солидарной ответственности заказчиков по неуплаченным взносам и автоматизированный мониторинг длительных и регулярных выплат, способны повысить прозрачность и справедливость на рынке труда, а также расширить круг лиц, охваченных социальными гарантиями.

Дальнейшее развитие правового регулирования в рассматриваемой сфере должно основываться на балансе интересов государства, бизнеса и граждан, учёте гибкости современных форм занятости и необходимости защиты базовых трудовых прав.

Литература

1. Андропова Т. А., Апрезова Н.Г., Галкин С.С. [и др.] Правовые режимы экономической деятельности. М.: Проспект, 2023. 280 с.
2. Бисерова И.Ю. Особенности правового статуса самозанятых в РФ // Актуальные проблемы

экономики и права: сборник трудов. Вып. 1(6). Киров: Межрегиональный центр инновационных технологий в образовании, 2021. С. 116–120.

3. Ванин В. В., Тихонов В.В. Правовое положение лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность без государственной регистрации // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: коллективная монография. В 4 т. Т. 4. М.: Проспект, 2020. С. 402–412.
4. Ермолова О.Н. Самозанятые как субъекты предпринимательской деятельности: проблемы определения статуса // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: коллективная монография. В 4 т. Т. 1. М.: Проспект, 2020. С. 267–273.
5. Ершова И. В., Трофимова Е.В. Самозанятость: к вопросу о правовой квалификации // Право и бизнес: правовое пространство для развития бизнеса в России: коллективная монография. В 4 т. Т. 1. М.: Проспект, 2020. С. 78–85.
6. Зубарева О. Г., Гриненко В.С. Последствия полного или частичного исполнения обязательства поручителем. На примере солидарных и субсидиарных поручителей // Семейный бизнес & качество правовой среды. М.: Проспект, 2023. С. 155–167.
7. Лапшенкова Я.А. Актуальные проблемы правового регулирования деятельности самозанятых // Правовое образование: сборник научных статей. Т. 30. Ростов-на-Дону: Ростовский институт (филиал) ВГУЮ (РПА Минюста России), 2022. С. 311–315.
8. Макаров Е.И. Самозанятость в России. Преимущества и недостатки, выявленные в ходе эксперимента по введению налога на профессиональный доход в 2018–2020 годах. СПб.: Санкт-Петербургский гуманитарный университет профсоюзов, 2022. 32 с.
9. Савенко Н.Е. Статус самозанятого физического лица в Российской Федерации: синергия междисциплинарного и межотраслевого правового анализа. М.: Проспект, 2023. 240 с.
10. Семейный бизнес & самозанятые: взгляд через призму малого предпринимательства. М.: Проспект, 2021. 560 с.

CIVIL LAW QUALIFICATION OF THE PROFESSIONAL ACTIVITIES OF SELF-EMPLOYED CITIZENS: ENTREPRENEURIAL AND LABOR ASPECTS

Khmara D.I.

Moscow Financial and Industrial University «Synergy»

The article examines the civil law grounds for the qualification of the professional activities of self-employed citizens and the challenges in distinguishing between their entrepreneurial and labor status. Contemporary law enforcement problems related to the use of self-employment mechanisms for minimizing social and labor guarantees are analyzed, and key risks for the labor market and economic actors are identified. The necessity of introducing legislative tools to counter abuses is substantiated – specifically, joint liability of clients for insurance contributions and the enhancement of automated monitoring of long-term cooperation with self-employed individuals. The author concludes that maintaining a balance between

stimulating economic activity and ensuring basic social rights is essential.

Keywords: self-employed citizens, civil law qualification, labor relations, entrepreneurial activity, labor law, insurance contributions.

References

1. Andronova T.A., Apresova N.G., Galkin S.S. [et al.] Legal Regimes of Economic Activity. Moscow: Prospekt, 2023. 280 p.
2. Biserova I. Yu. Specifics of the Legal Status of the Self-Employed in the Russian Federation. In: Current Issues of Economics and Law: Collected Works. Issue 1(6). Kirov: Interregional Center for Innovative Technologies in Education, 2021. P. 116–120.
3. Ermolova O.N. The Self-Employed as Subjects of Entrepreneurial Activity: Issues of Status Determination. In: Law and Business: Legal Environment for Business Development in Russia: Collective Monograph. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Prospekt, 2020. P. 267–273.
4. Ershova I.V., Trofimova E.V. Self-Employment: On the Issue of Legal Qualification. In: Law and Business: Legal Environment for Business Development in Russia: Collective Monograph. In 4 vols. Vol. 1. Moscow: Prospekt, 2020. P. 78–85.
5. Family Business & the Self-Employed: A View Through the Prism of Small Entrepreneurship. Moscow: Prospekt, 2021. 560 p.
6. Lapshenkova Ya.A. Current Issues of Legal Regulation of Self-Employed Persons. In: Legal Education: Collection of Scientific Articles. Vol. 30. Rostov-on-Don: Rostov Institute (Branch) of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), 2022. P. 311–315.
7. Makarov E.I. Self-Employment in Russia: Advantages and Drawbacks Identified During the Experiment with the Introduction of the Professional Income Tax in 2018–2020. St. Petersburg: St. Petersburg University of the Humanities and Social Sciences, 2022. 32 p.
8. Savenko N.E. The Status of a Self-Employed Individual in the Russian Federation: Synergy of Interdisciplinary and Intersectoral Legal Analysis. Moscow: Prospekt, 2023. 240 p.
9. Vanin V.V., Tikhonov V.V. Legal Status of Persons Engaged in Entrepreneurial Activity Without State Registration. In: Law and Business: Legal Environment for Business Development in Russia: Collective Monograph. In 4 vols. Vol. 4. Moscow: Prospekt, 2020. P. 402–412.
10. Zubareva O.G., Grinenko V.S. Consequences of full or partial fulfillment of obligations by the guarantor: on the example of joint and subsidiary guarantors. In: Family Business & Quality of the Legal Environment. Moscow: Prospekt, 2023. P. 155–167.

Особенности цифровизации правоприменительной деятельности в государствах англо-американской правовой семьи

Щепотин Алексей Владимирович,

аспирант кафедры теории и истории государства и права
Таганрогского института управления и экономики,
E-mail: tuchman@bk.ru

Цель: Выявить особенности цифровизации правоприменительной деятельности в государствах англо-американской правовой семьи, определить достигнутые технические возможности формализации и скорости реализации общественных отношений в сфере правосудия, предложить меры по усовершенствованию правового регулирования цифровизации российского правосудия. Методы: Формально-логический, структурно-функциональный и сравнительно-правовой методы анализа процесса цифровизации правосудия. Результаты: Исследование аналитических правовых систем англо-американского типа приводит к выводу, что они могут быть направлены не только на выявление правовых особенностей той или иной ситуации, не только для построения правовой позиции по юридическому делу, но и в целях психологического (в том числе нейротекстового) манипулирования лицами, принимающими решения, на процессуальные злоупотребления сторонами по делу. Выводы: исключить попытки нейролингвистического манипулирования судом возможно путём запрета на указание в российских базах судебных актов фамилии и иных персональных данных судей, принимающих решение по публикуемому делу – тем более, что судебные акты принимаются именем Российской Федерации. Однако это решение не распространяется на бихевиористский анализ поведения судей, который, возможно, составит проблему вследствие распространения видеоконференцсвязи.

Ключевые слова: правосудие, англо-американская правовая семья, цифровизация правосудия, электронное судопроизводство, процессуальная форма, цифровая форма судопроизводства

Введение

По наблюдениям специалистов последнего десятилетия, цифровизация правоприменения в государствах англо-американской правовой семьи – с одной стороны и романо-германской – с другой – пошла различными путями. Если для романо-германской правовой семьи она выражается в использовании информационно-телекоммуникационных технологий в судопроизводстве, то в англо-американской правовой семье речь идет о более широких явлениях: электронной демократии, электронном государстве и электронном правосудии. Актуальным в этой связи является анализ тенденций, характерных для цифровизации англо-американского правосудия, угроз и вызовов, с которыми оно сталкивается в процессе цифровизации, а также формулирование рекомендаций, позволяющих ответить на связанные с этим процессом новые вызовы.

Научная значимость публикации обусловлена выявленными научными проблемами, едиными для судебного процесса, которые до сих пор не ставились в российской теории процессуального права, а также сформулированными по некоторым из них предложениями.

Литературный обзор

Концептуальные основы цифровизации судопроизводства и правосудия – к настоящему времени уже заложены в серии недавних работ С.В. Васильковой [1], Ю.А. Кондюриной [1], Т.А. Топилиной [1]. Именно с них в российской науке началось формирование модели новой – цифровой формы судопроизводства и правосудия. В то же время модель цифровизации, как она представлена в этих работах, не выглядит ни всеохватывающей, ни бесспорной. Во-первых, российская наука до сих пор решает проблему цифровизации средств доказывания [4], а цифровизация правосудия – отождествляется с цифровизацией судебного делопроизводства, судопроизводства и его процессуальной формы (А.В. Аносов [5]). Смешение электронного судопроизводства как метода выполнения процессуальных действий и электронного правосудия как квалификационного алгоритма применения объективного права к разрешаемой в суде индивидуальной правовой ситуации – приводит и к смешению или к подмене самого предмета исследования: правореализационных (в частности, цифровая форма обращений к суду и цифровая форма доказывания [1, с. 6]) вопросов – с одной стороны и правоприменительных (программный анализ big dates) – с другой.

В наиболее точном на настоящий момент определении, данный термин («e-Justice») отражает одну из письменных – электронно-цифровую форму фиксации отношений между лицами, участвующими в судебном процессе. Он распространяется как на способы закрепления информации по судебному делу, так и на способы оформления взаимодействия (коммуникации) между участниками процесса. Иначе говоря, речь идет не о форме правосудия (под которым традиционно понимается определенный вид судебных процедур – гражданской, уголовной, административной), а о форме фиксации этих судебных процедур.

По мнению Е.Ю. Авербаха, «сущность рассматриваемой правовой категории остается неизменной. Правосудие представляет собой особый вид государственной деятельности, сущность которой состоит в рассмотрении и разрешении судами дел в соответствии прежде всего с принципами и нормами права, содержащимися в единой системе форм международного и национального права, реализуемых в государстве с целью защиты нарушенных или оспоренных прав, свобод и правых интересов лиц, участвующих и не участвующих в конкретном деле. О дифференциации можно говорить только применительно к форме осуществления правосудия, к различному процессуальному порядку рассмотрения определенных категорий дел. Следовательно, электронное правосудие представляет собой электронную форму осуществления правосудия» [6, с. 231–232]. Думается, с данным суждением можно согласиться лишь при условии, что речь идет именно о способе фиксации правосудия, а не о «форме осуществления», поскольку электронные (цифровые) средства лишь фиксируют эту деятельность, а не придают ей какую-то особую, отличную от традиционных видов судопроизводства, форму.

Однако и такой подход, как отмечалось выше, не учитывает возможностей искусственного интеллекта, который, действительно, способен создать новую «форму» правосудия, т.е. новый способ вынесения (а не фиксации) судебных решений.

Как и всю деятельность суда, судебную деятельность в цифровой форме возможно разделить на два вида: процессуальная деятельность, осуществляемая на основе цифровых технологий, и внепроцессуальная, организационная деятельность судов (архивное дело, взаимодействие с заявителями по внепроцессуальным вопросам, оформление в рамках судебного органа служебных и трудовых отношений, распределение дел между судьями, административно-хозяйственные решения председателя суда и т.д.), которая также может быть сведена к цифровым технологиям в рамках судебного органа как хозяйствующего субъекта. Вся организационная деятельность суда, разумеется, направлена на главную цель – обеспечить наиболее благоприятные условия для отправления правосудия (властной деятельности судьи в процессе), но непосредственно к электронному

правосудию этот второй вид судебной деятельности отнесен быть не может.

Материалы и методы

Приоритет проблем цифровизации правоприменения вызван одновременно несколькими факторами: как нарастанием правоприменительного (судебного) материала, для систематизации которого уже недостаточно таких электронных баз, как «КонсультантПлюс» или «Гарант», так и развитием самих цифровых технологий, достигших уровня создания «самообучающихся» программ, т.е. программ, учитывающих вновь возникающие факты для оценки как ранее заложенных в нее, так и последующих фактов, или «искусственного интеллекта».

Речь идет о новых возможностях поиска судебных актов и далее – прогнозирования правоприменительных решений – на основе юридического контента решений, уже состоявшихся. Именно юридический контент стал основой для исследований, проведенных в американской корпорации Ravel Law (ныне это корпорация «LexisNexis»). Так как поиск велся в рамках англо-американской правовой семьи, был взят юридический контент из текстов общего права. В них были выявлены цитаты, стандартные фразеологические обороты, профессиональные формулировки, в том числе сленговые (textual patterns), рассуждения судей Верховного Суда США и иных судей (judges opinions). Впоследствии система сама начала выявлять стандартные юридические формулировки, понятия, профессиональные обороты и иные textual patterns.

Особенный упор делался на аргументацию, т.е. мотивационную часть судебных актов, что позволило выявить, какими наиболее типичными формулировками тот или иной судья обосновывает свои решения, а значит – какой язык (лексика и фразеология) убедителен для того или иного судьи (отсюда и последнее из названий программы – «Context in Lexis Advance», т.е. «контекст в правовом предвидении»). Для примера компания предлагает перечень дел из округа одного из техасских судей – Нэнси Фридмен, причем читателю компанией (посредством применения искусственного интеллекта) предлагается «понять поведение правосудия и судебные тренды» (Contextualize your understanding of the judge or court with views of the underlying list of cases) [7], «заговорить языком судьи» в исковом заявлении и т.п.

Аналитические системы, собирающие, систематизирующие и использующие «околоюридическую» информацию, могут быть как вновь созданными, так и достаточно долго существующими. Так, достаточно давно известная программа (правообладатель – Westlaw) – до сих пор рассматривалась как типичная СПС с набором нормативных правовых актов, судебных актов и комментариев (всего – порядка 4 млн позиций, собранные за 2 века английского правоприменения) [8]. Однако в одном из английских источников вдруг обнаруживается, что программа приняла на себя новые, нетрадици-

онные для обычной справочной правовой системы функции. В нём, в частности, указывается, что совершенные аналитические технологии («better analytical technology»), в том числе – «естественный язык юридической процедуры» («Natural Language Processing (NLP)», наряду с машинным обучением (речь идет об искусственном интеллекте) – позволят пользователю таких технологий выявить «*nuances in legal opinions and judges' behaviours*» [9], и если для российской правовой системы выявление «нюансов юридических заключений» еще можно признать приемлемым, то изучение «нюансов», или поведенческих особенностей судей – нельзя признать ничем иным, как приготовлением к злоупотреблению процессуальным правом. Уровень опасности, которую представляют собой такие программы, станет еще более ясен, если учитывать распространение судебных заседаний по видеоконференцсвязи, позволяющей сначала фиксировать поведенческие особенности конкретного судьи, а затем – проводить их машинный анализ.

Одна из наиболее «заточенных» на победу в судебном споре справочных систем – Legal Analytics Platform. Идея данной системы – не столько поиск аналогичных спорному случаю прецедентов, сколько построение победной модели по индивидуальным, личностным особенностям представителей судебного спора и должностных лиц суда. На сайте разработчика утверждается, что «анализ юристов с помощью искусственного интеллекта преобразуют исходные юридические документы в исчерпывающие наборы данных, заполняя пробелы в судебных протоколах и предоставляя уникальную информацию о делах, которую вы больше нигде не найдете» [10]. В эту систему, как описывает ее разработчик, включены три группы сведений: «Опыт адвоката процессуального противника с конкретными судьями и инстанциями; список клиентов адвоката процессуального противника; какие юридические фирмы имеют наибольший опыт противостояния адвокату процессуального противника». Например, третья из названных позиций позволяет определить, какая юридическая фирма чаще всего побеждала или, наоборот, проигрывала в спорах с адвокатом, представляющим процессуального противника пользователя данной СПС. По размерам исков можно также определить уровень состоятельности клиентов того или иного адвоката, время прохождения аналогичных споров в судебных инстанциях (с участием этого же адвоката) и т.п. Хотя вся эта информация не имеет прямого отношения к правовому или доказательственному существу рассматриваемого спора, в своих больших объемах (разработчик данной СПС – Lex Machina, правообладатель – LexisNexis), в систематизированном виде – она оказалась востребована американской юридической практикой.

В то же время, цифровизация правоприменительной деятельности в англо-американской правовой семье показывает позитивный эффект во многих отдельных отраслях законодательства. Так, совершенно новое качество приобрел учет

земельных участков в США. Зондирование Земли с орбит космических спутников, которые стали неотъемлемой частью эколого-правовых технологий и технологий природопользования – с одной стороны и современные программно-вычислительные возможности, позволяющие построить уже не только топографический план земельного участка, но и голограмму местности (что особенно значимо для сложных земельных участков) – позволяют в настоящее время создавать такие программные комплексы и базы данных, которые позволяют реализовать одновременно несколько правоприменительных целей. В частности, наиболее типичен для англо-американских государств такой информационно-программный комплекс, как база данных о недвижимости, основанная на регистрационной системе Торренса. Он способен охватывать не только сведения о земельных участках, их границах, размерах и правовом режиме, но и все их физические и юридические характеристики, включая оценочную стоимость, особенности налогообложения, ограничения отчуждения (обременения) и субъектов владения и пользования (в частности, залоги и сервитуты, публичные права, иные права пользования).

Исключение из англо-американских систем учета недвижимости составляет Канада, которая «отличается отсутствием единой системы регистрации в масштабах страны, что связана с ходом колонизации земель европейцами. Регистрация прав на недвижимость в Канаде считается компетенцией провинции. Каждая провинция имеет собственную систему регистрации на базе местных органов власти, которая отражает исторические условия данной провинции. Например, в Восточной Канаде системы регистрации базируются на регистрации документов. В провинции Онтарио, на ее восточной стороне действует регистрация документов, а в западной – регистрация прав» [11, с. 93].

Например, как сообщают некоторые специалисты, в США реестр недвижимости (охватывающий все объекты, которые законодательство США относит к этой категории вещей) насчитывает 485 характеристик (сведений о земельном участке), которые хранятся в нем в отношении каждого из внесенных в этот реестр объектов [11, с. 93]. В число объектов, которые способен охватить единый реестр недвижимости, могут быть включены не только земельные участки или созданные человеком объекты (здания, строения, сооружения), но и лесные объекты, водные объекты и т.д. Иначе говоря, учетные данные в настоящее время могут быть интегрированы в одной программе с регистрационными данными и в совокупности отражать динамику (актуализироваться) в режиме реального времени всех сделок с недвижимостью или перехода прав на нее, что также стало возможным с развитием цифровизации правоприменения.

Развитие реестровых (статических) форм и их совмещение (интеграция) с регистрационными (динамическими) формами наиболее позитивным

образом отразилось на недвижимости, но не ограничилось именно этим комплексом объектов.

Нельзя не учесть, что информационно-цифровое (фактически – реестровое, с соответствующим анализом динамики данных) закрепление получили гражданские реестры, реестры юридических лиц (в частности, такой реестр ведется Великобританией с нулевых годов нашего века – по Закону о компаниях 2006).

В электронно-цифровую форму сведено в англо-американских странах и все взаимодействие участников рынка ценных бумаг. Практически все отношения (эмиссия ценных бумаг, деятельность депозитариев и регистраторов ценных бумаг, биржевая торговля эмиссионными ценными бумагами), связанные с выпуском в обращение, хранением и оборотом ценных бумаг, а равно правоприменительные отношения, связанные с контролирующей деятельностью Федеральной комиссии США по ценным бумагам – оформляются посредством цифровых документов и передаются в электронной форме по сетям «Интернет».

Как сообщает другой автор, в США «наиболее поздняя информация о патентах и товарных знаках имеет вид базы данных, публичный доступ к которой осуществляется только через сеть Интернет. На сайте Бюро по патентам и товарным знакам Министерства торговли США информация о большинстве патентов, зарегистрированных после 1976 г., доступна в виде полнотекстовых файлов, содержащих заявку на выдачу патента, относящуюся к ней корреспонденцию, описание объекта интеллектуальных прав и копии чертежей, уведомления о предъявленных через федеральные суды исках и другую информацию» [12, с. 78].

Расширяется государственный учет в форме открытых для публичного доступа реестров и в отношении товаров, ограниченных в обороте и лиц, торгующих такими товарами. Специалисты отмечают расширение ведения реестров лицензированных продавцов и лекарственных средств в зарубежных государствах. А.В. Егорова отмечает, что электронный заказ и последующая дистанционная отправка рецептурного лекарства в США и Швейцарии возможен, поскольку стало возможным удостоверение подлинности рецептов, выданных в электронной форме [13, с. 47].

Электронную форму приобретает и учет в праве социального обеспечения. Так, «в Австралии в 2011 г. Департаменту социального обеспечения было поручено осуществить интеграцию информационных систем социальной защиты; процесс интеграции произошел в 2012–2013 гг.» [14, с. 32]. Показательно, что в США, где по состоянию на 2015 год действовало в общей сложности 159 мер социальной поддержки федерального уровня [14, с. 29], уже создан единый реестр получателей таких мер, тогда как в России, где на данный момент (также на федеральном уровне) существует порядка 700 мер социальной поддержки, единый реестр мер социальной поддержки заработал в полной мере лишь с 2024 года [15].

Результаты

В целом можно заключить, что в правоприменительной деятельности англо-американских государств практически не осталось сфер деятельности, не систематизированных в электронно-цифровой форме. При этом речь идет не только о судебном, но и вообще о всем правоприменении. Так, М.К. Кулава еще в 2018 г. сообщала о формировании реестров и системы электронного взаимодействия государственных служб и частных исполнителей (приставов-исполнителей) в США, с доступом частных приставов-исполнителей ко всем реестрам, необходимым для исполнения вынесенного судебного акта [16]. Таким образом, цифровизация, т.е. перевод документов в цифровую форму и рост электронного документооборота происходит не только в сфере судопроизводства и адвокатуры, но и в сфере исполнительного производства.

Обсуждение

Следующий ожидаемый шаг, который, как предполагается, должна сделать правовая система США после 2024 года – введение в существующие реестры технологии распределенных баз данных – блокчейн. Очевидно, наиболее актуальна постановка этого вопроса в сфере, наиболее социально-значимой для США – финансовой. В частности, Т.В. Чадаева сообщает, что единого понимания необходимости использования данной технологии у монетарных властей США нет [17, с. 242]. Действительно, можно утверждать, что использование технологии распределенного реестра (блокчейна) для создания криптовалют, подобных биткойну – пример неудачного применения удачной и передовой технологии. Однако потребность в ее более корректном применении очевидна: рост числа безналичных операций и объемов переводимых денежных средств (транзакций) – ставят вопрос о снижении комиссий, повышении скорости этих операций. Поэтому, по мнению Федерального казначейства США и Федерального агентства по страхованию вкладов, применение на основе технологии блокчейн не криптовалют, а стейблкоинов (по определению Казначейства США – «цифровые активы, предназначенные для поддержания стабильной стоимости относительно национальной валюты и других активов» [18]) – позволило бы повысить домохозяйствам с небольшими доходами доступность финансовых услуг, т.е. в национальном масштабе вовлечь их в безналичный денежный оборот.

Заключение

Исследование позволяет заключить, что аналитические правовые системы следует рассматривать как «палку о двух концах»: с одной стороны, почти бесспорна целесообразность их распространения в правосудии, с другой – требуется осторожность при опубликовании их индивидуально-правоприменительного содержания: необходимо

исключить возможность процессуальных злоупотреблений сторон посредством психологического (в том числе нейротекстового) воздействия на лиц, отправляющих правосудие. В частности, исключить попытки нейролингвистического манипулирования судом возможно путём запрета на указание в российских базах судебных актов фамилии и иных персональных данных судей, принимающих решение по публикуемому делу – тем более, что судебные акты принимаются именем Российской Федерации.

Литература

1. Василькова С.В. Электронное правосудие в цивилистическом процессе: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Василькова Светлана Витальевна. – Санкт-Петербург, 2018. – 251 с.
2. Кондюрина Ю.А. Принципы цивилистического процесса в системе электронного правосудия: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.15 / Кондюрина Юлия Алексеевна. – Омск, 2020. – 197 с.
3. Топилина Т.А. Доступ к правосудию в уголовном судопроизводстве в условиях развития цифровых технологий: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Топилина Татьяна Аркадьевна. – Москва, 2021. – 285 с.
4. Зазулин А.И. Правовые и методологические основы использования цифровой информации в доказывании по уголовному делу: автореф. ... канд. юрид. наук: 12.00.09 / Зазулин Анатолий Игоревич. – Екатеринбург, 2018. 32 с.
5. Аносов А.В. Информационно-правовые вопросы формирования электронного правосудия в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.13 / Аносов Александр Владимирович. – Москва, 2016. – 179 с.
6. Авербах Е.Ю. Проблемы развития электронного правосудия в Российской Федерации // Вестник молодых ученых СГЭУ. 2016. № 1 (33). СГЭУ. С. 231–232.
7. LexisNexis: [сайт]. – URL: <https://www.lexisnexis.com/en-us/products/lexis-plus/litigation-analytics.page> (дата обращения: 30.06.2025)
8. Public Access to Court Electronic Records. – Текст: электронный // PACER: [сайт]. – URL: <https://pacer.uscourts.gov> (дата обращения: 29.06.2025)
9. Westlaw UK: The leading legal research service. – Текст электронный // Westlaw: [сайт]. – URL: <https://legalsolutions.thomsonreuters.co.uk/en/products-services/westlaw-uk.html> (дата обращения: 29.06.2025)
10. Litigation World Reviews Lex Machina's Legal Analytics Platform. – Текст электронный // Legal Analytics Platform: [сайт]. – URL: <https://lexmachina.com/legal-analytics/> (дата обращения: 29.06.2025)
11. Жуков В.Д. Кадастр недвижимости за рубежом / В.Д. Жуков, А.И. Джигоева // Современные проблемы и перспективы развития земельно-имущественных отношений. – Краснодар: Кубанский государственный аграрный университет им. И.Т. Трубилина, 2022. – С. 91–94.
12. Гаева Я.А. Обзор правового регулирования в сфере учета и коммерциализации патентных прав США / Я.А. Гаева // Вестник университета имени О.Е. Кутафина. – 2017. – № 6. – С. 76–82.
13. Егорова А.В. Актуальные проблемы законодательства в отношении дистанционной продажи лекарственных аппаратов на территории РФ / А.В. Егорова // Современная организация лекарственного обеспечения. – 2021. – № 1. – С. 46–49.
14. Феоктистова О.А. Зарубежный опыт использования «Единого реестра получателей социальной помощи» и перспективы создания такого реестра в России / О.А. Феоктистова, Е.И. Андреева, Т.В. Фокина // Бухгалтерский учет в бюджетных и некоммерческих организациях. – 2016. – № 18. – С. 29–39.
15. О государственной информационной системе «Единая централизованная цифровая платформа в социальной сфере: Постановление Правительства РФ от 29.12.2023 № 2386 (ред. от 03.12.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_466604/ (дата обращения: 20.03.2025)
16. Kulava M.K. State-level management of interaction of bodies of state executive Service and private bailiffs: the international experience / M.K. Kulava // Публічне урядування. – 2018. – № 5. – С. 109–119.
17. Чадаева Т.В. Особенности интеграции стейбл-койнов в банковскую систему США / Т.Г. Чадаева // Актуальные направления научных исследований: перспективы развития. – Чебоксары: ООО «Центр научного сотрудничества «Интерактив плюс»», 2022. – 241–245.
18. Домашние долговые активы. – Текст: электронный // Казначейство США: [официальный сайт]. – URL: https://home.treasury.gov/system/files/136/Stable_CoinReport_Nov1_508.pdf (дата обращения: 30.06.2025)

FEATURES OF DIGITALIZATION OF LAW ENFORCEMENT ACTIVITIES IN THE STATES OF THE ANGLO-AMERICAN LEGAL FAMILY

Schepotin A.V.

Taganrog Institute of Management and Economics

Objective: To identify the features of digitalization of law enforcement activities in the states of the Anglo-American legal family, to determine the achieved technical capabilities of formalization and the speed of implementation of public relations in the sphere of justice, to propose measures to improve the legal regulation of the digitalization of Russian justice. Methods: Formal-logical, structural-functional and comparative-legal methods of analyzing the process of digitalization of justice. Results: The study of analytical legal systems of the Anglo-American type leads to the conclusion that they can be aimed not only at identifying the legal features of a particular situation, not only for building a legal position on a legal case, but also for the purposes of psychological (including neurotextual) manipulation of decision-makers, on procedural abuses by the parties to the case. Conclusions: it is possible to exclude attempts at neurolinguistic manipulation of the court by prohibiting the indication of the names and other personal data of judges making a decision on

the published case in Russian databases of judicial acts – especially since judicial acts are adopted in the name of the Russian Federation. However, this decision does not apply to behavioral analysis of judicial behavior, which may become a problem due to the spread of videoconferencing.

Keywords: justice, Anglo-American legal family, digitalization of justice, electronic legal proceedings, procedural form, digital form of legal proceedings

References

1. Vasilkova S.V. Electronic justice in the civil process: dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.15 / Vasilkova Svetlana Vitalievna. – St. Petersburg, 2018. – 251 p.
2. Kondyurina Yu.A. Principles of the civil process in the electronic justice system: dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.15 / Kondyurina Yulia Alekseevna. – Omsk, 2020. – 197 p.
3. Topilina T.A. Access to justice in criminal proceedings in the context of the development of digital technologies: dis. ... candidate of legal sciences: 12.00.09 / Topilina Tatyana Arkadyevna. – Moscow, 2021. – 285 p.
4. Zazulin A.I. Legal and methodological foundations for using digital information in evidence in a criminal case: author's abstr. ... Cand. of Law: 12.00.09 / Zazulin Anatoly Igorevich. – Yekaterinburg, 2018. 32 p.
5. Anosov AV Information and legal issues of forming electronic justice in the Russian Federation: diss. ... Cand. of Law: 12.00.13 / Anosov Alexander Vladimirovich. – Moscow, 2016. – 179 p.
6. Averbakh E. Yu. Problems of developing electronic justice in the Russian Federation // Bulletin of young scientists of SSEU. 2016. No. 1 (33). SSEU. P. 231–232.
7. LexisNexis: [website]. – URL: <https://www.lexisnexis.com/en-us/products/lexis-plus/litigation-analytics.page> (date of access: 30.06.2025)
8. Public Access to Court Electronic Records. – Text: electronic // PACER: [site]. – URL: <https://pacer.uscourts.gov> (date of access: 29.06.2025)
9. Westlaw UK: The leading legal research service. – Text electronic // Westlaw: [site]. – URL: <https://legalsolutions.thomson-reuters.co.uk/en/products-services/westlaw-uk.html> (date of access: 29.06.2025)
10. Litigation World Reviews Lex Machina's Legal Analytics Platform. – Text electronic // Legal Analytics Platform: [site]. – URL: <https://lexmachina.com/legal-analytics/> (date accessed: 29.06.2025)
11. Zhukov V.D. Real estate cadastre abroad / V.D. Zhukov, A.I. Dzhioeva // Modern problems and prospects for the development of land and property relations. – Krasnodar: Kuban State Agrarian University named after I.T. Trubilin, 2022. – Pp. 91–94.
12. Gaeva Ya.A. Review of legal regulation in the field of accounting and commercialization of US patent rights / Ya.A. Gaeva // Bulletin of the University named after O.E. Kutafin. – 2017. – No. 6. – Pp. 76–82.
13. Egorova A.V. Actual problems of legislation regarding the remote sale of medicinal devices on the territory of the Russian Federation / A.V. Egorova // Modern organization of drug provision. – 2021. – No. 1. – P. 46–49.
14. Feoktistova O.A. Foreign experience of using the “Unified Register of Recipients of Social Assistance” and prospects for creating such a register in Russia / O.A. Feoktistova, E.I. Andreeva, T.V. Fokina // Accounting in budgetary and non-profit organizations. – 2016. – No. 18. – P. 29–39.
15. On the state information system “Unified centralized digital platform in the social sphere: Resolution of the Government of the Russian Federation of 29.12.2023 No. 2386 (as amended on 03.12.2024) // URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_466604/ (date of access: 20.03.2025)
16. Kulava M.K. State-level management of interaction of bodies of state executive Service and private bailiffs: the international experience / M.K. Kulava // Public administration. – 2018. – No. 5. – P. 109–119.
17. Chadayeva T.V. Features of the integration of stablecoins into the US banking system / T.G. Chadayeva // Current areas of scientific research: development prospects. – Cheboksary: OOO “Center for Scientific Cooperation “Interactive Plus”, 2022. – 241–245.
18. Household debt assets. – Text: electronic // US Treasury: [official website]. – URL: https://home.treasury.gov/system/files/136/StableCoinReport_Nov1_508.pdf (date accessed: 06/30/2025)

Трудовая миграция как объект государственного управления: административно-правовые аспекты

Хабдулин Арман Баймурзаевич,

аспирант Омского государственного университета
им. Ф.М. Достоевского

В статье рассматривается трудовая миграция как сложный объект государственного управления. Анализируются различные подходы к определению понятия «трудовая миграция», ее классификация и признаки. Исследуются положительные и отрицательные аспекты трудовой миграции для стран-доноров и стран-реципиентов. Особое внимание уделяется анализу миграционной политики Республики Казахстан, ее целям, задачам и принципам. Выявляются существующие просчеты в государственной системе управления трудовой миграцией в Казахстане и предлагаются пути их устранения.

Ключевые слова: трудовая миграция, государственное управление, административно-правовые отношения, миграционная политика, Республика Казахстан, классификация миграции, проблемы миграции.

Введение

Трудовая миграция представляет собой одно из ключевых социально-экономических и демографических явлений современности, оказывающее существенное влияние на развитие как стран-доноров, так и стран-реципиентов. В условиях глобализации и динамичных изменений на мировом рынке труда, государственное управление трудовой миграцией становится стратегически важной задачей. Эффективность регулирования миграционных потоков напрямую влияет на национальную безопасность, экономический рост, социальную стабильность и формирование рынка труда.

Несмотря на возрастающую актуальность проблемы, в юридической и научной литературе до сих пор отсутствует единый подход к определению и систематизации понятия «трудовая миграция», что затрудняет выработку унифицированных механизмов управления. Целью настоящей статьи является комплексный анализ трудовой миграции как объекта государственного управления, рассмотрение административно-правовых отношений в данной сфере, выявление особенностей миграционной политики Республики Казахстан и определение направлений ее оптимизации.

Понятие, признаки и классификация трудовой миграции

Трудовая миграция в законодательстве Республики Казахстан трактуется согласно Закону № 477-IV «О миграции населения» от 22.07.2011 г. как временное передвижение физических лиц между государствами (в Республику Казахстан и за ее пределы) либо внутри страны с целью осуществления трудовой деятельности [1]. Научное сообщество, однако, не выработало консенсуса относительно данной дефиниции, что отражено в работах М.В. Ерохина [2] и А.Н. Рыжковой [3].

Академическая литература демонстрирует разнообразие интерпретаций понятия трудовой миграции. А.Ю. Лукьянова формулирует данный феномен как перемещение населения между административно-территориальными единицами с различной периодичностью внутри государства или за его границами, сопровождающееся реализацией трудовых функций мигрантов на рынке труда [4]. В исследованиях Ж.А. Зайончковской акцентируется временный характер миграционных процессов с последующей репатриацией на изначальное место проживания [5]. Концепция И.С. Масловой рассматривает трудовую миграцию через

призму объективных процессов, обусловленных эволюцией производственных взаимоотношений [6]. С.В. Рязанцев фокусируется на временных перемещениях людей для трудоустройства в иных регионах или странах, вне зависимости от методов и правомерности пересечения государственных границ [7]. В трактовке С.Д. Степакова трудовая миграция представлена как выезд гражданина с территории своего государства на территорию иностранного государства для осуществления профессиональной деятельности [8].

По нашему мнению, наиболее исчерпывающее определение предложено А.Н. Рыжковой, характеризующей трудовую миграцию как общественный процесс, при котором субъект миграционной активности осуществляет перемещение через границу внутри страны либо за ее пределы, покидая постоянное место пребывания по определенным мотивам, заключает трудовой или гражданско-правовой договор с работодателем для реализации личных целей в рамках установленных принимающим государством процедур и временных ограничений [9].

В своих исследованиях А.Н. Рыжкова выделяет комплекс существенных признаков трудовой миграции [10]. Первостепенным признаком выступает фактическое перемещение трудового мигранта из исходной локации в новую, что может происходить как внутри государственных границ, так и с их пересечением. Вторым значимым аспектом служит необходимость соблюдения регистрационных процедур, регламентированных законодательством принимающей страны. Третий признак заключается в наличии четко обозначенных временных рамок пребывания мигранта на территории государства трудоустройства, что принципиально отличает данный феномен от окончательной смены постоянного места жительства. Четвертым критерием выступает обязательное наличие конкретных причин и целевых установок перемещения, непосредственно связанных с осуществлением трудовой деятельности. Пятый признак предполагает формирование юридически оформленных трудовых взаимоотношений между мигрантом и нанимателем, что обеспечивает легитимность пребывания и профессиональной активности мигранта.

Классификация трудовой миграции реализуется на основе многообразных критериев. А.Ф. Попова разработала типологию, базирующуюся на социологических и демографических аспектах [11, 12]. Исследователь дифференцирует миграционные процессы по видовой принадлежности, выделяя внутреннюю, протекающую в пределах одного государства, и внешнюю, предполагающую международное перемещение. Типологическое разделение включает возвратную миграцию с последующим возвращением на исходную территорию и невозвратную, характеризующуюся отсутствием репатриации. Формальная классификация предусматривает организованную миграцию, осуществляемую в рамках установленных процедур, и неорганизованную, происходящую вне ре-

гламентированных механизмов. Причинный фактор позволяет выделить добровольную миграцию, основанную на свободном волеизъявлении, и вынужденную, обусловленную внешними обстоятельствами.

В.О. Галуева предлагает расширенную классификационную модель [13]. Автор рассматривает типологию через призму пересечения границ, разграничивая внутреннюю и внешнюю миграцию. Причинная обусловленность позволяет идентифицировать добровольную и вынужденную формы перемещения. Временной критерий дифференцирует возвратную миграцию с последующим возвращением и безвозвратную, предполагающую постоянное пребывание. Частотная характеристика выделяет регулярную миграцию с систематическими перемещениями и нерегулярную, лишенную периодичности. Степень государственного участия определяет регулируемую миграцию, подверженную административному контролю, и нерегулируемую, развивающуюся автономно. Правовой аспект разграничивает законную миграцию, соответствующую нормативным требованиям, и незаконную, нарушающую правовые предписания.

А.Н. Рыжкова представила комплексную классификацию трудовой миграции [14]. Пространственный критерий позволяет выделить внутреннюю миграцию и внешнюю, подразделяющуюся на межконтинентальную и внутриконтинентальную. Временная продолжительность дифференцирует постоянную миграцию, носящую безвозвратный характер, и временную, включающую возвратную, краткосрочную и долгосрочную формы. Краткосрочная миграция подразделяется на регулярную, охватывающую маятниковых, приграничных и вахтовых мигрантов, и нерегулярную, представленную сезонными и челночными мигрантами. Волевой компонент разграничивает добровольную и вынужденную миграцию. Причинная обусловленность выделяет социокультурные, жилищно-бытовые, экологические, природно-климатические и иные факторы миграции. Государственное регулирование позволяет идентифицировать регулируемую и нерегулируемую миграцию. Структурные признаки включают возрастные, гендерные, этнические, семейные, образовательные, квалификационные, темпоральные, территориальные и гражданские характеристики. Квалификационный уровень дифференцирует миграцию квалифицированной и неквалифицированной рабочей силы. Экономическая целесообразность определяет выгодность миграции для региона выезда или для самого мигранта. Правовой статус разграничивает легальную и нелегальную миграцию.

А.Ф. Попова разрабатывает классификацию трудовой миграции, основываясь на юридическом аспекте, который, по мнению исследователя, «отражает степень воздействия миграционных процессов на государственные институты и общественную структуру, определяя сущностные характеристики правовых механизмов регулирования данного феномена» [15, 16].

Рассматривая правовые причины миграционной активности, автор выделяет добровольную миграцию, базирующуюся на свободном волеизъявлении субъекта, и вынужденную, обусловленную внешними обстоятельствами, ограничивающими свободу выбора. Юридическая значимость факторов позволяет дифференцировать массовую миграцию, охватывающую значительные группы населения, групповую, затрагивающую ограниченные социальные общности, и индивидуальную, касающуюся отдельных субъектов. Правовое содержание миграционных процессов разграничивает внутреннюю миграцию, имеющую преимущественно социально-экономический характер, внешнюю, связанную с пересечением государственных границ, вынужденную, обусловленную экстраординарными обстоятельствами, и незаконную, противоречащую нормативным предписаниям.

Анализируя правовой статус мигрантов, исследователь выделяет миграцию, влекущую приобретение нового юридического статуса, изменение или реализацию существующего статуса, а также прекращение ранее установленного статуса. Целевая ориентация и последствия миграционных процессов позволяют идентифицировать возвратную миграцию с последующей репатриацией и безвозвратную, предполагающую постоянное пребывание на новой территории.

Отношение к государственным и административным границам дифференцирует внешнюю миграцию, включающую выездную (эмиграцию) и въездную (иммиграцию). Частотная характеристика территориальных перемещений разграничивает регулярную миграцию, носящую систематический характер, и нерегулярную, лишенную периодичности. Правовые основания миграционной активности позволяют выделить законную миграцию, соответствующую нормативным требованиям, и незаконную, нарушающую правовые предписания.

Многоаспектность подходов к концептуализации и типологизации трудовой миграции демонстрирует комплексность и многомерность данного феномена как объекта государственного регулирования и управленческого воздействия.

Положительные и отрицательные аспекты трудовой миграции

Трудовая миграция является противоречивым явлением, имеющим как положительные, так и отрицательные последствия. И.В. Василевская отмечает, что, с одной стороны, она способствует ускорению экономического роста за счет привлечения высокообразованных мигрантов, повышения производительности и конкурентоспособности, а также удовлетворения спроса на низкоквалифицированные работы. С другой стороны, существуют опасения относительно вытеснения местных жителей с рабочих мест, увеличения государственных расходов на социальные нужды, а также риска социальной дисгармонии, роста преступности и распространения наркотиков и терроризма [18].

А.Н. Рыжкова проводит комплексный анализ преимуществ, получаемых странами-донорами трудовых мигрантов [19]. Исследователь отмечает, что государства, из которых происходит миграционный отток, получают возможность частично снизить уровень безработицы на внутреннем рынке труда. Значимым позитивным фактором выступает возвращение работников, обогащенных профессиональным опытом и обладающих повышенной квалификацией, приобретенной в зарубежных условиях. Существенным экономическим преимуществом становится приток денежных переводов от граждан, осуществляющих трудовую деятельность за пределами страны происхождения.

Одновременно автор выявляет негативные последствия для стран-доноров. Ключевой проблемой выступает сокращение трудового потенциала за счет оттока населения преимущественно в наиболее продуктивном трудоспособном возрасте. Экономические потери усугубляются утратой инвестиций, вложенных в общеобразовательную и профессиональную подготовку мигрантов, покидающих национальный рынок труда.

Страны-реципиенты, принимающие трудовых мигрантов, также получают определенные преимущества [19]. Экономическая выгода формируется за счет оптимизации расходов на оплату труда, поскольку иностранные работники зачастую соглашались на более низкий уровень вознаграждения по сравнению с местным населением. Принимающие государства экономят значительные средства на образовательных программах и профессиональной подготовке квалифицированных специалистов, получая готовые трудовые ресурсы. Финансовая нагрузка на социальную сферу снижается, поскольку иностранные работники обычно не включаются в пенсионную систему и не учитываются при реализации большинства социальных программ.

Негативные аспекты для стран-реципиентов также многообразны [19, 20]. Социальная напряженность проявляется в формировании дискриминационных практик по отношению к иностранным гражданам и развитию межнациональной неприязни. Профессиональная проблематика связана с преобладанием низкоквалифицированных работников среди прибывающих мигрантов и необходимостью дополнительных затрат на их обучение и адаптацию. Безопасность общества подвергается риску из-за потенциального ухудшения криминогенной обстановки. Структурные диспропорции рынка труда усиливаются вследствие избыточного предложения рабочей силы в центральных регионах. Экономические потери обусловлены вывозом трудовых доходов мигрантами за пределы принимающей страны.

В.В. Макарова подчеркивает, что **основными проблемами, связанными с трудовым миграционным потоком**, являются [21]:

1. Нелегальная миграция.
2. Обострение криминогенной обстановки.
3. Усложнение эпидемиологической обстановки.

4. Отсутствие регулирования внутренней трудовой миграции.

Таким образом, эффективное государственное управление должно стремиться к минимизации негативных последствий и максимизации положительных эффектов трудовой миграции.

Государственная миграционная политика и ее модели

А.С. Спирин отмечает, что трудовая миграция оказывает существенное влияние на социально-экономическое развитие страны, требуя четкой миграционной политики и отлаженной системы управления миграционными процессами [22]. В.В. Макарова подчеркивает необходимость оптимизации миграционных процессов для формирования рынка труда и создания цивилизованных условий для мигрантов с соблюдением их прав [23]. И.В. Василевская акцентирует внимание на влиянии миграционных потоков на социально-политическое устройство, национальную идентичность, внутригосударственные отношения и человеческий потенциал государства, что делает контроль над миграционными потоками ключевым вопросом миграционной политики [24].

Концептуальное содержание термина «миграционная политика» характеризуется многообразием научных интерпретаций, причем некоторые исследователи отождествляют данное понятие с процессами управления миграционными потоками. Е. Волосенкова, П. Кабаченко и Е. Тарасов формулируют миграционную политику как комплексную систему концептуально согласованных идей и инструментов, получивших признание на управленческом уровне. Посредством данной системы государственные структуры и общественные институты, руководствуясь определенными принципами, соответствующими историческим реалиям конкретной страны, стремятся к достижению целей, релевантных текущему и перспективному этапам общественного развития [26].

Официальная позиция Республики Казахстан относительно целевых ориентиров миграционной политики зафиксирована в разделе 6 Концепции миграционной политики на период 2023–2027 годов. Согласно данному документу, стратегические цели государственной миграционной политики заключаются в формировании эффективных законодательных механизмов регулирования и управления миграционными процессами. Данные механизмы ориентированы на обеспечение приоритетных направлений общегосударственного развития в демографической, экономической, социальной, политической и культурной сферах Республики Казахстан [27].

Законодательство Республики Казахстан в пункте 2 статьи 4 Закона «О миграции населения» устанавливает комплекс основополагающих задач государственной миграционной политики [28]. Приоритетным направлением выступает обеспечение защиты прав и свобод мигрантов, гарантирующее

соблюдение их законных интересов на территории страны. Значимой задачей является организация рационального расселения кандасов, предполагающая оптимальное территориальное распределение репатриантов. Экономическое развитие государства обеспечивается через привлечение высококвалифицированной иностранной рабочей силы, способствующей технологическому и инновационному прогрессу.

Защита внутреннего рынка труда реализуется посредством квотирования, регулирующего количественные параметры трудовой миграции. Стратегической задачей выступает обеспечение интеграции Казахстана в международный рынок труда, расширяющей экономические возможности государства. Превентивное направление представлено развитием сотрудничества с другими государствами для предупреждения конфликтов, потенциально ведущих к массовой миграции населения.

Внутренняя миграционная политика ориентирована на оптимизацию потоков перемещения населения внутри страны, способствующую сбалансированному региональному развитию. Культурно-историческое направление включает поддержку взаимоотношений с бывшими соотечественниками и этническими казахами, проживающими за рубежом. Этнодемографическая задача реализуется через содействие переселению этнических казахов на историческую родину, укрепляющему национальную идентичность. Международно-правовой аспект представлен развитием сотрудничества в сфере регулирования миграционных процессов и противодействия незаконной иммиграции.

А.С. Спирин акцентирует внимание на необходимости применения инструментов государственной политики для минимизации негативных последствий и максимизации положительного эффекта от трудовой миграции [29]. А.Ф. Попова рассматривает государственное управление миграционными процессами через призму обеспечения национальной безопасности и стимулирования социально-экономического развития страны [30]. Анализируя существующую нормативную базу, можно констатировать отсутствие в государственной миграционной политике Республики Казахстан некоторых существенных целевых ориентиров и задач, включая нейтрализацию отрицательных последствий миграционных процессов и усиление их положительного воздействия на социально-экономическую сферу.

В области государственного управления миграционными процессами сформировался спектр концептуальных моделей, отражающих различные подходы к регулированию перемещения населения [31]. Политика изоляции представляет собой наиболее рестриктивную модель, при которой государство полностью ограничивает доступ мигрантов на свою территорию, создавая барьеры для любых форм миграционной активности. Политика сегрегации характеризуется строгой регламентацией пространственного размещения и экономической деятельности мигрантов, когда государство дирек-

тивно определяет допустимые места проживания и хозяйственные ниши для иностранных граждан.

Селективный подход реализуется через политику селекции, при которой государственные институты оценивают «полезность» потенциальных мигрантов, устанавливая преференциальный режим для определенных категорий на основе квалификационных, профессиональных, возрастных или иных критериев. Политика ассимиляции направлена на интеграцию мигрантов в принимающее общество через принудительные или косвенные механизмы, способствующие их адаптации к доминирующей системе ценностей и культурных норм.

Интеграционная модель предполагает двустороннюю работу государства как с мигрантами, так и с коренным населением, ориентированную на формирование толерантного мировоззрения и взаимного уважения культурных различий. Политика мультикультурализма представляет собой наиболее либеральный подход, при котором государство создает условия для сохранения национальной и культурной идентичности мигрантов, признавая ценность культурного многообразия.

И.В. Василевская расширяет типологию миграционной политики, выделяя фундаментальные концептуальные модели [33]. Системная модель рассматривает миграционные процессы как элемент комплексной социальной системы, требующий многоаспектного регулирования. Марксистская концепция интерпретирует миграцию через призму классовых отношений и экономического детерминизма. Плюралистическая модель акцентирует внимание на многообразии интересов различных социальных групп в контексте миграционной политики. Реалистическая концепция фокусируется на обеспечении национальной безопасности и защите государственных интересов. Неокорпоративистская модель предполагает согласование интересов государства, бизнеса и общественных организаций при формировании миграционной политики. Коммуникативная концепция подчеркивает значимость информационного обмена и диалога между всеми участниками миграционных процессов. Каждая из представленных моделей предлагает уникальную методологическую основу для концептуализации и практического регулирования миграционных потоков.

Принципы государственной политики в области миграции населения и проблемы управления

Государственная миграционная политика Республики Казахстан базируется на комплексе фундаментальных принципов, определяющих концептуальные основы регулирования перемещения населения [34]. Гуманитарное измерение политики воплощается в признании и гарантировании прав и свобод мигрантов, что обеспечивает соблюдение международных стандартов и конституционных норм в отношении иностранных граждан на территории страны. Одновременно приоритетное значение придается защите национальных интересов и обеспечению

национальной безопасности, что позволяет минимизировать потенциальные риски, связанные с миграционными процессами.

Сбалансированный подход реализуется через сочетание интересов личности, общества и государства, создавая гармоничную систему взаимоотношений между всеми субъектами миграционных процессов. Административная прозрачность обеспечивается через открытость регулирования миграционных потоков, что способствует снижению коррупционных рисков и повышению эффективности государственного управления в данной сфере.

Методологическая гибкость проявляется в дифференцированном подходе к регулированию различных видов иммиграции, учитывающем специфику трудовой, образовательной, гуманитарной и иных форм миграционной активности. Практическая реализация миграционной политики подкрепляется принципом финансовой обеспеченности соответствующих мероприятий, гарантирующим материальную базу для выполнения государственных программ в миграционной сфере.

Концептуальное признание мобильности как неотъемлемого права человека сопровождается формированием четких и понятных правил перемещения, что создает предсказуемую и транспарентную среду для потенциальных мигрантов и способствует легализации миграционных потоков. Данная система принципов формирует комплексную основу для разработки и реализации эффективной государственной политики в области регулирования миграционных процессов в Республике Казахстан.

В научной литературе выделяется ряд дополнительных принципов, на которых должно строиться государственное управление трудовой миграцией. В.О. Галуева, в частности, называет [35, 36]:

1. **Принцип избирательности:** ориентация на недостающие профессии.
2. **Принцип социальной справедливости:** реализация прав мигрантов без ущемления прав граждан страны.
3. **Принцип гражданского равноправия:** обеспечение прав и законных интересов всех граждан независимо от способа получения гражданства или территории проживания.
4. **Принцип безопасности:** обеспечение национальной безопасности государства.
5. **Принцип научности:** проведение политики при поддержке научных разработок и обобщения опыта.
6. **Принцип законности:** строгое соблюдение норм права.

Критический анализ государственной миграционной политики Республики Казахстан выявляет отсутствие ряда фундаментальных принципов, имеющих существенное значение для эффективного регулирования миграционных процессов. В частности, не получил должного отражения принцип социальной справедливости, обеспечивающий равномерное распределение благ и возможностей между мигрантами и коренным населением. Также не зафиксирован принцип гражданского рав-

ноправия, гарантирующий отсутствие дискриминации по национальному, этническому или иным признакам. Отсутствует принцип научности, предполагающий использование объективных данных и научно обоснованных методов при формировании и реализации миграционной политики.

Институциональная архитектура управления миграционными процессами в Республике Казахстан представлена многоуровневой системой государственных органов. Правительство Республики Казахстан выступает центральным звеном, разрабатывающим стратегические направления миграционной политики и координирующим ее практическую реализацию. Органы внутренних дел осуществляют контрольно-надзорные функции в сфере миграции. Министерство иностранных дел и загранучреждения обеспечивают международно-правовое сопровождение миграционных процессов. Уполномоченный орган по вопросам миграции реализует специализированные функции регулирования миграционных потоков. Органы здравоохранения, образования и национальной безопасности участвуют в управлении миграцией в рамках своей компетенции. Местные исполнительные органы обеспечивают практическую реализацию миграционной политики на территориальном уровне.

А.И. Бардаков выявляет комплекс системных недостатков в организационной структуре государственного управления миграционными процессами [37]. Исследователь отмечает неспособность государственных институтов эффективно организовывать биотические и культурные взаимосвязи мигрантов, поскольку данная сфера находится за пределами формальной компетенции государственных структур. Регулятивная и охранительная функции государства не распространяются эффективно на мигрантов из-за концентрации социально-культурных взаимодействий преимущественно в местных сообществах.

Автор указывает на отсутствие у местных сообществ возможности участвовать в распоряжении собственностью, что приводит к формированию инфантильных моделей поведения. Интеграция мигрантов не приобретает устойчивого характера вследствие экономической заинтересованности работодателей в дешевой рабочей силе и тенденции к изоляции миграционных групп властными структурами. Организационные компетенции сконцентрированы преимущественно на центральном и региональном уровнях при недостаточном развитии функционала органов местного самоуправления.

Бардаков подчеркивает, что отсутствие широкой практики самоуправления существенно затрудняет интеграционные процессы в миграционной сфере. Недостаточная разработанность организационных основ жизнедеятельности местных сообществ и дефицит компетентных руководителей на локальном уровне препятствуют эффективному решению миграционных проблем.

В качестве стратегического решения выявленных проблем А.И. Бардаков предлагает оптимизацию соотношения государственного управления и местного самоуправления в реализации миграционной политики [38]. Исследователь акцентирует внимание на том, что успешное управление миграционными процессами неразрывно связано с развитием институтов самоуправления в стране, способных обеспечить эффективную интеграцию мигрантов на локальном уровне.

Заключение

Таким образом, трудовая миграция представляет собой комплексный, многогранный феномен, требующий интегрированного подхода в системе государственного управления. Многообразие научных концепций, касающихся определения и классификации данного явления, свидетельствует о необходимости применения системного и всеобъемлющего регулирования миграционных процессов. Сопоставительный анализ позитивных и негативных аспектов трудовой миграции демонстрирует стратегическую значимость сбалансированной и результативной миграционной политики, ориентированной на оптимизацию преимуществ и минимизацию потенциальных рисков.

Идентифицированные недостатки в миграционной политике Республики Казахстан проявляются в отсутствии четко артикулированных целевых ориентиров по нейтрализации негативных последствий и усилению положительного воздействия трудовой миграции на социально-экономическую сферу. Неполнота принципиальных основ миграционной политики, в частности, отсутствие принципов социальной справедливости, гражданского равноправия и научности, указывает на необходимость концептуального совершенствования нормативно-правовой базы в данной области. Существенные структурно-функциональные дефекты в институциональной архитектуре государственного управления миграционными процессами обуславливают потребность в оптимизации вертикальных и горизонтальных взаимодействий между центральными и территориальными органами власти с активным вовлечением институтов местного самоуправления в реализацию миграционной политики.

Как справедливо отмечают А.С. Спирин [39], К. Коданьоне [40], И.А. Смирнов и И.В. Василевская [41], просчеты в миграционной политике приводят к росту нелегальной миграции и социальной напряженности. Управление миграционными процессами должно учитывать не только экономические, но и культурные, социальные, демографические и геополитические факторы. Развитие межгосударственного сотрудничества, совершенствование правовой базы, усиление информационной работы и повышение ответственности за нарушения миграционного законодательства являются ключевыми направлениями для обеспечения эффективного и сбалансированного государственного управления трудовой миграцией.

Литература

1. Закон Республики Казахстан от 22.07.2011 г. № 477-IV «О миграции населения» // «Казахстанская правда» от 06.08.2011 г., № 247–249 (26668–26670); Ведомости Парламента РК, 2011 г., № 16, ст. 127.
2. Ерохин, М. В. К вопросу о понятии трудовой миграции / М.В. Ерохин // Эпомен. – 2020. – № 43. – С. 24–32. – EDN JNFFPB. С. 26.
3. Рыжкова, А.Н. Понятие и виды трудовой миграции / А.Н. Рыжкова // Молодой ученый. – 2014. – № 21(80). – С. 535–538. – EDN TCVBLZ. С. 535.
4. Лукьянова А.Ю. Внешняя трудовая миграция в Ставропольском крае // Современные проблемы миграции в России: материалы общерос. науч. конф. М., 2003. С. 167.
5. Зайончковская Ж. А. О трудовой миграции // Социальная сфера: проблемы и суждения. М., 2002. С. 21.
6. Маслова И.С. Экономические функции и факторы миграции населения. М., 2003. С. 42.
7. Рязанцев С.В. Трудовая миграция в странах СНГ и Балтии: тенденции, последствия, регулирование. М.: Формула права, 2007.
8. Степаков С.Д. Административно-правовое регулирование трудовой миграции в РФ и странах Европейского союза: сравнительно-правовой анализ: дис... канд. юрид. наук. М., 2010.
9. Рыжкова А.Н. Указ. соч. С. 535–538. URL: <https://moluch.ru/archive/80/14376/> (дата обращения: 19.03.2025).
10. Там же. С. 535–538. URL: <https://moluch.ru/archive/80/14376/> (дата обращения: 19.03.2025).
11. Жеребцов, А.Н. Миграционное право России: учебник для вузов / А.Н. Жеребцов, Е.А. Малышев; под общ. ред. А.Н. Жеребцова. – 2-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2021. – 475 с. С. 22.
12. Попова, А.Ф. Миграция как объект государственного управления / А.Ф. Попова // НАУЧНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ студентов и УЧАЩИХСЯ: сборник статей I Международного научно-исследовательского конкурса. – Пенза, 2018. С. 36–39.
13. Галуева, В.О. Понятие и классификация трудовой миграции как административно-правовой категории / В.О. Галуева // Вестник Самарского государственного университета. – 2013. – № 6(107). – С. 237–242.
14. Рыжкова, А.Н. Указ. соч. С. 535–538. URL: <https://moluch.ru/archive/80/14376/> (дата обращения: 19.03.2025).
15. Жеребцов, А.Н. Указ. соч. С. 22.
16. Попова, А.Ф. Указ. соч. С. 36–39.
17. Макарова, В.В. Незаконная трудовая миграция: проблемы и пути противодействия / В.В. Макарова // Актуальные проблемы права и государства: сборник научных статей. – 2018. – № 2. – С. 234–237.
18. Василевская, И.В. Трудовая миграция в системе государственного управления: социологический аспект / И.В. Василевская // Вестник МГИМО-Университета. – 2017. – № 3(54). – С. 138–150. С. 138.
19. Рыжкова, А.Н. Указ. соч. С. 535–538. URL: <https://moluch.ru/archive/80/14376/> (дата обращения: 19.03.2025).
20. Парикова Н. В., Сигова С.В. Экономические и социальные последствия трудовой миграции // Вестник Псковского государственного университета. Серия: Экономика. Право. Управление. 2015. № 2. С. 15–20.
21. Макарова, В.В. Указ. соч. С. 234–237.
22. Спирин, А.С. Влияние трудовой миграции на социально-экономическое развитие страны / А.С. Спирин // Государственное управление. Электронный вестник. – 2015. – № 50. – С. 272–290. С. 272.
23. Макарова, В.В. Указ. соч. С. 234–237.
24. Василевская, И.В. Указ. соч. С. 138–150.
25. Жеребцов, А.Н. Указ. соч. С. 25.
26. Волосенкова Е., Кабаченко П., Тарасов Е. Миграционная политика: понятие, цели, задачи // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2011. № 6 (83). С. 131–137. С. 132.
27. Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы // Указ Президента Республики Казахстан от 30 декабря 2022 года № 108. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000108> (дата обращения: 19.03.2025).
28. Закон Республики Казахстан от 22.07.2011 г. № 477-IV «О миграции населения» // «Казахстанская правда» от 06.08.2011 г., № 247–249 (26668–26670); Ведомости Парламента РК, 2011 г., № 16, ст. 127.
29. Спирин, А.С. Указ. соч. С. 272–290.
30. Попова, А.Ф. Указ. соч. С. 36–39.
31. Силантьева, В.А. Миграционная политика: модели и принципы / В.А. Силантьева // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология. – 2015. – № 4. – С. 102–111. С. 103.
32. Фарукшин М.Х. Современная западная политическая наука: Учебное пособие. М.: Юрайт, 2012. 352 с. С. 288–290.
33. Василевская, И.В. Указ. соч. С. 138–150. С. 140.
34. Закон Республики Казахстан от 22.07.2011 г. № 477-IV «О миграции населения»; Концепция миграционной политики Республики Казахстан на 2023–2027 годы.
35. Галуева, В.О. Указ. соч. С. 237–242.
36. Там же. С. 237–242.
37. Бардаков, А.И. Проблемы государственного управления миграцией в современной России / А.И. Бардаков // Вестник Восточно-Сибирской открытой академии. – 2015. – № 19. – С. 58–63. С. 60–61.
38. Там же. С. 62.

39. Спирин, А.С. Указ. соч. С. 272–290.
40. Коданьоне К. Управление миграцией в XXI веке: новое поколение миграционной политики // Государственное управление. Электронный вестник. 2016. № 54. С. 274–293. С. 274.
41. Смирнов И.А., Василевская И.В. Международная миграция и безопасность государств // Вестник МГИМО-Университета. 2018. № 3 (60). С. 153–172.

LABOR MIGRATION AS AN OBJECT OF PUBLIC ADMINISTRATION: ADMINISTRATIVE AND LEGAL ASPECTS

Khabdulin A.B.

Omsk State University named after F.M. Dostoevsky

The article considers labor migration as a complex object of public administration. The article analyzes various approaches to the definition of the concept of «labor migration», its classification and characteristics. The positive and negative aspects of labor migration for donor and recipient countries are investigated. Special attention is paid to the analysis of the migration policy of the Republic of Kazakhstan, its goals, objectives and principles. The existing miscalculations in the state labor migration management system in Kazakhstan are identified and ways to eliminate them are proposed.

Keywords: labor migration, public administration, administrative and legal relations, migration policy, Republic of Kazakhstan, migration classification, migration problems.

Referents

1. Law of the Republic of Kazakhstan dated 07/22/2011 No. 477-IV «On Population Migration» // Kazakhstanskaya Pravda dated 08/06/2011, No. 247–249 (26668–26670); Bulletin of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 2011, No. 16, art. 127.
2. Erokhin, M.V. On the concept of labor migration / M.V. Erokhin // Epom. – 2020. – No. 43. – pp. 24–32. – EDN JNFFPB. p. 26.
3. Ryzhkova, A.N. The concept and types of labor migration / A.N. Ryzhkova // Young Scientist. – 2014. – № 21(80). – Pp. 535–538. – EDN TCVBLZ. p. 535.
4. Lukyanova A.Y. External labor migration in the Stavropol territory // Modern problems of migration in Russia: materials of the General Scientific Conference, Moscow, 2003. p. 167.
5. Zayonchkovskaya Zh.A. On labor migration // Social sphere: problems and judgments. Moscow, 2002. P. 21.
6. Maslova I.S. Economic functions and factors of population migration. Moscow, 2003. P. 42.
7. Ryazantsev S.V. Labor migration in the CIS and Baltic countries: trends, consequences, regulation. Moscow: Formula prava, 2007.
8. Stepanov S.D. Administrative and legal regulation of labor migration in the Russian Federation and the countries of the European Union: comparative legal analysis: dis... Candidate of Sciences. jurid. Sciences. Moscow, 2010.
9. Ryzhkova A.N. Decree. soch. pp. 535–538. URL: <https://moluch.ru/archive/80/14376/> (date of access: 03/19/2025).
10. Ibid. pp. 535–538. URL: <https://moluch.ru/archive/80/14376/> (date of reference: 03/19/2025).
11. Zherebtsov, A.N. Migration law of Russia: textbook for universities / A.N. Zherebtsov, E.A. Malyshev; under the general editorship of A.N. Zherebtsov. – 2nd ed., revised and add. Moscow: Yurait Publishing House, 2021. 475 p.p. 22.

12. Popova, A.F. Migration as an object of public administration / A.F. Popova // SCIENTIFIC RESEARCH of students and PUPILS: collection of articles of the I International Scientific Research Competition. Penza, 2018. pp. 36–39.
13. Galueva, V.O. The concept and classification of labor migration as an administrative and legal category / V.O. Galueva // Bulletin of Samara State University. – 2013. – № 6(107). – Pp. 237–242.
14. Ryzhkova, A.N. Decree. op. pp. 535–538. URL: <https://moluch.ru/archive/80/14376/> (date of reference: 03/19/2025).
15. Zherebtsov, A.N. Decree. op. cit.p. 22.
16. Popova, A.F. Decree. op. pp. 36–39.
17. Makarova, V.V. Illegal labor migration: problems and ways to counteract / V.V. Makarova // Current problems of law and the State: collection of scientific articles. – 2018. – No. 2. – pp. 234–237.
18. Vasilevskaya, I.V. Labor migration in the public administration system: a sociological aspect / I.V. Vasilevskaya // Bulletin of MGIMO University. – 2017. – № 3(54). – Pp. 138–150. pp. 138.
19. Ryzhkova, A.N. Decree. op. pp. 535–538. URL: <https://moluch.ru/archive/80/14376/> (date of access: 03/19/2025).
20. Parikova N. V., Sigova S.V. Economic and social consequences of labor migration // Bulletin of Pskov State University. Series: Economics. Right. Management. 2015. No. 2. pp. 15–20.
21. Makarova, V.V. Decree. soch. pp. 234–237.
22. Spirin, A.S. The impact of labor migration on the socio-economic development of the country / A.S. Spirin // Public administration. Electronic Bulletin. 2015. No. 50. pp. 272–290. pp. 272.
23. Makarova, V.V. Decree. op. pp. 234–237.
24. Vasilevskaya, I.V. Decree. op. pp. 138–150.
25. Zherebtsov, A.N. Decree. op. pp. 25.
26. Volosenkova E., Kabachenko P., Tarasov E. Migration policy: concept, goals, objectives // Bulletin of the Saratov State Law Academy. 2011. No. 6 (83). pp. 131–137. Pp. 132.
27. The concept of migration policy of the Republic of Kazakhstan for 2023–2027 // Decree of the President of the Republic of Kazakhstan dated December 30, 2022 No. 108. URL: <https://adilet.zan.kz/rus/docs/U2200000108> (date of request: 03/19/2025).
28. Law of the Republic of Kazakhstan dated 07/22/2011 No. 477-IV «On Population Migration» // Kazakhstanskaya Pravda dated 08/06/2011, No. 247–249 (26668–26670); Vedomosti of the Parliament of the Republic of Kazakhstan, 2011, No. 16, art. 127.
29. Spirin, A.S. Decree. soc. pp. 272–290.
30. Popova, A.F. Decree. op. pp. 36–39.
31. Silantieva, V.A. Migration policy: models and principles / V.A. Silantieva // Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science. 2015. No. 4. pp. 102–111. pp. 103.
32. Farukshin M.H. Modern Western political science: A textbook. Moscow: Yurayt, 2012. 352 p. pp. 288–290.
33. Vasilevskaya, I.V. Decree. soc. pp. 138–150. pp. 140.
34. Law of the Republic of Kazakhstan dated 07/22/2011 No. 477-IV «On population migration»; The concept of migration policy of the Republic of Kazakhstan for 2023–2027.
35. Galueva, V.O. Decree. soch. pp. 237–242.
36. Ibid. pp. 237–242.
37. Bardakov, A.I. Problems of public administration of migration in modern Russia / A.I. Bardakov // Bulletin of the East Siberian Open Academy. – 2015. – No. 19. – P. 58–63. P. 60–61.
38. Ibid. P. 62.
39. Spirin, A.S. Op. cit. P. 272–290.
40. Codagnone K. Migration Management in the 21st Century: New Generation of Migration Policy // Public Administration. Electronic Bulletin. 2016. No. 54. P. 274–293. P. 274.
41. Smirnov I. A., Vasilevskaya I.V. International Migration and State Security // Bulletin of MGIMO-University. 2018. No. 3 (60). pp. 153–172.